UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323079 4

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

189/MLS

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Подъ редакціей М. П. ЧЕХОВОЙ.

Томъ I.

(1876—1887).

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

PG
3458
A4
1912
t.1-3

1104065

поставщикъ двора его величества
т-ва Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
1913

ПРЕДИСЛОВІЕ

(къ первому изданію).

Послѣ смерти моего брата Антона Павловича, въ печати появились нѣкоторыя изъ его писемъ, частью въ извлеченіяхъ, съ большими пропусками, частью съ ошибочными комментаріями и произвольными датами или съ невѣрно прочитаннымъ текстомъ.

При всей своей неполнотѣ и случайности они вызвали общественное вниманіе и были использованы въ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, какъ матеріалы для біографіи и характеристики А. П., хотя для послѣдней цѣли могъ бы послужить только ихъ возможно болѣе полный и систематическій подборъ. Мнѣ кажется, обязанность дать такой подборъ лежитъ прежде всего на семьѣ покойнаго писателя и въ частности на мнѣ, потому что только въ наше распоряженіе могло быть предоставлено значительное большинство сохранившихся писемъ и соотвѣтствующихъ комментаріевъ къ нимъ адресатовъ.

Задача настоящаго изданія—1) исчерпать по возможности всю сохранившуюся переписку А. П. [1]), 2) снабдить ея текстъ необходимыми объясненіями,

---

[1]) Въ силу необходимости въ нѣкоторыхъ письмахъ, опубликованіе которыхъ цѣликомъ оказалось невозможнымъ по цензурнымъ условіямъ или вслѣдствіе слишкомъ интимнаго характера, сдѣланы пропуски, вездѣ обозначенные точками. Изъ имѣющихся у меня матеріаловъ опущены также нѣкоторыя дѣловыя письма, не представляющія общественнаго интереса.

3) предоставить ее читателямъ и будущимъ біографамъ А. П. съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей его текста [1]), правописанія и пунктуаціи, 4) предпослать каждому законченному отдѣлу писемъ соотвѣтствующій біографическій комментарій, составленіе котораго принялъ на себя мой братъ М. П. Чеховъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ письма 1876—1887 гг. Онъ даетъ законченный періодъ жизни и литературной дѣятельности А. П. и вводитъ читателя въ тотъ переломъ, который совершился въ настроеніи и творчествѣ моего покойнаго брата въ концѣ 1887 г. Слѣдующій томъ будетъ посвященъ перепискѣ 1888—1889 гг.

Изданіе будетъ иллюстрировано снимками со всѣхъ сохранившихся въ нашей семьѣ фотографическихъ карточекъ А. П. и нѣкоторыхъ членовъ его семьи, видами, имѣющими отношеніе къ его жизни и творчеству, снимками съ обложекъ его первыхъ сборниковъ, факсимиле нѣкоторыхъ писемъ и рукописей, характерныхъ въ томъ или иномъ отношеніи и показывающихъ, какъ съ годами формировался и мѣнялся его почеркъ. Къ первому тому приложено факсимиле разсказа А. П. для дѣтей «Сапоги въ смятку», написаннаго и иллюстрированнаго имъ самимъ [2]) для его маленькихъ дру-

---

[1]) Значительное большинство писемъ было доставлено мнѣ въ подлинникахъ; ихъ текстъ въ настоящемъ изданіи былъ мною тщательно провѣренъ и печатается съ сохраненіемъ всѣхъ его особенностей. За точность текста тѣхъ немногихъ писемъ, которыя были доставлены мнѣ въ копіяхъ или взяты мною изъ другихъ изданій, ручаться не могу. Письма безъ обозначеній «съ подлинника» или «по копіи» взяты изъ другихъ изданій.

[2]) А. П. вырѣзалъ изъ разныхъ изданій и наклеилъ картинки, очень оригинально примѣнивъ ихъ къ импровизированному тексту. На стр. 245 въ факсимиле пропускъ, потому что въ оригиналѣ отклеился и былъ затерянъ портретъ Кикиши.

зей Киселевыхъ. Очень сожалѣю, что не могла воспроизвести иллюстраціи къ этому разсказу въ ихъ подлинномъ видѣ, въ краскахъ.

Приношу мою сердечную благодарность тѣмъ лицамъ, съ которыми мой покойный братъ велъ переписку, и ихъ наслѣдникамъ за то, что они такъ любезно откликнулись на мой призывъ и предоставили въ мое распоряженіе подлинныя письма и, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, копіи съ нихъ.

Марія Чехова.

Москва, 14 января 1912 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(ко второму изданію).

Сравнительно съ первымъ изданіемъ второе является значительно дополненнымъ и исправленнымъ: въ него включено 43 новыхъ письма; исключены нѣкоторыя письма, ошибочно отнесенныя въ первомъ изданіи къ 1876 — 1887 гг. и, такимъ образомъ, попавшія не на свое мѣсто; вновь пересмотрѣны и дополнены комментаріи къ отдѣльнымъ письмамъ; возстановлены затѣмъ нѣкоторые пропуски въ текстѣ перваго изданія. Общій планъ и характеръ изданія остались тѣ же.

Марія Чехова.

Ялта, 20 окт. 1913 г.

Внизу: бабушка А. П., Ефросинья Емельяновна, дѣдъ, Егоръ Михайловичъ, тетка, Людмила Павловна.
Вверху: мать, Евгенія Яковлевна, отецъ, Павелъ Егоровичъ, дядя Митрофанъ Георгіевичъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(1860—1887).

Антонъ Павловичъ Чеховъ родился 17 января 1860 года въ г. Таганрогѣ, въ домѣ, бывшемъ Гнутова, а нынѣ № 47, по Чеховской (прежде Полицейской) улицѣ. Домикъ этотъ цѣлъ еще и теперь и находится въ глубинѣ двора, какъ разъ противъ воротъ [1]). Дѣт-

---

[1]) О томъ, что Антонъ Павловичъ родился въ этомъ именно домѣ, удостовѣряютъ мать писателя Евгенія Яковлевна и тетка Марѳа Ив. Морозова, нынѣ еще здравствующія.

ство Антона Павловича протекло въ домѣ Моисеева, на Монастырской улицѣ, а отрочество въ собственномъ домѣ его отца на Елисаветинской улицѣ.

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ.

Какъ говорится въ семейной лѣтописи, оставленной отцомъ Антона Павловича, дѣдъ писателя былъ крѣпостнымъ у Черткова, отца того самого Черткова, имя котораго часто упоминается въ связи съ именемъ Л. Н. Толстого. Еще задолго до эмансипаціи, а именно въ 1841 г., дѣдъ Антона Павловича выкупилъ все свое семейство на волю за 3500 руб., по 700 р. за душу, при чемъ дочь Александру получилъ въ придачу. Онъ жилъ тогда въ с. Ольховаткѣ, Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда; купивъ же свободу, переселился въ Область Войска Донского и долгіе годы былъ управляющимъ въ имѣніяхъ извѣстнаго героя 1812 г., графа Платова.

Отецъ писателя Павелъ Егоровичъ былъ одареннымъ человѣкомъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ имѣлъ

пристрастіе къ пѣнію и музыкѣ. По указанію той же семейной лѣтописи, въ 1834 г. онъ учился пѣть по нотамъ у какого-то дьячка Остапа, въ 1837 г. онъ уже игралъ на скрипкѣ. Въ 1840 г. Павелъ Егоровичъ изучалъ сахароваренье на заводѣ Гирша. Отличаясь высокой честностью, онъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ посланъ этимъ Гиршемъ въ Москву съ большими деньгами и все время ѣхалъ съ гуртомъ скота, что, вѣроятно, и дало поводъ нѣкоторымъ біографамъ

Евгенія Яковлевна Чехова въ 1855 году.

думать, что онъ былъ прасоломъ. Въ 1844 г. Павелъ Егоровичъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Таганрогъ, гдѣ сталъ заниматься по конторской части (у

Кобылина), пока, наконецъ, не открылъ въ 1857 г. своей собственной торговли колоніальными товарами, каковую и продолжалъ до самаго своего переселенія въ Москву, а именно до 1876 г. Будучи таганрогскимъ второй гильдіи купцомъ, Павелъ Егоровичъ принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ и въ то же время, въ ущербъ своему собственному дѣлу, увлекался церковнымъ пѣніемъ, дирижировалъ хоромъ, игралъ на скрипкѣ и иногда рисовалъ. Рисованная имъ икона св. Іоанна Богослова и теперь еще цѣла и находится въ ялтинскомъ домѣ Антона Павловича, въ его кабинетѣ.

29 октября 1854 г. Павелъ Егоровичъ женился въ Таганрогѣ на дѣвицѣ Евгеніи Яковлевнѣ Морозовой, матери писателя. Она родилась въ Моршанскѣ и была дочерью интеллигентнаго для того времени купца-суконщика, разъѣзжавшаго со своими товарами по всей Россіи и, наконецъ, основавшагося навсегда въ Таганрогѣ. Онъ былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ и любилъ иностранцевъ, которые называли его «Мосье Морозóфъ». Евгенія Яковлевна умѣла хорошо разсказывать о своемъ путешествіи черезъ всю Россію, которое она совершила, еще будучи ребенкомъ, и всѣ ея дѣти, въ томъ числѣ и Антонъ Павловичъ, очень любили слушать ея разсказы. Ея нѣжный, тихій нравъ, несомнѣнно, достался въ наслѣдство и будущему писателю.

Желая, главнымъ образомъ по настоянію жены, дать своимъ дѣтямъ образованіе какъ можно получше, Павелъ Егоровичъ прислушивался, какое учебное заведеніе въ Таганрогѣ пользуется наибольшей популярностью, и, настроенный мѣстными греками, отдалъ Антона Павловича въ таганрогскую греческую школу. Это было тогда учрежденіе съ анекдотическимъ препо-

даваніемъ, и черезъ два года Антонъ Павловичъ былъ взятъ оттуда и переведенъ въ мѣстную классическую гимназію. О пребываніи писателя въ этой греческой школѣ въ семейныхъ воспоминаніяхъ ничего достовѣрнаго, кромѣ всевозможныхъ курьезовъ и анекдотовъ, не осталось.

Семья Павла Егоровича была обычной патріархальной семьей, какихъ много было полвѣка тому назадъ въ провинціи. Отецъ былъ требователенъ и строгъ, но это вовсе не мѣшало семьѣ жить въ такой завидной дружбѣ, какую рѣдко встрѣтишь теперь. День начинался и заканчивался трудомъ. Всѣ въ домѣ вставали рано, мальчики шли въ гимназію, возвращались домой, учили уроки; какъ только выпадалъ свободный часъ, каждый изъ нихъ занимался тѣмъ, къ чему имѣлъ способность: старшій Александръ устраивалъ электрическія батареи, Николай рисовалъ, Иванъ переплеталъ книги, а будущій писатель сочинялъ. Приходилъ вечеромъ изъ лавки отецъ, и начиналось пѣніе хоромъ: Павелъ Егоровичъ любилъ пѣть по нотамъ и пріучалъ къ этому и дѣтей. Антонъ Павловичъ пѣлъ альтомъ. Кромѣ того, Павелъ Егоровичъ вмѣстѣ съ сыномъ Николаемъ разыгрывалъ по вечерамъ дуэты на скрипкѣ. Евгенія Яковлевна, вѣчно занятая, суетилась въ это время по хозяйству или обшивала на швейной машинѣ дѣтей. Всегда заботливая, любвеобильная, она, несмотря на свои тогда еще сравнительно молодые годы, отказывала себѣ въ ничтожномъ удовольствіи и всю свою жизнь посвящала дѣтямъ. Убѣжденная противница крѣпостничества, она разсказывала своимъ дѣтямъ о всѣхъ несправедливостяхъ и бѣдахъ крѣпостного права и внушала дѣтямъ любовь и уваженіе не только ко всѣмъ, кто былъ ниже ихъ, но и къ маленькимъ птичкамъ и животнымъ и вообще

ко всѣмъ беззащитнымъ существамъ. Вотъ почему Антонъ Павловичъ и говорилъ впослѣдствіи своимъ друзьямъ: «талантъ въ насъ со стороны отца, а душа со стороны матери».

Приходила француженка мадамъ-Шопѐ, учившая дѣтей языкамъ, являлся позднѣе учитель музыки на фортепіано—чиновникъ мѣстнаго отдѣленія Государственнаго банка—и жизнь текла такъ, какъ она течетъ теперь въ большинствѣ провинціальныхъ семей. Главную же особенность семьи Чеховыхъ составляли пѣніе и домашнія богомоленія.

Каждую субботу вся семья отправлялась ко всенощной и, возвратившись изъ церкви, еще долго пѣла у себя дома канонъ. Курилась кадильница, отецъ или кто-нибудь изъ сыновей читалъ ікосы и кондаки, и послѣ каждаго изъ нихъ всѣ хоромъ пѣли стихиры и ирмосы. Утромъ шли къ ранней обѣднѣ, послѣ которой дома всѣ, также хоромъ, пѣли акаѳистъ.

Любитель пѣнія, Павелъ Егоровичъ организовалъ изъ дѣтей правильный хоръ и пѣлъ съ нимъ въ церкви мѣстнаго дворца (въ которомъ въ 1825 г. жилъ и умеръ Александръ I). Здѣсь служба совершалась только въ Страстную недѣлю, въ первый день Пасхи, на Вознесеніе и Троицу. Здѣсь-то и пришлось будущему писателю изучить всю церковную службу и пѣть вмѣстѣ со своими братьями. Утвержденіе нѣкоторыхъ біографовъ, что онъ пѣлъ во дворцѣ вмѣстѣ съ кузнецами, невѣрно, такъ какъ кузнецы здѣсь вовсе не пѣли.

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія была проведена желѣзная дорога изъ Ростова-на-Дону во Владикавказъ, и это сразу уронило въ торговомъ отношеніи Таганрогъ. Всѣ обороты родного города Антона Павловича перешли къ сосѣднему Ро-

стову, и дѣла Павла Егоровича пошатнулись. Онъ перевелъ свою торговлю изъ насиженнаго гнѣзда въ домѣ Моисеева въ ряды на Новый базаръ, но здѣсь дѣла пошли еще хуже. Чтобы избѣжать платы за наемную квартиру, Павелъ Егоровичъ затѣялъ постройку своего собственнаго дома въ кредитъ (теперь это Еврейская богадѣльня), и это окончательно подрѣзало его

дѣла. Къ тому же любовь къ пѣнію, къ посѣщенію церквей и служба по общественнымъ выборамъ отнимали у него слишкомъ много времени. Онъ посылалъ иногда вмѣсто себя въ лавку кого-нибудь изъ своихъ сыновей для «хозяйскаго глаза», начиная со старшаго Александра и кончая самымъ младшимъ—восьмилѣтнимъ Михаиломъ. Замѣняя отца въ лавкѣ, братья Чэховы не лишены были такихъ удовольствій, какія и не снились многимъ ихъ сверстникамъ, городскимъ

мальчикамъ: они на цѣлые дни уходили на море ловить бычковъ, играли въ лапту, ѣздили въ деревню къ дѣдушкѣ, гуляли въ городскомъ саду, устраивали домашніе спектакли. Несмотря на сравнительную строгость семейнаго режима и, въ исключительныхъ слу-

Домъ Моисеева въ г. Таганрогѣ, гдѣ жила семья Чеховыхъ (въ нижнемъ этажѣ былъ магазинъ П. Е. Чехова).

чаяхъ, даже на тѣлесное наказаніе, обычное въ то время почти въ каждой провинціальной семьѣ, всѣ мальчики Чеховы, внѣ сферы своихъ прямыхъ обязанностей, пользовались большой свободой. Къ исполненію же обязанностей они были очень чутки, и о неповиновеніи волѣ отца или матери въ семьѣ не могло быть даже и рѣчи.

Антонъ Павловичъ былъ здоровымъ, головастымъ, подвижнымъ мальчикомъ, неистощимымъ на юморъ, на затѣи. Среди братьевъ онъ былъ тогда самымъ талантливымъ на выдумки: онъ устраивалъ лекціи и сцены, кого-нибудь представляя или кому-нибудь подражая. Утвержденіе нѣкоторыхъ біографовъ, что онъ былъ «всегда нѣсколько вялъ и сыроватъ», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно было представить себѣ болѣе подвижного, веселаго мальчика, чѣмъ онъ былъ въ годы своего отрочества. Въ домашнихъ спектакляхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Будучи еще дѣтьми, братья Чеховы разыграли даже «Ревизора», въ которомъ Антонъ Павловичъ игралъ Городничаго. Устраивали спектакли и на малороссійскомъ языкѣ (про какихъ-то Чупруна и Чупруниху, при чемъ роль Чупруна игралъ Антоша).[1]) Одной изъ любимыхъ его импровизацій была сцена, въ которой градоначальникъ пріѣзжалъ въ соборъ на парадъ въ табельный день и становился посреди храма на коврикѣ въ сонмѣ иностранныхъ консуловъ. Роль градоначальника исполнялъ Антоша. Въ гимназическомъ мундирчикѣ, съ дѣдовской старой шашкой черезъ плечо, онъ удивительно мѣтко схватывалъ черты градоначальника и затѣмъ производилъ смотръ воображаемымъ казакамъ. Старшій братъ Александръ въ это время уже не принималъ участія въ совмѣстной жизни семьи. Онъ считался уже большимъ, жилъ на сторонѣ—у директора гимназіи, а затѣмъ кончилъ курсъ, уѣхалъ въ Москву и съ тѣхъ поръ (съ 1875 года) не возвращался въ семью уже никогда. Уѣхалъ съ нимъ и братъ Николай, и такимъ образомъ молодое поколѣніе Чеховской семьи ограничилось только че-

---

[1]) Вѣроятно, «Москаль—Чарівникъ» Котляревскаго.

тырьмя членами, Антономъ, Иваномъ, Маріей и Михаиломъ, изъ которыхъ Антонъ былъ теперь старшимъ и пользовался наибольшимъ авторитетомъ; имъ судьбой было предназначено не разставаться другъ съ другомъ на долгое время, почти до самой середины девяностыхъ годовъ.

По отъѣздѣ двухъ старшихъ братьевъ въ Москву Павелъ Егоровичъ сталъ едва сводить концы съ концами. Его дѣла окончательно упали. Теперь уже онъ не служилъ по выборамъ, не пѣлъ такъ часто на клиросѣ, хоръ его давно уже распался, и вся жизнь семьи потекла замкнуто, въ сравнительной бѣдности, въ собственномъ домѣ на Конторской улицѣ, на которомъ тяготѣли долги. Цѣлые дни для мальчиковъ проходили въ трудѣ. По вечерамъ Антоша веселилъ всѣхъ своими импровизаціями, или же всѣ дѣти слушали разсказы матери, тетки Ѳедосьи Яковлевны или няни, которая жила у Чеховыхъ долго и ушла только въ послѣдній годъ ихъ пребыванія въ Таганрогѣ. Это была превосходная женщина, умѣвшая удивительно разсказывать эпизоды изъ своей многоопытной жизни. Звали ее Агаѳья Александровна Кумская. Она была въ молодости крѣпостной извѣстныхъ на югѣ Иловайскихъ, была приставлена въ качествѣ подруги къ единственной дочери генерала Иловайскаго, совершила съ ней путешествіе, помогла затѣмъ этой дочери бѣжать изъ дому и выйти замужъ за какого-то барона, за что и была продана въ чужую семью. Она все больше повѣствовала о таинственномъ, необыкновенномъ, страшномъ и поэтическомъ. «Счастье» Антона Павловича безусловно написано подъ впечатлѣніемъ ея разсказовъ.—Евгенія Яковлевна разсказывала своимъ дѣтямъ все больше о быломъ, какъ она дѣвочкой ѣхала въ тарантасѣ черезъ всю Россію—изъ Шуи, Влад. губ.,

въ Таганрогъ, какъ въ Севастопольскую войну Таганрогъ бомбардировали союзники и какъ трудно жилось крестьянамъ во времена крѣпостного права. Разсказы матери имѣли несомнѣнное вліяніе на развитіе дарованія будущаго писателя.

Въ 1876 году, въ апрѣлѣ, Павелъ Егоровичъ окончательно закрылъ свою торговлю и уѣхалъ въ Москву къ двумъ своимъ старшимъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ былъ тогда студентомъ, а другой учился въ Училищѣ живописи и ваянія. Вслѣдъ за тѣмъ и домъ Чеховыхъ былъ проданъ съ банковскихъ торговъ Селиванову. Всю мебель увезъ за долгъ одинъ изъ кредиторовъ, и Евгенія Яковлевна съ семьею осталась ни съ чѣмъ. Ваню и Мишу отправили на время къ дѣдушкѣ въ Платовскую деревню, и для 16-лѣтняго Антоши насталъ серьезный моментъ въ его жизни—онъ долженъ былъ замѣнить собой главу семьи въ моментъ ея полнаго развала.

Три мѣсяца спустя (24 іюля), Евгенія Яковлевна навсегда уѣхала изъ Таганрога къ мужу въ Москву, захвативъ съ собой Машу и Мишу. Антоша и Ваня были оставлены въ Таганрогѣ. Къ веснѣ Ваня тоже былъ выписанъ въ Москву, и Антоша остался совершенно одинъ. Такъ онъ и прожилъ здѣсь въ одиночествѣ цѣлые три года, самъ добывая себѣ средства къ существованію и продолжая свое образованіе въ гимназіи, пока не окончилъ въ ней курса.

Объ этихъ трехъ годахъ его жизни, когда изъ отрока Антоши формировался юноша Антонъ Павловичъ, къ сожалѣнію, въ семейныхъ преданіяхъ сохранилось очень мало. Вѣрнѣе, никто въ переселившейся въ Москву семьѣ ровно ничего не зналъ объ Антонѣ Павловичѣ, кромѣ того, что онъ самъ ей о себѣ писалъ, а это не шло дальше обычнаго утѣшенія и

нравственной поддержки съ обѣихъ сторонъ. Письма Антона Павловича отъ этой эпохи почти не уцѣлѣли, оставшись въ нѣдрахъ многочисленныхъ московскихъ квартиръ, которыя такъ часто мѣняли въ первые годы своей столичной жизни бѣдствовавшіе таганрогскіе переселенцы. Всѣ эти три года Антонъ Павловичъ жилъ у Селиванова, купившаго съ торговъ Чеховскій домъ, и училъ его племянника, казака Кравцова. Несомнѣнно, что онъ совершалъ поѣздки на хуторъ къ этому Кравцову, посѣщалъ шахты, постройки желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ гимназіи въ 1879 году, онъ пріѣхалъ въ Москву, уже умѣя мѣтко стрѣлять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Ѣздилъ онъ и къ брату Селиванова—Ивану Парѳеньевичу, у котораго въ имѣніи познакомился съ степной помѣщичьей жизнью. Ученикомъ VII и VIII классовъ Антонъ Павловичъ очень любилъ ухаживать за гимназистками, и когда его братъ Михаилъ былъ тоже гимназистомъ VII класса, то онъ разсказывалъ ему, что романы его были всегда жизнерадостны. Онъ часто посѣщалъ въ эти три года театръ, любилъ французскія мелодрамы (напр., «Убійство Ковэрлей»), «Гамлета» и такіе фарсы, какъ «Маменькинъ сынокъ», много читалъ. Особенное впечатлѣніе на него производили тогда романы Георга Борна, Шпильгагена и Виктора Гюго. Объ его увлеченіи театромъ въ то время можно судить по тому, что, будучи ученикомъ VII класса, онъ написалъ драму «Безотцовщина» и очень смѣшной водевиль «Не даромъ курица пѣла», которые прислалъ своимъ братьямъ въ Москву. Авторъ этихъ строкъ долго берегъ эти его произведенія, но, пріѣхавъ по окончаніи курса гимназіи въ Москву, Антонъ Павловичъ отобралъ ихъ отъ него и драму разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевиль спряталъ. Будучи гимназистомъ, онъ выписы-

валъ газету «Сынъ Отечества» и самъ издавалъ рукописный журналъ «Заика», предназначенный имъ спеціально для старшихъ братьевъ и посылавшійся въ Москву.

Семья Чеховыхъ въ 1875 году.

Внизу: Мих. Павл., Марія Павл., Павелъ Егор., Евг. Яковл., Людмила Павловна (тетка), Георгій Митроф. (двоюродный братъ А. П.).

Вверху: Иванъ Павл., Антонъ Павловичъ, Николай Павл. Александръ Павл., Митрофанъ Георгіевичъ (дядя А. П.).

Въ августѣ 1879 г. Антонъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву поступать въ университетъ. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а привезъ съ собой въ качествѣ нахлѣбни-

ковъ еще двухъ своихъ товарищей по гимназіи, впослѣдствіи врачей—Д. Т. Савельева и В. И. Зембулатова («Макара»). Это дало возможность семьѣ Чеховыхъ изъ подвальнаго этажа (въ домѣ церкви св. Николая, на Драчевкѣ) перебраться въ лучшую квартиру.

Тогда Павелъ Егоровичъ, послѣ долгихъ мытарствъ, нашелъ себѣ, наконецъ, мѣсто по письменной части въ амбарѣ купца И. Е. Гаврилова и получалъ по 40 р. въ мѣсяцъ, которыхъ далеко не хватало. Самъ Павелъ Егоровичъ жилъ у этого купца, у котораго получалъ и столъ, только иногда навѣдываясь къ своей семьѣ, и волею судебъ Антону Павловичу пришлось сразу же, съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Москву, стать во главѣ семьи. Началась совмѣстная работа по поднятію матеріальнаго положенія семьи. Работали всѣ, кто и какъ могъ и умѣлъ. Въ ту же зиму Антонъ Павловичъ написалъ въ «Стрекозѣ» свой первый разсказъ «Письмо къ ученому сосѣду». Личность отца отошла на задній планъ, и Антонъ Павловичъ замѣнилъ собой и хозяина дома, и отца. Его воля была доминирующей, его мнѣнія стали считаться непогрѣшимыми, и кто знаетъ, что случилось бы со всей семьей, при отсутствіи Александра и Николая, еслибы не пріѣхалъ во-время изъ Таганрога Антонъ. Необходимость добывать деньги во что бы то ни стало заставляла Антона Павловича писать разсказы, Николая—рисовать карикатуры, Иванъ вскорѣ пошелъ въ народные учителя, а маленькій Михаилъ переписывалъ студенческія лекціи и дѣлалъ чертежи. Евгенія Яковлевна и сестра Маша работали, не покладая рукъ. Это было трогательное единеніе всѣхъ членовъ семьи, сплотившихся вокругъ одного центра, Антона, и связанныхъ между собой искренней, чуткой дружбой. «Что ска-

жетъ Антонъ?» «Что подумаетъ Антонъ?» «Какъ къ этому отнесется Антонъ?» стало девизомъ для всей семьи. Его литературные успѣхи и неудачи всегда встрѣчали самое горячее сочувствіе всѣхъ членовъ семьи.

Иванъ Павловичъ былъ назначенъ учителемъ приходскаго училища въ заштатный городъ Воскресенскъ, Московской губ. Тогда это былъ маленькій городишко, скорѣе похожій на небольшое село, съ одной только церковью. Управлялъ имъ полицейскій надзиратель, котораго громко называли городничимъ; жизнь въ немъ еще не была испорчена дачниками и пришлымъ элементомъ и была очень дешева. Окрестности города съ его монастыремъ Новымъ Іерусалимомъ были прекрасны. Въ городѣ стояла батарея, которою командовалъ полковникъ Б. И. Маевскій, человѣкъ очень общительный и живой. Тамъ проживалъ тогда славянофилъ И. Д. Голохвастовъ, много работавшій по вопросу о земскихъ соборахъ. Жена его Ольга Андреевна писала комедіи и драмы. Кромѣ нихъ, было нѣсколько офицеровъ и батарейныхъ дамъ. Пріѣзжая на лѣто къ Ивану Павловичу въ Воскресенскъ, семья Чеховыхъ вошла въ компанію этихъ людей, и когда Антонъ Павловичъ окончилъ въ 1884 г. курсъ университета и тоже пріѣхалъ туда же, то его встрѣтилъ тамъ уже порядочный кругъ знакомыхъ. Центромъ всей воскресенской жизни была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти—Аня, Соня и Алеша, съ которыми сдружился Антонъ Павловичъ и которыхъ онъ вывелъ потомъ въ «Дѣтворѣ». Каждый день вся компанія совершала далекія прогулки, играла въ крокетъ; велись либеральные разговоры о политикѣ, увлекались Щедринымъ. Здѣсь Антонъ Павловичъ познакомился съ военной жизнью, что оказало ему впослѣдствіи услугу при созданіи «Трехъ сестеръ».

XXII

Теперь Антонъ Павловичъ писалъ уже въ «Осколкахъ». Свои сюжеты онъ черпалъ изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя давала ему воскресенская жизнь. Въ двухъ верстахъ отъ Воскресенска была Чикинская земская больница, которой завѣдывалъ извѣстный тогда земскій врачъ П. А. Архангельскій. Слава его, какъ врача-терапевта, была настолько велика, что къ нему съѣзжались на практику студенты-медики послѣднихъ курсовъ и даже молодые врачи. Не миновалъ этого и Антонъ Павловичъ. Онъ скоро сошелся съ П. А. Архангельскимъ, сталъ принимать у него больныхъ и вообще любилъ бывать въ Чикинѣ. Эта больница сблизила его съ больными-крестьянами, открыла передъ нимъ нравы ихъ и низшаго медицинскаго персонала и отразилась въ тѣхъ произведеніяхъ Антона Павловича, въ которыхъ изображаются врачи, больные и фельдшера («Хирургія», «Бѣглецъ», «Токарь»). Пріѣзжалъ въ Чикино и звенигородскій врачъ С. П. Успенскій, молодой человѣкъ изъ семинаристовъ, двигавшій всѣми покровами своего черепа, говорившій на «о» и со всѣми обращавшійся на «ты».

— Послушай, Антонъ Павловъ,—обратился онъ къ Чехову,—я поѣду въ отпускъ, а замѣнить меня некѣмъ... Послужи, братъ, ты за меня. Моя Пелагея будетъ тебя кормить. И гитара есть...

Антонъ Павловичъ согласился и, взявъ съ собой своего младшаго брата Михаила, поѣхалъ въ Звенигородъ. Этотъ маленькій городишко отстоялъ отъ Воскресенска на 21 версту и служилъ административнымъ центромъ всего уѣзда. Принявъ на себя завѣдываніе земской лѣчебницей, Антонъ Павловичъ долженъ былъ, за временнымъ отсутствіемъ и уѣзднаго врача, ex officio исполнять порученія мѣстной администраціи, ѣздить на вскрытія и быть экспертомъ на судѣ.

Пребываніе въ Звенигородѣ далеко не прошло для писателя даромъ: здѣсь онъ посѣщалъ засѣданія уѣздныхъ съѣздовъ и прекрасно познакомился со всѣмъ укладомъ уѣздной чиновничьей жизни. Вообще Воскресенскъ и Звенигородъ сыграли въ литературной жизни Антона Павловича немаловажную роль. На звенигородскихъ впечатлѣніяхъ, напр., основанъ рядъ его разсказовъ («Мертвое тѣло», «На вскрытіи» и т. д.); воскресенскій почтмейстеръ Андрей Егорычъ описанъ имъ въ разсказѣ «Экзаменъ на чинъ».

Въ пяти верстахъ отъ Воскресенска жилъ въ своей усадьбѣ Бабкино помѣщикъ А. С. Киселевъ. Племянникъ знаменитаго дипломата-графа и молдавскаго господаря, А. С. Киселевъ былъ женатъ на Маріи Владимировнѣ Бегичевой, дочери извѣстнаго въ свое время красавца и директора Московскихъ Императорскихъ театровъ В. П. Бегичева, описаннаго Маркевичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ» подъ фамиліей «Ашанинъ». Всѣ они безвыѣздно и зиму и лѣто жили въ Бабкинѣ. Пріѣзжая на лѣто въ Воскресенскъ, семья Чеховыхъ, естественно, должна была встрѣчаться съ Киселевыми, и дѣло кончилось тѣмъ, что съ 1885 г. Чеховы поселились на лѣто въ самомъ Бабкинѣ, куда ихъ пригласили Киселевы; тамъ они прожили у нихъ три лѣта подъ рядъ. Семья Киселевыхъ была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ семей, которыя умѣли примирять сословныя традиціи съ высокою культурностью. В. П. Бегичевъ былъ очень увлекательный человѣкъ, чуткій къ искусству и литературѣ, и братья Чеховы по цѣлымъ часамъ засиживались у него въ его по-женски обставленной комнатѣ и слушали, какъ онъ разсказывалъ имъ о своихъ похожденіяхъ въ Россіи и за границей. Ему Антонъ Павловичъ обязанъ своими разсказами «Смерть чиновника» и «Володя». Марія

Владимировна сама писала въ журналахъ и, страстная рыболовка, по цѣлымъ часамъ стояла съ Антономъ Павловичемъ съ удочкой на берегу и вела съ нимъ литературныя бесѣды. По парку, какъ выражался самъ Антонъ Павловичъ, «бродила тѣнь Болеслава Маркевича», который только за годъ передъ тѣмъ жилъ въ Бабкинѣ и писалъ свою «Бездну». Пѣвецъ, когда-то знаменитый теноръ Владиславлевъ, сдѣлавшій славу популярному романсу «На горѣ, за рѣкой хуторочекъ стоитъ», жилъ тутъ же, пѣлъ свои аріи и романсы и по полторы минуты выдерживалъ fermato. Пѣла и Марія Владимировна. Киселевы были близко знакомы съ Даргомыжскимъ, Чайковскимъ и Сальвини; въ ихъ семьѣ часто поднимались разговоры о музыкѣ, композиторахъ и о драматическомъ искусствѣ. Очаровательныя тогда дѣти—дѣвочка Саша и Сережа—бѣгали по расчищенному старому парку, перекидывались съ Антономъ Павловичемъ шутками и остротами и оживляли жизнь. Охотникъ Иванъ Гавриловъ, садовникъ, плотники, мужики, больныя бабы, приходившія лѣчиться, наконецъ, сама природа, рѣка, лѣсъ, соловьи, дали,—все это давало Антону Павловичу сюжеты, настраивало его, и изъ-подъ его пера выходили такіе чисто-бабкинскіе разсказы, какъ, напримѣръ, «Налимъ».

Позволю себѣ привести здѣсь то, что я писалъ когда-то о пребываніи А. П. въ Бабкинѣ. Просыпались очень рано. Часовъ въ семь утра Антонъ Павловичъ уже сидѣлъ у себя за столикомъ и писалъ. Писалъ онъ тогда въ «Осколки» и въ «Петербургскую Газету», и во всѣхъ почти разсказахъ того времени можно увидѣть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо изъ бабкинскихъ обывателей или изъ обывателей тяготѣвшихъ къ Бабкину деревень. Обѣдали въ часъ.

Послѣ обѣда всей компаніей шли по грибы въ Дараганов-скій лѣсъ. Антонъ Павловичъ былъ страстнымъ любителемъ искать грибы и во время ходьбы по лѣсу легче придумывалъ темы. Близъ Дараганов-скаго лѣса стояла одинокая Полевщинская церковь, всегда обращавшая на себя вниманіе писателя. Въ ней служили всего одинъ разъ въ годъ, и по ночамъ до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторожъ звонилъ часы. Эта церковь, съ ея домикомъ для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала Антону Павловичу мысль написать «Вѣдьму» и «Недоброе дѣло». Возвратившись изъ лѣсу, пили чай. Затѣмъ Антонъ Павловичъ опять писалъ или игралъ въ крокетъ, а въ 8 часовъ ужинали. Послѣ ужина шли въ большой домъ къ Киселевымъ. Это были превосходные вечера. А. С. Киселевъ и В. П. Бегичевъ сидѣли у стола и раскладывали пасьянсы, гувернантка Елизавета Александровна аккомпанировала, теноръ Владиславлевъ пѣлъ, а всѣ Чеховы усаживались вокругъ Маріи Владимировны и слушали ея разсказы о заграницѣ, о Чайковскомъ, Даргомыжскомъ, Сальвини. Я положительно могу утверждать, что любовь къ музыкѣ развилась у Антона Павловича именно здѣсь. Антонъ Павловичъ шутилъ, былъ всегда веселъ, говорилъ глупости. Художникъ И. И. Левитанъ, жившій по сосѣдству въ Максимовкѣ, а затѣмъ переселившійся въ Бабкино, рисовалъ въ альбомъ крымскіе виды, а Антонъ Павловичъ дѣлалъ подъ его рисунками подписи такого, напр., содержанія: «Видъ кипариса передъ вами, Василиса» (Василисой онъ называлъ въ шутку дѣвочку Сашу Киселеву). Дѣти въ свою очередь называли Антона Павловича «Васей». Когда разъ Антонъ Павловичъ поймалъ карася, то дѣвочка сказала ему въ отместку: «Вася поймалъ карася». Въ эти вечера много говори-

лось о литературѣ, искусствѣ, смаковали Тургенева, Писемскаго, Щедринъ не сходилъ съ устъ. Много читали. Получались всѣ толстые журналы и газеты. Благодаря жизнерадостности и природы, и милыхъ обитателей, Антонъ Павловичъ и самъ былъ жизнерадостенъ. Онъ писалъ, критики его хвалили, сулили ему хорошее будущее, онъ былъ здоровъ. Иногда онъ дурилъ. Бывало, въ лѣтніе вечера онъ надѣвалъ съ Левитаномъ бухарскіе халаты, мазалъ себѣ лицо сажей и въ чалмѣ, съ ружьемъ выходилъ въ поле по ту сторону рѣки. Левитанъ выѣзжалъ туда же на ослѣ, слѣзалъ на землю, разстилалъ коверъ и, какъ мусульманинъ, начиналъ молиться на востокъ. Вдругъ изъ-за кустовъ къ нему подкрадывался бедуинъ—Антонъ Павловичъ и палилъ въ него изъ ружья холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ навзничь. Получалась совсѣмъ восточная картина. А то, бывало, судили Левитана. Киселевъ былъ предсѣдателемъ суда, Антонъ Павловичъ—прокуроромъ, спеціально для чего гримировался. Оба были въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ. Антонъ Павловичъ говорилъ обвинительную рѣчь, которая всѣхъ заставляла умирать отъ хохота.

Все текло бы хорошо, еслибы не сравнительное безденежье. Въ «Осколкахъ» Антонъ Павловичъ получалъ очень мало и къ тому же не имѣлъ права писать болѣе опредѣленнаго количества строкъ въ мѣсяцъ, а «Петербургская Газета» подчасъ задерживала плату.

Вотъ почему Антону Павловичу часто приходилось напоминать издателямъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ и большой семьѣ и просить заработанныхъ денегъ.

Къ этому присоединилась новая тревога: въ 1886 году

у Антона Павловича опять появилось кровохарканіе [1]). Конечно, развивалась чахотка, но, повидимому, онъ самъ мало въ это вѣрилъ или утѣшалъ себя тѣмъ, что это не чахотка, а простое кровохарканье, и потому попрежнему старался быть веселымъ, не прочь былъ провести время въ пріятельской компаніи и очень мало заботился о себѣ, не придавая, видимо, значенія своей болѣзни. Съ переѣздомъ на квартиру изъ Головина переулка на Якиманку онъ сталъ спать очень тревожно, его «дергало» во снѣ, онъ скрежеталъ зубами, видѣлъ страшные сны. Впослѣдствіи, уже въ Мелиховѣ, его испугалъ во снѣ черный монахъ, послужившій темой для разсказа того же названія.

Съ переселеніемъ на Якиманку (1886) началось сотрудничество Антона Павловича въ «Новомъ Времени», спеціально для него впослѣдствіи открывшемъ беллетристическіе «Субботники». Сотрудничеству въ «Осколкахъ» теперь уже онъ придавалъ менѣе значенія, для него открывалось болѣе широкое поле дѣятельности. Подъ вліяніемъ письма Григоровича, который первымъ привѣтствовалъ его талантъ, А. П. сталъ серьезнѣе относиться къ себѣ и своей литературной дѣятельности. Въ его творчествѣ и настроеніи назрѣвалъ очевидный переломъ, онъ сталъ разсудительнѣе, все рѣже и рѣже шутилъ, весь отдался литературѣ. Конечно, и годы уже стали брать свое. Къ тому же онъ продолжалъ сильно кашлять по ночамъ. Все же попрежнему онъ любилъ вокругъ себя людей, не могъ обойтись безъ нихъ и устраивалъ у себя журфиксы, которые посѣщала бѣдная молодежь, все больше ученики консерваторіи да кое-кто изъ студентовъ.

---

[1]) Въ первый разъ кровохарканье появилось у А. П. въ концѣ 1884 г. Повидимому, оно было не туберкулезнаго происхожденія.

Совершивъ затѣмъ въ 1887 г. поѣздку на Югъ, А. П. посѣтилъ родныя мѣста, присылалъ оттуда сестрѣ полныя юмора письма, побывалъ въ Святыхъ Горахъ, давшихъ ему сюжетъ для разсказа «Святою ночью». Возвратившись затѣмъ изъ поѣздки въ Москву, Антонъ Павловичъ снова занялся литературой и написалъ пьесу «Ивановъ», которую и поставилъ на сценѣ театра Корша. Ею заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Антона Павловича.

Мих. Чеховъ.

А. П. Чеховъ въ 1874 г.

I.

М. П. Чехову[1]).

(Съ подлинника.)

(Таганрогъ. 1876 г. Іюль.)

Дорогой братъ Миша!

Письмо твое я получилъ какъ разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, огромнѣйшее, пришлось

[1]) Это письмо написано, когда А. П. былъ ученикомъ 5-го класса таганрогской гимназіи.

весьма кстати. Почеркъ у тебя хорошъ и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ одно: зачѣмъ ты величаешь особу свою «ничтожнымъ и незамѣтнымъ братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь гдѣ? Передъ Богомъ, пожалуй, предъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честный малый не ничтожность. Не смѣшивай «смиряться» съ «сознавать свое ничтожество». Георгій [1]) выросъ. Мальчикъ онъ добрый. Я съ нимъ часто играю въ бабки. Посылки твои онъ получилъ. Хорошо дѣлаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временемъ ты эту привычку оцѣнишь. Мадамъ Бичеръ Стоу выжала изъ глазъ твоихъ слезы? Я ее когда-то читалъ, прочелъ и полгода тому назадъ съ научной цѣлью, и почувствовалъ послѣ чтенія непріятное ощущеніе, которое чувствуютъ смертные, наѣвшись не въ мѣру изюму или коринки. Дубаносъ, тебѣ обѣщанный, сбѣжалъ и мѣсто его пребыванія мнѣ весьма мало извѣстно. Умудрюсь привезти тебѣ что-нибудь другое. Прочти ты слѣдующія книги: «Донъ-Кихотъ» (полный въ 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставятъ чуть ли не на одну доску съ Шекспиромъ. Совѣтую братьямъ прочесть, если они еще не читали, «Донъ-Кихотъ и Гамлетъ» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествіе, прочти «Фрегатъ Паллада» Гончарова и т. д. Машѣ черезъ тебя посылаю особенный поклонъ. О томъ, что пріѣду поздно,

---

[1]) Двоюродный братъ, Георгій Митрофановичъ Чеховъ.

Таганрогская гимназія.

не горюйте. Время бѣжитъ живо, какъ ни хвастай скукой. Я привезу съ собой пансіонера, который будетъ платить 20 руб. въ мѣсяцъ и находиться подъ нашимъ собственнымъ вѣдѣніемъ..... Впрочемъ и 20 руб. мало, если принять въ соображеніе московскую дороговизну и мамашинъ характеръ—кормитъ жильца по-божески. Наши учителя берутъ по 350 р., а кормятъ бѣдныхъ мальчишекъ, какъ собакъ, юшкой отъ жаркого.

А. Чеховъ.

II.

М. М. Чехову.

(Съ подлинника).

Таганрогъ. 1876 г. 7-го Декабря.

Любезнѣйшій Братъ
Михаилъ Михаиловичъ! [1])

Я имѣлъ честь и удовольствіе на дняхъ получить ваше письмо. Въ этомъ письмѣ Вы протягиваете мнѣ руку брата; съ чувствомъ достоинства и гордости я пожимаю ее, какъ руку старшаго брата. Вы первые намекнули о братской дружбѣ, это съ моей стороны дерзость. Обязанность младшаго просить старшаго о такомъ предметѣ, но не старшаго; поэтому прошу меня извинить. Но во всякомъ случаѣ одной изъ первыхъ моихъ мыслей, изъ моихъ плановъ—была эта дружба. Я желалъ найти подходящій случай, чтобы съ Вами короче познакомиться, я мечталъ о этомъ и наконецъ

---

[1]) Двоюродный братъ Мих. Мих. Чеховъ, пользовавшійся тогда въ семьѣ Антона Павловича большимъ авторитетомъ. Самъ онъ жилъ всегда въ Москвѣ, семья же его находилась въ Калугѣ. Несмотря на большую разницу въ годахъ, онъ первый написалъ Антону П-чу, тогда еще гимназисту, письмо съ предложеніемъ дружбы. Лично они тогда еще не были знакомы.

получилъ Ваше письмо. Въ письмахъ моего отца, матери и братьевъ Вы занимали первое мѣсто. Мамаша видитъ въ Васъ больше чѣмъ племянника, она ставитъ Васъ наравнѣ съ дядей Митрофаномъ Егоровичемъ, котораго я очень хорошо знаю и про котораго я буду всегда говорить хорошо, за его добрую душу и хорошій, чистый, веселый характеръ. О братьяхъ и говорить нечего. Вы ихъ уже изучили навѣрно и поймете сами. Слѣдовательно Вы дороги для нашей семьи.....

Пріймите отъ меня пожеланіе всевозможныхъ благъ и нижайшій поклонъ а затѣмъ:

Имѣю честь быть Васъ уважающимъ младшимъ братомъ и покорнымъ слугою.

А. Чеховъ.

18 VII—XII 76 года.

Поклонъ Сашѣ[1]) и Колѣ [2]).

Скажите Сашѣ, что я прочелъ «Космосъ». Жаль мнѣ Сашу, онъ не достигъ своей цѣли, прося, чтобъ я прочелъ его. Я остаюсь тѣмъ же и по прочтеніи «Космоса».

Скажите Колѣ, что его картины еще на Курскомъ вокзалѣ въ Москвѣ, пусть пойдетъ, поцѣлуется съ ними. Какъ вредна эта война! Картины его въ ходъ не пускаетъ!

III.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Таганрогъ. 1877 г.).

Милѣйшій братъ Миша!

Извинишь меня, если я немножко задамъ страху. Получаю я сегодня письмо изъ Калуги отъ Саши [3])

---

[1]), [2]) Братья Ант. П-ча Н. П. и А. П. Чеховы.

[3]) Братъ А. П. Алекс. Павл., бывшій тогда на матем. факульт.

и онъ откормленный тобою или былъ пьянъ, или рехнулся. Я это заключаю изъ его письма, которое имѣетъ слѣдующее содержаніе: «Отче Антоніе! Я гощу тамъ-то и тамъ-то... будь такъ любезенъ *пріѣзжайъ* въ Калугу, чѣмъ премного меня обяжешь» и т. д. А на конвертѣ написалъ «очень нужное». Развѣ можно такъ кормить и поить? Почтенный математикъ до того наѣлся, что забылъ, что послѣ й не ставится ъ, и что мнѣ нельзя теперь никуда ѣхать, такъ же какъ и ему нельзя сдѣлаться индюкомъ. Можетъ-быть онъ и теперь индюкъ, но я не знаю, есть ли на немъ перья (на мордочкѣ-то пушокъ есть, это я знаю). А что если бъ и Николая накормилъ бы такъ и напоилъ? Что бы тотъ написалъ? Тотъ вѣроятно пригласилъ бы протанцовать съ нимъ кадриль, забывши различіе половъ, приличіе и разстояніе! Опасно ихъ кормить, опасно!

Просьба: Пришли, пожалуста мнѣ карточку фотографическую твою, брата Гриши [1]) и сестры Лизхенъ[2]) (? сразу видно, что я начитался нѣмецкихъ романовъ). Очень обяжешь. За это я тебѣ отличнаго звѣря привезу, если пріѣду. Поклонъ всѣмъ. А кто обѣщалъ мнѣ писать? Не старшій ли братецъ, который во всемъ долженъ подавать примѣръ младшимъ? Я и забылъ, что теперь постъ, чуть-чуть не вкрутилъ сюда скоромное. Карточки непремѣнно, я знать ничего не хочу.

Напиши, курящій ли ты или нѣтъ? Это мнѣ очень нужно. Пиши пожалуста и кланяйся Гришѣ и Лизѣ. Остаюсь доброжелающій брудеръ, имѣющій одну только швестеръ и кромѣ того четырехъ брудеровъ родныхъ и двухъ брудеровъ двоюродныхъ и эйне

---

[1]) Г. М. Чеховъ, братъ адресата.
[2]) Е. М. Чехова, сестра адресата.

швестеръ такую же и имѣющій все кромѣ денегъ и хорошаго разума.

Уважающій братъ.

Забылъ
18—77 года.
I
2-й день поста.

А. Чеховъ.

За печать и такой конвертъ прошу извинить...

IV.

Ему же.

(Съ подлинника).

6-го Мая 1877 года (Таганрогъ).

Любезный Братъ
Миша!

Извини, братъ, что я тебѣ ничего не написалъ еще послѣ моего пріѣзда въ Таганрогъ. Для тебя постъ труденъ, а для меня Май и Іюнь [1]). Пиши братецъ мнѣ и присылай карточки. Мнѣ совершенно некогда писать. Кланяйся Гришѣ и Елизаветѣ Михайловнѣ. Послѣ Москвы у меня въ головѣ крутится. Лѣтомъ я не пріѣду по весьма простой причинѣ. Министръ финансовъ объяснитъ тебѣ причину. Съ именинникомъ поздравляю тебя и всѣхъ, а затѣмъ, пожелавъ тебѣ всего лучшаго, остаюсь уважающій тебя

Братъ твой *А. Чеховъ.*

Аминь.

18—$\frac{6}{V}$—77 года.

Любезнѣйшая сестрица Елизавета Михайловна!

Посылаю вамъ нижайшій поклонъ съ горчайшимъ упрекомъ. Не знаю, кто виноватъ, что я не имѣлъ удо-

---

[1]) Время экзаменовъ въ гимназіи.

вольствія видѣть васъ предъ моимъ отъѣздомъ. Да послужатъ вамъ въ наказаніе нечаянно стянутые мною духи!

А за симъ пребываю желающимъ вамъ всего лучшаго

А. Чеховъ.

V.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Таганрогъ 1877 г. Май 10).

Любезный братъ Миша!

Не имѣя счастья тебя увидѣть еще разъ, я принимаюсь за чернила. Во-первыхъ позволь тебя братски поблагодарить за все, чѣмъ я пользовался отъ тебя во все пребываніе мое въ Москвѣ, во-вторыхъ душевно радуюсь, что мы разстаемся задушевными друзьями и братьями, а по сему и осмѣливаюсь надѣяться и вѣрю, что 1200 верстъ еще долго будутъ находиться между двумя переписующимися братьями, которые хорошо узнали другъ друга, ничтожнымъ разстояніемъ для поддержки на долгое время нашихъ хорошихъ отношеній. Теперь послѣдуетъ моя просьба, которую ты вѣроятно исполнишь по ея незначительности: Если я буду присылать письма моей мамашѣ чрезъ тебя, то, будь такъ добръ, отдавай ихъ мамашѣ не при всей компаніи, а тайно; бываютъ въ жизни такія вещи, которыя можно высказать только единому лицу вѣрному; вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ меня писать мамашѣ тайно отъ другихъ, которымъ тайны мои (а у меня особаго рода и тайны есть, которыя тебя интересуютъ или нѣтъ, я не знаю. Если хочешь, то я тебѣ ихъ выскажу) вовсе не интересны или, лучше сказать, не нужны. Вторая

и послѣдняя просьба будетъ поважнѣе. Будь такъ добръ, продолжай утѣшать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла въ тебѣ не одного пле-

Е. Я. Чехова.

мянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характеръ такого сорта, что на нее сильно и благотворно дѣйствуетъ всякая нравственная поддержка со стороны другого. Не правда ли глупѣйшая просьба? Но ты поймешь ее, тѣмъ болѣе, что я сказалъ «нравственная», т.-е. духовная поддержка. Для насъ дороже матери

ничего не существуетъ въ семъ разъехидственномъ мірѣ, а посему премного обяжешь твоего покорнаго слугу, утѣшая его полуживую мать. Переписку мы будемъ вести вѣроятно какъ слѣдуетъ. А затѣмъ мимоходомъ замѣчу, что ты не будешь раскаиваться въ томъ, что высказалъ мнѣ многое; мнѣ стоитъ только поблагодарить тебя за довѣріе ко мнѣ. Знай, братъ, что я имъ очень дорожу. Прощай, желаю тебѣ всего лучшаго. Поклонъ Лизѣ и Гришѣ и твоимъ товарищамъ.

Твой братъ *А. Чеховъ.*

VI.

Ему же.

(Съ подлинника).

9-го Іюня 1877 г. (Таганрогъ).

Размилѣйшій Братъ
Михаилъ Михайловичъ!

Виноватъ не только предъ тобою, но и всѣми моими Московскими родичами. Наконецъ утираю потъ отъ лица своего и пишу тебѣ послѣ долгаго двусмысленнаго молчанія. Знаешь, братъ, скажу по совѣсти, что Май для меня, а Страстная недѣля съ постомъ для тебя— самыя жаркія времена года. А въ жаркое время и чай пить некогда, не то что писать. Я чуть съ ума не сошелъ черезъ эти экзамены; всѣ удовольствія и связи міра сего забылъ въ это полное треволненій времячко. Во-первыхъ поздравляю тебя съ войною, а во-вторыхъ съ предстоящей свадьбой, съ хорошимъ зятемъ, съ засватанной сестрой, на свадьбѣ которой я, несмотря на свои преклонныя лѣта, съ большимъ аппетитомъ про-

танцевалъ бы трепака и выпилъ бы съ тобой по махенькой эликсира или контробанды, какъ выражается знаменитый москвичъ «нашъ братъ Исакій». Будь такъ добръ, поздравь сестру за меня съ предстоящимъ торжествомъ и познакомь меня съ твоимъ нареченнымъ зятемъ. Отъ души желаю имъ всего хорошаго. Будь такъ добръ, погуляй и за меня. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я окончилъ экзамены хорошо, т.-е. перешелъ въ седьмой классъ. Кланяйся Гришѣ и Лизѣ. Кстати, если поѣдешь въ Калугу, то передай почтеніе твоей мамашѣ, а моей тетушкѣ и остальнымъ сестрамъ, которыя меня не знаютъ и которыхъ я къ великому неудовольствію моему не знаю. Скажи имъ: «Кланялся молъ вамъ знакомый незнакомецъ, невѣдомая близкая родня; это, скажи, родня близкая, несмотря на то, что отстоитъ на полторы тысячи верстъ отъ богоспасаемаго Шамилева пріюта—Калуги». Меня очень радуетъ, что ты выдаешь замужъ свою сестру; не знаю почему, а радуетъ. Прощай, братъ, семь лѣтъ не будемъ видѣться, дѣла такимъ образомъ клеятся или, говоря Исакіевскимъ языкомъ, «обстоятельства такого сорта», что не прійдется еще разъ проѣхаться по маменькѣ Россіи въ маменьку или матушку Москву къ своей маменькѣ [1]). Пиши почаще, если будетъ время. Пришли карточки, которыя ты обѣщалъ. Нашъ Таганрогъ обнищалъ, аки нилигримъ; хлѣба на полѣ лучше насъ съ тобой; цвѣтутъ лучше московскихъ барышень, сіяютъ ярче червонца, растутъ въ гору, какъ капиталъ отъ 25 процентовъ. Отличные хлѣба. Ждемъ урожая блестящаго. Дай Богъ Россіи побѣдить турку съ трубкой, да пошли урожай вмѣстѣ съ огромнѣйшей торговлей, тогда я

---

[1]) А. П. разсчитывалъ поступить въ университетъ въ Юрьевъ (Дерптъ).

съ папашей заживу купцомъ. Я думаю, что терпѣть еще долго будемъ. Разбогатѣю, а что разбогатѣю, такъ это вѣрно, какъ дважды два четыре (и вырасту подъ потолокъ), такъ я тебя одними только буханцами съ медомъ кормить буду, да виномъ наилучшимъ угощать за твою братскую привязанность, которой ты отвѣчаешь теперь на наше уваженіе и привязанность. Славный ты малый во многихъ отношеніяхъ, скажу я тебѣ безъ лести по-братски. Жить тебѣ еще 100 лѣтъ съ хвостикомъ!

Кланяйся твоимъ товарищамъ, они тоже славный народъ, не похожи на нашу таганрогскую мелочную толпу, т.-е. приказчичью аристократію, которая деретъ носъ оттого, что живетъ не въ Бахмутѣ, а въ портовомъ городѣ. Они мнѣ по душѣ пришлись. Сразу видишь русскій народъ, къ которому имѣемъ честь принадлежать ты и твой покорнѣйшій слуга, твой братъ и пріятель.

А. Чеховъ.

Пиши мнѣ пожалуста почаще! Я не отстану, лишь бы ты успѣвалъ.

VII.

Ему же.

(Съ подлинника).

29-го Іюля 1877 года. (Таганрогъ).

Любезный братъ Миша!

Во-первыхъ поздравляю тебя съ благополучнымъ пріѣздомъ въ Москву изъ Калуги, а во-вторыхъ съ совершеніемъ свадьбы. Желаю моей и твоей сестрѣ всякаго

благополучія, желаю ея мужу здоровья, денегъ и всевозможныхъ земнородныхъ благъ. Дай Богъ, чтобы эта свадьба была не послѣдней въ твоемъ домѣ, не предпослѣдней и не третьей отъ конца, и чтобы всѣ свадьбы проходили бы еще блистательнѣй этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чоховскому[1]) поколѣнію. Спасибо Екатеринѣ Михайловнѣ [2]), она положила начало.. и вотъ не сегодня такъ завтра, Богъ дастъ, я буду гулять на свадьбѣ и у Миши Чохова [3]) и т. д. Наши писали мнѣ, что ты съигралъ свадьбу на славу! Желаю, очень желаю, чтобы побольше было такихъ братьевъ для сестеръ, какъ ты. Мы всѣ для одной сестры не сдѣлаемъ того, что ты дѣлаешь для всѣхъ сестеръ (не исключая и двоюродныхъ). Хвала тебѣ и честь! Одно только досадно: я не былъ на свадьбѣ и не пилъ съ тобой, какъ пилъ въ Москвѣ. А я люблю всевозможныя гульбища, русскія гульбища, сопряженныя съ плясками, съ танцами, съ винопійствомъ.. Однимъ словомъ нашъ братъ Исакій не то, что Акакій. Сіе письмо я пишу тебѣ, находясь въ вожделѣнномъ здравіи и надѣюсь, что оно застанетъ тебя тоже въ добромъ здоровьи и хорошемъ расположеніи духа. Я получилъ пригласительный билетъ 16 сего Іюля и благодарю 1000 разъ за вниманіе. Чего ты мнѣ не пишешь? Пиши, братецъ! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, какъ ты поживаешь, какъ поживаетъ твоя семья, какъ поживаетъ Елизавета Михайловна, съ которой я не успѣлъ хорошо

---

[1]) Адресатъ былъ прозванъ своимъ хозяиномъ—патрономъ, у котораго онъ служилъ, Чоховымъ. Поэтому вся боковая линія калужскихъ Чеховыхъ называлась Чоховыми.

[2]) Двоюродная сестра А. П.

[3]) Адресата.

познакомиться. Гришѣ нижайшій поклонъ. Увидишь моего папашу, такъ скажи ему, что я получилъ его дорогое письмо и очень ему благодаренъ. Отецъ и мать единственные для меня люди на всемъ земномъ шарѣ, для которыхъ я ничего никогда не пожалѣю. Если

П. Е. Чеховъ.

я буду высоко стоять, то это дѣла ихъ рукъ, славные они люди и одно безграничное ихъ дѣтолюбіе ставитъ ихъ выше всякихъ похвалъ, закрываетъ собой всѣ ихъ недостатки, которые могутъ появиться отъ плохой жизни, готовитъ имъ мягкій и короткій путь, въ который они вѣруютъ и надѣются такъ, какъ немногіе.

Взгляни на твоихъ двоюродныхъ братьевъ и на положеніе дяди и тетки и ты согласишься со мной. Скажешь матери, что я послалъ 2 денежныхъ пакета и удивляюсь неполученію. Кланяйся нашему студенту [1]) и скажи ему, чтобы онъ меня извинилъ за то, что я ему не пишу. Я ему собираюсь писать о полигаміи, которой защитникомъ подпишусь я. Саша своего рода хорошій человѣкъ; не знаю, за что онъ считаетъ меня нигилистомъ. Скажи Колѣ, что у Гаврилова [2]) въ магазинѣ были Роза Михайловна и Вѣра Михайловна Эпштейнъ и кланялись ему. Выдумай какое-нибудь рандеву на какомъ-нибудь бульварѣ.

Пришли же карточки, которыя ты обѣщалъ. Я если снимусь, то тебѣ первому пришлю. Кланяйся своимъ товарищамъ по службѣ, а въ особенности Аполлону Ивановичу [3]), который со мной очень хорошо знакомъ и обѣщался даже вести переписку. А особенный же мой самый нижайшій поклонъ передай Елизаветѣ и Александрѣ Михайловнамъ [4]). Пиши мнѣ, я дорожу и горжусь твоими письмами. Я послалъ въ Калугу отвѣтъ на пригласительный билетъ. Кланяйся Петровымъ [5]) и пожелай всего лучшаго желающему тебѣ всего и уважающему тебя брату А. Чехову.

Ну, что каковъ Ваня? [6])

---

[1]) Брату Александру Павловичу, бывшему въ это время студентомъ Московскаго университета.

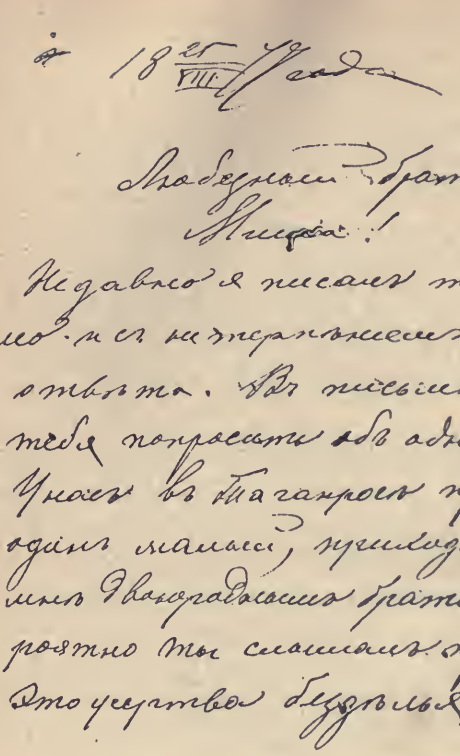
[2]) Фирма, въ которой служилъ адресатъ.

[3]) Сослуживецъ адресата.

[4]) Сестрамъ адресата.

[5]) Семья зятя адресата.

[6]) Братъ, А. П., Иванъ Павловичъ, который въ это время только что пріѣхалъ изъ Таганрога въ Москву на постоянное жительство.



Факсимиле письма къ М. М. Чехову.

VIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 $\frac{25}{VIII}$ 77 года. (Таганрогъ).

Любезный братъ Миша!

Недавно я писалъ тебѣ письмо и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта. Въ письмѣ я забылъ тебя попросить объ одной вещи. У насъ въ Таганрогѣ прозябаетъ одинъ чамаси, приходящійся мнѣ двоюроднымъ братомъ. Вѣроятно ты слышалъ про него. Это существо бездѣлья и бездѣнья

малый, приходящійся мнѣ двоюроднымъ братомъ [1]). Вѣроятно ты слышалъ про него. Это жертва бездѣлья и безденежья, благодаря своему малолѣтству. Современная работа—учиться ему не въ моготу; остается одно, а именно обратиться къ тебѣ. Если есть только возможность, потому что невозможнаго въ этомъ достаточно, то будь такъ добръ, повторяю, если возможно, опредѣлить сего малаго гдѣ-нибудь въ мальчики. Онъ мальчикъ хорошій и трудолюбивый. Если ты его опредѣлишь къ Гаврилову, то благо сдѣлаешь. Откровенно сказать, это тебя стѣснитъ немножко, потому что онъ будетъ считаться твоимъ родственникомъ и лежать какъ бы на твоей отвѣтственности. Это я знаю и сужу откровенно, ставя себя на твое мѣсто. Напиши, какъ быть съ нимъ, и дѣлай ради Бога такъ, чтобы себя не стѣснить. Повторяю, мальчикъ онъ хорошій. Кланяйся Гришѣ и Лизѣ. (А если другая сестра въ Москвѣ, то и ей). Прощай, будь здоровъ и богатъ,

твой братъ А. Чеховъ.

Если будутъ деньги, то на Рождество увидимся.

IX.

Ему же.

(Съ подлинника).

Таганрогъ. 4-го Ноября 1877 года.

Дорогой братъ Миша!

Имѣю счастье поздравить тебя съ днемъ твоего Ангела и пожелать тебѣ всего того, что можетъ быть лучшимъ на землѣ; желаю тебѣ, во-первыхъ здоровья, во-вторыхъ кучу денегъ, а въ-третьихъ во всемъ благое

[1]) Двоюродный братъ по матери.

поспѣшеніе и счастья всей твоей семьѣ, которая для тебя дороже всего на свѣтѣ, какъ и наша семья—мнѣ. Виноватъ, братъ, я предъ тобою всѣмъ существомъ своимъ, очень виноватъ и прошу извиненія. Не писалъ я тебѣ за неимѣніемъ времени, въ которомъ я чувствую недостатокъ. Карточку я получилъ и очень благодаренъ. Ты и сестра Лиза очень похожи, Гриша тоже. Я у тебя значитъ въ долгу. Я здоровъ, а коли здоровъ, то значитъ и живъ; одна у меня только болѣзнь секретная, которая мучитъ меня, какъ зубная боль—это безденежье. Давно ужъ я не получалъ писемъ изъ Москвы ни отъ родителей, ни отъ тебя. А скука смертельная! Какъ ты поживаешь? Напиши пожалуста! Спасибо за поклонъ, который ты прислалъ мнѣ въ письмѣ къ дядѣ Митрофану Егоровичу. У насъ въ Таганрогѣ нѣтъ ничего новаго, рѣшительно ничего! Смертельная скука! Былъ я недавно въ таганрогскомъ театрѣ и сравнилъ этотъ театръ съ вашимъ московскимъ. Большая разница! И между Москвой и Таганрогомъ большая разница. Если только кончу гимназію, то прилечу въ Москву на крыльяхъ, она мнѣ очень понравилась. Напиши мнѣ, если будетъ время, письмо и я тебѣ буду очень благодаренъ..... Напиши пожалуста, какъ ты живешь, какъ поживаетъ твоя семья, чѣмъ премного меня обяжешь. Ну что, какимъ тебѣ показался братъ Ваня? Передай поклонъ Гришѣ, Елизаветѣ Михайловнѣ и Александрѣ Михайловнѣ и скажи имъ, что я желаю отъ души имъ всякаго благополучія. Кланяйся своимъ товарищамъ по должности. Не оставляй же братъ меня безъ писемъ и извини за долгое молчаніе.

Будь живъ и здоровъ.

Братъ твой *А. Чеховъ.*

А. П. въ день окончанія курса гимназіи въ 1879 году.

X.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 16/IV 78. (Таганрогъ).

Любезный братъ Миша!

Христосъ Воскресъ и Воистину Воскресъ! Имѣю счастье поздравить тебя съ высокоторжественнымъ Праздникомъ и пожелать тебѣ всего лучшаго. Привѣтствую и поздравляю твое дорогое семейство и желаю ему счастья, богатства и здоровья. Передай поклонъ Гришѣ и Елизаветѣ Михайловнѣ, съ которыми я заочно

христосуюсь. Поклонъ твоимъ товарищамъ по службѣ, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться.

Будь здоровъ. Желаю тебѣ многая лѣта.

А. Чеховъ.

XI.

Н. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Москва. 1880. Май.

Любезнѣйшій
Николай Павловичъ.

Ты поручилъ мнѣ идти къ Аванцо [1]) за деньгами для матери и для заключенія надлежащихъ условій,

А. П.—студентъ 1-го курса 1880 г.

---

[1]) Художественный магазинъ въ Москвѣ.

но вмѣстѣ съ симъ ты былъ толикимъ быкомъ, что не оставилъ мнѣ довѣренности въ видѣ: «Подателю сего и прочее». Будучи увѣренъ, что ты пришлешь сію довѣренность, остаюсь твой доброжелатель и бла-

А. П. Чеховъ въ 1881 г.

годѣтель, братъ твой строгій, но справедливый. А. Чеховъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю тебя, косой Иванъ Ивановичъ Приклонскій и косой Иванъ Ивановичъ Лядовъ и косой Иванъ Ивановичъ Лобода и косой Иванъ Ивановичъ Епякинъ и косой Чеховъ [1]), что по анато-

[1]) Всѣми этими именами А. П. въ шутку называлъ своего брата Н. П. за его привычку прищуривать одинъ глазъ.

міи я получилъ 3 (sic!), а по нѣмецкому у Юлія Цезаря Ф. 4.

А. Чеховъ.

XII.

Д. Т. Савельеву [1]).

(Москва. 1882 г.).

Душа моя, милый мальчикъ!

Дѣло въ томъ, что хоть въ петлю залѣзай... Рыскалъ вчера цѣлый вечеръ и окромя 5 руб. да пьянственнаго состоянія ни... не добылъ. Иду сейчасъ рыскать. Авось! Ты меня извини... но чертъ меня дернулъ не жениться еще до сихъ поръ на богатой купчихѣ! Твой *Чеховъ.*

XIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1882 г. Ноябрь 8.)

Таможенный [2]) братъ мой Александръ!

Прежде всего увѣдомляю тебя, что все обстоитъ благополучно. Во вторыхъ изъ «Московскаго Листка» слѣдуетъ тебѣ 19 р. 45 к. Изъ оныхъ 10 р. я, согласно раньше писанному, отдаю Федѣ. Остальные высылаю по полученіи въ Танроцкую[3]) Таможню. Не выкупить ли мнѣ и туфли, или же подождать съ туфлями? Я безденеженъ. Твои пахабныя письма получаемъ, читаемъ,

---

[1]) Товарищъ А. П. по гимназіи и университету. Адресатъ просилъ у Антона П-ча денегъ взаймы.

[2]) Александръ Павл. служилъ въ таможнѣ.

[3]) Таганрогскую.

гордимся и восхищаемся. Не блуди, не блудимъ будеши..... Медициной занимаюсь. Операція каждый день. Скажи Аннѣ Ивановнѣ, ( )[1]) что зрителевскій Дѣдъ газетчикъ умеръ въ клиникахъ отъ cancer prostatae. Живемъ по маленьку. Читаемъ, пишемъ, шляемся по вечерамъ, пьемъ слегка водку, слушаемъ музыку и пѣснопѣнія et цетера... Къ тебѣ имѣю просьбы:

1) Поймай мнѣ маленькаго контрабандистика и пришли.

2) Умоли Анну Ивановну принять отъ меня выраженіе всевозможныхъ не ехидныхъ и безвредныхъ чувствъ, тысячу поклоновъ и пожеланіе быть «сцасливымъ Саса»[2]).

3) Умоли (Candem) описать тотъ спиритическій сеансъ, который она видѣла гдѣ то, въ Тульской г., кажется. Пусть опишетъ кратко, но точно: гдѣ? какъ? кто? кого вызывали? говорилъ ли духъ? въ какое время дня или ночи и какъ долго? Пусть опишетъ. Описаніе да потрудится прислать мнѣ. Весьма нужно. Я буду ей весьма благодаренъ и за сію услугу заплачу услугой.

4) Не убей.

5) Напиши мнѣ стихи.

....когда я малъ
.....сталъ
.....я генералъ... Помнишь?

Тоже очень нужны. Напиши и ихъ, и чьи они..

6) Пиши почаще, но поподробнѣй. Твои письма, (если въ нихъ есть что нибудь, кромѣ тульскихъ стиховъ и описанія Тулы) я причисляю къ первостатейнымъ произведеніямъ и охраняю ихъ. Описывай.

---

[1]) Въ скобкахъ рисунокъ женской головки.

[2]) Такъ адресата называли таганрогскіе греки за то, что онъ зналъ греческій языкъ.

7) Кромѣ. Сказуемое есть то, что говорится въ предложеніи о подлежащемъ, то же, что не говорится, не есть сказуемое.. А по этому возьми у дяди карточку, гдѣ мы сняты группой (я, ты, Иванъ и Ник.). Помнишь, что у Страхова снимались? Вышли оную. Необходимо.

За тобой все таки скучно, хоть ты и пьяница.

Скажи Аннѣ Ивановнѣ, что ея Гаврилка лжетъ, какъ сукинъ сынъ. Страсть надоѣлъ!

. . . . . .

Пописываю, но мало. Чти въ «Мірскомъ Толкѣ» мои «Цвѣты запоздалые» [1]). У дяди возьми.

Работаю опять въ Питерѣ.

. . . . . Прощайте, до свиданья.

А. Чеховъ.

Пріѣзжай на праздникахъ. Насчетъ бумагъ не справлялся. Если за тобой нѣтъ недоимокъ, то дерни ка письмо декану! Деканамъ кстати дѣлать нечего.

Исправно ли дядя получаетъ газеты?

. . . . . .

Извините, но надо же что-нибудь написать на пустомъ мѣстѣ? Что же изъ этого выйдитъ? Ну пущай ничего не выйдитъ.. Но чтожъ изъ этого выйдитъ?

XIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

2. 25. 12 (1882 г. Дек. 25. Москва).

Уловляющій контрабандистовъ-человѣковъ-вселенную, таможенный братъ мой, краснѣйшій изъ людей Александръ Павлычъ!

---

[1]) Разсказъ А. П. въ московской газетѣ «Мірской Толкъ», напечат. въ 1882 г. въ №№ 37, 39 и 41. Подпись: А. Чехонте.

Цѣлый мѣсяцъ собираюсь написать тебѣ и наконецъ собрался.

. . . . . .

1) Погода прелестная. Солнце—18. Нѣтъ выше наслажденія, какъ прокатить на извозчикѣ. На улицахъ суета, которую ты начинаешь уже забывать, что слишкомъ естественно. Извозчики толкаются съ конкой, конки съ извозчиками. На тротуарахъ ходить нельзя, ибо давка всесторонняя. Вчера и позавчера я съ Николкой изъѣздилъ всю Москву и вездѣ такая же суета. А въ Таганрогѣ? Воображаю вашу тоску и понимаю васъ.—Сегодня визиты. У насъ масса людей ежедневно, а сегодня и подавно. Я никуда: врачи настоящіе и будущіе имѣютъ право не дѣлать визитовъ.

2) Новый редакторъ «Европейской Библіотеки» Путята сказалъ, что все тобою присылаемое и присланное будетъ напечатано. Ты просилъ денегъ впередъ: не дадутъ, ибо жилы. Заработанныя деньги трудно выцарапать, а... Между прочимъ (это только мое замѣчаніе) переводъ не вездѣ хорошъ. Онъ годится, но отъ тебя я могъ бы потребовать большаго: или не переводи дряни, или же переводи и въ то же время шлифуй. Даже сокращать и удлинять можно. Авторы не будутъ въ обидѣ, а ты пріобрѣтешь реномэ хорошаго переводчика. Переводи мелочи. Мелочи можно передѣлывать на русскую жизнь, что отниметъ у тебя столько же времени, сколько и переводъ, а денегъ больше получишь. Передѣлку (короткую) Пастуховъ [1]) напечатаетъ съ удовольствіемъ.

3) По одному изъ послѣднихъ указовъ лица находящіяся на государственной службѣ не имѣютъ права сотрудничать.

---

[1]) Редакторъ «Московскаго Листка».

4) Гаврилка Сокольниковъ изобрѣлъ электрическій двигатель. Изобрѣтеніе серьезное и принадлежащее только ему одному. Онъ шельма отлично знаетъ электри-

А. П. студентомъ въ 1882 г.

чество, а въ нашъ вѣкъ всякій знающій оное, изобрѣтаетъ. Поле широчайшее.

5) Николка [1]) никогда никому не пишетъ. Это— особенность его косого организма. Онъ не отвѣчаетъ даже на нужныя письма и не давно утерялъ тысячный

---

[1]) Братъ Ник. Павл.

заказъ только потому, что ему некогда было написать Лентовскому.

6) «Зритель» [1]) выходитъ. Денегъ много. Будешь получать.. Пиши 100—120—150 строкъ. Цѣна 8 коп. со строки. Въ Будильникъ не совѣтую писать. Тамъ новая администрація (Курепинъ и ....) отвратительнѣй прежней. Если хочешь писать въ «Мірской Толкъ» то пиши на мое имя. Это важно. Вообще помни, что присланное на мое имя имѣетъ болѣе шансовъ напечататься, чѣмъ присланное прямо въ редакцію. Кумовство важный двигатель, а я кумъ.

7) *Черезъ недѣлю.* Новый годъ встрѣчали у Пушкарева [2]). Видѣли тамъ Гаврилку во фракѣ и Наденьку въ перчаткахъ.

8) Денегъ ни ни... И т. д.

Не могу писать! Лѣнь и некогда.

А. Чеховъ.

XV.

Ему же.

(Съ подлинника).

4-го Января (или вѣрнѣе 5-го) [3]) *83. (Москва).*

Военачальниковъ, столоначальниковъ, Христолюбивое воинство... Васъ всѣхъ...

Съ симъ письмомъ посылается въ Питеръ другое. Въ семъ году ты получаешь въ даръ отъ меня лучшій изъ юморист. журналовъ «Осколки», въ коихъ работаю. Что это лучшій журналъ, ты убѣдишься. Имя мое въ немъ: Человѣкъ безъ с, ... и т. д.

---

[1]) Журналъ, издававшійся В. В. Давыдовымъ.

[2]) Издатель «Свѣта и Тѣней».

[3]) Скобки А. П.

Это не обѣщаніе, а дѣло. Съ твоимъ письмомъ идетъ и письмо къ Лейкину въ «Осколки».

«Курьеръ» воспрещенъ. Съ Февраля будешь получать Русскія Вѣдомости. Письмо съ 5 печатями Марьей получено. Пиши.

А. Чеховъ.

«Зритель» выходитъ. Изъ всѣхъ его недостатковъ одинъ въ особенности бросается въ глаза: въ немъ нѣтъ секретарши А. И., которой и кланяюсь.

На праздникахъ я послалъ тебѣ письмо.

XVI.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника).

83 $\frac{5}{II}$ (Москва).

Милостивый Государь

Михаилъ Михайловичъ!

Вашу рукопись[1]) я показывалъ въ двухъ редакціяхъ, самъ прочелъ и въ общемъ пришлось покончить казенною фразой: «по случаю накопленія матеріала и т. д.» Для ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ она неудобна, потому что велика, въ большой же журналъ ее не примутъ, потому что она не серьезна *по формѣ*, хотя и занялась серьезной задачей. Форма и стихъ, по моему мнѣнію, потерпятъ въ редакціи большого журнала фіаско послѣ первыхъ 3—4-хъ строкъ. Жаль будетъ, если этотъ далеко не плохой трудъ пропадетъ даромъ. Вы навѣрное видѣли въ печати вещи во много разъ

---

[1]) Рукопись Миши Евстигнѣева—московскаго писателя-сказочника.

худшія. Есть одинъ исходъ: можно выпустить отдѣльнымъ изданіемъ, т.-е. продать на Никольской. Ходовъ и выходовъ Никольскихъ я не знаю, но у меня есть пріятели спеціалисты по этой части. Если авторъ затруднится самъ взяться за продажу въ рабство своего дѣтища, то я могу попросить пріятеля похлопотать, узнать, спросить.. Обѣщать исполненія сего въ скоромъ времени не могу, ибо не знаю, когда увижу единаго изъ оныхъ пріятелей.

Наши Вамъ кланяются.

Уважающій Васъ

Антонъ Чеховъ.

XVII.

А. Н. Кананову.

(Съ подлинника).

3 $\frac{26}{III}$ (1883 г. Москва).

Многоуважаемый

Александръ Николаевичъ!

Тысячу разъ ужъ успѣлъ я мысленно поблагодарить за Ваше первое письмо, бывшее отвѣтомъ на мою просьбу, а нынѣ присовокупляю другую тысячу ради Вашего новаго письма. Генеральскій адресъ получилъ и оный вручилъ по принадлежности. О результатахъ ничего не знаю; на дняхъ наведу справки. Надъ грязной землей свѣтитъ такое хорошее солнце, въ воздухѣ такъ пахнетъ весной, что лѣнь и нѣтъ силъ сидѣть въ комнатѣ, а у меня—увы мнѣ!—работы по горло: экзамены, хлѣбъ насущный... Люблю весну, а между тѣмъ менѣе всего пользуюсь ей. По неволѣ поэтомъ не будешь: боги та-

ланта не дали, а соціальныя условія весну отнимаютъ. Лѣтомъ по Россіи ѣздить буду. Работаю литературно все больше на Питеръ. Ваши Питерскія денежки ѣмъ. Думаю и къ Вамъ проѣхаться.

У Корша скандалъ большущій. Грязная муха можетъ всю стѣну опачкать, а маленькій грязненькій поступочекъ можетъ испортить все дѣло. Вышло все изъ-за пустяковъ: изъ-за денегъ. Я не слѣдилъ за ходомъ скандала и всей сути не знаю. Напишу Вамъ то, что слышалъ.

Отъ Корша отдѣлились безповоротно: Писаревъ, Глама и Бурлакъ т. е. вся соль труппы. Газетчики утверждаютъ (въ частныхъ бесѣдахъ), что виноватъ во всемъ Писаревъ и К°. Тоже утверждаютъ и всѣ вертящіеся вокругъ и около газетнаго дѣла. Враги вышеписанныхъ трехъ лицъ буквально торжествуютъ, а друзья разсказываютъ про нихъ то, чего раньше не разсказывали. Не думаю, чтобы въ данномъ случаѣ газетчики плясали подъ чужую дудку и интриговали.. Что то неладное есть среди артистовъ.. что то такое этакое..., а что именно, формулировать не берусь пока. Писаревъ купно съ Гламой и Бурлакомъ ходили къ Малкіелю нанять у него его Пушкинскій театръ, но Малкіель отказалъ. Куда они направятъ теперь свои стопы, мудрено сказать. Кто остался у Корша? Не знаю. Судьба Свободина мнѣ тоже не извѣстна. Узнаю—напишу.

Вообще дѣло такое пакостное, въ глазахъ публики запутанное, что необходимо выслушать обѣ стороны, чтобы сказать что нибудь, похожее на правду. Жаль русскій театръ и очень жаль, что сбылось одно мое маленькое пророчество: разъ на выставкѣ [1]), бесѣдуя съ Вами

---

[1]) Всероссійской въ Москвѣ.

(вы конечно не помните, да и помнить тутъ особенно нечего), я бранился въ то время, когда Вы хвалили. Похваливъ, и Вы съѣхали на минорный тонъ. Мы пришли къ соглашенію, что у нашихъ г.г. актеровъ все есть, но не хватаетъ одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите такъ выразиться, джентльменства въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Минуя пьянство, юнкерство, безшабашное пренебреженіе дѣломъ, скверненькое заискиваніе популярности, мы остановились съ Вами на этомъ отсутствіи внутренняго джентльменства;—тѣ же сотрудники «Московскаго Листка»! (Исключенія есть, но ихъ такъ мало!) Народъ порядочный, но не воспитанный, портерный.. И бранясь такимъ манеромъ, я высказалъ Вамъ свою боязнь за будущность новаго театра. Театръ не портерная и не татарскій ресторанъ, онъ... (слѣдуетъ опредѣленіе театра)..., а разъ внесенъ въ него портерный или кулачническій элементъ, не сдобровать ему, какъ не сдобровать университету, отъ котораго пахнетъ казармой..

Впрочемъ, все это длинно.. Я слишкомъ сердитъ за театръ и готовъ два дня говорить на эту тему, но не писать. Жду къ себѣ Кичеева. Потолкую съ нимъ о занимаемомъ Васъ вопросѣ. Со всѣми потолкую и, если услышу что либо интересное, то сообщу по Вашему адресу. А пока кланяюсь двумя головами (своей и Николаевой) и прошу не забывать, что у Васъ есть покорнѣйшій слуга.

А. Чеховъ.

Не съѣздить ли намъ какъ нибудь мимоѣздомъ въ Воскресенскъ? Стоитъ..

Въ Питерѣ быть можетъ побываю лѣтомъ.

Коли увидите А. Д. Бродскаго, то поклонъ ему. Онъ *очень* порядочный малый.

XVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

1883 г. (Москва. Мартъ).

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ нѣсколько разсказовъ и отвѣтъ на Ваше письмо.

Вы à propos замѣчаете, что мои «Верба» [1]) и «Воръ» [2]) нѣсколько серьезны для «Осколковъ». Пожалуй, но я не посылалъ бы Вамъ не смѣхотворныхъ вещицъ, если бы не руководствовался при посылкѣ кое-какими соображеніями. Мнѣ думается, что серьезная вещица, маленькая, строкъ примѣрно въ 100, не будетъ сильно рѣзать глазъ тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ «Осколковъ» нѣтъ словъ «юмористическій и сатирическій», нѣтъ рамокъ въ пользу безусловнаго юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легенькая, въ духѣ журнала, содержащая въ себѣ фабулу и подобающій протестъ, насколько я успѣлъ подмѣтить, читается охотно, спрѣчь не дѣлаетъ суши. Да у Васъ же изрѣдка, кстати сказать, между вещицами остроумнѣйшаго И. Грэка попадаются вещицы, бьющія на серьезъ, но тоненькія, граціозныя, такія, что хоть послѣ обѣда вмѣсто дессерта ѣшь. Онѣ не дѣлаютъ контры, а напротивъ.. Да и Ліодоръ Ивановичъ [3]) не всегда остритъ, а между тѣмъ едва ли найдется такой

---

[1]) Напечатано въ «Осколкахъ» № 15, 1883 г.; подпись: А. Чехонте.

[2]) Тамъ же № 16, 1883 г. Подпись та же.

[3]) Л. И. Пальминъ.

читатель «Осколковъ», который пропускаетъ его стихи, не читая. Легкое и маленькое, какъ бы оно ни было серьезно (я не говорю про математику и кавказскій транзитъ), не отрицаетъ легкаго чтенія.. Упаси Боже отъ суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, который въ то же время и ссыльный, не зарѣжетъ номера. (Да и, правду сказать, трудно за юморомъ угоняться! Иной разъ погонишься за юморомъ да такую штуку сморозишь, что самому тошно станетъ. Поневолѣ въ область серьеза лѣзешь).. Къ Троицѣ я пришлю Вамъ что-нибудь зеленое, à la Верба. Буду серьезничать только по большимъ праздникамъ.

Аг. Единицыну я написалъ. Это мой братъ [1]), нынѣ чиновникъ, работавшій въ послѣдніе годы въ московскихъ изданіяхъ. Работалъ сильно и въ свое время съ успѣхомъ: жилъ письмомъ. Былъ малый юмористомъ, ударился въ лиризмъ, въ фантасмагорію, и кажется... погибъ для авторства. Хочется удрать отъ лиризма, но поздно, увязъ. Его письма полны юмора, ничего смѣхотворнѣй выдумать нельзя, но какъ станетъ строчить для журнала—бѣда, ковылять начнетъ. Будь онъ помоложе, изъ него можно было бы сдѣлать не дюжиннаго работника. Юмористъ онъ не плохой. Это можно видѣть изъ одного того, что въ Таганрогскую Таможню поступилъ, когда ужъ оттуда все повыкрали. Я написалъ ему и онъ пришлетъ Вамъ навѣрное что-нибудь.

А за симъ остаюсь всегда готовымъ къ услугамъ

А. Чеховъ.

На 1-й день Пасхи я послалъ Вамъ разсказъ: «Ваня, мамаша, тетя и секретарь» [2]). Получили?

---

[1]) Александръ Павловичъ.

[2]) «Осколки» № 19 за 1883 г.; подпись: А. Чехонте. Въ полномъ собраніи сочиненій наз. «Случай съ классикомъ».

XIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Мартъ).

Любезный другъ
Сашинькёхъ!

Письмо твое поганое получилъ и оное читалъ съ упрекомъ въ нерадѣніи. Я читалъ твое письмо тетенькѣ, Семенъ Гавриловичу, Сергѣй Петровичу, Иванъ Егорычу и всѣмъ оно понравилось. Сергѣй Петровичъ прослезился, несмотря даже на то оскорбленіе, которое ты по неразумію своему и гордынѣ нанесъ величію боговъ. Осколки ты будешь получать. Я вчера еще разъ писалъ Лейкину, а Лейкинъ исполняетъ мои прошенія съ особенною ревностью: я у него одинъ изъ солидныхъ бджёлъ [1]). Журналъ, какъ увидишь, умно составляемый и ведомый, хорошо раскрашиваемый и слишкомъ либеральный. Тамъ у меня, какъ ты увидишь, проскочили такія вещи, какія въ Москвѣ боялись принять въ лоно свое даже безцензурныя изданія. Боюсь, чтобы его не прихлопнули. Получаю отъ Лейкина 8 коп. за строчку. Гонораръ наиаккуратнѣйшимъ образомъ высылается каждое первое число.

Зритель и выходитъ аккуратно и платитъ аккуратно. Я заработалъ уже въ немъ рублей 90.

Становлюсь популярнымъ и уже читалъ на себя критики. Медицина моя идетъ crescendo. Умѣю врачевать и не вѣрю себѣ, что умѣю... Не найдешь, любезный, ни одной болѣзни, которую я не взялся бы лѣчить.. Скоро экзамены. Ежели перейду въ V курсъ, то, зна-

---

[1]) «Пчелъ» (таганрогскій жаргонъ).

читъ, finita la comedia... Не имѣя усовъ, знаній и возраста прійдется вступить па стезю Захарьиныхъ и Циркуненковъ.. Матерія скучная.. Пиши, любезный.

А. Чеховъ.

XX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Апрѣль).

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ и письмо, и гонораръ. Merci. Пророчество Ваше относительно моего писанія вѣроятно сбудется: буду писать. Половина работы отложена на послѣ лѣта: выигрываю въ веснѣ и проигрываю въ лѣтѣ.

Съ половины апрѣля начну строчить «дачные разсказы». Въ прошломъ году они у меня удавались. Напишу кучу и пришлю вамъ на выборъ; остальное послѣ Вашего выбора Москвѣ матушкѣ. Посылаю Вамъ статейку («Трубка») Агаѳопода Единицына, московскаго писаки. Просилъ переслать

Еще объ одномъ: пришлите мнѣ для моей библіоѳики единую изъ Вашихъ книжекъ. Какую именно, не знаю. Жилъ во время оно въ провинціи и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ Вашихъ читателей

Особенно врѣзался въ мою память одинъ разсказъ, гдѣ купцы съ пасхальной заутрени приходятъ. Я захлебывался, читая его. Мнѣ такъ знакомы эти ребята, опаздывающіе съ куличемъ, и хозяйская дочка, и праздничный «самъ», и сама заутреня..

Не помню только, въ какой это книжкѣ.. Въ этой же книжкѣ, кстати сказать, есть фраза, которая врѣзалась въ мою память: «Тургеневы разные бываютъ»—фраза,

сказанная продавцемъ фотографій. Вотъ Вамъ 2 признака желаемой книжки. Есть впрочемъ одинъ и третій: она должна быть изъ первыхъ. А за симъ примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи отъ

А. Чехова.

P. S. У Васъ въ конторѣ нововведеніе: почтовыя марки, прежде чѣмъ вложить въ конвертъ, заворачиваются въ бумажку. Это раціональная реформа. Въ предшествующую получку я распечаталъ конвертъ въ почтамтскомъ дворѣ и мои бѣдныя марки были развѣяны вѣтромъ.

XXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Апрѣль).

Доброкачественный братъ мой, Александръ Павловичъ! Первымъ дѣломъ поздравляю тебя и твою половину съ благополучнымъ разрѣшеніемъ и прибылью, а г. Таганрогъ со свѣженькой гражданкой. Да живетъ (..крестись!) новорожденная многіе годы, преизбыточествуя (крестись!) красотою физическою и нравственною, златомъ, гласомъ, толкастикой и да цапнетъ себѣ современемъ мужа доблестна (крестись, дуракъ!), прельстивъ предварительно и повергнувъ въ уныніе всѣхъ таганрогскихъ гимназистовъ!!!

Принеся таковое поздравленіе, приступаю прямо къ дѣлу. Сейчасъ Н. сунулъ мнѣ на прочтеніе твое письмо. Вопросъ о правѣ «читать или не читать», за не имѣніемъ времени, оставимъ въ сторонѣ. Относись письмо къ одной только Н. персонѣ, я ограничился бы поздравленіемъ, но письмо твое затрогиваетъ сразу нѣсколько вопросовъ, весьма интересныхъ. О сихъ

вопросахъ я и хочу потолковать. Мимоходомъ дамъ отвѣтъ и на всѣ твои предшествовавшія скрижали. Къ сожалѣнію у меня нѣтъ времени написать много, какъ бы слѣдовало. Благовидности и обстоятельности ради прибѣгну къ рамкамъ, къ системѣ: стану по ниточкамъ разбирать твое письмо, отъ «а» до «ижицы», включительно. Я критикъ, оно—произведеніе, имѣющее беллетристическій интересъ. Право я имѣю, какъ прочитавшій. Ты взглянешь на дѣло, какъ авторъ—и все обойдется благополучно. Кстати же, намъ пишущимъ не мѣшаетъ попробовать свои силишки на критиканствѣ. Предупрежденіе необходимо: суть въ вышеописанныхъ вопросахъ, только; буду стараться, чтобы мое толкованіе было по возможности лишено личнаго характера.

1) Что Н. не правъ—объ этомъ и толковать не стоитъ. Онъ не отвѣчаетъ не только на твои письма, но даже и на дѣловыя письма; невѣжливѣе его въ этомъ отношеніи я не знаю никого другого. Годъ собирается онъ написать Л. который ищетъ его; полгода на этажеркѣ валяется письмо одного порядочнаго человѣка, валяется безъ отвѣта, а ради отвѣта только и было писано. Балалаечнѣй нашего..... трудно найти кого другого. И что ужаснѣе всего—онъ неисправимъ.. Ты разжалобилъ его своимъ письмомъ, но не думаю, чтобы онъ нашелъ время отвѣтить тебѣ. Но дѣло не въ этомъ. Начну съ формы письма. Я помню, какъ ты смѣялся надъ дядиными манифестами.. Ты надъ собой смѣялся. Твои манифесты соперничаютъ по сладости съ дядиными. Все есть въ нихъ: «обнимите»... «язвы души»... Не достаетъ только, чтобы ты прослезился.. Если вѣрить дядькинымъ письмамъ, то онъ, дядя, давно уже долженъ истечь слезой. (Провинція!.) Ты слезоточишь отъ начала письма до конца.. Во всѣхъ письмахъ, впрочемъ, и во всѣхъ своихъ произ-

веденіяхъ.. Можно подумать, что ты и дядя состоите изъ однихъ только слезныхъ железъ. Я не смѣюсь, не упражняю своего остроумія.. Я не тронулъ бы этой слезоточивости, этой одышки отъ радости и горя, душевныхъ язвъ и проч., если бы они не были такъ не своевременны и... пагубны. Н. (ты это отлично знаешь) шалаберничаетъ; гибнетъ хорошій, сильный, русскій талантъ, гибнетъ ни за грошъ.. Еще годъ-два и пѣсня нашего художника спѣта. Онъ сотрется въ толпѣ портерныхъ людей, подлыхъ Я. и другой гадости.. Ты видишь его теперешнія работы.. Что онъ дѣлаетъ? Дѣлаетъ все то, что пошло, конѣчно..., а между тѣмъ въ залѣ стоитъ начатой замѣчательная картина. Ему предложилъ Русскій Театръ иллюстрировать Достоевскаго.. Онъ далъ слово и не сдержитъ своего слова, а эти иллюстраціи дали бы ему имя, хлѣбъ.. Да что говорить? Полгода тому назадъ ты видѣлъ его и, надѣюсь, не забылъ.. И вотъ вмѣсто того, чтобы поддержать, подбодрить талантливаго добряка хорошимъ, сильнымъ словомъ, принести ему неоцѣненную пользу, ты пишешь жалкія, тоскливыя слова.. Ты нагналъ на него тоску на полчаса, расквасилъ его, раскислилъ и больше ничего.. Завтра же онъ забудетъ твое письмо. Ты прекрасный стилистъ, много читалъ, много писалъ, понимаешь вещи такъ же хорошо, какъ другіе ихъ понимаютъ—и тебѣ ничего не стоитъ написать брату хорошее слово.. Не нотацію, нѣтъ! Если бы вмѣсто того, чтобы слезоточить, ты потолковалъ съ нимъ о его живописи, то онъ, это вѣрно, сейчасъ усѣлся бы за живопись и навѣрное отвѣтилъ бы тебѣ. Ты знаешь, какъ можно вліять на него.. «Забылъ.. пишу послѣднее письмо» — все это пустяки, суть не въ этомъ.. Не это нужно подчеркивать.. Подчеркни ты, сильный, образованный, раз-

витой, то, что жизненно, что вѣчно, что дѣйствуетъ не на мелкое чувство, а на истинно-человѣческое чувство.. Ты на это способенъ.. Вѣдь ты остроуменъ, ты реаленъ, ты художникъ. За твое письмо, въ которомъ ты описываешь молебенъ на паляхъ (съ гаттерасовскими льдами), будь я Богомъ, простилъ бы я тебѣ всѣ твои согрѣшенія вольныя и невольныя, яже дѣломъ, словомъ.. (Кстати: Н., прочитавшему это твое письмо ужасно захотѣлось написать пали). Ты и въ произведеніяхъ подчеркиваешь мелюзгу.. А между тѣмъ ты не рожденъ субъективнымъ писакой.. Это не врожденное, а благопріобрѣтенное.. Отречься отъ благопріобрѣтенной субъективности легко, какъ пить дать.. Стоитъ быть только почестнѣй: выбрасывать себя за бортъ всюду, не совать себя въ герои своего романа, отречься отъ себя хоть на $^1/_2$ часа. Есть у тебя разсказъ, гдѣ молодые супруги весь обѣдъ цѣлуются, ноютъ, толкутъ воду.. Не одного дѣльнаго слова, а одно только *благодушіе*! А писалъ ты не для читателя. Писалъ, потому что *тебѣ* пріятна эта болтовня. А опиши ты обѣдъ, какъ ѣли, что ѣли, какая кухарка, какъ пошлъ твой герой, довольный своимъ лѣнивымъ счастьемъ, какъ пошла твоя героиня, какъ она смѣшна въ своей любви къ этому, подвязанному салфеткой, сытому, объѣвшемуся гусю.. Всякому пріятно видѣть сытыхъ, довольныхъ людей—это вѣрно, но чтобъ описывать ихъ, мало того, что *они* говорили и сколько разъ поцѣловались... Нужно кое-что и другое: отречься отъ того личнаго впечатлѣнія, которое производитъ на всякаго неозлобленнаго медовое счастье.. Субъективность ужасная вещь. Она не хороша уже и тѣмъ, что выдаетъ бѣднаго автора съ руками и ногами. Бьюсь объ закладъ, что въ тебя влюблены всѣ поповны и писарши, читавшія твои произведенія,

а будь ты нѣмцемъ, ты пилъ бы даромъ пиво во всѣхъ биргалкахъ, гдѣ торгуютъ нѣмки. Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, изъ тебя вышелъ бы художникъ полезнѣйшій. Умѣешь такъ хорошо смѣяться, язвить, надсмѣхаться, имѣешь такой кругленькій слогъ, перенесъ много, видѣлъ черезъ чуръ много... Эхъ! Пропадаетъ даромъ матеріалъ. Хоть бы въ письма его совалъ, подкураживалъ Н. фантазію.. Изъ твоего матеріала можно ковать желѣзныя вещи, а не манифесты. Какимъ нужнымъ человѣкомъ можешь ты стать! Попробуй, напиши ты Н. разъ, другой разъ, дѣловое слово, честное, хорошее—вѣдь ты въ 100 разъ умнѣй его—напиши ему и увидишь, что выйдетъ.. Онъ отвѣтитъ тебѣ, какъ бы ни былъ лѣнивъ.. А жалкихъ, раскисляющихъ словъ не пиши: онъ и такъ раскисъ..

«Не много надо чутья, пишешь ты далѣе, чтобы понять, что, уѣзжая, я отрѣзывалъ себя отъ семьи и обрекалъ себя забвенію»... Выходитъ, что тебя забыли. Что ты и самъ не вѣришь въ то, что пишешь, и толковать не стоитъ. Лгать не зачѣмъ, другъ.....; если бы не слезныя железы, ты не написалъ бы этого.

«Я ожидалъ и, конечно, дождался».. Пронять хочешь.. Нужно пронять, очень нужно, но проймешь не такими словами. Это цитаты изъ «Сестренки»[1]), а у тебя есть и подѣльнѣй вещи, которыя ты съ успѣхомъ могъ бы цитировать.

2) «Отецъ написалъ мнѣ, что я не оправдалъ себя» и т. д. Пишешь ты это въ 100-й разъ. Не знаю, чего ты хочешь отъ отца? Врагъ онъ куренія табаку и незаконнаго сожительства—ты хочешь сдѣлать его другомъ? Съ матерью и теткой можно продѣлать эту штуку,

---

[1]) Разсказъ адресата.

а съ отцомъ нѣтъ. Онъ такой же кремень, какъ раскольники, ничѣмъ не хуже, и не сдвинешь ты его съ мѣста. Это его, пожалуй, сила. Онъ, какъ бы сладко ты не писалъ, вѣчно будетъ вздыхать, писать тебѣ одно и то же и, что хуже всего, страдать.. И какъ будто бы ты этого не знаешь? Странно. Извини, братецъ, но мнѣ кажется, что тутъ не маловажную роль играетъ другая струнка, и довольно таки скверненькая. Ты не идешь противъ рожна, а какъ будто бы заискиваешь у этого рожна... Какое дѣло тебѣ до того, какъ глядитъ на твое сожительство тотъ или другой раскольникъ? Чего ты лѣзешь къ нему, чего ищешь? Пусть себѣ смотритъ, какъ хочетъ.. Это его, раскольницкое дѣло.. Ты знаешь, что ты правъ, ну и стой на своемъ, какъ бы ни писали, какъ бы ни страдали.. Въ (незаискивающемъ) протестѣ то и вся соль жизни, другъ.

Всякій имѣетъ право жить съ кѣмъ угодно и какъ угодно—это право развитого человѣка, а ты, стало быть, не вѣришь въ это право, коли находишь нужнымъ подсылать адвокатовъ къ Пименовнамъ и Стоматичамъ. Что такое твое сожительство съ твоей точки зрѣнія? Это твое гнѣздо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзія, а ты носишься съ этой поэзіей, какъ съ украденнымъ арбузомъ, глядишь на всякаго подозрительно (какъ, молъ, онъ объ этомъ думаетъ?), суешь ее всякому, ноешь, стонешь.. Будь я твоей семьей, я бы по меньшей мѣрѣ обидѣлся. Тебѣ интересно, какъ я думаю, какъ Николай, какъ отецъ!? Да какое тебѣ дѣло? Тебя не поймутъ, какъ ты не понимаешь «отца шестерыхъ дѣтей», какъ раньше не понималъ отцовскаго чувства.. Не поймутъ, какъ бы близко къ тебѣ не стояли, да и понимать не зачѣмъ. Живи да и шабашъ. Сразу за всѣхъ чувствовать нельзя, а ты хочешь, чтобы мы и за тебя чувствовали. Какъ

увидишь, что наши рожи равнодушны, то и ноешь. Чудны дѣла твои Господи! А я бы на твоемъ мѣстѣ, будь я семейный, никому бы не позволилъ не только свое мнѣніе, но даже и желаніе понять. Это мое «я», мой департаментъ, и никакія сестрицы не имѣютъ права, (прямо таки въ силу естественнаго порядка), совать свой, желающій понять и умилиться, носъ! Я бы и писемъ о своей отцовской радости не писалъ.. Не поймутъ, а надъ манифестомъ посмѣются—и будутъ правы.....

«Объ Антонѣ я умолчу. Оставался ты одинъ»...

Коли взглянуть на дѣло съ джельтменской точки зрѣнія, то и мнѣ бы слѣдовало бы умолчать и пройти мимо. Но въ началѣ письма я сказалъ, что обойду личное.. Обойду и здѣсь оное, а зацѣплю только «вопросъ».. (Ужасъ сколько вопросовъ!) Есть на бѣломъ свѣтѣ одна скверная болѣзнь, незнаніемъ которой не можетъ похвастаться пишущій человѣкъ, ни одинъ!.. Записался! Зачеркивать приходится... И ты знакомъ съ ней. Это кичеевщина — не желаніе людей одного и того же лагеря понять другъ друга. Подлая болѣзнь! Мы люди свои, дышемъ однимъ и тѣмъ же, думаемъ одинаково, родня по духу, а между тѣмъ... у насъ хватаетъ мелочности писать: «умолчу!» Широковѣщательно! *Насъ* такъ мало, что мы должны держаться другъ друга... ну да vous comprenez! Какъ бы мы ни были грѣшны по отношенію другъ къ другу (а мы едва ли много грѣшны!), а мы не можемъ не уважать даже малѣйшее «похожее на соль міра». Мы, я, ты, Третьяковы, Мишка нашъ, выше тысячей, не ниже сотней.. У насъ задача, общая, и понятная: думать, имѣть голову на плечахъ.. Что не мы, то противъ насъ. А мы отрицаемся другъ отъ друга! Дуемся, ноемъ, куксимъ, сплетничаемъ, плюемъ въ морду! Сколькихъ оплевали Третьяковъ и К°!

Пили съ «Васей» брудершафтъ, а остальное человѣчество записали въ разрядъ ограниченныхъ! Глупъ я, сморкаться не умѣю, много не читалъ, но я молюсь Вашему Богу—этого достаточно, чтобы вы цѣнили меня на вѣсъ золота! С. дуракъ, но онъ университетскій, въ 1000 разъ выше Семена Гавриловича и Васи, а его заставляли стукаться вискомъ о край рояля послѣ канкана! Безобразіе! Хорошее пониманіе людей и хорошее пользованіе ими! Хорошъ бы я былъ, если бы надѣлъ на Зембулатова дурацкій колпакъ за то, что онъ не знакомъ съ Дарвиномъ! Онъ воспитанный на крѣпостномъ правѣ, врагъ крѣпостничества—за одно это я люблю его! А если бы я сталъ отрекаться отъ А, Б, В...Ж, отъ одного, другого, третьяго, пришлось бы покончить одиночествомъ!

У насъ, у газетчиковъ, есть болѣзнь—зависть. Вмѣсто того, чтобы радоваться твоему успѣху, тебѣ завидуютъ и... перчику! перчику! А между тѣмъ одному Богу молятся, всѣ до единаго одно дѣло дѣлаютъ.. Мелочность! Невоспитанность какая то.. А какъ все это отравляетъ жизнь!

Дѣло нужно дѣлать, а потому и остановливаюсь. Послѣ когда нибудь допишу. Написалъ тебѣ подружески, честное слово; тебя никто не забывалъ, никто противъ тебя ничего особеннаго не имѣетъ и.. нѣтъ основанія не писать тебѣ подружески.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и одной Ма.

Получаешь ли Осколки? Увѣдомь. Послалъ тебѣ подтвержденіе самого Лейкина.

А за симъ мое почитаніе.

А. Чеховъ.

Не хочешь ли темки?

Накаталъ я однако! Рублей на 20! Болѣе впрочемъ..

XXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Апрѣль).

Христосъ Воскресъ градъ Таганрогъ, Касперовка, Новостроенки съ въ нихъ находящимися! Поздравленіе съ праздниками и съ весной. Александру Павловичу, Аннѣ Ивановнѣ и Маріи Александровнѣ съ няньками, мамками и кухарками салютъ, почетъ и уваженіе съ силуэтомъ. (Острота «Москов. Листка»). Живы и здоровы. Писемъ отъ Васъ не имѣемъ и о Васъ неизвѣстны. Живемъ сносно: ѣдимъ, пьемъ. Есть піанино, мебель хорошая. Помнишь уткинскую мебель? Теперь вся она у насъ и дядькина «роскошь» никуда не годится сравнительно съ нашей. Мать и Марья живы и здравствуютъ.... Ты сильно бы обидѣлъ насъ, ежели бы прислалъ хоть копѣйку. Ужъ ежели хочешь прислать, то пришли не денегъ, а вина.. Мы сыты и одѣты и ни въ чемъ не нуждаемся—самъ знаешь; и на Марью хватитъ. «Трубку»[1]) послалъ Лейкину, нѣсколько сокративъ ее и измѣнивъ «начальника отдѣленія» на соотвѣтствующій чинъ. Лейкинъ давно уже мнѣ не писалъ, не знаю судьбы твоего разсказа. Вѣроятно фіаско: разговоровъ лишнихъ много и... кто это племянникъ его—ства? Положеніе не естеств. Потомъ: не цензурно.. Не искусно лавируешь. Надо тебѣ сказать, что сотрудничество твое въ «Осколкахъ» будетъ далеко не лишнимъ. Рабочіе тамъ нужны и Лейкинъ съ удовольствіемъ завозится съ тобой. Пиши разсказы въ 50—80 строкъ, мелочи et caet... Посылай сразу по 5—10 разсказовъ... Сразу

---

[1]) Разсказъ адресата.

ихъ напечатаютъ. Плата великолѣпная и своевременная. Посылай самъ въ Питеръ. Главное: 1) чѣмъ короче, тѣмъ лучше, 2) идейка, современность, à propos, 3) шаржъ любезенъ, но незнаніе чиновъ и временъ года не допускается.

Еще, надо тебѣ сказать, «Осколки» теперь самый модный журналъ. Изъ него перепечатываютъ, его читаютъ всюду.. И не мудрено. Самъ видишь, въ немъ проскакиваютъ такія штуки, какія рѣдко найдешь и въ не подцензурныхъ изданіяхъ. Работать въ Осколкахъ значитъ имѣть аттестатъ.. Я имѣю право глядѣть на Будильникъ свысока и теперь едва ли буду гдѣ нибудь работать за пятачекъ: Фраже[1]) сталъ. А посему ничего не потеряешь, если на первыхъ порахъ сильнѣй поработаешь, перепишешь раза 2—3. Темы едва ли стѣснятъ тебя.. Не будь узокъ, будь пошире: на однихъ превосходительствахъ не выѣдешь.

Въ Зрителѣ платилъ издатель превосходно, но теперь, кажется, онъ уже уходитъ. У Давыдова ни гроша.....

Теперь о дѣлѣ. Не хочешь ли войти въ компанію. Дѣло слишкомъ солидное и прибыльное (не денежно, впрочемъ). Не хочешь ли науками позаниматься? Я разрабатываю теперь и въ будущемъ разрабатывать буду одинъ маленькій вопросъ: женскій. Но прежде всего, не смѣйся. Я ставлю его на естественную почву и сооружаю: «Исторію полового авторитета». При взглядѣ (я поясняю) на естественную исторію ты (какъ я замѣтилъ) замѣтишь *колебанія* упомянутаго авторитета. Отъ клѣточки до Insecta авторитетъ равенъ нолю или даже отрицательной величинѣ: вспомни червей, среди которыхъ попадаются самки, мышцею своею превосходящія самцовъ. Insecta даютъ массу мате-

---

[1]) Московскій ювелиръ.

ріала для разработки: они птицы и амфибіи среди безпозвоночныхъ (см. птицы-ниже). У раковъ, пауковъ слизняковъ—авторитетъ за малыми колебаніями равенъ нолю. У рыбъ тоже. Переходи теперь къ *несущимъ яйца* и преимущественно высиживающимъ ихъ. Здѣсь авторитетъ мужской = законъ. Происхожденіе его: самка сидитъ 2 раза въ годъ по мѣсяцу—отсюда потеря мышечной силы и атрофія. Она сидитъ, самецъ дерется—отсюда самецъ сильнѣй. Не будь высиживанія—не было бы неравенства. У insecta, у летающихъ нѣтъ разницы, у ползающихъ есть. (Летающій не теряетъ мышечной силы, ползающій норовитъ во время беременности залѣзть въ щелочку и посидѣть). Кстати: пчелы—авторитетъ отрицательный. Далѣе: *природа, не терпящая неравенства* и, какъ тебѣ извѣстно, стремящаяся къ совершенному организму, дѣлая шагъ впередъ (послѣ птицъ) создаетъ mammalia, у которыхъ авторитетъ слабѣе... У наиболѣе совершеннаго—у человѣка и у обезьяны еще слабѣе: ты болѣе похожъ на Анну Ивановну, и лошадь на лошадь, чѣмъ самецъ кенгуру на самку. Понялъ? Отсюда явствуетъ: сама природа не терпитъ неравенства. Она исправляетъ свое отступленіе отъ правила, сдѣланное по необходимости (для птицъ) при удобномъ случаѣ. Стремясь къ совершенному организму, она не видитъ необходимости въ неравенствѣ, въ авторитетѣ и будетъ время, когда онъ будетъ равенъ нолю. Организмъ, который будетъ выше mammalia, не будетъ родить послѣ 9-ти мѣсячнаго ношенія, дающаго тоже свою атрофію; природа или уменьшитъ этотъ срокъ, или же создастъ что либо другое. Первое положеніе, надѣюсь, теперь тебѣ понятно. Второе положеніе: изъ всего явствуетъ, что авторитетъ у homo есть: мужчина выше.

3) Теперь ужъ моя спеціальность: извиненіе за пробѣлъ между исторіями естественной и Иловайскаго. Антропологія и т. д. Исторія мужчины и женщины. Женщина—вездѣ пассивна. Она родитъ мясо для пушекъ. Нигдѣ и никогда она не выше мужчины въ смыслѣ политики и соціологіи.

4) Знаніе. Бокль говоритъ, что она дедуктивнѣе... и т. д. Но я не думаю. Она хорошій врачъ, хорошій юристъ и т. д., но на поприщѣ *творчества* она гусь. Совершенный организмъ—творитъ, а женщина ничего еще не создала. Жоржъ Зандъ не есть ни Ньютонъ, ни Шекспиръ. Она не мыслитель.

5) Но изъ того, что она еще дура, не слѣдуетъ, что она не будетъ умницей: природа стремится къ равенству. Не слѣдуетъ мѣшать природѣ—это не разумно, ибо все то глупо, что безсильно. Нужно помогать природѣ, какъ помогаетъ природа человѣку, создавая головы Ньютоновъ, головы, приближающіяся къ совершенному организму. Если понялъ меня, то 1) Задача, какъ видишь, слишкомъ солидная, непохожая на п... нашихъ женскихъ эмансипаторовъ-публицистовъ и измѣрителей череповъ. 2) Рѣшая ее, мы обязательно рѣшимъ, ибо путь вѣренъ въ идеѣ, а рѣшивъ, устыдимъ кого слѣдуетъ и сдѣлаемъ хорошее дѣло. 3) Идея оригинальна. Я ее не укралъ, а самъ выдумалъ. 4) Я ей непремѣнно займусь.

Подготовка и матеріалы для рѣшенія есть: дедукція болѣе, чѣмъ индукція. Къ самой идеѣ пришелъ я дедуктивнымъ путемъ, его держаться буду и при рѣшеніи. Не отниму должнаго и у индукціи. Создамъ лѣстницу и начну съ нижней ступеньки, слѣдовательно, я не отступлю отъ научнаго метода, буду и индуктивенъ. Рукопись едва ли выйдетъ толстая: нѣтъ надобности, ибо естественная исторія повторяется на ка-

ждомъ шагу, а исторія черезъ 2 шага. Важны и шипучи выводы и идея сама по себѣ. Ежели хочешь войти со мной въ компанію, то помоги. Оба сдѣлаемъ дѣло, и, повѣрь, не дурно сдѣлаемъ. Чѣмъ мы хуже другихъ? Ты возьмешь одну ступеньку, я другую и т. д.

Взявшись за зоологію, ты сейчасъ же увидишь свое дѣло: колебанія увидишь—пиши, что есть авторитетъ; гдѣ нѣтъ—пиши нѣтъ. Въ чемъ состоятъ колебанія? Причины ихъ? Важны ли они? И т. д. Статистика и общій выводъ у каждаго класса. Пріемы Дарвина. Мнѣ ужасно нравятся эти пріемы! Послѣ зоологіи—займемся антропологіей и чуть-чуть, ибо важнаго она мало дастъ. За симъ займемся исторіей вообще и исторіей знаній. Исторіи женскихъ университетовъ. Тутъ курьезъ: за всѣ 30 лѣтъ своего существованія женщины-медики (превосходные медики!) не дали ни одной серьезной диссертаціи, изъ чего явствуетъ, что на поприщѣ творчества—онѣ швахъ *). Анатомія и тождество. Далѣе: сравнительное заболѣваніе. Одинаковость болѣзней. Какими болѣзнями болѣе заболѣваетъ мужчина, и какими женщина. Выводъ послѣ статистики. Нравственность. Статистика преступленій. Проституція. Мысль Захеръ-Мазоха: среди крестьянства авторитетъ не такъ рѣзко очевиденъ, какъ среди высшаго и средняго сословій. У крестьянъ: одинаковое развитіе, одинаковый трудъ и т. д. Причина этого колебанія: воспитаніе мѣшаетъ природѣ. Воспитаніе. Отличная статья Спенсера.

При свиданіи я о многомъ поговорилъ бы съ тобой и поговорю. Кончивъ черезъ годъ курсъ, я спе-

---

*) Памятуй, что совершенный организмъ *творитъ*. Если женщина не творитъ, то значитъ она дальше отстоитъ отъ совершеннаго организма, слѣдовательно слабѣе мужчины, который ближе къ упомянутому организму. *Прим. А. П.*

ціализирую себя на рѣшеніи такихъ вопросовъ естественнымъ путемъ. Если хочешь заняться, то мы, гуляючи, не спѣша, лѣтъ черезъ 10 будемъ глазѣть на свой не безполезный трудъ. Да и сами занятія принесутъ намъ пользу: многое узнаемъ. Подумай и напиши. Мы столкуемся и я вышлю тебѣ то, что слѣдуетъ. Терпѣнія у меня хватитъ—это ты знаешь. Ну а тебѣ ужъ пора, слава Богу, здоровила. Не стѣсняйся малознаніемъ: мелкія свѣдѣнія найдемъ у добрыхъ людей, а суть науки ты знаешь, методъ научный ты уяснилъ себѣ, а больше ничего и не нужно. Не тотъ докторъ, кто всѣ рецепты наизусть знаетъ, а тотъ докторъ, кто во-время умѣетъ въ книжку заглянуть. Ежели же ты не согласишься, то будетъ жаль. Скучно будетъ одному оріентироваться въ массѣ. Вдвоемъ веселѣй.

А за симъ желаю всѣхъ благъ. Держу экзаменты и пока счастливо. Перехожу на V курсъ. Былъ въ заутрени и на страстяхъ? Кланяюсь коемуждо.

А. Чеховъ.

XXIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

83 $\frac{19}{V}$ (Москва).

Маленькая польза! пожелавъ тебѣ самой большой пользы, отвѣтствую тебѣ на твое письмо. Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писалъ долго по причинамъ, отъ редакціи не зависящимъ. То некогда было, то лѣнь. Не писалъ тебѣ и все время былъ мучимъ совѣстью.. Ты просилъ у меня совѣта касательно муки Nestl'я и вѣроятно ожидаешь его съ понятнымъ нетерпѣніемъ,

а я молчу и молчу.. Прошу еще разъ пардона. Спрашивалъ я докторовъ, читалъ, думалъ и пришелъ къ убѣжденію, что ничего положительнаго нельзя сказать объ этой мукѣ. Одни противъ нея, другіе проходятъ молчаніемъ. Могу посовѣтовать только одно: какъ только замѣтишь поносъ, брось. (Не свой поносъ, а дочкинъ.) Корми свой плодъ тогда чѣмъ нибудь другимъ, примѣрно коровымъ молокомъ разбавленнымъ. Весьма возможно, что лѣтомъ будетъ поносъ. Мать слаба, ты выпивоха, жарко, плохое питаніе и т. д. Но робѣть не надо. Этотъ поносикъ излѣчивается любымъ лѣкаришкой. Decoct. Salep. или Альтейный отв., то и другое съ каплями опія. На животъ компрессъ. Кашекъ, хлѣба, подсолнуховъ, чаю и горячихъ напитковъ не давай. Будетъ просить водки, не давай. Сѣки, а не давай. Коли поносы пойдутъ, не далеко до аглицкой... водки, думаешь?.. болѣзни. Но и послѣднюю остановишь не столь лѣкарствами, сколь заботами о питаніи. Ѣду на дняхъ въ Воскресенскъ и оттуда пришлю тебѣ наставленіе, какъ кормить, поить, сѣчь, лѣчить, предупреждать, что важно, что не важно, когда отъ грудей отнимать, когда кашу ѣсть можно, какихъ рецептовъ докторскихъ пугаться надо и т. д. Все это важно и не берусь сочинять, тщательно не обдумавъ. Напишу по послѣднимъ выводамъ наукъ, чѣмъ думаю избавить тебя отъ покушеній покупать дѣтскіе лѣчебники, воспитательники и т. п., на каковую покупку вы всѣ такъ горазды, отцы дѣтей. Пришлю непремѣнно. Слово твердо. А за сіе ты пришлешь мнѣ 100 руб. и какъ можно больше почтовыхъ марокъ.

Прочелъ твой отвѣтъ на мое письмо. Частію удивленъ. Ты, братецъ, мѣстами не допонялъ, мѣстами перепонялъ. Никто не просилъ тебя выбрасывать себя за бортъ парохода. Зная, какъ плохо ты плаваешь, могъ ли я,

не свихнувшись съ разума, дать тебѣ этотъ пагубный совѣтъ? Говорено было о произведеніяхъ, о субъективности. На природу свою дядькинскую, братецъ, не напирай. Карамзинъ и Жуковскій ноютъ на каждомъ словѣ, а между тѣмъ менѣе всего пишутъ о себѣ..... Потомъ, неужели, чтобы знать Н....ны работы, нужно получать «Свѣтъ и Тѣни»? Вѣдь ты его видѣлъ не пять лѣтъ тому назадъ. Сколько картинъ у него было, когда ты уѣзжалъ?..... Говоря о завидующихъ газетчикахъ, я имѣлъ въ виду газетчиковъ, а какой ты газетчикъ, скажи на милость? Я, братъ, столько потерпѣлъ и столь возненавидѣлъ, что желалъ бы, чтобы ты отрекся имени, которое носятъ уткины и кичеевы. Газетчикъ значитъ, по меньшей мѣрѣ жуликъ, въ чемъ ты и самъ не разъ убѣждался. Я въ ихней компаніи, работаю съ ними, рукопожимаю и, говорятъ, издали сталъ походить на жулика. Скорблю и надѣюсь, что рано или поздно изолирую себя, à la ты. Ты не газетчикъ, а вотъ тотъ газетчикъ, кто, улыбаясь тебѣ въ глаза, продаетъ душу твою за 30 фальшивыхъ сребренниковъ и за то, что ты лучше и больше его, ищетъ тайно погубить тебя чужими руками—вотъ это газетчикъ, о которомъ я писалъ тебѣ. А ты, братъ, недоумѣніе, обоняніе, газъ... ничтожество.. газетчикхенъ. Я газетчикъ, потому что много пишу, но это временно.. Онымъ не умру. Коли буду писать, то непремѣнно издалека, изъ щелочки.. Не завидуй, братецъ, мнѣ! Писанье, кромѣ дерганья, ничего не даетъ мнѣ. 100 р., которые я получаю въ мѣсяцъ, уходятъ въ утробу и нѣтъ силъ перемѣнить свой сѣренькій, неприличный сюртукъ на что-либо менѣе ветхое. Плачу во всѣ концы и мнѣ остается nihil. Въ семью ухлопывается больше 50. Не съ чѣмъ въ Воскресенскъ ѣхать. У Николки денегъ тоже чертмà. Утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что за спиной кредиторовъ нѣтъ. За апрѣль я получилъ

отъ Лейкина 70 руб. и теперь только 13-е, а у меня и на извозца нѣтъ. Живи я въ отдѣльности, я жилъ бы богачемъ, ну а теперь.. на рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдохомъ и плакахомъ.. Пастуховъ водилъ меня ужинать къ Тѣстову, пообѣщалъ 6 к. за строчку. Я заработалъ бы у него не сто, а 200 въ мѣсяцъ. Но, самъ видишь, лучше безъ штановъ съ голой ж... на визитъ пойти, чѣмъ у него работать. «Будильникъ» я не терплю и если соглашусь строчить въ немъ, то не иначе, какъ съ болью. Чертъ съ ними! Если бы всѣ журналы были такъ честны, какъ «Осколки», то я на лошадяхъ бы ѣздилъ. Мои разсказы не подлы и, говорятъ, лучше другихъ по формѣ и содержанію, а андрюшки дмитріевы возводятъ меня въ юмористы первой степени, въ одного изъ лучшихъ, даже самыхъ лучшихъ; на литературныхъ вечерахъ разсказываются мои разсказы, но.. лучше съ трипперомъ возиться, чѣмъ брать деньги за подлое, за глумленіе надъ пьянымъ купцомъ, когда и т. д. Чертъ съ ними! Подождемъ и будемъ посмотрѣть, а пока походимъ въ сѣренькомъ сюртукѣ. Погружусь въ медицину, въ ней спасеніе, хоть я и до сихъ поръ не вѣрю себѣ, что я медикъ, а сіе значитъ, что... такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, а для меня рѣшительно все одно... что не на свой факультетъ я попалъ. Но далѣе... Ты пишешь, что я забросалъ грязью Третьякова, умирающаго отъ чахотки. Чахотка тутъ не причемъ, умираніе тоже. Въ началѣ же письма я сдѣлалъ оговорку, что я шпыняю не Ивана, не Петра, до коихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, а систему.. Я писалъ тебѣ, какъ беллетристъ и какъ къ лучшему изъ пріятелей.. Къ чему же тутъ чахотка и грязь? Лично противъ Л. В. я ничего не имѣю, а напротивъ, мнѣ дѣлается скучно, когда я вспоминаю его лицо; я имѣлъ въ виду данный недостатокъ, присущій не одному только ему, потому

что не онъ одинъ только баринъ. Я думалъ и думаю, что поздравительныя письма намъ съ тобой не подъ силу, что ихъ съ успѣхомъ можно замѣнить бесѣдами о томъ, о семъ.. Думалъ, что ты такъ или иначе отзовешься объ упомянутомъ недостаткѣ, умалишь его, оправдаешь, напишешь насколько я правъ, насколько не правъ (тема вѣдь хорошая), а ты запустилъ чахоткой и грязью.. Лучше бы ты ужъ написалъ: «не осуждай!»—единственный грѣхъ моего письма, грѣхъ, какъ мнѣ кажется, окупаемый литературной стрункой. Далѣе..

Твою «Пасхальную ночь» въ архивъ спряталъ и на будущій годъ за нее гонораръ тебѣ вышлю. Кстати: «Глаголъ временъ, металла звонъ» напечатаны и деньги я получилъ. Только не давно узналъ, что получилъ ихъ вмѣстѣ со своимъ гонораромъ. По 5 к. за строчку. Отдамъ тому, кто къ тебѣ поѣдетъ. «Зритель» погребенъ и отпѣтъ. Болѣе не воскреснетъ. Лейкинъ пишетъ, что онъ 20 разъ порывался напечатать твою «Трубку», но все не рѣшался: онъ никакъ не понялъ конца. Проситъ тебя посылать ему. Пиши. Получишь кое-что назадъ, посѣтуешь, поскорбишь, а тамъ приноровишься и будешь получать на муку Нестля. Деньги сгодятся, а въ особенности въ Таганрогѣ, гдѣ лишняя четвертная болѣе замѣтна, чѣмъ въ Москвѣ. Кстати, на будущій годъ наймешь мнѣ въ карантинѣ на цѣлое лѣто дачу. Врачемъ пріѣду и проживу съ вами цѣлое лѣто. Деньги будутъ и поживемъ. На счетъ нашей поѣздки на югъ положительнаго ничего нельзя сказать. Къ великому горю моему половина экзаменовъ будетъ въ концѣ каникулъ, что сильно попортило мнѣ лѣто.....

Далѣе.. Какъ то на праздникахъ въ хмѣльномъ видѣ я написалъ тебѣ проэктъ о половомъ авторитетѣ.. Дѣло можно сдѣлать, но сначала нужно брошюркой пустить. Тема годится для магистерской диссертаціи по

зоологіи. Возьмись-ка! Пиши и присылай марокъ..... А тотъ гробикъ, что на Долгоруковской ул. въ окнѣ стоялъ, уже большой выросъ. Утони, Саша! Иногда люди умираютъ отъ долгаго хожденія по каменной лѣстницѣ. «Сонамбулу» [1]) ищу. У меня ея нѣтъ. Спрошу Турлыгина. [2]) У него должно быть. Буду писать изъ Воскресенска, а ты пиши въ Москву. Мнѣ переправятъ твое письмо съ оказіей.

XXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

$\frac{26}{V}$ *(1883 г. Воскресенскъ.)*

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Благоволите сдѣлать распоряженіе, чтобы на сей разъ гонораръ былъ высланъ мнѣ не въ Москву, а по слѣдующему адресу:

г. Воскресенскъ (Московской губ.).

Подчеркиваю не безъ цѣли. Часто на письмахъ вмѣсто Воскресенскъ пишутъ почему-то Вознесенскъ и пропускаютъ «(Москов. губ.)», а Воскресенсковъ на Руси столько же, сколько въ святцахъ Ивановъ и среди поповъ Беневоленскихъ. Письмо же, на которомъ забываютъ поставить букву «г» (городъ), рискуетъ очутиться въ селѣ Воскресенскомъ. Обитаю въ Новомъ Іерусалимѣ, хожу въ гости къ монахамъ и не вижу «Осколковъ». Не видѣлъ послѣднихъ трехъ номеровъ

---

[1]) Разсказъ адресата.

[2]) Я. П. Турлыгинъ-художникъ.

и не знаю, сколько у васъ статей моихъ не напечатанныхъ. Думаю, что хватитъ, а потому пока ничего не

Домъ въ г. Воскресенскѣ, Моск. губ., гдѣ жилъ А. П. Чеховъ.

посылаю и почиваю на лаврахъ. Впрочемъ вечеромъ сяду писать Тропчный разсказъ. Если успѣю, то пошлю его вслѣдъ за этимъ же письмомъ. Въ Москвѣ буду къ 10 іюню. Получу гонораръ и улечу туда. Хорошая

вещь лоно природы, но банкротиста и чревата «упущеніями по службѣ»—лѣнь, которою усыпано все это лоно.

Погода прелестная. Тянетъ изъ нутра наружу. Нужно идти. Пожелавъ Вамъ всего лучшаго, имѣю честь быть всегдашнимъ Вашимъ слугою.

А. Чеховъ.

XXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Іюнь.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ Моск. замѣтки, а съ ними и одно маленькое заявленіе: Пишу я юмористическій фельетонъ впервые. Не опытенъ и малосвѣдущъ. Въ актеры я не уйду, мельницей не займусь, но не могу ручаться, что не буду сухъ, безсодержателенъ и главное не юмористиченъ. Буду стараться. Если годится, берите и печатайте, а если не годится, то... фюйтъ! Буду высылать Вамъ куплетцы, Вы выбирайте и ради Бога не церемоньтесь. Данною Вамъ отъ Бога властью херьте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности. Я щепетиленъ, но не для Осколокъ. Предложи мнѣ эту работу другая редакція, я отказался бы, или обошелся бы безъ этого заявленія, но у Васъ я слушаюсь и говорю правду. Если Вы даже вовсе похерите мои замѣтки и скажете мнѣ «пасъ!», то и это я приму съ легкою душою. Мнѣ дороги не мои интересы, а интересы Осколокъ. Къ Стрекозамъ и Будильникамъ я отношусь индиферентно, но печалюсь, если вижу въ Осколкахъ что-либо

не вытанцовавшееся, мое или чужое—признакъ, что мнѣ близко къ сердцу Ваше дѣло, которое какъ мнѣ извѣстно это по слухамъ и поступкамъ, Вы ведете съ энергіей и съ вѣрой.

Ранѣе Моск. замѣтки велись не казисто. Онѣ выдѣлялись изъ общаго тона своимъ чисто московскимъ тономъ: сухость, мелочность и небрежность. Если бы ихъ не было, то читатель потерялъ бы весьма мало. По моему мнѣнію въ Москвѣ *некому* писать къ Вамъ замѣтки. Пробую свои силишки [1]), но.. тоже не вѣрю. Я вѣдь тоже съ московскимъ тономъ. Не буду слишкомъ мелоченъ, не стану пробирать грязныхъ салфетокъ и маленькихъ актеровъ, но въ то же время я нищъ наблюдательностью текущаго и нѣсколько общъ, а послѣднее неудобно для замѣтокъ. Рѣшайте.. Скоро пришлю еще.

Книги получилъ, читаю и благодарю. Вы сдержали Ваше обѣщаніе, но это не послужило мнѣ добрымъ примѣромъ: я не сдержалъ обѣщанія и не выслалъ разсказовъ. На этотъ разъ прошу простить.

Былъ разстроенъ, а вмѣстѣ со мной разстроилась и моя шарманка. Теперь пришелъ въ себя и сажусь за работу. «Петровъ день» (разсказъ) вышелъ слишкомъ длиненъ. Я его переписалъ на чисто и заперь до будущаго года, а теперь никуда не пошлю. Сейчасъ сажусь писать для Васъ. Суббота у меня Вашъ день. Завтра вѣроятно вышлю, но.. не вѣрьте впрочемъ.. Я мало-по-малу становлюсь Подхалимовымъ и обманулъ Васъ уже не разъ..

А за симъ позвольте оставаться Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Чеховъ.

---

[1]) «Осколки Московской жизни». См. приложеніе въ концѣ этой книги.

XXVI.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше письмо и прочелъ его брату художнику. Рисунокъ у него готовъ, но на калькѣ. Торшона [1]) въ Москвѣ нигдѣ нѣтъ. Какъ быть? Братъ повергнутъ въ печаль. Рисунокъ превосходный, стихи цензурны и страничка «Осколковъ» удалась бы, какъ нельзя лучше, но увы! Мы (т.-е. я и братъ) порѣшили прибѣгнуть къ Вашей любезности. Если у Васъ найдется свободная минутка, то сдѣлайте милость, распорядитесь о высылкѣ по моему адресу и въ мой счетъ двухъ-трехъ листовъ торшона (рудометовскаго?). Прошу Васъ и самъ браню себя во всѣ лопатки: Вамъ занятому человѣку не до торшона. Но вы поручите кому-нибудь. Спасибо Вамъ будетъ великое и отъ меня, и отъ брата и отъ поэта [2]).

Въ Питерѣ у меня много пріятелей, праздношатающихся и не праздношатающихся. Могъ бы я къ нимъ обратиться, но не знаю ихъ дачныхъ адресовъ. Приходится отнимать у Васъ время..

Недавно послалъ Вамъ пакетъ.

Занятъ я ужасно. Музы мои плачутъ, видя меня равнодушнымъ. До половины сентября прійдется для литературы уворовывать время.

Кстати посылаю Вамъ разсказъ Агаѳопода Единицына.

---

[1]) Особый видъ бумаги для рисунковъ.

[2]) Л. Ив. Пальмина.

А. П. Чеховъ въ 1883 г.

Еще разъ простите за безпокойство. Авось и мнѣ удастся когда-либо услужить Вамъ—этимъ только и утѣшаю себя, безпокоя Васъ.

Братъ художникъ живетъ вкупѣ съ братомъ литераторомъ. Адресъ общій.

Кланяюсь Вамъ и остаюсь всегда готовымъ къ услугамъ, уважающій

А. Чеховъ.

Въ «Новостяхъ Дня», разумѣется, не работаю.

Аг. Единицынъ собирается прислать Вамъ штукъ 5 разсказовъ. Проситъ не судить по посылаемому о его литераторскихъ способностяхъ.

Видѣлъ Е. Вернера, поругалъ его за то, что онъ по малолѣтству работаетъ чертъ знаетъ гдѣ, и внушилъ ему, что онъ погибнетъ и станетъ пьяницей, если будетъ сотрудничать въ москов. изданіяхъ. Повѣрилъ. Онъ пришлетъ Вамъ, а Вы поглядите. Думаю, что сгодится. Малый съ огонькомъ, а главное начинающій.. Жаль будетъ, если завязнетъ въ лапахъ московскихъ цѣловальниковъ.

XXVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Іюль.)

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Просматривалъ сейчасъ послѣдній номеръ «Осколокъ» и къ великому ужасу (можете себѣ представить этотъ ужасъ!) увидѣлъ тамъ перепутанныя объявленія. Такія же объявленія я недѣлю тому назадъ изготовилъ для Осколокъ — и въ этомъ весь скандалъ. Пропали, значитъ, мои объявленія! Вещичка ерундистая и не

стоитъ возиться съ ней въ двухъ номерахъ... Во всякомъ случаѣ посылаю. Если годятся, то спрячьте и пустите мѣсяцевъ черезъ 5—6.

Живу теперь въ Москвѣ, куда и благоволите адресоваться въ случаѣ надобности. Извините за лѣнтяйство! Лѣто—ничего не подѣлаешь. Одни только поэты могутъ соединять свое бумагомарательство съ лунными ночами, любовью.. Въ любви объясняется и въ тоже время стихи пишетъ... А мы прозаики—иное дѣло..

Былъ въ Богородскомъ у Пальмина. Подъ столомъ четверть. На столѣ огурчики, бѣлорыбица... И всѣ эти сокровища нисколько не мѣшаютъ ему работать чуть ли не въ десяти изданіяхъ. Выпилъ у него 3 рюмки водки. Былъ у него съ дамами. И дамъ угостилъ онъ водкой..

Написалъ я рецензійку на Вашихъ «Карасей и Щукъ». Сунулся съ ней и оказывается, что о Вашей книгѣ уже вездѣ говорилось. Былъ на дняхъ у Пушкарева [1]) на дачѣ и просилъ мѣста въ «Мірскомъ Толкѣ» (подписчиковъ много—около 2500—3000) и покаялся, что попросилъ. Было бы мнѣ безъ спроса взять и напечатать.. Онъ, видите ли, на мою замѣтку о его свѣчѣ разобидѣлся.. За незнаніемъ автора замѣтки, бранитъ Васъ..

Авось суну куда-нибудь.. Время еще не ушло.. Я съ учено-литературно-возвышенной точки зрѣнія хватилъ. Высокимъ слогомъ и съ широковѣщательной тенденціей.. и въ тоже время весьма искренно.

Сажусь писать замѣтки. Какова судьба моего «Трагика»? Не плохой разсказъ вышелъ бы, если бы не рамки.. Пришлось съузить даже самую суть и соль...

А можно было бы и цѣлую повѣсть написать на эту тему. Засимъ съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

---

[1]) Н. Л. Пушкаревъ—издатель газеты «Мірской Толкъ», изобрѣтатель бензиновой свѣчи.

XXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

$\frac{6}{VIII}$ *(1883 г. Москва.)*

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Пишу Вамъ, хотя Вы по словамъ Пальмина и въ Гельсингфорсѣ.

Посылаю и замѣтки и разсказы. Одинъ разсказъ «Дочь Альбіона» длиненъ. Короче сдѣлать никакъ не могъ. Если не сгодится, то благоволите прислать его мнѣ обратно.

Рисунки въ послѣднемъ номерѣ восхитительны. И подписи не дурны. Вообще «Осколки» идутъ впереди всѣхъ нашихъ юмористическихъ журналовъ. Въ Москвѣ они нравятся публикѣ. Жаль, что лучшее постигаетъ ваше «увы и ахъ»! [1]). По передовымъ рисункамъ видно какую войну Вы ведете съ цензурой. Не подгуливай Ваши передовицы, прелесть былъ бы журналъ. Въ предпослѣднемъ номерѣ подгуляла и середнпка: французская каррикатура, ранѣе Васъ похищенная «Будильникомъ», и ноты. Ноты не весьма блестящія... Впрочемъ это не важно. Къ Вамъ мало-по-малу перетащутся всѣ работники... и скоро и въ текстѣ не будетъ грѣшковъ, которые приходится дѣлать очень часто по необходимости. Если Вамъ удастся сгруппировать вокругъ себя всѣ, нынѣ разбросанныя, силенки, то Россія будетъ имѣть очень сносный юмористическій журналъ. А силенки есть и хорошій редакторъ можетъ

---

[1]) Петербургская цензура.

употребить ихъ отечеству на пользу. Въ «Будильникѣ» и многихъ другихъ попадаются иногда прекрасныя вещички—значитъ есть гдѣ-то кто-то.. Всѣхъ бы ихъ собрать въ одну кучу. Гдѣ куча, тамъ и выборъ возможенъ.

Простите за помарки [1]). Ужасный я неряха! Если моя рекомендація что-нибудь да значитъ, то рекомендую ради упомянутаго выбора:

Евгенія Вернера, молодого и маленькаго поэта и прозаика. Стихи его мнѣ не особенно нравятся, но за то разсказики бываютъ весьма не плохіе. Изрѣдка впрочемъ. Работаетъ въ Будильникѣ и еще кое-гдѣ подъ псевдонимомъ «Вѣди». Молодъ и подаетъ надежды. Кажется, его стишки были уже въ Осколкахъ. Если пріимите его радушно, то съ усердіемъ поработаетъ и лучшее Вамъ пришлетъ. Природу любитъ расписывать, но это современемъ пройдетъ. Выровняется современемъ.. Мой московскій конкурентъ.

В. Д. Сушковъ изъ Казани, тоже маленькій, хотя и артиллерійскій штабсъ-капитанъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Мой пріятель. Состоитъ адъютантомъ при бригадномъ генералѣ. Пишетъ стихи и прозу. Либераленъ и, что весьма важно, уменъ. Работалъ у Васъ подъ псевдонимомъ «Егоза». Большой почитатель «Осколокъ» и работаетъ въ нихъ съ наслажденіемъ. Пишетъ пустячки, но не окаченный холоднымъ отвѣтомъ почтоваго ящика, согрѣтый радушнымъ пріемомъ, можетъ дѣло сдѣлать. Во время оно работалъ въ «Стрекозѣ». Знаменитъ тѣмъ, что изъ-за него одну газету прикрыли. Малый славный и писака не безполезный. Человѣкъ, о которомъ нельзя судить по 2—3 присыламъ. Немножко сердится на Вашу контору, или вѣрнѣе находится въ

---

[1]) Здѣсь А. П-чемъ вычеркнута въ письмѣ цѣлая строка.

Антонъ Павловичъ съ братомъ Николаемъ Павловичемъ въ 1883 году.

невѣдѣніи относительно стоимости своихъ произведеній, такъ какъ счета при гонорарѣ не получилъ. Послѣ лагерей будетъ писать къ Вамъ. Пока только за неимѣніемъ мѣста ограничиваюсь двумя. А за симъ остаюсь в. с.

А. Чеховъ.

XXIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Августъ.)

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Настоящій присылъ принадлежитъ къ неудачнымъ. Замѣтки блѣдны, а разсказъ не отшлифованъ и больно мелокъ. Есть тема получше и написалъ бы побольше и получилъ, но судьба на этотъ разъ противъ меня. Пишу при самыхъ гнусныхъ условіяхъ. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совѣсти, въ сосѣдней комнатѣ кричитъ дѣтинышъ пріѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ «Запечатлѣннаго Ангела».. Кто-то завелъ шкатулку и я слышу Елену Прекрасную.. Хочется удрать на дачу, но уже часъ ночи. Для пишущаго человѣка гнуснѣй этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята пріѣхавшимъ сродственникомъ, который то и дѣло подходитъ ко мнѣ и заводитъ рѣчь о медицинѣ. «У дочки, должно быть, рѣзь въ животѣ—оттого и кричитъ».. Я имѣю несчастье быть медикомъ и нѣтъ того индивидуя, который не считалъ бы нужнымъ «потолковать» со мной о медицинѣ. Кому надоѣло толковать про медицину, тотъ заводитъ рѣчь про литературу..

Обстановка безподобная. Браню себя, что не удралъ на дачу, гдѣ навѣрное и выспался бы, и разсказъ бы Вамъ написалъ, а главное—медицина и литература были бы оставлены въ покоѣ.

Въ Сентябрѣ удеру въ Воскресенскъ, если погода не воспрепятствуетъ. Отъ Вашего послѣдняго разсказа я въ большомъ восторгѣ.

Реветъ дѣтишышъ!! Даю себѣ честное слово не имѣть никогда дѣтей.. Французы имѣютъ мало дѣтей, вѣроятно потому, что они кабинетные люди и въ «Amusant» разсказы пишутъ. Ихъ, слышно, хотятъ заставить имѣть побольше дѣтей—тема для «Amusant» и для «Осколковъ» въ видѣ каррикатуры «Положеніе дѣлъ во Франціи». Входитъ полицейскій комиссаръ и требуетъ имѣть дѣтей.

Прощайте. Думаю, какъ бы и гдѣ бы задать храповицкаго.

Съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

XXX.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1883 г. Августъ 20.)

Иванъ [1]) несетъ это письмо къ почтовому ящику и безъ всякой церемоніи читаетъ слѣдующее:

Многоуважаемый Михаилъ Михайловичъ! Заклинаю Васъ Вашимъ террариемъ и той дѣвицей въ голубомъ платьѣ, которая виситъ у Васъ надъ дверью. Пришлите, или притащите по возможности скорѣе «Письма Шлиммозеля къ Акулинѣ Ивановнѣ» находящіяся въ пере-

---

[1]) Братъ Ив. Павловичъ.

плетѣ. Приходите сами. Пріѣхалъ Александръ съ супругой и дитёй. Ночую на кровати Наташеву, которая уѣхала въ Питеръ и пріѣдетъ 26-го Августа—въ день своихъ именинъ. Занятъ работой по горло. Кланяется Вамъ бабулька. Жду письма: о нихъ критику дѣлать буду. Дитё кричитъ, чего и Вамъ желаю. Вашъ всегда покорный слуга, надоѣвшій Вамъ съ книгами.

А. Чехонте.

XXXI.

М. И. Морозовой [1]).

(Съ подлинника.)

(Москва. 1883 г. Августъ 27.)

Антонъ женится, беретъ завидную партію [2]).

Кланяюсь Вамъ и цѣлую ручку. Посылаю карточку. На будущій годъ пріѣду. Чѣмъ больна дочка Ануфрія Ивановича? Мать разсказывала, да я мало разобралъ. Купайте ее въ соленой водѣ, разъ въ день, по утрамъ. (Ложка соли на корыто—на два ведра). Впрочемъ, Ваши доктора лучше знаютъ. Какъ поживаете?

Передайте таганрогскимъ барышнямъ, что тоскую за ними ужасно. Не измѣнилъ имъ, несмотря на массу искушеній. Кланяюсь всѣмъ. Какъ поживаетъ попъ Покровскій? [3]) Еще не поступилъ въ гусары? Написалъ бы еще, да некогда.

Прощайте.

Вашъ *Антонъ Чеховъ.*

---

[1]) Тетка А. П. по матери, живущая въ Таганрогѣ.

[2]) Эта фраза составляетъ собою приписку на письмѣ, сдѣланную рукою брата Антона Павловича—Николая Павловича. Далѣе слѣдуетъ письмо Антона Павловича.

[3]) Законоучитель въ гимназіи, гдѣ учился А. П.

Николай женится. Беретъ жгучую брюнетку съ 20 тысячами приданаго. Кромѣ денегъ: двѣ перины, одна теща и много всякой всячины. Я задыхаюсь отъ зависти.

(Приписка матери).

Оба врутъ—не женятся.

(Приписка А. П. Чехова). Мать вретъ. Она у насъ врунья. Любитъ пасьянсы.

XXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1883 г. Сентябрь 5.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ и торшонъ и гонораръ; за то и другое большое спасибо. Вы писали мнѣ, что Вамъ не понравились ни рисунокъ брата [1]), ни стихи Пальмина. По моему рисунокъ не плохъ, стихи же обыкновенные, какъ и всѣ Пальминскіе стихи. Страничка ничего себѣ.. Въ Московскихъ редакціяхъ понравилась.

Братъ будетъ рисовать Вамъ по утвержденнымъ редакціей темамъ. Сегодня онъ посылаетъ одинъ рисуночекъ на мою собственную тему. Этотъ рисуночекъ въ силу своей малости не идетъ въ счетъ абонемента. Пусть онъ будетъ внѣ правилъ. Остальные рисунки будутъ съ паспортами отъ Васъ. Впрочемъ, если когда прійдетъ рисуночекъ Вами предварительно не утвержденный, и ежели таковой не понравится, Вы можете не помѣщать его. Николай не будетъ въ претензіи. Въ матушкѣ Москвѣ все сойдетъ. Сходили мои иностран-

---

[1]) Николая Павловича—художника.

ные романы [1]), сойдутъ и его рисунки. Темки есть кое-какія.

Кстати: высылайте намъ гонораръ въ одномъ пакетѣ, удобства ради. Ваша контора выслала мнѣ вмѣсто 50,08 к.—50,80 к. на 72 коп. больше. Присланное не соотвѣтствуетъ итогу. Ноль всю бухгалтерію испортилъ.

Какъ однако исправно Вы гонораръ высылаете! Намъ москвичамъ это въ диковинку. Бывало я хаживалъ въ Будильникъ за трехрублевкой разъ по десяти.

Спасибо за обѣщаніе побывать у меня въ половинѣ Сентября. Я живу въ Головиномъ переулкѣ. Если глядѣть со Срѣтенки, то на лѣвой сторонѣ. Большой, не штукатуренный домъ, третій со стороны Срѣтенки, средній звонокъ справа, бель-этажъ, дверь направо, злая собаченка.

Посылаю фельетонъ. Что-нибудь изъ двухъ: или въ Москвѣ событій нѣтъ, или же я плохой фельетонистъ. Кланга [2]) ругать больше не буду. Посылаю при семъ подпись къ рисунку, который Вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. А за симъ...

Остаюсь всегда уважающимъ

А. Чехонте.

5-го С.

XXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

19 Сентября (1883 г. Москва.)

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Зима вступаетъ въ свои права. Начинаю работать по зимнему. Впрочемъ, боюсь, чтобы не сглазить..

---

[1]) А. П. для лишняго заработка писалъ романы, будто бы переведенные съ иностранныхъ языковъ. Таковы были: «Ненужная побѣда», «Жены артистовъ» и пр.

[2]) Московскій издатель. См. «Приложеніе».

Написалъ Вамъ пропасть, далъ кое-что въ Будильникъ и въ чемоданъ про запасъ спряталъ штучки двѣ-три.. Посылаю Вамъ *«Въ ландо»*, гдѣ дѣло идетъ о Тургеневѣ, *«Въ Москвѣ на Трубѣ»*. Послѣдній разсказъ имѣетъ чисто московскій интерессъ. Написалъ его, потому что давнымъ давно не писалъ того, что называется легенькой сценкой. Посылаю и еще кое-что. Замѣтки опять не того.. Отдано мною большое мѣсто «Училищу Живописи» не безъ нѣкотораго основанія. Во-первыхъ, все художественное подлежитъ нашей цензурѣ, потому что «Осколки» сами журналъ художественный, а во-вторыхъ, вокругъ упомянутаго училища вертится все московское великое и малое художество. Въ-третьихъ, каждый ученикъ купитъ по номеру, что составитъ не малый дивидендъ, а въ-четвертыхъ, мы заговоримъ объ юбилеѣ раньше другихъ. Я мало-по-малу перестаю унывать за свои замѣтки. Въ Вашихъ питерскихъ замѣткахъ тоже мало фактовъ. Все больше насчетъ общаго, а не частнаго.. (Прекрасно ведутся у Васъ эти замѣтки.. Остроумны и легки, хотя и ведетъ ихъ, повидимому, юристъ.) Потомъ, я уже два раза съѣлъ за свои замѣтки «подлеца» отъ самыхъ искреннихъ моихъ, а А. М. Д. [1]) разсказывалъ мнѣ, что онъ знаетъ, кто этотъ Руверъ [2]). «Онъ въ Петербургѣ живетъ.. Ему отсюда посылается матеріалъ.. Талантливъ бестія!»

Недавно я искусился. Получилъ я приглашеніе отъ Буквы написать что-нибудь въ Альманахъ Стрекозы... Я искусился и написалъ огромнѣйшій разсказъ въ печатный листъ. Разсказъ пойдетъ. Названіе его «Шведская спичка», а суть—пародія на уголовные разсказы. Вышелъ смѣшной разсказъ. Мнѣ нравятся преміи Стрекозы.

---

[1]) Московскій литераторъ А. М. Дмитріевъ.

[2]) Псевдонимъ А. П. Чехова (въ «Осколкахъ»).

Антонъ Павловичъ съ братомъ Николаемъ Павловичемъ въ 1883 году.

Вы пишете, что П. [1]) дикій человѣкъ. Немножко есть, но не совсѣмъ.. Раза два онъ давалъ мнѣ матеріалъ для замѣтокъ и изъ разговоровъ съ нимъ видно, что онъ знаетъ многое текущее. Проза его немножко попахиваетъ чѣмъ-то небесно-чугунно-нѣмецкимъ, но ей Богу онъ хорошій человѣкъ. Вчера у меня были большіе гимназисты... Глядѣли.. С.... на березѣ и не поняли.

Прощайте. Съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

XXXIV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1883 г. Окт.)

Братъ нашъ мерзавецъ

Александръ Павлычъ!

Первымъ дѣломъ не будь штанами и прости, что такъ долго не давалъ отвѣтовъ на твои письма. Виновата въ моемъ молчаніи не столько лѣнь, сколько отсутствіе досуга. Минуты нѣтъ свободной. Даже пасьянсовъ не раскладываю за неимѣніемъ временъ. У меня (вопреки, скотина, твоему желанію, чтобы я при переходѣ на V курсъ порѣзался) выпускные экзамены, выдержавъ кои я получу званіе Качиловскаго [2]). Отзываются кошкѣ мышкины слезки; такъ отзывается и мнѣ теперь мое нерадѣніе прошлыхъ лѣтъ. Увы мнѣ! Почти все приходится учить съ самаго начала. Кромѣ экзаменовъ (кои впрочемъ еще предстоятъ только) къ моимъ услугамъ работа на трупахъ, клиническія занятія съ неизбѣж-

---

[1]) Л. И. Пальминъ.

[2]) Таганрогскій врачъ, тогда очень популярный.

ными гисторіями[1])морби, хожденіе въ больницы.. Работаю и чувствую свое безсиліе. Память для зубрячки плоха стала, постарѣлъ, лѣнь, литература... отъ васъ водочкой пахнетъ и проч. Боюсь, что сорвусь на одномъ изъ экзаменовъ. Хочется отдохнуть, а... лѣто такъ еще далеко! Мысль, что впереди еще цѣлая зима, заставляетъ мурашекъ бѣгать по моей спинѣ. Впрочемъ къ дѣлу.

А у насъ новости. Начну со слѣдующей страницы. 14-го Октября умеръ мой другъ и пріятель Ѳедоръ Ѳедосѣевичъ Попудогло. Для меня это незамѣнимая потеря. Ѳедосѣичъ былъ не талантъ, хоть въ Будильникѣ и помѣщаютъ его портретъ. Онъ былъ сторожилъ литературный и имѣлъ прекрасный литературный нюхъ, а такіе люди дороги для нашего брата начинающаго. Какъ тать ночной, тайкомъ, хаживалъ я къ нему въ Кудрино и онъ изливалъ мнѣ свою душу. Онъ симпатизировалъ мнѣ. Я зналъ вся внутренняя его. Умеръ онъ отъ воспаленія твердой оболочки мозга, хоть и лѣчился у такого важнаго врача, какъ я. Лѣчился онъ у 20 врачей и изъ всѣхъ 20 я одинъ только угадалъ при жизни настоящій недугъ. Царство ему небесное, вѣчный покой. Умеръ онъ отъ алкоголя и добрыхъ пріятелей, nomina коихъ sunt odiosa. Неразуміе, небрежность, халатное отношеніе къ жизни своей и чужой—вотъ отъ чего онъ умеръ 37 лѣтъ отъ роду.

Вторая новость. Былъ у меня Н. А. Лейкинъ. Человѣчина онъ славный, хоть и скупой. Онъ жилъ въ Москвѣ пять дней и всѣ эти дни умолялъ меня упросить тебя не пѣть лебединой пѣсни, о которой ты писалъ ему. Онъ думаетъ, что ты на него сердишься. Твои разсказы ему нравятся и не печатаются они только по «недоумѣнію» и незнанію твоему «Осколокъ». Вотъ слова Лейкина:

---

[1]) Исторія болѣзни.

— «И какъ бы ловко онъ съумѣлъ почесать таможню и какъ много у него матеріалу, но нѣтъ!—Пишетъ про какую то китайщину «там-од-зню», словно боится чего то... Писалъ бы прямо «таможня» съ русскими именами... Цензура не возбраняетъ». Гдѣ нѣтъ китайщины, тамъ убійственная лирика. Пиши, набредешь на истинный путь. Лишній заработокъ окупитъ своею прелестью первыя неудачи. А неудачи плевыя: твои разсказы были печатаны въ Осколкахъ.

Съ Лейкинымъ пріѣзжалъ и мой любимый писака, извѣстный Н. С. Лѣсковъ. Послѣдній бывалъ у насъ, ходилъ со мной въ Salon, въ С . . . . . вертены.. Далъ мнѣ свои сочиненія съ факсимиле. Ѣду однажды съ нимъ ночью. Обращается ко мнѣ полупьяный и спрашиваетъ: «Знаешь, кто я такой».—«Знаю».—«Нѣтъ не знаешь.. Я мистикъ»..—«И это знаю».. Таращитъ на меня свои старческіе глаза и пророчествуетъ:—«Ты умрешь раньше своего брата».—«Можетъ быть».—«Помазую тебя елеемъ, какъ Самуилъ помазалъ Давида.. Пиши». Этотъ человѣкъ похожъ на изящнаго француза и въ то же время на попа разстригу. Человѣчина, стоющій вниманія. Въ Питерѣ живучи, погощу у него. Разъѣхались пріятелями.

Насчетъ рыбы и сантуринскаго будешь имѣть дѣло съ фатеромъ, спеціалистомъ по части юридическаго. У меня, признаться, денегъ нѣтъ да и некогда ихъ зарабатывать. Мѣста тебѣ не ищу прямо изъ эгоистицизма: хочу лѣто съ тобой провести на югѣ. Дачи не ищи, ибо можешь не угодить. Вмѣстѣ поищемъ. Ты такъ смакуешь, описывая свои красненькія и синенькія, что трудно узнать въ тебѣ лирика. Не ѣшь, братъ, этой дряни! Вѣдь это нечисть, нечистоплотство. Синенькое тѣмъ только и хорошо, что на зубахъ хруститъ, а отъ маринованой (навѣрное ужасно) воняетъ сыростно-

уксусной вонью. Ѣшь, братъ, мясо! Похудѣешь въ этомъ подломъ Таганрогѣ, если будешь жрать базарную дрянь. Ты вѣдь не умѣренно ѣшь, а въ пьяномъ видѣ наѣшься и сырья. Хозяйка твоя смыслитъ въ хозяйствѣ столько же, сколько я въ добываніи гагачьяго пуха— ужъ по одному этому будь остороженъ въ пищѣ и ѣшь разборчиво. Мясо и хлѣбъ. По крайней мѣрѣ Мосевну не корми, чѣмъ попало..... Воспитай въ ней хоть желудочную эстетику. Кстати объ эстетикѣ. Извини, голубчикъ, но будь родителемъ не на словахъ только. Вразумляй примѣромъ..... На ребенка прежде всего дѣйствуетъ внѣшность, а вами чертовски унижена бѣдная внѣшняя форма. Я, клянусь честью, не узнавалъ тебя, когда ты жилъ у насъ 2 мѣсяца тому назадъ. Неужели это ты, жившій когда то въ чистенькой комнатѣ? Дисциплинируй, братъ, Катекъ! Кстати о другого рода опрятности. Не бранись вслухъ. Ты и Катьку извратишь и барабанную перепонку у Мосевны запачкаешь своими словесами. Будь я на мѣстѣ Анны Ивановны, я тебя колотилъ бы ежеминутно. Кланяюсь А. И. и племяшкѣ. Дѣвочку у насъ почитаютъ. Въ Будильникѣ еще не печатаютъ твоего. Когда начнутъ печатать, увѣдомлю.

Чеховъ.

XXXV.

Е. И. Юношевой[1]).

(Съ подлинника.)

(Москва. 1883 г.)

Посылаю вамъ жука, умершаго отъ безнадежной любви къ *одной* курсисткѣ. Панихиды ежедневно. Сжаль-

---

[1]) Знакомая семьи Чеховыхъ, учившаяся на Герьевскихъ курсахъ. Она занималась тогда энтомологіей, и А. П. прислалъ ей жука.

тесь надъ нимъ хоть послѣ его смерти и упокойте прахъ его въ Вашей коллекціи.

Судьба этого жука можетъ служить урокомъ для нѣкоторыхъ художниковъ (которые, кстати сказать, не имѣютъ средствъ для кормленія семейства).

Неизвѣстный.

XXXVI.

Ей-же.

(Съ подлинника.)

Послѣднее прости.

(Е. И. Ю. . . . . й).

Какъ дымъ мечтательной сигары,
Носилась ты въ моихъ мечтахъ,
Неся съ собой любви удары
Съ улыбкой пламенной въ устахъ.
Но я—увы!—погибъ ужъ для мечтаній
Тебя любя, я вѣру потерялъ...
И средь моихъ мечтательныхъ скитаній
Я изнывалъ и угасалъ!..
Прости меня... Зачѣмъ тревожить
Заснувшаго въ гробу навѣки мертвеца?
Иди впередъ! Не унывай! Быть можетъ
Найдешь другого... подлеца!!

Извѣстный.

Москва, 1883 года. 2 Ноября. Полночь.

XXXVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

25/XII (1883 г. Москва.)

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Прежде всего поздравляю Васъ съ праздниками и свидѣтельствую Вамъ мое искреннее уваженіе. Вкупѣ съ поздравленіемъ шлю Вамъ и Осколкамъ тысячи пожеланій. Съ Новымъ годомъ поздравлю 31-го декабря—въ день отправки литературнаго транспорта.

Ваше нежеланіе херить Рувера болѣе чѣмъ лестно для Вашего покорнѣйшаго слуги. Ладно, буду продолжать мой фельетонъ. Слушаюсь. Буду продолжать. а Вы не забывайте 2-хъ условій, кои я прилагаю при семъ моемъ согласіи: а) продолжайте снисходить слабостямъ руверскимъ и б) безъ всякихъ церемоніевъ увѣдомьте, ежели на Вашемъ жизненномъ пути встрѣтится болѣе подходящій фельетонистъ; чего не бываетъ подъ луной? Бываютъ «потопы, огни, мечи, трусы» (молитва къ Іисусу сладчайшему), бываютъ и добрыя встрѣчи.

Два куплетца уже накаталъ для замѣтокъ. Завтра сяду писать что-нибудь новогоднее. Теперь я свободенъ, аки вѣтръ. Свобода эта продлится до половины Января. Какимъ-то чудомъ удалось мнѣ пересилить мою лѣнь и я сверхъ всякихъ собственныхъ ожиданій спихнулъ съ плечъ самое тягчайшее. Выдержалъ до Рождества труднѣйшіе экзамены и за этими экзаменами забылъ все, что зналъ по медицинѣ. Медикамъ старшихъ курсовъ ужасно мѣшаютъ заниматься дѣломъ эти экзамены,

подобно тому какъ отданіе чести мѣшаетъ городовымъ исполнять ихъ прямыя обязанности. Вмѣсто того, чтобы работать у клиницистовъ, мы зубримъ, какъ школьники, чтобы забыть въ ближайшемъ будущемъ..

Въ ночь подъ Рождество хотѣлъ написать что-нибудь, но ничего не написалъ. Волею судебъ проигралъ всю ночь съ барышнями въ стуколку. Игралъ до обѣдни и все время отъ скуки пилъ водку, которую пью иногда и только отъ скуки. Въ головѣ туманъ. Выигралъ четвертную и не радъ этому выигрышу—до того скверно въ головѣ.

Не посылалъ Вамъ разсказовъ потому, что окончилъ свои экзамены только 20-го Дек. вечеромъ. Не увѣдомилъ же Васъ (что ничего не пришлю) потому, что не зналъ, что нужно увѣдомлять. Впредь въ случаѣ безплодія буду извѣщать Васъ.

Шляются визитеры и мѣшаютъ писать это письмо. Кстати о маленькой дрязгѣ, подаренной мнѣ сегодня «на елку». Пастуховъ, обидѣвшійся на меня за замѣтку о московской малой прессѣ, подъ разсказомъ Агаѳопода Единицына, помѣщеннымъ въ рождеств. номерѣ Моск. Листка, подмахнулъ «А. Чеховъ». Разсказикъ плохенькій, но дѣло не въ качествѣ разсказа: плохой разсказъ не въ укоръ писакѣ средней руки, да и ненужны хорошіе разсказы читателямъ Моск. Листка. Москвичи, прочитавъ мою фамилію, не подумаютъ про брата и сопричтутъ меня къ Пазухину и К°. Полной фамиліей я подписуюсь только въ «Природѣ и Охотѣ» и разъ подписался подъ большимъ разсказомъ въ Альманахѣ Стрекозы, готовъ пожалуй подписываться вездѣ, но только не у Пастухова. Но далѣе.. Благополучно наскудствующія «Новости Дня» въ «пику» конкуренту своему Пастухову напечатали въ своемъ рождеств. номерѣ произведеніе господъ, измѣнившихъ наканунѣ

праздника своему благодѣтелю Пастухову (Вашковъ, Гуринъ и др.). Номеръ вышелъ ядовитый, «политичный». Чтобы еще громче пшикнуть подъ носъ Пастухову, «Новости Дня» подъ одной маленькой ерундой, которую я постыдился бы послать въ Осколки и которую я далъ однажды Липскерову, подмахнули тоже мою полную фамилію (а давалъ я Липскерову мелочишку подъ псевдонимомъ...) «На, молъ, гляди, Пастуховъ: къ тебѣ не пошелъ, а у насъ работаетъ да еще подъ полной фамиліей». Выходитъ теперь, значитъ, что я работаю и въ Новостяхъ Дня и въ Моск. Листкѣ, служу двумъ богамъ, коихъ и предалъ въ первый день Рождества: и Пастухову измѣнилъ, и Липскерову. Новости Дня тоже злятся за ту замѣтку.

Страсть сколько политиковъ нынче развелось!

Буду впредь остороженъ. Липскеровъ былъ у брата-художника и я ему такъ, отъ нечего дѣлать, далъ мелочишку. И славнымъ онъ малымъ мнѣ показался..

Малый я человѣкъ, среди газетчиковъ еле видимъ— и то имъ понадобился! Черти, а не люди.

Теперь о коммерціи. Хорошая коммерція лучше плохихъ дрязгъ, которыя описалъ я Вамъ (вѣдь это не интересно для Васъ) не изъ желанія надоѣсть Вамъ, а такъ—перо разбѣжалось.. А о чемъ моя коммерція, тому слѣдуютъ пункты:

а) Вышлите мнѣ въ мой счетъ Осколки за 1882 и 1883 годы и ежели можно въ переплетахъ.

б) Вышлите «Осколки» за будущій 1884-й годъ по адресамъ, при семъ приложеннымъ. Тоже въ мой счетъ.

Сумма въ итогѣ получится значительная. Нельзя ли учинить мнѣ разсрочку съ ручательствомъ гг. казначеевъ? Тяжело платить сразу четвертную, или болѣе, а ежели Вы будете вычитать ежемѣсячно по пятеркѣ

(5 р.), то этотъ расходъ не произведетъ на мой карманъ замѣтнаго впечатлѣнія. Если же эта разсрочка не допускается, если она произведетъ въ бухгалтеріи непорядокъ, то погодите высылать мнѣ прошлогодніе экземпляры, а высылайте по нижеписаннымъ адресамъ.

Хочу Осколки сохранить для потомства. Со временемъ вѣдь и я буду говорить: «Были юмористы—не вамъ чета!»—фраза, которую я не разъ слышалъ отъ хорошихъ и плохихъ сотрудниковъ Искры и стараго Будильника. Наконецъ, кажется, я кончилъ.

Пью за Ваше здоровье, закусываю ветчиной и остаюсь уважающій и готовый къ услугамъ

А. Чеховъ.

А. П. Чеховъ въ 1883 г.

XXXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

31 Дек. (1883 г. Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми подписчиками. Желаю всего хорошаго. Простите, что посылаю немножко поздно. Впрочемъ Вы, согласно Вашему послѣднему письму, получите мой транспортъ 1-го Января. И замѣтки длинны и новогодній разсказъ длиненъ—каюсь. Но ради (впрочемъ здѣсь ни къ селу, ни къ городу это «но») ради того, что новогодній нумеръ долженъ быть отмѣнно хорошъ, прошу Васъ на сей разъ не поцеремониться и сократить, елико возможно. Самъ я не взялся сокращать; Вамъ виднѣе, что идетъ къ дѣлу, что лишнее.

Уповаю, что съ Новаго года буду болѣе порядоченъ въ своихъ транспортахъ.

Въ Питерѣ—увы! на праздникахъ не буду. Денегъ нѣтъ. Разорился въ конецъ за праздники.

Вчера получилъ письмо отъ Пальмина. Письмо изложено стихами. «Дикій» поэтъ пишетъ между прочимъ, что онъ писалъ Вамъ о высылкѣ торшона для брата. Если Вы справедливый человѣкъ, то Вы, получивъ это порученіе, страшно разсердились. Грѣшно безпокоить мелкими порученіями такого занятаго человѣка, какъ Вы. Братъ не сообразилъ этого, прося Пальмина написать Вамъ—оба они были подъ шефе. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, ежели будете высылать торшонъ, то не высылайте его на мое имя. Не имѣю

времени ходить въ почтамтъ. Высылайте на имя «Будильника» съ передачей. А шикарный Альманахъ выпустилъ Буква! Совсѣмъ заграничное изданіе.

Пристаю къ Мишѣ Евстигнѣеву [1]), чтобъ онъ написалъ свою автобіографію. Хочу у него купить ее. Рѣдкое «житіе»! Пристаю уже годъ и думаю, что онъ сдастся. Пишу о немъ въ нынѣшнихъ замѣткахъ.

Пальминъ непремѣнно будетъ въ раю.

Ахъ да! Большущее спасибо за «Христову Невѣсту»! [2]) Отдалъ въ переплетъ.

Морозъ. Метелица.. А за симъ съ почтеніемъ Вашъ покорный слуга

А. Чеховъ.

XXXIX.

Д. Т. Савельеву.

1884 г. Январь. Москва.

Любезный другъ, Дмитрій Тимоѳеевичъ! Сейчасъ пріѣхалъ. Если бы ты не прислалъ, то я самъ бы вечеромъ притащилъ тебѣ твой восхитительный сюртукъ.

Спасибо тебѣ восьмиэтажное (съ чердакомъ и погребомъ). Не будь твоего сюртука, я погибъ бы отъ равнодушія женщинъ!!! Впрочемъ, ты человѣкъ женатый и не понимаешь насъ, холостяковъ (вздыхаю). Посылаю тебѣ Зернова и Лесгафта [3]). Физику Га.. но вручи Макару [4]). На-дняхъ забѣгу къ тебѣ. Утомленъ до безобразія. Пишу фельетонъ.

---

[1]) Московскій писатель-сказочникъ.

[2]) Сочиненіе Н. А. Лейкина.

[3]) Лекціи по медицинѣ.

[4]) Вас. Ив. Зембулатовъ. Учился вмѣстѣ съ А. П. въ гимназіи и въ университетѣ. Названъ Макаромъ потому, что во время урока греческаго языка сдѣлалъ неправильно удареніе на словѣ μάκαρ (блаженный), произнеся его Макàръ. Это прозвище такъ и осталось за нимъ на всю его жизнь.

Еще разъ спасибо за сюртукъ. Желаю, чтобы онъ у тебя женился и народилъ множество маленькихъ сюртучковъ. И Макаръ пусть женится. Ты же будь вѣренъ своей женѣ, иначе я донесу жандармскому генералу.

Съ почтеніемъ *А. Чеховъ.*

XL.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

84 $\frac{22}{I}$ (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше сердитое письмо и на оное отвѣчаю. Не писалъ Вамъ ранѣе по причинамъ весьма законнымъ: я уѣзжалъ изъ Москвы на неопредѣленное время. Выѣхалъ я изъ дому 14-го января, отправивъ Вамъ пакетецъ, который Вы, если помните, получили ранѣе обыкновеннаго. Только 19-го попалъ я обратно въ Москву. Путешествовалъ я съ корыстною цѣлью: удралъ отъ именинъ, которыя обходятся мнѣ обыкновенно дороже всякихъ поѣздокъ. Во все время путешествія я ѣлъ, спалъ и пилъ съ офицеріей [1]) плохой коньякъ. Судите же, можно ли сердиться на меня за то, что я долго не отвѣчалъ на письмо? До сегодня (отъ 19 до 22-го) я не писалъ Вамъ, потому что ожидалъ оказіи, т.-е. отсылки обычнаго транспорта.

Мнѣ казалось, что я уже писалъ Вамъ насчетъ гонорара брата Александра. Если еще не писалъ, то вотъ

---

[1]) Въ г. Воскресенскѣ стояла батарея.

Антонъ Павловичъ съ братомъ Николаемъ въ 1883 г.

Вамъ легчайшее по моему мнѣнію рѣшеніе этого вопроса: пошлите деньги на имя брата (Ал. П. Чеховъ, Таганрогъ, Таможня). Я помню, что не разъ писалъ уже насчетъ этихъ денегъ... но кому? Вѣроятно писалъ я брату, а не Вамъ. Память у меня никуда не годится.

Комплекты «Осколокъ» за два года получилъ и припошу огромнѣйшее спасибо. Сегодня отдалъ въ переплетъ. «Христову Невѣсту» получилъ уже изъ переплета. Жалѣю, что не имѣю мѣста, гдѣ могъ бы помѣстить о ней рецензійку. Пастуховъ на Васъ въ обидѣ, Новости Дня не печатаютъ рецензій, а съ Курьерцами [1]) связываться не хочется.. Торшонъ полученъ. Тысячу разъ братъ поручалъ мнѣ благодарить Васъ. Торшонъ лежитъ и ждетъ своей судьбы.. Николай страшный лѣнтяй!

На сей разъ посылаю Вамъ маленькую ерундишку. Не моя въ томъ вина, что не посылаю что-нибудь побольше и посерьезнѣе.. Дѣло въ томъ, что я сегодня же до полученія Вашего письма думалъ: «Въ «Осколкахъ» у меня лежитъ одинъ большой разсказъ. Туда спѣшить, стало-быть, не зачѣмъ. Напишу куда-нибудь «въ другое мѣсто»... И вдругъ Ваше письмо съ «возвратомъ»! Знай я ранѣе, что «Марья Ивановна» не сгодится, я, быть-можетъ, написалъ бы что-нибудь и подѣльнѣе. Впрочемъ годъ еще великъ и успѣю натворить. Время не ушло..

Читаю прилежно «Осколки».. Журналъ хорошій, лучше всѣхъ юмор. журналовъ, по крайней мѣрѣ.. Но не кажется ли Вамъ, что «Осколки» нѣсколько сухи? Сушитъ ихъ по моему мнѣнію многое множество фельето-

---

[1]) Сотрудники «Русскаго Курьера».

новъ: И. Грэкъ [1]), Руверъ [2]), Черниговецъ, Провинціальный... И всѣ эти фельетоны жуютъ одно и то же, жуютъ по казенному шаблону, на казенныя темы.. Статейки И. Грэка милыя статейки, но и онѣ постепенно и незамѣтно сползаютъ на тотъ же фельетонъ. Стихотворный фельетонъ Черниговца такая непроходимая сушь, что, право, трудно дочитать до конца. Беллетристикѣ отведенъ у Васъ не второй планъ, но и не первый, а какая-то середка на половинѣ.. И беллетристика бьетъ на сухоѣденіе. Вмѣсто легкаго жанра, вмѣсто шаржа, каррикатуры, видишь тяжеловѣсный разсказище Баранцевича (Чугунчиковъ—жутко даже). Разсказъ, можетъ-быть, и хорошъ, но вѣдь и въ писаніи еще сказано: ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ.. Что удобно на страницахъ Живоп. Обозр., то иногда бываетъ не къ лицу юмор. журналу. Порфирьевъ сухъ до nec plus ultra. Изящества побольше бы! Гдѣ изящество, тамъ шикъ. Многое можно нацарапать на эту тему, но не нацарапаешь всего, не доскажешь.. Да и у Васъ то закружится голова отъ совѣтчиковъ. Для Васъ, хозяина журнала, думавшаго и передумавшаго о журналѣ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ, наши совѣты сравнительно съ Вашими думами и планами покажутся праздной болтовней... Совѣтчикъ, совѣтуя, обыкновенно не замѣчаетъ препятствій...

Былъ у меня какъ-то (мѣсяцъ тому назадъ) Л. И. Пальминъ. Мы, разумѣется, выпили. Послѣ выпитія онъ умилился и вдругъ пришелъ къ заключенію, что мнѣ обязательно нужно баллотироваться въ Пушкинскій Кружокъ. Въ концѣ-концовъ пообѣщалъ написать о моей баллотировкѣ Вамъ и на другой день прислалъ

---

[1]) В. В. Билибинъ.

[2]) А. П. Чеховъ.

мнѣ уставъ Кружка. Не знаю, писалъ ли онъ Вамъ объ этомъ? Я счелъ бы, какъ и каждый простой смертный, за великую честь для себя быть членомъ литературнаго Кружка. Я честолюбивъ. Но я живу не въ Питерѣ, а въ Москвѣ, гдѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ отдѣленія Кружка, прійдется платить десятирублевку за одно только почетное званіе члена—это не дорого, но безцѣльно. Быть въ Москвѣ членомъ Пушкинскаго кружка не полезно ни для себя, ни для ближнихъ.. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ же, боюсь грѣшный человѣкъ, чтобы меня не прокатили на вороныхъ. Работаю я недавно (5 лѣтъ), не извѣстенъ, а потому нельзя будетъ упрекнуть оныхъ вороныхъ въ отсутствіи логики.. На основаніи сихъ мало убѣдительныхъ данныхъ, если писалъ Вамъ Пальминъ, прошу Васъ пока обождать. Не пишите Ліодору Ивановичу. Я съ нимъ, какъ и подобало. вполнѣ согласился и теперь неловко идти на супротивъ. Если же паче чаянія у Васъ поднимется вопросъ объ открытіи въ Москвѣ отдѣленія Кружка, то поддержите нашу бѣдную Москву. Тогда я буду убѣдительнѣйше просить Васъ баллотировать меня въ члены и соглашусь не только на десятирублевый, но даже и тридцатирублевый взносъ. Не дурно бы пропагандировать это отдѣленіе для нашей московской братіи. Сама братія и пальцемъ не пошевельнетъ, если поднимется вышеписанный вопросъ. Пьетъ она водку, ломаетъ шапку передъ Пастуховымъ и знать ничего не хочетъ. Вотъ Вамъ длинный отвѣтъ на Ваше короткое письмо. Спать ужасно хочется. 3 часа ночи. Завтра надо рано вставать и идти въ клиники. Экзамены еще не кончились. Половину только выдержалъ. Въ Питерѣ не былъ на праздникахъ безденежья ради.

Уважающій *А. Чеховъ.*

XLI.

Е. І. Савельевой [1]).

24 февраля 1884. Москва.

Многоуважаемая
Евгенія Іасоновна!

Покорный Вашему «поскорѣе и всю правду» берусь за перо тотчасъ же по полученіи Вашего письма и, прежде чѣмъ поставить первую точку, даю слово, что напишу одну только желаемую правду.

Вашъ долговязый супругъ, а мой другъ Дмитрій Тимоѳеевичъ живъ и здоровъ. Видѣлъ я его третьяго дня (до обѣда и вечеромъ). Видѣлъ и раньше много разъ. Вѣрую также, что увижусь съ нимъ завтра или послѣзавтра. Онъ здоровъ тѣлесно, но не духовно. Настроеніе его духа, насколько я смыслю, нельзя назвать хорошимъ: опечаленъ смертью матери, тоскуетъ за Вами и изо дня въ день ждетъ того блаженнаго часа, когда обстоятельства позволятъ ему выбраться изъ Москвы. Тоска по матери съ каждымъ днемъ дѣлается все меньше и меньше, что есть естественно и понятно: тяжелыя обстоятельства сглаживаютъ, стушевываютъ эту тоску. Ему и тосковать некогда. Обстоятельства, одно другого хуже, враждебнѣе и, что хуже всего, неожиданнѣе, громоздятся, какъ льдины весной, тѣснятъ Митю и не пускаютъ его къ Вамъ. Онъ геройски борется съ ними и даже рѣдко жалуется. Приходится прочитывать все на его вытянутой физіономіи. Въ чемъ дѣло—онъ самъ разскажетъ Вамъ. Описывать же я не стану: длинно да и подробностей не знаю. Скажу только, что самое тяжелое прошло...

---

[1]) Жена Дмитрія Тимоѳ. Савельева, гимназическаго товарища А. П.

Остались одни только финансовыя дѣла. Покончивъ съ финансами, онъ немедленно покатитъ къ Вамъ. Но никакіе финансы, никакія обстоятельства не терзаютъ его такъ, какъ разлука съ Вами. Онъ говоритъ только о Васъ, думаетъ только о поѣздкѣ къ Вамъ. Будь Вы около него, мнѣ кажется, онъ претерпѣлъ бы на половину менѣе терзаній, чѣмъ претерпѣвалъ ихъ въ послѣдній мѣсяцъ.

Судьба очень глупо сострила, поставивъ между Вами тысячеверстное разстояніе. Вообще, судьба держитъ себя мерзко по отношенію къ Вашему мужу, и онъ умно дѣлаетъ, что держитъ себя героемъ. Я уважаю въ немъ эту выносливость. Скоро онъ дастъ Вамъ отвѣтъ на всѣ Ваши письма. Ѣдетъ онъ завтра или послѣзавтра. Лишняго дня онъ не просидитъ въ Москвѣ—за это ручаюсь головой.

Такой нервной, впечатлительной натурѣ, какъ онъ, трудно усидѣть въ Москвѣ даже лишній часъ, въ особенности же, если эта натура женатая. Вообще не безпокойтесь. Тяжелое прошло.

Если это письмо покажется Вамъ короткимъ, малоотвѣчающимъ на Ваше письмо, то не сѣтуйте.

Не пишу Вамъ подробностей, потому что увѣренъ въ томъ, что вслѣдъ за этимъ письмомъ ѣдетъ къ Вамъ и самъ виновникъ нашей переписки.

А за довѣріе спасибо.

Въ заключеніе прошу принять нижайшій поклонъ отъ меня и сестры. Прошу также не забывать, что у Васъ есть покорнѣйшій слуга, уважающій

А. Чеховъ.

P. S. Пріѣду въ Таганрогъ въ концѣ іюня въ полной надеждѣ, что у меня уже есть невѣста, Вами мнѣ обѣщанная. Мои условія: красота, грація и... увы! тысче-

Д. Т. Савельевъ, А. П. Чеховъ, В. И. Зембулатовъ (Макаръ) и П. И. Коробовъ тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ.

нокъ хоть 20. Нынѣшняя молодежь ужасно меркантильна. Кромѣ невѣсты, я долженъ еще получить съ Васъ (по московскому обычаю) на-чай: я за все время Вашего пребыванія въ Таганрогѣ еще ни разу не совратилъ съ пути истины Вашего супруга.

Поклонитесь ему, когда онъ пріѣдетъ.

XLII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

Воскресенье 7-го (марта 1884 г., Москва).

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Въ исполненіе Вашей редакторской воли шлю Вамъ свои литературные экскременты въ воскресенье.. Вы получите 2 мѣста: въ одномъ фельетонъ, въ другомъ это письмо съ разсказомъ. Десять разъ лѣзъ къ Николаю и десять разъ онъ увѣрялъ меня, что рисунки *давно уже* Вамъ посланы. Не хочется думать, чтобы онъ вралъ, и въ то же время не хочется вѣрить въ неисправную доставку заказныхъ бандеролей.. Николай увѣряетъ.. Чтобы узнать, кто вретъ, почта, или онъ, мнѣ остается только произвести у него внезапный обыскъ...

Panem et circenses нѣтъ и нѣтъ... Думаю, думаю, и хоть колъ теши на головѣ! Но Богъ не безъ милости.. Авось что-нибудь намыслю и пришлю Вамъ.. За доброе слово о Петербург. Газетѣ большое спасибище. Я буду получать ее въ обѣденное время, а читать послѣ обѣда, развалясь и куря..

Не забывайте, что мы условились въ случаѣ сроч-

наго матеріала помѣщать москов. фельетонъ еженедѣльно, дабы не было кричащихъ запаздываній. Я буду присылать Вамъ его кусочками, урывками, а Вы планируйте его, какъ знаете: что срочно, то теперь, что не срочно, то послѣ.. Разсказиковъ напеку.. Зачѣмъ Вы въ дѣлѣ скоро и многописанія меня сравниваете съ собой? Литература Ваша спеціальность.. На Вашей сторонѣ опытъ, увѣренность въ самаго себя, министерское содержаніе.. А я, пишущій безъ году недѣлю, знающій иную спеціальность, неувѣренный въ доброкачественности своихъ изверженій, не имѣющій отдѣльной комнаты для письма и волнуемый страстями..... могу ли я поспѣть за Вами? Если буду писать двадцатую часть того, что Вы пишете, то и за это слава Богу..

О лѣкарскихъ вакансіяхъ думаю.. Записалъ Лихачева [1]) въ поминальницу.. Былъ у Пальмина.. Лѣчилъ живущую подъ нимъ (каламбуръ?!!) дѣвицу и забѣжалъ къ нему. Онъ спалъ, но заслышавъ мой голосъ, проснулся и предсталъ предо мною во всемъ величіи поэта съ опустившимися панталонами и всклоченной куафюрой.. Сидѣлъ я у него не долго: прогнало меня отъ него отсутствіе сортира. У насъ снѣгъ.. Получилъ приглашеніе отъ «Нови».. Какъ прочелъ на письмѣ, что у нихъ 500.000 основного капитала, то до того потерялся, что потерялъ всякую надежду написать туда что-нибудь..

Вашъ *А. Чеховъ.*

Портной принесъ новое пальто. Поздравляю: не всѣ Ваши сотрудники ходятъ въ старыхъ пальто..

---

[1]) Лихачевъ Влад. Сергѣевичъ. Поэтъ и переводчикъ Мольера. Поступилъ на службу въ Д-тъ Государственнаго казначейства и потому для А. П.—умеръ.

XLIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1884 г. Мартъ.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Прилагая при семъ фельетонъ, разсказъ и мелочишку... не знаю, что писать послѣ дѣепричастія, не подберу никакъ главнаго предложенія, хоть и литераторъ. Сейчасъ только что поужиналъ, сѣлъ писать, разогнался и—стопъ машина! А начинать снова письмо не хочестя.

Во-первыхъ, посылаю Вамъ московскую литературу въ лицѣ сочиненій Алексѣя Журавлева. Укралъ въ типографіи для Васъ. Они напоминаютъ тѣ стихи, которые Вы читали мнѣ и брату въ Лоскутной гостинницѣ—маленькая, длинная въ поперечникѣ книжка, сочиненная по поводу, кажется, коронаціи.

Потомъ, нельзя ли мой фельетонъ пускать безъ подписи? Теперь ужъ всѣ знаютъ, что я Руверъ. Пушкаревъ совсѣмъ разобидѣлся, Мясницкій [1]) обидится.. Всѣ знакомы—хоть перо бросай! Пускайте безъ подписи, а я буду говорить, что я уже бросилъ фельетоны писать. Если же безъ подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В. напримѣръ). Если же перемѣна псевдонимовъ почему-либо отрицается Вами, то оставьте этотъ пунктъ безъ послѣдствій.

Про Мясницкаго не вычеркивайте. Его пьеса въ Москвѣ составляетъ вопросъ дня. Про любителей

---

[1]) И. И. Барышевъ—московскій литераторъ.

тоже—они составляютъ половину Москвы и всѣ прочтутъ. Написалъ я разсказъ.. Написалъ уже давно, но послать Вамъ не рѣшаюсь. Ужъ больно великъ для «Осколковъ», 300—350 строкъ. Разсказъ вышелъ удачный, юмористическій и сатирическій. Дѣйствующія лица: мировой съѣздъ, врачи... Клубничепъ отчасти, но не рѣзко. Не посылаю Вамъ, боясь огорчить Васъ длиною. Такъ какъ онъ мнѣ удался, то я его никому не отдамъ изъ московскихъ.. Спрячу въ чемоданъ. Паче чаянія ежели понадобится Вамъ большой разсказъ, если будетъ безматеріалье, или другая какая казнь Египетская, то черкните строчку: я перепишу его начисто и пришлю.

Кустодіевскій превосходенъ. Горбуновскій разсказъ, несмотря на незатѣйливую, давно уже заѣзженную тему, хорошъ—форма! Форма много значитъ... Путешествіе въ Китай не достойно «Осколковъ», а рисунки Богданова совсѣмъ швахъ. Былъ у Пальмина. Читалъ онъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ книгопродавца Земскаго. Я взялъ слово съ Л. И., что онъ пошлетъ Вамъ это письмо. Ужъ очень характерно! Оно оканчивается фразой: «Мерзко, братецъ!» Безграмотно и ругательно. А все за то, что Л. И. прозу пишетъ!

Вашъ слуга *А. Чеховъ.*

P. S. Въ сказкѣ [1]) я упоминаю про нашъ Воспитательный домъ. Въ немъ ревизія. Происходитъ нѣчто скандальное. Подчиненнымъ тошно отъ начальства—суть въ этомъ. Попросите И. Грэка въ одной изъ его мелочишекъ коснуться слегка, упомянуть.. Большая злоба дня!

---

[1]) «Самообольщеніе» (сказка). Напечат. въ «Осколкахъ № 20, подпись: Человѣкъ безъ селезенки.

XLIV.

Д. Т. Савельеву.

Мартъ. 1884 г. (Москва.)

Любезный другъ, Дмитрій (Ермакъ) Тимоѳеевичъ!

Получилъ твое письмо только поздно вечеромъ и на оное спѣшу отвѣтить. Спасибо, во-первыхъ, что не поцеремонился и обратился ко мнѣ, а, во-вторыхъ, извини, что сей конвертъ пустъ. Просимыя тобою деньги (15 руб., въ крайнемъ случаѣ 10) пришлю тебѣ къ 5—6 часамъ вечера.

Не думай, что ты меня стѣсняешь и проч... Это не товарищеская дума. Да къ тому же я буквально *ничѣмъ* не жертвую, давая тебѣ взаймы. Пожалуста, не церемонься и, главное, не стѣсняйся.

Кстати: балъ (съ курсистками) будетъ у Маріи Павловны не въ понедѣльникъ, а во вторникъ, о чемъ сообщи Макару[1]). Ты же забѣги и въ понедѣльникъ чайку попить. Притащи и Макара. Это не въ счетъ абонемента.

Пишу разсказъ.

А. Чеховъ.

XLV.

Ему же

30 или 31 марта 1884 г. (Москва.)

Голубчикъ,

Дмитрій Тимоѳеевичъ!

Посылаю тебѣ 15 рублей. Извини, что не могъ больше достать. Отдай ихъ іереямъ и дьяконамъ, насчетъ же гробовщика потолкуемъ сегодня за обѣдомъ. Какъ-нибудь устроимъ дѣло.

---

[1]) В. И. Зембулатову.

Обязательно приходи обѣдать. Тащи обѣдать и Макара. Наварю для Васъ солонины съ хрѣномъ. Чѣмъ раньше придете оба, тѣмъ пріятнѣе будетъ моей семьѣ и А. Чехову.

XLVI.

М. М. Чехову.

(Съ подлинника.)

1884 г. 15 апрѣля. (Москва.)

Голубчикъ Миша!

Сдѣлай милость, купи мнѣ на свой вкусъ палку не дешевле рубля и не дороже двухъ. Замучился экзаменами [1]).

Твой *А. Чеховъ.*

Извини, что безпокою пустяками.

XLVII.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1884 г. Май 3.)

Достоуважаемый
Михайлъ Михайловичъ!

Вы часто изъявляли желаніе присутствовать на диссертаціи какой бы то ни было. Въ понедѣльникъ 7-го произойдетъ защита диссертаціи въ 2 часа по полудни въ Новомъ зданіи университета, или же въ зданіи Новаго Анатомическаго театра, который находится въ саду. Если свободны, то милости просимъ. Умеръ Леонидъ Пушкаревъ.

А. Чехонте.

---

[1]) Выпускные экзамены въ университетѣ.

XLVIII.

Е. И. Юношевой.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1884 г. Май.)

Уважаемая
Екатерина Ивановна!

Сейчасъ я былъ въ той компаніи, о которой говорилъ Вамъ. Клюетъ. Посылаю сейчасъ Вашъ адресъ. Работку нашелъ Вамъ маленькую, чахоточную, но на плату за слушаніе лекцій во всякомъ случаѣ хватитъ, съ чѣмъ и имѣю честь поздравить. Обѣщаютъ снабдить Васъ переводами мелкихъ вещицъ. Плата, говорятъ, лучше чѣмъ у Пушкарева. За исправность ручаюсь. Вы получите приглашеніе письменное, или просто работу отъ редактора «Будильника» *Александра Дмитріевича Курепина*, котораго рекомендую Вамъ за славнаго малаго. Въ будущемъ поищемъ еще чего-нибудь, а пока... аревуаръ! Въ Воскресенскъ ѣду. Однимъ изъ любимѣйшихъ занятій моихъ въ Воскресенскѣ будетъ ожиданіе Вашего пріѣзда. Боюсь, что это занятіе будетъ слишкомъ продолжительно. Распоряженіе о взятіи Васъ съ собой я сдѣлалъ компаніи. Во время Вашего въѣзда въ городъ будутъ произведены: а) колокольный звонъ, в) пушечная стрѣльба и с) больше ничего.

А за симъ, пожелавъ Вамъ всѣхъ благъ, имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ

А. Чеховъ.

P. S. Надѣюсь, что веревка не *развязалась!!* [1]).

---

[1]) Веревка на пакетѣ, который неудачно связывалъ А. П., провожая адресатку.

XLIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

25, VI, 4, Воскресенскъ. (1884 г. Іюнь 25.)

Письмо № 1.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Первый дачный блинъ вышелъ, кажется, комомъ. Во-первыхъ, разсказъ плохо удался. «Экзаменъ на чинъ» [1]) милая тема, какъ тема бытовая и для меня знакомая, но исполненіе требуетъ не часовой работы и не 70—80 строкъ, а побольше.. Я писалъ и то и дѣло херилъ, боясь пространства. Вычеркнулъ вопросы экзаменаторовъ-уѣздниковъ и отвѣты почтоваго пріемщика—самую суть экзамена. Во-вторыхъ, разсказу этому пришлось пройти всѣ тартары, начиная съ моего стола и кончая карманомъ богомолки. Дѣло въ томъ, что, принеся свой разсказъ въ здѣшній почтамтъ, я былъ огорошенъ извѣстіемъ, что почта не идетъ въ воскресенье, и что мое письмо можетъ попасть въ Питеръ только въ среду. Это меня зарѣзало. Оставалось что-нибудь изъ двухъ: или почить на лаврахъ, или же мчаться на желѣзнодор. станцію (21 верста) къ почтовому поѣзду. Я не сдѣлалъ ни того, ни другого, а рѣшилъ поручить мою корреспонденцію кому-нибудь, идущему на станцію. Ямщиковъ я не нашелъ. Пришлось поклониться толстой богомолкѣ.. Если богомолка поспѣетъ на станцію къ почтовому поѣзду и съумѣетъ опустить письмо въ надлежащее мѣсто,

---

[1]) «Осколки» № 28. (Подпись: А. Чехонте.)

то я торжествую, если же Богъ не сподобитъ ее по служить литературѣ, то разсказъ получите Вы съ этимъ письмомъ. Теперь о темахъ для рисунковъ. Тутъ прежде всего мнѣ нужно сознаться, что я очень тупъ для выдумыванія острыхъ подписей. Хоть зарѣжьте меня, а я Вамъ ничего умнаго не придумаю. Всѣ тѣ подписи, что я Вамъ раньше присылалъ, были достояніемъ не минуты, а всѣхъ прожитыхъ мною вѣковъ. Отдалъ все, что было—хорошее и херовое—и больше ничего не осталось. Тема дается случаемъ, а у меня въ жизни хоть и не мало случаевъ, нѣтъ способности приспособлять случаи къ дѣлу. Но какъ бы тамъ ни было, я придумалъ слѣдующій планъ дѣйствій. Я буду присылать Вамъ все, чему только угодно будетъ залѣзть въ мою голову. Сочинители подписей и мертвые не имутъ сраму. Вы не будете конфузить меня, ежели пришлю несообразное..

Я умѣю сочинять подписи, но—какъ? Въ компаніи.. Лежишь этакъ на диванѣ въ благородномъ подпитіи, мелешь съ пріятелями чепуху, анъ глядь! и взбредетъ что-нибудь въ голову.. Способенъ также развивать чужія темы, если таковыя есть..

Живу теперь въ Новомъ Іерусалимѣ.. Живу съ апломбомъ, такъ какъ ощущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ.. Природа кругомъ великолѣпная. Просторъ и полное отсутствіе дачниковъ. Грибы, рыбная ловля и земская лѣчебница. Монастырь поэтиченъ. Стоя на всенощной въ полумракѣ галлерей и сводовъ, я придумываю темы для «звуковъ сладкихъ». Темъ много, но писать рѣшительно не въ состояніи.. Скажите на милость, гдѣ-бы я могъ печатать такіе «большіе» разсказы, какіе Вы видѣли въ «Сказкахъ Мельпомены»? Въ Мірскомъ Толкѣ? И къ тому же лѣнь.. Простите ради Бога.. Это письмо пишу я.. лежа...

Каковъ? Примостилъ себѣ на животъ книжищу и пишу. Сидѣть же лѣнь.. Каждое воскресенье въ монастырѣ производится пасхальная служба со всѣми ея шиками.. Лѣсковъ вѣроятно знаетъ объ этой особенности нашего монастыря. Каждый вечеръ гуляю по окрестностямъ въ компаніи, пестрѣющей мужской, женской и дѣтской modes et robes. Вечеромъ же хожу на почту къ Андрею Егорычу получать газеты и письма, причемъ копаюсь въ корреспонденціи и читаю адреса съ усердіемъ любопытнаго бездѣльника. Андрей Егорычъ далъ мнѣ тему для разсказа «Экзаменъ на чинъ». Утромъ заходитъ за мной мѣстный старожилъ, дѣдъ Прокудинъ, отчаянный рыболовъ. Я надѣваю большіе сапоги и иду куда-нибудь въ Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, головлей и линей. Дѣдъ сидитъ по цѣлымъ суткамъ, я же довольствуюсь 5—6 часами. Ѣмъ до отвала и умѣренно пью листовку. Со мной семья, варящая, пекущая и жарящая на средства, даваемыя мнѣ рукописаніемъ. Жить можно.. Одно только скверно: лѣнивъ и зарабатываю мало. Если будете Вы въ Москвѣ, то почему бы Вамъ не завернуть въ Новый Іерусалимъ? Это такъ близко.. Со станціи Крюково на двухрублевомъ ямщикѣ 21 верста—2 часа ѣзды. Братъ Николай будетъ Вашимъ проводникомъ. И Пальмина захватить можно.. Пасхальную службу послушаете.. А? Если напишете, то и я могъ бы за Вами въ Москву пріѣхать..

Тренещу. На этой недѣлѣ мнѣ нужно стряпать фельетонъ для Осколковъ, у меня же ни единаго событія. Высылать теперь буду съ субботы.. Вы будете получать въ понедѣльники.

Бываю въ камерѣ мирового судьи Голохвастова—извѣстнаго сотрудника Руси. Видаю Маркевича, получающаго отъ Каткова 5.000 въ годъ за свои переломы и бездны.

Монастырь Новый Іерусалимъ близъ г. Воскресенска.

Курсъ я кончилъ.. Я, кажется, писалъ ужъ Вамъ объ этомъ. А можетъ быть и не писалъ.. Предлагали мнѣ мѣсто земскаго врача въ Звенигородѣ—отказался. (Можно будетъ Вамъ, если пріѣдете, съѣздить къ Саввѣ Звенигородскому—это à propos). За симъ.. кажется ужъ больше не о чемъ писать. Кланяюсь и вручаю себя Вашимъ святымъ молитвамъ. Всегда готовый къ услугамъ и уважающій

Лѣкарь и уѣздный врачъ *А. Чеховъ.*

Ахъ, да! Книжку [1]) я напечаталъ въ кредитъ съ уплатою въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ со дня выхода. Что теперь творится въ Москвѣ съ моей книжкой, не вѣдаю.

Хочу сейчасъ идти рыбу удить.. Бѣда! Получилъ заказъ изъ Будильника и, кажется, за неимѣніемъ энергіи не исполню..

См. слѣдующее письмо. Это по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ застряло и залежалось.

L.

Ему же.

(Съ подлинника.)

4, VI, 27. (Воскресенскъ. 1884 г. Іюнь 27.)

Письмо № 2.

Вчера вечеромъ, уважаемый Николай Александровичъ, получилъ Ваше письмо и прочелъ его съ удовольствіемъ. Письма на дачѣ составляютъ удовольствіе не малое. Вчера у Андрея Егорыча [2]) я получилъ ихъ

---

[1]) «Сказки Мельпомены».

[2]) Воскресенскій почтмейстеръ.

цѣлыхъ шесть штукъ купно съ газетами и «Осколками» и до самой полуночи услаждалъ себя чтеніемъ. Прочелъ все, даже объявленія въ газетахъ и даже остроты новоиспеченнаго юмориста Е—ни [1]).. Вчера читалъ Ваше письмо, нынѣ же отвѣчаю.. Сейчасъ я пріѣхалъ съ судебно-медицинскаго вскрытія, бывшаго въ 10 верстахъ отъ В. [3]). Ѣздилъ на залихватской тройкѣ купно съ дряхлымъ, еле дышащимъ и за ветхостью никуда не годнымъ судебнымъ слѣдователемъ, маленькимъ, сѣденькимъ и добрѣйшимъ существомъ, мечтающимъ уже 25 лѣтъ о мѣстѣ члена суда. Вскрывалъ я вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ на полѣ, подъ зеленью молодого дуба, на проселочной дорогѣ.. Покойникъ «не тутошній» и мужики, на землѣ которыхъ было найдено тѣло, Христомъ Богомъ, со слезами молили насъ, чтобъ мы не вскрывали въ ихъ деревнѣ.. «Бабы и ребята спать отъ страху не будутъ..» Слѣдователь сначала ломался, боясь тучъ, потомъ же, сообразивъ, что протоколъ можно написать и начерно, и карандашемъ, и видя, что мы согласны потрошить подъ небомъ, уступилъ просьбамъ мужиковъ. Встревоженная деревушка, понятые, десятскій съ бляшкой, баба-вдова, голосящая въ 200 шагахъ отъ мѣста вскрытія и два мужика въ роли кустодіевъ около трупа.. Около молчащихъ кустодіевъ тухнетъ маленькій костеръ.. Стеречь трупъ днемъ и ночью до прибытія начальства—мужицкая, никѣмъ не оплачиваемая повинность.. Трупъ въ красной рубахѣ, новыхъ портахъ прикрытъ простыней.. На простынѣ полотенце съ образкомъ. Требуемъ у десятскаго воды.. Вода есть—прудъ подъ бокомъ, но никто не даетъ ведра: запоганимъ. Мужикъ пускается на хит-

---

[1]) Ежова.

[3]) Воскресенскъ.

рость: манехинскіе воруютъ ведро у трухинскихъ.. Чужого ведра не жалко.. Когда они успѣваютъ украсть и какъ и гдѣ—непонятно.. Ужасно довольны своимъ подвигомъ и посмѣиваются.. Вскрытіе даетъ въ результатѣ переломъ 20 реберъ, отекъ легкаго и спиртной запахъ желудка. Смерть насильственная, происшедшая отъ задушенія. Пьянаго давили въ грудь чѣмъ-то тяжелымъ, вѣроятно хорошимъ, мужицкимъ колѣномъ. На тѣлѣ множество ссадинъ, происшедшихъ отъ откачиванія. Манехинскіе нашли тѣло и качали его 2 часа такъ усердно, что будущій защитникъ убійцы будетъ имѣть право задать эксперту вопросъ: поломка реберъ не была ли слѣдствіемъ откачиванія? Но думаю, что этотъ вопросъ не задастся.. Защитника не будетъ, не будетъ и обвиняемаго.. Слѣдователь до того дряхлъ, что не только убійца, но даже и больной клопъ можетъ укрыться отъ его меркнущаго ока.. Вамъ уже надоѣло читать, а я разъохотился писать.. Прибавлю еще одну характерную черточку и умолкну. Убитый—фабричный. Шелъ онъ изъ тухловскаго трактира съ боченкомъ водки. Свидѣтель Поликарповъ, первый увидѣвшій у дороги трупъ, заявилъ, что онъ видѣлъ около тѣла боченокъ. Проходя же черезъ часъ мимо тѣла, этотъ Поликарповъ уже не видѣлъ боченка. Ergo: тухловскій трактирщикъ, не имѣющій права продажи на выносъ, дабы стушевать улики, укралъ у мертвеца боченокъ. Но довольно о семъ. Вы возмущаетесь осмотромъ кормилицъ.. А осмотръ проститутокъ? Медики (конечно, ученые), затрогивавшіе вопросъ «объ оскорбленіи нравственнаго чувства» осматриваемыхъ, судили-рядили и остановились на одномъ: «ихъ товаръ, наши деньги».. Если медицинской полиціи можно, не оскорбляя личности торгующаго, свидѣтельствовать яблоки и окороки, то почему же нельзя оглядѣть

и товаръ кормилицъ, или проститутокъ? Кто боится оскорбить, тотъ пусть не покупаетъ.. Если Вы побоитесь оскорбить щупаньемъ кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угоститъ Васъ такимъ товарцемъ, который блѣднѣетъ передъ гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами. У Васъ 600 кустовъ

Г. Воскресенскъ.

георгинъ... На что Вамъ этотъ холодный, не вдохновляющій цвѣтокъ? У этого цвѣтка наружность аристократическая, баронская, но содержанія никакого.. Такъ и хочется сбить тростью его надменную, но скучную головку. Впрочемъ, de gustibus non disputantur. Я не хотѣлъ помѣстить въ «Осколкахъ» объявленіе о моей книжкѣ [1]) не потому, что считаю это безполез

[1]) «Сказки Мельпомены».

нымъ, какъ Вы на меня клевещете, а просто потому, что боялся стѣснить Васъ: мѣста у Васъ мало, а брать съ меня, какъ съ другихъ берете, Вы поделикатитесь.. Помѣстите объявленіе, скажу спасибо. Ежели возможно вставить фразу «иногородніе получаютъ черезъ редакцію «Осколокъ», то скажу сугубое спасибо. Покупателей много не будетъ и Васъ эта фраза не стѣснитъ. Ежели паче чаянія найдется желающій купить книжку черезъ редакцію, то Вамъ придется только сообщить мнѣ въ ближайшемъ письмѣ адресъ счастливца и—больше, кажется, ничего.. Впрочемъ, въ издательскомъ дѣлѣ я рѣшительно ничего не понимаю.. Дѣйствуйте, какъ лучше.. За указанія поклонъ и спасибо. Исполню все такъ, какъ Вы написали. Страсть, сколько я написалъ Вамъ! Черезъ день хожу въ Земскую больницу, гдѣ принимаю больныхъ. Надо бы каждый день ходить, да лѣнь. Съ земскимъ врачемъ мы давнишніе пріятели.

Votre *А. Чехонте.*

LI.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Звенигородъ. 1884 г. Іюль.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Въ настоящее время я нахожусь въ градѣ Звенигородѣ, гдѣ волею судебъ исправляю должность земскаго врача, упросившаго меня замѣнить его на 2 недѣльки. Полдня занятъ пріемкой больныхъ (30—40

человѣкъ въ день), остальное же время отдыхаю, или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехорошій, безостановочный дождь.. Передъ моимъ окномъ гора съ соснами, правѣе домъ исправника, еще правѣе паршивенькій городишко, бывшій когда-то стольнымъ городомъ.. Налѣво заброшенный крѣпостной валъ, лѣвѣе лѣсокъ, а изъ-за послѣдняго выглядываетъ Савва освященный.. Заднее крыльцо, или вѣрнѣе задняя дверь, около которой воняетъ сортиромъ и хрюкаетъ поросенокъ, глядитъ на рѣку. Теперь суббота. Чтобы не обмануться въ почтѣ, спѣшу послать срочную работу. Разсказъ же нацарапаю сегодня подъ ночь и пришлю завтра. Письма посылайте въ Воскресенскъ. Оттуда мнѣ пересылается все исправно. Былъ въ Москвѣ и слышалъ, что Л. И. Пальминъ вѣнчался со своей старухой.

Видѣлъ его, но онъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ. Не говорите ему, что я Вамъ сообщилъ эту прозаическую новость про поэтическаго человѣка.. Можетъ быть, эта новость для Васъ уже не новость!

Прощайте. Вашъ

А. Чеховъ.

LII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Звенигородъ. 1884 г. Іюль.)

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Прочитавши Ваше письмо, далъ знать въ Москву брату Николаю о предстоящемъ Вашемъ пріѣздѣ. Братъ будетъ Вашимъ путеводителемъ въ Воскресенскъ, самъ

же я вырваться изъ Звенигорода не могу до пріѣзда врача, должность коего исправляю. Предъ пріѣздомъ въ В.[1]) Вы потрудитесь увѣдомить меня телеграммой (Звенигородъ, врачу Чехову), я поѣду на 1—2 дня въ В., чтобы повидаться съ Вами и показать Вамъ наши святыни. Или такъ сдѣлайте: поѣзжайте на вторую станцію Смоленской дороги Голицыно. Отсюда до Звенигорода (15 верстъ) на лошадяхъ. Въ Звенигородѣ обозрѣемъ Савву освященнаго и покатимъ отсюда въ Новый Іерусалимъ (20 верстъ). Все это отниметъ у Васъ не болѣе сутокъ. Прихватите Пальмина. Заранѣе предупреждаю: удобствъ на пути не найдете.. Дороги и города хуже худшаго, но зато масса беллетристическаго матеріала. Если переночуете у меня, то свожу Васъ въ больницу на пріемку (разсказъ въ 300 строкъ). На Илію 20-го у меня будетъ 60 человѣкъ больныхъ, 22-го человѣкъ 40. Лучше сдѣлаете, если начнете путешествіе Звенигородомъ. Дороги тряски, но живописны. Жду. Телеграммы въ Воскресенскъ не посылайте, ибо въ этомъ градѣ телеграфа нѣтъ и мнѣ придется платить за эстафету 3 р. 50 к. (Семья заплатитъ, а телеграммы я не прочту, такъ какъ меня нѣтъ въ В.). Телеграфируйте въ Звенигородъ. Больныхъ я могу бросить на 2 сутокъ. У меня фельдшера доки. Пріѣзжайте же! Братъ Николай будетъ у Васъ въ Лоскутной. Обитаетъ онъ на старой квартирѣ.

Неужели Д. К. Ламанч. и Ежени одно лицо? Если да, то я, значитъ, хвалилъ не по чину.. Д. К. Ламанч. изображаетъ изъ себя одного изъ хорошихъ московскихъ работниковъ. Стишки его милы.. Но проза его, въ особенности въ «Будильникѣ», не сносна.. Относительно Рыскина соглашаюсь съ Вами. Читалъ его мало,

---

[1]) Воскресенскъ.

но слышалъ про него много. Въ Москвѣ, если покопаться, можно найти еще кое-кого. Прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Пальмина умоляю пріѣхать.

LIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

23, VIII, Воскресенскъ (1884 г.)

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Собираюсь удрать къ 1-му Сентября изъ Воскресенска въ Москву на зимнее житіе. Первое число срокъ крайній. А посему, прошу усердно, сдѣлайте распоряженіе о высылкѣ мнѣ гонорара не позже 31-го Августа—пятницы, когда въ Воскр. приходитъ денежная почта. Простите ради Аллаха, что на сей разъ измѣняю Вашимъ порядкамъ, но если бы Вы знали, какая противная погода на дачѣ, сколько багажа и домочадцевъ прійдется мнѣ переправлять въ Москву и какъ мнѣ хочется засѣсть за свой московскій письменный столъ, то объяснили бы себѣ это мое нашествіе на Вашу бухгалтерію. Чтобы не путать августовскихъ счетовъ съ сентябрьскими, вышлите мнѣ наотмашь рублей 60—это и короче и сподручнѣе для Васъ—а счета за августъ вышлетъ Вашъ секретарь мнѣ вмѣстѣ съ сентябрьскимъ счетомъ въ октябрѣ, сразу за 2 мѣсяца.

Нужно бы въ Москву съѣздить за деньгами, да денегъ нѣтъ на дорогу.. Комиссія! Были кое-какія деньжонки, да нелегкая дернула меня дать ихъ въ займы пріятелю-поручику. Поручикъ отдастъ, но вѣроятно тогда, когда

у меня у самого будутъ полные карманы, передъ моимъ отъѣздомъ. Впрочемъ довольно о деньгахъ. Ахъ.. не такъ давно лѣчилъ одной барышнѣ зубъ, не вылѣчилъ и получилъ 5.руб.; лѣчилъ монаха отъ дизентеріи, вылѣчилъ и получилъ 1 р.; лѣчилъ одну московскую актрису-дачницу отъ катарра желудка и получилъ 3 руб. Таковой успѣхъ на новомъ моемъ поприщѣ привелъ меня въ такой восторгъ, что всѣ оные рубли я собралъ воедино и отослалъ ихъ въ трактиръ Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочіе медикаменты.

Спасибо Вамъ за объявленія о моей книжицѣ. Въ сентябрѣ поблагодарю лично. Если Вы находите, что объявленія лѣтомъ лишни, то прекратите, или же помѣщайте ихъ черезъ номеръ. Не знаю, что творится теперь съ моей книгой.. Говорятъ, хвалили ее въ Нов. Времени, въ Театр. Міркѣ.. Ничего не читаю, кромѣ московскихъ газетъ, ни за чѣмъ не слѣжу.. Такая досада! Если Вы помѣстили объявленіе въ «Петерб. Газетѣ», то уплатите изъ моего гонорара. Уплатите слѣдуемое и Вашей конторѣ за объявленія въ Осколкахъ. Читалъ въ «Наблюдателѣ» критику на «Христову Невѣсту».. Кто бы могъ подумать, что Ваша книжка дастъ случай этому безпардонному критику упомянуть о германскомъ милитаризмѣ, бисмарковщинѣ...

Сажусь писать оск. москов. жизни. Полное отсутствіе матеріала! Нововременскій Курепинъ и Лукинъ [1]) изъ «Новостей» изъ кожи вонъ лѣзутъ, но ихъ фельетоны не полнѣе моихъ осколковъ.

Погода ужасная, дифтеритная. Давно уже не видѣлъ солнца. Читалъ Пальминскую «Морскую зыбь».. Не уѣхалъ ли онъ на море? Не катается ли теперь чего добраго на пароходѣ въ «каютѣ новобрачныхъ»?

---

[1]) А. П., извѣстный московскій фельетонистъ.

Б. М. [1]) далъ мнѣ почитать собраніе своихъ мелкихъ разсказовъ. Давая мнѣ это собраніе, онъ имѣлъ въ виду благую цѣль: пусть поучится молодой человѣкъ. Спрашивалъ о Васъ, снисходительно покритиковалъ Лѣскова, пожалѣлъ, что нынѣшняя юмористика въ упадкѣ... Этотъ каммеръ-юнкеръ болѣнъ грудной жабой и вѣроятно скоро дастъ матеріалъ для некролога..

Прощайте. Посылаю сестру на почту отнести это письмо. Сверхъ ожиданія соглашается и идетъ одѣваться.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LIV.

Д. Т. Савельеву.

1884 г. 4 сентября. Москва.

Любезный другъ,
Дмитрій Тимоѳеевичъ!

Письмо твое я получилъ только вчера (3-го), по пріѣздѣ изъ Воскресенска. Порученія твои исполню съ готовностью, ибо досуга у меня много. Лекціи начнутся не ранѣе 10—15 сентября, такъ какъ Ек. [2]) больница ремонтируется. Проценты въ ссуду уплачу тотчасъ же по полученіи отъ тебя квитанціи. Если, посылая мнѣ квитанціи, не пришлешь мнѣ денегъ, то этимъ окажешь для меня великую услугу: ты знаешь, какъ жутко ходить въ почтамтъ за полученіемъ! Уплачу свои, а потомъ расквитаемся.

Чтобы не быть у меня въ долгу по части порученій, исполни мою маленькую просьбу: поклонись своей женѣ 100 разъ за ея память о моей персонѣ. Но это не все. Если у тебя есть свободное время, то забѣги какъ-

---

[1]) Маркевичъ.

[2]) Екатерининская.

нибудь въ городскую управу и спроси тамъ, какъ поживаетъ моя стипендія [1]). Я не получалъ еще за послѣднюю треть. Если управа намѣрена выслать мнѣ, то пусть поспѣшитъ высылкой. Все имѣвшееся у меня я ухлопалъ на семью и теперь сижу на бобахъ, ощущая всѣми своими нервами отсутствіе въ карманѣ всякаго присутствія. Живу пока въ кредитъ, получки же мои начнутся только въ октябрѣ.

О причинахъ, не пустившихъ меня на югъ, сообщу при свиданіи. Приписка твоей супруги повергла меня въ печаль. Я почувствовалъ наклонность къ семейной жизни, пожелалъ быть отцомъ—и вдругъ! Мнѣ пишутъ, что невѣста еще не нашлась! А ты, скотъ безчувственный, не могъ употребить власти и прикрикнуть на жену, чтобы пристроила твоего друга! Я отказалъ многимъ богатымъ невѣстамъ, надѣясь на обѣщаніе твоей жены,—можешь, стало-быть, понять теперь мое положеніе! Опять придется ходить всю зиму въ Salon [2]). Книжку вышлю, когда схожу въ складъ изданія.

Кланяюсь.

Tuus *Чеховъ.*

LV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1884 г. Сентябрь.)

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Спѣшу писать, ибо сочтены мои часы и минуты: черезъ 2 часа идетъ поѣздъ къ Вамъ въ Питеръ. Боюсь

---

[1]) А. П. получалъ стипендію по 25 р. въ мѣсяцъ отъ Таганрогской Городской Управы.

[2]) Salon de Varietées.

опоздать! Фельетонъ посылаю заказнымъ. Разсказъ же, который сейчасъ пишу, пошлю съ почтовымъ поѣздомъ, если кончу, разумѣется.. Дамъ лихачу 40 коп. и авось домчусь до вокзала къ сроку..

Далѣе... Сегодня въ театрѣ Лентовскаго идетъ пресловутый «Чадъ жизни», Б. Маркевича. Если достану билетъ, то сегодня буду въ театрѣ, а завтра (во вторникъ) утромъ накатаю пародію или что-нибудь подходящее и пришлю Вамъ съ завтрашнимъ почтовымъ поѣздомъ— имѣйте это въ виду и оставьте на всякій случай мѣстечко.

«Чадъ жизни» писанъ въ градѣ Воскресенскѣ въ минувшее лѣто, почти на моихъ глазахъ. Знаю я и автора, и его друзей, которыхъ онъ нещадно третируетъ своей сплетней въ «Безднахъ» и «Переломахъ».. Ашанинъ (бывшій директоръ театра Бегичевъ), Вячеславцевъ (бывшій пѣвецъ Владиславлевъ) и многіе другіе знакомы со мной семейно.. Можно будетъ посплетничать, скрывшись подъ псевдонимомъ.

Но однако пора въ почтамтъ. Adieu!

А. Чеховъ.

P. S. Хотѣлъ Вамъ написать про «Волну» и Л. И. Пальмина. Исторія вышла потѣшная. Напишу въ другой разъ..

LVI.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1884 г. Сентябрь.)

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Посылаю вамъ разсказецъ. Больше прислать не могу, ибо бѣденъ досугомъ. Къ слѣдующему нумеру вышлю разсказъ. Есть 2 темы наготовѣ. Не сердитесь ради

Бога, за то, что не работаю у Васъ такъ, какъ сумѣлъ бы работать, если бы было у меня свободное время. Замучила меня медицина. Чувствую, что работаю, какъ будто спустя рукава и сквозь пальцы, чувствую, ибо это на самомъ-таки дѣлѣ и есть, но заслуживаю снисхожденія.

Послѣдній нумеръ веселенькій. «Дневникъ приключеній», «У доктора» и Ваши письма читаются каждымъ приходящимъ ко мнѣ (а приходитъ ко мнѣ ежедневно человѣкъ 8—10) и возбуждаютъ смѣхъ—именно то самое, что нужно для юморист. журнала. Мой «Молодой человѣкъ» вызываетъ удивленіе своею нецензурностью.. Удивляются наши цензурные москвичи! Да и трудно не удивляться: у насъ вычеркивается «кокарда», «генералъ отъ медицины».. Ваши письма въ предпослѣднемъ нумерѣ—очень хорошенькая вещь. Вообще замѣчу, Вамъ чрезвычайно удаются разсказы, въ которыхъ Вы не поскупитесь на драматическій элементъ. Послѣдній нумеръ хорошъ и тѣмъ, что въ немъ нѣтъ разсужденій и мало фельетоновъ. Нѣтъ по крайней мѣрѣ фельетона Черниговца.

Чего ради Вы выпустили изъ моего фельетона куплетецъ о «велосипедистахъ»? Вѣдь у насъ есть такое общество.. Если Вы выпустили въ видахъ экономіи мѣста, то втисните его въ будущій фельетонъ, такъ какъ я ужасно бѣденъ фельетоннымъ матеріаломъ. Счастливчикъ И. Грэкъ! Ему можно пройтись насчетъ Островскаго и другихъ «общихъ» явленій, а мнѣ бѣда!—подавай непремѣнно факты и московскіе факты!

Если вы оставили «Чадъ жизни» къ слѣдующему нумеру, то бросьте его. Пародія не удалась, да и раздумалъ я. Б. Маркевичъ обыкновенно плачетъ, когда читаетъ непріятныя для своей особы вещи, плачетъ и жалуется.. Прійдется поссориться съ нѣкоторыми его почитателями

и друзьями, какъ ни скрывайся за псевдонимомъ. А стоитъ ли изъ-за этакого пустяка заводить канитель. Вмѣсто пародіи, я дамъ фельетонный куплетецъ—это короче.

Пальмина давно не видѣлъ. Не слишкомъ ли Вы жестоки къ «Волнѣ» [1]) и не слишкомъ ли много говорите Вы объ этомъ грошевомъ журнальчикѣ? Л. И. забылъ, вѣроятно, что Кланга ругали мы въ Осколкахъ во всѣ корки. (Я два раза ругалъ) [2]), не щадя живота его. Отчего бы не позволить ему хоть разикъ, хоть сдуру лягнуть «Осколки»? Л. И. поступилъ порыцарски, отказавшись работать въ «Волнѣ»; но не порыцарски поступилъ онъ, напечатавъ въ Моск. Листкѣ письмо, въ которомъ отказывается отъ сотрудничества въ «Волнѣ», не объясняя мотивовъ. Публика чертъ знаетъ что можетъ подумать.

А. Чеховъ.

LVII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

84, IX, 15 (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Сижу я въ домѣ графини Капнистъ, въ салонахъ которой обитаетъ Ліодоръ Ивановичъ Пальминъ (извѣстный поэтъ). Поэтъ благосклоненъ ко мнѣ настолько, что угощаетъ меня своей наливкой. У него насморкъ, кашель и шумъ въ ушахъ.

Для Васъ готовы у меня 3 разсказа, которые завтра или послѣзавтра посылаю. Выѣзжать никуда не думаю,

---

[1]) Московскій журналъ, издававшійся И. И. Клангомъ.

[2]) См. приложеніе въ концѣ этой книги.

сижу у себя въ Головиномъ пер. и лѣнюсь. Совлещи съ себя лѣниваго человѣка радъ бы, но не могу. Насчетъ работы моей у «еврюги» не слишкомъ безпокойтесь: за все лѣто и сентябрь я получилъ отъ него 3 купона стоимостью въ 2 р. 50 к. каждый—только. О пасквилѣ «Сатирическаго Листка» я писалъ Вамъ. Если Вы не удовлетворены, то все мною недосказанное, длинное для письма, сообщу при свиданіи. Оставляю мѣсто для Ліодора Ивановича.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LVIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

84, XI, 4. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Пишу Вамъ, дабы предупредить Васъ, что фельетонъ будетъ высланъ мною не сегодня въ воскресенье, а завтра въ понедѣльникъ. Стало-быть, Вы можете на этотъ счетъ быть покойны.. Фельетонъ мой почти уже готовъ, но малъ очень и хочется мнѣ прибавить еще что-нибудь.. Вмѣстѣ съ фельетономъ пришлю двѣ темы и, быть-можетъ, разсказъ.. Фельетонъ ужасенъ.. Матеріала никакого и поневолѣ приходится писать про Кузнецова [1]) и его салонъ—противно даже. Вчера и сегодня болѣнъ.. Голова трещитъ, лихорадка.. Работать не въ состояніи.. Былъ у меня Пальминъ и передалъ мнѣ, что Вы на меня сердитесь. За что? Вы пишете ему, что я не присылаю Вамъ разсказовъ.. Беру боговъ

---

[1]) Содержатель Salon'а. Въ Москвѣ былъ знаменитый въ то время кафе-шантанъ Salon de Varietées.

въ свидѣтели, что я не посылаю Вамъ разсказовъ только тогда, когда знаю, что у Васъ есть уже въ запасѣ мой разсказъ.. Это справедливо даже относительно того изъ послѣднихъ номеровъ, въ которомъ не было ничего моего. Вы можете только претендовать, что нѣкоторые мои разсказы выходятъ плохи.. На это могу возразить Вашей же фразой, сказанной въ одномъ изъ Вашихъ писемъ относительно печи, не всегда одинаково пекущей.

Далѣе Вы громите меня за то, что я не даю темъ. Если бы сочинять темы было такъ же легко, какъ закурить папиросу, то я прислалъ бы Вамъ ихъ видимо-невидимо, но Вы сами знаете, что легче найти 10 темъ для разсказовъ, чѣмъ одну порядочную подпись.. И неужели Вы думаете, что я не прислалъ бы ихъ Вамъ, если бы онѣ у меня были? Точно я ихъ продаю въ другой журналъ? Всѣ темы, какія у меня накопились за все время моего литературничества, я вывалилъ Вамъ въ прошломъ году.. И теперь выдумываю и изрѣдка присылаю.. Сдѣлалъ даже по Москвѣ кличъ, что плачу по полтиннику за каждую сносную тему.. Вы въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ въ Лоскутной, набавляя 5 р. къ добавочнымъ, мое упорство относительно недоставленія подписей поставили въ нѣкоторую связь съ добавочными.. Если я получаю эти добавочныя только за темы, то конечно я получаю ихъ ни за что.. Но вѣдь это легко поправить! Стоитъ только перестать высылать ихъ—вотъ и все!

Далѣе Вы, какъ передаетъ Л. И., жалуетесь, что я не всегда отвѣчаю на Ваши письма. Это правда, винюсь. Дѣло въ томъ, что посылку произведеній своихъ я довожу до крайняго срока и не успѣваю писать Вамъ, несмотря на искреннее желаніе. Я уже не разъ извинялся въ этомъ и не разъ писалъ Вамъ громадныя письма,

чтобы хоть этимъ загладить свою вину. На письма, имѣющія дѣловой характеръ, я всегда отвѣчалъ.. Теперь, давъ отвѣтъ на претензіи, заявленныя Пальминымъ, продолжаю о своемъ..

Въ эту недѣлю не посылаю Вамъ нѣсколько разсказовъ, ибо былъ все время и болѣнъ и занятъ: пишу маленькую чепуху для сцены [1])—вещь весьма неудачную.. По утрамъ и вечерамъ готовлюсь къ докторскому экзамену [2]).

Во вторникъ буду у Пальмина и подумаю съ нимъ о темахъ для передовицъ. Николай ничего не дѣлаетъ, хотя, судя по его прелестному рисунку въ послѣднемъ номерѣ Осколковъ, и слѣдовало бы работать. У Гиляровскаго родился младенецъ мужеска пола.

Да! 22-го разбирается дѣло Рыкова [3]).. Буду въ Окружномъ судѣ, ибо имѣю билетъ.. Не нужно ли для «Петербургской Газеты» фельетоновъ о Рыковѣ? Если нужно, то порекомендуйте. Возьму дешево: по 50 р. за фельетонъ.. Дѣло будетъ тянуться 12 дней. Безъ эффектовъ не обойдется.. О многомъ можно написать..

Письмо это коротко, но думаю, что я все сказалъ, что нужно для того, чтобъ Вы перестали сердиться. Мечтаю въ Декабрѣ быть у Васъ. Вашъ *А. Чеховъ.*

Рекомендовалъ я Вамъ поэтика М. Махонькій, плюгавенькій.. Жалко мнѣ его, потому и рекомендовалъ. Кушать хочетъ, а денегъ нѣтъ.. Будете объявленія о журналѣ пускать? Если будете, то хорошо.. Я на Вашемъ мѣстѣ тысячъ пять бы убухалъ на рекламу..

---

[1]) Одноактную пьесу «На большой дорогѣ», запрещенную къ представленію цензурой.

[2]) А. П. хотѣлъ защищать диссертацію на степень доктора медицины.

[3]) Процессъ Скопинскаго банка.

Рекламу пустить съ рисунками, разсказами, анекдотами.. красками..

А о Петербургской Газетѣ—пожалуста. Не дадите ли и Вы мѣсто въ осколочныхъ фельетонахъ скопинскому дѣлу? Если да, то предупредите.. Дѣло большое, на всѣхъ хватитъ.

LIX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

84, XI, 11. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше письмо и пишу отвѣтъ черезъ часъ по прочтеніи.

О высасываніи изъ пальца я съ Вами не согласенъ. Если начнешь высасывать, то пройдетъ часъ, два... а тамъ глядь и ничего не выдумалъ и не высосалъ! А за 2 часа можно другое что-нибудь сдѣлать.. Неужели Вамъ понравились мои темы? Я послалъ ихъ не безъ колебанія...

Насчетъ брата Николая согласенъ. Скорблю и скорблю. Лѣнтяй изъ перворазрядныхъ и съ каждымъ годомъ дѣлается все лѣнивѣе и лѣнивѣе.. Прочту ему Ваше письмо. Вліяніе свое на него обѣщаю, но.. гдѣ замѣшалась баба (и у него баба), тамъ трудно вліять.

На условія Петербур. Газеты тоже согласенъ. Буду писать по Рыковскому дѣлу и наканунѣ процесса пришлю первый разсказъ.

О распорядителѣ, выведенномъ изъ маскарада, Вы напрасно усомнились и напрасно вообще Вы мнѣ не вѣрите. Я Васъ не подведу и не надую—въ этомъ будьте

увѣрены. Выведенъ былъ Гулевичъ-разсказчикъ изъ маскарада Лентовскаго. Не назвалъ я лица и мѣста, потому что не хотѣлъ обижать старика—вотъ и все. О выводѣ его знала вся Москва и замѣтки моей было бы достаточно безъ фамиліи.

Вчера получаю телеграмму: «Поля больна и я шея железа знобъ если можно пріѣзжайте вечеромъ Пальминъ». Ѣду вечеромъ и—о поэты!—не застаю Л. И. дома.. Поля сидитъ съ гостями и угощается..

Шлю мелочишку.. Мнѣ сдается, что она чуточку мутна. Если такъ, то вышлите обратно, я ее починю.. Ѣду слушать Лукка.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ахъ да! Есть въ Москвѣ такой поэтикъ Медвѣдевъ.. Ему я далъ записочку къ Вамъ.. Стало-быть еще не собрался послать Вамъ свои стишины.. Рыскинъ едва ли будетъ Вашимъ сотрудникомъ.. Пастуховъ не пуститъ.

LX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

84, XI, 16. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Ахъ! Но одного «аха» не достаточно...

Изумляюсь, какъ это я не понялъ Васъ относительно Худекова [1])? Вы писали, что ему не нужно фельетоновъ, а нужны краткія свѣдѣнія изъ суда строкъ въ 100.. Мнѣ почему-то вообразилось, что подъ свѣдѣніямъ надлежитъ понимать разсказы.. (Если эти свѣдѣнія

[1]) С. Н. Худековъ—издатель «Петербургской Газеты».

не фельетонъ—то что же?). Спасибо, что написали и наставили на путь истинный.. Вы удивляетесь моей странной прыти: какъ это, молъ, можно написать разсказъ за день до суда? Разсказъ—не пожарная команда: и за полчаса до пожара можетъ быть состряпанъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ первой моей посылкѣ я хотѣлъ изобразить нововведенія въ окружномъ судѣ, состряпанныя ради Рыкова и которыя я ѣду осматривать въ понедѣльникъ..

Они достойны описанія, а не описывать же ихъ въ самый день суда, когда будетъ и такъ много матеріала!..

Второе «ахъ» по поводу «Рѣчи и ремешка» [1]). Сей разсказъ напечатанъ нигдѣ не былъ. Суть его я припоминаю, исполненіе забыто.. Прочту съ удовольствіемъ, какъ нѣчто не мое..

Я не думалъ, что мой разсказъ, напечатанный въ Развлеченіи, достоинъ Осколковъ. Я не послалъ его, ибо онъ длиненъ и плохъ — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. А Вы не сердитесь, когда видите меня дезертирующимъ изъ Осколковъ.. Человѣкъ я семейный, не имущій.. деньги надобны, а Развлеченіе платитъ мнѣ 10 коп. со строки. Мнѣ нельзя зарабатывать менѣе 150—180 руб. въ мѣсяцъ, иначе я банкротъ.

Объ Медвѣдевѣ скорблю. Голоденъ и холоденъ. Студентъ..

О Николаѣ молчу. Нарисовалъ онъ Вамъ хорошій рисунокъ.. Если я спрошу его, послалъ ли онъ Вамъ его, или нѣтъ, то навѣрное совретъ...

Если пріѣдете въ Ноябрѣ, то—merci. У насъ зимой весело. Въ Стрѣльну можно будетъ съѣздить..

---

[1]) Разсказъ А. П. «Осколки» № 47. 1884 г.; подпись: А. Чехонте.

Былъ я недавно въ одной ископаемой редакціи («Россія») и подслушалъ весьма интересный разговоръ. Человѣкъ 10—15 сидѣли за чаемъ и толковали про «Осколки». Сравнивали съ Искрой, говорили, что они лучше Искры, что въ нихъ есть направленіе, остроуміе... что пресса подло дѣлаетъ, что обращаетъ на нихъ мало вниманія и проч.. Похвалили даже моск. фельетонъ, спросивъ меня, кто это Улиссъ [1]). Не первый ужъ разъ слышу я такое мнѣніе объ О—ахъ и всякій разъ «взыграся во чревѣ моемъ младенецъ».. Держитесь! Подтяните художественный отдѣлъ до высоты хотя бы стрекозиной и—благо будетъ..

Я понатужусь и дамъ мелочишекъ, а пока не забывайте, что у Васъ есть всегда готовый къ услугамъ

А. Чехонте.

Кстати. Рыковское дѣло будетъ, какъ говорятъ, тянуться 2—3 недѣли.. Не пришлетъ ли мнѣ г. Худековъ на всякій случай какого-либо вида отъ Пет. Газ., карточку, что ли.. Мелочи вышлю завтра.. Я несчастливъ: каждый день гости...

LXI.

Ему же.

(Съ подлинника.)

84, XI, 19 (Москва.)

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Вмѣсто одного большого разсказа посылаю Вамъ 3 плохихъ мелочишки. Тутъ же посылаю разсказъ одной госпожи, сотрудницы многихъ петербургскихъ

---

[1]) Псевдонимъ А. П. Чехова.

и московскихъ журналовъ, нѣкоей N. Пришла ко мнѣ и попросила рекомендовать. Рекомендую. Баба способная и можетъ пригодиться, если будетъ поставлена на настоящій путь. Гонорара проситъ 6 коп. Если разсказъ негоденъ, то сдѣлайте милость пришлите его обратно, не мнѣ, а по адресу..... Напишите ей при этомъ какое-нибудь утѣшительное слово въ родѣ надежды на будущее—такимъ образомъ и ее удовлетворите и меня отъ нея избавите.. Особа нервная, а посему (не даромъ я медицинскій ф—тетъ проходилъ!) не огорошьте ее холоднымъ и жесткимъ отвѣтомъ.. Помягче какъ-нибудь... Я наказанъ почтовыми расходами и потерей времени (она просидѣла у меня 1½ часа), а Вы ужъ возьмите на себя горечь отвѣта.. Если пришлете разсказъ на мое имя, то она опять ко мнѣ прійдетъ и.. ахъ! Поетъ, впрочемъ, не дурно, но мордемондія ужасная...

Votre *А. Чеховъ.*

LXII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

25/XI (Москва. 1884 г.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Вмѣсто фельетона о Рыковѣ, который вышелъ бы и малъ, и жалокъ.. (въ 40—50 строкъ фельетона всего процесса не всунешь) посылаю Вамъ Скопинскія картинки [1]). Думаю, что сгодятся..

Процессъ протянется еще 2 недѣли, а, можетъ быть, и больше.. Если хотите, то и къ слѣдующему нумеру

---

[1]) «Картинки изъ недавняго прошлаго» Осколки № 48, 1884 г.; подпись: А. Чехонте.

пришлю такихъ картинокъ... Есть очень характерныя матеріи.. Кланяюсь.. Подробное письмо напишу *завтра* въ судѣ, а сейчасъ спать и спать!

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXIII.

Ему же [1]).

(Съ подлинника.)

84, XI, 26 (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Въ письмѣ своемъ Вы начинаете съ N. Съ нея начну и азъ. Разсказовъ ея я не читалъ и послалъ ихъ къ Вамъ «дѣвственными», мною не тронутыми. Читать ихъ было некогда, ибо она стояла надъ душой и требовала послать сейчасъ.. Прочти я ихъ и найди скверными, мнѣ все-таки пришлось бы ихъ послать Вамъ.. А какъ баба обрадовалась, прочитавъ Ваше письмо! Она прибѣжала ко мнѣ и поклялась послать Вамъ въ «благодарность» еще очень много разсказовъ.

Николая видѣлъ и претензіи Ваши ему заявлялъ. Пообѣщалъ поспѣшить высылкой. Не знаю, откуда онъ взялъ, что я обѣщалъ дать подпись къ его рисунку? Можетъ быть и обѣщалъ, но.. не помню.. Подумаю и если надумаю на-дняхъ, то на-дняхъ же и вышлю.

Теперь насчетъ бывшей у Васъ Н. А. Гольденъ. Это мой хорошій пріятель.. Бабенка умная, честная и во всѣхъ смыслахъ порядочная. Имѣетъ честь быть свояченицей писателя-изобрѣтателя Пушкарева. Нѣ-

---

[1]) Начало письма писано въ судѣ карандашомъ и окончено дома чернилами.

сколько дика, чѣмъ и объясняется, что она не сняла пальто. Пушкарева при ней ругать можно.

За симъ о «Петерб. Газетѣ». О Рыковѣ строчу туда ежедневно и, вѣроятно, на Худекова не потрафляю. Дѣло не привычное и сверхъ ожиданія тяжелое. Сидишь цѣлый день въ судѣ, а потомъ, какъ угорѣлый пишешь.. Не привыкъ я къ такому оглашенному письму.. Пишу скверно, а тутъ еще гг. корректоры стараются и починяютъ мое писанье. Пишу напримѣръ: «Палата идетъ!», какъ и подобаетъ, а они, милые люди, исправляютъ: «Судъ идетъ!» Ужъ ежели они мнѣ не вѣрятъ, такъ нечего имъ было со мною и связываться.. Противъ сокращеній я ничего не имѣю, ибо я новичокъ въ дѣлѣ судебной хроники, измѣнять же смыслъ не уполномачивалъ.

Я пишу: «Этотъ скопинскій нищій подаетъ вдругъ въ банкъ объявленіе о взносѣ имъ вкладовъ на 2.516.378 р. и черезъ два—три дня получаетъ эту сумму чистыми денежками.. (помню съ этого мѣста приблизительно), но ими не пользуются, ибо объявленіе дѣлаетъ по приказу Рыкова въ силу его политики».. Послѣднее, со слова «но» зачеркивается и нищій выходитъ у меня богачемъ...?!?

Помаленьку привыкаю и позднѣйшія корреспонденціи выходятъ лучше и короче первыхъ. Вы ничего не говорите Худекову. Жалуюсь только Вамъ.. Да и не жалуюсь, а такъ только копѣечную скорбь свою изливаю.. Въ судѣ въ общемъ весело.. Протянется процессъ еще 2 — 3 недѣли.. Если Вамъ понутру придутся картинки изъ Скопина, то не прислать ли новую серію? Злоба дня солидная.. Дѣло я понимаю и темъ много. Если согласны, то отвѣчайте шнеллеръ.

Мечтаю въ декабрѣ прибыть въ Питеръ.. хочу удрать

отъ женщинъ, навязывающихъ мнѣ участіе въ любительскомъ спектаклѣ. Мнѣ! сотруднику Осколковъ! Ахъ!

Пишу конецъ письма дома, воротившись изъ суда.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXIV.

П. А. Сергѣенко.

(Съ подлинника.)

84-го года XII/17 (Москва.)

Любезный другъ
Петръ Алексѣевичъ!

Получилъ вырѣзку изъ невѣдомаго мнѣ органа и работы невѣдомаго автора. Шлю «невѣдомому Богу» благодарность, кусочекъ коей можешь себѣ присвоить не столько за вырѣзку, сколько за память.

Давно собирался нацарапать тебѣ и вотъ по какому поводу. Мѣсяцъ тому назадъ я послалъ въ «Стрекозу» разсказъ, посвященный «недавно судившемуся другу моему Эмилю Пупу»[1]). Заглавія не помню.. Память до того подлая, что скоро забуду, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. Кажется, «Ночь передъ судомъ», но не ручаюсь. Подъ заглавіемъ курсивная строка: «Случай изъ моей медицинско-шарлатанской практики». Подпись: «Дяденька».

Было ли до сегодня напечатано что-либо подобное въ Стрекозѣ? Этого журнала я не вижу и не читаю: то болѣнъ, то занятъ и нигдѣ не бываю.. Написать въ Стрекозу справку не хочется.. Разсказъ нѣсколько нецензуренъ: либераленъ, саленъ и проч.. Если будешь писать въ Питеръ, то справься о судьбѣ чеховскаго разсказа. Впрочемъ, справка эта не имѣетъ осо-

---

[1]) Псевдонимъ П. А. Сергѣенка.

бой важности, и я мало потеряю, если ты забудешь... Пишу же тебѣ о семъ съ тою цѣлью, чтобы выдать тебѣ съ головою автора, дерзнувшаго украсить свой разсказъ твоимъ эмилепупствомъ. Ну, какъ живешь? Чай, на южномъ просторѣ плодишься и размножаешься и стишки пописываешь? Счастливчикъ! Я же скорблю.. Работы пропасть, денегъ мало, зима скверная, здоровье негодное.. Поемъ «Фрере-Жаки»..—слѣдъ, тобою оставленный. Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, но задержало кровохарканье (не чахоточное). Читаю твои произведенія и браню тебя за неприлежаніе: мало пишешь. Не увидимся ли мы гдѣ-нибудь лѣтомъ? А? Напиши-ка! На югѣ лѣтомъ я буду.. Вчера снился мнѣ почему-то Крамсаковъ[1]). Избираю его фамилію своимъ фельетоннымъ псевдонимомъ.. Прощай.. Жму тебѣ руку и желаю тебѣ купно съ твоей семьей всѣхъ благъ.

Твой *А. Чехонте.*

Срѣтенка, Головинъ пер., д. Елецкаго.

LXV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

XII, 23 (Москва. 1884.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Первымъ дѣломъ поздравляю Васъ съ праздникомъ и окончаніемъ года, а къ поздравленію по издревле установленному порядку присоединяю тысячи пожеланій. Посылаю Вамъ разсказъ и рождеств. мелочишку. Сегодня съ курьерскимъ вышлю святочный разсказъ.

---

[1]) Преподаватель Таганрогской гимназіи.

Къ Новому году постараюсь написать побольше мелочей новогодняго свойства. Мелочи уже задуманы, разсказъ же пока не наклевывается. Когда выйдетъ первый нумеръ? Къ какому нумеру присылать моск. фельетонъ: къ 52 или къ 1?

Здоровье мое поправилось. Не только работаю, но даже позволяю себѣ употреблять спиритуозы. Праздники встрѣчаю уныло.. Денегъ нѣтъ. Петерб. Газета еще не выслала, «Развлеченіе» должно крохи, изъ Будильника больше десятки не возьмешь.. Сижу на бобахъ... Надѣялся получить изъ одного мѣста и получилъ носъ... Николай болѣнъ и зарабатываетъ мало, Агаѳоподъ Единицынъ—швахъ.. Благо, долговъ мало и не бралъ авансовъ. Впрочемъ, все это пустяки..

Былъ у меня Пальминъ. Онъ окончательно расходится съ Пастуховымъ и бичуетъ его словесно на всѣ корки. Сотрудничество въ Развлеченіи объясняетъ перемѣной обстоятельствъ и, если правда, что онъ уходитъ изъ Моск. Листка, то причины его дезертирства заслуживаютъ снисхожденія.

Счетъ въ Пет. Газету я послалъ. Въ Москвѣ морозы. Къ Новому году напишу Вамъ, а теперь пока прощайте и не браните. Святочный разсказъ получите купно съ заказнымъ письмомъ, или немного спустя, но не далѣе понедѣльника.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXVI.

Е. І. Савельевой.

2 января 1885 г. Москва.

Уважаемая
Евгенія Іасоновна,

на поздравленіе съ Новымъ годомъ отвѣчаю тѣмъ же и прошу прощенія, что не предупредилъ Васъ и не по-

здравилъ раньше. Ужасный я невѣжа! На Рождество послалъ я множество поздравительныхъ писемъ и карточекъ... Почему не послалъ Вамъ, сказать опредѣленно не могу: вѣроятно, по разсѣянности... А что забвеніе тутъ ни при чемъ, можетъ засвидѣтельствовать Вамъ Вашъ супругъ, обѣдавшій у насъ на Ваши именины и слышавшій, какъ я произносилъ тостъ за здоровье «отсутствующихъ женъ»... За Ваше здоровье было выпито два раза.

За Ваше сочувствіе по поводу усиленныхъ занятій и нездоровья большое спасибо. Тронутъ и вниманіемъ, и памятью, и искренностью. То, другое и третье не заслужено. Дѣло въ томъ, что толки объ «усиленныхъ занятіяхъ» преувеличены. Работаю, какъ и всѣ.. Ночи сплю, часто шатаюсь безъ дѣла, не отказываю себѣ въ увеселеніяхъ... гдѣ же тутъ усиленныя занятія? Я вовсе не скромничаю. Вашъ «самъ», воспѣвающій больше всѣхъ мое трудолюбіе, можетъ засвидѣтельствовать, что я встаю не раньше 10-ти и ложусь не позже 12-ти... Истые труженики не спятъ такъ долго.

Нездоровье мое[1]) немножко напугало меня и въ то же время (бываютъ же такіе фокусы!) доставило мнѣ не мало хорошихъ, почти счастливыхъ минутъ. Я получилъ столько сочувствій искреннихъ, дружескихъ, столько, что могъ воображать себя аркадскимъ принцемъ, у котораго много царедворцевъ. До болѣзни я не зналъ, что у меня столько друзей... Развѣ не лестно получать такія письма, какъ Ваше? Ради него не грѣшно покашлять лишній денекъ...

Вашъ тиранъ сидитъ у меня. Узнавъ, что я получилъ отъ Васъ письмо, онъ пришелъ въ ярость и чуть не побилъ меня... Отелло... какихъ мало... Поведеніе

---

[1]) Кровохарканіе.

его похвалить, конечно, не могу... Деморализовалъ всю мою семью: устроилъ въ моемъ домѣ опереточный театръ, заставляетъ всѣхъ жениться и проч. Въ ожиданіи его исправленія и въ надеждѣ, что все у Васъ обстоитъ благополучно, кланяюсь Вамъ и остаюсь уважающимъ, готовымъ къ услугамъ

А. Чеховымъ.

Семья Вамъ кланяется.

Дозволено цензурою. 2 января 1885 г. Цензоръ Дмитрій Савельевъ.

LXVII.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника.)

Москва, 85, 1, 31.

Дорогой Дядечка
Митрофанъ Егоровичъ!

Первымъ дѣломъ приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за память и любовь, которыми проникнуты всѣ Ваши письма къ отцу. Ваше расположеніе слишкомъ дорого для насъ всѣхъ, для меня же лично оно составляетъ предметъ гордости и радости: расположеніе хорошихъ людей дѣлаетъ честь и повышаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи! Не извиняюсь передъ Вами за мое долгое, упорное молчаніе... Знаю, что Вы не сочтете его за неприличіе и за знакъ перемѣны нашихъ отношеній, а, какъ добрый и душевный человѣкъ, дадите ему иное объясненіе. Письмо мое къ Вамъ удовлетворить меня не можетъ.. Кто привыкъ когда-то бесѣдовать съ Вами по цѣлымъ часамъ и вечерамъ,

тому давайте бесѣду, а письмо, какъ бы оно длинно ни было, не скажетъ и тысячной доли того, что хотѣлось бы разсказать.. Не писалъ я, потому что надѣюсь на скорое свиданіе. Надѣялся и надѣюсь. Прошлое лѣто не могъ быть у Васъ, потому что смѣнялъ товарища земскаго врача, бравшаго отпускъ[1]), въ этомъ же году разсчитываю попутешествовать, а стало быть, и повидаться съ Вами. Въ Декабрѣ я заболѣлъ кровохарканіемъ и порѣшилъ, взявши денегъ у литературнаго фонда[2]), ѣхать за границу лѣчиться. Теперь я сталъ нѣсколько здоровѣе, но думаю все-таки, что безъ поѣздки не обойтись. Куда бы я ни поѣхалъ—за границу ли, въ Крымъ, или на Кавказъ—Таганрога я неминую.

Радуюсь Вашему избранію въ гласные. Чѣмъ больше у Таганрога будетъ такихъ честныхъ и безкорыстныхъ хозяевъ, какъ Вы, тѣмъ онъ счастливѣе.. Жалѣю, что не могу послужить купно съ Вами родному Таганрогу.. Я увѣренъ, что, служа въ Таганрогѣ, я былъ бы покойнѣе, веселѣе, здоровѣе, но такова ужъ моя «планида», чтобы остаться навсегда въ Москвѣ... Тутъ мой домъ, и моя карьера.. Служба у меня двоякая. Какъ врачъ, я въ Таганрогѣ охалатился бы и забылъ свою науку, въ Москвѣ же врачу некогда ходить въ клубъ и играть въ карты. Какъ пишущій, я имѣю смыслъ только въ столицѣ.

Медицина моя шагаетъ помаленьку. Лѣчу и лѣчу. Каждый день приходится тратить на извощика болѣе рубля. Знакомыхъ у меня очень много, а, стало быть, не мало и больныхъ. Половину приходится лѣчить даромъ, другая же половина платитъ мнѣ пяти-

---

[1]) А. П. въ 1884 г. лѣтомъ замѣнялъ въ Звенигородѣ Моск. губ. земскаго врача С. П. Успенскаго.

[2]) А. П. у Литературнаго фонда денегъ такъ и не бралъ.

и трехрублевки. (Въ Москвѣ врачамъ не платятъ менѣе 3-хъ рублей за визитъ. Здѣсь всякій трудъ дороже цѣнится, чѣмъ въ Таганрогѣ). Капитала, конечно, еще не нажилъ и не скоро наживу, но живу сносно и ни въ чемъ не нуждаюсь. Если буду живъ и здоровъ, то положеніе семьи *обезпечено*. Купилъ я новую мебель, завелъ хорошее піанино, держу двухъ прислугъ, даю маленькіе музыкальные вечерки, на которыхъ поютъ и играютъ... Долговъ нѣтъ и не чувствуется въ нихъ надобности.. Недавно забирали провизію (мясо и бакалею) по книжкѣ, теперь же я и это вывелъ, и все беремъ за деньги. Что будетъ дальше, не вѣдомо, теперь же грѣшно жаловаться.

Иванъ[1]) сейчасъ въ театрѣ. Служитъ онъ въ Москвѣ и доволенъ. Это одинъ изъ приличнѣйшихъ и солиднѣйшихъ членовъ нашей семьи. Онъ сталъ уже на свои ноги окончательно и за будущее его можно ручаться. Трудолюбивъ и честенъ. Николай[2]) собирается жениться, Миша[3]) въ этомъ году оканчиваетъ курсъ.. и т. д. и т. д. Вотъ Вамъ и письмо. Газету Вы будете получать и удивляюсь, что Вы до сихъ поръ еще не получаете ея. Прилагаемую карточку пошлите по адресу: «Москва, ред. «Новостей Дня», Страстной бульваръ». Въ редакціи я не буду скоро. Карточка придетъ туда ранѣе меня. Если же и буду въ редакціи ранѣе, то заболтаюсь и забуду про газету.

Тетѣ цѣлую руку, братьямъ шлю привѣтъ. Поклонъ знакомымъ. Извиняйте и не забывайте Вашего покорнѣйшаго и вѣчно признательнаго

А. Чехова.

Мой адресъ: Срѣтенка, Головинъ пер. Доктору А. П. Чехову.

---

[1]), [2]) и [3]) Братья А. П.

LXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

85, III, 22. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Поздравляю васъ съ Пасхой и желаю всѣхъ благъ и успѣховъ. Чтобы не вливать лишней горечи въ Ваше праздничное настроеніе, шлю свой транспортъ задолго до срока. Фельетона пока нѣтъ, потому что матеріала буквально—*нуль*. Кромѣ самоубійствъ, плохихъ мостовыхъ и манежныхъ гуляній, Москва не даетъ ничего. Схожу сегодня къ московскому оберъ-знайкѣ Гиляровскому, сдѣлавшемуся въ послѣднее время царькомъ московскихъ репортеровъ, и попрошу у него сырого матеріала. Если у него есть что-нибудь, то онъ дастъ и я пришлю Вамъ обозрѣніе по обычаю къ вечеру вторника. Если же у него ничего нѣтъ и если чтеніе завтрашнихъ газетъ пройдетъ такъ же безплодно, какъ и чтеніе вчерашнихъ, то придется на сей разъ обойтись безъ обозрѣнія. Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовыя, про трактиръ Егорова.. Да что тутъ осколочнаго и интереснаго? Думаю, что сотрудники понаслали Вамъ къ празднику много всякой святочной всячины и отсутствіе обозрѣнія не заставитъ Васъ работать въ праздникъ надъ лишнимъ разсказомъ. Да и я шлю три штучки.. Изъ нихъ только одна можетъ оказаться негодной, двѣ же другія, кажется, годны. Шлю при семъ и подписи для рисунковъ. Радъ служить во всѣ лопатки, но ничего съ своей толкастикой не подѣлаю,

А. П. въ первый годъ своей врачебной практики.

начнешь выдумывать подпись, а выходитъ разсказъ, или ничего не выходитъ.. Будь я жителемъ Петербурга и участвуй въ Вашихъ съ Билибинымъ[1]) измышленіяхъ, я принесъ бы пользу, ибо сообща думается легче.. Но увы! Питерцемъ быть мнѣ не придется.. Я такъ ужъ засѣлъ въ московскія болота, что меня не вытянете никакими пряниками.. Семья и привычка.. Не будь того и другого, я не далъ бы Вамъ покоя и заѣлъ бы Васъ своими просьбами о мѣстѣ..

---

[1]) В. В. Билибинъ—сотрудникъ «Осколковъ».

Тема «Аптекарская такса» модная.. Ею, думаю, можно воспользоваться.. Предлагаю Вамъ воспользоваться также и вопіющими банкротствами нашего времени.. Въ Москвѣ лопаются фирмы одна за другой.. Одна лопается, падаетъ въ яму и другую за собой тянетъ.. Въ Питерѣ тоже, въ Харьковѣ тоже.. Для Кирилла и Меѳодія годится параллель между IX и XIX вѣками.. Нарисуйте чистенькую избушку съ вывѣской «школа».. Вокругъ одѣтые и сытые мужики.. Это IX вѣкъ.. Рядомъ съ нимъ XIX вѣкъ: таже избушка, но уже похилившаяся и поросшая крапивой...

Въ IX вѣкѣ были школы, больницы. Въ XIX есть школы, кабаки.. Вообще у меня что-то копошится въ головѣ, но оріентироваться лѣнь.. Лѣнь самая подлая—мозговая.. Посылать незаконченный проектъ не деликатно, но ужъ Вы простите.. Когда у меня въ домѣ кончится приборка и сестрица не будетъ играть гаммъ, тогда, пожалуй, буду заканчивать, а теперь и Богъ проститъ.. Пальминъ перебрался.. Совсѣмъ Вѣчный Жидъ! Видимо, его натура не можетъ удовлетворяться мѣстами.. Если натура тутъ не при чемъ, то, конечно, виновата жена.. Хорошенькое словцо: баба «дьяволитъ»!

Нужно бы вамъ подтянуть художественный отдѣлъ. Все хорошо въ Осколкахъ, но художеств. отдѣлъ критикуется даже въ Мѣщанскомъ училищѣ. Рисунки почти лубочны. Напримѣръ, что это за паровыя машины, рисуемыя Пор—вымъ[1]). Фантазіи—ни-ни.., изящества тоже.. Поневолѣ Стрекоза будетъ идти и имѣть успѣхъ.. Самосѣкальная машина, напримѣръ, тема не плохая, если изобразить ее, какъ слѣдуетъ, въ лу-

---

[1]) Художникъ «Осколковъ»—Порфирьевъ.

бочномъ же видѣ она пустяковая, мелочная.. Всѣ рисунки даютъ впечатлѣніе такого рода, что будто бы ихъ рисовали для того только, чтобы отдѣлаться: на отмашь, спустя рукава... Намъ прозаикамъ и Богъ проститъ наши грѣхи, но художникамъ слѣдуетъ побожески работать.. Роскошью рисунка искупается и подпись..., по рисункамъ публика привыкла судить и о всемъ журналѣ, а бываютъ ли въ Осколкахъ рисунки? Есть краски и фигуры, но типовъ, движеній и рисунка нѣтъ..

Вообще худож. отдѣлъ у Васъ въ какомъ-то загонѣ.. Не помѣщаете портретовъ въ каррикатурѣ, какъ это дѣлаютъ другіе, не даете каррикатуръ... Номеръ «Пчелки», въ которомъ былъ помѣщенъ Вальяно[1]), разошелся на югѣ въ тысячахъ экземпляровъ.. Стрекоза, навѣрное, тоже.. Номеръ «Пчелки» съ портретомъ Пастухова былъ въ Москвѣ проданъ на расхватъ.. Самъ Пастуховъ купилъ 200 экземпл.

Подтяните художниковъ! Къ несчастью ихъ такъ мало и такъ они всѣ избалованы, что съ ними каши не сваришь....

Прощайте. Къ юбилею Кир. и Меѳодія изображу что-нибудь. Правда ли, что въ Кронштадтѣ былъ случай холеры? Радъ, что Александръ [2]) угодилъ Вамъ.. Онъ малый трудящій и съ большимъ толкомъ.. Юмористика его порокъ врожденный.. Если станетъ на настоящій путь и броситъ лирику, то будетъ имѣть большущій успѣхъ..

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Извѣстный на югѣ купецъ и таможенный герой.

[2]) Братъ А. П.

LXIX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

85, IV, 28 (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Неужели у Васъ одинъ только мой разсказъ? Въ воскресенье 21-го Апрѣля я послалъ Вамъ заказнымъ большой разсказъ «Упразднили!» Развѣ не получили? Если не получили, то увѣдомьте 2—3 строчками.. Или адресъ я перепуталъ по разсѣянности, или же почта утеряла.. Послалъ, повторяю, заказнымъ.. Всѣхъ моихъ разсказовъ у Васъ имѣется два: «Всякъ злакъ» [1]) и «Упразднили!..» [2]).

Насчетъ «Петерб. Газеты» отвѣчаю согласіемъ и благодарственнымъ молебномъ по вашему адресу. Буду доставлять туда разсказы аккуратнѣе аккуратнаго.. Въ «Будильникъ» нельзя не писать.. Взялъ оттуда сторублевый авансъ дачныхъ ради расходовъ.. За четыре лѣтнихъ мѣсяца нужно будетъ отработать.. Ну, да вѣдь я не дамъ туда того, что годится для «Осколковъ».. Божіе богови, кесарево—кесареви.. Въ «Развлеченіи» я не работалъ съ новаго года..

Васъ удивляетъ мой ранній переѣздъ на дачу? Мороза, которымъ Вы меня пугаете, я не боюсь. Въ Москвѣ во-первыхъ, уже 15° въ тѣни.. Дожди теплые, гремитъ громъ, зеленѣетъ поле.. Во-вторыхъ, я буду жить въ помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ можно жить и зимой. Дача

---

[1]) «Осколки» № 20. Подпись: А. Чехонте, въ Полномъ собр. соч. «Въ номерахъ».

[2]) Осколки № 21. Подпись: А. Чехонте.

Домъ А. С. Киселева въ Бабкинѣ близъ г. Воскресенска.

моя находится въ 3-хъ верстахъ отъ Воскресенска (Новаго Іерусалима) въ имѣніи Киселева [1]), брата Вашего петербургскаго Киселева-гофмейстера и еще чего-то... Буду жить въ комнатахъ, въ которыхъ прошлымъ лѣтомъ жилъ Б. Маркевичъ. Тѣнь его будетъ являться мнѣ по ночамъ! Нанялъ я дачу съ мебелью, овощами, молокомъ и проч... Усадьба, очень красивая, стоитъ на крутомъ берегу.. Внизу рѣка богатая рыбой, за рѣкой громадный лѣсъ, по сю сторону рѣки тоже лѣсъ.. Около дачи оранжереи, клумбы et caetera.. Я люблю начало мая въ деревнѣ.. Весело слѣдить за тѣмъ, какъ распускается зелень, какъ начинаютъ пѣть соловьи.. Вокругъ усадьбы никто не живетъ и мы будемъ одиноки.. Киселевъ съ женой, Бѣгичевъ [2]), отставной теноръ Владиславлевъ, тѣнь Маркевича, моя семья—вотъ и всѣ дачники.. Въ маѣ отлично рыба ловится, въ особенности караси и лини, сирѣчь прудовая рыба, а въ усадьбѣ есть и пруды..

Кстати: выѣду я не 1-го, какъ хотѣлъ, а 6-го, но смыслъ предыдущаго моего письма остается прежнимъ. Шлите все въ Воскресенскъ, кромѣ письма о судьбѣ разсказа «Упразднили!..».

Петерб. Газета, насколько я замѣтилъ, не любитъ разсказовъ съ душкомъ.. Изъ судебнаго отчета у меня вычеркивалось все подозрительное.. Да, не любитъ? Если насчетъ моего сотрудничества уже рѣшено, то не благоволитъ ли Петерб. Газета высылаться мнѣ въ г. Воскресенскъ (Моск. губ.) въ количествѣ одного экземпляра? Чѣмъ больше газетъ буду получать, тѣмъ веселѣй... Этакій надувало мой художникъ! А совралъ мнѣ, что послалъ вамъ «рисунковъ»! Я заберу

---

[1]) Бабкино.

[2]) В. П. Бѣгичевъ—тесть А. С. Киселева, бывшій директоръ Московскихъ Импер. Театровъ.

его съ собой на дачу, сниму тамъ съ него сапоги и на ключъ.. Авось будетъ работать! Гонораръ за рисунокъ высылайте въ Воскресенскъ, а то въ Москвѣ проэрмитажитъ.. Пришлите ему въ Воскресенскъ тему, двѣ.. Находясь подъ стражей, быстро исполнитъ заказъ.. Ручаюсь.

Какое количество строкъ потребно для Пет. Газ.?

Чертъ знаетъ, какъ я разсыпаюсь въ письмахъ! Точно жена, пишущая мужу о покупкахъ: война, пуговицы, тесьма, опять пуговицы..

За «Цвѣты Лазоревые» [1]) я уже благодарилъ Васъ и еще разъ благодарю. Прочелъ.. Въ особенности понравились мнѣ «Именины у старшаго дворника».

Полковника и повивальную бабку жаль.

Скорблю—безденеженъ. Волкомъ вою. Счастье мое, что еще долговъ нѣтъ.. На дачѣ дешевле жизнь, но поѣздки въ Москву—чистая смерть!

Такъ увѣдомьте же насчетъ «Упразднили». А пока прощайте и оставайтесь здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

85, V, 9. Воскресенскъ.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Шлю Вамъ изъ дачи первый транспортъ. Благоволите въ разсказѣ «Павлинъ» [2]) въ пробѣлахъ написать имена соотвѣтствующихъ петербургскихъ увеселит.

---

[1]) Разсказы Н. А. Лейкина.

[2]) «Павлинъ въ вороньихъ перьяхъ» № 22; подпись: А. Чехонте. Въ Полномъ собраніи соч. «Ворона».

мѣстъ, которыхъ я не знаю и назвалъ чрезъ N и Z. Шлю короткій фельетонъ и нѣсколько мелочишекъ. Въ прошлую недѣлю не прислалъ ничего, ибо, перевозя семью, былъ заваленъ хлопотами. Чуть не разревѣлся я, прочитавъ въ Вашемъ письмѣ о судьбѣ разсказа «Упразднили». Не жаль мнѣ его достоинствъ, каковыхъ въ немъ мало, но жаль денегъ, которыя я могъ бы за него получить. Нельзя ли сдать его въ «П. Г.»? [1]) Тамъ, быть можетъ, онъ сгодится. Ахъ да! Пет. Газеты я не получаю и нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно посланныхъ туда двухъ разсказовъ. Великое одолженіе сдѣлаете мнѣ, если прикажете высылать мнѣ газету. Скажу большое спасибо и буду пѣть Вамъ, дондеже есмь. Больше, честное слово, не буду безпокоить Васъ..

Алоэ [2]) стало выписываться и радовать мое братское сердце. Только напрасно онъ себѣ др. ...ный псевдонимъ избралъ и объ одной только таможнѣ пишетъ.. Не только свѣта, что въ таможнѣ, есть и другія ямы.. Вотъ Вамъ еще новое доказательство московской тлетворности: ушолъ человѣкъ изъ Москвы, попалъ въ Питеръ, гдѣ иные порядки, и сталъ лучше..

Чувствую себя на эмпиреяхъ и занимаюсь благоглупостями: ѣмъ, пью, сплю, ужу рыбу, былъ разъ на охотѣ.. Сегодня утромъ на жерлицу поймалъ палима, а третьяго дня мой соохотникъ убилъ зайчиху. Со мной живетъ художникъ Левитанъ (не тотъ [3]), а другой— пейзажистъ [4]), ярый стрѣлокъ. Онъ-то и убилъ зайца. Съ бѣднягой творится что-то недоброе. Психозъ какой-то начинается. Хотѣлъ на Святой съ нимъ во Владим. губ. съѣздить, провѣтрить его (онъ же и подбилъ меня),

---

[1]) Петерб. Газету.

[2]) Псевдонимъ Александра Павл. Чехова.

[3]) А. И.

[4]) И. И.

а прихожу къ нему въ назначенный для отъѣзда день, мнѣ говорятъ, что онъ на Кавказъ уѣхалъ.. Въ концѣ Апрѣля вернулся откуда-то, но не изъ Кавказа.. Хотѣлъ вѣшаться.. Взялъ я его съ собой на дачу и теперь прогуливаю.. Словно-бы легче стало.. [1])

Поставилъ я въ рѣкѣ и въ прудѣ верши и то и дѣло вынимаю ихъ изъ воды: терпѣнья не хватаетъ.. Природу не описываю. Если будете лѣтомъ въ Москвѣ и пріѣдете на богомолье въ Новый Іерусалимъ, то я обѣщаю Вамъ нѣчто такое, чего Вы нигдѣ и никогда не видѣли.. Роскошь природа! Такъ бы взялъ и съѣлъ ее...

Гонораръ получилъ, журналъ получаю. Такъ нельзя ли «Упразднили» сдать въ «П. Г.»? Природа великолѣпна, дача роскошна, но денегъ такъ мало, что совѣстно на карманы глядѣть. Жениться на богатой купчихѣ, что ли? Женюсь на толстой купчихѣ и буду издавать толстый журналъ. Прощайте и не сердитесь на неисправнѣйшаго

А. Чехова.

LXXI.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

85, V, 10 (Бабкино.)

Миша-Терентиша!

Наконецъ тяжелые боты сняты, руки не воняютъ рыбой и я могу написать письмо. Сейчасъ 6 часовъ утра. Наши спятъ.. Тишина необычайная.. Попискиваютъ только птицы да скребетъ что-то за обоями. Я пишу сіи строки, сидя передъ большимъ квадратнымъ окномъ у себя въ комнатѣ. Пишу и то и дѣло поглядываю въ

---

[1]) Другъ А. П. Исаакъ Ильичъ Левитанъ по временамъ страдалъ меланхоліей.

окно. Передъ моими глазами разстилается необыкновенно теплый, ласкающій пейзажъ: рѣчка, вдали лѣсъ, Сафонтьево, кусочекъ киселевскаго дома.. Пишу для удобства по пунктамъ:

a) Доѣхали мы по меньшей мѣрѣ мерзко. На станціи наняли двухъ какихъ-то кляксъ Андрея и Панохтея(?) по 3 цѣлкача на рыло. (Почтовыя брали по 6 р. за тройку). Кляксы все время везли насъ возмутительнѣйшимъ шагомъ. Пока доѣхали до бѣбулой [1]) церкви, такъ слюной истекли. Въ Еремеевѣ кормили. Отъ Ерем. до города ѣхали часа 4 — до того была мерзка дорога. Я больше половины пути протелепкался пѣшедраломъ. Черезъ рѣку переправились подъ Никулинымъ около Чикина. Я, поѣхавшій впередъ (дѣло было уже ночью) чуть не утонулъ и выкупался. Мать и Марью [2]) пришлось переправлять на лодкѣ. Можешь же представить, сколько было визга, и другихъ выраженій бабьяго ужаса! Въ Киселевскомъ лѣсу у ямщиковъ порвался какой-то тяжъ.. Ожиданіе... И такъ далѣе, однимъ словомъ, когда мы доплелись до Бабкина, то было уже часъ ночи.. Sic!!

b) Двери дачи были не заперты.. Не безпокоя хозяевъ, мы вошли, зажгли лампу и узрѣли нѣчто такое, что превышало всякія наши ожиданія. Комнаты громадны, мебели больше, чѣмъ слѣдуетъ.. Все крайне мило, комфортабельно и уютно. Спичечницы, пепельницы, ящики для папиросъ, два рукомойника и.. чертъ знаетъ чего только ни наставили любезные хозяева. Такая дача подъ Москвой по крайней мѣрѣ 500 стоитъ. Пріѣдешь — увидишь. Водворившись, я убралъ свои чемоданы и сѣлъ жевать. Выпилъ водочки, винца и...

---

[1]) Церковь въ с. Голубомъ близъ ст. Крюкова по дорогѣ въ Воскресенскъ. Она была выкрашена въ сѣрый цвѣтъ бѣбулой бумаги.

[2]) Сестра Марія Павловна.

Флигель въ Бабкинѣ, въ которомъ жилъ съ семьей А. П.

такъ, знаешь, весело было глядѣть въ окно на темнѣвшія деревья, на рѣку.. Слушалъ я, какъ поетъ соловей, и ушамъ не вѣрилъ.. Все еще думалось, что я въ Москвѣ.. Уснулъ я великолѣпно.. Подъ утро къ окну подходилъ Бѣгичевъ и трубилъ въ трубу, но я его не слышалъ и спалъ, какъ пьяный сапожникъ.

c) Утромъ ставлю вершу и слышу гласъ: «крокодилъ!» Гляжу и вижу на томъ берегу Левитана.. Перевезли его на лошади.. Послѣ кофе отправился я съ нимъ и съ охотникомъ (очень типичнымъ) Иваномъ Гавриловымъ на охоту. Прошлялись часа 3½ верстъ 15 и укокошили зайца. Гончія плохія..

d) Теперь о рыбѣ. На удочку идетъ плохо. Ловятся ерши да пискари. Поймалъ впрочемъ одного головля, но такого маленькаго, что въ пору ему не на жаркое идти, а въ гимназіи учиться.

e) На жерлицы попадается. На Ванину жерлицу попался громадный налимъ. Сейчасъ жерлицы не стоятъ, ибо нѣтъ живцовъ. Вчера вечеромъ былъ вѣтеръ и нельзя было ловить. Привези жерличныхъ крючковъ средней величины. У меня не осталось ни одного.

f) О мои верши! Оказалось, что ихъ очень удобно везти. Въ багажѣ не помяли, а къ возамъ привязаны сзади были.. Одна верша стоитъ въ рѣкѣ. Она поймала уже плотицу и громаднѣйшаго окуня. Окунь такъ великъ, что Киселевъ будетъ сегодня у насъ обѣдать. Другая верша стояла сначала въ прудѣ, но тамъ ничего не поймала. Теперь стоитъ за прудомъ въ завадинѣ (иначе въ плесѣ); вчера поймала она окуня, а сейчасъ утромъ я съ Бабакинымъ [1]) вытащилъ изъ нея *двадцать девять* карасей. Каково? Сегодня у насъ уха, рыбное жаркое и заливное.. А посему привези 2—3 верши.

---

[1]) Мальчикъ, служившій у А. П.

Покупаютъ ихъ у Москворѣцкаго моста въ живорыбныхъ лавкахъ. Я далъ по 30 коп., но ты дашь по 20—25. Привезешь ихъ изъ лавокъ къ себѣ конечно на извощикѣ.

g) Марья Влад. [1]) здравствуетъ. Подарила матери банку варенья и вообще любезна до чертиковъ. Поставляетъ мнѣ изъ франц. журналовъ (старыхъ) анекдоты.. Барышъ по-поламъ. Киселевъ по цѣлымъ днямъ сидитъ у насъ. Вчера на пирогѣ [2]) выпилъ 3 громадныхъ рюмки. Бѣгичевъ ѣлъ, но не пилъ.. Довольствовался только тѣмъ, что глядѣлъ умоляющими глазами на графинъ съ водкой.

h) Я не пью, но тѣмъ не менѣе вино уже выпито. Вино такъ хорошо, что Николай и Иванъ обязаны привезти по бутыли (въ чемоданахъ, какъ я). Вино здѣсь находка. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ выпить послѣ ужина на террасѣ по стаканчику вина! Ты объясни имъ. Вино великолѣпное.. Покупалъ я его на Мясницкой, по правую руку, если идти отъ Почтамта къ городу, въ винной лавкѣ грузинъ. Гиляй [3]) знаетъ эту лавку. Вино называется «Ахметъ», или «Махметъ» бѣлое..

i) Левитанъ живетъ въ Максимовкѣ. Онъ почти поправился. Величаетъ всѣхъ рыбъ крокодилами и подружился съ Бѣгичевымъ, который называетъ его Левіофаномъ.—«Мнѣ безъ Левіофана скучно!» вздыхаетъ Б., когда нѣтъ крокодила.

k) Дорога теперь установилась и переѣздъ черезъ рѣку настолько хорошъ, что вчера даже Тышко [4]) пріѣзжалъ. Скажи Лилѣ, [5]) чтобы пріѣзжала на недѣлю.

---

[1]) Г-жа Киселева.

[2]) Мать А. П. славилась умѣньемъ печь пироги.

[3]) В. А. Гиляровскій.

[4]) Знакомый А. П.—контуженный на войнѣ офицеръ, жившій на пенсіи въ г. Воскресенскѣ.

[5]) Елиз. Конст. Маркова—знакомая Чеховыхъ.

Мѣста пропасть, провизія отмѣнная. Пригласи ее и укажи ей путь, объяснивъ, сколько платить ямщикамъ и проч. Обратно можно за дешево проѣхать. На недѣлю, не меньше..

l) Что же Николай? [1]).

m) Привезите Ольгинъ паспортъ [2]), вареной колбасы съ чеснокомъ для Киселева (колбасы 3—4), лавроваго листу, перцу, почтовой бумаги большого формата.

n) Выпиши изъ энцикл. словаря Іюнь, Іюль и Августъ. Это легче, чѣмъ везти ихъ въ Бабкино [3]). Сегодня я всталъ въ 3½ часа. Сейчасъ пью чай и ложусь спать. Сплю до кофе, а послѣ кофе иду съ Киселевымъ глядѣть вершн. Вчера написалъ очень много и сейчасъ посылаю. Работается.

Твой *А. Чеховъ.*

Въ воскресенье на охоту. На дняхъ пріѣдетъ Владиславлевъ [4]) и привезетъ неводъ. То то ловля будетъ! Кланяюсь всѣмъ.

LXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

85. IX, 14. Воскресенскъ.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Ваше письмо получилъ и шлю спасибо въ квадратѣ. Спѣшу отвѣтить. Вы начинаете тѣмъ, что я не исполняю

---

[1]) Братъ А. П.

[2]) Прислуга Чеховыхъ.

[3]) А. П. писалъ въ «Будильникъ» Юмористическій календарь и для историческихъ и метеорологическихъ данныхъ пользовался свѣдѣніями изъ имѣвшагося у него Энцикл. Словаря Березина. «Объ Іюнѣ и Іюлѣ» (Филологическая замѣтка) «Осколки» № 30. Подпись: «Человѣкъ безъ селезенки». «Объ Августѣ» № 37.

[4]) М. П. Владиславлевъ—знаменитый въ свое время теноръ, создавшій славу извѣстному и теперь романсу «Хуторокъ».

Вашихъ указовъ. Аллахъ Керимъ! Буду обѣлять себя по пунктамъ:

1) Запасъ разсказовъ у меня какъ то не выклевывается. Дара у меня нѣтъ ли, времени или энергіи— Богъ вѣдаетъ. Но, насколько помню, Вы къ каждому № имѣли мои вещички. Если я въ иную недѣлю не посылалъ, то только потому, что зналъ, что у Васъ есть въ запасѣ мой несомнѣнно цензурный разсказъ. Впрочемъ, по этому пункту признаю себя виновнымъ и обѣщаю по прибытіи въ Москву посылать Вамъ цѣлые транспорты.

2) Обозрѣніе я прекратилъ на время въ силу Вашего редакторскаго указа. Вашъ указъ могъ ихъ и возобновить. Теперь не шлю обозрѣнія, потому что въ газетахъ и письмахъ изъ Москвы—сплошная пустота.

3) Подписи шлю по мѣрѣ силъ.

И такъ далѣе. Я все еще на дачѣ!! Сейчасъ погода великолѣпная—бабье лѣто. Журавли летятъ.. Но все таки пора отправляться къ роднымъ пенатамъ. Сегодня роковая суббота—время полученія денежной почты. Пришла почта, а денегъ изъ Пет. Газ. нѣтъ и нѣтъ! Безъ этихъ же денегъ мнѣ выѣхать нельзя, ибо, надѣясь на нихъ, я жилъ по лукуловски и натворилъ долговъ.. Во вторникъ вечеромъ, или, что все равно, въ среду утромъ прійдетъ еще денежная почта. Если и на сей разъ не получу, то остаюсь на дачѣ на всю зиму, что оригинально и ново.. Въ Газету [1]) писалъ я чуть ли не 3 раза. Надоѣдать совѣстно и потому не пишу въ 4-й разъ. Знай я, что она запоздаетъ высылкой, я запросилъ бы не 150, а 200 (уже заработанныхъ), и это было бы весьма кстати, такъ какъ въ ожиданіи получки я все вязну, вязну.. по шею вязну... Но я Вамъ надоѣлъ своими счетами, а посему ѣду дальше.

---

[1]) «Петербургская Газета».

О Сентябрѣ вышлю къ слѣдующей недѣлѣ, если же у меня ничего не выйдетъ, то пришлю Сентябрь и Октябрь вмѣстѣ, ибо они мало отличаются другъ отъ друга— septem, octo.. Отъ Агаѳопода писемъ не имѣю, гдѣ Николай не знаю.. Вѣроятно, послѣдній въ Москвѣ.. Судя по часто появляющимся въ Будильникѣ его рисункамъ, онъ не голоденъ и обрѣтается въ Москвѣ.. Надобно остепенить этого человѣчину, да не знаю какъ.. Всѣ способы уже испробованы и ни одинъ способъ не удался.....

Больные лѣзутъ ко мнѣ и надоѣдаютъ. За все лѣто перебывало ихъ у меня нѣсколько сотенъ, а заработалъ я всего 1 рубль.

Гонораръ отъ «Осколковъ» получилъ. О если бы скорѣе получить изъ «П. Г.»! Не понятная, ей Богу, медленность.. Написали бы, что не вышлютъ скоро, такъ я, быть можетъ сталъ бы измышлять способы, какъ мнѣ вывернуться. Я посылалъ въ Газету счетъ.

Налимы ловятся великолѣпно.. За симъ въ надеждѣ на вышеписанную середу пребываю

А. Чеховъ.

LXXII.

М. М. Чехову.

(Съ подлинника.)

85, IX, 25. (Москва.)

Дорогой Миша!

Я воротился въ Москву. Если у васъ не раздумали посылать ко мнѣ мальчиковъ лѣчиться, то я къ услугамъ И. Е. [1]). Принимаю отъ утра до обѣда т.-е. отъ

---

[1]) И. Е. Гавриловъ, московскій мануфактуристъ, въ конторѣ у котораго служилъ адресатъ. А. П. предложилъ лѣчить служившихъ у него мальчиковъ безплатно.

10 до 2-хъ. Если же раздумали, то увѣдомь. Въ случаѣ перемѣны жительства, или часовъ пріема своевременно увѣдомлю.

Какъ живешь и какъ твое здоровье? Большое удовольствіе доставилъ бы, если бы вспомнилъ о нашемъ существованіи и пришелъ бы провести вечерокъ. Кланяюсь и жму руку.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXIV.

М. В. Киселевой [1]).

(Съ подлинника.)

(Москва. Сентябрь. 1885 г.)

Вазелинъ не портится, не гніетъ, безвреденъ. Употребляется въ смѣси съ карболкой или іодоформомъ для смазыванія ранъ. Посылаю для пробы. Дорогъ, но много лучше сала.

Іодоформъ. Посыпается кисточкой на рану до тѣхъ поръ, пока рана не станетъ замѣтно желтой. Съ вазелиномъ даетъ мазь, которая лучше держится, чѣмъ присыпка, и можетъ быть даваема разслабленному на домъ. Пропорція, какую Богъ на душу положитъ; на кусочекъ вазелина, величиною съ ноготь большого пальца достаточно сыпнуть кисточкой раза 2—3. Этой мазью лѣчутъ раны, язвы, лишаи и проч.

Карболка кристал. Употребляется, когда нѣтъ іодоформа. Съ вазелиномъ тоже даетъ мазь. Съ саломъ тоже. Впрочемъ.. кому неизвѣстна карболка?

---

[1]) М. В. Киселева, въ своей усадьбѣ Бабкино, занималась лѣченіемъ приходившихъ къ ней крестьянъ. Въ своемъ письмѣ А. П. даетъ ей свѣдѣнія о лѣкарствахъ.

LXXV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1885 г. Сентябрь.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Простите, что пишу на обрывкѣ: другой бумаги нѣтъ, а послать въ лавочку некого. Я уже въ Москвѣ. Спасибо за Ваши совѣты. Воспользовался ими и буду пользоваться. Спасибо и за хлопоты, которые причинили Вамъ мои нервы. Мои балбесы еще не нашли новой квартиры и я продолжаю жить на старой.

Вѣроятно, переберусь за Москву-рѣку, гдѣ уже наклевывается квартира. Не знаю, какъ быть мнѣ съ журналомъ. Нумера, которые приходятъ теперь въ Воскр., я получаю здѣсь на Срѣтенкѣ, ибо подалъ въ тамошнемъ почтамтѣ объявленіе.

Худекову счетъ посланъ. По пріѣздѣ нашолъ у себя на столѣ письмо Пальмина. Вѣчно онъ ютится около Смоленскаго рынка—скучнѣйшее мѣсто Москвы..

Завтра сажусь за усердную работу. Былъ у меня Гиляй и жаловался, что Вы его не печатаете. Изъ этого человѣчины вырабатывается великолѣпнѣйшій репортеръ.

Въ Москвѣ ничего новаго.

Прощайте и будьте здоровы. Кстати о здоровьѣ: ужасно много больныхъ въ Москвѣ. Всѣ похудѣли, поблѣднѣли, какъ-то осунулись, точно страшный судъ предчувствуютъ. Пробылъ я на дачѣ только 4½ мѣс., а воротившись многихъ въ живыхъ не засталъ.. Чертъ знаетъ что!

Боятся холеры чудаки, а не видятъ, что изъ каждой тысячи умираетъ 40—это хуже всякой эпидеміи. Не хотятъ также видѣть поразительной дѣтской смертности, истощающей человѣка пуще всякихъ войнъ, трусовъ, наводненій, сифилисовъ.. Впрочемъ, и такъ далѣе, а то надоѣмъ..

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1885 г. Сентябрь 30.)

Пользуюсь правомъ сильнаго и отнимаю у сестры кусочекъ территоріи, чтобы, подобно Софочкѣ, открыть Вамъ тайники моей души... и надѣюсь Вы поймете меня больше, чѣмъ Софочку. Дѣло въ томъ, что въ моей бѣдной душѣ до сихъ поръ нѣтъ ничего, кромѣ воспоминаній объ удочкахъ, ершахъ, вершахъ, длинной, зеленой штукѣ для червей... о камфарномъ маслѣ, Анфисѣ, дорожкѣ черезъ болото къ Дарагановскому лѣсу, о лимонадѣ, купальнѣ.. Не отвыкъ еще отъ лѣта настолько, что, просыпаясь утромъ, задаю себѣ вопросъ: поймалось что-нибудь, или нѣтъ? Въ Москвѣ адски скучно, не смотря ни на что.. Былъ сейчасъ на скачкахъ и выигралъ 4 р. Работы пропасть.. Кланяюсь Алексѣю Сергѣевичу [1]) такъ, какъ коллежскіе регистраторы кланяются тайнымъ совѣтникамъ; или отецъ Сергій—князю Голицыну. Сережѣ и Василисѣ [2]), которыхъ я каждую ночь вижу во снѣ, салютъ и почотъ. А за симъ, пожелавъ вамъ здоровья и хорошей погоды, пребываю преданный

А. Чеховъ.

---

[1]) Супругъ адресатки.

[2]) Дѣти адресатки.

LXXVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

85, IX, 30. Понед. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше письмо съ корректурой моего злополучнаго разсказа.. Судьбы цензорскія неисповѣдимы! Покорный Вашему совѣту, шлю изгнанника въ «П. Г.» [1]).

Посылаю Вамъ: a) Осколки Моск. жизни. Какъ бы ни было, хоть съ грѣхомъ пополамъ, но писать ихъ буду и вѣроятно чаще, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ. Дѣло въ томъ, что они читаются и перепечатываются. Обыкновенно, у меня воспѣвается то, что прозѣвывается, или недоступно для Буд. и Развл. и такимъ образомъ, благодаря моему обозрѣнію и тому, что половина осколочныхъ столбовъ—кровные москвичи, «Осколки» идутъ за московскій журналъ. Будь въ Москвѣ художникъ-юмористъ, который рисовалъ бы для Васъ моск. жизнь, тогда бы еще лучше было. Вы какъ-то говорили мнѣ, что въ Москвѣ розничная прод. Оск. стоитъ на точкѣ замерзанія. Можетъ-быть, но за то Осколковъ въ Москвѣ выходитъ больше, чѣмъ Буд. и Развл.! b) Разсказъ. c) Стихи Гиляровскаго. Та непріятная штука, о которой Вы писали, есть конечно недоразумѣніе. Г-й человѣкъ порядочный, вышколенный Русскими Вѣдомостями, обезпеченный.. Имѣя около 300 р. въ мѣсяцъ, едва ли онъ сталъ бы фальшивить изъ-за

---

[1]) Въ «Петерб. Газ.» Рѣчь идетъ о разсказѣ «Упразднили».

рубля! Это вѣрно.. Я его знаю.. Что онъ шлетъ Вамъ дребедень, это понятно: занятъ день и ночь, а работать въ Оск. хочется. Вообще сотрудникъ онъ полезный, если не теперь, то въ будущемъ. d) Есть въ Москвѣ юнецъ, нѣкій Р. М.[1]), человѣкъ забитый, голодающій, представляющій собой нѣчто безформенное и неопредѣленное; не то онъ аптекарь, не то портной.. Прочитывая всю Московскую чепуху, я наскакивалъ на его стихи, которые сильно выдѣлялись изъ пестрой братіи: и свѣжи, и гладки, и коротки.. Попадались такіе, что хоть на музыку перекладывай.. Помня Вашу заповѣдь— вербовать сотрудниковъ для Осколковъ, я по пріѣздѣ въ Москву отыскалъ этого Р. и предложилъ ему послать пробу пера къ Вамъ.. Онъ страшно обрадовался, оболдѣлъ и въ одинъ день накаталъ чуть ли не 10 штукъ и принесъ мнѣ. Накаталъ онъ съ плеча, а потому (насколько я смыслю) добрая половина ихъ никуда не годится. Есть 2—3 стишка, которые несомнѣнно годны. По первому присылу не судите о немъ.

О Сентябрѣ (я ранѣе писалъ уже Вамъ) напишу купно съ Октябремъ. Подписей—увы!—нѣтъ въ моихъ мозгахъ! Политическія темы только тогда не скучны и не сухи, когда въ нихъ затрогивается сама Русь, ея ошибки. Отчего Вы для передовицы не хотите воспользоваться процессомъ Мироновича? Почему не посмѣяться надъ слѣдствіемъ, надъ экспертами фатящими, допрашивающими свидѣтелей, требующими эффекта ради вырытія покойницы, надъ защитой и ея претензіями (водолазы, наприм.) и проч.? Если что надумаю, то не буду ждать понедѣльника, а пошлю среди недѣли. А пока будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*

---

[1]) Москов. поэтъ.

Сижу безъ денегъ. Будильнику долженъ, до осколочнаго гонорара еще далеко, а изъ П. Г. [1]) ни слуху, ни духу, хотя я послалъ ей самый подробный счетъ. У меня начало осени всегда кисло.

Буду жить вѣроятно на Якиманкѣ, но переберусь туда не ранѣе 10-го Окт. Полы красятъ.

LXXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1885 г. Октябрь.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

11—12-го Октября я перебираюсь и omnia mea mecum porto на *Якиманку*, *д. Лебедевой*, куда благоволите съ означеннаго числа посылать журналъ, письма и куда прошу Васъ заглянуть по пріѣздѣ Вашемъ въ Москву.

Послѣдній нумеръ Осколковъ немножко удивилъ меня отсутствіемъ въ немъ Оск. моск. жизни. Обозрѣніе послалъ я въ понед., стало быть, опоздать не могъ. На случай пропажи, посылаю въ удостовѣреніе почтовую росписку. Послѣ долгой головоломки я заключилъ, что въ отсутствіи обозрѣнія виновато мое соображеніе: я не сообразилъ, что во вторникъ—Покровъ т.-е. день, когда въ типографіи работъ не бываетъ. Такъ?

Если не поздно, то прибавьте къ обозрѣнію еще одинъ куплетъ. Похѣренный цензурой разсказъ пошолъ въ П. Г. подъ другимъ названіемъ и такимъ образомъ

---

[1]) Петерб. Газеты.

я не въ убыткѣ. Былъ я у Пальмина. Живетъ онъ у черта на куличкахъ, куда птица не залетаетъ и гдѣ извощика не найдешь днемъ съ огнемъ. Носитъ же его не легкая. Право, можно подумать, что на приличныхъ улицахъ и переулкахъ поэтамъ жить не позволяется.. Квартира, которую я оставляю, очень прилична и не дорога (40 р. въ мц̄ъ). Маленькой семьѣ лучшей квартиры не найти. Предложу Л. И., но думаю, что откажется.....

Въ Москвѣ морозъ, скука, открытіе врачебнаго и (не офиціально) литературнаго клубовъ, таинственное убійство на Никитской, толки о Мироновичѣ и т. д.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1885 г. Октябрь.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Ваше письмо получено мною уже на новой квартирѣ. Квартира моя за Москвой-рѣкой, а здѣсь настоящая провинція: чисто, тихо, дешево и.. глуповато. Погромъ на Осколки подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ обухомъ.. Съ одной стороны трудовъ своихъ жалко, съ другой какъ-то душно, жутко.. Конечно, Вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чѣмъ съ рискомъ для журнала хлестать плетью по обуху. Прійдется подождать, потерпѣть.. Но, думаю, что прійдется сокращаться безконечно. Что дозволено сегодня, изъ-за того прійдется съѣздить въ комитетъ завтра и близко время, когда даже чинъ «купецъ» станетъ недозволен-

нымъ фруктомъ. Да, непрочный кусокъ хлѣба даетъ литература и умно Вы сдѣлали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось, и писалось..

Посылать Вамъ что-нибудь въ эту недѣлю я не былъ намѣренъ. У Васъ были 3 мои вещи и отдохновеніе я считалъ законнымъ, тѣмъ болѣе, что меня заѣздила перевозка. Нынѣ, получивъ Ваше письмо и узнавъ про судьбу моихъ 3-хъ вещей, я шлю Вамъ разсказъ, который писалъ не для Осколковъ, а для «вообще», куда сгодится. Разсказъ [1]) немножко длиненъ, но онъ трактуетъ объ актерахъ, что въ виду открытія сезона весьма кстати, и, какъ мнѣ кажется, юмористиченъ. Завтра засяду и напишу «Сент. и Октябрь и Ноябрь», конечно, если не помѣшаетъ что-нибудь въ родѣ практики и проч.

Вы совѣтуете мнѣ съѣздить въ Петербургъ, чтобы переговорить съ Худековымъ, и говорите, что Петербургъ не Китай.. Я и самъ знаю, что онъ не Китай и, какъ Вамъ извѣстно, давно уже созналъ потребность въ этой поѣздкѣ, но что мнѣ дѣлать? Благодаря тому, что я живу большой семьей, у меня никогда не бываетъ на рукахъ свободной десятирублевки, а на поѣздку, самую некомфортабельную и нищенскую, потребно minimum 50 руб. Гдѣ же мнѣ взять эти деньги? Выжимать изъ семьи я не умѣю да и не нахожу это возможнымъ.. Если я 2 блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть отъ угрызеній совѣсти. Раньше я надѣлся, что можно будетъ урвать на поѣздку изъ гонорара Пет. Газ., теперь же оказывается, что, начавъ работать въ П. Г., я зарабатываю нисколько не больше прежняго, ибо

---

[1]) Рѣчь идетъ о разсказѣ «Битая знаменитость, или средство отъ запоя». (Изъ актерской жизни), «Осколки» № 43; подпись: А. Чехонте.

въ оную газету я отдаю все то, что раньше отдавалъ въ Развлеченіе, Буд. и пр. Аллаху только извѣстно, какъ трудно мнѣ балансировать и какъ легко мнѣ сорваться и потерять равновѣсіе. Заработай я въ будущемъ мѣсяцѣ 20—30-ю рублями меньше и, мнѣ кажется, балансъ пойдетъ къ черту, я запутаюсь.. Денежно я ужасно напуганъ и вѣроятно въ силу этой денежной, совсѣмъ не коммерческой трусости, я избѣгаю займовъ и авансовъ.. На подъемъ я не тяжелъ. Будь у меня деньги, я леталъ бы по городамъ и весямъ безъ конца.

Гонораръ изъ Пет. Газеты я получилъ недѣли черезъ 2 послѣ отсылки туда счета.

Если въ Октябрѣ Вы будете въ Москвѣ, то я какъ-нибудь соберусь и поѣду съ Вами. На путь въ ПБургъ найдутся деньги, на обратный возьму у Худекова (заработанныя).

Писать больше того, что теперь я пишу, мнѣ нельзя, ибо медицина не адвокатура: не будешь работать, застынешь. Стало быть, мой литературный заработокъ есть величина постоянная. Уменьшиться можетъ, увеличиться—нѣтъ.

Во вторникъ жду Осколки по новому адресу. Давно уже я не получалъ ихъ аккуратно.

Поздравляю съ покупкой. Ужасно я люблю все то, что въ Россіи назыв. имѣніемъ. Это слово еще не потеряло своего поэтическаго оттѣнка. Стало-быть, лѣтомъ Вы будете кейфовать..

У насъ морозъ, но снѣга нѣтъ.

Пальминъ былъ у меня и будетъ еще во вторникъ. По вторникамъ у меня вечера съ дѣвицами, музыкой, пѣніемъ и литературой. Хочу поэта вывозить въ свѣтъ, а то прокисъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

85, XI, 23. (Москва.)

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Завтра я улетучиваюсь изъ Москвы дня на 2—3. Не знаю, успѣю ли что-нибудь создать въ этотъ разъ для Осколковъ, или нѣтъ, но письмо все-таки посылаю въ виду срочности вопросовъ и событій, въ немъ затрогиваемыхъ. Primo: Левитанъ живетъ въ Гатчинѣ. Полный его адресъ таковъ: «Срѣтенка, Колокольный пер., меблированныя комнаты «Гатчина», въ домѣ Малюшина, № 28. Адольфъ Ильичъ Левитанъ». Кстати говоря, Левитанъ въ Москвѣ нравится. Рисовальщикъ онъ не изъ плохихъ.. Secondo: Если не боитесь лишняго багажа и сами на лишній багажъ напрашиваетесь, то привезите мнѣ Осколки за прошлый 84-й годъ. Прошу сіе переплета и потомства ради. Не забудьте также, что Вы обѣщали мнѣ Вашу новую книжицу.

Теперь о злосчастномъ «Таперѣ» [1]). Знай я, что этотъ мой «Таперъ» послужитъ достаточнымъ поводомъ для обвиненія меня въ злокачественности, я конечно не написалъ бы его, не написалъ бы несмотря даже на то, что я сильно расхожусь съ Вами во взглядѣ относительно 400 сбѣжавшихъ сотрудниковъ и проч. Знай я, что Осколки держатся такихъ-то и такихъ правилъ, я не сталъ бы въ чужой монастырь со своимъ уставомъ ходить и или вовсе бы не далъ Буд. разсказъ, или попросилъ бы напечатать его съ другой подписью..

---

[1]) А. П. помѣщалъ этотъ разсказъ въ «Будильникѣ» № 45 за подписью А. Чехонте.

Но бѣда въ томъ, что я не зналъ еще до сихъ поръ тѣхъ журнально-дипломатическихъ тонкостей, которыя Вы перечисляете.. Чертъ возьми, почемъ я знаю, что Буд. печатаетъ меня теперь только потому, что теперь время подписки? Попросилъ онъ у меня разсказа, какъ всегда проситъ, я и далъ, ничего не подозрѣвая и не желая подозрѣвать, тѣмъ болѣе, что и лѣтомъ я давалъ имъ разсказы, лѣтомъ, когда подписка и не снится.. Печатаетъ меня Буд., правда, рѣдко, ибо я для него дорогъ, но не думаю, что послѣдніе номера его стараются теперь казаться болѣе дорогими, чѣмъ они были въ іюлѣ. То же самое могу сказать и о Развлеченіи..

Тапера я далъ въ Октябрѣ.. Не дать чего-нибудь не могъ, ибо Буд. я долженъ съ самаго лѣта. Долженъ пустяки, но все-таки отдать надо.. Но какъ бы то ни было, *обѣщаю* въ Декабрѣ, Январѣ и въ концѣ Ноября ничего не давать въ юморист. журналы съ подписью А. Чехонте и вообще подписью, извѣстною читателямъ Осколковъ [1]).

Я, пожалуй, могу и совсѣмъ бросить работать въ Буд., но думаю, что Вы этого не захотите. Лишніе 30—40, а иногда и 50 въ мѣсяцъ ей Богу годятся такому пролетарію, какъ я. Вы удивляетесь, отчего я не послалъ Тапера въ Осколки, гдѣ онъ былъ бы помѣщенъ, когда мнѣ угодно, и за котораго я могъ бы взять авансъ. Отъ души Вамъ спасибо, но вѣдь это палліативы.. Авансъ отрабатывать надо, а одинъ полный (для меня) номеръ таже одна ласточка, которая весны не дѣлаетъ. Сколько бы я ни писалъ и какъ бы часто ни посылалъ Вамъ свою прозу, мой гонораръ не перестанетъ колебаться между 45 и 65 въ мѣсяцъ.. Пошли я Вамъ сейчасъ

---

[1]) А. П. сдержалъ слово, появившіеся разсказы въ №№ 46 и 50 «Будильника» были за подписями «Братъ моего брата» и «—нте».

цѣлый мѣшокъ статей и мой гонораръ отъ этого не станетъ толще, ибо предѣлъ ему положенъ не Вами, а рамками журнала.. Впрочемъ, мы скоро увидимся и рѣшимъ все это словесно..

Спасибо за открытіе, что у Васъ имѣется «Сонъ». Если это что-нибудь путевое и достойное праздничнаго номера, то пришлите его мнѣ. Я подвергну его передѣлкѣ и вышлю немедленно..

За разговоръ съ Худековымъ спасибо. Хотя я все-таки еще продолжаю ждать, но все-таки знаю, что часъ получки грядетъ..

Идетъ дождь. Боюсь, что онъ изгадитъ санный путь. Николая видѣлъ въ среду. Видѣлъ его лежащимъ въ постели и прописалъ ему морфій.

Сегодня имѣлъ честь лѣчить одного редактора отъ геморроя.

Много курьезныхъ новостей. Когда пріѣдете, разскажу, а пока будьте здравы, забудьте всѣхъ таперовъ въ свѣтѣ и не сердитесь. Ну стоитъ ли изъ-за пустяковъ... Впрочемъ не оканчиваю эту фразу, ибо вспоминаю, что вся жизнь человѣческая состоитъ изъ пустяковъ.

Иду ѣсть.

А. Чеховъ.

LXXXI.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1885 г. Ноябрь.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Письмо Ваше получилъ и отвѣчаю:

1) Николаю рисунокъ заказанъ.

2) За обѣщаніе прислать книжку спасибо. Я заказалъ себѣ полки и учиняю библіотеку. Присылайте

книгу, если можно, не посылкой, а бандеролью заказной. Такъ получить легче. Кстати, храни Васъ Царица Небесная забыть, что за Вами еще обѣщанный экземпляръ Осколковъ за 84 г. Если забудете, то я останусь безъ никому [1]).

3) Изъ того, что я пишу мало, нельзя заключать, что я лѣнтяй. Я занятъ цѣлый день, до того, что въ театрѣ еще ни разу не былъ за всю осень. Слѣдить за наукой и работать—большая разница. Рукописей я не перебѣляю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебѣляю же только для Осколковъ и то иногда, когда кажется мнѣ, что начало разсказа длинно, когда во время письма вдругъ явится желаніе измѣнить что-нибудь in corpore и проч. Всегда перебѣляю моск. жизнь, ибо пишу ее съ потугами. Такія же вещи, какъ посылаемая, я пишу обыкновенно на отмашь.

Если Вы отложили свой пріѣздъ до конца Ноября, то значитъ пріѣдете въ Декабрѣ.

А не дурно бы, знаете, собраться передъ подпиской всѣмъ сотрудникамъ Осколковъ и учинить consilium. О многомъ слѣдовало бы потолковать сообща.

Пальмина мы сглазили. Онъ во вторникъ у меня не былъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXII.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Декабрь. 1885 г. СПБ.)

Пятница, черезъ 5 часовъ послѣ пріѣзда [2]).

Миръ вамъ и духови твоему. Радуйтеся и веселитеся, яко велика мзда Ваша на небесехъ.. Слава отцу и сыну

---

[1]) Выраженіе, заимствованное А. П. изъ одного таганрогскаго анекдота о грекѣ.

[2]) Въ Петербургъ.

и Святому духу всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Алилуйя, алилуйя, алилуйя, слава Тебѣ Боже..

Пріѣхавъ и остановившись въ меблированныхъ комнатахъ купца Олейничикова (уголъ Невскаго и Пушкинской), я умылся, надѣлъ новое пальто, новые штаны и острые башмаки и поѣхалъ за 15 копѣекъ въ Троицкій пер., въ редакцію Осколковъ. Тутъ конторщица обрадовалась мнѣ, какъ жениху се грядущу, и стала изливать душу, называя Лейкина человѣкомъ тяжолымъ, а меня самымъ лучшимъ сотрудникомъ.. Изъ редакціи въ типографію Голике[1]) рукой подать. Но Голике я не засталъ, а потому поѣхалъ къ г. Билибину. Дверь отворила мнѣ его невѣста съ лекціями въ рукахъ (она, Маша, на двухъ факультетахъ!) и очень обрадодовалась, меня увидѣвъ. Я расшаркался новыми щиблетами и спросилъ: какъ Ваше здоровье? Но далѣе.. Выпивъ у И. Грэка стаканъ крѣпкаго, какъ деготь чаю, я пошелъ съ нимъ гулять на Неву, т.-е. не съ чаемъ, не съ дегтемъ, а съ Билибинымъ. На Невѣ мы катались на лодкѣ, что произвело во мнѣ впечатлѣніе[2]). Изъ лодки мы отправились къ Доминику, гдѣ за 60 коп. скушали по растегаю, выпили по рюмкѣ и по чашкѣ кофе.. Но это не все! Вы удивитесь!

Отъ Доминика я пошелъ въ Петерб. Газету. Изъ Пет. Газ. пошелъ въ Новое Время, гдѣ былъ принятъ Суворинымъ. Онъ очень любезно меня принялъ и даже подалъ руку [3]).

---

[1]) Р. Р. Голике, владѣлецъ типографіи, въ которой печатались «Осколки».

[2]) Выраженіе одной маленькой дѣвочки, любимицы А. П.

[3]) Здѣсь и въ слѣдующихъ строкахъ А. П. имитируетъ одного знакомаго московскаго купца.

— Старайтесь, молодой ч-къ!—сказалъ онъ. Я вами доволенъ, но только почаще въ церковь ходите и не пейте водки. Дыхните!

Я дыхнулъ. Суворинъ, не услышавъ запаха, повернулся и крикнулъ: «Мальчики!» Явился мальчикъ, которому было приказано подать чаю въ прикуску и безъ блюдечка. За симъ уважаемый г. Суворинъ далъ мнѣ денегъ и сказалъ:

— Надо беречь деньги.. Подтяните брюки!

Отъ Сув.. я пошелъ въ контору Нов. Времени. Конторщица Леонтьева, высылающая мнѣ деньги, весьма недурна собой. Я пожалъ ей, Миша, руку и завтра пойду къ ней перемѣнить свой адресъ.. Изъ конторы пошелъ я въ контору Волкова и послалъ Вамъ *сто* (100) рублей, каковые Миша можетъ получить, отправившись къ Волкову на Кузнецкій съ прилагаемымъ векселемъ. Отъ Волкова я пошелъ по Невскому къ себѣ на Пушкинскую и легъ спать.. О дивеса и чудеса! Въ пять часовъ совершилъ столько дѣлъ! Кто бы могъ предположить, что изъ н . . . . . выйдетъ такой геній?

Мой адресъ: редакція Осколковъ.

У насъ въ Петербургѣ тепло. Будетъ еще письмо. N . . . . . и прочимъ моимъ слабительнымъ слабостямъ поклонъ.

Хочу спать! Всю ночь не спалъ! Ночь была такъ чревата курьезами, что разскажу, когда пріѣду.

Любящій, но упрекающій въ нерадѣніи

А. Чеховъ.

А Леонтьева, Миша, все-таки хороша!

LXXXIII.

Ф. О. Шехтелю [1]).

(Съ подлинника.)

(СПБ. 1885 г. Декабрь.)

Я въ Питерѣ. Видѣлъ Голике.

Мой адресъ: редакція Осколковъ, Троицкій пер.

Погода великолѣпная. Если напишете, какъ Ваше здоровье и гдѣ теперь Николай [2]), то я скажу спасибо въ квадратѣ.

Вы, кажется, ошибаетесь: Лентовскій [3]) . . . . . [4]) взбалмошный человѣкъ, который самъ себя не понимаетъ. Его не понимаютъ и онъ другихъ не понимаетъ. Буду писать ему на счетъ феерiи. Онъ симпатиченъ настолько, что трудно, вѣроятно, не работать на него даромъ. На дачѣ, конечно, Вы будете жить. Вчера я былъ у Суворина и взялъ денегъ. Очень просто!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Насчотъ кутежа, который будетъ у меня съ Голике въ воскресенье, сообщу особо.

LXXXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, I, 3. (Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Получилъ я и гонораръ, и Ваше письмо. Первый пришолъ какъ разъ во время, а на второе отвѣчаю:

---

[1]) Францъ Осиповичъ Шехтель, архитекторъ, академикъ, другъ А. П.

[2]) Братъ А. П.

[3]) М. В. Лентовскій, извѣстный московскій антрепренеръ.

[4]) Зачеркнуто адресатомъ.

1) На книгѣ я буду не А. Чеховъ, а А. Чехонте.

2) Какъ титуловать? Я выдумывалъ названіе для своей книги [1]) купно съ Пальминымъ и ничего не придумалъ. Остановился я на:

«Пестрые разсказы».
А. Чехонте.
Очерки, разсказы, наброски и проч.

Если это заглавіе не годится, то пусть идетъ Ваше, т.-е. «А. Чехонте. Разсказы и очерки». Выбравъ одно изъ двухъ купно съ И. Грэкомъ [2]), которому я послалъ прошеніе, поторопитесь увѣдомить, дабы не задержать виньетиста.

3) Съ мыслью о послѣдней корректурѣ разстаюсь.

4) Если бы отъ меня зависѣлъ выборъ шрифта, то я остановился бы на томъ, которымъ печатались Ваши Цвѣты Лазоревые.

Шлю разсказъ.. Въ немъ тронуты студіозы, но не либеральнаго ничего нѣтъ. Да и пора бросить церемониться..

Кстати: какъ конкурсъ на любовное письмо? Есть ли что-нибудь? Было бъ напечатать вызовъ въ 2-хъ номерахъ [3]). Въ Москвѣ погода великолѣпная. Кататься можно.

Спѣшу къ курьерскому поѣзду, а посему не гнѣвайтесь на краткость письма.

Кланяюсь Вашему дому съ чадами, домочадцами, кончая Апелемъ и Рогулькой [4]).

За поклонъ моя семья благодаритъ и тѣмъ же концомъ и Васъ по боку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Рѣчь идетъ о «Пестрыхъ разсказахъ».

[2]) В. В. Билибинъ.

[3]) А. П. объявилъ въ «Осколкахъ» конкурсъ на любовное письмо.

[4]) Двѣ собаки Н. А. Лейкина.

LXXXV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

86, I, 4. (Москва.)

Карантинно-Таможенный Саша!

Поздравляю тебя и всю твою юдоль *) съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми младенцами.. Дай Богъ тебѣ всего самаго лучшаго. Ты, вѣроятно, сердишься, что я тебѣ не пишу.. Я тоже сержусь и по тѣмъ же причинамъ.. Скотина! Штаны! Дѣтородный чиновникъ! Отчего не пишешь? Развѣ твои письма утеряли свою прежнюю прелесть и силу? Развѣ ты пересталъ считать меня своимъ братомъ? Развѣ ты послѣ этого не свинья? Пиши, 1000 разъ пиши! Хоть пищи, а пиши.. У насъ все обстоитъ благополучно, кромѣ развѣ того, что отецъ еще накупилъ лампъ. У него манія на лампы. Кстати, если найду въ столѣ, то приложу здѣсь одну рѣдкость, к-рую прошу по прочтеніи возвратить.

Былъ я въ Питерѣ и, живя у N., пережилъ всѣ тѣ муки, про к-рыя въ писаніи сказано: «до конца претерпѣхъ».. Кормилъ онъ меня великолѣпно, но . . . . чуть не задавилъ меня своею ложью. Познакомился съ редакціей П. Газеты, гдѣ былъ принятъ, какъ Шахъ персидскій. Вѣроятно, ты будешь работать въ этой газетинѣ, но не раньше лѣта. На Л. не надѣйся. Онъ всячески подставляетъ мнѣ ножку въ П. Г. Подставитъ и тебѣ. Въ Январѣ у меня будетъ Худековъ, ред. П. Г. Я съ нимъ потолкую.

---

*) Мишка [1]), будучи поэтомъ, подъ юдолью разумѣлъ нѣчто. Прим. А. П.

[1]) Братъ Мих. Павл.

Но ради Аллаха! Брось ты, сдѣлай милость, своихъ угнетенныхъ коллежскихъ регистраторовъ! Неужели ты нюхомъ не чуешь, что эта тема уже отжила и нагоняетъ зѣвоту? И гдѣ ты тамъ у себя въ Азіи [1]) находишь тѣ муки, к-рыя переживаютъ въ твоихъ разсказахъ чиноши? Истинно тебѣ говорю: даже читать жутко! Разсказъ «Съ иголочки» задуманъ великолѣпно, но.. чиновники! Вставь ты вмѣсто чиновника благодушнаго обывателя, не напирая на его начальство и чиновничество, твое «Съ иголочки» было бы тѣми вкусными раками, которые стрескалъ Еракита. Не позволяй также сокращать и передѣлывать своихъ разсказовъ.. Вѣдь гнусно, если въ каждой строкѣ видна л..... длань.. Не позволить трудно; легче употребить средство, имѣющееся подъ рукой: самому сокращать до nec plus ultra и самому передѣлывать. Чѣмъ больше сокращаешь, тѣмъ чаще тебя печатаютъ.. Но самое главное: по возможности бди, блюди и пыхти, по пяти разъ переписывая, сокращая и проч., памятуя, что весь Питеръ слѣдитъ за работой бр. Чеховыхъ. Я былъ пораженъ пріемомъ, к-рый оказали мнѣ Питерцы. Суворинъ, Григоровичъ, Буренинъ.. все это приглашало, воспѣвало.. и мнѣ жутко стало, что я писалъ небрежно, спустя рукава. Знай, молъ, я, что меня такъ читаютъ, я писалъ бы не такъ на заказъ.. Помни же: тебя читаютъ. Далѣе: не употребляй въ разсказахъ фамилій и именъ своихъ знакомыхъ. Это некрасиво: фамильярно, да и того.. знакомые теряютъ уваженіе къ печатному слову... Познакомился я съ Билибинымъ. Это очень порядочный малый, которому, въ случаѣ надобности, можешь довѣриться *вполнѣ*. Года черезъ 2—3 онъ въ питерской газетной сферѣ будетъ играть видную роль. Кончитъ

---

[1]) Въ Новороссійскѣ.

редакторствомъ какихъ-нибудь «Новостей» или «Новаго Времени». Стало быть, нужный человѣкъ..

Еще разъ ради Аллаха! Когда это ты успѣлъ напустить себѣ въ .... столько холоду? И кого ты хочешь удивить своимъ малодушіемъ? Что для другихъ опасно, то для университ. человѣка можетъ быть только предметомъ смѣха, снисходительнаго смѣха, а ты самъ всей душой лѣзешь въ трусы! Къ чему этотъ страхъ передъ конвертами съ редакціонными клеймами? И что могутъ сдѣлать тебѣ, если узнаютъ, что ты пишущій? Плевать ты на всѣхъ хотѣлъ, пусть узнаютъ! Вѣдь не побьютъ, не повѣсятъ, не прогонятъ.. Кстати: Лейкинъ, встрѣтясь съ директоромъ Вашего департамента въ Кредитномъ Обществѣ, сталъ осыпать его упреками за гоненія, которыя ты терпишь за свое писательство.. Тотъ сконфузился и сталъ божиться.. Билибинъ пишетъ, а между тѣмъ преисправно служитъ въ Д-тѣ почтъ и телеграфа. Левинскій издаетъ юмор. журналъ и занимаетъ 16 должностей. На что строго у офицерства, но и тамъ не стѣсняются писать явно. Прятать нужно, но прятаться—ни ни! Нѣтъ, Саша, съ угнетенными чиношами пора сдать въ архивъ и гонимыхъ корреспондентовъ.. Реальнѣе теперь изображать коллежскихъ регистраторовъ, не дающихъ жить ихъ п—вамъ, и корреспондентовъ, отравляющихъ чужія существованія.. И такъ далѣе. Не сердись за мораль. Пишу тебѣ, ибо мнѣ жалко, досадно.. Писака ты хорошій, можешь заработать вдвое, а ѣшь дикій медъ и акриды.. въ силу какихъ то недоразумѣній, сидящихъ у тебя въ черепѣ..

Я еще не женился и дѣтей не имѣю. Живется нелегко. Лѣтомъ вѣроятно будутъ деньги. О еслибы!

Пиши, пиши! Я часто думаю о тебѣ и радуюсь, когда сознаю, что ты существуешь.. Не будь же штанами и не забывай

Твоего *А. Чехова*.

Николай канителитъ. Иванъ по прежнему настоящій Иванъ. Сестра въ угарѣ: поклонники, симфон. собранія, большая квартира...

LXXXVI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, I, 5. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Шлю Вамъ все, что успѣлъ выжать изъ своихъ мозговыхъ полушарій, и даю отчотъ:

Левитану заказъ переданъ съ объясненіемъ.

Для спеціальной почты шлю отъ себя 2 штучки.

Условія: подъ почтой моихъ псевдонимовъ не ставьте. Думаю, что самой подходящей подписью было бы *Дуо*, или *Тріо*, смотря по количеству лицъ, участвующихъ въ почтѣ, или же И. Грэкъ—по имени человѣка, редактирующаго этотъ отдѣлъ. Думаю также, что этотъ отдѣлъ будетъ оживляющимъ элементомъ. Для оживленія журнала будемъ сочинять открытыя письма, вопросы, загадки, конкурсы... и все это во вся тяжкая. Для образчика предлагаю Вамъ на оборотѣ конкурсъ.. Такія штуки любитъ читатель. У меня вышло шероховато, но если Билибинъ возьметъ на себя трудъ перефразировать, то получится нѣчто болѣе лучшее.. Премированные ребусы уже заѣзжены, а конкурсовъ еще, кажется, кромѣ Вольфа никто не начиналъ.

Отъ Васъ я получилъ два письма.

Агаѳоподу написалъ. Пальмина еще не видѣлъ.

За симъ будьте здоровы.

А. Чеховъ.

Если будете въ Пет. Газ., то напомните Буйлову [1]), или кому слѣдуетъ, о высылкѣ мнѣ газеты. Пересталъ получать съ 1-го Января.

LXXXVII.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Январь.)

Милѣйшій Банкъ!

Къ Вамъ опять просьба. Дождусь я своими просьбами того, что Вы дадите мнѣ по шеѣ..

12-го я шаферомъ. Нѣтъ ли у Васъ у кого-нибудь на примѣтѣ фрака и фрачной жилетки? Гдѣ таковые можно достать? Вашъ фракъ не годится.. Не подойдетъ ли Скворцова подъ мой ростъ.

12-го я шаферствую до 5 вечера. Послѣ пяти увидимся въ Эрмитажѣ.

Въ третьихъ: нѣтъ ли въ Вашемъ банкѣ подъ проценты 25 руб.? Честное слово, отдамъ. Чтобы мнѣ сквозь землю провалиться, ежели не отдамъ. Когда я буду Захарьинымъ (чего никогда не будетъ), я дамъ Вамъ въ займы 30,000 р. безъ процентовъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, I, 12. (Москва).

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Отвѣчаю на Ваше письмо. Левитанъ у меня еще не былъ. Ѣхать же мнѣ къ нему неловко, ибо извиняться

---

[1]) Бухгалтеръ «Осколковъ».

я не уполномоченъ. Когда придетъ ко мнѣ, то постараюсь уломать его и втемяшить въ его голову, что отказомъ аванса Осколки выказали отнюдь не недовѣріе къ нему, а только и проч.. Пока же темы я отдалъ Николаю, который пересталъ уже быть . . . . . и живетъ у меня. Даже, не сглазьте, не пьетъ. Взглядъ Вашъ на авансы я во многомъ не раздѣляю. Конечно, плата за неисполненный еще трудъ есть абсурдъ, но почему не снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, если это возможно? 40 руб. не великія деньги—стало-быть, возможно.. Представьте, что Левитану нужны 40 руб. позарѣзъ, до чертиковъ.. Къ кому онъ долженъ обратиться и кто вывезетъ его изъ неловкаго положенія? Конечно тѣ, для которыхъ онъ работаетъ.. Впрочемъ, объ этомъ можно писать только длинно..

Какъ велика подписка у Буд. и Сверчка, не вѣмъ. Узнаю, напишу.

П. И. Кичеевъ покушался на самоубійство, но пуля оказалась дурой. Третьяго дня я видѣлся съ нимъ и слушалъ, какъ онъ разсказывалъ анекдоты.

Сегодня у насъ Татьяна. Къ вечеру буду безъ заднихъ ногъ. Сейчасъ облачаюсь во все фрачное и ѣду шаферствовать: докторъ [1]) женится на поповнѣ—соединеніе началъ умерщвляющихъ съ отпѣвающими.

Ахъ, какъ меня надули! Впрочемъ, прежде чѣмъ Вы не начнете ругаться, я не скажу въ чемъ дѣло.. Ужасно и подло надули!

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Билибину я давно уже послалъ письмо и никакъ не дождусь отвѣта. Получилъ ли онъ?

Разсказы почти наклеилъ и пришлю посылкой. Газету получаю. Какъ зовутъ Буйлова? Имя его мнѣ

---

[1]) Уѣздный звенигородскій врачъ П. Г. Розановъ.

нужно на случай могущаго случиться случая съ газетой, или гонораріемъ. Кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXIX.

М. П. Чехову [1]).

(Москва. 1886 г. Январь 15).

Медицинское свидѣтельство

Дано сие Студенту Императорского Университета Михаилу Павловичу Чехову 20 лѣт, по восьмнаго вѣроисповѣданія, в удостовѣреніе, что он состоит с 1865 года моим родным братом и уполномоченным моего брата в редакціях, в семьях и работах, денег сколько ему потребно, что на числом и приложением печати удостоверяю

Москва 1886 г. Января 15-го дня. Врач А. Чехов

[1]) А. П. сотрудничалъ въ газетѣ «Новости Дня» и въ журналѣ «Москва», гдѣ ему платили гонораръ очень неаккуратно. Чтобы не терять времени, онъ посылалъ за гонораромъ своего брата—студента Михаила Павловича, которому и выдалъ для этого шуточное удостовѣреніе.

XC.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Январь. 16.)

Милый Михаилъ Михайловичъ!

Завтра извѣстный писатель волею судебъ производится въ чинъ именинника. Надѣюсь, что Вы будете у меня... Жду! Теперь просьба. Я человѣкъ бѣдный: жена вдова и дѣти сироты. Не можете ли Вы одолжить мнѣ для бала слѣдующей домашней утвари:

а) 1½ дюжины какихъ-нибудь ножей и вилокъ.

б) Чайныхъ ложекъ возможно больше.

в) Стакановъ, блюдечекъ, мелкихъ тарелокъ, ваксенныхъ щетокъ, чугунную печку и проч.

Пригласите Алексѣя Афанасьевича.

Всѣ вещи будутъ возвращены во всемъ ихъ первобытномъ цѣломудріи.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCI.

В. В. Билибину [1]).

86, I, 18. Москва.

Это ужасно, Викторъ Викторовичъ! Съ тѣхъ поръ, какъ Вы стали служить въ вѣдомствѣ почтъ и телеграфа, мои письма не доходятъ по адресу.

2-го января сего года я послалъ Вамъ громаднѣйшее письмо и оказывается, что оно не дошло... Писалъ я его въ отвѣтъ на Ваше первое письмо.. Вышло оно у меня такое большое, что ни одинъ извозчикъ не соглашался довезти меня съ нимъ до почтоваго ящика. Писалъ я въ немъ приблизительно слѣдующее:

---

[1]) Сотрудникъ «Осколковъ» (псевд. И. Грекъ).

1) Вашего упрека относительно «Платонической любви» и «Варвары», лопни мои глаза, не понялъ. Чего мнѣ не слѣдовало бы сообщать Лейкину? Совсѣмъ загадка!.. . . . . .

. . . . . .

2) Въ «Новостяхъ» Вамъ не везетъ по той причинѣ, что Вы не достаточно либеральны. Надо въ жилку попадать.

3) Ваше извиненіе относительно Бореля охотно принимаю. Чистосердечное раскаяніе дѣлаетъ Вамъ честь. Я извиняю, но проститъ ли Вамъ совѣсть, что Вы вошли въ ресторанъ въ пальто и калошахъ? Благодаря Вамъ, лакеи приняли насъ за моветоновъ... А вѣдь мы литераторы!.. Во-вторыхъ секретарю Лейкина, юристу и чиновнику пора знать, что въ ресторанахъ платитъ приглашавшій, а не приглашенный... Насколько помню, приглашенія удостоились Вы, а не я... Правъ Лейкинъ, говоря, что Вы не знаете жизни... Вы бы почаще по ресторанамъ ходили...

Въ-третьихъ, ужиномъ у Бореля мнѣ хотѣлось задобрить Васъ, какъ правую руку Лейкина и какъ будущаго Д. С. С. Вы не догадались, стало быть, деньги мои пропали... Зналъ бы, не приглашалъ...

4) «Буфетъ Екатерины II» еще не бѣда... А вотъ будетъ бѣда, если въ Осколкахъ будутъ работать орлы Екатерины, Аракчеевъ и проч.! Держу пари на 10 коп., что Л.[1]) уже хвастаетъ этимъ, какъ хвасталъ мнѣ, что Точечкинъ и многіе другіе сотрудники Оск. состоятъ въ чинахъ IV и V кл.

И многое другое нашли бы Вы въ моемъ письмѣ. Описывалъ я свой костюмированный вечеръ, бывшій у меня 1-го янв. (художники устраивали), писалъ, какъ

---

[1]) Н. А. Лейкинъ.

одна дѣвица поднесла мнѣ фотограф. альбомъ «въ память избавленія моего отъ тифа»... Послѣднее писалъ я не ради хвастовства, о нѣтъ! (Вы и безъ этого догадываетесь, что я великій медикъ), а ради напоминанія (есть такое слово?) Вамъ объ обѣщанной карточкѣ... Пока вакансіи не заняты, присылайте... Альбомъ тифозный, но даю слово, что Вы не заразитесь—острота, которую посылаю даромъ. Можете ее напечатать... Писалъ Вамъ, какъ въ моемъ акваріумѣ умерли всѣ мои рыбы отъ брошенной въ воду сигары...

Писалъ, какія высокія чувства наполняли мою душу во всѣ святки отъ систематически-методическаго отравленія себя алкоголемъ...

A propos: святки стоили мнѣ около трехсотъ... Ну не шальной ли? Нѣ-ѣтъ, бѣда быть семейнымъ! Впрочемъ, вчера, провожая домой одну барышню, сдѣлалъ ей предложеніе... Хочу изъ огня да въ полымя. Благословите жениться.

Наконецъ писалъ Вамъ я и просьбу. Чтобы моя просьба не показалась безпокойствомъ, я предпослалъ ей предисловіе. Книга моя, писалъ я, имѣетъ быть свѣтлымъ пятномъ въ исторіи русской литературы и т. д. На обязанности всякаго лежитъ содѣйствовать и т. д. А потому благоволите, добрѣйшій В. В., поддержать коммерцію и въ скорѣйшемъ времени выслать мнѣ №№ «Осколковъ», коихъ у меня нѣтъ. Изъ этихъ номеровъ надлежитъ вырѣзать разсказы, наклеить, исправить и проч. У меня есть «Оск.» за всѣ годы, но нехватаетъ духа рѣзать то, что переплетено.

Вотъ что не достаетъ:

Годъ 83 № 46 Разск. Клевета.
» 84 № 22 Дачница.
» » № 24 Броженіе умовъ.

Годъ » № 28 Экзаменъ на чинъ.
» » № 30 Русскій уголь.
» » № 32 Хирургія.
» » № 34 Невидимыя міру слезы.
» » № 36 Хамелеонъ.
» » № 38 Новинка.

Немножко мало, но простите, другихъ №№ не нужно. Если удобнѣе выслать однѣ только вырѣзки, то высылайте вырѣзки. За пересылку и за №№ можете истребовать гражданскимъ порядкомъ черезъ судебнаго пристава. Л. взялъ съ меня по 15 к. за №, это помните. Въ концѣ моего прошенія: простите за безпокойство... Если не къ Вамъ обратиться за помощью, то къ кому же?

Разсказы уже наклеены, увязаны, упакованы и завтра пойдутъ въ Питеръ посылкой. Встрѣчи, пожалуста, не дѣлайте...

Поторопите Л. Если будетъ печататься у Голике, то скажите Голике и проч. И его бы мнѣ нужно было задобрить у Бореля. Эхъ, я не догадался! Одинъ разсказецъ, не вошедшій въ транспортъ, при семъ прилагаю. Присовокупите его къ общей массѣ. Прочтите его, если хотите: въ этомъ разсказѣ я пробовалъ себя, какъ medicus.

Радуюсь, что мои «штуки» въ Пет. Газ. правятся Вамъ, но Аллахъ керимъ, своими акаѳистами вы всѣ окончательно испортили мою механику. Прежде, когда я не зналъ, что меня читаютъ и судятъ, я писалъ безмятежно, словно блины ѣлъ; теперь же пишу и боюсь...

Жалѣю, что не познакомился короче съ Голике. Кланяйтесь ему.

Когда пріѣдете въ Москву? Вы вотъ что сдѣлайте: женитесь и валяйте съ женой ко мнѣ въ маѣ на дачу, недѣльки на двѣ.. Дамъ Вамъ и комфортъ, и природу,

и уѣздъ, и столъ для письма... что хотите! Купите большіе сапоги... Лейкинъ не будетъ пускать Васъ, но Вы наплюйте... Возьмите отпускъ. Обѣщаю, что Вы освѣжитесь и великолѣпно поглупѣете. Скучно всю жизнь быть умнымъ... Жену предупредите, что скучно не будетъ: піанино и проч. 12-го была Татьяна. Того же дня я былъ шаферомъ у одного доктора. 17-го я имѣлъ честь быть именинникомъ... Наконецъ-то кончились мои святки! Продолжись они еще на недѣлю, я пошелъ бы по міру. Сейчасъ въ карманѣ ни гроша. Помолитесь за меня.

. . . . . .

Петербургъ хорошій городъ. Еще пріѣду.

Вашъ *А. Чехонте.*

XCII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, I, 19. (Москва.)

Какъ ни старался, добрѣйшій Николай Александровичъ, попасть Вамъ въ жилку—послать разсказъ къ понедѣльнику, но не успѣлъ. Много всякой работы, да и не клеилось писанье. Шлю сейчасъ разсказъ. Если успѣю, то завтра пошлю съ курьерскимъ мелочей.

Посылаю Вамъ темы. Николка опять размокропогодился и набралъ заказовъ изъ Сверчка. Клялся мнѣ, что некогда.. На одну тему онъ началъ прелестно. Началъ и по обычаю не кончилъ.

Вы говорите, что я пишу такъ, словно отвязаться хочу.. Къ чему это говорить? Если мои письма не всегда удачны, то это объясняется очень просто: не умѣю писать писемъ. Всегда въ письмахъ я или не дописываю, или

переписываю, или же пишу чепуху, не интересную для адресата. Такова у меня natura.

Сегодня послалъ Вамъ посылку, содержащую очень мало съѣдобнаго, самъ же я на дняхъ получилъ посылкой хохлацкое сало и хохлацкія колбасы.. Я счастливѣе Васъ..

Я банкротъ.. Денегъ, хоть удавите, нѣтъ.. Просто, хоть въ альфонсы нанимайся. Когда мѣсяцъ кончится, Вы поторопите Вашего казначея утолить мою жажду. Какъ зовутъ Буйлова? Буду ему счотъ посылать.

Сколько подписчиковъ у Буд. и Сверчка, честное слово, не знаю, иначе написалъ бы. Почти нигдѣ не бываю и ни съ кѣмъ изъ газетчиковъ не видаюсь. Когда узнаю, напишу. А отчего стрѣлялся Петръ Иванычъ [1]) никому не извѣстно. Стрѣлялся вѣроятно по причинамъ, вытекшимъ «изъ глубины внутренняго міросозерцанія».

Получилъ отъ Агаѳопода письмо. Трудно живется бѣднягѣ.. Въ декабрѣ Вы обѣщали мнѣ прибавить ему..

Неужели и теперь Билибинъ не получилъ моего письма? Онъ много потерялъ, что не получилъ моего перваго письма, которое я писалъ въ подпитіи, распираемый благонамѣренными чувствами.. Спьяна, должнобыть, вмѣсто 7 коп. марки наклеилъ 2-хъ копѣечную, ибо были потемки, а въ потьмахъ всѣ кошки сѣры и всѣ марки семикопѣечны.. Вообще на святкахъ акцизному вѣдомству посчастливилось: приходилось пить чуть ли не каждый день..

Тема для передовицы: по поводу Юбилеевъ. *Луна*, глядя па землю, презрительно улыбается.

— Когда же наконецъ мой юбилей будутъ праздновать? Если эта тема не годна, то ее можно взять для мелочишки «Юбилей луны». Порекомендуйте И. Грэку.

---

[1]) Кичеевъ.

Надо спать. Надъ моей головой идетъ плясъ. Играетъ оркестръ. Свадьба. Въ бельэтажѣ живетъ кухмистеръ, отдающій помѣщеніе подъ свадьбы и поминки. Въ обѣдъ поминки, ночью свадьба... Смерть и зачатіе..

Кто-то, стуча ногами, какъ лошадь, пробѣжалъ сейчасъ какъ разъ надъ моей головой.. Должно-быть, шаферъ. Оркестръ гремитъ.. Ну чего ради? Чему обрадовались сдуру?.....

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Собакамъ отъ моего имени дайте по лишнему кусочку.....

За симъ прощайте.

Вашъ *Чеховъ*.

XCIII.

В. В. Билибину.

86, II, 1. (Москва.)

Добрѣйшій изъ юмористовъ и помощниковъ присяж. пов., безкорыстнѣйшій изъ секретарей *) Викторъ Викторовичъ! Пять разъ начиналъ писать вамъ и пять разъ отрывали меня отъ письма. Наконецъ пригвоздилъ себя къ стулу и пишу... . . . . .

Сейчасъ только что вернулся отъ извѣстнаго поэта Пальмина. Когда я прочелъ ему изъ Вашихъ писемъ, относящіяся къ нему строки, онъ сказалъ:

— Я уважаю этого человѣка. Онъ очень талантливъ!

За симъ Его Вдохновеніе подняли вверхъ самый длинный изъ своихъ пальцевъ и изволили прибавить (конечно, глубокомысленно):

— Но Осколки развратятъ его! Не хотите ли настойки?

---

*) Мысль: секретари консисторіи навѣрное не завидуютъ секретарямъ редакцій. *Прим. А. П.*

Говорили мы долго и о многомъ. Пальминъ —это типъ поэта, если Вы допускаете существованіе такого типа. Личность поэтическая, вѣчно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Бесѣда съ нимъ не утомляетъ. Правда, бесѣдуя съ нимъ, приходится пить много, но за то можете быть увѣрены, что за всѣ 3—4 часа бесѣды Вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоитъ трезвости.

Между прочимъ выдумалъ я съ нимъ названіе для моей книжки. Долго мы ломали мозги, но кромѣ «Кошки и караси» да «Цвѣты и собаки» ничего не придумали. Я хотѣлъ было остановиться на заглавіи «Покупайте книгу, а то по мордѣ», или «Пожалуйте, что покупаете?» но поэтъ, подумавъ, нашелъ это избитымъ и шаблоннымъ... Не придумаете ли Вы названіе? Что касается меня, то по моему мнѣнію всѣ эти названія, имѣющія (грамматически) собирательный смыслъ, очень трактирны.. Я бы предпочелъ то, что *хочетъ* и Лейкинъ, а именно: «А. Чехонте. Разсказы и очерки»—больше ничего... хотя такія заглавія къ лицу только извѣстностямъ, но не такимъ... какъ я... Годилось бы и «Пестрые разсказы».. Вотъ Вамъ два названія... Выберите изъ нихъ одно и сообщите Лейкину. Полагаюсь на Вашъ вкусъ, хотя и знаю, что, затрудняя Вашъ вкусъ, я затрудняю и Васъ... Но Вы не сердитесь... Когда Богъ дастъ у Васъ будетъ пожаръ, я пришлю Вамъ свою кишку.

За Ваши хлопоты по вырѣзкѣ и высылкѣ мнѣ оригинала большое спасибо. Чтобы не быть у Васъ въ долгу (денежно), шлю Вамъ за пересылку марку 35-ти копѣечнаго достоинства, которую Вы когда-то прислали мнѣ съ гонораромъ и которую я никакъ не могъ сбыть съ рукъ. Мучайтесь теперь Вы съ ней!

. . . . . .

Ваше злорадство по поводу запрещенной цензурою «Аттаки на мужей» дѣлаетъ Вамъ честь. Жму Вамъ руку. Но тѣмъ не менѣе получить вмѣсто 55 р.—65 было бы гораздо пріятнѣе. Въ отместку цензурѣ и всѣмъ злорадствующимъ моему горю я съ пріятелями придумалъ «Общество наставленія роговъ». Уставъ уже посланъ на утвержденіе. Предсѣдателемъ избранъ я большинствомъ 14 противъ 3.

Въ 1 № «Колосьевъ» есть статья «Юмористическіе журналы». Въ чемъ дѣло? Кстати... Какъ-то, бесѣдуя съ Вами и съ Вашей невѣстой о молодыхъ писателяхъ, я назвалъ Вамъ Короленко... Помните? Если хотите познакомиться съ нимъ, то возьмите «Сѣверный Вѣстникъ» и прочтите въ IV или V книгѣ статью «Бродяги». Рекомендую.

. . . . . .

Нужно писать, а темъ нѣтъ и нѣтъ... О чемъ писать? Однако пора спать. Кланяюсь и жму руку. Ѣзжу каждый день за городъ на практику. Что за овраги, что за виды!

. . . . . .

Пятьдесятъ пять рублей, семьдесять двѣ копѣйки получилъ сполна, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю.

Вольно-практик. врачъ А. Чеховъ.

XCIV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

86, II, 3. (Москва.)

Филинюга, маленькая польза, взяточникъ, шантажистъ и все, что только пакостнаго можетъ придумать умъ мой!

Нюхаю табаку, дабы чихнуть тебѣ на голову

3 раза, и отвѣчаю на всѣ твои письма, которыя я «читалъ и упрекалъ въ нерадѣніи».

1) . . . . . .

2) Не понимаю, почему ты совѣтуешь беречься Билибина? Это душа человѣкъ и я удивляюсь, какъ это онъ при всей своей меланхоліи и наклонности къ воплямъ души, не сошелся съ тобой въ Питерѣ. Мое знакомство съ нимъ и письма, которыя я отъ него теперь получаю, едва ли обманываютъ меня.. Не обманулся ли ты? Разсказъ твой «Съ Иголочки» передѣлывалъ *при мнѣ* Л., а не Билибинъ, который отродясь не касался твоихъ разсказовъ и всегда возмущался, когда видѣлъ ихъ опачканными прикосновеніемъ . . . . . Голике тоже великолѣпнѣйшій парень. Если ты былъ знакомъ съ нимъ, то неужели же ни разу не пьянствовалъ съ нимъ? Это удивительно... Кстати дѣлаю выписку изъ письма Билибина: «Просилъ у Л. прибавку въ 10 рублей въ мѣсяцъ, но получилъ отказъ. Стоило срамиться!» Значитъ, не ты одинъ бранишься.. Счастье этому Л..! По счастливой игрѣ случая *всѣ* его сотрудники въ силу своей воспитанности—тряпки, кислятины, говорящіе о гонорарѣ, какъ о чемъ-то щекотливомъ, въ то время, какъ самъ Л. хватаетъ зубами за икры!

3) Худекова еще не видѣлъ, но увижу и поговорю о твоемъ сотрудничествѣ въ Пет. Газ.

4) Въ Буд. сдано. О высылкѣ журнала говорилъ.

5) За нареченіе сына твоего Антоніемъ посылаю тебѣ презрительную улыбку. Какая смѣлость! Ты бы еще назвалъ его Шекспиромъ! Вѣдь на этомъ свѣтѣ есть два Антона: я и Рубинштейнъ. Другихъ я не признаю.. Кстати: что если со временемъ твой Антонъ Чеховъ, учинивъ буйство въ трактирѣ, будетъ пропечатанъ въ газетахъ? Не пострадаетъ ли отъ этого мое

реномэ?... Впрочемъ умиляюсь, архіерейски благославляю моего крестника и дарю ему серебряный рубль, который даю спрятать Машѣ впредь до его совершеннолѣтія. Обѣщаю ему также протекцію (въ потолкѣ и въ высшемъ кругѣ), книгу моихъ сочиненій и безплатное лѣченіе. Въ случаѣ богатства, можетъ разсчитывать и на плату за ученіе въ учебномъ заведеніи.. Объясни ему, какого я званія...

6) Твое поздравительное письмо чертовски, анаѳемски, идольски художественно. Пойми, что если бы ты писалъ такъ разсказы, какъ пишешь письма, то давно бы уже былъ великимъ большущимъ человѣкомъ.

Мой адресъ: Якиманка, д. Клименкова. Я еще не женился. У меня теперь отдѣльный кабинетъ, а въ кабинетѣ каминъ, около котораго часто сидятъ Маша и ея Эфросъ, Нелли и баронесса, дѣвицы Яновы и проч. У насъ полонъ домъ консерваторовъ—музыцирующихъ, козлогласующихъ и ухаживающихъ за Марьей. Прилагаю при семъ письмо поэта, одного изъ симпатичнѣйшихъ людей.. Онъ тебя любитъ до безобразія и готовъ за тебя глаза выцарапать. Николай попрежнему брендитъ, фунитъ и за неимѣніемъ другой работы оттаптываетъ штаны..

Не будь штанами! Пиши и вѣрь моей преданности. Привѣтъ дому и чадамъ твоимъ. Спроси: отчего я до сихъ поръ не банкротъ? Завтра несу въ лавочку 105 р.[1])— это въ одинъ мѣсяцъ набрали. Прощай.. Увѣряю тебя, что мы увидимся раньше, чѣмъ ты ожидаешь. Я, яко тать въ нощи.. Нашивай лубокъ!

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) Въ то время, какъ А. П. съ семьей отсутствовалъ, по его записной книжкѣ въ мелочной лавкѣ, неосторожно оставленной на квартирѣ, набрали на 105 руб.

XCV.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Февраль.)

Г. Министру
Мѣщанскаго Просвѣщенія[1])

Ваше Благородіе!

Если хотите, чтобъ блондинка была Вашей (30,000!!!), то дайте мнѣ взаймы подъ проценты на кратчайшій срокъ 5—10 руб. Дожился до того, что въ карманахъ нѣтъ даже тѣни денегъ. Что я честный человѣкъ и не спускаю съ лѣстницы своихъ кредиторовъ, Вамъ извѣстно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Альбомъ, который Вы мнѣ обѣщали, можете взять себѣ въ счетъ долга. Расходы—ужасъ!! Было сегодня утромъ 3 цѣлкаша, мечталъ прожить на нихъ minimum 2 сутокъ, а сейчасъ, кромѣ золотой турецкой лиры—ни черта.

XCI.

Р. Р. Голике.

Москва. 1886 г. февраль 5.

Уважаемый Романъ Романовичъ, Францъ Осиповичъ Шехтель[2]), у котораго я сейчасъ сижу, сердится. Онъ требуетъ у меня размѣра моей будущей книги[3]), утверждая, что, не зная размѣра нельзя дѣлать виньетку.

---

[1]) Адресатъ служилъ въ Московскомъ Мѣщанскомъ училищѣ.

[2]) Рисовавшій виньетку для «Пестрыхъ Разсказовъ».

[3]) «Пестрые разсказы».

Ранѣе говорилъ онъ мнѣ, что Вы обѣщали выслать по моему адресу листъ бумаги, на которой будетъ печататься моя книга... Мой адресъ: Якиманка, д. Клименкова. За Ваше обѣщаніе печатать книгу на отличной бумагѣ пофранцузистѣй большое спасибо. Поклонъ Ивану Грэку, Билибину и Н. А. Лейкину.

Уважающій *Антонъ Чеховъ.*

XCVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

Февраль. (Москва. 1886 г.)

Vive le roi!

Отъ Голике получена бумага купно съ письмомъ, которое прилагаю и прошу сохранить для потомства.

Заглавіе книги «Пестрые разсказы. А. Чехонте». Ни больше, ни меньше.

Ахъ, мнѣ кажется, Николая будетъ трудно вытащить для виньетки!

Лейкинъ проситъ, чтобы на виньеткѣ было написано: «Изданіе редакціи журнала «Осколки», каковая просьба должна быть уважена. Сегодня у насъ былъ Тышко [1]). Хорошъ попъ у Софійскаго полка! Впрочемъ, не дурно и консоме..

Вашъ *А. Чеховъ.*

Очень просто!

Во вторникъ у насъ будетъ Бѣгичевъ съ Киселевыми. Пріѣзжайте. Скажите объ этомъ Николаю, если увидите его.

---

[1]) Офицеръ Софійскаго полка, знакомый Чехова. Въ Софійскомъ полку устраивались балы, которые посѣщалъ и А. П. съ братьями. Этотъ полкъ стоялъ въ Александровскихъ казармахъ въ Москвѣ. А. П-чу очень нравился полковой священникъ.

XCVIII.

В. В. Билибину.

14, (26) февраля 86 (Москва.)

Sire! Умоляю Васъ, реставрируйте Вашъ ужаснѣйшій почеркъ! Вѣрьте, онъ даже хуже моего... Ваши к и з до того богопротивны, что ихъ повѣсить мало. Удивляюсь правительству: какъ Васъ съ такимъ почеркомъ терпятъ въ департаментѣ!

Ваше послѣднее письмо такъ мило, что заслуживаетъ быть написаннымъ гораздо лучшимъ почеркомъ.

Я живъ и здоровъ, что Пальминъ объясняетъ тѣмъ, что я себя не лѣчу. Работы очень много. Некогда даже обѣдать... Сейчасъ только что кончилъ сцену-монологъ «О вредѣ табака», который предназначался въ тайникѣ души моей для комика Градова-Соколова [1]). Имѣя въ своемъ распоряженіи только 2½ часа, я испортилъ этотъ монологъ и... послалъ его не къ черту, а въ Пет. Газ. [2]). Намѣренія были благія, а исполненіе вышло плохиссимое...

Не слыхали ли Вы чего-нибудь о моей книгѣ?

Вы совѣтовали нарещи ее во св. крещеніи не псевдонимомъ, а фамиліей... Зачѣмъ Вы уклонились отъ мотивировки Вашего совѣта?.. Вѣроятно, Вы правы, но я, подумавъ, предпочелъ псевдонимъ и не безъ основанія..... то ослы женятся и стучатъ ногами, какъ лошади [3])... Не дадутъ мнѣ спать...

---

[1]) Извѣстный артистъ, игравшій тогда въ театрѣ Корша.

[2]) Напечатанъ въ № 47 за подписью А. Чехонте. Въ полное собраніе вошелъ въ исправленномъ видѣ.

[3]) Въ это время А. П. жилъ въ Москвѣ на Якиманкѣ, въ домѣ Клименкова, верхній этажъ котораго сдавался подъ свадьбы, балы и поминки. Когда тамъ играла музыка, пѣли или танцовали, то все было слышно у А. П. внизу.

Были ли Вы когда-нибудь шаферомъ? Я былъ...

. . . . . .

Давайте вмѣстѣ напишемъ водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ!..

Придумайте 1-е дѣйствіе, а я 2-е... Гонораръ пополамъ... Пишите, заклинаю Васъ прахомъ Цезаря...

А. Чеховъ.

XCIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, II, 16. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Письмо, корректуру и листъ моей книги [1]) получилъ и шлю спасибо за хлопоты. Помарки въ «Анютѣ» дѣйствительно неважны. Благодарю, что выручили этотъ мой разсказъ—все-таки вѣдь движимое имущество!

Шрифтъ книги мнѣ нравится. Размѣръ тоже. Вѣроятно послѣдней корректуры еще не было, такъ какъ ошибокъ много.. Между прочимъ есть ошибка, которую едва ли корректорша исправитъ безъ моей помощи, ибо она не бросается въ глаза. Шлю корректоршѣ записочку, которую потрудитесь передать ей. Шехтель обѣщалъ быть сегодня у меня ради виньетки, но не былъ. Самъ же я съѣздить къ нему не могу, такъ какъ сижу босой: на подъемѣ правой ноги у меня нарывъ, который пришлось вскрывать. Вонища іодоформомъ на весь кабинетъ.

На заглавіи книги, мы, кажется, уже остановились съ Вами. Я не думалъ, что это еще не рѣшонное дѣло,

---

[1]) «Пестрые разсказы».

а потому и не спѣшилъ писать Вамъ. Мы согласились съ Вами назвать книгу такъ: «А. Чехонте. Пестрые разсказы». Песій бюстъ мною еще не полученъ. Я писалъ Гиляровскому, чтобы тотъ привезъ, но отвѣта не получилъ. Съѣздить къ нему не могу по вышеописанной причинѣ.. Хожу въ башмакахъ, но не дальше ватерклозета. У меня уже есть на столѣ одна собака—сетеръ.....

Отъ Агаѳопода ни слуху, ни духу... Я начинаю безпокоиться. Онъ не отвѣчаетъ даже на нужныя письма.. Ужъ не заболѣлъ ли?

Письмо это пойдетъ завтра съ почтовымъ. Разсказъ же, который уже на половину написанъ, пошлю съ курьерскимъ.. Сейчасъ кончить не въ состояніи, потому что ослабѣлъ и хочу лечь въ постель.. Да и къ тому же 2-й часъ ночи.. Мозгъ не хочетъ работать, а утромъ и вчера вечеромъ мнѣ мѣшали..

Прочтите въ субботнемъ (15-го февр.) № Русскихъ Вѣд. сказку Щедрина. Прелестная штучка. Получите удовольствіе и руками разведете отъ удивленія: по смѣлости эта сказка совсѣмъ анахронизмъ!

Если не найдете у себя этого №, то напишите, я вышлю.. Былъ я 2 раза у Пальмина. Живетъ онъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ бываетъ невылазная, бердичевская грязь и растетъ на тротуарѣ трава.. Не будь онъ поэтомъ, онъ былъ бы комикомъ.

Скажите Билибину, что я послалъ ему письмо.. Вашъ секретарь неизсякаемъ.. Откуда у него берется столько темъ и игривости? Это единственный творецъ мелочей, который не исписывается. Всѣ же остальные въ сравненіи съ нимъ—кобчики.. Изъ него выработался прекрасный фельетонистъ..

Весной, или въ началѣ лѣта мечтаю побывать въ Петербургѣ. Погода у насъ морозная, но великолѣпная.

Днемъ солнце, ночью луна.. Не разсказы бы писать, а въ любви объясняться..

Кланяюсь Вашимъ.. Вашъ диванъ гораздо мягче моего матраца, да и не холодно у Васъ такъ, какъ у меня... Бррр!..

Вашъ *А. Чеховъ.*

Практика наклевывается помаленьку.

С.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

86 г. февр. 17 (29) [1]) *дня. (Москва.)*

Любезнѣйшій

Михаилъ Михайловичъ!

Пишу Вамъ, чтобы у Васъ было однимъ автографомъ великаго писателя больше.. Черезъ 10—20 лѣтъ это письмо Вы можете продать за 500—1000 руб. Завидую Вамъ.

Ну съ, а теперь просьба. Нѣтъ ли въ Новомъ Времени чего-нибудь подозрительнаго въ смыслѣ моихъ разсказовъ. Не видали ли Вы? Если видали, то дайте Ольгѣ № или же напишите на бумажкѣ № этого номера.. Чертовски я богатъ теперь. Помилуйте, у Суворина работаю!

Но тѣмъ не менѣе, если у Васъ, г. банкиръ, въ Вашей толстой кассѣ есть сейчасъ свободные 25 рублей, то по примѣру прошлыхъ мѣсяцевъ дайте мнѣ ихъ на неопредѣленный, но короткій срокъ, ибо у меня сейчасъ нѣтъ ничего, кромѣ вдохновенія и писательской славы, а безъ дровъ между тѣмъ холодно.

Вашъ соотечественникъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Скобки А. П.

CI.

Р. Р. Голике.

Москва, 1886 г. Февраль 20.

Многоуважаемый Романъ Романовичъ, большое спасибо Вамъ за Ваше любезное письмо, которое я получилъ съ образцомъ бумаги. Ф. О. Шехтель, который сейчасъ сидитъ у меня, увѣряетъ меня, что виньетки не будетъ. Это жаль... А все изъ-за того, что я не соглашаюсь быть завтра у него на блинахъ. Если увѣреніе его не пустая угроза, то вѣдь книжка будетъ печататься безъ виньетки.

Вашъ *Антонъ Чеховъ.*

Впрочемъ, ура!.. Ф. О. сжалился и показалъ виньетку. Виньетка восторгъ. Заньешь на нее глядючи, какъ говоритъ одинъ знакомый художникъ.

CII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, II, 20. (Москва.)

Получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и браню себя, что не тотчасъ отвѣтилъ Вамъ на предыдущее письмо.. Дѣло въ томъ, что, если листъ (I) уже отпечатанъ, то въ немъ остались всѣ тѣ *многочисленныя ошибки*, которыя я нашолъ въ немъ..

А ошибокъ много..

Я Васъ надулъ, но Вы простите.. Такъ я утомленъ, очумѣлъ и обалдѣлъ въ послѣднія недѣли двѣ, что голова кругомъ ходитъ.. Въ квартирѣ у меня вѣчная толкотня, гамъ, музыка.. Въ кабинетѣ холодно..

Виньетка для книги «Пестрые разсказы», сдѣланная Ф. О. Шехтелемъ.

паціенты... и т. д. Недописанный разсказъ будетъ дописанъ и своевременно присланъ..

Виньетка для книги готова и отдана въ цинкографію. Вышла она такъ хороша, что я ахнулъ и умилился.. Пойдетъ она въ 2 краски, чего ради Вы получите 2 клише. По мнѣнію творца виньетки, бумага для обложки должна быть потолще, холоднаго и желтоватаго, или сѣроватаго тона. Надпись, что книга издана Осколками, исполнена.

Не пишите мнѣ про Сверчка [1].. Я далъ Вамъ слово, что въ Декабрѣ и Январѣ въ Москвѣ я не буду подписываться А. Чехонте.. Памятуя объ этомъ, я давалъ просящему Вернеру [2]) разсказъ и кромѣ гонорара взялъ съ него подчеркнутое *честное слово*, что онъ не выставитъ моего псевдонима.. Но онъ не нашолъ нужнымъ сдержать это слово [3]..

Вообще грустно. Я съ наслажденіемъ уѣхалъ бы теперь куда-нибудь въ родѣ кругосвѣтнаго плаванія.. Кстати же и кашляю.

Суворинъ назначилъ мнѣ 12 коп. со строки. Но отъ этого мои доходы нисколько не увеличатся. Больше того писать, что я теперь пишу, у меня не хватитъ ни времени, ни толкастики, ни энергіи, хоть Вы зарѣжьте меня.

Отъ Трефолева [4]) письма не было. Само собою разумѣется, что пока не получу отъ него приглашенія, самъ не полѣзу къ нему. Дать же что-нибудь въ виду добраго дѣла я не прочь и даже былъ бы польщонъ...

---

[1]) Юмористическій журналъ, издававшійся въ Москвѣ.

[2]) Издатель «Сверчка».

[3]) Въ № 1 «Сверчка» за 1886 г. было помѣщенъ разсказъ А. П. «Ночь на кладбищѣ» (святочный разсказъ) за подписью А. Чехонте.

[4]) Ярославскій поэтъ, собиравшійся издавать сборникъ.

Гиляровскій обѣщаетъ завтра пріѣхать ко мнѣ.

Ну что, какъ Ѳедины недуги? Все ли еще Васъ терзаютъ сомнѣнія?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ, а Вамъ жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Пора бы уже начаться веснѣ. У меня такія безсонницы—чертъ ихъ знаетъ, откуда онѣ взялись—что купанье и чистый воздухъ являются настоятельной потребностью.

Билибину написалъ я о книгѣ такъ, à propos...

Намъ на нашей дачѣ купили новой мебели—семейная новость.

CIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника.)

86, II, 21. (Москва.)

Милостивый государь
Алексѣй Сергѣевичъ!

Письмо Ваше я получилъ. Благодарю Васъ за лестный отзывъ о моихъ работахъ и за скорое напечатаніе разсказа [1]). Какъ освѣжающе и даже вдохновляюще подѣйствовало на мое авторство любезное вниманіе такого опытнаго и талантливаго человѣка, какъ Вы, можете судить сами..

Ваше мнѣніе о выброшенномъ концѣ моего разсказа я раздѣляю и благодарю за полезное указаніе. Работаю я уже шесть лѣтъ, но Вы первый, который не затруднились указаніемъ и мотивировкой.

---

[1]) «Панихида» № 3581 «Нов. Вр.».

Псевдонимъ А. Чехонте, вѣроятно, и страненъ, и изысканъ. Но придуманъ онъ еще на зарѣ туманной юности, я привыкъ къ нему, а потому и не замѣчаю его странности..

Пишу я сравнительно немного: не болѣе 2—3 мелкихъ разсказовъ въ недѣлю. Время для работы въ «Нов. Времени» найдется, но тѣмъ не менѣе я радуюсь, что условіемъ моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Гдѣ срочность, тамъ спѣшка и ощущеніе тяжести на шеѣ, а то и другое мѣшаетъ работать.. Лично для меня срочность не удобна уже и потому, что я врачъ и занимаюсь медициной.. Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвутъ на цѣлый день отъ стола.. Тутъ рискъ не написать къ сроку и опоздать постоянный..

Назначеннаго Вами гонорара для меня пока вполнѣ достаточно. Если еще слѣлаете распоряженіе о высылкѣ мнѣ газеты, которую мнѣ приходится рѣдко видѣть, то буду Вамъ очень благодаренъ.

На этотъ разъ шлю разсказъ, который ровно въ двое больше предыдущаго и... боюсь, въ двое хуже.

Съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

Якиманка, д. Клименкова.

CIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, II, 25. (Москва).

Пса [1]) смердяща получилъ, уважаемый Николай Александровичъ, и уже имѣлъ случай показывать на немъ

---

[1]) «Песій бюстъ» (см. письмо отъ 16 февраля 1886 г.).

двумъ пѣвцамъ восторгъ и изумленіе обывателя, когда оные пѣвцы поютъ.. Если приподнять голову собаки на $^1/_3$, то на мордѣ получается именно это обывательское выраженіе..

Гиляй болѣнъ. Что-то у него начинается. Т° высока, но въ чемъ дѣло, пока неизвѣстно.

За собаку шлю вамъ нѣсколько подписей.

Если можно, велите тиснуть мнѣ еще 2-й или 3-й листъ книги и вышлите бандеролью. Виньетка въ цинкографіи. Кланяюсь Вашимъ и Билибину.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CV.

В. В. Билибину.

86, II, 28 (Москва.)

Добрѣйшій

Викторъ Викторовичъ!

Я только что поужиналъ, чего и Вамъ желаю.

Лейкинъ, когда пишетъ мнѣ письмо, то считаетъ нужнымъ выставить на заголовкѣ не только годъ и число, но даже часъ ночи, въ который онъ, жертвуя сномъ, пишетъ лѣнивымъ сотрудникамъ. Буду подражать ему: сейчасъ 2 часа ночи... Цѣните!

Давно уже собирался отвѣтить на Ваше милое письмо, но простите: занятъ по горло! Со мной чертъ знаетъ, что дѣлается... Работы ни Богъ вѣсть сколько, а копаюсь я въ ней, какъ жукъ въ навозѣ, съ антрактами и хожденіями изъ угла въ уголъ... Близость весны сказывается! А лѣтомъ и весной я обыкновенно бываю лѣнивъ...

Пишу и лѣчу. Въ Москвѣ свирѣпствуетъ сыпной тифъ. Я этого тифа особенно боюсь. Мнѣ кажется, что разъ заболѣвъ этой дрянью, я не уцѣлѣю, а предлоги

для зараженія на каждомъ шагу... Зачѣмъ я не адвокатъ, а лѣкарь? Сегодня вечеромъ ходилъ къ дѣвочкѣ, заболѣвшей крупомъ, а ежедневно бываю у жидочка гимназиста, котораго лѣчу отъ болѣзни Наны—осны.

Я опять о псевдонимѣ и фамиліи... Вы напрасно публику припутываете... Откуда публикѣ знать, что Чехонте псевдонимъ? И не все ли ей равно?

Сегодня послалъ Суворину поздравительную телеграмму.

Что бы тамъ не говорили, а онъ хорошій, честный человѣкъ; онъ назначилъ мнѣ по 12 коп. со строки... Сколько Вамъ платитъ Нотовичъ? [1]) Честный онъ или нѣтъ?

Жаль, что съ «Новостями» у Васъ расклеилось. Лишніе 50—100 р. Вамъ, какъ будущему отцу семейства, пригодились бы, да и талантъ бы Вашъ имѣлъ, выражаясь языкомъ учителей физики, гораздо болѣе «лошадиныхъ силъ», чѣмъ онъ имѣетъ теперь... Я не лгунъ и не комплиментщикъ, а потому говорю прямо, какъ понимаю: Вы талантливый и образованный фельетонистъ; если я среди беллетристовъ 37, то Вы среди русскихъ фельетонистовъ—второй. Когда умретъ Б—а [2]), Вы будете первый... Если вамъ угодно вѣрить моему чутью и пониманію вещей, то спѣшите пригвоздиться къ какой-нибудь газетинѣ... Отчего вамъ не работать въ «Новомъ Времени»? На Московскія газеты пока плохая надежда. У насъ есть единственная приличная платящая газета—это «Русскія Вѣдомости», но газета биткомъ набитая, сухая, стерегущая свой несуществующій тонъ и признающая въ людяхъ прежде всего фирму и вывѣску... И къ тому же въ этой газетѣ

---

[1]) Издатель газеты «Новости» въ С.-Пб.

[2]) Буква—Василевскій.

нѣтъ подходящаго для васъ отдѣла.. Можно еще работать въ «Будильникѣ», но эта инфузорія платитъ мало . . . . . .

За темы merci. Ахъ, какъ я нуждаюсь въ темахъ! Весь исписался и чувствую себя на бобахъ... Пройдетъ 5—6 лѣтъ, и я не въ состояніи буду написать одного разсказа въ годъ...

Крупное напишу, но съ условіемъ, что Вы найдете этому крупному мѣсто среди избранныхъ толстой журналистики... Надо полагать, послѣ дебюта въ «Нов. Времени», меня едва ли пустятъ теперь во что-нибудь толстое... Какъ Вы думаете? Или я ошибаюсь?

Вы просите написать откровенно, насколько необходимъ Лейкинъ для «Осколковъ» и будутъ ли подписчики въ случаѣ и т. д. Должно быть, Вы, петербуржцы, считаете меня очень откровеннымъ человѣкомъ! Вы просите написать откровенно о Лейкинѣ, Лейкинъ на-дняхъ въ P. S. просилъ, чтобы я откровенно изложилъ свое мнѣніе объ его разсказахъ. Суворинъ пишетъ, чтобъ я откровенно сообщилъ ему, доволенъ ли я гонораромъ и т. д. Этакъ Вы всѣ струны души моей истреплете!

. . . . . .

Что слышно о моей книгѣ? Предатель Вы этакій! Лейкинъ ужасно обидѣлся, что съ вопросомъ о книгѣ я обратился къ Вамъ, а не къ нему. Онъ очень ревнивъ... Не пробовали ли Вы его щекотать?

. . . . . .

Напишите мнѣ о Вашихъ болѣзняхъ... Скажу Вамъ по секрету, что я не такой плохой врачъ, какъ Вы думаете... Однако прощайте... Пойду спать. Кланяюсь Вашей невѣстѣ, Голике и Лейкину.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVI.

М. М. Дюковскому.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Февраль).

КРОВЬ ЗА КРОВЬ.

(Трагедія.)

Продолженіе.

Явленіе X.

Тѣ же и донъ Антоніо.

Донъ Антоніо. Привѣтствую васъ, донъ дюкъ-Мишель *(кланяется)*.

Донъ Мишель. *(съ высоты своего величія.)* Что вамъ угодно?

Донъ Антоніо. *(опускаетъ это письмо въ почтовый ящикъ.)* Будьте здоровы съ!

(Продолженіе не будетъ.)

CVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, III, 4. (Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Написавъ и прочитавъ посланный Вамъ вчера разсказъ, я почесалъ у себя за ухомъ, приподнялъ брови и крякнулъ—дѣйствія, которыя продѣлываетъ всякій авторъ, написавъ что-нибудь длинное и скучное.. Началъ я разсказъ утромъ; мысль была не плохая,

да и начало вышло ничего себѣ, но горе въ томъ, что пришлось писать съ антрактами. Послѣ первой странички пріѣхала жена А. М. Дмитріева[1]) просить медицинское свидѣтельство; послѣ 2-й, получилъ отъ Шехтеля телеграмму: болѣнъ! Нужно было ѣхать лѣчить.. Послѣ 3-й страницы—обѣдъ и т. д. А писанье съ антрактами то же самое, что пульсъ съ перебоями.

Ѣздилъ къ Давыдову[2]) въ цинкографію справиться насчетъ виньетки. Виньетка уже готова. Не взялъ клише, потому что свободныхъ денегъ со мной не было; получу гонораръ изъ Оск. или изъ Пет. Газ., уплачу Давыдову 9 р. 84 к. и моментально вышлю клише. Стало быть, будьте на сей счетъ покойны и ждите..

Сейчасъ получилъ отъ Агаѳопода письмо. Оказывается, что мое письмо путешествовало къ нему 16 дней. Я бы издохъ при такой почтѣ.. Гдѣ дѣло касается корреспонденціи, тамъ я нетерпѣливъ чертовски, хоть и.. лѣнивъ писать письма.

Вы просили, чтобы я высказался откровенно о Вашемъ разсказѣ (Переписка учителей). По моему мнѣнію тема очень хорошая и благодарная; для Осколковъ такія темы очень годятся. Исполненіе мнѣ тоже понравилось, хотя я и держусь мнѣнія, что изложеніе въ формѣ писемъ устарѣлая вещь. Оно годится, если вся соль сидитъ въ самихъ письмахъ (наприм., отношеніе станового, любовныя письма), но какъ форма литературная, оно не годится во многихъ отношеніяхъ: вставляетъ автора въ рамки—это главное.. Пиши Вы на ту тему разсказъ, было бы лучше..

Ну, какъ Вамъ ужиналось у Суворина? Судя по телеграммамъ и описаніямъ, юбилей былъ шумный..

---

[1]) Московскій литераторъ.

[2]) Издатель московскаго журнала «Зритель»; цинкографъ.

Когда-то Осколки будутъ справлять юбилей! Авось и мы съ Билибинымъ золотыхъ медальоновъ дождемся. Я Вамъ пришлю тогда телеграмму въ 50 словъ.. Суворину послана мною телеграмма за часъ до полученія Вашего письма.

Что у Васъ, у Петербуржцевъ, за манера фаршировать себя всякаго рода белладонами, кодеинами и бисмутами? Побойтесь Бога, если не боитесь за свой желудокъ! Это Васъ такъ петербургскіе доктора пріучили.. У насъ въ Москвѣ Вы не разгулялись бы такъ по части аптеки..

Буйловъ обѣщалъ высылать гонораръ *каждое* 31-е число. Чувствуется, что на сей разъ обѣщаніе исполняется не въ точности..

Я все-таки полагалъ, что книга будетъ быстрѣй печататься. Въ Москвѣ печатаютъ не медленнѣе. Впрочемъ, время и дѣло не къ спѣху.

Получилъ отъ Трефолева письмо съ комплиментами и приглашеніями. Знаете что? Мнѣ кажется, что Трефолевъ очень хорошій человѣкъ, но сборникъ его не состоится.. Нельзя, живя въ Ярославлѣ, издавать въ Москвѣ; нельзя приглашать пишущихъ, не зная ни характера сборника, ни его внѣшности, ни величины.. Вѣдь онъ и самъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, что хочетъ издать! А это не ладно.. Я написалъ ему свои соображенія.. Написали бы и Вы ему что-нибудь, въ родѣ соображенія, или совѣта. Москва—не Парижъ.. Наши литографіи и цинкографіи передѣлаютъ автографы въ такія кляксы, что не разберете буки и мыслете..

Кто-то дернулъ за звонокъ.. Не ко мнѣ!

Погода у насъ совсѣмъ весенняя. Страсть какъ хочется за весеннія темы приниматься.

Вашимъ всѣмъ кланяюсь, а Вамъ жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVIII.

В. В. Билибину.

86, III, 4. (Москва.)

Дорогой
Викторъ Викторовичъ!

Отвѣчаю на Ваше письмо немедленно, съ условіемъ, что Вы поспѣшите отвѣтить на вопросы, которые Вы почерпнете изъ всего нижеслѣдующаго.

Уже около 2-хъ мѣсяцевъ я не получаю писемъ отъ Лейкина. Вѣроятно, сердится за Сверчка[1]), или что-нибудь въ родѣ. Отъ его гнѣва терплю я двояко: а) не получаю писемъ и, стало-быть, мой архивъ лишается лишнихъ 2 — 3 драгоцѣнныхъ фоліантовъ и б) ничего не знаю о своей книжкѣ. Гдѣ она, что, какъ, почему? Получена ли виньетка и проч.?

. . . . . .

Вы пишете, что 2 послѣднихъ моихъ разсказа въ «Пет. Газ.» слабы... Извиняю Вамъ этотъ либерализмъ съ условіемъ, что Вы извините мнѣ слѣдующіе разсказы, которые будутъ еще слабѣе...

Истрепался и исписался... Слушайте, нельзя ли меня выпороть?

. . . . . .

Нечаянно, вдругъ на подобіе deus ex machina пришло ко мнѣ письмо отъ Григоровича. Я отвѣтилъ и вскорѣ получилъ другое письмо съ карточкой. Письмо въ полтора листа каждое: почеркъ неразборчивый, старческій; старикъ требуетъ, чтобы я написалъ что-нибудь крупное и бросилъ срочную работу. Онъ до-

---

[1]) За участіе А. П. въ московскомъ журналѣ «Сверчокъ».

казываетъ, что у меня настоящій талантъ (у него подчеркнуто) и въ доказательство моей художественности дѣлаетъ выписки изъ моихъ разсказовъ. Пишетъ тепло и искренно. Я, конечно, радъ, хотя и чувствую, что Г. перехватилъ черезъ край.

Вы просите, чтобы, ставъ знаменитостью, я раскланивался съ Вами на улицѣ. Хорошо. Я Вамъ даже факсимиле свое пришлю.

Когда Ваша свадьба? На Ѳоминой нед. я шаферствую у двоихъ: докторъ и художникъ. Первый беретъ купеческую дочку съ 15.000 приданаго. На свадьбѣ будетъ музыка.

Въ моей залѣ сію минуту нѣкій юристъ поетъ «Я васъ люблю... любовь еще, быть можетъ, во мнѣ угасла не совсѣмъ!» Поетъ теноромъ. У адвокатовъ преимущественно теноръ... Г. секретарь, поспѣшите выслать гонораръ! Въ карманѣ 4 руб.—только.

30-го апрѣля я ѣду на дачу. Лѣтомъ буду вѣроятно на югѣ. У меня опять было кровохарканіе.

Батенька, неужели намъ уже скоро 30 лѣтъ? Вѣдь это свинство! За 30-ю идетъ старость...

Я не ждалъ отъ «Кошмара» успѣха. Трудно попасть въ жилку! «Гриша»—Ваша тема. Помните? Мегсі..

. . . . . .

Часто ли Вы бываете въ банѣ?

Пальминъ и царь-колоколъ здравствуютъ.

Кланяюсь Вашей невѣстѣ. А за симъ будьте здоровы и прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ знаменитостью, мой почеркъ замѣтно измѣнился къ худшему.

. . . . . .

CIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, III, 8. (Москва.)

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ! Спасибо за подробности, сообщенныя Вами. Ваши строки о Григоровичѣ, если только онѣ не преувеличены желаніемъ Вашимъ сказать мнѣ что-нибудь пріятное, доставили мнѣ великое удовольствіе.

Бандероль съ пятью листами я получилъ. Поблагодарите корректоршу: я не нашелъ ни одной ошибки во всѣхъ пяти листахъ. Вы были правы, когда называли ее идеальной. Если, конечно, она не обидится и если Вы мнѣ посовѣтуете, то по выходѣ книги я ей подарю что-нибудь.

Л., котораго Вы видѣли у Суворина, не редакторъ «Будильника». Онъ издатель негласный.. Служитъ: чиновникомъ особыхъ порученій при почтамтѣ, смотрителемъ Политехнич. Музея, секретаремъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и т. д. Человѣкъ добрый, мягкій, но тихоня и малодушный. Мы съ нимъ пріятели: онъ удостовѣряетъ мнѣ подпись подъ почтамтскими объявленіями..

Клише готово! Завтра оно пойдетъ съ этимъ письмомъ на почту. Я посылаю: 1) Клише для черной краски. 2) Клише для красной и 3) Оригиналъ виньетки для руководства гг. литографовъ. На оригиналѣ мѣста, нарисованныя лиловыми чернилами, должны быть абсолютно черны. Подпись «Изданіе журнала Осколки» не вытравилась, а потому должна быть набрана типографскимъ, тонкимъ шрифтомъ.

Вы видите, что виньетка не дурна, хотя фигура сильно подгуляла.. Оригиналъ по выходѣ въ свѣтъ книги благоволите возвратить, ибо онъ есть, такъ сказать, вещественное доказательство невещественной любезности моего вещественнаго пріятеля.

Если Суворинъ не вретъ т.-е., если моя книга разойдется, то это будетъ не дурно.

Сегодня ѣздилъ къ Николаю и привезъ его домой. Онъ только что получилъ деньги изъ Вс. Иллюстраціи, куда давалъ похороны Аксакова[1]). Живетъ, конечно, не такъ, какъ могъ бы жить. На мой вопросъ, желаетъ ли онъ работать въ О-ахъ, онъ отвѣтилъ: «Конечно! Я завтра же пошлю туда рисунокъ!»

Стало-быть, ждите завтра, съ чѣмъ Васъ и поздравляю. Если это завтра протянется 2—4 недѣли, то прійдется радоваться, что оно не протянулось 2—4 мѣсяца.

Посылаю разсказикъ. Завтра (воскресенье) у меня день свободный. Если ничто не помѣшаетъ, то напишу и пришлю еще что-нибудь. Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

. . . . . .

Едва не забылъ сообщить пріятную новость. 5-го марта я былъ въ синедріонѣ, сирѣчь судился у мирового и присужденъ къ уплатѣ 50 руб.

Если Вамъ приходилось когда-нибудь платить чужіе долги, то Вы понимаете, какую революцію подняли въ моемъ маленькомъ финансовомъ мірѣ эти глупые, некстати на голову свалившіеся, 50 руб. ..

А. Ч.

---

[1]) И. С., извѣстнаго славянофила.

CX.

В. В. Билибину.

86, III, 11. (Москва.)

Есть надежда, что въ грядущіе дни я буду по горло занятъ, а потому отвѣчаю на Ваше письмо теперь, когда имѣется часъ свободный, уважаемый Викторъ Викторовичъ! (Не подумайте, что слово «свободный» относится къ Вамъ: передъ нимъ нѣтъ запятой).

Primo: Ваши похожденія въ драматической цензурѣ подѣйствовали на меня, какъ Майнъ Ридъ на гимназистовъ: сегодня я послалъ туда пьесу въ 1 дѣйствіи [1]).

Напрасно Вы хлопотали о томъ, чтобы мнѣ въ Осколкахъ прибавили. Если ради 10 р., которые прибавлены Вамъ, Л. [2]) будетъ писать въ каждомъ № 2 сценки (для уравненія бюджета), то сколько сценокъ придется ему написать, если и мнѣ прибавятъ? Помилуйте! Пожалѣйте человѣка!..

. . . . . .

Быть-можетъ, Вы правы, говоря, что мнѣ рано жениться.. Я легкомысленъ, несмотря даже на то, что только на одинъ (1) годъ моложе Васъ... Мнѣ до сихъ поръ иногда еще снится гимназія: невыученный урокъ и боязнь, что учитель вызоветъ... Стало быть юнъ.

Какъ мѣтко попали «Колосья»! Вы грубы! Какъ разъ наоборотъ... Весь вашъ недостатокъ—Ваша мягкость,

---

[1]) «О вредѣ табака»—пьеса А. П.

[2]) Н. А. Лейкинъ.

ватность.. (отъ слова «вата»—простите за сравненіе). Если Вы не пугаетесь сравненій, то Вы, какъ фельетонистъ, подобны любовнику, которому женщина говоритъ: «Ты нѣжно берешь... Грубѣе нужно!» (A propos: женщина та же курица — она любитъ, чтобы въ оный моментъ ее били).

Вы именно нѣжно берете...

За тему — merci Васъ. Утилизирую.

«Вѣдьма»[1]) въ «Новомъ Времени» дала мнѣ около 75 р. — нѣчто, превышающее мѣсячную ренту съ «Осколковъ».

Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю. «Женитьбу» Стулли не читалъ. Сей Стулли былъ учителемъ исторіи и географіи въ моей гимназіи и жилъ на квартирѣ у насъ. Коли увидите его, напомните ему жену учителя французскаго языка Турнефора, которая (т.-е. жена), почувствовавъ приближеніе родовъ, окружила себя свѣчами.

. . . . . .

Темъ совсѣмъ нѣтъ. Не знаю, что и дѣлать.

Въ Москвѣ свирѣпствуетъ тифъ (сыпной), унесшій въ самое короткое время *шесть* человѣкъ изъ моего выпуска. Боюсь! Ничего не боюсь, а этого тифа боюсь... Словно какъ будто что-то мистическое...

Я знаю, «Вѣдьма» не въ Вашемъ характерѣ, да и многимъ она не понравилась... Но что дѣлать! Нѣтъ темъ, да и чертъ толкаетъ подъ руку такія штуки писать..

Но однако пора спать.

Вашъ *А. Чеховъ.*

. . . . . .

---

[1]) № 3600 «Новаго Времени» за 1886 г.

CXI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, III, 17. (Москва.)

Добрѣйшій

Николай Александровичъ!

Вчера я былъ у Гиляя и отнялъ у него очень миленькій разсказъ, который онъ готовилъ не то въ Развлеченіе, не то въ Будильникъ. Разсказъ совсѣмъ осколочный. Удался и формой и содержаніемъ, такъ что трудно было удержаться, чтобъ не схапать его.. Г—ю, хандрящему, онъ не нравится, потому онъ и не посылалъ его Вамъ..

Кстати прихватилъ у него мелочишку и стишки. Хотя, если вѣрить одному русскому писателю, и не бываетъ лишнихъ марокъ, но тѣмъ не менѣе жертвую одну марку и уворованное посылаю.

Сегодня послано Вамъ заказное письмо, а сей транспортъ пойдетъ съ курьерскимъ.

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если цензура не пуститъ разсказъ Г—я, то пришлите мнѣ его обратно. Я помѣщу его гдѣ-нибудь.

CXII.

Д. В. Григоровичу.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Мартъ 28.)

Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель, поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ, разволновался и теперь чувствую, что оно

оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ. Какъ Вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ Вашу старость, я же не найду ни словъ, ни дѣлъ, чтобы благодарить Васъ. Вы знаете, какими глазами обыкновенные люди глядятъ на такихъ избранниковъ, какъ Вы; можете поэтому судить, что составляетъ для моего самолюбія Ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно — гонораръ за настоящее и будущее. Я какъ въ чаду. Нѣтъ у меня силъ судить, заслужена мною эта высокая награда, или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила.

Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою Вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его. Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Чтобы быть къ себѣ не справедливымъ, крайне мнительнымъ и подозрительнымъ, для организма достаточно причинъ чисто внѣшняго свойства... А такихъ причинъ, какъ теперь припоминаю, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно къ моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомаранье. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня или видѣлъ во мнѣ художника. Въ Москвѣ есть такъ называемый «литературный кружокъ»: таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хоть кусочекъ изъ Вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и—пошла писать!

Это первая причина.. Вторая—я врачъ и по уши втянулся въ свою медицину, такъ что поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ.

Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться передъ Вами въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ. Доселѣ относился я къ своей литературной работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни *одного* своего разсказа, надъ которымъ я работалъ бы болѣе сутокъ, а «Егеря», который Вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ! Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы: машинально, полубезсознательно, не мало не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ самомъ... Писалъ я и всячески старался не потратить на разсказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ.

Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ собственную литературную путевость у меня не было.

Но вотъ нежданно-негаданно явилось ко мнѣ Ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ губернаторскій приказъ «выѣхать изъ города въ 24 часа!», т.-е. я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ...

Я съ Вами во всемъ согласенъ. Цинничности, на которыя Вы мнѣ указываете, я почувствовалъ самъ, когда увидѣлъ «Вѣдьму» въ печати. Напиши я этотъ разсказъ не въ сутки, а въ 3—4 дня, у меня бы ихъ не было...

Отъ срочной работы избавлюсь, но не скоро.. Выбиться изъ колеи, въ которую я попалъ, нѣтъ возмож-

ности. Я не прочь голодать, какъ ужъ голодалъ, но не во мнѣ дѣло.. Письму я отдаю досугъ, часа 2—3 въ день и кусочекъ ночи, т.-е. время, годное только для

Д. В. Григоровичъ.

мелкой работы. Лѣтомъ, когда у меня досуга больше, и проживать приходится меньше, я возьмусь за серьезное дѣло.

Поставить на книжкѣ мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана [1]). Мнѣ многіе петербуржцы еще до Васъ совѣтовали не портить книги псевдонимомъ, но я не послу-

[1]) Рѣчь идетъ о «Пестрыхъ разсказахъ», изд. «Осколковъ».

шался, вѣроятно, изъ самолюбія. Книжка моя мнѣ очень не нравится. Это винигретъ, безпорядочный сбродъ студенческихъ работишекъ, ощипанныхъ цензурой и редакторами юмористическихъ изданій. Я вѣрю, что прочитавъ ее, многіе разочаруются. Знай я, что меня читаютъ и что за мной слѣдите Вы, я не сталъ бы печатать этой книги.

Вся надежда на будущее. Мнѣ еще только 26 лѣтъ. Можетъ быть успѣю что-нибудь сдѣлать, хотя время бѣжитъ быстро.

Простите за длинное письмо и не вмѣняйте человѣку въ вину, что онъ первый разъ въ жизни дерзнулъ побаловать себя такимъ наслажденіемъ, какъ письмо къ Григоровичу.

Пришлите мнѣ, если можно, Вашу карточку [1]). Я такъ обласканъ и взбудораженъ Вами, что, кажется, не листъ, а цѣлую стопу написалъ бы Вамъ. Дай Богъ Вамъ счастья и здоровья, и вѣрьте искренности глубоко уважающаго Васъ и благодарнаго

А. Чехова.

28, III, 86.

CXIII.

М. В. Киселевой [2]).

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Мартъ 29.)

Многоуважаемая

Марія Владиміровна!

Поздравляю Васъ съ Ангеломъ и даю Вамъ слово въ этотъ день выпить за Ваше здоровье и пожелать Вамъ

---

[1]) Эта карточка, воспроизведенная при настоящемъ письмѣ, съ подписью Д. В. Григоровича «Отъ стараго писателя на память молодому таланту 31 марта 1886 г.», хранится въ кабинетѣ А. П. въ его ялтинскомъ домѣ.

[2]) Приписка къ письму сестры Ант. П—ча Мар. Павл.

всего хорошаго. Вы хорошая и дай Богъ, чтобъ Вамъ жилось хорошо. Алексѣю Сергѣевичу [1]), Василисѣ [2]) и Сергѣю [3]) кланяюсь.

Мать и всѣ наши дѣти (Кокоша [4]), Жанъ [5]), Финикъ [6]) и проч.) Вамъ кланяются. Къ празднику я постараюсь выслать Вамъ одну штуку, а пока не забывайте, что у Васъ есть преданнѣйшій слуга

А. Чеховъ.

CXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, III, 31. (Москва.)

Что же это Вы такъ долго молчите, уважаемый Николай Александровичъ? Вы такъ увлеклись Вашей Тосной и имѣньемъ, что я до сихъ поръ не знаю ничего ни о Васъ, ни о судьбѣ клише, которое послалъ Вамъ. Погода у насъ расчудесная, лучше и не надо..

Если не поздно, то на 2-мъ заглавномъ листѣ моей книжки рядомъ съ «А. Чехонте» поставьте въ скобкахъ «А. П. Чеховъ». Въ объявленіяхъ придется дѣлать то же самое. Получилъ я, представьте, отъ Григоровича письмо, который требуетъ забросить псевдонимъ.

Какія дѣла дѣлаются! Какія новости! Но до тѣхъ поръ пока не получу отъ Васъ письма, буду молчать и пребывать

Вашимъ *А. Чеховымъ.*

---

[1]) Мужъ адресатки.

[2]) Саша Киселева, дочь адресата, прозванная Василисой.

[3]) Сынъ адресата.

[4]), [5]), [6]) Братья А. П., Николай, Иванъ и Михаилъ.

CXV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

86, IV, 6. (Москва.)

Ну полно, таможенно-карантинный человѣче, къ чему такія сильныя выраженія? Откуда могла взяться «тѣнь бывшаго человѣка» и чего ради ты не узнаешь себя въ зеркалѣ?

1) Давыдовъ деньги вышлетъ, а если доселѣ не выслалъ, то потому что самъ безъ штановъ ходитъ.

2) За Сверчкомъ ты имѣешь получить, за Будильникомъ тоже. Завтра Мишка соберетъ всѣ твои крохи и вышлетъ послѣ завтра. Вообще: по гонорарнымъ дѣламъ обращайся къ Мишкѣ. Адвокатъ хорошій. Въ Сверчкѣ платятъ прекрасно и тебѣ дадутъ по 8 коп. за строчку.

3) Ты естественникъ, а между тѣмъ для тебя не понятна естественность твоего положенія. Тебя, пишешь, «жгутъ, рѣжутъ, топчутъ и піяютъ». Т.-е. долги требуютъ? Милый мой, да вѣдь нужно же долги платить! *Нужно* во что бы то ни стало, хотя бы армяшкамъ, хотя цѣною голодухи.. Если университетскіе и пишущіе люди видятъ въ долгахъ страданія, то что же остается остальнымъ? Я не знаю, но все дѣло въ принципѣ.. И къ чему дѣлать долги? Прости за этотъ сытый вопросъ, но ей Богу онъ не нотація. Вѣдь безъ долговъ легко обойтись. Я по себѣ сужу, а на моей шеѣ семья, к-рая гораздо больше твоей, и провизія въ Москвѣ въ 10 разъ дороже, чѣмъ у васъ. За квартиру ты платишь столько, сколько я за піанино, одѣваюсь я не лучше тебя.. Вся бѣда въ покупкахъ и расходахъ, которые ты не имѣлъ права дѣлать и отъ к-рыхъ давно уже долженъ

былъ бы отказаться: мука Нестле (?!?), лишняя прислуга и т. д. Когда у мужа и жены нѣтъ денегъ, они прислуги не держатъ — это обыденное правило.

4) Но долги сдѣланы и толковать о происхожденіи ихъ безполезно.. Остается говорить о ихъ платежѣ.. Для тебя долженъ быть страшенъ долгъ въ 1000—2000 р., но 300—500, которые вѣроятно ты долженъ, не стоятъ «нравственныхъ страданій». Рано, или поздно ты ихъ выплатишь, тѣмъ болѣе, что существуетъ благодѣтельная мѣра — вычетъ изъ жалованья. Пока самъ соберешься, такъ казначейство избавитъ тебя отъ долга. Вычетъ изъ жалованья, конечно, влечетъ за собой неудобства, но что дѣлать! Неудобства временныя, въ особенности для человѣка, имѣющаго кромѣ жалованья еще и другой источникъ дохода..

Мировой приговорилъ меня къ уплатѣ 105 р., которыя ты и Николай задолжали лавочнику Семенову. Портному я долженъ за себя и за тѣхъ, за кого поручился, болѣе ста.. Но вопроса «Что дальше будетъ» я не задаю.. Вѣрую, что все заплатится, перемелется и своевременно канетъ въ Лету. На дачѣ пожмусь какъ-нибудь, поживу съ семьей на 50 р. въ м-цъ и долговъ не будетъ..

5) Отчего ты мало пишешь? Что за безобразіе? У Сверчка и Буд. сплошная вакансія, а ты сидишь, сложилъ ручки и нюнишь, какъ Гершка, когда его во снѣ кусаютъ блохи. Почему лѣнишься работать въ Осколки? Всѣ тѣ разсказы, которые ты прислалъ мнѣ для передачи Лейкину, сильно пахнутъ лѣнью. Ты ихъ въ одинъ день написалъ? Изъ всей массы я могъ выбрать одинъ отличный, талантливый разсказъ, остальное же все достойно пера таганрогскаго Живчика. Сюжеты невозможные.. Вѣдь только лѣнь можетъ писать въ цензурный журналъ о попѣ, крестящемъ ребенка въ купели!. Лѣнь не разсуждающая, работающая залпомъ, зря..

Гдѣ это ты видѣлъ супруговъ, к-рые у тебя въ разсказѣ обѣдаютъ и говорятъ о рефератахъ.. и гдѣ подъ луной есть такіе рефераты? Уважай ты себя ради Христа, не давай рукамъ воли, когда мозгъ лѣнивъ! Пиши не больше 2-хъ разсказовъ въ недѣлю, сокращай ихъ, обработывай, дабы трудъ былъ трудомъ. Не выдумывай страданій, к-рыхъ не испыталъ и не рисуй картинъ, к-рыхъ не видѣлъ — ибо ложь въ разсказѣ гораздо скучнѣе, чѣмъ въ разговорѣ..

Помни каждую минуту, что твое перо, твой талантъ понадобятся тебѣ въ будущемъ больше, чѣмъ теперь, не профанируй же ихъ.. Пиши и бди на каждой строкѣ, дабы не . . . . .

Писалъ ли ты хоть одну вещь долѣе одного вечера? Только Сомнамбулу... Писалъ ли, я тебя спрашиваю, шутъ иванычъ? Конечно, нѣтъ! Нѣтъ и нѣтъ! Литература для тебя труда не составляла, а вѣдь это трудъ! Будь ты порядочнымъ человѣкомъ, посиди надъ разсказомъ (въ 150—200 стр.) дней 5—7, то что вышло бы! Ты себя не узналъ бы въ своихъ строкахъ, какъ теперь не узнаешь себя въ зеркалѣ.. Имѣй въ виду, что срочной работой ты не заваленъ и можешь поэтому надъ одной вещичкой возиться нѣсколько вечеровъ.. Выгодно ли это? Сочти.. При максимальной кропотливости ты дашь 5—7 разсказовъ въ мѣсяцъ, что составитъ около ста, теперь же, пиша много, ты и 50 не имѣешь... Заключаю сію мораль выдержкой изъ письма, к-рое я на дняхъ получилъ отъ Григоровича: «для этого нужно: уваженіе къ таланту, который дается такъ рѣдко..... берегите Ваши впечатлѣнія для труда обдуманнаго, обдѣланнаго, писаннаго не въ одинъ присѣстъ.... Вы сразу возьмете призъ и станете на видную точку въ глазахъ чуткихъ людей и затѣмъ всей читающей публики...»

Другой великій авторитетъ, имя же ему Суворинъ, пишетъ мнѣ: «Когда много пишешь, далеко не все выходитъ одинаково хорошо».

Третій великій человѣкъ, нашъ И. Грэкъ (Билибинъ) въ своихъ письмахъ ..... ругается, что я много пишу. Вотъ видишь, Саша!

Работаю я теперь въ Новомъ Времени, гдѣ получаю по 12 коп. за строчку. Мнѣ удастся перетащить въ Петербургскую прессу Г., к-рый не развитъ, но талантливъ. Нельзя ли и съ тобой сдѣлать тоже самое, тѣмъ болѣе, что ты развитъ и талантливъ въ 1000 разъ болѣе, чѣмъ тѣ пробки, к-рыя пишутъ въ Дѣлѣ и Наблюдателѣ? Работай, голубчикъ! Бди, копти и не траться на суету! Не дѣлай изъ себя и изъ своей работы муку Нестле... Для начала хорошо бы тебѣ работать въ Пет. Газетѣ, откуда ты не замедлишь перебраться въ Новое Время. Для тебя обѣ газеты потемки. Что для нихъ потребно, ты не знаешь.. Не можешь ли ты у себя въ Н—скѣ поискать сихъ газетъ и познакомиться съ ними? Новое Время навѣрное получается въ Н—скѣ. Зри субботніе номера.. Лейкинъ вышелъ изъ моды. Мѣсто его занялъ я. Теперь въ Петербургѣ я въ большой модѣ и хотѣлъ бы, чтобы ты не отставалъ..

Неужели ты уѣдешь изъ Н—ска? Нельзя ли тебѣ не уѣзжать до осени? Если не уѣдешь, то даю *честное* слово побывать у тебя лѣтомъ. Н...ди на долги. Мертвые и таланты сраму не имутъ. Колька 3000 долженъ и—ничего! А хорошо бы мы съ тобой пожили! Отъѣздъ твой мнѣ тѣмъ болѣе не понутру, что я увѣренъ, что Питеръ тебѣ ничего не дастъ, кромѣ новыхъ долговъ.. Погоди до осени! Я буду въ Питерѣ, познакомлю Григоровича и прочихъ съ твоей персоной и—кто знаетъ?—Григоровичъ Дѣйств. Ст. Совѣтникъ и Кавалеръ. Онъ скорѣй найдетъ для тебя, чѣмъ ты.. Его всѣ ми-

нистры знаютъ.. Такъ помни же: копти надъ разсказами. Сужу по опыту. Пиши. Напиши матери. Сообщи мнѣ маршрутъ, какъ къ тебѣ ѣхать. Кланяюсь.

Твой *А. Чеховъ.*

CXVI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, IV, 6. (Москва.)

Добрѣйшій
Николай Александровичъ!

Тороплюсь послать Вамъ оригиналы для книги. Выбралъ кое-что и наклеилъ, пріобщивъ ко всему монологъ «О вредѣ табака», напечатанный въ Пет. Газетѣ.

«Сорвалось» и «Глупый французъ»[1]) бросьте. Анюту[2])— да *). «Кошмара» тоже не берите для книжки, ибо топъ Кошмара, его размѣръ и проч. не годятся: ансамбль испортятъ. Изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ Нов. Времени, нельзя помѣстить въ книжку ни одного. Если матеріалу покажется мало, то поспѣшите увѣдомить: я еще пришлю.. Во всякомъ случаѣ пришлю еще въ письмахъ..

Теперь о виньеткѣ.. Неужели такъ плоха? Я думаю, что вставлять буквы не совсѣмъ ловко, да и художникъ обидится.. Не лучше ли сдѣлать такъ, чтобы

---

[1]) Разсказы помѣщ. раньше въ «Осколкахъ» № 2 и 7 «Сорвалось» въ Собраніи сочин. наз. «Неудача».

[2]) «Осколки» № 8.

*) Т.-е. сажайте въ книжку. *Примѣч. А. П.*

и волки были сыты и овцы цѣлы, т.-е. 1000 экз. напечатать съ виньеткой, а 1000 безъ виньетки? Все, что пойдетъ на вокзалы и пристани, будетъ безъ виньетки, а выписывающіе будутъ получать съ виньеткой.. Можно напечатать съ виньеткой не 1000, а только 500. Буквы во всякомъ случаѣ не удобны..

Я болѣнъ. Кровохарканье и слабъ.. Не пишу.. Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю разсказа къ Пасхѣ.. Надо бы на югъ ѣхать, да денегъ нѣтъ.

Насчотъ поѣздки въ Питеръ слѣдовало бы подумать. Вѣроятно, пріѣду, если не задержитъ безденежье, или болѣзнь..

Погода въ Москвѣ великолѣпная. Лучше и не надо.

Николаю послалъ выписку изъ Вашего письма.

Ну-съ, а теперь позвольте поблагодарить за карточку. Я отвѣтилъ бы вамъ тѣмъ же, но сейчасъ у меня карточки не имѣется. Когда снимусь, пришлю непремѣнно.

Боюсь подвергнуть себя зондировкѣ коллегъ.. Вдругъ откроютъ что-нибудь въ родѣ удлиненнаго выдыханія или притупленія!. Мнѣ сдается, что у меня виноваты не такъ легкія, какъ горло... Лихорадки нѣтъ.

Скажите Билибину, что онъ трусъ. Боится мышьяка! Онъ не боится лягушекъ?

Завтра ѣду лѣчить Гиляя. На пожарѣ человѣчина ожогся, кругомъ ранился и сломалъ ногу.. Такъ по крайней мѣрѣ пишетъ. Судя по тону письма, не вретъ. Нужно бы сегодня ѣхать, но не могу, пусть проститъ. Поклонитесь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Пріѣхалъ Худековъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

О планахъ на лѣто, о дачѣ и проч. буду писать особо.

Получилъ отъ Агаѳопода письмо. Плохо живетъ.

Мечталъ написать къ 13-му Апрѣля пасхальный разсказъ въ Нов. Время. Тема стоящая, но едва ли напишу.

«Шведская спичка», которую посылаю, была напечатана въ альманахѣ Стрекозы[1]). Ее прикажите помѣстить въ самомъ концѣ книги.

CXVII.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника.)

86, IV, 11. (Москва.)

Пишу Вамъ, дорогой мой дядя, въ страстную пятницу подъ субботу, но такъ какъ это письмо будетъ получено вами послѣ 13-го, то я имѣю полное право заочно поцѣловаться съ Вами три раза, получить отъ Васъ отвѣтъ «Воистину Воскресъ», а если позволите, то и гривенничекъ[2]). Итакъ: Христосъ Воскресъ! Подѣлите этотъ привѣтъ съ тетей, братьями и сестрами, которыхъ поздравляю и цѣлую. Всѣмъ желаю счастья, покоя и мира, Вамъ же лично, дорогой мой, желаю того, что можетъ пожелать человѣкъ глубоко уважающій и преданный.

Простите, что такъ долго не писалъ Вамъ. Вы сами много пишете, а потому поймете человѣка, который пишетъ отъ зари до зари: нѣтъ времени! Когда бы-

---

[1]) (Уголовный разсказъ) «Альманахъ Стрекозы» на 1884 г. Подпись: Антоша Чехонте.

[2]) Дѣтское воспоминаніе. Дядя Митр. Георг. имѣлъ обыкновеніе на Пасху, Рождество и въ свои именины дарить своимъ племянникамъ по гривенничку.

ваетъ свободная минутка, то постараешься отдать ее чтенію, или чему-нибудь другому. Да, откровенно говоря, не понимаю я того писанія къ дорогимъ и близкимъ людямъ, которое пишется по обязанности, а не въ минуты хорошаго настроенія, когда не боишься ни за свою искренность, ни за размѣръ письма.

Теперь давайте побесѣдуемъ. Начнемъ хоть съ Вашего отъѣзда. Послѣ того, какъ Вы, тетя, Саша и о. Ананія сѣли на извозчиковъ и скрылись, мы почувствовали въ своихъ комнатахъ пустоту. Долго потомъ ходили и привыкали къ этой пустотѣ. Для насъ Вы слишкомъ дорогой гость и разставаться съ Вами было не легко. Помните, что Вы у насъ *единственный* и другого такого близкаго родственника у насъ не было, да едва ли и будетъ. Дѣло не въ томъ, что Вы родной дядя, а въ томъ, что мы не помнимъ того времени, когда бы Вы не были нашимъ другомъ... Вы всегда прощали намъ наши слабости, всегда были искренни и сердечны, а это имѣетъ громадное вліяніе на юность! Вы, сами того не подозрѣвая, были нашимъ воспитателемъ, подавая намъ примѣръ постоянной душевной бодрости, снисходительности, состраданія и сердечной мягкости.. Искренно жму Вамъ руку и благодарю. Когда Богъ дастъ, лѣтъ черезъ 10—15 я буду описывать для печати свою жизнь, то поблагодарю Васъ передъ всѣмъ читающимъ міромъ, а теперь жму только руку.

Сейчасъ зазвонили къ утренѣ. Всѣ спятъ. Мамаша такъ утомилась окорокомъ и пасхами, что ее теперь никакими пушками не разбудишь.

Когда Вы уѣхали, уѣхала и Саша[1]). До сихъ поръ вспоминаемъ ее и не теряемъ надежды видѣть ее у насъ еще не одинъ разъ. Она всѣмъ очень понравилась,

---

[1]) Дочь адресата.

хоть я и увѣренъ, что она неаккуратно лѣчится. Если она попрежнему хвораетъ, то пусть исполняетъ мои совѣты. Не мѣшало бы также Георгію или Володѣ[1]) сводить ее къ доктору и показать. Около Каменной лѣстницы живетъ докторъ Еремеевъ, зять Псалти. Если сведете къ нему, то хорошо сдѣлаете. На всякій случай прилагаю свою карточку, которая послужитъ для Саши паспортомъ. Еремееву сообщите средства, которыя я рекомендовалъ.

Послѣ Вашего отъѣзда, передъ Рождествомъ пріѣхалъ въ Москву одинъ петербургскій редакторъ и повезъ меня въ Петербургъ. Ѣхалъ я на курьерскомъ въ I классѣ, что обошлось редактору не дешево. Въ Питерѣ меня такъ приняли, что потомъ мѣсяца два кружилась голова отъ хвалебнаго чада. Квартира у меня была тамъ великолѣпная, пара лошадей, отмѣнный столъ, даровые билеты во всѣ театры. Я въ жизнь свою никогда не жилъ такъ сладко, какъ въ Питерѣ. Расхваливъ меня, угостивъ, какъ только было возможно, мнѣ дали еще денегъ рублей 300 и отправили обратно въ I классѣ... Оказалось, что въ Петербургѣ меня знаютъ гораздо больше, чѣмъ въ Москвѣ.

Медицина моя подвигается помаленьку. Нашимъ раздолье: даже Ѳедосья Яковлевна[2]) у меня лѣчится; недавно лѣчилъ Ивана. Имѣть у себя въ домѣ врача— большое удобство!

Писанье мое, это побочное занятіе, подвигается своимъ порядкомъ. Я уже работаю въ самой большой Петерб. газетѣ — въ «Новомъ Времени», гдѣ мнѣ платятъ по 12 коп. за строчку. Вчера я получилъ изъ этой газеты за 3 небольшихъ разсказа, помѣщенныхъ въ трехъ

---

[1]) Дѣти адресата.

[2]) Тетка А. П. по матери.

номерахъ, 232 рубля. Чудеса! Я просто глазамъ своимъ не вѣрю. А маленькая «Петербургская Газета» даетъ мнѣ 100 руб. въ мѣсяцъ за 4 разсказа.

Но это не такъ важно, какъ важно слѣдующее. Въ Россіи есть большой писатель Д. В. Григоровичъ, портретъ котораго Вы найдете у себя въ книгѣ «Современные дѣятели». Не такъ давно, нежданно негаданно, не будучи съ нимъ знакомъ, я получилъ отъ него письмо въ полтора листа. Личность Григоровича настолько почтенна и популярна, что Вы можете представить мое пріятное изумленіе! Привожу Вамъ мѣста изъ его письма:.. «у Васъ *настоящій* талантъ, талантъ, выдвигающій Васъ далеко изъ круга литераторовъ новаго поколѣнія.. Мнѣ минуло уже 65 лѣтъ; но я сохранилъ еще столько любви къ литературѣ, съ такою горячностью слѣжу за ея успѣхомъ, такъ радуюсь всегда, когда встрѣчаю въ ней что-нибудь живое, даровитое, что не могъ, какъ видите, утерпѣть и протягиваю Вамъ обѣ руки... Когда случится Вамъ быть въ Петербургѣ, надѣюсь увидѣть Васъ и обнять Васъ, какъ обнимаю теперь заочно»..

Письмо велико и нѣтъ времени переписать его; при свиданіи прочту Вамъ его. Оно очень симпатично. Если музеи цѣнятъ письма такихъ людей, то какъ же мнѣ не цѣнить ихъ? Отвѣтилъ я на это письмо такъ: «Какъ Вы, мой дорогой, горячо любимый благовѣститель, обласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ Вашу старость!»

Отвѣтъ мой растрогалъ старика. Я получилъ отъ него другое большое письмо и карточку. Второе письмо его великолѣпно.

На Ѳоминой недѣлѣ я ѣду въ Петербургъ, куда меня зовутъ. Тамъ я теперь модный человѣкъ. Въ маѣ мы переѣдемъ къ Киселевымъ на дачу, куда я Васъ

приглашаю, а позднѣе лѣтомъ я пріѣду къ Вамъ. *Вѣроятно*, лѣтомъ увидимся и потолкуемъ до сыта... Лѣтомъ мнѣ нужно быть на югѣ по дѣлу.

У мамаши радость: Иванъ получилъ въ Москвѣ казенную школу, гдѣ онъ будетъ самостоятеленъ. Квартира у него въ 5 комнатъ казенная. Прислуга, дрова и освѣщеніе тоже казенныя. У папаши тоже радость: тотъ же Иванъ купилъ себѣ фуражку съ кокардой и заказалъ учительскій фракъ съ свѣтлыми пуговицами.

Николай сейчасъ работаетъ сильно, но болѣнъ глазами.

Сегодня я накупилъ себѣ одежи и выглядываю совсѣмъ франтомъ.

Сегодня былъ у меня Шехтель, который у меня лѣчится. Онъ у насъ будетъ разговляться. Жаль, что Васъ съ нами не будетъ на Пасху! А разговѣться есть чѣмъ. Мы бы и спѣли вмѣстѣ, какъ будемъ пѣть, когда вернемся изъ заутрени.

Сейчасъ зазвонили въ Храмѣ Христа-Спасителя.

Буду ждать отъ Васъ письма. (Якиманка, д. Клименкова). Если въ Питерѣ найдется свободная минутка, то напишу Вамъ оттуда, а пока прощайте и не забывайте любящаго и уважающаго Васъ

А. Чехова.

Такъ какъ наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная бесѣда, то не показывайте ихъ никому, кромѣ членовъ Вашей семьи.

Какъ здоровье Вашего уха?

Поклонъ Иринушкѣ[1]), если она меня еще не забыла.

У Миши дѣла съ Ферапонтовымъ не склеились.

---

[1]) Прислуга адресата.

Насчетъ статей въ газетахъ о братствѣ[1]) Вы меня не совсѣмъ точно поняли. При свиданіи поговоримъ, а теперь скажу только, что печатать въ газетахъ о братствѣ слѣдуетъ тотчасъ же вслѣдъ за годовщиной братства, въ Августѣ... А для того, чтобы газета напечатала, братству не мѣшаетъ ввести у себя полезный обычай: посылать ежегодно въ редакцію годовые отчеты. Напишутъ съ удовольствіемъ, потому что никто не прочь похвалить хорошее дѣло. Я пришлю Вамъ адресы, по которымъ Вы пошлете отчеты.

CXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, IV, 13. (Москва.)

Воистину воскресъ, добрѣйшій Николай Александровичъ! Вмѣсто обѣщанной субботы, пишу Вамъ въ вечеръ воскресенья, когда желудокъ набитъ всякой всячиной, а въ глазахъ рябитъ отъ визитеровъ.

День прошолъ весело. Ночью ходилъ въ Кремль слушать звонъ, шлялся по церквамъ; вернувшись домой во 2-мъ часу, пилъ и пѣлъ съ двумя оперными басами[2]), которыхъ нашелъ въ Кремлѣ и притащилъ къ себѣ разговляться. Одинъ изъ этихъ басовъ великолѣпно изображалъ протодьякона. Великую вечерню слушалъ въ Храмѣ Христа Спасителя и т. д.

Книгу вашу получилъ.

Гиляй надулъ меня. У него только рожа.. Шутка не особенно остроумная. А я на другой день спѣшилъ къ нему съ Якиманки на Мѣщанскую, тратилъ время

---

[1]) Адресатъ былъ казначеемъ и основателемъ таганрогскаго благотворительнаго братства.

[2]) В. С. Тютюнникъ и г. Антоновскій.

и деньги на извозчика! Вы корите меня за то, что я поѣхалъ къ нему не тотчасъ же по полученіи отъ него письма. Особенно спѣшить не было надобности. Въ письмѣ было сказано: «3 дня тому назадъ со мной случилась бѣда», а 3 дня такой длинный срокъ, который исключаетъ отсутствіе медицинской помощи и осложненія въ родѣ открытаго порелома и проч. Я былъ увѣренъ, что повязка уже наложена, а меня зовутъ пуръ се лепетанъ, изъ недовѣрія къ первому попавшемуся врачу.

Лѣчу Пальмина. Поэтъ нѣмъ. Онъ охрипъ и говоритъ невозможно сиплымъ басомъ, такъ что безъ смѣха его нельзя слушать. При мнѣ онъ получилъ отъ Васъ карточку и книгу.

Вы спрашиваете, куда я деньги дѣваю.. Не кучу, не франчу, долговъ нѣтъ*), но тѣмъ не менѣе изъ 80+232 р., полученныхъ передъ праздникомъ отъ Васъ и отъ Суворина, осталось только 40, изъ коихъ завтра я долженъ буду отдать 20.. Чертъ его знаетъ, куда онѣ дѣваются! Отъ Буйлова еще не получилъ.

Погода великолѣпная.

Сейчасъ лягу и буду читать Лермонтова.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Шлю разсказъ «Загадочная натура», который отдайте въ наборъ.

CXIX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

86, IV, 19. (Москва.)

Даю отвѣтъ на Ваше письмо, уважаемый Николай Александровичъ!

---

*) И содержанокъ даже нѣтъ; Осколки и любовь я получаю gratis. *Прим. А. П.*

Бумага для обложки, если она будетъ не хуже той, въ которую облечены Стукинъ и Хрустальниковъ[1]), хороша; по моему мнѣнію, лучшей не нужно.

А насчотъ Кошмара я опять-таки настаиваю на томъ, что онъ не годится въ книгу. Разсказы и такъ пестры, а если Вы еще рядомъ со Шведской спичкой поставите Кошмаръ, то получится пестрота, отъ которой затошнитъ. Нѣтъ, голубчикъ, наплюйте Вы на Кошмаръ! Если читателю нужна новизна, которая, какъ Вы справедливо замѣчаете, и можетъ быть интересна для читателя, то вѣдь въ моей книгѣ читатели Осколковъ найдутъ разсказы, помѣщенные въ пяти изданіяхъ. Итакъ, съ Кошмаромъ мы покончили.

У насъ холодище. Идетъ снѣгъ, дуетъ Борей, а небо глупо, какъ пробка.

Въ Питерѣ я буду обязательно до 1-го мая. День и часъ, въ онь же я выѣду изъ Москвы, мнѣ неизвѣстенъ.

Пальмина давно не видѣлъ. Вѣроятно, горлу его лучше, иначе далъ бы знать. Про Гиляя ничего не слышно. Отъ Агаѳопода ни слуху, ни духу.

Завтра буду писать для Васъ, а пока жму Вамъ руку. До свиданья.

А. Чеховъ.

CXX.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Апрѣль.)

Милый Францъ Осиповичъ!

Въ Вашихъ глазахъ я рискую пріобрѣсти репутацію дрянного человѣка.

---

[1]) Книга Н. А. Лейкина.

1) Пасхальную ночь Вамъ испортилъ.

2) На Рязанскій вокзалъ не поѣхалъ.

Итого: свинство.

Но дѣло вотъ въ чемъ. Гиляровскій болѣнъ, Курепинъ[1]) ко мнѣ не пріѣхалъ, Николай[2]) оказался занятымъ... съ кѣмъ же ѣхать? Во-вторыхъ, Ваша телеграмма, поданная въ часъ тридцать минутъ и приглашающая меня пріѣхать въ 11, получена мною въ 4 часа.. Въ-третьихъ, мы хорошо сдѣлали, что не поѣхали, ибо вѣтеръ, дождь и холодно.. Нѣтъ худа безъ добра..

Вы сердитесь?

Что касается меня, то я вчера былъ выпивши, чего и Вамъ желаю.

Будете ли Вы у Янова[3]) шаферомъ? Я буду. Не поѣхать ли намъ въ Красково въ четвергъ? Если Вы не прочь, то я стану собирать компанію.

Если у Васъ въ чемоданчикѣ есть напитки, то ради Бога не выпейте ихъ одинъ. Напрасно Вы не разговлялись у насъ. Тютюнникъ и Антоновскій великолѣпно изображали дьяконовъ. Извозчиковъ на Якиманкѣ было много, а ветчина была чертовски хороша.

Когда же мы будемъ.....[4]) съ циркистками?

Очень просто.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Отчего бы Вамъ не принять православія[5])?

---

[1]) А. Д. Курепинъ—московскій литераторъ.

[2]) Братъ Николай Павловичъ.

[3]) А. С. Яновъ—художникъ.

[4]) Вычеркнуто адресатомъ.

[5]) Ф. О. Шехтель — римско-католич. вѣроисповѣданія. У А. П. была тетушка Ѳедосья Яковлевна, которая всѣхъ иновѣрцевъ убѣждала переходить въ православіе и часто просила А. П. помогать ей въ этомъ. Это обыкновенно служило поводомъ ко всевозможнымъ шуткамъ и остротамъ.

Посылаю Вамъ телеграмму, дабы Вы могли убѣдиться, что я не такой свинья, какъ Вы думаете..

Какой дождь!

У насъ съ визитомъ былъ Т. Онъ, вѣроятно, купался въ геліотропѣ, ибо оставилъ послѣ себя такой брокарный чадъ, что у всѣхъ разболѣлись головы.

Но Вы все-таки не сердитесь.

CXXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

Маія 10-го 1886 г. (Бабкино.)

Милѣйшій Александръ Павловичъ г. Чеховъ!

Если ты еще не раздумалъ написать мнѣ, то пиши теперь по адресу: «*г. Воскресенскъ (Моск. губ.) г. доктору Ант. П.*»

Я только что вернулся изъ Питера, гдѣ прожилъ 2 недѣли. Время провелъ я тамъ великолѣпно. Какъ нельзя ближе сошелся съ Суворинымъ и Григоровичемъ. Подробностей такъ много, что въ письмѣ ихъ не передашь, а потому сообщу ихъ при свиданіи. Читаешь ли Новое Время?

«Городъ будущаго»—тема великолѣпная, какъ по своей новизнѣ, такъ и по интересности. Думаю, что если не полѣнишься, напишешь не дурно, но вѣдь ты, чертъ тебя знаетъ, какой лѣнтяй! «Городъ будущаго» выйдетъ художественнымъ произведеніемъ только при слѣд. условіяхъ: 1) отсутствіе продлинновенныхъ словоизверженій политико-соціально-экономическаго свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость въ описаніи дѣйствующихъ лицъ и предметовъ; 4) сугубая

краткость; 5) смѣлость и оригинальность; бѣги отъ шаблона; 6) сердечность.

По моему мнѣнію, описанія природы должны быть весьма кратки и имѣть характеръ à propos. Общія мѣста въ родѣ: «заходящее солнце, купаясь въ волнахъ темнѣвшаго моря, заливало багровымъ золотомъ» и проч.. «Ласточки, летая надъ поверхностью воды, весело чирикали» — такія общія мѣста надо бросить. Въ описаніяхъ природы надо хвататься за мелкія частности, группируя ихъ такимъ образомъ, чтобы по прочтеніи, когда закроешь глаза, давалась картина.

Напримѣръ, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотинѣ яркой звѣздочкой мелькало стеклышко отъ разбитой бутылки и покатилась шаромъ черная тѣнь собаки, или волка и т. д. Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравненія явленій ея съ человѣч. дѣйствіями и т. д.

Въ сферѣ психики тоже частности. Храни Богъ отъ общихъ мѣстъ. Лучше всего избѣгать описывать душевное состояніе героевъ; нужно стараться, чтобы оно было понятно изъ дѣйствій героевъ.. Не нужно гоняться за обиліемъ дѣйствующихъ лицъ. Центромъ тяжести должны быть двое: онъ и она..

Пишу это тебѣ, какъ читатель, имѣющій опредѣленный вкусъ. Пишу потому также, чтобы ты, пиша, не чувствовалъ себя одинокимъ. Одиночество въ творчествѣ тяжелая штука. Лучше плохая критика, чѣмъ ничего.. Не такъ ли?

Пришли мнѣ начало своей повѣсти.. Я прочту въ день полученія и возвращу тебѣ со своимъ мнѣніемъ на другой же день. Оканчивать не спѣши, ибо раньше середины сентября ни одинъ Питерскій человѣкъ не станетъ читать твоей рукописи—овые за границей, овые на дачѣ..

Я радъ, что ты взялся за серьезную работу. Человѣку въ 30 лѣтъ нужно быть положительнымъ и съ характеромъ. Я еще пижонъ и мнѣ простительно возиться въ дребедени. Впрочемъ, пятью разсказами[1]), помѣщенными въ Нов. Времени, я поднялъ въ Питерѣ переполохъ, отъ котораго я угорѣлъ, какъ отъ чада.

Гонораръ изъ Сверчка и Буд. тебѣ посланъ Мишкой въ 2 пріема.

За симъ будь здоровъ и не забывай твоего

А. Чехова.

Погода плохая: вѣтеръ.

CXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86. V, 24. (Бабкино.)

Ждалъ, ждалъ отъ Васъ обѣщаннаго письма съ распоряженіями по части книги, да такъ и не дождался, уважаемый Николай Александровичъ! Очевидно, Вы заслушались соловьевъ и утонули въ прелестяхъ Тосны— не до писемъ Вамъ!

Я передъ Вами виноватъ: плохо работаю въ Осколки. Теперь я всюду плохо работаю. Что со мною подѣялось, не вѣдаю. Вѣроятно, вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова.. А если Вы вѣрите въ сглазъ, то могу въ свое оправданіе сказать и «сглазили!» Вообще эти поѣздки въ Питеръ всегда дѣйствуютъ на меня скверно. Выбиваюсь изъ колеи и долго не могу выпустить изъ головы угаръ... Буду лѣнтяйничать *до перваго Іюня,*

---

[1]) «Панихида», «Вѣдьма», «Агафья», «Кошмаръ» и «Святою ночью».

а тамъ даю слово работать.. Вообще, выругайте хорошенько..

Прасковьѣ Никифоровнѣ громаднѣйшее спасибо за гостепріимство. Во вѣки-вѣковъ не забуду. Насколько у меня хороша память, можно судить изъ слѣдующаго планта: [1]).

Теперь о книгѣ. Судя по объявленію въ Оск., она должна быть уже готова и сдана, какъ сказано въ объявленіи, Вольфу, Суворину и прочимъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ пока слѣдующее. Заказалъ Гиляровскому рекламы въ Рус. Вѣд., въ Совр. Изв. и въ Русскомъ Курьерѣ. Взялъ слово съ Будильника, что въ немъ будетъ реклама. Объявленія помѣщу въ: Будильникѣ, Вокругъ Свѣта, Новостяхъ дня; въ Русскихъ Вѣдомостяхъ помѣщу объявленіе только тогда, когда разрѣшатъ оной газетѣ розничную продажу, а до тѣхъ поръ не стоитъ. Не стоитъ давать объявленія въ Современку и въ Курьеръ, ибо сдерутъ дорого, а толку мало: подписчиковъ нѣтъ!

За симъ жду скорѣйшихъ распоряженій и указаній. Книгу для разноски по московскимъ магазинамъ посылайте по адресу: «Москва, Живодерка, Казенное Арбатское училище, *Ивану Павловичу Чехову*». Подчеркнутое лицо сдѣлаетъ все, что нужно, если къ посылкѣ будетъ приложенъ планъ дѣйствій. Въ началѣ Іюня я самъ буду въ Москвѣ. Вообще, въ книжныхъ дѣлахъ я глупъ, а потому Ваши указанія необходимы.

Какова у Васъ погода? Тепло или холодно? Бываютъ туманы?

Отъ Васъ обратно я ѣхалъ все на томъ же Георгіѣ. Рожи его капитана и шкиперовъ вертятся у меня передъ глазами.

---

[1]) Здѣсь А. П. сдѣлалъ рисунокъ плана усадьбы адресата.

Кланяйтесь И. Грэку. Онъ бываетъ у Васъ каждую недѣлю, а потому не соблазните его Аксюшкой, да и сами не соблазнитесь. Вы вообще подозрительно много говорили про Аксюшку...

У меня погода великолѣпная. Скажите Тимофею, что въ вершахъ у меня каждый день сидятъ щуки. Рыба ловится хорошо.

Жду отъ Васъ письма. Воскресенскъ, Москов. губ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Оедѣ, конечно, поклонъ.

У меня Вашъ платокъ!!!

CXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

86, V, 27. (Бабкино.)

Получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и, чтобы Вы не попрекали меня въ лѣности, спѣшу отвѣтить на него. Primo: Вамъ послано уже 2 письма, одно отъ меня, другое отъ Николая, ждущаго отъ Васъ заказовъ. Оба письма адресованы въ село Ивановское.

2) Передайте Тимофею, что я ему завидую. Въ этомъ году у меня рыба ловится не важно. Разная . . . . ловится, а что покрупнѣй, то упорно избѣгаетъ знакомства со мной. Ловятся щуки, но отъ щукъ такая же корысть, какъ отъ ледащихъ собакъ. Одна только сырость. Совѣтую Вашему маститому рыболову, напоминающему старообрядческаго архіерея, половить рыбъ на живца: берутъ толстую леску, хорошее грузило и солидный крючокъ на струнѣ (басокъ). Достаточно

крючка такой величины [1]) или чуточку больше. Приманкой служитъ живая рыбка (пискарь, голавль), которой крючокъ проводится сквозь «зебры» въ ротъ. Забрасывается на ночь. Рекомендую ему также поставить вершу въ прудѣ. Въ вершу надо положить въ кисейномъ мѣшкѣ гречневой каши съ творогомъ. Пока больше я ему ничего не совѣтую.

Досадно: налимы идутъ плохо. Поймалъ до сихъ поръ 3—4, не больше.

3) Боже, какъ я лѣнюсь! Погода виновата: такъ хороша, что нѣтъ силъ на одномъ мѣстѣ усидѣть.

До сихъ поръ я не видѣлъ объявленія о моей книгѣ ни въ Пет. Газетѣ, ни въ Нов. Времени. Суворину послалъ письмо. Вѣроятно, онъ сердится на меня за мою лѣнь.

4) Викторъ Викторовичъ [2]) худѣетъ отъ того, что скучаетъ по мнѣ и не имѣетъ успѣха у женщинъ. Ему нужно застрѣлиться. Кланяйтесь ему.

Слышны почтовые звонки.. Кто-то ѣдетъ.. Бѣгу глядѣть... Пріѣхалъ гость, а я продолжаю писать.

5) Интересно было бы знать, какимъ образомъ Тимофей и К° починили блокъ на мачтѣ? На верхушку лазили?

6) Завтра буду строчить въ П. Газ., а послѣзавтра въ Осколки.

Виньетка вышла удачна. Не знаю, почему она Вамъ такъ не нравилась! Вообще, книга внѣшностью превзошла мои ожиданія, за что приношу большущее спасибо виновникамъ сего, но внутри она не тово... Слѣдовало бы кое-какіе разсказы выбросить, а кое-какіе починить. Цѣна нѣсколько велика.

Денегъ нѣтъ, а работать лѣнь. Пришлите мнѣ полки

---

[1]) Въ оригиналѣ изображенъ крючокъ.

[2]) Билибинъ.

для положенія зубовъ. Но я сдержу слово: пролѣнюсь май, а съ 1-го іюня засяду работать.

Погода у насъ роскошна. Дни ясные, тихіе, а ночи чертъ знаетъ, какъ хороши. Мужики жалуются, что дождя нѣтъ, и ходятъ по полю съ иконами. Погода подозрительно хороша: очевидно, передъ длиннымъ и скучнымъ ненастьемъ..

У меня много больныхъ. Рахитическія дѣти и старухи съ сыпями.. Есть 75-лѣтняя старуха съ рожей руки; боюсь, что придется имѣть дѣло съ рожистымъ воспаленіемъ клѣтчатки. Будутъ абсцессы, а рѣзать старуху страшно..

Да, безъ писемъ скучно. На дачѣ интересно получать письма. Скажите И. Грэку, что ему давно уже пора написать мнѣ что-нибудь. Вѣдь я почти въ ссылкѣ, à la Юша и живу перомъ, à la Джокъ.

Май хорошъ, но какъ скучно будетъ въ Августѣ! Предвкушаю осень, которая неизбѣжна.

Насчотъ Валаама рѣшитъ судьба: если буду много печататься, то пріѣду, если же буду лѣниться, то путешествіе не состоится. Во всякомъ случаѣ могу пріѣхать не раньше Іюля. Если пріѣду, то съ сестрой. «Зашевелились» очевидно матеріалъ для будущей книги. «Стукинъ и Хр.» мнѣ такъ нравятся, что я даю ихъ всѣмъ читать. Книга тѣмъ хороша, что въ ней трактуется не объ одномъ какомъ-нибудь банкѣ, а вообще о банковскихъ порядкахъ на Руси. Это самая лучшая изъ всѣхъ Вашихъ книгъ. Впрочемъ, она въ своемъ родѣ и сравнивать ее съ другими книгами нельзя.

Какъ у Васъ сошло 9-е мая?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. А засимъ, какъ водится это у порядочныхъ людей, нужно дать вамъ отдыхъ и, переставъ надоѣдать, пребыть уважающимъ

А. Чеховымъ.

CXXIV

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1886 г. Май 27.)

$2 \times 2 = 4$.

Вчера я причинилъ Вамъ вредъ...

Я послалъ вамъ посылку, за доставку которой Вы заплатите *четвертакъ*.

Пусть этотъ четвертакъ послужитъ штрафомъ за Ваше упорное, беззаконное, ничѣмъ не оправдываемое и безнравственное уклоненіе отъ поѣздки въ Бабкино!!

Если не пріѣдете на Тройцу, то получите еще одну посылку. Стыдитесь!!

Если не пріѣдете, то желаю Вамъ, чтобы у Васъ на улицѣ публично развязались тесемки . . . . . .

Николай не пьетъ... воды. Вообще—пхе!

Ждущій и потолстѣвшій

А. Чеховъ.

27 Май.

CXXV.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1886 г. Іюнь.)

Дорогой дядя!

Шлю Вамъ списокъ редакцій, въ которыя Вы можете послать братскій отчетъ:

Одесса, Новороссійскій Телеграфъ.

» Одесскій Вѣстникъ.

Харьковъ, Южный Край.
Москва, Московскія Вѣдомости.
» Современныя Извѣстія.
» Московскій Листокъ.
Петербургъ: Новое Время.
» Петербургская Газета, г. Пономареву.
» Новости.

Вотъ и все. Посылайте отчетъ *ежегодно*, какъ дѣлаютъ это всѣ братства, общества и проч. Писемъ къ отчету не прилагайте. Напишутъ коротко, какъ это и подобаетъ; обязательно похвалятъ и пожелаютъ успѣха, осуждать же не будутъ, а если сдѣаютъ замѣчаніе, то полезное.

Пишу коротко, потому что везущіе письмо на почту спѣшатъ и не хотятъ ждать. Кланяюсь Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

Получили ли Вы номеръ Новостей Дня?

Что у Васъ поговариваютъ о присоединеніи Таганрога къ Донской области?

Прощайте и будьте счастливы. Не забывайте, что у Васъ есть преданный и искренно уважающій

А. Чеховъ.

Поздравляю Георгія [1]) съ должностью. Напрасно Вы стѣснялись Еремеева [2]): онъ не взялъ бы съ Васъ денегъ, да и карточку я далъ, чтобы Вы не платили ему. Съ такихъ хорошихъ людей, какъ Вы, врачи не должны брать денегъ. Вы же работаете безвозмездно на пользу общую!

---

[1]) Сынъ адресата.
[2]) Таганрогскій врачъ.

CXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1886 г. Іюнь.)

ЛЮБОВЬ БЕЗЪ ЗЫБИ... [1])

(Романъ.)

Часть I.

Былъ полдень... Заходящее солнце своими багряно-огнистыми лучами золотило верхушки сосенъ, дубовъ и елей.. Было тихо; лишь въ воздухѣ пѣли птицы, да гдѣ-то вдали грустно выдъ голодный волкъ.. Ямщикъ обернулся и сказалъ:

— А снѣгу все прибываетъ, баринъ!

— Что?

— Я говорю, что снѣгу прибыло..

— А!

Владиміръ Сергѣевичъ Табачкинъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ послѣдній разъ взглянулъ на солнце и померъ.

. . . . . .

Прошла недѣля.. Надъ свѣжей могилой со свистомъ носились птицы и перепела.. Солнце свѣтило.. Молодая вдова, вся въ слезахъ, стояла возлѣ и съ горя обмочила весь платокъ...

Н. Захарьева.

---

[1]) Пародія на женскіе романы.

CXXVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

86, VI, 8. Бабкино.

Добрѣйшій и тяжелѣйшій на подъемъ

Францъ Осиповичъ!

Письмо Ваше получилъ. Отвѣтъ мой простъ: Вы свой собственный врагъ... Во-первыхъ, нельзя такъ легкомысленно относиться къ гимнастикѣ и во-вторыхъ, стыдно сидѣть въ душной Москвѣ, когда есть возможность пріѣхать въ Бабкино!!. Житье въ городѣ лѣтомъ— это хуже . . . . . и безнравственнѣе. . . . . У насъ великолѣпно: птицы поютъ, Левитанъ изображаетъ чеченца, трава пахнетъ, Николай пьетъ... Въ природѣ столько воздуху и экспрессіи, что нѣтъ силъ описать... Каждый сучекъ кричитъ и просится, чтобы его написалъ... Левитанъ, держущій въ Бабкинѣ ссудную кассу[1]).

Николай обрился и помѣшался на индѣйскомъ пѣтухѣ. Высшее его наслажденіе—это свистать индюку, или изображать его. Я пишу, пишу, пишу... и лѣнюсь. Вчера пріѣхалъ Бегичевъ, который открылъ у насъ парикмахерскую [2]).

Пріѣзжайте не на недѣлю, а на двѣ—на три. Каяться не будете, особливо если Вы не противъ житья посвински, т.-е. довольства исключительно только растительными процессами. Бросьте Вы Вашу архитектуру! Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы (Киселевъ,

---

[1]) Въ Бабкинѣ, на дачѣ, въ отдѣльномъ флигелькѣ жилъ и Левитанъ. Ради шутки братья Чеховы повѣсили у него надъ дверью вывѣску: «Ссудная касса купца Левитана». Исаакъ Ильичъ очень любилъ изображать черкесовъ и евреевъ, при чемъ самъ называлъ себя въ такихъ случаяхъ «шмулемъ».

[2]) В. П. Бегичевъ стригъ братьевъ Чеховыхъ за отсутствіемъ парикмахера.

Бегичевъ и мы) собираемся судить по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемаго въ а) уклоненіи отъ воинской повинности в) въ тайномъ винокуреніи (Николай пьетъ, очевидно, у него, ибо больше пить негдѣ) с) въ содержаніи тайной кассы ссудъ д) въ безнравственности и проч. Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданскаго истца. Ваша комната убрана этюдами. Кровать давно уже ждетъ Васъ.

Пишите, когда ждать Васъ? Мы устроимъ Вамъ торжественную встрѣчу.

Аптека у насъ есть. Гимнастикой заниматься есть гдѣ. Купанье грандіозное. Рыба ловится плохо. Жму руку. *А. Чеховъ.*

CXXVIII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1886 г. Іюнь.)

Матеріалисты скажутъ, что разумнѣе было бы прислать сначала соды, а потомъ ужъ разсказъ [1]), но скромный авторъ думаетъ, что интересы изящнаго должны преобладать надъ интересами желудка.

Надѣясь на снисхожденіе критиковъ, авторъ проситъ немедленно выслать деньги за разсказъ, иначе его жена и дѣточки поколѣютъ съ голоду.

Адресъ автора: во второмъ этажѣ около кухни, направо отъ ватера, между шкафомъ и краснымъ сундукомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году собака и кошка въ дракѣ разбили горшочекъ.

Авторъ: А. Индѣйкинъ.

---

[1]) А. П., живя въ Бабкинѣ, занимался лѣченіемъ крестьянъ, и у него была порядочная аптека. Адресатка прислала къ нему за содой. Вмѣсто нея А. П. послалъ ея дѣтямъ, Сашѣ (дѣвочкѣ) и Сережѣ нижеслѣдующую сказку.

CXXIX.

(Бабкино. 1886 г. Іюнь).

Сапоги въ смятку

Разсказъ для дѣтей
съ иллюстраціями
Соч. Архипа Индѣйкина
(Посвящается Василисѣ и Сергѣю)

Одобрен. Ученымъ Комитетомъ не только для дѣтей, но даже и для генераловъ, архимандритовъ, непремѣнныхъ членовъ и писательницъ

Цѣна 17 коп.

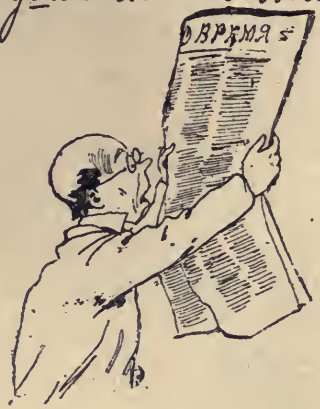
Дозволено цензурою съ тѣмъ, чтобы дѣти сидѣли смирно за обѣдомъ и не кричали, когда старшіе спятъ

Цензоръ Пузиховъ

Глава I

Въ городѣ Москвѣ на Живодеркѣ въ домѣ купчихи Левитащихиной жило одно очень прекрасное и благородное семейство, которое всѣми любимое.

Папашу звали Мерлитонъ Пантелеичъ Брючкинъ. Это былъ человѣкъ съ глазами носомъ и ушами. Онъ былъ лысенькій,



хахъ бутылка съ водкой.

Но посмотрите на него сзади и вы, дѣти,

увидите, какъ онъ красивъ:

Онъ былъ очень хорошій человѣкъ: носилъ плюшевую жилетку, съѣлъ дѣтей и игралъ послѣ обѣда.

Мамашу звали Макрида Ивановна. Это была въ высшей степени красивая женщина. У нея былъ гордый взглядъ и губы складывались въ презрительную улыбку

Она считала всѣхъ дураками, а себя умной, потому что умѣла говорить „мерси" и „донэ муа". Каждый вторникъ она покупала на 10 копѣекъ пудры.

У папаши и мамаши было четверо дѣтей Миша, Терентиша, Кикиша и Гриша Миша былъ очень умный мальчикъ. Онъ рѣд

ко стоялъ на колѣняхъ, а когда его сѣкли, то не дрыгалъ ногами. Онъ учился въ гимназіи, гдѣ отличался постоянствомъ: сидѣлъ по три года въ одномъ классѣ.

Терентиша часто шалилъ, кралъ у папы

папіросы и объѣдался. Онъ былъ невѣжа и часто вставалъ изъ за обѣда, причемъ мама брала его за ухо и уводила, а остальные зажимали носы и говорили: „Уфъ!"

Кикиша былъ мальчикъ, который хорошій, но онъ научился у Сергѣя Киселева ходить на головѣ, лазить по спинкѣ дивана и ловить лягушекъ.

Самый лучшій мальчикъ былъ Гриша, кото

рый слушался папу и маму, хорошо учился, и помогалъ бѣднымъ. Бывало стащитъ у мамы яблокъ, или у папы копѣйку

отдастъ нищему. За это онъ

не въ примѣръ прочимъ раскрашенъ здѣсь. Если дѣти, и вы будете хорошо вести себя, то и васъ будутъ раскрашивать красками!

У дѣтей былъ дѣдушка Пантелей Тарахановичъ.

Онъ день и ночь спалъ за ширмочкой, гдѣ его кусали клопы и блохи. Клоповъ онъ давилъ на стѣнѣ, а блохъ между ногтями. Отъ него пахло табакомъ, уксусомъ и еще чѣмъ то такимъ, что неприлично сказать: бѣдняжка часто разстраивалъ себѣ желудокъ! Ходилъ онъ въ синихъ брюкахъ, такъ какъ чорныя были съѣдены мышами.

Ксчастью Мерлитонъ Вантелеичъ завелъ кошку,

а то мыши съѣли бы и остальныя брюки и дѣдушка при гостяхъ долженъ былъ бы прятаться

Прислугъ было двое:

лакей Никита и кухарка Перепетуя.

Когда они на кухнѣ дрались, или опроки
дывали на полъ соусъ, то папаша грозилъ
имъ кулакомъ

Брючкины жили богато: у нихъ
въ конюшнѣ была лошадь, которая
быстро бѣгающая. На ней ѣздили
кататься. Но къ сожалѣнію
осла у нихъ не было. Было
у нихъ много мебели: столъ,
самоварная труба, утюгъ,
намордникъ, клещи и прочія
вещества, необходимыя для
хозяйства. Папа покупалъ прошло
годнія газеты, которыя читалъ и
рвалъ на небольшіе кусочки, которыя мялъ.

Глава II

Каждое утро дѣти просыпались и домъ Брючкиныхъ поражалъ всѣхъ тишиною.

Напившись чаю, дѣти садились учиться. Къ нимъ приходилъ ихъ учитель Дор-мидонтъ Дифтеритовичъ Дырочкинъ,

личность свѣтлая и ученая. Водки онъ не пилъ, а только нюхалъ ею. Говорилъ онъ хриплымъ басомъ и смѣялся, какъ лошадь. Учениковъ билъ линейкой

Жилъ этотъ Дырочкинъ на 7-мъ этажѣ дома Голящкина,

гдѣ по вечерамъ учился играть на трубѣ. Игралъ онъ до трехъ часовъ ночи, отчего сосѣди спали крѣпче.

Училъ онъ дѣтей чистописанію, потому что главное въ жизни — чистописаніе!

Платили ему 3 рубля въ мѣсяцъ. Часто мамаша оставляла его обѣдать. Онъ ѣлъ руками, утиралъ губы скатертью и бралъ у сосѣда хлѣбъ.

Послѣ занятій всѣ обѣдали. Подавали за столъ супъ, горчицу, говядину и иногда рыбу

Когда кто нибудь изъ дѣтей шалилъ за обѣдомъ, то папаша дѣлалъ выговоръ:

. послѣ выговора задавалъ порку. Передъ ечеромъ пріѣзжала тетя Жозефина Пав овна, отъ кото рой пахло духа ій

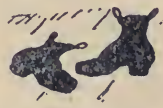
А разъ изъ Чернигова пріѣзжала дру ая тетя, Мордемонція Васильевна.

Вечеромъ дѣти читали журналъ „Дѣтское Утомленіе" или сочиненія Богемского и Политковской, которая отлично пишетъ. Ужинали дѣти остатками отъ обѣда:

Когда ложились спать, то мама отворяла форточку и говорила: — Не нужно дѣтей ржаными хлѣбомъ кормить"

Глава III

Когда дѣдушка издохъ, то Брючкинымъ осталось наслѣдство. Они купили себѣ новыя сапоги



и стали давать обѣды

Послѣ обѣда гости выходили на террасу курить:

Дѣти должны были сидѣть въ дѣтской и не кричать. Вечерами хозяева и гости задавали концерты.

Папаша игралъ на скрипкѣ, мамаша на роялѣ, тетя Жозефина Павловна пѣла дискантомъ, Семенъ Крокодиловичъ басомъ, Діодоръ Калиныч теноромъ, Вика игралъ на віолончели, а въ столовой приго

товляли закуску и водочку

Глава 4-я

Въ четвертой главѣ произошелъ скандалъ; когда авторъ писалъ ее, неожиданно вошла его жена и сказала:

— Если ты, рыжендронъ, не перестанешь писать, то я у тебя камну отниму.

Бѣдному автору поневолѣ приходится писать слово:

Конецъ

Портрет автора.

CXXX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

86, VI, 24. Иванъ-Купало. (Бабкино.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Вернувшись вчера изъ Москвы, я получилъ вашу посылку—вырѣзку изъ «Петерб. Вѣд.». Большое Вамъ спасибо, чертъ знаетъ, какое большое! Не столько благодарю за посылку, сколько за память и вниманіе. Критика Ладожскаго (кто онъ?) не важная. Много словъ, но мало дѣла, но все-таки пріятно и лестно.

«Новости дня», не знаю, чего ради, цѣликомъ перепечатали эту критику, такъ что половина номера занята разговорами о моей особѣ. Были замѣтки въ «Будильникѣ» и въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Вообще книга [1]) рекламируется не дурно и безъ всякихъ со стороны моей усилій. Какъ она идетъ? Окупились ли расходы?

Лѣнюсь я по-прежнему. Чертъ ее знаетъ, куда пропала энергія.. Денегъ почти нѣтъ, погода чаще плоха, чѣмъ хороша, а на душѣ мерзко, ибо не проходитъ дня, чтобы обошлось безъ душевной передряги. То и дѣло натыкаюсь на мерзкія извѣстія и сюрпризы, такъ что даже боюсь письма получать.

Правда ли, что Пет. Газ. будетъ выходить въ размѣрѣ Figaro?

У меня живетъ Агаѳоподъ, который извиняется, что не успѣлъ повидаться съ Вами и засвидѣтельствовать Вашей семьѣ свое почтеніе. Онъ былъ слѣпъ, но

---

[1]) «Пестрые разсказы».

теперь совлекъ съ себя Велизарія и сталъ видющъ. Николай оканчиваетъ прелестный рисунокъ, который пошлетъ завтра. Рисунокъ замѣчательный. Способный человѣчина, но... vous comprenez, плохой работникъ.

Разрѣшили Вы Тимофею ловить рыбу, или онъ все еще щебень таскаетъ? Ужъ Вы дайте ему побаловаться. Онъ, хоть и глупъ у Васъ, но симпатиченъ и немножко поэтъ.

Въ іюнѣ я не пріѣду: семейныя обстоятельства.. Насчетъ іюля ничего не скажу положительнаго. Рыбу я пока не ловлю. Грибовъ много, хотя имъ и мѣшаютъ расти безобразно холодныя ночи.

Однако Билибинъ большой молодчина! Фельетоны его въ Газетѣ очень милы и не только подаютъ надежды, но даже свидѣтельствуютъ о крупномъ талантѣ, въ которомъ теперь даже деревянные скептики не усомнятся. Онъ гораздо теплѣе и граціознѣе Буквы.. Не хватаетъ только выдержки. Какъ здоровье Прасковьи Никифоровны? Пусть она упрямо принимаетъ прописанныя мною зелья. Даже въ случаѣ діагностической ошибки съ моей стороны, онѣ не могутъ принести ничего, кромѣ пользы, но я едва ли ошибся. Діагнозъ мой тѣмъ болѣе вѣренъ, что я держусь его и доселѣ. Если Вы пріймете во вниманіе, что kal. jodatum не помогало (какъ Вы мнѣ говорили), то согласитесь со мной сами..

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Дожди у насъ идутъ ежедневно, но травы, благодаря весенней засухѣ и ночнымъ холодамъ, плохи.

Не давайте мужикамъ ялапы. Къ чему, если есть касторка?

За симъ въ ожиданіи отъ Васъ письма, жму руку и пребываю уважающимъ

А. Чеховымъ.

CXXXI.

Ему же.

(Съ подлинника.)

30 Іюль. (1886 г. Бабкино.)

Спасибо Вамъ за письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ! Спасибо за то, что оно не ругательное, какъ я ожидалъ..

Третьяго дня послѣ трехнедѣльнаго антракта я послалъ Вамъ разсказъ. Думаю, что антрактъ мой кончился, такъ какъ отъ бѣдъ, которыя обрушились на мою голову, остались только одни слѣды. А бѣды мои суть слѣдующія:

1) Страшно разболѣлись зубы.. Болѣли три дня и три ночи.. Кончилось тѣмъ, что въ одну изъ ночей пришлось скакать въ Москву, гдѣ я въ одинъ присѣстъ вырвалъ два зуба. Отъ тяжелаго, медленнаго зубодерганья, измучившаго меня до чертиковъ, разболѣлась моя башка и болѣла два дня. 2) Возвратившись изъ Москвы, я къ ужасу своему замѣтилъ, что не могу ни сидѣть, ни ходить: у меня появился геморрой . . . . . Хотѣлъ писать лежа, но этотъ фокусъ мнѣ не удался тѣмъ болѣе, что рядомъ. . . . . общее состояніе было отвратительное. Пять дней тому назадъ ѣздилъ въ Звенигородъ смѣнить не надолго своего товарища земскаго врача, гдѣ былъ занятъ по горло и болѣлъ. Вотъ и все.. Теперь: отчего я не писалъ Вамъ, что не будетъ разсказовъ? А потому не писалъ, что съ каждымъ часомъ не терялъ надежды сѣсть и написать разсказъ.. Телеграфа въ Воскресенскѣ нѣтъ..

Болѣнъ я и доселѣ. Настроеніе духа мерзкое.... Погода сволочная.

Отъ Васъ я получилъ только одно письмо, гдѣ Вы пишете о Тимофеѣ и моей книгѣ. Письмо, гдѣ Вы спрашиваете о маршрутѣ въ Бабкино, мною не получено, иначе бы Вы давно уже знали путь ко мнѣ. На всякій случай вотъ путь ко мнѣ: Николаевская дорога, станція Крюково; отсюда на ямщикѣ въ Воскресенскъ (Нов. Іерусалимъ) или же прямо ко мнѣ въ Бабкино. Въ Воскресенскѣ мой адресъ можно узнать въ лавкахъ, на почтѣ, у попа, у станового, у мирового. Семья была бы очень рада видѣть Васъ, а я съ удовольствіемъ хотя немножко бы заплатилъ за Ваше гостепріимство.

Теперь о моей книгѣ. Будучи въ Москвѣ, я не видалъ ея ни въ одномъ книжномъ магазинѣ. У Васильева нѣтъ («давно была, а теперь нѣтъ»), на Ник. вокзалѣ тоже была, а теперь нѣтъ и т. д. Если по Вашему книга пойдетъ осенью, то подожду печатать объявленіе въ Рус. Вѣд..

Про мою книгу заговорили толстые журналы. «Новь» выругала и мои разсказы назвала бредомъ сумасшедшаго, «Русская мысль» похвалила, «Сѣв. Вѣстникъ» изобразилъ мою будущую плачевную судьбу на 2-хъ страницахъ, впрочемъ похвалилъ..

Вчера я получилъ приглашеніе отъ «Русской Мысли». Осенью напишу туда что-нибудь. Напрасно Вы спрашиваете, когда я буду въ Москвѣ. Я и самъ не знаю, когда я тамъ буду. Пришлите довѣренность по дачному адресу; если бы Вы прислали ее ранѣе, то Ваше порученіе было бы давно уже исполнено.

Въ началѣ Августа сестра ѣдетъ въ Москву искать квартиру. Переберусь въ Сентябрѣ.

Погода отвратительна. Все лѣто порятъ дожди и будутъ пороть до безконечности. Наша рѣка выступила изъ береговъ по весеннему à la половодье, такъ что мы сегодня ловили наметкой рыбу. Хлѣбъ гніетъ и урожай пропалъ. Пропало и лѣто.

Агаѳоподъ въ Москвѣ, Николай у меня.

Какъ здоровье Прасковьи Никифоровны и кончилась ли сенатская возня съ Ѳедей? Почтеніе имъ обоимъ купно съ пожеланіемъ всякихъ благъ..

Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго? Сейчасъ хочу завалиться спать.. Прощайте и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

86, VIII, 20. (Бабкино.)

Пишу Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, не по дачному адресу, а на редакцію, ибо не знаю, перебрались Вы въ городъ, или нѣтъ.. Ваше письмо получилъ. Счастливцы Вы, право, что у Васъ, сѣверянъ, было лѣто.. У насъ было не лѣто, а сплошное чертъ знаетъ что: дождь, дождь и дождь.. Въ настоящее время вѣтеръ, холодище и тяжолыя тучи. Реомюръ показываетъ 4, 5 тепла. Скука и стремленіе къ чему-нибудь зашибательному въ родѣ пьянства...

Разсказа къ предъидущему № я не послалъ Вамъ, ибо, откровенно и честно говоря, не было темы. Думалъ, думалъ и ничего не выдумалъ, а чепуху посылать не хочется, да и скучно. За то я взялъ слово съ Агаѳопода, который гостилъ у меня, что онъ обязательно пошлетъ Вамъ разсказъ и увѣдомитъ Васъ, что я къ оному № ничего не пришлю.

Въ Москву я переберусь въ началѣ Сентября, когда соберу толику денегъ, необходимую для перевозки. Квартиру нашелъ я себѣ (650 р. въ годъ) *въ Кудринѣ на Садовой, д. Корнѣева.*

Квартира, если вѣрить сестрѣ, хороша. Отъ центра не далеко и мѣсто чистенькое.. Кстати, гдѣ теперь Пальминъ? О немъ ни слуху, ни духу.. Какъ-то онъ съ квартирой? Опять будетъ жить гдѣ-нибудь у черта на куличкахъ, съ чадомъ, съ сыростью, съ низкими потолками, но безъ..... Впрочемъ, поэты выше...!

У меня къ вамъ просьба и, представьте, денежная.

Вывозите! Собака домовладѣлецъ, у котораго я буду жить, требуетъ плату за 2 мѣсяца впередъ, а у меня сейчасъ ни шиша.. Рублей 50 я могу достать въ Москвѣ; больше брать у москвичей не хочу, да и чертъ съ ними, непріятно обязываться.. Вы пришлите мнѣ 70 рублей. Суть не въ количествѣ, а въ томъ, чтобы эти деньги были получены мной *ранѣе* 1-го Сентября—срокъ платежа.. Стало-быть, премного обяжете (по гробъ жизни) если *не медля* сдѣлаете распоряженіе о высылкѣ сихъ денегъ. Высылайте ихъ по адресу: Москва, Теплые Ряды, Амбаръ И. Е. Гаврилова, Павлу Егоровичу Чехову, т.-е. моему родителю, который и заплатитъ за квартиру. Только, ради Аллаха, не медля, ибо послѣ 1-го деньги ужъ не нужны будутъ. О высылкѣ ихъ благоволите увѣдомить меня по Воскресенскому адресу. Вотъ и все..

Получилъ приглашеніе изъ «Русской Мысли». Вашъ разсказъ «Въ Строгановомъ Саду» самый удачный изъ всѣхъ Вашихъ лѣтнихъ разсказовъ. Хорошъ, какъ мелочишка, и «баргамотъ».

Что это за художникъ Полей?

Простите, что я манкирую въ перепискѣ. Дрессирую себя по возможности, но ни .... не выходитъ.

Вы удлинили конецъ «Розоваго чулка» [1]). Я не прочь получить лишніе 8 копѣекъ за лишнюю строчку, но

---

[1]) «Осколки» № 33. Подпись: А. Чехонте.

по моему мнѣнію «мужчина» въ концѣ не идетъ.. Рѣчь идетъ только о женщинахъ.. Впрочемъ, все равно...

Пріѣхалъ ли Худековъ?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ, а Вамъ жму руку и пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

CXXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

Воскресенскъ 86, VIII, 27.

Спасибо Вамъ, уважаемый Николай Александровичъ, за Вашъ любезный отвѣтъ на мою просьбу. Вчера получилъ отъ батьки письмо съ извѣщеніемъ, что 70 цѣлкашей уже прибыли.

Сегодня я уѣзжаю изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ. Плохое лѣто кончилось для того, чтобы уступить мѣсто каторжной зимѣ. Мой новый адресъ: Москва, *Кудринская-Садовая, д. Корнѣева*, куда и благоволите адресоваться. Пишу это письмо на бивуакахъ: сидя на визитѣ у отставного, раненаго поручика въ шапочкѣ, сидящаго сейчасъ около меня и критикующаго мѣстную публику.

Изъ Москвы буду писать, а пока будьте здоровы и не поминайте лихомъ.

А. Чеховъ.

Давно собираюсь спросить: не есть ли земляная груша брюква?

CXXXIV.

Р. Р. Голике.

Москва. 1886 г. Сентябрь 11.

Дорогой Романъ Романовичъ! Вмѣстѣ съ 6-этажнымъ поклономъ и пожеланіемъ всѣхъ благъ, шлю Вамъ за-

казъ для Вашей типографіи. Заказъ громадный и отъ исполненія его зависитъ успѣхъ Вашей фирмы. Дѣло въ томъ, что нужно напечатать листки для балловъ (школьныхъ) по прилагаемому масштабу. Условія подряда таковы: 1) 100 книжекъ оброшурованныхъ и съ цвѣтной обложкой. Въ каждой книжкѣ по 12 листовъ по образцу прилагаемаго листка такого же формата или, что лучше, нѣсколько подлиннѣе, 2) послѣдній листокъ двѣнадцатый имѣетъ заглавіе «экзаменаціонный листокъ», 3) шрифтъ осколочный [1]) петитъ, 4) бумага съ лоскомъ, 5) рамочка пошикарнѣе. Простите, что безпокою Васъ такой чепухой. Хочется сдѣлать педагогу подарокъ и мнѣ кажется ученикамъ будетъ очень пріятно получать отмѣтки на хорошенькихъ книжкахъ (плата за заказъ будетъ уплачена Вамъ господиномъ секретаремъ сатирическаго журнала Осколки, гдѣ я сотрудничаю и соперничаю въ талантѣ съ извѣстнымъ русскимъ писателемъ Н. А. Лейкинымъ). Въ ноябрѣ, одеръ [2]) декабрѣ я буду въ Питерѣ. Прощайте, будьте здравы. Поклонъ Ивану Грэку.

Вашъ *Чеховъ.*

CXXXV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86. IX, 20. (Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу вамъ не тотчасъ по пріѣздѣ, какъ обѣщалъ въ послѣднемъ письмѣ, а недѣлю спустя. Переѣздная сутолока, возня съ убранствомъ комнатъ, угаръ новой квартиры и сплошное безденежье совсѣмъ сбили меня съ панталыку. А тутъ

---

[1]) Журнала «Осколковъ».

[2]) Нѣмецкое Oder—или.

еще, словно на закуску, третьяго дня хватила меня холерина, отъ которой я еще и доселѣ не приду въ себя. Теперь о дѣлѣ.. Сегодня получилъ изъ Вашей конторы 20 экз. моей книги. Mercі за хлопоты. Новаго рѣшительно ничего. Пальмина не видѣлъ, Агаѳоподъ въ Москвѣ, Николай не показывается.. Живу въ Кудринѣ на Садовой—мѣсто чистое, тихое и отовсюду близкое, не то что Якиманка. Какъ Вы поживаете и нѣтъ ли чего новаго въ области Осколковъ? Все ли благополучно и ясно ли небо на юмористическомъ горизонтѣ? A propos, московскіе юмористы благоденствуютъ.. Будильникъ на прежней точкѣ замерзанія, Развлеченіе погибло (хотя и избавилось отъ Кичеева), но за то Сверчокъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Братья Вернеры [1]) то и дѣло катаютъ въ Парижъ и обратно. Купили себѣ типографію, завели газовый двигатель, трафаретъ, пригласили парижскаго Люка и проч. и проч. Живутъ шикарями. Ихъ «Вокругъ Свѣта» имѣетъ болѣе 20 тысячъ подписчиковъ, а Сверчокъ хватилъ за 5 тыс. Каковы ребята? Вотъ Вамъ и жилетки съ лошадями [2]). Энергичны до чортиковъ и можно ручаться, не слетятъ съ занятой ими теперь позиціи.

У меня полное отсутствіе денегъ. Вѣрите ли, заложилъ часы и золотую монету. Ужасно глупое положеніе! Недѣлю тому назадъ писалъ Буйлову, чтобы онъ выслалъ мнѣ гонораръ, но отвѣта доселѣ не получаю. Нравится мнѣ Новое Время: оно высылаетъ тотчасъ же по востребованіи, а Буйловъ нестерпимо долго почесывается. Неужели всѣ такъ вяло получаютъ у него деньги?

Вы живете еще на дачѣ... Не завидую Вамъ, хотя и въ городскомъ моемъ житьѣ нѣтъ ничего веселаго. Сижу

---

[1]) А. и М. Вернеры, издатели журнала «Сверчокъ».

[2]) Бр. Вернеры первые стали носить модныя тогда жилетки съ лошадиными головками.

дома и изрѣдка хожу смотрѣть Давыдова, который играетъ теперь у Корша. Эка, Питеръ прозѣвалъ какого актера!

...почему-то вспомнилъ про Пастухова. Онъ по-прежнему въ силѣ и славѣ. Сонмы Герсоновъ и Пазухиныхъ витаютъ около него и поютъ ему: «Радуйся»!. Новости Дня страдаютъ аглицкой болѣзнью. Питаніе отвратительное. Русскія Вѣдомости сохнутъ и сохнутъ отъ большого ума, Курьеръ [1]) опустился окончательно...

Пишите мнѣ про Тосну [2]), про Вашихъ псовъ, про почту, гдѣ Апель подрался съ кошкой.. Все ли около Вашего дома торчитъ заводъ съ покоптѣвшей трубой и все ли Тосна запружена баржами? Одно у Васъ неспосно — это многолюдство...

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Отъ Васъ жду письма. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я сообщилъ Вамъ свой новый адресъ. На случай потери сообщаю еще разъ:

Садовая — Кудрино, д. Корнѣева.

Воображаю, какъ холодно и сыро ѣздить теперь на пароходѣ! Хорошо еще, что водка не дорога.. На «Георгіѣ» очень вкусна и дешева солонина.

Кланяйтесь всѣмъ редакціоннымъ и конторскимъ. За симъ жму руку и пребываю

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

86, IX, 21. (Москва.)

Чтобы имѣть право сидѣть у себя въ комнатѣ, а не съ гостями, спѣшу усѣсться за писанье. На очереди—

---

[1]) «Русскій Курьеръ».

[2]) На Тоснѣ у Н. А. Лейкина была дача.

письмо къ Вамъ, многоуважаемая и добрая Марія Владиміровна. Представьте: Яшенька и Яденька [1]) пришли! Если найдете въ этомъ письмѣ каракули, то знайте, что Яшенька помѣшала, чтобъ ей Мерлитонъ приснился! [2])

Прежде всего большое Вамъ спасибо за выписки изъ «Русской Мысли». Я читалъ и думалъ: «Благодарю тебя Боже, что на Руси еще не перевелись великіе писатели!» Да, не оскудѣваетъ наша родина.. Изъ письма Вашего къ сестрѣ я усматриваю, что и Вы начинаете конкурировать по части извѣстности.. (Я говорю про Питеръ и образцы разсказовъ по миѳологіи). Что жъ, помогай Богъ! Литература — не ерши, а потому я не завидую..[3])

Впрочемъ, не велика сладость быть великимъ писателемъ. Во-первыхъ, жизнь хмурая.. Работы отъ утра до ночи, а толку мало.. Денегъ — котъ наплакалъ.. Не знаю, какъ у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно.. Папиросы попрежнему мнѣ подаютъ только въ табельные дни. Папиросы невозможныя! Нѣчто тугое, сырое, колбасообразное. Прежде чѣмъ закурить, я зажигаю лампу, сушу надъ ней папиросу и потомъ ужъ курю, при чемъ лампа дымитъ и коптитъ, папироса трещитъ и темнѣетъ, я обжигаю пальцы.. просто, хоть застрѣлиться въ пору!

Денегъ, повторяю, меньше, чѣмъ стихотворнаго таланта. Получки начнутся только съ 1-го Окт., а пока хожу на паперть и прошу въ займы.. Работаю, выражаясь языкомъ Сергѣя [4]), ужжасно, тишесное слово,

---

[1]) Названіе двухъ знакомыхъ барышень. Ихъ звали Машенька и Наденька.

[2]) Знакомый дачникъ, сосѣдъ Бабкина, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей».

[3]) Адресатка писала дѣтскіе разсказы и была страстная рыболовка.

[4]) Киселева.

много! Пишу пьесу для Корша (гм!), повѣсть для Русской Мысли, разсказы для Нов. Вр., Петерб. Газ., Осколковъ, Будильника и прочихъ орга́новъ. Пишу много и долго, но мечусь, какъ угорѣлый: начинаю одно, не кончивъ другое.. Докторскую вывѣску не велю вывѣшивать до сихъ поръ, а все-таки лѣчить приходится! Бррр...

Боюсь тифа!

Понемножку болѣю и мало-по-малу обращаюсь въ стрекозиныя мощи. Если я умру раньше Васъ, то шкафъ благоволите выдать моимъ прямымъ наслѣдникамъ, которые на его полки положатъ свои зубы.

Хожу я именинникомъ, но, судя по критическимъ взглядамъ, к-рые пускаетъ на меня конторщица Будильника, одѣтъ я не по послѣдней модѣ и не съ иголочки. Ѣзжу не на извозчикѣ, а на конкѣ.

Впрочемъ, писательство имѣетъ и свои хорошія стороны. Во-первыхъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, книга моя идетъ не дурно; во-вторыхъ, въ Октябрѣ у меня будутъ деньги; въ-третьихъ, я уже понемножку начинаю пожинать лавры: на меня въ буфетахъ тычутъ пальцами, за мной чуточку ухаживаютъ и угощаютъ бутербродами. Коршъ поймалъ меня въ своемъ театрѣ и первымъ дѣломъ вручилъ мнѣ сезонный билетъ.. Портной Бѣлоусовъ [1]) купилъ мою книгу, читаетъ ее дома вслухъ и пророчитъ мнѣ блестящую будущность. Коллеги доктора при встрѣчахъ вздыхаютъ, заводятъ рѣчь о литературѣ и увѣряютъ, что имъ опостылѣла медицина. И т. д.

На Вашъ вопросъ, заданный сестрѣ:. женился ли я? отвѣчаю: нѣтъ, чѣмъ и горжусь. Я выше женитьбы! Вдова Х... (плюющая на пальцы) пріѣхала въ Москву. Спасите меня, о неба серафимы!

---

[1]) П. А., поэтъ, переводчикъ Шевченка.

Теперь о нашихъ общихъ знакомыхъ.. Мать и батька живы и здравы. Александръ живетъ въ Москвѣ. Кокоша тамъ же, гдѣ былъ и до поѣздки въ Бабкино. Иванъ благоденствуетъ у себя въ школѣ. Ма-Па[1]) видается съ Эфросъ, даетъ въ молочной уроки по 7 коп. за урокъ и беретъ у Богемскаго[2]) уроки по географіи, которую дерзаетъ преподавать. Боже, отчего я не преподаю китайскаго языка? Тетка сватаетъ ее за какого-то Перешивкина, получающаго 125 р. Дурочка, не соглашается... Богемскій, онъ же фицикъ, рисуетъ виньетки по 3 руб. за штуку, ухаживаетъ слегка за Яденькой, бываетъ у Людмилочки, надоѣдаетъ всему міру философіей и спѣшитъ съерундить другой разсказъ въ Дѣтскій Отдыхъ. A propos: какое у Васъ дурное общество! Политковская, Богемскій... Я бы застрѣлился. Левитанъ закружился въ вихрѣ, Ольга[3]) жалѣетъ, что не вышла за Матвѣя и т. д. Нелли пріѣхала и голодаетъ. У баронессы родилось дите. Я радъ за отца.. Про M-me C. слышно, что она безконечно счастлива.. О, несчастная!

На дняхъ въ Эрмитажѣ первый разъ въ жизни ѣлъ устрицъ.. Вкуснаго мало. Если исключить шабли и лимонъ, то совсѣмъ противно. Приближается конецъ письму. Прощайте и поклонитесь Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ, Сергѣю и Елиз. Александровнѣ [4]). Еще 6—7 мѣсяцевъ и—весна! Пора приготовлять крючки и верши. Прощайте и вѣрьте лицемѣру *А. Чехову* когда онъ говоритъ, что всей душой преданъ всей Вашей семьѣ.

Едва я кончилъ письмо, какъ звякнулъ звонокъ

---

[1]) Сестра Марія Павловна.

[2]) Псевдонимъ Михаила Чехова.

[3]) Прислуга А. П.

[4]) Мужъ, дѣти и гувернантка адресатки.

и... я увидѣлъ геніальнаго Левитана. Жульническая шапочка, франтовской костюмъ, истощонный видъ.. Былъ онъ два раза на Аидѣ, разъ на Русалкѣ, заказалъ рамы, почти продалъ этюды.. Говоритъ, что тоска, тоска и тоска..

—Богъ знаетъ, что далъ бы, только побывать бы денька 2 въ Бабкинѣ!—восклицаетъ онъ, вѣроятно, забывъ, какъ онъ нылъ въ послѣдніе дни.

CXXXVII.

Ей же.

(Съ подлинника.)

86, IX, 29. (Москва.)

Вчера получилъ отъ А. С. Ваши «Калоши»[1]), уважаемая Марія Владиміровна. Получилъ и тотчасъ же, злорадно ухмыляясь, подмигивая глазомъ и ехидно потирая руки, сталъ читать..

Отвѣтъ на Калоши получите въ будущемъ. Скажу пока, что разсказъ написанъ литературно, бойко, кратко, относительно и приблизительно. Думаю, что отвѣтъ будетъ благопріятный.

Псевдонимъ Pince-nez удаченъ.

Конечно, нѣтъ надобности увѣрять Васъ, что я очень радъ быть Вашимъ литературно-гонорарнымъ гофъ-маклеромъ и чичероне. Эта должность льститъ моему тщеславію и исполнять ее такъ же не трудно, какъ нести за Вами ведро, когда вы возвращаетесь съ рыбной ловли. Если вамъ необходимо знать мои условія, то извольте:

1) Пишите, какъ можно больше!! Пишите, пишите,

---

[1]) Отъ А. С. Киселева, мужа М. В. «Калоши»—разсказъ адресатки.

пишите..., пока пальцы не сломаются. (Главное въ жизни—чистописаніе!) Пишите больше, имѣя въ виду не столько умственное развитіе массы, сколько то обстоятельство, что на первыхъ порахъ добрая половина Вашихъ мелочей, въ силу Вашей не привычки къ «малой прессѣ» будетъ подлежать возврату. На счотъ возвратовъ обманывать, лицемѣрить и вилять не буду—даю слово. А возвраты пусть не смущаютъ васъ. Если даже будутъ возвращать половину, то и тогда работа будетъ выгоднѣе, чѣмъ въ дѣтско-Богемскомъ Отдыхѣ. А самолюбіе... Не знаю, какъ Вы, но я давно уже привыкъ..

2) Пишите на разныя темы, смѣшное и слезное, хорошее и плохое. Давайте разсказы, мелочи, анекдоты, остроты, каламбуры и проч. и проч.

3) Передѣлки съ иностраннаго—вещь вполнѣ легальная, но только въ томъ случаѣ, если грѣхъ противъ 8-й заповѣди не рѣжетъ глазъ.. (За Калоши быть Вамъ въ аду послѣ 22-го января!). Избѣгайте популярныхъ сюжетовъ. Какъ ни тупоголовы наши гг. редакторы, но уличить ихъ въ незнаніи парижской литературы, а особливо мопасановщины, трудъ не легкій.

4) Пишите въ одинъ присѣстъ, съ полною вѣрой въ свое перо. Честно, не лицемѣрно говорю: восемь десятыхъ писателей «малой прессы» въ сравненіи с ъВами — сапожники и Вики [1]).

5) Краткость признается въ малой прессѣ первою добродѣтелью. Самой лучшей мѣркой можетъ служить почтовая бумага (эта самая, на которой я теперь пишу). Какъ только дойдетъ до 8—10 страницы, такъ и—стопъ! И къ тому же почтовую бумагу легче пересылать.. Вотъ и всѣ условія.

Выслушавъ наставленія отъ такого умника и генія,

---

[1]) Неудачники.

какъ я, соблаговолите теперь принять отъ меня увѣренія въ самой искренней преданности. Это же самое увѣреніе, буде пожелаютъ, могутъ принять подъ расписку Алексѣй Сергѣевичъ, Василиса и Сергѣй.

Со вдовой Х. еще не видался. Бываю въ театрѣ. Ни одной хорошенькой.. Все рылиндроны, харитоны и мордемондіи. Даже жутко дѣлается..

Прощайте и поклонитесь всѣмъ.

Уважающій *А. Чеховъ.*

Сама жизнь обращается мало-по-малу въ сплошную мордемондію. Живется сѣро, людей счастливыхъ не видно..

Николай у меня. Онъ серьезно болѣнъ (желудочное кровотеченіе, истощившее его до чертиковъ). Вчера онъ меня испугалъ не на шутку, сегодня ему легче настолько, что я уже позволяю ему принимать по ложкѣ молока черезъ каждые ½ часа. Лежитъ трезвый, кроткій, блѣдный..

Всѣмъ скверно живется. Когда я бываю серьезенъ, то мнѣ кажется, что люди, питающіе отвращеніе къ смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядокъ вещей, жизнь состоитъ только изъ ужасовъ, дрязгъ и пошлостей, мѣшающихся и чередующихся.. Впрочемъ, я ударился въ нововременскую беллетристику. Виноватъ.

Ма-Па здорова.

CXXXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

86, X, 23. Но увы! послано только 27-го! (Москва.

Добрѣйшій

Николай Александровичъ!

Первымъ дѣломъ про Пальмина. Я былъ у него и бесѣдовалъ про боговъ, луну и про все то, что не

подъ стать нашей хмурой эпохѣ. Послѣ долгой бесѣды, уснащаемой отрыжкою Фефелы и подчиваніемъ, я пришолъ къ конечному и прочному заключенію, что Ліодоръ Ивановичъ поэтъ sui generis, что онъ можетъ быть только Пальминымъ.. Перекроить его, заставить писать на иныя темы такъ же трудно, какъ заставить его потолстѣть. Боги вошли ему въ плоть и кровь, онъ сроднился съ ними, любитъ ихъ, все же остальное считаетъ пошлостью, недостойною его пера. По своему онъ правъ и разубѣждать его—напрасный трудъ.

Далѣе, по моему нѣтъ надобности изъ Пальмина дѣлать другого человѣка. Поэтъ онъ оригинальный и несмотря на однообразіе стоитъ гораздо выше и читается охотнѣе, чѣмъ десятки поэтиковъ, жующихъ злобу дня.

Судя по письму Билибина, мой гонораръ повелъ къ недоразумѣнію (конторскому). Спѣшу сообщить, что я получилъ его.

Отъ Худекова ни слуху, ни духу. Очевидно, надъ моимъ сотрудничествомъ въ Пет. Газ. поставленъ крестъ. Такъ тому и быть.

Получилъ приглашеніе отъ Всем. Иллюстраціи. Буду туда строчить. Ничего не знаете про сей журналъ и его порядки? Предлагаютъ по 10 коп.

Здоровье мое лучше, карманъ же попрежнему въ чахоткѣ...

Когда прослышите, что Григоровичъ вернулся изъ-за границы, будьте добры увѣдомьте.

Получилъ отъ Ѳедорова, издающаго въ Питерѣ «Дешевую библіотеку», приглашеніе прислать что-нибудь. Кто сей Ѳедоровъ? И что я могу послать ему? Вы опытнѣе меня, научите, какъ отвѣтить..

Въ концѣ октября ждемъ Васъ. Пальминъ почти сосѣдъ мой, такъ что Вамъ не придется дѣлать длинныхъ концовъ. Отъ меня же всюду близко.

Я послалъ Вамъ разсказъ «Бука» [1]), но кажется неудачный, по крайней мѣрѣ, гораздо худшій Вашего «Праздничнаго», который Вамъ чертовски удался. Очень хорошій разсказъ. Одна есть въ немъ фраза, портящая общій тонъ, это—слова городового: «въ соблазнъ вводишь казеннаго человѣка»: чувствуется натяжка и выдуманность. Мужичонка картиненъ, и я себѣ рисую его.

Кланяется Вамъ Агаѳоподъ. Николай здоровъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Левинскій [2]) негодуетъ за то, что Вы напечатали стихотвореніе по адресу Будильника:

—Я съ нимъ познакомился, толковалъ о враждѣ газетъ и журналовъ, онъ соглашался со мной, а самъ...[3])

CXXXIX.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Октябрь.)

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, вчера тоже получилъ.. Спасибо за совѣты по части Ѳедорова и Иллюстраціи. Ими я, конечно, воспользуюсь.

Отъ Худекова получено мной очень любезное письмо. До Новаго года буду получать по 10 коп., а послѣ онаго по 12 коп. Стало-быть, Газета сравнялась съ Нов. Временемъ, гдѣ я получаю 12, и съ Осколками. Ну-съ, стало-быть (люблю я это дурацкое «стало-быть!») я уже выскочилъ изъ пятачка.

---

[1]) «Осколки» № 43. Подпись: А. Чехонте.

[2]) В. Д. Левинскій, издатель «Будильника».

[3]) Точки въ подлинникѣ.

За адресъ Григоровича мерси-боку. Суворину напишу о рецензіи только въ случаѣ, если буду писать ему дѣловое письмо, напишу à propos, а иначе ей-ей не умѣю просить. Людей хорошо знакомыхъ, Васъ, напримѣръ, или Билибина, я могу просить, но писать къ людямъ, не связаннымъ со мною близкимъ знакомствомъ объ одолженіи, любезности или услугѣ, мнѣ мѣшаетъ мое малодушіе. Вообще по части прошеній я ужасно тугъ, отчего, конечно, ничего не выигрываю, но много проигрываю. Быть можетъ, въ срединѣ Ноября я буду въ Питерѣ и потолкую съ Суворинымъ лично.

Начинаю понемножку оправляться отъ безденежья, хотя все-таки денегъ нѣтъ. Но думаю, что черезъ мѣсяцъ совсѣмъ оправлюсь и перестану кусить.

Агаѳоподъ въ Москвѣ. Николка сбѣжалъ отъ меня къ «своей». О немъ ни слуху, ни духу, точно утонулъ.

Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ, Ѳедѣ и всей редакціонной братіи. Нѣтъ ли какихъ проэктовъ, плановъ и измѣненій по части Осколковъ для предстоящаго 1887 года? Надо бы двухъ-трехъ сотрудничковъ прибавить. Въ Осколкахъ все старые работники.. Когда я во вторникъ послѣ обѣда читаю сей журналъ, то онъ напоминаетъ мнѣ Францію: цвѣтущая, богато одаренная, но несомнѣнно вымирающая нація!

Погода у насъ туманная. Столько по улицамъ туману напущено, что не только либераловъ, но даже и консерваторовъ не видно. Надо будетъ Пальмину дать тему для стиховъ—«Туманъ»: богъ Фебъ скрылся, благодаря туману, напущенному идолами нашей хмурой эпохи; но идолы не разочли, напустили больше, чѣмъ слѣдуетъ и сами погибли.. Я дамъ тему, Пальминъ напишетъ, а Вы прочтете и выругаетесь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXL.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Октябрь.)

Многоуважаемая
Марія Владиміровна!

Спѣшу сообщить Вамъ о судьбѣ Вашихъ разсказовъ. 1) «Калоши» лежатъ у меня въ столѣ и будутъ пущены въ оборотъ только послѣ Новаго года, въ сокращенно-исправленномъ видѣ. Нужно изъ него выкурить французскій запахъ, иначе придется пускать его, какъ передѣлку, что не выгодно да и не удобно, такъ какъ начинающій всегда долженъ начинать съ оригинальнаго. Если первый Вашъ разсказъ будетъ «хапанный», то и на всѣ послѣдующіе будутъ глядѣть съ предубѣжденіемъ.

2) Разсказъ про сумасшедшую, названный мною «Кто счастливѣй?», очень миленькій, тепленькій и граціозный разсказъ. Даже собака Лейкинъ, не признающій никого, кромѣ себя и Тургенева, нашолъ, что этотъ разсказъ «не дуренъ и литературенъ». (Не желая быть единоличнымъ судьею, я по поводу его совѣтовался съ Лейкинымъ и другими старыми литературными собаками). Самое подходящее для него мѣсто—Петерб. Газета, но увы! я изъ-за гонорара разошелся съ симъ органомъ (требую прибавки). Въ Осколки пихнуть его нельзя, ибо онъ не юмористическій. Остается одно только — сдать его въ Будильникъ, гдѣ въ фельетонахъ печатаютъ «серьезные» этюды (наприм. мои «Устрицы»), что я и сдѣлалъ. И такъ, Вашъ разсказъ

будетъ напечатанъ въ Будильникѣ. Благодаря идіотской манерѣ журналовъ помѣщать передъ подпиской вещи, принадлежащія «именамъ», т.-е. фирмамъ (Златовратскаго, Нефедова, г. Чехова и прочихъ представителей современнаго паденія литературы), Вашъ разсказъ будетъ помѣщенъ не въ ближайшемъ будущемъ. Но для Васъ это безразлично, такъ какъ деньги можно взять до напечатанія..

3) Послѣдніе 2 разсказа вчера получены. «Злая месть» — хорошая штучка и пойдетъ, вѣроятно, въ Сверчокъ. Насчетъ «Крестницы» не знаю, ибо еще не успѣлъ прочесть.

4) Въ виду того, что Вы «начинающая», на первыхъ порахъ Вамъ придется получать по пятачку со строки. Когда къ Вамъ попривыкнутъ и Вашъ псевдонимъ намозолитъ глаза, мы потребуемъ прибавки. Спѣшить незачѣмъ, ибо, если Вы не умрете 23-го января [1]), то проживете еще очень долго.

5) Сами въ редакціи не посылайте. Въ редакціяхъ не читаютъ, ибо ежедневно приходятъ десятки пакетовъ съ прозой и стихами. Дѣйствуйте черезъ меня. Хоть я и медлителенъ, какъ медвѣдь, но все-таки надежнѣе..

6) Вообще намъ нужно о многомъ переговорить. Такъ, я долженъ мотивировать кое-какія поправки въ Вашихъ разсказахъ.. Напримѣръ, въ Вашемъ «Кто счастливѣй» начало совсѣмъ плохое.. Разсказъ драматиченъ, а Вы начинаете съ «застрѣлиться» въ самомъ юмористическомъ тонѣ. Потомъ, «истерическій смѣхъ» слишкомъ устарѣлый эффектъ.. Чѣмъ проще движенія, тѣмъ правдоподобнѣе и искреннѣй, а стало-быть

---

[1]) Предчувствіе адресатки.

и лучше.. Въ «Калошахъ» много ошибочекъ въ родѣ, «домъ № 49». Въ Москвѣ нумераціи въ адресахъ не существуютъ.. Возвращаясь къ предыдущему разсказу, упомяну кстати, что Лентовскій [1]) совсѣмъ неумѣстенъ. Онъ вовсе не такъ популяренъ въ Москвѣ, какъ у Алексѣя Сергѣевича, за что-то любящаго его.

7) Въ послѣднемъ разсказѣ около 200—250 строкъ.

Стало-быть, Ма-Па можетъ уже взять, буде угодно, десять (10) рублевъ.

Урааа! Караулъ!

Представьте, сейчасъ получилъ письмо изъ Петерб. Газеты. Соглашаются на прибавку бестіи и вмѣсто 7 коп. даютъ 12. Вотъ что значитъ терпѣніе, зубастость и нахальство! Кротостью ничего не возьмешь.. Съ радости даю Ма-Па 10 цѣлковыхъ. Она скачетъ въ театръ за билетами. Значитъ, мой доходъ увеличился на 80 р. въ мѣсяцъ.

Сережѣ и Василисѣ кланяется бѣдный Индѣйкинъ[2]). Онъ ждетъ отъ нихъ собственноручной критики. Если они почтятъ его вниманіемъ, то онъ не замедлитъ поднести имъ еще что-нибудь назидательное и иллюстрированное. Напишите Влад. Петр. [3]), что ему и его дѣтищу Пьесѣ Владиміровнѣ я желаю всяческихъ успѣховъ..... Извините за болтовню уважающаго Васъ и преданнаго

А. Чехова.

Однако, судя по первымъ опытамъ, можно ручаться, что черезъ 1—2 года Вы будете на прочной позиціи.

---

[1]) Московскій антрепренеръ.

[2]) Псевдонимъ А. П. на сказкѣ «Сапоги въ смятку».

[3]) В. П. Бегичевъ—отецъ адресатки, написавшій пьесу.

CXLI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

6 Ноябрь. (1886 г. Москва.)

Собираюсь жениться и завелъ себѣ жениховскую бумагу. Литера нѣсколько дубовата, но это не бѣда. Разминуться намъ не придется, уважаемый Николай Александровичъ, такъ какъ я выѣду изъ Москвы не позже 20-го и во всякомъ случаѣ не раньше Вашего отъѣзда изъ бѣлокаменной.

Въ предъидущемъ письмѣ я нарочно числа не выставилъ и держалъ пари съ самимъ собой, что Вы не оставите такого инцидента безъ вниманія. По моему, числа на письмахъ—предразсудокъ и излишнее украшеніе. Я понимаю числа на векселяхъ, дѣловыхъ статьяхъ и письмахъ, на счотахъ, распискахъ и проч., но въ письмѣ, которое идетъ до адресата только однѣ сутки, можно обходиться и безъ числа.

Да, Пальминъ переѣхалъ!!! Кочуетъ, какъ цыганъ.. Что за причина, не могу понять. Вѣроятно, на грѣхи родителей обреченъ блуждать по Москвѣ на манеръ вѣчнаго Жида.. Былъ вчера у меня и преподнесъ свой текстъ къ рисункамъ Буша и Кондена, московскаго псевдохудожника, выдающаго свои идіотскіе рисунки за бушевскіе..

Прощайте. Надо строчить въ газету.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника.)

86, XI, 6. (Москва.)

Многоуважаемый
Алексѣй Сергѣевичъ!

Вчера былъ у меня мой пріятель, поэтъ Л. И. Пальминъ и просилъ меня, какъ сотрудника «Новаго Времени», чтобы я походатайствовалъ у Васъ о библіографической замѣткѣ для его книги «Похожденія Идеалиста» (текстъ къ рисункамъ Буша), что я и исполняю. Пожелавъ Вамъ и Вашему семейству всякаго благополучія, пребываю искренно уважающимъ

А. Чеховъ.

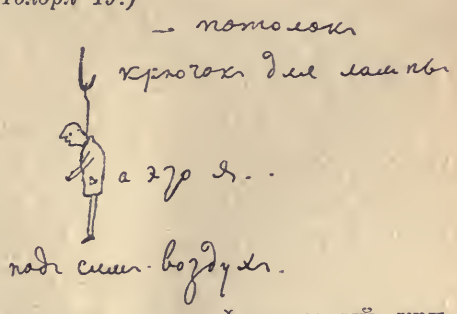
Книга послана Вамъ вчера.

CXLIII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г. Ноября 19.)



Если не трогаетъ Васъ это художественное изображеніе моей судьбы, то у Васъ нѣтъ сердца, Францъ Осиповичъ! Дѣло въ томъ, что фирма «Докторъ А. П. Чеховъ и К°» переживаетъ теперь финансовый кризисъ. Если Вы не дадите мнѣ до 1-го числа 25—50 р.

въ займы, то Вы безжалостный крокодилъ.. Что я честный человѣкъ, Вы можете узнать у Р...., гдѣ я всегда аккуратно плачу. Впрочемъ, если Вы мнѣ не вѣрите, то я дамъ Вамъ вексель, который Вы можете дисконтировать у Николая. Если Вы уѣдете въ Петербургъ, то и тогда у Васъ не пропала надежда получить съ меня долгъ: Вы получите его по телефону.. Если же къ тому времени не устроятъ телефона, то я дамъ Вамъ чекъ, по которому Вы получите во всякое время дня и ночи.. Въ случаѣ моей смерти, долгъ мой уплатитъ Вамъ, конечно, Николай, который, какъ Вы знаете, большой мастеръ платить долги. Завтра (20-го) къ 11—12 часамъ явится къ Вамъ мой младшій..... Миша. Онъ запоемъ не пьетъ, а потому можете довѣриться ему вполнѣ.

Въ общемъ—извините за безпокойство. Когда Богъ дастъ у Васъ не будетъ денегъ, я дамъ Вамъ въ займы... адресъ богатаго жида.

Я кончилъ. Пріѣзжайте къ намъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

22-го Ноября. (Или же, если запоздаетъ Агав[1]*)., 24-го) (1886 г. Москва.)*

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Прилагаемый транспортъ послужитъ отвѣтомъ на Ваше письмо.

Вы найдете и разсказы, и мелочи, и даже небольшую корректурку поэта Менделевича, непропущенную цензурой въ Новостяхъ Дня. Поэтъ просилъ меня переслать ее Вамъ, что я и дѣлаю. На Вашъ вопль

---

[1]) Агаооподъ. (Псевдонимъ Александра Павл.)

о пьянствѣ гг. Кобчика и Джока отвѣчу сице: меня поражаетъ и мутитъ эта кричащая распущенность! Не понимаю подобныхъ господъ. Тутъ день прогуляешь и то совѣсть мучаетъ, а они могутъ всю жизнь кутить.

Ну-съ, теперь полный и подробный отчетъ. Проводивъ Васъ, я тотчасъ же удралъ домой и завалился спать, оставивъ Пальмина и К° на вокзалѣ. Пили мы съ Вами, какъ крокодилы, какъ ихтіозавры, такъ что я до сихъ поръ никакъ не очнусь и удивляюсь своей крѣпости. Все ли Вы помните? Отъ Пальмина мы поѣхали къ Яру, отъ Яра ко мнѣ.. У меня Вы ночевали и утромъ не цѣломудренно поглядывали на Василису. За симъ Вы у меня пробыли весь день, обѣдали, закусывали музыкантской колбасой.. Вечеромъ мы поѣхали на вокзалъ, гдѣ опять пили.. Уфъ! Подробности:

1) Я взялъ у Васъ 25 рублей и на всякій случай далъ Вамъ свою карточку, въ коей написалъ сіе. Если карточка потеряна, или забыта Вами на вокзальномъ столѣ, то имѣйте сей § въ виду и дайте знать конторѣ.

2) Мы условились, что въ случаѣ, если у меня не будетъ къ сроку готовъ для О-овъ разсказъ, я буду увѣдомлять Васъ телеграммой.

3) Вы поручили брату, студенту Мишѣ, побывать у Петровскаго. Порученіе исполнено. Петровскій требуетъ 50% уступки. На меньшее не согласенъ. Подробности при свиданіи, а пока посылаю при семъ списокъ книгъ, которыя онъ выбралъ. Каждаго названія по 50 экземпляровъ.

Дальнѣйшее при свиданіи т.-е. 26—28 сего мѣсяца. Погода отвратительная. Грязь, мокрый снѣгъ и вѣтеръ. Вчера поздно вечеромъ я провожалъ на извощикѣ одну барышню и простудился. Кашель и насморкъ.

Послѣ Вашего отъѣзда я пилъ Hunyadi Janos. Послѣ сладкаго горькое.

Льщу себя надеждой, что въ декабрѣ я буду аккуратно присылать къ каждому №.

Какъ поживаетъ дочь станового?

Возьмите «Русскую Мысль» за октябрь и обратите вниманіе на журнальную хронику (разборъ журналовъ). Тамъ Вы увидите рецензію на разсказы, помѣщаемые въ «Природѣ и Охотѣ». Судя по выдержкамъ, авторы талантливы, но не сознаютъ этого. Одну выдержку, гдѣ описывается дрессировка, Вы прочтете съ громаднымъ удовольствіемъ. Пишу Вамъ сіе вотъ для чего: не найдете ли Вы цѣлесообразнымъ пригласить сотрудниковъ «Природы и Охоты» работать въ Осколкахъ? Фамиліи, которыя я уже забылъ, Вы найдете въ Русской Мысли, а приглашеніе можно будетъ сдѣлать черезъ редакцію Охоты. Свѣжіе люди! Вообще, я думаю, не слѣдуетъ никѣмъ пренебрегать.

Мать, сестра и братья кланяются Вамъ.

Прощайте и будьте здравы.

Вашъ *Чеховъ.*

CXLV

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

3 Декабрь (1886 г. Москва.)

Многоуважаемая
Марія Владиміровна!

Сегодня утромъ явился ко мнѣ нѣкій гусь отъ кн. Урусова и просилъ у меня небольшой разсказъ для охотничьяго журнала, издаваемаго онымъ княземъ. Конечно я отказалъ, какъ отказываю всѣмъ, прибѣгающимъ съ мольбами къ подножію моего пьедестала. Въ Россіи есть теперь двѣ недосягаемыя высоты: вершина Эльборуса и я.

Получивъ отказъ, княжескій посолъ сильно опечалился, едва не умеръ съ горя и въ концѣ-концовъ сталъ умолять меня рекомендовать ему писателей-беллетристовъ, знакомыхъ съ охотою. Я подумалъ и очень кстати вспомнилъ объ одной писательницѣ, которая мечтаетъ о монументѣ и вотъ ужъ годъ какъ больна отъ зависти къ моей литературной славѣ. Короче говоря, я далъ Вашъ адресъ и на дняхъ Вы получите приглашеніе прислать къ январю охотничій разсказъ, конечно, небольшой, полный поэзіи и всякихъ красотъ. Вы не разъ наблюдали охоту съ гончими, псковичей и проч. и Вамъ не трудно будетъ создать что-нибудь подходящее. Напримѣръ, Вы могли бы написать очеркъ «Иванъ Гавриловъ», или «Раненая лось»—въ послѣднемъ разсказѣ, если не забыли, охотники ранятъ лось, она глядитъ по человѣчьи и никто не рѣшается зарѣзать ее. Это недурной сюжетъ, но опасный въ томъ отношеніи, что трудно уберечься отъ сантиментальности; надо писать его протокольно, безъ жалкихъ словъ, и начать такъ: «Такого-то числа охотники ранили въ Дарагановскомъ лѣсу молодую лось»... А если пустите немножко слезы, то отнимете у сюжета его суровость и все то, что въ немъ достойно вниманія..

Я учу Васъ, какъ писать. Вы скажете: это дерзость! Пусть такъ. Вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе сознавать себя великимъ и злорадствовать надъ завистниками!

Въ случаѣ, если Урусовъ пришлетъ Вамъ приглашеніе и Вы согласитесь, то въ отвѣтномъ письмѣ не забудьте сдѣлать слѣдующій P. S. «Что касается моихъ условій, то для Вашего журнала я не буду дѣлать исключеній и возьму съ Васъ 80—100 руб. за листъ—обычный журнальный гонораръ».

Не пора ли Вамъ выздоравливать?

У меня форменная инфлуэнца.

Передайте мой сердечный привѣтъ Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ.

Душевно преданный

А. Чеховъ.

Вся моя фамилія кланяется.

CXLVI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

Восьмого Декабря, 86 г. (Москва.)

Это письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, пойдетъ сегодня съ курьерскимъ и будетъ получено Вами задолго до обѣда. Оно принесетъ съ собой: а) мой разсказъ, б) разсказъ Агаѳопода и с) мою шестиэтажную, повышенную въ квадратъ благодарность за гостепріимство, коимъ я и meine Schwester пользовались, живя подъ покровомъ Н. А. Лейкина и Прасковьи Никифоровны. Спасибо 1000 разъ.

Получено отъ Васъ 2 письма.

Прѣснову книги отнесены; Васильевъ и . . . . Васъ Печковская получили по вывѣскѣ. Николай взялъ тему, Левитанъ [1]) же, которому я послалъ письмо, до сихъ поръ не былъ у меня. Сегодня ему послано другое письмо черезъ его брата.

На счотъ праздничныхъ сроковъ я намоталъ себѣ на усъ, давъ прочитать Ваше письмо и Агаѳоподу.

Языческій богъ [2]) у меня еще не былъ, а потому и деньги ему еще не отданы. Въ субботу, когда я приглашалъ его къ себѣ, онъ кутилъ у Пастухова на именинахъ. Жду его къ себѣ со дня на день.

---

[1]) Адольфъ Ильичъ.

[2]) Л. И. Пальминъ.

Ваши припадки берутъ свое начало отъ невровъ. (у Васъ вѣдь не нервы, а невры). Нужно отдыхать, т.-е. послать къ черту безпокойную кредитку и отдаться всецѣло литературѣ. Нельзя безнаказанно служить десяти богамъ сразу.

Вы были правы: Николай не посылалъ Вамъ рисунка. Онъ только *хотѣлъ* послать. Почтеніе Апелю Крысычу и Рогуліи Васильевнѣ съ просьбой приготовить мнѣ. . . . . одного барбосика попородистѣй..

Погода у насъ занимается проституціей. Хуже всякой пьяной бабы. . . . . .Тифозно!

Въ заключеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ большой реверансъ.

Сестра и всѣ наши Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Сажусь строчить въ Новое Время.

CXLVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

86, XII, 13. (Москва.)

Вы меня жестоко обижаете, попрекая меня Яшенькой, m-me С. и проч. Неужели Вамъ неизвѣстно, что я давно уже отказался отъ суеты мірской, отъ земныхъ наслажденій и весь отдался медицинѣ и литературѣ? Благонамѣреннѣе и степеннѣе меня трудно найти человѣка во всемъ свѣтѣ. Я такъ полагаю, что даже архимандритъ Веніаминъ грѣшнѣе меня. Даже воспоминанія объ Екатеринѣ Васильевнѣ не ласкаютъ моего воображенія.

«Злая месть»—моя опечатка. Осталась «Злая шутка».

Надѣюсь, что хоть на страшномъ судѣ мнѣ простится Анна Павловна. Ей Богу, я не виноватъ!

Съ Вашего позволенія изъ 2-хъ послѣднихъ писемъ Вашихъ къ сестрѣ я выкрадываю для своихъ разсказовъ два описанія погоды. Замѣчательно, у Васъ совсѣмъ мужская манера писать. Въ каждой строкѣ (гдѣ только дѣло не касается дѣтей) Вы—мужчина. Конечно, это должно льстить Вашему самолюбію, такъ какъ, говоря вообще, мужчины въ 1000 разъ выше и лучше женщинъ.

Въ Питерѣ я отдыхалъ т.-е. цѣлые дни рыскалъ по городу, дѣлая визиты и выслушивая комплименты, которыхъ не терпитъ душа моя. Увы и ахъ! Въ Питерѣ я становлюсь моднымъ, какъ Нана. Въ то время, когда серьезнаго Короленко едва знаютъ редакторы, мою дребедень читаетъ весь Питеръ. Даже сенаторъ Г. читаетъ.. Для меня это лестно, но мое литературное чувство оскорблено.. Мнѣ дѣлается неловко за публику, которая ухаживаетъ за литературными болонками только потому, что не умѣетъ замѣчать слоновъ, и я глубоко вѣрую, что меня ни одна собака знать не будетъ, когда я стану работать серьезно..

Надежда Владиміровна [1]), у которой я ужиналъ, похудѣла. Владиміръ Петровичъ [2]) тоже похудѣлъ. Очевидно, Питеръ не располагаетъ къ ожирѣнію.

Ма-Па въ восторгѣ отъ поѣздки. Еще бы! Въ вагонѣ за ней ухаживали поручики, а въ Питерѣ съ ней возились, какъ съ королевой Помаре. Кушала она на каждой станціи..

Два раза былъ у насъ Вашъ братъ. Жаловался, что не застаетъ дома Кондратьева [3]). Въ случаѣ, если Кондратьевъ ничего не сдѣлаетъ, можно будетъ пустить въ ходъ Шехтеля, большого пріятеля Лентовскаго.

---

[1]) Голубева, сестра М. В. Киселевой.

[2]) Бегичевъ.

[3]) А. М. Кондратьевъ—режиссеръ Имп. Моск. Малаго театра.

Поклонъ Алексѣю Сергѣевичу, Истрѣ, Дараганов-скому лѣсу, Сергѣю и Василисѣ.

Что подѣлываетъ фальшивый монетчикъ? [1])

Въ концѣ-концовъ, пожелавъ всей Вашей семьѣ благъ земныхъ, пребываю уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

CXLVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

14-го Дек. (1886 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, разсказъ и мелочишку. Еще на одну недѣлю я обезпечилъ себя отъ упрековъ въ неаккуратности!

Левитанъ взялъ тему. Николай тоже. Когда они кончатъ работу, мнѣ не извѣстно. Левитанъ, вѣроятно, уже послалъ Вамъ рисунокъ, а Николай обѣщалъ послать...

Вчера я былъ у языческаго бога. Онъ еще не переѣхалъ на новую квартиру и въ январѣ собирается ѣхать въ Петербургъ. Богиня вѣроятно пуститъ его, такъ какъ не протестуетъ.

Худековъ у меня не былъ. Кстати: скажите Буйлову, чтобы онъ печаталъ объявленіе о моей книгѣ. Кромѣ Новостей Дня нѣтъ нигдѣ объявленія. Безъ рекламы книга не можетъ идти.

У насъ санный путь, настолько приличный, что я ѣздилъ въ Стрѣльну.

Не знаю, пришлю ли я Вамъ къ 21-му святочный разсказъ. Да и нуженъ ли онъ Вамъ? Вы говорили мнѣ, что у Васъ уже есть святочный разсказъ Юши.

Видали Агаѳопода?

---

[1]) Собака Киселева, глядѣвшая исподлобья и прозванная Ант. П-чемъ фальшивымъ монетчикомъ.

Засимъ, пожелавъ Вашему массажисту успѣха и поклонившись Вамъ, пребываю Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ отъ сестры Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедюхѣ.

Если сынъ Апеля не будетъ походить на своихъ родителей, то я его, конечно, не возьму. Мнѣ нужна копія Апеля, а ублюдки и въ Москвѣ есть.

Сіе письмо пойдетъ заказнымъ. Значитъ, Вы получите его во вторникъ вечеромъ.

CXLIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника.)

86, XII, 21. (Москва.)

Уважаемый
Алексѣй Сергѣевичъ!

Святочный разсказъ я началъ 2 недѣли тому назадъ и никакъ не кончу. Нечистая сила натолкнула меня на тему, съ которой я никакъ не справлюсь. За 2 недѣли я успѣлъ привыкнуть и къ темѣ, и къ разсказу и теперь не понимаю, что въ немъ хорошо, что худо. Просто бѣда! Завтра, надѣюсь, я кончу его и пошлю Вамъ. Вы получите его 24-го въ третьемъ часу дня.

Если взглянете на разсказъ, то поймете потуги, съ какими онъ писанъ, и извините за то, что я опоздалъ и не сдержалъ даннаго обѣщанія.

Поздравляю Васъ и Ваше семейство съ наступающими праздниками и желаю всего хорошаго.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

P. S. Мнѣ Бѣжецкій положительно нравится. Ранѣе я имѣлъ о немъ понятіе только по «Перчаткѣ» и дорож-

нымъ фельетонамъ, но теперь, когда Вы подарили мнѣ его книгу и я прочелъ «Военныхъ», я рѣшительно не понимаю, почему онъ не популяренъ. Его «Разстрѣлянный» гораздо лучше Тургеневскаго «Жида», а судя по остальнымъ разсказамъ, онъ, если бы захотѣлъ, былъ бы тѣмъ, чего у насъ на Руси не достаетъ, т.-е. военнымъ писателемъ-художникомъ. Кромѣ «Рай Магомета» всѣ остальные не военные разсказы его слабы. Онъ интересенъ, завлекателенъ и, выражаясь по женски, милъ.

CL.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

24 Декабря. (Москва. 1886 г.)

Прежде всего, по христіанскому обычаю, добрѣйшій Николай Александровичъ, поздравляю Васъ и Ваше семейство съ праздникомъ и съ наступающимъ Новымъ годомъ. Совокупно съ поздравленіемъ шлю массу пожеланій. Желаю денегъ, жирныхъ индюковъ, породистыхъ щенятъ, маленькаго живота, остроумныхъ прозаиковъ и грамотныхъ поэтовъ.

За декабрь я послалъ Вамъ 3 разсказа и 3 письма. Получили? Вообще петербуржцы въ высшей степени не аккуратный народъ: не отвѣчаютъ на письма. Не мѣшало бы Вамъ брать примѣръ съ москвичей.

Въ настоящее время я изображаю изъ себя человѣка обалдѣлаго и замученнаго. *Три* недѣли выжималъ я изъ себя святочный разсказъ для Новаго Времени, пять разъ начиналъ, столько же разъ зачеркивалъ, плевалъ, рвалъ, металъ, бранился и кончилъ тѣмъ, что опоздалъ и послалъ Суворину плохую тянучку, которая вѣроятно полетитъ въ трубу. Такъ мучился, что и тысячи цѣлко-

выхъ гонорара мало.. Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не вѣрю своимъ глазамъ, что я отдыхаю.....

Читалъ разсказъ новаго сотрудника Кулакова. Мнѣ кажется, онъ можетъ писать и ужъ достаточно насобачился. Не понравилось мнѣ, что онъ дебютировалъ съ пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяныхъ словечекъ—есть нѣкотораго рода цинизмъ. Нѣтъ ничего легче, какъ выѣзжать на пьяныхъ..

Видались съ Агаѳоподомъ?

Отчего это Вы меня печатаете въ нижнемъ этажѣ, въ фельетонѣ? Мнѣ это лестно, хотя съ другой стороны...[1]) въ прежніе годы такая честь мнѣ всякій разъ обходилась въ 2—3 рубля, такъ какъ Викторъ Викторовичъ почему-то фельетонные разсказы разсчитывалъ по 7 коп.

Кстати: будьте благодѣтелемъ, распорядитесь, чтобы я получилъ свой гонораръ *не позже* 31-го Декабря. Честное слово, я нищъ. Весь декабрь не работалъ у Суворина и теперь не знаю, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Извините, что нарушаю законы Вашей бухгалтеріи, но.. что дѣлать?

Получили отъ Николая рисунокъ?

Погода у насъ безнравственная, бленорейная. 3 градуса тепла. Санный путь перестаетъ быть саннымъ.

Прощайте и будьте здравы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLI.

Н. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1886 г.)

Ты часто жаловался мнѣ, что тебя «не понимаютъ!!» На это даже Гете и Ньютонъ не жаловались.. Жаловался только Христосъ, но тотъ говорилъ не о своемъ «я»,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

а о своемъ ученіи.. Тебя отлично понимаютъ.. Если же ты самъ себя не понимаешь, то это не вина другихъ..

Увѣряю тебя, что, какъ братъ и близкій къ тебѣ человѣкъ, я тебя понимаю и отъ всей души тебѣ сочувствую.. Всѣ твои хорошія качества я знаю, какъ свои пять пальцевъ, цѣню ихъ и отношусь къ нимъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Я, если хочешь, въ доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По моему, ты добръ до тряпичности, великодушенъ. не эгоистъ, подѣляешься послѣдней копѣйкой, искрененъ; ты чуждъ зависти и ненависти, простодушенъ, жалѣешь людей и животныхъ, не ехиденъ, не злопамятенъ, довѣрчивъ.. Ты одаренъ свыше тѣмъ, чего нѣтъ у другихъ: у тебя талантъ. Этотъ талантъ ставитъ тебя выше милліоновъ людей, ибо на землѣ одинъ художникъ приходится только на 2000000.. Талантъ ставитъ тебя въ обособленное положеніе: будь ты жабой, или тарантуломъ, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту все прощается.

Недостатокъ же у тебя только одинъ. Въ немъ и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катаръ кишекъ. Это— твоя крайняя невоспитанность. Извини пожалуста, но veritas magis amicitiae.. Дѣло въ томъ, что жизнь имѣетъ свои условія.. Чтобы чувствовать себя въ своей тарелкѣ въ интеллигентной средѣ, чтобы не быть среди нея чужимъ и самому не тяготиться ею, нужно быть извѣстнымъ образомъ воспитаннымъ.. Талантъ занесъ тебя въ эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебя тянетъ отъ нея и тебѣ приходится балансировать между культурной публикой и жильцами vis-a-vis.

Воспитанные люди, по моему мнѣнію, должны удовлетворять слѣд. условіямъ:

1) Они уважаютъ человѣческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вѣжливы, уступчивы. Они не бунтуютъ изъ-за молотка или пропавшей ре-

зинки; живя съ кѣмъ-нибудь, они не дѣлаютъ изъ этого одолженія, а уходя не говорятъ: съ вами жить нельзя! Они прощаютъ и шумъ, и холодъ, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствіе въ ихъ жильѣ постороннихъ..

2) Они сострадательны не къ однимъ только нищимъ и кошкамъ. Они болѣютъ душой и отъ того, чего не увидишь простымъ глазомъ..... Они ночей не спятъ, чтобы помогать П....., платить за братьевъ-студентовъ, одѣвать мать..

3) Они уважаютъ чужую собственность, а потому и платятъ долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, какъ огня. Не лгутъ они даже въ пустякахъ. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляетъ въ его глазахъ говорящаго. Они не рисуются, держатъ себя на улицѣ такъ же, какъ дома, не пускаютъ пыли въ глаза меньшей братіи.. Они не болтливы и не лѣзутъ съ откровенностями, когда ихъ не спрашиваютъ.. Изъ уваженія къ чужимъ ушамъ, они чаще молчатъ.

5) Они не уничижаютъ себя съ тою цѣлью, чтобы вызвать въ другомъ сочувствіе. Они не играютъ на струнахъ чужихъ душъ, чтобъ въ отвѣтъ имъ вздыхали и нянчились съ ними. Они не говорятъ: «меня не понимаютъ!» или «Я размѣнялся на мелкую монету!»,... потому что все это бьетъ на дешовый эффектъ, пошло, старо, фальшиво..

6) Они не суетны. Ихъ не занимаютъ такіе фальшивые бриліанты, какъ знакомства съ знаменитостями, рукопожатіе пьянаго П., восторгъ встрѣчнаго въ Salon'ѣ, извѣстность по портернымъ.. Они смѣются надъ фразой:—«Я представитель печати!!», которая къ лицу только Р. и Л. Дѣлая на грошъ, они не носятся съ своей папкой на сто рублей, и не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ пустили туда, куда другихъ не пустили.. Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, въ толпѣ, подальше

отъ выставки.. Даже Крыловъ сказалъ, что пустую бочку слышнѣе, чѣмъ полную..

7) Если они имѣютъ въ себѣ талантъ, то уважаютъ его. Они жертвуютъ для него покоемъ, женщинами, виномъ, суетой.. Они горды своимъ талантомъ....., сознавая, что они призваны не жить съ ними, а воспитывающе вліять на нихъ. Къ тому же они брезгливы..

8) Они воспитываютъ въ себѣ эстетику. Они не могутъ уснуть въ одеждѣ, видѣть на стѣнѣ щели съ клопами, дышать дряннымъ воздухомъ, шагать по оплеванному полу, питаться изъ керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинктъ....., Имъ нужны отъ женщины не постель, не лошадиный потъ,..... не умъ, выражающійся въ умѣньи..... и лгать безъ устали.. Имъ, особливо художникамъ, нужны свѣжесть, изящество, человѣчность, способность быть не...., а матерью.. Они не трескаютъ походя водку, не нюхаютъ шкафовъ, ибо они знаютъ, что они не свиньи. Пьютъ они только, когда свободны, при случаѣ.. Ибо имъ нужна mens sana in corpore sano.

И т. д. Таковы воспитанные.. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, не достаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монологъ изъ Фауста. Недостаточно сѣсть на извозчика и поѣхать на Якиманку, чтобы черезъ недѣлю удрать оттуда..

Тутъ нужны безпрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля.. Тутъ дорогъ каждый часъ...

Поѣздки на Якиманку и обратно не помогутъ. Надо смѣло плюнуть и рѣзко рвануть.. Иди къ намъ, разбей графинъ съ водкой и ложись читать.. хотя бы Тургенева, котораго ты не читалъ..

....самолюбіе надо бросить, ибо ты не маленькій.. 30 лѣтъ скоро! Пора!

Жду.. Всѣ мы ждемъ...

Твой *А. Чеховъ.*

CLII.

А. А. Киселевой[1]).

(Москва. 1887 г. Января 8.)

8 Января

Милостивая Государыня
Василиса Пантелевна,
Честь имѣю поздравить Васъ съ
днемъ Ангела и пожелать Вамъ
Многихъ предбудущихъ въ Добромъ
здоровьи и Благополучи, а также Ро
дителямъ Вашимъ.
Посылаю Вамъ изъ глубины Души
слѣдующе подарки:
1) Ножницы для отрѣзыванія мышамъ
и воробьямъ хвостиковъ
2) Два пера для писанія стиховъ: одно
перо для плохихъ стиховъ, А другое
для хорошихъ
3) Рамку для портрета какой ни
будь Кари
4) Висюльку изъ чистаго серебра
полученную много Въ подарокъ отъ

---

[1]) Тогда дѣвочка Саша, дочь Киселевыхъ, владѣльцевъ Бабкина, прозванная А. П. въ шутку Василисой Пантелевной,

знаменитой Дѣтской писательницы

5) Большой Ящикъ почтовой бумаги съ фіалками для писанія писемъ къ Мышечкѣ въ шапочкѣ, мышечкѣ безъ шапочки и прочимъ милкопитающимся обоего пола

6) Sachet, которое прошу Васъ убѣдительно положить въ Почтовую бумагу, чтобы она пахла

7) Номеръ Славянской Газеты для чтенія натощакъ

8) Древняго Исторіго съ Рисунками; изъ Этой Исторіи видно, что и въ древности жили дураки, Ослы и Мерзавцы

9) Больше Подарковъ нѣтъ. Потратившись на подарки и находясь поэтому безъ Всякихъ средствъ къ существованію, Прошу

за что звала его Василіемъ Макарычемъ. Вообще А. П. очень любилъ дѣтей и относился къ нимъ съ рѣдкой любовью. Настоящее письмо было умышленно написано особымъ почеркомъ, съ кляксами, размазанными чернилами. Здѣсь воспроизводится его факсимиле.

Васъ выслать Мнѣ денегъ. А ес
ли у Васъ денегъ нѣтъ, то укра
дьте у Папаши и пришлите
мнѣ
С истиннымъ Почтеніемъ имѣю
честь быть Вашъ покорнѣй
шій Слуга
Василій Макарьевъ

Простите, что письмо
написано такъ небрежно. Это
отъ Волненія

CLIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

12-го января. Татьянинъ день. (1887 г. Москва.)

Добрѣйшій
Николай Александровичъ!

Не велите казнить, но велите слово вымолвить. Три недѣли не писалъ Вамъ письма, мечтая написать оное при транспортѣ, но увы! вижу, что приходится посылать письмо въ одиночку, вдовымъ и сирымъ.. Опять я не шлю разсказа.. Что сей сонъ значитъ, я и самъ не знаю.. Моя голова совсѣмъ отбилась отъ рукъ и отказывается сочинительствовать.. Всѣ праздники я жилился, напрягалъ мозги, пыхтѣлъ, сопѣлъ, разъ сто садился писать, но все время изъ-подъ моего «бойкаго» пера выливались или длинноты, или кислоты, или тошноты, которыя не годятся для Осколковъ и такъ плохи, что я не рѣшался посылать ихъ Вамъ, дабы не конфузить своей фамиліи.

Въ Новое Время я не посылалъ *ни одного* разсказа, въ Газету кое-какъ смерекалъ 2 разсказа, и на какіе шиши я буду жить въ февралѣ, Богъ вѣсть.. Вы вообще скептикъ и не вѣрите въ немощи человѣческія, но увѣряю Васъ честнѣйшимъ словомъ, вчера отъ утра до ночи, весь день я промаялся надъ разсказомъ для Осколковъ, потерялъ время и легъ спать, не написавъ странички.. О лѣности или нежеланіи, не можетъ быть и рѣчи.. Если Вы будете негодовать и браниться, то будете не правы. Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія!

Съ Новымъ годомъ я уже поздравлялъ Васъ. Что у Васъ новаго? Какъ идетъ подписка?

Языческаго бога я не видѣлъ съ самаго декабря.

Почему Суворинъ не напечаталъ его стиховъ, я рѣшительно не понимаю. Стихи я читалъ и они мнѣ очень понравились. Простите, сейчасъ сдѣлалъ кляксу; въ чернильницѣ завелись у меня коховскія запятыя, бациллы и микрококки, свившія тамъ цѣлое гнѣздо..

Праздники въ Москвѣ прошли шумно. По крайней мѣрѣ я не имѣлъ ни одного покойнаго дня: гости, съѣздъ врачей, длинные разговоры и проч.. Все время мой кабинетъ брался приступомъ, чѣмъ я отчасти и объясняю свои неудачи на литературномъ поприщѣ.

Между прочимъ былъ у меня А. Грузинскій. Повидимому, это очень порядочный человѣкъ. Онъ молчаливъ, какъ Викторъ Викторовичъ [1]), но и сквозь молчаніе иногда можно бываетъ разглядѣть человѣка.

Если увидите Буйлова, то не забудьте сказать ему, чтобы онъ выслалъ мнѣ Газету съ перваго №. Я не получаю.

Напрасно Осколки отвѣчали Наблюдателю. Отвѣчать, пожалуй, можно только съ рекламными цѣлями, но заступаться и защищаться—это не совсѣмъ ловко.

Теперь о щекотливомъ. Счотъ дружбы не портитъ, а посему беру на себя смѣлость написать нижеслѣдующее. Въ виду того, что для «Осколковъ» я начинаю терять цѣну, какъ постоянный, исправный и аккуратный сотрудникъ, въ виду того, что даже въ разгаръ литературной энергіи мнѣ приходится пропускать по 1—2 № почти въ каждомъ мѣсяцѣ, было бы справедливымъ упразднить добавочныя. Не правда ли? Согласитесь со мной и сдѣлайте подобающее распоряженіе. Я буду работать по прежнему, стараясь не пропускать ни одной недѣли, но не могу ручаться, что случаи обалдѣнія уже

---

[1]) Билибинъ.

не будутъ повторяться. Будутъ и волки сыты, и овцы цѣлы, когда останется одна только построчная плата; я же не понесу убытка, если эта плата будетъ регулирована...

Ждемъ Васъ и Прасковью Никифоровну къ 17-му [1]). Помните, что 17-го въ часъ дня у меня пирогъ.

А за симъ будьте здоровы.

Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Въ видахъ экономіи, въ посылаемыхъ мною телеграммахъ фразу «Разсказа не будетъ», я замѣняю однимъ словомъ «нѣтъ». По сему если получите телеграмму «Нѣтъ. Чеховъ», то это будетъ значитъ, что разсказъ не написанъ. Пишите.

CLIV.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

14-го Янв. (1887 г. Москва.)

Вашъ Ларька [2]) очень милъ, уважаемая Марія Владиміровна; есть шероховатости, но краткость и мужская манера разсказа все окупаетъ. Не желая выступать единоличнымъ судьею Вашего дѣтища, я посылаю его для прочтенія Суворину, человѣку весьма понимающему. Мнѣніе его сообщу Вамъ своевременно.. Теперь же позвольте отгрызнуться на Вашу критику.. Даже Ваша похвала «На пути» не смягчила моего авторскаго гнѣва и я спѣшу отмстить за «Тину» [3]). Берегитесь и, чтобы

---

[1]) 17-го января именины А. П.

[2]) Разсказъ адресатки.

[3]) «Новое Время» № 3832. (1886 г.)

не упасть въ обморокъ, возьмитесь покрѣпче за спинку стула. Ну, начинаю...

Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встрѣчаютъ молчаливымъ поклономъ—таковъ литературный этикетъ.. Отвѣчать не принято и всѣхъ отвѣчающихъ справедливо упрекаютъ въ чрезмѣрномъ самолюбіи. Но такъ какъ Ваша критика носитъ характеръ «бесѣды вечеромъ на крылечкѣ бабкинскаго флигеля, или на террасѣ господскаго дома, въ присутствіи Ма-Па, фальш. монетчика и Левитана» и такъ какъ она, минуя литературныя стороны разсказа, переноситъ вопросъ на общую почву, то я не согрѣшу противъ этикета, если позволю себѣ продолжить нашу бесѣду.

Прежде всего, я такъ же, какъ и Вы, не люблю литературы того направленія, о которомъ у насъ съ Вами идетъ рѣчь. Какъ читатель и обыватель, я охотно сторонюсь отъ нея, но если Вы спросите моего честнаго и искренняго мнѣнія о ней, то я скажу, что вопросъ о ея правѣ на существованіе еще открытъ и не рѣшенъ никѣмъ, хотя Ольга Андреевна [1]) и думаетъ, что рѣшила его. У меня, и у Васъ, и у критиковъ всего міра нѣтъ никакихъ прочныхъ данныхъ, чтобы имѣть право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто правъ: Гомеръ, Шекспиръ, Лопе-де-Вега, вообще древніе, не боявшіеся рыться въ «навозной кучѣ», но бывшіе гораздо устойчивѣе насъ въ нравственномъ отношеніи, или же современные писатели, чопорные на бумагѣ, но холодно-циничные въ душѣ и въ жизни? Я не знаю, у кого плохой вкусъ: у грековъ ли, которые не стыдились воспѣвать любовь такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ въ прекрасной природѣ, или же у читателей Габоріо, Марлита,

---

[1]) Г-жа Голохвастова.

Пьера Бобо [1])? Подобно вопросамъ о непротивленіи злу, свободѣ воли и проч., этотъ вопросъ можетъ быть рѣшонъ только въ будущемъ. Мы же можемъ только упоминать о немъ, рѣшать же его—значитъ выходить изъ предѣловъ нашей компетенціи. Ссылка на Тургенева и Толстого, избѣгавшихъ «навозную кучу», не поясняетъ этого вопроса. Ихъ брезгливость ничего не доказываетъ; вѣдь было же раньше нихъ поколѣніе писателей, считавшее грязью не только «негодяевъ съ негодяйками», но даже и описанія мужиковъ и чиновниковъ ниже титулярнаго. Да и одинъ періодъ, какъ бы онъ ни былъ цвѣтущъ, не даетъ намъ права дѣлать выводъ въ пользу того или другого направленія. Ссылка на развращающее вліяніе названнаго направленія тоже не рѣшаетъ вопроса. Все на этомъ свѣтѣ относительно и приблизительно. Есть люди, которыхъ развратитъ даже дѣтская литература, которые съ особеннымъ удовольствіемъ прочитываютъ въ псалтырѣ и въ притчахъ Соломона пикантныя мѣстечки, есть же и такіе, которые чѣмъ больше знакомятся съ житейской грязью, тѣмъ становятся чище. Публицисты, юристы и врачи, посвященные во всѣ тайны человѣческаго грѣха, не извѣстны за безнравственныхъ; писатели-реалисты чаще всего бываютъ нравственнѣе архимандритовъ. Да и въ концѣ-концовъ никакая литература не можетъ своимъ цинизмомъ перещеголять дѣйствительную жизнь; одною рюмкою Вы не напоите пьянымъ того, кто уже выпилъ цѣлую бочку.

2) Что міръ «кишитъ негодяями и негодяйками», это правда. Человѣческая природа несовершенна, а потому странно было бы видѣть на землѣ однихъ только праведниковъ. Думать же, что на обязанности литературы лежитъ выкапывать изъ кучи негодяевъ «зерно»,

---

[1]) П. Д. Боборыкинъ.

значитъ отрицать самое литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисуетъ жизнь такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Ея назначеніе—правда безусловная и честная. Съуживать ея функціи такою спеціальностью, какъ добываніе «зеренъ», такъ же для нея смертельно, какъ если бы Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказавъ ему не трогать грязной коры и пожелтѣвшей листвы. Я согласенъ, «зерно» хорошая штука, но вѣдь литераторъ не кондиторъ, не косметикъ, не увеселитель; онъ человѣкъ обязанный, законтрактованный сознаніемъ своего долга и совѣстью; взявшись за гужъ, онъ не долженъ говорить, что не дюжъ, и какъ ему ни жутко, онъ обязанъ бороть свою брезгливость, марать свое воображеніе грязью жизни.. Онъ тоже, что и всякій простой корреспондентъ. Что бы Вы сказали, если бы корреспондентъ изъ чувства брезгливости, или изъ желанія доставить удовольствіе читателямъ, описывалъ бы однихъ только честныхъ городскихъ головъ, возвышенныхъ барынь и добродѣтельныхъ желѣзнодорожниковъ?

Для химиковъ на землѣ нѣтъ ничего нечистаго. Литераторъ долженъ быть такъ же объективенъ, какъ химикъ; онъ долженъ отрѣшиться отъ житейской субъективности и знать, что навозныя кучи въ пейзажѣ играютъ очень почтенную роль, а злыя страсти такъ же присущи жизни, какъ и добрыя.

3) Литераторы—сыны вѣка своего, а потому, какъ и вся прочая публика, должны подчиняться внѣшнимъ условіямъ общежитія. Такъ, они должны быть безусловно приличны. Только это мы и имѣемъ право требовать отъ реалистовъ. Впрочемъ, противъ исполненія и формы «Типы» Вы ничего не говорите.. Стало быть, я былъ приличенъ.

4) Я, каюсь, рѣдко бесѣдую со своею совѣстью, когда пишу. Объясняется это привычкою и мелкостью работы. А посему, когда я излагаю то или другое мнѣніе о литературѣ, себя въ разсчетъ я не беру.

5) Вы пишете: «Будь я редакторомъ, я для Вашей же пользы вернула бы Вамъ этотъ фельетонъ». Отчего же не идти и далѣе? Отчего не взять на цугундеръ и самихъ редакторовъ, печатающихъ такіе разсказы? Почему бы не объявить строгій выговоръ и Главному Управленію по дѣламъ печати, не запрещающему безнравственныхъ газетъ?

Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы ее отдали на произволъ личныхъ взглядовъ. Это разъ. Во-вторыхъ, нѣтъ той полиціи, которая считала бы себя компетентной въ дѣлахъ литературы. Я согласенъ, безъ обуздыванія и палки нельзя, ибо и въ литературу заползаютъ шулера, но, какъ ни думайте, лучшей полиціи не изобрѣтете для литературы, какъ критика и собственная совѣсть авторовъ. Вѣдь съ сотворенія міра изобрѣтаютъ, но лучшаго ничего не изобрѣли..

Вы вотъ желали бы, чтобы я потерпѣлъ убытку на 115 рублей и чтобы редакторъ учинилъ мнѣ конфузъ. Другіе, въ томъ числѣ и Вашъ отецъ, въ восторгѣ отъ разсказа. Четвертые шлютъ Суворину ругательныя письма, понося всячески и газету, и меня и т. д. Кто же правъ? Кто истинный судья?

6) Далѣе Вы пишете: «предоставьте писать подобное разнымъ нищимъ духомъ и обездоленнымъ судьбою писакамъ, какъ то: Окрейцъ, Pince-nez [1]), Aloe..» [2]). Да проститъ Вамъ Аллахъ, если Вы искренно писали эти

---

[1]) Псевдонимъ адресатки.

[2]) Псевдонимъ Ал. Павл. Чехова.

строки! Снисходительно-презрительный тонъ по отношенію къ маленькимъ людямъ за то только, что они маленькіе, не дѣлаетъ чести человѣческому сердцу. Въ литературѣ маленькіе чины такъ же необходимы, какъ и въ арміи—такъ говоритъ голова, а сердце должно говорить еще больше..

Уфъ! Утомилъ я Васъ своей тянучкой.. Если бъ зналъ, что критика выйдетъ такой длинной, не сталъ бы писать.. Простите, пожалуста!

Мы пріѣдемъ. Хотѣли ѣхать 5-го, но.. помѣшалъ съѣздъ врачей; за симъ помѣшалъ Татьянинъ день, а 17-го у насъ вечеръ: «онъ» [1]) именинникъ!! Блистательный балъ съ....., индѣйками и Яшеньками. Послѣ 17-го назначимъ день для поѣздки въ Бабкино..

Вы читали мое «На пути» [2]).. Ну, какъ Вамъ нравится моя храбрость? Пишу объ «умномъ» и не боюсь. Въ Питерѣ произвелъ трескучій фуроръ. Нѣсколько ранѣе трактовалъ о «непротивленіи злу» и тоже удивилъ публику. Въ новогоднихъ нумерахъ всѣ газеты поднесли мнѣ комплиментъ, а въ декабрьской книгѣ «Русскаго Богатства», гдѣ печатается Левъ Толстой, есть статья Оболенскаго (два печатныхъ листа) подъ заглавіемъ «Чеховъ и Короленко». Малый восторгается мной и доказываетъ, что я больше художникъ, чѣмъ Короленко.. Вѣроятно, онъ вретъ, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, непечатавшій въ толстыхъ журналахъ, писавшій газетную дрянь, завоевалъ вниманіе вислоухихъ критиковъ—такого примѣра еще не было.. «Наблюдатель» выругалъ меня—и досталось же ему за это! Въ концѣ 86-го года я чувствовалъ себя костью, которую бросили собакамъ..

---

[1]) Самъ Антонъ Павловичъ.

[2]) «Новое Время» № 3889. (1886 г.)

Пьеса Влад. Петровича [1]) печатается въ Театр. Библіотекѣ, откуда будетъ разослана по всѣмъ большимъ городамъ.

Я написалъ пьесу [2]) на 4-хъ четвертушкахъ. Играться она будетъ 15—20 минутъ. Самая маленькая драма во всемъ мірѣ. Играть въ ней будетъ извѣстный Давыдовъ, служащій теперь у Корша. Печатается она въ «Сезонѣ» [3]), а посему всюду разойдется. Вообще маленькія вещи гораздо лучше писать, чѣмъ большія: претензій мало, а успѣхъ есть... что же еще нужно? Драму свою писалъ я 1 часъ и 5 минутъ. Началъ другую, но не кончилъ, ибо некогда.

Алексѣю Сергѣевичу напишу, когда онъ вернется изъ Волоколамска.. Поклонъ всѣмъ нижайшій. Вы, конечно, простите, что я пишу Вамъ такое длинное письмо.

Рука разбѣжалась..

Поздравляю Сашу и Сергѣя съ Новымъ годомъ.

Получаетъ Сережа «Вокругъ Свѣта»?

Преданный и уважающій

А. Чеховъ.

CLV.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Январь 15.)

«Злодѣй, ты побѣжденъ!»

Это можете пѣть Вы вмѣстѣ съ Зибелемъ по моему адресу. Дѣйствительно, акта не было, и я проигралъ пари. Впрочемъ, обѣдня въ университ. церкви была.

---

[1]) В. П. Бегичева, отца адресатки.

[2]) «Калхасъ» (впослѣдствіи «Лебединая пѣсня».)

[3]) Сборникъ Кичеева.

Татьяна прошла скучно и скудно. Денегъ нѣтъ, пить не съ кѣмъ, все вяло, блѣдно и натянуто.

Передайте Маріи Владиміровнѣ [1]), что «униженіе паче гордости». Если бы ея разсказъ былъ плохъ, то Сысоева [2]) не стала бы скрывать этого въ письмѣ на мое имя. И я бы не сталъ лгать. Что хорошо, то не можетъ быть плохимъ. Плохо только то, что Марія Владиміровна тамъ, гдѣ дѣло касается ея литературы, не хочетъ просто и прямо смотрѣть на вещи. Если она пишетъ для славы и для собственнаго удовольствія, то, конечно, она права, если же пишетъ для денегъ, какъ азъ многогрѣшный, то скромность и мнительность совсѣмъ излишни. Пока даютъ гонораръ, надо спѣшить брать.. Не правда ли?

Умеръ редакторъ «Сотрудника» Богомоловъ.

Поклонъ всѣмъ. До свиданія!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мой геморрой даетъ себя знать, какъ квартальный на пожарѣ. Нѣтъ моей мочи!

CLVI.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

18-го января. (1887 г. Москва.)

Дорогой дядя
Митрофанъ Егоровичъ!

Вчера имѣлъ я удовольствіе получить дорогой подарокъ: по письму отъ Васъ и отъ Георгія. Оба письма такъ хороши и ласковы, что не откладываю отвѣта въ далекій ящикъ и пишу.

---

[1]) Жена адресата.

[2]) Издательница журнала «Родникъ».

Прежде всего поздравляю съ новымъ годомъ и приношу великое спасибо за память о Вашемъ искреннемъ почитателѣ и за снисходительность, съ какою Вы относитесь къ моему упорному молчанію. Виноватъ я передъ Вами и Вашей семьей безъ мѣры. Оправдываю себя только тѣмъ, что я утомленъ массой письменной работы и дѣловой перепиской. Нѣсколько разъ собирался писать Вамъ, но все не удавалось. На Ваши именины я ѣхалъ съ сестрой въ Петербургъ, гдѣ прожилъ цѣлую недѣлю и въ вихрѣ житейской суеты не имѣлъ ни одной свободной минуты; на праздникахъ я былъ заваленъ работой до такой степени, что на именинахъ матери едва не падалъ отъ утомленія.

Надо Вамъ сказать, что въ Петербургѣ я теперь самый модный писатель. Это видно изъ газетъ и журналовъ, которые въ концѣ 1886 года занимались мной, трепали на всѣ лады мое имя и превозносили меня паче заслугъ. Слѣдствіемъ такого роста моей литературной репутаціи является изобиліе заказовъ и приглашеній, а вслѣдъ за оными—усиленный трудъ и утомленіе. Работа у меня нервная, волнующая, требующая напряженія... Она публична и отвѣтственна, что дѣлаетъ ее вдвое тяжкой... Каждый газетный отзывъ обо мнѣ волнуетъ и меня, и мою семью.. Въ Декабрѣ, напримѣръ, въ журналѣ «Русское Богатство» была статья критика Оболенскаго подъ заглавіемъ: «Чеховъ и Короленко», гдѣ на 15—20 страницахъ критикъ превозноситъ меня до небесъ и доказываетъ, что я выше и лучше другого молодого писателя Короленко, который гремитъ у насъ въ обѣихъ столицахъ. Эта статья сдѣлала у насъ въ домѣ переполохъ. «Новое Время» и «Петербургскія Вѣдомости»—двѣ большія питерскія газеты тоже треплютъ Чехова... Разсказы мои читаются публично на вечерахъ, всюду, куда ни явлюсь, на меня тычутъ паль-

цами, знакомства одолѣли меня своимъ изобиліемъ и т. д. и т. д... Нѣтъ дня покойнаго и каждую минуту чувствуешь себя, какъ на иголкахъ. А потому Вы дѣлаете мнѣ большое благо, что не сѣтуете на меня за молчаніе.. Богъ дастъ, увидимся и пополнимъ бесѣдою то, что пропущено въ рѣдкой перепискѣ.

Пушкинъ, обѣщаемый «Лучомъ», не стоитъ 6 р. Это издательская уловка. Если Вы еще не успѣли подписаться на «Лучъ», то напишите мнѣ: я вышлю Вамъ всего Пушкина (въ подарокъ Георгію за его письмо). Мой хорошій знакомый, Суворинъ, издатель «Новаго Времени» выпускаетъ въ продажу Пушкина 29-го января по баснословно дешевой цѣнѣ—2 рубля съ пересылкой. Такія дѣла можетъ обдѣлывать только такой великій человѣкъ и умница, какъ Суворинъ, который для литературы ничего не жалѣетъ. У него пять книжныхъ магазиновъ, одна газета, одинъ журналъ, громадная издательская фирма, милліонное состояніе—и все это нажито самымъ честнымъ, симпатичнымъ трудомъ. Онъ родомъ изъ Воронежа, гдѣ когда-то былъ учителемъ уѣзднаго училища. Всякій разъ, когда мы видимся, у насъ бываетъ рѣчь объ Ольховаткѣ, Богучарѣ и проч. Вижусь я съ нимъ 2 раза въ годъ, когда бываю въ Питерѣ.

Георгій проситъ у меня газетъ, гдѣ я работаю. Охотно бы исполнилъ его просьбу, но увы! въ юмористическихъ журналахъ я почти уже не работаю, да и не годятся они для чтенія. Я не люблю ихъ. Самая серьезная работа у меня въ «Новомъ Времени». Выслать эту газету ничего не стоитъ, но дѣло въ томъ что мнѣ неловко обращаться съ просьбой къ Суворину. Онъ въ декабрѣ сдѣлалъ мнѣ такъ много подарковъ [1]), что теперь рука

---

[1]) А. П. получалъ часто въ подарокъ книги отъ А. С. Суворина.

не поднимается просить его даже о пустякѣ. Пусть Георгій потерпитъ. Если Вы не подписались на «Лучъ», то *непремѣнно* вышлю Пушкина. Даю слово. Это послужитъ Георгію утѣшеніемъ. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ вышлю вамъ свою книгу—сборникъ моихъ не серьезныхъ пустячковъ, которые я собралъ не столько для чтенія, сколько для воспоминанія о началѣ моей литературной дѣятельности. Книги будетъ высылать папаша, а потому въ случаѣ неполученія будете обращаться къ нему: съ него требуйте.

То, что нравится въ моей книгѣ, я отмѣчу въ оглавленіи синимъ карандашемъ. Остальное же заслуживаетъ вниманія только какъ образецъ того балласта, который приходится иногда творить подъ давленіемъ безденежья.

Володя правъ. Умнѣе писать въ словѣ Владимиръ и, но не і. Это совсѣмъ лишняя буква. Если бъ отъ меня зависѣло, я упразднилъ бы и ять, и ѳиту (дурацкая буква!), и ижицу, и і. Эти буквы мѣшаютъ только школьному дѣлу, вводятъ въ конфузъ дѣловыхъ людей, которымъ нѣтъ времени учиться грамматическимъ тонкостямъ, и составляютъ совершенно излишнее украшеніе нашей грамматики. Владѣть нельзя міромъ, это правда. Нельзя владѣть и миромъ, но называть человѣка владыкою міра можно. Скажите Володѣ, что изъ чувства благодарности, изъ благоговѣнія, или изъ восторга передъ достоинствами лучшихъ людей, тѣми достоинствами, которыя дѣлаютъ человѣка необыкновеннымъ и приближаютъ его къ божеству, народы и исторія имѣютъ право величать своихъ избранниковъ, какъ угодно, не боясь оскорбить величіе Божіе и возвысить человѣка до Бога. Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ величаемъ мы не человѣка, а его достоинства, именно то божеское начало, которое онъ сумѣлъ развить въ себѣ

до высокой степени. Напримѣръ, выдающихся царей именуютъ «великими», хотя тѣлесно они не выше И. И. Лободы; папу зовутъ «святѣйшествомъ», патріарха звали вселенскимъ, хотя онъ кромѣ земли, не знался ни съ какой другой планетой, князя Владиміра звали владыкою всего міра, хотя онъ владѣлъ только клочкомъ земли, князей зовутъ сіятельными и свѣтлѣйшими, хотя шведская спичка свѣтлѣе ихъ въ тысячу разъ и т. д. Употребляя эти названія, мы не лжемъ, не преувеличиваемъ, а выражаемъ свой восторгъ, какъ мать не лжетъ, когда говоритъ ребенку: «золотой мой!» Въ насъ говоритъ чувство красоты, а красота не терпитъ обыденнаго и пошлаго; она заставляетъ насъ дѣлать такія сравненія, какія Володя по разуму раскритикуетъ на обѣ корки, но сердцемъ пойметъ ихъ. Напримѣръ, принято сравнивать черные глаза съ ночью, синіе глаза съ небесной лазурью, кудри съ волнами и т. д., даже свящ. писаніе любитъ эти сравненія, напримѣръ: «чрево твое пространнѣе небесъ», или «возсія солнце правды», «камень вѣры» и т. д. Чувство красоты въ человѣкѣ не знаетъ границъ и рамокъ. Вотъ почему русскій князь можетъ называться владыкой міра; это имя можетъ носить и мой пріятель Володя, потому что имена даются не за заслуги, а въ честь и въ воспоминаніе когда-то жившихъ замѣчательныхъ людей... Если Вашъ грамотей не согласится со мною, то у меня есть еще одна «заковычка», которая навѣрное пройметъ его: возвеличивая людей даже до Бога, мы не грѣшимъ противъ любви, а напротивъ, выражаемъ ее. Не слѣдуетъ унижать людей—это главное. Лучше сказать человѣку: «мой ангелъ», чѣмъ пустить ему «дурака», хотя человѣкъ болѣе похожъ на дурака, чѣмъ на ангела.

Вотъ и все. А за симъ пріимите отъ меня выраженіе самой искренней преданности. Поклонитесь тетѣ, сестрамъ, братьямъ, Иринушкѣ и всѣмъ знакомымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мой адресъ: Москва, Кудринская-Садовая, домъ Корнѣева.

Одновременно посылаю письмо Георгію.

Вчера у меня было очень много гостей. Былъ между прочимъ А. А. Долженко[1]), игрокъ на скрипкѣ и на цитрѣ; изъ него вышелъ прекраснѣйшій человѣкъ. Онъ бываетъ у насъ два раза въ недѣлю и очень привязанъ къ намъ. Онъ необыкновенно остроуменъ, честенъ и порядоченъ. Бѣднягу сбиваютъ только ять, фита и і... Пишетъ прескверно и не мало горюетъ по этому поводу. Талантливъ онъ, какъ покойный Иванъ Яковлевичъ[2]).

CLVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

26 (Янв. 1887 г. Москва.)

Чеховъ!

Посылаю тебѣ счетъ, который ты обязанъ въ ближайшую изъ субботъ, т.-е. 31-го января снести въ Пет. Газету и получить по оному гонораръ. Получи обязательно, не соглашаясь ни на какіе компромиссы и отсрочки, ибо я сижу безъ денегъ и живу въ долгъ. Буйлову скажешь, что согласно Худековскому письму, я послѣ 1-го Янв. получаю 12 к. со строки.

---

[1]) Двоюродный братъ А. П. по матери.
[2]) Дядя по матери.

Деньги вышлешь переводомъ (простымъ) въ субботу же, вексель пошлешь курьерскимъ или заказнымъ, а о высылкѣ вышлешь телеграмму: «Москва, Кудрино, Чехову. Выслано Чеховъ.», что будетъ стоить 40 к. На расходы трать, сколько слѣдуетъ, но съ угрызеніями совѣсти. Помни и чувствуй: не смотря на твою завѣдомо жульническую натуру, я довѣряю тебѣ большія суммы! Если у Буйлова не удастся получить, то зайди въ контору Нов. Вр. и попроси, чтобы мнѣ выслали гонораръ за разсказъ мой «Враги».

Еще объ одномъ одолженіи: въ Питерѣ будетъ издаваться журналъ «Солнце» (Микѣшинъ и Быковъ). Сходи въ редакцію онаго (Троицкій пер., 40) и подпиши на мое имя сей органъ, уплативъ 2 р. (т.-е. воспользуйся разсрочкой), да за Ивана взнеси 1 р. (Кудринская Садовая, д. Фацарди). Подписавшись на 2 экз., надѣнь шапку, ... и уйди. Уйдя, ступай на Большую Морскую въ магазинъ Гольцера и скажи тамъ, что тебя зовутъ Сашей. Вотъ и всѣ порученія.

Буйлова нажми, не щадя его животовъ.

Есть вѣроятность, что на 2-й недѣлѣ поста мы увидимся.

Всѣ наши здоровы. Николай замѣтно исправляется, но по прежнему не щадитъ чужихъ штановъ и двугривенныхъ.

Я болѣю. Живется скучно, а писать начинаю скверно, ибо усталъ и не могу по примѣру Левитана перевертывать свои картины вверхъ ногами, чтобы отучить отъ нихъ свое критическое око..

Дядя получилъ золотую миндаль для ношенія на своей тонкой шеѣ. Отъ радости прислалъ намъ инжиру [1]). Изъ религіознаго чувства я съѣлъ три штучки..

---

[1]) Винныхъ ягодъ.

Въ «Солнце» заплатишь, конечно, изъ моего гонорара. Скажешь тамъ (т.-е. на солнцѣ), что остальныя деньги вышлю послѣ.

Жду твоихъ писемъ и кланяюсь прочимъ, какъ то: Аннѣ Ивановнѣ, Кокошѣ и Тотошѣ. Когда твои безпутные сыновья современемъ будутъ ѣсть у Доминика, то въ высшемъ свѣтѣ ихъ будутъ звать: Коко и Тото.

Votre à tous *А. Чеховъ.*

```
  308
  311
  281
  211
 ----
 1111
   12  одинъ въ умѣ.
 ----
 2222
1111
-----
13332
```

Множимое равно множителю дѣленному на параллепипедъ.

По моимъ гонорарнымъ дѣламъ ѣзди не на конкѣ, а на извощикѣ.

CLVIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Февр.)

Гусевъ

Деньги получены, но не сполна: многое ты ужулилъ. Напрасно ты получилъ въ Новомъ Времени: потрачу, а въ концѣ февраля нечего будетъ кушать.

Радуга погибла. Съ нею погибъ и твой гонораръ и коммисіонерскій доходъ нашего адвоката

На Солнце не подписывайся, ибо оно никуда не годится. Я читалъ, что издательница сбѣжала, а редакторы остались безъ гроша. Навѣрное ты не подписался, ибо въ послѣдніе 2—3 дня только и разговора было въ газетахъ, что про закатъ Солнца. Изъ оставленныхъ тобою 3-хъ рублей одинъ принадлежитъ положительному съ характеромъ (....), а остальные два андай[1]) моему крестнику, или купи себѣ на нихъ цилиндръ.

Про кн. Урусова я не читалъ, но мнѣ доподлинно извѣстно (изъ Петерб. Вѣд.), что редакторъ «Русскаго Богатства» Оболенскій выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ: «Чеховъ и Короленко» (перепечатокъ съ его статьи, бывшей въ XII кн. Рус. Бог.). Если попадется на глаза сія брошюра, то пришли; если не попадется, то не нужно.

Крылова, про котораго ты раньше писалъ, я не знаю. Не знаю также, чего хотятъ отъ меня Суворинъ и К°. Я пишу *мало*, гораздо меньше, чѣмъ остальные беллетристы. Разница только въ томъ, что я пишу *чаще*, а прочіе *толще*.

Не Маслова распекалъ генералъ, а другого военнаго сотрудника, котораго зовутъ Николаемъ Карловичемъ.

Опиши мнѣ свои занятія. Бываешь ли у Суворина на воскресныхъ вечерахъ?...

Отчего Масловъ не пишетъ? Это очень талантливый парень. Прочти его военные разсказы и онъ вырастетъ въ твоихъ глазахъ на 5 аршинъ.

Насчетъ Будильника узнаю.

А за симъ кланяюсь и пребываю.

А. Чеховъ.

---

[1]) Отдай.

CLIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

8-го февраля. (1887 г. Москва.)

Ну, посылаю Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, разсказъ. Цѣлый день мнѣ сегодня мѣшали писать его, но все-таки я написалъ. Вообще, чувствую, что начинаю входить въ норму и работать регулярнѣе, чѣмъ въ январѣ.

Письмо и расписка отъ Фонда получены, съ комплектомъ же произошелъ маленькій инцидентъ. Сегодня утромъ, когда я еще спалъ, посланный отъ Девяткина принесъ мнѣ комплектъ и потребовалъ полтинникъ за доставку; мои домочадцы полтинника не имѣли и комплектъ былъ унесенъ назадъ. На дняхъ пошлю за нимъ.

Да, Надсона, пожалуй, раздули, но такъ и слѣдовало: во-первыхъ онъ, не въ обиду будь сказано Л. И. [1]), былъ лучшимъ современнымъ поэтомъ и, во-вторыхъ, онъ былъ оклеветанъ. Протестовать же клеветѣ можно было только преувеличенными похвалами.

На счетъ курсистокъ, которыя ведутъ себя неприлично въ церкви, совершенно согласенъ съ Вами. На панихидѣ по Пушкинѣ у насъ въ Москвѣ присутствовали литераторши, которыя тоже вели себя неприлично. Что дѣлать, батенька! Образованіе не всегда въ ладу съ воспитанностью, а литературность тѣмъ паче.. Кстати сосплетничать: секретарь О—ва любителей словесности, изображавшій собою на панихидѣ Общество, во все время панихиды велъ оживленные разговоры

---

[1]) Пальмину.

и дебаты о чемъ-то; сама же панихида съ точки зрѣнія «народа», ради котораго она служилась, была неказистой: пѣли даровые пѣвчіе, служилъ одинъ священникъ и не горѣли паникадила.. Все это мелочи, но слишкомъ замѣтныя для тѣхъ, у кого внѣшность играетъ важную роль во всемъ, а такихъ людей у насъ вѣдь большинство..

Пахнетъ весной. Вамъ скоро ѣхать на Тосну, а гдѣ я буду жить лѣтомъ, мнѣ неизвѣстно.

Иду спать. Кланяюсь Вашимъ и желаю всѣхъ благъ. Отъ толщины и большого живота у меня имѣется прекрасное медицинское средство, преподанное мнѣ Захарьинымъ.

Вашъ А. Чеховъ.

CLX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника.)

10 февр. (Москва. 1887 г.)

Уважаемый
Алексѣй Сергѣевичъ!

Вмѣстѣ со своимъ разсказомъ посылаю Вамъ разсказъ г-жи Киселевой «Ларька-Геркулесъ». Авторша (помѣщица) прислала мнѣ его почтой и просила пристроить его въ какой-нибудь юмор. журналъ, я же, прочитавъ, рѣшилъ послать его Вамъ: не сгодится ли для субботника? Мнѣ кажется, что шероховатости и женственность разсказа окупаются симпатичной темой и краткостью.

Простите, что работаю у Васъ такъ неусердно. Весь январь я болѣлъ, лѣнился и писалъ пустяки. Цѣлодневная напряженная возня съ «домашними обстоятельствами» совсѣмъ отняла у меня энергію; чтобы не высохнуть, въ концѣ марта уѣду на югъ, въ Донскую

Область, въ Воронеж. губ. и проч., гдѣ встрѣчу весну и возобновлю въ памяти то, что уже начало тускнуть. Тогда, думаю, работа пойдетъ живѣе.

Знакомые и незнакомые, преимущественно врачи и женщины, узнавъ, что я работаю у Васъ, обращаются ко мнѣ съ просьбами протежировать имъ въ покупкѣ Вашего Пушкина. Лицъ, одолѣвающихъ меня письмами и карточками, записано у меня ровно *сорокъ*. Я слышалъ, что подписка у Васъ не принимается, знаю, что протекція—зло, но не имѣя мужества отказывать, я почелъ за лучшее сообщить объ этихъ просьбахъ Вамъ. Въ видѣ образчика посылаю подписной листъ, присланный мнѣ изъ клиникъ захарьинскимъ ординаторомъ. Подобными просьбами о подпискѣ и протекціи и безъ меня давно уже надоѣла Вамъ публика, но я все-таки рѣшаюсь безпокоить Васъ: во 1-хъ просить за другихъ не совѣстно, и во 2-хъ мнѣ кажется, что для больничныхъ врачей, педагоговъ, вообще лицъ, занятыхъ отъ утра до вечера, всегда утомленныхъ и не имѣющихъ времени ожидать въ магазинѣ, посредничество и протекція являются необходимостью.

За симъ, пожелавъ Вамъ всего хорошаго и поблагодаривъ за брата, которому судя по письмамъ живется недурно, пребываю

Искренно преданный

А. Чеховъ.

CLXI.

Ап. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Февр.)

Недоумѣнный умъ!

Сейчасъ я имѣлъ неосторожность прочитать два твоихъ открытыхъ письма. Своею безграмотностью,

безсодержательностью и отвратительнымъ слогомъ они испортили мнѣ то свѣтлое настроеніе, какое я испытывалъ сегодня, прочитавъ свой разсказъ «Вѣрочка». 60+60 р.—жалованье маленькое. Скажи Суворину, чтобы онъ прибавилъ. Если не прибавитъ, то поклонись ему въ ноги и скажи, что у тебя незаконные дѣти.

Ты планируешь хронику, сортируешь и чистишь номеръ.. Пусть такъ, но не касайся своими грязными пальцами моихъ произведеній. Помни свое ничтожество и не забывай, что ты отставная таможня. Твое дѣло брать взятки, а не соваться въ храмъ славы. Впрочемъ, я тебя прощаю.

Сообщи: на какой адресъ удобнѣе писать? Въ Кавалергардскую, или въ Редакцію?

. . . . . .

Въ Будильникѣ буду завтра.

Отчего въ субботу не было куренинскаго фельетона? Что сей сонъ значитъ?

Хоть ты и говоришь, что я исписался, но все-таки завтра посылаю субботникъ. Субботникъ очень «вумный»! Въ немъ много не ума, а «вума». Я писалъ Суворину насчетъ Пушкина. Послалъ ему письмо ко мнѣ клиническихъ врачей. Отвѣта до сихъ поръ не получилъ. Подозрѣваю твои интриги.

Мишка открылъ въ себѣ еще одинъ талантъ: превосходно рисуетъ на фарфорѣ. Я покупаю тарелки и краски, онъ рисуетъ, Бодри выжигаетъ. Получается очень красивая посудная мебель.

Сашечка, идѣ ты булъ? [1])

Отчего ты не работаешь въ Осколкахъ? Неужели ты уже такъ зазнался и возмечталъ о себѣ, что даже и деньги тебѣ не нужны?.....

---

[1]) Таганрогскій жаргонъ: Сашечка, гдѣ ты былъ?

Липскеровъ присужденъ къ 6-ти мѣсячному аресту. Къ кому теперь Мишка будетъ ходить за долгомъ?

Сидитъ ли Өедоровъ? Пиши и пиши..

«Военные на войнѣ» Маслова—очень не дурная вещь. Видалъ ли хоть разъ Незлобина-Жителя? Видаешь ли Атаву? Пиши мнѣ обо всемъ, потому что мнѣ нужно знать все. Слушайся Лейкина.

Съ почтеніемъ за Гуго-Ворлихъ

Іоганнъ Гофъ.

CLXII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

21. (Февр. 1887 г. Москва.)

Про какой орденъ Вы пишете, уважаемая Марія Владиміровна? Я не понялъ.. Если Вы намекаете на тотъ красный шнуръ, который я ношу на шеѣ изъ уваженія къ вкусу извѣстной Вамъ израильтянки, то спѣшу Васъ увѣрить, что заслугъ съ моей стороны не было никакихъ, а потому означенный шнуръ совсѣмъ нельзя назвать орденомъ. Скорѣе это петля—символъ любви, семейнаго счастья.

Къ тому, что Васъ поражаетъ, мы давно уже привыкли, какъ къ бѣлому потолку. Русскіе книгопродавцы кулаки, но мы такъ напуганы, что 25 р. за листъ кажется намъ цѣной красной, настоящей. Для журнала такая цѣна—разбой и душегубство, для книгопродавца же—почти норма. Всѣ книгопродавцы не дали бы вамъ дороже 25 р., какъ не дали бы и мнѣ, если бы я захотѣлъ продать имъ свои словоизверженія, бывшія уже разъ въ печати. Берите же Ваши 50 р. и пойте Исаія ликуй.. Браните же себя только за то, что Вы не поторговались

заранѣе о количествѣ экземпляровъ. Авторы обыкновенно продаютъ свои произведенія по 25 р. на одинъ заводъ, т.-е. на 1200 экз. 3000—цыфра кулаческая. Такъ и знайте, что Ваша шальная пуля на вѣки застряла въ карманѣ Мамонтова и не вернуться ей къ Вамъ до страшнаго суда. 3000 продать трудно, очень трудно! Сначала книга пойдетъ бойко, но къ концу начнетъ чахнуть, чахнуть... издохнуть не издохнетъ на манеръ вейнберговской блохи, но будетъ хуже: на полкѣ Мамонтова будутъ лежать безъ движенія послѣдніе 100—200 экз., а Вы не будете имѣть права издавать вновь..

Впрочемъ Вамъ не резонъ особенно возмущаться и цыфрой. Мамонтовъ, печатая 3000, рискуетъ, а Вы нѣтъ..

Продавать книгу Вамъ самимъ и платить М-у проценты, или же наоборотъ М-у продавать, а Вамъ брать проценты—тоже не резонъ. Конечно, выгоднѣй издавать книги такъ, какъ я, Лейкинъ и проч., но вѣдь мы живемъ въ столицахъ, знаемъ книжниковъ наизусть и насъ не такъ легко надуть, какъ Васъ.

Въ концѣ-концовъ плохой воробей въ рукѣ лучше, чѣмъ райская птица въ раю. Лучше сейчасъ 50, чѣмъ черезъ 2 года 200, или черезъ часъ по столовой ложкѣ по 10... Право, такъ! Если бы издатель предложилъ мнѣ за 25 листовъ моихъ «Пестрыхъ разсказовъ» по 25 р. за листъ съ самаго начала, то я возликовалъ бы, хотя въ будущемъ мнѣ предстоитъ получить за нихъ что то около тысячи.

Вообще позвольте смиреннѣйшему литератору преподать Вамъ правило: жалѣйте Ваши разсказы, когда отдаете ихъ иродамъ И... съ ихъ бѣлобрысыми дѣтями, но не жалѣйте, отдавая книгопродавцамъ. Къ чему жалѣть то, что уже было разъ напечатано и принесло лепту?

Ахъ! Лѣтомъ, читая критику на Вашу книгу, я буду чувствовать себя счастливымъ! Какъ я буду злорадствовать и ехидно потирать руки! Бррр!

Я купилъ себѣ новую шляпу.

Сейчасъ былъ у насъ Алексѣй Сергѣевичъ. Завтра мы опять увидимся съ нимъ. Кажется, поѣдемъ завтракать. Поклонъ Василисѣ и Сережѣ. А за симъ простите за небрежное писанье преданнаго и не совсѣмъ здороваго

А. Чехова.

Приложніе къ письму.

На мой вопросъ о судьбѣ Ларьки Суворинъ сказалъ:

— Ахъ, не читалъ еще, голубушка! Надо прочитать.. прочту.. Ахъ, Боже мой, такая пропасть хлопотъ! О чемъ бишь вы? Ахъ да!—

Сейчасъ получилъ извѣстіе, что мой недавно оженившійся коллега болѣнъ сыпнымъ тифомъ и плохъ. Приглашаютъ ѣхать къ нему.

Поклонъ Архангельскимъ [1]) и шапочкѣ въ тышечкѣ.

CLXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Февр.)

Голова садовая!

Будильникъ отвѣчалъ тебѣ въ почтовомъ ящикѣ, а мнѣ сказалъ, что петерб. фельетонъ желателенъ, но въ болѣе бойкой и живой формѣ. Такъ какъ у тебя таланта нѣтъ, то едва ли ты удовлетворишь вкусамъ такого литературнаго человѣка, какъ Левинскій.

Насчетъ Пушкина я написалъ самому Суворину. Я, Саша, генераловъ не боюсь. Для тебя Суворинъ—

---

[1]) Семья д-ра П. А. Архангельскаго въ Воскресенскѣ.

Иванъ Егорчъ, а для меня, для знаменитаго писателя и сотрудника, онъ—эксплоататоръ, или, выражаясь языкомъ гавриловскаго Александра Николаича, плантаторъ! Едва ли Суворинъ найдетъ удобнымъ отказать мнѣ хотя бы даже изъ принципа, что протекція—зло. Я послалъ ему подписной листъ изъ клиникъ, отъ ординаторовъ, которымъ рѣшительно некогда ждать и толкаться въ магазинѣ.

A propos: студенчество и публика страшно возмущены и негодуютъ. Общественное мнѣніе оскорблено и убійствомъ Надсона, и кражей изъ изданія литературнаго фонда и другими злодѣяніями Суворина. Галдятъ всюду и возводятъ на Суворина небылицы. Говорятъ, напримѣръ, что онъ сдѣлалъ доносъ на одного издателя, который яко бы выпустилъ Пушкина за 2 дня до срока. Меня чуть ли не обливаютъ презрѣніемъ за сотрудничество въ Новомъ Времени. Но никто такъ не шипитъ, какъ.....

Съ другой же стороны я слышалъ, что многіе изъ интеллигентовъ собираются послать Суворину благодарственный адресъ за его издательскую дѣятельность..

Отчего ты не опишешь своей работы? Чѣмъ ты занимаешься вечерами въ редакціи?

Билибинъ начинаетъ исписываться. Его скучно читать, особливо въ Пет. Газ. Не хочетъ понять человѣкъ, что игриво и легко можно писать не только о барышняхъ, блинахъ и фортепьянахъ, но даже о слезахъ и нуждахъ.. Не понимаетъ, что оригинальность автора сидитъ не только въ стилѣ, но и въ способѣ мышленія, въ убѣжденіяхъ и проч., во всемъ томъ именно, въ чемъ онъ шаблоненъ, какъ баба.

Не будь штанами и кланяйся всѣмъ своимъ.

Мною посланъ разсказъ въ Н.-Вр.

Прощай. Сегодня я болѣнъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

25-го Февр. (1887 г. Москва.)

Уважаемый
Николай Александровичъ!

Вчера послалъ Вамъ разсказъ, а сегодня строчу письмо, хотя и чувствую, что ничего полезнаго не напишу для Вашего «чревообъяденія», которое, судя по Вашимъ письмамъ, не поддается массажу.. Отъ большихъ животовъ я употребляю Захарьинское средство, блестящее по результатамъ, но не всегда доступное силамъ лѣчущихся. Средство это заключается въ такъ называемой «молочной діэтѣ», при которой страждущій въ теченіе 2-хъ недѣль не ѣстъ *ничего*, а чувство голода утоляетъ полустаканами молока. Чай и кофе можно, но насчетъ прочаго—бѣда! Если хотите, Вы у себя на дачѣ можете попробовать это средство.. Таннеръ ничего не ѣлъ 40 дней, а Вамъ придется попостить только 2 недѣли. (На 2-й недѣлѣ можно есть котлетку). Средство, повторяю, блестящее по результатамъ. Могущій вмѣстити да вмѣститъ.

Пальмина не видалъ съ 17-го января.

Отчего Билибинъ пересталъ работать въ Газетѣ? Если онъ самъ бросилъ, то удивляюсь его безсребренничеству; если же Газета отказалась отъ него, то не могу не удивиться вкусамъ Худекова и К°, помѣщающихъ вмѣсто остроумнаго И. Грэка какую то «Сигару»—жвачку, въ которой ни черта не разберешь..

Кстати гдѣ теперь Германіусъ? Его что-то не замѣтно въ Газетѣ.

Насчетъ Одесскихъ Новостей, печатающихъ мои разсказы, слѣдовало бы подумать самой Газетѣ. Прежде всего обкрадывается Газета, а потомъ ужъ я.. Вы скажите Худекову, чтобъ онъ сдѣлалъ ругательную замѣточку.

Какъ идетъ моя книга?

Въ концѣ марта я на одинъ мѣсяцъ уѣзжаю на югъ. Не будетъ ли какихъ порученій?

Въ Вашихъ «Сатирѣ и Нимфѣ» замѣтно авторское увлеченіе. Вы громоздите столько положеній и лицъ, что глядите, какъ бы Вамъ къ концу не запутаться.

Вчера глядѣлъ Поссарта въ Манфредѣ. Не дурно.

Погода у насъ скверная. То тепло, то холодно, такъ что, выходя изъ дому, не знаешь, что надѣвать: лѣтнее пальто, или отцовскую шубу..

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. А за симъ, дабы не утомить благосклоннаго читателя, позвольте поставить точку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXV.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

10, III, 87. (СПБ.)

Любезные читатели!

Ѳедоръ Тимофеичъ [1]) пользуется гораздо большими удобствами, когда ночью путешествуетъ по крышамъ, чѣмъ я, ѣхавши въ Питеръ. Во 1-хъ поѣздъ ѣхалъ 56 часовъ въ сутки; во 2-хъ я забылъ взять подушку, въ 3-хъ вагонъ былъ биткомъ набитъ и, въ 4-хъ я курилъ такія папиросы, что чувствовалъ перхоту не

---

[1]) Котъ А. П-ча.

только въ горлѣ, но даже въ калошахъ: узнайте, какой сортъ табаку покупаетъ Василиса [1])?....

Ѣхалъ я, понятно, въ самомъ напряженномъ состояніи [2]). Снились мнѣ гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч.. Вообще ночь была подлая. Единственнымъ утѣшеніемъ служила для меня милая и дорогая Анна, которой я занимался во всю дорогу *). Кавалергардская такъ же далека отъ Невскаго, гдѣ я остановился, какъ Житная ул. отъ Кудрина. Квартира Александра хотя и просторна, но не изящна и сумрачна.

Александръ абсолютно здоровъ. Онъ палъ духомъ, испугался и, вообразивъ себя больнымъ, послалъ ту телеграмму.

У Анны Ивановны настоящій брюшной тифъ, но не тяжелый. Былъ у меня съ докторомъ консиліумъ. Лѣчатъ по моему. Докторъ пригласилъ къ себѣ въ гости. Схожу.

Въ Питерѣ свирѣпствуетъ брюшной тифъ, весьма злокачественный. Лейкинскій швейцаръ, длинный, узкій старикъ, котораго Вы, Маша, помните, вчера умеръ отъ тифа.

Деньги вышлю завтра. Сейчасъ 11 часовъ понедѣльника. Вечеръ. Я въ номерѣ. Кончивъ письмо, поѣду къ Александру.

Когда пріѣду, не знаю. Погода весенняя.

Обѣдалъ у Лейкина. Анна Аркадьевна [4]) была больна брюшнымъ тифомъ, а потому похудѣла. Дѣти.... здоровы и веселы. Старшій мнѣ казался сегодня очень симпатичнымъ и привѣтливымъ.

---

[1]) Горничная.

[2]) А. П. ѣхалъ въ Петербургъ по вызову брата Александра, жена котораго заболѣла тифомъ.

*) Рѣчь идетъ объ Аннѣ Карениной. *Прим. А. П.*

[4]) Барышня, служившая въ редакціи «Осколковъ».

Мнѣ страшно.

Почтеніе всѣмъ: собакѣ безъ спины [1]), кнуту, Ѳедору Тимофеичу, Корнѣеву и проч.

Ѣшьте поменьше.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Адресуйте въ Осколки.

Везу Александру котлеты, оставшіяся послѣ дороги— это для свѣдѣнія мамаши-таракаши. Съѣлъ я, мамаша, только ½ хлѣба, такъ что 1½ франзоли остались цѣлы. У Алекс. есть деньги.

Мнѣ скучно...

CLXVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

Петербургъ, 78 № Гостинницы. (1887 г. Мартъ.)

Талантливѣйшій изъ всѣхъ архитекторовъ міра!

Вамъ, конечно, уже извѣстно, что обстоятельства самого поганого и ерундистаго свойства нежданно-негаданно погнали меня на Сѣверъ. Вообще мнѣ везетъ...

Сейчасъ я сижу въ скучнѣйшемъ номерѣ и собираюсь переписывать на чисто конченный разсказъ. Скучаю. Скука усугубляется сознаніемъ безденежья и неизвѣстности. Когда выѣду, не знаю... Нервы разстроены ужасно, такъ что пульсъ мой бьетъ съ перебоями. Пишу сіе жалобное посланіе отнюдь на для того, чтобы нагнать на васъ сантиментальную мерлехлюндію и попросить у Васъ въ займы, а для того, чтобы Вы не сердились на мою особу за неисправное посѣщеніе Дарьи Карловны [2])... [3]).

---

[1]) Собака Чеховыхъ Корбо.

[2]) Мать адресата.

[3]) Вычеркнуто адресатомъ.

Я хочу уѣхать на югъ не позже 31-го Марта. Поѣду съ рублемъ, но все-таки поѣду.

Въ Питерѣ погода великолѣпная, но безденежье и отсутствіе весенняго пальто, взятаго у меня на безсрочный прокатъ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ портятъ всю иллюзію... [1]).

Всюду меня встрѣчаютъ съ почетомъ, но никто не догадается дать рублей 1000—2000...

Академическая выставка плоха, но передвижная мнѣ показалась прекрасной по богатству...

Если хотите, черкните мнѣ 2—3 строчки. Адресъ: редакція Осколковъ.

Весь Вашъ съ сапогами, съ калошами, съ зубами, съ жилеткой и проч.

А. Чеховъ.

CLXVII.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(СПБ. 1887 г. Мартъ.)

Симъ извѣщаю, что я живъ и здоровъ, и тифомъ не заразился. Сначала я хандрилъ, ибо скучалъ и страшился безденежнаго будущаго, но нынѣ чувствую себя положительно и съ характеромъ. На мою голову сыплются сюрпризы: во-1) все время стоитъ весенняя погода и мнѣ мѣшаетъ гулять только отсутствіе пальто, 2) всюду встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, 3) Суворинъ, выражаясь по..... одолжилъ мнѣ денегъ (секретъ: 300 руб.) и велѣлъ прислать ему матеріалъ для изданія книги съ нововременскими разска-

---

[1]) Вырѣзано адресатомъ.

зами. Книга [1]) будетъ отпечатана къ лѣту на условіяхъ, весьма выгодныхъ для меня. И т. д.

Выѣду я въ Воскресенье (можетъ быть). Завтра въ субботу я у Григоровича, который написалъ мнѣ большое письмо, но не знаетъ моего адреса.

Суворинъ толковалъ со мной отъ 9 часовъ вечера до 1 часа ночи непрерывно. Бесѣда интересная въ высшей степени.

На югъ я поѣду 31-го марта, или ранѣе. Вотъ и все.

Поклонъ всѣмъ, а также собачкѣ безъ спины, Ѳедору Тимофеичу и кнуту. Корнюшкѣ [2]) почтеніе. Скажите, что порученія его исполнены.

Votre à tous *А. Чеховъ.*

Александръ здоровъ и всѣмъ шлетъ поклонъ.

CLXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника.)

18 Марта (1887 г. Москва.)

Уважаемый
Алексѣй Сергѣевичъ!

Сегодня я выбралъ и послалъ Вамъ для моей будущей книги 16 разсказовъ. Будьте добры сдѣлать распоряженіе, чтобы въ типографіи смѣряли мой матеріалъ и, если не хватитъ его, увѣдомили бы меня (Кудринская Садовая, д. Корнѣева), или моего брата Александра, который не замедлитъ дать мнѣ знать *).

---

[1]) «Въ сумеркахъ».

[2]) Домохозяинъ А. П.—д-ръ Я. А. Корнѣевъ.

*) Размѣръ книги—«Необыкновенные разсказы». Э. Поэ. *Прим. А. П.*

Названія для книги я не могъ придумать. «Мои разсказы», просто «Разсказы»,—а остальное, что приходило мнѣ въ голову, или претенціозно, или старо, или не умно.

Книгу я думаю посвятить Д. В. Григоровичу.

Передъ отъѣздомъ я былъ у Д. В. и наблюдалъ его грудную жабу. Страданія его едва выносимы, продолжительны и усугубляются страхомъ смерти, которая, вѣроятна, близка. Сама по себѣ грудная жаба—болѣзнь не важная, но у Д. В. она является симптомомъ болѣзни, которая называется атероматознымъ процессомъ, перерожденіемъ артерій—недугъ старческій и неизлѣчимый. Объ этой болѣзни Вы составите себѣ ясное представленіе, если вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая отъ долгаго употребленія потеряла свою эластичность, сократительность и крѣпость, стала болѣе твердой и ломкой. Артеріи становятся такими вслѣдствіе того, что ихъ стѣнки дѣлаются съ теченіемъ времени жировыми, или известковыми. Достаточно хорошаго напряженія, чтобы такой сосудъ лопнулъ. Такъ какъ сосуды составляютъ продолженіе сердца, то обыкновенно и само сердце находятъ перерожденнымъ. Питаніе при такой болѣзни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящіе въ немъ нервные узлы, не получая питанія, болятъ—отсюда грудная жаба.

Какъ бы ни пугали доктора, но Д. В. можетъ еще жить долго, хотя можетъ умереть и завтра: трудно сказать, когда, въ какой день и часъ лопнетъ натянутая струна, или обвалится сгнившая крыша. Мой отецъ, ровесникъ Д. В., живетъ съ перерожденіемъ артерій уже 10 лѣтъ. Нашъ профессоръ минералогіи съ такими же артеріями и съ грудной жабой продолжаетъ читать лекціи. Все зависитъ отъ индивидуальности каждаго отдѣльнаго случая.

31-го Марта я ѣду. Чтобы не безпокоить Васъ, о книгѣ я буду писать брату, (конечно, если понадобится что-нибудь).

Пасхальный разсказъ постараюсь прислать.

Пожелавъ Вамъ и Вашей семьѣ хорошаго, не дождливаго лѣта, здоровья и покоя, остаюсь искренно преданный

А. Чеховъ.

CLXIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

19. (Мартъ. 1887 г. Москва.)

Ничтожество!

Прежде всего ты штаны за то, что не пишешь ничего о здравіи твоихъ домочадцевъ; это здравіе составляетъ злобу дня для обоихъ этажей корнѣевскаго дома.

Вчера я послалъ Суворину матеріалъ для будущей книги. Такъ какъ 31-го я ѣду, то книгой прійдется заняться тебѣ; безъ твоего вмѣшательства, не оберешься опечатокъ и недоразумѣній всяческихъ. Будь хозяйскимъ окомъ! Посылаю при семъ циркулярикъ, коимъ будешь соображаться. За таковой твой трудъ я позволю тебѣ на визитныхъ карточкахъ именоваться «братомъ знаменитаго писателя». Блюди, чтобъ не было опечатокъ, чтобъ разсказы печатались въ порядкѣ, обозначенномъ въ циркулярикѣ, чтобъ въ случаѣ недостачи матеріала, ты моментально давалъ знать мнѣ, а въ случаѣ моего отсутствія, Мишкѣ, который будетъ высылать недостающее и т. д. Вообще дѣлай все, что найдешь цѣлесообразнымъ и безвреднымъ для моего кармана и славы.....

Въ третьихъ, послѣ 1-го *обязательно* пиши мнѣ письма 2 раза въ недѣлю. Безъ писемъ я издохну въ

степи. Адресъ: Таганрогъ, домъ М. Е. Чехова. Дядькѣ мой адресъ будетъ извѣстенъ. *Пожалуста*, пиши! Марки въ мой счетъ.

За симъ прощевайте. Поклонъ всѣмъ. Николкѣ жму руку.

А. Чеховъ.

Далѣе слѣдуетъ циркуляръ.

Величина книги, шрифтъ и прочее, такія же, какъ «Необыкновенные разсказы» Поэ.

Названіе книги «Мои разсказы», или просто «Разсказы», какъ захочетъ Ал. Сер.[1])

Книга посвящается Дмитрію Васильевичу Григоровичу.

Разсказы помѣщаются въ такомъ порядкѣ: 1) Мечты, 2) Пустой случай, 3) Недоброе дѣло, 4) Дома, 5) Вѣдьма, 6) Вѣрочка, 7) Въ судѣ, 8) Безпокойный гость, 9) Панихида, 10) На пути, 11) Несчастье, 12) Событіе, 13) Агафья, 14) Враги, 15) Кошмаръ, 16) Святою ночью.

Если окажется, что матеріала я прислалъ больше, чѣмъ нужно, то можно выбросить «Событіе», «Въ судѣ» и въ крайнемъ случаѣ «Пустой случай».

На обложкѣ книги объявленіе:

Того же автора «Пестрые разсказы», большой томъ убористой печати, 375 страницъ. Цѣна 2 руб. Выписывающіе изъ редакціи «Осколковъ» (Петерб.) за пересылку не платятъ.

CLXX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

21 Марта (1887 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Сегодня, въ субботу, вечеромъ я посылаю курьерскимъ раз-

---

[1]) Суворинъ.

сказъ въ Газету; кстати надумалъ написать и Вамъ не столько ради словопренія, сколько ради успокоенія Вашихъ бушующихъ невровъ. Сообщаю Вашимъ неврамъ, что завтра я обязательно сяду за разсказъ для Осколковъ и вышлю его заказнымъ, такъ что получите Вы его во вторникъ къ вечеру. Не сумлѣвайтесь. На всякій случай я не посылаю Будильнику приготовленный для него «Монологъ кота»; сейчасъ переименую въ монологѣ московскія мѣста на питерскія и спрячу его для Васъ.—Стало быть, что-нибудь да вышлю. Для разсказа тема имѣется, такъ что засяду на готовое. И такъ—будьте покойны.

31-го я ѣду *обязательно*. До отъѣзда я еще буду писать Вамъ, но и теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ попросить Васъ усиленно писать мнѣ письма на югъ. Пишите мнѣ, не считаясь визитами и не дожидаясь моего отвѣта, а за это я Вамъ буду подробно описывать свое путешествіе, которое по всей вѣроятности выйдетъ страннымъ и дикимъ. Живя въ пустыняхъ и степяхъ, бесѣдуя со звѣрями, я, вѣроятно, буду сильно скучать по цивилизаціи, а потому Вы поймете цѣну писемъ. Непремѣнно пишите.

Вѣроятно, я простудился въ дорогѣ. Насморкъ, общая слабость, одурѣніе и шумъ въ лѣвомъ ухѣ, должно быть, вслѣдствіе катарра лѣвой Евстахіевой трубы. Писать трудно. Больше лежу и лежа читаю. Температура нормальна, аппетитъ хорошъ.. Поймите болѣзнь! Никакая медицина не разберетъ.

Погода у насъ мерзкая. Идутъ снѣгъ и дождь, ѣздятъ въ саняхъ и на пролеткахъ, тепло и холодно.. Самъ чертъ не разберетъ, въ чемъ дѣло.

Вчера узналъ, что бывшій городской голова Третьяковъ велѣлъ купить для себя 2 экз. моей книги. Значитъ, понемножку продается..

Свой южный адресъ сообщу во благовременіи, а пока будьте здравы и невредимы. Поклонъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Мартъ.)

Многоуважаемая
Марія Владиміровна!

Надѣюсь, что теперь Вы повѣрите мнѣ и не станете обвинять во лжи: не пріѣхалъ я въ Бабкино, ибо ѣздилъ въ Питеръ, куда былъ вызванъ телеграммой брата. Подробности Вамъ извѣстны отъ сестры. Тоже самое, но только въ миніатюрѣ, не пустило меня въ Бабкино и на масляной: заболѣла мать семейства, которую я не рѣшился оставить безъ доктора. Впрочемъ, все это суета суетъ.

Какъ ни тосклива была моя послѣдняя поѣздка въ П., но и на ней оправдалась поговорка, что нѣтъ худа безъ добра. Во-1-х) я имѣлъ случай бесѣдовать съ управляющимъ «Петербургской мастерской учебныхъ пособій» о Вашемъ изданіи; ему Вы пошлете на комиссію съ моимъ письмомъ. Кстати: когда начнетъ печататься Ваша книга? Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Книги вообще идутъ не сразу, а изморомъ, черезъ часъ по столовой ложкѣ, а потому чѣмъ раньше издадите, тѣмъ скорѣе продадите. Во-2-х) я ограбилъ Суворина, взявъ у него большущій авансъ; въ-3-х) Суворинъ издаетъ мои нововременскіе разсказы отдѣльной книжкой. Всѣ мои Вѣрочки, Вѣдьмы, Агафьи и проч. ѣдутъ завтра въ Питеръ, а дня черезъ 2—3—4 будутъ уже въ наборѣ. Изданіе на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Успѣхъ, конечно, несомнѣнный, ибо въ Питерѣ признаютъ теперь только одного писателя—меня! Видите, я даже передъ собой лицемѣрю.

Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе города смерти. Въѣхалъ я въ него съ напуганнымъ воображеніемъ, встрѣтилъ на пути два гроба, а у братца засталъ тифъ. Отъ тифа поѣхалъ къ Лейкину и узналъ, что «только что» Лейкинскій швейцаръ на ходу умеръ отъ брюшного тифа. Отъ Лейкина поѣхалъ къ Голике: у этого старшій сынъ болѣнъ крупомъ и дышетъ не горломъ, а въ трубочку; отецъ и мать плачутъ.. Ѣду на выставку, тамъ какъ на зло попадаются все дамы въ траурѣ *).

Но все это пустяки. Вы послушайте, что дальше. Пріѣзжаю я къ Григоровичу. Старчина поцѣловалъ меня въ лобъ, обнялъ, заплакалъ отъ умиленія и... отъ волненія у него приключился жесточайшій припадокъ грудной жабы. Онъ невыносимо страдалъ, метался, стоналъ, а я 2 ½ часа сидѣлъ возлѣ него, браня во всѣ лопатки свою безсильную медицину. Къ счастію пріѣхалъ Бертенсонъ и я могъ бѣжать. Старикъ серьезно болѣнъ и вѣроятно скоро умретъ. Для меня это незамѣнимая потеря. Съ собой я привезъ его письмо, которое онъ началъ писать ко мнѣ: описываетъ подробно свою болѣзнь и проч.

Каковы впечатлѣнія? Право, зашить можно. Впрочемъ, говорятъ, для беллетристовъ все полезно.

Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю безчинство и остаюсь уважающимъ и искренно преданнымъ

А. Чеховымъ.

Василиса и Сережа, мое Вамъ почтеніе-съ!

---

*) На 2-й день пріѣзда лѣчилъ мать Осколочной конторщицы, умирающую отъ чахотки. *Прим. А. П.*

CLXXII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника.)

23 Марта (1887 г. Москва.)

Дорогой Георгій!

Посылаю тебѣ газетное объявленіе, изъ котораго ты увидишь, что обѣщанный мною Пушкинъ еще не отпечатанъ и выйдетъ въ свѣтъ только въ концѣ апрѣля. Первое изданіе разошлось въ одинъ день, такъ что я даже для себя не могъ достать Пушкина, второе же изданіе печатается въ количествѣ 100 тысячъ экземпляровъ, а поэтому и печатается такъ долго. Твой дядя П. Е. [1]) вышлетъ тебѣ Пушкина тотчасъ же по полученіи его въ Москвѣ. Объ этомъ я просилъ его, такъ какъ самъ выслать не могу, ибо въ апрѣлѣ и въ маѣ меня въ Москвѣ не будетъ.

Мою книгу получишь при необыкновенныхъ обстоятельствахъ, не позже 1-го дня Пасхи... Если ты умѣешь хранить секреты, то тайно, чтобы никто не зналъ у Васъ дома, выйди на вокзалъ въ страстную субботу къ 5 часамъ вечера [2]).

На дняхъ я вернулся изъ Петербурга, куда ѣздилъ по дѣламъ.

Напиши, что это у Васъ за пожаръ былъ? Что горѣло?

Поклонись всѣмъ и будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) Павелъ Егоровичъ—отецъ А. П.

[2]) А. П. хотѣлъ сюрпризомъ пріѣхать въ Таганрогъ.

CLXXIII.

Н. А. Лейкину.

28-го Марта. (1887. г. Москва)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Одновременно съ симъ посылаю денежный пакетъ со вложеніемъ 2-хъ квитанцій и.. о позоръ! 11 р. 70 к. (копѣйки для удобства—почтовыми марками). Посылать разсказъ вмѣстѣ съ деньгами я не захотѣлъ, боясь, что за деньгами Вы пошлете въ почтамтъ не скоро.

Если позволитъ здоровье, 31-го или 1-го я уѣзжаю на югъ. Прощайте. Желаю Вамъ житія мирна и безгрѣшна, ложе нескверна, здравія, спасенія и во всемъ благого поспѣшенія. Пишите мнѣ почаще и побольше по адресу: «Таганрогъ, Конторская улица, домъ М. Е. Чехова» *). Въ 1-ый день Пасхи я буду уже тамъ.

Гонораръ тоже въ Таганрогъ.

На югѣ я постараюсь писать поменьше. Это значитъ, что я буду писать мелочи, изъ коихъ добрую половину буду присылать Вамъ.

Возвращусь я въ іюнѣ и тотчасъ же поѣду къ Вамъ на дачу. (Село Ивановское на Невѣ... такъ?)

Я недоумѣваю: какъ можетъ Салаевъ торговать Вашими и моими книгами, если въ Москвѣ не слышно про нихъ? Безъ рекламъ нельзя. Не говоря уже про мою книгу, Вамъ слѣдовало бы прорекламировать въ Москвѣ *всѣ* свои изданія, да не въ одномъ Листкѣ, но и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Будильникѣ», который читаютъ смѣющіеся люди, въ Курьерѣ.. Чѣмъ уступать Петровскому 50%, гораздо выгоднѣе рекламироваться. Вы, насколько я понимаю Васъ, не вѣрите

---

*) Адресъ для телеграфа: Таганрогъ, Чехову. *Прим. А. П.*

рекламѣ, а потому жалѣете для нея бросить деньги. Осколки и осколочныя изданія меньше всего рекламируются—достаточно видѣть это, чтобы замѣтить Ваше нерасположеніе къ газетнымъ объявленіямъ. Сейчасъ видно, что въ Васъ мало американскаго духа. По моему издательство—рискъ, а гдѣ одинъ рискъ, тамъ слѣдуетъ рѣшаться и на другой—на рекламу, которая должна быть солидна. На Вашемъ мѣстѣ я даже открылъ бы въ Москвѣ лавочку—«Контору Осколковъ»—маленькій книжный магазинъ.

Впрочемъ все это скучно, какъ плохая погода.

Семья будетъ жить на дачѣ въ Воскресенскѣ. Я хотѣлъ пріискать что-нибудь поновѣе, но въ виду своего отъѣзда отложилъ хлопоты до будущаго сезона. Семья мечтаетъ, что въ 88 году я повезу ее для дачнаго житія на берегъ Азовскаго моря. Это, конечно, возможно, особливо ежели найдутся безплатные билеты для проѣзда. Изъ Харькова я вышлю Вамъ письмо: закрытое—если останусь на день въ Харьковѣ, и открытое—если поѣду мимо Х. А теперь прощайте. Поклонитесь Вашимъ и пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получилъ Ваше письмо не 31-го, а сегодня 30, добрѣйшій Николай Александровичъ! Спѣшу писать покороче, ибо строчу въ Нов. Время.

«Котъ» въ Вашемъ распоряженіи.

Деньги, разсказъ и письмо Вамъ вчера послалъ.

Гонораръ, 13 рублей, пусть Билибинъ вышлетъ мнѣ вмѣстѣ съ апрѣльскимъ гонораромъ въ Маѣ.

Я ѣду 1-го или 2-го, не но позже.

По дорогѣ буду ждать Вашихъ писемъ, а пока жму Вамъ руку и пребываю

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника.)

(1887 г. Апрѣль 3.)

Я въ Орлѣ. 4 часа 50 мин. утра.

Пью кофе, похожій вкусомъ на копченаго сига. На поляхъ снѣга нѣтъ. Ѣхать не скучно. Нѣтъ конвертовъ, потому не шлю дневникъ. Во всемъ слушайтесь Ваню.....

Поклоны всѣмъ.

А. Чеховъ.

CLXXV.

Ей же.

(Съ подлинника.)

(Славянскъ. 1887 г. Апрѣль 5.)

Суббота, 7 часовъ утра. Славянскъ.

Туманъ и облака. Не видно ничего.

Птицы и крокодилы, зебры и прочія насѣкомыя попрятались. Спалъ я великолѣпно. Компаніи во всю дорогу попадались хорошія. Христосъ воскресъ! Вѣдь это письмо Вы получите на 2—3 день праздника. Изъ Таганрога пришлю большое письмо. Вижу хохловъ и биковъ [1]). Интеллигенты, снующіе по вагонамъ, напоминаютъ К. Паршивенькіе такіе.

Votre à tous

А. Чеховъ.

---

[1]) Воловъ. А. П., подражая южному жаргону, пишетъ «биковъ» вм. быковъ.

CLXXVI.

Ей же.

(Съ подлинника.)

(Таганрогъ. 1887 г.)

7-го Апрѣля.

Благосклонные читатели и благочестивые слушатели! Стрепетомъ [1]) продолжаю, соблюдая хронологическій порядокъ.

2-е Апрѣля.

Отъ Москвы до Серпухова ѣхать было скучно. Спутники попались положительные и съ характеромъ, все время толковавшіе о цѣнахъ на муку. Въ Серпуховъ прибылъ въ 7 ч. Ока чиста и хороша. Пароходы ходятъ въ Каширу и Калугу. Не мѣшаетъ когда-нибудь съѣздить.

Въ Тулу, всѣмъ городамъ затулу, пріѣхалъ въ 11. Познакомился въ вагонѣ съ офицеромъ Волжинскимъ, давшимъ мнѣ свою карточку и пригласившимъ къ себѣ въ Севастополь. Ѣдетъ онъ изъ Москвы, гдѣ его братъ докторъ, пріѣхавшій изъ уѣзда на съѣздъ врачей, умеръ отъ сыпного тифа и оставилъ вдову. Въ Тулѣ шнапсъ-тринкенъ, легкое опьянѣніе и шляфенъ. Спалъ, скрючившись въ 3 погибели à la Ѳедоръ Тимофеичъ [2]): носки сапоговъ около носа. Проснулся въ Орлѣ, откуда послалъ въ Москву открытое письмо. Погода хорошая. Снѣгъ попадается рѣдко.

Въ 12 часовъ Курскъ. Часъ ожиданія, рюмка водки, уборная съ умываніемъ и щи. Пересадка. Вагонъ бит-

---

[1]) Вм. «съ трепетомъ». Стрепетъ—птица. Каламбуръ.

[2]) Котъ А. П.

комъ набитъ. Тотчасъ же послѣ Курска знакомство: харьковскій помѣщикъ, игривый, какъ Яша К., дама, которой въ Петербургѣ дѣлали операцію, Тимскій исправникъ, хохолъ-офицеръ и генералъ въ военно-судейской формѣ. Рѣшаемъ соціальные вопросы. Генералъ разсуждаетъ здраво, коротко и либерально, исправникъ—типъ стараго, испитого грѣшника гусара, тоскующаго по клубничкѣ—манерничаетъ, какъ губернаторъ: прежде чѣмъ сказать слово, долго держитъ раскрытымъ ротъ, а сказавъ слово, долго рычитъ по-собачьи: э-э-э-э..; дама впрыскиваетъ себѣ морфій и посылаетъ мужчинъ на станцію за льдомъ..

Въ Бѣлградѣ щи. Въ Харьковъ пріѣзжаемъ въ 9 ч. Умилительное прощаніе съ исправникомъ, генераломъ и прочими. Вагонъ почти пустъ. Я и Волжинскій беремъ по длинному дивану и засыпаемъ скоро безъ помощи маменькиной бутылки. Въ 3 часа ночи просыпаюсь: мой офицеръ собираетъ вещи, чтобы уходить. Лозовая. Прощаемся, пообѣщавъ бывать (?!) другъ у друга. Засыпаю и ѣду дальше. Просыпаюсь въ Славянскѣ, откуда шлю открытое письмо. Тутъ новая компанія: помѣщикъ въ родѣ Иловайскаго и контролеръ желѣзной дороги. Судимъ желѣзныя дороги. Контролеръ разсказываетъ, какъ Лозово-Севастоп. дорога украла у Азовской 300 вагоновъ и выкрасила ихъ въ свой цвѣтъ[1]).

Харцызская. 12 часовъ дня. Погода чудная. Пахнетъ степью и слышно, какъ поютъ птицы. Вижу старыхъ пріятелей-коршуновъ, летающихъ надъ степью..

Курганчики, водокачки, стройки—все знакомо и памятно. Въ буфетѣ порція необыкновенно вкусныхъ и жирныхъ зеленыхъ щей. Потомъ прогулка по плат-

---

[1]) См. разсказъ А. П. «Холодная кровь». («Новое Время». 1887 г. №№ 4193 и 4196.)

формѣ. Барышни. Въ крайнемъ окнѣ второго этажа станціи сидитъ барышня (или дама, чертъ ее знаетъ) въ бѣлой кофточкѣ, томная и красивая[1]). Я гляжу на нее, она на меня.. Надѣваю пенснэ, она тоже.. О чудное видѣніе! Получилъ катарръ сердца и поѣхалъ дальше. Погода чертовски, возмутительно хороша. Хохлы, волы, коршуны, бѣлыя хаты, южныя рѣчки, вѣтви Донецкой дороги съ одной телеграфной проволокой, дочки помѣщиковъ и арендаторовъ, рыжія собаки, зелень—все это мелькаетъ, какъ сонъ.. Жарко. Контролеръ начинаетъ надоѣдать. Котлеты и пирожки наполовину цѣлы и начинаютъ попахивать горечью.. Сую ихъ подъ чужой диванъ вмѣстѣ съ остатками водки.

5-й часъ. Видно море. Вотъ она ростовская линія, красиво поворачивающая, вотъ острогъ, богадѣльня, дришпаки[2]), товарные вагоны... гостинница Бѣлова, Михайловская церковь съ топорной архитектурой.. Я въ Таганрогѣ. Меня встричаитъ[3]) Егорушка[4]), здоровеннѣйшій парень, одѣтый франтомъ: шляпа, перчатки въ 1 р. 50 к., тросточка и проч. Я его не узнаю, но онъ меня узнаетъ. Нанимаетъ извозчика и ѣдемъ. Впечатлѣнія Геркуланума и Помпеи: людей нѣтъ, а вмѣсто мумій—сонные дришпаки и головы дынькой. Всѣ дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены.. Съ Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая грязь, по которой можно ѣхать шагомъ, да и то съ опаской. Подъѣзжаемъ . . . . . .

Возлѣ дома—лавка, похожая на коробку изъ-подъ яичнаго мыла. Крыльцо переживаетъ агонію и парад-

---

[1]) См. разсказъ «Красавицы». («Новое Время» № 4513. 1888 г.).

[2]) Неинтеллигентные молодые люди—таганрогскій жаргонъ.

[3]) Таганрогскій жаргонъ.

[4]) Двоюродный братъ.

наго въ немъ осталось только одно—идеальная чистота. Дядя такой же, какъ и былъ, но замѣтно посѣдѣлъ. По прежнему ласковъ, мягокъ и искрененъ. . . . . Егорушка малый добрый и для Таганрога приличный. Франтитъ и любитъ глядѣться въ зеркало. Купилъ себѣ за 25 р. женскіе золотые часы и гуляетъ съ барышнями . . . . . .

Что сильно бросается въ глаза, такъ это необыкновенная ласковость дѣтей къ родителямъ и въ отношеніяхъ другъ къ другу. Ирина потолстѣла. Въ комнатахъ то же, что и было: . . . . . .

Не люблю таганрогскихъ вкусовъ, не выношу и, кажется, бѣжалъ бы отъ нихъ за тридевять земель.

Домъ Селиванова[1]) пустъ и заброшенъ. Глядѣть на него скучно, а имѣть его я не согласился бы ни за какія деньги.

Дивлюсь: какъ это мы могли жить въ немъ?! Кстати: Селивановъ живетъ въ имѣніи, а его Саша въ изгнаніи..

Напиваюсь чаю и иду съ Егоромъ на Большую улицу. Вечерѣетъ. Улица прилична, мостовыя лучше московскихъ. Пахнетъ Европой. Налѣво гуляютъ аристократы, направо—демократы. Барышень чертова пропасть: бѣлобрысыя, черноморденькія, гречанки, русскія, польки... Мода: платья оливковаго цвѣта и кофточки. Не только аристократія (т.-е. паршивые греки), но даже вся Новостроенка носитъ этотъ оливковый цвѣтъ. Турнюры не велики. Только однѣ гречанки рѣшаются носить большіе турнюры, а у остальныхъ не хватаетъ на это смѣлости.

Вечеромъ я дома. Дядя облачается въ мундиръ церковнаго сторожа [2]). Я помогаю ему надѣть большую медаль,

---

[1]) Бывшій прежде отца А. П.

[2]) Иронія: нужно читать «Старосты».

которую онъ раньше ни разу не надѣвалъ. Смѣхъ. Идемъ въ Михайловскую церковь [1]). Темно. Извозчиковъ нѣтъ. По улицамъ мелькаютъ силуэты дришпаковъ и драгилей [2]), шатающихся по церквямъ. У многихъ

Домъ П. Е. Чехова въ Таганрогѣ, перешедшій потомъ къ Селиванову (нынѣ еврейская богадѣльня).

фонарики. Митрофаньевская церковь освѣщена очень эффектно, снизу до верхушки креста. Домъ Лободы рѣзко выдѣляется въ потемкахъ своими освѣщенными окнами.

Приходимъ въ церковь. Сѣро, мелко и скучно. На окнахъ торчатъ свѣчечки—это иллюминація; дядино лицо залито блаженнѣйшей улыбкой—это замѣняетъ

---

[1]) Къ пасхальной заутренѣ.

[2]) Чернорабочіе.

электрическое солнце. Убранство церкви не ахтительное, напоминающее воскресенскую церковь. Продаемъ свѣчи...

. . . . . .

Крестный ходъ. Два дурака идутъ впереди, машутъ бенгальскими огнями, дымятъ и осыпаютъ публику искрами. Публика довольна. Въ притворѣ храма стоятъ создатели, благотворители и почитатели храма сего съ дядей во главѣ и съ иконами въ рукахъ ждутъ возвращенія крестнаго хода.. На шкафу сидитъ Владимірчикъ и сыплетъ въ жаровню ладанъ. Дымъ такой, что вздохнуть нельзя. Но вотъ входятъ въ притворъ попы и хоругвеносцы. Наступаетъ торжественная тишина. Взоры всѣхъ обращены на О. Василія..

— Папочка, еще подсыпать?—вдругъ раздается съ высоты шкафа голосъ Владимірчика.

Начинается утреня. Я беру Егора и иду съ нимъ въ соборъ. Извозчиковъ нѣтъ и поневолѣ приходится идти пѣшкомъ. Въ соборѣ прилично, чинно и торжественно. Пѣвческая великолѣпна. Голоса роскошны, но дисциплина никуда не годится. Покровскій посѣдѣлъ; голосъ его сталъ уже глуше и слабѣе. Дьяконъ Викторъ неузнаваемъ. Григоровичъ похожъ на мертвеца.

Въ соборѣ встрѣчаю И. И. Лободу, котораго узнаю издали по его красному мясистому затылку. Бесѣдуемъ до конца службы.

Изъ собора пѣшкомъ домой. Ноги болятъ и нѣмѣютъ. Дома разговѣнье . . . . . прекрасные куличи,

. . . . . .

Дядя разговляется у о. Василія. Наѣвшись и выпивъ сантуринскаго, ложусь и засыпаю...

Утромъ нашествіе поповъ и пѣвчихъ. . . . . .

Отъ А. иду къ m-me N., которая живетъ на Конторской ул. въ покривившемся заржавленномъ флигелѣ. Въ двухъ крошечныхъ комнатахъ стоятъ два дѣвиче-

скихъ ложа и колыбель. Изъ подъ кровати наивно и уютно выглядываютъ Яковы Андреевичи. N. живетъ безъ мужа. Дѣтей двое. Ужасно подурнѣла и пожухла. По всѣмъ видимостямъ несчастна. Ея М. служитъ гдѣ-то на Кавказѣ въ станицѣ и живетъ тамъ на холостомъ положеніи. Вообще свинья.

Ѣду къ Е., не застаю и оставляю записку. Отсюда къ M-me З. Пробираясь къ ней черезъ Новый базаръ, я могъ убѣдиться, какъ грязенъ, пустъ, лѣнивъ, безграмотенъ и скученъ Таганрогъ. Нѣтъ ни одной грамотной вывѣски и есть даже «Трактиръ Расія»; улицы пустынны; рожи драгилей довольны; франты въ длинныхъ пальто и картузахъ, Новостроенка [1]) въ оливковыхъ платьяхъ, кавалери [2]), баришни [3]), облупившаяся штукатурка, всеобщая лѣнь, умѣнье довольствоваться грошами и неопредѣленнымъ будущимъ—все это тутъ воочію такъ противно, что мнѣ Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной.. У З.—сантуринское и пустословіе. Отъ нея домой, къ дядѣ.....

Вообще въ Таганрогѣ мода бѣгать съ актерами. Многіе недосчитываются своихъ женъ и дщерей. . .

. . . . . .

Дома я засталъ о. І. Я... жирнаго откормленнаго попа, который милостиво поинтересовался моей медицинной и къ великому удовольствію дяди снисходительно выразился:

— Пріятно за родителей, что у нихъ такіе хорошіе дѣти.

О. дьяконъ тоже поинтересовался мной и сказалъ, что ихъ Михайловскій хоръ (сбродъ голодныхъ шакаловъ, предводительствуемый пьющимъ регентомъ) считается первымъ въ городѣ. Я согласился, хотя и зналъ, что о. І... и о. дьяконъ ни бельмеса не смыслятъ въ пѣ-

---

[1]) Предмѣстье Таганрога.

[2]) [3]) Жаргонъ.

ніи. Дьячокъ сидѣлъ въ почтительномъ отдаленіи и съ вожделѣніемъ косился на варенье и вино, коими услаждали себя попъ и дьяконъ.

Въ 8 час. вечера дядя, его домочадцы, Ирина, собаки, крысы, живущія въ кладовой, кролики—все это спало и дрыхло. Волей неволей пришлось самому ложиться спать. Сплю я въ гостиной на диванѣ. Диванъ еще не выросъ, коротокъ попрежнему, а потому мнѣ приходится, укладываясь въ постель, неприлично задирать ноги вверхъ, или же спускать ихъ на полъ. Вспоминаю Прокуста и его ложе. Укрываюсь розовымъ стеганымъ одѣяломъ, жесткимъ и душнымъ, которое становится невыносимо противнымъ къ ночи, когда даютъ себя знать натопленныя Ириною печки. . . . . .

6 Апрѣль. Просыпаюсь въ 5 часовъ. Небо пасмурно. Дуетъ холодный, непріятный вѣтеръ, напоминающій Москву. Скучно. Жду соборнаго звона и иду къ поздней обѣднѣ. Въ соборѣ очень мило, прилично и не скучно. Пѣвчіе поютъ хорошо, не помѣщански, а публика въ сплошную состоитъ изъ барышень въ оливковыхъ платьяхъ и шоколадныхъ кофточкахъ. Хорошенькихъ много, такъ много, что я жалѣю, что я не Мишка [1]), которому такъ нужны хорошенькія.. Большинство здѣшнихъ дѣвицъ сложено хорошо, имѣетъ прекрасные профили и не прочь поамурничать. Кавалеровъ здѣсь нѣтъ вовсе, если не считать грековъ-маклеровъ и подмоченныхъ камбурятъ [2]), а потому офицерамъ и пришельцамъ здѣсь раздолье.

Изъ собора къ Е. Застаю дома его жену—очень милую барыньку. Устроился Е. очень недурно, по московски и я, глядя на его громадную квартиру, не вѣрю

---

[1]) Братъ Михаилъ Павловичъ.

[2]) Молодыхъ людей.

Александру, который говорилъ, что въ Таганрогѣ нельзя устроиться. Визитеровъ тьма и все мѣстные аристократы—мелкіе, грошовые людишки, изъ которыхъ впрочемъ можно сдѣлать сносный выборъ. Познакомился съ офицеромъ Д.—мѣстная знаменитость, дравшаяся на дуэли. Видѣлъ докторовъ Фамильянта, Ромбро, Іорданова и проч. Въ 3 часа является домой Е. пьяный, какъ стелька. Отъ моего пріѣзда онъ въ восторгѣ и клянется мнѣ въ вѣчной дружбѣ; знакомъ я съ нимъ былъ мало, но онъ клянется, что у него на этомъ свѣтѣ только и есть 2 истинныхъ друга: я и Коробовъ [1]). Садимся обѣдать и трескаемъ сантуринское. Обѣдъ приличный: хорошій супъ безъ твердаго риса и цыплята. Несмотря на холодный вѣтеръ, послѣ обѣда ѣдемъ въ Карантинъ. Тутъ въ Карантинѣ много дачъ дешовыхъ и удобныхъ; нанять къ будущему году можно, но меня смущаетъ изобиліе дачъ; гдѣ изобиліе, тамъ многолюдство и шумъ. Есть дачи во дворѣ Компанейской мельницы, но мнѣ не нравится мѣсто. Многіе совѣтуютъ съѣздить за 7 верстъ отъ Таганрога къ Міусу, гдѣ тоже есть дачи. Когда съѣзжу, напишу. На Міусѣ продаются дачи очень дешево. Можно купить сносную дачу съ садикомъ и съ берегомъ за 500—1000 руб. Дешевле грыбовъ.

7, 8, 9 и 10 Апрѣль. Скучнѣйшіе дни. Холодно и пасмурно. . . . . .
Купилъ Гуніади, но здѣшній Гуніади — безсовѣстная поддѣлка съ полынною горечью. Каждую ночь приходилось жалѣть и бранить себя за добровольное принятіе мукъ, за выѣздъ изъ Москвы въ страну поддѣльнаго Гуніади, потемокъ и подзаборныхъ ватеровъ. Постоянное чувство неудобной лагерной жизни.

. . . . . .

---

[1]) Московскій врачъ, товарищъ А. П.

Одно только утѣшеніе: Е. съ женой и съ своей удобной квартирой... Судьба щадитъ меня: я не вижу А. В. и еще ни разу не былъ вынужденъ говорить о политикѣ. Если встрѣчусь съ А. В., то—пулю въ лобъ.

Меня «несетъ», а потому рѣдко выхожу изъ дому. Выѣхать нельзя, ибо холодновато да и хочется поглядѣть на проводы [1]). 19-го и 20-го я гуляю и шаферствую въ Новочеркаскѣ на свадьбѣ, а раньше и позднѣе буду у К., гдѣ неудобства жизни въ 1000 разъ удобнѣе таганрогскихъ удобствъ.

11-го Апр. Пьянство у Е., потомъ поѣздка компаніей на кладбище и въ карантинъ. Былъ въ саду. Играла музыка. Садъ великолѣпный. Пахнетъ дамами, а не самоварнымъ дымомъ, какъ въ Сокольникахъ. Кругъ биткомъ набитъ.

Каждый день знакомлюсь съ дѣвицами, т.-е. дѣвицы ходятъ къ Е. поглядѣть, что за птица Чеховъ, который «пишитъ». Большинство изъ нихъ не дурны и не глупы, но я равнодушенъ, ибо у меня катарръ кишокъ, заглушающій всѣ чувства.

Теперь о текущихъ дѣлахъ. Умерли: д-ръ Шремпфъ, Сила Маринченко, Марфа Петровна.. Видѣлъ Марью Никифоровну, которая величала меня «братцемъ». Егорушка служитъ въ Русскомъ Общ. Пароходства. Уходитъ на службу въ 5 часовъ утра, возвращается къ обѣду, въ 5 вечера опять уходитъ и въ 9 ч., утомленный, голодный идетъ изъ агентства въ садъ гулять съ барышнями. Малый рабочій и приличный. Куритъ тайно отъ отца; Л. П. прячетъ этотъ сыновній грѣхъ и боится, чтобы Митрофаша не пронюхалъ ересь. Егорушка свободенъ и отъ лавки, и отъ церкви, ибо некогда. Хо-

---

[1]) Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда на кладбищѣ въ Таганрогѣ бываетъ гулянье.

дитъ на службу каждый день, не исключая большихъ праздниковъ. Ему позволено возвращаться домой поздно ночью и говорить о женщинахъ; Владимірчикъ глядитъ на его жизнь и облизывается.

Каланча выкрашена въ красный цвѣтъ. А. Ѳ. Дьяконовъ попрежнему тонокъ, какъ гадючка, носитъ коленкоровыя брючки и сковороду вмѣсто картуза. Чаканъ живъ, но я его еще не видѣлъ. Курдтъ и Фаустъ умирать не собираются.

Видѣлъ похороны. Непріятно видѣть раскрытый гробъ, въ которомъ трясется мертвая голова. Кладбище красиво, но обокрадено. Памятникъ Катапули варварски ощипанъ. О. Павелъ попрежнему черенъ, франтъ и не унываетъ: пишетъ на весь міръ доносы и бранится. Идетъ онъ по рядамъ и видитъ Марфочку, сидящую около своей лавки.

— Какого ччорта вы тутъ сидите? говоритъ онъ ей. Ччортъ знаетъ, какъ холодно, а вы не запираетесь! Ччорта вы уторгуете въ такой холодъ!

Дядя ѣздитъ съ ревизоромъ. Ревизоръ—податной инспекторъ играетъ тутъ такую роль, что Л. П. дрожитъ, когда видитъ его, а М. едва не . . . . . отъ радости, когда онъ пригласилъ ее въ кумы. Замѣтно, большой пройдоха и умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ. Выдаетъ себя за генерала, въ каковой чинъ вѣруютъ и дядя, и Лободины.

Покровскій—благочинный. Въ своемъ муравейникѣ онъ гроза и свѣтило. Держитъ себя архіереемъ. . . .

14-го Апр. Увы! горькая чаша не миновала меня: вчера приходилъ живчикъ, полицейская барабошка.....

Онъ вошолъ и заговорилъ камбуринымъ голосомъ, но такъ громко и визгливо, какъ не въ состояніи говорить сотня камбурятъ:

— Да я же жъ Господи говорилъ же Ерѣ, идѣ я живу,

да отчего же жъ ви не приходили? Мой Ф..... плаваетъ, а кончилъ Николай Павлычъ Мессалину? Бувають ли его картины на выставкѣ? А ви какъ?

Онъ разсказалъ, что полицеймейстеръ взялъ съ него честное слово, что онъ не будетъ строчить въ газетахъ, что глава полиціи пообѣщалъ выслать его въ 24 часа за Уралъ, если онъ осмѣлится написать хоть одну строку, и т. д. Далѣе онъ говорилъ о погодѣ, о соціалистахъ, объ Италіи, о безнравственности, о сусликахъ, говорилъ непрерывно, съ переливами, съ междометіями и такъ громко, что мнѣ едва не сдѣлалось дурно и я увелъ его на дворъ. Сидѣлъ онъ до вечера; чтобы отвязаться отъ него, я пошелъ въ садъ—онъ за мной; изъ сада я бѣжалъ къ Е.—онъ за мной. Е. я не засталъ, пошелъ домой—полицейская стерва за мной—и т. д. Обѣщался сегодня зайти за мной и сопровождать меня на кладбище.

Сейчасъ получилъ отъ Ивана письмо. Я послалъ вамъ въ два раза 16 страницъ дневника и вдивляюсь [1]), что онѣ еще не получены Вами.

Мой кишечный катарръ продолжаетъ носить меня изъ комнаты въ мѣсто злачное и обратно. Насморкъ прошолъ, а на смѣну ему явилась новая болѣзнь—воспаленіе вены на лѣвой голени. 1½ вершка вены тверды, какъ грифель, и болитъ. Нѣсть числа недугамъ моимъ! Исполняется на мнѣ писаніе, что въ болѣзняхъ люди родятъ чада своя.. А чада мои не Егоръ, не Владимірчикъ, а разсказы и повѣсти, о коихъ я теперь думать не могу.. Писать противно.

. . . . . .

О. Василій опасно болѣнъ.

Сейчасъ прислали мнѣ сказать, что меня желаетъ видѣть Иродіада Егоровна, или Иранда. Она похоро-

---

[1]) Жаргонъ.

нила мать и мужа и теперь съ горя выходитъ замужъ во второй разъ. Погода у насъ хорошая, но вѣтеръ.

Посылаю образчикъ таганрогскаго остроумія. Прошу сохранить.

Торговля у Лободы скверная, а дядя торгуетъ по пятаку въ день, да и то съ натугой. . . . . .

Во дворцѣ службы нѣтъ. Часовня заперта и ржавѣетъ.

Во вторникъ былъ на кладбищенскихъ проводахъ. Эти проводы до того оригинальны, что заслуживаютъ спеціальнаго описанія, а посему умолкаю и отлагаю описаніе до другого раза. Въ среду нужно было ѣхать дальше, но помѣшала вена на ногѣ. Отъ среды до субботы шлялся въ садъ, въ клубъ, къ баришнямъ[1]). Какъ ни скучна и не томительна таганрогская жизнь, но она замѣтно втягиваетъ; привыкнуть къ ней не трудно. За все время пребыванія въ Таганрогѣ я могъ отдать справедливость только слѣдующимъ предметамъ: замѣчательно вкуснымъ базарнымъ бубликамъ, сантуринскому, зернистой икрѣ, прекраснымъ извощикамъ и не поддѣльному радушію дяди. Остальное все плохо и не завидно. Баришни здѣсь, правда, не дурны, но къ нимъ нужно привыкнуть. Онѣ рѣзки въ движеніяхъ, легкомысленны въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, бѣгаютъ отъ родителей съ актерами, громко хохочутъ, влюбчивы, собакъ зовутъ свистомъ, пьютъ вино и проч. Есть между ними даже циники, напр., бѣлобрысая Маня Х. Эта особа трогаетъ не только живыхъ, но и мертвыхъ. Когда я гулялъ съ нею по кладбищу, она все время смѣялась надъ мертвецами и ихъ эпитафіями, надъ попами, дьяконами и проч.

Что отвратительно въ Т-гѣ, такъ это вѣчно запираемыя ставни. Впрочемъ, утромъ, когда открывается ставня и въ комнату врывается масса свѣта, на душѣ дѣлается празднично.

---

[1]) Жаргонъ.

Въ субботу я поѣхалъ дальше. На Морской станціи чудный воздухъ и зернистая икра 70 коп. за фунтъ. Въ Ростовѣ ожиданіе 2 часа. Въ Новочеркасскѣ ожидать 20 часовъ. Ночую у знакомаго. Вообще, нечистый знаетъ, гдѣ только не приходится мнѣ ночевать: на кроватяхъ съ клопами, на диванахъ, на диванчикахъ, на сундукахъ.. Въ послѣднюю ночь ночевалъ въ длинной и узкой залѣ подъ зеркаломъ, на диванѣ; Яковъ Андревичъ похожъ на супникъ и изукрашенъ нѣжными полутонами. Я въ Новочеркаскѣ. Сейчасъ завтракалъ: икра, масло, дивное цимлянское и сочныя котлеты съ зеленымъ лукомъ.

Барышня, у которой я буду шаферствовать, отложила свою свадьбу до пятницы. Въ четвергъ я опять долженъ быть въ Новочеркаскѣ, а сегодня въ 4 часа ѣду дальше. Въ Звѣревѣ прійдется ждать 9 часовъ. Пока прощевайте.

Завтра утромъ ѣду дальше. *А. Чеховъ.*

CLXXVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Таганрогъ. 1887 г. Апрѣль.)

Милѣйшій Маэстро!

Я на югѣ!!! Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что мнѣ тепло. Вотъ уже 6-й день, какъ въ Таганрогѣ

дуетъ холодный вѣтеръ, заставляющій облачаться въ теплое пальто.

Мнѣ скучно и скверно . . . . . Денегъ мало. Будущее неопредѣленно. Обыватели опротивѣли. Ѣда плохая.. Улицы грязны. Сплю не во время.

Когда вѣтеръ перестанетъ дуть, я поѣду дальше. Мой адресъ: г. Таганрогъ, д. М. Е. Чехова. Отсюда мнѣ будутъ пересылаться всѣ письма.

. . . . . .

Таганрогъ очень хорошій городъ. Если бы я былъ такимъ талантливымъ архитекторомъ, какъ Вы, то сломалъ бы его.

За Вами «пручентъ»: я маклерую у дяди, чтобы избавить Васъ отъ ангеловъ [1]). Нечистые духи Вамъ болѣе къ лицу, чѣмъ чистые.

Ѣду сейчасъ къ одной дамочкѣ. Буду у нея «писать». Прощайте. Избѣгайте вина и женщинъ.

Вашъ. *А. Чеховъ.*

Какъ поживаютъ бѣшеныя собаки Николая?

CLXXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

Таганрогъ. 17 Апр. (1887 г.)

Мое Вамъ почтеніе, недугующій Николай Александровичъ! Извѣщаю Васъ, что я тоже не ударилъ лицомъ въ грязь и не отстаю отъ Васъ по части недуговъ. У меня нѣсколько болѣзней, весьма безпокойныхъ и буквально

---

[1]) Ф. О. Шехтель долженъ былъ составить проектъ часовни надъ плащаницею для Михайловской церкви, въ которой дядя А. П. былъ старостой.

отравляющихъ мое существованіе: 1) геморрой . . . . . 2) катарнще кишокъ, ничѣмъ не побѣждаемый и вѣроятно обусловливаемый качествомъ здѣшней воды, 3) бронхитъ съ кашлемъ и наконецъ 4) воспаленіе вены на лѣвой ногѣ—болѣзнь, задержавшая меня въ Таганрогѣ. Теперь и считайте: у кого больше всякихъ пакостей, у Васъ, или у меня?

Письмо Ваше получено сегодня. Если Вы оставили массажъ, то почему бы за одно ужъ не бросить Вамъ валеріану съ ландышемъ? Я, хоть убейте, рѣшительно не понимаю, для чего Вы принимаете ландышъ и валеріану. Вреда эти средства не принесутъ, но и пользы тоже никакой. Для людей мнительныхъ, кстати сказать, средства безвредно-безполезныя, напрасно принимаемыя, служатъ часто источникомъ страха: «принимаю капли уже цѣлый мѣсяцъ, а онѣ мнѣ не помогаютъ; стало-быть докторъ меня не понялъ»..

Для меня странно соединеніе валеріаны съ ландышемъ; странно, что такіе веревочные невры, какъ у Васъ, ищутъ успокоенія въ такихъ пустячкахъ; странно, что ландышъ принимается, когда нѣтъ показанія на то. По моему Вамъ нужно:

1) Жить, какъ Вы хотите, на Тоснѣ, работать на воздухѣ, но не утомляться. Пить молоко, хорошо питаться и слѣдить, чтобы испражненія на низъ производились добросовѣстно, т.-е. не менѣе одного раза въ сутки.

2) Забросить къ . . . . всю фармацію.

3) Не обращать вниманія на сердцебіенія, замиранія и проч., памятуя, что отъ сердцебіеній и замираній люди не умираютъ.

4) Вовсе не думать или думать порѣже о недугахъ. Вѣдь стоитъ только обратить вниманіе на свое сердце, прислушаться къ нему, чтобы пульсъ сталъ быстрѣе на 10—15 ударовъ.

5) Въ случаѣ ипохондріи, страха смерти, тоски, обращать вниманіе не столько на сердце, которое у Васъ здорово, сколько на желудокъ и кишки. Навѣрное, у Васъ есть расширеніе желудка—болѣзнь, при которой меланхолія—явленіе постоянное.

6) Въ теченіе 5—10 лѣтъ вовсе не помышлять о болѣзняхъ и не обращать на нихъ серьезнаго вниманія. Прійдетъ старость, тогда другое дѣло..

Таково мое мнѣніе.

Завтра я *непремѣнно* ѣду въ Донщину. Одно письмо Вы можете мнѣ послать по адресу: «Ст. Ивановка-Крестная, Донецкой-Каменноугольной дороги, Гавріилу Павловичу Кравцову», для передачи мнѣ.

Одно письмо, но не больше. Слѣдующее Вы опять напишите въ Таганрогъ.

Я писалъ Билибину, чтобы гонораръ высланъ былъ мнѣ на имя дяди Митр. Егор. Чехова, въ Таганрогѣ.

Ну прощайте. Кланяйтесь Вашимъ. Погода у насъ великолѣпная.

А. Чеховъ.

CLXXIX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника.)

20-го Апр. 6 часовъ утра. (1887 г. Звѣрево.)

Ѣду изъ Звѣрева Ворон. д. по Донецкой дорогѣ. Въ Звѣревѣ пришлось ждать съ 9-го часа вечера до 5 часовъ утра: весело!!!

Голая степь: курганчики, коршуны, жаворонки, синяя даль..

Въ четвергъ буду въ Новочеркаскѣ, а въ воскресенье опять ѣхать по Донецкой дор. Жалѣю, что ѣзжу одинъ. Все очень курьезно.

Изъ Москвы получилъ письмо только отъ Ивана; остальные господа кудринцы почему-то не пишутъ.

А. Чехонте.

Поклоны всѣмъ.

CLXXX.

Ей же.

(Съ подлинника.)

(Звѣрево. 1887 г. Апр. 23.)

3 часа ночи. Опять сижу въ Звѣревѣ, чтобы ѣхать въ Новочеркаскъ на свадьбу. Считаю минуты и, томясь духомъ, вспоминаю о своемъ московскомъ ложѣ. Считаю минуты, пью медленно чай, заговариваю съ пассажирами, читаю календарь для врачей, но отъ этого время не кажется короче.

Въ субботу опять къ К. и опять ждать въ Звѣревѣ 9 часовъ. Уфъ!!!

О житьѣ у К. буду писать длинно. Живется у него не дурно: лѣсъ, степь въ широкихъ размѣрахъ, дудаки, дураки, кислое молоко и ѣда 8 разъ въ день. Живя у К., можно излѣчиться отъ 15 чахотокъ и 22-хъ ревматизмовъ. Впрочемъ, геморрой не поддается. Кланяюсь всѣмъ. Что подѣлываетъ М. Забѣлинъ? [1]).

А. Чеховъ.

CLXXXI.

Ей же.

(Съ подлинника.)

25 Апрѣль. (Черкаскъ. 1887 г.)

Сейчасъ ѣду изъ Черкаска въ Звѣрево, а оттуда по Донецкой дор. къ К. Вчера и третьяго дня была свадьба,

---

[1]) Шутотное названіе Н. П. Чехова.

настоящая казацкая, съ музыкой, бабьимъ козлогласіемъ и возмутительной попойкой. Такая масса пестрыхъ впечатлѣній, что нѣтъ возможности передать въ письмѣ, а приходится откладывать описаніе до возвращенія въ Москву. Невѣстѣ 16 лѣтъ. Вѣнчали въ мѣстномъ соборѣ. Я шаферствовалъ въ чужой фрачной парѣ, въ широчайшихъ штанахъ и безъ одной запонки—въ Москвѣ такому шаферу дали бы по шеѣ, но здѣсь я былъ эффектнѣе всѣхъ.

Видѣлъ богатыхъ невѣстъ. Выборъ громадный, но я все время былъ такъ пьянъ, что бутылки принималъ за дѣвицъ, а дѣвицъ за бутылки. Вѣроятно, благодаря моему пьяному состоянію, здѣшнія дѣвицы нашли, что я остроуменъ и «насмѣшники». Дѣвицы здѣсь—сплошная овца: если одна поднимется и выйдетъ изъ залы, то за ней потянутся и другія. Одна изъ нихъ, самая смѣлая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкаго обращенія и политики, то и дѣло била меня вѣеромъ по рукѣ и говорила: «у, негодный!», при чемъ не переставала сохранять испуганное выраженіе лица. Я научилъ ее говорить кавалерамъ: «Какъ ви наивны!»

Молодые, вѣроятно, въ силу мѣстнаго обычая цѣловались каждую минуту, цѣловались въ засосъ, такъ что ихъ губы всякій разъ издавали трескъ отъ сжатаго воздуха, а у меня получался во рту вкусъ приторнаго изюма и дѣлался спазмъ въ лѣвой икрѣ. Отъ ихъ поцѣлуевъ воспаленіе на моей лѣвой ногѣ стало сильнѣе.

Не могу выразить, сколько я съѣлъ свѣжей зернистой икры и выпилъ цымлянскаго! И какъ это я до сихъ поръ не лопнулъ!

Скажите Я. А. Корнѣеву, что ему кланялся нѣкій Похлебинъ—субъектъ съ бакенами и съ головой рѣдькой хвостомъ вверхъ.

. . . . . .

Мнѣ ужасно тяжело писать.. Темъ для Нов. Времени много, но такая жара, что даже письмо тяжело писать.

У меня деньги на исходѣ. Приходится жить альфонсомъ. Живя всюду па чужой счетъ, я начинаю походить на нижегородскаго шулера, который ѣстъ чужое, но сверкаетъ апломбомъ.

Сію минуту хозяева мои уѣхали. Я обѣдалъ solo и вспоминалъ гончаровскаго Антона Ивановича: предо мной стояли горничныя, а я милостиво кушалъ и снисходилъ до бесѣды съ Ульяшами и Анютами.

Въ Звѣревѣ прійдется ждать отъ 9 вечера до 5 утра. Въ прошлый разъ я тамъ ночевалъ въ вагонѣ II класса на запасномъ пути. Вышелъ ночью изъ вагона за малымъ дѣломъ, а на дворѣ сущія чудеса: луна, необозримая степь съ курганами и пустыня; тишина гробовая, а вагоны и рельсы рѣзко выдѣляются изъ сумерекъ— кажется, міръ вымеръ... Картина такая, что во вѣки вѣковъ не забудешь. Жалѣю, что Мишкѣ нельзя было поѣхать со мной. Онъ ошалѣлъ бы отъ впечатлѣній.

Поклоны всѣмъ: Ма-сте, На-сте, M-lles Эфросъ, Семашко и т. д. Напишите, когда Иваненко выѣдетъ изъ Москвы.

Письма, которыя я посылаю въ Москву, принадлежатъ всей чеховской фамиліи; боюсь, что съ ними происходитъ таже исторія, что съ Новостями Дня [1]).

Цвѣтутъ вишни и жердели [2]).

Прощайте. Надѣюсь, что всѣ здоровы.

А. Чеховъ.

---

[1]) А. П. выписывалъ газету «Новости Дня» спеціально для матери, но охотниковъ читать находилось много, отчего происходили иногда недоразумѣнія.

[2]) Мелкій сортъ абрикосовъ.

CLXXXII.

Ей же.

(Съ подлинника.)

(Почтовый вагонъ. 1887 г. Апр. 29.)

Весьма важное: уѣзжая на дачу, не забудьте оставить для меня мою корзину. Безъ корзины мнѣ рѣшительно не въ чемъ будетъ провезти свой багажъ, такъ какъ чемоданы тѣсны, платье мнется, замки портятся, да и къ тому же одинъ чемоданъ не мой. Корзина должна быть съ замкомъ и вервіемъ. Жерличные крючки (5 шт.) мои цѣлы, а потому новыхъ не покупайте; возьмите только у Семашко струнъ [1]).

Если купите 2—3 верши, то хорошо.

Когда Иваненко выѣдетъ изъ Москвы домой? Безъ отвѣта на сей вопросъ я къ нему не поѣду.

А. Чеховъ.

CLXXXIII.

Ей же.

(Съ подлинника.)

(Рагозина Балка. 1887 г.)

30 Апр. Теплый вечеръ. Тучи, а потому зги не видно. Въ воздухѣ душно и пахнетъ травами.

Живу въ Рагозиной Балкѣ у К. Маленькій домишко съ соломенной крышей и сараи, сдѣланные изъ плоскаго камня. Три комнаты съ глиняными полами,

---

[1]) Семашко—віолончелистъ. Хорошій знакомый семьи Чеховыхъ. Старыя струны съ его віолончели служили А. П. для жерлицъ.

кривыми потолками и съ окнами, отворяющимися снизу вверхъ.. Стѣны увѣшены ружьями, пистолетами, шашками и ногайками. Комоды, подоконники—все завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками съ порохомъ и мѣшочками съ дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мнѣ приходится на чахоточномъ диванѣ, очень жесткомъ и не обитомъ. с . . . , пепельницъ и прочихъ комфортовъ нѣтъ за 10 верстъ въ окружности. Чтобы вспомнить М-lle С., нужно (не глядя на погоду) спускаться внизъ въ балку и облюбовать кустъ; садиться рекомендуютъ не ранѣе, какъ убѣдившись, что подъ онымъ кустомъ нѣтъ гадюки, или другой какой-нибудь твари.

Населеніе: старикъ К., его жена, хорунжій Петръ съ широкими красными лампасами, Алеха, Хахкò (т.-е. Александръ), Зойка, Нинка, пастухъ Никита и кухарка Акулина. Собакъ безчисленное множество и всѣ до одной злыя, бѣшенныя, не дающія проходу ни днемъ, ни ночью. Приходится ходить подъ конвоемъ, иначе на Руси станетъ однимъ литераторомъ меньше. Зовутъ собакъ такъ: Мухтаръ, Волчокъ, Бѣлоножка, Гапка и т. д. Самый проклятый, это—Мухтаръ, старый песъ, на рожѣ котораго вмѣсто шерсти виситъ грязная пакля. Онъ меня ненавидитъ и всякій разъ, когда я выхожу изъ дому, съ ревомъ бросается на меня.

Теперь о ѣдѣ. Утромъ чай, яйца, ветчина и свиное сало. Въ полдень супъ съ гусемъ—жидкость, очень похожая на тѣ помои, которыя остаются послѣ купанья толстыхъ торговокъ—, жареный гусь съ маринованнымъ терномъ, или индѣйка, жареная курица, молочная каша и кислое молоко. Водки и перцу не полагается. Въ пять часовъ варятъ въ лѣсу кашу изъ пшена и свиного сала. Вечеромъ чай, ветчина и все, что уцѣлѣло отъ обѣда. Пропускъ: послѣ обѣда подаютъ кофе,

приготовленный, судя по вкусу и запаху, изъ жаренаго кизика [1]).

Удовольствія: охота на дудаковъ, костры, поѣздки въ Ивановку, стрѣльба въ цѣль, травля собакъ, приготовленіе пороховой мякоти для бенг. огней, разговоръ о политикѣ, постройка изъ камня башенъ и проч.

Главное занятіе—раціональная агрономія, введенная юнымъ хорунжимъ, выписавшимъ отъ Леухина на 5 р. 40 к. книгъ по сельскому хозяйству. Главная отрасль хозяйства, это — сплошное убійство, не перестающее въ теченіе дня ни на минуту. Убиваютъ воробцовъ, ласточекъ, шмелей, муравьевъ, сорокъ, воронъ, чтобы они не ѣли пчелъ; чтобы пчелы не портили цвѣта на плодовыхъ деревьяхъ, бьютъ пчелъ, а чтобы деревья эти не истощали почвы, вырубаютъ деревья. И такимъ образомъ получается круговоротъ, хотя и оригинальный, но основанный на послѣднихъ данныхъ науки.

Къ одру отходимъ въ 9 ч. вечера. Сонъ тревожный, ибо на дворѣ воютъ Бѣлоножки и Мухтары, а у меня подъ диваномъ неистово лаетъ имъ въ отвѣтъ Цетеръ. Будитъ меня стрѣльба: хозяева стрѣляютъ въ окна изъ винтовокъ въ какое-нибудь животное, наносящее вредъ хозяйству. Чтобы выйти ночью изъ дому, нужно будить хорунжаго, иначе собаки изорвутъ въ клочья, такъ что сонъ хорунжаго находится въ полной зависимости отъ количества выпитаго мною наканунѣ чая и молока.

Погода хорошая. Трава высока и цвѣтетъ. Наблюдаю пчелъ и людей, среди которыхъ я чувствую себя чѣмъ-то въ родѣ Миклухи-Маклая. Вчера ночью была очень красивая гроза.

---

[1]) Сухой навозъ для топлива.

Что у насъ тутъ роскошно, такъ это горы. Мѣстность такова: [1])

Недалеко шахты. Завтра рано утромъ ѣду въ Ивановку (23 версты) за письмами, на дрогахъ и въ одну лошадь.

У меня геморрой и болитъ лѣвая нога. Получилъ отъ Миши одно письмо отъ 14 апр. Отъ Александра писемъ не имѣю.

Ѣдимъ индюшачьи яйца. Индѣйки несутся въ лѣсу на прошлогоднихъ листьяхъ. Куръ, гусей, свиней и пр. тутъ не рѣжутъ, а стрѣляютъ *).

Прощайте. *А. Чеховъ.*

Кланяюсь.

CLXXXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Май (1887 г. Рагозина Балка).

Вчера, добрѣйшій Николай Александровичъ, ѣздилъ я въ почтовое отдѣленіе въ Ивановку (23 версты) и получилъ тамъ 2 Вашихъ письма: одно, адресованное Вами въ Крестную, другое, пересланное мнѣ изъ Таганрога. Почта здѣсь почитается роскошью, а посему почтовыхъ учрежденій немного, да и тѣ сидятъ безъ дѣла.. Чтобы получить письмо, или газету, надо ждать оказіи, а нарочно за корреспонденціей тутъ никто не ѣздитъ. Если будете часто ѣздить зря, т.-е. за газетами, то вы рискуете прослыть бездѣльникомъ, вольнодумцемъ и соціалистомъ.

Вы напрасно сердитесь на мое молчаніе. Радъ бы писать, да почты нѣтъ. И послалъ я вамъ не одно письмо,

---

[1]) А. П. далъ ниже схематическій планъ мѣстности.

*) Стрѣльба непрерывная. *Прим. А. П.*

какъ Вы пишете, а два: одно въ Питеръ, а другое въ село Ивановское.

Сейчасъ я ѣду въ Славянскъ, а оттуда въ Святыя Горы, гдѣ пробуду 3—4 дня въ постѣ и молитвѣ. Изъ Святыхъ Горъ въ Таганрогъ..

Ужасно: у меня 53 рубля—только. Приходится обрѣзывать себѣ крылья и облизываться тамъ, гдѣ слѣдовало бы ѣсть. Ѣзжу теперь въ III классѣ и какъ только у меня останется въ карманѣ 20 р., тотчасъ же попру обратно въ Москву, чтобы не пойти по міру.

Ахъ, будь у меня лишнихъ 200—300 руб., показалъ бы я Кузькину мать! Я бы весь міръ изъѣздилъ! Гонораръ изъ Пет. Газ. идетъ въ Москву семьѣ. Возлагаю большія надежды на осколочный гонораръ, который просилъ В. В-ча [1]) выслать мнѣ въ Таганрогъ.

Жилъ я послѣднее время въ Донской Швейцаріи, въ центрѣ такъ называемаго Донецкаго кряжа: горы, балки, лѣсочки, рѣчушки и степь, степь, степь... Жилъ я у отставного хорунжаго, обитающаго на своемъ участкѣ вдали отъ людей. Кормили меня супомъ изъ гуся, клали спать на деревянный диванъ, будили стрѣльбой изъ ружей (въ куръ и гусей, которыхъ здѣсь не рѣжутъ, а стрѣляютъ) и визгомъ наказуемыхъ собакъ, но тѣмъ не менѣе жилось мнѣ превосходно. Впечатлѣній тьма. Поживи В. В. со мной одинъ день, онъ или удралъ бы, или же вообразилъ бы себя гдѣ-нибудь въ Сингапурѣ, или Бразиліи. Вообще я доволенъ своей поѣздкой. Непріятно только безденежье. Невѣроятно, но вѣрно: я выѣхалъ изъ Москвы съ 150 рубл.

Прощайте. Подана лошадь. О геморроѣ потомъ. Сегодня я въ дорогѣ буду до ночи.

Почтеніе Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Билибина.

CLXXXV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

5 Май. Станція Часовъ-Яръ. (1887 г.)

6½ часовъ вечера.

Ѣду отъ К. въ Славянскъ, откуда направлюсь (ночью) въ Святыя Горы.

Изъ Св. Горъ въ Таганрогъ, куда потрудитесь написать о днѣ выѣзда на дачу.

Теперь мои критики имѣютъ полное право сравнивать меня съ Лейкинымъ: я хромаю на лѣвую ногу, которая болитъ.

Деньги на исходѣ. Если останусь безъ копѣйки, то поступлю въ Таганрогѣ въ Михайловскіе пѣвчіе.

Погода чудесная. Виды восхитительные. Напоэтился я по самое горло: на 5 лѣтъ хватитъ. Поклоны.

Чеховъ.

Когда Иваненко поѣдетъ домой?

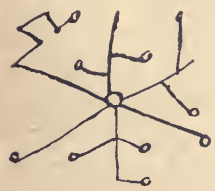
CLXXXVI.

Ей же.

(Съ подлинника.)

11 май. Таганрогъ (1887 г.)

Стрепетомъ продолжаю. Отъ К. я поѣхалъ въ Святыя Горы. До Азовской дороги пришлось ѣхать по Донецкой отъ ст. Крестная до Крамоторовки. Донецкая же дорога изображаетъ изъ себя слѣдующій соусъ:



Центральный шарикъ—это ст. Дебальцево. Остальные шарики — это всяческіе Бахмуты, Изюмы, Лиси-

чански, Лугански и прочія пакости. Всѣ вѣтви похожи другъ на друга, какъ камбурята, такъ что попасть въ Дебальцевѣ вмѣсто своего поѣзда въ чужой такъ-же легко, какъ въ потемкахъ принять Весту за фальшиваго монетчика[1]). Я оказался настолько находчивымъ и сообразительнымъ, что поѣздовъ не смѣшалъ и благополучно доѣхалъ до Крамоторовки въ 7 часовъ вечера. Здѣсь духота, угольный запахъ, дама..... и 1½ часа ожиданія. Изъ Крамат. по Азов. дорогѣ ѣду въ Славянскъ. Темный вечеръ. Извозчики отказываются везти ночью въ Св. Горы и совѣтуютъ переночевать въ Славянскѣ, что я и дѣлаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитымъ и хромаю отъ боли, какъ 40.000 Лейкиныхъ. Отъ вокзала до города 4 версты за 30 коп. на линейкѣ. Городъ—нѣчто въ родѣ Гоголевскаго Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастеръ, стало-быть, можно разсчитывать, что лѣтъ черезъ 10000 въ Славянскѣ будетъ и телефонъ. На стѣнахъ и заборахъ развѣшены афиши звѣринца, подъ заборами экскременты и репейникъ, на пыльныхъ и зеленыхъ улицахъ гуляютъ свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядываютъ привѣтливо и ласково, на манеръ благодушныхъ бабушекъ, мостовыя мягки, улицы широки, въ воздухѣ пахнетъ сиренью и акаціей; издали доносятся пѣніе соловья, кваканье лягушекъ, лай, гармоника, визгъ какой-то бабы.. Остановился я въ гостинницѣ Куликова, гдѣ взялъ № за 75 коп. Послѣ спанья на деревянныхъ диванахъ и корытахъ, сладостно было видѣть кровать съ матрацомъ, рукомойникъ и—о великодушіе судьбы!—милѣйшаго Якова Андреича. (Путешествуя по міру, я пришелъ къ заключенію, что Яковъ Андреичъ гораздо полезнѣе и пріятнѣе Якова А., Якова С. и даже Яшеньки

---

[1]) Собаки.

М.!) Въ открытое настежь окно прутъ зеленыя вѣтки, вѣетъ зефиръ.. Потягиваясь и жмурясь, какъ котъ, я требую поѣсть и мнѣ за 30 коп. подаютъ здоровеннѣйшую, больше, чѣмъ самый большой шиньонъ, порцію ростбифа, который съ одинаковымъ правомъ можетъ быть названъ и ростбифомъ, и отбивной котлетой, и бифштексомъ, мясной подушечкой, которую я непремѣнно подложилъ бы себѣ подъ бокъ, если бы не былъ голоденъ, какъ собака и Левитанъ на охотѣ.

Утромъ чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) въ мѣстномъ соборѣ звонъ. Выпускаютъ изъ обѣдни. Вижу, какъ выходятъ изъ церкви квартальные, мировые, воинскіе начальники и прочіе чины ангельстіи. Покупаю на 2 коп. сѣмячекъ и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску въ Св. Г. и (черезъ два дня) обратно. Ѣду изъ города переулочками, буквально топущими въ зелени вишенъ, жерделей и яблонь. Птицы поютъ неугомонно. Встрѣчные хохлы, принимая меня, вѣроятно, за Тургенева, снимаютъ шапки, мой возница Григорій Поленічка то и дѣло прыгаетъ съ козелъ, чтобы поправить сбрую, или стегнуть по мальчишкамъ, бѣгущимъ за коляской.. По дорогѣ тянутся богомольцы. Всюду горы и холмы бѣлаго цвѣта, горизонтъ синевато бѣлъ, рожь высока, попадаются дубовые лѣса — не достаетъ только крокодиловъ и гремучихъ змѣй.

Въ Св. Горы пріѣхалъ въ 12 часовъ. Мѣсто необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу рѣки Донца у подножія громадной бѣлой скалы, на которой, тѣснясь и нависая другъ надъ другомъ, громоздятся садики, дубы и вѣковыя сосны. Кажется, что деревьямъ тѣсно на скалѣ и что какая-то сила выпираетъ ихъ вверхъ и вверхъ.. Сосны буквально висятъ въ воздухѣ и того гляди свалятся. Кукушки и соловьи не умолкаютъ ни днемъ, ни ночью..

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мнѣ весьма несимпатичный № съ блинообразнымъ матрасикомъ. Ночевалъ я въ монастырѣ двѣ ночи и вынесъ тьму впечатлѣній. При мнѣ въ виду Николина дня стеклось около 15000 богомольцевъ, изъ коихъ $^8/_9$ старухи. До сихъ поръ я не зналъ, что на свѣтѣ такъ много старухъ, иначе я давно бы уже застрѣлился.. О монахахъ, моемъ знакомствѣ съ ними, о томъ, какъ я лѣчилъ монаховъ и старухъ, сообщу въ Нов. Времени и при свиданіи. Служба нескончаемая: въ 12 часовъ ночи звонятъ къ утрени, въ 5 къ ранней обѣднѣ, въ 9 къ поздней, въ 3 къ акафисту, въ 5 къ вечернѣ, въ 6 къ правиламъ. Передъ каждой службой въ корридорахъ слышится плачъ колокольчика и бѣгущій монахъ кричитъ голосомъ кредитора, умоляющаго своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

—Господи І. Х., помилуй насъ! Пожалуйте къ утрени!

Оставаться въ № неловко, а потому встаешь и идешь.. Я облюбовалъ себѣ мѣстечко на берегу Донца и просиживалъ тамъ всѣ службы.

Купилъ теткѣ Ѳ. Я. икону.

Ѣда монастырская, даровая для всѣхъ 15000: щи съ сушеными пескарями и кулешъ. То и другое, равно какъ и ржаной хлѣбъ, вкусно.

Звонъ замѣчательный. Пѣвчіе плохи. Участвовалъ въ крестномъ ходѣ на лодкахъ.

Прекращаю описаніе Св. Горъ, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь.

На обратномъ пути пришлось на вокзалѣ ждать 6 часовъ. Тоска. На одномъ изъ поѣздовъ видѣлъ N. N. мажется, красится во всѣ цвѣта радуги и сильно окошкодохлилась.

Всю ночь въ III классѣ дохлаго, гнуснаго, тянучаго товаро-пассажирскаго поѣзда. Утомился, какъ сукинъ сынъ.

Теперь я въ Таганрогѣ. Опять . . . . . Ѣзжу въ Дубки, въ Карантинъ и гуляю въ садахъ. Много оркестровъ и милліонъ дѣвицъ. Вчера сижу съ одной дѣвицей, мѣстной аристократкой, въ Алферакинскомъ саду; она показываетъ мнѣ на одну старуху и говоритъ:

— Это такая стерва! Поглядите: у нея даже походка стервячая.

Между дѣвицами попадаются хорошенькія, но я рѣшилъ не измѣнять Яшенькамъ.

Изучаю мѣстную жизнь. Былъ на почтѣ, въ купальняхъ, на Касперовкѣ.. Открытіе: въ Таганрогѣ есть Мясницкая улица.

На большой улицѣ есть вывѣска: «Продажа искусминныхъ фрухтовыхъ водъ». Значитъ, слыхалъ стерва слово «искусственный», но не разслышалъ какъ слѣдуетъ, и написалъ «искусминный».

Если я пришлю къ Вамъ на дачу телеграмму такого рода: «Вторникъ дачнымъ Алексѣя», то это значитъ, что пріѣду во вторникъ съ дачнымъ поѣздомъ и прошу выслать Алексѣя. Вторникъ, конечно, не обязателенъ, ибо я не знаю ни дня, ни часа, когда вернусь домой и сяду за работу.

Когда пишу, тошнитъ. . . . . .

Пахнетъ акаціей. . . . . .

Дядя прелестенъ и чуть ли не лучше всѣхъ въ городѣ.

А. Чеховъ.

Получилъ отъ М. В. письмо.

CLXXXVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Май.)

Я пріѣхалъ!!!

Если Вы не прочь поглядѣть мою загорѣвшую рожу, то будьте дома въ понедѣльникъ отъ 12 до часа.

Поздравляю Васъ съ намѣреніемъ вступить въ законный бракъ. Ободряю и охотно подражалъ бы, если бы была подходящая невѣста. Ура!

Завтра ѣду и вернусь къ іюлю.

А. Чеховъ.

Денегъ ни копѣйки. Не дадите ли Вы Вашему шаферу въ займы рубликовъ 25—35? Лопни мои животы, отдамъ. Если же, по случаю свадьбы, у Васъ безденежье, то умоляю Васъ отказать.

Idem.

Что гишпанцы?

CLXXXVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

20 Май. (1887 г. Бабкино.)

Саша-Таракаша!

Возвратившись вспять, считаю своимъ священнымъ удовольствіемъ поблагодарить тебя за то, что за все время моего скитанія ты былъ добрымъ и великодуш-

нымъ хозяиномъ моего покоя, т.-е. хлопоталъ съ моимъ гонораромъ. Принимая во вниманіе, что тебѣ, утонувшему въ заботу и хлопоты съ больными сочадами, было совсѣмъ не до чужого гонорара, я въ твоей любезности вижу не одолженіе, а подвигъ; потому прошу считать меня своимъ должникомъ, жаждущимъ расквитаться. 1000 разъ спасибо.

Впрочемъ далѣе.. Твое письмо на латинскомъ языкѣ геніально. Я его спряталъ и буду хранить до тѣхъ поръ, пока разучусь понимать разумное и оригинальное; когда я показалъ его въ Таганрогѣ учителю латинскаго языка, то тотъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ «духа», какимъ пропитано это короткое, но замѣчательно талантливое письмо. Въ особенности хорошо «revolverans cordem».

Теперь, извини, опять о гонорарѣ. На Троицу понедѣльницкій № не выйдетъ, а потому пора посылать въ Пет. Газ. счетъ. Вотъ онъ:

№ 120. «Въ лѣсу» [1]) 251 строка.

Далѣе слѣдуетъ понедѣльникъ 11 Мая, т.-е № 127, котораго у меня нѣтъ. Разсказъ называется, кажется, «Слѣдователь». Истребуй его въ конторѣ, сочти число строкъ и присовокупи къ счету. Кстати же вырѣжи его ножницами и вышли мнѣ почтой, взявъ марки изъ гонорара. Далѣе:

№ 134. «Обыватели» 316 строкъ.

Итого, стало быть, въ трехъ номерахъ около 900 строкъ на сумму около 100 р. Оныя деньги получи и вышли мнѣ по адресу: г. Воскресенскъ (Московск. губ.) г. Чехову. При гонорарѣ письмо обязательно.

---

[1]) (Разсказъ ямщика).

Сообщи о здоровьи сочадъ. Николкѣ твоему поклонъ.

Пиши о книгѣ, о Суворинѣ, о Невѣ, о прочемъ..

О путешествіи своемъ не пишу, ибо увидимся не позже іюля.

Прощай и будь здоровъ. Погода плохая. Хандра и легкое нездоровье.

Твой *А. Чеховъ.*

Пишу субботникъ.

CLXXXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

22 Май. Воскресенскъ. (1887 г.)

Матери его сто чертей, 3° тепла по R!!!

Вашъ гнѣвъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, обратился въ невидимую мглу, когда Вы, вернувшись изъ П. Бурга къ себѣ въ Ивановское, нашли мое письмо изъ Таганрога, посланное въ день моего выѣзда, и ѣхавшее вмѣстѣ со мной въ почтовомъ поѣздѣ. Вы удивительно немилостивый и жестокосердый человѣкъ! Вы упрекаете меня въ томъ, что я, скитаясь по югу, ничего не писалъ въ Осколки. Если я не писалъ, то разсчитывалъ на Ваше снисхожденіе и на то, что Вы поймете положеніе человѣка путешествующаго, которому рѣшительно не до авторства. Правда, въ Газету я писалъ, но черезъ силу, поневолѣ, чтобъ не заставить свою фамилію жить на чужой счетъ, писалъ мерзко, неуклюже, проклиналъ бумагу и перо. Будь у семьи деньги, я, конечно, не писалъ бы и туда. Что касается писемъ, то я писалъ ихъ часто и охотно—стало быть, и эта часть Вашего протеста не выдерживаетъ критики.

Впрочемъ, да проститъ Васъ Богъ! Когда Вамъ, или Билибину придетъ охота попутешествовать, то я сочту обязанностью прійти на смѣну и расквитаться съ Вами за свое почти 2-хмѣсячное бездѣлье.

Ну-съ, у насъ холодище. Я мерзну, какъ сукинъ сынъ, и жду съ нетерпѣніемъ, когда пальминскіе Фебы и Зефиры оставятъ небесную портерную и начнутъ грѣть бѣдныхъ дачниковъ. Моя дача безъ печей; кухня есть, но нѣтъ камина. Бррр!! Сижу въ осеннемъ пальто, стараюсь родить субботникъ, но вмѣсто мыслей изъ головы выдавливаются какіе-то выморозки.

У меня геморрой. Сидячая жизнь—не единственная причина. Эксцессы in Baccho et Venere, болѣзни сердца, печени, кишокъ играютъ не малую роль въ этіологіи. У меня геморрой наслѣдственный, т.-е. наслѣдственная наклонность венъ къ расширенію. У меня узлы не только in recto, но и на голеняхъ, такъ что того и гляди, образуются язвы; голени мои страждутъ, я думаю, отъ того, что я мало сижу, а все шагаю..

Надѣюсь, что Ваше здоровье великолѣпно. Я пріѣду въ началѣ іюня, когда буду имѣть на это право и когда отдохну отъ поѣздокъ. Ладожское озеро не дорого объѣздить, но вѣдь дорога дорога въ Питеръ. Надѣюсь, что Вы ужъ не голодаете и не отказываетесь отъ рюмки водки ради компаніи.

Мнѣ хочется повидаться съ Вами, чтобы описать Вамъ свое путешествіе; хочется также повидать Неву въ лѣтнемъ одѣяніи.

D-ra города Таганрога благодарятъ Васъ за присланныя газетныя вырѣзки о массажѣ.

Поклонитесь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ, а также и себѣ въ зеркало.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXC.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1887 г. Мая 25.)

Лука Иванычъ!

Деньги 103 р. я получилъ, но за то, что ты замошенничалъ 16 коп., ты будешь горѣть въ аду.

Ты просишь покорнѣйше позволенія прибавить къ книгѣ еще 20-й листъ, якобы для ровнаго счета. Усматриваю въ сей просьбѣ злой умыселъ сдѣлать мою книгу дороже, а потому не позволяю. Если не будетъ 20-го листа, то читатели не подохнутъ.

Если, какъ ты пишешь, типографія будетъ сдавать тебѣ книгу, то не принимай, ибо книга не моя, не твоя, не папашина, а Суворинская. Суворинъ заварилъ кашу, пущай и расхлебываитъ.

Образчикъ заглавныхъ листовъ посылаю.

Вели печатать по понедѣльникамъ анонсъ, что моя книга печатается. Не будь штанами.

8—10 іюня я буду въ С. Петербургѣ. Если желаешь откланяться мнѣ, то почисть сапоги, причешись и приходи на вокзалъ въ день и часъ, о коихъ сообщу телеграммою. Въ случаѣ, ежели пожелаешь, поѣдемъ на Валаамъ, а если не пожелаешь, то не нада.....

Если можно, вышли мнѣ заказною бандеролью 1—2 листа моей книги поглядѣть. Пожалуста. Узнай, гдѣ теперь Григоровичъ.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ и дѣтищамъ. Сообщи адресъ Николая и напиши ему, что я приглашаю его къ себѣ на дачу.

Воскресенскъ, Моск. губ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мой пріѣздъ въ Питеръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если перестанутъ болѣть мои ноги. Вообще, пріѣздъ не обязателенъ.

Мнѣ кажется, что если книга *уже* печатается, то по законамъ печати нельзя измѣнять заглавіе.

«Въ сумеркахъ»—тутъ аллегорія: жизнь—сумракъ, и читатель, купившій книгу, долженъ читать ее въ сумеркахъ, отдыхая отъ дневныхъ работъ.

Цѣна книги 1 рубль.

Вышли мнѣ моего «Слѣдователя».

CXCI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1887 г. Іюнь 4.)

Если я поѣду въ Питеръ, то не раньше 10—11 іюня, не заѣзжая въ Москву, почтовымъ поѣздомъ. По уговору съ Лейкинымъ, я остановлюсь не доѣзжая П—бурга въ Колпинѣ, откуда на лошадяхъ поѣду въ его имѣніе.

Ты и Грузинскій[1]) поѣзжайте тоже 10 или 11. Посовѣтуясь съ Лейкинымъ, я вышлю Вамъ изъ его имѣнія черезъ контору Осколковъ планъ нашей встрѣчи и, буде Вы пожелаете, совмѣстной поѣздки въ Ладожское озеро[2]). Эта поѣздка не обойдется дороже 10 р. съ носа, т.-е. суммы, которую Вы проживете въ Питерѣ и безъ поѣздки, ибо жить на пароходѣ дешевле, чѣмъ въ П—бургѣ.

---

[1]) А. С. Лазаревъ-Грузинскій, сотрудникъ «Осколковъ».

[2]) Предполагавшаяся поѣздка съ Н. А. Лейкинымъ на Валаамъ не состоялась.

Въ П. пробудемъ 7 дней. Если Грузинскій захочетъ, то я на обратномъ пути потащу его къ себѣ на дачу. Во всякомъ случаѣ сообщи день и часъ, въ который выѣдешь. Можетъ быть, поѣдемъ вмѣстѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXCII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

4 Іюня. (1887 г. Бабкино.)

Простите, милѣйшій другъ, что я такъ варварски опаздываю съ письмомъ, которое обѣщалъ прислать въ первую же недѣлю своего дачнаго житія. Во-первыхъ, обязательное писанье утомляло, а во-вторыхъ, какъ-то не писалось: вздумаешь сѣсть за письмо и забудешь.

Вы, который живете только чувствами, не замѣчаете холода, но мнѣ дачнику нестерпимо холодно. Бррр! Когда же грѣетъ солнце, мое бѣдное тѣло сожираютъ комары, мошкара и прочіе крокодилы. 10-го Іюня улетаю въ Питеръ, а оттуда въ Ладожское озеро.

Получили ли Вы Вашъ чемоданъ? Я приказалъ Петру (сторожу учителя) снести его Вамъ.. Возвращаю его чахоточнымъ... Увы, южный климатъ оказывается вреднымъ для чемодановъ! Не моя тутъ вина!

Ваша послѣдняя откровенная бесѣда со мной произвела на меня освѣжающее впечатлѣніе, ибо во 1) она удвоила мою симпатію къ Вамъ и во 2) изъ нея почерпнулъ я одно весьма драгоцѣнное свѣдѣніе, а именно, что не я одинъ бываю мученикомъ и, какъ мнѣ казалось, тряпкой въ извѣстныхъ случаяхъ; для меня эти случаи всегда доставляли тьму неперевариваемыхъ вол-

непій и тревогъ, и я былъ мученикомъ до мозга костей, пока не привыкалъ къ своему душевному состоянію; моя[1]). . . . . .
душевная чувствительность всякій разъ достигала такого градуса, что я становился тряпицей, которую волновалъ всякій пустякъ, и не могъ глядѣть на вещи просто — въ такомъ положеніи я, конечно, съѣлъ бы[2]). . . . . Вообще скучно, и скучно... Перейду къ веселому.

Въ Бабкинѣ попрежнему тараканить некого. Работы много, такъ что. . . . . некогда.

Если увидите Николая, то передайте ему, что я жду его къ себѣ на дачу.

Ложусь спать. Быть можетъ, завтра принишу еще что-нибудь.

5-го Іюня. Идетъ дождь. Бррр! Это письмо Вы получите 7-го. Если 8-го напишете мнѣ, то я успѣю получить до выѣзда въ Петербургъ. Прощайте, будьте здравы. . . . . .

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1887 г. Іюня 9.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу это письмо 9-го іюня и посылаю его завтра съ гостемъ на станцію. Увы! Обстоятельства грозятъ сдѣлать меня измѣнникомъ. Вчера я получилъ письмо отъ коллеги земскаго эскулапа, который проситъ меня смѣнить его съ субботы 13-го, ссылаясь на то, что ему съ женой

---

[1]) Зачеркнуты адресатомъ двѣ строки.

[2]) Зачеркнуто адресатомъ.

нужно во что бы то ни стало ѣхать куда-то въ пространство. Я поѣду къ нему завтра. Если найду причины его отъѣзда не уважительными, то завтра же выѣду къ Вамъ съ почтовымъ поѣздомъ; въ случаѣ же, если причины покажутся достойными уваженія, я сочту себя обязаннымъ смѣнить его и такимъ образомъ не пріѣхать къ Вамъ въ обѣщанное мною время. Стало быть, если я не пріѣду до 14-го, то вовсе не пріѣду. Выѣзжайте сами въ Ладожское озеро, а я пріѣду къ Вамъ какъ-нибудь послѣ спеціально ради Вашей дачи, путешествіе же отложу до будущаго года.

Одно изъ Вашихъ писемъ, посланное въ Таганрогъ, я получилъ только вчера.

Погода у меня на дачѣ мерзкая. Дождю и сырости нѣтъ конца. Природа такъ паскудна, что глядѣть не хочется. Если у Васъ сухо, тепло и тихо, то я завидую Вашему благоутробію. У меня насморкъ, у членовъ семьи насморки и бронхиты, извозщики дерутъ дорого, рыба не ловится, ... некого, пить не съ кѣмъ и нельзя... застрѣлиться въ пору!!

Сейчасъ мальчишки принесли двухъ дятловъ и запросили двугривенный; я далъ пятакъ и выпустилъ птицъ. Они разлакомились и принесли мнѣ еще пару. Я птицъ взялъ и далъ по шеѣ. Вотъ Вамъ образчикъ моихъ дачныхъ развлеченій.

Пальминъ переѣзжаетъ и переѣзжаетъ.. Это, вѣроятно, очень весело. Поручите Лебедеву изобразить «Переѣздъ Пальмина»: Впереди шествуетъ Ліодоръ Иванычъ въ цилиндрѣ, за нимъ Фефела со своими юбками и съ старыми пивными бутылками; за этой парочкой плетутся полудохлыя, чахоточныя утки и куры; процессія освѣщается Фебомъ. Подпись: «И подъ стать нашей хмурой эпохѣ».

Поклонъ Вашимъ. Прощайте и будьте здоровы. Если

не пріѣду, то ругайтесь, но не сердитесь. Я думаю, что Вы поймете мое положеніе и, вѣроятно, будучи на моемъ мѣстѣ, поступили бы не иначе.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCIV.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника.)

Воскресенскъ. 23 Іюнь. (1887 г.)

Прости, милый другъ, что я такъ запаздываю отвѣтомъ на твое письмо. Во-первыхъ, усиленная работа, во-вторыхъ, лѣнь, которая, какъ тебѣ извѣстно, раньше насъ родилась.

Прежде всего попроси у мамы прощенія за скандальчикъ съ извощикомъ. Я разсѣянъ, какъ профессоръ: забываю инструменты у больныхъ, не плачу извощикамъ, которые потомъ дерутъ съ меня впятеро, путаю адресы на письмахъ и т. п. Воображаю, что будетъ въ старости! Вѣроятно, въ старости я буду надѣвать вмѣсто своей шляпы дамскую, жилетъ надѣвать раньше сорочки и т. п.

Я не былъ ни въ Сумскомъ уѣздѣ, ни въ Петербургѣ, хотя предполагалъ побывать всюду. Засѣлъ я на дачѣ и неподвижно торчу у стола. Работаю порядочно и съ лихвой вернулъ расходы на поѣздку.

Если увидишь Анисима Васильевича, то передай ему, что посылка его получена и что я буду писать ему, но не раньше іюля.

Ноги перестаютъ болѣть, но за то появился новый недугъ: я глохну.

Поздравляю съ «Присоединеніемъ» [1]). Думаю, что

---

[1]) Рѣчь идетъ о присоединеніи Таганрога къ Области войска Донского.

Таганрогу отъ этого не будетъ ни лучше, ни хуже. Впрочемъ, быть-можетъ, будетъ больше внѣшняго порядка, будетъ едина власть вмѣсто градоначальника, который рѣшительно былъ безполезенъ и для Таганрога не нуженъ.

Черезъ недѣлю выходитъ въ свѣтъ моя новая книга [1]), изданіе Суворина, того самаго, который издалъ Пушкина. Кстати, судя по газетнымъ извѣстіямъ, Пушкинъ уже вышелъ изъ печати и ты, стало быть, долженъ уже получить его.

Передай мамѣ, что на обратномъ пути, въ Славянскѣ я неожиданно встрѣтился съ Сашей С. Замужъ она не выходила и многое, что мнѣ и мамѣ говорили про нее, оказалось вздоромъ. Она весела, служитъ на какомъ-то заводѣ учительницей, одѣта щеголевато и вообще производитъ пріятное впечатлѣніе.

Условіе: кромѣ своихъ, никому не читай моихъ писемъ; частная переписка есть семейная тайна, до которой никому нѣтъ дѣла.

Папѣ и мамѣ поклонись низко и передай имъ, что я никогда не забуду ихъ радушія, ласки и гостепріимства. Володѣ пожеланіе всякихъ успѣховъ, а Саню и Печерицу поцѣлуй. Иринушкѣ поклонъ.

Всѣ наши здоровы. Иванъ уѣхалъ въ Петербургъ. Когда-то ты пріѣдешь въ Москву? А надо бы...

Былъ ли у Васъ М. М. Чеховъ? [2])

Пиши пожалуста. Я старшій братъ, но не жди отъ меня наставленій; послѣ того, какъ я увидѣлъ твой образъ жизни, твой трудъ и твою выносливость, не поднимается моя лѣнивая рука давать тебѣ житейскіе совѣты. Оставайся такимъ, каковъ ты есть.

---

[1]) «Въ сумеркахъ».

[2]) Двоюродный братъ, изъ Москвы.

Скажи дядѣ Андрепушѣ, сирѣчь Андрею Павловичу, что когда онъ пріѣдетъ въ Москву, то пусть ежедневно пріѣзжаетъ ко мнѣ по конкѣ обѣдать. Это относится къ осени и зимѣ.

Будь здоровъ и счастливъ, не забывай гулять и вѣрь въ расположеніе и доброжелательство уважающаго тебя

А. Чехова.

CXCV.

А. С. Лазареву. Грузинскому.

Іюнь. 1887 г. (Бабкино.)

Пишу Вамъ на бумагѣ новѣйшаго формата. Новая мода. Надо идти въ уровень.

Я Васъ жду къ себѣ и уже писалъ Билибину, что бы онъ, Билибинъ, пригласилъ Васъ ко мнѣ. Теперь пользуюсь Вашимъ адресомъ, чтобы пригласить Васъ непосредственно...

Пріѣзжайте хоть сейчасъ. 1—2 іюля я буду въ Москвѣ и позднѣе, быть можетъ, въ Рязанской губерніи.

Если пріѣдете сію минуту, то попадете какъ разъ къ центру времени и пространства.

Передъ выѣздомъ за 7—8 часовъ вышлите мнѣ телеграмму по масштабу: «Воскресенскъ, Чехову. Буду вторникъ дачнымъ. Лазаревъ». Можно и безъ слова «ѣду». Если разоритесь на телеграмму, то вышлю Вамъ на станцію своего лейбъ-кучера Алексѣя съ телѣжкой, который беретъ за доставку юмористовъ очень дешево. Ѣхать отъ станціи 21 версту. Алексѣя узнаете по: 1) глупости, 2) растерянному взгляду и 3) № «Новаго Времени», который я велю держать ему въ рукахъ.

Будьте здоровы и остроумны, какъ всегда.

А. Чеховъ.

CXCVI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

21. (Іюль. 1887 г. Бабкино.)

Ты просишь, чтобы я исключилъ бы тебя изъ числа родственниковъ; охотно исполняю твою просьбу тѣмъ болѣе, что твое родство всегда компрометировало меня въ глазахъ общества. Отнынѣ ты будешь называться не Чеховъ, а Иванъ Михайловичъ Шевыревъ.

Сейчасъ я узналъ, что тебя читаютъ шахъ персидскій и хедивъ Египетскій, отмѣчая карандашомъ все, что имъ нравится..... что твоя половина все еще тянетъ на мотивъ брюшного тифа. Такова t^0 у туберкулезныхъ и брюшныхъ тификовъ; у послѣднихъ она бываетъ въ періодъ заживленія кишечныхъ язвъ.. Cave, какъ пороха, твердой пищи! Пусть А. И. ѣстъ жижицу, пока t^0 не станетъ нормальной. Ты глупъ и, конечно, не преминешь случая усомниться въ моемъ медиц. геніи. Ты спросишь: почему же тифъ такъ долго тянется? Оселъ ты этакій, да вѣдь брюш. тифъ рѣдко обходится безъ рецидивовъ!

Я глохну, вѣроятно вслѣдствіе катарра Евстахіевыхъ трубъ; лѣнь съѣздить въ больницу продуть..

Ѣмъ, сплю и купаюсь; нѣмцы подлецы [1]).

Къ тебѣ поѣхалъ положительный человѣкъ.

Степной субботникъ мнѣ самому симпатиченъ именно

---

[1]) Одинъ русскій профессоръ, не любившій иностранцевъ, купался однажды въ морѣ на Рижскомъ побережьѣ. Когда онъ влѣзъ въ холодную воду и его спросили, какова температура, то онъ отвѣтилъ:—«Нѣмцы подлецы!»

своею темою, которой вы, болваны, не находите. Продуктъ вдохновенія. Quasi симфонія.

Въ сущности белиберда. Нравится читателю въ силу оптическаго обмана. Весь фокусъ въ вставочныхъ орнаментахъ въ родѣ овецъ и въ отдѣлкѣ отдѣльныхъ строкъ. Можно писать о кофейной гущѣ и удивить читателя путемъ фокусовъ. Такъ то, Саша. Скажи Буренину, что Москва деньги любитъ. Такъ нельзя. Надо понимать.

Твоихъ воробьевъ привѣтствую.

От соединенія Осла и Ани
Произошли Николай и Антонъ Галани.

Будьте здоровы и приблизительны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Это письмо можешь черезъ 50 лѣтъ напечатать въ Русской Старинѣ.

CXCVII.

И. А. Бѣлоусову.

VIII, 3, (1887 г. Бабкино.)

Приношу Вамъ, добрѣйшій Иванъ Алексѣевичъ, мою искреннѣйшую благодарность за присылку мнѣ Вашей симпатичной книжки [1]). Ваша любезность дала мнѣ случай поближе познакомиться съ Вашимъ талантомъ и возможность, избѣгнувъ обычные комплименты, засвидѣтельствовать съ увѣренностью Ваше право на титулъ поэта. Ваши стихи полны живого поэтическаго чувства: Вы теплы, знакомы съ вдохновеніемъ, обладаете формой и, что несомнѣнно, литературны. Самый вы-

---

[1]) «Изъ Кобзаря» Т. Г. Шевченко и «Украинскіе мотивы». М. 1887.

боръ Шевченко свидѣтельствуетъ о Вашей поэтичности, а переводъ исполненъ съ должною добросовѣстностью. Скажу Вамъ откровенно, что Ваша книжка болѣе, чѣмъ какой-либо изъ новѣйшихъ стихотворныхъ сборниковъ, похожа на то, что у насъ называется «трудомъ», хоть она и безбожно мала.

Бранить Васъ, конечно, будутъ. Главный недостатокъ книжки—это ея небольшой объемъ. Поэтъ, если онъ талантливъ, беретъ не только качествомъ, но и количествомъ, а изъ Вашего сборника трудно составить себѣ понятіе ни о Вашей, ни о Шевченковской физіономіи. Ссылка же на то, что Вы еще молоды, или что Вы еще «начинающій», послужить Вамъ оправданіемъ не можетъ: разъ рѣшаетесь дать книгу, такъ давайте и физіономію автора...

Въ стихѣ есть шероховатости. Наприм:

Иль одинъ отъ скуки ради... (стр. 27). Два предлога отъ и ради... Или: бесѣдуютъ два часовыхъ (32). Толкуютъ двое часовыхъ—было бы звучнѣе и литературнѣе. Или: Течетъ рѣчка край города (стр. 26). И слова «талана», «батька» и проч. Это ужъ не строгій переводъ и т. д.

Мнѣ кажутся прекрасными стихи «Вдова» (стр. 20, стр. 23), «Украинская ночь». Я плохой критикъ, а потому простите, не могу заплатить должную дань Вашей книжкѣ. Какъ любитель и почитатель всего симпатичнаго, что изрѣдка мелькаетъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, я могу только отъ души пожелать Вамъ полнаго развитія Вашего таланта, увѣренности, силы и успѣховъ; не спѣша и работая помаленьку, Вы добьетесь своего—въ этомъ я увѣренъ и заранѣе радуюсь. Пожавъ Вамъ руку, пребываю должникомъ.

А. Чеховъ.

CXCVIII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

Среда. (1887 г. Бабкино. Августъ.)

Простите, Sire, мнѣ удобнѣе писать на дешевой бумагѣ; моя дорогая (25 к. за пачку) промокаетъ и коробится подъ перомъ, какъ жидъ передъ лицомъ правосудія.

За успокоительную вѣсть о Николаѣ merci. . . .

Собираюсь написать ему, но не знаю его адреса.

Какіе это у Васъ 22 сомнѣнія? Насчетъ чего?..

. . . . . .

Я прибуду не раньше 1-го Сентября. Мечтаю о зимѣ, ибо лѣто надоѣло. Вѣдь у меня лѣто началось 1-го Апрѣля. Пора на покой, въ свой душный кабинетъ.

Что подѣлываютъ бр. Вернеры? Я собираюсь послать имъ что-нибудь въ Сверчокъ.

У насъ было затменіе. Въ 32 № Осколковъ я заплатилъ дань этому величественному явленію [1]).

У меня прибавленіе семейства: откармливаемъ молодого зайца (судя по ушамъ, очень талантливаго; уши длиннѣе, чѣмъ у осла).

Я отвыкъ отъ московской ѣды. Первымъ дѣломъ, какъ пріѣду, отправлюсь въ какой-нибудь кабакъ.

Найдите мнѣ невѣсту.

Не забудьте, что мнѣ поручено Вами купить у Суворина 2 экз. Пушкина. Не покупайте, а если купите, то увѣдомьте. Мои братцы, пока я былъ на югѣ, прозѣвали Пушкина и теперь придется ждать 3-го изданія.

---

[1]) Разсказъ «Злоумышленники». (Разсказъ очевидцевъ) потомъ помѣщ. въ сборникѣ «Невинныя Рѣчи».

Рекомендую Вашему вниманію новую интересную книгу «Воспоминанія гр. Соллогуба»; продается у Суворина. Это рекомендую на случай, если Вы такой же охотникъ до мемуаровъ, какъ и я. Не рекомендую моей новой книги, ибо Вы ее получите отъ меня даромъ. Вообще я великодушный человѣкъ...

Прощайте и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Я помѣшался на грибахъ. По цѣлымъ днямъ, какъ дуракъ, блуждаю по лѣсамъ и смотрю внизъ подъ ноги. Надо бросить, ибо это удовольствіе мѣшаетъ дѣлу.

CXCIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

11 Августа (1887 г. Бабкино).

Вчера получилъ я Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и пишу отвѣтъ сегодня, чтобы отправить его съ нарочнымъ въ Воскресенскъ 12-го, откуда оно пойдетъ въ Питеръ 13-го. Нарочный ѣздитъ въ городъ почти ежедневно, но почта ходитъ и получается не всякій день. Приходится посылать статьи и срочныя письма или съ нарочнымъ на станцію къ почтовому поѣзду (1 р. 25 к.), или же отсылать съ оказіей въ Москву—тутъ вы найдете объясненіе московскаго штемпеля въ моемъ послѣднемъ транспортѣ.

Билибинъ писалъ, что 7-го Вы будете въ Клину, но я не ждалъ Васъ, такъ какъ 7-го былъ проливной дождь и ямщикъ съ Васъ содралъ бы кожу. Изъ Бабкина я не выѣзжалъ отъ 1-го Іюля (вѣрнѣе отъ середины Іюля), до сегодня, если не считать поѣздокъ въ Звенигородъ и въ окрестности. Выѣду я изъ него въ Москву къ 1

Сентября. Если пріѣдете, буду очень радъ и доволенъ, ибо во-первыхъ я въ долгу у Васъ за гостепріимство и во-вторыхъ, скучаю безъ людей.

Я посылаю разсказы на имя Билибина на основаніи Вашего распоряженія, сдѣланнаго въ прошломъ году и не измѣненнаго въ этомъ году. Для меня рѣшительно все равно, каковъ бы адресъ ни былъ, лишь бы разсказы доходили въ срокъ.

Затменіе [1]) не удалось. Было облачно и туманно. Наблюдалъ дворню и куръ: занимательно и поучительно. Потемки, очень внушительныя, продолжались съ минуту. Утро прошло весело и кончилось простудой.

Лѣто у насъ было гнусное. Рѣдкій день проходилъ безъ дождя. Помнится только одна жаркая недѣля, все же остальное время приходилось носить осеннее пальто и спать подъ одѣяломъ. Урожай на ягоды необычайный. До сихъ поръ никакъ не можемъ одолѣть крыжовника и малину. Жремъ до отвала. Грибовъ не было, но въ Августѣ появились. Ежедневно хожу съ братомъ и приношу множество. Бѣлыхъ грибовъ очень мало. Огурцы плохи и дороги. 60 коп. мѣра.

Грузинскій гостилъ у меня и обѣщалъ еще побывать. Это весьма мирный коллежскій ассесоръ, не имѣющій ничего дерзкаго и нахальнаго, а напротивъ смирный и добродушный. Мнѣ не приходилось бесѣдовать съ нимъ объ его отношеніяхъ къ Осколкамъ, а потому объяснить дерзость его писемъ не берусь. Скажу только, что лично мнѣ онъ представляется человѣкомъ хорошимъ, порядочнымъ во всѣхъ смыслахъ и полезнымъ для Осколковъ. Не помѣщать его неудобно, потому что для журнала онъ нуженъ, и къ тому же дерзничанье, т.-е. воинственный тонъ писемъ, я полагаю, не можетъ

---

[1]) 6-го августа 1887 г. было полное затменіе солнца.

служить поводомъ къ разрыву отношеній чисто оффиціальныхъ. А этотъ тонъ совершенно естественеенъ и въ порядкѣ вещей. Сотрудника, какъ бы онъ ни былъ малъ, нельзя обезличивать. Если Вы признаете за собой редакторское право сокращать и не помѣщать статьи, то почему не признать за сотрудникомъ права протеста?

Едва ли въ этомъ году я попаду въ Ивановское [1]). Погода плохая и денегъ совсѣмъ нѣтъ. Боюсь, что останусь долженъ за дачу.

Судя по объявленію въ Нов. Вр., моя суворинская книжка [2]) вышла 9 дней назадъ, но о ней я не имѣю никакихъ слуховъ, хотя за изданіемъ слѣдитъ Александръ. Конецъ Вашей Акулины я читалъ урывками, ибо нить романа была утеряна мною во время поѣздки на югъ. Жалѣю, что не могу сказать Вамъ своего мнѣнія и тѣмъ отплатить за лестный отзывъ о моихъ послѣднихъ разсказахъ. Въ урывкахъ, которые я помню, Трифону и Акулинѣ приданы Вами черты трагизма, мѣстами удачно и въ мѣру, но боюсь, что Ак. и Тр. въ концѣ романа не будутъ похожи на тѣхъ, которые были въ началѣ. Надо удивляться Вашей способности писать большія вещи газетно, частями, и памяти Вашей.. Неужели Вы не забываете того, что писали мѣсяцъ тому назадъ? Неужели когда пишете конецъ, то читаете начало? Я бы не могъ такъ.

Вы фыркали, когда читали о любовныхъ похожденіяхъ Осколочнаго Феба и о его побѣдахъ.. Что жъ, очень можетъ быть! Судебная медицина указываетъ примѣры, гдѣ не только Фебы, но даже шестирукіе и одноглазые феномены, внушавшіе окружающимъ

---

[1]) Имѣніе Н. А. Лейкина.

[2]) «Въ сумеркахъ» изд. А. С. Суворина.

ужасъ и состраданіе, любили и бывали любимы.. Пошлите письмо Феба Мержеевскому [1]).

Скажите откровенно: Вамъ еще не надоѣло редактировать Осколки? Будь я на Вашемъ мѣстѣ, забросилъ бы все къ чертовой матери, положилъ бы денежки въ боковой карманъ и махнулъ бы въ кругосвѣтное плаваніе. Природа на Сингапурѣ выше всякой критики, а кто не тараканилъ Таитянокъ, тотъ не знаетъ еще, что значитъ блаженство. Жизнь коротка, въ столицѣ она скудна и сѣра... надо пользоваться. Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

СС.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Бабкино. 1887 г. Августъ.)

Кто бъ могъ предположить, что изъ н...ка выйдетъ такой геній? Твой послѣдній разсказъ «На маякѣ» прекрасенъ и чуденъ. Вѣроятно, ты укралъ его у какого нибудь великаго писателя. Я самъ прочелъ, потомъ велѣлъ Мишкѣ читать его вслухъ, потомъ далъ читать Марьѣ, и во всѣ разы убѣдился, что этимъ маякомъ ты превзошелъ самого себя. Ослѣпительная искра во мракѣ невѣжества! Умное слово за 30 глупыхъ лѣтъ! Я въ восторгѣ, а посему и пишу тебѣ, иначе бы ты не скоро дождался моего письма.. (лѣнь!). Татаринъ великолѣпенъ, папенька хорошъ, почтмейстеръ виденъ изъ 3-хъ строкъ, тема слишкомъ симпатична, форма не твоя, а чья то новая и хорошая. Начало не было бы шаблонно, если бы было вставлено куда нибудь въ се-

---

[1]) Извѣстный невропатологъ.

редину разсказа и раздроблено; Оля также никуда не годится какъ и всѣ твои женщины. Ты положительно не знаешь женщинъ! Нельзя же, душа моя, вѣчно вертѣться около одного женскаго типа! Гдѣ ты и когда (я не говорю про твое гимназичество) видѣлъ такихъ Оль? И не умнѣе ли, не талантливѣе поставить рядомъ съ такими чудными рожами, какъ татаринъ и папенька, женщину симпатичную, живую (а не куклу), существующую? Твоя Оля—это оскорбленіе для такой грандъ-картины, какъ маякъ. Не говоря ужъ о томъ, что она кукла, она не ясна, мутна и среди остальныхъ персонажей производитъ такое же впечатлѣніе, какъ мокрые, мутные сапоги среди ярко вычищенныхъ сапогъ. Побойся Бога, ни въ одномъ изъ твоихъ разсказовъ нѣтъ женщины-человѣка, а все какія-то прыгающія бланманже, говорящія языкомъ избалованныхъ водевильныхъ инженю.

Я думаю, что маякъ поднялъ тебя въ глазахъ нововременцевъ на три сажня. Жалѣю, что тебѣ не посовѣтовали подписать подъ нимъ полное имя. Ради Бога продолжай въ томъ же духѣ. Отдѣлывай и не выпускай въ печать (Нов. Вр.), прежде чѣмъ не увидишь, что твои люди живые и что ты не лжешь противъ дѣйствительности. Врать можно въ «копилкахъ курьеза» (гдѣ у тебя старшина залѣзаетъ въ статистику (!), а писарь вѣдается съ уголовщиной (!!), а въ субботникахъ, которые дадутъ тебѣ деньги и имя, остерегись.. Не опиши опять концертантовъ, к-рые судятся такъ, какъ отродясь еще никто не судился, да кстати ужъ не трогай и благотворительныхъ братствъ—тема заѣзжена и во всемъ разсказѣ было ново только одно: губернаторша въ ситцевомъ платьѣ.

Маякъ спрячь. Если напишешь еще съ десятокъ подобныхъ разсказовъ, то можно будетъ издать сборникъ.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Шехтеля, увѣдомляющаго о болѣзни Николая. Кровохарканье. Вѣроятно, не серьезно, такъ какъ Н-й, гостившій у меня на дняхъ въ Бабкинѣ, былъ совершенно здоровъ.

Шлю тебѣ открытое письмо одного изъ ярыхъ почитателей Суворина. Такъ какъ въ этомъ письмѣ выражены желанія и мечты многихъ москвичей, то считаю себя не въ правѣ не показать его Суворину, хотя и вѣрю, что едва ли С. послушается этого письма. Черезъ кого нибудь (Масловъ, Коломнинъ и проч.) ты сообщишь С-у содержимое этого письма, или пошлешь самое письмо, соблюдая должный тактъ. О результатахъ сообщишь мнѣ. Адресъ С. мнѣ не извѣстенъ.

Моя книга издохла?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю гонораръ. Счетъ тебѣ уже посланъ. Если счетъ затерялся, то получи безъ счета и скорѣе вышли: стражду!!

Всѣмъ твоимъ кланяюсь, а тебѣ нѣтъ. Ты не геній и между нами нѣтъ ничего общаго.

Г. Чеховъ.

CCI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

Бабкино. (1887 г. Августъ 21.)

Ко мнѣ пріѣхалъ Грузинскій, добрѣйшій Николай Александровичъ, и я почелъ за благо прочесть ему двѣ строчки изъ Вашего письма ко мнѣ (но не все, что Вы писали о немъ). Онъ удивился и сказалъ, что вовсе не думалъ писать Вамъ дерзости, ибо противъ Васъ не имѣетъ ничего такого, изъ-за чего бы стоило загораться сыру-бору, но подобно всѣмъ поэтамъ, работающимъ въ Осколкахъ, сердитъ на Вашу манеру сокращать стихи вдвое (изъ 12 строкъ дѣлать шесть),

больше же онъ противъ редакціи ничего не имѣетъ. Относительно фразы, что якобы въ Ос—ахъ онъ работаетъ только для того, чтобы получать больше, чѣмъ въ Москвѣ, онъ сказалъ, что Вы фразы этой не поняли и что она имѣетъ иной смыслъ.

Боже, что за рисунки въ послѣднемъ № Осколковъ! Мазня Юргенсона (?) на самомъ видномъ мѣстѣ, мазня кабацкая съ кабацкими стихами! Этотъ № перещеголялъ даже Кланга и Развлеченіе. Декольтированная баба въ центрѣ Эрберовскаго рисунка до того не изящна и кухонно-гнусна, что редактора и художника стоило бы посадить на гауптвахту. Не говорю ужъ о рисункѣ Лебедева, гдѣ ловитъ рыбу дѣвица въ декольтэ, въ перчаткахъ и въ туфелькахъ—это такъ же возможно, какъ ходить на охоту во фракѣ и съ шапоклякомъ.

Послѣдніе дни погода у насъ стоитъ восхитительная. Грибовъ тьма. Ночи лунныя.

Моя новая книга вышла, но до сихъ поръ я не имѣю о ней никакого извѣстія.

Я жду Васъ каждый день, хотя въ глубинѣ мозговъ и сознаю, что Вы полѣнитесь пріѣхать. А погода, повторяю, хорошая и время мы провели бы не совсѣмъ скучно тѣмъ болѣе, что Вы, кажется, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ не отказываетесь отъ знакомства съ crematum simplex.

Ну-съ, конецъ письма обременяю просьбами. Во-первыхъ, будьте добры (если найдете возможнымъ), помѣстите въ Осколкахъ объявленіе о моей книгѣ:

Въ книжномъ Магазинѣ «Новаго времени» продается новая книга Ан. П. Чехова

«Въ Сумеркахъ»
Разсказы и очерки.
Цѣна 1 р. съ пересылкой 1 р. 20 к.

Во-вторыхъ, выручайте Вашего сотрудника изъ бѣды. Погибаю и рискую утерять доброе имя. Дѣло въ томъ, что не позже 1 сентября мнѣ нужно уѣзжать на зиму въ Москву, а расплатиться за дачу и за съѣстное нечѣмъ. Собираю изъ всѣхъ редакцій по крохамъ, а Васъ прошу выслать мнѣ аванецъ въ размѣрѣ 60 рублей, треть коего я уже отработалъ. Что я не зажулю этихъ денегъ, въ этомъ да поручится передъ Вами небо!! Считаю нужнымъ присовокупить, что оный авансъ не будетъ имѣть никакой цѣны, если прійдетъ въ Воскресенскъ позже 1 Сент. Послѣдняя денежная почта будетъ получена мною 28 Авг. въ пятницу, къ какому дню и приспосабливайте.

Не высылаю Вамъ своей новой книги, ибо самъ ея не имѣю. Не сочтите за невѣжество.

Я знаю, что Вы уже возмущены моимъ поведеніемъ: въ заголовкѣ сего письма я не выставилъ числа. Извольте—21 Августа.

Поклонъ Вашимъ и всей редакціи. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Вы отправьте авансъ въ почтамтъ въ среду, тогда я получу его въ пятницу.

CCII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

2 Сент. (1887 г. Москва.)

Сегодня, добрѣйшій Николай Александровичъ, я переѣхалъ въ Москву. Адресъ прошлогодній: Кудринская Садовая, д. Корнѣева.

Деньги получилъ какъ разъ во время, за что посылаю Вамъ mercі.

Рисунокъ Лебедева я не понялъ, согласенъ, но насчетъ Эрберовской кувалды позвольте не согласиться. Для такого журнала, какъ Осколки, реализмъ долженъ исчерпываться въ надписи, а рисунки должны быть возможно изящнѣе, да-съ. Некрасивое къ тому же нисколько не реальнѣе красиваго; въ третьихъ, не то что въ кафешантанѣ, но даже въ рублевомъ злачномъ мѣстѣ не всѣ имѣютъ такую кувалдистую корпуленцію, какъ въ Эрб. рисункѣ; въ четвертыхъ, если хотите, изящная проститутка скорѣе вызоветъ въ читателѣ сочувствіе и состраданіе, чѣмъ грязная... Короче, я не знаю ни одного основанія, въ силу котораго было бы полезно и умѣстно изображать дѣйствительность непремѣнно въ наихудшемъ ея видѣ: вѣдь Осколки—легкое чтеніе!

Дебютъ новыхъ силъ слѣдуетъ привѣтствовать, обставляя его всяческими поддержками и уступками—это мое давнишнее мнѣніе, которое я и теперь подчеркиваю; но, согласитесь, дебютъ г. Юргенсона ничего бы не утерялъ, если бы его рисунокъ не былъ заглавнымъ и крашенымъ; тоже слѣдуетъ сказать и о рисункахъ Брунова. Во-вторыхъ, редакція, по моему мнѣнію, должна утилизировать молодыя силы сначала на мелочахъ. Насколько помню, Эрберъ начиналъ нормально т.-е. съ маленькаго, а Чемодановъ[1]) съ ребусовъ..

Насчетъ обновленія литературнаго состава, его оживленія и проч. мы уже раньше говорили и переписывались. Вы пишете, что мы старые сотрудники жуемъ старье. Нѣтъ, мы остались такими же, какими и были, ибо измѣнить своихъ литературныхъ физіономій мы не можемъ — потому и кажется, что мы жуемъ старье. Благодаря слишкомъ частой работѣ, мы надоѣли не публикѣ, которая мѣняется, а самимъ себѣ; пройдетъ

---

[1]) М. М., каррикатуристъ.

еще пять лѣтъ и мы опротивѣемъ, но только самимъ себѣ. Я думаю, что отъ наплыва новыхъ силъ публика выграетъ мало, но мы выграли бы много; мы пріобрѣли бы право писать такъ, какъ намъ хочется, что болѣе походило бы на литературу, чѣмъ теперешняя поденщина, и мы болѣе были бы довольны собою, чѣмъ теперь.

Я лично охотно писалъ бы въ Осколки не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяцъ и непремѣнно юмористическое; такъ какъ повидимому Грузинскій[1]) и Ежовъ[2]) уже начинаютъ понемногу замѣнять меня, то я такъ и буду поступать.

Необходимо старымъ сотрудникамъ зануздать себя и глядѣть въ оба также и для того, чтобы «не соблазнить и единаго отъ малыхъ сихъ». Поденная. съ плеча срубленная работа старыхъ сотрудниковъ замѣтно развращаетъ молодыхъ и начинающихъ, которые, какъ Вамъ извѣстно, слишкомъ склонны къ подражанію.

Впрочемъ, эта тема неисчерпаема и больше годится для разговора, чѣмъ для письма. Прощайте. Семья благодаритъ за поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIII.

Я. А. Корнѣеву.

(Москва. 1887 г. Сентябрь.)

Яковъ Алексѣевичъ!

Посылаю Вамъ сію тарелку[3]) съ Вашими домами. Изображено студіозомъ.

А. Чеховъ.

---

[1]) и [2]) Сотрудники «Осколковъ».

[3]) При посылкѣ сборника «Въ сумеркахъ».

Рисунокъ на тарелкѣ, подаренной Ант. П-чемъ доктору Я. А. Корнѣеву, въ домѣ котораго, на Кудринской Садовой въ Москвѣ, проживала семья Чеховыхъ. Этотъ самый домъ здѣсь изображенъ. Антонъ Павловичъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ. Лѣвое окно внизу — изъ его спальни. Рисунокъ на фарфорѣ сдѣланъ братомъ Ант. П-ча, Михаиломъ, который былъ тогда студентомъ. Изъ этого дома А. П. отправился на Сахалинъ и ужъ больше въ него не возвратился. Здѣсь были написаны «Ивановъ», «Медвѣдь» и «Предложеніе».

CCIV.

Ему же.

(На визитной карточкѣ.)

(Москва.)

Земляку, домохозяину collegae majori, коллежскому совѣтнику и цѣлителю Якову Алексѣевичу Корнѣеву

въ знакъ глубокаго уваженія и въ умилостивленіе домовладѣльческаго гнѣва отъ неисправнаго плательщика, collegae minoris и автора.

А. Чехова.

1887 г. 9 сент.

CCV.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

13 Сентябрь. Несчастливое число. (1887 г. Москва.)

У меня новая лампа, многоуважаемая Марія Владиміровна, все же остальное скучно, сѣро и старо, какъ реплики Екатерины Васильевны. Радъ бы убить Вашу скуку, но—увы—нѣтъ пороха. Новыхъ мыслей нѣтъ, а старыя перепутались въ головѣ и похожи на червей въ зеленой коробкѣ, постоявшихъ деньковъ пять на припекѣ. О чемъ же писать? О томъ, что я безденеженъ и глухъ? Это Вамъ уже извѣстно..

Вотъ что, опишу-ка я Вамъ свое гнусное поведеніе. Жизнь вошла въ колею. Обѣдаю въ 7 часовъ, ложусь въ 2 ночи. Погоды не замѣчаю и не чувствую. Пишу и читаю рецензіи. Рецензій было много, и между прочимъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Читаю и никакъ не могу понять, хвалятъ меня, или же плачутъ о моей погибшей душѣ? «Талантъ! талантъ! но тѣмъ не менѣе упокой Господи его душу»—таковъ смыслъ рецензій. «Въ сумеркахъ» идетъ не дурно.

Два раза былъ въ театрѣ Корша и оба раза Коршъ убѣдительно просилъ меня написать ему пьесу. Я отвѣтилъ: съ удовольствіемъ. Актеры увѣряютъ, что я хорошо напишу пьесу, такъ какъ умѣю играть на нервахъ. Я отвѣчалъ: merci. И, конечно, пьесы не на-

пишу. Пусть Голохвостикова[1]) пишетъ, а мнѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла ни до театровъ, ни до человѣчества.. Ну ихъ къ лѣшему!

На дняхъ я продалъ кусочекъ своей души бѣсу, именуемому коммерціей. На падаль слетаются вороны, на геніевъ издатели. Явился ко мнѣ Вернеръ, собачій воротникъ, издающій книжки на французско-кафешантанный манеръ, и попросилъ меня отсчитать ему десяточекъ какихъ-нибудь разсказовъ посмѣшнѣе. Я порылся въ своемъ ридикюлѣ, выбралъ дюжину юношескихъ грѣховъ и вручилъ ему[2]). Онъ вывалилъ мнѣ 150 цѣлкашей и ушелъ. По условію разсказы идутъ только на одно изданіе *), за второе же изданіе плата особая.. Не будь я безденеженъ, собачій воротникъ получилъ бы кукишъ съ масломъ, но увы! я бѣднѣе, чѣмъ Вашъ оселъ. Не купите ли Вы у меня разсказовъ? Для Васъ я уступилъ бы по рублю за сотню. У меня ихъ больше, чѣмъ въ купальнѣ малявокъ.

Вчера у насъ отъ обѣда до поздней ночи сидѣлъ Тышечка безъ шапочки, а сегодня въ первый разъ послѣ нашего пріѣзда была N.... въ новой шляпкѣ. Яшеньки еще не приходили. Безтурнюрная Зиночка бываетъ ежедневно. M-lle S. я еще не видѣлъ, но образъ ея не покидаетъ меня ни на минуту.

Здѣсь вклеена печатная вырѣзка:

«Далѣе возвышалась полная спина, нѣжно очерченная округленными линіями, которыя сливались съ тонкими мягкими контурами мраморной шеи, отливавшей чудной матовой бѣлизной, сильно оттѣняемой задорно вившимися пепельными шелковистыми волосками.

---

[1]) О. А. Голохвастова.

*) 1200 экз., которые, по условію, должны продаться въ $1/2$ года. *Прим. А. П.*

[2]) Сборникъ «Невинныя Рѣчи».

Объ остальныхъ моихъ поломанныхъ куклахъ позвольте умолчать.

Собачка безъ спины, которую нашъ Корнѣевъ зоветъ гіеной, здравствуетъ. Котъ Ѳедоръ Тимофеичъ изрѣдка приходитъ домой пожрать, все же остальное время гуляетъ по крышамъ и мечтательно поглядываетъ на небо. Очевидно, пришелъ къ сознанію, что жизнь безсодержательна. Сегодня я и милѣйшая Ма-Па ходили сниматься: я—для того, чтобы продавать свои карточки почитателямъ моего таланта, а она для раздачи женихамъ. Мою книжку Вы получите *непрремѣнно*...

А. П. въ 1887 г.

Рубль прошу отдать Алексѣю Серг., которому я имѣю несчастье быть должнымъ. Ваши анекдоты пошлю Лейкину тотчасъ же, когда перестану быть долженъ Лейкину, иначе онъ возьметъ ихъ въ счетъ моего долга.

Зеленыя деревья Садовой напоминаютъ мнѣ Бабкино, въ которомъ я отшельникомъ провелъ три года незамѣтныхъ (если только отшельникомъ называется человѣкъ, который мало пишетъ, пьетъ по вечерамъ водку и страдаетъ нервной зѣвотой).

Поклоны всѣмъ: Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ съ ея пятифранковой монетой, Сергѣю съ его куклами и Елизаветѣ Александровнѣ: За поцѣлуй Екатерины Васильевны merci. Я влѣплю его кому-нибудь вмѣсто мушки. Наши всѣ здравствуютъ. Скука удручающая. Жениться, что ли?

Ну, будьте здоровы и да хранитъ Васъ всѣхъ Аллахъ! Уважающій и преданный

А. Чеховъ.

CCVI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Сент. 25)

Ну, Гусевъ, надѣвай штаны и иди въ Пет. Газ. за гонорреей[1]).

Счетъ:

№ 252—312 строкъ[2]).

№ 259— ? (этотъ № у меня пропалъ)[3])

№ 266— ? (этотъ выйдетъ 28 сентябр.)[4]).

Потребуй у конторщика 259 и 266 номера, сочти строки и требуй деньги. Если не дадутъ, то скажи, что у тебя голодныя дѣти. Идти тебѣ придется въ понедѣльникъ 28, когда выйдетъ 266 № съ моимъ послѣднимъ сентябрьскимъ разсказомъ.

О полученіи этого счета увѣдомь меня открытымъ письмомъ, дабы я былъ покоенъ..

На тебя батька въ обидѣ:

1) онъ не получилъ отвѣта на письмо, которое послалъ къ твоимъ именинамъ и

2) никогда не сѣкъ за черепа тебя и чужого гимназиста—это диффамація.

Деньги вышлешь переводомъ.

Вотъ уже три дня, какъ Николай живетъ у меня. Вернулся ли Суворинъ?

---

[1]) За гонораромъ.

[2]) «Свадьба».

[3]) «Бѣглецъ».

[4]) «Задача».

Какъ идетъ моя книга? Что о ней брешутъ? Напомни какъ нибудь слегка Буренину о его обѣщаніи написать о моей книгѣ. Въ Москвѣ сумерки покупаются не дурно. Посланъ ли 1 экз. полковнику Николаю Карлычу въ Петерб. Вѣдомости?

Кланяйся своимъ, будь здравъ, пиши сію минуту открытое письмо, а съ волковскимъ векселемъ вышли письмо побольше. Съ нетерпѣніемъ жду.

Tuus *А. Чеховъ.*

Закажи въ Пет. Газ. объявленіе о «сумеркахъ» на 1 страницѣ.

CCVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

28 Сент. (1887 г. Москва.)

Многоуважаемая
Марія Владиміровна!

Посылаю Вамъ рецензію. Въ ней Вы прочтете, что всякій, не признающій меня геніемъ,—психопатъ. Вырѣзана она изъ Новаго Времени и Вы премного меня обяжете, если сохраните ее: пріѣду зимой и возьму ее.

Рецензіи о себѣ читаю почти ежедневно и привыкъ къ нимъ, какъ Вы, должно-быть, уже привыкли къ шуму дождя. Была между прочимъ рецензія въ Правительственномъ Вѣстникѣ (№ 197), весьма хвалебная. Стало-быть, моя литература имѣетъ теперь нѣкоторымъ образомъ правительственную санкцію: если Алексѣю Сергѣевичу[1]) вздумается хулить мои про-

---

[1]) Мужъ адресатки.

изведенія, то онъ рискуетъ попасть въ Петропавловскую крѣпость.

Всѣ наши живы и здоровы. Насчетъ собственнаго житія могу смѣло сказать тоже самое, что сказали попы, уѣзжая отъ Васъ послѣ обѣда:— «Сухо!» Ни денегъ, ни здоровья, ни радостей, а такъ, чертъ знаетъ что..

Сережу поздравляю съ прошедшими именинами, а Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ салютую.

Прощайте, будьте здоровы и вѣрьте въ доброжелательство искренно преданнаго

Генія Чехова.

Вчера Ма-Па видѣла M-lle S. Послѣдняя—ужасно разодѣтая, съ подкрашенными вѣками и со страусовыми хвостами на головѣ—обѣщалась быть у насъ въ скоромъ времени. Но увы! меня теперь даже и это не радуетъ..

Одно письмо уже послано Вамъ. Книга тоже. Черезъ 3 дня сяду писать владѣльцу Бабкина (Kisselhoff).

CCVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

7 Окт. (1887 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ, первѣе всего поздравляю Васъ съ новосельемъ и посылаю Вамъ мысленно сдобный куличъ и соль. Желаю отъ души, чтобы Ваша новая изба была красна и углами и пирогами.

Навѣрное, Вы сердитесь, что я не шлю разсказовъ. Увы, я никуда не шлю ихъ! То болѣю, то хандрю; время пропадаетъ даромъ, а денегъ нѣтъ. Вообще положеніе не изъ аховыхъ.

Вы пишете, чтобы я вымаклачилъ у Будильника объявленіе для своей книги. Простите, я Васъ не послушаю. Будильниковцы мнѣ пріятели, но одолжаться у нихъ я не хочу и не могу. Есть люди, любезность которыхъ дѣйствуетъ хуже наглости. У Васъ, или у Билибина я попрошу, что хотите и не буду чувствовать себя не ловко, просить же у Левинскаго для меня ножъ. За деньги—извольте, напечатаю. Передъ Рождествомъ я напечатаю объявленіе во всѣхъ Моск. газетахъ.

Что будильниковцы поступили со мной не тактично (затменіе), я знаю. Эти господа въ силу ли своей бездарности, или московской распущенности, считаютъ верхомъ остроумія — фамильярничанье съ публикой и съ сотрудниками. Манера некрасивая. Нѣтъ того номера, въ которомъ не была бы затронута публика, сотрудникъ или актеръ.. Въ циркѣ клоуны — любимцы публики, глупые и избалованные, любятъ держаться этой манеры..

Что Вы набавили цѣну журналу, это не бѣда, но зачѣмъ печатать объ этомъ крупнымъ шрифтомъ? Чѣмъ незамѣтнѣе, тѣмъ лучше, а у Васъ цѣлая вывѣска.

Задачу для подписчиковъ придумывалъ, но.. еще подумаю.

Вашъ «Айвазовскій» мнѣ такъ понравился, что я послалъ его своему домохозяину, а сей послѣдній—любитель веселаго чтенія—снесъ его въ клиники, гдѣ и читалъ вслухъ.

Критика: у Васъ «На охотѣ» охотники стрѣляютъ куропатокъ въ лѣсу. Куропатки бываютъ на опушкѣ лѣса, а въ лѣсу на деревьяхъ никогда.

Когда Вы будете въ Москвѣ?

Ахъ! Въ тяжкія минуты безденежья, когда я, повѣсивъ носъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и поглядывалъ на отдушники, явились ко мнѣ мои пріятели братья Вернеры и попросили у меня полтора десятка мелкихъ разсказовъ, уже бывшихъ въ печати. Я отсчиталъ имъ, они заплатили мнѣ 150 р. и ушли. Они теперь издательствуютъ.

У меня часто бываетъ Ежовъ. Хорошій парень.

Кланяйтесь Вашимъ. Пишите, и я буду Вамъ писать. Прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г., Октябрь.)

Мерсі, Гусевъ, за письмо. За одно только боку́ не мерси: съ какой стати ты извиняешься передо мной и оправдываешься въ томъ, что книга моя вышла яко бы поздно? Ты такъ пишешь, точно я тебя нанялъ за тысячу цѣлковыхъ и точно ты мнѣ многимъ обязанъ.. Нѣтъ, пьяница, что касается книги, то я долженъ извиняться, а не ты. Я такъ благодаренъ тебѣ за хлопоты и бѣготню, и даже за поносъ, претерпѣнный во время бѣготни, что рѣшительно не берусь достойно благодарить твою особу. Если бы я былъ смѣлъ, то попробовалъ бы предложить тебѣ плату за труды, но смѣлости нѣтъ и я рѣшаюсь ждать времени: быть можетъ, оно укажетъ мнѣ способъ благодаренія...

Начинаю входить въ норму. Денегъ пока нѣтъ. О поѣздкѣ на житье въ Питеръ нельзя думать.. возможно только одно — жить въ Питерѣ мѣсяцами, что и случится.

Жаль, что ты ушолъ отъ общенія съ Нововремен-

цами. Это хоть и зулусы, но умные зулусы и у нихъ многому можно поучиться.....

Ты для Нов. Времени нуженъ. Будешь еще нужнѣе, если не будешь скрывать отъ Суворина, что тебѣ многое въ его Нов. Времени не нравится. Нужна партія для противовѣса, партія молодая, свѣжая и не зависимая, а Г.... и П..., видящіе въ Суворинѣ Гаврилова и благоговѣющіе ради мзды, не годятся и безполезны. Я думаю, что будь въ редакціи два-три свѣжихъ человѣчка, умѣющихъ громко называть чепуху чепухой, г. Эльпе не дерзнулъ бы уничтожать Дарвина, а Буренинъ долбить Надсона. Я при всякомъ свиданіи говорю съ Суворинымъ откровенно и думаю, что эта откровенность не безполезна. «Мнѣ не нравится»!— этого ужъ достаточно, чтобы заявить о своей самостоятельности, а стало-быть и полезности. Сиди въ редакціи и напирай на то, чтобы нововременцы повѣжливѣе обходились съ наукой, чтобы они не клепали понапрасну на культуру; нельзя вѣдь отрицать культуру только потому, что дамы носятъ турнюръ и любятъ оперетку. Коли будешь ежедневно долбить, то твое долбленіе станетъ потребностью гг. суворинцевъ и войдетъ въ колею; главное, чтобы не казаться безличнымъ. Это главное. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ.

Ты о судьбѣ открытаго письма о Суворинѣ и Моск. Вѣд. не написалъ мнѣ ни слова.

Ты не забудь сообщить, какъ, судя по слухамъ, идетъ моя книга? Посланъ ли экз. въ Новости?

А Буренину напомни, что онъ обѣщалъ писать о моей книгѣ.

Поклонъ всей твоей кутерьмѣ съ чадами, чадиками, цуцыками. А главное не пей.

Прощай.

А. Чеховъ.

CCX.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника.)

17 окт. (1887 г. Москва.)

Большое спасибо, милый братуха, за то, что не забываешь меня и не бранишь за мое долгое молчаніе. Отчего я пишу рѣдко, ты можешь понять, если вообразишь меня въ моемъ кабинетѣ. Пишу я *цѣлый* день и до того дописался, что стало противно держать въ рукахъ перо. Я давно собирался отвѣтить тебѣ на твое послѣднее письмо, но былъ сильно занятъ въ послѣднее время. Вотъ доказательство:

«Ан. П. Чеховымъ, какъ мы слышали, написана комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Ивановъ». Сюжетъ пьесы новъ. Первая постановка на сцену предполагается въ Москвѣ».

Кромѣ того, у меня было много срочной работы и дѣловой переписки. Только и отдыхаю, когда ѣзжу къ больнымъ. Не бываю ни въ театрахъ, ни въ гостяхъ, такъ что мамаша и тетя Ѳ. Я. прозвали меня за домосѣдство «дѣдомъ». Жду лѣта и тогда опять начну ѣздить по бѣлу свѣту и отдыхать.

Новаго у насъ нѣтъ ничего. Живемъ хорошо, не нуждаемся и всѣ здоровы. Твой дядя П. Е. сильно старѣетъ, но по прежнему бодръ. Съ каждымъ годомъ онъ дѣлается все мягче и добрѣе. Живетъ онъ у Вани на казенной квартирѣ, гдѣ для него имѣется особая комната; проводитъ дни и ужинаетъ онъ у меня.

Моя послѣдняя книжка, изданная Суворинымъ, идетъ *превосходно*. Могу похвастать, что у меня торговля идетъ гораздо лучше, чѣмъ у Лободы. Я, братъ, сталъ купцомъ. Продаю статьи, пьесы, книги и меди-

П. Е. Чеховъ.

цинскіе совѣты. За пьесу получу не меньше тысячи рублей, на дняхъ продалъ одному издателю полтора десятка завалящихъ, уже бывшихъ въ печати, старыхъ разсказовъ за 150 руб. Продалъ на одно изданіе. И такъ далѣе. Однимъ словомъ торговля кипитъ.

Продолжай писать мнѣ по адресу: «Кудринская-Садовая, д. Корнѣева». Напиши мнѣ:

1) Что новаго?

2) Какъ здоровье моихъ дяди и тети? Какъ ухо?

3) Гдѣ Володя?

Саня и Печерица пусть не думаютъ, что я забылъ о нихъ. Я отлично помню, какъ онѣ лѣтомъ собирались меня побить. Посылаю имъ обѣимъ мою карточку, которую и потрудитесь вручить имъ.

Сообщи адресъ Анисима Васильича.

Не забылъ ли я у Васъ книгу: «Въ странѣ мантильи и кастаньетъ» соч. Бѣжецкаго? Если забылъ, то при оказіи перешли ее мнѣ. Я дорогой растерялъ не мало книгъ.

Скажи папѣ, что мнѣ было бы весьма пріятно получить отъ него письмо. Я цѣню его дружбу. Передай всѣмъ самый низкій поклонъ, будь здоровъ, трудись, учись, гуляй и не забывай меня.

Въ «Новомъ Времени» я описалъ Святыя Горы [1]). Одинъ молодой человѣкъ, архіерейскій племянникъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ три архіерея читали это описаніе: одинъ читалъ, а двое слушали. Понравилось. Значитъ, и въ Св. Горахъ понравилось. Заработалъ я, благодаря Св. Горамъ, сто рублей. Описывалъ степь. Описаніе степи понравилось очень многимъ, особенно въ Питерѣ. Прощай. Жду письма.

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) № 4084 «Перекати поле» (Путевой набросокъ).

Насчетъ поученій о. Бондакова [1]) справлюсь у Суворина, когда буду въ Питерѣ, и тотчасъ же отвѣчу дядѣ.

Скажи мамѣ, что я не забылъ про сѣмена. Пришлю, но съ условіемъ, что Саня займется садикомъ по всѣмъ правиламъ искусства. Цвѣты можно у васъ сѣять не только въ палисадникѣ, но и вдоль забора.

CCXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Октябрь.)

Милѣйшій Гусевъ!

Письмо и деньги получены.

Буренину скажи, что я уполномочилъ тебя передать ему мою искреннюю благодарность за его рецензію, которую я сохраню для своего потомства. Передай ему, что рецензію читалъ я вмѣстѣ съ Короленко, к-рый вполнѣ согласенъ съ нимъ. Рецензія превосходная, но г. Буренину не слѣдовало бы въ ложку меду лить бочку дегтю, т.-е. хваля меня, смѣяться надъ мертвымъ Надсономъ.

Всѣ наши здравствуютъ. Николай бываетъ налетомъ.

Попроси Федорова, или Бѣжецкаго помѣстить въ театральной хроникѣ замѣтку: «А. П. Чеховымъ написана комедія «Ивановъ» въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Читанная въ одномъ изъ Московскихъ литературныхъ кружковъ (или что нибудь въ родѣ), она произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Сюжетъ новъ, характеры рельефны и проч.»

Это коммерческая замѣтка. Пьеса у меня вышла лег-

---

[1]) Таганрогскій проповѣдникъ.

Е. Я. Чехова.

кая, какъ перышко, безъ одной длинноты. Сюжетъ не бывалый. Поставлю ее, вѣроятно, у Корша (если послѣдній не будетъ скупъ).

Вотъ и все. О замѣткѣ постарайся. Она набавитъ цѣну. Въ замѣткѣ хвалить не нужно, а ограничься общими мѣстами.

Кланяйся своимъ и сообщи свой новый адресъ.

Не простудись.

Tuus *А. Чеховъ.*

Скажи Буренину и Суворину, что у меня былъ Короленко. Я проболталъ съ нимъ три часа и нахожу, что это талантливый и прекраснѣйшій человѣкъ. Скажи, что на мой взглядъ отъ него можно ожидать очень многаго.

CCXII.

В. Г. Короленко.

17 Октября (1887 г. Москва).

Посылаю Вамъ большое спасибо, уважаемый Владиміръ Галактіоновичъ, за книгу, которую я получилъ и теперь вновь перечитываю. Такъ какъ мои книги у васъ уже есть, то мнѣ поневолѣ приходится ограничиваться посылкой одного только спасибо.

Кстати, чтобы письмо вышло не совсѣмъ коротко, скажу вамъ, что я чрезвычайно радъ, что познакомился съ Вами. Говорю я это искренно и отъ чистаго сердца. Во-первыхъ, я глубоко цѣню и люблю Вашъ талантъ; онъ дорогъ для меня по многимъ причинамъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что если я и Вы проживемъ на этомъ свѣтѣ еще лѣтъ 10—20, то намъ съ Вами въ будущемъ не обойтись безъ точекъ общаго схода. Изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и не серьезный; я на замѣчаніи, выражаясь

языкомъ поэтовъ, свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть. Вы же серьезны и крѣпки и вѣрны. Разница между нами, какъ видите, большая, но тѣмъ не менѣе, читая Васъ и теперь познакомившись съ Вами, я думаю, что мы другъ другу не чужды. Правъ я или нѣтъ, я не знаю, но мнѣ пріятно такъ думать.

Кстати же посылаю Вамъ вырѣзку изъ «Новаго Времени». Этого Торо, о которомъ Вы изъ нея узнаете, я буду вырѣзывать и беречь для Васъ. Первая глава многообѣщающая; есть мысли, есть свѣжесть и оригинальность, но читать трудно. Архитектура и конструкція невозможны. Красивыя и некрасивыя, легкія и тяжеловѣсныя мысли нагромождены одна на другую, тѣснятся, выжимаютъ другъ изъ друга соки и того гляди запищатъ отъ давки.

Когда пріѣдете въ Москву, я вручу вамъ этого Торо, а пока прощайте и будьте здоровы.

Моя пьеса, вѣроятно, будетъ поставлена у Корша. Если да, то о днѣ постановки сообщу. Быть можетъ, этотъ день совпадетъ съ днями Вашего пріѣзда въ Москву. Тогда милости просимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Октябрь.)

Гусиныхъ!.

Твое письмо получено; чтобы не лежать въ постели и не плевать въ потолокъ, сажусь за столъ и отвѣчаю.....

Я болѣю и хандрю, какъ курицынъ сынъ. Перо изъ рукъ валится и я вовсе не работаю. Жду въ близкомъ

будущемъ банкротства. Если не спасетъ пьеса, то я погибъ во цвѣтѣ лѣтъ. Пьеса можетъ дать мнѣ 600—1000 рублей, но не раньше средины ноября, а что будетъ до этой середины, не вѣдаю. Писать *не могу*, а все, что пишу, выходитъ дрянью. Энергія—фюйть! въ родѣ alle Juden aus Paris füit! Темы есть, а остального прочаго котъ наплакалъ.

Царапаю субботникъ, но съ грѣхомъ пополамъ и на тему, к-рая мнѣ не симпатична. Выйдетъ плохъ, но я все таки пошлю его.

Въ Рус. Вѣд. платятъ 15 коп. за строку. Изъ «Сѣвера» меня приглашаютъ и обѣщаютъ: «получите, что хотите». Зовутъ въ Рус. Мысль и въ Сѣв. Вѣстникъ. Суворинъ сдѣлалъ бы не дурно, если бы прибавилъ гонорару. Коля Кочетовъ получаетъ 300 въ м-цъ, а Атава, кромѣ жалованья, 20 коп. за строку, мнѣ, пока я не выдохся, было бы не грѣшно получать полюдски, а не гроши. Я себя обкрадываю, работая въ газетахъ. За «Бѣглеца» получилъ я 40 р., а въ толстомъ журналѣ мнѣ дали бы за ½ печатнаго листа.. Впрочемъ, все это пустяки.

Пьесу я написалъ нечаянно, послѣ одного разговора съ Коршемъ. Легъ спать, надумалъ тему и написалъ. Потрачено на нее 2 недѣли, или вѣрнѣе 10 дней, такъ какъ были въ двухъ недѣляхъ дни, когда я не работалъ, или писалъ другое. О достоинствахъ пьесы судить не могу. Вышла она подозрительно коротка. Всѣмъ нравится. Коршъ не нашолъ въ ней ни одной ошибки и грѣха противъ сцены—доказательство, какъ хороши и чутки мои судьи. Пьесу я писалъ впервые, ergo—ошибки обязательны. Сюжетъ сложенъ и не глупъ. Каждое дѣйствіе я оканчиваю, какъ разсказы: все дѣйствіе веду мирно и тихо, а въ концѣ даю зрителю по мордѣ. Вся моя энергія ушла на немногія дѣйствительно силь-

ныя и яркія мѣста; мостики же, соединяющіе эти мѣста, ничтожны, вялы и шаблонны. Но я все таки радъ: какъ ни плоха пьеса, но я создалъ типъ, имѣющій литературное значеніе, я далъ роль, которую возьмется играть только такой талантъ, какъ Давыдовъ, роль, на которой актеру можно развернуться и показать талантъ.. Жаль, что я не могу почитать тебѣ своей пьесы. Ты человѣкъ легкомысленный и мало видѣвшій, но гораздо свѣжѣе и тоньше ухомъ, чѣмъ всѣ мои московскіе хвалители и хулители. Твое отсутствіе—для меня потеря не малая.

Въ пьесѣ 14 дѣйств. лицъ, изъ коихъ 5—женщины. Чувствую, что мои дамы, кромѣ одной, разработаны не достаточно.

Послѣ 15 справься въ конторѣ насчетъ продажи Сумерекъ. Чѣмъ чертъ не шутитъ? Можетъ быть, мнѣ на мою долю перепадетъ грошъ..

Спроси Суворина или Буренина: возьмутся ли они напечатать вещь въ 1500 строкъ? Если да, то я пришлю, хотя я самъ лично противъ печатанія въ газетахъ длинныхъ канителей съ продолженіемъ шлейфа въ слѣдующемъ №. У меня есть романъ въ 1500 строкъ, не скучный, но въ толстый журналъ не годится, ибо въ немъ фигурируютъ предсѣдатель и члены военно-окружного суда т.-е. люди не либеральные. Спроси и поскорѣй отвѣчай. Послѣ твоего отвѣта, я быстро перепишу на чисто и пошлю.

Заньковецкая—страшная сила! Суворинъ правъ. Только она не на своемъ мѣстѣ. Если по милости твоей Буренинъ съѣлъ грибъ, то это не бѣда: твоимъ языкомъ двигала не инерція, а рука Всевышняго.. Правду не мѣшаетъ говорить иногда. Кланяйся.

А. Чеховъ.

CCXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

19 Окт. (1887 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Посылаю Вамъ разсказъ и вмѣстѣ съ нимъ опускаю въ почтовый ящикъ открытое письмо, увѣдомляющее о его рожденіи.. Въ истекшую недѣлю я былъ здравъ; хандры не чувствовалъ и работалъ; написалъ и Худекову, и Суворину, и Вамъ. Если здоровье останется таковымъ и до слѣдующей недѣли, то пришлю разсказъ и къ слѣдующему №.

Отчего Вы мнѣ не пишете? Я послалъ вамъ цидулу по адресу «Дворянская 14» и отвѣта (вопросовъ впрочемъ не было въ письмѣ) не получилъ.

Я написалъ пьесу въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Если сойдусь въ цѣнѣ, она будетъ поставлена у Корша.

Ѣду въ Новодѣвичій монастырь погребать Гилярова-Платонова.

Недавно изъ Москвы выѣхалъ въ Брацлавъ Ежовъ. Онъ бывалъ у меня часто. Малый очень хорошій и далекъ отъ сходства съ представленіемъ, какое мы привыкли имѣть о газетчикахъ. У Пальмина еще ни разу не былъ. Боюсь, что пока я доѣду къ нему на извозчикѣ, онъ перемѣнитъ квартиру. Отчего у Васъ не работаетъ Агаѳоподъ? Судя по его письмамъ, въ которыхъ онъ мало говоритъ о своихъ работахъ вообще, онъ живетъ на одно только жалованье. Странно, что умѣя писать, онъ не пишетъ.

Погода у насъ смѣшанная, т.-е. день — хорошо, день — скверно.

Нѣтъ ли какихъ-нибудь новостей въ мірѣ литературномъ?

Передъ Рождествомъ я пущу объявленія о Пестр. разсказахъ, а книги моей нигдѣ нѣтъ въ Москвѣ. Есть она только у Салаева и Ступина — магазины, куда ходятъ только за учебниками. Салаевъ не популяренъ въ Москвѣ. За беллетристикой къ нему никто не пойдетъ.

«Въ сумеркахъ» Вы получите непремѣнно. Простите за невѣжество, въ которомъ я не виноватъ.

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Октябрь.)

Гусевъ! Твое письмо получилъ, прочелъ и, откровенно говоря, развелъ руками: или ты дописался до зеленыхъ чертиковъ, или въ самомъ дѣлѣ ты и Суворинъ введены въ заблужденіе. Пушкинская премія *не можетъ* быть мнѣ дана. Это разъ. Во-вторыхъ, если бы мнѣ и дали ее, во что я не вѣрю, то я наживу столько нареканій, особливо въ Москвѣ, столько хлопотъ и недоумѣній, что и пяти стамъ радъ не будешь. Премію я могъ бы взять только въ томъ случаѣ, если бы ее подѣлили между мной и Короленко, а теперь, пока еще не извѣстно, кто лучше, кто хуже, пока во мнѣ видятъ талантъ только 10—15 петербуржцевъ, а въ Короленко вся Москва и весь Питеръ, дать мнѣ премію значило бы сдѣлать пріятное меньшинству и уколоть большинство. Не говори этого Суворину, ибо онъ, насколько помнится. не читаетъ Короленко, а потому и не пойметъ меня.

Романъ еще не переписанъ. Вмѣсто него посылаю сейчасъ большой, фельетонный разсказъ, который не понравится, ибо написанъ (по свойству своей темы)

боборыкинскою скорописью и спеціаленъ. На случай могущихъ быть сомнѣній, предваряю тебя, аки члена редакціи, что описанныя въ разсказѣ безобразія такъ же близки къ истинѣ, какъ Соболевъ пер. къ Головину пер.

Пьеса моя пойдетъ у Корша въ концѣ ноября или въ началѣ декабря въ чей нибудь бенефисъ. Условія: проценты со сбора—не менѣе 8% *). Полный сборъ у Корша=1100—1500, а въ бенефисы 2400. Пьеса пойдетъ много разъ. Похвалы, ей расточаемыя, равно какъ и надежды на предстоящій гешефтъ, нѣсколько прибодрили меня. Всетаки чего то ждешь.. Если не пропуститъ ея цензура, что сомнительно, то я... вѣроятно, не застрѣлюсь, но будетъ горько.

При разсказѣ я приложилъ письмо къ Суворину съ просьбой выдать тебѣ сейчасъ 100 руб. для пересылки мнѣ. Чахну отъ безденежья.

Гдѣ Григоровичъ?

Отче, пошли, или снеси мои сумерки въ редакцію «Русскаго Богатства». Вложи въ пакетъ, напиши «Редакт. Русскаго Бог.» и, если до редакціи далеко, снеси въ магазинъ Цинзерлинга, что на Невскомъ, и попроси въ ономъ магазинѣ передать Оболенскому. Надпиши «по порученію автора».

Порученія мои исполняй не морщась. Ты будешь вознагражденъ отлично: тебя упомянетъ въ моей біографіи будущій историкъ: «Былъ де у него братъ Алексѣй, к-рый исполнялъ его порученія, чѣмъ не мало способствовалъ развитію его таланта». Для моего біографа не обязательно знать, какъ тебя зовутъ, но по подписи Ал. Чеховъ, ему будетъ не трудно догадаться, что тебя зовутъ Алексѣемъ.

---

*) Кромѣ 5 р. съ акта, которые забираются агентомъ Общества драмат. писателей. *Прим. А. П.*

Посылаю тебѣ 2 марки. Лопай!

Неужели ты серьезно вѣришь въ Пушкинскую премію? Ея не дадутъ ужъ по одному тому, что я работаю въ Нов. Времени.

А Суворину и Полонскому спасибо. Ихъ хлопоты и стремленія увѣнчать мое чело лаврами для меня дороже премій (разсуждая духовно).....

Въ Развлеченіи появились литературные враги. Кто то напечаталъ стихотв. «Тенденціозный Антонъ», гдѣ я названъ ветеринарнымъ врачомъ, хотя никогда не имѣлъ чести лѣчить автора.

Вернеры лошадей свели съ жилетокъ въ конюшни и теперь гарцуютъ по улицамъ. Женька ужасно похожъ на Федора Пантелеича. Бываютъ оба у меня. Очень приличны и комильфотны. Разсуждаютъ дѣльно. Шехтель женился. Одна изъ Эфросовъ выходитъ замужъ. Что еще. Былъ на кладбищѣ и видѣлъ, какъ хоронили Гилярова.

Гиляй издаетъ книгу «Трущобные люди»—изданіе не плохое, но трущобно. Прощай и пиши.

Тенденціозный Антонъ.

Президентъ академіи наукъ не Гротъ, а гр. Толстой, министръ внутр. дѣлъ. Гротъ только академикъ, вѣдающій словесную часть. Газетчику это надо знать. Здравіе мое лучше. Я снялся въ такомъ же форматѣ, какъ Марья, и если желаешь, могу продать тебѣ одну карточку. Скажи Буренину, что субботникъ я пришлю очень скоро. Есть ли у Петерсена сумерки? Отчего онъ о нихъ не пишетъ? Хоть онъ и скверно пишетъ, а все-таки реклама.

Кто кому носъ утеръ: Пржевальскій Георгіевскому, или наоборотъ. Поди, разбери ихъ.. Чтобъ сказать, кто изъ нихъ правъ, надо самому ѣхать въ Китай. Пришли что нибудь въ Сверчокъ. Напечатаютъ и заплатятъ аккуратно.

CCXVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

20 Окт. (1887 г. Москва.)

Sire! Конецъ Вашего письма никуда не годится: не хожу къ Вамъ просто оттого, что лѣнивъ и привыкъ липнуть къ своему столу. Намъ нужно бы поужинать, вотъ и все.

Что касается моего блуднаго брата, то опасность не такъ серьезна, какъ кажется. Онъ вчера перебрался отъ меня въ «мастерскую», куда увезъ съ собою все: портретъ Розы Мейерзонъ, свой цилиндръ, мои штаны и Ваши доски. Повидимому, онъ работаетъ. Его адресъ: Брюсовскій пер., д. Вельтищева, номера Медвѣдевой (старая исторія). . . . . .

Что дѣлать съ нимъ? Не знаю.

Что касается меня, то я живъ, здравъ, почиваю на лаврахъ и безденежествую. Поклонъ Вашей женѣ.

Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Хорошая у Васъ бумага!

CCXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

24 Окт. (1887 г. Москва.)

Разбойникъ пера и мошенникъ печати!

Твое гнусное письмо съ векселемъ получилъ, прочелъ и удивился твоему недоумѣнному уму. Штаны ты этакія, да развѣ я въ своемъ письмѣ упрекалъ тебя

за конкурсъ, бранилъ, называлъ скверно? Я только высказывалъ тебѣ свои соображенія, которыя ты могъ принять, или не принять тоже въ соображеніе, не зависимо отъ того, послана книга на конкурсъ, или нѣтъ.. За хлопоты твои и старичины я могу только благодарить и низко кланяться, но что тутъ обиднаго для тебя, если я еще разъ повторю, что въ случаѣ, ежели премію мнѣ дадутъ, я переживу немало хлопотъ? Я только пріятельски жалуюсь и больше ничего..

Изъ присланной тобою вырѣзки явствуетъ, что ты, я и Суворинъ можемъ успокоиться: рѣшеніе конкурса воспослѣдуетъ только въ октябрѣ будущаго года! Это такая даль, что и думать о ней не можно.. До этого срока могутъ народиться еще новые геніи.....

Ты приглашаешь меня къ себѣ на квартиру.. Еще бы! Всякому пріятно дать пріютъ геніальному человѣку! Хорошо, я сдѣлаю для тебя одолженіе.. Только условіе: вари для меня супъ съ кореньями, к-рый у тебя особенно хорошъ и предлагай мнѣ пить водку не раньше 11 час. вечера. Дѣтскаго пѣнія я не боюсь.

Получилъ я отъ Суворина письмо, которое едва разобралъ. Не постижимо: какъ читаютъ его наборщики? Пишетъ онъ мнѣ о своей пьесѣ: «Я прѣлъ, прѣлъ за своей комедіей, да такъ и бросилъ, когда взглянулъ этимъ лѣтомъ на дѣйств. русскую жизнь». Еще бы не прѣть! Современные драматурги начинаютъ свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами — пойди ка, найди сіи элементы во всей Россіи! Найти то найдешь, да не въ такихъ крайнихъ видахъ, какіе нужны драматургамъ. Поневолѣ начнешь выжимать изъ головы, взопрѣешь и бросишь.. Я хотѣлъ съоригинальничать: не вывелъ ни одного злодѣя, ни одного ангела (хотя не съумѣлъ воздержаться отъ шутовъ), никого не обвинилъ, никого не оправдалъ.. Удалось ли

мнѣ это, не знаю.. Пьеса непремѣнно пойдетъ — въ этомъ увѣрены Коршъ и актеры. А я не увѣренъ. Актеры не понимаютъ, несутъ вздоръ, берутъ себѣ не тѣ роли, какія нужно, а я воюю, вѣруя, что если пьеса пойдетъ не съ тѣмъ распредѣленіемъ ролей, какое я сдѣлалъ, то она погибнетъ. Если не сдѣлаютъ такъ, какъ я хочу, то во избѣжаніе срама пьесу прійдется взять назадъ. Вообще штука безпокойная и вельми непріятная. Зналъ бы, не связывался.

Въ заключеніе все таки порученіе. Надѣнь калоши и иди въ Пет. Газету.

№ 287—361 строкъ [1]).
№ 294— ? [2])
82 р. 68 к.

Завтра *) сей? выйдетъ. Спроси понедѣльницкій № сочти строки, сложи и проч. Вышли переводомъ. Хотя я и дождусь того, что ты, соскучившись моею назойливостью, купишь за мой гонораръ револьверъ и выпалишь въ меня, но я все таки не унываю. Мнѣ, когда я одолѣваю тебя порученіями, льститъ мысль, что моціонъ тебѣ полезенъ и что и ты нѣкоторымъ образомъ участвуешь въ кормленіи моихъ звѣрей.

Романа еще не переписалъ, но субботникъ пишу и пришлю къ субботѣ. Хотѣлъ бы я малость освѣжиться болтовнею съ твоей особой. Въ башкѣ накопилось много разнаго мусору.

А интересно было бы поглядѣть: a) сколько стоитъ изданіе сумерекъ и b) во сколькихъ экземплярахъ они изданы. Надѣюсь, что ты не въ стачкѣ съ книгопродавцами и не пользуешься моимъ именемъ ради своей наживы.

---

[1]) «Задача».

[2]) «Старый домъ» (Разсказъ суевѣрнаго человѣка).

*) 26-го Окт. *Прим. А. П.*

На твое бѣлье денегъ не нужно. Оно такъ плохо, что мать не знаетъ, съ какой стороны начать починку. Марья нашила цуцыкамъ штановъ, чулковъ и всякой дряни. Это ея секретъ, но я подглядѣлъ. Мать благодаритъ А. И. за письмо. У матери получить письмо—это событіе. Прощай.

Твой недоброжелатель.

CCXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника.)

29 Окт. (1887 г. Москва.)

Гусевъ! Вотъ тебѣ порученія.. Немедленно сходи на Вас. Островъ 42 кв. 3 и.. Впрочемъ, не пугайся. Это я шучу и пужаю..

Новость. Не такъ давно, въ одну изъ минутъ, когда я сидѣлъ безъ гроша, ко мнѣ прибѣжали бр. Вернеры и, пользуясь моею нищетою, купили у меня за 150 руб. 15 разсказовъ. Само собою, я выбралъ для нихъ разсказы поганые. Теперь читаю, что они выпустили книжку «Невинныя рѣчи А. П. Чехова»[1]). Изданіе изящное, но

---

[1]) НЕВИННЫЯ РѢЧИ.

А. Чехонте.

Бр. В.

Изд. ж. «Сверчокъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Скорая помощь. Тсссъ!.. Битая знаменитость. Месть. Ночь передъ судомъ. На чужбинѣ. Дорогая собака. Одинъ изъ многихъ. Житейскія невзгоды. Нервы. Страшная ночь. Злоумышленники. Счастливчикъ. Зиночка. Беззаконіе. Въ потемкахъ. Драма. Лишніе люди. Произведеніе искусства. Нахлѣбники. Это была она.

разсказы такъ плохи и пошлы, что ты имѣешь право ударить меня по затылку, несмотря на свою бездарность. Бр. Вернеры, конечно, пошлютъ новую книжицу въ Нов. Время, надѣясь на то, что мнѣ, какъ сотруднику, дадутъ отзывъ въ лучшемъ видѣ; ну, а я надѣюсь, что Нов. Время проститъ мнѣ, что я часть души своей продалъ нечистому, и не упомянетъ объ этомъ печатно. Въ молчаніи я увижу великое одолженіе. Это понятно.

Поздравляю съ новосельемъ.

Такъ какъ Суворинъ интересуется судьбою моей пьесы, то передай ему, что Давыдовъ [1]) принялся за нее горячо, съ восторгомъ. Я такъ угодилъ ему ролью, что онъ затащилъ меня къ себѣ, продержалъ до трехъ часовъ и все время, любовно глядя на мою рожу, увѣрялъ меня, что онъ отродясь не вралъ и что въ моей пьесѣ все отъ α до ω (это не ж..., а омега) тонко, правильно, чинно и благородно. Онъ увѣряетъ, что въ моей пьесѣ *пять* превосходныхъ ролей и что поэтому она у Корша шлепнется, такъ какъ играть ее рѣшительно некому.

Во! А ты все спрашивалъ: что изъ этого выйдетъ и гдѣ я учился..

Съ Коршемъ ..... условіе уже подписано. Я беру 8% съ валового сбора, т.-е. по 2% съ акта.

О Николкѣ поговоримъ при свиданіи.

Если увидишь лейбъ-медика Боткина, то скажи ему, что я иду по его стезѣ: лѣчу въ аристократическихъ домахъ. Напримѣръ, сейчасъ я иду къ графинѣ Келлеръ лѣчить... ея повара и къ Воейковой—лѣчить горничную.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ. Скажи ей, что я благодарю ее. За что? Не твое дѣло. Твое бѣлье шьется.

Прощай.

А.

---

[1]) В. Н. Давыдовъ, артистъ театра Корша.

Виньетка Н. П. Чехова для сборника «Невинныя Рѣчи».

CCXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

4 Ноября. (1887 г. Москва.)

Простите, добрѣйшій Николай Александровичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо. Моя пьеса [1]), сверхъ ожиданія—чтобъ ей пусто было!—такъ заѣздила и утомила меня, что я потерялъ способность оріентироваться во времени, сбился съ колеи и, вѣроятно, скоро стану психопатомъ. Написать ее было не трудно, но постановка требуетъ не только траты на извозчиковъ и времени, но и массы нервной работы. Судите сами: 1) въ Москвѣ нѣтъ ни одного искренняго человѣка, который умѣлъ бы говорить правду; 2) актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадѣянны; другъ друга терпѣть не могутъ и какой-нибудь N готовъ душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль; 3) Коршъ—купецъ и ему нуженъ не успѣхъ артистовъ и пьесы, а полный сборъ. 4) Женщинъ въ его труппѣ нѣтъ и у меня 2 прекрасныя женскія роли погибаютъ не за понюшку табаку.

5) Изъ мужского персонала только Давыдовъ и Киселевскій будутъ на своихъ мѣстахъ, а остальные выйдутъ безцвѣтными.

6) Послѣ того, какъ я заключилъ условіе съ Коршемъ, мнѣ дали знать, что Малый театръ (казенный) былъ бы радъ взять мою пьесу. 7) По мнѣнію Давыдова, которому я вѣрю, моя пьеса лучше всѣхъ пьесъ, написанныхъ въ текущій сезонъ, но она неминуемо провалится, благодаря бѣдности коршевской труппы.

---

[1]) «Ивановъ».

8) Хотѣлъ вчера взять свою пьесу назадъ, но Коршъ задрыгалъ ногами и руками...

Еще хватило бы на 20 пунктовъ, но довольно и восьми. Можете теперь судить, каково положеніе «начинающаго драматурга», который ни съ того, ни съ сего полѣзъ въ чужія сани и занялся не своимъ дѣломъ.

Утѣшаюсь только тѣмъ, что Давыдовъ и Киселевскій будутъ блестящи. Давыдовъ съ восторгомъ занялся своею ролью.

Отъ Корша я возьму не 50 р. за представленіе, какъ Вы совѣтовали, а больше: 8% съ валового сбора т.-е. по 2% съ акта. Таково условіе.

Читателю Осколковъ будетъ гораздо пріятнѣе получить въ премію книгу, чѣмъ дешевую олеографію. Я радъ, что Вы даете именно книгу, какъ я Вамъ во время оно совѣтовалъ. Но дѣло въ томъ, что на книгѣ-преміи легче осрамиться, чѣмъ на олеографіи. Если бумага будетъ дешевая, типографская краска двадцатирублевая, рисунки плохонькіе и обложка не изящная, то Осколкамъ и лично Вамъ не поздоровится.

Дайте книжку тоньше, но изящнѣе.

Нынѣшняя публика входитъ во вкусъ и начинаетъ понимать.. Потому-то братья Вернеры, изящно и французисто издающіе свои книжонки, распродаютъ свои изданія меньше, чѣмъ въ 2 мѣсяца. Это я не утрирую..

Я *убѣжденъ*, что если бъ я издалъ одинъ томъ Вашихъ разсказовъ такъ, какъ думаю, то это изданіе пошло бы гораздо скорѣе, чѣмъ всѣ Вернеровскіе..

Пьеса моя будетъ впервые даваться между 19 и 27 Ноября. Стало-быть, въ Питерѣ я буду около начала Декабря и поговорю съ Вами подробно.

Прѣснову [1]) не давайте изданій. Это одинъ изъ самыхъ

---

[1]) Московскій книгопродавецъ.

не популярныхъ и сѣрыхъ книгопродавцевъ. Публика не знаетъ ни Ступина, ни Прѣснова и ни Салаева [1]), продающаго спеціально учебники. Она (я говорю объ интеллигенціи и среднемъ читающемъ классѣ) вѣдаетъ только Суворина, Глазунова, Вольфа, Васильева, Мамонтова, Карбасникова и отчасти Смирнова.

Что новаго въ Питерѣ? Я получилъ отъ Билибина письмо, изъ котораго узналъ, что онъ нынѣ здоровъ. У него, по всѣмъ видимостямъ, былъ мышечный ревматизмъ (односторонній lumbago). Онъ простудился. Когда будете видѣть его плохо одѣтымъ (плохо т.-е. не тепло), то журите его безъ церемоніи; если же онъ будетъ кашлять, то рекомендуйте ему сидѣть дома. У него не надежный habitus. Достаточно легкой простуды, чтобы свалился.

Поклонитесь Прасковьѣ Никифоровнѣ и св. Ѳедору-молчальнику. Прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ*

CCXX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

7 Ноября. (1887 г. Москва.)

Уважаемая Марія Владиміровна!

На дняхъ я получилъ письмо отъ издательницы «Родника» Марфы Харитоновны Рылиндроновой. Сіе письмо прилагаю для прочтенія. Оно такъ сладко, что его можно скушать вмѣсто меда.

Само собой разумѣется, что у своей новой поклонницы я работать не буду, но, будучи въ Питерѣ (начало Декабря), воспользуюсь ея приглашеніемъ и побываю

---

[1]) Тоже московскій книгопродавецъ.

у нея. Вѣроятно, угостить закуской и познакомить съ кружкомъ психопатокъ.. Не воспользоваться ли Вамъ симъ случаемъ? Въ разговорѣ съ редакторшей я пущу въ ходъ все свое лицемѣріе и изукрашу Васъ во всѣ цвѣта радуги. Хотите?

Можно дебютировать въ «Родникѣ» съ Ларьки. Копія Ларьки, посланная Суворину, вѣроятно, погибла, какъ погибаетъ масса статей случайныхъ сотрудниковъ. Когда Суворина спросилъ мой братъ, гдѣ Ларька, онъ отвѣтилъ: «А чёрть иво́ знаетъ».. Толку не добьешься.. Чтобы статьи не терялись и печатались во время, надо непремѣнно жить въ Питерѣ.

Вашего Ларьку шлю Вамъ. Вы почините его, приспособьте къ дѣтишкинымъ мозгамъ, перепишите и пришлите мнѣ. Авось!

Ларьку я долженъ получить не позже 20—25 Ноября. Если мнѣ удастся сопричислить Васъ къ свѣтиламъ «Родника», то я вымаклачу для Васъ гонораръ почище Истоминскаго.. Я—сила! Бррр!

Елизавета Константиновна С. и баронесса опять готовятся стать матерями.

Моя пьеса уже пущена въ обращеніе. На этой недѣлѣ (послѣ 8-го) она пойдетъ въ Саратовѣ съ Андреевымъ-Бурлакомъ [1]) въ одной изъ главныхъ ролей.

Всѣмъ поклонъ, а Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ и Сережѣ объявляю строжайшій выговоръ за дурное поведеніе.

Поправки въ Ларькѣ произведены мною еще въ прошломъ году, когда переписывалась съ него копія. За давностью лѣтъ Вы простите мнѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ не обязательны и сдѣланы не чернилами..

Насчетъ того, что моя глупая пьеса ждетъ Вашего

---

[1]) В. Н. Андреевъ-Бурлакъ, извѣстный артистъ.

суда (для Васъ поѣздка въ Москву и моя пьеса—мировой съѣздъ), я уже писалъ Вамъ. Пожелавъ Вамъ и всѣмъ Вашимъ благъ земныхъ, пребываю лицемѣрнымъ и іезуитоподобнымъ

А. Чеховымъ.

CCXXI.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника.)

10-го Ноября. (1887 г. Москва.)

Ваше высокородіе! Симъ довожу до Вашего свѣдѣнія, что моя пьеса пойдетъ *въ четвергъ 19 ноября*, каковое число прошу Васъ зарубить на носу Лилиши съ тѣмъ, чтобы Лилиша показывала Вамъ свой носъ ежеминутно. Ждемъ. Если не пріѣдете, то я поднесу Вамъ въ газетахъ такую пилюлю, такъ осрамлю Васъ, что въ Америку сбѣжите. Уважительными причинами неявки могутъ быть: a) дезентерія, b) выходъ рѣкъ изъ береговъ, c) внезапное банкротство, d) народныя волненія, e) свѣтопреставленіе и f) пріѣздъ въ Бабкино шаха персидскаго. Другихъ причинъ не признаю. Слышите ли?

Но иногда невозможное бываетъ возможнымъ. Если, чего Боже сохрани, Васъ остановитъ одна изъ названныхъ причинъ, то немедленно, тотчасъ же по усмотрѣнію оной причины *дайте мнѣ знать*. Мнѣ необходимо знать, пріѣдете Вы, или же нѣтъ.

Зная Ваши звѣрскія чувства и возмутительный характеръ, зная Васъ, какъ гонителя науки и искусствъ, я готовъ даже для умилостивленія Вашей особы нанять двухъ дѣвицъ въ вкусѣ С.. и послать ихъ въ Бабкино умилостивлять Васъ. Подѣйствовавъ на Вашу чувственность, онѣ, быть-можетъ, тронули бы и Ваше жестокое сердце.

Одна у меня надежда—на Марію Владиміровну. Попросите ее, чтобы она убѣдила Васъ, что не ѣхать въ Москву нельзя. Если Васъ и Марію Владиміровну не интересуетъ провалъ моей злосчастной пьесы, то пріѣзжайте вмѣстѣ за шляпой, которая будетъ готова къ 19 Ноября.

Клянусь я первымъ днемъ творенія, что если Марія Владиміровна не пріѣдетъ, то я во-первыхъ, не отдамъ ея разсказа въ «Родникъ» и во-вторыхъ, всю мою жизнь буду ратоборствовать противъ дѣтскихъ журналовъ. Dixi.

Погода у насъ въ Москвѣ плевая. Въ Бабкинѣ, думаю, не лучше.

Уже 5-й день у насъ живетъ Афонскій монахъ о. Филаретъ.

Получили ли Вы мое большое письмо съ «Ларькой»? Я послалъ его на имя Маріи Владиміровны. Оно тяжелое, а по сему боюсь, чтобы оно не затерялось.

Василисѣ и Сережѣ объявляю строжайшій выговоръ. Маріи Владиміровнѣ и Елизаветѣ Александровнѣ поклоны. Тышечка еще не пріѣхала. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

87, XI, 15. (Москва.)

Простите, добрѣйшій Николай Александровичъ, и на сей разъ я не посылаю разсказа. Погодите, въ четвергъ идетъ моя пьеса, послѣ нея я опять сяду за столъ и буду строчить аккуратно. Ваши строки относительно постановки пьесъ повергли меня въ недоумѣніе. Вы пишете: «Авторъ постановкѣ только мѣшаетъ, стѣсняетъ актеровъ

и въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ только глупыя указанія». На сіе отвѣчу Вамъ сице: 1) авторъ хозяинъ пьесы, а не актеры; 2) вездѣ распредѣленіе ролей лежитъ на обязанности автора, если таковой не отсутствуетъ; 3) до сихъ поръ *всѣ* мои указанія шли на пользу и дѣлалось такъ, какъ я указывалъ; 4) сами актеры просятъ указаній; 5) параллельно съ моей пьесой въ Маломъ театрѣ репетуется новая пьеса Шпажинскаго, который *три* раза мѣнялъ мебель и заставлялъ казну три раза тратить деньги на обстановку. И т. д. Если свести участіе автора къ нолю, то получится чертъ знаетъ что.. Вспомните-ка, какъ Гоголь бѣсился, когда ставили его пьесу!

Развѣ онъ не правъ?

Вы пишете, что съ Вами согласенъ Суворинъ. Удивляюсь. Недавно Суворинъ писалъ мнѣ: «приструньте актеровъ» и давалъ совѣты, касающіеся этого приструниванія.

Во всякомъ случаѣ спасибо Вамъ за тему: буду писать Суворину и подниму въ письмѣ вопросъ о предѣлахъ авторской компетенціи..

Далѣе Вы пишете: «бросьте Вы къ чертовой матери Вашу пьесу».. Око за око: бросьте Вы къ . . . . . матери Ваше кредитное общество! Бросить пьесу— значитъ бросить надежду на гешефтъ.

Однако Вамъ надоѣло мое брюзжанье, а посему перейдемъ къ текущимъ вопросамъ.

«Невинныя рѣчи» напечатаны *всѣ* на одинаковой бумагѣ.

Въ Питеръ я пріѣду къ Декабрю.

О многомъ потолкуемъ.

Не знаю, что отвѣтить Вамъ на Ваше замѣчаніе о Давыдовѣ [1]). Можетъ-быть, Вы и правы. Я сужу о немъ

---

[1]) Артистъ театра Корша, исполнявшій заглавную роль въ пьесѣ «Ивановъ».

не столько по личному впечатлѣнію, сколько по рекомендаціи Суворина, который писалъ мнѣ: «Давыдову вѣрьте».

Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и св. Ѳедору. Моя семья всякій разъ шлетъ Вамъ поклоны, но я, простите, забываю писать объ этомъ.

Когда мы будемъ обѣдать у Тѣстова? Пріѣзжайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

15 ноября. 1887 г. (Москва.)

Добрѣйшій
Александръ Семеновичъ!

Вы, коварный измѣнникъ, уѣхали, не простившись.

Сіе письмо дѣловое. Суть въ томъ, что гг. актеры, когда я вкратцѣ разсказалъ имъ содержаніе «Гамлета, принца датскаго» [1]), изъявили горячее желаніе играть его не позже января, т.-е. возможно скорѣе. Куй желѣзо, пока горячо. Написано ли у Васъ что-нибудь? Выходитъ ли требуемое? Совладали ли съ сюжетомъ и сценическими условіями? Какъ бы тамъ ни было,, поспѣшите написать мнѣ подробно, что Вами придумано, написано и что имѣется въ проектѣ. Одновременно пришлите мнѣ и мою рукопись (бандеролью), оставивъ у себя копію. Я суммирую все съ Вашимъ, подумаю и не замедлю сообщить Вамъ свои намѣренія и проекты. Условія: 1) Сплошная путаница. 2) каждая рожа должна быть характеромъ и говорить своимъ языкомъ. 3) отсутствіе длиннотъ. 4) непрерывное движеніе. 5) роли должны

---

[1]) «Гамлетъ принцъ датскій», начатый и не оконченный водевиль А. П.

быть написаны для Градова, Свѣтлова, Шмитгофа, Киселевскаго, Соловцева, Вязовскаго, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной. 6) критика на театральные порядки; безъ критики нашъ водевиль не будетъ имѣть значенія.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

20 н. (Ноября. 1887 г. Москва.)

Ну, пьеса проѣхала.. Описываю все по порядку. Прежде всего: Коршъ обѣщалъ мнѣ десять репетицій, а далъ только 4, изъ коихъ репетиціями можно назвать только двѣ, ибо остальныя двѣ изображали изъ себя турниры, на коихъ гг. артисты упражнялись въ словопреніяхъ и брани. Роль знали только Давыдовъ и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убѣжденію.

Первое дѣйствіе. Я за сценой въ маленькой ложѣ, похожей на арестантскую камеру. Семья въ ложѣ бенуаръ: трепещетъ. Сверхъ ожиданія я хладнокровенъ и волненія не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавѣсъ. Выходъ бенефиціанта. Неувѣренность, незнаніе роли и поднесенный вѣнокъ дѣлаютъ то, что я съ первыхъ же фразъ не узнаю своей пьесы. Киселевскій, на котораго я возлагалъ большія надежды, не сказалъ правильно не одной фразы. Буквально: *ни одной.* Онъ говорилъ свое. Несмотря на это и на режиссерскіе промахи, первое дѣйствіе имѣло большой успѣхъ. Много вызововъ.

2 дѣйствіе. На сценѣ масса народа. Гости. Ролей не знаютъ, путаютъ, говорятъ вздоръ. Каждое слово

рѣжетъ меня ножомъ по спинѣ. Но — о муза! — и это дѣйствіе имѣло успѣхъ. Вызывали всѣхъ, вызывали и меня два раза. Поздравленіе съ успѣхомъ.

3 дѣйствіе. Играютъ не дурно. Успѣхъ громадный. Меня вызываютъ три раза, при чемъ во время вызововъ Давыдовъ трясетъ мнѣ руку, а Глама на манеръ Манилова другую мою руку прижимаетъ къ сердцу. Торжество таланта и добродѣтели.

Дѣйствіе 4: 1-я картина. Идетъ недурно. Вызовы. За симъ длиннѣйшій утомительный антрактъ. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить въ буфетъ, ропщетъ. Поднимается занавѣсъ. Красиво: въ арку виденъ ужинный столъ (свадьба). Музыка играетъ туши. Выходятъ шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоуничать и выкидывать колѣнцы. Балаганъ и кабакъ, приводящіе меня въ ужасъ. За симъ выходъ Киселевскаго: душу захватывающее, поэтическое мѣсто, но мой Киселевскій роли не знаетъ, пьянъ, какъ сапожникъ, и изъ поэтическаго, коротенькаго діалога получается что-то тягучее и гнусное. Публика недоумѣваетъ. Въ концѣ пьесы герой умираетъ отъ того, что не выноситъ нанесеннаго оскорбленія. Охладѣвшая и утомленная публика не понимаетъ этой смерти (которую отстаивали у меня актеры; у меня есть варіантъ). Вызываютъ актеровъ и меня. Во время одного изъ вызововъ слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньемъ ногъ.

Въ общемъ утомленіе и чувство досады. Противно, хотя пьеса имѣла солидный успѣхъ (отрицаемый Кичеевымъ и К°).

Театралы говорятъ, что никогда они не видѣли въ театрѣ такого броженія, такого всеобщаго аплодисменто—шиканья, и никогда въ другое время имъ не приходилось слышать столькихъ споровъ, какіе ви

дѣли и слышали они на моей пьесѣ. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали послѣ 2-го дѣйствія.

Второй разъ пьеса идетъ 23-го съ варіантомъ и съ измѣненіями—я изгоняю шаферовъ.

Подробности при свиданіи.

Твой *А. Чеховъ.*

Скажи Буренину, что послѣ пьесы я вошолъ въ колею и усѣлся за субботникъ.

CCXXV.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Ноябрь 21.)

Милостивый Государь
Алексѣй Сергѣевичъ!

Въ среду 25-го Ноября идетъ моя пьеса «Ивановъ» въ 3-й разъ. Вотъ было бы хорошо, если бы Вы пріѣхали! Пожалуста пріѣзжайте!

Въ понедѣльникъ меня опять вызывали, но (Васъ не было) не шикали.

Моя пьеса нагло-цинична, безнравственна и отвратительна. Таково мнѣніе Петра Кичеева, убившаго въ свое время на Вашихъ глазахъ человѣка.

Вообще, кромѣ Васъ, у меня много враговъ. Изъ всѣхъ враговъ самый злой—Вы!!! *(дальше нарисованъ профиль женской головы, подъ которой надпись)*:

Это. . . . . «очень Вами благодарна» [1]).

Писать не въ состояніи. Дней черезъ пять пришлю Вамъ письмо изъ Питера.

---

[1]) Слова Бабакиной въ «Ивановѣ.»

CCXXVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника.)

(Москва. 1887 г. Ноябрь.)

Обманутый человѣкъ!

Простите за обманъ. Дѣло въ томъ, что я разсчитывалъ, что Вы, потерпѣвъ крушеніе съ быками [1]), не возвратитесь къ сроку, а во вторникъ я былъ позванъ къ Коршу *по дѣлу*.

Адресъ Гиляя не знаю. Онъ можетъ быть узнанъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ.

Будьте сегодня у Корша. Дается «Холостякъ» Тургенева, гдѣ, по словамъ Корша, Давыдовъ выше критики. Я буду тамъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

24 Ноября. (1887 г. Москва.)

Ну, милѣйшій Гусевъ, все наконецъ улеглось, разсѣялось и я попрежнему сижу за своимъ столомъ и со спокойнымъ духомъ сочиняю разсказы. Ты не можешь себѣ представить, что было! Изъ такого малозначущаго дерьма, какъ моя пьесенка (я послалъ одинъ оттискъ Маслову [2]), получилось чертъ знаетъ что. Я уже

---

[1]) Поѣздъ наѣхалъ на стадо быковъ. *Прим. адресата.*

[2]) А. Н., пишущій подъ псевдонимомъ «Бѣжецкій».

писалъ тебѣ, что на первомъ представленіи было тако возбужденіе въ публикѣ и за сценой, какого отродяс не видѣлъ суфлеръ, служившій въ театрѣ 32 года. Шу мѣли, галдѣли, хлопали, шикали; въ буфетѣ едва н подрались, а на галеркѣ студенты хотѣли вышвырнут кого-то, и полиція вывела двоихъ. Возбужденіе был общее. Сестра едва не упала въ обморокъ, Дюковскій [1]) съ которымъ сдѣлалось сердцебіеніе, бѣжалъ, а Кисе левъ [2]) ни съ того, ни съ сего схватилъ себя за голов и очень искренно возопилъ: «Что же я теперь буд дѣлать?»

Актеры были нервно напряжены. Все, что я писал тебѣ и Маслову объ ихъ игрѣ и объ ихъ отношені къ дѣлу, должно, конечно, не идти дальше писемъ. При ходится многое оправдывать и объяснять.. Оказывается что у актрисы, которая играла у меня первую роль при смерти дочка—до игры ли тутъ? Курепинъ хороше сдѣлалъ, что похвалилъ актеровъ.

На другой день послѣ спектакля появилась въ «Моск Листкѣ» рецензія Петра Кичеева, который обзывает мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребе денью. Въ Моск. Вѣд. похвалили.

Второе представленіе прошло недурно, хотя и с сюрпризами. Вмѣсто актрисы, у которой больна дочка играла другая (безъ репетиціи). Опять вызывали посл III (два раза) и послѣ IV дѣйствій, но уже не шикали

Вотъ и все. Въ среду опять идетъ мой «Ивановъ» Теперь всѣ поуспокоились и вошли въ свою колею Мы записали 19 ноября и будемъ праздновать его еже годно попойкой, ибо сей день для семьи будетъ долг памятенъ.

---

[1]) М. М. Дюковскій.

[2]) А. С. Киселевъ.

Больше я не буду писать тебѣ о пьесѣ. Если хочешь имѣть о ней понятіе, то попроси оттискъ у Маслова и почитай. Чтеніе пьесы не объяснитъ тебѣ описаннаго возбужденія; въ ней ты не найдешь ничего особеннаго. Николай, Шехтель и Левитанъ — т.-е. художники — увѣряютъ, что на сценѣ она до того оригинальна, что странно глядѣть. Въ чтеніи же это не замѣтно.

Если кто-либо, замѣтишь, захочетъ побранить въ «Новомъ Времени» актеровъ, участвовавшихъ въ моей пьесѣ, попроси воздержаться отъ хулы. Во второмъ представленіи они были великолѣпны.

Ну-съ, на дняхъ ѣду въ Питеръ. Постараюсь выбраться къ 1 Декабря. Во всякомъ случаѣ именины твоего старшаго цуцыка мы отпразднуемъ вмѣстѣ.. Предупреди его, что торта не будетъ.

Поздравляю съ повышеніемъ. Если ты въ самомъ дѣлѣ секретарь, то пусти замѣтку, что «23-го Ноября въ театрѣ Корша во 2-й разъ шелъ «Ивановъ». Актеры, особливо Давыдовъ, Киселевскій, Градовъ-Соколовъ и Кошева были много вызываемы. Авторъ былъ вызванъ послѣ III и IV дѣйствія». Что-нибудь въ родѣ.. Благодаря этой замѣткѣ мою пьесу поставятъ лишній разъ и я лишній разъ получу 50—100 цѣлковыхъ. Если эту замѣтку найдешь неудобной, то не дѣлай ея.....

Я надоѣлъ тебѣ? Мнѣ кажется, что я весь ноябрь былъ психопатомъ.

Гиляй ѣдетъ сегодня въ Питеръ.

Будь здоровъ и прости за психопатію. Больше не буду. Сегодня я нормаленъ...

Благодарственное письмо за телеграмму послано Маслову.

Твой *Шиллеръ Шекспировичъ Гете.*

CCXXVIII.

Ему же.

(Москва. 1887 г. Ноябрь.)

Korbo, canis clarissimus, mortuus est. Gaudeo te asinum, sed non canem esse, nam asini diutius vivunt [1]).

CCXXIX.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

3 Декабрь. (1887 г. СПБ.)

Милостивые государи и милост. государыни! Пишу сіе въ ред. Осколковъ въ ожиданіи Голике, къ которому иду обѣдать. Живу у Александра.....

За то Питеръ великолѣпенъ. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извощики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера напримѣръ съ 10½ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго (критиковавшаго меня въ Сѣверномъ Вѣстникѣ) въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленко: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно видаюсь съ Суворинымъ, Буренинымъ и проч. Всѣ наперерывъ приглашаютъ

---

[1]) Переводъ: Корбо, знаменитая собака, издохъ. Радуюсь, что ты оселъ, а не собака, потому что ослы живутъ дольше.

У семьи Чеховыхъ была собака Корбо, у которой не было шерсти на спинѣ. Это та самая «собака безъ спины», о которой упоминалось въ письмахъ А. П. раньше.

меня и курятъ мнѣ ѳиміамъ. Отъ пьесы моей всѣ положительно въ восторгѣ, хотя и бранятъ меня за небрежность. Мой единственный оттискъ ходитъ теперь по рукамъ и я никакъ не могу поймать его, чтобы отдать въ цензуру.

Суворинъ злится за то, что я свою пьесу отдалъ Коршу; по его мнѣнію ни труппа Корша, ни московская публика (?) не могутъ понять Иванова. Московскія рецензіи возбуждаютъ здѣсь смѣхъ. Всѣ ждутъ, когда я поставлю пьесу въ Питерѣ, и увѣрены въ успѣхѣ, а мнѣ послѣ Москвы такъ опротивѣла моя пьеса, что я никакъ не заставлю себя думать о ней: лѣнь и противно. Какъ только вспомню, какъ коршевскіе . . . . . пакостили Иванова, какъ они его коверкали и ломали, такъ тошно дѣлается и начинаешь жалѣть публику, которая уходила изъ театра не солоно хлебавши. Жаль и себя и Давыдова.

Суворинъ возбужденъ моей пьесой. Замѣчательно: послѣ коршевской игры ни одинъ человѣкъ изъ публики не понялъ Иванова, бранили меня и жалѣли, здѣсь же всѣ въ одинъ голосъ увѣряютъ, что мой Ивановъ обрисованъ достаточно, что нѣтъ надобности ни прибавлять, ни убавлять его.

Анна Аркадьевна [1]) похорошѣла. Я привезу ея карточку для Ивана [2]): не нужна ли ему супруга? Подходящая.

Александръ у нововременцевъ на хорошемъ счету. Живется ему у нихъ очень недурно. Дѣти его здоровы, но не говорятъ ни слова.

Вчера я ночевалъ и обѣдалъ у Лейкина. Вотъ гдѣ я наѣлся, выспался и отдохнулъ отъ .....!

---

[1]) Барышня, служившая въ редакціи «Осколковъ».

[2]) Ивана Павловича Чехова.

Въ декабрьской книгѣ Вѣстника Европы есть большая статья о моей особѣ [1]).

Я за три дня пополнѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую Гавриловыми и Кичеевыми, портитъ мнѣ кровь.

Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашеніе. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится «психопатія» (о коей писалъ Буренинъ).

Привезу съ собой много книгъ.

Моя пьеса едва ли пойдетъ еще разъ у Корша. Одинъ нововременскій балбесъ, подслушавшій мой разговоръ съ Суворинымъ и К° и не понявшій, поднесъ въ газетѣ такую фигу коршевской труппѣ, что я поднялъ гвалтъ, Суворинъ назвалъ балбеса «безъидейной скотиной», а Коршъ, навѣрное, упалъ въ обморокъ. Балбесъ хотѣлъ прислужиться мнѣ, а вышло чертъ знаетъ что. Если Коршъ сниметъ съ репертуара мою пьесу, тѣмъ лучше. Къ чему срамиться? Ну ихъ къ черту!

Я пишу. Получилъ ли Миша посылку? Пришелъ Голике. Ухожу обѣдать.

Поклонъ всѣмъ. Деньги буду высылать понемногу, но возможно чаще.

M-me Б., когда я бываю у ея супруга, не выходитъ ко мнѣ.

Желаю всѣмъ здравія и отличнѣйшаго расположенія духа. Все, что говорилось у Корнѣева о петерб. университетѣ (оплеуха), оказывается чистѣйшимъ вздоромъ. Вообще на свѣтѣ много лганья.

А. Чеховъ.

---

[1]) Д. Мережковскаго «Старый вопросъ по поводу новаго таланта».

CCXXX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника.)

13 Дек. Петербургъ. (1887 г.)

Талантливая Марія Владиміровна! Такъ называетъ Васъ С., у которой я былъ вчера. Это солидная grande-dame со слѣдами когда-то бывшей красоты, восторженная и благородная—типъ отставной полковницы, живущей на пенсію. О Васъ я началъ говорить такимъ образомъ:

—M-me Киселева сердится, что Вы ей мало платите. Это нехорошо.

Она вскочила, всплеснула руками и воскликнула:

—Ахъ! Да это возмутительно! Я вѣдь въ письмѣ спрашивала ее: довольна она гонораромъ, или нѣтъ? Она отвѣтила, что вполнѣ довольна и бо̀льшаго не хочетъ.

—Но вѣдь Вы сами должны догадаться! Развѣ можно платить по 30 руб. за листъ? Вѣдь это ужасная плата...

И т. д. Кончилось тѣмъ, что С. обѣщала выслать Вамъ за послѣдній разсказъ по 40 р. съ листа, что она и сдѣлаетъ. Если я сказалъ слово *сердится* и если это слово Вамъ не нравится, то очень радъ. Съ Вами не нужно церемониться. Отъ Вашего имени я С. наговорилъ такихъ вещей, что въ письмѣ къ Вамъ она ужъ едва ли назоветъ Васъ «моя дорогая».. Она назоветъ Васъ многоуважаемой, за то заплатитъ больше—что и требуется доказать. С. благородная дама, но все-таки Ма-Сте большая. А. хвалитъ Вашу повѣсть. Онъ говоритъ, что черезъ 5—10 лѣтъ изъ Васъ выработается настоящая писательница.

Сейчасъ разговаривалъ по телефону съ Савиной[1]). Вчера читалъ въ литературномъ обществѣ и имѣлъ успѣхъ. А сію минуту меня зовутъ завтракать и мѣшаютъ мнѣ писать Вамъ.

15 Дек. я буду уже въ Москвѣ. Низкій поклонъ Барину[2]), Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ.

Сердечно преданный

Антуанъ Чеховъ.

CCXXXI.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ.)

(Москва. 1887 г. Декабрь.)

Милый капитанъ. Сижу за своимъ столомъ и работаю, вижу передъ глазами пенатовъ, а мысли мои все еще въ Питерѣ. Прежде всего спасибо Вамъ за то, что Вы познакомились со мной. Засимъ, спасибо за радушіе и за книги. У Васъ все хорошо и мило: и книги, и нервность, и разговоръ, и даже трагическій смѣхъ, который я теперь дома пародирую, но неудачно.

Посылаю Вамъ 2 карточки: одну оставьте себѣ, другую передайте болярину Алексію [3]).

Жду отъ Васъ карточку и письмо.

Такъ какъ это письмо, по всей вѣроятности, послѣ моей смерти будетъ напечатано въ Сборникѣ моихъ писемъ, то прошу Васъ вставить въ него нѣсколько каламбуровъ и изреченій. Прощайте и будьте здоровы.

Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Пишите, Щегловъ: Васъ читаютъ!

Ну, что «Миньона»? Кончили?

---

[1]) М. Г., знаменитая артистка.

[2]) А. С. Киселеву—мужу адресатки.

[3]) А. Н. Плещеевъ.

CCXXXII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

25 Д. (Декабрь. 1887 г. Москва.)

Уважаемый
Акакій Спиридоновичъ
Господинъ Гусевъ!

Прежде всего имѣю честь поздравить Васъ и все Ваше семейство съ праздниками и съ Новымъ годомъ и желаю дождаться многихъ предбудущихъ въ недоумѣніи и въ благомысліи. Семейство наше тоже весьма и во всѣхъ смыслахъ, чего и Вамъ желаю.

Когда на 3-й день праздника откроется оконце Полины Яковлевны, надѣнь штаны и сбѣгай получить мой гонораръ, который 33 моментально вышли мнѣ черезъ г. Волкова. Въ праздники контора запирается въ 2 часа.

Поздравлялъ ли ты съ праздникомъ Вукова?

У насъ гоститъ Саша Селиванова. Бѣдовая, шумная и гремучая дѣвка. Не умолкаемо поетъ и играетъ.

Къ Плещееву сходи. Это хорошій старецъ. Славное прошлое, вдовье настоящее и неопредѣленное будущее.

Былъ у меня зять Суворина Мамышевъ и очень хвалилъ твое «На маякѣ». Пиши и не давай себѣ пощады.

Получилъ отъ Суворина письмо.

Усердно буду читать все тобою написанное и временами буду присылать тебѣ свое резюме: хочешь—читай, не хочешь—горшки накрывай.

Смѣхъ Щеглова напоминаетъ пѣніе какой-то дикой птицы, а какой—не помню.

Будь здоровъ.

На Владимірской есть «Варшавская Кондитерская» (если идти съ Невскаго, то на лѣвой сторонѣ). Забѣги, купи на мои пиензы печеній и подноси Аннѣ Ивановнѣ. Уважь. Самыя вкусныя печенія къ чаю имѣютъ форму полумѣсяца.

Буде осколочные feminae не отослали еще Плещееву (Спасская, 1) моихъ «Пестрыхъ разсказовъ», то можешь воспользоваться сею вѣрной окказіей, чтобы побывать у Плещеева. Повторяю: хорошій старикъ. Адресъ Баранцевича: Пески, 3 улица, 4. Побывай и у него. Все это славные парни. Предполагая, что ты будешь жить въ Питерѣ и литературничать до старости, я совѣтовалъ бы тебѣ стать извѣстнымъ пишущей братіи и по возможности поближе-покороче сойтись съ двумя-тремя. Не надо и вредно быть одинокимъ. Прощай, будь здоровъ и присылай денегъ. Я работаю усердно.

Твой *А. Чеховъ.*

CCXXXIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника.)

27 Декабря. (1887 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Если отъ виноватаго можно принять поздравленіе съ праздникомъ, то поздравляю Васъ и желаю всяческихъ благъ земныхъ, небесныхъ и литературныхъ. Виноватъ передъ Вами по самое горло и искренно сознаю это. Обѣщаніе я далъ Вамъ, темы есть, но писать не могъ. До Рождества я не садился писать, ибо думалъ, что мои разсказы Вамъ не особенно нужны: я помнилъ, что въ редакціонной комнаткѣ, при Билибинѣ на мое обѣщаніе прислать святочные разсказы Вы отвѣтили мнѣ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Получивъ же на праздни-

кахъ Ваше письмо, я сѣлъ писать и написалъ такую чепуху, которую посовѣстился посылать. Вы пишете, что для Васъ все равно, каковъ бы ни былъ разсказъ, но я не раздѣляю этого взгляда. Quod licet Iovi, non licet bovi. Что простится Вамъ и Пальмину, людямъ сдѣлавшимъ свое дѣло, а потому имѣющимъ право иногда пренебрежничать, то не простится начинающему писакѣ.

Во всякомъ случаѣ Вы на сей разъ не сердитесь и войдите въ мое положеніе.

Отчего Вы не даете анонса въ Нов. Времени о Вашей книгѣ? Вы пошлите сказать, чтобы по понедѣльникамъ дѣлали анонсъ. Уже пора даже въ томъ случаѣ, если книга еще не начинала печататься. Еще разъ повторяю: за изданіемъ слѣдите сами, ибо Суворинъ при всемъ своемъ желаніи угодить авторамъ не можетъ бывать въ типографіи. Пожалуста, чтобы бумага и обложка были поизящнѣй. Вы не признаете этого, но хоть разъ въ жизни попробуйте.. Не будьте упрямы. Изданіе Вернера «Невинныя рѣчи» идетъ хорошо, благодаря только тому, что издано не шаблонно.

Спѣлись ли со Щегловымъ? Это большой юмористъ. Прочтите его разсказъ въ рожд. № Нов. Времени и Вы убѣдитесь въ этомъ. Пригласите и Баранцевича. Разъ въ 2 мѣсяца его можно давать, хотя онъ и не юмористъ.

Видѣлъ Грузинскаго и говорилъ ему насчетъ семги. Смѣется.

Въ моей тугоподвижности, съ какою я работаю у Васъ, ради Создателя не усмотрите злого умысла, не подумайте, что я отлыниваю отъ Осколковъ. Ни-ни! Осколки—моя купель, а Вы—мой крестный батька.

Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ поклонъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ. Прощайте, не сердитесь и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXIV.

Д. В. Григоровичу. [1])

(Съ подлинника).

(Москва. 1887 г.)

Сейчасъ я прочиталъ С. К [2]) и меня теперь сильно занимаетъ вопросъ: насколько изображенный Вами сонъ есть сонъ. И мнѣ кажется, что мозговая работа и общее чувство спящаго человѣка переданы Вами физіологически вѣрно и замѣчательно художественно. Я помню, читалъ 2—3 года тому назадъ какой-то французскій разсказъ (имя автора не помню, а заглавіе, кажется, «Шерри»), гдѣ авторъ, описывая дочь министра, вѣроятно самъ того не подозрѣвая, далъ вѣрную клиническую картину истеріи; тогда же я подумалъ, что чутье художника стоитъ иногда мозговъ ученаго, что то и другое имѣютъ одни цѣли, одну природу, и что, быть можетъ, со временемъ при совершенствѣ методовъ имъ суждено слиться вмѣстѣ въ гигантскую чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себѣ.. С. К. навелъ меня на такія же мысли и сегодня я охотно вѣрю Боклю, который въ разсужденіяхъ гамлета о прахѣ Ал. Мак. [3]) и глинѣ видѣлъ знакомство Шекспира съ закономъ обмѣна веществъ, т.-е. способность художниковъ опережать людей науки.. Сонъ— явленіе субъективное и внутреннюю сторону его можно наблюдать только на самомъ себѣ. Но такъ какъ про-

---

[1]) А. П. прочиталъ въ «Русской Мысли» очеркъ Григоровича «Сонъ Карелина» и тотчасъ написалъ ему это письмо, сохранившееся въ черновикѣ. Послалъ-ли А. П. это письмо Григоровичу, или нѣтъ, неизвѣстно.

[2]) «Сонъ Карелина».

[3]) Александра Македонскаго.

цессъ сновидѣнія у всѣхъ людей одинаковъ, то, мнѣ кажется, каждый читатель можетъ мѣрить Карелина на свой собствен. аршинъ и каждый критикъ поневолѣ долженъ быть субъективенъ.. Я лично, руководясь собственной мѣркой, могу формулировать свое впечатлѣніе слѣд. образомъ.

Прежде всего, чувство холода передано Вами замѣчательно тонко. Когда ночью спадаетъ съ меня одѣяло, я начинаю видѣть во снѣ громадные, склизкіе камни, холодную осеннюю воду, голые берега—все это не ясно, въ туманѣ, безъ клочка голубого неба; въ уныніи и въ тоскѣ, точно заблудившійся, я гляжу на камни и чувствую почему-то неизбѣжность перехода черезъ глубокую рѣку; вижу я въ это время маленькіе букс. пароходики, которые тащатъ громадныя барки, плавающія бревна.. Все до безконечности сурово, уныло и сыро.. Когда же я бѣгу отъ рѣки, то встрѣчаю на пути обвалившіяся ворота кладбища, похороны, своихъ гимназ. учителей.. И въ это время весь я проникнутъ тѣмъ тяжелымъ, кошмарнымъ холодомъ, какой не мыслимъ на яву и ощущается только спящими. Онъ очень рельефно припоминается, когда читаешь 1-я страницы Карелина, а въ особенности верхнюю половину 5-й страницы, гдѣ говорится о холодѣ и одиночествѣ могилы.

Мнѣ кажется, что родись и живи я постоянно въ П.[1]), мнѣ снились бы непремѣнно берега Невы, С. [2]) площадь, массивные фундаменты.

Ощущая во снѣ холодъ, я вижу людей.. Случайно я читалъ критика П. В., который сѣтуетъ на Васъ за то, что Вы вывели «почти министра» и тѣмъ нарушили

---

[1]) Петербургъ.

[2]) Сенатская.

общій величавый тонъ разсказа. Я съ нимъ не согласенъ. Нарушаютъ тонъ не лица, а ихъ характеристики, прерывающія въ нѣсколькихъ мѣстахъ картину сна.. Лица снятся обязательно несимпатичныя.. Мнѣ напримѣръ всегда при ощущеніи холода снится мой законоучитель, благообразный и ученый протоіерей, оскорбившій мою мать, когда я былъ мальчикомъ, снятся злые, неумолимые, интригующіе, злорадно улыбающіеся, какихъ на яву и не увидишь. Смѣхъ въ окнахъ вагона— характерный симптомъ карелинскаго кошмара. Когда во снѣ ощущаешь давленіе злой воли, неминуемую погибель отъ чужой воли то, всегда приходится видѣть что-нибудь въ родѣ подобнаго смѣха.. Снятся и любимые люди, но они обыкновенно являются страдающими за одно съ сновидцемъ..

Когда же мое тѣло привыкаетъ къ холоду, или же кто-нибудь изъ домашнихъ укрываетъ меня, ощущеніе холода, одиночества и давящей злой воли постепенно исчезаетъ.. Вмѣстѣ съ тепломъ я начинаю уже чувствовать, что какъ-будто хожу по мягкимъ коврамъ, или по зелени, вижу солнце, женщинъ, дѣтей... Картины мѣняются постепенно, но рѣзче, чѣмъ на яву, такъ что, проснувшись, трудно припомнить переходы отъ одной картины къ другой.. Эта рѣзкость у Васъ хорошо чувствуется и усиливаетъ впечатлѣніе сна.

Сильно бросается въ глаза также и одна подмѣченная Вами естественность: видящіе сонъ выражаютъ свои душевныя движенія именно порывами въ рѣзкой формѣ, дѣтски искренно, подобно Карелину. Всякій знаетъ, что сонные плачутъ и вскрикиваютъ гораздо чаще, чѣмъ бодрствующіе. Это объясняется, вѣроятно, отсутствіемъ во снѣ «задерживающихъ центровъ», побужденій, заставляющихъ скрытничать..

Простите, Д. В., мнѣ такъ понравился Вашъ раз-

сказъ, что я готовъ исписать Вамъ дюжину листовъ, хотя и знаю, что сказать я Вамъ не могу ничего ни новаго, ни хорошаго.. обуздываю себя и умолкаю, боясь надоѣсть, и сказать несообразность.

Скажу еще разъ, что Вашъ разсказъ великолѣпенъ. Публика находитъ его «туманнымъ», но для пишущаго, смакующаго каждую строку подобные туманы прозрачнѣе крещенской воды.. При всемъ моемъ стараніи я могъ уловить только два не важныхъ пятнышка, да и то съ натяжкой: 1) мнѣ кажется, что въ началѣ разсказа чувство холода быстро притупляется въ читателѣ, входитъ въ привычку отъ частаго повторенія слова «холодъ» и во 2) часто повторяется слово «лоснящійся».

Больше я ничего не могъ найти и сознаю, что въ моемъ литераторскомъ существованіи, когда чувствуется постоянная потребность въ освѣжающихъ образчикахъ, С. К.—составляетъ явленіе блестящее. Потому-то вотъ я не воздержался и дерзнулъ передать Вамъ частицу моихъ впечатлѣній и мыслей.

О себѣ могу сказать мало хорошаго. Пишу не то, что хочется, а писать, какъ Вы совѣтовали, не хватаетъ ни энергіи, ни уединенія.. Темъ хорошихъ много толчется въ головѣ—и только. Питаюсь пока надеждами на будущее и слѣжу за тѣмъ, какъ безплодно ускользаетъ настоящее.

Простите за длинноту письма и примите искреннія пожеланія всего хорошаго отъ преданнаго

А. Чехова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

„Осколки Московск. жизни".

(Съ черновика.)

(Отн. къ 1883 г.)

Злоба и вопросъ московскаго дня должны быть ошиканы за свою малость. Ничтожество имъ имя! Оба они, злоба и вопросъ, состоятъ изъ одного только «Путешествія на луну». Этою пьесой живемъ, ею дышемъ, ею и хвалимся. Кромѣ нея нѣтъ у насъ никакихъ другихъ событій. Хочешь не хочешь, а описывай ее...

«Путешествіе на луну» состоитъ изъ 4-хъ дѣйствій и 14 картинъ. Пьеса эта грандіозна и помпозна, какъ соборъ въ Клермонѣ и трескуча, какъ милліонъ не подмазанныхъ колесъ. Выстрѣлы, верблюдъ, изверженіе вулкана, процессіи изъ позолоченныхъ людей, кузница съ печами и другіе сценическіе ужасы поражаютъ въ ней всякаго, получившаго даже высшее и среднее образованіе, а когда глядишь на декораціи, то вполнѣ вѣришь молвѣ, гласящей о томъ, что Лентовскій затратилъ на постановку своего Путешествія 51.000 руб. Декораціи до того хороши, до того дороги, что просто.. жалко дѣлается, что такую Ѳедору, какъ эта пьеса, нарядили въ такое роскошное платье. Сюжетъ пьесы заимствованъ. Три земныхъ обывателя садятся въ громаднѣйшую пушку, раздается выстрѣлъ, отъ котораго вздрагиваютъ даже извощики, дремлющіе на

улицѣ, и обыватели летятъ на луну. На лунѣ они находятъ жизнь, мало похожую на наше земное прозябаніе—поле широкое для легкаго юмора и колючаго острословія! Но авторы не съумѣли прокатиться по этому полю и получилось нѣчто такое, за что даже и читатели «развлеченія» не сказали бы спасибо. Во всѣхъ 14 картинахъ авторы пускаютъ шпильки въ адвокатовъ, инженеровъ, кассировъ и другихъ обычныхъ козловъ искупленія.. Недостаетъ только тещъ и калужскихъ мужей! Каждая острота длится полъ часа. Частое паденіе отъ выстрѣла и другихъ причинъ тоже считается верхомъ юмористической науки.. На насъ указываютъ пальцами, если изъ подъ нашего пера вырывается не вытанцовавшійся каламбуръ, а тутъ потратили 51.000 и такъ неудачно съострили! Ахъ, ахъ!

У Лентовскаго, говорятъ, плохи дѣла. Не вывезла, значитъ, и оперетка! Не вывезли и такія метральезы, какъ Бродяга и Путешествіе. Вся наша пресса стоитъ на томъ, чтобы тѣ, коимъ это вѣдать надлежитъ, не дали бы Лентовскому разстроить свои дѣла. Наша пресса почему то (увѣряю васъ, я не сплетникъ!) боится худое слово сказать о московскомъ американцѣ, но въ данномъ случаѣ искренность ея можетъ считаться вполнѣ неподдѣльной. Лентовскій дорогъ для Москвы. И дѣятеленъ, какъ муравей, и имѣетъ вкусъ и порядоченъ.

Студентовъ нужно поздравить «выпивши».

Еще и сегодня желающіе могутъ узрѣть во многихъ молодыхъ головахъ туманъ, оставшійся въ нихъ послѣ Татьянинаго дня. Страсть сколько было трахнуто! Пили, пили и пили.. Татьянинъ день проходитъ въ Москвѣ особенно весело. Въ этотъ день нѣтъ занятій ни въ одномъ учебномъ заведеніи, ни въ гимназіяхъ, ни на курсахъ. (Впрочемъ въ этомъ году на курсахъ Герье почему то

читались лекціи.) Вся молодежь гуляетъ. Послѣ обѣдни и послѣ акта съ предлинной, традиціонной ученой рѣчью, во время которой не жалѣешь, что все на этомъ свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, толпы по обычаю шествуютъ въ Эрмитажъ. Тамъ начинаются обильныя и шумныя возліянія. Въ уста льются спиртуозы, а изъ устъ выливаются словеса и.. какія словеса! Въ этотъ день позволяется говорить все.. даже и такое, чего нельзя напечатать въ Осколкахъ. Говорятъ о долгѣ, чести, наукѣ, провозглашаютъ тосты за все порядочное, качаютъ профессоровъ, стучатъ, пляшутъ.. Одинъ говоритъ «слово», а остальные кричатъ «тише» и этимъ «тише» заглушаютъ самое рѣчь. Шумъ, гвалтъ..

Шумятъ, стучатъ, кричатъ, всѣ пьяны, сказалъ мнѣ одинъ пріятель, бывшій со мной въ Эрмитажѣ, а прислушайтесь ка, ни одного пошлаго слова, ни одной грубой выходки.. А кути ка тутъ купцы или желѣзнодорожники.. то-то бы наслушались!

Ораторъ стоитъ на столѣ, говоритъ рѣчь и видимо во всѣ лопатки старается округлить, нафабрить и надуть фразу, отчего выходитъ нѣчто шести-этажно-напыщенное шипучее, но все это нисколько не умаляетъ искренности.. Искренность, говорятъ, нынче рѣдка, какъ птица о трехъ крыльяхъ. Искренность первое дѣло.. Alma mater дала Россіи много такого, чего не дала другая какая либо mater. Да и, глядя на говорившихъ и слушавшихъ, трудно допустить, чтобы изъ этой хорошей молодой толпы могло выйти что-нибудь недоброкачественное.. А между тѣмъ.. А между тѣмъ.. Щедринскіе Дыба и Удавъ тоже кончили курсъ въ университетѣ.. Когда то современемъ будетъ такое будущее, когда пословица «семья не безъ урода» потеряетъ свой кредитъ, а пока спасибо alma mater и за не уродовъ..

Когда не о чемъ писать, то пишутъ о погодѣ. Такъ

какъ мнѣ есть о чемъ писать, то нѣтъ надобности трогать погоды. Ужъ больно избитая тема! Да и не стоитъ московская погода того, чтобы о ней что нибудь писали.. Она хороша теперь, это правда.. Звѣздныя ночи, прекрасная санная дорога, морозецъ, отъ котораго... ну-да, я про щечки.. Тройки летаютъ изъ Москвы въ Стрѣльну. изъ Стрѣльны въ Москву.. размалиновое житье, колибъ не чахотка въ карманахъ! Нѣтъ денегъ, и хорошая погода не въ помощь, какъ не въ помощь глупому сыну отцово наслѣдье.. Погода хороша, но не стоитъ она того, чтобы ее воспѣвали даже плохіе поэты. Она у насъ измѣнчива, какъ женская лукавая любовь. Сегодня хороша, какъ Ѳедотова въ Медеѣ, а завтра пасмурна и плаксива, какъ чертъ, которому не удалось соблазнить дѣвицу или кавалера.. Впрочемъ, господа, чертей никто никогда не видалъ. Видали люди рога, видали лукавство, злобу, зависть, лихоимство, продажную совѣсть, но черта нѣтъ..

Фактецъ. Редакція одного московскаго журнала передъ праздниками разослала во всѣ концы вселенной объявленія о подпискѣ и половину этихъ объявленій получила обратно «за смертью адресата». Скорѣй, молъ, умру, чѣмъ стану выписывать! Этакіе вѣдь нынче осторожные люди!

Другой фактецъ и на этотъ разъ прямо изъ исторіи русской литературы. На дняхъ прикончилъ свое бренное существованіе Русскій Сатир. Листокъ. Подавился онъ равнодушіемъ публики и растянулся. Редакторъ же г. Полушинъ остался живъ, о чемъ и увѣдомляю его родственниковъ. Онъ, говорятъ, бросаетъ литературу навсегда и займется ловлей синицъ, которыхъ будетъ продавать на Трубной площади. И превосходно! Лучше продавать хорошихъ синицъ, чѣмъ терпѣть убытки отъ плохого журнала..

Третій фактецъ. Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу «Волна», журналъ художественный и литературный. Художественный онъ потому, что въ немъ картинки раскрашены, а литературный — потому что теперь все, что угодно можно назвать литературой: и повѣстку отъ мирового, и ярлыки на бутылкѣ, и надпись на дворницкой бляхѣ. Издаетъ Волну присяжный повѣренный Руссіяновъ и тотъ же самый безсмертнѣйшій, длинноносый И. И. Клангъ, который очень любитъ издавать журналы и пить чай въ трактирѣ «Прага»...

Хронологическій указатель писемъ.

Звѣздочкой обозначены письма, не вошедшія въ первое изданіе.

					Стр.
I.	М. П. Чехову.	Таганрогъ.	1876 г.,	іюль . .	1
II.	М. М. Чехову.	»	»	декабрь 7.	4
III.	Ему же.	»	1877 г.	. .	5
IV.	Ему же.	»	»	май 6.	7
V.	Ему же.	»	»	» 10.	8
VI.	Ему же.	»	»	іюнь 9.	10
VII.	Ему же.	»	»	іюль 29.	12
VIII.	Ему же.	»	»	августъ 25.	16
IX.	Ему же.	»	»	ноябрь 4.	17
X.	Ему же.	»	1878 г.	апрѣль 16.	19
XI.	Н. П. Чехову.	Москва.	1880 г.,	май . .	20
XII.	Д. Т. Савельеву.	»	1882 г.	. .	22
XIII.	Ал. П. Чехову*.	»	»	ноябрь 8.	—
XIV.	Ему же*.	»	»	декабрь 25.	24
XV.	Ему же*.	»	1883 г.,	январь 4.	27
XVI.	М.М.Дюковскому*.	»	»	февраль 5.	28
XVII.	А. Н. Кананову*.	»	»	мартъ 26.	29
XVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	» . .	32
XIX.	Ал. П. Чехову*.	»	»	» . .	34
XX.	Н. А. Лейкину	»	»	апрѣль . .	35
XXI.	Ал. П. Чехову*.	»	»	» . .	36
XXII.	Ему же*.	»	»	» . .	44
XXIII.	Ему же *.	»	»	май 19.	49
XXIV.	Н. А.Лейкину.	Воскресенскъ.	»	» 26.	54
XXV.	Ему же.	Москва.	»	іюнь . .	56
XXVI.	Ему же.	»	»	. .	58
XXVII.	Ему же.	»	»	іюль . .	60
XXVIII.	Ему же.	»	»	августъ 6.	62
XXIX.	Ему же.	»	»	» . .	65
XXX.	М. М.Дюковскому*.	»	»	» 20.	66
XXXI.	М. И. Морозовой.	»	»	» 27.	67

XXXII.	Н. А. Лейкину.	Москва.	1883 г.,	сентябрь	5.	68
XXXIII.	Ему же.	»	»	»	19.	69
XXXIV.	Ал. П. Чехову*.	»	»	октябрь	. .	72
XXXV.	Е. И. Юношевой.	»	»		. .	75
XXXVI.	Ей же.	»	»	ноябрь	2.	76
XXXVII.	Н. А. Лейкину.	»	»	декабрь	25.	77
XXXVIII.	Ему же.	»	»	»	31.	81
XXXIX.	Д. Т. Савельеву.	»	1884 г.,	январь	. .	82
XL.	Н. А. Лейкину	»	»	»	22.	83
XLI.	Е. І. Савельевой.	»	»	февраль	24.	88
XLII.	Н. А. Лейкину.	»	»	мартъ	7.	91
XLIII.	Ему же.	»	»	»	. .	93
XLIV.	Д. Т. Савельеву.	»	»	»	. .	95
XLV.	Ему же.	»	»	»	31.	—
XLVI.	М. М. Чехову.	»	»	апрѣль	15.	96
XLVII.	М.М. Дюковскому*.	»	»	май	3.	—
XLVIII.	Е. И. Юношевой.	»	»	»	. .	97
XLIX.	Н. А. Лейкину.	Воскресенскъ	»	іюнь	25.	98
L.	Ему же.	»	»	»	27.	102
LI.	Ему же.	Звенигородъ	»	іюль	. .	106
LII.	Ему же.	»	»	»	. .	107
LIII.	Ему же.	Воскресенскъ	»	августъ	23.	109
LIV.	Д. Т. Савельеву.	Москва.	»	сентябрь	4.	111
LV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	. .	112
LVI.	Ему же.	»	»	»	. .	113
LVII.	Ему же.	»	»	»	15.	115
LVIII.	Ему же.	»	»	ноябрь	4.	116
LIX.	Ему же.	»	»	»	11.	119
LX.	Ему же.	»	»	»	16.	120
LXI.	Ему же.	»	»	»	19.	122
LXII.	Ему же.	»	»	»	25.	123
LXIII.	Ему же.	»	»	»	26.	124
LXIV.	П. А. Сергѣенко.	»	»	декабрь	17.	126
LXV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	23.	127
LXVI.	Е. І. Савельевой.	»	1885 г.	январь	2.	128
LXVII.	М. Г. Чехову.	»	»	»	31.	130
LXVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	мартъ	22.	133
LXIX.	Ему же.	»	»	апрѣль	28.	137
LXX.	Ему же.	Воскресенскъ.	»	май	9.	140
LXXI.	М. П. Чехову.	Бабкино.	»	»	10.	142
LXXII.	Н.А.Лейкину*.	Воскресенскъ.	»	сентяб.	14.	147

LXXIII.	М. М. Чехову.	Москва.	1885 г.	сентябрь	25.	149
LXXIV.	М. В. Киселевой,	»	»	»	. .	150
LXXV.	Н. А. Лейкину*.	»	»	»	. .	151
LXXVI.	М. В. Киселевой.	»	»	»	30.	152
LXXVII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	30.	153
LXXVIII.	Ему же*.	»	»	октябрь.	. .	155
LXXIX.	Ему же.	»	»	»	. .	156
LXXX.	Ему же.	»	»	ноябрь	23.	159
LXXXI.	Ему же.	»	»	»	. .	161
LXXXII.	М. П. Чехову.	СПБ.	»	декабрь	. .	162
LXXXIII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	. .	165
LXXXIV.	Н. А. Лейкину.	Москва.	1886 г.,	январь	3.	—
LXXXV.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	4.	167
LXXXVI.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	5.	170
LXXXVII.	М. М. Дюковскому*	»	»	»	. .	171
LXXXVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	12.	—
LXXXIX.	М. П. Чехову.	»	»	»	15.	173
XC.	М. М. Дюковскому*	»	»	»	16.	174
XCI.	В. В. Билибину.	»	»	»	18.	—
XCII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	19.	178
XCIII.	В. В. Билибину.	»	»	февраль	1.	180
XCIV.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	3.	182
XCV.	М. М. Дюковскому*	»	»	»	. .	185
XCVI.	Р. Р. Голике.	»	»	»	5.	—
XCVII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	. .	186
XCVIII.	В. В. Билибину.	»	»	»	14.	187
XCIX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	16.	188
C.	М. М. Дюковскому*.	»	»	»	17.	190
CI.	Р. Р. Голике.	»	»	»	20.	191
CII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	20.	—
CIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	21.	194
CIV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	25.	195
CV.	В. В. Билибину.	»	»	»	28.	196
CVI.	М. М. Дюковскому*.	»	»	»	. .	199
CVII.	Н. А. Лейкину.	»	»	мартъ	4.	—
CVIII.	В. В. Билибину.	»	»	»	4.	202
CIX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	8.	204
CX.	В. В. Билибину.	»	»	»	11.	206
CXI.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	17.	208
CXII.	Д. В. Григоровичу.	»	»	»	28.	—
CXIII.	М. В. Киселевой.	»	»	»	29.	212

CXIV.	Н. А. Лейкину	Москва.	1886 г.	мартъ	31. .	213
CXV.	Ал. П. Чехову*.	»	»	апрѣль	6. .	214
CXVI.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	6. .	218
CXVII.	М. Г. Чехову.	»	»	»	11. .	220
CXVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	13. .	225
CXIX.	Ему же.	»	»	»	19. .	226
CXX.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	. . .	227
CXXI.	Ал. П. Чехову*.	Бабкино.	»	май	10. .	229
CXXII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	24. .	231
CXXIII.	Ему же.	»	»	»	27. .	233
CXXIV.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	27. .	236
CXXV.	М. Г. Чехову.	»	»	іюнь.	. . .	—
CXXVI.	М. В. Киселевой	»	»	»	. . .	238
CXXVII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	8. .	239
CXXVIII.	М. В. Киселевой.	»	»	»	. . .	240
CXXIX.	«Сапоги въ смятку».	»	»	»	. . .	241
CXXX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	24. .	256
CXXXI.	Ему же.	»	»	іюль	30. .	258
CXXXII.	Ему же.	»	»	августъ	20. .	260
CXXXIII.	Ему же.	Воскресенскъ.	»	»	27. .	262
CXXXIV.	Р. Р. Голике.	Москва.	»	сентябрь	11. .	—
CXXXV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	20. .	263
CXXXVI.	М. В. Киселевой.	»	»	»	21. .	265
CXXXVII.	Ей же.	»	»	»	29. .	269
CXXXVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	октябрь	23. .	271
CXXXIX.	Ему же.	»	»	»	. . .	273
CXL.	М. В. Киселевой.	»	»	»	. . .	275
CXLI.	Н. А. Лейкину.	»	»	ноябрь	6. .	278
CXLII.	А. С. Суворину.	»	»	»	6. .	279
CXLIII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	19. .	—
CXLIV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	22. .	280
CXLV.	М. В. Киселевой.	»	»	декабрь	3. .	282
CXLVI.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	8. .	284
CXLVII.	М. В. Киселевой.	»	»	»	13. .	285
CXLVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	14. .	287
CXLIX.	А. С. Суворину.	»	»	»	21. .	288
CL.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	24. .	289
CLI.	Н. П. Чехову	»	»	»	. . .	290
CLII.	А. А. Киселевой.	»	1887 г.	январь	8. .	294
CLIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	12. .	297
CLIV.	М. В. Киселевой.	»	»	»	14. .	299
CLV.	А. С. Кселеву.	»	»	»	15. .	305

CLVI.	М. Г. Чехову.	Москва.	1887 г.,	январь	18.	306
CLVII.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	26.	311
CLVIII.	Ему же.*	»	»	февраль	. .	313
CLIX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	8.	315
CLX.	А. С. Суворину.	»	»	»	10.	316
CLXI.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	. .	317
CLXII.	М. В. Киселевой.	»	»	»	21.	319
CLXIII.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	. .	321
CLXIV.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	25.	323
CLXV.	М. П. Чехову.	СПБ.	»	мартъ	10.	324
CLXVI.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	. .	326
CLXVII.	М. П. Чехову.	»	»	»	. .	327
CLXVIII.	А. С. Суворину.	Москва	»	»	18.	328
CLXIX.	Ал. П. Чехову*.	»	»	»	19.	330
CLXX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	21.	331
CLXXI.	М. В. Киселевой.	»	»	»	. .	333
CLXXII.	Г. М. Чехову.	»	»	»	23.	335
CLXXIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	28.	336
CLXXIV.	М. П. Чеховой.	Орелъ.	»	апрѣль	3.	338
CLXXV	Ей же.	Славянскъ.	»	»	5.	—
CLXXVI.	Ей же.	Таганрогъ.	»	»	7.	339
CLXXVII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	. .	352
CLXXVIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	17.	353
CLXXIX.	М. П. Чеховой.	Звѣрево.	»	»	20.	355
CLXXX.	Ей же.	»	»	»	23.	356
CLXXXI.	Ей же.	Черкаскъ.	»	»	25.	—
CLXXXII.	Ей же.	Почт. вагонъ.	»	»	29.	359
CLXXXIII.	Ей же.	Рагозина Балка.	»	»	30.	—
CLXXXIV.	Н. А. Лейкину.	»	»	май	5.	362
CLXXXV.	М. П. Чеховой.	Ст. Часовъ-Яръ.	»	»	5.	364
CLXXXVI.	Ей же.	Таганрогъ.	»	»	11.	—
CLXXXVII.	Ф. О. Шехтелю.	Москва.	»	»	. .	369
CLXXXVIII.	Ал. П. Чехову*.	Бабкино.	»	»	20.	—
CLXXXIX.	Н. А. Лейкину*.	Воскресенскъ,	»	»	22.	371
CXC.	Ал. П. Чехову*.	Бабкино.	»	»	25.	373
CXCI.	И. П. Чехову.	»	»	іюнь	4.	374
CXCII.	Ф. О. Шехтелю.	»	»	»	4.	375
CXCIII.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	9.	376
CXCIV.	Г. М. Чехову.	Воскресенскъ.	»	»	23.	378
CXCV.	А. С. Лагареву-Грузинскому.	Бабкино.	»	»	. .	380

CXCVI. Ал. П. Чехову*. Бабкино. 1887 г., июль 21. . 381
CXCVII. Н. А. Бѣлоусову. » » августъ 3.. . 382
CXCVIII. Ф. О. Шехтелю. » » » среда. 384
CXCIX. Н. А. Лейкину. » » » 11 . . 385
CC. Ал. П. Чехову*. » » » . . . 388
CCI. Н. А. Лейкину. » » » 21 . . 390
CCII. Ему же. Москва. » сентябрь 2 . . 392
CCIII. Я. А. Корнѣеву. » » » 394
CCIV. Ему же. » » » 9. . . 395
CCV. М. В. Киселевой. » » » 13. . . 396
CCVI. Ал. П. Чехову*. » » » 25. . . 399
CCVII. М. В. Киселевой. » » » 28. . . 400
CCVIII. Н. А. Лейкину*. » » октябрь 7 . . 401
CCIX. Ал. П. Чехову*. » » » 403
CCX. Г. М. Чехову. » » » 17. . . 405
CCXI. Ал. П. Чехову*. » » » 408
CCXII. В. Г. Короленко. » » » 17. . . 410
CCXIII. Ал. П. Чехову*. » » » 411
CCXIV. Н. А. Лейкину. » » » 19. . . 414
CCXV. Ал. П. Чехову*. » » » 415
CCXVI. Ф. О. Шехтелю. » » » 20. . . 418
CCXVII. Ал. П. Чехову*. » » » 24. . . —
CCXVIII. Ему же*. » » » 29. . . 421
CCXIX. Н. А. Лейкину. » » ноябрь 4. . . 424
CCXX. М. В. Киселевой. » » » 7. . . 426
CCXXI. А. С. Киселеву. » » » 10. . . 428
CCXXII. Н. А. Лейкину. » » » 15. . . 429
CCXXIII. А. С. Лазареву-Грузинскому » » » 15. . . 431
CCXXIV. Ал. П. Чехову. » » » 20. . . 432
CCXXV. А. С. Киселеву. » » » 21. . . 434
CCXXVI. Ф. О. Шехтелю. » » » 435
CCXXVII. Ал. П. Чехову. » » » 24. . . —
CCXXVIII. Ему же. » » » 438
CCXXIX. М. П. Чхову. СПБ. » декабрь 3. . . —
CCXXX. М. В. Киселевой. » » » 13. . . 441
CCXXXI. И. Л. Щеглову. Москва. » » 442
CCXXXII. Ал. П. Чехову*. » » » 25. . . 443
CCXXXIII. Н. А. Лейкину. » » » 27. . . 444
CCXXXIV. Д. В. Григоровичу. » » 446
Осколки Московской жизни. 450

Указатель писемъ по адресамъ.

1. Билибину, В. В. Стр. 174, 180, 187, 196, 202, 206.
2. Бѣлоусову, И. А.—382.
3. Голике, Р. Р.—185, 191, 262.
4. Григоровичу, Д. В.—208, 446.
5. Дюковскому, М. М.—28, 66, 96, 171, 174, 185, 190, 199.
6. Кананову, А. Н.—29.
7. Киселевой, А. А.—294.
8. Киселевой, М. В.—150, 152, 212, 238, 240, 265, 269, 275, 282, 285, 299, 319, 333, 396, 400, 426, 441.
9. Киселеву, А. С.—305, 428, 434.
10. Корнѣеву, Я. А.—394, 395.
11. Короленко, В. Г.—410.
12. Лазареву-Грузинскому, А. С.—380, 431.
13. Лейкину, Н. А.—32, 35, 54, 56, 58, 60, 62, 65, 68, 69, 77, 81, 83, 91, 93, 98, 102, 106, 107, 109, 112, 113, 115, 116, 119, 120, 122, 123, 124, 127, 133, 137, 140, 147, 151, 153, 155, 156, 159, 161, 165, 170, 171, 178, 188, 191, 195, 199, 204, 208, 213, 218, 225, 226, 231, 233, 256, 258 260, 262, 263, 271, 273, 278, 280, 284, 287, 289, 297, 315, 323, 331, 336, 353, 362, 371, 376, 385, 390, 392, 401, 414, 424, 429, 444.
14. Морозовой, М. И.—67.
15. Савельевой, Е. I.—88, 128.
16. Савельеву, Д. Т.—22, 82, 95, 95, 111.
17. Сергѣенко. П. А.—126.
18. Суворину, А. С.—194, 279, 288, 316, 328.
19. Чеховой, М. П.—338, 338, 339, 355, 356, 356, 359, 359, 364, 364.
20. Чехову, Ал. П.—22, 24, 27, 34, 36, 44, 49, 72, 167, 182, 214, 229, 311, 313, 317, 321, 330, 369, 373, 381, 388, 399, 403, 408, 411, 415, 418, 421, 432, 435, 438, 443.
21. Чехову, Г. М.—335, 378, 405.

22. Чехову, И. П.—374.
23. Чехову, М. Г.—130, 220, 236, 306.
24. Чехову, М. М.—4, 5, 7, 8, 10, 12, 16, 17, 19, 96, 149.
25. Чехову, М. П.—1, 142, 162, 173, 324, 327, 438.
26. Чехову, Н. П.—20, 290.
27. Шехтелю, Ф. О.—165, 186, 227, 236, 239, 279, 326, 352, 369, 375, 384, 418, 435.
28. Щеглову, И. Л.—442.
29. Юношевой, Е. И.—75, 76, 97.
30. «Сапоги въ смятку».—241.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе (къ первому изданію)	III
Предисловіе (ко второму изданію)	VI
Біографическій очеркъ, М. П. Чехова	VII
Письма (1876—1887 г.)	1—449
«Осколки Московской жизни»	450
Хронологическій указатель писемъ	
Указатель писемъ по адресамъ	

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ II.

(1888—1889.)

съ иллюстраціями.

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1912.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

Alfonso Reyes

Біографическій очеркъ (1888—1889).

II.

Осенью 1887 г. Антонъ Павловичъ написалъ свою первую пьесу «Ивановъ». Еще раньше, за годъ передъ этимъ, въ литературной дѣятельности писателя начался переломъ въ сторону болѣе серьезнаго, вдумчиваго творчества; теперь А. П. уже настоящій писатель, — о немъ пишутъ и говорятъ, и когда на сценѣ театра Корша въ Москвѣ появился въ первый разъ его «Ивановъ», то смотрѣть его собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ разсказовъ Антона П-ча, помѣщенныхъ имъ въ «Осколкахъ», другіе ожидали чего-то новаго, болѣе серьезнаго, и не ошиблись. Успѣхъ спектакля былъ пестрый: первые шикали, вторые, которыхъ было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но въ общемъ «Иванова» не поняли и еще долго потомъ газеты выясняли личность и характеръ главнаго героя. Но какъ бы то ни было, о пьесѣ заговорили. Въ январѣ 1889 г. «Ивановъ» былъ поставленъ въ С.-Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, прошелъ шумно, хотя и здѣсь еще долго обсуждался новый тогда типъ Иванова. Въ одномъ изъ писемъ къ Суворину А. П. долженъ былъ самъ выяснять, что представлялъ изъ себя Ивановъ и какъ нужно было бы его играть. Но новизна замысла и драматическихъ пріемовъ автора обратили на Антона П-ча всеобщее вниманіе,

какъ на драматурга, и съ этого времени начинается общій поворотъ въ психикѣ и въ литературной дѣятельности писателя,—онъ начинаетъ строже относиться къ себѣ и къ своему творчеству. Правда, вызвавшій столько толковъ и въ печати и въ обществѣ, «Ивановъ» былъ написанъ сплеча и на спѣхъ. Антонъ Павловичъ и раньше брался за драмы и водевили, но самъ же ихъ и уничтожалъ. Еще въ юношествѣ онъ написалъ драму «Безотцовщина» и водевиль «Не даромъ курица пѣла»; будучи студентомъ, онъ написалъ большую пьесу, которую мечталъ поставить на сценѣ Московскаго Малаго театра и даже носилъ ее извѣстной московской артисткѣ М. Н. Ермоловой на просмотръ. Пьеса эта была очень громоздка, съ поѣздомъ желѣзной дороги, съ конокрадами и съ самосудомъ цыганъ, но все это были шалости пера. Былъ еще у А. П. и драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи «На большой дорогѣ», запрещенный цензурой (1885 г.), изъ котораго впослѣдствіи онъ сдѣлалъ разсказъ. Но всѣ эти пьесы свѣта не видали. «Ивановъ» былъ исполненъ въ какія-нибудь двѣ недѣли. Встрѣтившись какъ-то съ содержателемъ Московскаго частнаго театра Ф. А. Коршемъ, въ его же театрѣ, А. П. разговорился съ нимъ о пьесахъ. Тогда ставили легкую комедію и водевиль, серьезныя пьесы были не въ ходу, и зная, что А. П. былъ юмористомъ, Ф. А. Коршъ предложилъ ему написать для него пьесу. Условія показались выгодными, и А. П-чъ принялся за исполненіе. Въ сумрачномъ кабинетѣ, въ домѣ Корнѣева, на Кудринской Садовой, Ант. П-чъ сталъ писать актъ за актомъ, которые тотчасъ же и передавались Коршу для цензуры и репетицій. Но, несмотря на такое спѣшное исполненіе, «Ивановъ» сразу же обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Антонъ П-чъ понюхалъ театральнаго пороха, къ тому же и матеріальные резуль-

таты постановки имъ «Иванова» порадовали его, и онъ написалъ вскорѣ водевиль «Медвѣдь», облетѣвшій всю Россію и не сходящій съ репертуара и до сихъ поръ. «Медвѣдь» былъ напечатанъ сперва въ «Новомъ Времени», а затѣмъ поставленъ въ первый разъ все въ томъ же театрѣ Корша въ Москвѣ. Заглавную роль въ немъ исполнялъ артистъ Н. Н. Соловцовъ, которому и посвященъ водевиль. Въ слѣдующемъ сезонѣ Н. Н. Соловцовъ вмѣстѣ съ Абрамовой открылъ въ Москвѣ свой собственный театръ, но дѣла ихъ не пошли. Оставалось одно Рождество, на которое только и возлагались надежды; но чтобы «сорвать» сборы, нужно было имѣть какую-нибудь новую, боевую пьесу, а ея то и не было. Тогда Соловцовъ обратился къ Антону П-чу: — «Поддержите, выручите, дайте пьесу!» У Антона П-ча въ запасѣ не было ни одной законченной. До наступленія Рождества оставалось всего только какихъ-нибудь 10—12 дней. Соловцовъ предлагалъ тысячу рублей. Условія были заманчивы. И вотъ Антонъ П-чъ принялся за пьесу. Каждый день онъ писалъ по акту, его братъ-студентъ переписывалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, пріѣзжалъ Соловцовъ, отбиралъ эти экземляры и посылалъ ихъ съ кондукторомъ въ Петербургъ на цензуру. Такимъ образомъ, пьеса къ сроку была готова, прошла нѣсколько разъ подрядъ, автора опять шумно вызывали, но самъ авторъ остался ею далеко недоволенъ. Это былъ «Лѣшій». Антонъ П—чъ тогда же снялъ ее съ репертуара, долго держалъ ее въ столѣ и только нѣсколько лѣтъ спустя передѣлалъ ее до неузнаваемости и уже подъ другимъ заглавіемъ («Дядя Ваня») поставилъ ее на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Но каковы бы ни были недостатки «Лѣшаго», и эта пьеса обратила на себя вниманіе литературныхъ круговъ и дала Антону Павловичу мѣсто среди видныхъ тогдашнихъ драматур-

говъ. Одновременно съ этимъ онъ писалъ какой-то большой романъ, о которомъ часто мечталъ вслухъ и любилъ говорить, но романъ этотъ такъ и не увидѣлъ свѣта и не былъ найденъ въ его бумагахъ; вѣроятно, требовательный къ себѣ, онъ остался имъ недоволенъ и уничтожилъ его или воспользовался имъ для разсказа. Писалъ онъ его нѣсколько лѣтъ. «Посвящаю его (этотъ романъ) Вамъ»,—писалъ онъ въ 1889 году А. Н. Плещееву, — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе къ сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.» (9 апр. 1889). Повидимому, въ этомъ именно романѣ Ант. П—чъ хотѣлъ воплотить въ художественныхъ образахъ свое міровоззрѣніе, которое онъ такъ формулируетъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву (въ окт 1889 г.). «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индеферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ—и только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретарь консисторіи, такъ и Н. съ Г.. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ;

я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія дѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». Это исповѣданіе вѣры, которое должно было лечь въ основу начатаго Антономъ П—чемъ романа, какъ нельзя болѣе характеризуетъ его самого и его внутренній міръ въ 1888—89 годахъ.

Литературная плодовитость Антона П—ча въ эти годы была громадна. Постановки на московской и петербургской сценахъ пьесъ не помѣшали ему написать большую повѣсть «Степь», показавшую читателямъ, какой это былъ значительный талантъ. Но и теперь Антонъ П—чъ еще мало довѣрялъ своему дарованію. Замѣтившій его еще раньше и первый приславшій ему привѣтственное письмо, Григоровичъ, а затѣмъ А. С. Суворинъ, съ которымъ Ант. П—чъ близко сошелся во время постановки на Александринской сценѣ «Иванова», открыли ему глаза на него самого; затѣмъ возмужалость и необыкновенное стремленіе къ личной свободѣ сдѣлали свое дѣло, и Антонъ П—чъ окончательно подвелъ себѣ итогъ и опредѣлился, какъ писатель и драматургъ. Врачебная практика сошла «на нѣтъ», и вывѣска на двери «Докторъ А. П. Чеховъ» стала уже ненужной, хотя и продолжала еще висѣть.

1888—1889 годы были какими-то необыкновенными въ душевномъ подъемѣ Антонъ П—ча. Онъ всегда былъ веселъ, шутилъ, много и безъ устали работалъ, не могъ обходиться безъ людей. Его небольшая квартира въ

Кудринѣ, маленькій двухъ-этажный домъ особнячокъ, похожій на комодъ, въ то время представляла изъ себя центръ, куда стекалась молодежь. Наверху играли на взятомъ на прокатъ піанино, пѣли, вели шутливые разговоры, а внизу онъ сидѣлъ у своего стола и подъ долетавшіе до него звуки писалъ. Но эти звуки только подбодряли его. Онъ не могъ жить безъ нихъ, принималъ самое живое участіе въ общемъ весельи. «Я положительно не могу жить безъ гостей,—писалъ онъ А. С. Суворину.— «Когда я одинъ, то мнѣ почему-то дѣлается страшно». Въ домѣ Корнѣева въ Кудринѣ посѣтили Антона П—ча Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ, Лейкинъ, и многіе другіе писатели, подарилъ его своимъ неожиданнымъ визитомъ композиторъ П. И. Чайковскій — и такимъ образомъ Антонъ П—чъ былъ признанъ тогда за величину. Царившіе въ то время у Антона П—ча въ квартирѣ веселье и смѣхъ заразили и покойнаго старика Д. В. Григоровича: онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и еще долго разсказывалъ въ Петербургѣ о той обстановкѣ, въ которой молодой писатель создавалъ тогда свои произведенія. Эта веселая жизнерадостная, многообѣщавшая жизнь прерывалась однако приступами сильнаго кашля, которые посѣщали Антона П-ча, въ особенности по ночамъ. Незамѣтно, но настойчиво этотъ кашель подготовлялъ почву для будущей серьезной его болѣзни, но онъ не хотѣлъ обращать на него вниманія и серьезно лѣчиться. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 14 октября 1888 г. онъ старается убѣдить себя, что этотъ кашель — вовсе не опасенъ. «Каждую зиму, осень и весну,—пишетъ онъ,— и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изъ рта, есть что то зловѣщее, какъ въ заревѣ.... Дѣло въ томъ, что чахотка... узнается только по совокупности признаковъ, а у меня то именно и нѣтъ этой со-

вокупности». Первое кровохарканье случилось у Антона П—ча еще въ 1885 году, когда онъ былъ почему-то (кажется, велъ для газеты записки по извѣстному дѣлу Скопинскаго банка) въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.... «Если бы то кровохарканье,—продолжаетъ онъ въ письмѣ къ Суворину,—какое случилось у меня въ Окружномъ Судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ,—вотъ моя логика». Этотъ кашель продолжался очень долго, и болѣзнь Антона П—ча стала окончательно выяснившейся для его семьи только многіе годы спустя, уже въ Мелиховѣ, когда писателя пришлось везти въ клиники. Но какъ бы то ни было, уже тогда, въ 1889—1890 гг. припадки этой болѣзни и геморроя вносили въ душу Антона П—ча разочарованіе. Онъ чувствовалъ себя иногда такъ плохо, что, любя общество, начиналъ тяготиться имъ, запрещалъ принимать гостей и часто въ такіе моменты отказывалъ въ пріемѣ людямъ, которымъ не отказалъ бы во всякое другое время. Но заканчивались эти болѣзни, и моментально мѣнялось настроеніе, двери широко отворялись, приходили гости, начиналась музыка, и подъ звуки ея и говоръ молодежи у Антона П—ча выростали крылья и чувствовалось отсутствіе досаднаго настроенія. Особенно тяжело протекла для писателя въ 1888 г. свирѣпствовавшая тогда инфлуэнца. Но и при ней, какъ, впрочемъ, и всегда, онъ не давалъ врачамъ выслушать себя и поставить точный діагнозъ.

Лѣто 1888 и 89 гг. Антонъ П—чъ провелъ съ семьей на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука, Сумскаго уѣзда. Нанялъ онъ эту дачу заглазно, по совѣту одного хохла изъ посѣщавшей его молодежи. Отправилъ по почтѣ задатокъ и тотчасъ же послалъ А. Н. Плещееву въ Петербургъ приглашеніе ѣхать къ нему въ тѣ мѣста, гдѣ

«свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Онъ заранѣе восхищался глубокой, широкой и богатой рыбой и раками рѣкой Псломъ, прудомъ съ карасями, плотиной, лѣсами, поднимавшимся въ гору старымъ садомъ, изобиліемъ барышенъ. Онъ обѣщалъ ему окунуться вмѣстѣ съ нимъ въ бездѣлье, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и т. д. Нанятая усадьба не обманула его ожиданій. Страстный рыболовъ и любитель музыки и общества, онъ нашелъ здѣсь все, чего искалъ. Правда, обстановка и удобства оставляли желать многаго, но зато рѣка, дуэты на рояли и віолончели и превосходные люди, владѣвшіе усадьбой, вполнѣ его удовлетворили. Онъ сталъ мечтать о покупкѣ въ Малороссіи своего собственнаго хутора и переселеніи въ него навсегда. Почти тотчасъ же вслѣдъ за переселеніемъ Антона П—ча на Луку, туда пріѣхалъ къ нему изъ Петербурга А. Н. Плещеевъ. Это былъ уже тогда дряхлый старикъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ. Для Алексѣя Николаевича была отведена у Антона П—ча отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ этого не замѣчалъ и велъ долгія бесѣды съ молодымъ писателемъ. Прожилъ онъ у него цѣлый мѣсяцъ, сочинялъ вслухъ и иногда такъ кричалъ при этомъ, что Антонъ П—чъ вбѣгалъ къ нему въ комнату и спрашивалъ его, не нужно-ли ему чего-нибудь. Маститый старецъ мило и виновато улыбался и продолжалъ свою работу. Къ А. Н. Плещееву Антонъ П—чъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье: старикъ очень любилъ мучное, а мать писателя Евгенія Яковлевна любила обкармливать,

и Антону П—чу то и дѣло приходилось быть его врачомъ.

Вслѣдъ за А. Н. Плещеевымъ Антона П—ча посѣтили на Лукѣ К. С. Баранцевичъ, а затѣмъ и А. С. Суворинъ. Пріѣздъ старика Суворина еще болѣе укрѣпилъ его дружбу съ Антономъ П—чемъ, начавшуюся еще въ Петербургѣ во время постановки тамъ «Иванова». Они близко сошлись. Не раздѣляя взглядовъ «Новаго Времени», Антонъ П—чъ высоко цѣнилъ старика Суворина, отдѣлялъ его отъ газеты и дорожилъ его дружбой. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ ему искреннія письма, въ которыхъ высказывалъ свои завѣтныя мысли и переживанія, которыя доказываютъ близкія отношенія, существовавшія между старымъ публицистомъ и молодымъ писателемъ. Верстахъ въ полутора отъ усадьбы, въ которой жилъ Антонъ Павловичъ, находилась большая вальцовая мельница о 16-ти колесахъ. Стояла она въ поэтическомъ мѣстѣ на Пслѣ, вся окруженная старымъ дубовымъ лѣсомъ. Сюда-то и ѣздили на простомъ, выдолбленомъ челнокѣ Чеховъ и Суворинъ на рыбную ловлю. Цѣлые часы они простаивали у ея колесъ, ловили рыбу и разговаривали на литературныя и общественныя темы. Оба изъ народа, оба—внуки бывшихъ крѣпостныхъ и оба одаренные отъ природы громадными талантами и отличавшіеся рѣдкой образованностью, они почувствовали другъ къ другу сильное влеченіе и близко сошлись. Эта дружба, повлекшая за собою громадную переписку съ обѣихъ сторонъ, продолжалась затѣмъ долгіе годы и окончилась только нѣсколько лѣтъ спустя, во время извѣстнаго процесса Дрейфуса, когда старикъ Суворинъ сталъ на сторону обвинителей Дрейфуса. Старикъ до самой смерти продолжалъ любить Чехова, но охлажденіе со стороны молодого писателя, начавшееся еще за границей во время процесса, продолжалось и въ

Россіи. Не разрывая сразу, Чеховъ переписывался съ Суворинымъ все рѣже и рѣже; время и отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга пространство тоже дѣлали свое дѣло, и, наконецъ, переписка эта, содержащая въ себѣ столько удивительныхъ мыслей, столько новыхъ и оригинальныхъ сужденій и такъ характеризовавшая Чехова, какъ мыслителя, прекратилась совсѣмъ. Литература, судъ, управленіе, общественная жизнь—все это глубоко захватывало Антона П—ча, вызывало въ немъ живой интересъ и находило отраженіе въ этой перепискѣ его съ Суворинымъ.

Постановка «Иванова» на Спб. Александринской сценѣ сблизила Антона П—ча съ артистомъ П. М. Свободинымъ [1]). Онъ тоже пріѣзжалъ въ то лѣто къ писателю на Луку. Оба талантливые и оба юмористы, они смѣшили все населеніе усадьбы остроумными выходками, затѣвали смѣхотворныя рыбныя ловли, некоторыя Свободинъ выходилъ во фрачной парѣ, и были неистощимы на шутки. Цѣлой компаніей ѣздили въ Ахтырку—тогда захолустный провинціальный городокъ, гдѣ, остановившись въ гостиницѣ, изображали изъ себя графовъ и князей, чѣмъ приводили въ немалое смущеніе лакеевъ.

Но какъ ни была содержательна и интересна жизнь Антона П—ча на Лукѣ, въ исторіи его творчества она не сыграла особой роли, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ чертъ, которыми А. П. воспользовался въ «Вишневомъ садѣ». Въ противоположность Бабкину, гдѣ онъ жилъ на дачѣ въ предыдущіе годы, во всѣхъ его дальнѣйшихъ разсказахъ нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ бы можно было узнать Луку. Ло-

---

[1]) Письма А. П. къ П. М. Свободину, повидимому, были затеряны послѣ смерти П. М.

вили рыбу, раковъ, слушали почти артистическую игру на рояли и віолончели, но уже не было того размаха молодости, той жизнерадостности, которыми сопровождалась жизнь въ Бабкинѣ.

Въ то-же лѣто 1888 года Антонъ П — чъ отправился на югъ, погостилъ въ Ѳеодосіи у Суворина и задумалъ вмѣстѣ съ его сыномъ А. А. далекое путешествіе въ Среднюю Азію и въ Персію. Они отправились моремъ до Батума, при чемъ едва не потерпѣли крушеніе на пароходѣ «Диръ» (см. письмо къ брату М. П. отъ 28 іюля 1888 г.), доѣхали уже черезъ Тифлисъ до Баку, какъ пришла неожиданная телеграмма изъ Ѳеодосіи о смерти младшаго Суворина. Пришлось возвращаться назадъ. Эта поѣздка произвела на Антона П — ча громадное впечатлѣніе. Каковы бы ни были ея конечные результаты, она удовлетворила его. «Впечатлѣнія новыя, рѣзкія»,—писалъ онъ А. Н. Плещееву,—до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ» (13 авг. 1888 г.). Его пугало тогда возвращеніе въ Москву. Москвы онъ тогда не любилъ. «Москва съ ея холодомъ, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—«пугаетъ мое воображеніе. Я охотно прожилъ бы зиму подальше отъ нея». Параллельно съ этимъ въ немъ начинаетъ замѣчаться привязанность къ Петербургу, онъ уже мечтаетъ поселиться въ немъ гдѣ-нибудь на окраинѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, его тянутъ туда литературныя связи и культурность жизни, и онъ пишетъ своему младшему брату: «Предубѣжденіе къ Петербургу — вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ». Но въ то же время его пугаетъ и Петербургъ, и, вѣроятно, благодаря приступамъ безпокоившаго его кашля, онъ мечтаетъ и о хуторѣ, обязательно на югѣ, въ Малороссіи. Онъ заранѣе мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ

давать возможность и другимъ писателямъ время отъ времени отдыхать на его хуторѣ, для чего онъ настроитъ отдѣльные флигеля. (См. письмо къ А. Н. Плещееву LXXV стр. 140). Жизнь, полная треволненій, погони за славой и успѣхомъ, кажется ему мелкой и нестоящей гниманія, и онъ пишетъ о себѣ И. Л. Щеглову: «Я не Потемкинъ, а Цинцинатъ. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и апплодирующая галлерея. Я очевидно уродъ и плебей» (18 февр. 1889).

Мысли о покупкѣ своего собственнаго хутора въ Малороссіи не оставляютъ его и на слѣдующій годъ, когда онъ снова поселяется на лѣто на Лукѣ. Онъ наводитъ справки, ѣздитъ осматривать хуторъ въ Полтавскую губернію въ Сорочинцы, но и эти очаровательныя поѣздки не оставляютъ никакого слѣда въ его литературныхъ произведеніяхъ: Малороссію Антонъ П — чъ любилъ лишь платонически. Но это лѣто проходитъ для него въ тяжкихъ испытаніяхъ. Весною заболѣваетъ чахоткой его братъ, художникъ Николай Павловичъ. Его болѣзнь захватываетъ Антона П — ча цѣликомъ и совершенно лишаетъ его способности работать.«Человѣкъ я малодушный,—пишетъ онъ по этому поводу А. Н. Плещееву, — не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, и поэтому вы мнѣ повѣрите, если я скажу вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ ужъ три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты» (9 апр. 1889 г.). Болѣзнь брата Николая прогрессировала, его перевезли на Луку, и тамъ онъ, въ отсутствіи Антона П—ча, поѣхавшаго хотя немного развлечься вт Полтавскую губернію, скончался. Было сѣрое небо, шелъ дождь, и писатель долженъ былъ цѣлую ночь скакать обратно, едва успѣвъ прибыть

на мѣсто, чтобы застать покойнаго брата еще на столѣ. Сама природа вооружилась противъ писателя. «На половинѣ дороги полилъ дождь,—пишетъ онъ А. Н. Плещееву. — Пріѣхали къ Смагинымъ ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ. Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 ч. ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду: темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣной, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые» (26 іюня 89 г.).

Затѣмъ произошли похороны, милыя, поэтическія, полныя трогательной простоты. Николай Павловичъ остался навѣки лежать на скромномъ Лучанскомъ кладбищѣ, а Антонъ Павловичъ какъ-то сразу, вдругъ перемѣнился. Онъ вдругъ засуетился, сталъ тосковать, и вскорѣ же послѣ похоронъ уѣхалъ изъ Луки скитаться. Собирался онъ за границу, но не поѣхалъ, почему-то застрялъ въ Одессѣ, гдѣ въ то время была на гастроляхъ московская труппа Малаго театра, поѣхалъ въ Ялту... «Я ѣду въ Ялту и положительно не знаю, зачѣмъ я туда ѣду...» писалъ онъ тогда брату Ивану Павловичу.—Я не знаю, на чемъ остановить свой выборъ. А тутъ еще лѣнь, нежеланіе ѣхать куда-бы то ни было, равнодушіе и банкротство. Живу машинально, не разсуждая... У

меня нѣтъ ни желаній, ни намѣреній, а потому нѣтъ и опредѣленныхъ плановъ... Могу хоть въ Ахтырку ѣхать, мнѣ все равно» (16 іюля 1889 г.). Какое-то странное равнодушіе къ жизни овладѣваетъ писателемъ, онъ ко всему теряетъ охоту и интересъ, жалуется на банкротство и въ то же время пишетъ сестрѣ: «денегъ не жалѣйте, чортъ съ ними!» Но проходятъ два мѣсяца, и онъ снова полонъ вѣры въ себя, въ свое призваніе и уже пишетъ А. Н. Плещееву слѣдующія строки изъ Москвы: «Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за разсказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевиль и этакъ безъ конца до самой моей дохлой смерти. Такъ что при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты» (14 сент. 1889.). И, живя все въ томъ же домѣ Корнѣева на Кудринской-Садовой, онъ съ лихорадочностью принимается за литературную работу, и изъ-подъ его пера выходятъ такія вещи, какъ «Скучная исторія» и, какъ уже было упомянуто выше, пьеса «Лѣшій», которую онъ поставилъ въ театрѣ Абрамовой 27 декабря 1889 года. Къ этому присоединилась еще тяжелая, кропотливая работа по собиранію матеріаловъ для предположенной поѣздки на Сахалинъ.

Мих. Чеховъ.

I.

И. Л. Щеглову [1]).

(По копіи, доставленной адресатомъ).

1 январь. 1888 г. (Москва).

Милый Альба! Называю Васъ такъ потому, что Вашъ трагическій почеркъ — послѣднее слово инквизиціи. Онъ, пока я прочелъ Ваше письмо, вывихнулъ мнѣ глаза.

Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ. Будьте здоровы, счастливы въ любви и въ литературѣ, смѣйтесь тремя октавами ниже и да спасетъ Васъ Богъ отъ нашествія сибирскихъ дядюшекъ.

Отвѣчаю на ваше письмо. Подписываться въ «Осколкахъ» Щегловымъ нельзя. Придумайте для мелочей постоянный псевдонимъ, въ родѣ «Дачнаго мужа». Если Лейкинъ будетъ фордыбачиться, Вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте:

— Сэръ, отчего же это Чеховъ не подписываетъ своей фамиліи?

Познакомьтесь съ Билибинымъ и Голике [2]). Оба милые люди. «Миньона» — прелесть. Браво! Бисъ! Щегловъ!

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ первомъ томѣ (См. «Письма А. П. Чехова» т. I, стр. 241, CXXX).

[2]) Владѣлецъ типографіи въ СПБ.

Вы положительно талантливы! Васъ читаютъ. Пишите!

Впрочемъ, если бы Вы у Максима Бѣлинскаго [1]) поучились, то еще болѣе навострились.

Передайте добрѣйшему А. Н. Плещееву, что я началъ пустячокъ для «Сѣвернаго Вѣстника» (этого литературнаго «вдовьяго дома»). Когда кончу, не знаю. Мысль, что я пишу для толстаго журнала и что на мой пустякъ взглянутъ серьезнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, толкаетъ меня подъ локоть, какъ чортъ монаха. Пишу степной разсказъ [2]). Пишу, но чувствую, что не пахнетъ сѣномъ.

Бибиковъ [3]) не присылаетъ мнѣ своихъ романовъ. Никакъ не могу забыть его обѣщанія. Напугалъ человѣка ни за что, ни про что...

Видѣлъ Давыдова [4]): не кланяется съ Киселевскимъ и вообще находитъ, что такъ нельзя. Прощайте и будьте здоровы.

А. Чеховъ.

P. S. Пишите. Ваше письмо такъ мило, что я даже простилъ Вамъ трагизмъ Вашего почерка. Что новаго?

Напишите драму. Судя по «Миньонѣ», Вы можете отжарить хорошую драму.

Читайте новогодніе №№ газетъ, по возможности, всѣхъ петербургскихъ. Если найдете строки, касающіяся меня или Короленко, то вырѣжьте и пришлите.

Были ли въ академіи?

---

[1]) Псевдонимъ I. I. Ясинскаго.

[2]) «Степь».

[3]) Литераторъ.

[4]) В. Н. Давыдовъ — артистъ. Вмѣстѣ съ Киселевскимъ въ то время служилъ въ театрѣ Корша въ Москвѣ.

II.

А. П. Ленскому.

6 января (1888 г. Москва).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Александръ Павловичъ, экземпляръ Татьяны Рѣпиной [1]), въ который вошли всѣ поправки, сдѣланныя въ послѣднее время авторомъ. Такъ какъ, насколько помнится, отъ поправокъ и вставокъ досталось больше всего Адашеву, то посылаю Вамъ экземпляръ особо, не въ примѣръ прочимъ. Такой же экземпляръ посланъ и Никулиной.

Какъ вы поживаете? Небось утомились? Думаю, на сихъ дняхъ побывать у Васъ, а пока кланяюсь Вамъ и Лидіи Николаевнѣ и желаю всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Будьте добры сказать сестрѣ, когда начнутся репетиціи Татьяны и когда она пойдетъ.

III.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

6 Января 18888 [2]) *г. (Москва).*

Многоуважаемая Марія Владиміровна!

Посылаю Вамъ письмо, которое касается Васъ и Вашей литературной дѣятельности. Итакъ, значитъ, въ новомъ году Вы будете вести переписку ужъ не съ переваренной Яшенькой [3]), а съ гремучей С..... Теперь

---

[1]) «Татьяна Рѣпина» — драма А. С. Суворина.

[2]) Цифры А. П. (шутка).

[3]) Знакомая барышня.

я смѣло могу поздравить Васъ: съ новымъ годомъ. съ новымъ счастьемъ, съ новыми психопатками! Я радъ за Ларьку [1].. Успѣхъ его, конечно, я объясняю не столько его сомнительными литературными достоинствами, сколько протекціей такого свѣтила, какъ я... Будетъ онъ напечатанъ въ мартѣ и съ такимъ оглавленіемъ: «Ларька - Геркулесъ» (напечатанный по протекціи А. П. Чехова). Безъ того, что въ скобкахъ, разсказъ потеряетъ всю свою соль. Теперь Вы и Ваше семейство можете судить, какъ Вы мало меня цѣнили!!!

За симъ, ради Создателя не пренебрегите слѣдующимъ совѣтомъ. Запросите съ С. *не менѣе* 50 рублей за листъ. Умоляю Васъ! Хоть разъ въ жизни уважьте меня! Если она, психопатически ноя и виляя въ письмѣ турнюромъ, будетъ жаловаться на бѣдность и предлагать Вамъ 30 — 40 руб., то ради всего святого имѣйте мужество не согласиться. Помните, что и 50 руб.— нищенская плата. Если вы возьмете дешево, то испортите и мнѣ коммерцію: вѣдь я тоже сотрудникъ Р..!

Слѣдующій разсказъ готовьте къ марту, не стѣсняясь размѣромъ, но возможно короче. Теперь ужъ Ваше дѣло въ шляпѣ и на счетъ «Р.» можете быть покойны. С. одолѣетъ Васъ письмами, а Вы въ отместку будете одолѣвать ее разсказами — и этакъ до гробовой доски.

Не забудьте: «Р.» не мнуется критикою. Это привилегированный журналъ, не чета Дѣтскому отдыху.

Мы пріѣхали благополучно. Къ великому моему стыду я на станціи вспомнилъ, что не далъ ничего Никифору [2].. Послалъ ему мелочи съ Гаврилой, да думаю, что эта мелочь не уѣдетъ дальше Крюковскаго трактира.

---

[1]) Разсказъ адресатки.

[2]) Никифоръ — служащій Киселевыхъ, отвозившій А. П. на станцію жел. дор.

Если будете писать С., то не забудьте упомянуть о высылкѣ Вамъ журнала: Василисѣ и Грипу [1]) пригодится. Обратный путь показался короткимъ, ибо было свѣтло и тепло, но — увы! — пріѣхавъ домой, я сильно пожалѣлъ, что этотъ путь былъ обратнымъ: кабинетъ мой показался мнѣ противнымъ, а обѣдъ подали такой (насъ не ждали), что я съ тоской вспомнилъ о Вашихъ художественныхъ вареникахъ.

Жду къ 12-му январю Алексѣя Сергѣевича [2]).

Вотъ наше меню:

Селянка изъ осетрины по польски.
Супремъ изъ пулярдъ съ трюфелемъ.
Жаркое фазаны.
Рѣдька.

Вина: Бессарабское Кристи, Губонинское, Cognac и Абрикотинъ. Жду его обязательно. Сейчасъ пишу къ Успенскому [3]), чтобы онъ пріѣхалъ праздновать Таню [4]).

Непремѣнному члену, Василисѣ съ червонцами, Грипу и Елизаветѣ Александровнѣ — почтеніе.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

IV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи доставленной адресатомъ).

(Москва. 1888 г. янв.).

Милый Альба! Такъ таки одного слова я и не разобралъ въ Вашемъ письмѣ, хотя и глядѣлъ на него въ лупу. Ну, почеркъ!

---

[1]) Дѣти адресатки.

[2]) Мужъ адресатки.

[3]) С. П. Успенскій—звенигородскій врачъ, знакомый Киселевыхъ и А. П.

[4]) Татьянинъ день — 12 января, университетскій праздникъ.

Возвращаю письмо Горленко [1]) вмѣстѣ съ большимъ спасибо. Оно хорошо, но въ немъ есть одинъ очень крупный недостатокъ: Васъ нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете. Въ хорошенькой «Миньонѣ» я нашелъ нѣсколько промаховъ, которые объяснилъ себѣ только Вашимъ малописаніемъ. Зажгите себя. Вѣдь Вы такъ легко воспламеняетесь. «Малописаніе для пишущаго—такъ же вредно, какъ для медика отсутствіе практики». (Сократъ X, 5).

Если можно, пришлите мнѣ статью изъ 1 № «Недѣли». У меня ея нѣтъ и негдѣ достать [2]). Пишу повѣсть для *толстаго* журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!

Когда будете ужинать у А. Н. Плещеева, то выпейте вмѣсто меня рюмку водки за его боярское здоровье.

Позвольте сдѣлать Вамъ маленькое замѣчаніе относительно Вашей невоспитанности. Я послалъ Вамъ свою карточку и молчалъ, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мнѣ тѣмъ же. Но Вы отплатили мнѣ черною неблагодарностью. Извольте въ 24 часа выслать мнѣ Вашу карточку, иначе я черезъ полицію потребую у Васъ обратно свою.

Третьяго дня былъ у меня Давыдовъ [3]), просидѣлъ всю ночь и очень недурно читалъ кое-что изъ Толстовской «Власти тьмы». Ему бы Акима играть.

Будьте безконечно здоровы и счастливы. Жму руку и пребываю душевно преданный

А. Чеховъ.

---

[1]) В. П., сотрудникъ «Новаго Времени».

[2]) Здѣсь пропускъ, сдѣланный адресатомъ.

[3]) В. Н. Давыдовъ — тогда артистъ театра Корша въ Москвѣ.

1) Отчего не строчите субботниковъ [1]), злодѣй?

2) Знаете что? Давайте-ка лѣтомъ напишемъ по роману. Возьмемъ много денегъ и поѣдемъ куда-нибудь къ лѣшему.

12-го янв. У меня пьянство — Татьянинъ день.

17-го янв. Тоже пьянство — я именинникъ.

Итого — Каценъямеръ.

3) Напишите съ десятокъ такихъ прелестей, какъ «Миньона» и издайте сборникъ.

Въ мартѣ я ѣду въ Кубань. Тамъ:

«Amare et non morire»...

Какъ зовутъ по батюшкѣ К. Баранцевича? Я получилъ отъ него «Рабу». Хотѣлось бы поблагодарить письменно.

V.

В. Г. Короленко.

9 января (1888 г. Москва).

Я надулъ Васъ невольно, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ: мнѣ не удалось выручить оттискъ своей пьесы [2]); когда она отпечатается, я вышлю Вамъ, или же вручу ее при свиданіи, а пока не сердитесь.

Мнѣ пришла охота отдать переписать и послать Вамъ письмо старика Григоровича, которое я получилъ вчера. Цѣню я его по многимъ причинамъ на вѣсъ золота и боюсь прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія. Изъ него Вы увидите, что литературная извѣстность и хорошій гонораръ нисколько не

---

[1]) Беллетристическіе фельетоны въ «Новомъ Времени».

[2]) Рѣчь идетъ о пьесѣ А. П. «Ивановъ».

спасаетъ отъ такой мѣщанской прозы, какъ болѣзни, холодъ и одиночество: старикъ кончаетъ жизнь. Изъ письма Вамъ станетъ также извѣстно, что не Вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно.

Когда я прочелъ письмо Григоровича, я вспомнилъ Васъ, и мнѣ стало совѣстно. Мнѣ стало очевидно, что я не правъ. Пишу это именно Вамъ, потому что около меня нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее, а съ Вами я, не спрашивая Васъ, заключилъ въ душѣ союзъ.

Съ Вашего дружескаго совѣта я началъ маленькую повѣстушку для «Сѣверн. Вѣстника». Для почина взялся описать степь [1]), степныхъ людей и то, что я пережилъ въ степи. Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣснятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напримѣръ Вы, пойметъ меня, читатель же соскучится и плюнетъ.

Въ Питерѣ я прожилъ $2^1/_2$ недѣли и видѣлъ многихъ. Въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, которое можно свести къ тексту: «Не надѣйтеся на князи, сыны человѣческіе...» хорошихъ людей видѣлъ много, но судей нѣтъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это къ лучшему.

Жду февральскаго «Сѣв. Вѣстника», чтобы прочесть Ваше «По пути». Плещеевъ говорилъ, что цензура

---

[1]) «Степь».

сильно пощипала Васъ. Съ новымъ годомъ! Будьте здоровы и счастливы.

Искренно Вамъ преданный

А. Чеховъ.

P. S. Вашъ «Соколинецъ», мнѣ кажется, самое выдающееся произведеніе послѣдняго времени. Онъ написанъ, какъ хорошая музыкальная композиція, по всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя подсказываются художнику его инстинктомъ. Вообще въ Вашей книгѣ Вы такой здоровенный художникъ, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарѣзали бы другого художника, у Васъ проходятъ не замѣченными. Наприм., во всей Вашей книгѣ упрямо отсутствуетъ женщина и это я только недавно разнюхалъ.

VI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

19 январь. (1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Многія лѣта Вамъ здравствовать. Искренность моихъ благопожеланій и моя преданность Вамъ пусть послужатъ для меня смягчающимъ вину обстоятельствомъ и Вы простите мнѣ запоздалость моего поздравленія.

Я къ вамъ съ просьбой. На дняхъ я получилъ письмо отъ литератора Николая Аполлоновича Путяты, сотрудника московскихъ газетъ, переводчика и негласнаго редактора когда-то существовавшихъ журналовъ «Свѣтъ и тѣни», «Мірской толкъ» и «Европейская библіотека»,

автора кое-какихъ книжекъ и проч.. Онъ жалуется на безвыходное положеніе и слезно проситъ меня, не могу ли я написать кому-нибудь въ Питеръ, чтобы за него походатайствовали въ Литературномъ Фондѣ? Его просьбу исполняю я тѣмъ охотнѣе, что лѣчу его, вижу его непроходимую бѣдность и вѣрую въ неизлѣчимость болѣзни. Онъ боленъ чахоткой. Служитъ онъ корректоромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но по болѣзни работать ему приходится мало, или черезъ силу, и скоро, вѣроятно, ему откажутъ отъ мѣста.

Услугами Литературнаго фонда онъ уже пользовался *два раза*. Его адресъ: Типографія Моск. Вѣдомостей. Теперь два слова о себѣ. Я здравствую, работаю и скучаю. Пишу я теперь повѣстушку для толстаго журнала и, какъ только кончу, пришлю ее Вамъ: буду просить Васъ протежировать мнѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Описываю я *степь*. Сюжетъ поэтичный и, если я не сорвусь съ того тона, какимъ началъ, то кое-что выйдетъ у меня «изъ ряда вонъ выходящее». Чувствую, что есть въ моей повѣстушкѣ мѣста, которыми я угожу Вамъ, мой милый поэтъ, но въ общемъ я едва ли потрафлю.. Выйдетъ у меня 4 — 5 печатныхъ листовъ; изъ нихъ два листа заняты описаніемъ природы и мѣстностей — скучно! Ахъ, какъ бы я хотѣлъ попасть къ Вамъ въ мартовскую книжку! Весь январь я работаю надъ степью, ничего больше не пишу, а потому разорился въ пухъ и прахъ. Если степь будетъ напечатана позже марта, то я взвою волкомъ. Вышлю я ее Вамъ къ 1 февралю. Если Вы предвидите, что въ мартовской книжкѣ мѣста не будетъ, то, дорогой мой, дайте мнѣ знать; я не буду спѣшить со степью и нацарапаю ради гонорара что-нибудь въ Новое Время и Пет. Газету.

Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую

уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу.

Прощайте и будьте счастливы. Почтеніе всему Вашему радушному семейству. Если позволите, обнимаю Васъ и пребываю неизмѣнно и искренно преданнымъ *Чеховымъ*.

Москва, Кудринская Садовая, д. Карнѣева.

VII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

Январь, 1888 г. (Москва).

Вы напрасно поспѣшили уѣхать, добрѣйшій коллега. Во-первыхъ, у меня 17 [1]) было многолюдно и весело; во-вторыхъ, я готовилъ Вамъ медицинское свидѣтельство, и, въ третьихъ, Ваше усердіе *) по службѣ совершенно безполезно, насколько мнѣ извѣстно, за то, что Вы поспѣшили, Васъ не произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники [2]).

Лейкинъ сердитъ на Васъ. На меня тоже. (Я потребовалъ прибавки.) Что жъ, будемъ съ покорностью сносить гнѣвъ нашихъ начальниковъ. Нѣсть власти, аще не отъ Бога... Посылаю еще разъ упрекъ за Ваше усердіе по службѣ. Пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

Пишу Вамъ на бумагѣ новѣйшаго формата. Новая мода. Надо идти въ уровень.

---

[1]) 17-го января — день именинъ А. П.

*) Вѣдь на вашу долю была закуплена провизія. *Примѣч. А. П.*

[2]) Адресатъ служилъ учителемъ въ провинціи.

VIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

22 Янв., (1888 г. Москва).

Милый Альба! Получилъ я и письмо, и Вашу физіогномію, и «Недѣлю». За все, за все благодарю! Статья въ «Недѣлѣ» дѣйствительно не плоха. Кое-какія мысли о нашемъ безсиліи, которое деликатный авторъ назвалъ безвластіемъ, приходили и мнѣ въ голову. Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы.

Впрочемъ, все это вздоръ. Покуксимъ объ этомъ при свиданіи, когда будемъ рикикикать [1]) у Палкина, а теперь успокоимся на увѣренія статьи «Недѣли», что мы виртоузы... Да, виртоузы, но играющіе свое. Дѣлаемъ что можемъ, а если человѣчеству не угодна наша служба, то ну его къ ляху!

Вамъ, о маловѣръ, интересно знать, какіе промахи нашелъ я въ Вашей «Миньонѣ»? [2]). Прежде чѣмъ указать на нихъ, предупреждаю, что они имѣютъ скорѣе «трагическій» интересъ, чѣмъ критико-литературный. Уловить ихъ можетъ только пишущій, но никакъ не читатель. Вотъ они... Мнѣ кажется, что Вы, какъ мнительный и маловѣрный авторъ, изъ страха, что лица и характеры будутъ недостаточно ясны, дали слишкомъ большое мѣсто тщательной детальной обрисовкѣ. Получилась отъ этого излишняя пестрота, дурно вліяющая на общее впечатлѣніе. Боясь, что читатель Вамъ не по-

---

[1]) Чокаться рюмками.

[2]) Разсказъ адресата.

вѣрить, Вы въ доказательство того, какъ можетъ иногда сильно вліять музыка, занялись усердно психикой Вашего Фендрика; психика Вамъ удалась, но зато разстояніе между такими моментами, какъ «amari, morire» и выстрѣломъ, у Васъ получилось длинное, и читатель, прежде чѣмъ дойти до самоубійства, отдыхаетъ отъ боли, причиненной ему «amari, morire». А нельзя давать ему отдыха: нужно держать его напряженнымъ. Эти указанія не имѣли бы мѣста, если бы «Миньона» была большою повѣстью. У большихъ, толстыхъ произведеній свои цѣли, требующія исполненія самаго тщательнаго, независимо отъ общаго впечатлѣнія. Въ маленькихъ же разсказахъ лучше не досказать, чѣмъ пересказать, потому что... потому что... не знаю почему!.. Во всякомъ случаѣ помните, что Ваши промахи только я одинъ считаю промахами (весьма не важными, «трагическими»), а я очень часто ошибаюсь. Быть можетъ Вы правы, а не я... Я, надо замѣтить, очень часто ошибался и говорилъ не то, что думаю теперь. Стало быть, моя критика ничего не стоитъ.

Ахъ, какъ мнѣ хочется въ Питеръ!

Получилъ сегодня отъ А. Н. Плещеева очень милое «дѣдушкино» письмо. Жалуется, что Вы рѣдко съ нимъ видаетесь. Я оканчиваю рукопись для «Сѣвернаго Вѣстника». [1]). Какъ это трудно.

Поклонитесь Баранцевичу.

Весной я ѣду въ Кубань, а лѣтомъ буду жить съ семьей въ Славянскѣ. Не хотите ли жить вмѣстѣ? Прожить въ Славянскѣ стоитъ въ 3 раза дешевле, чѣмъ въ Питерѣ.

Будетъ не скучно.

Моя повѣсть появится въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Странная она какая-то, но есть от-

---

[1]) «Степь».

дѣльныя мѣста, которыми я доволенъ. Меня бѣситъ то, что въ ней нѣтъ романа. Безъ женщины повѣсть, что безъ паровъ машина. Впрочемъ женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу безъ женщинъ...

Напишите мнѣ письмо подлиннѣй, а я Вамъ отвѣчу тѣмъ же. Прощайте, Альба! Дай Богъ Вамъ здоровья!

Вашъ *А. Чеховъ.*

IX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

23 янв., (1888 г., Москва).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, большое Вамъ спасибо за Ваше доброе, ласковое письмецо. Какъ жаль, что оно не пришло тремя часами раньше! Представьте, оно застало меня за царапаньемъ плохонькаго разсказца для Пет. Газеты... Въ виду предстоящаго перваго числа съ его платежами, я смалодушествовалъ и сѣлъ за срочную работу. Но это не бѣда. На разсказъ потребовалось не больше полудня, теперь же я могу продолжать свою степь. Въ своемъ письмѣ Вы оказали моей повѣстушкѣ такой хорошій пріемъ, что я боюсь... Вы ждете отъ меня чего-то особенно хорошаго — какое поле для разочарованій! Робѣю и боюсь, что моя степь выйдетъ не значительной. Пишу я ее не спѣша, какъ гастрономы ѣдятъ дупелей: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Откровенно говоря, выжимаю изъ себя, натужаюсь и надуваюсь, но все-таки въ общемъ она не удовлетворяетъ меня, хотя мѣстами и попадаются въ ней «стихи въ прозѣ». Я еще не привыкъ писать длинно, да и лѣнивъ. Мелкая работа меня избаловала.

Кончу Степь къ 1 — 5 февраля, не раньше и не позже. Пришлю ее непремѣнно на Ваше имя, такъ какъ, дебютируя въ толстыхъ журналахъ, я хочу просить Васъ быть моимъ крестнымъ батькой. Вамъ не прійдется ѣздить въ почтамтъ и засвидѣтельствовать повѣстку, такъ какъ вышлю я Вамъ посылку «съ доставкой». Вы только заплатите четвертакъ, который я буду Вамъ долженъ. Ради Бога простите за безпокойство! У Васъ и такъ много заботъ, а тутъ я еще одолѣваю Васъ своими пустяками, да еще покушаюсь на четвертакъ..

Островскій [1]) мнѣ очень и очень понравился. Съ нимъ не только не скучно, но даже весело.. Да, онъ годился бы въ критики. Онъ имѣетъ хорошее чутье, массу читалъ, повидимому очень любитъ литературу и оригиналенъ. Я уловилъ нѣсколько оброненныхъ имъ опредѣленій, которыя цѣликомъ можно было бы напечатать въ учебникѣ «Теорія словесности». Я къ нему обязательно побѣгу, какъ только покончу со степью. Послѣ того, какъ я поговорилъ съ нимъ о моемъ выкидышѣ «Ивановѣ», я узналъ цѣну, какую имѣютъ для нашего брата такіе люди.

Что Леонтьевъ? [2]). Милый онъ человѣчина, симпатичный, теплый и талантливый, но любитъ падать духомъ и куксить. Его постоянно нужно возбуждать извнѣ и заводить, какъ часы.. Мы переписываемся. Онъ величаетъ меня въ письмахъ почему-то Эгмонтомъ, а я, чтобы не оставаться въ долгу, окрестилъ его Альбой.

До весны я побываю въ Питерѣ, а весной укачу куда-нибудь въ тепло. Поѣдемте!

Во всѣхъ нашихъ толстыхъ журналахъ царитъ кружковая, партійная скука. Душно! Не люблю я за это тол-

---

[1]) Петръ Ник. Островскій — братъ драматурга.

[2]) Писатель Ив. Л. Щегловъ.

стые журналы и не соблазняетъ меня работа въ нихъ. Партійность, особливо если она бездарна и суха, не любитъ свободы и широкаго размаха.

Прощайте, мой дорогой. Еще разъ спасибо Вамъ. Поклонитесь Вашему семейству, общимъ знакомымъ и пріѣзжайте на масляницу. Поѣдимъ блиновъ. Прихватите съ собой Щеглова.

Будьте здоровы и счастливы

Вашъ *А. Чеховъ.*

X.

Ему-же.

(Съ подлинника).

3-го февраля, 1888 г. (Москва).

Здравствуйте, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Степь кончена и посылается. Не было ни гроша и вдругъ алтынъ. Хотѣлъ я написать два-три листа, а написалъ цѣлыхъ пять. Утомился, замучился отъ непривычки писать длинно, писалъ не безъ напряженія и чувствую, что наерундилъ не мало.

Прошу снисхожденія!!

Сюжетъ «Степи» не значителенъ; если она будетъ имѣть хоть маленькій успѣхъ, то я положу ее въ основаніе большущей повѣсти и буду продолжать. Вы увидите въ ней не одну фигуру, заслуживающую вниманія и болѣе широкаго изображенія.

Пока писалъ, я чувствовалъ, что пахло около меня лѣтомъ и степью. Хорошо бы туда поѣхать!

Ради Бога, дорогой мой, не поцеремоньтесь и напишите, что моя повѣсть плоховата и заурядна, если это дѣйствительно такъ. Ужасно хочется знать сущую правду.

Если редакція найдетъ ее годной для Вѣстника, то я очень радъ служить ей и ея читателямъ. Похлопочите, чтобы моя «Степь» вся цѣликомъ вошла въ одинъ номеръ, ибо дробить ее не возможно, въ чемъ Вы сами убѣдитесь по прочтеніи. Попросите оставить для меня нѣсколько оттисковъ. Я хочу послать Григоровичу, Островскому... Насчетъ аванса у насъ ужъ былъ разговоръ. Скажу еще только, что чѣмъ раньше я получу его, тѣмъ лучше, ибо я зачахъ, какъ блоха въ вейнбергскомъ анекдотѣ. Если издательница спроситъ о цифрѣ гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ея волю, въ глубинѣ же души, грѣшный человѣкъ, мечтаю о двухстахъ за листъ.

Простите за безпокойство. Авось, коли живы будемъ, судьба дастъ мнѣ счастливый случай отплатить Вамъ хорошей услугой!

Степь писана на отдѣльныхъ четвертухахъ. Когда получите посылку, обрѣжьте виточки.

Прощайте и будьте счастливы.

Я отдыхаю. Завтра побѣгу къ Островскому. Кланяйтесь Вашей семьѣ и Щеглову.

Душевно преданный дебютантъ

Антуанъ Чеховъ.

Моя степь похожа не на повѣсть, а на степную энциклопедію.

XI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

3 Февр. (1888 г. Москва).

Многоуважаемая Марія Владиміровна!! Ставлю два восклицательныхъ знака отъ злости. Вы согласились работать у С. за 30 рублей, да еще попросили вычесть

изъ гонорара за журналъ! Вы отослали свою (судя по словамъ Михайлы) [1]) прелестную повѣстушку Владиміру Петровичу [2]) для передачи въ какой-то литературный «Рылиндронъ!» Покорнѣйше Васъ благодарю! Очень Вами благодаренъ! Дѣлайте теперь, что хотите, обезцѣнивайте литературный трудъ, сколько угодно, ублажайте бѣлобрысыхъ . . . . . и медоточивыхъ С., посылайте свои повѣсти хоть въ «Странникъ» или въ «Тульскія Вѣдомости», я же воздержусь отъ совѣтовъ и указаній. Если моя маленькая опытность не имѣетъ цѣны, а доброжелательство мое не заслуживаетъ довѣрія, то мнѣ остается только посыпать пепломъ главу и хранить гробовое молчаніе.

Я утомленъ до мозга костей. Вчера окончилъ, а сегодня послалъ повѣсть, которую Вы увидите въ Мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Многое Вамъ въ ней понравится, а многое очень не понравится. Во всякомъ случаѣ увидите, сколько сока и напряженія пошло на нее. Давно ужъ въ толстыхъ журналахъ не было такихъ повѣстей; выступаю я оригинально, но за оригинальность мнѣ достанется такъ же, какъ за «Иванова». Разговоровъ будетъ много. Написалъ я около *пяти* печатныхъ листовъ. Запросилъ по двѣсти за листъ и непремѣннымъ условіемъ поставилъ — деньги впередъ! Написалъ въ редакцію, чтобы мнѣ высылали журналъ, но не попросилъ, чтобы за него вычли изъ гонорара.

Какъ живутъ Василиса и Коклюшъ? [3]).

Счастливцы, скоро весна!

Послѣ каторжной работы надъ повѣстью я гуляю сегодня и буду гулять завтра.

---

[1]) Братъ Михаилъ Павл.

[2]) Вл. Петр. Бегичевъ — отецъ адресатки.

[3]) Дѣти адресатки, такъ прозванные А. П - чемъ.

Откровенно говоря, никакъ не могу понять, о какомъ такомъ *благоразуміи* моемъ Вы упоминаете въ письмѣ къ Ма - Пѣ. [1]) Вы и Вашъ супругъ стали въ послѣднее время что-то очень часто прохаживаться на счетъ моихъ умственныхъ способностей. Онъ подарилъ мнѣ рюмку съ надписью: «Пьяный проспится, а дуракъ никогда», Вы же намѣренно подчеркиваете благоразуміе.. Хорошо-съ, такъ и запишемъ!

Съ Вашимъ супругомъ, когда онъ былъ въ Москвѣ, мы вели себя хорошо. Я его останавливалъ отъ нехорошихъ поступковъ.

Поклонъ всѣмъ! Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ, Коклюшу, Елизаветѣ Александровнѣ и Бабкину.

Спасибо за многочисленные именинные подарки.

Искренно преданный *Васенька*. [2])

XII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

4 Февраля. (1888 г. Москва).

Милый капитанъ! Простите, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше пессимистическое письмо. Былъ занятъ по горло и утомленъ какъ сукинъ сынъ.

Теперь отвѣчаю. Да, правда, жить иной разъ бываетъ противно и гадко; но Вы стрѣляете не туда, куда надо. Дѣло не въ Буренинѣ, не въ Бѣжецкомъ, не въ Миньонѣ, ни въ возвращенномъ субботникѣ. Все несчастье въ Вашей способности находиться подъ постояннымъ воздѣйствіемъ отдѣльныхъ явленій и лицъ.

---

[1]) Марія Павловна — сестра А. П.

[2]) Такъ прозвала А. П. дочь адресатки, дѣвочка Саша («Василиса»).

Вы хорошій писатель, но совсѣмъ не умѣете, или ни хотите обобщать и глядѣть на вещи объективно. Нервы, нервы и паки нервы!

Бѣжецкому не нравится Ваша Миньона. Это естественно. Писатели ревнивы, какъ голуби. Лейкину не нравится, если кто пишетъ изъ купеческаго быта, Лѣскову противно читать повѣсти изъ поповскаго быта, не имъ написанныя; а Бѣжецкій никогда не похвалитъ Вашихъ военныхъ очерковъ, потому что только себя считаетъ спеціалистомъ по военной части. Вѣдь Вамъ же не нравятся его превосходные «Военные на войнѣ». Всѣ нервны и ревнивы.

Вы пишете, что Буренинъ имѣетъ противъ Васъ нѣчто. Не правда. По привычкѣ, свойственной всѣмъ пишущимъ, онъ заглазно рѣдко говоритъ о комъ-нибудь хорошо, но если его спросятъ, кто лучше—Вы или Саліасъ, котораго онъ восхваляетъ, то ему станетъ смѣшно отъ этого вопроса и онъ засмѣется. Если субботникъ возвращенъ Вамъ, то, стало-быть, онъ въ самомъ дѣлѣ длиненъ.

Если онъ длиненъ и возвращенъ, то почему Вы не отослали его въ «Русскую Мысль», гдѣ его напечатаютъ съ удовольствіемъ? Почему не отдать его въ «Сѣверный Вѣстникъ», въ «Сѣверъ» и проч.?

Нѣтъ, не туда вы стрѣляете... Если бы Вы умѣли смотрѣть на жизнь объективно, то не пѣли бы Лазаря. Вы одинъ изъ счастливѣйшихъ изъ современныхъ писателей. Васъ читаютъ, любятъ, хвалятъ, избираютъ въ «члены»; Ваши пьесы ставятся и смотрятся... какого же лѣшаго Вамъ еще нужно отъ музъ? Въ литературѣ Вы уже по крайней мѣрѣ подполковникъ (съ золотымъ оружіемъ), а такого чина совершенно достаточно, чтобы не приходить въ ужасъ и не терять надеждъ на будущее только потому, что кусаются блохи и воетъ

подъ окномъ собака. Къ сожалѣнію все это длинно и не помѣщается въ письмѣ. Приходится подробности и продолженіе отложить до свиданія, а пока скажу: Вы не правы, Альба! Я знаю два десятка писателей, которые мечтаютъ о такой судьбѣ, какъ Ваша...

Ну-съ, я живъ и здоровъ. Свой «мартовскій плодъ» [1]) я кончилъ и послалъ А. Н. Плещееву. Не ждите ничего особенно хорошаго. Разочаруетесь въ Антуанѣ, потому что Антуанъ, какъ я теперь убѣдился, совсѣмъ не способенъ писать длинныя вещи.

Появленіе г. Ясинскаго въ Новомъ Времени — это большое литературное недоразумѣніе... Но его «Пожаръ» превосходная вещица.

Читаю Вашу «Идиллію». Чудакъ, отчего Вы не напишете большого романа! У Васъ всѣ данныя для этого. Прощайте. Пишите.

Вашъ *Антуанъ Чеховъ.*

XIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

5 февраль. (1888 г. Москва).

Большое Вамъ спасибо, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Вчера я получилъ и отвезъ Путятѣ [2]) 75 руб. Эти деньги пришли очень кстати, такъ какъ Путята, хотя и лежитъ въ постели, но быстро и широко шагаетъ къ могилкѣ.

Получили ли мою «Степь»? Забракована она, или же принята въ лоно Сѣвернаго Вѣстника? Я послалъ

---

[1]) «Степь».

[2]) Московскій журналистъ.

Вамъ ее вчера не посылкой, какъ предполагалъ раньше, а заказною бандеролью — этакъ скорѣе дойдетъ. Не опоздалъ ли я?

Жажду прочесть повѣсть Короленко. Это мой любимый изъ современныхъ писателей. Краски его колоритны и густы, языкъ безупреченъ, хотя мѣстами и изысканъ, образы благородны. Хорошъ и Леонтьевъ [3]). Этотъ не такъ спѣлъ и красивъ, но теплѣе Короленко, миролюбивѣе и женственнѣй.. Только — Аллахъ керимъ! — зачѣмъ они оба спеціализируются? Первый не разстается со своими арестантами, а второй питаетъ своихъ читателей только одними оберъ-офицерами.. Я признаю спеціальность въ искусствѣ, какъ жанръ, пейзажъ, исторію, понимаю я амплуа актера, школу музыканта, но не могу помириться съ такими спеціальностями, какъ арестанты, офицеры, попы.. Это ужъ не спеціальность, а пристрастіе. У васъ въ Питерѣ не любятъ Короленко, у насъ не читаютъ Щеглова, но я сильно вѣрю въ будущность обоихъ. Эхъ, если бы у насъ была путевая критика!

Масляница на носу. Вы почти обѣщали пріѣхать, и я жду Васъ.

Сегодня бенефисъ Давыдова. Ставитъ онъ «Мѣщанина во дворянствѣ». Будетъ душно, тѣсно и шумно. Послѣ спектакля я всю ночь буду кашлять. Разучился я ходить по театрамъ.

Если моя «Степь» не забракована, то при случаѣ замолвите словечко, чтобы мнѣ высылали «Сѣв. Вѣстникъ». Мнѣ очень хочется почитать «По пути» Короленко.

Я надоѣлъ Вамъ своими письмами. До свиданья! Почтеніе всему Вашему семейству.

Весь Вашъ душевно *А. Чеховъ.*

---

[3]) И. Л. Щегловъ.

XIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

9 февраля. (1888 г. Москва).

Сейчасъ изъ конторы Юнкера принесли мнѣ 500 цѣлковыхъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Очевидно, это изъ «Сѣвернаго Вѣстника», ибо больше получить мнѣ не откуда. Mercі!

Послѣднее Ваше письмо меня безгранично порадовало и подбодрило. Я согласился бы всю жизнь не пить вина и не курить, но получать такія письма. Предпослѣднее же, на которое я отвѣтилъ Вамъ телеграммой, меня обезкуражило. Мнѣ стало неловко и совѣстно, что я вынудилъ Васъ говорить о гонорарѣ. Деньги мнѣ очень нужны, но говорить о нихъ да еще съ хорошими людьми, я терпѣть не могу. Ну ихъ къ чорту! Жалѣю, что я не показался Вамъ достаточно яснымъ въ томъ мѣстѣ моего письма, гдѣ я говорилъ, что въ денежныхъ дѣлахъ полагаюсь на волю издательницы и что мечтаю получить 200 руб. О требованіяхъ, или непремѣнныхъ условіяхъ съ моей стороны не было и рѣчи, а объ ультиматумѣ и подавно. Если я заикнулся въ скобкахъ о 200 руб., то потому что совсѣмъ не знакомъ съ толстожурнальными цѣнами и что цифру 200 не считалъ слишкомъ большой. Я мѣрилъ по нововременской мѣркѣ, т.-е. оцѣнивая Степь, старался получить ни больше и ни меньше того, что платитъ мнѣ Суворинъ (15 коп. строка), но и въ мысляхъ у меня не было сочинять ультиматумы. Я всегда беру только то, что мнѣ даютъ. Дастъ мнѣ Сѣв. Вѣстникъ 500 за листъ — я возьму, дастъ 50 — я тоже возьму.

На обѣщаніе помѣстить Степь цѣликомъ и высылать журналъ я отвѣчаю обѣщаніемъ угостить Васъ отличнѣйшимъ Донскимъ, когда мы будемъ ѣхать лѣтомъ по Волгѣ. Къ несчастью Короленко не пьетъ, а не умѣть пить въ дорогѣ, когда свѣтитъ луна и изъ воды выглядываютъ крокодилы, такъ же неудобно, какъ не умѣть читать. Вино и музыка всегда для меня были отличнѣйшимъ штопоромъ. Когда гдѣ-нибудь въ дорогѣ въ моей душѣ или въ головѣ сидѣла пробка, для меня было достаточно выпить стаканчикъ вина, чтобы я почувствовалъ у себя крылья и отсутствіе пробки.

Значитъ, завтра у меня будетъ Короленко. Это хорошая душа. Жаль, что его «По пути» ощипала цензура. Художественная, но замѣтно плѣшивая вещь (не цензура, а «По пути»). Зачѣмъ онъ отдалъ ее въ цензурный журналъ? Во-вторыхъ, зачѣмъ назвалъ «святочнымъ разсказомъ»?

Спѣшу засѣсть за мелкую работу, а самого такъ и подмываетъ взяться опять за что-нибудь большое. Ахъ, если бы Вы знали, какой сюжетъ для романа сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины! Какія похороны, какія свадьбы! Если бъ деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисъ и написалъ бы романъ въ 1 — 2 мѣсяца. У меня уже готовы три листа, можете себѣ представить! Впрочемъ, вру: будь у меня на рукахъ деньги, я такъ бы завертѣлся, что всѣ романы полетѣли бы вверхъ ногами.

Когда я напишу первую часть романа, то если позволите пришлю Вамъ на прочтеніе, но не въ Сѣверный Вѣстникъ, ибо мой романъ не годится для подцензурнаго изданія. Я жаденъ, люблю въ своихъ произведеніяхъ многолюдство, а посему романъ мой выйдетъ длиненъ. Къ тому же люди, которыхъ я изображаю, дороги и симпатичны для меня, а кто симпатиченъ, съ тѣмъ хочется подольше возиться.

Что касается Егорушки [1]), то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенькій о. Христофоръ уже померъ. Гр. Драницкая (Браницкая) живетъ прескверно. Варламовъ продолжаетъ кружиться [2]). Вы пишете, что Вамъ понравился Дымовъ, какъ матеріалъ.. Такія натуры, какъ озорникъ Дымовъ, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для осѣдлаго житья, а прямехонько для революціи.. Революціи въ Россіи никогда не будетъ и Дымовъ кончитъ тѣмъ, что сопьется или попадетъ въ острогъ. Это лишній человѣкъ.

Въ 1877 году я въ дорогѣ однажды заболѣлъ перитонитомъ (воспаленіемъ брюшины) и провелъ страдальческую ночь на постояломъ дворѣ Мойсея Мойсеича. Жидокъ всю ночь напролетъ ставилъ мнѣ горчишники и компрессы.

Видѣли ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вотъ куда бы намъ махнуть! Кресты до сихъ поръ цѣлы, но не та уже ширина; по сосѣдству провели чугунку и по дорогѣ теперь почти некому ѣздить: мало-по-малу поростаетъ травой, а пройдетъ лѣтъ 10, она совсѣмъ исчезнетъ, или изъ гиганта обратится въ обыкновенную проѣзжую дорогу.

Хорошо бы захватить съ собой и Щеглова. Онъ совсѣмъ разлимонился и смотритъ на свою литературную судьбу сквозь копченое стекло. Ему необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ и поглядѣть новыхъ людей.

Завтра я гуляю на свадьбѣ у портного [3]), не дурно пишущаго стихи и починившаго мнѣ изъ уваженія къ моему таланту (honoris causa) пиджакъ.

---

[1]) Герой повѣсти А. П. «Степь».

[2]) Дальнѣйшій планъ «Степи».

[3]) Поэтъ И. А. Бѣлоусовъ.

Я надоѣлъ Вамъ своими пустяками, а посему кончаю. Будьте здоровы. Кредиторамъ Вашимъ отъ души желаю провалиться въ тартарары.. Племя назойливое, хуже комаровъ.

Душевно Вашъ

А. Чеховъ.

Нѣтъ ли у Сѣвернаго Вѣстника обычая высылать авторамъ корректуру?

XV.

Г. М. Чехову.

Съ подлинника).

9 февр. (1888 г. Москва).

Напрасно ты не пишешь мнѣ, дорогой братуха! На меня глядѣть нечего. Я человѣкъ, стоящій въ исключительномъ положеніи писаря, у котораго всегда болятъ отъ писанья пальцы и поэтому противно писать. Весь январь я просидѣлъ надъ повѣстью, заработалъ около тысячи рублей, а теперь хожу съ высунутымъ языкомъ и съ отвращеніемъ поглядываю на чернильницу.

Напрасно также ты обидѣлся за то, что я прислалъ тебѣ марки для отсылки мнѣ Толстого. Я не хотѣлъ тебя обидѣть и мнѣ теперь больно, что ты изъ-за меня пережилъ не хорошую минутку. Если я послалъ тебѣ марки на расходы, то потому что это принято даже при наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Счетъ дружбы не портитъ — это разъ. Во-вторыхъ, если ты пришлешь мнѣ когда-нибудь въ подарокъ десятокъ марокъ, то я преспокойно положу ихъ къ себѣ въ карманъ и не обижусь такъ же, какъ не обижался

во времена оны, когда твой папаша, а мой дядя дарилъ мнѣ въ большіе праздники гривенникъ. Думаю, что и ты не обидишься, если случится въ будущемъ что-нибудь подобное.. Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и безъ китайскихъ церемоній, особливо въ грошевыхъ счетахъ.

Наши всѣ живы и здравствуютъ. Дѣла идутъ по маленьку. Мой «Ивановъ» гуляетъ по Руси и, какъ я читалъ, не разъ ужъ давался въ Харьковѣ. Сгодится дѣтишкамъ на молочишко...

Моя новая повѣсть [1]) будетъ напечатана въ мартовской книжкѣ журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Повѣсть большая. Этотъ журналъ получается въ обѣихъ клубныхъ библіотекахъ и, кажется, въ городской читальнѣ. Если хочешь, поищи, найди, возьми домой и почитай вслухъ всѣмъ твоимъ. Главное дѣйствующее лицо у меня называется Егорушкой, а дѣйствіе происходитъ на югѣ, недалеко отъ Таганрога. Повѣсть еще не напечатана, но уже въ Питерѣ надѣлала не мало шуму. Разговоровъ о ней въ столицахъ будетъ много.

«Сѣверный Вѣстникъ» толстый журналъ; онъ выходитъ книгами.

19 февраля въ Москвѣ идетъ моя новая пьеса, но маленькая, въ одномъ дѣйствіи [2]).

Семья хочетъ жить на югѣ и я уже писалъ въ Славянскъ, чтобы тамъ поискали для насъ усадьбу. Если услышишь, что гдѣ-нибудь на югѣ отдается въ наймы усадьба съ рѣкой и тѣнью (не дороже 200 руб. за лѣто), то напиши мнѣ. Главное условіе: рѣка, тѣнь и близость почтоваго отдѣленія. Я раннею весной опять поѣду странствовать.

---

[1]) «Степь».

[2]) «Трагикъ по неволѣ»

Если въ Таганрогѣ нигдѣ не найдешь Сѣвернаго Вѣстника, то напиши мнѣ.

Уже февраль; писалъ ли дядя въ Новое Время (т.-е. въ магазинъ Суворина), чтобы ему выслали разсчетъ? Уже пора.

Поклонись дядѣ, тетѣ, сестренкамъ и Иринушкѣ. Володѣ желаю всякихъ успѣховъ и здоровья. Думается мнѣ, что въ духовномъ училищѣ плохо кормятъ. Пиши мнѣ и попроси дядю, чтобы онъ подарилъ хоть одной строчкой уважающаго и преданнаго

А. Чехова.

XVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ Подлинника).

10 Февраля! (1888 г., Москва).

Милый Францъ Осиповичъ!

Посылаю Вамъ свой долгъ съ извиненіемъ, что такъ долго не возвращалъ его. Въ медлительности виноватъ не я, а человѣчество, которое не платитъ долговъ за своихъ геніевъ. Теперь я почти богатъ. Вчера получилъ 500 рублей задатку за повѣсть, которая будетъ помѣщена въ мартовской книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника. Если Вы не прочтете этой повѣсти, то не много потеряете.

Извините также за то, что я злюсь на Васъ, какъ Пастеровскій кроликъ. Вы меня совсѣмъ забыли. Вы сердитесь?

Вѣроятно—да, потому что не были у меня уже 19 мѣсяцевъ, хотя обѣщали побывать вмѣстѣ съ Натальей

Тимофеевной [1]). Каждый вечеръ я дома. Будьте здоровы и счастливы. Кланяйтесь Дервизу [2]) и напомните ему, что я не прочь былъ бы взять у него взаймы $^1/_2$ милліона. Очень просто!

Antoine Чеховъ.

XVII.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

15 Февраля (1888 г. Москва).

Баринъ!!

На Ваше милостивое письмо постараюсь отвѣтить дипломатически неопредѣленно и сухо, ибо точный и категорическій отвѣтъ на Ваши милостивые запросы считаю преждевременнымъ.

1) На счетъ поѣздки въ Бабкино на масляной недѣлѣ вся моя шайка разбойниковъ рѣшила такъ: ѣхать! Но такъ какъ до вождѣленнаго дня осталось еще двѣ недѣли, а за двѣ недѣли можетъ много воды уйти въ море, то положительно не отвѣтитъ Вамъ даже такой легкомысленный человѣкъ, какъ Финикъ. Весьма вѣроятно, что къ 1 марта я буду въ Питерѣ. Это такъ возможно, что о блинахъ я даже и не мечтаю.

2) На счетъ дачи. Все мое семейство просится на югъ. Для насъ уже въ пяти мѣстахъ ищется дача: въ Славянскѣ, въ Сумэхъ, на Азовскомъ морѣ и проч. Очень возможно, что наши поиски увѣнчаются полнѣйшимъ неуспѣхомъ и срамомъ и мы останемся на сѣверѣ — въ

---

[1]) Супруга адресата.

[2]) Московскій капиталистъ, одинъ изъ главныхъ акціонеровъ Моск.-Каз. жел. дороги.

этомъ я почти увѣренъ —, но ужъ одно сіе колебаніе не даетъ намъ права разсчитывать на Бабкино. Я весною буду путешествовать и для меня безразлично, гдѣ будетъ жить семья; на югѣ мила только весна, а лѣто я охотнѣе провелъ бы въ Бабкинѣ. Ма — Па и Финикъ [1]) замѣтно тяготѣютъ къ Бабкину. Но мать и батька, какъ дѣти, мечтаютъ о своей Хохландіи. Отецъ ударился въ лирику и категорически заявляетъ, что ему въ виду его преклонныхъ лѣтъ хотѣлось бы «проститься» съ родными мѣстами...

Ваша картина уже готова.

Въ пятницу идетъ моя паршивенькая пьеска въ одномъ актѣ; «Ивановъ» гуляетъ по Руси и собираетъ дѣтишкамъ на молочишко..

Вчера былъ у меня Короленко. Слезно проситъ жить это лѣто на Волгѣ.

Моя повѣсть, посланная для мартовской книжки «Сѣвернаго Вѣстника», имѣетъ успѣхъ. Получаю захлебывающіяся письма.

Не увидимся ли мы съ Вами въ скоромъ времени? Нужно бы..

Если Бергъ возьметъ повѣсть Маріи Владиміровны [2]), то примите къ свѣдѣнію, что въ Питерѣ всѣ дамы — беллетристки берутъ по 125 р. за листъ. У Берга теперь есть деньги. Онъ платитъ недурно и, приглашая меня, безъ длинныхъ разговоровъ согласился платить мнѣ 100 руб. за каждый маленькій (хотя бы въ сто строкъ) разсказъ.

Ну, будьте здоровы. Поклоны всѣмъ бабкинцамъ! Скоро прилетятъ грачи и скворцы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Сестра Марія Павловна и братъ Мих. Павл.

[2]) Супруга адресата.

XVIII.

И. Л. Щеглову. [1])

(По копіи, доставленной адресатомъ).

(Москва. 1888 г. февр.).

Отвѣчаю на ваше письмо, храбрый капитанъ. До поѣздки на югъ, или на Волгу (у меня два проекта) я непремѣнно долженъ быть въ Питерѣ. Пріѣду вѣроятно въ началѣ в. поста.

Теперь насчетъ сниматься. Короленко будетъ въ Петербургѣ не раньше апрѣля, а меня въ апрѣлѣ и съ собаками не сыщете. Если моя физіомордія непремѣнно нужна, то ужъ я не знаю какъ быть. Поговоримъ объ этомъ при свиданіи; пока могу предложить только два выхода изъ безвыходнаго положенія: отложить сниманіе до осени, или же сняться не группой, а медальонами: [2])

Послѣднее удобнѣе, ибо пріѣздъ не обязателенъ, а снять портретъ можно съ карточки, которую вышлемъ и Короленко и я. Не забудьте написать мнѣ: кто будетъ сниматься? Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Фофановъ, Ясинскій, Гаршинъ, Короленко, Чеховъ... еще кто?

Простите за самоуправство. Попавъ вчера въ компанію «Русскихъ Вѣдомостей», я, не заручившись позволеніемъ, сосваталъ Васъ и Баранцевича съ музою «Русскихъ Вѣдомостей». Очень рады будутъ если Вы согласитесь работать въ этой честно-сухой газетѣ; но

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ I-мъ томѣ (стр. 265, CXXXIX).

[2]) Въ подлинникѣ рисунокъ медальоновъ.

соблюденіи кое-какихъ формальностей мнѣ будетъ прислано редакціей письмо, въ которомъ меня попросятъ пригласить Васъ... Платятъ хорошо (не меньше 10 к. и аккуратно).

Откуда Вы знаете, что моя повѣсть — великолѣпна? Говори «гопъ», когда перескочишь... Не критикуйте, не читая.

Будьте здоровы. Короленко говоритъ, что побываетъ у Васъ.

Погода хорошая. Черезъ 1 — 2 недѣли прилетаютъ грачи, а черезъ 2 — 3 скворцы. Понимаете ли Вы, капитанъ, что это значитъ?

Votre à tous

А. Чеховъ.

XIX.

Ему-же.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

22 февр. (1888 г. Москва).

Милый капитанъ! Я прочиталъ всѣ Ваши книги, которыя до сихъ поръ читывалъ только урывками. Если хотите моей критики, то вотъ она. Прежде всего мнѣ кажется, что Васъ нельзя сравнивать ни съ Гоголемъ, ни съ Толстымъ, ни съ Достоевскимъ, какъ это дѣлаютъ всѣ Ваши рецензенты. Вы писака sui generis и самостоятельны, какъ орелъ въ поднебесьи. Если сравненія необходимы, то я скорѣе всего сравнилъ бы Васъ съ Помяловскимъ постольку, поскольку онъ и Вы—мѣщанскіе писатели. Называю Васъ мѣщанскимъ не потому, что во всѣхъ Вашихъ книгахъ сквозитъ чисто мѣщанская ненависть къ адъютантамъ и журфиксным людямъ, а потому, что Вы, какъ и Помяловскій, тяго-

тѣете къ идеализаціи сѣренькой мѣщанской среды и ея счастья. Вкусные кабачки у Цыпочки, любовь Горича къ Настѣ, солдатская газета, превосходно схваченный разговорный языкъ названной среды, потомъ замѣтное напряженіе и субъективность въ описаніи журфикса у «ma tante» — все это, вмѣстѣ взятое, поддерживаетъ мое положеніе о вашемъ мѣщанствѣ.

Если хотите, то я пожалуй сравнилъ бы Васъ еще и съ Додэ. Ваши милые, хорошіе «лошадники» тронуты слегка, но пока они попадались мнѣ на глаза, мнѣ все казалось, что я читаю Додэ.

Вообще надо быть осторожнымъ въ сравненіяхъ, которыя какъ бы они ни были невинны, всегда невольно вызываютъ подозрѣнія и обвиненія въ подражаніи и поддѣлкѣ. Вы ради Создателя не вѣрьте вашимъ прокурорамъ и продолжайте работать такъ, какъ деселѣ работали. И языкъ и манера, и характеры, и длинныя описанія и мелкія картинки—все это у васъ свое собственное, оргинальное и хорошее.

Лучшее изъ вашихъ дѣтищъ—это «Гордіевъ узелъ». Это трудъ капитальный. Какая масса лицъ и какое изобиліе положеній!

Номерная жизнь, Щураки, Голощапова съ опухшимъ отъ пива рыломъ, дождь, Лелька, ея б . . . . . сонъ Горича, особливо описаніе маскарада въ клубѣ— все это великолѣпно сдѣлано. Въ этомъ романѣ Вы не плотникъ, а токарь.

За «Узломъ» по достоинству слѣдуетъ «Поспѣловъ». Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повѣстушкѣ чувствуется тургеневскій пошибъ и я не знаю, почему это критики прозѣвали и не обвинили Васъ въ подражаніи Тургеневу, Поспѣловъ трогателенъ; онъ идейный человѣкъ и герой. Но къ сожалѣнію Вы субъективны до чортиковъ. Вамъ не слѣдовало бы описывать

себя. Право было бы лучше, если бы Вы подсунули ему на дорогѣ женщину и свои чувства вложили въ нее...

«Идиллію» я ставлю въ концѣ всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конецъ прекрасны, строго и умѣло выдержаны, въ серединѣ же чувствуется большая распущенность. Начать хоть съ того, что всю музыку Вы испортили провинціализмами, которыми усыпана вся середка. «Кабачки», «отчини дверь», «говорить» и проч.—за все это не скажетъ Вамъ спасиба великороссъ... Языкъ щедро попорченъ, Бомбочка часто попадается на глаза, Агишевъ блѣдноватъ... Лучше всего описаніе мазурки!..

Въ общемъ, по прочтеніи всѣхъ Вашихъ книгъ получается весьма опредѣленное впечатлѣніе, сильно говорящее въ пользу Вашей будущности. Теперь, если къ книгамъ прибавить еще Ваши пьесы, Дачнаго мужа, Миньону, Гремучую змѣю; если къ тому же еще принять во вниманіе Вашу «аристократическую медлительность» и наклонность къ кабинетному труду («Русскій мыслитель»), то прійдется остановиться на рѣшеніи, что Вы величина. Вы, не говоря ужъ о талантѣ, разнообразны, какъ актеръ старой школы, играющій одинаково хорошо и въ трагедіи, и въ водевилѣ, и въ опереткѣ, и въ мелодрамѣ. Это разнообразіе, котораго нѣтъ ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни у Ясинскаго, ни даже у Короленко, можетъ служить симптомомъ не распущенности, какъ думаютъ иные критики, а внутренняго богатства. Салютую Вамъ отъ души.

Теперь просьба. Умираетъ отъ чахотки одинъ москов. литераторъ [1]). Ни гроша денегъ. Есть у него богатая сестра, живущая въ Питерѣ. Адресъ ея не-

---

[1]) Н. А. Путята.

извѣстенъ. Не можете ли вы, голубчикъ, узнать въ адресномъ столѣ ея адресъ? Зовутъ ее такъ: жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Мужъ ея Дмитрій Васильевичъ. Жива ли она? Узнайте, будьте отцомъ роднымъ.

Ничего не дѣлаю. Отъ нечего дѣлать написалъ водевиль «Медвѣдь». Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1888 г. Москва).

Что съ Вами, дорогой Алексѣй Николаевичъ? Правда ли, что Вы хвораете? Quod licet bovi, non licet Jovi.. Что къ лицу намъ, нытикамъ и дохленькимъ литераторамъ, то ужъ совсѣмъ не подобаетъ Вамъ, обладателю широкихъ плечъ.. Я. П. Полонскій писалъ мнѣ, что у Васъ бронхитъ и слабость по вечерамъ. Вѣроятно, Вы простудились и, что не подлежитъ сомнѣнію, утомились. Вамъ нужно хотя на мѣсяцъ совлечь съ себя петербургскаго человѣка, махнуть на все рукой и обратиться въ бѣгство. Поѣздка на Волгу — идея хорошая и здоровая. Свѣжій воздухъ, разнообразіе видовъ и отсутствіе стола съ дамскими рукописями помогутъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ Доверовы порошки. Поѣздка обойдется очень дешево, дешевле грибовъ; ѣда на пароходахъ не совсѣмъ плохая; сырость и туманы *) насъ не одолѣютъ, потому что мы будемъ тепло одѣты; къ тому же еще у Васъ всегда подъ рукой будетъ докторъ, хотя и плохой.

*) Ранней весной безъ нихъ не обойтись. Прим. *А. П.*

но безплатный. Серьезно, Вы подумайте и дайте себѣ слово не отказываться отъ задуманной поѣздки. Короленко увѣренъ, что вы поѣдете...

Былъ я у Островскаго. [1]) Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ оттиска моей Степи. Сидѣлъ я у него часа два и къ сожалѣнію я разболтался и говорилъ гораздо больше, чѣмъ онъ, а для меня, согласитесь, его разговоры гораздо полезнѣе, чѣмъ мои собственные.

Посылаемая рукопись принадлежитъ перу московскаго литератора Н. Л. Хлопова, автора нѣсколькихъ пьесъ («На лонѣ природы» и проч.). Это талантливый, хорошій и робкій человѣчекъ, затертый льдами московскаго равнодушія. Ему страстно хочется выскочить и онъ просилъ меня протежировать ему въ Питерѣ. Не найдете ли Вы возможнымъ помѣстить его разсказикъ въ Сѣверномъ Вѣстн.? Разсказъ маленькій, безъ претензій и написанъ достаточно талантливо. Почеркъ безобразный; противно читать, но это не суть важно. Въ случаѣ, если найдете, что разсказъ для С. В. неудобенъ, то будьте добры, вручите его при свиданіи Щеглову, чтобы сей послѣдній передалъ его въ Новое Время Буренину съ просьбой отъ моего имени —не бросать въ корзину, а прочесть..

Жду самыхъ хорошихъ извѣстій о Вашемъ здоровьи. Поправляйтесь и пріѣзжайте въ Москву ѣсть блины.

Вчера смотрѣлъ я Ленскаго-Отелло. Билетъ стоилъ 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля. Постановка хорошая, игра добросовѣстная, но не было главнаго — ревности.

Будьте здоровы.

Весь Вашъ *А. Чеховъ.*

Почтеніе Вашему семейству.

---

[1]) Братъ драматурга.

XXI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

24 Февр. (1888 г. Москва).

Отвѣчаю, добрѣйшій Николай Александровичъ, на Ваше письмо по пунктамъ:

1) Ваше сѣтованіе на то, что я не подаю о себѣ вѣсточки, подлежитъ кассаціи: дней 5 — 6 тому назадъ я послалъ Вамъ письмо.

2) Въ Питерѣ я пробылъ около половины мѣсяца; вернувшись, живу уже въ Москвѣ почти мѣсяцъ и за все это время *ни разу* не видѣлся съ Пальминымъ. Откуда же ему извѣстно, что я истекаю кровью, хандрю и боюсь сойти съ ума? Все это плодъ фантазіи поэта, сильно приправленной винными парами. Кровохарканья, Богъ миловалъ, у меня не было съ самаго Питера *). О хандрѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ я веселъ больше, чѣмъ нужно. Денегъ у меня достаточно, весна скоро, состояніе духа отмѣнное. Работаю много, ибо спѣшу покончить съ работой непремѣнно къ апрѣлю, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ расчитываю выѣхать на югъ. Причинъ, которыя заставили бы меня бояться скораго умопомѣшательства, нѣтъ, ибо водки по цѣлымъ днямъ я не трескаю, спиритизмомъ не занимаюсь, поэта Пальмина не читаю и бездѣлью не предаюсь.

3) Посылаю фотографію, гдѣ я чернѣе и серьезнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Лучшей фотографіи у меня не имѣется. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, а за желаніе имѣть у себя мою рожу — большое merci. Польщенъ.

---

*) Было, но чуть-чуть. *Прим. А. П.*

А. П. Чеховъ въ 1888 г.

4) Въ посланномъ мною письмѣ я просилъ, кромѣ книги еще кума пожарнаго [1]).

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Я купилъ себѣ выигрышный билетъ. 1-го Марта выиграю 75.000.

XXII.

Ему-же.

(Съ подлинника).

26 Февр. (1888 г. Москва).

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Наконецъ то, добрѣйшій Николай Александровичъ, я получилъ отъ Васъ письмо, и не одно письмо, а еще и толстую книжищу въ видѣ преміи, за которую, конечно, искренно благодарю. А ужъ я, признаться, думалъ, что Вы сердитесь и грѣшный человѣкъ не разъ терялся въ догадкахъ и задавалъ себѣ вопросъ: ужъ не замутила ли ясной воды какая-нибудь сплетня, пущенная моими московскими благопріятелями?

Книгу завтра посылаю въ переплетъ.

Если Вы *навѣрное* будете въ Москвѣ не позже первой недѣли поста, то я подожду Васъ и вмѣстѣ съ Вами поѣду въ Питеръ.

Какова погода въ Москвѣ, сказать не умѣю, ибо какъ схимонахъ сижу въ четырехъ стѣнахъ и не показываю носа на улицу.

Отчего у Васъ не работаетъ Щегловъ? Это очень полезный сотрудникъ. Во-вторыхъ: зачѣмъ Вы такъ часто

---

[1]) Пьеса адресата.

стали помѣщать на первой страницѣ голопупіе и голоножіе? Право, публикѣ теперь не до б . . . . . Къ тому же Осколкамъ не слѣдуетъ сбиваться съ разъ заведенной программы.

Грузинскій замѣтно улучшается. Ежовъ становится хорошимъ въ стихахъ. Оба что-то замолчали про семгу.

Будьте здоровы. Поклонъ Вашему семейству.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

6 Марта (1888 г. Москва).

Сегодня, дорогой Алексѣй Николаевичъ, я прочелъ 2 критики, касающіяся моей Степи: фельетонъ Буренина и письмо П. Н. Островскаго. Послѣднее въ высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплаго участія, составляющаго сущность его и цѣль, оно имѣетъ много достоинствъ, даже чисто внѣшнихъ: 1) оно, если смотрѣть на него, какъ на критическую статейку, написано съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой, какъ хорошій, дѣльный рапортъ; въ немъ я не нашелъ ни одного жалкаго слова, чѣмъ оно рѣзко отличается отъ обычныхъ критическихъ фельетоновъ, всегда поросшихъ предисловіями и жалкими словами, какъ заброшенный прудъ водорослями. 2) оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочетъ человѣкъ. 3) оно свободно отъ мудрствованій объ атавизмѣ, пакибытіи и проч., просто и холодно трактуетъ объ элементарныхъ вещахъ, какъ хорошій учебникъ, старается быть точнымъ и т. д., и т. д. — всего не сочтешь.. Я про-

челъ письмо П. Н. три раза и жалѣю теперь, что онъ прячется отъ публики.

Среди журнальныхъ работниковъ онъ былъ бы очень не лишнимъ. Важно не то, что у него есть опредѣленные взгляды, убѣжденія, міровоззрѣнія — все это въ данную минуту есть у каждаго человѣка —, но важно, что онъ обладаетъ *методомъ*; для аналитика, будь онъ ученый или критикъ, методъ составляетъ половину таланта.

Завтра я поѣду къ П. Н. и предложу ему одну штуку. Я напомню ему двѣнадцатый годъ и партизанскую войну, когда бить француза могъ всякій желающій, не надѣвая военнаго мундира; быть-можетъ, ему понравится моя мысль, что въ наше время, когда литература попала въ плѣнъ двунадесяти тысячъ лжеученій, партизанская, иррегулярная критика была бы далеко не лишней. Не захочетъ ли онъ, минуя журналы и газеты, выскочить изъ засады и налетѣть наскокомъ, по казацки? Это вполнѣ исполнимо, если вспомнить о брошюрочномъ способѣ. Брошюра теперь въ модѣ; она и не дорога и легко читается. Попы это поняли и ежедневно бомбардируютъ публику своими фарисейскими отрыжками. П. Н. въ убыткѣ не будетъ.

Теперь — какъ Ваше здоровье? Выходите ли Вы на воздухъ? Если судить по критикѣ Буренина о Мережковскомъ, то у Васъ теперь 15 — 20° мороза.. Холодно чертовски, а вѣдь бѣдныя птицы уже летятъ въ Россію! Ихъ гонятъ тоска по родинѣ и любовь къ отечеству: если бы поэты знали, сколько милліоновъ птицъ дѣлаются жертвою тоски и любви къ роднымъ мѣстамъ, сколько ихъ мерзнетъ на пути, сколько мукъ претерпѣваютъ онѣ въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, прибывъ на родину, то давно бы воспѣли ихъ... Войдите Вы въ положеніе коростеля, который всю дорогу не летитъ, а идетъ пѣшкомъ, или дикаго гуся, отдающагося живьемъ въ руки

человѣка, чтобы только не замерзнуть.. Тяжело жить на этомъ свѣтѣ!

Я пріѣду въ Питеръ въ началѣ поста, черезъ 2 — 3 дня послѣ того, какъ получу изъ С. В. гонораръ. Если во вторникъ Вы будете въ редакціи, то, проходя мимо конторщицы, напомните ей о моемъ существованіи и безденежьи.

Весь февраль я не напечаталъ ни одной строки, а потому чувствую большой кавардакъ въ своемъ бюджетѣ.

Надѣюсь, что Вы не забыли про Волгу.

Будьте здоровы; желаю Вамъ хорошаго аппетита, хорошаго сна и побольше денегъ.

До свиданья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

7 Марта (1888 г. Москва).

Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ. Я жду Васъ въ четвергъ. Въ $12^1/_2$ часовъ я приготовлю завтракъ, каковой и приглашаю Васъ раздѣлить со мной. Отъ меня поѣдемъ, куда нужно. А главное потолкуемъ.

У меня есть фракъ, но нѣтъ охоты и умѣнья читать. Я не въ состояніи одной минуты почитать вслухъ, тѣмъ паче публично: сохнетъ горло и кружится голова. Итакъ — читать *я не буду.* Прошу прощенія у Васъ и у В. В. Комарова и увѣренъ, что Вы не будете въ претензіи, тѣмъ болѣе, что мое отсутствіе не испортитъ вечера.

Пахнетъ кислой капустой и покаяніемъ.

Грузинскій въ Москвѣ. Я скажу ему, чтобы онъ былъ у меня въ четвергъ къ 12 часамъ. Онъ будетъ радъ познакомиться съ Вами.

Почтеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. До свиданья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXV.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(СПБ., 1888 г. 15 марта.)

Пишу сіе въ редакціи Нов. Времени. Только что вошелъ Лѣсковъ. Если онъ не помѣшаетъ, то письмо будетъ кончено.

Доѣхалъ я благополучно, но ѣхалъ скверно, благодаря болтливому Л.... Онъ мѣшалъ мнѣ читать, ѣсть, спать... Все время с.... хвасталъ и приставалъ съ вопросами. Только что начинаю засыпать, какъ онъ трогаетъ меня за ногу и спрашиваетъ:

— А вы знаете, что моя «Христова Невѣста» переведена на итальянскій языкъ?

Остановился я въ «Москвѣ», но сегодня переѣзжаю въ редакцію Новаго Времени, гдѣ m-me С. предоставила мнѣ 2 комнаты съ роялью и съ кушеткой въ турнюрѣ. Поселяюсь у С. — это стѣснитъ меня не мало. Сухари отданы Александру. Семья его здорова, сыта, одѣта чисто. Онъ не пьетъ абсолютно, чѣмъ не мало удивилъ меня.

Идетъ снѣгъ. Холодно. Куда ни прійду, всюду говорятъ о моей «Степи». Былъ у Плещеева, Щеглова и пр., а вечеромъ ѣду къ Полонскому.

Я перѣхалъ на новую фатеру. Рояль, фисъ-гармонія, кушетка въ турнюрѣ, лакей В., кровать, каминъ, шикарный письменный столъ — это мои удобства. Что касается неудобствъ, то ихъ не перечтешь. Начать хоть съ того, что я лишенъ возможности явиться домой въ подпитіи и съ компаніей..

До обѣда—длинный разговоръ съ M-me NN о томъ, какъ она ненавидитъ родъ человѣческій, и о томъ, что сегодня она купила какую-то кофточку за 120 р.

За обѣдомъ разговоръ о мигреци, при чемъ дѣтишки не отрываютъ отъ меня глазъ и ждутъ, что я скажу что-нибудь необыкновенно умное. А по ихъ мнѣнію, я геніаленъ, такъ какъ написалъ повѣсть о Каштанкѣ. У С. одна собака называется Ѳедоромъ Тимофеичемъ, другая теткой, третья Иваномъ Иванычемъ [1]).

Отъ обѣда до чая хожденіе изъ угла въ уголъ въ суворинскомъ кабинетѣ и философія.

Чай. За чаемъ разговоръ о медицинѣ. Наконецъ я свободенъ, сижу въ своемъ кабинетѣ и не слышу голосовъ. Завтра убѣгаю на цѣлый день: буду у Плещеева, въ Сабашниковскомъ [2]) Вѣстникѣ, у Полонскаго, у Палкина и вернусь поздно ночью безъ заднихъ ногъ. Кстати: у меня особый с . . . и особый выходъ—безъ этого хоть ложись да умирай. Мой В. одѣтъ приличнѣе меня, имѣетъ благородную физіономію и мнѣ какъ-то странно, что онъ ходитъ возлѣ меня благоговѣйно на цыпочкахъ и старается предугадать мои желанія.

Вообще неудобно быть литераторомъ.

Хочется спать, а мои хозяева ложатся въ 3 часа. Здѣсь не ужинаютъ, а къ Палкину идти лѣнь.

Честь имѣю кланяться. Поклонъ всѣмъ.

Votre à tous *А. Чеховъ.*

---

[1]) По имени персонажей разсказа «Каштанка».

[2]) Сѣверномъ.

Писать лѣнь, да и мѣшаютъ.

Ночь. Слышенъ стукъ билліардныхъ шаровъ: это играютъ Г. и мой В. Подойдя къ своей постели, я нахожу стаканъ молока и кусокъ хлѣба; голоденъ. Ложусь и читаю отрывной календарь «Стрекозы».

Вотъ и все умное и великое, что успѣлъ я совершить по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ.

XXVI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Мартабря, (1888 г. Москва).

О. Архимандритъ! Посылаю Вамъ черезъ поручика Плещеева кипу моихъ проповѣдей и поученій для второй книги [1]), каковую благоволите благословить печатать тотчасъ же по полученіи кипы. Названіе книги: М..... жизни, или подъ Ж... палкой. Другого названія пока еще не придумалъ. Разсказы должны быть расположены въ такомъ порядкѣ:

1) Счастье.
2) Тифъ.
3) Ванька.
4) Свирѣль.
5) Перекати - поле.
6) Задача.
7) Степь.
8) Поцѣлуй.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ изданіи Суворинымъ второй книги А. П-ча «Разсказы».

Книга должна содержать въ себѣ не менѣе 20 листовъ. Если присланнаго не хватитъ, то пусть Неупокоевъ, [1]) упокой Господи его душу, дастъ тебѣ знать, дабы я могъ поспѣшить высылкой новаго матеріала.

«Счастье» помѣщено въ 4046 №. Если утеряешь посылаемый 4046 №, то запомни сію цифру. Подъ заглавіемъ «Счастье» надо будетъ написать: «Посвящ. Я. П. Полонскому» — долгъ платежемъ красенъ: онъ посвятилъ мнѣ стихотвореніе. Остальныхъ моихъ распоряженій жди.

Разсчетъ за Сумерки сдѣлай послѣ 15 Апрѣля. Изъ полученныхъ денегъ ты обязуешься взять себѣ пропорцію, какъ мы уговорились, иначе ты хамъ и мерзавецъ. Магазинъ долженъ намъ за оставшіеся 445 экз. 311 р. 50 к. Значитъ, тебѣ третья часть.

Надѣюсь, что второе изданіе Сумерекъ уже печатается.

Кланяйся Суворинымъ. Недѣля, прожитая у нихъ, промелькнула, какъ единый мигъ, про который устами Пушкина могу сказать: «Я помню чудное мгновенье».. Въ одну недѣлю было пережито: и ландо, и философія, и романсы Павловской, и путешествія ночью въ типографію, и Колоколъ, и шампанское...

Сейчасъ вернулся съ практики: лѣчилъ у графини Келлеръ... няньку и получилъ 3 руб. Имѣлъ счастье бесѣдовать съ ея сіятельствомъ.

Въ Москвѣ скучища. Всѣ здоровы. Мать, тетка и сестра ждутъ Анну Ивановну съ цуцыками.

Поклонъ Буренину, Маслову и проч.

Votre à tous

А. Чеховъ.

---

[1]) Служащій въ типографіи Суворина.

XXVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника)

25 Мартъ. (1888 г. Москва).

Прежде всего, многоуважаемая Марія Владиміровна, поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Ангела. Да хранитъ Васъ Богъ на многія лѣта! Желаю Вамъ прожить еще 87 лѣтъ и еще 87 разъ наблюдать прилетъ скворцовъ и жаворонковъ, въ которыхъ Вы теперь влюблены.

Читалъ я Ваше письмо къ Мишѣ [1]) и въ отвѣтъ на Ваше желаніе имѣть оттискъ моей «Степи» посылаю Вамъ обѣщаніе преподнести Вамъ въ недалекомъ будущемъ мою новую книжку, въ которой будетъ помѣщена эта Степь.

На дняхъ я вернулся изъ Питера. Купался тамъ въ славѣ и нюхалъ фиміамы. Жилъ я у С., привыкъ къ его семьѣ и весною ѣду къ нему къ Крымъ. На правахъ великаго писателя я все время въ Питерѣ катался въ ландо и пилъ шампанское. Вообще чувствовалъ себя прохвостомъ.

У С. я не былъ, но за то три раза былъ и даже обѣдалъ у редакторши Сѣвернаго Вѣстника Евреиновой, очень милой и умной старой дѣвы, имѣющей степень «доктора правъ» . . . . . .
Вообще въ Питерѣ столько умныхъ дамъ и дѣвъ, что я былъ очень радъ отсутствію возлѣ меня Вашего наблюдающаго ока. Сегодня у меня былъ редакторъ «Родника» Альмедингенъ, офицеръ генеральнаго штаба, племянникъ Вашей медоточивой С.

---

[1]) Братъ А. П.

Будетъ онъ у меня и завтра. Говорили мы съ нимъ о Васъ. Онъ хвалитъ, а я говорю: «Гм..»

Печатается второе изданіе «Въ сумеркахъ».

За первое я получилъ уже деньги. Въ началѣ сего года я заработалъ и прожилъ полторы тысячи рублей. Деньги улетучиваются, какъ черти отъ ладона..

Поклонитесь барину, Василисѣ и Коклюшу, а Елизаветѣ Александровнѣ пожелайте выграть 200 тыс.

Застрѣлите Екатерину Васильевну и Голохвастову.

Когда баринъ [1]) будетъ въ Москвѣ? Давно ужъ мы его не видѣли. Ахъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я пожилъ это время въ Бабкинѣ! До зарѣза хочется весны. При мнѣ въ Питерѣ была чудная погода.

Будьте здоровы и денежны.

Сегодня я лѣчилъ няньку графини Келлеръ и имѣлъ честь бесѣдовать съ ея сіятельствомъ. Получилъ три рубля.

Меня въ Питерѣ почему-то прозвали Потемкинымъ, хотя у меня нѣтъ никакой Екатерины. Очевидно, считаютъ меня временщикомъ у музъ.

Работается плохо. Хочется влюбиться, или жениться, или полетѣть на воздушномъ шарѣ.

Всѣ наши здравствуютъ и собираются на югъ.. Прощайте.

Душевно преданный и нелицемѣрно уважающій

А. Чеховъ.

Барину буду писать особо. Пусть проститъ за молчаніе.

---

[1]) Мужъ адресатки.

XXVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва, 1888 г. мартъ).

Бездѣльникъ!

Сегодня я послалъ для Неупокоева (когда онъ упокоится?) еще текста. Разсказъ «Тина» поставь передъ «Степью», а два прочіе послѣ, но «Поцѣлуй» долженъ быть въ концѣ книги.

Еще разъ напоминаю: разсказъ «Счастье» долженъ быть первымъ и «посвящается Я. П. Полонскому съ костылемъ». Книгу надо будетъ назвать такъ:

Антонъ Чеховъ.

Разсказы

и тутъ же на обложкѣ перечисленіе разсказовъ петитомъ.

Считался ли за Сумерки?

2-е изд. Сумерекъ пора печатать. По крайней мѣрѣ пора объявить объ этомъ въ понедѣльницкомъ анонсѣ.

На задней сторонѣ обложки должны быть объявленія о моихъ книгахъ: «Пестрыхъ разсказахъ», «Сумеркахъ» и «Разсказахъ».

Это, братъ, тебѣ не Англія!

Получилъ отъ старичины [1]) длинное письмо и сопричислилъ его къ автографамъ.

Денегъ нѣтъ и нѣтъ. Писать разучился. Хочу поступить въ аптеку.

---

[1]) А. С. Суворинъ.

Если тебѣ кажется, что я затрудняю тебя своими изданіями, то напиши мнѣ.

Если увидишь Михаила Суворина, то передай ему, что моихъ книгъ нѣтъ *ни на одной* станціи. Этакъ много не поторгуешь.

Графъ Платовъ.

XXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

29 Марта (1888 г. Москва).

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Леухинъ, вѣроятно, уже написалъ Вамъ, что Ваши книги у него проданы и что онъ ждетъ только приказа: кому и куда послать деньги?

«Милой женщинѣ» книги уже вручены и росписка ея Вамъ посылается. Миша говоритъ, что, принимая отъ него книги, она сердилась.

Ну, какъ Ваше здравіе? Если хорошо, то я очень радъ; если плохо т.-е. если лихорадка все еще продолжается, то не ограничивайтесь одной только баней, а обратитесь къ медицинѣ, матери всѣхъ наукъ.

Я нашелъ себѣ дачу и вчера послалъ задатокъ. Городъ Сумы, Харьк. губ., на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), недалеко отъ Полтавы. Я нанялъ флигель въ усадьбѣ, за 100 руб. въ лѣто; флигель съ трехъ сторонъ окруженъ садомъ; близки прудъ и рѣка. Буду все лѣто кружиться по Украйнѣ и на манеръ Ноздрева ѣздить по ярмаркамъ.

Я писалъ Грузинскому о Петерб. Газетѣ. Онъ благодарилъ меня, хотя я тутъ ни причемъ и написалъ ему

ясно, что протежируете ему Вы, а не я. Писалъ ли онъ Вамъ о своемъ согласіи?

Разсказъ брата я читалъ въ Новомъ Времени. Мертвая старуха не такъ страшна. Разсказъ мѣстами юмористиченъ, и я думаю, что Оск—и не стали бы мрачнѣе отъ того, что помѣстили бы его, тѣмъ болѣе, что разсказъ не плохъ. Впрочемъ, не мое это дѣло; Вамъ виднѣй.

Вернувшись изъ Питера, я засталъ въ Москвѣ ледоходъ и наводненіе. Очень красиво. До 28-го стояли теплые, ясные дни, а сегодня жаритъ дождь.

Семья моя Вамъ кланяется. Будьте здоровы и въ свою очередь поклонитесь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Въ комнатѣ у меня сумеречно отъ дождя; не видно на бумагѣ линеекъ, а потому пишу криво. Совѣтуйте Билибину взять лѣтомъ отпускъ и отдохнуть, а то онъ хирѣетъ и старѣетъ не по днямъ, а по часамъ.

Прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

31 марта (1888 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ! На дворѣ идетъ дождь, въ комнатѣ у меня сумеречно, на душѣ грустно, работать лѣнь — вообще я выбился изъ колеи и чувствую себя не въ своей тарелкѣ. Но тѣмъ не менѣе это письмо не должно быть грустнымъ. Пока я пишу его, меня волнуетъ веселая мысль, что черезъ 30 — 35 дней я буду уже далеко отъ Москвы. Я уже нанялъ себѣ дачу въ

усадьбѣ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), въ Сумскомъ уѣздѣ, не далече отъ Полтавы и тѣхъ маленькихъ, уютныхъ и грязненькихъ городовъ, въ которыхъ свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Иванычъ съ Иванъ Никиф. Третьяго дня я послалъ задатокъ. Пселъ рѣка глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кромѣ него на моей дачѣ имѣется еще прудъ съ карасями, отдѣленный отъ рѣки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садомъ. Кругомъ лѣса. Изобиліе барышень.

Вы такъ нерѣшительно говорили о Волгѣ, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что путешествіе наше не состоится. Если Вы не поѣдете на Волгу, то пріѣзжайте ко мнѣ на Пселъ! Отъ Москвы туда сутки ѣзды и III классъ стоитъ 10 р. 30 коп. Мѣсто, увѣряю Васъ, восхитительное. Тамъ

Все тихо... тополи надъ спящими водами,
Какъ призраки стоятъ луной озарены.....
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки..

Даю Вамъ честное слово, что мы не будемъ дѣлать *ничего*, окунемся въ бездѣлье, которое для Васъ такъ здорово. Мы будемъ ѣсть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и больше ничего.. Отъ такого режима Вы убавите себѣ животъ, загорѣете, повеселѣете и переживете время, когда

И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпенѣны...

Вся моя команда будетъ состоять всплошную изъ молодежи, а гдѣ молодежь, тамъ Ваше присутствіе, что Вы уже не разъ испытали, имѣетъ свою особую прелесть.

Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдого старика...

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня — вообще, когда хотите — укладывайте чемоданъ, берите денегъ только на проѣздъ, запасайтесь сигарами, которыхъ Вы на югѣ, пожалуй, не найдете, прощайтесь съ Меланхолической Мандолиной [1]) на цѣлый мѣсяцъ и

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья..

Привозите съ собой Щеглова. Вашъ сынъ Н. А. тоже обѣщалъ пріѣхать и, конечно, не пріѣдетъ, такъ какъ его не пуститъ служба.

Какъ и куда ѣхать, я напишу Вамъ въ маѣ.

Пишу повѣстушку для С. Вѣстн. и чувствую, что она хромаетъ. Читалъ сегодня Аристархова въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Какое лакейство передъ именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дѣло касается начинающихъ! Всѣ эти критики и подхалимы и трусы: они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся въ какой-то жалкой, сѣрой серединѣ. А главное не вѣрятъ себѣ.. «Живыя цифры»—вздоръ, который трудно читать и понимать. Аристарх. съ трудомъ читалъ и не понималъ, но развѣ у него хватитъ мужества признаться въ этомъ? Моя Степь утомила его, но развѣ онъ сознается въ этомъ, если другіе кричатъ :«талантъ! талантъ!»?

Впрочемъ, ну ихъ къ лѣшему!

Передайте Николаю Алексѣевичу [2]), что я видѣлся съ И. М. Кондратьевымъ (агентомъ драм. общ.) и что сей послѣдній выслалъ гонораръ Александру Алекс. [3])26-го марта, какъ обѣщалъ; гонораръ высланъ весь, безъ вычетовъ.

Ну, будьте здоровы. Поклонитесь Вашимъ и А. М. Евреиновой. На дняхъ я получилъ отъ Я. П. Полонскаго душевное письмо. Прощайте.

Вашъ всей душой *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ».
[2], [3]) Сыновья адресата.

XXXI.

Ему же.

(Съ подлинника).

(31. Мартъ. 1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Едва успѣлъ послать Вамъ сегодня письмо, какъ въ догонку пишу и посылаю другое. Сейчасъ у меня былъ Вашъ А. А. [1]) съ письмомъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Пора какимъ бы то ни было образомъ прекратить безобразіе, предусмотрѣнное уложеніемъ о наказаніяхъ. Я говорю объ оскорбленіи могилъ, практикуемомъ такъ часто литературными альфонсиками и маркерами въ родѣ г. Л. Недостаетъ еще, чтобы на могилахъ писателей говорили рѣчи театральные барышники и трактирные половые! Меня покоробило, когда въ телеграммѣ изъ Петербурга о похоронахъ я прочелъ, что рѣчь говорилъ между прочимъ и «писатель Л.». Что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба?

Что касается отсутствія на похоронахъ представителя Новаго Времени, то въ этомъ я не вижу злого умысла. Я убѣжденъ, что смерть Гаршина произвела на Суворина гнетущее впечатлѣніе. Не были же нововременцы по простой причинѣ: они спятъ до двухъ часовъ дня. На счетъ слезъ, которые прольются на могилу Жителя [2]), Вы тоже заблуждаетесь.

Вчера я послалъ Баранцевичу согласіе участвовать въ его сборникѣ «Памяти Гаршина». Ваше приглашеніе пришло поздно. Какъ мнѣ быть? Передайте Аннѣ Михайловнѣ [3]), что я всей душой сочувствую идеѣ и цѣли

---

[1]) Сынъ адресата.
[2]) Сотрудникъ «Новаго Времени», Дьяковъ.
[3]) Г-жа Евреинова — издательница «Сѣвернаго Вѣстника».

сборника и благодарю за приглашеніе, но не знаю, какъ мнѣ быть съ Баранцевичемъ. Вернуть согласіе нельзя.

А. А. говорилъ мнѣ, что проѣздомъ въ Крымъ Вы побываете въ Москвѣ. Это очень пріятно. Мы съ Вами покутимъ и поговоримъ подробно объ Украйнѣ, о Михайловскомъ и проч.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ всѣмъ Вашимъ, Аннѣ Михайловнѣ и Маріи Дмитріевнѣ.

Два раза былъ я у Гаршина и въ оба раза не засталъ. Видѣлъ только одну лѣстницу...

Къ сожалѣнію я вовсе не зналъ этого человѣка.

Мнѣ приходилось говорить съ нимъ только одинъ разъ, да и то мелькомъ.

XXXII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

(1 апр. 1888 г. Москва).

Милый Георгій! Спасибо тебѣ, дружище, за хлопоты и безпокойство; къ сожалѣнію мы теперь не можемъ воспользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. Я уже нашелъ дачу въ помѣщицкой усадьбѣ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра) близъ города Сумъ Харьков. губ., не далеко отъ Полтавы, съ рѣкой, съ садомъ, съ лѣсами, съ мебелью и даже съ посудой. Покровская неудобна во многихъ отношеніяхъ: главное въ ней скучно, лѣсъ далеко отъ деревни и многолюдно. Карантинъ [1]) стоитъ на припекѣ и бѣденъ растительностью, дачи неудобныя, все дорого,

[1]) Дачное мѣсто подъ Таганрогомъ.

помѣщенія малы и, что очень неудобно, нужно каждый день быть хорошо одѣтымъ, а Маша и мама не любятъ щеголять лѣтомъ. Да и лѣчить некого въ Карантинѣ.

Въ своихъ поискахъ дачи я имѣлъ единственною цѣлью — доставить удовольствіе моей мамашѣ, отцу, сестрѣ, вообще всей семьѣ, которая замѣтно тоскуетъ по югѣ. Я старался найти такое мѣсто, гдѣ удобства жизни, необходимыя для стариковъ, были бы на первомъ планѣ: покой, тишина, близость церкви, изобиліе тѣни и проч. И чтобы рядомъ съ этимъ и молодежь не оставалась при пиковомъ интересѣ. А для молодежи нужны красивая природа, изобиліе воды, лѣсъ и проч., для меня же лично кромѣ того необходимы близость почты и люди, которыхъ бы я могъ на досугѣ лѣчить.

Мѣсто, нанятое нами, удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ и, если вѣрить тѣмъ, которые видѣли его, оно по красотѣ природы можетъ быть названо замѣчательнымъ.

Нашъ караванъ двинется на югъ въ началѣ мая. Я въ концѣ мая ѣду въ Крымъ, въ усадьбу Суворина, оттуда моремъ на Кавказъ, изъ Кавказа назадъ въ Сумы; проѣздомъ буду, вѣроятно, въ Таганрогѣ.

Твой дядя Павелъ Егоров. [1]) пріѣдетъ къ намъ на дачу къ 29 іюня и пробудетъ около 2 — 3 недѣль. Онъ поѣдетъ отъ насъ въ Кіевъ. Проѣхать отъ нашей дачи до Кіева стоитъ 3 руб. Мы почти увѣрены, что въ день Петра и Павла къ намъ изъ Таганрога пріѣдутъ гости. Это не только желательно, но и очень кстати, такъ какъ твой папаша М. Е. не откажетъ себѣ и моему отцу въ удовольствіи совершить совмѣстное путешествіе въ Кіевъ, а оттуда обратно въ Таганрогъ, тоже вмѣстѣ. Объ этомъ мы еще будемъ писать подробно, а просить дядю Митро-

---

[1]) Отецъ А. П.

фана Егоровича и тетю пріѣхать къ намъ пошлемъ въ Таганрогъ нарочитаго депутата (Михалика [1]), который краснорѣчивѣе всѣхъ насъ).

Я недавно вернулся изъ Питера. Жилъ тамъ у Суворина; съ нимъ и съ его семьей я въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Семья почтенная и симпатичная, несмотря на то, что живетъ въ золотѣ. Вообще говоря, моя литературная дѣятельность дала мнѣ въ послѣднее время не мало хорошихъ знакомствъ. Столько приходится видѣть прекрасныхъ людей и семей, что душа радуется.

Пиши намъ побольше. Послѣ перваго мая нашъ адресъ будетъ таковъ: «г. Сумы, Харьк. губ., усадьба Линтваревой, д-ру Чехову».

Нельзя ли тебѣ будетъ взять отпускъ на недѣльку и прикатить къ намъ? Пселъ рѣка рыбная. Поѣхали бы мы вмѣстѣ рыбу ловить.

Поклонись всѣмъ и будь здоровъ. Дядѣ и тетѣ я отъ души желаю всего лучшаго, а дѣвочкамъ скажи, что я очень жалѣю, что не могу провести съ ними Пасху по примѣру прошлаго года.

Спасибо за карточку.

Твой *А. Чеховъ.*

XXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 Апрѣля 88 (Москва).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ! Отъ лучшей бумаги, какъ Вы говорили брату и какъ онъ писалъ мнѣ, моя книжка станетъ дороже почти вдвое. Это было бы ни-

---

[1]) Братъ А. П.

чего, если бы я былъ увѣренъ, что мое изданіе не сядетъ на мель, но такъ какъ этой увѣренности у меня нѣтъ, то приходится взять и сдѣлать по старому т.-е. печатать на дешевой бумагѣ. Это не суть важно. А коли нужно, чтобы книга была потолще, то я пришлю еще текста, котораго у меня куры не клюютъ. Мечты же объ изяществѣ изданія я цѣликомъ перенесу на «Каштанку»; если рисунки будутъ хороши и изданіе изящно, то не жалко будетъ и убытокъ понести.

Благодарю Васъ за Крамского, котораго я теперь читаю. Какая умница! Если бы онъ былъ писателемъ, то писалъ бы непремѣнно длинно, оригинально и искренно, и я жалѣю, что онъ не былъ писателемъ. Наши беллетристы и драматурги любятъ въ своихъ произведеніяхъ изображать художниковъ; теперь, читая Крамского, я вижу, какъ мало и плохо они и публика знаютъ русскаго художника. Я не думаю, чтобы Крамской былъ единственнымъ; вѣроятно, въ мірѣ Рѣпиныхъ и Бакаловичей найдется не мало замѣчательныхъ людей.

Въ изданіи, по моему мнѣнію, въ отдѣлѣ «приложеній» есть пропускъ, который для многихъ покажется существеннымъ: нѣтъ реферата, или вѣрнѣе, доклада о болѣзни и смерти Крамского, читаннаго въ медицинскомъ обществѣ С. П. Боткинымъ.

Спасибо Виктору Петровичу [1]) за фельетонъ о Гаршинѣ. Говорятъ, что Гаршинъ мечталъ объ историческомъ романѣ и, вѣроятно, началъ его. Интересно, что за недѣлю до смерти онъ зналъ, что бросится въ пролетъ лѣстницы, и готовился къ этому концу. Невыносимая жизнь! А лѣстница ужасная. Я ее видѣлъ: темная, грязная..

---

[1]) Буренину.

Изъ писателей послѣдняго времени для меня имѣютъ цѣну только Гаршинъ, Короленко, Щегловъ и Масловъ. Все это очень хорошіе и не узкіе люди. Ясинскій не понятенъ. . . . . .
Альбовъ и Баранцевичъ наблюдаютъ жизнь въ потемкахъ и сырости водосточныхъ трубъ, всѣ же остальные бездарны и сунулись въ литературу только потому, что литература представляетъ собой широкое поприще для подхалимства, легкаго заработка и лѣни.

Передайте моей тещѣ Аннѣ Ивановнѣ, что синяя матерія, которую мы покупали вмѣстѣ у Коровина, понравилась сестрѣ — *очень*. Настѣ и Борѣ поклонъ. Я непремѣнно пріѣду въ Ѳеодосію. Дачу я себѣ нанялъ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), въ усадьбѣ. Изъ Украйны до Крыма близко. Не поручите ли Вы мнѣ купить для Васъ рыболовныхъ снастей? У завзятыхъ рыболововъ есть примѣта: чѣмъ дешевле и хуже снасти, тѣмъ лучше ловится рыба. Я обыкновенно покупаю сырой матеріалъ и ужъ изъ него самъ дѣлаю то, что нужно.

Мои доброжелатели - критики радуются, что я «ушолъ» изъ Нов. Врем. Надо бы поэтому, пока радость ихъ еще не охладилась, возможно скорѣе напечатать что-нибудь въ Нов. Врем. Но нѣтъ силъ писать. Никакъ не покончу съ повѣстушкой (разговоръ съ инженерами въ баракѣ [1]), она связала меня по рукамъ и ногамъ.

Простите, что письмо вышло такъ длинно. и позвольте еще разъ поблагодарить Васъ за гостепріимство и радушіе. Ей-Богу, мнѣ не хотѣлось уѣзжать отъ Васъ. Желаю Вамъ всего хорошаго. Искренно преданный

А. Чеховъ.

---

[1]) «Огни».

XXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

4 Апр. (1888 г. Москва,).

Милый Жанъ и дачный мужъ! Поздравляю Васъ съ благополучнымъ окончаніемъ Вашей книжной торговли, съ весенней хандрой и съ бабушкой. Простите, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо: лѣнь и весна обуяли. Да и ничего не могу написать, что пришлось бы Вамъ по душѣ. Мало веселаго, много скучнаго...

Б. и К⁰ столкнулись носъ къ носу съ Евреиновой и К⁰ въ одномъ и томъ же дѣлѣ (памятникъ Гаршина) и, точно испугавшись конкуренціи, облаяли другъ друга «лже-либералами». Судя по письмамъ той и другой стороны, доброе дѣло оказалось дурнымъ, ибо поссорило порядочныхъ людей. Я незналъ, что Б. такъ нервенъ. Оказывается, что по части нервовъ онъ можетъ дать Вамъ 20 очковъ впередъ. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ написалъ очень много несправедливаго.

Г. говорилъ мнѣ, что Вашъ разсказъ онъ передалъ Соболевскому и «умываетъ руки». Вообще всѣ эти Г. хорошіе люди, но гдѣ касается литературы и литературныхъ порядковъ, то тамъ слѣдовало бы мыть имъ не руки, а хари. Бездарны, сухи и туги, какъ оглоданныя вороны кости.

Если пришлете отзывы о «Степи», то скажу большое спасибо. Высылайте и «завистливо-ругательные». Отзывы «Нов. Вр.», «Пет. Вѣд». и «Бирж. Вѣд.» у меня уже есть.

Пишите мнѣ, капитанъ. Если будете у padre А. Н. [1]), то поклонитесь этому симпатичному старику. Какъ я жалѣю, что книжная коммерція, на которой Вы нажили кукишъ съ масломъ, помѣшала намъ видѣться чаще.

Поклонитесь Вашей женѣ. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

(Потемкинъ).

XXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

4 Апр. (1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Я получилъ Ваше письмо. Очень жаль, что Сѣвер. Вѣстникъ и Б. не пришли къ соглашенію. Два сборника, освященныхъ одной и той же цѣлью и выходящихъ одинъ тремя мѣсяцами раньше другого, составляютъ чувствительное неудобство другъ для друга. Насколько не обманываетъ меня мое грошевое чутье, я почти увѣренъ, что сборникъ, выпущенный вторымъ, успѣха имѣть не будетъ, т.-е. сядетъ на мель. Впрочемъ, можно пуститься на хитрость: объявите теперь, пока впечатлѣніе смерти еще свѣжо, подписку на предполагаемый сборникъ, объявите и объявляйте безъ перерыва до сентября.

Быть можетъ, въ этихъ дѣлахъ я ничего не смыслю. Если такъ, то простите за совѣты.

Теперь объ Украйнѣ. На лошадяхъ Вамъ придется ѣхать только двѣ версты.

---

[1]) А. Н. Плещеева.

Самое лучшее время — май. Самое невеселое — іюнь; самое сытое и разнообразное по наслажденіямъ — іюль. Августъ хорошъ арбузами и дынями. Совѣтую Вамъ ѣхать *въ маѣ*. Мнѣ хочется, чтобы Вы понюхали украинскій сѣнокосъ.

На дачѣ я усажу Васъ подъ надзоръ медицины и убавлю Вамъ Вашъ животъ, который дѣлаетъ одышку. Придумаемъ такой режимъ, который, не требуя съ Вашей стороны никакихъ жертвъ, принесъ бы пользу Вамъ и моей медицинской репутаціи.

Напрасно Михайловскій огласилъ свой уходъ [1]). Прощайте. Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Передайте Короленко, что я жду его. Имѣю сказать ему нѣчто пріятное. Поклонъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получилъ отъ фонда приглашеніе читать на Гаршинскомъ вечерѣ. Отвѣчаю, что не могу выѣхать изъ Москвы по домашнимъ обстоятельствамъ. Откровенно говоря, нѣтъ денегъ на дорогу.

XXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

5 Апр. (1888 г. Москва).

Многоуважаемая Марія Владиміровна!

Сегодня у меня былъ издатель «Русскаго Вѣстника» Бергъ. Я спросилъ его, видѣлъ ли онъ повѣсть г-жи Киселевой. Онъ сказалъ, что *не видѣлъ*, а о г-жѣ Киселевой слышитъ только первый разъ въ жизни. (Ахъ, какая

---

[1]) Изъ «Сѣвернаго Вѣстника».

непопулярная писательница!) Онъ спросилъ меня: талантлива ли г-жа Киселева? Я отвѣтилъ:

— Гм.. Какъ Вамъ сказать? Пожалуй...

Онъ сказалъ: я буду ее имѣть въ виду.

И такъ, повѣсти Вашей онъ не видѣлъ и не читалъ, съ чѣмъ Васъ и поздравляю (не безъ ехидства). Вы наказаны за многократное непослушаніе, что же касается меня, то я не перестану и впредь при всякомъ удобномъ случаѣ говорить: гм..

Въ литературныхъ сферахъ я теперь сила, которая можетъ принести Вамъ много добра, или много зла, смотря по тому, какъ Вы будете вести себя по отношенію къ моей геніальности. Если не будете угощать меня наливкой, восхвалять мой талантъ и будете позволять Вашимъ большимъ глазамъ шпіонить за мной, то я уроню Васъ во мнѣніи всей Европы и не позволю Вамъ напечатать ни одной строки..

Что касается размѣра Вашей повѣсти, т.-е. *девяти* листовъ, то, правда, такое половодье составляетъ для журнала и для автора чувствительное неудобство. Не найдете ли Вы возможнымъ сократить Ваше дѣтище (не крещеное) до 5 — 6 листовъ? Дѣло въ томъ, что большія повѣсти долго ждутъ очереди, а маленькія подобны городничему, который найдетъ себѣ мѣсто въ церкви даже когда негдѣ яблоку упасть. Вѣдь 9 листовъ прійдется дробить на 3 номера! Въ одномъ номерѣ авторъ можетъ располагать maximum тремя листами. Правда, въ моей «Степи» шесть листовъ, но вѣдь для Чеховыхъ и Шекспировъ законъ не писанъ, особливо если Шекспиръ, или Чеховъ беретъ редакторшу за горло и говоритъ:

— Печатай, Ма — Сте, всѣ шесть листовъ, а то получишь кукишъ съ масломъ!

Вы же не Шекспиръ и не Чеховъ, хотя впрочемъ и мечтаете (о, я знаю Ваши хитрости!) дать въ будущемъ Вашей дочери мое имя съ тѣмъ, чтобы свои произведенія выдавать за ея и подписывать вмѣсто «Киселева» — «Чехова». Но это Вамъ не удастся!

Если найдете возможнымъ сокращать повѣсть, то не особенно усердствуйте и не выбросьте того, что нужно и важно.

Я посматриваю за Вашимъ мужемъ, а потому относительно его поведенія будьте покойны.

Поклонъ Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ. Коклюшу передайте, что мы уже очистили для него чуланчикъ, гдѣ онъ будетъ жить съ собачкой безъ спины и съ кошкой. По условію, заключенному у меня съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, Коклюша мы будемъ сѣчь два раза въ недѣлю, а Василису всякій разъ, когда она будетъ пріѣзжать. За сѣченіе особая плата. Обѣдать будемъ давать пансіонеру на Пасху и на Троицу.

Я очень жалѣю, что не могу сейчасъ поѣхать въ Бабкино. Погода анаѳемски—хороша.

Будьте здравы и Богомъ хранимы.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ

А. Чеховъ.

XXXVII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 Апр. (1888 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ. Получилъ я вчера отъ Вашего Ал. Ал. письмо, въ которомъ онъ приводитъ строки изъ Вашего письма къ нему. Пишетъ онъ о Салтыковѣ и о Вашемъ желаніи имѣть возможно скорѣе

мою повѣсть для Сѣв. Вѣстн. Первое для меня крайне лестно, на второе же отвѣтствую тако. Я давно уже (съ середины апрѣля) сижу за небольшою (1—1$^1/_2$ печатныхъ листа) повѣстушкой для С. В., давно уже пора кончить ее, но—увы! — чувствую, что я ее кончу едва къ маю. Къ прискорбію моему она у меня не вытанцовывается т.-е. не удовлетворяетъ меня и я порѣшилъ выслать вамъ ее не ранѣе, пока не поборю ее. Сегодня я прочелъ все написанное и уже переписанное начисто, подумалъ и рѣшилъ начать опять снова. Пусть она выйдетъ плоха, но все-таки я буду знать, что отнесся я къ ней добросовѣстно и что деньги получилъ не за даромъ.

Повѣстушка скучная, какъ зыбь морская; я сокращалъ ее, шлифовалъ, фокусничалъ и такъ она подлая надоѣла мнѣ, что я далъ себѣ слово кончить ее непремѣнно къ маю, иначе я ее заброшу ко всѣмъ чертямъ.

Во всякомъ случаѣ передайте Аннѣ Михайловнѣ, что я не тороплюсь исполнить свое обѣщаніе только потому, что недоволенъ своей работой. Вышлю, когда мнѣ будетъ казаться, что я доволенъ или почти доволенъ. Во всякомъ случаѣ Сѣв. Вѣстн. можетъ считать себя по части моей беллетристики *обезпеченнымъ* на іюньскую, или въ крайнемъ случаѣ на іюльскую. Вѣрнѣе, что на іюньскую.. Я бы и сейчасъ послалъ повѣсть, но не нахожу полезнымъ торопиться.. Я трусъ и мнителенъ; боюсь торопиться и вообще боюсь печататься. Мнѣ все кажется, что я скоро надоѣмъ и обращусь въ поставщики балласта, какъ обратились Я., М., Б. и проч., какъ и я, «подававшіе большія надежды». Боязнь эта имѣетъ свое основаніе: я давно уже печатаюсь, напечаталъ пять пудовъ разсказовъ, но до сихъ поръ еще не знаю, въ чемъ моя сила и въ чемъ слабость.

Теперь объ авансѣ. Объ этой штукѣ Вы не разъ писали мнѣ; говорилъ о ней и Короленко. Если понадобится, то я воспользуюсь любезностью редакціи и не буду чувствовать себя неловко, ибо въ долгу не останусь. Теперь пока мнѣ еще не нужны деньги. Понадобятся, вѣроятно, въ концѣ апрѣля. Если увижу, что безъ аванса не обойтись мнѣ, то напишу.

Что касается Введенскаго, то претензія его на меня мнѣ кажется неожиданной и по меньшей мѣрѣ странной. Быть у него я не могъ, потому что не знакомъ съ нимъ. Во вторыхъ, я не бываю у тѣхъ людей, къ которымъ я равнодушенъ, какъ не обѣдаю на юбилеяхъ тѣхъ писателей, которыхъ я не читалъ. Въ третьихъ, для меня еще не наступило время, чтобы идти въ Мекку на поклоненіе...

Былъ у меня Островскій. Ѣздили вмѣстѣ въ Третьяковскую галлерею. У меня онъ познакомился съ Короленко.

Я готовъ поклясться, что Короленко *очень* хорошій человѣкъ. Идти не только рядомъ, но даже за этимъ парнемъ, весело.

Вы сильно огорчите меня, если не пріѣдете въ Украйну. Что я долженъ пообѣщать Вамъ, чтобы вы тронулись изъ Питера?

Погода чудесная. Работать совсѣмъ не хочется. Кланяйтесь Вашимъ и редакціи.

Будьте здоровы и живите такъ, чтобы каждую минуту чувствовать весну.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Прочелъ я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно.

XXXVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва, 1888 г. апр.).

Гусіади. [1])

Не писалъ я тебѣ такъ долго, потому что мѣшала лѣнь; хочется не писать, а лежать пластомъ и плевать въ потолокъ.

Я отдыхаю. Недавно написалъ большую (5 печатныхъ листовъ) повѣсть, которую, буде пожелаешь, узришь въ Мартовской книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника. Получилъ задатку 500 р. Повѣсть называется такъ: «Степь».

Вообще чувствую собачью старость. Едва ли ужъ я вернусь въ газеты! Прощай, прошлое! Буду изрѣдка пописывать Суворину, а остальныхъ, вѣроятно, похѣрю.

Правда ли, что ты работаешь въ «Гражданинѣ»?....

Во всякомъ случаѣ я радъ, что она выздоравливаетъ, и что Кнохъ, Слюнинъ и К⁰ потерпѣли срамъ. Радъ, что ты обратился, какъ я совѣтовалъ тебѣ, къ знающему человѣку; радъ я, что не вѣрилъ бугорчаткѣ, абсцессу печени, операціи, катарру желчныхъ путей и проч. Мнѣ казалось, что я знаю больше Кноха и К⁰ и теперь я въ этомъ убѣжденъ. Очень пріятно, хотя съ другой стороны и жаль, что я «фастаю» [2]).

---

[1]) Шутливое прозвище.
[2]) Хвастаю.

19-го идетъ моя новая пьеска въ одномъ дѣйствіи. «Ивановъ» ходитъ по Руси и не разъ ужъ давался въ Харьковѣ.

М. Б — скій сотрудникъ подходящій. Но можешь не скрыть это мое мнѣніе отъ Буренина — своимъ появленіемъ въ Новомъ Времени онъ плюнулъ себѣ въ лицо. Ни одна кошка во всемъ мірѣ не издѣвалась такъ надъ мышью, какъ Буренинъ издѣвался надъ Я — скимъ и.. и что же? Всякому безобразію есть свое приличіе, а посему на мѣстѣ Я — скаго я не показывалъ бы носа не только въ Нов. Время, но даже на Малую Итальянскую.

Буду сегодня писать Суворину. Напрасно этотъ серьезный, талантливый и старый человѣкъ занимается такой ерундой, какъ актрисы, плохія пьесы...

Семья лѣтомъ будетъ жить на югѣ.

Попроси Петерсена и Буренина отъ моего имени прочитать въ Мартѣ мою повѣсть. Вѣдь они виноваты отчасти, что я написалъ большое! Пусть они и расхлебываютъ.

Будь здоровъ. Аннѣ Ивановнѣ поклонъ, а дѣтей пори. Говоритъ ли Николка?

Твой 33 моментально.

Благодарю за письмо и за безпокойство о моемъ неказистомъ здравіи.

XXXIX.

В. Г. Короленко.

9 апрѣля (1888 г. Москва).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, разсказъ про самоубійцу. Я прочелъ его и не нашелъ

въ немъ ничего такого, что могло бы показаться Вамъ интереснымъ — онъ плохъ, — но все-таки посылаю, ибо обѣщалъ.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы на многія лѣта.

Поклонитесь Волгѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Семья моя кланяется.

Вчера далъ прочесть одной дѣвицѣ разсказъ, который готовлю для «Сѣв. Вѣстн.». Она прочла и сказала: «Ахъ, какъ скучно!»

Въ самомъ дѣлѣ, выходитъ очень скучно. Пускаюсь на всякіе фокусы, сокращаю, шлифую, а все-таки скучно. Срамъ на всю губернію!

XL.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

15 Апр. (1888 г. Москва).

Милѣйшій капитанъ! Я послалъ Вамъ письмо. Вы не отвѣчаете... Что съ Вами? Не больны ли Вы?

Получили ли мое письмо? Я по разсѣянности въ адресѣ написалъ вмѣсто «Леонтьеву» — «Щеглову»... Увидѣвши ошибку, я полѣнился перемѣнить конвертъ и ограничился только тѣмъ, что впереди Щеглова поставилъ Леонтьева.

Вышла Ваша новая книга? Да? Пришлите мнѣ... Послѣ перваго мая мой адресъ будетъ таковъ: «г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой, д-ру Чехову». Вообще когда Вы будете адресоваться ко мнѣ въ провинцію, то не забывайте величать меня на

адресѣ «докторомъ». Адресъ докторовъ почта отлично помнитъ.

И такъ, я ѣду въ Украйну, а Вы, крокодилъ, остаетесь въ тундрѣ... Зачѣмъ Вы остаетесь? Къ чему? Не говорите мнѣ, что у Васъ денегъ нѣтъ на дорогу.. Безденежье не можетъ быть препятствіемъ. Надо только рѣшиться... Если у Васъ есть 100 руб., то поѣзжайте. На ѣду и карманные расходы Вы заработаете на мѣстѣ. А ѣда въ Украйнѣ дешевле прозы Сына Отечества. Проживете цѣлое лѣто отлично за 300 руб., даже роскошно... И сами бы поправились, да и жена бы Вамъ сказала спасибо. На зиму Вы можете Вашу квартиру бросить, а мебель сложить въ сараѣ какого-нибудь благопріятеля. Если хотите, я найму Вамъ квартирку въ Сумахъ. Проѣздъ туда въ III классѣ стоитъ (изъ Питера) 19 руб. Квартира не дороже 10 — 15 р. въ мѣсяцъ. Мясо 6—7 коп. фунтъ. Довольно одного субботника въ мѣсяцъ, чтобы прожить безбѣдно. Ахъ, какими бы я пирогами угощалъ Васъ! Какая рѣка! Какая рыбная ловля! Знаете что? Махните на все рукой, пошлите все къ чертовой матери и рѣшайтесь. Если у Васъ нѣтъ на дорогу ста рублей (т.-е. на дорогу за двоихъ 40 руб. или 50, и за квартиру впередъ 30 р.), то возьмите въ Нов. Вр. авансомъ. Вамъ дадутъ, особливо, если Вы скажете Суворину, что ѣдете со мной на рѣку Пселъ.

Обѣщаю Вамъ: a) чудную рѣку; b) лѣса и сады; c) смѣшную публику; d) пироги; e) скуку, о которой Вы съ наслажденіемъ будете вспоминать зимою, и экскурсію въ Полтаву на ярмарку.

Рѣшайтесь! Если рѣшитесь, то дайте мнѣ знать моментально. Я похлопочу на счетъ квартиры. Баронессу [1])

---

[1]) Бабушка И. Л. Щеглова — урожденная баронесса М. И. Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ.

Вы можете сдать подъ росписку въ опекунскій совѣтъ.

Въ Москвѣ продаются прекрасныя походныя кровати съ матрасами, складныя, по 5 р. за штуку. Купилъ и отправилъ въ Сумы товарнымъ поѣздомъ. Если рѣшитесь, то я и Вамъ куплю парочку. Однако прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Апр. (1888 г, Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Выѣду я изъ Москвы въ Сумы *пятаго* мая и, стало-быть, буду въ усадьбѣ въ ночь подъ *седьмое*. Послѣ этого числа Вы можете застать меня въ усадьбѣ *ежедневно* отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ утра. Милости просимъ! Вотъ Вамъ маршрутъ: Вы ѣдете *до Курска, отсюда на Ворожбу, изъ Ворожбы въ Сумы.* Если сегодня выѣдете изъ Москвы, то завтра въ 12 часовъ ночи будете въ Сумахъ. Выѣхавъ изъ Курска, или лучше, обѣдая въ Курскѣ, Вы не забудьте послать такую телеграмму: «Сумы, Линтваревой. Скажите Чехову: ѣду. Плещеевъ». Я выѣду на вокзалъ встрѣчать Васъ.

Вы боитесь стѣснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы Васъ стѣснимъ, т.-е. не дадимъ Вамъ того комфорта, какой подобаетъ Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаемъ, каковы комнаты въ нашей усадьбѣ, какова мебель и проч. Мы наняли наудачу. Очень возможно, что мы вмѣсто палаццо найдемъ свиной

хлѣвокъ.. Завтра братишка ѣдетъ произвести рекогносцировку. Во всякомъ случаѣ, во всю ивановскую будемъ стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортабельнѣе и задержать Васъ больше, чѣмъ на двѣ недѣльки. А что Вы насъ не стѣсните, Вы въ этомъ убѣдитесь, познакомившись съ моей командой.

Теперь о повѣсти. Вы предостерегаете меня отъ излишней отдѣлки и боитесь, чтобы, перестаравшись, я не сталъ холоденъ и сухъ. Это резонъ и большой резонъ, но исторія въ томъ, что рѣчь въ моемъ письмѣ шла вовсе не объ отдѣлкѣ. Я передѣлывалъ *весь* корпусъ повѣсти, оставивъ въ цѣлости только одинъ фундаментъ. Мнѣ не нравилась *вся* повѣсть, а не въ деталяхъ. Тутъ поневолѣ просидишь вмѣсто одного мѣсяца цѣлыхъ три. Вообще повѣсть выйдетъ не изъ аховыхъ, критики только носомъ покрутятъ. Это я не скромничаю. Достоинство повѣсти: краткость и кое-что новенькое... Стало-быть, повѣсть по случаю Вашего отъѣзда будетъ послана на имя Анны Михайловны. Буду просить у нея авансъ.

Мнѣ кажется, что относительно Короленко Вы заблуждаетесь. Изъ нашихъ разговоровъ о Васъ я замѣтилъ только одно, что онъ чтитъ Васъ сильно и искренно. Того мнѣнія о Васъ, которое Вы подозрѣваете въ немъ, онъ, честное слово, не высказывалъ мнѣ даже намекомъ. У Михайловскаго онъ бывалъ и будетъ бывать, такъ какъ онъ, подобно мнѣ, провинціалъ, т.-е. человѣкъ, далеко стоящій отъ редакціоннаго центра и принимающій не такъ близко къ сердцу всѣ редакціонныя событія. Петербургскіе пожары обжигаютъ только петербуржцевъ, а москвичи и нижегородцы знакомы съ этими пожарами только изъ писемъ да газетъ, т.-е. теоретически. Впрочемъ я кажется пишу уже вздоръ. Умолкни, муза!

О Гаршинскомъ сборникѣ потолкуемъ лѣтомъ въ Сумахъ.

Я приглашалъ Щеглова нанять дачу по сосѣдству со мной, увѣрялъ его, что это стоитъ гроши, соблазнялъ его всѣми благами міра (кромѣ женщинъ, которыхъ онъ, какъ женатый, долженъ отрицать), но онъ отказался, ссылаясь на какой-то «родственный клобокъ». Эти родственники его точно глисты замучили. Экій малодушный человѣкъ!

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ и будьте здоровы. Погода хорошая, хочется гулять.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Денегъ нѣтъ! О ужасъ! Какъ только пріѣду въ Сумы, тотчасъ же сяду строчить мелочь.

Я хочу взять у Анны Михайловны авансъ въ размѣрѣ *пятисотъ* (250 сейчасъ и 250 въ іюнѣ). Дастъ?..

Изъ Москвы въ Курскъ идетъ почтовый поѣздъ въ три часа пополудни. Садитесь на этотъ поѣздъ.

XLII.

Я. А. Корнѣеву [1]).

(Москва, 1888 г. апр.).

Антонъ Павловичъ

Чеховъ

поздравляетъ съ причастниками и отъ души желаетъ всего хорошаго. Затѣваемъ на праздникахъ олимпій-

---

[1]) Записка эта была написана на визитной карточкѣ.

скія игры въ нашемъ дворѣ и, между прочимъ, хотимъ играть въ бабки. Гдѣ ихъ можно достать и имѣются ли въ Москвѣ въ продажѣ свинчатки?

XLIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 Апрѣля (1888 г. Москва).

Дорогой капитанъ! Получилъ и «Дачнаго мужа» и критику на мою «Степь». Итакъ, мы пантеисты, съ чѣмъ Васъ и поздравляю.

Выѣзжаю я изъ Москвы *пятаго* мая. Успѣете еще разъ 5 написать мнѣ и даже пріѣхать на праздникахъ ко мнѣ въ гости. Если бы Вы не были трусомъ, капитанъ, то пріѣхали бы.

Про Корша ничего не вѣдаю. Слуховъ никакихъ.

Осталось у меня 75 р... Съ чѣмъ я поѣду въ Сумы? Если не дадутъ аванса, то застрѣлюсь. У меня тоже есть «родственный клобокъ». Чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ, я всегда ѣзжу съ нимъ, какъ съ багажемъ, и привыкъ къ нему, какъ къ шишкѣ на лбу. Гораздо покойнѣе и дешевле брать его съ собой, чѣмъ оставлять дома. Впрочемъ, мой клобокъ, если сравнивать его съ наростомъ, представляетъ изъ себя наростъ доброкачественный, но не злокачественный. Клобокъ мой отлично шьетъ мнѣ сорочки, отлично варитъ и всегда веселъ. Зимою клобокъ состоитъ изъ 8 человѣкъ, а лѣтомъ изъ 5 (въ томъ числѣ 2 прислуги).

Во всякомъ случаѣ мнѣ чаще бываетъ весело, чѣмъ грустно, хотя если вдуматься, я связанъ по рукамъ и ногамъ... У Васъ, батенька, квартирка, а вѣдь у меня цѣлый домъ, хоть и паршивенькій, но все-таки домъ, да еще двухъ-этажный.. У васъ *жена*, которая проститъ Вамъ безденежье, а у меня *порядокъ*, который рухнетъ, если я не заработаю опредѣленное количество рублей въ мѣсяцъ, рухнетъ и повалится мнѣ на плечи тяжелымъ камнемъ.

Впрочемъ, наплюве на это... Я оканчиваю скучнѣйшую повѣстушку [1]). Вздумалъ пофилософствовать, а вышелъ канифоль съ уксусомъ. Перечитываю написанное и чувствую слюнотеченіе отъ тошноты: противно. Ну, да ничего... Наплюве!.. Какую бы мы глупость ни написали теперь, какъ бы ни мудрили надъ нами наши индюки критики, а черезъ десять лѣтъ мы уже не будемъ чувствовать этого, а потому, капитанъ,—впередъ безъ страха и сомнѣнія! Читали Вы Ба... (или Би.., С. Б-скаго) воспоминанія о Гаршинѣ во «Всем. Иллюстраціи»? Какая самолюбивая, приторная, кислая, хвастливая и нетактичная мочалка. Я завидую его апломбу и наивному самомнѣнію, завидую его дружбѣ съ Минскимъ и его обожанію, доходящему до дизентеріи, передъ полубогомъ Я... Онъ счастливъ и доволенъ.

Прощайте и будьте здоровы. Михайловскій не такъ противенъ, какъ Вы думаете и не такъ страшенъ чортъ, какъ его размалевали нервы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Огни».

XLIV.

В. А. Тихонову. [1])

(Съ подлинника).

21 Апрѣль 88 (Москва).

Милостивый Государь

Владиміръ Алексѣевичъ!

Приношу Вамъ мою сердечную благодарность за книгу и за лестную надпись на ней.

Я видѣлъ нѣкоторыя Ваши пьесы на сценѣ и достаточно знакомъ съ Вашимъ талантомъ, а потому пожалуйста не подумайте, что Вы посылали книгу человѣку, который не знаетъ и не цѣнитъ Васъ, и вѣрьте мнѣ, что Ваше вниманіе тронуло меня. Мнѣ хочется отплатить Вамъ тѣмъ же, но къ сожалѣнію въ настоящее время у меня дома нѣтъ ни одной моей книги. Пришлите мнѣ Вашъ адресъ, и я постараюсь возможно скорѣе поквитаться съ Вами.

Если будете въ Москвѣ, то убѣдительно прошу Васъ пожаловать ко мнѣ. Застать меня можно во всѣ времена года (кромѣ лѣта *) днемъ до 2-хъ часовъ и вечеромъ отъ шести до двѣнадцати. Я былъ бы очень радъ познакомиться и поблагодарить Васъ словесно.

Позвольте пожелать Вамъ успѣха и здоровья, и пребыть искренно уважающимъ

А. Чеховъ.

Кудринская Садовая, д. Карнѣева.

---

[1]) Это письмо было написано въ отвѣтъ на присланную Антону П-чу адресатомъ книгу своихъ произведеній. Впослѣдствіи Ант. П-чъ послалъ адресату свои «Въ сумеркахъ».

*) Мой лѣтній адресъ: г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой. *Примѣч. А. П.*

XLV.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. апр.).

Христосъ Воскресъ!

О дачѣ [1]) ты написалъ очень мало. Надо бы написать побольше. Напримѣръ, хотѣлось бы знать, прилична ли въ общемъ дача, или не прилична? Я получилъ извѣстіе, что Суворинъ хочетъ побывать у насъ на Пслѣ.. Если помѣщеніе похоже на сарай, то... ты понимаешь.. Плещеевъ пріѣдетъ 10-го мая. Есть ли столы? и т. д.

Кланяйся дядѣ и тетѣ. Дѣвочки очень милыя, ты подружишься съ ними скоро. Кланяйся Егорушкѣ и Володѣ. Выѣзжаемъ 5-го мая. Завтра посылаю повѣсть и просьбу выслать авансъ.

Въ «Другѣ дѣтей» твой пасхальный разсказъ. Ходили мы на Каменный мостъ слушать звонъ: хорошо! Въ вечернѣ были въ храмѣ Спасителя: тоже хорошо! Погода чудесная. Деревья зелены.

Получилъ приглашеніе ѣхать на юбилей къ поэту Майкову. Однако, будь здоровъ и σιῶπα ἡ γὰρ σιωπή ἐστι ὁ κόσμος τῶν νεανιῶν [2]).

Графъ Платовъ.

---

[1]) Въ г. Сумахъ, усадьба Лука.

[2]) Молчи, ибо молчаніе есть украшеніе юношей.

XLVI.

А. Н. Плещеву.

(Съ подлинника).

25 Апр. (1888 г., Москва).

Христосъ воскресъ, мой будущій жилецъ! Поздравляю Васъ съ праздникомъ и желаю всего, всего хорошаго.

Вчера я получилъ письмо отъ брата, посланнаго осмотрѣть нанятую дачу. Природа, пишетъ онъ, чудесная, рѣка шире и глубже Москвы-рѣки, садъ старый-престарый, запущенный, дворъ съ грязной, невысыхающей лужей, двѣ эмансипированныя барышни и проч. Удобствъ никакихъ. Комфорта, котораго Вы боитесь, нѣтъ и въ зародышѣ. Крыльцо обвалилось и вся усадьба представляетъ изъ себя не поэтическую руину. Мебель, по выраженію письма, паскудная.. Вотъ въ какое гнѣздышко я хочу затянуть Васъ! Какъ оно ни плохо, но, думаю, оно здоровѣе и просторнѣе питерской тундры. Пріѣзжайте *непремѣнно*.

Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вамъ лучшую комнату.. Лучшей комнаты на нашей дачѣ нѣтъ: всѣ худшія. Кромѣ кровати и стула Вы ничего не получите.. Пожалуй, расщедримся и дадимъ Вамъ еще столъ, но не ломберный, а какой-нибудь трехногій и хромой.. За то ѣсть, пить и гулять будемъ здорово, безъ мѣры и безсовѣстно.

Моя повѣстушка можетъ теперь пѣть вмѣстѣ съ Прекрасной Еленой: «Готова! Готова!» Кончилъ ее и завтра посылаю. Скучна она, какъ статистика Сольвычегодскаго уѣзда.

Въ рѣкѣ Пслѣ водятся между прочимъ судаки и карпіи. Жалко, что Вы не рыболовъ! Поймать судака — это выше и слаже любви!

Не забудьте изъ Курска послать телеграмму.

Изъ Москвы Вы выѣдете въ 3 часа дня, въ Курскѣ будете въ $11^1/_2$ час., въ Ворожбѣ (тутъ пересадка) въ 8 час. вечера, въ Сумахъ въ $11^1/_2$ час. вечера, у меня на дачѣ въ 12 час. ночи.

Поздравляю всѣхъ Вашихъ съ праздникомъ.

Будьте благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLVII.

В. Г. Короленко.

2 мая (1888 г. Москва).

Въ четвергъ я ѣду, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, въ Украйну. Напоминаю Вамъ о Вашемъ обѣщаніи побывать у меня въ концѣ іюля или въ августѣ. Адресъ такой: «Г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой». Маршрутъ: Москва, Курскъ, Ворожба, Сумы, извозчикъ...

Послалъ въ «Сѣв. Вѣстн.» разсказъ и получилъ авансъ (500 р.).

Я хотѣлъ было поѣхать въ Ярославль и сѣсть на Охотника, но 19 число оказалось неудобнымъ. Если бы я выѣхалъ къ этому числу, а не раньше, то не вернулся бы въ Москву къ Пасхѣ, отсутствіе же кого-нибудь въ Свѣтлый праздникъ у моихъ домочадцевъ считается смертнымъ грѣхомъ.

Посылали ли Вы Баранцевичу разсказъ? Онъ теперь требуетъ разсказъ, который не былъ бы нигдѣ напечатанъ.

Я почему-то не въ духѣ и пишу всѣмъ ругательныя письма. Отвѣтилъ ругательно Баранцевичу на одно его письмо. Отвѣтилъ ругательно А. Леману, который

прислалъ мнѣ предложеніе — напечатать въ своихъ книгахъ общее объявленіе о книгахъ тѣхъ изъ молодыхъ писателей, «которые болѣе или менѣе солидарны съ нами». Я отвѣтилъ ему согласіемъ и фразой: «Откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Вообще замѣчаю, что мой характеръ начинаетъ измѣняться, и къ худшему. Мѣняется и моя манера писать — тоже къ худшему. Мнѣ сдается, что я утомился, а впрочемъ, чортъ его знаетъ...

Моя семья Вамъ кланяется.

Дорогой буду читать Вашего «Слѣпого музыканта» и изучать Вашу манеру.

Везу съ собой медикаменты и мечтаю о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ, соринкахъ въ глазу и о прочей благодати. Лѣтомъ обыкновенно я полдня принимаю разслабленныхъ, а моя сестрица ассистентируетъ мнѣ, это работа веселая. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLVIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

3 Мая (1888 г. Москва).

Милый Альба! Наконецъ Вы можете меня поздравить: послѣ завтра т.-е. 5-го Мая я уѣзжаю dahin... Сталобыть, отвѣтъ на сіе письмо Вы будете адресовать тако: «Г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой». Послѣ 10-го Мая ко мнѣ пріѣдетъ А. Н. Плещеевъ... Отчего бы Вамъ не пріѣхать? Эхъ, вы! Во всякомъ случаѣ буду ожидать Васъ въ теченіе всего лѣта. Авось надумаете и пріѣдете! Впрочемъ не буду ждать Васъ

въ Іюнѣ. Весь этотъ мѣсяцъ я буду путешествовать. Если пріѣдете, то привезите 3 ф. хорошей ветчинной колбасы, самой дорогой (въ мой счетъ).

Послалъ въ Сѣв. Вѣстн. разсказъ [1]). Мнѣ немножко стыдно за него. Скучища и такъ много философудріи, что приторно. Непріятно, но нельзя было не послать, ибо деньги нужны какъ воздухъ. Завтра кончаю разсказъ для Новаго Времени. Лѣтомъ буду писать только мелочи.

Получилъ я отъ Лемана письмо; онъ извѣщаетъ, что «мы (т.-е. всѣ вы, питерцы) согласились печатать объявленія другъ о другѣ на своихъ книгахъ», приглашаетъ меня согласиться и предостерегаетъ, что можно въ число избранныхъ «включить лишь лицъ, болѣе или менѣе солидарныхъ съ нами». Въ отвѣтъ я послалъ согласіе и вопросъ: «откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Какъ у васъ въ Питерѣ любятъ духоту! Неужели вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч. Солидарность и прочія штуки я понимаю на биржѣ, въ политикѣ, въ дѣлахъ религіозныхъ (секта) и т. п., солидарность же молодыхъ литераторовъ невозможна и не нужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можемъ, цѣли у насъ различныя, или ихъ нѣтъ вовсе, знаемъ мы другъ друга мало, или вовсе не знаемъ, и, стало-быть, нѣтъ ничего такого, къ чему могла бы прочно прицѣпиться солидарность... А нужна она? Нѣтъ.. Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ — для всего этого нужно быть

---

[1]) «Огни». Были исключены А. П. изъ полнаго собранія сочиненій.

не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности. Настойчивое же стремленіе къ частной, профессіональной кружковой солидарности, какой хотятъ у Васъ, породитъ невольное шпіонство другъ за другомъ, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, содѣлаемся чѣмъ-то въ родѣ іезуитскихъ соціусовъ другъ у друга... я, милый Жанъ, не солидаренъ съ Вами, но обѣщаю Вамъ по гробъ жизни полную свободу, какъ литератору; то-есть Вы можете писать гдѣ и какъ угодно, мыслить хотя бы на манеръ Корейши [1]), измѣнять 1000 разъ убѣжденіямъ и направленіямъ и проч. и проч. и человѣческія отношенія мои къ вамъ не измѣнятся ни на одинъ гранъ, и я всегда буду на своихъ обложкахъ печатать объявленія о Вашихъ книгахъ.

То же самое я могу обѣщать и прочимъ моимъ коллегамъ, того же хотѣлъ бы и для себя. По моему, это самыя нормальныя отошенія. Только при нихъ возможны и уваженіе, и даже дружба, и сочувствіе въ тяжелыя минуты жизни.

Однако я заболтался. Да хранитъ Васъ небо!

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLIX

П. А. Сергѣенко.

(Съ подлинника).

Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнѣева (зимній адресъ). 88, V, 4.

Только сегодня получилъ твое письмо, милѣйшій Йорикъ; гдѣ оно пропадало половину апрѣля, не вѣмъ. Очень радъ, что ты имѣешь о кое-чемъ погово-

---

[1]) Извѣстный московскій юродивый и прорицатель.

рить со мной; очень радъ буду и послушать. Спѣшу сообщить свой лѣтній адресъ: г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Лѣто я думаю провести въ Украйнѣ и уже нанялъ себѣ берлогу на рѣкѣ Пслѣ. Завтра ѣду туда съ фамиліей.

Насчетъ Афона [1]) бабушка еще на двое сказала, хотя съѣздить очень хочется. Въ маѣ ѣхать не стоитъ, жаль потерять русское лѣто, которое я очень люблю. Если поѣду, то въ октябрѣ — такъ совѣтуетъ сынъ Суворина, Алексѣй Алекс., съ которымъ мы уговорились ѣхать вмѣстѣ.

Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

Если лѣтомъ буду въ Одессѣ, то не откажи подарить часокъ времени: поболтаемъ. Въ началѣ іюня я поѣду внизъ по Днѣпру до Одессы, изъ Одессы въ Крымъ.

L.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Сумы (1888 г. май).

Иванъ. Мы пріѣхали. Дача великолѣпна. Мѣстность поэтична, флигель просторный и чистенькій, мебель удобная и въ изобиліи. Комнаты свѣтлы и красивы, хозяева, повидимому, любезны.

Прудъ громадный, съ версту длиной. Судя по его виду, рыбы въ немъ до чорта. Передай папашѣ, что мы его ждемъ и что ему будетъ покойно. Бабкино въ сравненіи съ теперешней дачей гроша мѣднаго не стоитъ. Одинъ ночной шумъ можетъ съ ума свести! Пахнетъ чудно, садъ старый-

[1]) На Кавказѣ.

престарый, хохлы смѣшные, дворъ чистенькій. Нѣтъ и слѣда лужи.

Жара ужасная. Нѣтъ силъ ходить въ крахмальной сорочкѣ.

Поклонись всѣмъ и будь здоровъ. Ѣхать до Сумъ скучно и утомительно. Привези бутылку водки. Здѣшняя водка воняетъ . . . . . Я задержу здѣсь папашу на 3 недѣли. Очень ужъ хорошо!

Твой *А. Чеховъ.*

Рѣка шире Москвы-рѣки. Лодокъ и острововъ много. Подробности завтра или послѣзавтра.

LI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г. май).

Маленькая польза!

Я уже перебрался въ Малороссію и живу въ мѣстности, обозначенной въ заголовкѣ. Живу на берегу Псла, ловлю рыбу и наблюдаю хохловъ. Какъ-нибудь я опишу тебѣ здѣшнее бытье-житье, а пока поговоримъ о дѣлахъ.

Получилъ ли ты мои два письма, въ которыхъ я писалъ тебѣ о дѣтяхъ и о моей книгѣ? Когда выйдетъ книга, то 10 экз. ея отправь мнѣ посылкой (безъ доставки, конечно). Слѣдующія редакціи имѣютъ право на полученіе ея: 1) Вѣстникъ Европы 2) Русское Богатство 3) Русскій Вѣстникъ 4) Сѣверъ 5) Нива 6) Московскія Вѣдомости 7) Русская Мысль 8) Недѣля.

Флигель на Лукѣ, близъ Сумъ, въ усадьбѣ Линтваревыхъ, въ которомъ жилъ Антонъ Павловичъ съ семьей въ 1888 и 1889 годахъ. Рисунокъ М. П. Чехова.

По экземпляру вручи Петерсену, Маслову, себѣ, Аннѣ Ивановнѣ Сувориной и Щеглову. Скажешь Маслову, чтобы онъ по вышеписанному адресу выслалъ мнѣ свою новую книжку.

Одинъ экз. послать Я. П. Полонскому, буде онъ въ Питерѣ. Если въ Питерѣ его нѣтъ, то узнай, буде это возможно, его лѣтній адресъ и сообщи мнѣ.

Пселъ — притокъ Днѣпра. Очень широкая и глубокая рѣка. Зелени по берегамъ тьма.

Ну будь здоровъ. Пиши.

Твой *А. Чеховъ.*

Сѣверному Вѣстнику я пошлю книжку самъ.

LII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

10 мая (1888 г., Сумы).

Сейчасъ ѣду въ городъ, и посему долженъ быть кратокъ. Пишу по пунктамъ: 1) Всѣ здравствуютъ. Кашли и насморки мало по малу проходятъ.

2) Квартира просторна и удобна. Но удобствъ нѣтъ. За удобствами приходится каждый разъ ходить въ кусты и въ канавы. «Бывалыча на чистомъ воздухѣ» имѣетъ свою прелесть, когда тепло и сухо, но каково-то будетъ въ дождь, въ холодъ, или во время поноса?

3) Рѣка широка, глубока и красива. Водятся въ ней слѣдующія рыбы: окунь, чебакъ, язь, судакъ, бѣлизна (породы шелишпера), голавль, плотва, сомъ, сибиль, щука ласкирка.. Первая рыба, какую я поймалъ на удочку, была щука, вторая — большой окунь. Окуней здѣсь

Флигель, въ которомъ жилъ А. П. (со стороны сада).

ловятъ на рачьи шейки. Раковъ тьма тьмущая. Въ прудѣ не клюетъ.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези возможно больше *всякихъ* крючковъ, очень большихъ, среднихъ и очень малыхъ, немного съ волосками для насъ и много безъ волосковъ для раздачи хохламъ и хохлятамъ. Требуются большіе крючки для сомовъ такой [1]), или чуточку даже больше. Привези лесокъ и струнъ. Лодокъ здѣсь много и рыбу ловятъ съ лодокъ. Жерлицъ не крадутъ.

5) Хозяева народъ хорошій, но не веселый, подавленный горемъ. Одна изъ дѣвицъ Линтваревыхъ, женщина-врачъ ослѣпла отъ опухоли въ мозгу и неизлѣчимо больна. Семья серьезная. Лиза̀къ не существуетъ. Народъ здѣсь литературный. Знаютъ про все.

---

[1]) Рисунокъ крючка.

6) Провизія не такъ дешева, какъ думала мать.

7) Бутылка Сантуринскаго въ Сумахъ стоитъ 35 коп.

8) Получаемъ Всемірную Иллюстрацію.

9) Ѣздили на лодкѣ по рѣкѣ на мельницу.

А вчера ѣздили на линейкѣ куда то въ «мызу».

10) Хохлы страстные рыболовы. Я уже со многими знакомъ и учусь у нихъ премудрости. Вчера въ день св. Николая хохлы ѣздили по Пслу въ лодкахъ и играли на скрипкахъ.

А какіе разговоры! Ихъ передать нельзя, надо послушать.

Поклонись папашѣ, тетѣ и Алексѣю. Сегодня немножко холодно, а вчера ходилъ я въ че-чунчѣ. Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

Купи рубля на три копѣечныхъ книжекъ священныхъ и свѣтскихъ (Филаретъ милостивый, Григоровичъ, Гоголь и проч.) для раздачи червекопателямъ. Книжки вышли съ кѣмъ-нибудь. Изъ священныхъ книгъ выбирай только житія.

LIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

10 Мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Капитанъ! Я уже не литераторъ и не Эгмонтъ. Я сижу у открытаго окна и слушаю, какъ въ старомъ, заброшенномъ саду кричатъ соловьи, кукушки и удоды. Мнѣ слышно, какъ мимо нашей двери проѣзжаютъ къ рѣкѣ хохлята верхомъ на лошадяхъ и какъ ржутъ жеребята. Солнце печетъ...

Сейчасъ я ѣду въ городъ за провизіей и на почту. Вернувшись изъ города, пойду на рѣку ловить рыбу. Рѣка широкая, глубокая, съ островами... Одинъ берегъ высокій, крутой, обросшій дубами и вербой, другой отлогій, усыпанный бѣлыми хатками и садами. По рѣкѣ шныряютъ лодки. Вчера въ Николинъ день хохлы ѣздили по рѣкѣ и играли на скрипкахъ. Кричатъ лягушки и всякія птицы. Кричитъ гдѣ-то въ камышахъ какая-то таинственная птица, которую трудно увидѣть и которую зовутъ здѣсь бугаемъ. Кричитъ она какъ корова, запертая въ сараѣ, или какъ труба, будящая мертвецовъ. Ее слышно день и ночь. По берегу ходятъ съ удилищами хохлята.

Много лодокъ. Ѣздимъ каждый день на мельницу. Мѣсто чудное. Право, нужно быть большимъ крокодиломъ, чтобы подобно Вамъ коптѣть теперь въ городѣ. Послушайте, отчего бы Вамъ не пріѣхать? Если у Васъ есть

Старый заброшенный садъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ.

70 рублей, то, увѣряю Васъ этихъ денегъ совершенно достаточно, чтобы пріѣхать, пожить въ свое удовольствіе и благополучно вернуться. Если же у Васъ нѣтъ этихъ денегъ, то возьмите въ займы, украдьте, но пріѣзжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700. Вы найдете здѣсь не мало сюжетовъ и запасетесь гарнпромъ на 5 повѣстей. А сколько здѣсь декорацій, которыя пригодились бы Вамъ!

Пріѣзжайте. Мѣста хватитъ на всѣхъ. Приглашаю я Васъ *серьезно*, а посему и Вы подумайте серьезно.

Пишите мнѣ. Въ деревнѣ очень интересны газеты и письма. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Н—ка нѣтъ. Приходится отдавать долгъ природѣ на глазахъ природы, въ оврагахъ и подъ кустами. Вся моя . . . . искусана комарами.

LIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

11 мая. Г. Сумы Харьков. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ изъ теплаго и зеленаго далека, гдѣ я уже водворился купно съ своей фамиліей. Живу я въ усадьбѣ близъ Сумъ на высокомъ берегу рѣки Псла (притокъ Днѣпра). Рѣка широкая и глубокая; рыбы въ ней столько, что если бы пустить сюда Вашего бородатаго Тимофея, то онъ сбѣсился бы и забылъ, что служилъ когда-то у графа Строганова.

Вокругъ въ бѣлыхъ хатахъ живутъ хохлы. Народъ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Му-

жики здѣсь не продаютъ ни масла, ни молока, ни яицъ, а ѣдятъ все сами—признакъ хорошій. Нищихъ нѣтъ, Пьяныхъ я еще не видѣлъ а . . . . . слышится очень рѣдко, да и то въ формѣ болѣе или менѣе художественной. Помѣщики—хозяева, у которыхъ я обѣдаю, люди хорошіе и веселые.

Очень жалѣю, что Вы почти на все лѣто остаетесь сиротой. Одному на дачѣ скучновато, особливо если кругомъ нѣтъ знакомыхъ, которые симпатичны.. ....

Катаетесь ли Вы на лодкѣ? Прекрасная гимнастика! Я ежедневно катаюсь на лодкѣ и съ каждымъ разомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что работа веслами упражняетъ мышцы рукъ и туловища, отчасти ногъ и шеи, и что такимъ образомъ эта гимнастика приближается къ общей.

Съ Сатиромъ и Нимфой [1]) у меня произошелъ досадный казусъ. Еще до Вашего пріѣзда въ Москву взялъ у меня книгу переплетчикъ (работающій для училища брата); взялъ, запилъ и доставилъ только на Фоминой недѣлѣ. Прочесть я не успѣлъ, хотя мнѣ очень хотѣлось покритиковать Васъ. Я читалъ романъ въ газетѣ, помню и купца, и Акулину, и дьяволящую Катерину, и адвоката, и Пантелея, помню завязку и развязку; но знанія дѣйствующихъ лицъ и содержанія романа недостаточно для того, чтобы смѣть сужденіе имѣть. Люди въ романѣ живые, но вѣдь для романа этого недостаточно. Нужно еще знать, какъ Вы справились съ архитектурой. Вообще меня очень интересуютъ Ваши большія вещи и я читаю ихъ съ большимъ любопытствомъ. Стукинъ и Хрустальниковъ [2]), по моему мнѣнію, очень хорошая вещь, гораздо лучше тѣхъ романовъ, которые пекутся баба-

---

[1]) Книга адресата.

[2]) Тоже книга адресата.

ми, Мачтетомъ и проч. Стукинъ лучше «Рабы» Баранцевича... Главное ваше достоинство въ большихъ вещахъ— отсутствіе претензій и великолѣпный разговорный языкъ. Главный недостатокъ — Вы любите повторяться и въ каждой большой вещи Пантелеи и Катерины такъ много говорятъ объ одномъ и томъ же, что читатель нѣсколько утомляется. Засимъ, еще одно достоинство: чѣмъ проще фабула, тѣмъ лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны. На Вашемъ мѣстѣ я написалъ бы маленькій романъ изъ купеческой жизни во вкусѣ Островскаго; описалъ бы обыкновенную любовь и семейную жизнь безъ злодѣевъ и ангеловъ, безъ адвокатовъ и дьяволицъ; взялъ бы я сюжетомъ жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самомъ дѣлѣ, и изобразилъ бы «купеческое счастіе», какъ Помяловскій изобразилъ мѣщанское. Жизнь русскаго торговаго человѣка цѣльнѣе, полезнѣе, умнѣе и типичнѣе, чѣмъ жизни пытиковъ и пыжиковъ, которыхъ рисуютъ Альбовъ, Баранцевичъ, Муравлинъ и проч. Однако я заболтался. Будьте здравы. Поклонъ Вашимъ.. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LV

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

Барину.

Постороннимъ лицамъ входъ запрещается.

15 Май. (Сумы, усадьба Линтваревой, 1888 г.).

Здравствуйте, милый баринъ! Вотъ ужъ недѣля прошла, какъ жаритъ сплошной дождь. Комары рыжіе, злющіе: отъ болотъ и прудовъ вѣетъ лихорадкой, однимъ словомъ—

Азія! Страдаю за свои же деньги. Впрочемъ, природа величественна, рѣка широка, рыбы много и на мельницѣ живетъ такая муха̀, что просто хоть караулъ кричи отъ вожделѣнія. Въ началѣ іюня хочу уѣхать въ Крымъ, а оттуда на Кавказъ. Я буду описывать Вамъ свое здѣшнее житье-бытье и свое путешествіе, а Вы будете платить мнѣ по 15 коп. за строчку и тоже писать. Смѣшного и курьезнаго много. А пока будьте здравы и благополучны.

Поклонъ всѣмъ бабкинцамъ.

Муха̀ полненькая, похожая на куличъ съ изюмомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

23 Май (1888 г., Сумы).

У насъ Плещеевъ и Иваненко. Съ Иваненко мы учинили комедію, о которой разскажу, когда пріѣдешь.

Спасибо за крючки, книжки и удилище. Не мѣшало бы привезти еще одно удилище и письма Крамского, которыя здѣсь нужны.

Сегодня поймалъ въ прудѣ двухъ карасей и послалъ Суворину разсказъ. Больше писать не о чемъ. Впрочемъ, вчера на Лукѣ была свадьба съ музыкой: очень курьезно. Поклонъ всѣмъ.

А. Чеховъ.

Паспорты *нужны*, Мишка [1]) еще не пріѣхалъ.

---

[1]) Братъ Мих. Павл.

LVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой. (1888 г.).

Недоумѣнный умъ!

Твое письмо съ 30 цѣлкачами получилъ и шлю благодарность. Книгъ еще не получилъ и боюсь, какъ бы онѣ не пошли по московскому адресу. Суворинъ у меня не былъ. Плещеевъ же гоститъ уже цѣлую недѣлю. Старцу у меня нравится, а я боюсь, какъ бы онъ не объѣлся и не захворалъ.

Ахъ, судьба, судьба! Сущая индѣйка. Отчего бы тебѣ въ самомъ дѣлѣ не быть на моемъ мѣстѣ? Не скрою, у меня очень недурно живется. По крайней мѣрѣ всѣ здоровы и никто явно не собирается умирать въ скоромъ времени. Природа чудеснѣйшая, запихающая за поясъ все, что я видѣлъ гдѣ-либо доселѣ. Люди новые, оригинальные, житье дешевое, сытное, тепла много. Досуга изобиліе.

А сколько рыбы и раковъ! Разжигаю твой аппетитъ, потому что, какъ бы то ни было, не теряю надежды въ теченіе этого лѣта повидать тебя на Пслѣ. До осени еще много времени и многое успѣется. Въ іюнѣ я буду въ Ѳеодосіи у Суворина и поговорю о твоемъ отпускѣ. Если побудешь у меня недѣлю или двѣ въ началѣ августа, то газета ничего не потеряетъ, а на свои потери можешь наплевать, ибо Пселъ и отдыхъ стоитъ потерь. На счетъ расходовъ, буде у тебя въ августѣ не будетъ денегъ, потолкуемъ своевременно, а пока могу тебя успокоить, что поѣздка изъ Питера ко мнѣ и обратно обойдется (считая и обѣды на станціяхъ и извощиковъ) не дороже

50 рублей — деньги не большія, тѣмъ паче, что ты вернешь ихъ съ лихвой, написавъ у меня что-нибудь беллетристическое. Не сердись на это приглашеніе. Я нарочно приглашаю не раньше августа, ибо надѣюсь, что до августа многое измѣнится.

Мѣсто на р. Пслѣ, гдѣ А. П. ловилъ раковъ.

LVIII.

В. Г. Короленко.

Г. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой. (1888 г. Май).

Посылаю Вамъ, милый Владимиръ Галактіоновичъ, свою книжицу [1]) и напоминаю Вамъ кстати о Вашемъ обѣщаніи побывать на Пслѣ. Ужъ очень у меня хорошо,

---

[1]) «Разсказы», изд. А. С. Суворина.

такъ хорошо, что и описать нельзя! Природа великолѣпна; всюду красиво, простора пропасть, люди хорошіе, воздухъ теплый, тоны тоже теплые, мягкіе. Вечерами не бываетъ сырости, ночи теплыя... Однимъ словомъ, Вы не раскаетесь, если пріѣдете. Жду Васъ въ концѣ іюля или въ августѣ, и надѣюсь, что Вы не откажете мнѣ съѣздить со мной на Сорочинскую ярмарку.

У меня гоститъ А. Н. Плещеевъ, который Вамъ кланяется «очень даже» (его слова).

Семья тоже шлетъ свой привѣтъ. Будьте здоровы, и да хранятъ Васъ небесные ангелы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Май, Сумы, усадьба Линтваревой (1888 г.).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ!

Отвѣчаю на Ваше письмо, которое получено мною только вчера; конвертъ у письма разорванъ, помятъ и испачканъ, чему мои хозяева и домочадцы придали густую политическую окраску.

Живу я на берегу Псла, во флигелѣ старой, барской усадьбы. Нанялъ я дачу заглазно, наугадъ, и пока еще не раскаялся въ этомъ. Рѣка широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками. Берега красивы, зелени много.. А главное, просторно до такой степени, что мнѣ кажется, что за свои 100 рублей я получилъ право жить на пространствѣ, которому не видно конца. Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь такъ устарѣлъ

и бракуется въ редакціяхъ: не говоря ужъ о соловьяхъ, которые поютъ день и ночь, о лаѣ собакъ, который слышится издали, о старыхъ запущенныхъ садахъ, о забитыхъ наглухо, очень поэтичныхъ и грустныхъ усадьбахъ, въ которыхъ живутъ души красивыхъ женщинъ, не говоря ужъ о старыхъ, дышущихъ на ладанъ лакеяхъ-крѣпостникахъ, о дѣвицахъ, жаждущихъ самой шаблонной любви, недалеко отъ меня имѣется даже такой заѣзженный шаблонъ, какъ водяная мельница (о 16 колесахъ) съ мельникомъ и его дочкой, которая всегда сидитъ у окна и, повидимому, чего-то ждетъ. Все, что я теперь вижу и слышу, мнѣ кажется, давно уже знакомо мнѣ по стариннымъ повѣстямъ и сказкамъ. Новизной повѣяло на меня только отъ таинственной птицы — «водяной бугай», который сидитъ гдѣ-то далеко въ камышахъ и днемъ и ночью издаетъ крикъ, похожій отчасти на ударъ по пустой

Мельница на Пслѣ. Общій видъ.

бочкѣ, отчасти на ревъ запертой въ сараѣ коровы. Каждый изъ хохловъ видѣлъ на своемъ вѣку эту птицу, но всѣ описываютъ ее различно, стало-быть, никто ее не видѣлъ. Есть новизна и другого сорта, но наносная, а потому и не совсѣмъ новая.

Каждый день я ѣзжу въ лодкѣ на мельницу, а вечерами съ маньяками-рыболовами изъ завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бываютъ интересные. Подъ Троицу всѣ маньяки будутъ ночевать на островахъ и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные.

Хозяева мои оказались очень милыми и гостепріимными людьми. Семья, достойная изученія. Состоитъ она изъ 6 членовъ. Мать-старуха, очень добрая, сырая, настрадавшаяся вдоволь женщина; читаетъ Шопенгауэра и ѣздитъ въ церковь на акаѳистъ; добросовѣстно штудируетъ каждый номеръ Вѣстника Европы и Сѣвернаго Вѣстника и знаетъ такихъ беллетристовъ, какіе мнѣ и во снѣ не снились; придаетъ большое значеніе тому, что въ ея флигелѣ жилъ когда-то худ. Маковскій, а теперь живетъ молодой литераторъ; разговаривая съ Плещеевымъ, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ священную дрожь и ежеминутно радуется, что «сподобилась» видѣть великаго поэта.

Ея старшая дочь, женщина-врачъ — гордость всей семьи и, какъ величаютъ ее мужики, святая —, изображаетъ изъ себя воистину что-то необыкновенное. У нея опухоль въ мозгу; отъ этого она совершенно слѣпа, страдаетъ эпилепсіей и постоянной головной болью. Она знаетъ, что ожидаетъ ее, и стоически, съ поразительнымъ хладнокровіемъ говоритъ о смерти, которая близка. Врачуя публику, я привыкъ видѣть людей, которые скоро умрутъ, и я всегда чувствовалъ себя какъ-то странно, когда при мнѣ говорили, улыбались, или плакали люди, смерть которыхъ была близка, но здѣсь, когда я вижу на тер-

расѣ слѣпую, которая смѣется, шутитъ, или слушаетъ, какъ ей читаютъ мои Сумерки, мнѣ ужъ начинаетъ казаться страннымъ не то, что докторша умретъ, а то, что мы не чувствуемъ своей собственной смерти и пишемъ Сумерки, точно никогда не умремъ.

Вторая дочь — тоже женщина-врачъ тихое, застѣнчивое, безконечно доброе, любящее всѣхъ . . . . . созданіе. Больные для нея сущая пытка и съ ними она мнительна до психоза. На консиліумахъ мы всегда не соглашаемся: я являюсь благовѣстникомъ тамъ, гдѣ она видитъ смерть, и удваиваю тѣ дозы, которыя она даетъ. Гдѣ же смерть очевидна и необходима, тамъ моя докторша чувствуетъ себя совсѣмъ не подокторски. Разъ я принималъ съ нею больныхъ на фельдшерскомъ пунктѣ; пришла молодая хохлушка съ злокачественной опухолью железъ на шеѣ и на затылкѣ. Пораженіе захватило такъ много мѣста, что немыслимо никакое лѣченіе. И вотъ оттого, что баба теперь не чувствуетъ боли, а черезъ полгода умретъ въ страшныхъ мученіяхъ, докторша глядѣла на нее такъ глубоковиновато, какъ будто извинялась за свое здоровье и совѣстилась, что медицина безпомощна. Она занимается усердно хозяйствомъ и понимаетъ его во всѣхъ мелочахъ. Даже лошадей знаетъ. Когда, напримѣръ, пристяжная не везетъ, или начинаетъ безпокоиться, она знаетъ, какъ помочь бѣдѣ, и наставляетъ кучера... Я думаю, что она никому никогда не сдѣлала зла, и сдается мнѣ, что она никогда не была и не будетъ счастлива ни одной минуты.

Третья дщерь, кончившая курсъ въ Бестужевкѣ, молодая дѣвица, сильная, загорѣлая, горластая... Хохочетъ такъ, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя въ усадьбѣ на свой счетъ школу и учитъ хохлятъ баснямъ Крылова

въ малороссійскомъ переводѣ. Ѣздитъ на могилу Шевченко, какъ турокъ въ Мекку. Не стрижется, носитъ корсетъ и турнюръ, занимается хозяйствомъ, любитъ пѣть и хохотать...

Старшій сынъ, тихій, скромный, умный, безталанный и трудящійся молодой человѣкъ, безъ претензій и повидимому довольный тѣмъ, что дала ему жизнь. Исключенъ изъ 4 курса университета, чѣмъ не хвастаетъ. Говоритъ мало. Любитъ хозяйство и землю, съ хохлами живетъ въ согласіи.

Второй сынъ—молодой человѣкъ, помѣшанный на томъ, что Чайковскій геній. Піанистъ. Мечтаетъ о жизни по Толстому.

Вотъ Вамъ краткое описаніе публики, около которой я теперь живу. Что касается хохловъ, то женщины напоминаютъ мнѣ Зеньковецкую, а всѣ мужчины—Панаса Садовскаго [1]). Бываетъ много гостей.

У меня гоститъ А. Н. Плещеевъ. На него глядятъ всѣ, какъ на полубога, считаютъ за счастье, если онъ удостоитъ своимъ вниманіемъ чью-нибудь простоквашу, подносятъ ему букеты, приглашаютъ всюду и проч. Особенно ухаживаетъ за нимъ дѣвица Вата, полтавская институтка, которая гоститъ у хозяевъ. А онъ «слушаетъ да ѣстъ» и куритъ свои сигары, отъ которыхъ у его поклонницъ разбаливаются головы. Онъ тугоподвиженъ и старчески лѣнивъ, но это не мѣшаетъ прекрасному полу катать его на лодкахъ, возить въ сосѣднія имѣнія и пѣть ему романсы. Здѣсь онъ изображаетъ изъ себя то же, что и въ Петербургѣ, т.-е. икону, которой молятся за то, что она стара и висѣла когда-то рядомъ съ чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что онъ очень хорошій, теплый и искренній человѣкъ, вижу въ немъ

---

[1]) Украинскіе артисты.

сосудъ, полный традицій, интересныхъ воспоминаній и хорошихъ общихъ мѣстъ.

Я написалъ и уже послалъ въ Новое Время разсказъ.

То, что пишете Вы объ Огняхъ, совершенно справедливо. «Николай и Маша» проходятъ черезъ Огни красной ниткой, но что дѣлать? Отъ непривычки писать длинно я мнителенъ; когда я пишу, меня всякій разъ пугаетъ мысль, что моя повѣсть длинна не по чину, и я стараюсь писать возможно короче. Финалъ инженера съ Кисочкой представлялся мнѣ неважной деталью, запружающей повѣсть, а потому я выбросилъ его, поневлѣ, замѣнивъ его «Николаемъ и Машей».

Вы пишете, что ни разговоръ о пессимизмѣ, ни повѣсть Кисочки нимало не подвигаютъ и не рѣшаютъ вопроса о пессимизмѣ. Мнѣ кажется, что не беллетристы должны рѣшать такіе вопросы, какъ Богъ, пессимизмъ и т. п. Дѣло беллетриста изобразить только, кто, какъ и при какихъ обстоятельствахъ говорили или думали о Богѣ или пессимизмѣ. Художникъ долженъ быть не судьею своихъ персонажей и того, о чемъ говорятъ они, а только безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Я слышалъ безпорядочный, ничего не рѣшающій разговоръ двухъ русскихъ людей о пессимизмѣ и долженъ передать этотъ разговоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ, а дѣлать оцѣнку ему будутъ присяжные т.-е. читатели. Мое дѣло только въ томъ, чтобы быть талантливымъ, т.-е. умѣть отличать важныя показанія отъ неважныхъ, умѣть освѣщать фигуры и говорить ихъ языкомъ. Щегловъ-Леонтьевъ ставитъ мнѣ въ вину, что я кончилъ разсказъ фразой: «Ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ!» По его мнѣнію, художникъ-психологъ *долженъ* разобрать, на то онъ психологъ. Но я съ нимъ не согласенъ. Пишущимъ людямъ, особливо художникамъ, пора уже сознаться, что на этомъ свѣтѣ ничего не раз-

берешь, какъ когда-то сознался Сократъ и какъ сознавался Вольтеръ. Толпа думаетъ, что она все знаетъ и все понимаетъ; и чѣмъ она глупѣе, тѣмъ, кажется, шире ея кругозоръ. Если же художникъ, которому толпа вѣритъ, рѣшится заявить, что онъ ничего не понимаетъ изъ того, что видитъ, то ужъ это одно составитъ большое знаніе въ области мысли и большой шагъ впередъ.

Что касается Вашей пьесы [1]), то Вы напрасно ее хаете. Недостатки ея не въ томъ, что у Васъ не хватило таланта и наблюдательности, а въ характерѣ Вашей творческой способности. Вы больше склонны къ творчеству строгому, воспитанному въ Васъ частымъ чтеніемъ классическихъ образцовъ и любовью къ нимъ. Вообразите, что Ваша Татьяна написана стихами, и тогда увидите, что ея недостатки получатъ иную физіономію. Если бы она была написана въ стихахъ, то никто бы не замѣтилъ, что всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, никто не упрекнулъ бы Вашихъ героевъ въ томъ, что они не говорятъ, а философствуютъ и фельетонизируютъ— все это въ стихотворной, классической формѣ сливается съ общимъ фономъ, какъ дымъ съ воздухомъ,—и не было бы замѣтно отсутствіе пошлаго языка и пошлыхъ, мелкихъ движеній, коими должны изобиловать современныя драма и комедія, и коихъ въ Вашей Татьянѣ нѣтъ совсѣмъ. Дайте Вашимъ героямъ латинскія фамиліи, одѣньте ихъ въ тоги и получится то же самое.. Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органическіе. Утѣшайтесь на томъ, что они являются у Васъ продуктомъ Вашихъ положительныхъ качествъ и что если бы Вы эти Ваши недостатки подарили другимъ драматургамъ, напр., Крылову или Т..., то ихъ пьесы стали бы и интереснѣе, и умнѣе.

---

[1]) «Татьяна Рѣпина».

Теперь о будущемъ. Въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля я поѣду въ Кіевъ, оттуда внизъ по Днѣпру въ Екатеринославъ, потомъ въ Александровскъ и такъ до Чернаго моря. Побываю въ Ѳеодосіи. Если въ самомъ дѣлѣ поѣдете въ Константинополь, то нельзя ли и мнѣ съ Вами поѣхать? Мы побывали бы у о. Паисія, который докажетъ намъ, что ученіе Толстого идетъ отъ бѣса. Весь іюнь я буду писать, а потому, по всей вѣроятности, денегъ у меня на дорогу хватитъ. Изъ Крыма я поѣду въ Поти, изъ Поти въ Тифлисъ, изъ Тифлиса на Донъ, съ Дона на Пселъ.. Въ Крыму начну писать лирическую пьесу.

Какое однако письмо я Вамъ накаталъ! Надо кончить. Поклонитесь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ. Алексѣй Николаевичъ шлетъ вамъ привѣтъ. Онъ сегодня немножко болѣнъ: тяжело дышать и пульсъ хромаетъ, какъ Лейкинъ. Буду его лѣчить. Прощайте, будьте здоровы и дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Искренно преданный

А. Чеховъ.

LX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

9 Іюнь. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Кланяюсь Вамъ, милый мой драматургъ, купно съ дѣдомъ А. Н. Плещеевымъ, который вотъ уже мѣсяцъ какъ гоститъ у меня. Оба мы читаемъ газеты и слѣдимъ за Вашими успѣхами. Я радуюсь и завидую, хотя въ то же время и ненавижу Васъ за то, что Вашъ успѣхъ мѣшаетъ Вамъ пріѣхать ко мнѣ на Пселъ. Конечно, о вкусахъ

не спорятъ, но на мой вкусъ жить на Пслѣ и ничего не дѣлать гораздо душеспасительнѣе, чѣмъ работать и имѣть успѣхъ. Соитіе съ музами вкусно только зимой.

Вы человѣкъ несомнѣнно талантливый, литературный, испытанный въ буряхъ боевыхъ, остроумный, не угнетенный предвзятыми идеями и системами, а потому можете быть убѣждены въ томъ, что изъ Вашей пьесопекарни выйдетъ большой толкъ. Благословляю Васъ обѣими руками и шлю тысячу душевныхъ пожеланій. Вы хотите посвятить себя всецѣло сценѣ—это хорошо и стоитъ тутъ овчинка выдѣлки и игра свѣчъ, но... хватитъ ли у Васъ силъ? Нужно много нервной энергіи и устойчивости, чтобы нести бремя россійскаго драмописца. Я боюсь, что Вы измочалитесь, не достигнувъ и сорока лѣтъ. Вѣдь у каждаго драматурга (профессіональнаго, какимъ Вы хотите быть) на 10 пьесъ приходится 8 неудачныхъ, каждому приходится переживать неуспѣхъ, и неуспѣхъ иногда тянется годами, а хватитъ ли у Васъ силъ мириться съ этимъ. Вы по своей нервности склонны ставить каждое лыко въ строку и малѣйшая неудача причиняетъ Вамъ боль, а для драматурга это не годится. Засимъ я боюсь, что изъ Васъ выйдетъ не русскій драматургъ, а петербургскій. Писать для сцены и имѣть успѣхъ во всей Россіи можетъ только тотъ, кто бываетъ въ Питерѣ только гостемъ и наблюдаетъ жизнь не съ Тучкова моста. Вамъ надо уѣхать, а Вы едва ли рѣшитесь когда-нибудь разстаться съ тундрой и баронессой [1]). «Въ горахъ Кавказа» Вы написали потому, что были на Кавказѣ; пьесы изъ военнаго быта написаны благодаря тому, что Вы скитались по Россіи. Петербургъ же далъ Вамъ только Дачнаго мужа... Если Вы скажете, что и «Гордіевъ узелъ» есть продуктъ петербургскаго созерца-

---

[1]) Бабушка адресата.

нія, то я не повѣрю Вамъ. Пишу все сіе опять-таки съ зловредною цѣлью — заманить Васъ къ себѣ хотя на одну минутку. Пріѣзжайте! Обѣщаю Вамъ дюжину сюжетовъ и сотню характеровъ.

Относительно конца моихъ «Огней» я позволю себѣ не согласиться съ Вами. Не дѣло психолога понимать то, чего онъ не понимаетъ. Паче сего, не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны. Однако будьте здоровы и счастливы. Пишите мнѣ, голубчикъ, и не скупитесь. Я начинаю привыкать къ Вашему почерку и разбираю его уже превосходно.

Вашъ *Эгмонтъ*.

Вышла моя книжка. Если братъ не выдалъ Вамъ ее, то напомните ему, буде встрѣтитесь.

Не брезгуйте водевилемъ. Пишите ихъ дюжинами. Водевиль хорошая штука. Имъ кормится пока вся провинція.

LXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника.

Троица (Іюнь. 1888 г. Сумы).

Во-первыхъ, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, большое и сердечное спасибо Вамъ за то, что побывали у меня; искренно Вамъ говорю, что 3 недѣли, проведенныя мною на Лукѣ въ Вашемъ незамѣнимомъ обществѣ составляютъ одну изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ стра-

ничекъ моей біографіи. Во-вторыхъ, Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ досадно, что Вы уѣхали, и какъ всѣ мы стали грустны и кислы, когда посадили Васъ въ вагонъ. Да—мы едва удерживались отъ слезъ, а я мысленно далъ небу обѣтъ, что и на будущій годъ постараюсь увлечь Васъ въ обѣтованную землю.

Едва Вы уѣхали, какъ мы вернулись на вокзалъ и выпили еще одинъ кувшинъ крюшону за Ваше здоровье. Напившись, мы послали телеграмму и только черезъ 2—3 часа послѣ этого сообразили, что она т.-е. телеграмма обезпокоитъ Васъ. Я думаю, что она Васъ разбудила.

Обратный путь изъ Ворожбы совершали мы въ III классѣ: шумѣли, галдѣли и слушали, какъ пѣли въ вагонѣ хохлы. Дома мы еще разъ выпили за Ваше здоровье и уснули съ грустной мыслью, что завтра мы уже не увидимъ Васъ. Даже Цензура [1]) пила—это что-нибудь да значитъ!

Сегодня въ Сумахъ ярмарка. Купилъ я двѣ свистульки, 8 никому ненужныхъ ложекъ, 4 чашечки, пахнущія лакомъ, и серьги за 10 коп., которыя я подарилъ уважаемому товарищу [2]). Купилъ между прочимъ и портсигаръ съ дѣвицей за 15 коп.

Наняли четверку лошадей, чтобы ѣхать завтра къ Смагинымъ [3]) и въ Сорочинцы. У Смагиныхъ я напишу Вамъ письмо.

Всѣ Чеховы и Линтваревы шлютъ Вамъ привѣтъ. Симпатичный Жукъ, добродушный Барбосъ, фатоватый Пулька и ingenue — Розка [4]) здравствуютъ и попреж-

---

[1]) Одна изъ барышень.

[2]) Е. М. Линтваревой (женщинѣ-врачу).

[3]) Смагины — родственники Линтваревыхъ, жили въ Бакумовкѣ, въ своемъ имѣніи, въ Миргородскомъ уѣздѣ близъ Сорочинецъ.

[4]) Собаки Линтваревыхъ.

нему хватаютъ свиней за уши и лѣзутъ къ намъ въ столовую.

Артеменко [1]) поймалъ сегодня щуку, а я вынулъ изъ вентерей 6 карасей.

Ѣдемъ мы завтра въ громаднѣйшей дѣдовской коляскѣ, въ той самой, которая перешла въ наслѣдство Линтваревымъ отъ тетушки Ивана Федоровича Шпоньки.

Ну, будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте насъ многогрѣшныхъ.

Почтеніе всѣмъ Вашимъ.

Ложусь спать.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Прекрасная ночь. На небѣ ни облачка, а луна свѣтитъ во всю ивановскую.

LXII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

26 іюня 1888 г. (Сумы).

Завидую Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ! Завидую, что Вы женитесь и что Вы не утонули по уши въ суету и не разучились еще писать, какъ азъ многогрѣшный. Поздравляю Васъ, женише, съ поступленіемъ въ ряды несчастныхъ, осмѣянныхъ Вашими афоризмами и желаю Вамъ отъ души, чтобы Вашъ медовый мѣсяцъ тянулся десятки лѣтъ, чтобы теща бывала у Васъ не чаще одного раза въ годъ и чтобы дѣти Ваши не знались ни съ музами, ни съ нечистыми духами, ни съ Н. А. Лейкинымъ.

---

[1]) Рыбакъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ.

Если счастливую семейную жизнь съ ея чадами, восторгами и ежедневнымъ поломойствомъ можно сочетать съ выдающимися литературными успѣхами, то желаю Вамъ и сихъ послѣднихъ, желаю отъ души и чистаго сердца, ибо Вы, какъ мнѣ казалось и кажется, имѣете всѣ данныя для этихъ успѣховъ.

Если увидите Ежова, то передайте ему мое сердечное поздравленіе. Вы и Ежовъ женитесь одновременно — въ этомъ я усматриваю стачку, противозаконную демонстрацію, направленную противъ моей холостой персоны. По моему мнѣнію, Вы, какъ младшіе литераторы, не имѣете никакого права жениться раньше тѣхъ, кто старше (я началъ писать въ 1880 году), ибо еще въ писаніи сказано: «впередъ батьки въ петлю не суйся».

Недавно я путешествовалъ по Полтавской губерніи. Былъ въ Сорочинцахъ. Все то, что я видѣлъ и слышалъ, такъ плѣнительно и ново, что Вы позволите мнѣ не описывать здѣсь въ письмѣ этого путешествія. Тихія, благоухающія отъ свѣжаго сѣна ночи, звуки далекой, далекой хохлацкой скрипки, вечерній бликъ рѣкъ и прудовъ, хохлы, дѣвки, — все это такъ широколиственно, какъ хохлацкая зелень, и помѣститься въ короткомъ письмѣ не сумѣетъ.

У меня гостилъ три недѣли старикъ Плещеевъ. Теперь гоститъ Баранцевичъ.

Дуетъ сильный вѣтеръ. Пселъ вообразилъ себя моремъ, разбушевался и вздымаетъ одинъ за другимъ девятые валы. Дождь. Погода свирѣпствуетъ. Въ общемъ погода стоитъ хорошая, и я ею доволенъ.

Когда Вы рѣшитесь написать «субботникъ»? [1]).

Пора, увѣряю Васъ. Я боюсь, чтобы Вы не опоздали. Впрочемъ, простите... Я забылъ, что Вы теперь женихъ,

---

[1]) Для «Новаго Времени»

Острова на Пслѣ.

и пристаю къ Вамъ съ прозой. Будьте счастливы, глядите почаще на луну, нюхайте цвѣты, глубоко вздыхайте и говорите возвышеннымъ языкомъ — таковъ удѣлъ всѣхъ жениховъ.

А мнѣ позвольте пребыть попрежнему одинокимъ, старымъ заржавленнымъ холостякомъ.

А. Чеховъ.

Я жалѣю, что я не женатъ, или, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ дѣтей.

LXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Іюнь (1888 г., Сумы).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ! На дняхъ я ѣздилъ въ Полтавскую губернію. Былъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, въ Сорочинцахъ. видѣлъ отличныхъ людей и природу,

которой раньше никогда не видѣлъ, слышалъ много новаго.. Вернувшись, я засѣлъ писать Вамъ и исписалъ 3 листика почтовой бумаги, но впечатлѣній такъ много, что въ письмо не влѣзло и двадцатой доли того, что я хотѣлъ передать Вамъ. Пришлось бросить письмо и отложить описаніе путешествія до 15 іюля, когда я думаю быть въ Крыму.

Если до 15 іюля Вы уѣдете изъ Ѳеодосіи въ Константинополь, или въ Кіевъ, то пожалуйста увѣдомьте телеграммой: я боюсь не застать Васъ.

Плещеевъ уѣхалъ. Теперь гоститъ у меня Баранцевичъ. Страстный раколовъ.

Когда я разбогатѣю, то куплю себѣ на Послѣ, или на Хоролѣ хуторъ, гдѣ устрою «климатическую станцію» для петербургскихъ писателей. Когда по цѣлымъ недѣлямъ не видишь ничего, кромѣ деревьевъ и рѣки, когда то и дѣло прячешься отъ грозы, или обороняешься отъ злыхъ собакъ, то поневолѣ, какъ бы ни былъ уменъ пріобрѣтаешь новыя привычки, а все новое производитъ въ организмѣ реакцію болѣе рѣзкую, чѣмъ рецепты Бертенсона [1]). Подъ вліяніемъ простора и встрѣчъ съ людьми, которые въ большинствѣ оказываются превосходными людьми, всѣ петербургскія тенденціи становятся необыкновенно куцыми и блѣдными. Тотъ, кто въ Петербургѣ близко принималъ къ сердцу выходъ Михайловскаго изъ Сѣвернаго Вѣстника, или ненавидѣлъ Михневича, или злился на Буренина, или плакался на невниманіе и отсутствіе критики и проч., тотъ здѣсь, вдали отъ родныхъ тундръ, вспоминаетъ о Петербургѣ только въ тѣ минуты, когда, ознакомившись съ просторомъ и людьми, заявляетъ громогласно:—«Нѣтъ, не то мы пишемъ,

---

[1]) Знаменитый петербургскій врачъ.

что нужно!» А все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствуетъ на нервы чудодѣйственно.

У насъ буря. Пселъ вообразилъ себя моремъ и разбунтовался не на шутку. Такія высокія волны, что нѣтъ возможности переѣхать на тотъ берегъ. Всѣ лодки и челноки полны воды.

Поѣду я въ Крымъ не по Днѣпру, какъ предполагалъ, а черезъ Лозовую. Обанкротился.

Ваше письмо я получилъ какъ разъ передъ отъѣздомъ въ Полтавск. губ., когда были поданы лошади.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте здоровы и счастливы. Искренно преданный эскулапъ.

А. Чеховъ.

Домъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ, гдѣ жили сами хозяева и гдѣ происходили литературно-музыкальные вечера въ присутствіи А. Н. Плещеева.

LXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

28 Іюнь (1888 г., Сумы).

Здравствуйте, дорогой мой жилецъ, Алексѣй Николаевичъ! Письмо Ваше вчера получено, но упрекъ за слово «незамѣнимый» не принятъ и возвращается Вамъ назадъ, ибо Вы дѣйствительно никѣмъ на Лукѣ незамѣнимы. Безъ Васъ нѣтъ ужъ того движенія, нѣтъ мороженаго, нѣтъ литературныхъ вечеровъ, а главное нѣтъ Васъ и Вашего присутствія, вдохновлявшаго Вату [1]) и прочихъ почитательницъ вашихъ. При Васъ и пѣли, и играли иначе.

Были мы въ Полтавск. губ. Были и у Смагиныхъ и въ Сорочинцахъ. Ѣздили мы на четверикѣ, въ дѣдовской очень удобной коляскѣ. Смѣху, приключеній, недоразумѣній, остановокъ, встрѣчъ по дорогѣ было многое множество. Все время на встрѣчу попадались такіе чудные, за душу хватающіе пейзажи и жанры, которые поддаются описанію только въ романѣ, или въ повѣсти, но никакъ не въ короткомъ письмѣ. Ахъ, если бы Вы были съ нами и видѣли нашего сердитаго ямщика Романа, на котораго нельзя было глядѣть безъ смѣха, если бы Вы видѣли мѣста, гдѣ мы ночевали, восьми и десяти верстныя села, которыми мы проѣзжали, если бы пили съ нами поганую водку, отъ которой отрыгается, какъ послѣ сельтерской воды. Какія свадьбы попадались намъ на пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ! То-есть

---

[1]) Полтавская институтка, гостившая на Лукѣ.

душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ.. Жаль, что Васъ не было! Въ коляскѣ Вы чувствовали бы себя, какъ въ постели. Ѣли мы и пили каждые полчаса, не отказывали себѣ ни въ чемъ, смѣялись до коликъ..

Къ Смагинымъ пріѣхали мы ночью. Встрѣча сопровождалась членовредительствомъ. Узнавъ наши голоса Сергѣй Смагинъ выскочилъ изъ дому, полетѣлъ къ воротамъ и, наткнувшись въ потемкахъ на скамью, растянулся во весь свой ростъ, Александръ тоже выскочилъ изъ дому и въ потемкахъ изо всей силы трахнулся лбомъ о старый каштанъ, послѣ чего 3 — 4 дня ходилъ съ красной шишкой, Вата набила себѣ щеку. Послѣ самой сердечной, радостной встрѣчи поднялся общій, безпричинный хохотъ, и этотъ хохотъ повторялся потомъ аккуратно каждый вечеръ.

По части безпричиннаго хохота особенно отличались Наталья Михайловна и Александръ Смагинъ.

Имѣнье Смагиныхъ велико и обильно, но старо, запущено и мертво, какъ прошлогодняя паутина. Домъ осѣлъ, двери не затворяются, изразцы на печкѣ выпираютъ другъ друга и образуютъ углы, изъ щелей половъ выглядываютъ молодые побѣги вишень и сливъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и ставней, соловей свилъ себѣ гнѣздо и при мнѣ вывелись изъ яицъ маленькіе, голенькіе соловейчики, похожіе на раздѣтыхъ жиденятъ. На ригѣ живутъ солидные аисты. На пасѣкѣ обитаетъ дѣдъ, помнящій царя Гороха и Клеопатру Египетскую.

Все ветхо и гнило, но за то поэтично, грустно и красиво въ высшей степени.

Сестра Смагиныхъ — чудное, когда-то красивое, въ высшей степени доброе и кроткое созданіе съ роскошной черной косой и съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое

вѣроятно, лѣтъ 6 — 8 тому назадъ было плѣнительно, теперь же наводитъ на грустныя мысли... Она такъ же хороша, какъ и ея братья, которые положительно очаровали меня, особливо Сергѣй.

Прогостили мы у Смагиныхъ 5 дней и уѣхали, давши имъ слово, что побываемъ у нихъ еще разъ въ этомъ году и сто разъ въ будущемъ.

Тополи у нихъ удивительные.

Жоржъ уѣхалъ въ Славянскъ, Вата — въ Купянскъ, Петровскій—въ Черниговъ. Къ Линтваревымъ пріѣхалъ полубогъ Воронцовъ [1]) — очень вумная, политико-экономическая фигура съ гиппократовскимъ выраженіемъ лица, вѣчно молчащая и думающая о спасеніи Россіи. У меня гоститъ Баранцевичъ.

Въ Полтавскую губ. я поѣду въ августѣ. Къ 15 постараюсь быть въ Ѳеодосіи. Ну, будьте здоровы, счастливы и покойны. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Antonio.

Всѣ наши шлютъ Вамъ свой привѣтъ.

LXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Сумы, 1888 г. Іюль).

Пишу Вамъ сіе, Милый Алексѣй Николаевичъ, въ то время, когда вся Лука стала на дыбы, пускаетъ пыль подъ небеса, шумитъ, гремитъ и стонетъ: рожаетъ Антонида Ѳедоровна, жена Павла М. То и дѣло приходится бѣгать во флигилечекъ vis-à-vis, гдѣ живутъ новоиспекаемые родители. Роды не тяжелые, но долгіе.

---

[1]) Публицистъ В. В.

Ѣду я въ Ѳеодосію 10-го іюля. Мой адресъ таковъ: Ѳеодосія Суворину для Чехова. Черкните два словечка, а я Вамъ черкну, коли не ошалѣю отъ палящаго зноя.

Радуюсь за Гиляровскаго. Это человѣчина хорошій и не безъ таланта, но литературно необразованный. Ужасно падокъ до общихъ мѣстъ, жалкихъ словъ и трескучихъ описаній, вѣруя, что безъ этихъ орнаментовъ не обойдется дѣло. Онъ чуетъ красоту въ чужихъ произведеніяхъ, знаетъ, что первая и главная прелесть разсказа — это простота и искренность, но быть искреннимъ и простымъ въ своихъ разсказахъ онъ не можетъ: не хватаетъ мужества. Подобенъ онъ тѣмъ вѣрующимъ, которые не рѣшаются молиться Богу на русскомъ языкѣ, а на славянскомъ, хотя сознаютъ, что русскій ближе и къ правдѣ, и къ сердцу.

Книжку его конфисковали еще въ ноябрѣ, за то, что въ ней всѣ герои — отставные военные нищенствуютъ и умираютъ съ голода. Общій тонъ книжки унылъ и мраченъ, какъ дно колодезя, въ которомъ живутъ жабы и мокрицы.

Вы забыли у насъ сорочку. Это значитъ, что Вы побываете у меня еще не одинъ разъ. Охотно вѣрю бабьимъ примѣтамъ и буду настаивать, чтобы онѣ сбывались.

Смагины Ваше письмо получили. Стихотвореніе [1]) и до сихъ поръ еще производитъ сенсацію въ Миргородскомъ уѣздѣ. Его кошируютъ безъ конца.

Воронцовъ (Веве) мало-по-малу разошолся и даже—о ужасъ! — плясалъ вальсъ. Человѣчина угнетенъ сухою умственностью и насквозь протухъ чужими мыслями, но по всѣмъ видимостямъ малый добрый, несчастный и чистый въ своихъ намѣреніяхъ. Ваше предположеніе

---

[1]) Это стих. А. Н. Плещеева, написанное для семьи Линтваревыхъ, помѣщено ниже въ приложеніи къ настоящему письму (стр. 118—119).

о его намѣреніи окрутить Линтваревыхъ «Эпохой» едва ли основательно. Онъ, какъ старый знакомый Л-выхъ, отлично знаетъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ денегъ.

Идетъ дождь. Симпатичный Жукъ ревнуетъ Розку къ добродушному Барбосу [1]) и грызется съ нимъ.

Наши всѣ шлютъ Вамъ свой привѣтъ и желаютъ ясныхъ дней. Будьте здоровы, счастливы и да хранятъ Васъ небесныя силы на многія лѣта.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Николая Алексѣевича [2]) благодарю за поклонъ. Напомните ему объ его обѣщаніи пріѣхать къ намъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Цвѣтущій, мирный уголокъ,
Гдѣ отдыхалъ я отъ тревогъ
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь въ нее опять,
Судьбы велѣніямъ послушный.
Отрадно будетъ мнѣ мечтой
Перенестись сюда порой, —
Перенестись къ семьѣ радушной
Гдѣ милый, дружескій привѣтъ
Нежданно встрѣтилъ я, гдѣ нѣтъ
Ни свѣтской чопорности скучной,
Ни картъ, ни пошлой болтовни,
Съ пустою жизнью неразлучной,
Но гдѣ въ трудахъ проходятъ дни,
И чистый, безкорыстный трудъ
На благо края своего
Цѣнить умѣетъ темный людъ,
Платя любовью за него...
Не разъ мечта перенесетъ
Меня въ уютный домикъ тотъ,
Гдѣ вечеромъ, подъ звукъ рояли,
Въ душѣ усталой оживали

---

[1]) Собаки на Лукѣ.
[2]) Сынъ адресата.

Волненья давнихъ, прошлыхъ дней
Весны умчавшейся моей —
Ея восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привѣтъ,
Которымъ былъ я здѣсь согрѣтъ!
Спасибо вамъ! И если снова
Не встрѣчусь съ вами въ жизни я,
То вспомяните добрымъ словомъ
Въ бесѣдѣ дружеской меня.
Усадьба Лука. 1888 г. 6/VI.

LXVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ѳеодосія. Четвергъ. (Іюль. 1888 г.).

Мадемуазель сестра!

Очень жарко и душно, а потому придется писать недолго и коротко. Начну съ того, что я живъ и здравъ, все обстоитъ благополучно, деньги пока есть.. Легкое не хрипитъ, но хрипитъ совѣсть, что я ничего не дѣлаю и бью баклуши. — Дорога отъ Сумъ до Харькова прескучнѣйшая. Отъ Харькова до Лозовой и отъ Лозовой до Симферополя можно околѣть съ тоски. Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, безколоритна, какъ разсказы Иваненко, и въ общемъ похожа на тундру. Когда я, ѣдучи черезъ Крымъ, глядѣлъ на нее, то думалъ:—«Ничего я, Саша, не вижу въ этомъ хорошаго» [1].. Судя по степи, по ея обитателямъ и по отсутствію того, что мило и плѣнительно въ другихъ степяхъ, Крымскій полуостровъ блестящей будущности

[1]) Обычная фраза министра М. Н. Островскаго при разговорѣ съ его братомъ - драматургомъ А. Н. Островскимъ.

не имѣетъ и имѣть не можетъ. Отъ Симферополя начинаются горы, а вмѣстѣ съ ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, изъ ямъ торчатъ тополи, на горахъ темнѣютъ виноградники — все это залито луннымъ свѣтомъ, дико, ново и настраиваетъ фантазію на мотивъ гоголевской «Страшной мести». Особенно фантастично чередованіе пропастей и тунелей, когда видишь то пропасти, полныя луннаго свѣта, то безпросвѣтную, нехорошую тьму.. Немножко жутко и пріятно. Чувствуется что-то не русское и чужое. Въ Севастополь я пріѣхалъ ночью. Городъ красивъ самъ по себѣ, красивъ и потому, что стоитъ у чудеснѣйшаго моря. Самое лучшее у моря, это — его цвѣтъ, а цвѣтъ описать нельзя. Похоже на синій купоросъ. Что касается пароходовъ и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается въ глаза бѣдность русскаго человѣка. Кромѣ «поповокъ», похожихъ на московскихъ купчихъ и кромѣ 2 — 3 сносныхъ пароходовъ нѣтъ въ гавани ничего путнаго, и я удивляюсь нашему капитану Мишелю [1]), который сумѣлъ увидѣть въ Севастополѣ не только отсутствующій флотъ, но даже и то, чего нѣтъ.. Ночевалъ въ гостинницѣ съ полтавскимъ помѣщикомъ Кривобокомъ, съ которымъ сошелся дорогой. Поужинали разварной кефалью и цыплятами, натрескались вина и легли спать. Утромъ — скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется.. На гавани воняетъ канатомъ, мелькаютъ какія-то рожи съ красной какъ кирпичъ кожей, слышны звуки лебедки, плескъ помоевъ, стукъ, татарщина и всякая неинтересная чепуха. Подойдешь къ пароходу: люди въ отрепьяхъ, потные, сожженные на половину солнцемъ, ошалѣлые, съ дырами на плечахъ и спинѣ выгружаютъ портландскій цементъ; постоишь, поглядишь и вся картина начинаетъ представляться чѣмъ то такимъ

---

[1]) Братъ Мих. Павл

чужимъ и далекимъ, что становится нестерпимо скучно и не любопытно. Садиться на пароходъ и трогаться съ якоря интересно, плыть же и бесѣдовать съ публикой, которая вся цѣликомъ состоитъ изъ элементовъ уже надоѣвшихъ и устарѣвшихъ, скучновато. Море и однообразный, голый берегъ красивы только въ первые часы, но скоро къ нимъ привыкаешь; поневолѣ идешь въ каюту и пьешь вино. Берегъ красивымъ не представляется.. Красота его преувеличена. Всѣ эти гурзуфы, массандры и кедры, воспѣтые гастрономами по части поэзіи, кажутся съ парохода тощими кустиками, крапивой; а потому о красотѣ можно только догадываться, а видѣть ее можно развѣ только въ сильный бинокль. Долина Псла съ Сарами и Рашевкой гораздо разнообразнѣе и богаче содержаніемъ и красками. Глядя на берегъ съ парохода, я понялъ, почему это онъ еще не вдохновилъ ни одного поэта и не далъ сюжета ни одному порядочному художнику-беллетристу. Онъ рекламированъ докторами и барынями — въ этомъ вся его сила. Ялта — это помѣсь чего-то европейскаго, напоминающаго виды Ниццы, съ чѣмъ-то мѣщански—ярмарочнымъ. Коробообразныя гостинницы, въ которыхъ чахнутъ несчастные чахоточные, наглыя татарскія хари, турнюры съ очень откровеннымъ выраженіемъ чего-то очень гнуснаго, эти рожи бездѣльниковъ-богачей съ жаждой грошовыхъ приключеній, парфюмерный запахъ вмѣсто запаха кедровъ и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на морѣ, болтовня барышень и кавалеровъ, понаѣхавшихъ сюда наслаждаться природой, въ которой они ничего не понимаютъ — все это въ общемъ даетъ такое унылое впечатлѣніе и такъ внушительно, что начинаешь обвинять себя въ предубѣжденіи и пристрастіи.

Спалъ я хорошо, въ каютѣ I класса, на кровати. Утромъ въ 5 часовъ изволилъ прибыть въ Ѳеодосію — сѣровато-

бурый, унылый и скучный на видъ городишко. Травы нѣтъ, деревца жалкія, почва крупно зернистая, безнадежно-тощая. Все выжжено солнцемъ и улыбается одно только море, которому нѣтъ дѣла до мелкихъ городишекъ и туристовъ. Купанье до того хорошо, что я окунувшись сталъ смѣяться безъ всякой причины. Суворины, живущіе тутъ въ самой лучшей дачѣ, обрадовались мнѣ; оказалось, что комната для меня давно уже готова и что меня давно уже ждутъ, чтобы начать экскурсіи. Черезъ часъ послѣ пріѣзда меня повезли на завтракъ къ нѣкоему Мурзѣ, татарину. Тутъ собралась большая компанія: Суворины, главный морской прокуроръ, его жена, мѣстные тузы, Айвазовскій. Было подаваемо около 8 татарскихъ блюдъ, очень вкусныхъ и очень жирныхъ. Завтракали до 5 часовъ и напились, какъ сапожники. Мурза и прокуроръ (еще не старый питерскій дѣлецъ) обѣщали свозить меня въ татарскія деревни и показать мнѣ гаремы богачей. Конечно, поѣду.

Писать душно. Думаю, что долго не высижу въ этой жарѣ. Пріѣду скоро, хотя Суворины и обѣщаютъ задержать меня до сентября.

У насъ съ Суворинымъ разговоры безконечные. . .

. . . . . .

Ѣду въ городъ. Прощай. Поклонъ всѣмъ. Писать буду.

Твой *А. Чеховъ.*

LXVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

Ѳеодосія 18 Іюля (1888 г.).

Пишу Вамъ, милый капитанъ, съ береговъ Чернаго моря. Живу въ Ѳеодосіи у генерала Суворина. Жарища и духота невозможныя, вѣтеръ сухой и жесткій, какъ

переплетъ, просто хоть караулъ кричи. Деревьевъ и травы въ Ѳеодосіи нѣтъ, спрятаться некуда. Остается одно — купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нѣжное, какъ волосы невинной дѣвушки. На берегу его можно жить 1000 лѣтъ и не соскучиться.

Цѣлый день проводимъ въ разговорахъ. Ночь тоже. И мало-по-малу я обращаюсь въ разговорную машину. Рѣшили мы уже всѣ вопросы и намѣтили тьму новыхъ, еще ни кѣмъ не приподнятыхъ вопросовъ. Говоримъ, говоримъ, говоримъ и по всей вѣроятности кончимъ тѣмъ, что умремъ отъ воспаленія языка и голосовыхъ связокъ. Быть съ Суворинымъ и молчать такъ же не легко, какъ сидѣть у Палкина и не пить. Дѣйствительно, Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя то же самое, что сетеръ въ охотѣ на бекасовъ, т.-е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многаго не знаетъ, во всемъ онъ самоучка— отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа, поневолѣ онъ развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ. Ваше Суворинъ-шмерцъ я отлично понимаю.

Пришлите мнѣ «Театральнаго воробья» [1]). Если Вы въ самомъ дѣлѣ написали комедію, то Вы молодецъ и умница. Пишите во всѣ лопатки и такъ, какъ Вамъ въ дан-

---

[1]) Комедія адресата.

ную минуту писать хочется. Хотите писать трагедію — пишите, хотите писать пустой водевиль — пишите. У Васъ не такая натура, чтобы Вы могли соображаться съ чужими взглядами и приговорами. Вы должны слѣдовать своему внутреннему чувству, которое у людей нервныхъ и чувствительныхъ составляетъ лучшій барометръ. И чѣмъ больше напишете пьесъ, тѣмъ лучше. Ахъ, я опять впадаю въ мораль! Простите, голубчикъ... это не мораль, а разговоръ съ Вами. Когда я пишу къ Вамъ, я вижу Ваше лицо.

Ѣду въ городъ на почту. Прощайте. Да хранитъ Васъ Аллахъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

22 Іюль. Ѳеодосія (1888 г.).

Милые домочадцы! Симъ извѣщаю Васъ, что завтра я выѣзжаю изъ Ѳеодосіи. Гонитъ меня изъ Крыма моя лѣнь. Я не написалъ ни одной строки и не заработалъ ни копѣйки; если мой гнусный кейфъ продлится еще 1 — 2 недѣли, то у меня не останется ни гроша и Чеховской фамиліи придется зимовать на Лукѣ. Мечталъ я написать въ Крыму пьесу и 2—3 разсказа, но оказалось, что подъ южнымъ небомъ гораздо легче взлетѣть живымъ на небо, чѣмъ написать хоть одну строку. Встаю я въ 11 часовъ, ложусь въ 3 ночи, цѣлый день ѣмъ, пью и говорю, говорю, говорю безъ конца. Обратился въ разговорную машину. Суворинъ тоже ничего не дѣлаетъ и мы съ нимъ перерѣшали всѣ вопросы. Жизнь сытая, полная, какъ чаша, затягивающая.. Кейфъ

на берегу, шартрезы, крюшоны, ракеты, купанье, веселые ужины, поѣздки, романсы — все это дѣлаетъ дни короткими и едва замѣтными; время летитъ, летитъ, а голова подъ шумъ волнъ дремлетъ и не хочетъ работать.. Дни жаркіе, ночи душныя, азіятскія.. Нѣтъ, надо уѣхать!

Вчера я ѣздилъ въ Шахъ-мамай, имѣнье Айвазовскаго, за 25 верстъ отъ Ѳеодосіи. Имѣнье роскошное, нѣсколько сказочное; такія имѣнія, вѣроятно, можно видѣть въ Персіи. Самъ Айвазовскій, бодрый старикъ лѣтъ 75, представляетъ изъ себя помѣсь добродушнаго армяшки съ заѣвшимся архіереемъ; полонъ собственнаго достоинства, руки имѣетъ мягкія и подаетъ ихъ погенеральски. Недалекъ, но натура сложная и достойная вниманія. Въ себѣ одномъ онъ совмѣщаетъ и генерала, и архіерея, и художника, и армянина, и наивнаго дѣда, и Отелло. Женатъ на молодой и очень красивой женщинѣ, которую держитъ въ ежахъ. Знакомъ съ султанами, шахами и эмирами. Писалъ вмѣстѣ съ Глинкой «Руслана и Людмилу». Былъ пріятелемъ Пушкина, но Пушкина не читалъ. Въ своей жизни онъ не прочелъ ни одной книги. Когда ему предлагаютъ читать, онъ говоритъ:—«Зачѣмъ мнѣ читать, если у меня есть свои мнѣнія?» Я у него пробылъ цѣлый день и обѣдалъ. Обѣдъ длинный, тягучій, съ безконечными тостами. Между прочимъ на обѣдѣ познакомился я съ женщиной-врачомъ . . . . . ., женою извѣстнаго профессора. Это толстый, ожирѣвшій комокъ мяса. Если ее раздѣть голой и выкрасить въ зеленую краску, то получится болотная лягушка. Поговоривши съ ней, я мысленно вычеркнулъ ее изъ списка врачей..

Видаю много женщинъ; лучшая изъ нихъ—С. Она такъ же оригинальна, какъ и ея мужъ, и мыслитъ не поженски. Говоритъ много вздора, но если захочетъ говорить серьез-

но, то говоритъ умно и самостоятельно. Влюблена въ Толстого по уши и поэтому всей душой не терпитъ современной литературы. Когда говоришь съ ней о литературѣ, то чувствуешь, что Короленко, Бѣжецкій, я и прочіе— ея личные враги. Обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ безъ умолку болтать вздоръ, болтать талантливо и интересно, такъ что ее можно слушать весь день безъ скуки, какъ канарейку. Вообще человѣкъ она интересный, умный и хорошій. По вечерамъ сидитъ на пескѣ у моря и плачетъ, по утрамъ хохочетъ и поетъ цыганскіе романсы.. Что-нибудь изъ двухъ: или я поѣду прямо домой, или же туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Если первое, то ждите меня черезъ недѣлю, если же второе, то не ждите черезъ недѣлю.

Поклонъ Александрѣ Васильевнѣ, Зинаидѣ Михайловнѣ, уважаемому товарищу, Натальѣ Михайловнѣ, Павлу и Георгію Михайловичу и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Антонидѣ Федоровнѣ съ ея младенцемъ тоже поклонъ.

Сидитъ сейчасъ у меня въ комнатѣ С. и стонетъ:—«дайте прочесть письмо!» Стонетъ и бранится. Ѣду сейчасъ въ городъ.

Деньги на покупку хутора есть 2.000 руб. Суворинъ подарилъ мнѣ 2 лодки и линейку. Лодки, говорятъ, великолѣпныя. Я постараюсь, чтобы ихъ выслали на Пселъ. Куплены онѣ въ петербургск. Яхтъ-клубѣ. Одна парусная.

Матери цѣлую руку. Надѣюсь, что всѣ сыты, что табакъ есть и проч. Денегъ не жалѣйте. Тѣмъ болѣе не жалѣйте, что ихъ нѣтъ.

Всѣхъ цѣлую.

А. Чеховъ.

Антонъ Павловичъ въ Ѳеодосіи въ 1888 г.

LXIX.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Ѳеодосія, 1888 г. Іюль).

3 часа ночи подъ субботу. Только что вернулся изъ сада и поужиналъ. Прощался съ Ѳеодосійцами. Поцѣлуямъ, пожеланіямъ, совѣтамъ и изліяніямъ не было конца. Черезъ $1^1/_2$ часа идетъ пароходъ. Ѣду съ сыномъ Суворина [1]) куда глаза глядятъ. Начинается вѣтеръ. Быть рвотѣ.

Черезъ 2 — 3 дня получите еще письмо.

Берегите Новое Время начиная съ 20 Іюля. Вообще— всѣ газеты берегите.

Скажите Лидіи Федоровнѣ [2]), что ея гребенка цѣла и служитъ свою службу: ежеминутно вычесываю изъ головы морской песокъ.

Письма адресуйте (въ случаѣ надобности) къ Суворину въ Ѳеодосію. Онъ будетъ знать, гдѣ я.

Душно!

Меня мучаетъ совѣсть, что уѣзжая изъ дому я не простился съ Еленой Ивановной и Лидіей Федоровной.

LXX.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

28 Іюль 1888 г.

По морямъ Черному, Житейскому и Каспійскому.

(Посвящается капитану собственныхъ пароходовъ М. П. Чехову.)

---

[1]) Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

[2]) Московская учительница, гостившая на Лукѣ и подарившая А. П. на дорогу гребенку.

Паршивенькій грузовой пароходъ Диръ мчится на всѣхъ парахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поти. Двѣнадцатый часъ ночи.. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на ватеръ-клозетъ, нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ.. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ, бумъ»... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила.. Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается.. Все вниманіе желудка устремлено на кровать и онъ, словно нивеллируя, то подкатываетъ выпитую зельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ.. Чтобы не облевать въ потемкахъ одежи, быстро одѣваюсь и выхожу.. Темно.. Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье.. Подъ подошвами угольный мусоръ.. Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшетчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ.. Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ.. Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку.. Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку.. Качаетъ.. Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется.. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ.. Ни огонька..

Сзади меня окно.. Гляжу въ него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича [1].. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію.. Рядомъ со мной стоитъ

---

[1]) П. М. Линтварева.

маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ, похожій фигурою и лицомъ на Корнелія Пушкарева [1]. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега..

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! — говоритъ онъ между прочимъ кому-то; или: — Тутъ должны быть видны огоньки.. Видишь?

— Никакъ нѣтъ! отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣша лѣзетъ куда-то вверхъ.. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу.. Проходитъ полчаса, часъ.. Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку.. Темноты нѣтъ, но жутко..

Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: «Чорртова кукла!» бѣжитъ куда-то назадъ.

— Влѣво! — кричитъ онъ съ тревогой во все горло.— Влѣво... вправо! Аря..ва..а-а!

Слышится непонятная команда, пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... — «Ава-ва-ва!» кричитъ капитанъ; у самаго носа звонятъ въ колоколъ, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики.. Диръ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ..

— Что такое? спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, чорртова кукла! слышится рѣзкій крикъ капитана... Влѣ-ѣва-а!

---

[1]) Братъ издателя журнала «Свѣтъ и Тѣни».

У носа показываются какіе-то красные огни и вдругъ раздается среди шума свистъ не Дира, а какого-то другого парохода.. Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пыхтитъ, дрожитъ и какъ будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну. (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полминуты, но доставившее мнѣ не мало мученій.. Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи разскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно нѣтъ мочи)..

Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода.. Длинное черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ..

— Уфъ! Какой это пароходъ? спрашиваю я капитана.

Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ:

— Это Твиди.

Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человѣка, и глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость.. Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой.. [1])

---

[1]) По возвращеніи братъ разсказывалъ мнѣ, вспоминаетъ М. П. Чеховъ, почему именно онъ считалъ себя причиной возможнаго столкновенія «Дира» и «Твиди». Въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ машины. Братъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. Предсказаніе брата относительно капитана оправдалось отчасти: въ ту же осень «Диръ» погибъ у береговъ Алупки.

Иду къ себѣ въ каютку.. Душно и воняетъ кухней.. Мой спутникъ Суворинъ-фисъ уже спитъ.. Раздѣваюсь до нага и ложусь.. Темнота колеблется, кровать словно дышетъ.. Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаясь потомъ, задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя:—«Зачѣмъ я здѣсь»?

Просыпаюсь.. Уже не темно.. Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу.. Все покрыто росой.. Козули глядятъ по человѣчески сквозь рѣшотку и, кажется, хотятъ спросить: зачѣмъ мы здѣсь? Капитанъ попрежнему стоитъ неподвижно и всматривается вдаль..

Налѣво тянется гористый берегъ.. Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ, вотъ такъ: [1])

Восходитъ мутное солнце.. Видна зеленая Ріонская долина, а возлѣ нея Потійская бухта...

(Продолженіе слѣдуетъ) [2]).

LXXI.

Неизвѣстному лицу.

(Съ подлинника).

(Сухумъ. 1888 г. Іюль).

Я въ Абхазіи! Ночь ночевалъ въ монастырѣ «Новый Аѳонъ», а сегодня съ утра сижу въ Сухумѣ. Природа удивительная до бѣшенства и отчаянія. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, си-

---

[1]) Здѣсь рисунокъ, котораго мы не воспроизводимъ.

[2]) Продолженія такъ и не послѣдовало, потому что А. П. изъ Баку вернулся домой.

зые журавли, а главное — горы, горы и горы безъ конца и краю.. Сижу я сейчасъ на балконѣ, а мимо лѣниво прохаживаются абхазцы въ костюмахъ маскарадныхъ капуциновъ; черезъ дорогу бульваръ съ маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваромъ темносинее море.

Жарко невыносимо! Варюсь въ собственномъ потѣ. Мой красный шнурокъ на сорочкѣ раскисъ отъ пота и пустилъ красный сокъ; рубаха, лобъ и подмышки хоть выжми. Кое-какъ спасаюсь купаньемъ.. Вечерѣетъ.. Скоро поѣду на пароходъ. Вы не повѣрите, голубчикъ, до какой степени вкусны здѣсь персики! Величиной съ большое яблоко, бархатистые, сочные.. Ѣшь, а нутро такъ и ползетъ по пальцамъ..

Изъ Ѳеодосіи выѣхалъ на Юнонѣ, сегодня ѣхалъ на Дирѣ, завтра поѣду на Бабушкѣ.. Много я перепробовалъ пароходовъ, но еще ни разу не рвалъ.

На Аѳонѣ познакомился съ архіереемъ Геннадіемъ, епископомъ Сухумскимъ, ѣздящимъ по эпархіи верхомъ на лошади. Любопытная личность.—Купилъ матери образокъ, который привезу.

Если бы я пожилъ въ Абхазіи хотя мѣсяцъ, то, думаю, написалъ бы съ полсотни обольстительныхъ сказокъ. Изъ каждаго кустика, со всѣхъ тѣней и полутѣней на горахъ, съ моря и съ неба глядятъ тысячи сюжетовъ. Подлецъ я за то, что не умѣю рисовать.

Ну оставайтесь живы и здоровы Да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Поклонъ всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Не подумайте, что я ѣду въ Персію.

Был я в Керчи, в Новом
Афонѣ, в Сухумѣ, теперь
гуляю по Поти. Послѣ
обѣда поѣду на почтовыхъ
в Батумъ. Въ каждомъ горо
дѣ сижу по дню.
Поклонъ Папашѣ. Подроб
но напишу в Батумѣ.

А. Чехов

Письмо И. П. Чехову (см. № LXXII настоящаго тома, стр. 133).

LXXII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Поти. Іюль 1888 г.).

Былъ я въ Керчи, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, теперь гуляю по Поти. Послѣ обѣда поѣду на почтовыхъ на Батумъ. Въ каждомъ городѣ сижу по дню.

Поклонъ Папашѣ. Подробно напишу въ Батумѣ.

А. Чеховъ.

LXXIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

12 Авг. Сумы. (1888 г.)

Изъ дальнихъ странствій возвратясь, посылаю Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, привѣтъ и отчетъ. Отчетъ будетъ кратокъ по неволѣ, ибо тѣ мѣста, гдѣ я былъ, и люди, которыхъ я видѣлъ, слишкомъ многочисленны. Поѣхалъ я въ Крымъ. Жилъ въ Ѳеодосіи у Суворина 12 дней, купался въ морѣ, бездѣльничалъ; ѣздилъ въ имѣніе Айвазовскаго. Изъ Ѳеодосіи на пароходѣ махнулъ въ Батумъ. По дорогѣ заѣзжалъ на полъ дня въ Сухумъ—прекраснѣйшій городокъ съ тропической жарой, весь тонущій въ густой, не русской зелени—и на сутки въ Новый Аѳонъ, монастырь. Здѣсь на Аѳонѣ такъ хорошо, что и описать нельзя: водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное—море и горы, горы, горы.. Изъ Аѳона и Сухума пріѣхалъ въ

Поти. Тутъ рѣка Ріонъ, знаменитая своей Ріонской долиной и осетрами. Изобиліе зелени. Всѣ улицы изображаютъ изъ себя аллеи изъ тополей. Батумъ большой, военно-торгово-иностранно-кафе-шантанный городъ, въ которомъ вы на каждомъ шагу чувствуете, что мы побѣдили турокъ. Особеннаго въ немъ ничего нѣтъ (впрочемъ, изобиліе домовъ терпимости), за то окрестности восхитительны. Особенно хороша дорога въ Карсъ и быстрая рѣчка Чораксу.

Дорога отъ Батума до Тифлиса съ знаменитымъ Сурамскимъ переваломъ оригинальна и поэтична; все время глядишь въ окно и ахаешь: горы, тунели, скалы, рѣки, водопады, водопадики. Дорога же отъ Тифлиса до Баку — это мерзость запустѣнія, лысина, покрытая пескомъ и созданная для жилья персовъ, тарантуловъ и фалангъ; ни одного деревца, травы нѣтъ... скука адская. Самъ Баку и Каспійское море — такая дрянь, что я и за милліонъ не согласился бы жить тамъ. Крышъ нѣтъ, деревьевъ тоже нѣтъ, всюду персидскія хари, жара въ 50°, воняетъ керосиномъ, подъ ногами всхлипываетъ нефтяная грязь, вода для питья соленая..

Изъ Баку хотѣлъ я плыть по Каспію въ Узунада на Закаспійскую дорогу, въ Бухару и въ Персію, но пришлось повернуть оглобли назадъ: мой спутникъ Суворинъ-фисъ получилъ телеграмму о смерти брата и не могъ ѣхать дальше..

Кавказъ Вы видѣли. Кажется, видѣли Вы и военно-грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ѣздили по этой дорогѣ, то заложите жонъ, дѣтей, Осколки и поѣзжайте. Я никогда въ жизни не видѣлъ ничего подобнаго. Это сплошная поэзія, не дорога, а чудный фантастическій разсказъ, написанный демономъ, который влюбленъ въ Тамару.

Въ Москвѣ я буду къ 5 Сентября. Живу пока на Пслѣ. Погода не дурная.

Всѣ наши кланяются Вамъ.

Въ Кисловодскѣ и вообще на курортахъ я не былъ. Проѣзжіе говорятъ, что всѣ эти милыя мѣста дрянь ужасная. Я не терплю, когда поэзію мѣшаютъ съ . . . . . и кулачествомъ. Ялта произвела на меня впечатлѣніе скверное.

Если соблаговолите пожертвовать вашему почитателю «Пухъ и перья», то благоволите послать эту книжицу въ Москву, на имя Якова Алексѣевича Корнѣева, въ домъ Корнѣева. (Кудринская Садовая). Я получу ее по пріѣздѣ въ Москву.

Будьте здоровы на многія лѣта. Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

13 Авг. (1888 г. Сумы).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Я вернулся во-свояси. Былъ я въ Крыму, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, въ Батумѣ, въ Тифлисѣ, въ Баку; хотѣлъ съѣздить въ Бухару и въ Персію, но судьбѣ угодно было повернуть мои оглобли назадъ [1]). Впечатлѣнія новыя, рѣзкія, до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ. Писать Вамъ съ дороги не было возможности, ибо было нестерпимо жарко, я

[1]) Въ Ѳеодосіи умеръ братъ спутника А. П. — Алексѣя Алексѣевича Суворина, и имъ пришлось возвращаться, не кончивъ предположеннаго путешествія.

чувствовалъ себя гоняемымъ на кордѣ и впечатлѣній было такъ много, что я рѣшительно оболдѣлъ и не зналъ, о чемъ писать. Въ Ѳеодосіи я получилъ Ваше письмо; отвѣтить толкомъ и пространно, когда кружится голова отъ крымскаго и во рту пересохло отъ длинныхъ разговоровъ, когда впечатлѣнія смѣшались въ окрошку, трудно.

О своемъ путешествіи разскажу Вамъ въ Питерѣ. Буду разсказывать часа два, а описывать его на бумагѣ не буду, ибо описаніе выйдетъ кратко и блѣдно.

Теперь сижу я у окна, пишу, поглядываю въ окна на зелень, залитую солнцемъ, и уныло предвкушаю прозу московскаго житія. Ахъ, какъ не хочется уѣзжать отсюда! Каналья Пселъ, какъ нарочно, съ каждымъ днемъ становится все красивѣе, погода прекрасная; съ поля возятъ хлѣбъ... Москва съ ея холодомъ, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями пугаетъ мое воображеніе.. Я охотно прожилъ бы зиму подальше отъ нея.

Черезъ шесть мѣсяцевъ весна. Черезъ пять я начну бомбардировать Васъ приглашеніями къ себѣ. Вѣроятно и будущее лѣто я буду жить на Пслѣ.

Вы пріѣдете въ маѣ и проживете мѣсяца два.

Мнѣ хочется, чтобы Вы познакомились съ Полтавской губерніей. Сегодня въ камерѣ разбирательство. Мать хочетъ подать прошеніе министру юстиціи: мировой судья мѣшаетъ ей стряпать. Тотъ маленькій «манасеинъ», къ которому Вы хаживали по утрамъ, цѣлъ и невредимъ.

Романъ мой на точкѣ замерзанія. Онъ не сталъ длиннѣе.. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для Сѣв. Вѣстн. дамъ повѣстушку въ Ноябрѣ или Октябрѣ, но романъ едва ли попадетъ на его страницы. Я такъ уже и порѣшилъ, что романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре.

Суворинъ, пока я гостилъ у него, былъ здоровъ и веселъ. Теперь же, когда у него умеръ сынъ, онъ, какъ можно судить по его телеграммамъ, которыя приходилось читать, въ отчаяніи. Что то фатальное тяготѣетъ надъ его семьей.

Вышелъ ли и когда выйдетъ Гаршинскій сборникъ?

У Баранцевича дѣло, кажется, затормозилось.

Жоржъ [1]) играетъ. Думаетъ ѣхать въ консерваторію.

Ну, будьте счастливы, здоровы и да хранитъ Васъ небо! Увидимся, вѣроятно, въ Ноябрѣ. Плановъ у меня много, ахъ какъ много! Объ одномъ изъ своихъ плановъ, касающихся отчасти и Васъ, сообщу черезъ недѣлю.

Низкій поклонъ всѣмъ вашимъ. Не забывайте кланяться отъ меня вашимъ сыновьямъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Авг. Сумы. (1888 г.)

Отвѣчаю Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, на Ваше послѣднее письмо.

Разсказъ для октябрьской книжки Сѣв. Вѣстника непремѣнно будетъ. Размѣръ=1—2 листа. Авансъ едва ли понадобится; денегъ у меня нѣтъ, буду жить впроголодь, но постараюсь не брать денегъ впередъ, ибо авансы понадобятся лѣтомъ, когда я бездѣльничаю и нуждаюсь въ лишнихъ, шальныхъ деньгахъ. Ради весеннихъ и лѣтнихъ дебоширствъ стоитъ поголодать зимою.

Вчера я вернулся изъ Полтавской губерніи. Опять былъ у Смагиныхъ, опять сдѣлалъ тьму верстъ и уто-

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

мился, запылился и истрепался, какъ сукинъ сынъ. Ѣздилъ съ специальною цѣлью—купить (?!?) хуторъ. Хочу путемъ всякихъ фокусовъ и сдѣлокъ съ банкомъ пріобрѣсти десятинъ 20 съ садомъ и рѣкой. Хуторъ стоитъ 3000 руб. Буду платить проценты, а въ будущемъ по немногу выкуплю. Въ цѣнѣ не сошелся, но вѣроятно сойдусь и, не успѣетъ наступить унылый октябрь, какъ я стану подписываться такъ: «Полтавскій помѣщикъ, врачъ и литераторъ Антуанъ Шпонька».

Вотъ это и есть та новость, которая касается Васъ. Вѣдь Вы не откажете мнѣ побывать у меня на хуторѣ? Полтавская губ. теплѣе и красивѣе Крыма въ сто разъ; мѣсто здоровое, веселое, сытое, многолюдное.. Проживете у меня мѣсяца 2—3, будемъ ѣздить въ Сорочинцы, въ Миргородъ, къ Смагинымъ, на Луку и проч. Покупаю я для того, чтобы Вы и всѣ мои хорошіе знакомые, отъ которыхъ я, по совѣсти говоря, до сихъ поръ не видѣлъ ничего, кромѣ хорошаго, смотрѣли бы на мой паршивенькій хуторъ, какъ на свой собственный, и имѣли бы мѣсто отдыха. Если въ самомъ дѣлѣ удастся купить, то я настрою на берегу Хорола флигелей и дамъ начало литературной колоніи.

Еще новость (секретная): сестры Линтваревы собираются женить моего брата Ивана учителя на Ватѣ. Если это случится, то, значитъ, милѣйшая Ватина мамаша будетъ моей родней, съ чѣмъ я и поздравляю себя. Но Вата молодецъ. Она отличная хозяйка и держитъ свою чудесную мамашу въ ежахъ.

Сергѣй Смагинъ уѣхалъ въ Харьковъ поступать въ Ветеринарный Институтъ. Будетъ 4 года томиться въ анатомическомъ театрѣ и рѣзать дохлыхъ скотовъ не ради скотовъ, а ради ценза, который необходимъ ему при его 1500 десятинахъ.

Рѣка Хоролъ Полтавской губ. близъ Сорочинецъ, гдѣ А. П. хотѣлъ купить хуторъ.

Погодите, Р. М. будетъ выкидывать еще и не такіе фортели. Подъ флагомъ науки, искусства и угнетаемаго свободомыслія у насъ на Руси будутъ царить такіе жабы и крокодилы, какихъ не знавала даже Испанія во времена инквизиціи. Вотъ Вы увидите! Узкость, большія претензіи, чрезмѣрное самолюбіе и полное отсутствіе литературной и общественной совѣсти сдѣлаютъ свое дѣло. Всѣ эти..... напустятъ такой духоты, что всякому свѣжему человѣку литература опротивѣетъ, какъ чертъ знаетъ что, а всякому шарлатану и волку въ овечьей шкурѣ будетъ гдѣ лгать, лицемѣрить и умирать «съ честью»..

Я радъ тому, что Вашъ сынъ написалъ большую пьесу. Вашихъ сыновей я знаю мало, но когда я видѣлъ ихъ, или говорилъ съ ними, то мнѣ всякій разъ казалось, что въ какіе бы передѣлы они не попали, всюду вывезетъ ихъ свойственное имъ чрезмѣрное добродушіе. Добродушіе ихъ до того типично, что угадать его легко съ перваго взгляда.

До свиданія. Почтеніе Аннѣ Михайловнѣ.

5-го сентября буду уже въ Москвѣ. Тяжело туда ѣхать! Будь деньги, поѣхалъ бы въ Питеръ.

Поклонъ Фаусека переданъ по назначенію.

Будьте здоровы. Вашъ душевно

А. Чеховъ.

LXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29. Авг. (1888 г. Сумы.)

2-го Сентября, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, лѣто мое кончается и я ѣду въ Москву. Адресъ мой остается прошлогодній, т. е. Москва, Кудринская Садовая,

д. Корнѣева. Когда будете ѣхать домой черезъ Москву, то, если будетъ время, побывайте у меня, или же по крайней мѣрѣ дайте мнѣ знать—я прійду повидаться и проводить Васъ на вокзалъ.

Всѣ эти дни я занятъ мыслью о Вашемъ Энциклопедическомъ словарѣ. Если Вы въ самомъ дѣлѣ будете издавать его, то своевременно дайте мнѣ знать: я сообщу Вамъ свои соображенія, которыя, быть-можетъ, пригодятся.

Третьяго дня я вернулся изъ Полтавской губ. Смотрѣлъ хуторъ, въ цѣнѣ не сошелся и удалился вспять. Попалъ я туда какъ разъ на молотьбу. Урожай великолѣпный. Кто сѣялъ пшеницу, тотъ несмотря на плохія цѣны получилъ чистыхъ 70—80 руб. съ десятины, а рожь такъ тяжела, что при мнѣ въ одинъ день шестисильная паровая молотилка намолотила 1200 пудовъ и рабочіе изнемогли отъ усталости—до такой степени тяжелы снопы! Работа утомительная, но веселая, какъ хорошій балъ. Въ дѣтствѣ, живя у дѣдушки въ имѣньи гр. Платова, я по цѣлымъ днямъ отъ зари до зари долженъ былъ просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченнаго зерна; свистки, шипѣнье и басовой, волчкообразный звукъ, к-рый издается паровикомъ въ разгаръ работы, скрипъ колесъ, лѣнивая походка воловъ, облака пыли, черныя, потныя лица полсотни человѣкъ—все это врѣзалось въ мою память, какъ Отче нашъ. И теперь я цѣлые часы проводилъ на молотьбѣ и чувствовалъ себя въ высшей степени хорошо.—Паровикъ, когда онъ работаетъ, кажется живымъ; выраженіе у него хитрое, игривое; люди же и волы, наоборотъ, кажутся машинами.—Въ Миргородскомъ уѣздѣ рѣдко кто имѣетъ собственный локомобиль, но всякій можетъ брать на прокатъ. Паровикъ занимается проституціей, т.-е. ѣздитъ по всему уѣзду на шестерикѣ воловъ и предлагаетъ себя всякому желающему. Беретъ

онъ по 4 коп. съ пуда т. е. около 40 руб. въ день. Сегодня онъ гудитъ въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ и вездѣ его пріѣздъ является событіемъ на манеръ архіерейскаго пріѣзда.

Хуторъ, к-рый я смотрѣлъ, мнѣ понравился. Очень уютное, поэтическое мѣстечко. Великолѣпная земля, заливной лугъ, Хоролъ, прудъ, садъ, а въ саду изобиліе фруктовъ, садокъ для рыбы и липовая аллея. Стоитъ онъ между двумя громадными селами, Хомутцемъ и Бакумовкой, гдѣ нѣтъ ни одного врача, такъ что онъ можетъ быть прекраснымъ медицинскимъ пунктомъ. Все очень дешово. . . . . .
Не сошелся я съ хозиномъ казакомъ въ трехстахъ рубляхъ. Больше того, что я предлагаю ему, дать я не могу и не дамъ, ибо онъ проситъ не справедливое. На случай, если онъ согласится, я оставляю одному пріятелю довѣренность для совершенія купчей и, пожалуй, не успѣетъ еще наступить октябрь, какъ я попаду въ сонмъ Шпонекъ и Коробочекъ. Если купля состоится, то я воспользуюсь Вашимъ предложеніемъ и возьму у Васъ полторы тысячи, но пожалуйста съ непремѣннымъ условіемъ, что на мой долгъ Вы будете смотрѣть, какъ на долгъ, т.-е. не увлекаясь ни родствомъ, ни дружбой, Вы не будете мнѣ мѣшать уплачивать его, не будете дѣлать скидокъ и уступокъ, иначе этотъ долгъ поставитъ меня въ положеніе, которое Вы можете угадать. До сихъ поръ, когда я бывалъ долженъ, то впадалъ въ лицемѣріе—очень противное, психопатическое состояніе. Вообще въ денежныхъ дѣлахъ я до крайности мнителенъ и лживъ противъ воли. Скажу Вамъ откровенно и между нами: когда я начиналъ работать въ Новомъ Времени, то почувствовалъ себя въ Калифорніи (до Нов. Вр. я не получалъ болѣе 7—8 коп. со строки) и далъ себѣ слово писать возможно чаще, чтобы получать больше—въ этомъ нѣтъ

ничего дурного; но когда я поближе познакомился съ Вами и когда Вы стали для меня своимъ человѣкомъ, мнительность моя стала на дыбы и работа въ газетѣ, сопряженная съ получкой гонорара, потеряла для меня свою настоящую цѣну, и я сталъ больше говорить и обѣщать, чѣмъ дѣлать; я сталъ бояться, чтобы наши отношенія не были омрачены чьей-нибудь мыслью, что Вы нужны мнѣ какъ издатель, а не какъ человѣкъ и проч. и проч. Все это глупо, оскорбительно и доказываетъ только, что я придаю большое значеніе деньгамъ, но ничего я съ собою не подѣлаю. Занять въ газетѣ опредѣленное рабочее и денежное положеніе я рѣшусь развѣ только тогда, когда мы охладѣемъ другъ къ другу, а пока останусь для Васъ безполезнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ хорошаго знакомаго я буду вертѣться при газетѣ и энциклопедическомъ словарѣ, возьму pour plaisir какой-нибудь отдѣлъ въ послѣднемъ, буду изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ писать субботники, но стать въ газетѣ прочно не рѣшусь ни за какія тысячи, хоть Вы меня зарѣжьте. Это не значитъ, что я отношусь къ Вамъ душевнѣе и искреннѣе, чѣмъ другіе; это значитъ, что я страшно испорченъ тѣмъ, что родился, выросъ, учился и началъ писать въ средѣ, въ которой деньги играютъ безобразно большую роль. Простите за эту непріятную откровенность; надо разъ навсегда объяснить то, что можетъ показаться непонятнымъ.

На всякій случай я написалъ брату, чтобы онъ удерживалъ мою книжную выручку и 25% гонорара. Этотъ долгъ можетъ покрыться въ $1^1/_2$—2 года.

Вчера прочелъ въ письмѣ ужасную новость. Сынъ покойнаго А. Н. Островскаго наканунѣ своей свадьбы умеръ отъ дифтерита; его невѣста послѣ похоронъ отравилась карболовой кислотой; братъ невѣсты упалъ съ лошади и расшибся.

Прощайте, будьте здоровы. Выписалъ ли аптекарь фенацетинъ? Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Алексѣю Алексѣевичу, его фамиліи, Виноградовымъ и дѣтямъ. Если куплю хуторъ, то начну разсылать приглашенія въ климатическую станцію. Алексѣю Алексѣевичу пришлю планъ мѣстности.

Дай Богъ вамъ душевнаго покоя и бодрости.

Вашъ сердечно

А. Чеховъ.

Бросаю на нѣкоторое время писать крупныя вещи и займусь опять мелкими разсказами. Соскучился.

Если Алексѣй Алексѣевичъ будетъ писать мнѣ, то пусть пишетъ по московскому адресу.

LXXVII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

10 сент. (1888 г. Москва.)

Спасибо тебѣ, милый Георгій, за письмо и прости пожалуйста, что я проѣздомъ черезъ Таганрогъ не побывалъ у Васъ.

Всей душой хотѣлъ я повидаться съ вами, пожить въ Таганрогѣ, погулять по саду, мечталъ объ этомъ еще зимою, но бѣда въ томъ, что когда я проѣзжалъ черезъ Таганрогъ и съ вокзала глядѣлъ на Михайловскую церковь (это было 6 августа, въ день Преображенія), то чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и рѣшительно не былъ въ состояніи исполнить свое и твое желаніе, т.-е. остаться въ Таганрогѣ. Цѣлый мѣсяцъ я ѣздилъ по Крыму и Закавказью и утомился страшно; мнѣ опротивѣли вагоны, и виды, и города и я думалъ только о

томъ, какъ бы скорѣе попасть мнѣ домой, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали семья и работа. Не далъ же я вамъ знать о своемъ проѣздѣ, потому что боялся оторвать тебя отъ дѣла, а дядю отъ праздничнаго отдыха.

Былъ я въ Крыму, въ Сухумѣ, Новомъ Аѳонѣ, Поти, Батумѣ, Тифлисѣ, Баку, купался въ Черномъ и въ Каспійскомъ моряхъ, ѣздилъ на пароходахъ: В. К. Михаилъ, Юнона, Диръ, Дѣдушка[1]), былъ на Пушкинѣ и на Коцебу, а въ будущемъ году поѣду на Ольгѣ въ Константинополь, а оттуда въ Старый Аѳонъ.

Миша говорилъ, что ты зимою побываешь въ Москвѣ. Буду очень радъ и употреблю всѣ силы, чтобы тебѣ не показалось скучно. Не знаешь ли чего о докторѣ Еремѣевѣ? [2])

Поклонъ всѣмъ. Твоей мамашѣ цѣлую руку и желаю здоровья. Будь счастливъ и да хранятъ тебя ангелы небесные.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Сент. (1888 г. Москва.)

Думаю, что это мое письмо застанетъ еще Васъ въ Ѳеодосіи, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ.

Корректуру московской эскулапіи для вашего календаря я возьму съ удовольствіемъ и буду радъ, если угожу. Мнѣ еще не высылали ее, но вѣроятно скоро вышлютъ. Я буду хозяйничать въ ней и сдѣлаю, что съумѣю, но боюсь, что она выйдетъ у меня не похо-

---

[1]) Вѣроятно, «Бабушка».

[2]) Таганрогскій докторъ.

жа на петербургскую, т. е. будетъ полнѣе, или тоще. Если эту мою боязнь Вы находите основательной, то телеграфируйте типографіи, чтобы мнѣ для соображенія выслали и петерб. корректуру. Не хорошо, если въ одномъ и томъ же отдѣлѣ Петербургъ будетъ изображать тощую корову, а Москва тучную, или наоборотъ; обѣимъ столицамъ должна быть воздаваема одинаковая честь, или покрайности Москвѣ меньшая..

Воспользуюсь случаемъ и вставлю «Дома умалишенныхъ въ Россіи» — вопросъ молодой, для врачей и земцевъ интересный. Дамъ только краткій перечень. Въ будущемъ году, если позволите, я возьму на себя всю медицинскую часть вашего календаря, теперь же я только волью новое вино въ старые мѣха—больше сдѣлать не съумѣю, ибо у меня нѣтъ пока ни плана, ни матеріала подъ руками.

Вы совѣтуете мнѣ не гоняться за двумя зайцами и не помышлять о занятіяхъ медициной. Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже въ буквальномъ значеніи этихъ словъ? Были бы гончія, а гнаться можно. Гончихъ у меня, по всей вѣроятности, нѣтъ (теперь въ переносномъ смыслѣ), но я чувствую себя бодрѣе и довольнѣе собой, когда сознаю, что у меня два дѣла, а не одно.. Медицина—моя законная жена, а литература любовница. Когда надоѣдаетъ одна, я ночую у другой. Это хотя и безпорядочно, но зато не такъ скучно, да и къ тому же отъ моего вѣроломства обѣ рѣшительно ничего не теряютъ. Не будь у меня медицины, то я свой досугъ и свои лишнія мысли едва ли отдавалъ бы литературѣ. Во мнѣ нѣтъ дисциплины.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Вамъ я написалъ много несообразностей (былъ въ грустяхъ), но, увѣряю Васъ честнымъ словомъ, говоря о своихъ отношеніяхъ къ Вамъ, я имѣлъ въ виду не Васъ, а только одного себя.

Ваши предложенія аванса, расположеніе ко мнѣ и прочее всегда имѣли для меня свой настоящій смыслъ; надо плохо знать Васъ и въ то же время быть психопатомъ 84 пробы, чтобы въ предлагаемомъ Вами хлѣбѣ подозрѣвать камень. Распространяясь о своей мнительности, я имѣлъ въ виду только свою собственную милую черту, при которой я, напечатавъ въ газетѣ одинъ разсказъ, стѣсняюсь вскорѣ печатать другой, чтобы такіе же порядочные, какъ я, люди не подумали, что я печатаюсь слишкомъ часто ради частой мзды.. Простите Бога ради, что я ни къ селу, ни (къ) городу затѣялъ эту неловкую и ненужную «полемику».

Сегодня я получилъ письмо отъ Алексѣя Алексѣевича. Передайте ему мой совѣтъ, основанный на опытѣ: держать г.г. художниковъ въ ежахъ и въ постоянномъ подозрѣніи, какъ бы они милы и краснорѣчивы ни были. Передайте ему и кстати Борѣ, что наѣздницу Годфруа я знаю. Она вовсе не хороша. Кромѣ ѣзды «высшей школы» и прекрасныхъ мышцъ, у нея ничего нѣтъ, все же остальное обыкновенно и вульгарно. Если судить по лицу, то должно быть милая женщина.....

Поклоны всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

14 Сент. (1888 г. Москва.)

Ахъ, милый Жанъ, да проглотитъ Васъ адъ за Вашъ возмутительный святотатственный почеркъ! Я не разобралъ пяти словъ... Воображаю же, во что обходится Вашъ почеркъ наборщикамъ и переписчикамъ!

Я живъ и здоровъ, живу въ Москвѣ. Больше о себѣ ничего не имѣю сказать. Не въ обиду будь мнѣ сказано, природа и абсолютное бездѣлье безконечно удовлетворяли меня: я былъ доволенъ и покоенъ; теперь же, когда мнѣ lege necessitatis приходится садиться за обязательный трудъ и по людски въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, я не доволенъ, вдаюсь въ хандру, ною, читаю мораль, мизантропствую и строю въ своей башкѣ такіе конечные выводы, что упаси Боже. За 10 дней, пока я живу въ Москвѣ, изъ дому я выходилъ только 2 раза, на минутку, а то все время сижу въ четырехъ стѣнахъ, понукаю себя къ работѣ и жду весны, когда бы мнѣ опять можно было бездѣльничать, шататься, ѣсть, писать длинныя письма и спорить съ либеральными дѣвицами.

Моя мечта: заработать къ веснѣ возможно больше денегъ, каковыя нужны мнѣ для осуществленія моихъ плановъ, въ тиши задуманныхъ. Буду стараться писать во-всю, сѣмо и овамо, вкривь и вкось, не щадя живота, пока не опротивѣю; вернусь въ Пет. Газ., въ Осколки и въ прочія колыбели моей славы, пойду въ Сѣверъ, въ Ниву и куда хотите... Денегъ, денегъ! Жениться мнѣ, что ли???

Вамъ нравится Медвѣдь? Коли такъ, пошлю его въ цензуру. Воображаю, сколько деньжищъ заработали Вы вашими «Горами Кавказа!» Я сижу съ 15 рублями, а будущее, когда я начну получать гонорарій, представляется мнѣ такимъ же отдаленнымъ, какъ страшный судъ. Задолжалъ я за лѣто болѣе 500 рублевъ. Ну не курицынъ ли я сынъ?

Чтобы освѣжить и обновить воздухъ въ своей квартирѣ, взялъ къ себѣ въ жильцы молодость въ образѣ гимназиста первоклассника, ходящаго на головѣ, получающаго единицы и прыгающаго всѣмъ на спины [1]).

---

[1]) Сережа Киселевъ.

Какъ идетъ ваша книжная торговля?

Если будете въ Москвѣ, то милости просимъ въ мою берлогу. Буде увидите Тихонова, передайте и ему мое приглашеніе. Про «Дачнаго мужа»—пьесу я еще ничего не слышалъ и не читалъ; если буду у Корша, то поразспрошу его насчетъ новыхъ пьесъ, кину камешекъ въ Вашъ огородъ и о результатахъ бесѣды сообщу Вамъ. Но это едва ли случится раньше 2—3 недѣль.

Суворинъ еще въ Ѳеодосіи, гдѣ воздвигаетъ себѣ замокъ.

Ну, будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А что мы теряемъ жизнь—это такъ же вѣрно, какъ то. что Вы носите очки. Впрочемъ чортъ его знаетъ!

LXXX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Сент.).

Сейчасъ получилъ твое письмо, ὦ νεανιά! [1]) Прежде всего считаю пріятнымъ долгомъ сказать нѣсколько лестныхъ словъ по адресу твоего послѣдняго субботника. Онъ очень хорошъ, хотя и писанъ съ перваго лица. Лизавета—настоящая Лизавета, живой человѣкъ; языкъ прелестенъ, сюжетъ симпатичный.

Рукоплещу твоимъ покушеніямъ на маленькій фельетонъ. Только избери какой нибудь постоянный псевдонимъ, ибо одна буква не годится. Къ псевдониму редак-

---

[1]) О юноша.

торы и читатели привыкаютъ, а къ литерамъ нѣтъ. Не мѣшало бы тебѣ также мало по малу перейти къ коротенькимъ замѣткамъ на первую страницу на сюжеты Скальковскаго. Почему бы тебѣ не ругать, напримѣръ, нижегородскихъ купцовъ за ихъ петиціи, полныя безнадежной глупости и жалкихъ фразъ?

Вчера получилъ отъ старичины [1]) длинное письмо. Будетъ въ Москвѣ около 20-го. Онъ пишетъ мнѣ:

(слѣдуетъ выписка изъ письма).

И все письмо такое. Необычайно симпатичныя письма, рисующія этого хорошаго человѣчину.

Сегодня получилъ громадное, въ 6—7 листовъ письмо и отъ Суворина-фиса. Рѣшаемъ съ нимъ въ письмахъ разные высокой важности вопросы. Вообще семья Суворинихъ великолѣпная, теплая; я къ ней сильно привязался, а что дальше будетъ, не знаю.

Выписка изъ письма—секретъ. Порви.

Мать бы поѣхала къ тебѣ, да денегъ нѣтъ.

Справку въ своемъ архивѣ насчетъ цуцыка [2]) сдѣлаю, а ты за это поскорѣе вышли мнѣ отчетъ о сумасшедшихъ домахъ д-ра Архангельскаго, возвращенный тебѣ Поповымъ. Этотъ отчетъ нуженъ мнѣ для суворинскаго календаря. Не отдалъ ли ты его осколочнымъ дамамъ? Вышли заказной бандеролью — безъ атласа, к-рый я увезу изъ Питера самъ.

Поклоны всѣмъ и отъ всѣхъ.

Женитьба не уйдетъ, была бы охота.

Начинаю писать для Н. В. [3]).

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) А. С. Суворина.

[2]) Сынъ адресата.

[3]) Новаго Времени.

LXXXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Сент. Москва. (1888 г.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, не велите казнить, велите слово вымолвить! Теперь вижу, что когда я обѣщалъ Вамъ разсказъ для *октябрьской* книжки, въ моей головѣ перепуталась вся ариѳметика. Ѣдучи въ Москву, я рѣшилъ въ сентябрѣ писать для Сѣв. Вѣстника, кончить къ 1—2 октября и послать не позже 5-го октября.. Вотъ это то канальское «октября» и перепуталось въ моей башкѣ съ «октябрьской» книжкой. Начавъ писать въ началѣ сентября я ни коимъ образомъ не могъ бы поспѣть къ той книжкѣ, которая печатается въ сентябрѣ! Прошу убѣдительно Васъ и Анну Михайловну простить меня за разсѣянность. Въ Ноябрской книжкѣ разсказъ мой будетъ [1]), это внѣ всякаго сомнѣнія, (если не забракуете его). Я пишу его помаленьку и выходитъ онъ у меня сердитый, потому что я самъ сердитъ ужасно..

Что касается Гаршинскаго сборника, то не знаю, что и сказать Вамъ. Не дать разсказа—не хочется. Во первыхъ, такихъ людей, какъ покойный Гаршинъ, я люблю всей душой и считаю своимъ долгомъ публично расписываться въ симпатіи къ нимъ; во вторыхъ, Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; въ-третьихъ—отказаться отъ участія въ сборникѣ, значитъ поступить не по-товарищески, спрѣчь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелѣпое положеніе!

---

[1]) «Именины».

У меня рѣшительно нѣтъ темъ, сколько-нибудь годныхъ для сборника.

Все, что есть, или очень пошло, или очень весело, или очень длинно; былъ одинъ неважный сюжетецъ, да и тотъ я уже пустилъ въ дѣло и въ образѣ небольшого очерка послалъ въ Новое Время, гдѣ я по уши залѣзъ въ долги. Впрочемъ есть у меня еще одна тема: молодой человѣкъ Гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткій, попадаетъ первый разъ въ жизни въ домъ терпимости. Такъ какъ о серьезномъ нужно говорить серьезно, то въ разсказѣ этомъ всѣ вещи будутъ названы настоящими ихъ именами. Быть можетъ, мнѣ удастся написать его такъ, что онъ произведетъ, какъ бы я хотѣлъ, гнетущее впечатлѣніе; быть можетъ онъ выйдетъ хорошъ и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура, или сама редакція не выхватитъ изъ него то, что въ немъ я считаю за важное? Вѣдь сборникъ иллюстрированный, стало-быть, цензурный. Если поручитесь, что *ни одно* слово не будетъ вычеркнуто, я напишу разсказъ въ два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недѣльку, я дамъ Вамъ мой окончательный отвѣтъ: авось надумаю сюжетъ! Исполать многопишущимъ Щедрину и Щеглову! Конечно, много работать лучше, чѣмъ ничего не дѣлать, и Вашъ упрекъ по адресу молодыхъ писателей вполнѣ заслуженъ. Съ другой же стороны, многописаніе къ лицу не всякому писателю. Взять бы хоть меня къ примѣру. Въ истекшій сезонъ я написалъ Степь, Огни, пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, началъ романъ.. и что же? Если промыть 100 пудовъ этого песку, то получится (если не считать гонорара) 5 золотниковъ золота, только.

Все-таки мнѣ и въ предстоящій сезонъ не избѣжать многописанія. Буду во всѣ лопатки стараться заработать возможно больше денегъ, чтобы опять провести

лѣто ничего не дѣлая.. Ахъ, какъ мнѣ опостылѣла Москва! Осень еще только началась, а ужъ я помышляю о веснѣ. Покупку хутора я отложилъ до Декабря. Вы боитесь, чтобы я не опуталъ себя банковскими цѣпями. Едва ли это возможно. Дѣло въ томъ, что я покупаю пустяки и въ банкъ мнѣ прійдется платить не болѣе того, что я ежегодно плачу за дачу, т.-е. 100—150—200 руб., а на это меня хватитъ. А банковскій долгъ при среднемъ заработкѣ можно будетъ похѣрить въ 2—3 года. Если же вздумаю строиться, то самая дорогая постройка въ 6—7 комнатъ, высокихъ, съ полами обойдется не дороже тысячи рублей, которую я могу лѣтомъ авансировать въ трехъ мѣстахъ, или же просто заработать къ лѣту. Крыша въ первое время будетъ соломенная (что въ Полтавской губ. очень красиво дѣлается), полы и окна выкрасимъ сами (Миша отлично краситъ), и многое сами сдѣлаемъ, ибо къ этому съ малолѣтства пріучены. Главное—мебель и обстановка. Если нѣтъ комфорта, то самый хорошій домъ покажется чортъ знаетъ чѣмъ. А мебели-то у меня и нѣтъ. Увы!

Если ваша догадка относительно Короленко справедлива, то очень жаль. Короленко незамѣнимъ. Его любятъ, читаютъ, да и человѣкъ онъ очень хорошій. Откровенно говоря, мнѣ грустно, что и Михайловскій уже больше не работаетъ въ Сѣв. Вѣстн. Онъ талантливъ и уменъ, хотя и скучноватъ былъ въ послѣднее время; замѣнить его Протопоповымъ [1]) или Impacatus'омъ такъ же трудно, какъ замѣнить луну свѣчкой. Вѣроятно, будущимъ лѣтомъ, по крайней мѣрѣ до іюля, мы опять будемъ жить у Линтваревыхъ. Въ Крымъ ѣхать я Вамъ не совѣтую; ужъ коли хотите ошеломиться природой и ахнуть, то поѣзжайте на Кавказъ. Минуя курорты

---

[1]) Извѣстный критикъ.

въ родѣ Кисловодска, поѣзжайте по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, оттуда въ Боржомъ, изъ Боржома черезъ Сурамскій перевалъ въ Батумъ. Это дешевле, чѣмъ житье въ . . . . . Ялтѣ.

Жоржикъ [1]), кажется, ѣдетъ въ консерваторію.

Поклонъ всѣмъ вашимъ и Леонтьеву.

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ Питерѣ буду въ ноябрѣ.

LXXXII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(1888 г. Москва).

17 Сент. 3½ часа пополудни.

Свѣжая новость:

Къ Финику [2]) приходилъ Ивановъ сообщить, какіе заданы уроки. Будучи приглашенъ наверхъ, онъ вошолъ въ комнату Финика, самъ сконфузился, сконфузился и Финикъ. Угрюмо глядя въ одну точку, онъ басомъ сообщилъ, что задано, толкнулъ локтемъ Финика въ бокъ и сказалъ: «Прощай, Киселевъ!» И не подавая руки, удалился. Повидимому, соціалистъ.

А. Чеховъ.

Кашля нѣтъ.

На случай нашествія на нашу квартиру Ивановыхъ, Петровыхъ и Сидоровыхъ, не найдете ли Вы нужнымъ ассигновать сумму на возмѣщеніе причиняемыхъ ими убытковъ?

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

[2]) Сынъ адрессатки гимназистъ Сережа, жившій у А. П. Ивановъ— его товарищъ по гимназіи.

LXXXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 (Сент. 1888 г. Москва).

Отче Александре!

Сейчасъ былъ у меня С. и со свойственною ему нервозностью, съ хожденіемъ изъ угла въ уголъ и смотрѣніемъ черезъ очки, сталъ мнѣ слезно каяться, что онъ сдѣлалъ «непростительную и неловкую глупость», которую никогда себѣ не проститъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что, садясь въ вагонъ близъ Симферополя и будучи удрученъ тяжкими мыслями и дифтеритообразной болѣзнью своего маленькаго сынишки, онъ прочелъ твой разсказъ «Письмо» (разсказъ очень не плохой), который ему не понравился, и тотчасъ же написалъ тебѣ грубое письмо, что-то въ родѣ: «Писать и печатать плохіе разсказы можно, но узурпировать чужое имя нельзя и проч.».. Письмо это написано просто изъ желанія сорвать свою хандру на первомъ попавшемся. Ты былъ первый, тебѣ и влетѣло.

По пріѣздѣ въ Петерб., С. будетъ передъ тобой извиняться. Съ своей стороны считаю нужнымъ заявить тебѣ слѣдующее. Объ узурпаціи и поддѣлкѣ подъ чужое имя не можетъ быть и рѣчи, ибо:

1) Каждый русскоподданый властенъ писать что угодно, и подписываться какъ угодно, тѣмъ паче подписывать свое собственное имя.

2) О томъ, что подпись «Ал. Чеховъ» не представляетъ для меня неудобства и не вовлекаетъ меня въ протори и безславіе, у насъ съ тобой былъ уже разговоръ, и мы на этотъ счетъ съ тобой уже условились.

Критерій «одинъ пишетъ лучше, другой хуже» не можетъ имѣть мѣста, ибо времена перемѣнчивы, взгляды и вкусы различны. Кто сегодня писалъ хорошо, тотъ завтра можетъ превратиться въ бездарность и наоборотъ. То, что мною уже изданы 4 книги, ни мало не говоритъ противъ тебя и противъ твоего права. Черезъ 3—5 лѣтъ у тебя можетъ быть 10 книгъ, такъ неужели же и мнѣ прійдется просить у тебя позволеніе расписываться Антономъ, а не Антономъ Чеховымъ?

3) Когда С.-фисъ отъ имени редакціи спросилъ меня, не имѣю ли я чего-нибудь противъ Ал. Чехова, и когда я отвѣтилъ отрицательно, то онъ сказалъ:

— Это ваше дѣло. Намъ же лучше, если имя Чехова будетъ чаще встрѣчаться въ газетѣ.

Извиняясь, С. будетъ въ свое оправданіе приводить свой разговоръ съ Альфонсомъ Додэ, который жаловался ему на брата Эрнеста Додэ. Этотъ разговоръ доказываетъ только то, что А. Додэ не скроменъ и открыто сознается, что онъ лучше брата, и еще доказываетъ, что Эрнесту отъ Альфонса житья нѣтъ и что Альфонсъ *жалуется*.

Пока я не жалуюсь и не являюсь истцомъ, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ тащить тебя въ Синедріонъ.

Смертнаго часа намъ не миновать, жить еще прійдется не долго, а потому я не придаю серьезнаго значенія ни своей литературѣ, ни своему имени, ни своимъ литературнымъ ошибкамъ. Это совѣтую и тебѣ. Чѣмъ проще мы будемъ смотрѣть на щекотливые вопросы въ родѣ затронутаго С., тѣмъ ровнѣе будутъ и наша жизнь, и наши отношенія.

Ан. Чеховъ и Ал. Чеховъ — не все ли это равно?

Пусть это интересуетъ Б. и прочихъ похабниковъ а мы съ тобой отойдемъ въ сторону.

Мнѣ жаль С. Онъ искренно опечаленъ.

Всѣ наши здравы.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

30 Сентября (1888 г. Москва).

Уфъ! Сейчасъ кончилъ разсказъ [1]) для Сѣв. Вѣстника, дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Отъ непривычки и послѣ лѣтняго отдыха такъ утомился, что Вы и представить себѣ не можете. Сажусь переписывать на чисто. 5-го Октября Вы получите. Разсказъ вышелъ немножко длинный (2 листа), немножко скучный, но жизненный и, представьте, съ «направленіемъ». Когда прочтете его, то напишите мнѣ свое мнѣніе пожалуйста.

Былъ у меня проѣздомъ Суворинъ. Провелъ у меня день. Онъ просилъ Васъ прислать ему корректуру моего разсказа раньше, чѣмъ онъ буедтъ измаранъ цензурой.

Сегодня идетъ у Корша Дачный мужъ Ивана Щеглова. Милѣйшій Жанъ зачахъ, изнылъ и высохъ отъ волненій. Если описать его, то получится комедія посмѣшнѣе дачнаго мужа.

Право, будетъ очень и очень не дурно, если Бѣжецкій-Масловъ попадетъ въ лоно Сѣв. Вѣст. Онъ

---

[1]) «Именины».

хорошій человѣкъ и несомнѣнно талантливъ. Его сотрудничество было бы полезно для обѣихъ сторонъ: и для С. В. и для него самого. Сѣв. Вѣст. пріобрѣлъ бы талантливаго беллетриста, а Бѣжецкій вышелъ бы изъ-подъ ферулы Буренина. Масловъ молодъ, жить хочетъ, а скептикъ Буренинъ гнететъ его.. Мнѣ кажется, что 150 р. за листъ можно дать ему. Вѣдь деньги не великія.

Спѣшу работать. Будьте счастливы. Поклонитесь всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

2 Октября (1888 г. Москва.)

«Дачный мужъ» провалился и Жанъ Щегловъ обратился въ тѣнь. Пьеса написана небрежно, турнюръ и фальшивые зубы прицѣплены къ скучной морали; натянуто, грубовато и пахнетъ проституціей. Въ пьесѣ нѣтъ женственности, нѣтъ легкомыслія, нѣтъ ни жены, ни мужа, ни Павловска, ни музыки, ни соли, ни воздуха; я видѣлъ на сценѣ сарай и мѣщанъ, которыхъ авторъ уличаетъ и казнитъ за то, надъ чѣмъ слѣдуетъ только смѣяться и смѣяться не иначе, какъ по-французски. Можете себѣ представить, Жанъ для контраста вывелъ на сцену дворника и горничную, добродѣтельныхъ пейзанъ, любящихъ другъ друга попростецки и хвастающихъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ турнюровъ. Берите молъ, господа, съ насъ примѣръ.. Тяжело! Пусть бы прислуга только дурачилась и смѣшила, такъ нѣтъ, это показалось милому Жану не серьезнымъ и онъ при-

цѣпилъ къ метламъ и фартухамъ дешевенькую мораль. И вышла чортъ знаетъ какая окрошка. Глама играла не жену, а кокотку, Градовъ [1]) не мужа, не чиновника, а шута гороховаго... Декораціи были отвратительны. Жанъ ходитъ теперь около меня, «поправляетъ» свою пьесу и ноетъ:

— Если бы Глама надѣла побольше турнюръ, если бы не кричалъ суфлеръ, да если бы Коршъ не былъ скупъ, то...

То ничего не вышло бы все-таки. «Горы Кавказа» имѣли успѣхъ, потому что были безъ претензій и только смѣшили, а Дачный мужъ хочетъ и смѣшить, и трагедіей пахнуть, и возводить турнюръ на высоту серьезнаго вопроса..

Алексѣя Алексѣевича еще нѣтъ въ Москвѣ.

Повѣстушку свою я кончилъ. Написана она вяло и небрежно, а поправлять нѣтъ времени.

(Безъ окончанія).

LXXXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

4 Окт. (1888 г. Москва.)

Дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ.

Разсказъ для Сѣвернаго Вѣстника [2]) переписалъ и послалъ въ редакцію. Утомился. Теперь жду гонорара. Весь сентябрь я сидѣлъ безъ денегъ, кое-какія вещишки заложилъ и бился, какъ рыба объ ледъ; ка-

---

[1]) Артисты театра Корша.

[2]) «Именины».

ждый сентябрь мнѣ круто приходится, въ этомъ же году послѣ лѣтняго бездѣлья и житья въ счетъ будущаго, сентябрь былъ для меня особенно мраченъ. Былъ долженъ Суворину 400 руб., отработалъ 200.

Какъ-то я послалъ Вамъ изъ театра Корша письмо. Если «Мѣдные лбы» пойдутъ у Корша, то не забудьте черезъ меня, или черезъ кого хотите, заключить условіе. Коршъ платитъ за оригинальныя пьесы 2% съ акта, а за переводныя 1%. Деньги не важныя, но все-таки деньги и бросать ихъ не слѣдуетъ. Вашихъ «Мѣдныхъ лбовъ» въ каталогѣ драм. общества нѣтъ. Кстати: Коршъ платитъ обществу уже 6 рублей съ акта, а не 5. Свѣтловъ [1]) актеръ хорошій и парень славный.

Сегодня былъ у меня Павелъ Линтваревъ. Пріѣхалъ поступать въ Петровскую Академію, но его бѣднягу, кажется, не пріймутъ. Онъ подъ надзоромъ.

Въ Москвѣ гоститъ Жанъ Щегловъ. Его «Дачный Мужъ» въ Москвѣ успѣха не имѣлъ, но по всѣмъ видимостямъ будетъ имѣть его въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ Москвѣ не понятны ни Павловскъ, ни дачный мужъ, ни дачная прислуга, ни департаментская служба. Пьеса очень легка и смѣшна и въ тоже время раздражаетъ: къ турнюру дачной жены прицѣплена мораль. Я такого мнѣнія, что если милый Жанъ будетъ продолжать въ духѣ Дачнаго Мужа, то его карьера, какъ драматурга, не пойдетъ дальше капитанскаго чина. Нельзя жевать все одинъ и тотъ же типъ, одинъ и тотъ же городъ, одинъ и тотъ же турнюръ. Вѣдь кромѣ турнюровъ и дачныхъ мужей на Руси есть много еще кое-чего смѣшного и интереснаго. Во-вторыхъ, надо бросить дешовую мораль. Горы Кавказа написаны безъ претензій на мораль, а потому имѣли выдающійся

---

[1]) Н. В., артистъ театра Корша.

успѣхъ. Я совѣтую Жану написать большую комедію, этакъ актовъ въ пять, и во всякомъ случаѣ не бросать беллетристики.

Скоро Вы увидите Жоржа. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Въ письмѣ къ Аннѣ Михайловнѣ я просилъ не вычеркивать въ моемъ разсказѣ ни одной строчки. Эта моя просьба имѣетъ въ основаніи не упрямство и не капризъ, а страхъ, чтобы черезъ помарки мой разсказъ не получилъ той окраски, какой я всегда боялся. Цѣлую Васъ крѣпко и остаюсь сердечно любящимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

Почтеніе Вашимъ.

LXXXVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Окт. (1888 г. Москва.)

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Вчера кончилъ повѣсть для Сѣверн. Вѣстника, надъ которою возился весь сентябрь, и сегодня отвожу душу на письмахъ. Гдѣ Вы? Въ городѣ, или на Тоснѣ? Пишу по городскому адресу.

Прежде всего — спасибо за «Пухъ и перья» [1]). Изданіе хорошее, рисунки очень приличные и добросовѣстные. Разсказы подобраны такъ, какъ нужно. Именно такіе разсказы мнѣ наиболѣе симпатичны у Васъ. Въ нихъ простота, юморъ, правда и мѣра.. Особенно мнѣ понравился разсказъ, гдѣ два приказчика пріѣзжаютъ къ хозяину въ гости на дачу и хозяинъ говоритъ имъ: «дышите! что жъ вы не дышете?» Отличный разсказъ.

---

[1]) Разсказы адресата.

Кстати. Я, кажется, не писалъ еще Вамъ своего мнѣнія о «Сатирѣ и Нимфѣ» [1]). Если хотите знать мое мнѣніе, то прежде всего «Сатиръ и Нимфа» стоятъ гораздо ниже «Стукина и Хр.» [2]). Сатиръ романъ чисто мѣстный, питерскій, захватываетъ онъ узкій и давно уже изученный районъ. Во всѣхъ этихъ Заколовѣ, Акулинѣ, Пантелеѣ, Тычинкинѣ, кромѣ развѣ мужа Акулины Данилы, нѣтъ ничего новаго. Все это знакомые; романъ ихъ тоже исторія старая, интриганство Катерины тоже не ново. Читается романъ легко, весело, часто смѣешься, въ концѣ немножко грустно становится, и больше ничего. Стукинъ же, на котораго критика не обратила никакого вниманія, вещь совсѣмъ новая и рисующая то, чего ни одинъ еще писатель не рисовалъ. Стукинъ имѣетъ значеніе серьезное и стоитъ многаго (по моему мнѣнію) и будетъ служить чуть ли не единственнымъ памятникомъ банковскихъ безобразій нашего времени; къ тому же фигурируютъ въ немъ не Акулина и не Катерина, а птицы болѣе высшаго порядка. Если въ Сатирѣ хороши частности, то Стукинъ хорошъ въ общемъ. Простите эту безсвязную критику. Не умѣю я критиковать.

Проѣзжая по Харьково-Никол. дорогѣ, я видѣлъ такую картину. Въ вагонѣ сидитъ какой-то субъектъ съ тирольской рожей и въ венгерской шляпѣ. Передъ нимъ стоитъ «физико-химическій аппаратъ» со стекляннымъ цилиндромъ, въ которомъ плаваетъ «морской житель». За пятакъ каждый желающій получаетъ фотогр. карточку и «свою судьбу», начертанную помянутымъ жителемъ. На аппаратѣ выставлены на показъ 4 карточки: Суворова, Ю. Самарина, Патти и Ваша. Это должно быть пріятно Вашему авторскому сердцу.

---

[1]) [2]) Разсказы адресата.

На дняхъ Николай сдѣлалъ рисунокъ, очень не дурной. Я посовѣтовалъ ему послать его въ Осколки. Получили ли Вы? Живетъ Николай у меня, пока очень степенно. Работаетъ. Присылайте ему темъ, но только черезъ мои руки. Когда я вмѣшиваюсь, то дѣла его идутъ живѣе. Кстати: если будете высылать ему гонорраръ, то высылайте не на его имя и не на мое (некогда ходить на почту), а на имя моего брата студента Михаила Чехова. На его же имя высылайте и посылки, буде таковыя будутъ.

Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ, а также Билибину.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*

LXXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Октябрь).

Здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Корша я успокою, какъ только увижусь съ нимъ. А если у Васъ будутъ лишнія деньги, то не покупайте театра. Имѣть въ столицѣ театръ, возиться съ актерами, актрисами и авторами, угадывать вкусы публики, видѣть въ своемъ театрѣ всегда рожи газетчиковъ, требующихъ контромарокъ и пишущихъ неизвѣстно гдѣ—все это не возбуждаетъ нервы, а гнететъ; къ тому же антрепренерскія бразды дѣлаютъ человѣка слишкомъ популярнымъ. На Вашемъ мѣстѣ «центръ нервной дѣятельности» я цѣликомъ перенесъ бы на югъ. Тамъ море и свѣжіе

люди. Тамъ можно завести пароходъ «Новое Время», можно построить церковь по собственному вкусу и театръ, и даже буфетъ—и все бы это пошло въ прокъ. Въ театрѣ можно свои пьесы ставить.

Жанъ Щегловъ все еще говоритъ о Дачномъ мужѣ, о Коршѣ, о Гламѣ, о Соловцовѣ.. Когда мы его не слушаемъ, онъ обращается къ моему жильцу-гимназисту и начинаетъ изливать ему свою душу.. Дернула же его нелегкая родиться мужчиной, да еще драматургомъ! Онъ у Васъ будетъ. Успокойте его, пожалуйста, хотя это и не легко. Маслову передайте, что Евреинова и прочія дамы Сѣв. Вѣстника не виноваты. Замѣтка о его книгѣ сдѣлана и помѣщена нѣкіимъ умнымъ мужчиной безъ вѣдома дамъ. Когда я лѣтомъ ѣхалъ съ Евреиновой на югъ (она была безъ турнюра и публика ужасно надъ ней потѣшалась), то она всю дорогу мечтала только о поднятіи въ журналѣ беллетрист. отдѣла и о приглашеніи «молодыхъ силъ», въ томъ числѣ и Маслова. Замѣтка не важная, меня ругаютъ чаще и рѣзче; придавать ей значеніе не слѣдуетъ и Масловъ сдѣлалъ бы не дурно, если бы послалъ Евреиновой повѣсть. Ему нужно жениться, пить вино, не бросать военной службы и писать то, что хочется.. А вѣдь онъ хочетъ писать повѣсти! Что же касается Р. М., то тамъ сидятъ не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимаютъ въ литературѣ, какъ свинья въ апельсинахъ. Къ тому же библіограф. отдѣлъ ведетъ тамъ дама. Если дикая утка, которая летитъ въ поднебесьи, можетъ презирать свойскую, которая копается въ навозѣ и въ лужахъ, и думаетъ, что это хорошо, то такъ должны презирать художники и поэты мудрость копченыхъ сиговъ. Сердитъ я на Р. М. и на всю московскую литературу!

У Виктора Петровича [1]) сочленовный ревматизмъ. При этой болѣзни иногда бываетъ воспаленіе сердца и врачъ всегда долженъ быть на сторожѣ. Причиной пороковъ сердца чаще всего бываетъ ревматизмъ. Но только зачѣмъ В. П. выходитъ изъ дому? Ему нельзя не выходить, ни работать, ни мыться.. Я такъ полагаю, что черезъ мѣсяцъ онъ будетъ уже здоровъ. Пусть Ивана Ильича [2]) броситъ читать: отъ сочленовнаго ревматизма не умираютъ.

Въ «Ивановѣ» я радикально передѣлалъ 2 и 4 акты. Иванову далъ монологъ, Сашу подвергнулъ ретуши и проч. Если и теперь не поймутъ моего Иванова, то брошу его въ печь и напишу повѣсть «Довольно!» Названія не измѣню. Не ловко. Если бы пьеса не давалась еще ни разу, тогда другое бы дѣло.

Вся моя фамилія Вамъ кланяется.

Щегловъ, видѣвшій Сальвини 6 разъ, говоритъ, что Отелло-Ленскій хорошъ. Хочу написать коротенькую рецензію, да не знаю, съ какого конца начать.. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Байрону [3]). Виноградовымъ желаю скорѣйшаго выздоровленія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Такъ какъ зимою Вы заняты, то буду стараться писать Вамъ такія письма, которыя не требуютъ отвѣта.

А Алексѣя Алексѣевича все еще нѣтъ!

---

[1]) Буренинъ.

[2]) Повѣсть Л. Н. Толстого.

[3]) Такъ въ шутку прозвали младшаго сына адресата

LXXXIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 октября (1888 г. Москва).

Простите, дорогой Алексѣй Николаевичъ, что пишу на простой бумагѣ, почтовой нѣтъ ни одного листа, а ждать, когда принесутъ изъ лавочки, не хочется и некогда.

Большое Вамъ спасибо за то, что прочли мой разсказъ [1]) и за Ваше послѣднее письмо. Вашими мнѣніями я дорожу. Въ Москвѣ мнѣ разговаривать не съ кѣмъ и я радъ, что въ Петербургѣ у меня есть хорошіе люди, которымъ не скучно переписываться со мной. Да, милый мой критикъ, Вы правы! Середина моего разсказа скучна, сѣра и монотонна. Писалъ я ее лѣниво и небрежно. Привыкнувъ къ маленькимъ разсказамъ, состоящимъ только изъ начала и конца, я скучаю и начинаю жевать, когда чувствую, что пишу середину. Правы Вы и въ томъ, что не таите, а прямо высказываете свое подозрѣніе: не боюсь ли я, чтобъ меня сочли либераломъ? Это даетъ мнѣ поводъ заглянуть въ свою утробу. Мнѣ кажется, что меня можно скорѣе обвинить въ обжорствѣ, въ пьянствѣ, въ легкомысліи, въ холодности, въ чемъ угодно, но только не въ желаніи казаться или не казаться. Я никогда не прятался. Если я люблю Васъ, или Суворина, или Михайловскаго, то этого я нигдѣ не скрываю. Если мнѣ симпатична моя героиня Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсахъ, то я этого въ разсказѣ не скрываю, что кажется достаточно ясно. Не прячу я и своего уваженія къ земству,

---

[1]) «Именины.»

которое люблю, и къ суду присяжныхъ. Правда, подозрительно въ моемъ разсказѣ стремленіе къ уравновѣшиванію плюсовъ и минусовъ. Но вѣдь я уравновѣшиваю не консерватизмъ и либерализмъ, которые не представляютъ для меня главной сути, а ложь героевъ съ ихъ правдой. Петръ Дмитричъ лжетъ и буфонитъ въ судѣ, онъ тяжолъ и безнадеженъ, но я не могу скрыть, что по природѣ своей онъ милый и мягкій человѣкъ. Ольга Михайловна лжетъ на каждомъ шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняетъ ей боль. Украйнофилъ не можетъ служить уликой. Я не имѣлъ въ виду Павла Линтварева. Христосъ съ Вами! Павелъ Михайловичъ умный, скромный и про себя думающій парень, никому не навязывающій своихъ мыслей. Украйнофильство Линтваревыхъ — это любовь къ теплу, къ костюму, къ языку, къ родной землѣ! Оно симпатично и трогательно. Я же имѣлъ въ виду тѣхъ глубокомысленныхъ идіотовъ, которые бранятъ Гоголя за то, что онъ писалъ не по хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и блѣдными бездѣльниками, ничего не имѣя ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, тѣмъ не менѣе стараются казаться выше средняго уровня и играть роль, для чего и нацѣпляютъ на свои лбы ярлыки. Что же касается человѣка 60-хъ годовъ, то въ изображеніи его я старался быть остороженъ и кратокъ, хотя онъ заслуживаетъ цѣлаго очерка. Я щадилъ его. Это полинявшая недѣятельная бездарность, узуширующая 60-е годы; въ 5 классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти. Это не шарлатанъ, а дурачекъ, который вѣруетъ въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не по-

нимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистокъ, на женщинъ, на писателей и на все современное и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ сусликъ. Шестидесятые годы—это святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его значитъ опошлять его. Нѣтъ, не вычеркну я ни украйнофила, ни этого гуся, который мнѣ надоѣлъ! Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ гимназіи, надоѣдаетъ и теперь. Когда я изображаю подобныхъ субъектовъ, или говорю о нихъ, то не думаю ни о консерватизмѣ, ни о либерализмѣ, а объ ихъ глупости и претензіяхъ.

Теперь о мелочахъ. Когда студента Военно-Мед. Академіи спрашиваютъ, на какомъ онъ факультетѣ, то онъ коротко отвѣчаетъ: на медицинскомъ. Объяснять публикѣ разницу между Академіей и Университетомъ въ обычномъ, разговорномъ языкѣ станетъ только тотъ студентъ, кому это интересно и не скучно. Вы правы, что разговоръ съ беременной бабой смахиваетъ на нѣчто толстовское. Я припоминаю. Но разговоръ этотъ не имѣетъ значенія; я вставилъ его клиномъ только для того, чтобы у меня выкидышъ не вышелъ ex abrupto. Я врачъ и по сему, чтобы не осрамиться, долженъ мотивировать въ разсказахъ медицинскіе случаи.

И насчетъ затылка Вы правы. Я это чувствовалъ, когда писалъ, но отказаться отъ затылка, который я наблюдалъ, не хватило мужества: жалко было.

Правы Вы также, что не можетъ лгать человѣкъ, который только что плакалъ. Но правы только отчасти. Ложь—тотъ же алкоголизмъ. Лгуны лгутъ и умирая.

На дняхъ неудачно застрѣлился аристократъ офицеръ, женихъ одной знакомой намъ барышни. Отецъ этого жениха, генералъ, не идетъ въ больницу навѣстить

сына и не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, какъ свѣтъ отнесся къ самоубійству его сына..

Я получилъ Пушкинскую премію! Эхъ, получить бы эти 500 рублей лѣтомъ, когда весело, а зимой они пойдутъ прахомъ.

Завтра сажусь писать разсказъ для Гаршинскаго сборника. Буду стараться. Когда онъ выльется въ нѣчто форменное, то я увѣдомлю Васъ и обезпечу обѣщаніемъ. Готовъ онъ будетъ, вѣроятно, не раньше будущаго воскресенья. Я теперь волнуюсь и плохо работаю.

Одинъ экз. сборника запишите Линтваревымъ, другой артисту Лепскому... Впрочемъ, я пришлю списочекъ своихъ подписчиковъ. Какая цѣна сборнику?

Свѣтлову отвѣтъ давно уже посланъ.

«Цѣпи» Сумбатова хороши. Ленскій играетъ Пропорьева великолѣпно. Будьте здоровы и веселы. Премія выбила меня изъ колеи. Мысли мои вертятся такъ глупо, какъ никогда. Мои всѣ кланяются Вамъ, а я кланяюсь Вашимъ. Холодно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XC.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

9 Октябрь (1888 г. Москва.)

Простите, уважаемый товарищъ, что я пишу Вамъ на простой бумагѣ. Почтовой не оказалось въ столѣ ни единаго листика, а ждать, когда принесутъ изъ лавочки, некогда.

Я насчетъ плахтъ. Въ цѣнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь. Я назначилъ Вамъ цифры, потому что не имѣю понятія о цѣнѣ. Выбирая плахты, останавливайте свой

выборъ предпочтительно на темныхъ и линючихъ цвѣтахъ. Простите, милый докторъ, за безпокойство! Если Вы сердитесь, то напишите мнѣ ругательное письмо: я прочту его и смиренно прижму къ сердцу.

Гаршинскій сборникъ выйдетъ въ Декабрѣ. Задержка отъ беллетристовъ, которые едва ли дадутъ что-нибудь путное. Я тоже даю.

Разсказъ въ $2^1/_4$ листа уже посланъ въ Сѣв. Вѣстникъ. Начало и конецъ читаются съ интересомъ, но середина—жеваная мочалка. Не хватило пороху!

Въ моей печкѣ воетъ жалобно вѣтеръ. Что-то онъ подлецъ говоритъ, но что — не пойму никакъ.

Получилъ я извѣстіе, что Академія Наукъ присудила мнѣ Пушкинскую премію въ 500 р. Это, должно-быть, извѣстно уже Вамъ изъ газетныхъ телеграммъ. Офиціально объявятъ объ этомъ 19-го окт. въ публичномъ засѣданіи Академіи съ подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть за то, что я раковъ ловилъ.

Премія, телеграммы, поздравленія, пріятели, актеры, актрисы, пьесы — все это выбило меня изъ колеи. Прошлое туманится въ головѣ, я ошалѣлъ; тина и чертовщина городской, литераторской суеты охватываютъ меня, какъ спрутъ-осминогъ. Все пропало! Прощай лѣто, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лѣнь, прощай голубенькій костюмчикъ.

Прощай покой, прости мое довольство!
Все, все прости! Прости мой ржущій конь,
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!
Простите вы, смертельныя орудья,

Которыхъ гулъ несется по землѣ
Какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса! [1])

Если когда-нибудь страстная любовь выбивала Васъ изъ прошлаго и настоящаго, то тоже самое почти я чувствую теперь. Ахъ, не хорошо все это, докторъ, не хорошо! Ужъ коли сталъ стихи цитировать, то стало быть не хорошо!

Однако боюсь надоѣсть Вамъ. Будьте здоровы и веселы. Александрѣ Васильевнѣ почтительно цѣлую руку, а всѣмъ прочимъ посылаю сердечный привѣтъ.

Суворинъ забылъ у меня очки. Сопричислилъ ихъ къ сорочкѣ Плещеева и брючкамъ Баранцевича [2]). Музей растетъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Написалъ, чтобы Вамъ выслали Гаршинскій сборникъ.

XCI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Октябрь (1888 г. Москва).

Извѣстіе о преміи имѣло ошеломляющее дѣйствіе. Оно пронеслось по моей квартирѣ и по Москвѣ, какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса. Я всѣ эти дни хожу, какъ влюбленный; мать и отецъ несутъ ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацію со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходитъ къ подругамъ и всюду трезвонитъ. Жанъ Щегловъ толкуетъ о лите-

---

[1]) Изъ «Отелло».

[2]) Вещи, забытыя у А. П. на Лукѣ.

ратурныхъ Яго и о пятистахъ врагахъ, какихъ я пріобрѣту за 500 руб. Встрѣтились мнѣ супруги Лепскіе и взяли слово, что я пріѣду къ нимъ обѣдать; встрѣтилась одна дама, любительница талантовъ, и тоже пригласила обѣдать; пріѣзжалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ инспекторъ Мѣщанскаго училища и покупалъ у меня «Каштанку» за 200 руб., чтобъ «нажить».. Я думаю такъ, что даже Анна Ивановна [1]), не признающая меня и Щеглова наравнѣ съ Разстрыгинымъ, пригласила бы меня теперь обѣдать. Иксы, Зеты и Эны, работающіе въ Будильникахъ, въ Стрекозахъ и Листкахъ, переполошились и съ надеждою взираютъ на свое будущее. Еще разъ повторяю: газетные беллетристы второго и третьяго сорта должны воздвигнуть мнѣ памятникъ, или по крайней мѣрѣ поднести серебренный портсигаръ: я проложилъ для нихъ дорогу въ толстые журналы, къ лаврамъ и къ сердцамъ порядочныхъ людей. Пока это моя единственная заслуга, все же, что я написалъ и за что мнѣ дали премію, не проживетъ въ памяти людей и десяти лѣтъ.

Мнѣ ужасно везетъ. Лѣто я провелъ великолѣпно, счастливо, истративъ почти гроши и не надѣлавъ особенно большихъ долговъ. Улыбались мнѣ и Пселъ, и море, и Кавказъ, и хуторъ, и книжная торговля (я ежемѣсячно получалъ за свои Сумерки). Въ сентябрѣ я отработалъ половину долга и написалъ повѣстушку въ $2^1/_4$ листа, что дало мнѣ больше 300 руб. Вышло 2-е изданіе Сумерекъ. И вдругъ, точно градъ съ неба, эта премія! Такъ мнѣ везетъ, что я начинаю подозрительно коситься на небеса. Поскорѣе спрячусь подъ столъ и буду сидѣть тихо, смирно, не возвышая голоса. Пока не рѣшусь на серьезный шагъ, т.-е. не

---

[1]) Супруга адресата.

напишу романа, буду держать себя въ сторонѣ тихо и скромно, писать мелкіе разсказы безъ претензій, мелкія пьесы, не лѣзть въ гору и не падать внизъ, а работать ровно, какъ работаетъ пульсъ Буренина: [1]) Я послушаюсь того хохла, который сказалъ: «колыбъ я бувъ царемъ, то укравъ бы сто рубливъ и утикъ». Пока я маленькій царекъ въ своемъ муравейникѣ, украду сто рублей и убѣгу. Впрочемъ, кажется, я ужъ начинаю писать чепуху.

Теперь обо мнѣ говорятъ. Куй желѣзо, пока горячо. Надо бы напечатать объявленіе объ обѣихъ моихъ книгахъ раза три подъ рядъ теперь и 19-го, когда о преміи будетъ объявлено оффиціально. 500 рублей я спрячу на покупку хутора. Книжная выручка пойдетъ туда же.

. . . . . .

Радъ, что моя передовая пригодилась. Разсказъ о молодомъ человѣкѣ и о проституціи [2]), о которомъ я говорилъ Вамъ, посылается въ Гаршинскій сборникъ.

На душѣ у меня непокойно. Впрочемъ, все это пустяки. Поклонъ и привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Списокъ врачей я послалъ въ календарь. Пришлось передѣлать все. Если позволите, я въ будущемъ году возьму на себя всю календарную медицину. Лѣтомъ займусь въ охотку. Будьте здоровы и покойны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Посылаю разсказъ учителя Ежова. Разсказъ такъ же не зрѣлъ и наивенъ какъ его героиня Леля,—этимъ онъ хорошъ. Все деревянное я вычеркнулъ. Если разсказъ не сгодится, то не бросайте. Мой протеже будетъ уязвленъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ изображена волнистая линія.

[2]) «Припадокъ».

Масловъ пишетъ мнѣ: «2-й разъ мнѣ передаютъ вашъ совѣтъ жениться. Что значитъ этотъ совѣтъ, благородный серъ?»

XCII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

10 Окт. (Москва. 1888 г.)

Пріѣхалъ Жоржъ Линтваревъ и играетъ у насъ на піанино. Послѣ завтра ѣдетъ въ Питеръ. Жанъ Щегловъ уже выбылъ.

Милый Алексѣй Николаевичъ, нельзя ли прислать корректуру моего разсказа? [1]). Я ничего не прибавлю, но кое-что, быть-можетъ, исправлю и вычеркну. Во-вторыхъ, не замолвите ли Вы словечко, чтобы мнѣ поскорѣе выслали гонорарій? Чахну!

Я въ плохомъ настроеніи: у меня кровохарканье. Вѣроятно, пустяки, но все-таки непріятно.

Сегодня на Кузнецкомъ въ присутствіи сестры обвалилась высокая кирпичная стѣна, упала черезъ улицу и подавила много людей.

Будьте здоровы. Привѣтъ Вашимъ. Мои всѣ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

14 Окт. (1888 г. Москва.)

Еще разъ здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Жанъ Щегловъ вѣроятно вчера или сегодня передалъ Вамъ мое письмо со вложеніемъ разсказа моего протеже

---

[1]) «Именины».

Ежова. Сегодня пишу отвѣтъ на Ваше послѣднее письмо. Сначала о кровохарканьи.. Впервые я замѣтилъ его у себя 3 года тому назадъ въ Окружномъ судѣ: продолжалось оно дня 3—4 и произвело немалый переполохъ въ моей душѣ и въ моей квартирѣ. Оно было обильно. Кровь текла изъ праваго легкаго. Послѣ этого я раза два въ годъ замѣчалъ у себя кровь, то обильно текущую т.-е. густо красящую каждый плевокъ, то не обильно.. Третьяго дня или днемъ раньше—не помню, я замѣтилъ у себя кровь, была она и вчера, сегодня ея уже нѣтъ. Каждую зиму, осень и весну, и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изо рта, есть что-то зловѣщее, какъ въ зареѣ. Когда же нѣтъ крови, я не волнуюсь и не угрожаю русской литературѣ «еще одной потерей». Дѣло въ томъ, что чахотка, или иное серьезное легочное страданіе узнаются только по совокупности признаковъ, а у меня-то именно и нѣтъ этой совокупности. Само по себѣ кровотеченіе изъ легкихъ не серьезно; кровь льется иногда изъ легкихъ цѣлый день, она хлещетъ, всѣ домочадцы и больной въ ужасѣ, а кончается тѣмъ, что больной не кончается — и это чаще всего. Такъ и знайте на всякій случай: если у кого-нибудь, завѣдомо не чахоточнаго, вдругъ пойдетъ ртомъ кровь, то ужасаться не нужно. Женщина можетъ потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менѣе половины.

Если бы то кровотеченіе, какое у меня случилось въ Окружномъ судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ — вотъ моя логика.

Что касается брата, то я долженъ только благодарить Васъ...

Цѣлые сутки мой жилецъ — гимназистъ [1]), внукъ Ашанина [2]), пролежалъ въ постели съ темпер. въ 40°, съ головной болью и съ бредомъ. Представьте всеобщій ужасъ, а въ особенности мой! Его мать такая симпатичная женщина, какихъ мало. Меня мучилъ вопросъ: посылать ей телеграмму, или нѣтъ? Телеграмма ошеломила бы ее—мальчишка у нея единственный сынъ—, а не послать телеграммы—не имѣю права. Къ счастью птенецъ ожилъ и вопросъ рѣшился самъ собою. Кстати: приходилъ изъ гимназіи классный наставникъ птенца, человѣкъ забитый, запуганный циркулярами, недалекій и ненавидимый дѣтьми за суровость (у него пріемъ: взять мальчика за плечи и трепать его; представьте, что въ Ваши плечи вцѣпились руки человѣка, котораго Вы ненавидите). Онъ у меня конфузился, ни разу не сѣлъ и все время жаловался на начальство, которое ихъ, педагоговъ, передѣлало въ фельдфебелей. Оба мы полиберальничали, поговорили о югѣ (оказались земляками), повздыхали.. Когда я ему сказалъ:—а какъ свободно дышется въ нашихъ южныхъ гимназіяхъ!— онъ безнадежно махнулъ рукой и ушолъ.

Классные наставники обязаны посѣщать квартиры учениковъ; положеніе ихъ дурацкое, особенно когда прійдя къ ученику они застаютъ толпу гостей: конфузъ всеобщій.

О Севильскомъ обольстителѣ я поговорю у Корша, позондирую актеровъ, но едва ли поставятъ! Вѣдь нужны спеціальныя декораціи и костюмы, а Коршъ скупехонекъ. И играть у него некому. Посовѣтуйте

---

[1]) Сережа Киселевъ.

[2]) Вл. Петр. Бегичевъ, директоръ Моск. Импер. театровъ, описанный Марковичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ» подъ фамиліей «Ашанинъ».

Маслову, если нѣтъ времени писать комедіи, приняться за водевили.. Вѣдь между большой пьесой и одноактной разница только количественная. Напишите и Вы потихоньку водевиль *) (съ псевдонимомъ), кстати я запишу Васъ въ Драматич. Общество.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Окт.)

Читалъ я своего «Иванова». Если, думается мнѣ написать другой IV актъ, да кое что выкинуть, да вставить одинъ монологъ, который сидитъ уже у меня въ мозгу, то пьеса выйдетъ законченной, и весьма эффектной. Къ Рождеству исправлю и пошлю въ Александринку.

Медвѣдь пропущенъ цензурой (кажется, не безусловно) и будетъ идти у Корша. Соловцовъ жаждетъ играть его.

Нѣтъ ли у Маслова пьесы? Я бы поставилъ ее у Корша. Актеры со мной очень нѣжны.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ, Буренину и Маслову.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ Трезору и нововременской уткѣ.

Очки и каталогъ драм. общества вы получите съ Алекс. Алекс.

---

*) Одноактную драму или комедію. Прим. А. П.

XCV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Октябрь (1888 г. Москва.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой. На сихъ дняхъ Жанъ Щегловъ притащитъ къ вамъ мою одноактную пьесу «Калхасъ» или «Лебединая пѣсня». Нельзя ли прочесть ее въ литературномъ комитетѣ и пропустить? Достоинства въ пьесѣ отсутствуютъ; значенія ей я не придаю никакого, но дѣло въ томъ, что Ленскому [1]) хочется во что бы то ни стало сыграть ее на малой сценѣ. Прошу не столько я, сколько Ленскій. Если же не пропустите, то на томъ свѣтѣ Вамъ достанется отъ Люцифера и аггеловъ его, я же лично ничего не буду имѣть противъ. Власть, юже даде Вамъ Богъ, я почитаю и прекословить ей не стану. Если когда нибудь я буду членомъ комитета, то буду налагать veto безжалостно.

Безденежье одолѣло, вою волкомъ, но что дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ. Попросите Анну Михайловну [2]), чтобы она не безпокоилась.

Жоржъ [3]) уже былъ у васъ.

Въ Москвѣ нѣтъ ничего новаго. Скучно и грустно, и сѣро, и свинцово..

Будьте здоровехоньки и поклонитесь Вашимъ. Моя фамилія шлетъ Вамъ свой привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Артистъ Импер. Малаго театра въ Москвѣ.

[2]) А. М. Евреинова — издательница «Сѣвернаго Вѣстника».

[3]) Г. М. Линтваревъ.

XCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Октября. (1888 г. Москва.)

Начало пьесы получилъ [1]). Благодарю Васъ. Благосвѣтловъ войдетъ цѣликомъ, какъ онъ есть. Вы его сдѣлали хорошо: онъ утомляетъ и раздражаетъ съ первыхъ же словъ, а если публика будетъ слушать его 3—5 минутъ подъ рядъ, то получится именно то впечатлѣніе, какое нужно. Зритель будетъ думать:—«Ахъ, да замолчи ты, пожалуйста!» Этотъ человѣкъ т.-е. Благосвѣтловъ долженъ дѣйствовать на зрителей и какъ умный, подагрическій брюзга и какъ скучная музыкальная пьеса, которую долго играютъ. Насколько онъ удался у Васъ, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое дѣйствіе и пришлю вамъ.

Въ Анучинѣ я оставлю фамилію и «все такое», разговоръ же его надо подмаслить немножко. Анучинъ натура рыхлая, масленистая, любящая, и рѣчь его тоже рыхлая, масленистая, а у Васъ онъ слишкомъ отрывистъ и не достаточно благодушенъ. Надо, чтобы отъ этого крестнаго отца вѣяло старостью и лѣнью. Ему лѣнь слушать Благосвѣтлова; вмѣсто того, чтобы спорить, онъ охотнѣе подремалъ бы и послушалъ разсказовъ о Питерѣ, о царѣ, о литературѣ, о наукѣ, или закусилъ бы въ хорошей компаніи.

Напоминаю Вамъ афишу нашей пьесы:

---

[1]) Рѣчь идетъ о той пьесѣ, которую задумалъ А. П. и которую хотѣлъ написать вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ. Это сотрудничество не состоялось, и пьеса была написана А. П. единолично («Лѣшій», позднѣе «Дядя Ваня»).

1) Александръ Платонычъ Благосвѣтловъ, членъ государственнаго совѣта, имѣетъ Бѣлаго орла, получаетъ пенсіи 7.200 руб.; происхожденія поповскаго, учился въ семинаріи. Положеніе, которое онъ занималъ, добыто путемъ личныхъ усилій. Въ прошломъ ни однаго пятна. Страдаетъ подагрой, ревматизмомъ, безсонницей, шумомъ въ ушахъ. Недвижимое получилъ въ приданое. Имѣетъ умъ положительный. Не терпитъ мистиковъ, фантазеровъ, юродивыхъ, лириковъ, святошъ, не вѣруетъ въ Бога и привыкъ глядѣть на весь міръ съ точки зрѣнія дѣла. Дѣло, дѣло и дѣло, а все остальное—вздоръ или шарлатанство.

2) Борисъ, его сынъ студентъ, юнецъ, очень нѣжный, и очень честный, но ни бельмеса не смыслящій въ жизни. Вообразивъ себя однажды народникомъ, онъ вздумалъ одѣться мужикомъ и нарядился туркомъ. Играетъ отлично на рояли, поетъ съ чувствомъ, пишетъ тайкомъ пьесы, влюбчивъ, тратитъ массу денегъ и всегда говоритъ вздоръ. Учится плохо.

3) Дочь Благосвѣтлова. но только пожалуйста не Саша. Это имя мнѣ надоѣло уже въ Ивановѣ. Коли сынъ Борисъ, то дочка пусть будетъ Настя. (Пусть мы Борѣ и Настѣ воздвигнемъ памятникъ нерукотворный..) Настѣ 23—24 года. Она отлично образована, умѣетъ мыслить.. Петербургъ ей скученъ, деревня тоже. Не любила ни разу въ жизни. Лѣнива, любитъ философствовать, читаетъ книги лежа; хочетъ выйти замужъ только ради разнообразія и чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ. Говоритъ, что можетъ влюбиться только въ интереснаго человѣка. За Пушкина или Эдиссона она вышла бы съ удовольствіемъ, она бы влюбилась, но за хорошаго человѣка она пойдетъ только отъ скуки; мужа будетъ уважать, а дѣтей любить. Увидѣвъ и послушавъ лѣшаго, она отдается страсти до nec plus ultra, до судорогъ,

до глупаго, безпричиннаго смѣха. Порохъ, подмоченный петербургской тундрой, высыхаетъ подъ солнцемъ и вспыхиваетъ съ страшной силой.. Любовное объясненіе я придумалъ феноменальное.

4) Анучинъ, старикъ. Считаетъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Сыновья его въ люди вышли, дочки замужемъ, а самъ онъ—вольная птица. Никогда не лѣчился, никогда не судился, орденовъ не носилъ, забываетъ часы заводить и со всѣми пріятель. Ужинаетъ плотно, спитъ отлично, пьетъ много и безъ послѣдствій, на старость свою сердится, о смерти не умѣетъ думать. Когда то хандрилъ и брюзжалъ, имѣлъ плохой аппетитъ и интересовался политикой, но случай спасъ его: однажды по какому то поводу лѣтъ 10 тому назадъ ему пришлось на земскомъ собраніи попросить у всѣхъ прощенія—послѣ этого онъ вдругъ почувствовалъ себя весело, захотѣлъ ѣсть и, какъ натура субъективная, общественная до мозга костей, пришелъ къ тому заключенію, что абсолютная искренность въ родѣ публичнаго покаянія есть средство отъ всѣхъ болѣзней. Это средство рекомендуетъ онъ всѣмъ, между прочимъ и Благосвѣтлову.

5) Викторъ Петровичъ Коровинъ, помѣщикъ лѣтъ 30—33, лѣшій. Поэтъ, пейзажистъ, страшно чувствующій природу. Какъ то, будучи еще гимназистомъ, онъ посадилъ у себя во дворѣ березку; когда она позеленѣла и стала качаться отъ вѣтра, шелестѣть и бросать маленькую тѣнь, душа его наполнилась гордостью: онъ помогъ Богу создать новую березу, онъ сдѣлалъ такъ, что на землѣ стало однимъ деревомъ больше! Отсюда начало его своеобразнаго творчества. Онъ воплощаетъ свою идею не на полотнѣ, не на бумагѣ, а на землѣ, не мертвой краской, а организмами.. Дерево прекрасно, но мало этого, оно имѣетъ право на жизнь, оно нужно,

какъ вода, какъ солнце, какъ звѣзды. Жизнь на землѣ не мыслима безъ деревьевъ. Лѣса обусловливаютъ климатъ, климатъ вліяетъ на характеръ людей и т. д., и т. д. Нѣтъ ни цивилизаціи, ни счастья, если лѣса трещатъ подъ топоромъ, если климатъ жостокъ и черствъ, если люди тоже жостки и черствы.. Будущее ужасно! Настѣ нравится онъ не за идею, которая ей чужда, а за талантъ, за страсть, за широкій размахъ идеи.. Ей нравится, что онъ размахнулся мозгомъ черезъ всю Россію и черезъ десять вѣковъ впередъ. Когда онъ прибѣгаетъ къ ея отцу и со слезами, всхлипывая, умоляетъ его, чтобы онъ не продавалъ своего лѣса на срубъ, она хохочетъ отъ восторга и счастья, что наконецъ увидѣла человѣка, въ котораго не вѣрила раньше, когда узнавала его черты въ мечтахъ и въ романахъ..

6) Галаховъ, сверстникъ Лѣшаго, но уже статскій совѣтникъ, очень богатый человѣкъ, служащій вмѣстѣ съ Скальковскимъ. Чиновникъ до мозга костей и отдѣлаться отъ этого чиновничества своего никакъ не можетъ, ибо оно унаслѣдовано отъ дѣдовъ съ плотью и кровью.. Хочется ему жить сердцемъ, но не умѣетъ. Старается понимать природу и музыку, но не понимаетъ. Человѣкъ честный и искренній, понимающій, что Лѣшій выше его и открыто сознающійся въ этомъ. Хочетъ жениться по любви, думаетъ, что онъ влюбленъ, настраиваетъ себя на лирическій тонъ, но ничего у него не выходитъ. Настя нравится ему только какъ красивая, умная дѣвушка, какъ хорошая жена, и больше ничего.

7) Василій Гавриловичъ Волковъ, братъ покойной жены Благосвѣтлова. Управляетъ имѣньемъ послѣдняго (свое прожилъ во время оно). Жалѣетъ, что не кралъ. Онъ не ожидалъ, что петербургская родня такъ плохо будетъ

понимать его заслуги. Его не понимаютъ, не хотятъ понять и онъ жалѣетъ, что не кралъ. Пьетъ Виши и брюзжитъ. Держитъ себя съ гоноромъ. Подчеркиваетъ, что не боится генераловъ. Кричитъ.

8) Люба, его дочь. Эта о земномъ печется. Куры, утки, ножи, вилки, скотный дворъ, премія Нивы, которую нужно вставить въ раму, угощеніе гостей, обѣды, ужины, чай—ея сфера. Считаетъ личнымъ оскорбленіемъ для себя, если кто нибудь вмѣсто нея берется наливать чай:—«А, стало быть, я ужъ не нужна въ этомъ домѣ?» Не любитъ тѣхъ, кто соритъ деньгами и не занимается дѣломъ. Преклоняется передъ Галаховымъ за его положительность. Вы не такъ ее выпустили. Нужно, чтобъ она вышла изъ глубины сада взволнованная и подняла крикъ:—«Какъ смѣли Марья и Акулина оставитъ индюшатъ ночевать въ росѣ?» или что нибудь въ родѣ. Она всегда строгая. Строга и съ людьми и съ утками. Настоящія хозяйки никогда не восхищаются дѣлами рукъ своихъ, а напротивъ стараются доказать, что жизнь у нихъ каторжная, отдохнуть, прости Господи, некогда, всѣ сидятъ сложа руки и только она бѣдная выбивается изъ силъ.. Настю и Бориса отчитываетъ за дармоѣдство, а Благосвѣтлова боится.

9) Семенъ, мужикъ, прикащикъ у Лѣшаго.

10) Странникъ Ѳеодосій, старикъ 80 лѣтъ, но еще не сѣдой. Николаевскій солдатъ, служилъ на Кавказѣ и говоритъ по лезгински. Сангвиникъ. Любитъ анекдоты и веселые разговоры; кланяется всѣмъ въ ноги, цѣлуетъ въ плечико и насильно цѣлуетъ дамъ. Послушникъ Афонскаго монастыря. Собралъ на своемъ вѣку 300 тысячъ и все до копѣйки отослалъ въ монастырь, самъ же нищенствуетъ. Пускаетъ дурака и подлеца, не стѣсняясь ни чиномъ, ни мѣстомъ.

Вотъ Вамъ и вся афиша. Не позже Рождества Вы получите мой матеріалъ для перваго дѣйствія. Благосвѣтлова я не трону. Онъ и Галаховъ Ваши, я отъ нихъ отрекаюсь; добрая половина Насти Ваша. Я одинъ съ ней не справлюсь. Борисъ не важенъ, его одолѣть не трудно. Лѣшій до четвертаго акта мой, а въ четвертомъ до бесѣды съ Благосвѣтловымъ Вашъ. Въ этой бесѣдѣ я долженъ буду держаться общаго тона фигуры, тона, котораго Вы не поймаете.

Второй актъ (гости) начнете опять Вы.

Ѳеодосій эпизодическое лицо, которое, думаю, понадобится: мнѣ хочется, чтобы Лѣшій на сценѣ не былъ одинокъ, чтобы Благосвѣтловъ почувствовалъ себя окруженнымъ юродивыми. Я пропустилъ въ афишѣ m-lle Эмили, старуху француженку, которая тоже въ восторгѣ отъ Лѣшаго. Нужно показать, какъ г.г. Лѣшіе дѣйствуютъ на женщинъ. Эмили добрая старушка, гувернантка, не потерявшая еще своего электричества. Когда бываетъ возбуждена, мѣшаетъ французскій языкъ съ русскимъ. Терпѣливая сидѣлка Благосвѣтлова. Она Ваша. Для нея въ первомъ явленіи я оставлю пробѣлы.

Видаюсь каждый день съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Изъ архитектора онъ превратился въ ревизора [1]). Боголѣповъ сталъ еще боголѣпнѣе.. Сегодня одинъ изъ счетчиковъ въ разговорѣ со мной назвалъ его «субботой»..

Если бы Іисусъ Христосъ былъ радикальнѣе и сказалъ: «Люби врага, какъ самого себя», то онъ сказалъ бы не то, что хотѣлъ. Ближній—понятіе общее, а врагъ—частность. Бѣда вѣдь не въ томъ, что мы не навидимъ враговъ, которыхъ у насъ мало, а въ томъ, что недостаточно лю-

---

[1]) А. А. Суворинъ ревизовалъ свой московскій книжный магазинъ.

бимъ ближнихъ, которыхъ у насъ много, хоть прудъ пруди. «Люби врага, какъ самого себя», пожалуй, сказалъ бы Христосъ, если бы былъ женщиной. Женщины любятъ выхватывать изъ общихъ понятій яркія, бьющія въ глаза частности. Христосъ же, стоявшій выше враговъ, незамѣчавшій ихъ, натура мужественная, ровная и широко думающая—едвали придавалъ значеніе разницѣ, какая есть въ частностяхъ понятія «ближній». Мы съ Вами субъективны. Если намъ говорятъ напримѣръ вообще про животныхъ, то мы сейчасъ же вспоминаемъ про волковъ и крокодиловъ, или же про соловьевъ и красивыхъ козулей; для зоолога же не существуетъ разницы между волкомъ и козулей: для него она слишкомъ ничтожна. Понятіе «газетное дѣло» Вы усвоили себѣ въ широкой степени; частности, которыя заставляютъ волноваться публику, Вамъ представляются ничтожными.. Вы усвоили себѣ общее понятіе и потому газетное дѣло удалось Вамъ, тѣ же люди, которые сумѣли осмыслить только частности, потерпѣли крахъ.. Въ медицинѣ тоже самое. Кто не умѣетъ мыслить по медицински, а судитъ по частностямъ, тотъ отрицаетъ медицину; Боткинъ же, Захарынъ, Вирховъ и Пироговъ, несомнѣнно умные и даровитые люди, вѣруютъ въ медицину, какъ въ Бога, потому что выросли до понятія «медицина». Тоже самое и въ беллетристикѣ. Терминъ «тенденціозность» имѣетъ въ своемъ основаніи именно не умѣнье людей возвышаться надъ частностями.

Однако я исписываю ужъ 3-й листъ. Ночь. Простите пожалуста. Поклонъ всѣмъ вашимъ.

Я совершенно здоровъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

О пьесѣ никому не говорите.

XCVII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

(Москва. 1888 г. Окт. 20).

Спасибо Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ, за поздравленіе [1]). Насколько помню, льстецомъ я Васъ никогда не обзывалъ и Васъ не оспаривалъ; я говорилъ Вамъ только, что и великіе писатели бываютъ подвержены риску исписаться, надоѣсть, сбиться съ панталыку и попасть въ тиражъ. Я лично подверженъ этому риску въ сильнѣйшей степени, чего Вы, какъ умный человѣкъ, надѣюсь, отрицать не станете. Во-первыхъ, я «счастья баловень безродный», въ литературѣ я Потемкинъ, выскочившій изъ нѣдръ «Развлеченія» и «Волны», я мѣщанинъ во дворянствѣ, а такіе люди недолго выдерживаютъ, какъ не выдерживаетъ струна, которую торопятся натянуть. Во-вторыхъ, наибольшему риску сойти съ рельсовъ подверженъ тотъ поѣздъ, который ѣдетъ ежедневно, безъ остановокъ, не взирая ни на погоду, ни на количество топлива...

Конечно, премія—большая штука и не для меня одного. Я счастливъ, что указалъ многимъ путь къ толстымъ журналамъ, и теперь не менѣе счастливъ, что по моей милости тѣ же самые многіе могутъ разсчитывать на академическіе лавры. Все мною написанное забудется черезъ 5—10 лѣтъ; но пути, мною проложенные, будутъ цѣлы и невредимы—въ этомъ моя единственная заслуга.

Ежовъ молодецъ. Онъ послалъ уже другой «субботникъ». Вашъ «субботникъ» мнѣ симпатиченъ, особенно середка, гдѣ мать учитъ дѣвочку.

---

[1]) Съ полученіемъ Пушкинской преміи.

Напрасно Вы приложили марки. Вашъ «субботникъ» вручилъ я Суворину-фису, который пребываетъ теперь въ Москвѣ.

Отчего Вы раздумали подписаться Лазаревымъ?

Мнѣ Ваши разсказы нравятся; съ каждымъ годомъ Вы пишете все лучше и лучше, то есть, талантливѣе и умнѣе. Но Вы рискуете опоздать. Надо торопиться. Если Вы не пойдете форсированнымъ маршемъ, то прозѣваете: Ваше мѣсто займутъ другіе.

Вы хорошо дѣлаете, что боитесь мелочности и казенщины. Но опять-таки Вы не даете воли своему темпераменту. Женщинъ нужно описывать такъ, чтобы читатель чувствовалъ, что Вы въ разстегнутой жилеткѣ и безъ галстука, природу—тоже самое. Дайте себѣ свободы.

Будьте здоровы. Поклонъ Вашей женѣ. Я живъ и здоровъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCVIII.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

20 Окт. (1888 г. Москва.)

Милый Баринъ!

Все обстоитъ благополучно и дѣла, если не превосходны, то во всякомъ случаѣ нормальны. Наблюдая вашего финика [1]), я все болѣе прихожу къ убѣжденію, что Бабкинскій климатъ съ его вечернею сыростью ему вреденъ. Въ Москвѣ онъ чувствуетъ себя великолѣпно. Ни кашля, ни жара. Остались однѣ только помѣщицкія болѣзни: то пузико болитъ, то въ горлѣ отъ крика че-

---

[1]) Сына адресата—Сережу, жившаго у А. П.

шется, то подъ ложечкой ломитъ. Недавно онъ перепугалъ меня ужасно. Въ одинъ прекрасный вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ и желаетъ спокойной ночи. Гляжу на часы: только 8. Спрашиваю: зачѣмъ такъ рано? Уныло молчитъ и идетъ къ себѣ на верхъ. Во второмъ часу ночи ко мнѣ является мать и съ таинственно испуганной миной заявляетъ мнѣ, что Сережа сейчасъ просилъ пить. Я дѣлаю распоряженіе, чтобы утромъ его не пускали въ гимназію. Утромъ прихожу на верхъ. Финикъ лежитъ подъ одѣяломъ. Лицо красное, temper. 39°. Неохотно говоритъ, вялъ, слабъ, жалуется на безсонницу и на головную боль. Мать въ ужасѣ, сестра смотритъ на меня громадными глазами..

Тифъ? Дифтеритъ? Экзаменую Финика и мать; оказывается, что вчера былъ соусъ изъ почекъ. Даю касторки.. Вечеромъ мой больной уже изображаетъ слѣдующее: 39,5°, на животѣ кошка; мышцы живота прыгаютъ и подбрасываютъ кошку—это называется миной. Утромъ Финикъ уже прыгаетъ и вѣшается всѣмъ на шею, какъ ни въ чемъ не бывало. Является классный наставникъ Козачковъ и, полиберальничавъ со мною, съ миромъ удаляется.

Другихъ ужасовъ не было.

Не пишетъ онъ писемъ по простой причинѣ: не умѣетъ. Написать письмо для него подвигъ. Чтобы писать письма, нужно привыкнуть, а онъ до сихъ поръ въ своихъ писаніяхъ не былъ ни разу самостоятеленъ и, какъ всѣ первоклассники, не рѣшался идти дальше копированія.

Сейчасъ ждутъ въ Москвѣ Государя.

Всѣхъ студентовъ, гимназистовъ и гимназистокъ погнали въ Кремль. Значитъ, погнали и Финика, чему я очень радъ, хотя и знаю, что онъ озябнетъ. Всякія треволненія, усилія и форсированные марши для него

полезны: пріучаютъ къ самостоятельности и полезны для здоровья.

Всѣ мои гости въ восторгѣ отъ Финика.

Самое красивое въ немъ, это—его искренность.

Поклоны всѣмъ. Спѣшу.

Вашъ *А. Чеховъ*

XCIX.

А. С. Суворину.

23 Окт. (1888 г. Москва.)

Я опять о дѣлахъ.

Былъ Островскій, братъ министра. Онъ послалъ Вамъ тюкъ разсказовъ[1]) и пачку рисунковъ. Рисунки плохи, но сносны. Нѣсколько, по моему совѣту, забраковано; забракуйте и Вы нѣсколько—дешевле обойдется книга. Когда я спросилъ его объ условіяхъ, онъ сказалъ: «условія обыкновенныя, вотъ какъ у Васъ.. Какъ всѣ, такъ и мы, т. е. 30%». Выкурилъ затѣмъ плохую сигару, продушилъ ею всю мебель, испортилъ воздухъ и ушолъ.. Человѣкъ онъ очень хорошій.

У насъ въ Москвѣ издается новый журналъ «Артистъ», печатающій пьесы текущаго репертуара, весьма приличный снаружи и скучный внутри. Онъ ужъ 20 разъ просилъ у меня водевили, напечатанные въ Новомъ Времени. Я всякій разъ рекомендовалъ обратиться съ этой просьбой къ Вамъ. Артистъ къ Вамъ обращаться не хочетъ, поручая сдѣлать это мнѣ самому. Что Вы скажете? Если Вы не согласитесь, то я не пострадаю отъ этого ни на одинъ сантимъ, такъ какъ водевили пой-

---

[1]) Своей сестры Н. Н. для изданія.

дутъ безплатно; если же согласитесь, то соглашайтесь не иначе, чтобы водевили были напечатаны съ примѣчаніемъ: «сей водевиль перепечатывается изъ такого то № «Новаго Времени».

Иначе выйдетъ не хорошо — таково мое мнѣніе. Отвѣтьте мнѣ, а Вашъ отвѣтъ я пошлю Артисту. Артистъ не согласенъ печатать съ примѣчаніемъ. Это его дѣло. Пусть не хочетъ, но только пусть прекратитъ свои запросы, которыми я заваленъ вообще.

Очень радъ за Ежова, что онъ печатается въ Новомъ Времени. Кстати: посылаетъ онъ Вамъ разсказы безъ моего вѣдома; я не читаю ихъ ни въ рукописяхъ, ни въ печати. Если бы я жилъ въ Петербургѣ, то напросился бы къ вамъ въ редакторы беллетристическаго отдѣла. Я бы чистилъ и шлифовалъ всѣ одобренные Вами и Буренинымъ разсказы и протежировалъ бы тѣмъ, повидимому, никуда не годнымъ вещамъ, изъ которыхъ путемъ сокращенія наполовину и путемъ корректуры можно сдѣлать сносные разсказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Знаете что? Если Васъ не пугаетъ разстояніе и скука, то пришлите мнѣ заказною бандеролью все то беллетристическое, что имѣется у Васъ подъ руками и Вами забраковано. Пришлите сами, никому не поручая, иначе ничего не выйдетъ. Я читаю быстро. Помнится, зимою ночью сидя у Васъ я изъ плохого брошеннаго разсказа К. сдѣлалъ субботникъ, который на другой день многимъ понравился.

Ваша статья насчетъ «Власти сердца» очень хороша, мнѣ понравилась, только не слѣдовало упоминать о Татьянѣ Рѣпиной и о тѣхъ упрекахъ, которые дѣлалъ Вамъ кто-то въ пространствѣ. Жена Цезаря не должна быть подозрѣваема; такъ и писатель такихъ размѣровъ, какъ Вы, долженъ быть выше упрековъ. Да и не осторожно. Разъ Вы упомянули въ началѣ о Т. Рѣпиной, вы

гѣмъ самымъ напрашиватесь на сравненіе съ «Властью сердца», которую браните.

Я написалъ Щеглову, что очень радъ его горю. Такъ ему и нужно! Вѣдь пьеса, о которой онъ плачется, передѣлка изъ его романа «Гордіевъ узелъ». Значитъ, это не пьеса, а свинство. Романъ хорошъ. зачѣмъ его портить? И что за бѣдность такая? Точно сюжетовъ нѣтъ.

Изъ за женщинъ, конечно, не слѣдуетъ стрѣляться; не должно, но можно. Любовь не шутка. Если изъ за нея стрѣляются, то, значитъ, относятся къ ней серьезно, а это важно.

Я писалъ Вамъ не о томъ, что моя повѣсть хороша или плоха, а о томъ, что мнѣнія, которыя высказываются дѣйствующими лицами, нельзя дѣлать status'омъ произведенія, ибо не въ мнѣніяхъ вся суть, а въ ихъ природѣ. Чертъ съ ней съ повѣстью! Она можетъ не стоитъ ни гроша, не въ ней дѣло.

24 Декабря я праздную 10 лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Нельзя ли получить каммергера?

Миша [1]) можетъ написать историч. романъ для дѣтей.

Онъ хочетъ жениться.

Видѣлъ я Вѣрочку Мамышеву [2]). Очень счастлива.

Поклонитесь Аннѣ Ивановнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Гею, чтобы онъ поскорѣе выздоравливалъ и пріѣзжайте въ Москву.

---

[1]) Братъ А. П.

[2]) Племянница адресата.

С.

Ему же.

(Съ подлинника).

24 Окт. (1888 г. Москва).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, я умилился и написалъ замѣтку, которую при семъ прилагаю. Тема хорошая, но замѣтка, кажется, опоздала и вышла слишкомъ куцей. Такія вещи надо писать залпомъ, въ 5 минутъ, а меня то и дѣло перебивали то визитеры, то домочадцы.

Я заказалъ къ «Каштанкѣ» рисунки. Ѣду сейчасъ къ пріятелю художнику [1]), большому охотнику, изучившему собакъ до мозга костей. Попрошу его нарисовать собаку для обложки.

Лѣшій годится для романа, я это самъ отлично знаю. Но для романа у меня нѣтъ силы. Не приспѣ еще время благопріятное. Маленькую повѣсть написать можно.

Если бы я писалъ комедію «Лѣшій», то имѣлъ бы на первомъ планѣ не актеровъ и не сцену, а литературность. Если бы пьеса имѣла литературное значеніе, то и на томъ спасибо.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Будьте здоровы. Я пріѣду въ Ноябрѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Алексѣй Алексѣевичъ еще въ Москвѣ.

---

[1]) А. С. Степановъ.

CI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

25 Окт. (1888 г. Москва).

Спасибо Вамъ за Калхаса [1]), дорогой Алексѣй Николаевичъ! Кто у Васъ переписывалъ второй экземпляръ? Кто бы ни былъ этотъ таинственный благодѣтель, передайте ему мою благодарность и обѣщаніе—привезти изъ Москвы конфектъ.

Елена Алексѣевна [2]) была у насъ два раза: днемъ и вечеромъ. Днемъ посидѣла 6 минутъ, а вечеромъ 22 минуты. Обѣщала побывать и въ третій разъ, но обѣщанія своего не исполнила. Я ей вполнѣ сочувствую: у насъ мертвецки скучно. Пока не наступитъ настоящій зимній сезонъ, веселящій элементъ дремлетъ, а скучающій брюзжитъ и наводитъ скуку. Шумъ въ моей квартирѣ начинается обыкновенно въ концѣ ноября.

Вы пишете, чтобы я про Сѣв. Вѣстникъ держалъ въ секретѣ. Недѣли 2—3 тому назадъ я получилъ письмо отъ нѣкоего литератора, который подробнѣйшимъ образомъ описывалъ мнѣ кризисъ, переживаемый С. Вѣстникомъ; онъ пишетъ, что о кризисѣ всѣ говорили вслухъ на похоронахъ Полетики. Вотъ тутъ и извольте имѣть секреты!

Если у Сѣв. Вѣстн. 4 тысячи подписчиковъ, то конечно робѣть нечего! 4 тысячи—цифра настолько хорошая, что при извѣстныхъ усиліяхъ и осторожности, можно и капиталъ нажить и невинность соблюсти. По

---

[1]) Одноактная пьеса А. П.

[2]) Дочь адресата.

крайней мѣрѣ можно обойтись безъ долговъ. Чтобы пріобрѣсти пятую или шестую тысячу, нужно рекламировать. Безъ рекламы у насъ все идетъ черепашьимъ шагомъ.

Пожалуйста полюбуйтесь на 1-й номеръ «Эпохи»! Какое мальчишество! Всѣ эти господа эпоховцы разыграли изъ себя такихъ мальчишекъ, что просто совѣстно.

Жоржинька [1]) талантливый человѣкъ. Изъ всѣхъ піанистовъ, скрипачей, дирижеровъ, барабанщиковъ и горнистовъ, какихъ только я зналъ на своемъ вѣку, Жоржинька единственный показался мнѣ художникомъ. У него есть душа, есть чутье и взгляды, онъ не глупъ и мало испорченъ предразсудками тѣхъ кружковъ, гдѣ ему волею судебъ приходилось бывать. Главное его горе—лѣнь и робость. Онъ не вѣритъ себѣ. Я недостаточно серьезенъ и недостаточно музыкаленъ, чтобы имѣть силу убѣдить его. Вамъ же онъ къ счастью вѣритъ и ваша попытка возбудить его можетъ имѣть хорошіе результаты. Я хотѣлъ бы, чтобы умная и милая Линтваревская семья не прожила свой вѣкъ зря. Линтваревы—прекрасный матеріалъ; всѣ они умны, честны, знающи, любящи, но все это погибаетъ даромъ, ни за понюшку табаку, какъ солнечные лучи въ пустынѣ.

Теперь о зависти. Если премію мнѣ дали въ самомъ дѣлѣ не по заслугамъ, то и зависть, которую она возбуждаетъ, свободна отъ правды. Завидовать и досадовать имѣютъ нравственное право тѣ, кто лучше меня, или идетъ рядомъ со мной, но отнюдь не тѣ господа Леманы и К°, для которыхъ я собственнымъ лбомъ пробилъ дорогу къ толстымъ журналамъ и къ этой же преміи! Эти сукины сыны должны радоваться, а не завидовать. У нихъ ни патріотизма, ни любви къ литературѣ, а одно самолюбьишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣхъ.

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

Будь я и Короленко—геніи, спаси мы съ нимъ отечество, создай мы храмъ Соломоновъ, то насъ возненавидѣли бы еще больше, потому что г. г. Леманы не видятъ ни отечества, ни литературы—все это для нихъ вздоръ; они замѣчаютъ только чужой успѣхъ и свой неуспѣхъ, а остальное хоть травой порости. Кто не умѣетъ быть слугою, тому нельзя позволить быть господиномъ; кто не умѣетъ радоваться чужимъ успѣхамъ, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать въ руки общественное дѣло.

Мои всѣ шлютъ Вамъ привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CII.

А. П. Ленскому.

26 Окт. (1888 г. Москва.)

Уважаемый Александръ Павловичъ!

Сегодня былъ у Васъ и оставилъ Калхаса и копію. Когда цензурованный экземпляръ перестанетъ быть нужнымъ, то будьте добры, возьмите его отъ режиссера и сохраните: онъ пойдетъ къ Разсохину [1]).

Я назвалъ Калхаса Лебединой пѣсней. Названіе длинное, кисло-сладкое, но другого придумать никакъ не могъ, хотя думалъ долго. Простите, что я такъ долго возился съ пьесой. Дѣло въ томъ, что ей пришлось пройти въ этотъ разъ два чистилища: драмат. цензуру и комитетъ. Если бы не цензура, то она давно уже была бы у Васъ.

Почтеніе Лидіи Николаевнѣ [2]). Желаю Вамъ здоровья.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

---

[1]) Владѣлецъ Театральной библіотеки въ Москвѣ

[2]) Жена А. П. Ленскаго.

CIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Окт. (1888 г. Москва).

Ежовъ не воробей, а скорѣе (выражаясь на благородномъ языкѣ охотниковъ) онъ щенокъ, который еще не опсовѣлъ. Онъ еще только бѣгаетъ и нюхаетъ, бросается безъ разбора и на птицъ, и на лягушекъ. Опредѣлить его породу и способности пока затрудняюсь. Въ пользу его сильно говорятъ молодость, порядочность и неиспорченность въ московско-газетномъ смыслѣ.

Я иногда проповѣдую ересь, но до абсолютнаго отрицанія вопросовъ въ художествѣ еще не доходилъ ни разу. Въ разговорахъ съ пишущей братіей я всегда настаиваю на томъ, что не дѣло художника рѣшать узко-спеціальные вопросы. Дурно, если художникъ берется за то, чего не понимаетъ. Для спеціальныхъ вопросовъ существуютъ у насъ спеціалисты; ихъ дѣло судить объ общинѣ, о судьбахъ капитала, о вредѣ пьянства, о сапогахъ, о женскихъ болѣзняхъ.. Художникъ же долженъ судить только о томъ, что онъ понимаетъ; его кругъ также ограниченъ, какъ у всякаго другого спеціалиста—это я повторяю и на этомъ всегда настаиваю. Что въ его сферѣ нѣтъ вопросовъ, а всплошную одни только отвѣты, можетъ говорить только тотъ, кто никогда не писалъ и не имѣлъ дѣла съ образами. Художникъ наблюдаетъ, выбираетъ, догадывается, компануетъ—ужъ одни эти дѣйствія предполагаютъ въ своемъ началѣ вопросъ; если съ самаго начала не задалъ себѣ вопроса, то не о чемъ догадываться и нечего выбирать. Чтобы быть покороче, закончу психіатріей: если отри-

цать въ творчествѣ вопросъ и намѣреніе, то нужно признать, что художникъ творитъ не преднамѣренно, безъ умысла, подъ вліяніемъ аффекта; поэтому, если бы какой-нибудь авторъ похвасталъ мнѣ, что онъ написалъ повѣсть безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, а только по вдохновенію, то я назвалъ бы его сумасшедшимъ.

Требуя отъ художника сознательнаго отношенія къ работѣ, Вы правы, но Вы смѣшиваете два понятія: *рѣшеніе вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. Въ Аннѣ Карениной и въ Онѣгинѣ не рѣшонъ ни одинъ вопросъ, но они Васъ вполнѣ удовлетворяютъ, потому только, что всѣ вопросы поставлены въ нихъ правильно. Судъ обязанъ ставить правильно вопросы, а рѣшаютъ пусть присяжные, каждый на свой вкусъ.

Ежовъ еще не выросъ. Другой, котораго я рекомендую вашему вниманію, А. Грузинскій (Лазаревъ) талантливѣе, умнѣе и крѣпче.

Проводилъ я Алексѣя Алексѣевича съ наставленіемъ— ложиться спать не позже полночи. Проводить ночи въ работѣ и въ разговорахъ такъ же вредно, какъ кутить по ночамъ. Въ Москвѣ онъ выглядѣлъ веселѣй, чѣмъ въ Ѳеодосіи; жили мы дружно и по средствамъ: онъ угощалъ меня операми, а я его плохими обѣдами.

Завтра у Корша идетъ мой «Медвѣдь». Написалъ я еще одинъ водевиль: двѣ мужскія роли, одна женская [1]).

Вы пишете, что герой моихъ «Именинъ»—фигура, которою слѣдовало бы заняться. Господи, я вѣдь не безчувственная скотина, я понимаю это. Я понимаю, что я рѣжу своихъ героевъ и порчу, что хорошій матеріалъ пропадаетъ у меня зря.. Говоря по совѣсти, я

---

[1]) «Предложеніе».

охотно просидѣлъ бы надъ Именинами полъ года. Я люблю кейфовать и не вижу никакой прелести въ скоропалительномъ печатаніи. Я охотно, съ удовольствіемъ, съ чувствомъ и съ разстановкой описалъ бы *всего* моего героя, описалъ бы его душу во время родовъ жены, судъ надъ нимъ, его пакостное чувство послѣ оправдательнаго приговора, описалъ бы, какъ акушорка и доктора ночью пьютъ чай, описалъ бы дождь.. Это доставило бы мнѣ одно только удовольствіе, потому что я люблю рыться и возиться. Но что мнѣ дѣлать? Начинаю я разсказъ 10 Сент. съ мыслью, что я обязанъ кончить его къ 5 Октября—крайній срокъ; если просрочу, то обману и останусь безъ денегъ. Начало пишу покойно, не стѣсняя себя, но въ серединѣ я ужъ начинаю робѣть и бояться, чтобы разсказъ мой не вышелъ длиненъ: я долженъ помнить, что у Сѣв. Вѣстника мало денегъ и что я одинъ изъ дорогихъ сотрудниковъ. Потому то начало выходитъ у меня всегда много обѣщающее, точно я романъ началъ; середина скомканная, робкая, а конецъ какъ въ маленькомъ разсказѣ, фейерверочный. Поневолѣ, дѣлая разсказъ, хлопочешь прежде всего о его рамкахъ: изъ массы героевъ и полугероевъ берешь только одно лицо-жену, или мужа—, кладешь это лицо на фонъ и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальныхъ разбрасываешь по фону, какъ мелкую монету, и получается нѣчто въ родѣ небеснаго свода: одна большая луна и вокругъ нея масса очень маленькихъ звѣздъ. Луна же не удается, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другія звѣзды, а звѣзды не отдѣланы. И выходитъ у меня не литература, а нѣчто въ родѣ шитья Тришкинаго кафтана. Что дѣлать? Не знаю и не знаю. Положусь на всеисцѣляющее время.

Если опять говорить по совѣсти, то я еще не начиналъ своей литерат. дѣятельности, хотя и получилъ премію.

У меня въ головѣ томятся сюжеты для пяти повѣстей и двухъ романовъ. Одинъ изъ романовъ задуманъ уже давно, такъ что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ уже устарѣли, неуспѣвъ быть написаны. Въ головѣ у меня цѣлая армія людей, просящихся наружу и ждущихъ команды. Все, что я писалъ до сихъ поръ, ерунда въ сравненіи съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы написать и что писалъ бы съ восторгомъ. Для меня безразлично—писать ли Именины, или Огни, или водевиль, или письмо къ пріятелю—все это скучно, машинально, вяло, и мнѣ бываетъ досадно за того критика, который придаетъ значеніе наприм. Огнямъ, мнѣ кажется, что я его обманываю своими произведеніями, какъ обманываю многихъ своимъ серьезнымъ, или веселымъ не въ мѣру лицомъ. Мнѣ не нравится, что я имѣю успѣхъ; тѣ сюжеты, которые сидятъ въ головѣ, досадливо ревнуютъ къ уже написанному; обидно, что чепуха уже сдѣлана, а хорошее валяется въ складѣ, какъ книжный хламъ. Конечно, въ этомъ воплѣ много преувеличеннаго, многое мнѣ только *кажется*, но доля правды есть, и большая доля. Что я называю хорошимъ? Тѣ образы, которые кажутся мнѣ наилучшими, которые я люблю и ревниво берегу, чтобъ не потратить и не зарѣзать къ срочнымъ Именинамъ.. Если моя любовь ошибается, то я не правъ, но вѣдь возможно же, что она не ошибается! Я дуракъ и самонадѣянный человѣкъ, или же въ самомъ дѣлѣ я организмъ, способный быть хорошимъ писателемъ; все, что теперь пишется, не нравится мнѣ и нагоняетъ скуку, все же, что сидитъ у меня въ головѣ, интересуетъ меня, трогаетъ и волнуетъ—и изъ этого я вывожу, что всѣ дѣлаютъ не то, что нужно, а я одинъ только знаю секретъ, какъ надо дѣлать. Вѣроятнѣе всего, что всѣ пишущіе такъ думаютъ. Впрочемъ, самъ чертъ сломаетъ шею въ этихъ вопросахъ.

Въ рѣшеніи, какъ мнѣ быть и что дѣлать, *деньги не помогутъ*. Лишняя тысяча рублей не рѣшитъ вопроса, а сто тысячъ—на небѣ вилами писаны. Къ тому же, когда у меня бываютъ деньги (быть можетъ, это отъ непривычки, не знаю), я становлюсь крайне безпеченъ и лѣнивъ: мнѣ тогда море по колѣно.. Мнѣ нужно одиночество и время.

Простите, что я занимаю ваше вниманіе своей особой. Сорвалось съ пера. Почему-то я теперь не работаю. Спасибо, что помѣщаете мои статейки. Ради Создателя не церемоньтесь съ ними: сокращайте, удлинняйте, видоизмѣняйте, бросайте и дѣлайте что хотите. Даю Вамъ, какъ говоритъ Коршъ, картъ-бляншъ. Я буду радъ, если мои статьи не будутъ занимать чужого мѣста.

Прочтите въ Стоглавѣ почтовыя правила-объ отсылкѣ денежныхъ пакетовъ. Это Алексѣй Алексѣевичъ сочиняетъ такія правила. Его медицинскій отдѣлъ ниже всякой критики—можете передать ему это мнѣніе спеціалиста!

Напишите мнѣ, какъ по латыни называется глазная болѣзнь Анны Ивановны. Я Вамъ напишу, серьезно это, или нѣтъ. Если ей прописанъ атропинъ, то серьезно, хотя не безусловно. А у Насти что? Если думаете вылѣчиться въ Москвѣ отъ скуки, то напрасно: скучища страшная. Арестовано много литераторовъ, въ томъ числѣ и всюду сующійся Гольцевъ, авторъ девятой симфоніи [1]). За одного изъ нихъ хлопочетъ В. С. Мамышевъ [2]), который былъ сегодня у меня.

Поклонъ всѣмъ вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

У меня въ комнатѣ летаетъ комаръ. Откуда онъ взялся? Благодарю за глазастыя объявленія о моихъ книгахъ.

---

[1]) Разсказъ В. А. Гольцова.

[2]) Зять адресата.

CIV.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника.)

27 Окт. (1888 г. Москва).

Докторъ, Вы забыли написать, сколько стоютъ плахты. Такая скрытность меня немножко конфузитъ. Пожалуста, напишите, и буде пожелаете дать какое нибудь порученіе, не церемоньтесь и давайте: я къ вашимъ услугамъ.

Премія имѣетъ значеніе, такъ сказать, духовное. Если глядѣть на нее съ чиновничьей точки зрѣнія, то она уподобляется Станиславу 3-й степени. Она казенная. Когда меня потащутъ служить на войну, ее запишутъ въ мой формулярный списокъ; главный корпусный докторъ, прочитавъ сей списокъ, глубокомысленно почешетъ у себя за ухомъ и промычитъ: «М-да». Вотъ и все.

Здоровья своего я не понимаю. Дня четыре было кровохарканье, а теперь кромѣ ничтожнаго кашля ничего.. Вы рекомендуете мнѣ принять мѣры, а не называете этихъ мѣръ. Принимать даверовъ порошокъ? Пить анисовыя капли? Ѣхать въ Ниццу? Не работать? Давайте, докторъ, условимся: не будемъ больше никогда говорить ни о мѣрахъ, ни объ Эпохѣ..

Весь октябрь я ничего не дѣлалъ. Приводилъ въ порядокъ свои сценическія бездѣлки, писалъ длинныя письма и передовыя статьи, а беллетристикой не занимался. Сегодня въ Новомъ Времени (Среда, 26-го Окт.) есть мой короткій вопль по адресу покойнаго Пржевальскаго — образчикъ моихъ передовицъ. Такихъ людей, какъ Пржевальскій, я люблю безконечно.

Вашей фразы, гдѣ Вы говорите о «мотивахъ, руководящихъ благородными и возвышенными душами» я не

понялъ. Если это камешекъ въ мой огородъ, то, увѣряю Васъ, въ моей пустѣющей отъ скуки головѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ мотивовъ. Впрочемъ, есть только два мотива: 1) не залѣзть въ долги и 2) дождаться скорѣе весны и удрать куда нибудь изъ Москвы, что бы ничего не дѣлать. Другихъ мотивовъ, задачъ и желаній у меня нѣтъ.

Въ Ноябрѣ поѣду въ Питеръ. Всѣмъ вашимъ мой сердечный привѣтъ. Будьте здоровы и да пошлетъ Аллахъ къ вашему изголовью золотые сны!

Душевно преданный

А. Чеховъ.

Лидія Ѳедоровна предобрѣйшій человѣкъ. Два слова о вашемъ піанистѣ: если онъ въ Питерѣ займется дѣломъ, то изъ него выйдетъ большой толкъ. Мое пророческое чувство меня не обманывало никогда, ни въ жизни, ни въ моей медицинской практикѣ. Черезъ часъ ѣду на практику. Холодно.

CV.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

2 Ноября. (1888 г. Москва.)

Уважаемая Марія Владиміровна! Маша получила отъ Васъ письмо и вкратцѣ разсказала мнѣ его содержаніе. Ваше душевное состояніе вынуждаетъ меня говорить съ Вами серьезно и прямо, и я серьезно, *честнымъ словомъ* увѣряю Васъ, что Сережа совершенно здоровъ, веселъ, не кашляетъ, что онъ попрежнему хорошій мальчуганъ, учится недурно и—короче говоря—ни въ его здоровьи,

ни въ поведеніи, ни въ образѣ жизни ничего не замѣчается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькія подозрѣнія, или опасенія. *Честное слово*— повторяю. Онъ попрежнему ходитъ на головѣ, ласковъ, искрененъ, груститъ по Бабкинѣ и жадно ждетъ саннаго пути, когда Вы пріѣдете къ намъ, и Рождества, когда мы пріѣдемъ къ Вамъ.

Я обѣщаю, что если случится что нибудь, немедленно, ничего не утаивая, увѣдомить Васъ. Вѣдь Вы знаете отлично, что я не имѣю права скрывать отъ Васъ и отъ Алексѣя Сергѣевича ничего, что можетъ такъ или иначе угрожать Сергѣю.

Каждое утро, лежа въ постели, я слышу, какъ что-то громоздкое кубаремъ катится внизъ по лѣстницѣ и чей то крикъ ужаса: это Сережа идетъ въ гимназію, а Ольга провожаетъ его. Каждый полдень я вижу въ окно, какъ онъ въ длинномъ пальто и съ товарнымъ вагономъ на спинѣ, улыбающійся и розовый, идетъ изъ гимназіи. Вижу, какъ онъ обѣдаетъ, какъ занимается, какъ шалитъ и до сихъ поръ не видѣлъ и тѣни такого, что могло бы заставить меня призадуматься серьезно на счетъ его здоровья или чего нибудь другого.

Вотъ и все.

Все у насъ обстоитъ благополучно. Немножко практикую. Удалось мнѣ написать глупый водевиль [1]), который, благодаря тому, что онъ глупъ, имѣетъ удивительный успѣхъ. Васильевъ въ Моск. Вѣд. обругалъ, остальные же и публика—на седьмомъ небѣ. Въ театрѣ сплошной хохотъ. Вотъ и поймы тутъ, чѣмъ угодить!

Отчего Вы не пишете въ Родникѣ? Писанье—отличное отвлекающее средство при мерлехлюндіи.

---

1) «Медвѣдь».

Будьте здоровы и пріѣзжайте при малѣйшей возможности: будемъ рады Васъ видѣть.

Поклонъ барину и Василисѣ, Михаилу Петровичу и Елизаветѣ Александровнѣ.

Сердечно преданный *А Чеховъ*

CVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Ноября. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, спѣшу увѣдомить Васъ, что разсказъ для Гаршинскаго сборника [1]) уже начатъ ($^1/_4$ сдѣлано) и что я не теряю надежды участвовать въ сборникѣ. Я прошу убѣдительно, если можно, дать мнѣ *одну недѣлю* сроку. Какъ только разсказъ будетъ готовъ, я дамъ Вамъ знать телеграммой и успокою Васъ.

Прошу отсрочки и снисхожденія не изъ лѣности. Я нахожусь въ угнетенномъ состояніи. Одна маленькая семейная неурядица [2]), о которой сообщу при свиданіи, и безденежье, которое одолѣваетъ меня съ сентября по сіе время, овладѣли всѣмъ моимъ существомъ и я совершенно неспособенъ быть покойнымъ и работать. На душѣ скверно, въ карманѣ ни гроша, долговъ гибель...

Подписчики для сборника будутъ. Отчего Вы не рекламируете его? Даже въ послѣднемъ номерѣ Сѣвернаго Вѣстника нѣтъ объявленія.

---

1) «Припадокъ».

2) Недоразумѣніе съ отбываніемъ воинской повинности, у брата Николая Павл.

Баранцевичъ требуетъ для своего сборника разсказъ. Онъ и выпуститъ, вѣроятно, одновременно съ Вами.

Если для объявленія о сборникѣ Вамъ понадобится названіе моего разсказа, то вотъ оно: «Припадокъ». Описываю Соболевъ пер. съ домомъ терпимости, но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильныхъ выраженій.

За статью Мережковскаго [1]) спасибо. О ней буду писать Вамъ особо.

Гдѣ Короленко? Что онъ? Какъ? Что пишетъ?

Сейчасъ ѣду на открытіе «Общества искусства и литературы». Будетъ балъ.

Мой «Медвѣдь» прошелъ у Корша шумно.

А опечатокъ въ моихъ «Именинахъ» видимо невидимо.

Какъ дѣла въ Сѣв. Вѣстн.? Держитесь!

Почтеніе всѣмъ Вашимъ и Жоржу Линтвареву.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Сейчасъ облекаюсь во фрачную пару, чтобы ѣхать на открытіе «Общества искусствъ и литературы», куда я приглашонъ въ качествѣ гостя. Будетъ форменный балъ. Какія цѣли и средства у этого общества, кто тамъ членомъ и проч.—я не знаю. Знаю только, что во главѣ его стоитъ Ѳедотовъ, авторъ многихъ пьесъ. Членомъ меня не избрали, чему я очень радъ, такъ какъ взносить 25 руб.

---

[1]) Объ А. П.

членскихъ за право скучать—очень не хочется. Если будетъ что нибудь интересное или смѣшное, то напишу Вамъ; Ленскій будетъ читать мои разсказы.

Въ Сѣв. Вѣстникѣ (ноябрь) есть статья поэта Мережковскаго о моей особѣ. Статья длинная. Рекомендую вашему вниманію ея конецъ. Онъ характеренъ. Мережковскій еще очень молодъ, студентъ, чуть ли не естественникъ. Кто усвоилъ себѣ мудрость научнаго метода и кто поэтому умѣетъ мыслить научно, тотъ переживаетъ не мало очаровательныхъ искушеній. Архимеду хотѣлось перевернуть землю, а нынѣшнимъ горячимъ головамъ хочется обнять научно необъятное, хочется найти физическіе законы творчества, уловить общій законъ и формулы, по которымъ художникъ, чувствуя ихъ инстинктивно, творитъ музыкальныя пьесы, пейзажи, романы и проч. Формулы эти въ природѣ вѣроятно существуютъ. Мы знаемъ, что въ природѣ есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, кругъ, квадратъ, зеленый цвѣтъ, красный, синій.., знаемъ, что все это въ извѣстномъ сочетаніи даетъ мелодію, или стихи, или картину, подобно тому какъ простыя химическія тѣла въ извѣстномъ сочетаніи даютъ дерево, или камень, или море, но намъ только извѣстно, что сочетаніе есть, но порядокъ этого сочетанія скрытъ отъ насъ. Кто владѣетъ научнымъ методомъ, тотъ чуетъ душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нѣчто общее, что та и другое создаются по одинаково правильнымъ, простымъ законамъ. Отсюда вопросъ: какіе же это законы? Отсюда искушеніе—написать физіологію творчества (Боборыкинъ), а у болѣе молодыхъ и робкихъ—ссылаться на науку и на законы природы (Мережковскій). Физіологія творчества, вѣроятно, существуетъ въ природѣ, но мечты о ней слѣдуетъ оборвать въ самомъ началѣ. Если критики станутъ на научную почву, то добра отъ этого

не будетъ: потеряютъ десятокъ лѣтъ, напишутъ много балласта, запутаютъ еще больше вопросъ—и только. Научно мыслить вездѣ хорошо, но бѣда въ томъ, что научное мышленіе о творчествѣ въ концѣ концовъ волей неволей будетъ сведено на погоню за «клѣточками», или «центрами», завѣдующими творческой способностью, а потомъ какой нибудь тупой нѣмецъ откроетъ эти клѣточки гдѣ нибудь въ височной доли мозга, другой не согласится съ нимъ, третій нѣмецъ согласится, а русскій пробѣжитъ статью о клѣточкахъ и закатитъ рефератъ въ Сѣв. Вѣстн., Вѣстникъ Европы начнетъ разбирать этотъ рефератъ и въ русскомъ воздухѣ года три будетъ висѣть вздорное повѣтріе, которое дастъ тупицамъ заработокъ и популярность, а въ умныхъ людяхъ поселитъ одно только раздраженіе.

Для тѣхъ, кого томитъ научный методъ, кому Богъ далъ рѣдкій талантъ научно мыслить, по моему мнѣнію есть единственный выходъ—философія творчества. Можно собрать въ кучу все лучшее, созданное художниками во всѣ вѣка, и, пользуясь научнымъ методомъ, уловить то общее, что дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга и что обусловливаетъ ихъ цѣнность. Это общее и будетъ закономъ. У произведеній, которыя зовутся безсмертными, общаго очень много; если изъ каждаго изъ нихъ выкинуть это *общее*, то произведеніе утеряетъ свою цѣну и прелесть. Значитъ это *общее* необходимо и составляетъ conditio sine qua non всякаго произведенія, претендующаго на безсмертіе. Для молодежи полезнѣе писать критику, чѣмъ стихи. Мережковскій пишетъ гладко и молодо, но на каждой страницѣ онъ труситъ, дѣлаетъ оговорки и идетъ на уступки — это признакъ, что онъ самъ не уяснилъ себѣ вопроса.. Меня величаетъ онъ поэтомъ, мои разсказы—новеллами, моихъ героевъ—неудачниками, значитъ, дуетъ въ рутину. Пора бы бро-

сить неудачниковъ, лишнихъ людей и проч. и придумать что нибудь свое. Мережковскій моего монаха, сочинителя акафистовъ, называетъ неудачникомъ. Какой же это неудачникъ? Дай Богъ всякому такъ пожить: и въ Бога вѣрилъ, и сытъ былъ, и сочинять умѣлъ.. Дѣлить людей на удачниковъ и на неудачниковъ значитъ смотрѣть на человѣческую природу съ узкой, предвзятой точки зрѣнія.. Удачникъ Вы, или нѣтъ? А я? А Наполеонъ? Вашъ Василій? Гдѣ тутъ критерій? Надо быть богомъ, чтобы умѣть отличать удачниковъ отъ неудачниковъ и не ошибаться... Иду на балъ.

Вернулся я съ бала. Цѣль общества—«единеніе». Одинъ ученый нѣмецъ пріучилъ кошку, мышь, кобчика и воробья ѣсть изъ одной тарелки. У этого нѣмца была система, а у общества никакой. Скучища смертная. Всѣ слонялись по комнатамъ и дѣлали видъ, что имъ не скучно. Какая то барышня пѣла, Ленскій читалъ мой разсказъ (при чемъ одинъ изъ слушателей сказалъ: «довольно слабый разсказъ!», а Левинскій имѣлъ глупость и жестокость перебить его словами: «а вотъ и самъ авторъ! Позвольте вамъ представить» и слушатель провалился сквозь землю отъ конфуза), танцевали, ѣли плохой ужинъ, были обсчитаны лакеями.. Если актеры, художники и литераторы въ самомъ дѣлѣ составляли лучшую часть общества, то жаль. Хорошо должно быть общество, если его лучшая часть такъ бѣдна красками, желаніями, намѣреніями, такъ бѣдна вкусомъ, красивыми женщинами, иниціативой.. Поставили въ передней японское чучело, ткнули въ уголъ китайскій зонтъ, повѣсили на перила лѣстницы коверъ и думаютъ, что это художественно. Китайскій зонтъ есть, а газетъ нѣтъ. Если художникъ въ убранствѣ своей квартиры не идетъ дальше музейнаго чучела съ алебардой, щитовъ и вѣеровъ на стѣнахъ, если все это не случайно, а прочув-

ствовано и подчеркнуто, то это не художникъ, а священнодѣйствующая обезьяна.

Получилъ сегодня отъ Л. письмо. Пишетъ, что былъ у Васъ. Это добродушный и безвредный человѣкъ, но буржуа до мозга костей. Онъ, если приходитъ куда или говоритъ что нибудь, то непремѣнно съ задней мыслью. Каждое свое слово онъ говоритъ строго обдуманно и каждое ваше слово, какъ бы оно ни было случайно сказано, мотаетъ себѣ на усъ въ полной увѣренности, что ему, Л., это такъ нужно, иначе книги его не пойдутъ, враги восторжествуютъ, друзья покинутъ, кредитка прогонитъ.. Лисица каждую минуту боится за свою шкуру, такъ и онъ. Тонкій дипломатъ! Если говоритъ обо мнѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ бросить камешекъ въ огородъ «нигилистовъ», которые меня испортили (Михайловскій), и брата Александра, котораго онъ ненавидитъ. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ меня предостерегаетъ, пугаетъ, совѣтуетъ, открываетъ мнѣ тайны.. Несчастный хромой мученикъ! Могъ бы покойно прожить до самой смерти, но какой то бѣсъ мѣшаетъ..

Француженки изъ кокетства, чтобы имѣть большіе зрачки, пускаютъ въ глаза атропинъ—и ничего.

Пьесу Маслова читаетъ Петипа. У Корша кавардакъ. Лопнулъ паровой кофейникъ и обварилъ у Рыбчинской лицо. Глама-Мещерская уѣхала въ Петерб., у Соловцова больна подруга жизни Глѣбова и т. д. Играть некому, никто не слушается, всѣ кричатъ, спорятъ.. Повидимому, обстановочная, костюмная пьеса будетъ съ ужасомъ отвергнута.. А мнѣ хотѣлось бы, чтобъ Обольстителя поставили. Я не ради Маслова хлопочу, а просто изъ сожалѣнія къ сценѣ и изъ самолюбія. Надо всѣми силами стараться, чтобы сцена изъ бакалейныхъ рукъ перешла въ литературныя руки, иначе театръ пропадетъ.

Кофейникъ убилъ моего Медвѣдя. Рыбчинская больна и играть некому.

Всѣ наши Вамъ кланяются. Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ мой сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Водевили можно печатать лѣтомъ, а зимою неудобно. Лѣтомъ я каждый мѣсяцъ буду давать по водевилю, а зимою надо отказаться отъ этого удовольствія.

Запишите меня въ члены Литературнаго Общества. Когда пріѣду, буду посѣщать.

CVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ, на счетъ рисунковъ я далъ знать Николаю и, когда увижу его, прочту ему нотацію.

Вашъ водевиль присылайте непремѣнно. Я прочту его и отдамъ тому актеру, котораго найду наиболѣе подходящимъ къ роли. Коршъ платитъ по 6 рублей за актъ. Если пришлете водевиль на этихъ дняхъ, то онъ пойдетъ до Рождества.

У Васъ вышла книга—сценическія произведенія. Послали ли Вы ее на комиссію Разсохину?

У меня маленькая семейная неурядица и безденежье отчаянное. Гонорара ни откуда не получаю, а преміи не шлютъ. Неурядица и безденежье сковали меня. Погода скверная, снѣгу нѣтъ, всюду скучно; пить и ѣсть не хочется—однимъ словомъ форменная меланхолія.

У меня съ большимъ успѣхомъ идетъ у Корша шутка «Медвѣдь». По всѣмъ видимостямъ этотъ медвѣдь надолго прилипнетъ къ репертуару, а въ провинціи и на любительскихъ сценахъ его будутъ часто раздѣлывать. Жаль, что у меня нѣтъ времени и охоты писать юмористику для сцены.

Если мнѣ приходится получить что-нибудь за «Пестрые разсказы», то не высылайте теперь, а припрячьте къ веснѣ, когда мое безденежье достигнетъ кульминаціонной точки. Приблизительно: сколько мнѣ приходится?

Если Ежовъ въ самомъ дѣлѣ не вѣдаетъ, что творитъ, то, увѣряю Васъ, я тутъ не при чемъ. Я иногда только помогаю и сватаю, но никогда не сбиваю людей съ позиціи. Я не совѣтовалъ Ежову бросать училище, не совѣтую опять поступить на службу. Не имѣю права совѣтовать, гдѣ не спрашиваютъ моего совѣта. Если спроситъ, то посовѣтую и конечно въ томъ духѣ, въ какомъ подобаетъ. Ежову его жизнь виднѣй, чѣмъ мнѣ—согласитесь.

Сейчасъ получилъ извѣстіе: премію вышлютъ мнѣ черезъ 5—6 недѣль! Утѣшительно при моемъ безденежьи... Если сумма за «Пестрые разсказы» превышаетъ сто рублей, то пришлите мнѣ *) сто рублей, если же не превышаетъ, то не присылайте. Надо за фатеру платить.

Должно быть, въ ноябрѣ увидимся. Я буду у Васъ въ день своего пріѣзда къ вечернему чаю.

Поклонитесь Вашимъ и будьте здоровы. Привѣтъ Виктору Викторовичу. [1])

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

*) Черезъ банкирскую контору Волкова,—этакъ меньше хлопотъ. *Прим. А. П.*

[1]) Билибинъ.

CIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

7 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Милый Жанчикъ! Если ужъ Вы такъ великодушно соглашаетесь брать на себя каторжный трудъ—возиться съ пріятельскими порученіями, то пеняйте на себя. Въ четвергъ въ 3 часа пополудни Вы получите 2 экз. Медвѣдя, которые прошу вручить дѣдусѣ [1]). Въ субботу Вы вообразите, что Вамъ хочется прогуляться, и поѣзжайте въ комитетъ [2]). Если пьесу одобрятъ, то свободный экземпляръ возьмите и вручите актеру или актрисѣ по своему усмотрѣнію. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихоновъ рекомендуетъ Далматова и Васильеву... И это хорошо. То-есть мнѣ рѣшительно все равно, такъ какъ питерской труппы я не знаю. Дѣлайте, что хотите, а если не будете дѣлать, то въ претензіи не буду. Мнѣ стыдно злоупотреблять пріятельскими отношеніями и сѣдлать ни за что ни про что Жана Щеглова—невиннѣйшаго изъ людей и драматурговъ.

Если одно порученіе недостаточно ошеломило Васъ, то вотъ другое похуже и помельче. Я нацарапалъ спеціально для провинціи паршивенькій водевильчикъ «Предложеніе» и послалъ его въ цензурію. Просилъ въ прошеніи выслать въ библіотеку Разсохина. Если ангелъ будете въ цензурѣ, то скажите Крюковскому [3]), что въ такомъ то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій и что я

А. Н. Плещееву.

[2]) Литер.-театр. Комитетъ.

[3]) Членъ цензурнаго комитета.

купно съ Разсохинымъ слезно молимъ цензурную гидру не задерживать водевиля въ карантинѣ. Водевильчикъ пошловатенькій и скучноватенькій, но въ провинціи пойдетъ: двѣ мужскія роли и одна женская. «Предложеніе» ставить въ столицѣ не буду.

Скажите сэру Базарову [1]), что я просилъ Разсохина послать ему 5 экз. моего Медвѣдя. Разсохинъ сказалъ: «хорошо». Творецъ Милашкина [2]) очень любезенъ со мной. На все соглашается.

Вашего дачнаго мужа отдавайте венеціанскимъ дожамъ, но не раньше будущаго сезона. *Не спѣшите.* Время не уйдетъ. Почему и не отдавать теперь? Скажу при свиданіи, а теперь мѣста въ письмѣ нѣтъ. «Театральн. Воробья» ставьте и дайте мнѣ власть вязати и рѣшити. Позвольте мнѣ назначить роли, присутствовать на одной репетиціи и быть руководителемъ при вычеркиваніяхъ. Я сдѣлаю не хуже чѣмъ Вы и мычащій Соловцовъ. У меня будетъ дисциплины больше.

Начали писать что нибудь крупное?

«Севильскій обольститель» Бѣжецкаго не дурная пьеса. Она стоитъ того, чтобы ее поставили.

Глама-Мещерская поссорилась и уходитъ отъ Корша. Незамѣнимая потеря. Кто теперь будетъ играть больныхъ кошекъ въ психопатическихъ пьесахъ?

Жанчикъ, Вы уже старѣете и становитесь солидны. Вы женаты, капитанъ, литераторъ, у Васъ есть имя.. Умоляю Васъ, разлюбите Вы, пожалуста сцену. Право, въ ней очень мало хорошаго. Хорошее преувеличено до небесъ, а гнусное маскируется. Я думаю, что В. Крыловъ [3]) всей душой ненавидитъ кулисы, раекъ, актеровъ,

---

[1]) Владѣлецъ театр. библіотеки въ СПБ.

[2]) Разсохинъ, владѣлецъ Московской Театральной библіотеки. Милашкинъ—герой пьесы «На маневрахъ».

[3]) Драматургъ.

актрисъ и потому имѣетъ такой успѣхъ. Онъ холоденъ, жестокъ, жестко стелетъ. . . Онъ не правъ, что онъ . . . . . но глубоко правъ, что просто и равнодушно глядитъ на дѣло и на людей, живущихъ около этого дѣла. Современный театръ — это сыпь, дурная болѣзнь городовъ-. Надо гнать эту болѣзнь метлой, но любить ее—это не здорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театръ школа, онъ воспитываетъ и проч... А я Вамъ на это скажу то, что вижу: теперешній театръ не выше толпы, а наоборотъ жизнь толпы выше и умнѣе театра: значитъ онъ не школа, а что-то другое...

Увидимся не раньше декабря. Безденежье абсолютное. Никто не шлетъ денегъ, живу въ кредитъ.

«Шампанское» [1]) я утерялъ. Что-же послать? Я разъ послалъ Баранцевичу разсказъ, но мнѣ возвратили въ чаяніи, что я пришлю что-нибудь еще не напечатанное. Дайте Баранцевичу мой адресъ. Я былъ бы радъ получить отъ него письмо. Будьте живы.

Вашъ Antoine.

CX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Я не думалъ, Алексѣй Сергѣевичъ, что мой атропинъ будетъ загадкой. Какъ то Вы писали мнѣ, что Григоровичъ не велитъ *ничего* пускать въ глаза; въ отвѣтъ на это я написалъ Вамъ, кажется, что француженки изъ

---

[1]) Разсказъ А. П.

кокетства пускаютъ себѣ въ глаза атропинъ—и ничего. Что можетъ быть хуже уличной, комнатной и прочей пыли, что можетъ быть вреднѣе прегрѣшеній въ нервной и кровеносной системахъ, к-рыя связаны съ зрительнымъ аппаратомъ, какъ море съ рѣкой?—При этихъ прегрѣшеніяхъ капли—невинная штука.....

Въ скверности нашихъ театровъ виновата не публика. Публика всегда и вездѣ одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна—смотря по настроенію. Она всегда была стадомъ, которое нуждается въ хорошихъ пастухахъ и собакахъ, и она всегда шла туда, куда вели ее пастухи и собаки. Васъ возмущаетъ, что она хохочетъ плоскимъ остротамъ и аплодируетъ звонкимъ фразамъ; но вѣдь она же, эта самая глупая публика, даетъ полные сборы на Отелло и, слушая оперу Евгеній Онѣгинъ, плачетъ, когда Татьяна пишетъ свое письмо.

Публика, какъ она ни глупа, все таки въ общемъ умнѣе, искреннѣе и благодушнѣе К. . . ., актеровъ и драматурговъ, а К. . . . и актеры воображаютъ, что они умнѣе. Взаимное недоразумѣніе.

Сейчасъ у меня былъ Ежовъ. Огорченъ. Я хочу посовѣтовать ему подождать работать въ Нов. Вр. еще годъ—два. Онъ еще молодъ, хотя и женатъ.

Водовозъ гдѣ то укралъ сибирскаго котенка съ длинной бѣлой шерстью и съ черными глазами и привезъ къ намъ. Этотъ котенокъ принимаетъ людей за мышей; увидѣвъ человѣка, онъ прижимается брюхомъ къ полу, дѣлаетъ стойку и бросается къ ногамъ. Сегодня утромъ, когда я шагалъ изъ угла въ уголъ, онъ нѣсколько разъ подстерегалъ меня и бросался à la тигръ на мои сапоги. Я думаю, что мысль, что онъ страшнѣе и сильнѣе всѣхъ въ домѣ, доставляетъ ему высочайшее наслажденіе.

Всѣ мнѣ совѣтовали послать Медвѣдя въ Александринку. Посылаю. У Корша публика рыгочетъ не переста-

вая, хотя Соловцовъ и Рыбчинская играютъ совсѣмъ не артистически. Я съ сестрой сыграли бы лучше.

Пришлите мнѣ списокъ пьесъ, Вами написанныхъ и къ представленію Вами и цензурою дозволенныхъ. Это нужно, иначе Васъ не запишутъ въ члены драмат. Общества. Если хотите, то можно ограничиться одной только Медеей.

На драмат. общество я смотрю, какъ на коммерческое учрежденіе. У него единственная цѣль: стараться, чтобы члены получали возможно больше. Это такая хорошая цѣль, при которой всѣ остальныя не стоютъ яйца выѣденнаго. Викторъ Крыловъ большой . . . . . ., но въ виду цѣли я бы первый подалъ голосъ за то, чтобъ онъ былъ предсѣдателемъ. Пока предсѣдательствуютъ иконы, а не работники, въ обществѣ порядка не будетъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ. У насъ скверрѣйшая погода.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

8 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ!

Братъ Николай проситъ у Васъ извиненія. Я тоже. Когда я набросился на него и сталъ читать ему нотацію за лѣность и прочее, онъ сказалъ:—«Дай мнѣ темы и я сейчасъ ихъ сдѣлаю». Оказалось, что я заказъ ему сдѣлалъ, а темы, чтобы онѣ не пропали, заперъ себѣ въ столъ. Простите Бога ради эту мою оплошность. Рисунки будутъ высланы черезъ два дня—не позже.

У Николая теперь страшныя хлопоты, о которыхъ разскажу при свиданіи. Малый попалъ въ такой переплетъ, что хоть караулъ кричи.

Почтеніе всѣмъ Вашимъ и Виктору Викторовичу [1])

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

88. XI. 10. (Москва.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, разсказъ [2]) близится совсѣмъ къ концу. Завтра, или послѣ завтра кончу, перепишу, а въ понедѣльникъ въ 3 часа дня Вы его уже получите. Я пишу и все время стараюсь быть скромнымъ, скромнымъ до скуки. Предметъ, какъ мнѣ кажется, настолько щекотливъ, что малѣйшій пустякъ можетъ показаться слономъ.

Думаю, что разсказъ не будетъ рѣзко выдѣляться изъ общаго тона сборника. Онъ у меня грустный, скучный и серьезный.

Пришлите подписную книжку, но не забудьте написать, какая цѣна сборнику.

Читали ли Вы наглую статью Е. Г. въ «Днѣ»? Мнѣ прислалъ ее одинъ благодѣтель. Если не читали, то прочтите.

Вы оцѣните всю искренность этого злополучнаго Евгенія, когда вспомните какъ онъ раньше ругалъ меня. Подобныя статьи тѣмъ отвратительны, что онѣ похожи на собачій лай. И на кого лаетъ этотъ Евгеній? На свободу творчества, убѣжденія, лицъ... Нужно дуть въ рутину и

---

[1]) Билибину.

[2]) «Припадокъ» для сборника Памяти В. Гаршина.

въ шаблонъ, строго держаться казенщины, а едва журналъ или писатель позволитъ себѣ проявить хоть на пустякѣ свою свободу, какъ поднимается лай.

Этотъ Евгеній величаетъ меня Нововременцемъ и благохвалитъ за «своенравіе». Очевидно, въ Днѣ не платятъ гонорара и малому пришла охота подмазаться къ Новому Времени.

И странное дѣло! Судебный хроникеръ, описывая подсудимаго, старается держаться общепринятаго, приличнаго тона; господа же критики, продергивая насъ, не разбойниковъ и не воровъ, пускаютъ въ ходъ такія милыя выраженія, какъ шушера, щенки, мальчишки.. чѣмъ мы хуже подсудимыхъ?

Я послалъ Жану Щеглову свою бездѣлку «Медвѣдь» для представленія его въ «палату венеціанскихъ дожей»— такъ у Васъ въ Питерѣ величаютъ театральный комитетъ, гдѣ Вы засѣдаете.

Мой «Медвѣдь» въ Москвѣ идетъ съ большимъ успѣхомъ, хотя медвѣдь и медвѣдица играютъ неважно.

Привѣтъ всѣмъ Вашимъ и Аннѣ Михайловнѣ. Короленко нѣтъ въ Москвѣ.

Будьте здоровы. Дай Вамъ Богъ хорошаго аппетита, спокойнаго сна и кучу денегъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если видаетесь съ В. Н. Давыдовымъ, то кланяйтесь.

CXIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

11 Ноябр. (Москва. 1888 г.)

Mein lieber Iohan! О желаніи Савиной играть Медвѣдя я узналъ двумя днями раньше, чѣмъ о желаніи Абариновой, поэтому, по полученіи Вашего письма я

уже успѣлъ послать свое согласіе высокоталантливой и божественной Маріи Гавриловнѣ [1]).

Произошла помимо нашей воли путаница. Боюсь, чтобы она не поставила кого нибудь въ неловкое положеніе. Если Ваше наблюдательное око замѣтитъ въ чьей нибудь душѣ (въ своей ли или въ актерской) смущеніе, то поспѣшно дѣлайте операцію: берите моего Мѣдвѣдя назадъ, мотивируя сіе моимъ нежеланіемъ дебютировать на казенной сценѣ водевилемъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ. Операціи этой я не боюсь. Ставить же кого бы то ни было въ непріятное положеніе изъ за чертъ знаетъ чего мнѣ не хочется.

Вы хотите спорить со мной о театрѣ. Сдѣлайте Ваше одолженіе, но Вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. Современный театръ-это міръ безтолочи, К—хъ, тупости и пустозвонства. На дняхъ мнѣ К. похвасталъ, что въ своихъ бездарнѣйшихъ Крокодиловыхъ слезахъ онъ пробралъ «желторотыхъ либераловъ» и что потому то его пьеса не понравилась и обругана. Послѣ этого я еще больше возненавидѣлъ театръ и возлюбилъ тѣхъ фанатиковъ-мучениковъ, которые пытаются сдѣлать изъ него что нибудь путное и безвредное.

Вы говорите, что Вы «поневолѣ, нужды ради пишете плохія повѣсти». Какъ Вы смѣете говорить это? Ни одна Ваша пьеса не возвышалась до Гордіева узла и военныхъ очерковъ! Чертъ Васъ возьми! Впрочемъ если по Вашему мнѣнію ваши пьесы лучше повѣстей, то не будемъ спорить и возбуждать спора.

Глама кажется, опять помирилась. Чертъ ихъ разберетъ

---

1) Г-жа Савина.

Будьте здоровехоньки и покойны. Поудержите свои щеглиные нервы и не забывайте, что Вы бравый капитанъ.

Вашъ Antonio.

О Театральномъ Воробьѣ [1]) буду писать.

Воробей, Сѣренькій козликъ, Крокодиловы слезы, Мышенокъ, Медвѣдь, Вольная пташка-какой звѣринецъ [2])!

CXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Ноября. (1888 г. Москва.)

Благодарю Васъ, Алексѣй Сергѣевичъ, за Савину, т. е. за вѣсть о ней. Я думаю, она отлично раздѣлала бы медвѣдицу. Но представьте мою маленькую бѣду! Жанъ Щегловъ, которому я послалъ 2 экз. Медвѣдя для т. лит. комитета, сегодня пишетъ мнѣ, что онъ по совѣту В. П. Буренина снесъ моего Медвѣдя Абариновой къ ея бенефису. Тонъ у Жана Щеглова радостный: счастливчикъ, молъ, тебя удостоили! Боюсь, какъ бы не произошла неловкость. Про Савину я слыхалъ много хорошаго, Абариновой совсѣмъ не знаю, а потому не имѣю причинъ раздѣлять радостный тонъ Щеглова. Въ отвѣтъ на его письмо написалъ, что я Савиной далъ уже согласіе. Пусть бѣдняга выпутывается.

Сегодня я кончилъ разсказъ [3]) для «Гаршинскаго сборника»—словно гора съ плечъ. Въ этомъ разсказѣ я сказалъ свое, никому не нужное мнѣніе о такихъ рѣдкихъ

---

[1]) Пьеса адресата.

[2]) Перечисленіе заглавій пьесъ, шедшихъ въ то время.

[3]) «Припадокъ».

людяхъ, какъ Гаршинъ. Накаталъ чуть ли не 2000 строкъ. Говорю много о проституціи, но ничего не рѣшаю. Отчего у Васъ въ газетѣ ничего не пишутъ о проституціи? Вѣдь она страшнѣйшее зло. Нашъ Соболевъ переулокъ—это рабовладѣльческій рынокъ.

Завтра и послѣзавтра буду переписывать разсказъ и еще что нибудь дѣлать, а потомъ начну строчить для Новаго Времени. Есть сюжеты.

Въ письмахъ къ Щеглову я объясняюсь въ не любви къ театру. Хочу въ него вселить эту нелюбовь, а то онъ за кулисами совсѣмъ обабился.

Глама у Корша подняла революцію. Никакъ не добьюсь толка: пойдетъ Масловская пьеса [1]), или нѣтъ? Такой кавардакъ, что и не глядѣлъ бы. Въ недѣлю Коршъ ставитъ по 2 новыя пьесы. Видѣлъ я на дняхъ «Крокодилоловы слезы»—бездарнѣйшая, пятиактная белиберда нѣкоего К., автора «На земской нивѣ», «Вольной Пташки» и проч. Вся пьеса, помимо ея дубоватой наивности, сплошное вранье и клевета на жизнь. Проворовавшійся старшина беретъ въ лапы молодого непремѣннаго члена *) и хочетъ его женить на своей дочкѣ, влюбленной въ писаря, пишущаго стихи. Передъ свадьбой честный и юный землемѣръ открываетъ глаза непремѣнному члену, этотъ послѣдній открываетъ злоупотребленія, крокодилъ т.-е. старшина плачетъ, а одна изъ героинь восклицаетъ: «Итакъ: порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ!», чѣмъ и кончается пьеса.

Бррр! Послѣ спектакля встрѣчается мнѣ К. и говоритъ:

— Въ этой пьесѣ я продернулъ желторотыхъ либераловъ, потому она не понравилась и ее обругали.. А мнѣ наплевать!

---

[1]) «Севильскій обольститель».

*) Помѣщика и дворянина. *Прим. А. П.*

Если я когда нибудь скажу, или напишу что нибудь подобное, то возненавидьте меня и не знайтесь со мной.

Для своего будущаго романа я написалъ строкъ триста о пожарѣ въ деревнѣ: въ усадьбѣ просыпаются ночью и видятъ зарево—впечатлѣнія, разговоры, стукъ босыхъ ногъ о желѣзную крышу, хлопоты...

Въ члены др. О—ства я Васъ не запишу, пока не поручите. Привѣтъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ каталогѣ Разсохина есть пьеса «Анна Каренина».

CXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

13 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Уфъ! кончилъ наконецъ переписывать разсказъ [1]), запаковалъ и послалъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Получили? Прочли? Небось сердитесь? Разсказъ совсѣмъ неподходящій для альманашно—семейнаго чтенія, не граціозный и отдаетъ сыростью водосточныхъ трубъ. Но совѣсть моя по крайней мѣрѣ спокойна: вопервыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во вторыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ. Мнѣ, какъ медику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки.....

Гдѣ Жоржъ Линтваревъ? Что онъ дѣлаетъ?

О полученіи разсказа пожалуйста увѣдомьте; если онъ не сгодится у Васъ, то я пущу его въ другое мѣсто съ надписью «Памяти Гаршина». Не дай Богъ, если не сгодится. Я съ нимъ долго возился.

---

[1]) «Припадокъ».

Денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ, хоть караулъ кричи. Премію изъ Академіи обѣщаютъ выслать черезъ 5—6 недѣль, а гонорара ни откуда не шлютъ, потому что нигдѣ не работаю. Когда издательница вышлетъ въ редакцію деньги, то скажите, чтобы мнѣ выслали въ мгновеніе ока т. е. телеграфнымъ переводомъ.....

А Короленко у меня не былъ. Прислалъ ли онъ повѣсть? Если да, то очень радъ, а то мнѣ до тошноты надоѣло читать Чехова.

Статья Мережковскаго, если смотрѣть на нее какъ на желаніе заняться серьезной критикой, весьма симпатичное явленіе. Главный ея недостатокъ—отсутствіе простоты. Второй недостатокъ: авторъ не уяснилъ себѣ вопроса и не достаточно убѣжденъ; это видно изъ того, что почти на каждой страницѣ онъ дѣлаетъ уступки и смѣшиваетъ различныя понятія; кое-гдѣ кричащія натяжки и туманности. Третій недостатокъ—это примѣчаніе редакціи, которое я, хоть убейте, рѣшительно не понимаю. Про какихъ тамъ сотрудниковъ говорится? Такъ извольте же подъ каждой статьей Протопопова дѣлать примѣчаніе, что «сія статья, хотя и не нравится Чехову, но мы ее помѣщаемъ». Редакція отвѣчаетъ за каждую строчку вмѣстѣ съ авторомъ; виноваты она и авторъ, третьи лица тутъ лишнія. Кто не согласенъ, тотъ можетъ писать особую статью, а дѣлать вылазку изъ оврага не подобаетъ. Редакція, какова бы она ни была, должна быть безусловно *самостоятельна*, по крайней мѣрѣ въ глазахъ публики, на то она и редакція.

Хотѣлъ поѣхать къ Вамъ въ Питеръ, да денегъ нѣтъ. Савина хочетъ играть моего «Медвѣдя»—она была у Суворина, взяла мой адресъ и номеръ съ Медвѣдемъ. Въ Москвѣ онъ идетъ съ трескомъ, пойдетъ и въ провинціи шибко. Вотъ не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Актеры Малаго Театра на расхватъ читаютъ мои Именины. Имъ нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу.

Спасибо за желаніе читать корректуру моихъ разсказовъ. Но вѣдь при самомъ лучшемъ, идеальнѣйшемъ корректорѣ нельзя избѣжать опечатокъ. Дѣло не въ ять и не въ ѳитѣ. Нужно, чтобъ сами авторы читали въ корректурѣ свои статьи. Если въ будущемъ Вы будете высылать мнѣ мои корректуры, то обѣщаю не задерживать ихъ долѣе одного дня. Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Да хранитъ Васъ Богъ и всѣ ангелы его.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Ноября. (1888 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, милый Алексѣй Сергѣевичъ, Каштанку, которую потрудитесь спрятать. Это для обложки. Обложка у меня будетъ бѣлая, а на ней пятномъ сядетъ собака. Будетъ просто, но хорошо. Рисовалъ художникъ Степановъ, ярый охотникъ, изучившій собакъ до тонкостей. Изобразить помѣсь такса и дворняжки-задача нелегкая, но Степановъ, какъ видите, рѣшилъ ее блестяще. Поглядите на ноги и на грудь. Придать лисьей мордѣ добродушно-собачье выраженіе тоже не легко, но и это сдѣлано. Вы покажите рисунокъ Настѣ и Борѣ. Если имъ понравится, значитъ хорошо. Остальные рисунки еще не готовы. Совѣстно подгонять: пріятели.

Своими «Именинами» я угодилъ дамамъ. Куда ни прійду, вездѣ славославятъ. Право, не дурно быть врачемъ и понимать то, о чемъ пишешь. Дамы говорятъ, что

роды описаны *вѣрно*. Въ разсказѣ, посланномъ для Гаршинскаго сборника, я описалъ душевную боль.

Какъ Вашъ разсказъ? Мнѣ любопытно прочесть. Я не думаю, чтобы онъ удался Вамъ, но знаю, что прочту его съ большимъ интересомъ. У Васъ много излишняго напряженія, подозрительности къ себѣ, добросовѣстности и вы держите себя на веревочкѣ, а это значитъ, что Вы не свободны; напримѣръ: изъ боязни, что Вы не достаточно точны и что Васъ не поймутъ, Вы находите нужнымъ мотивировать каждое положеніе и движеніе. Рѣпина говоритъ «Я отравилась!», но Вамъ недостаточно этого и Вы заставляете ее говорить лишнія 2—3 фразы, и такимъ образомъ своему чувству добросовѣстности жертвуете правдой. Я не скажу, чтобъ это было кореннымъ свойствомъ Вашей натуры. Это—привычка глядѣть на все окомъ публициста. Старый солдатъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, всегда сведетъ рѣчь на войну, такъ и Вы всегда сводите на публицистику. Если бы Вы написали съ десятокъ разсказовъ, да штукъ пять пьесъ, тогда пошло бы дѣло иначе: привычка поддалась бы навыку. Если же говорить о натурѣ, то она у Васъ исключительная. У Васъ есть то, чего у другихъ нѣтъ. Пока мы не разошлись или не умерли, я бы съ удовольствіемъ эксплоатировалъ Вашу силу; я бы укралъ у Васъ то, чѣмъ Вы не пользуетесь. Отчего Вы отказываетесь писать вмѣстѣ Лѣшаго? Если бы пьеса не удалась, или если бы она пришлась Вамъ почему либо не по вкусу, то я далъ бы Вамъ слово никогда не ставить ея и не печатать. Если Лѣшій не годится, то давайте другой сюжетъ. Давайте напишемъ трагедію «Олофернъ» на мотивъ оперы «Юдифь», гдѣ заставимъ Юдифь влюбиться въ Олоферна; хорошій полководецъ погибъ отъ жидовской хитрости.. Сюжетовъ много. Можно «Соломона» написать, можно взять Наполеона III и Евгенію, или Наполеона I на Эльбѣ...

Пишу для Нов. Вр. разсказъ. Описываю одну поганую бабу.

Вчера одинъ Коршевскій актеръ просилъ меня протежировать ему въ Вашемъ магазинѣ: пріобрѣсти Тургенева съ уступкой. Я сказалъ, что Тургеневъ изданіе не Ваше и что моя протекція ни къ чему не поведетъ. Такъ ли я поступилъ?

Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

16 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Любезнѣйшій боцманъ!

Посылаемая довѣренность открываетъ передъ тобою слѣдующія радужныя перспективы:

1) Ты пойдешь въ Академію наукъ и получишь тамъ 500 лавровъ. Какъ войти въ Канцелярію Академіи, у кого тамъ спросить и какъ выйти—все это знаетъ Алексѣй Алексѣевичъ Suvorini filius, къ которому и обратись за разъясненіеми. Въ Академіи попросишь отъ моего имени, чтобы тебя сдѣлали Академикомъ.

2) На случай, если какая либо ихъ моихъ піесъ ненарокомъ попадетъ на казенную сцену, или буде какая нибудь частная сцена пожелаетъ ставить «новинку» моего сочиненія, я уполномочиваю г.г. начальствующихъ лицъ, директоровъ и антрепренеровъ вести переговоры съ тобою, условія заключать съ тобою и гонораръ платить тебѣ. Если въ Александринкѣ пойдетъ мой «Медвѣдь», то ты можешь испробовать силу довѣренности: Дирекція заключитъ контрактъ съ тобою. Примѣчаніе разъ на-

всегда: буде какая либо изъ дирекцій пожелаетъ купить какую либо мою пьесу, то таковое желаніе отклоняй; хотя бы тебѣ давали милліонъ. Я желаю получать проценты со сбора (2% за каждый актъ). Гонораръ будешь получать всякій разъ по особому моему на то повелѣнію.

Возлагаю на тебя всѣ эти пріятныя обязанности не столько изъ желанія доставить тебѣ удовольствіе, сколько изъ уваженія къ твоимъ родителямъ.

Вексель и извѣщеніе о незаконномъ бракѣ получилъ. За то и другое благодарю. Первое уже потратилъ, а отъ второго жду новой интереснѣйшей эпопеи съ киндерами, переселеніями, каломелями и проч.

Аверкіевъ ничего не можетъ знать о Сѣверномъ Вѣстникѣ. Онъ тутъ не причемъ. Хришитъ и больше ничего.

«Родина» объявляетъ, что въ ней будетъ сотрудничать какой то М. Чеховъ. Не Митрофанъ ли?

Пьеса, поставленная на казенной сценѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ частныхъ театрахъ. Стало быть, что идетъ въ Александринкѣ, или что имѣетъ идти тамъ, ни въ какомъ разѣ не можетъ быть допускаемо къ представленію на частной сценѣ. О всякой новой пьесѣ буду извѣщать. Къ числу пьесъ, предполагаемыхъ къ постановкѣ на казенной сценѣ, пока относятся двѣ: «Медвѣдь» и «Лебединая пѣсня (Калхасъ)». Театральныя дѣла мои держи въ секретѣ. Никому ни гу-гу.. Ещѣ одно сказаніе: по театральнымъ дѣламъ самъ никуда не ходи и самъ ничего не вчиняй, а жди, когда къ тебѣ обратятся, или позовутъ. Требовать, буде понадобится, можешь, сколько угодно, но просить не моги.

Пьесы, не законтрактованныя казенной дирекціей, подлежатъ вѣдѣнію агентовъ драматическаго Общества, а потому, буде на афишѣ частнаго театра узришь какого

нибудь «Крокодила въ смятку, или ай да дядя!» моего сочиненія, то не бей въ набатъ, а сиди спокойно въ н . . . .

Если пожелаешь написать пьесу, то пиши.

А. Чеховъ.

Зажиливъ 68 рублей, ты только исполнилъ этимъ $^{68}/_{100}$ частей моего желанія.

Съ преміей возьми и бумагу. Безъ бумаги не бери.

Сообщи свой домашній адресъ.

CXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, замѣтку. Разсказъ застрялъ; хочу я въ этомъ сезонѣ писать разсказы въ протестующемъ тонѣ—надо поучиться—но отъ непривычки скучно и я виляю. Къ тому же получилъ изъ Сѣв. Вѣстника гонораръ и мнѣ теперь море по колѣно: все хожу да думаю.

Значитъ, пойдетъ Ваша Татьяна? Это хорошо. Будетъ ли успѣхъ, или нѣтъ, не знаю, но передряга для нервовъ хорошая будетъ. Будете все лѣто вспоминать да охать. У Вашей Татьяны хоть конецъ есть, а каково то было моему Иванову!

Можно не любить театръ и ругать его и въ тоже время съ удовольствіемъ ставить пьесы. Ставить пьесу я люблю такъ же, какъ ловить рыбу и раковъ: закинешь удочку и ждешь, что изъ этого выйдетъ? А въ общество за полученіемъ гонорара идешь съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ идешь глядѣть въ вершу, и въ вентерь: много ли за ночь окуней и раковъ поймалось? Забава пріятная.

Когда пойдетъ Татьяна? Напишите мнѣ и я наровлю пріѣхать къ первому представленію.

На меня отъ скуки нашла блажь: надоѣла золотая середина, я всюду слоняюсь и жалуюсь, что нѣтъ оригинальныхъ бѣшенныхъ женщинъ... Однимъ словомъ, а онъ мятежный бури ищетъ! И всѣ мнѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «вотъ Кадмина [1]), батюшка, вамъ бы понравилась!» И я мало по малу изучаю Кадмину и, прислушиваясь къ разговорамъ, нахожу, что она въ самомъ дѣлѣ была не дюжинной натурой.

Будьте здоровы. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ. Напишите же, когда пойдетъ Татьяна.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Ноябрь).

Внимай. Нѣкакій преподаватель [2]) Театральнаго училища былъ у меня и просилъ убѣдительно подобрать ему образцы ораторскаго искусства. Теоретикъ я плохой, ораторовъ на своемъ вѣку слышалъ только трехъ: Плевако, Федченко и Покровскаго; исторію литературы забылъ. Но уважить человѣка хочется. Помнится, что въ день смерти Виктора Гюго въ палатахъ говорили коротенькія, очень красивыя, музыкальныя рѣчи. Пойди сейчасъ къ Алексѣю Сергѣевичу и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, попроси его сказать тебѣ, въ какомъ году и въ какомъ мѣсяцѣ умеръ Гюго; получивъ отвѣтъ, поройся въ старомъ Новомъ Времени и сыщи желаемое. Нужны

---

[1]) Артистка.

[2]) Ал. П. Ленскій.

рѣчи по поводу смерти Гюго и похоронъ его. Спросить также, не припомнитъ ли А. С. коротенькихъ образцовъ и не посовѣтуетъ ли чего нибудь? Не укажетъ ли на что нибудь Буренинъ? Я былъ бы премного благодаренъ.

Получилъ ли ты довѣренность?

Сегодня я послалъ третью передовую.

Скучно пробавляться одною беллетристикой, хочется и еще чего нибудь. Поневолѣ на чужой каравай ротъ разѣваешь.

Скоро буду въ Питерѣ. Если случится узнать, когда въ Александринкѣ пойдетъ мой Медвѣдь, то увѣдомь.

Будь здоровъ. Спѣшу.

Твой Antoine.

CXX.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

23 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Уважаемый Товарищъ!

Плахты я получилъ давно, но до сихъ поръ не благодарилъ по той же самой причинѣ, по какой Вы не пишете, что онѣ стоютъ и что дѣлать съ деньгами—Вамъ ли прислать почтой, или исполнить какое нибудь порученіе? Я, если хотите, могу выслать отличнаго чаю, печеній—чего хотите; къ плахтамъ были приклеены бумажки съ обозначеніемъ цѣнъ, но многія безъ бумажекъ, вѣроятно, пропали дорогой, такъ какъ по сложеніи получается подозрительно малая сумма, что-то около 10-11 рублей.

Всѣ плахты отмѣнно хороши. Лучшихъ не нужно. Я низко Вамъ кланяюсь и благодарю.

Гаршинскій сборникъ выйдетъ въ декабрѣ. Мой разсказъ, если его не вырѣжетъ изъ сборника цензура,

будетъ. За цензуру сильно опасаются. А разсказъ великъ и не очень глупъ. Прочтется онъ съ пользой и произведетъ нѣкоторую сенсацію. Я въ немъ трактую объ одномъ весьма щекотливомъ, старомъ вопросѣ и, конечно, не рѣшаю этого вопроса.

Рекомендую Вашему вниманію разсказъ Златовратскаго «Гетманъ» въ послѣдній книжкѣ «Русской Мысли». Очень мило.

Плещеевъ пишетъ мнѣ, что Вашъ композиторъ [1]) работаетъ. А что Павелъ Михайловичъ [2])? Пресимпатичный человѣкъ!

У меня работы по горло, но по обыкновенію скучно и грустно. Пишу, пишу, немножко лѣчу, опять пишу и по обязанности хожу къ добрымъ знакомымъ, которые мнѣ надоѣли. Съ удовольствіемъ уѣхалъ бы въ деревню спать и спалъ бы, какъ кротъ, до самаго мая.

Зинаида Михайловна [3]) писала Мишѣ [4]), что . . . . . [5]) бьетъ коромысломъ только пьяныхъ. Спасите меня, о неба херувимы! Съ ужасомъ ожидаю лѣта. Надо будетъ предупредить Тимофеева.

Какъ живетъ мой другъ Артеменко? [6]) Низкій поклонъ всѣмъ Вашимъ и сердечныя пожеланія. Вся моя бумага приспособлена для писанья разсказовъ и раздѣлена на половинки—простите.

Уважающій *А. Чеховъ*.

А какого мнѣнія Наталья Михайловна [7]) о хуторѣ?

Скоро буду видѣться съ Вашимъ братомъ.

---

[1]) [2]) Братья адресатки.

[3]) Сестра адресатки.

[4]) Братъ А. П.

[5]) Зачеркнуто адресатомъ.

[6]) Рабочій на Лукѣ съ завода Харитоненко, съ которымъ А. П. ловилъ рыбу.

[7]) Сестра адресатки.

Моя статья о Пржевальскомъ переведена на нѣмецкій языкъ. Пишу я статьи въ 100-200 строкъ, не больше, пишу о чемъ угодно: о путешественникахъ, о татарахъ, объ уличномъ нищенствѣ, о всякой всячинѣ. Я хочу учиться у Ленскаго читать и говорить. Мнѣ кажется, что изъ меня, если бы я не былъ косноязыченъ, выработался бы не плохой адвокатъ. Умѣю коротко говорить о длинныхъ предметахъ.

CXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г.).

. . . . . .

Ахъ, какой я началъ разсказъ! Привезу и попрошу Васъ прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избралъ фельетонно-беллетристическую. Порядочный человѣкъ увезъ отъ порядочнаго человѣка жену и пишетъ объ этомъ свое мнѣніе; живетъ съ ней—мнѣніе; расходится—опять мнѣніе. Мелькомъ говорю о театрѣ, о предразсудочности «несходства убѣжденій», о военно-грузинской дорогѣ, о семейной жизни, о неспособности современнаго интеллигента къ этой жизни, о Печоринѣ, объ Онѣгинѣ, о Казбекѣ..

Такой винигретъ, что Боже упаси. Мой мозгъ машетъ крыльями, а куда летѣть—не знаю.

Вы пишете, что писатели избранный народъ Божій. Не стану спорить. Щегловъ называетъ меня Потемкинымъ въ литературѣ, а потому не мнѣ говорить о тернистомъ пути, разочарованіяхъ и проч. Не знаю, страдалъ ли я когда нибудь больше, чѣмъ страдаютъ сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вѣщаетъ моими устами,

Богъ, или кто нибудь другой похуже. Я позволю себѣ констатировать только одну, испытанную на себѣ маленькую непріятность, которая вѣроятно по опыту знакома и Вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы и я любимъ обыкновенныхъ людей; насъ же любятъ за то, что видятъ въ насъ необыкновенныхъ. Меня напримѣръ всюду приглашаютъ въ гости, вездѣ кормятъ и поятъ, какъ генерала на свадьбѣ; сестра возмущается, что ее всюду приглашаютъ за то, что она сестра писателя. Никто не хочетъ любить въ насъ обыкновенныхъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что если завтра мы въ глазахъ добрыхъ знакомыхъ покажемся обыкновенными смертными, то насъ перестанутъ любить, а будутъ только сожалѣть. А это скверно. Скверно и то, что въ насъ любятъ такое, чего мы часто въ себѣ сами не любимъ и не уважаемъ. Скверно, что я былъ правъ, когда писалъ разсказъ «Пассажиръ I класса», гдѣ у меня инженеръ и профессоръ разсуждаютъ о славѣ.

Уѣду я на хуторъ. Чертъ съ ними! У Васъ есть Ѳеодосія.

Кстати о Ѳеодосіи и татарахъ. У татаръ расхитили землю, но объ ихъ благѣ никто не думаетъ. Нужны татарскія школы. Напишите, чтобы деньги, затрачиваемыя на колбасный Дерптскій университетъ, гдѣ учатся безполезные нѣмцы, министерство отдало бы на школы татарамъ, которые полезны для Россіи. Я бы самъ объ этомъ написалъ, да не умѣю.

Лейкинъ прислалъ мнѣ очень смѣшной водевиль своего сочиненія. Это человѣкъ единственный въ своемъ родѣ.

Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Маслову, что судьба его пьесы рѣшается: колебаніе то въ одну, то въ другую сторону. Одну испанскую пьесу поставили и провалились, другой ставить не рѣшаются.

CXXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

«Счастливыя мысли», дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, не совсѣмъ подходятъ. Читатель привыкъ искать подъ этимъ заглавіемъ мысли бернардовскаго пошиба. Во вторыхъ это заглавіе не разъ ужъ эксплоатировалось малыми газетами.

Свой разсказъ я кончу у Васъ и, если онъ сгодится для «Нов. Врем.», то я буду очень радъ. Я бы его давно уже кончилъ, но мнѣ мѣшаютъ такъ, какъ никогда еще не мѣшали. Посѣтителямъ нѣтъ конца.. Просто мука! Столько лишнихъ разговоровъ о чертъ знаетъ чемъ, что я оболдѣлъ и о Петербургѣ мечтаю, какъ о землѣ обѣтованной. Сяду у Васъ въ комнаткѣ сиднемъ и не буду выходить.

Разсказъ выходитъ скучноватымъ. Я учусь писать «разсужденія» и стараюсь уклоняться отъ разговорнаго языка. Прежде чѣмъ приступить къ роману, надо пріучить свою руку свободно передавать мысль въ повѣствовательной формѣ. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь. Я дамъ Вамъ прочесть. Если мои опыты годны на что нибудь, то берите; если не годны, то такъ и скажите. У меня много негоднаго товара и я не чувствую себя дурно оттого, что не печатаю его. Сюжетъ разсказа таковъ: я лечу одну молодую даму, знакомлюсь съ ея мужемъ, порядочнымъ человѣкомъ, неимѣющимъ убѣжденій и міровоззрѣнія; благодаря своему положенію, какъ горожанина, любовника, мужа, мыслящаго человѣка, онъ волей-неволей наталкивается на вопросы, которые волей неволей, во что бы то ни стало, долженъ

рѣшать. А какъ рѣшать ихъ, не имѣя міровоззрѣнія? Какъ? знакомство наше вѣнчается тѣмъ, что онъ даетъ мнѣ рукопись—свой «автобіографическій очеркъ», состоящій изъ множества короткихъ главъ. Я выбираю тѣ главы, которыя мнѣ кажутся наиболѣе интересными, и преподношу ихъ благосклонному читателю. Разсказъ мой начинается прямо съ VII главы и кончается тѣмъ, что давно уже извѣстно, а именно что осмысленная жизнь безъ опредѣленнаго міровоззрѣнія—не жизнь, а тягота, ужасъ. Беру я человѣка здороваго, молодого, влюбчиваго, умѣющаго и выпить, и природой насладиться, и философствовать, не книжнаго и не разочарованнаго, а очень обыкновеннаго малаго.

Выходитъ у меня не разсказъ, а фельетонъ.

Директора московск. театровъ я *отлично* знаю. Добрую половину онъ вралъ на женщинъ.

Эчегарая [1]) можно играть въ мѣщанской гостинной, а для Маслова нужно воздвигать соборы и кладбища. Разница большая. Если бы пьеса Маслова была втрое хуже, но обыкновенная, бытовая, или брыкательная, то она давно бы уже шла у Корша. Вѣдь вопросъ не въ томъ, хороша она, или нѣтъ! Откуда Масловъ взялъ, что Петипа—донъ-Жуанъ? Это деревянный, лакированный французъ и больше ничего.

Привѣтъ Вашимъ. Отличные у Васъ конверты! Когда я женюсь на богатой, то куплю себѣ на 100 руб. конвертовъ и на 100 р. духовъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Вмѣсто «Счастливыхъ мыслей» не взять ли «Безъ заглавія»? [2]).

---

[1]) Хозе Эчегараіо—испанскій драматургъ, одну изъ пьесъ котораго ставили на театрѣ Корша въ Москвѣ.

[2]) Рѣчь идетъ о заглавіи новаго разсказа А. П.

CXXIII.

А. П. Ленскому.

8 декабря. (1888 г. СПБ.)

Уважаемый Александръ Павловичъ!

Передайте Лидіи Николаевнѣ, что я *безконечно* благодаренъ ей за легенду [1]). Легенда имѣетъ двойную цѣнность: 1) она хороша 2) и, какъ можно судить изъ разговоровъ съ критиками и поэтами, нигдѣ еще не была утилизирована.

Мнѣ она такъ нравится, что я теряюсь и не знаю, что сдѣлать: вставить ли ее въ повѣсть, сдѣлать ли изъ нея маленькій самостоятельный разсказикъ, или же пуститься на самопожертвованіе и отдать ее какому-нибудь поэту. Я остановлюсь вѣроятно на первомъ, т.-е. вставлю ее въ повѣсть, гдѣ она послужитъ украшеніемъ. Что касается «образцовъ ораторскаго искусства», то я къ стыду моему не нашелъ еще ни единаго подходящаго. Оказалось на дѣлѣ, что выбрать гораздо труднѣе, чѣмъ я могъ думать.

Надо составить хрестоматію, т.-е. заняться выборомъ образцовъ спеціально. Вейнберговская хрестоматія, какъ увѣряютъ въ Петербургѣ, плоха и не удовлетворяетъ преподавателей. Къ тому же она аспидски дорога. Отчего бы Вамъ въ Москвѣ не собрать комиссію изъ 5—6 человѣкъ, и отчего бы этой комиссіи не составить хрестоматіи? Вы человѣкъ опытный, могли бы это сдѣлать. Потребуется на хрестоматію не больше года. Если сія идея не противна Вамъ, то намотайте ее на усъ—по пріѣздѣ поговоримъ и обсудимъ дѣло.

---

[1]) Объ источникѣ Нарзанѣ.

Я убѣжденъ, что можно составить хрестоматію, которая будетъ стоить не дороже рубля съ четвертакомъ. Въ понедѣльникъ я читаю въ Литературномъ Обществѣ свой новый разсказъ. Пренія будутъ интересныя. Придется ставить свою шею подъ удары такихъ неотразимыхъ діалектиковъ, какъ адвокатъ Андріевскій и кн. Урусовъ. Впрочемъ, съ нами Богъ!

Жму Вашу руку и еще разъ прошу передать Лидіи Николаевнѣ мою сердечную благодарность.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXIV.

Л. Н. Ленской.

(Съ подлинника).

15 декабря. (1888 г. СПБ.)

Многоуважаемая Лидія Николаевна!

Ваша легенда мнѣ *очень* нужна; я втиснулъ ее въ повѣстушку, которая будетъ печататься лѣтомъ. Очень охотно возвращаю Вамъ право собственности, такъ какъ это возвращеніе не причинитъ мнѣ ни малѣйшаго ущерба: легендой я все-таки воспользуюсь. На одинъ и тотъ же сюжетъ могутъ писать 20 человѣкъ, не рискуя стѣснить другъ друга.

Не былъ я у Васъ на блинахъ по милости «Сѣвернаго Вѣстника», который прислалъ мнѣ корректуру моей пьесы. Нужно было торопиться, чтобы отослать корректуру съ кондукторомъ курьерскаго поѣзда. Тяжела шапка Мономаха!.. На второй день поста, т.-е. во вторникъ, я, буде Вы и Александръ Павловичъ пожелаете, устрою у себя вечеромъ «кислую капусту». Будутъ капуста, рѣдька, маслины, постный винегретъ,

бобы и проч. Только съ условіемъ, чтобы А. П. выпилъ не меньше трехъ рюмокъ.

Разсказъ про мальчика, убѣгающаго ночью изъ больницы, я пришлю Вамъ вмѣстѣ съ другими разсказами про дѣтей, собранными въ отдѣльный томикъ «дешевой библіотеки» подъ заглавіемъ «Дѣтвора». Суворинъ въ письмѣ кланяется. Я такъ же Вамъ кланяюсь и прошу передать мой сердечный привѣтъ Александру Павловичу.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Сестра шлетъ поклонъ.

Ради Бога не церемоньтесь съ легендой. Даю Вамъ обѣщаніе написать эту легенду такъ, что даже А. П. ея не узнаетъ — стало-быть не стѣсняйтесь. Вами легенда прекрасно изложена. Если нужно, то я пришлю копію, или даже самое письмо.

CXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Дек. (1888 г. Москва.)

. . . . . .

Будьте добры, дайте сестрѣ [1]) забракованный разсказъ Ежова. Скажите Алексѣю Алексѣевичу, что пароходъ «Диръ», на которомъ мы плыли лѣтомъ въ Поти и терпѣли муки, приказалъ долго жить: разбился о южный берегъ Крыма.

Получилъ я отъ Худекова телеграмму. Проситъ прислать ему къ Рождеству разсказъ въ 200 строкъ и пред-

---

[1]) Мар. Пав., которая оставалась въ СПБ. послѣ отъѣзда А. П.

лагаетъ за сіе сто рублей. Постараюсь нацарапать какую-нибудь кислятинку.

Я уже принялся за Иванова. Черезъ два дня будетъ готовъ. Выходитъ складно, но не сценично. Три первыхъ акта ничего. Жду отъ Васъ дальнѣйшихъ полномочій [1]). Если нужно въ адъ ѣхать — поѣду. Я люблю провожать, сватать, шаферствовать. Пожалуйста, со мной не церемоньтесь.

Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку и кланяюсь до земли. Сестрѣ, Борѣ, Настѣ, Алексѣю Алексѣевичу, Маслову, Гею—всѣмъ поклонъ и привѣтъ. Мнѣ скучно и грустно.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXVI.

Ему же.

(Съ подлинника).

19 Декабря. (1888 г. Москва.)

Посылаю это письмо вслѣдъ за срочной телеграммой. Я опять получилъ письмо отъ Никулиной. Она прислала за мной лошадь. Чтобы поддержать Вашъ престижъ, я заставилъ кучера ждать меня 20 минутъ и мерзнуть. Лошадь хорошая, домъ у Никулиной собственный, изъ чего я заключаю, что актрисамъ живется гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ драматургамъ Чехову и Щеглову.

Никулина встрѣтила меня радостной вѣстью, что Машенька согласилась играть Рѣпину. Мы сѣли за столъ и составили такую афишу:

Рѣпина	Ермолова.
Кокошкина	Никулина.
Оленина	Лешковская.

---

[1]) Относительно постановки «Татьяны Рѣпиной» въ Москвѣ.

Адашевъ . . . . . Ленскій.
Матвѣевъ . . . . . Макшеевъ.

Гореву нужно участвовать въ бенефисѣ Никулиной. Онъ хочетъ Адашева, я предлагаю ему Сабинина. Отъ Сабинина онъ, по словамъ Никулиной, отказывается, о чемъ нельзя не пожалѣть. Онъ очень приличенъ, играетъ нервно, одѣвается вкусно. Если онъ будетъ продолжать фордыбачиться, то Сабинина сыграетъ Южинъ. Такъ я и написалъ: Горевъ, или Южинъ. Въ письмѣ ко мнѣ Вы напишите, что Вы очень бы желали, чтобы Сабинина игралъ Горевъ, но что если это нельзя и проч. Горевъ въ Сабининѣ будетъ *лучше* Южина, а потому настаивайте на Горевѣ. Что касается Рапсы, то я предложилъ эту роль Садовской, или Медвѣдевой — обѣ хороши. Няньку Садовская не возьметъ: мало! Котельниковъ — Рыбаковъ, или Михайло Садовскій, Кокошкинъ— Грековъ. Мелюзгу я отдалъ на благоусмотрѣніе высокоталантливой бенефиціантки. Пришлите побольше экземпляровъ: Ермоловой, Ленскому, Никулиной, Сабинину [1]), Макшееву, вообще всѣмъ первымъ и вторымъ персонажамъ. Это имъ польститъ и будетъ полезно. Познакомятся хорошо съ пьесой.

Своего «Болванова» [2]) я кончилъ и посылаю одновременно съ этимъ письмомъ. Надоѣлъ онъ мнѣ, какъ Щегловъ актерамъ. Коли есть охота, прочтите, а коли нѣтъ, сейчасъ же пошлите Потѣхину. Я обѣщалъ выслать ему пьесу къ 22 декабря. Послалъ ему письмо, гдѣ подчеркнулъ этотъ срокъ. Я ни однимъ словомъ не заикнулся о постановкѣ и не буду заикаться. Вы имъ ничего не говорите. Буду дѣлать видъ, что я не нуждаюсь ни въ славѣ, ни въ деньгахъ. Теперь мой г. Ивановъ

---

1) Вѣроятно, описка, вмѣсто Садовскому.
2) «Иванова».

много понятнѣе. Финалъ меня совсѣмъ не удовлетворяетъ (кромѣ выстрѣла, все вяло), но утѣшаюсь тѣмъ, что форма его еще не окончательная. Если захотятъ поставить и спросятъ, кому кого играть, то вотъ имъ моя воля нерушимая:

Ивановъ	Давыдовъ.
Сарра	Савина.
Шабельскій	Свободинъ.
Львовъ	Сазоновъ.
Лебедевъ	Варламовъ.
Саша	Вашъ выборъ.

Сей списокъ можете сообщить Потѣхину хоть и теперь, дабы нашъ общій другъ Давыдовъ не забѣжалъ зайцемъ впередъ и не напуталъ. Отдаю Иванова Давыдову— иначе нельзя: Давыдовъ эту роль игралъ въ Москвѣ. Сазоновъ, Свободинъ и Варламовъ будутъ играть хорошо, такъ хорошо, что сотрутъ Давыденьку и отучатъ его браться за драмы. Видите, какіе у меня тонкіе замыслы!

Григоровичъ говорилъ Вамъ, что я сталъ гордъ и возвышаюсь. Не потому ли это, что моего Медвѣдя играютъ у министровъ? Я радъ былъ бы гордиться, да не знаю чѣмъ и передъ кѣмъ. Если я не бываю у великихъ міра сего и у пріятелей, то это не гордость, а просто лѣнь.. Если бы я жилъ въ Петербургѣ, то видался бы со всѣми своими петербургскими знакомыми не чаще, чѣмъ теперь.

Кланяюсь низко Аннѣ Ивановнѣ. Скажите ей, что я два раза подчеркнулъ, а то она обвиняетъ меня въ томъ, что я въ своихъ письмахъ не кланяюсь ей. Если пойдетъ Ивановъ, то я угощаю литерной ложей.

Бенефисъ Никулиной назначенъ на 11 Января; если же не успѣютъ срепетовать, то на 17-е. Пріѣзжайте

къ 17-му. Въ сей день, его же сотвори Господь, я именинникъ.

Не находите ли, что съ пьесами я справляюсь очень быстро? Едва коснулся пальцемъ къ Иванову, какъ онъ ужъ и готовъ. Надо въ Крыловы поступить.

Щегловъ прислалъ мнѣ программу: длинный списокъ своихъ пьесъ, комментаріи къ нимъ и просьба походатайствовать у Корша за «Театральнаго воробья» и прочихъ звѣрей его издѣлія. Не пригласить ли къ нему Мержеевскаго? [1]) Милый человѣкъ, добрый и не хитрый. Страдаетъ чертъ знаетъ изъ-за чего. Жалко.

Пьесы надо писать скверно и нагло.

Житель [2]) прислалъ мнѣ свою книжку. Я просилъ его объ этомъ. Хочу прочесть его въ массѣ. Мнѣ кажется, что его время еще не пришло. Можетъ случиться, что онъ станетъ моднымъ человѣкомъ.

Даю Вамъ слово, что такія умственныя и поганыя пьесы, какъ Ивановъ, я больше писать не буду. Если Ивановъ не пойдетъ, то я не удивлюсь и никого въ интригахъ и въ подвохахъ обвинять не буду. Первый актъ Вашей Рѣпиной сдѣланъ такъ странно, что я совсѣмъ сбился съ панталыку. На репетиціи этотъ актъ мнѣ казался скучнымъ и неумѣло сдѣланнымъ, а теперь я понимаю, что иначе дѣлать пьесы нельзя, и понимаю успѣхъ этого акта. Послѣ Татьяны моя пьеса представляется мнѣ бонбоньерочной, хотя я до сихъ поръ не уяснилъ себѣ, хороша Ваша пьеса, или же нѣтъ. Въ архитектурѣ ея есть что-то такое, чего я не понимаю..

Разсохину я отдамъ пьесу на коммиссію. Зачѣмъ его баловать? Онъ ужъ и такъ избалованъ. Дадимъ ему 40% и будетъ съ него. Выручку въ пользу «Общества

---

[1]) Извѣстный петербургскій психіатръ.

[2]) Дьяковъ, сотрудникъ «Нового Времени».

вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ». Такъ я ему и скажу.

Если Ивановъ будетъ у Потѣхина и К° 22—23 [1]), то онъ попадетъ какъ разъ въ центру.

«Княгиню» напишу непремѣнно. Чувствую, что виноватъ передъ Вами. Я больше говорю и обѣщаю, чѣмъ дѣлаю. Если успѣю сдѣлать Княгиню къ 24 Дек., то телеграфирую. Къ Новому Году дамъ сказку. Сегодня я буду писать Худекову на такую жалкую тему, что совѣстно. Не писалъ бы, да сто рублей не хочется потерять.

Алексѣю Алексѣевичу поклонъ. Настѣ и Борѣ тоже. Спасибо Вамъ за сестру. Кто знаетъ? Быть-можетъ, я когда-нибудь заплачу за гостепріимство. Я объ этомъ мечтаю.

Будьте здоровы и веселы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Свободину, коли увидите его, что графъ Шабельскій его роль. Дайте обѣщаніе раньше, чтобы Давыдовъ не выхватилъ эту роль для деревяннаго Далматова.

CXXVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

20 дек. (1888 г. Москва.)

Хотя я всей душой и всѣмъ сердцемъ ненавижу Ваши театральныя дѣла, но тѣмъ не менѣе, милѣйшій Жанъ, велѣнью Вашему послушный, я отправился вчера къ Коршу и исполнилъ Ваше желаніе. Вотъ результатъ

---

[1]) Декабря.

моей бесѣды съ Соловцовымъ [1]): присылайте поскорѣе «Театраловъ» и «Комика по натурѣ».

«Театр. Воробья» тоже поставятъ. «Дачному мужу» пойте панихиду: онъ не пойдетъ. Во-первыхъ, Глама [2]) уѣхала; во-вторыхъ, скучно возобновлять старую пьесу, когда подъ носомъ лежатъ новыя.

Театръ — это змѣя, сосущая Вашу кровь. Пока въ Васъ беллетристъ не побѣдитъ драматурга, до тѣхъ поръ я буду ѣсть Васъ и предавать Ваши пьесы проклятію.

Такъ и знайте.

Жалѣю, что не побывалъ у Васъ; мнѣ совѣстно: но Вы, голубчикъ, простите меня. Въ моихъ жилахъ течетъ лѣнивая хохлацкая кровь. Къ тому же въ Питерѣ меня терзали на части и гоняли, какъ почтовую лошадь... Я ѣздилъ, ходилъ, ѣлъ и жилъ безъ устали.

Двѣ недѣли, прожитыя у Суворина, прошли какъ единый мигъ.

Суворинъ въ высшей степени искренній и общительный человѣкъ. Все, что говорилъ онъ мнѣ, было очень интересно. Опытъ у него громадный. Анна Ивановна угощала меня нравоученіями и шартрезомъ. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я знаю, это единственная, имѣющая свой собственный, самостоятельный взглядъ на вещи. Она урожденная Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснѣйшаго человѣка. Вся семья Орфановыхъ прекрасна. Остальная публика у Суворина— теплые люди и не всегда скучные.

Сажусь писать разсказъ для Петербургской Газеты.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Соловцовъ—артистъ театра Корша въ Москвѣ.

[2]) Н. Л. Глама-Мещерская—артистка того же театра.

CXXVIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

20 Дек. (1888 г. Москва.)

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, вчера я былъ у Корша и узналъ, что нужно. Глама-Мещерская въ самомъ дѣлѣ серьезно больна и въ отъѣздѣ. У нея что-то въ родѣ костоѣды верхней челюсти и невралгія. Если судить по тому, что я слышалъ, болѣзнь ея протянется недолго, а операція (она необходима) отниметъ немкого времени. Соловцовъ говорилъ, что какъ только Глама пріѣдетъ, то первымъ дѣломъ поставятъ «Безъ коромысла и утюга» [1]). Пьеса еще будетъ идти много разъ. Не унывайте.

Когда будете жениться на рябой бабѣ [2]), которая будетъ Васъ бить, и когда на Волгѣ вмѣстѣ съ этой бабой и ея любовникомъ станетъ одолѣвать Васъ непогода, то Вамъ будетъ скучно. Но эта скука ничто въ сравненіи съ тѣмъ уныніемъ, въ какое я впалъ, вернувшись изъ Вашего шумнаго Питера.

Будьте здоровы. Желаю всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Пьеса адресата «Безъ кормила и весла».

[2]) Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній В. А. Тихонова по поводу этого письма.

... Я сталъ дальше развивать мою мечту.

— Видите ли, — говорю, — высшее счастье можно постигнуть только женившись на толстой рябой бабѣ и поселившись съ ней въ маленькой избушкѣ на берегу Волги, при чемъ получать пенсію — 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. И жить на эту пенсію. И чтобы у этой бабы характеръ былъ самый гнусный, и чтобы она васъ походя колотила: то валькомъ, то скалкой, а то прямо кулакомъ по затылку.

CXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Дек. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, пьесу я получилъ *вчера въ 8 часовъ вечера*, но не двумя днями раньше, какъ Вы обѣщали и какъ бы слѣдовало. Никулина спѣшитъ, какъ угорѣлая и каждый часъ промедленія портитъ ей пудъ крови. Вчера отъ нея не было посланнаго. Плохой признакъ. Боюсь, что она не выдержала и велѣла переписывать роли по старому экземпляру.

Вчера я послалъ ей экземпляры, удержавъ у себя экземпляръ старой редакціи: боюсь, чтобы не напутали. Сегодня былъ у меня ея посланный съ приглашеніемъ пожаловать въ 5 часовъ. Вчера я написалъ ей: «Если гг. артисты пожелаютъ сдѣлать какія-нибудь измѣненія

Мало того, чтобы она завела себѣ любовника, какого-нибудь сельскаго писаря, и вотъ, когда этотъ писарь будетъ пріѣзжать къ ней въ гости, чтобы вмѣстѣ съ ней пьянствовать, то на это время она совсѣмъ васъ будетъ выгонять изъ дому и вы будете съ удочкой уходить внизъ, на самую Волгу, садиться гдѣ-нибудь въ кустахъ ивняка и удить рыбу. А рыба совсѣмъ не будетъ попадаться вамъ на удочку. И вамъ будетъ ужасно грустно, и вы начнете плакать горькими-горькими слезами. И вотъ въ это-то самое время, рябая баба, т.-е. супруга ваша, вдругъ вспомнитъ объ васъ, сжалится, кликнетъ васъ наверхъ и изъ своихъ рукъ поднесетъ вамъ стаканчикъ водки. И это будетъ самая счастливая минута вашей жизни, и вы тогда увидите, что на небѣ горитъ солнце, Волга величественна, а въ кустахъ орѣшника поютъ птицы. И изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы, но на этотъ разъ уже слезы радости.

Чеховъ, выслушавъ эту картинку, задумчиво сказалъ:

— Да, въ этомъ есть что-то такое.

(«Міръ Божій», № 8, авг. 1905 г.).

и выпуски, то авторъ (т.-е. Вы) предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій. Онъ проситъ оставить неприкосновенными лишь нѣкоторыя мѣста, указанныя имъ въ письмѣ ко мнѣ». Я буду спасать одного только Адашева — этого достаточно, чтобы была спасена отъ опустошенія вся пьеса. Разъ Адашевъ будетъ говорить, Рѣпина поневолѣ должна будетъ отвѣчать ему.

Я прочелъ снова Вашу пьесу. Въ ней очень много хорошаго и оригинальнаго, чего раньше не было въ драм. литературѣ, и много нехорошаго (напр., языкъ). Ея достоинства и недостатки — это такой капиталъ, которымъ можно было бы поживиться, будь у насъ критика. Но этотъ капиталъ будетъ лежать даромъ непроизводительно до тѣхъ поръ, пока не устарѣетъ и не выйдетъ въ тиражъ. Критики нѣтъ. Дующій въ шаблонъ Татищевъ, оселъ Михневичъ и равнодушный Буренинъ — вотъ и вся россійская критическая сила. А писать для этой силы не стоитъ, какъ не стоитъ давать нюхать цвѣты тому, у кого насморкъ. Бываютъ минуты, когда я положительно падаю духомъ. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ея не вижу и въ нее вѣрю меньше, чѣмъ въ домового: она необразована, дурно воспитана, а ея лучшіе элементы не добросовѣстны и не искренни по отношенію къ намъ. Нуженъ я этой публикѣ, или не нуженъ, понять я не могу. Буренинъ говоритъ, что я не нуженъ и занимаюсь пустяками, Академія дала премію — самъ чертъ ничего не пойметъ. Писать для денегъ? Но денегъ у меня никогда нѣтъ и къ нимъ я отъ непривычки имѣть ихъ почти равнодушенъ. Для денегъ я работаю вяло. Писать для похвалъ? Но онѣ меня только раздражаютъ. Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеевъ, дѣвицы и проч., расхвалили мой «Припадокъ» вовсю, а описаніе перваго снѣга замѣтилъ одинъ только Гри-

горовичъ. И т. д. и т. д. Будь же у насъ критика, тогда бы я зналъ, что я составляю матеріалъ—хорошій или дурной, все равно—,что для людей, посвятившихъ себя изученію жизни, я такъ же нуженъ, какъ для астронома звѣзда. И я бы тогда старался работать и зналъ бы, для чего работаю. А теперь я, Вы, Муравлинъ и проч. похожи на маньяковъ, пишущихъ книги и пьесы для собственнаго удовольствія. Собственное удовольствіе, конечно, хорошая штука; оно чувствуется, пока пишешь, а потомъ? Но.. закрываю клапанъ. Однимъ словомъ, мнѣ обидно за Татьяну Рѣпину и жаль, не потому, что она отравилась, а потому, что прожила свой вѣкъ, страдальчески умерла и была описана совершенно напрасно и безъ всякой пользы для людей. Исчезла безслѣдно масса племенъ, религій, языковъ, культуръ—изчезла, потому что не было историковъ и біологовъ. Такъ исчезаетъ на нашихъ глазахъ масса жизней и произведеній искусствъ, благодаря полному отсутствію критики. Скажутъ, что критикѣ у насъ нечего дѣлать, что всѣ современныя произведенія ничтожны и плохи. Но это узкій взглядъ. Жизнь изучается не по однимъ только плюсамъ, но и минусамъ. Одно убѣжденіе, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, можетъ послужить матеріаломъ для пяти томовъ.

Измѣненія въ пьесѣ не слишкомъ замѣтны. Прерывать монологъ, если его будетъ читать Ленскій, особенной необходимости нѣтъ. Но отъ этого впрочемъ, пожалуй, выиграетъ Рѣпина. Для молодого человѣка, утомленнаго жизнью, не убѣдительны никакіе аргументы, никакія ссылки на Бога, мать и проч. Утомленіе—это сила, съ которой надо считаться. Къ тому же еще у Рѣпиной болитъ нестерпимо желудокъ. Можетъ ли она молча и не морщась слушать длинный монологъ? Нѣтъ. Ея фраза: «Не то, не то вы говорите»... взята вѣрно,

а фраза на стр. 139: «Для жизни, для жизни»... мнѣ непонятна. Не нужно, чтобы она соглашалась съ Адашевымъ. Если ее заставить желать жить боль, то я пойму, но въ силу словъ адашевскихъ я не вѣрю. Да и не нужно, чтобы онъ былъ убѣдителенъ. Вставка про ласки матери.. «я одна, одна» — это хорошо. Merci. Монологъ съ цвѣтами (1 явленіе) коротокъ, можно бы длиннѣй и сочнѣй. У Васъ въ рѣчи Рѣпиной почти отсутствуетъ сочная фраза. Конецъ III акта въ руцѣ Ермоловой. Напрасно Татьяна часто употребляетъ слово «проклятый»: обидчикъ проклятый, жидъ проклятый.. Въ I дѣйствіи новыя слова Рѣпиной о томъ, что она великодушнѣе, хороши и кстати, но разсказъ Котельникова о Золотомъ тельцѣ взятъ произвольно и составляетъ излишній орнаментъ.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо. Отсутствіе Саши въ концѣ IV акта Вамъ рѣзко бросилось въ глаза. Такъ и надо. Пусть вся публика замѣтитъ, что Саши нѣтъ. Вы настаиваете на ея появленіи: законы молъ сцены того требуютъ. Хорошо, пусть явится, но что же она будетъ говорить? Какія слова? Такія дѣвицы (она не дѣвушка, а дѣвица) говорить не умѣютъ и не должны. Прежняя Саша могла говорить и была симпатична, а новая своимъ появленіемъ только раздражитъ публику. Вѣдь не можетъ же она броситься Иванову на шею и сказать: «я васъ люблю!» Вѣдь она не любитъ и созналась въ этомъ. Чтобы вывести ее въ концѣ, нужно передѣлать ее всю съ самаго начала. Вы говорите, что ни одной женщины нѣтъ и что это сушитъ конецъ. Согласенъ. Могли явиться въ концѣ и вступиться за Иванова только двѣ женщины, которыя въ самомъ дѣлѣ любили его: родная мать и жидовка. Но такъ какъ онѣ обѣ умерли, то и разговора быть не можетъ. Сирота пусть и остается сиротой, чертъ съ нимъ.

«Медвѣдь» печатается вторымъ изданіемъ. А вы говорите, что я не превосходный драматургъ. Я придумалъ для Савиной, Давыдова и министровъ водевиль подъ заглавіемъ «Громъ и молнія». Во время грозы ночью я заставлю земскаго врача Давыдова заѣхать къ дѣвицѣ Савиной. У Давыдова зубы болятъ, а у Савиной несносный характеръ. Интересные разговоры, прерываемые громомъ. Въ концѣ—женю. Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мнѣ кажется, что я могъ бы писать ихъ по сотнѣ въ годъ. Изъ меня водевильные сюжеты прутъ, какъ нефть изъ бакинскихъ нѣдръ. Зачѣмъ я не могу отдать свой нефтяной участокъ Щеглову?

Послалъ Худекову за 100 рублей разсказъ, который прошу не читать: мнѣ стыдно за него. Вчера я сѣлъ вечеромъ, чтобы писать въ Новое Время сказку, но явилась баба и потащила меня на Плющиху къ поэту Пальмину, который въ пьяномъ образѣ упалъ и расшибъ себѣ лобъ до кости. Возился я съ нимъ, съ пьянымъ часа полтора-два, утомился, провонялъ іодоформомъ, озлился и вернулся домой утомленнымъ. Сегодня писать было бы уже поздно. Вообще живется мнѣ скучно и начинаю я временами ненавидѣть, чего раньше со мной никогда не бывало. Длинные, глупые разговоры, гости, просители, рублевыя, двухъ и трехрублевыя подачки, траты на извозчиковъ ради больныхъ, не дающихъ мнѣ ни гроша—однимъ словомъ, такой кавардакъ, что хоть изъ дому бѣги. Берутъ у меня взаймы и не отдаютъ, книги тащутъ, временемъ моимъ не дорожатъ... Не хватаетъ только несчастной любви.

Вернулся отъ Никулиной. Когда роль Олениной была уже отдана Лешковской, Ѳедотова изъявила желаніе взять эту роль, но ужъ было поздно. Видите, какая Вамъ честь со всѣхъ сторонъ! Даже ненавидя-

щіе Васъ пщутъ угодить Вамъ. Котельникова играетъ Садовскій. Это рѣшено. Горевъ сдается, но еще не сдался. Ваши строчки подѣйствовали на него. Ю.... повѣшенъ за плечи, но дамамъ нравится. Вы ужъ слишкомъ! Онъ въ Сабининѣ будетъ въ 1000 разъ лучше Далматова. Зонненштейнъ — Правдинъ. Раиса — Медвѣдева. Садовская не умѣетъ играть жидовокъ, а Медвѣдева мастеръ по этой части. Она Вамъ понравится. Авдотья отдана Рыкаловой. Никулина скорбитъ, что ея роль слишкомъ коротка для бенефиціантки. Это правда. Бенефисъ будетъ 16-го Янв. Прибавьте-ка что-нибудь Никулиной! До 16-го Вы успѣете написать два-три варіанта и прислать. Увеличьте для Никулиной 2, 3 и 4 акты. Пусть во II она поговоритъ съ Сабининымъ о любви и о мужчинахъ—слегка и въ бойкой, юмористической формѣ. Вы напишите варіанты явленій, пошлите ихъ въ цензуру—вотъ и все, а послѣ бенефиса ихъ бросить можно. Я далъ слово Никулиной, что упрошу Васъ. Дайте ей говорить въ концѣ IV акта. Пусть ахнетъ, или что-нибудь въ родѣ.

Надѣюсь, что Вы пріѣдете къ 16-му Янв. Если не будетъ Васъ, то актеры обидятся. Они питаютъ къ Вамъ хорошее чувство, а ненавидящіе все-таки уважаютъ и цѣнятъ. Разыграютъ они лучше Александринскихъ. По крайней мѣрѣ ансамбль будетъ лучше. Послѣ второй репетиціи я ѣду къ Ленскому и говорю о сокращеніяхъ, буде таковыя актерамъ понадобятся.

Это письмо Вы получите въ первый день Рождества. Значитъ, съ праздникомъ Васъ поздравляю. Отдыхайте. Сестра кланяется Вамъ, Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ. Я тоже низко кланяюсь и пребываю скучающимъ.

А. Чеховъ

Матеріалъ для «Дѣтворы» пришлю на праздникахъ. Хорошая выйдетъ книжка. Соберу также матеріалъ для третьей книжки «Разсказовъ». Подлецы пріятели художники поддѣли меня съ Каштанкой. До сихъ поръ рисунки не готовы.

Въ «Сѣверный Вѣстникъ» я дамъ разсказъ въ мартѣ, до марта же буду писать только у Васъ. Даю слово. Мнѣ стыдно. Къ Новому году пришлю сказку, а въ январѣ Княгиню.

CXXX.

Ему же.

(Съ подлинника).

26 Дек. (1888 г. Москва.)

Мнѣ больно, что Вы сердитесь и что въ Новомъ Времени не было моего разсказа, но что дѣлать? Дать Вамъ разсказъ, который кажется мнѣ гадостью, я не могу ни за какія блага въ мірѣ, иначе бы я сандалилъ въ Вашей газетѣ каждую недѣлю и имѣлъ бы деньги. Какъ Вамъ угодно, но и въ будущія времена я стану держаться той же политики, т.-е. не посылать Вамъ того, что мнѣ противно. Надо вѣдь хоть одну газету щадить, да и свою нововременскую репутацію беречь. А Петерб. Газета все съѣстъ.

Вы пишете, что надо работать не для критики, а для публики, что мнѣ рано еще жаловаться. Пріятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Самъ я отъ своей работы благодаря ея мизерности и кое-чему другому, удовлетворенія не чувствую, публика же (я не называлъ ее подлой) по отношенію къ намъ недобросовѣстна и неискренна, никогда отъ нея правды не услышишь и

потому не разберешь, нуженъ я ей или нѣтъ. Рано мнѣ жаловаться, но никогда не рано спросить себя: дѣломъ я занимаюсь, или пустяками? Критика молчитъ, публика вретъ, а чувство мое мнѣ говоритъ, что я занимаюсь вздоромъ. Жалуюсь я? Не помню, каковъ тонъ былъ у моего письма, но если это такъ, то я жалуюсь не за себя, а за всю нашу братію, которую мнѣ безконечно жалко.

Всю недѣлю я золъ, какъ сукинъ сынъ. Геморрой съ зудомъ и кровотеченіемъ, посѣтители, Пальминъ съ расшибленнымъ лбомъ, скука. Въ первый день праздника вечеромъ возился съ больнымъ, который на моихъ же глазахъ и умеръ. Вообще мотивы не веселые. Злость— это малодушіе своего рода. Сознаюсь и браню себя. А наипаче досадую на себя, что посвящаю Васъ въ тайны своей меланхоліи, очень не интересной и постыдной для такого цвѣтущаго и поэтами воспѣтаго возраста, какъ мой.

Къ Новому году я постараюсь сдѣлать для Васъ сказку, а послѣ 1-го вскорѣ вышлю «Княгиню».

Водевили можно печатать только лѣтомъ, а не зимой.

Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я выпустилъ Сашу. Но вѣдь Ивановъ едва ли пойдетъ. Если пойдетъ, то извольте, сдѣлаю по Вашему, но только ужъ извините, задамъ я ей, мерзавкѣ! Вы говорите, что женщины изъ состраданія любятъ, изъ состраданія выходятъ замужъ.. А мужчины? Я не люблю, когда реалисты-романисты клевещутъ на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимаютъ за плечи, какъ Ю., и стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавецъ, а женщина ангелъ. И женщина, и мужчина пятакъ пара, только мужчина умнѣе и справедливѣе. Сегодня изъ театра пріѣдетъ ко мнѣ Ленскій. Будемъ говорить о Татьянѣ. Отдамъ варіантъ для передачи Садовскому

Мой живописецъ на прежнемъ положеніи.

Осенью я переѣзжаю въ Петербургъ. Беру съ собой мать и сестру. Надо серьезно заняться дѣломъ.

Почему Вамъ такъ не нравится Вашъ отрывокъ? Ваше все хорошо. Я жду, когда Н. Лаврецкій [1]) напишетъ еще одинъ разсказъ. Пишите! Въ Вашей «Исторіи одной ночи» наворочено и нагромождено столько всякаго добра, что хоть и спотыкаешься временами, а читаешь съ интересомъ и съ большой симпатіей къ автору. Только пишите именно такъ, чтобъ было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мнѣ надоѣла зализанная беллетристика, да и читатель отъ нея скучаетъ.

Не сердитесь на меня и простите мнѣ меланхолію, которая мнѣ самому не симпатична. Она вызвана во мнѣ разными обстоятельствами, которыя не я создалъ.

Читайте мнѣ мораль и не извиняйтесь. Ахъ, если бы Вы знали, какъ часто въ своихъ письмахъ я читаю мораль молодымъ людямъ! Даже въ привычку вошло. У меня фразы длинныя, размазанныя, а у Васъ коротенькія. У Васъ лучше выходитъ.

Былъ у меня Ленскій съ женой. Говорилъ, что Ермолова взялась за Татьяну съ удовольствіемъ. Первое дѣйствіе пройдетъ хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, но остальныя три, я убѣжденъ, гораздо лучше. Ермолова несносна въ комедіи, иначе бы и первое дѣйствіе прошло великолѣпно. Пріѣзжайте, пожалуста. Это Васъ развлечетъ. Постановка пьесы, ея успѣхъ, рецензіи, поправки и проч.—все это утомляетъ и раздражаетъ Васъ, но это здорово и лѣтомъ будетъ вспоминаться съ удовольствіемъ.

Пора бы для провинціи дать пьесу. Пришлите 25 экземпляровъ, я сдамъ ихъ Разсохину. Запишитесь въ

---

[1]) Псевдонимъ А. С. Суворина.

общество. Написали монологъ для Давыдова? Когда напишете, то не печатайте его, а отдайте литографировать. Актеры не умѣютъ читать по-печатному, привыкли къ литографіи. Монологъ подпишите Н. Лаврецкимъ. Лѣтомъ напечатайте его въ газетѣ.

Репетиціи начнутся послѣ праздника. На похоронахъ Юрьева [1]) я, вѣроятно, познакомлюсь съ Ермоловой и буду говорить съ ней о томъ, о семъ. О пьесѣ говорить уже почти нечего, такъ какъ все устроилось благополучно. И полномочіе мое не было особенно нужно. И безъ меня бы все хорошо устроилось. Мое пристрастіе къ Петербургу и къ Вашей пьесѣ и мои поѣздки въ Петербургъ актеры и ихъ супруги объясняютъ тѣмъ, что у Васъ есть большая дочка и что я хочу на ней жениться.

Прощайте. Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно Вашъ

А. Чеховъ

CXXXI.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Дек., вечеръ. (1888 г. Москва.)

Сейчасъ получилъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, поправки къ Рѣпиной. Вставка для Кокошкиной *очень хороша* [2]) и очень кстати. Никулиной [3]) навѣрное по-

---

[1]) С. А., бывшаго редактора «Русской Мысли».

[2]) Въ Моск. Маломъ театрѣ, въ бенефисъ артистки Никулиной, давалась пьеса адресата «Татьяна Рѣпина», въ которой, спеціально для московской постановки, былъ вставленъ монологъ о Москвѣ, очень понравившійся москвичамъ.

[3]) Н. А. Никулина—артистка Моск. Импер. Малаго театра.

нравится. Аплодирую Вамъ. Поправки въ Оленинской роли не особенно и пожалуй никакъ не нужны. Все въ рукахъ актрисы. Плохо сыграетъ, такъ никакія поправки не помогутъ, ибо Оленинская роль заключается не въ словахъ, а въ игрѣ. Адашевъ и Кокошкина должны говорить, а Оленина играть. Завтра всѣ актеры на похоронахъ у Юрьева. Въ 5 часовъ я съѣзжу къ Никулиной — раньше нельзя.

Что Вы Кокошкину выпустили въ концѣ, это хорошо. Вамъ бы пріѣхать хотя бы на двѣ послѣднія репетиціи, тогда бы, глядя на игру, Вы бы придумали еще какія-нибудь слова. Можно сдѣлать, чтобы Кокошкина сказала Сабинину 2—3 ядовито-слезныхъ строчки.

Вставка Котельникову о шмуляхъ рискуетъ быть ошикана: половина театра всегда у насъ занята авраамами, исааками и саррами.

При хорошемъ ансамблѣ музыку въ концѣ можно подпустить, но чуть-чуть, еле-еле.

Сказка для новогодняго № уже почти готова. 30-го Вы ее получите, если же что помѣшаетъ мнѣ сегодня кончить ее, то Вы получите ее 31-го. Это *непремѣнно*. Сказка интересная [1]). Строкъ 400—500. Есть еще одна сказка. Если помѣстите въ крещенскомъ №, то пришлю.

Читалъ я въ Пет. Газетѣ про своего Иванова. Должно-быть, Плещеевъ-фисъ старается.

Кокошкину слѣдуетъ выпускать въ концѣ пьесы только въ томъ случаѣ, если ее играетъ Никулина, а посему Вы не измѣняйте пьесы ради этой роли; печатайте ее въ томъ видѣ, въ какомъ прислали мнѣ недѣлю назадъ. А то не кончите поправлять. Путь поправокъ—опасный путь. (—Такъ бы сказалъ Андреевскій) [2]).

---

[1]) Помѣщена въ № 4613 «Нов. Врем»..

[2]) С. А. Андреевскій — выдающійся юристъ и поэтъ.

Только разъ нужно вступить на него, чтобы никогда не дойти до цѣли.

Надѣюсь, что у Анны Ивановны уже не болитъ голова. Желаю ей здравія. И Вамъ того же желаю и пребываю

Дорогой учитель дерптскихъ студентовъ

А. Чеховъ.

Сказку я кончилъ и посылаю.

Вы говорите, что актеры будутъ сокращать пьесу. А можетъ-быть, и не будутъ! Я сейчасъ показалъ Вашъ почеркъ писарю мирового судьи и спросилъ:

— А сколько бы Вашъ мировой судья заплатилъ за такой почеркъ?

Писарь прыснулъ и сказалъ: — Ни копѣйки!

Показалъ почеркъ Григоровича. Писарь насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— За этотъ, пожалуй, далъ бы рублей десять въ мѣсяцъ.

CXXXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

30 Дек. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ; дай Богъ Вамъ здоровья, хорошаго сна, отличнаго аппетита, побольше денегъ, поменьше чужихъ рукописей. Желаю, чтобы проснувшись въ одно прекрасное утро и заглянувъ къ себѣ подъ подушку, Вы нашли тамъ бумажникъ съ 200.000 руб., и чтобы всѣхъ Вашихъ кредиторовъ посадили въ Петропавловскую крѣпость.

Что новаго и хорошаго? Елена Алексѣевна [1]) была у насъ одинъ разъ и, несмотря на то, что мы оказали ей самый радушный пріемъ и что я былъ блестящъ и остроуменъ, осталась недовольна, ушла и ужъ больше не приходила.

Въ Москвѣ скучно и скучно, до весны еще далеко, писать не хочется. Хочу опять уѣхать въ Петербургъ и, вѣроятно, буду у Васъ въ январѣ (если пуститъ здоровье).

Кажется мой «Ивановъ» пойдетъ въ Александринкѣ въ бенефисъ Ѳедорова-Юрковскаго, со Стрепетовой и Савиной. Вы какъ-то предлагали мнѣ напечатать Иванова въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. Что жъ? Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ. Я съ Васъ очень дешево возьму, такъ дешево, что Вы удивитесь. Если печатать, то въ мартовской книжкѣ. Пьеса короткая и займетъ не больше двухъ листовъ.

Надѣюсь, ради вдовы моей и дѣтей Вы сжалитесь надъ бѣднымъ Ивановымъ и не забракуете его въ Комитетѣ. Я еще не женатъ, но пьесы пишу исключительно для вдовы, такъ какъ рано или поздно не миную общей участи и женюсь.

Въ Ивановѣ весь IV актъ передѣланъ кореннымъ образомъ, безжалостно.

Свой экземпляръ «Памяти Гаршина» я пожертвовалъ для одного благотворительнаго аукціона. Если сборникъ еще не распроданъ, то будьте добры, оставьте для меня одинъ экземпляръ въ переплетѣ. Я пріѣду и заплачу деньги.

Разсказъ я пришлю для апрѣльской книжки.

Въ Новогоднемъ № Новаго Времени будетъ моя сказка.

---

[1]) Дочь адресата.

Сестра усердно кланяется Вамъ и всѣмъ Вашимъ и благодаритъ за гостепріимство и теплое радушіе. Я тоже кланяюсь и поздравляю. Аннѣ Михайловнѣ и Маріи Дмитріевнѣ почтеніе и пожеланіе всѣхъ благъ.

Будьте здоровы, обнимаю Васъ крѣпко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Дек. (1888 г. Москва.)

Никулина благодаритъ Васъ за поправки. Сабинина играетъ Горевъ. Репетиціи еще не начались. Въ томъ, что пьеса будетъ имѣть успѣхъ, я увѣренъ, ибо глаза у актеровъ ясные и лица не предательскія—это значитъ, что пьеса имъ нравится и что они сами вѣрятъ въ успѣхъ. Никулина приглашала обѣдать. Благодарю Васъ.

Режиссеръ считаетъ Иванова лишнимъ человѣкомъ въ тургеневскомъ вкусѣ; Савина спрашиваетъ: почему Ивановъ подлецъ? Вы пишете: «Иванову необходимо дать что-нибудь такое, изъ чего видно было бы, почему двѣ женщины на него вѣшаются и почему онъ подлецъ, а докторъ—великій человѣкъ». Если Вы трое такъ поняли меня, то это значитъ, что мой Ивановъ никуда не годится. У меня, вѣроятно, зашелъ умъ за разумъ и я написалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ. Если Ивановъ выходитъ у меня подлецомъ, или лишнимъ человѣкомъ, а докторъ великимъ человѣкомъ, если непонятно, почему Сарра и Саша любятъ Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцовалась и о постановкѣ ея не можетъ быть

рѣчи. Героевъ своихъ я понимаю такъ. Ивановъ, дворянинъ, университетскій человѣкъ, ничѣмъ не замѣчательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная къ увлеченіямъ, честная и прямая, какъ большинство образованныхъ дворянъ. Онъ жилъ въ усадьбѣ и служилъ въ земствѣ. Что онъ дѣлалъ и какъ велъ себя, что занимало и увлекало его, видно изъ слѣдующихъ словъ его, обращенныхъ къ доктору (актъ I, явл. 5): «Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ..... не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣну.. Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей»... Вотъ что у него въ прошломъ. Сарра, которая видѣла его раціональныя хозяйства и прочія затѣи, говоритъ о немъ доктору: «Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ и я жалѣю, что вы не знали его года два-три тому назадъ. Онъ теперь хандритъ, молчитъ, ничего не дѣлаетъ, но прежде... какая прелесть!» (I актъ, явл. 7). Прошлое у него прекрасное, какъ у большинства русскихъ интеллигентныхъ людей. Нѣтъ или почти нѣтъ того русскаго барина, или университетскаго человѣка, который не хвастался бы своимъ прошлымъ. Настоящее всегда хуже прошлаго. Почему? Потому что русская возбудимость имѣетъ одно специфическое свойство: ее быстро смѣняетъ утомляемость. Человѣкъ сгоряча, едва спрыгнувъ со школьной скамьи, беретъ ношу не по силамъ, берется сразу и за школы, и за мужика, и за раціональное хозяйство, и за Вѣстникъ Европы, говоритъ рѣчи, пишетъ министру, воюетъ со зломъ, рукоплещетъ добру, любитъ не просто и не какъ-нибудь, а непремѣнно или синихъ чулковъ, или психопатокъ, или жидовокъ, или даже проститутокъ, которыхъ спасаетъ и проч. и проч.. Но едва

дожилъ онъ до 30—35 лѣтъ, какъ начинаетъ ужъ чувствовать утомленіе и скуку. У него еще и порядочныхъ усовъ нѣтъ, но онъ ужъ авторитетно говоритъ:

«— Не женитесь, батенька... Вѣрьте моему опыту». Или:—«Что такое въ сущности либерализмъ? Между нами говоря, Катковъ часто былъ правъ..» Онъ готовъ ужъ отрицать и земство, и раціон. хозяйство, и науку, и любовь.. Мой Ивановъ говоритъ доктору (I акт., 5 явл.): «Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право вамъ совѣтовать...» Таковъ тонъ у этихъ преждевременно утомленныхъ людей. Далѣе, авторитетно вздыхая, онъ совѣтуетъ: «Не женитесь вы такъ-то и такъ-то (зрите выше одну изъ выписокъ), а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ.. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше..... А жизнь, которую я пережилъ, какъ она утомительна!.. ахъ какъ утомительна!»

Чувствуя физическое утомленіе и скуку, онъ не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается и что произошло. Ужасаясь, онъ говоритъ доктору (актъ I, явл. 3): «Вы вотъ говорите, что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомленіе... Если со стороны поглядѣть на меня, то это вѣроятно ужасно, самъ же я не понимаю, что дѣлается съ моей душой»... Попавъ въ такое положеніе, узкіе и недобросовѣстные люди обыкновенно сваливаютъ всю вину на среду, или же зачисываются въ штатъ лишнихъ людей и гамлетовъ и на томъ успокаиваются, Ивановъ же, человѣкъ прямой, открыто заявляетъ доктору и публикѣ, что онъ себяне по нимаетъ: «Не понимаю, не понимаю»... Что онъ искренно не понимаетъ себя, видно изъ большого монолога въ III актѣ, гдѣ онъ, бесѣдуя съ глазу на

глазъ съ публикой и исповѣдуясь передъ ней, даже плачетъ!

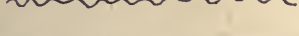
Перемѣна, происшедшая въ немъ, оскорбляетъ его порядочность. Онъ ищетъ причинъ внѣ и не находитъ; начинаетъ искать внутри себя и находитъ одно только неопредѣленное чувство вины. Это чувство русское. Русскій человѣкъ—умеръ ли у него кто-нибудь въ домѣ, заболѣлъ ли, долженъ ли онъ кому-нибудь, или самъ даетъ взаймы, — всегда чувствуетъ себя виноватымъ. Все время Ивановъ толкуетъ о какой-то своей винѣ и чувство вины растетъ въ немъ при каждомъ толчкѣ. Въ I актѣ онъ говоритъ: «Вѣроятно, я страшно виноватъ, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то лѣнью и я не въ силахъ понимать себя»... Во II актѣ онъ говоритъ Сашѣ: «День и ночь болитъ моя совѣсть, чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю..»

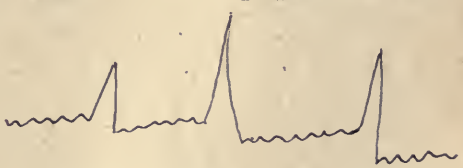
Къ утомленію, скукѣ и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это—одиночество. Будь Ивановъ чиновникомъ, актеромъ, попомъ, профессоромъ, то онъ бы свыкся со своимъ положеніемъ. Но онъ живетъ въ усадьбѣ. Онъ въ уѣздѣ. Люди—или пьяницы, или картежники, или такіе какъ докторъ.. Всѣмъ имъ нѣтъ дѣла до его чувствъ и перемѣны въ немъ. Онъ одинокъ. Длинныя зимы, длинные вечера, пустой садъ, пустыя комнаты, брюзжащій графъ, больная жена.. Уѣхать некуда. Поэтому каждую минуту его томитъ вопросъ: куда дѣваться?

Теперь пятый врагъ. Ивановъ утомленъ, не понимаетъ себя, но жизни нѣтъ до этого никакого дѣла. Она предъявляетъ къ нему свои законныя требованія и онъ хочешь—не хочешь долженъ рѣшать вопросы. Больная жена—вопросъ, куча долговъ—вопросъ, Саша вѣшается на шею—вопросъ. Какъ онъ рѣшаетъ всѣ эти вопросы, должно быть видно изъ монолога III акта и изъ

содержимаго двухъ послѣднихъ актовъ. Такіе люди, какъ Ивановъ, не рѣшаютъ вопросовъ, а падаютъ подъ ихъ тяжестью. Они теряются, разводятъ руками, нервничаютъ, жалуются, дѣлаютъ глупости и въ концѣ-концовъ, давъ волю своимъ рыхлымъ, распущеннымъ нервамъ, теряютъ подъ ногами почву и поступаютъ въ разрядъ «надломленныхъ» и «не понятыхъ».

Разочарованность, апатія, нервная рыхлость и утомляемость являются непремѣннымъ слѣдствіемъ чрезмѣрной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи въ крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее.. Соціализмъ—одинъ изъ видовъ возбужденія. Гдѣ же онъ? Онъ въ письмѣ Тихомирова къ царю. Соціалисты поженились и критикуютъ земство. Гдѣ либерализмъ? Даже Михайловскій говоритъ, что всѣ шашки теперь смѣшались.. А чего стоятъ всѣ русскія увлеченія? Война утомила, Болгарія утомила до ироніи, Цукки утомила, оперетка тоже...

Утомляемость (это подтвердитъ и д-ръ Бертенсонъ) выражается не въ одномъ только нытьѣ, или ощущеніи скуки. Жизнь утомленнаго человѣка нельзя изобразить такъ:  она очень неровна. Всѣ утомленные люди не теряютъ способности возбуждаться въ сильнѣйшей степени, но очень не надолго, при чемъ послѣ каждаго возбужденія наступаетъ еще большая апатія.. Это графически можно изобразить такъ:



Паденіе внизъ, какъ видите, идетъ не по наклонной плоскости, а нѣсколько иначе. Объясняется Саша

въ любви. Ивановъ въ восторгѣ кричитъ: «Новая жизнь!», а на другое утро вѣритъ въ эту жизнь столько же, сколько въ домового (монологъ III акта); жена оскорбляетъ его, онъ выходитъ изъ себя, возбуждается и бросаетъ ей жестокое оскорбленіе. Его обзываютъ подлецомъ. Если это не убиваетъ его рыхлый мозгъ, то онъ возбуждается и произноситъ себѣ приговоръ.

Чтобы не утомить Васъ до изнеможенія, перехожу къ доктору Львову. Это типъ честнаго, прямого, горячаго, но узкаго и прямолинейнаго человѣка. Про такихъ умные люди говорятъ: онъ глупъ, но въ немъ есть честное чувство. Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблонъ, ходячая тенденція. На каждое явленіе и лицо онъ смотритъ сквозь тѣсную раму, обо всемъ судитъ предвзято. Кто кричитъ: «Дорогу честному труду!», на того онъ молится; кто же не кричитъ этого, тотъ подлецъ и кулакъ. Середины нѣтъ. Онъ воспитался на романахъ Михайлова; въ театрѣ видѣлъ на сценѣ «новыхъ людей» т.-е. кулаковъ и сыновъ вѣка сего, рисуемыхъ новыми драматургами, «людей наживы» (Пропорьевъ, Охлябьевъ, Наварыгинъ и проч.). Онъ намоталъ себѣ это на усъ и такъ сильно намоталъ, что, читая Рудина, непремѣнно спрашиваетъ себя: «Подлецъ Рудинъ, или нѣтъ?» Литература и сцена такъ воспитали его, что онъ ко всякому лицу въ жизни и въ литературѣ подступаетъ съ этимъ вопросомъ.. Если бы ему удалось увидѣть Вашу пьесу, то онъ поставилъ бы Вамъ въ вину, что Вы не сказали ясно: подлецы гг. Котельниковъ, Сабининъ, Адашевъ, Матвѣевъ, или не подлецы? Этотъ вопросъ для него важенъ. Ему мало, что всѣ люди грѣшны. Подавай ему святыхъ и подлецовъ!

Въ уѣздъ пріѣхалъ онъ уже предубѣжденный. Во всѣхъ зажиточныхъ мужикахъ онъ сразу увидѣлъ кулаковъ, а въ непонятномъ для него Ивановѣ—сразу подлеца. У человѣка больна жена, а онъ ѣздитъ къ богатой сосѣдкѣ—ну не подлецъ ли? Очевидно, убиваетъ жену, чтобъ жениться на богатой..

Львовъ честенъ, прямъ и рубитъ сплеча, не щадя живота. Если нужно, онъ броситъ подъ карету бомбу, дастъ по рылу инспектору, пуститъ подлеца. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Угрызеній совѣсти никогда не чувствуетъ—на то онъ «честный труженикъ», чтобъ казнить «темную силу»!

Такіе люди нужны и въ большинствѣ симпатичны. Рисовать ихъ въ каррикатурѣ, хотя бы въ интересахъ сцены, нечестно, да и не къ чему. Правда, каррикатура рѣзче и потому понятнѣе, но лучше не дорисовать, чѣмъ замарать..

Теперь о женщинахъ. За что онѣ любятъ? Сарра любитъ Иванова за то, что онъ хорошій человѣкъ, за то что онъ пылокъ, блестящъ и говоритъ такъ же горячо, какъ Львовъ (I актъ, явл. 7). Любитъ она, пока онъ возбужденъ и интересенъ; когда же онъ начинаетъ туманиться въ ея глазахъ и терять опредѣленную физіономію, она ужъ не понимаетъ его и въ концѣ третьяго акта высказывается прямо и рѣзко.

Саша—дѣвица новѣйшей формаціи. Она образована, умна, честна и проч. На безрыбьи и ракъ рыба и поэтому она отличаетъ 35 лѣтняго Иванова. Онъ лучше всѣхъ. Она знала его, когда была маленькой, и видѣла близко его дѣятельность въ ту пору, когда онъ не былъ еще утомленъ. Онъ другъ ея отца.

Это самка, которую побѣждаютъ самцы не яркостью перьевъ, не гибкостью, не храбростью, а своими жалобами, нытьемъ, неудачами. Это женщина, которая лю-

бить мужчинъ въ періодъ ихъ паденія. Едва Ивановъ палъ духомъ, какъ дѣвица—тутъ какъ тутъ. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нея такая благодарная, святая задача! Она воскреситъ упавшаго, поставитъ его на ноги, дастъ ему счастье.. Любитъ она не Иванова, а эту задачу. Аржантонъ у Додэ сказалъ: жизнь не романъ! Саша не знаетъ этого. Она не знаетъ, что любовь для Иванова составляетъ только излишнее осложненіе, лишній ударъ въ спину. И что жъ? Бьется Саша съ Ивановымъ цѣлый годъ, а онъ все не воскресаетъ, и падаетъ все ниже и ниже.

У меня болятъ пальцы, кончаю.. Если всего вышеписаннаго нѣтъ въ пьесѣ, то о постановкѣ ея не можетъ быть и рѣчи. Значитъ я написалъ не то, что хотѣлъ. Возьмите пьесу назадъ. Я не хочу проповѣдывать со сцены ересь. Если публика выйдетъ изъ театра съ сознаніемъ, что Ивановы—подлецы, а доктора Львовы—великіе люди, то мнѣ придется подать въ отставку и забросить къ чорту свое перо. Поправками и вставками ничего не подѣлаешь. Никакія поправки не могутъ низвести великаго человѣка съ пьедестала и никакія вставки не способны изъ подлеца сдѣлать обыкновеннаго грѣшнаго человѣка. Сашу можно вывести въ концѣ, но въ Ивановѣ и Львовѣ прибавить ужъ больше ничего не могу. Не умѣю. Если же и прибавлю что-нибудь, то чувствую, что еще больше испорчу. Вѣрьте моему чувству, вѣдь оно авторское.

Извиняюсь передъ Потѣхинымъ и Юрковскимъ, что напрасно только безпокоилъ ихъ. Пусть простятъ. Откровенно говоря, постановка пьесы соблазняла меня не славою, не Савиной... Я разсчитывалъ нажить около тысячи рублей. Но лучше взять эту тысячу взаймы, чѣмъ рисковать сдѣлати глупость. Не соблазняйте меня успѣхомъ! Успѣхъ у меня, коли не умру, еще

впереди. Держу пари, что рано или поздно я сдеру съ дирекціи 6—7 тысячъ. Хотите держать пари?

Киселевскому ни за что бы не далъ играть графа! Моя пьеса причиняла ему въ Москвѣ не мало огорченій! Онъ всюду ходилъ и жаловался, что его заставляютъ играть такого сукинаго сына, какъ мой графъ. Зачѣмъ же мнѣ опять огорчать его?

Говорятъ, неловко: онъ ужъ игралъ.. Почему же это ловко отдать Иванова Сазонову, или Далматову? Вѣдь Иванова игралъ Давыдовъ!

Ахъ, да и утомилъ же я Васъ этимъ письмомъ! Шабашъ, баста!

Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ! Ура-а-а-а!

Счастливцы, Вы будете пить, или уже пили настоящее шампанское, а я бурду!

Сестра больна. Ломота, высокая температура, голова болитъ и проч. То же самое и у кухарки. Обѣ лежатъ. Боюсь, что тифъ.

Простите, голубчикъ, за отчаянно длинное, докучливое письмо. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ, а у Анны Ивановны цѣлую руку. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если публика не пойметъ «желѣзо въ крови», то чортъ съ ней, т.-е. съ кровью, въ которой нѣтъ желѣза.

Я прочелъ это письмо. Въ характеристикѣ Иванова часто попадается слово «русскій». Не разсердитесь на это. Когда я писалъ пьесу, то имѣлъ въ виду только то, что нужно, то-есть однѣ только типичныя русскія черты. Такъ, чрезмѣрная возбудимость, чувство вины, утомляемость—чисто русскія. Нѣмцы никогда не возбуждаются и потому Германія не знаетъ ни разочарованныхъ, ни лишнихъ, ни утомленныхъ.. Возбудимость французовъ держится постоянно на одной и той же высотѣ,

не дѣлая крутыхъ повышеній и пониженій, и потому французъ до самой дряхлой старости нормально возбужденъ. Другими словами, французамъ не приходится расходовать свои силы на чрезмѣрное возбужденіе; расходуютъ они свои силы умно, поэтому не знаютъ банкротства.

Понятно, что въ пьесѣ я не употреблялъ такихъ терминовъ, какъ русскій, возбудимость, утомляемость и проч., въ полной надеждѣ, что читатель и зритель будутъ внимательны и что для нихъ не понадобится вывѣска: «це не гарбузъ, а слива». Я старался выражаться просто, не хитрилъ и былъ далекъ отъ подозрѣнія, что читатели и зрители будутъ ловить моихъ героевъ на фразѣ, подчеркивать разговоры о приданомъ и т. п.

Я не сумѣлъ написать пьесу. Конечно, жаль. Ивановъ и Львовъ представляются моему воображенію живыми людьми. Говорю Вамъ по совѣсти, искренно, эти люди родились въ моей головѣ не изъ морской пѣны, не изъ предвзятыхъ идей, не изъ «умственности», не случайно. Они результатъ наблюденія и изученія жизни. Они стоятъ въ моемъ мозгу и я чувствую, что я не солгалъ ни на одинъ сантиметръ и не перемудрилъ ни на одну іоту. Если же они на бумагѣ вышли не живыми и не ясными, то виноваты не они, а мое неумѣніе передавать свои мысли. Значитъ, рано мнѣ еще за пьесы браться.

CXXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

31 Дек. (1888 г. Москва.)

Съ Новымъ годомъ, и съ новымъ счастьемъ, милый Жанъ! Дай Вамъ Создатель здравія, хорошихъ нервовъ и успѣха во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Желаю, чтобы въ

1889 году Вы написали 8 повѣстей, 120 субботниковъ, 1 романъ и $^1/_4$ пьесы. Желаю, чтобъ Вы возненавидѣли театральное дѣло и отдались бы всей душой тому, что прилично такому штабъ-офицеру въ литературѣ, какъ Вы...

Былъ у меня Соловцовъ [1]) и просидѣлъ около 1—1$^1/_2$ часа. Говорили о Вашей пьесѣ. Онъ получилъ и хочетъ поставить.

Режиссеръ Вашего театра Ѳедоровъ-Юрковскій изъявилъ желаніе поставить въ свой бенефисъ моего «Иванова» со Стрепетовой и съ Савиной. Это конечно лестно для меня и я польщенъ и радъ. Повидимому и Потѣхинъ желаетъ сдѣлать мнѣ пріятное и доказать Вамъ въ 1001-й разъ, что я не Чеховъ, а Потемкинъ [2]).

Роли уже распредѣлены, но.. но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей пьесѣ и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушенъ. Сегодня я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя пьеса не удовлетворяетъ хотя одному изъ этихъ условій, то я серьезно просилъ взять мою пьесу обратно. Согласитесь, голубчикъ, что пьеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество передъ пьесами Мея и Виктора Гюго (Эрнани), должна быть отличной; согласитесь, и Вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я дѣлаю то, что на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы и Вы, и Суворинъ, и всякій мало-мальски самолюбивый человѣкъ, пишущій пьесы не часто.

А недостатки въ моей пьесѣ непоправимы. Вижу ихъ не я одинъ, но также и люди, которымъ я вполнѣ

---

[1]) Артистъ театра Корша въ Москвѣ, которому посвященъ А. П. его «Медвѣдь».

[2]) Прозвище А. П—чу, данное ему И. Л. Щегловымъ.

довѣряю и компетенцію которыхъ ставлю выше своей. Ждите, когда напишу другую пьесу, а на Иванова начихайте! [1])

Пріѣзжайте въ Москву, если будутъ ставить Вашихъ Театраловъ [2]). У насъ морозы.

Послалъ Мишу [3]) за виномъ, хочу Новый годъ встрѣчать.

Будьте здоровы и счастливы!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

2 Января. (1889 г. Москва.)

Дергаетъ эту оберъ-офицерскую вдову [4]) нечистая сила за языкъ. Намѣреніе мое переѣхать на зиму въ Питеръ серьезно; о шести тысячахъ же разговоръ былъ въ шутливомъ тонѣ, иначе бы я держалъ его въ секретѣ. Суворинъ шутя мнѣ предложилъ, я шутя поддержалъ эту мысль, говорилъ объ этомъ Аннѣ Михайловнѣ и, кажется, Абрамову, говорилъ и дома. Оберъ-офицерша, значитъ, подхватила, обрадовалась и затрезвонила по всему свѣту. Отдѣлаю же я ее, когда увижу!

Мои взгляды на дѣло и отношенія къ людямъ не мѣшаютъ мнѣ поступить въ газету. Но 500 рублей я считаю условіями невыгодными. Я соглашусь работать

---

[1]) См. воспоминанія И. Л. Щеглова. (Прил. къ «Нивѣ», № 6. Іюнь 1905. Стр. 244—249).

[2]) «Господа театралы»—пьеса адресата.

[3]) Мих. Павлов.—братъ А. Пав.

[4]) И. Л. Щегловъ.

въ газетѣ или за 1000 въ годъ, или же за 1000 въ мѣсяцъ— дешевле не могу. Въ первомъ случаѣ я читалъ бы только чужія рукописи, во второмъ же велъ бы ожесточенную борьбу за свою самостоятельность и за тѣ взгляды, какіе я имѣю на газетное дѣло. Я отдалъ бы всю свою душу тѣмъ, для кого и съ кѣмъ мнѣ пришлось бы работать, и думаю, что это имѣло бы не особенно дурныя послѣдствія. Продолжать старое—я не могъ бы, но влить немного молодого вина въ старый мѣхъ я сумѣлъ бы. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ все то, что я въ разныя времена давалъ въ газеты (въ Москвѣ и въ Питерѣ) и всѣ мои болѣе или менѣе близкія соприкосновенія съ газетными людьми не имѣли дурныхъ послѣдствій, но даже, смѣю льстить себя надеждою, приносили нѣкоторую пользу.

Простите ради Создателя, что Васъ безпокоилъ режиссеръ. Это я виноватъ, ибо самъ того не желая ввелъ его въ заблужденіе. Какъ-то въ разговорѣ со мной о моемъ покойномъ «Ивановѣ» Вы сказали: «Отчего Вы не дадите намъ напечатать его?» Я опредѣленнаго отвѣта, насколько помнится, не далъ Вамъ, но Ваше предложеніе намоталъ на усъ и рѣшилъ, передѣлавъ Иванова, прислать Вамъ. Щегловъ тоже говорилъ, или кажется даже писалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Вы сказали, что не прочь бы напечатать Иванова. Я рѣшилъ прислать Вамъ мою пьесу въ январѣ, или въ февралѣ. Когда у меня съ режиссеромъ были разговоры о пьесѣ, то я сказалъ ему, что пошлю ее въ Сѣв. Вѣстникъ въ январѣ или февралѣ—отсюда и визитъ его къ Вамъ. Для меня рѣшительно все равно, когда Вы напечатаете пьесу: хоть въ іюлѣ и хоть даже совсѣмъ не печатайте—я ее не люблю. Чѣмъ позже напечатаете, тѣмъ даже лучше—къ сезону ближе. Къ тому же я имѣю злостное намѣреніе: когда мой Ивановъ провалится въ

Питерѣ, я прочту въ Литературномъ Обществѣ рефератъ о томъ, какъ не слѣдуетъ писать пьесъ, и буду читать выдержки изъ своей пьесы для характеристики моихъ героевъ, которыхъ я, какъ бы ни было, считаю новыми въ русской литературѣ и никѣмъ еще не тронутыми. Пьеса плоха, но люди живые и не сочиненные.

Почему-то я чувствую, что Ивановъ не пойдетъ. Желаніемъ режиссера поставить его я польщенъ и тронутъ, но постановка не обѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Я послалъ въ Питеръ свое искреннее мнѣніе о пьесѣ, перечислилъ условія, которымъ она должна удовлетворить и которымъ, по слухамъ, не удовлетворяетъ; если это мое мнѣніе не глупо и будетъ принято въ соображеніе, то пьеса не пойдетъ. Сношенія съ дирекціей я веду черезъ Суворина, который очень хочетъ, чтобы моя пьеса шла.

Этотъ человѣкъ относительно меня очень заблуждается: онъ готовъ ставить и печатать все, что только мнѣ вздумалось бы написать. У него азартная страсть ко всякаго рода талантамъ и каждый талантъ онъ видитъ не иначе, какъ только въ увеличенномъ видѣ. Увѣряю Васъ, что это такъ. Если бы его воля, то онъ построилъ бы хрустальный дворецъ и поселилъ бы въ немъ всѣхъ прозаиковъ, драматурговъ, поэтовъ и актрисъ. Его можно отлично эксплоатировать, и я удивляюсь его чрезмѣрному счастью: онъ окруженъ людями, изъ которыхъ ни одна душа не покушается на эксплоатацію. Всѣ держатъ себя съ нимъ чрезвычайно порядочно— и въ этомъ я увѣряю Васъ. Слабости его принадлежатъ къ тому роду человѣческихъ слабостей, эксплоатировать которыя было бы преступно.

О сборникѣ въ Новомъ Времени, вѣроятно, будетъ рѣчь. Я напишу Суворину. Удивительные порядки! Спросъ въ Москвѣ на сборникъ былъ громадный, а при-

слано было немного. Въ магазинѣ Суворина спрошено было 205 экземпляровъ, а имѣлось только 5. Отчего это?

Мой экземпляръ храните до нашей встрѣчи.

Короленко у меня не былъ. У него мать больна и онъ, говорятъ, спѣшилъ въ Нижній. Что онъ тяготѣетъ къ Русской Мысли — это такъ естественно и понятно! Вѣдь онъ началъ въ ней свою славу, и она издаетъ его книги. Но что онъ любитъ и Сѣв. Вѣстникъ, въ этомъ я глубоко убѣжденъ.

«Памяти Гаршина» понравилось въ Новомъ Времени всѣмъ. Это я хорошо помню. При мнѣ также былъ разговоръ, что надо де сборникъ похвалить. Почему до сихъ поръ не похвалили, не знаю. Замѣтка же на счетъ Горе отъ ума и Ревизора ничтожна по существу и значенія никакого не имѣетъ. Заключать изъ нея о симпатіяхъ или антипатіяхъ къ тому или другому сборнику совсѣмъ ужъ невозможно.

Вся моя фамилія низко Вамъ кланяется и благодаритъ за поклонъ. Вашимъ мой сердечный привѣтъ и пожеланіе всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скорѣй бы весна!

CXXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 Янв. (1889 г. Москва.)

Отвѣчаю на Вашу телеграмму письмомъ, которое Вы получите непремѣнно 4-го января.

Пусть Бабакину играетъ Абаринова, Шабельскаго—Свободинъ, доктора Львова—Аполлонскій. Согласенъ и благодарю.

Давыдовъ хочетъ играть Лебедева? Былъ бы очень радъ. Но кто же тогда станетъ играть Иванова, если Сазоновъ занятъ?

Я любезно поговорилъ съ Вашей вокзальной дѣвицей и получаю изъ контрагентства всѣ Ваши посылки не вечеромъ, а утромъ. Получилъ я экземпляръ Татьяны съ передѣлками и 2 письма, но оттискъ монолога и письмо Потѣхина о распредѣленіи ролей мною не получены.

Попросите Потѣхина возможно скорѣе переписать для меня экземпляръ Иванова и выслать для передѣлокъ. Буду очень благодаренъ. У меня нѣтъ копіи, иначе бы не безпокоилъ.

Сестра выздоровѣла и благодаритъ.

Что я пріѣду въ Петербургъ завтра—мистификація. Брата, вѣроятно, обманули. Я не выѣду изъ Москвы безъ Васъ.

Новости бездарны и сухи, оттого и потеряли 1100 подписчиковъ. Вы должны платить мнѣ 15000 р. отступного за то, что я не издаю въ Петербургѣ газеты.

Спѣшу. Братъ стоитъ и ждетъ, когда я дамъ ему это письмо.

Конечно, я себѣ не врагъ и хочу, чтобы моя пьеса шла. Но, говоря по секрету, своей пьесы я не люблю и жалѣю, что написалъ ее я, а не кто-нибудь другой, болѣе толковый и разумный человѣкъ.

Кланяюсь Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Похлопочите, голубчикъ, насчетъ копіи! Безъ копіи не возможны никакія вставки и передѣлки.

Отчего у Васъ ни слова не сказали о «Памяти Гаршина»? Это несправедливо.

CXXXVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

4 Янв. (1889 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, посылаю Вамъ для передачи Ѳедорову [1]) двѣ вставки и одну поправку. Если моя пьеса протянется лишніе полчаса, то напечатайте это письмо, чтобы всѣ знали, кто виноватъ. Вы все виноваты! Если бы не Вы, вставокъ бы не было.

Сообщите мнѣ, какъ имя и отчество Ѳедорова-Юрковскаго; я перестану безпокоить Васъ и буду отсылать свои поправки прямо по адресу виновника торжества. Скажите ему, что будутъ еще поправки и вставки, но только въ томъ случаѣ, если мнѣ пришлютъ копію моей пьесы. У меня нѣтъ IV акта, нѣтъ почти второго и куска III. Попросите, чтобы посылаемыя поправки имѣлись въ виду при перепискѣ ролей. Я пошлю ихъ въ цензуру не теперь, а 10—15 вмѣстѣ съ тѣми поправками, которыя еще намѣренъ учинить. Я окончательно лишилъ свою пьесу дѣвственности!

Попросите напечатать въ афишахъ, чтобъ автора не вызывали до конца пьесы. Три акта пройдутъ гладко, а IV зарѣжетъ.

Т. приглашалъ Васъ отдаться политикѣ и не заниматься пустяками? О дипломаты! Зачѣмъ же это онъ самъ перевелъ «Эрнани», зачѣмъ трудился писать малиновый диффирамбъ Татьянѣ Рѣшиной? Зачѣмъ проѣдается у Савиной? Увѣряю Васъ, всѣ они сами рады были бы заняться пустяками, да толкастики Богъ не далъ. Конечно, политика интересная и захватывающая штука. Непре-

[1]) Ѳ. А. Юрковскій—режиссеръ Александрин. театра.

ложныхъ законовъ она не даетъ, почти всегда вретъ, но насчетъ шалтай-болтай и изощренія ума—она неисчерпаема и матеріала даетъ много. Я бы занялся ею охотно, рекомендовалъ бы ее и Алексѣю Алексѣевичу, который чувствуетъ къ ней зудъ. Но Вамъ не грѣшно быть холоднымъ къ ней. На своемъ вѣку Вы ужъ не мало поработали для нея. Вы теперь семьянинъ, собственникъ и самое подходящее для Васъ—это отдаться художествамъ, хотя бы ради собственнаго удовольствія, на каковое Вы давно уже имѣете право. Пріятно сидѣть у себя въ палаццо и писать пьесу, или же штудировать сочиненія Чехова! Честное слово, на Вашемъ мѣстѣ я не бросалъ бы ни театра, ни художественной критики, ни Н. Лаврецкаго! Мнѣ гораздо пріятнѣе читать Вашу новую пьесу, чѣмъ услыхать, что Вы отвоевали у англичанъ Персію. Право, персы такіе идіоты, а въ Персіи такъ жарко, что я бы взячески помогалъ англичанамъ, а не наоборотъ.

Вы пишете, что театръ влечетъ къ себѣ потому, что онъ похожъ на жизнь.. Будто бы? А по-моему театръ влечетъ Васъ и меня и изсушилъ Щеглова, потому что онъ—одинъ изъ видовъ спорта. Гдѣ успѣхъ, или неуспѣхъ, тамъ и спортъ, тамъ азартъ.

Мнѣ хочется, чтобы моя пьеса была поставлена. Кто же этого не хочетъ? Главное, конечно, для меня деньги, но интересны и подробности. Мнѣ, напримѣръ, очень весело при мысли, что Анна Ивановна будетъ иронизировать мой, успѣхъ или неуспѣхъ, мое неумѣнье кланяться, что во время перваго представленія у Щеглова и прочихъ моихъ пріятелей будутъ таинственныя физіономіи, что всѣ брюнеты, сидящіе въ ложахъ, будутъ казаться мнѣ враждебно настроенными, а блондины холодными и не внимательными, что гг. Михневичи будутъ ходить, какъ тѣни, съ краснотою на скулахъ—отъ духоты и внутренняго напряженія, что Григоровичъ послѣ пер-

А. П. Чеховъ въ 1889 г.

ваго же акта будетъ кричать: «автора! автора», а авторъ послѣ второго акта будетъ уже чувствовать утомленіе въ плечахъ, сухость въ горлѣ и желаніе уѣхать домой; мнѣ весело при мысли, что, вернувшись изъ театра я услышу массу вставокъ и поправокъ, какія я долженъ былъ бы сдѣлать, услышу, что Варламовъ былъ хорошъ, Давыдовъ сухъ, Савина мила, но разсержена Далматовымъ, который въ этотъ разъ наступилъ ей на мизинецъ лѣвой руки.. Весело, что Анна Ивановна въ концѣ-концовъ обратится ко мнѣ, меньше всего говорившему о пьесѣ, и скажетъ:

— «Какъ Вы надоѣли мнѣ со своей пьесой! Цѣлый день одно и то же, одно и то же... Нѣтъ скучнѣй людей, какъ литераторы!»

А я пожелаю ей спокойной ночи, пойду къ себѣ, выпью вина и завалюсь спать.

Будьте здоровы. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Татьяна пойдетъ, кажется, не 16-го, а 19-го января.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXVIII.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Янв.).

Уважаемый товарищъ, моя фамилія поручила мнѣ поздравить всѣхъ Вашихъ съ праздникомъ и съ Новымъ годомъ, что я дѣлаю очень охотно. Изъ кокетства пишу на бумагѣ, какой нѣтъ даже у Харитоненко [1]).

Въ Петербургѣ я многократно видѣлся съ Вашимъ братомъ. Судя по впечатлѣнію, какое онъ производилъ на меня, живется ему не скучно; онъ работаетъ.

---

[1]) Сумской богачъ и заводчикъ.

Говорилъ я о немъ съ композиторомъ Чайковскимъ. Послѣдній хочетъ познакомиться съ нимъ и вѣроятно уже познакомился. Когда пріѣдетъ въ Москву Чайковскій, я спрошу. Онъ хорошій человѣкъ и не похожъ на полубога.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Получили ли Гаршинскій сборникъ? Онъ идетъ отлично.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Но какова, чортъ возьми, бумага!

CXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Янв. (1889 г. Москва.)

Я ужасно дѣловой человѣкъ. Забросалъ Васъ письмами.

Былъ въ Лоскутной. Свободныхъ номеровъ пока нѣтъ, но къ 10—11, кажется, очистится 7 №, имѣющій 3 комнаты и четвертую переднюю. Цѣна 8 рублей въ сутки. Отопленіе духовое. Печное отопленіе есть только въ «Дрезденѣ», гдѣ останавливаются министры. Если Вы за сутки увѣдомите меня о днѣ Вашего выѣзда, то я справлюсь въ Лоскутной и, буде 7 № очистится, оставлю его за Вами.

Работа кипитъ. 20 экз. вручены Разсохину и пошли уже въ дѣло. (Выслали Вы мнѣ не 24 экз., а только 22). Содралъ съ Разсохина 10 рублей изъ принципа—ничего не давать даромъ этому человѣку. Изъ этихъ десяти дамъ три тому бѣднягѣ, который ходитъ ко мнѣ изъ контрагентства: очень усердный парень. Семь за мной.

Изъ Петербурга отъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ женскаго пола получаю письма съ просьбой—разъяснить имъ, почему я пишу такъ, а не этакъ. Прилагаютъ на отвѣтъ марки. Марки я зажуливаю, а отвѣтовъ не посылаю.

Звонокъ. Посланный изъ контрагенства принесъ 2 экз. «Татьяны» съ надписью на конвертѣ: «Дефектные, по мной исправленные карандашомъ». Далъ посланному 3 рубля. Ушелъ очарованный. Относительно двухъ экземпляровъ я немножко задумался и прошу позволенія удержать ихъ у себя до Вашего пріѣзда. Дѣло въ томъ, что сегодня я послалъ Никулиной и Ленскому по экземпляру изъ вчерашняго присыла, попросилъ ихъ свѣрить по экземплярамъ свои роли и объявилъ, что поправокъ больше не будетъ. А между тѣмъ въ послѣднихъ двухъ экз., которые я сейчасъ получилъ, имѣются тѣ поправки, о коихъ Вы мнѣ телеграфировали: «Съ поправками къ Адашеву подождите». Эти поправки я берегу: онѣ сдѣланы Вами рукописно въ одномъ изъ экземпляровъ, присланныхъ 5—6 дней назадъ.

Я прошу погодить съ новыми поправками. Боюсь, чтобы актеры не перепутали экземпляры и не стали сердиться. Эти люди часто не хотятъ понимать и часто путаютъ. Всѣ поправки, сдѣланныя Вами въ только что полученныхъ экз., Вы пустите въ дѣло на репетиціяхъ—это легче всего сдѣлать и удобно. Экземпляры я сберегу, такъ что съ собою изъ Петерб. Вы не берите. Поправокъ въ Адашевской роли такъ мало, что ихъ можно будетъ вручить Ленскому за день до спектакля—и то не поздно.

Пріѣзжайте пораньше. Давно ужъ я не видѣлъ Ленскаго. Играетъ онъ по 2 раза въ день и, говорятъ, замучился.

Скажите Алексѣю Алексѣевичу, что Татьяну Рѣпину въ Москвѣ онъ увидитъ на масляной; пусть раньше

масляной не пріѣзжаетъ. Онъ подождетъ меня и мы вмѣстѣ пріѣдемъ въ Москву изъ Питера.

Монологъ мнѣ нравится. Очень оригинально начало. Много шаблона: кузенъ, перчатка, карточка, выпадающая изъ кармана, подслушиванье... Надо въ одноактныхъ вещахъ писать *вздоръ*—въ этомъ ихъ сила. Валяйте такъ, что жена въ серьезъ хочетъ бѣжать—скучно ей стало и захотѣлось новыхъ ощущеній, онъ въ серьезъ грозитъ наставить рога ея второму супругу.. Разговоръ о рогахъ хорошъ. Подслушиванья не нужно: пусть мужъ вернется домой въ ту пору, когда жена только что написала письмо и поѣхала на минутку къ подругѣ проститься, чтобъ затѣмъ вернуться домой и взять багажъ. Языкъ самый подходящій—такъ и надо.

Я Григоровича очень люблю, но не вѣрю тому, что онъ зо меня боится. Самъ онъ тенденціозный писатель и только прикидывается врагомъ тенденціи. Мнѣ кажется, что его одолѣваетъ постоянный страхъ потерять расположеніе людей, которыхъ онъ любитъ—отсюда и его виртуозная неискренность.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXL.

Ему же.

(Съ подлинника).

7 Янв. (1889 г. Москва.)

Посылаю Вамъ бумажку, которую прошу скрѣпить Вашею подписью и выслать мнѣ. Членомъ Общества Вы считаетесь съ 7 января по то число, какое будетъ ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ Вашей смерти. И это удовольствіе стоитъ только 15 рублей.

Я послалъ Вамъ сегодня два варіанта для своего Иванова. Если бъ Иванова игралъ гибкій, энергич-

ный актеръ, то я многое бы прибавилъ и измѣнилъ. У меня разошлась рука. Но увы! Иванова играетъ Давыдовъ. Это значитъ, что нужно писать покороче и посѣрѣе, памятуя, что всѣ тонкости и «нюансы» сольются въ сѣрый кругъ и будутъ скучны. Развѣ Д. можетъ быть то мягкимъ, то бѣшенымъ? Когда онъ играетъ серьезныя роли, то у него въ горлѣ сидитъ мельничка, монотонная и слабозвучная, которая играетъ вмѣсто него.. Мнѣ жаль бѣдную Савину, что она играетъ дохлую Сашу. Для Савиной я радъ бы всей душой, но если Ивановъ будетъ мямлить, то, какъ я Сашу ни отдѣлывай, ничего у меня не выйдетъ. Мнѣ просто стыдно, что Савина въ моей пьесѣ будетъ играть чортъ знаетъ что. Знай я во времена оны, что она будетъ играть Сашу, а Давыдовъ Иванова, я назвалъ бы свою пьесу «Саша» и на этой роли построилъ бы всю суть, а Иванова прицѣпилъ бы только сбоку, но кто могъ знать?

У Иванова есть два большихъ, роковыхъ для пьесы монолога: одинъ въ III актѣ, другой въ концѣ IV.. Первый нужно пѣть, второй читать свирѣпо. То и другое для Давыдова невозможно. Оба монолога онъ прочтетъ «умно» т.-е. безконечно вяло.

Какъ зовутъ Ѳедорова?

Я съ большимъ бы удовольствіемъ прочиталъ въ Литературномъ обществѣ рефератъ о томъ, откуда мнѣ пришла мысль написать Иванова. Я бы публично покаялся. Я лелѣялъ дерзкую мечту суммировать все то, что доселѣ писалось о ноющихъ и тоскующихъ людяхъ и своимъ Ивановымъ положить предѣлъ этимъ писаньямъ. Мнѣ казалось, что всѣми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылаго человѣка и что всѣ они писали инстинктивно, не имѣя опредѣленныхъ образовъ и взгляда на дѣло. По замыслу-то я попалъ приблизительно въ настоящую точку, но

исполненіе не годится ни къ чорту. Надо было бы подождать! Я радъ, что 2—3 года тому назадъ я не слушался Григоровича и не писалъ романа! Воображаю, сколько бы добра я напортилъ, если бы послушался. Онъ говоритъ: «талантъ и свѣжесть все одолѣютъ». Талантъ и свѣжесть многое испортить могутъ—это вѣрнѣе. Кромѣ изобилія матеріала и таланта, нужно еще кое-что не менѣе важное. Нужна возмужалость—это разъ; во-вторыхъ, необходимо *чувство личной свободы*, а это чувство стало разгораться во мнѣ только недавно. Раньше его у меня не было; его замѣняли съ успѣхомъ мое легкомысліе, небрежность и неуваженіе къ дѣлу.

Что писатели-дворяне брали у природы даромъ, то разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченный, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемѣрившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества — напишите, какъ этотъ молодой чековѣкъ выдавливаетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая..

Въ Москвѣ есть поэтъ Пальминъ очень скупой человѣкъ. Недавно онъ пробилъ себѣ голову и я лѣчилъ его. Сегодня, прійдя на перевязку, онъ принесъ мнѣ флаконъ настоящаго Jlang-Jlang'а, стоящій 3р. 50к. Это меня тронуло.

Ну будьте здоровы и простите за длинное письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLI.

Ѳ. А. Юрковскому.

8 Января. (1889 г. Москва.)

Многоуважаемый Ѳедоръ Александровичъ!

М. Г. Савина согласилась играть въ моей пьесѣ Сашу, а между тѣмъ роль Саши чрезвычайно блѣдна и представляетъ изъ себя скудный, сценическій матеріалъ. Когда я писалъ ее $1^1/_2$ года тому назадъ, то не придавалъ ей особаго значенія. Теперь же въ виду чести, какую оказываетъ моей пьесѣ М. Г., я рѣшилъ передѣлать эту роль кореннымъ образомъ, и мѣстами уже передѣлалъ такъ сильно, насколько позволяли это рамки пьесы. Прошу Васъ убѣдительно не торопиться переписскою ролей и возможно *скорѣе* выслать мнѣ копію моей пьесы. Роль для III акта почти уже готова, для IV же я могу сдѣлать ее, только имѣя подъ рукой пьесу. Всѣ поправки и варіанты Вы получите черезъ двое сутокъ послѣ того, какъ мною будетъ получена пьеса. Такъ, если копію я получу 15-го, то поправки будутъ доставлены Вамъ 17-го—никакъ не позже. Но было бы желательно имѣть копію пьесы раньше 15-го.

Всѣ поправки и варіанты будутъ своевременно процензурованы. Въ этомъ отношеніи можете быть совершенно покойны. Я не задержу.

Мой адресъ: «Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнѣева». Копію пьесы благоволите выслать заказною бандеролью по этому адресу, или же отошлите ее А. С. Суворину съ надписью: «для скорѣйшей отсылки А. П. Чехову».

Уважающій *А. Чеховъ.*

CXLII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Янв. (1889 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, письмо Никулиной. Я отвѣтилъ ей, что режиссеръ получитъ желаемое не позже 12-го января. Имѣйте сіе въ виду и скорѣе привозите цензурованные монологи. Ваша пьеса пойдетъ 16-го, о чемъ я телеграфировалъ Вамъ сегодня. Можетъ случиться, что отложатъ.

Насчетъ репетицій я отвѣтилъ Никулиной такъ: «Послѣ 10-го пріѣдетъ самъ Алексѣй Сергѣевичъ и отвѣтитъ Вамъ на всѣ интересующіе Васъ вопросы». Меня зовутъ на репетицію не ради совѣтовъ, или чего другого, а ради сокращеній, уступокъ и т. п. Пойду я на репетицію только въ томъ случаѣ, если Вы сами почему-либо не пріѣдете до спектакля, что надѣюсь не случится. Пошелъ бы я завтра, но боюсь напутать и поддаться пѣнію сиренъ.

Ленскій, повидимому, взялъ вѣрный тонъ и будетъ играть *хорошо*. Я сегодня былъ у него. Онъ сердился, горячился и читалъ мнѣ мѣста изъ монологовъ. Сердится онъ, что въ его говорильной роли мало движенія, что Вы заставляете въ III актѣ подбирать черепки битой посуды. Черепки не подбираютъ (ихъ никто не жалѣетъ), а отбрасываютъ ногой. Сердится за піонера и пивомѣра. Однимъ словомъ за роль принялся сердито и будетъ играть ее горячо. Онъ и Ермолова въ I актѣ говорятъ и брызжутъ. «Я ей: брррр!.. А она мнѣ: брррр!» Я сказалъ, что такъ и нужно. Онъ, повидимому, боится за себя; но я его успокоилъ. Я сказалъ ему, что I актъ мнѣ не нравился ни въ чтеніи, ни на репетиціи—меня пугала фельетон-

ность и сухость, но что во время спектакля я былъ пораженъ тою рѣдкою внимательностью, съ какою публика прослушала этотъ актъ. Я сказалъ ему искренно и онъ повеселѣлъ и пересталъ сердиться. Это актеръ, съ которымъ можно говорить и спорить.

О сокращеніяхъ не было сказано ни одного слова. Я *хорошо* сдѣлалъ, что задержалъ у себя послѣднія поправки. Актеры пугаются ихъ. Дайте имъ понять и выучить роли, тогда дѣлайте хоть милліонъ поправокъ. Тогда у актеровъ для поправокъ и варіантовъ будетъ въ головѣ фонъ, котораго теперь еще пока нѣтъ.

Обязательно и непремѣнно пріѣзжайте. Умоляю Васъ. Если оттого, что Вы уѣдете изъ Петербурга, произойдутъ протори и убытки, то скажите Конторѣ, чтобы она записала ихъ въ мой счетъ: 10 лѣтъ буду даромъ работать. Если не пріѣдете, то всѣ мои планы разстроите! Поручите газету Алексѣю Алексѣевичу и съ Богомъ. Надо Вамъ отдохнуть и Москву поглядѣть поближе.

Жду копію своей пьесы. Написалъ Ѳедорову льстивое письмо съ просьбой поспѣшить высылкой пьесы. Иначе многое не будетъ исправлено. Знаете? У меня Саша въ III актѣ волчкомъ ходитъ—вотъ какъ измѣнилъ! Совсѣмъ для Савиной. Скажите Савиной, что мнѣ такъ льститъ то, что она согласилась взять въ моей пьесѣ блѣдную и неблагодарную роль, такъ льститъ, что я животъ свой положу и измѣню роль кореннымъ образомъ, насколько позволятъ рамки пьесы. Савина у меня будетъ и волчкомъ ходить, и на диванъ прыгать, и монологи читать. Чтобы публику не утомило нытье, я изобразилъ въ одномъ явленіи веселаго, хохочущаго, свѣтлаго Иванова, а съ нимъ веселую Сашу.. Вѣдь это не лишнее? Думаю, что попалъ въ точку.. Но какъ тяжело быть осторожнымъ! Пишу, а самъ трепещу надъ каждымъ словомъ, чтобы не испортить фигуры Иванова.

Давайте лѣтомъ напишемъ по второй пьесѣ! Теперь у насъ есть опытъ. Мы поймали черта за кончикъ хвоста. Я думаю, что мой Лѣшій будетъ не въ примѣръ тоньше сдѣланъ, чѣмъ Ивановъ. Только надо писать не зимой, не подъ разговоры, не подъ вліяніемъ городского воздуха, а лѣтомъ, когда все городское и зимнее представляется смѣшнымъ и не важнымъ. Лѣтомъ авторы свободнѣе и объективнѣе. Никогда не пишите пьесъ зимой; не пишите ни одной строки для театра, если онъ не за 1000 верстъ отъ Васъ. Въ зимнія ночи хорошо писать повѣсти и романы, что я и буду дѣлать, когда поумнѣю.

Да хранитъ Господь Богъ Васъ и всю Вашу фамилію! Если не пріѣдете, нѣтъ Вамъ моего благословенія! Пріѣзжайте, умоляю Васъ! Всѣ мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Янв.)

Посылаю, Алексѣй Сергѣевичъ, еще 2 варіанта. Сдѣлалъ кое-какія измѣненія, но не важныя. Будьте добры отослать варіанты г. Ѳедорову-Юрковскому съ просьбой замѣнить ими соотвѣтствующія мѣста въ пьесѣ.

Простите, что я безпокою Васъ. Вы занятый человѣкъ а я бездѣльникъ въ сравненіи съ Вами.

Измѣненія въ IV актѣ будутъ сдѣланы по полученіи мною копіи пьесы.

Жду Васъ въ Москву.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Янв. (1889 г. Москва.)

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Пишу Вамъ, отбывъ каторжную работу. Ахъ, зачѣмъ Вы одобрили въ комитетѣ моего Иванова? Какіе неостроумные демоны внушили Ѳедорову ставить въ свой бенефисъ мою пьесу? Я замучился и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написана, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV актъ до неузнаваемаго, отшлифовалъ самаго Иванова, и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина:—«Палками, Иванова, палками!»

Нѣтъ, не завидую я Жану Щеглову. Я понимаю теперь, почему онъ такъ трагически хохочетъ. Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно имѣть особый талантъ (можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкія пьесы); написать же плохую пьесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякіе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ, зарывать въ могилу живыхъ—для этого нужно имѣть талантъ гораздо большій. Это также трудно, какъ купить старые

солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ. Тутъ не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадью.

Я пріѣду въ Питеръ 21 или 22-го янв. Первымъ дѣломъ къ Вамъ. Надо бы намъ вечерокъ провести и попить Кларету. Я теперь могу пить этотъ Кларетъ безконечно. Водка мнѣ противѣетъ съ каждымъ днемъ, пива я не пью, краснаго вина не люблю, остается одно только шампанское, которое, пока не женюсь на богатой вѣдьмѣ, буду замѣнять Кларетомъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ.

Когда покончу со своимъ Болвановымъ [1]), сяду писать для Сѣв. Вѣстника. Беллетристика—покойное и святое дѣло. Повѣствовательная форма—это законная жена, а драматическая—эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница.

Иванова печатать въ Сѣв. Вѣстн. *не буду*.

Я совсѣмъ обезденежилъ. Живу благотворительностью своего «Медвѣдя» и Суворина, который купилъ у меня для Дешевой Библіотеки разсказовъ на 100 рублей. Да сохранитъ ихъ обоихъ Провидѣніе. Суворинъ теперь въ Москвѣ. Ставитъ свою Таню. Ленскій играетъ Адашева изумительно. Я увѣренъ, что всѣ московскія барыни, поглядѣвъ Адашева-Ленскаго, заведутъ себѣ любовниковъ-журналистовъ. Ленскій страстенъ, горячъ, эффектенъ и необычайно симпатиченъ. Это хорошо. Публика должна видѣть журналистовъ не въ каррикатурѣ и не въ томительно-умной давыдовской оболочкѣ, а въ розовомъ, пріятномъ для глаза свѣтѣ. Ермолова хороша въ Татьянѣ.

Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мнѣ кажется,

---

[1]) «Ивановъ».

что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ!

Гдѣ Жоржинька? Скажите ему, что былъ бы я радъ увидѣть его въ театрѣ 26 Янв. Пусть поучится, какъ не слѣдуетъ писать пьесы. Кстати бы запасся онъ матеріаломъ для лѣтнихъ разговоровъ. Билетъ я ему предоставлю.

Разсохинъ получилъ сборникъ Гаршина. Три рубля мною получены. Я честный человѣкъ: отдамъ. Душевный привѣтъ всей Вашей семьѣ. Если Николай Алексѣевичъ все еще продолжаетъ сидѣть въ темницѣ, то привѣтъ мой узнику! Всѣ мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(СПБ. 1889 г. Янв.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Спасибо, что предупредили насчетъ Я. П. [1]) Если мнѣ посчастливится увидѣться съ нимъ, то я постараюсь какъ-нибудь выскользнуть изъ немножко щекотливаго положенія. По священному писанію ложь бываетъ иногда во спасеніе: я солгу ему, но не скажу, что забылъ о его приглашеніи, а свалю всю вину на Щеглова. Скажу, что де малый былъ такъ разстроенъ нервно, что весь вечеръ пришлось не отпускать его отъ себя, и т. п.

---

[1]) Я. П. Полонскій.

Вы зовете меня сегодня къ себѣ.. Увы! Я еще не кончилъ канальскаго разсказа! Завтра я и Щегловъ будемъ у Васъ а пока позвольте Вашему почитателю пожать Вамъ руку, поблагодарить и пребывать уважающимъ

А. Чеховъ.

CXLVI.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(СПБ. 1889 г. янв.)

Я останусь въ Петербургѣ до вторника и пріѣду непремѣнно въ четвергъ, 2-го февраля. Актеры играютъ плохо, изъ пьесы ничего путнаго не выйдетъ; съ нуднымъ Д. . . . . ссорюсь и мирюсь по 10 разъ на день. Скучно. Дѣлать положительно нечего. Пьеса пойдетъ не больше четырехъ разъ: не стоитъ овчинка выдѣлки. Машѣ [1]) пріѣзжать нечего.

А. Чеховъ.

Завтра пришлю письмо.

CXLVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Февр. (1889 г. Москва.)

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, посылаю Вамъ документъ, имѣющій цѣнность только какъ автографъ великаго Шпажинскаго.

---

[1]) М. П. Чехова.

Мнѣ скучно, и грустно, и некому руку подать. Изъ сферы бенгальскаго огня попалъ въ полутемную кладовую и жмурюсь. Чувствую сильный позывъ къ своей скромной и кроткой беллетристикѣ, но во всемъ тѣлѣ разлита такая лѣнь, что просто бѣда. Переживаю похмѣлье.

Ну-съ, мой и Вашъ сезонъ уже кончились. Мы можемъ теперь почить на лаврахъ до самой зимы, когда опять бѣсъ начнетъ толкать насъ подъ руку и шептать всякій соблазнительный вздоръ.

Я еще не читалъ Вашей рецензіи, но предвкушаю ее. Я человѣкъ честолюбивый по самыя уши, а потому можете понять, какую цѣнность имѣетъ для меня рецензія, написанная такимъ страшнымъ литературнымъ генераломъ, какъ Вы. На хуторѣ я вывѣшу ее на стѣну въ рамочкѣ—говорю это серьезно, а когда у меня будутъ дѣти и внуки, то буду хвастать имъ: «про меня писалъ Суворинъ». Вы къ себѣ привыкли, не чувствуете своего высокаго роста и потому, вѣроятно, не понимаете, почему актеры Васъ боятся и грызутъ по ночамъ подушку, когда Вы браните ихъ, или не замѣчаете.

Скажите Аннѣ Ивановнѣ, что я только прикидывался равнодушнымъ человѣкомъ, но волновался ужасно. Ея вниманіе, съ какимъ она слушала пьесу, дѣйствовало на меня, какъ kalium bromatum. Во время спектакля я видѣлъ только двухъ: ее и Рѣпина. [1]) Почему? Не знаю.

Повторяю свои просьбы, которыми я, надѣюсь, уже достаточно надоѣлъ Вамъ. 1) Пришлите для корректуры «Дѣтвору». 2) Пришлите карточки, которыя получите отъ Юрковскаго, и карточки Шапировскія; послѣднихъ побольше, ибо актеры просили. Не забудьте прислать

---

[1]) И. Е., извѣстный художникъ.

и группу. 3) Французскій словарь—взятка съ Васъ за мое къ Вамъ благорасположеніе.

Масловъ называетъ актеровъ гаэрами и низкими людьми. Это оттого, что они не играли еще въ его пьесахъ. Послѣ того, какъ актеры сыграли моего Иванова, всѣ они представляются мнѣ родственниками. Они такъ же близки мнѣ, какъ тѣ больные, которыхъ я вылѣчилъ, или тѣ дѣти, которыхъ я когда-то училъ. Я не могу забыть, что Стрепетова плакала послѣ III акта и что всѣ актеры отъ радости блуждали, какъ тѣни; многаго не могу забыть, хотя раньше и имѣлъ жестокость соглашаться, что литератору неприлично выходить на сцену рука объ руку съ актеромъ и кланяться хлопающимъ. Къ чорту аристократизмъ, если онъ лжетъ.

Еще разъ благодарю за гостепріимство и радушіе. Кланяюсь Настюшѣ и мальчикамъ. Извиняюсь передъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, что не успѣлъ проститься съ нимъ и съ его женой. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLVIII.

Д. Т. Савельеву.

4 февраля. (1889 г. Москва).

Милый другъ, вчера я вернулся изъ Петербурга, гдѣ ставилъ свою пьесу, и нашелъ у себя на столѣ твое письмо. Сегодня же былъ я въ магазинѣ Суворина и распорядился, чтобы тебѣ были высланы книги и календари. Магазинъ обѣщалъ выслать 6 февраля. Опоздалъ я, какъ видишь, не по своей винѣ: не было меня въ Москвѣ.

Пьеса моя имѣла громадный успѣхъ и я вернулся увѣнчанный лаврами. Подробности можешь узнать въ «Новомъ Времени».

Спасибо за поздравленія и пожеланія. И тебѣ того же желаю, но только въ квадратѣ $(a+b)^2$.

Аннѣ Ивановнѣ [1]) передай, что всѣхъ моихъ произведеній нельзя выслать теперь, такъ какъ двѣ книжки совершенно распроданы и печатаются новымъ изданіемъ. Когда будутъ отпечатаны, я поспѣшу исполнить ея желаніе. Въ эту весну я буду на югѣ и постараюсь воспользоваться ея приглашеніемъ, которое я давно намоталъ себѣ на усъ и держу въ запасѣ. Лѣтомъ я былъ на Кавказѣ, но шатанье по Батумамъ, Тифлисамъ и Баку такъ утомило меня, что я еле добрался до Ростова.

Если соберусь ѣхать къ тебѣ, то дамъ знать телеграммой изъ Таганрога. На дачѣ я буду жить около Сумъ или въ Полтавской губ., куда приглашу тебя, буде пожелаешь.

Ну, будь здоровъ, богатъ и счастливъ. Дружески пожимаю тебѣ руку и остаюсь сердечно преданнымъ

А. Чеховымъ.

P. S. Серьезно: не захочешь ли пожить у меня недѣльку на дачѣ? Я былъ бы радъ, а семья и подавно. Старину бы вспомнили.

CXLIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Февраль. (1889 г. Москва).

Ваша мысль о перенесеніи словъ о клеветѣ [2]) изъ одного мѣста въ другое пришла къ Вамъ поздно; я ее одобряю, но воспользоваться ею не могу. Единственное,

---

[1]) А. И. Пѣховская. Она знала А. П. только по разсказамъ Д. Т. Савельева, но знакома съ нимъ не была.

[2]) Въ пьесѣ «Ивановъ».

что я могу сдѣлать въ настоящее время для театра— это получить за свою пьесу гонораръ, ко всему же остальному я чувствую пресыщеніе. Передѣлывать, вставлять, писать новую пьесу для меня теперь такъ же не вкусно, какъ ѣсть супъ послѣ хорошаго ужина. Будущее, когда я пріймусь за Лѣшаго и водевили, представляется мнѣ отдаленнѣйшимъ.

Иглу, которую Вы вонзили въ мое авторское самолюбіе, принимаю равнодушно. Вы правы. Въ письмѣ моемъ Ивановъ, вѣроятно, яснѣй, чѣмъ на сценѣ. Это потому, что четверть ивановской роли вычеркнута. Я охотно отдалъ бы половину своего успѣха за то, чтобы мнѣ позволили сдѣлать свою пьесу вдвое скучнѣй. Публика величаетъ театръ школой. Коли она не фарисей, то пусть мирится со скукой. Въ школѣ вѣдь не весело. Въ моемъ домѣ, похожемъ на комодъ, много новостей. Горничная Ольга выходитъ замужъ; сбѣжалъ бѣлый котенокъ, котораго Вы знаете; у студента распухъ глазъ; Сережа Киселевъ получаетъ сплошныя единицы по латинскому языку; къ хозяину Карнѣеву вернулась изъ Новочеркаска его племянница казачка Зиночка, которая по ночамъ молится Богу, чтобы я не влюбился въ кого-нибудь. И т. д. и т. д.

Душа моя полна лѣни и чувства свободы. Это кровь кипитъ передъ весной. Занимаюсь все-таки дѣломъ. Приготовляю матеріалъ для третьей книжки. Черкаю безжалостно. Странное дѣло, у меня теперь манія на все короткое. Что я ни читаю—свое и чужое, все представляется мнѣ недостаточно короткимъ.

Сегодня я послалъ Алексѣю Алексѣевичу [1]) разсказъ для «Стоглава». Пусть чувствуетъ. Если будетъ обходиться со мной почтительно, то и въ будущемъ году пришлю. У меня разсказовъ какъ собакъ нерѣзанныхъ.

---

[1]) Суворину.

Еще одно порученіе, которое можете не исполнить. Если пойдете на толкучку покупать мебель, то возьмите для меня ту балалайку (мандолину), которую мы видѣли висящею на двери одной мебельной лавки. Я отдамъ Вамъ десять цѣлковыхъ. Пришлите ее при оказіи черезъ контрагентство. На дачѣ и на хуторѣ она очень пригодится.

Какъ однако мелкая пресса треплетъ моего Иванова! На всякіе лады, точно онъ не Ивановъ, а Буланже.

Низко кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Борѣ. А M-lles Эмили и Адель пусть извинятъ меня, что я не простился съ ними. Скажите имъ, что я не пошелъ прощаться съ ними изъ боязни, чтобы онѣ не стали плакать.

Пишу это письмо въ то время, когда въ Питерѣ идетъ второе дѣйствіе моего «Иванова». Ну, будьте здоровы и веселы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CL.

Ему же.

(Съ подлинника).

6 Февраль. (1889 г. Москва).

Гете и Экерманъ легки на поминѣ.

Я недавно упоминалъ объ ихъ разговорахъ въ своей великой повѣсти. Называю ее великою, потому что она въ самомъ дѣлѣ выходитъ великою, т.-е. большою и длинною, такъ что даже мнѣ надоѣло писать ее. Пишу громоздко и неуклюже, а главное—безъ плана. Ну, да все равно.

Пусть Буренинъ получитъ еще новое доказательство, что молодые писатели ни къ черту не годятся.

До конца еще далеко, а дѣйствующихъ лицъ чертова пропасть. У меня жадность на лица. Къ Вашему пріѣзду будетъ готова половина, а можетъ-быть и больше, дамъ Вамъ и попрошу прочесть. Предвкушайте это наслажденіе, какъ я предвкушаю Вашу критику, которой впрочемъ, не боюсь, такъ какъ Вы очень добрый человѣкъ и къ тому же превосходно понимаете дѣло—рѣдкое сочетаніе.

Не былъ у Полонскаго не потому, что не люблю его. Просто забылъ въ хлопотахъ и въ побѣгушкахъ. Почему я не поздравилъ Анну Ивановну съ ангеломъ, потому же самому не былъ и у Полонскаго: Это дѣло воспитанія. Не воспитанъ, должно-быть, вотъ и все. Полонскому я напишу слезное письмо, а у Анны Ивановны попрошу прощенія, когда буду въ Петербургѣ, но воспитаннѣе я отъ этого не стану.

Кто пишетъ обо мнѣ изъ Москвы Полонскому? Это Бибиковъ.

Анонимное письмо, которое Вы получили насчетъ рецензіи о К., цинично и больше ничего. Если хотите, то и глупо.

К. глупый и злой человѣкъ, самолюбіе чертовское, аверкіевское; кончитъ онъ тѣмъ, что будетъ писать критическіе фельетоны подъ псевдонимомъ.

Ваша статья о Толстомъ сплошная прелесть. Очень, очень хорошо. И сильно, и деликатно. Вообще какой-то особенно удачный номеръ: и Ваша статья, и Франсуаза. Прекрасный разсказъ. Прибавка о сестрѣ (она твоя сестра!), сдѣланная Толстымъ, не такъ портитъ, какъ Вы боялись. Только отъ нея разсказъ утерялъ какъ будто свою свѣжесть. Впрочемъ, все равно.

Будьте здоровы и хранимы Богомъ отъ мрачныхъ мыслей. Неужели Адашева опять будетъ играть князь (Обо) Ленскій? Ужъ лучше бы игралъ Черновъ. Тотъ

тоже деревянный, но сдѣланъ, кажется, изъ болѣе мягкаго дерева.

Я начинаю старѣть; это я заключаю изъ того, что мнѣ очень хочется «поговорить о литературѣ». Степенность.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, мальчикамъ и дѣвочкѣ съ толстымъ носомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLI.

Ему же.

(Съ подлинника).

8 Февраль. (1889 г. Москва).

Рецензія прекрасная; цѣню ее на вѣсъ не золота, не алмазовъ, а своей души. Мое глубокое и искреннее убѣжденіе: получилъ я гораздо больше, чѣмъ заслужилъ.

Сегодня пришло Ваше письмо, гдѣ Вы пишете о своемъ разговорѣ съ Жителемъ. Вы думаете, что я не долженъ былъ брать Иванова «готовымъ». Я прошу Васъ вообразить себя авторомъ моей пьесы, чтобы чутье подсказало Вамъ, какъ Вы не правы. Зачѣмъ Вы Рѣпину взяли «готовой»? Что было бы, если бы Хлестаковъ и Чацкій тоже не были взяты «готовыми»? Если мой Ивановъ не для всѣхъ ясенъ, то это потому, что всѣ четыре акта сдѣланы неумѣлой рукой, а вовсе не потому, что я своего героя взялъ «готовымъ». Герои Толстого взяты «готовыми»; прошлое и физіономіи ихъ неизвѣстны, угадываются по намекамъ, но вѣдь Вы не скажете, чтобы эти герои Васъ не удовлетворяли. Вся суть въ размѣрахъ авторскаго таланта—da ist Hund begraben. Контуры моего Иванова взяты правильно, начатъ онъ такъ, какъ нужно—мое чутье не чуетъ фальши; сплоховала же растушовка, а оттого что тушовка плоха, Вы заподозрѣли контуры.

Женщины въ моей пьесѣ не нужны. Главная моя была забота не давать бабамъ заволакивать собой центръ тяжести, сидящій внѣ ихъ. Если бы мнѣ удалось сдѣлать ихъ красивыми, то я считалъ бы свою задачу по отношенію къ нимъ совершенно исполненною. Женщины участвовали въ погибели Иванова.. Ну такъ что же? Неужели нужно длинно пояснять это участіе, которое понятно и тысячу разъ уже трактовалось раньше меня?

Получаю по поводу Иванова анонимныя и не анонимныя письма. Какой-то соціалистъ (повидимому) негодуетъ въ своемъ анонимномъ письмѣ и шлетъ мнѣ горькій упрекъ; пишетъ, что послѣ моей пьесы погибъ кто-то изъ молодежи, что моя пьеса вредна и проч. Всѣ письма толкуютъ Иванова одинаково. Очевидно, поняли, чему я очень радъ.

Казанецъ вралъ Вамъ. Таню Рѣпину отложили, только потому что Ермолова устала. Успѣхъ громадный. На каждую ложу уже записана сотня кандидатовъ — это говорилъ Ленскій, у котораго я былъ сегодня.

Какая то психопатка-провинціалка со слезами на глазахъ бѣгала по Третьяковской галлереѣ и съ дрожью въ голосѣ умоляла показать ей Татьяну *Рѣпина* *), про которую она много слышала и отъ которой ей хотѣлось бы разразиться истерикой.

Васъ обвиняетъ вся мыслящая Москва въ заранѣе обдуманномъ намѣреніи—поиграть на плохихъ, уваженія недостойныхъ нервахъ. Воображаютъ, что Вы очень хитрый человѣкъ, и не понимаютъ, что хитритъ Ермолова, а не Вы. Много ходитъ сплетенъ. Я заранѣе объявилъ, что не дамъ для Москвы своего «Иванова»

---

*) Родительный падежъ. *Прим. автора.*

(хотя у меня его и не просятъ) и это мое рѣшеніе безповоротно. Ненавижу, когда Москва берется разсуждать, понимать по-своему, судить.. Буду воевать съ ней. Конечно, смѣшно колоть слона булавкой, но все-таки, когда умру, Вы напишите въ некрологѣ, что былъ одинъ человѣкъ, который не признавалъ этой кухарки. Не спорьте со мной. Если мое упрямство глупо, то позвольте мнѣ быть глупымъ—вреда отъ этого никому не будетъ.

Очень возможно, что сестра пріѣдетъ въ Питеръ на масленой недѣлѣ.

Потѣхинъ ставитъ моего Иванова только два раза, да и то утромъ! Зачѣмъ же онъ цѣловался со мной? Однако, какое разочарованіе! Ожидалъ я тысячу, а получу 600—700.. Это и на понюшку не хватитъ. Очевидно, небу не угодно, чтобы я купилъ хуторъ.

У меня лютый геморрой, который я поддерживаю сидѣньемъ и изліяніями. Надо бросить манеру веселить свое сердце виномъ, да жалко.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ. Будьте здоровы и не забывайте преданнаго

Вамъ *Доктора Тото.*

CLII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. 10 февраля).

Милый драматургъ, при всемъ моемъ желаніи достойно привѣтствовать дебютъ [1]) критика Тихонова, я не могу сказать Вамъ ни единаго теплаго слова, такъ какъ «Не-

---

[1]) Первая критическая статья адресата объ «Ивановѣ» въ «Недѣлѣ» Гайдебурова.

дѣля» въ Москвѣ составляетъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые слоны. Я нигдѣ не могъ найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мнѣ тотъ №, гдѣ помѣщена Ваша рецензія? Я прочту и присовокуплю ее къ кучѣ рецензій, составляющихъ въ моемъ архивѣ объемистое «Дѣло объ Ивановѣ».

Насколько могу судить по тѣмъ Вашимъ пьесамъ, которыя я видѣлъ на сценѣ, изъ Васъ едва ли можетъ выработаться театральный критикъ. Вы человѣкъ рыхлый, чувствительный, уступчивый, наклонный къ припадкамъ лѣни, впечатлительный, а всѣ сіи качества не годятся для строгаго, безпристрастнаго судьи. Чтобы умѣть писать критику, нужно быть въ душѣ немножко тою рябой бабой, которая безъ милосердія будетъ бить Васъ. Когда Суворинъ видитъ плохую пьесу, то онъ *ненавидитъ* автора, а мы съ Вами только раздражаемся и ноемъ; изъ сего я заключаю, что Суворинъ годится въ судьи и въ гончія, а насъ (меня, Васъ, Щеглова и проч.) природа сработала такъ, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь лунѣ, едина солнцу...

Напишите-ка лучше рефератъ и прочтите его на Гороховой [1]). Сюжетовъ много.

Оттого, что я въ Питерѣ пилъ не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, отъ котораго я теряю не мало крови. Увы, лавры и опьянѣніе не даются даромъ!

Ну, будьте здравы и веселы. Поклонъ Вашему брату [2]) и общимъ знакомымъ

Вашъ *А. Чеховъ.*

Нѣтъ почтовой бумаги! 10 февр.

---

[1]) Въ Литературномъ Обществѣ.

[2]) А. А. Луговой.

CLIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

11 Февраль. (1889 г. Москва).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, пишу Вамъ сіи строки наканунѣ Вашихъ именинъ и жалѣю, что судьба лютая лишила меня возможности быть у Васъ завтра. Въ Москвѣ я утопаю въ скукѣ. Чувствую себя такъ, точно меня женили на постылой женщинѣ, или сослали въ страну, гдѣ вѣчная зима. Это похмелье послѣ Питера, гдѣ я, какъ Вамъ извѣстно, далеко не скучалъ; не только не скучалъ, но даже былъ вынужденъ бѣжать отъ изобилія сильныхъ ощущеній.

Конечно, за пьесу возьму я гораздо дешевле, чѣмъ за прозу. Цѣну назначу, когда узнаю размѣръ пьесы. Чѣмъ она больше, тѣмъ дешевле возьму за листъ. Я пьесъ никогда не печаталъ и цѣнъ не знаю. Если бы Вы дали мнѣ совѣтъ—какую цѣну назначить, чтобъ никому обидно не было—то я былъ бы Вамъ очень благодаренъ. Назначьте цифру.

Островскій [1]) былъ у меня вчера. Говорили о васъ: я его порадовалъ, сказавъ, что Вы здоровы и бодры. Толковали о литературѣ и политикѣ. Интересный человѣкъ. Спорили, между прочимъ, о соціализмѣ. Онъ хвалитъ брошюру Тихомірова: «Отчего я пересталъ быть соціалистомъ», но не прощаетъ автору его неискренности. Ему не нравится, что Тихоміровъ свое прошлое называетъ «логической ошибкой», а не грѣхомъ, не преступленіемъ. Я же доказывалъ, что нѣтъ тамъ грѣха и пре-

---

[1]) П. Н. — братъ драматурга.

ступленія, гдѣ нѣтъ злой воли, гдѣ дѣятельность, добрая или злая—это все ровно — является результатомъ глубокаго убѣжденія и вѣры. Оба мы другъ друга не убѣдили и остались каждый при своемъ, но это все таки не мѣшало мнѣ слушать Островскаго съ большимъ интересомъ. Умъ у него рыхлый, стоячій, какъ прудовая вода, покойный, но зато большой.

Что касается Жоржика, то въ Москвѣ его не было. Должно быть, поѣхалъ прямо на Луку, не заѣзжая домой.

Если можно достать гдѣ-нибудь судебныя рѣчи Кони, то прочтите тамъ дѣло «объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ» на стр. 248. Какой чудный и богатый матеріалъ для романа изъ жизни патентованныхъ сукиныхъ сыновъ!

Довожу до Вашего свѣдѣнія, что у меня уже есть выгрышный билетъ 2-го займа [1]). Перваго марта выграю.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Вашимъ мой сердечный привѣтъ. Будьте здоровы, дорогой именинникъ, и не забывайте душевно Вамъ преданнаго

D-r. Antonio.

CLIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

11 Февр. (1889 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, если Егоръ Михайловичъ уже на Лукѣ, то будьте добры передать ему мое извиненіе. Я обѣщалъ ему выѣхать изъ Петербурга

---

[1]) Билетъ этотъ былъ купленъ въ разсрочку въ банкирской конторѣ А. Клима и послужилъ А. П—чу темой для разсказа «Житейскія Невзгоды».

вмѣстѣ, но надулъ его и выѣхалъ, не дождавшись условленнаго дня. Скажите ему, что я *не могъ* ждать. Мнѣ нужно было уѣхать во что бы то ни стало. Я бѣжалъ отъ сильныхъ ощущеній, какъ трусъ бѣжитъ съ поля битвы. Все хорошо въ мѣру, а сильныя ощущенія мѣры не знаютъ.

Пишу Вамъ, а не ему, потому что навѣрное не знаю, гдѣ онъ: дома, или же въ Петербургѣ. Если въ Петербургѣ, то передайте ему мое извиненіе, когда онъ пріѣдетъ.

Я слышалъ, что Елена Михайловна [1]) уѣхала въ Кіевъ. Когда вернется, поклонитесь.

Мы начали уже рѣшать дачный вопросъ. Большинство склоняется на сторону Луки, чему я, конечно, очень радъ. Если Вы ничего не имѣете противъ нашего переселенія на Луку, то черкните двѣ строчки. *Никакой* террасы, никакихъ колоннъ въ стилѣ рококо, никакихъ баллюстрадъ и статуй не нужно. Пожалуста не вѣрьте добрѣйшей Лидіи Ѳедоровнѣ. Если сдѣлаете дверь изъ флигеля въ садъ, то и это ужъ будетъ великодушно и вполнѣ достаточно.

Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Весной (въ апрѣлѣ) я выѣду изъ Москвы къ югу. Быть-можетъ, заѣду къ Вамъ денька на два.

Желаю всего хорошаго и, если позволите, дружески жму Вамъ руку.

А. Чеховъ.

А какой ангелъ Лидія Ѳедоровна! Не хватаетъ только крылышекъ.

---

[1]) Сестра адресатки.

CLV.

Н. А. Хлопову.

13 февраля (1889 г. Москва).

Уважаемый Николай Аѳанасьевичъ!

Я прочелъ Вашъ разсказъ; онъ хорошъ и, вѣроятно, пойдетъ въ дѣло, а потому считаю не лишнимъ заранѣе и возможно скорѣе заявить Вамъ нижеслѣдующее: если Вы разсчитываете на него, какъ на серьезный шагъ, и дебютируете имъ, то въ этомъ смыслѣ, по моему мнѣнію, онъ успѣха имѣть не будетъ. Причина не въ сюжетѣ, не въ исполненіи, а въ поправимыхъ пустякахъ— въ чисто московской небрежности въ отдѣлкѣ и въ коекакихъ деталяхъ, не важныхъ по существу, но рѣжущихъ глаза.

Начать хоть съ того, что то и дѣло попадаются фразы, тяжелыя какъ булыжникъ. Напримѣръ, на стр. 2 фраза: «онъ заходилъ ко мнѣ два раза въ продолженіе получаса». Или: «на губахъ Іоны появилась долгая, нѣсколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнулъ продолжительный дождь», такъ, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочемъ, это пустяки... Но вотъ что не совсѣмъ мелочно: гдѣ Вы видѣли церковнаго попечителя Сидоркина? Правда, существуютъ церковные старосты, или ктиторы, но никакіе старосты и попечители, будь они хоть разнаивліятельнѣйшіе купцы, не имѣютъ права и власти переводить дьячка съ одного мѣста на другое... это дѣло архіерейское... Походило бы болѣе на правду, если бы Вашъ Іона попросту былъ переведенъ изъ города въ деревню за пьянство. Мѣсто, гдѣ Іона возится съ двумя десяти-

нами, какъ паукъ съ мухой, прекрасно, но зачѣмъ Вы губите его прелесть описаніемъ невозможной и маловѣроятной забавы съ сохой? Развѣ это необходимо? Вы знаете, что кто пашетъ первый разъ въ жизни, тотъ не сдвинетъ плуга съ мѣста—это разъ; дьячьку выгоднѣе отдать свою землю подъ скопчину—это два; воробьевъ никакимъ калачемъ не заманишь изъ деревни въ поле—это три...

«Сижу я верхомъ на перекладинѣ, вотъ что хату съ чуланомъ соединяетъ» (стр. 16). Какая это перекладина? Фигура писаря въ пиджачкѣ и съ клочками сѣна въ волосахъ шаблонна и къ тому же сочинена юмористическими журналами. Писаря умнѣе и несчастнѣе, чѣмъ принято думать о нихъ, и т. д.

Въ концѣ разсказа дьячокъ (это очень мило и кстати) поетъ: «Благослови, душе моя, Господи, и возрадуется...» Такой молитвы нѣтъ. Есть же такая: «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое его...»

Послѣднее сказаніе: знаки препинанія, служащіе нотами при чтеніи, разставлены у Васъ, какъ пуговицы на мундирѣ гоголевскаго городничаго. Изобиліе многоточій и отсутствіе точекъ.

Эти пустяки, по моему мнѣнію, испортятъ Вамъ музыку. Не будь ихъ, разсказъ пошелъ бы за образцовый. Вы, конечно, не разсердитесь на меня за «мораль» и поймете, что пишу я это, какъ Вашъ повѣренный, съ цѣлью: не найдете ли Вы нужнымъ въ виду всего выше сказаннаго сдѣлать въ разсказѣ поправки? На шлифовку и переписку вновь понадобятся 2 часа, не больше, но зато разсказъ не проиграетъ.

Повторяю: и безъ поправокъ Іона хорошъ и пойдетъ въ дѣло, но если Вы намѣрены серьезно дебютировать имъ, то, насколько я знаю петербургскихъ судей, успѣха онъ имѣть не будетъ.

Жду Вашего отвѣта и прошу прощенія за непрошенное вмѣшательство.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. февр.).

При семъ имѣю честь препроводить корреспонденцію о тѣхъ безобразіяхъ, кои творитъ въ Москвѣ Ваша Татьяна Рѣпина. Насколько монотонно-кротокъ мой Ивановъ, настолько буйна Ваша Таня. Корреспонденція не вретъ. Я думаю, что Лялинъ можетъ узурпировать ее для своего маленькаго фельетона.

Ахъ какъ я благодаренъ Вамъ за балалайку! Сегодня приведемъ ее въ порядокъ, а завтра ужъ будемъ играть. Я у Васъ въ долгу, какъ въ шелку.

Ивановъ идетъ въ понедѣльникъ утромъ — время, когда сборъ не превышаетъ 14 р. 43 коп!

Помните, что Вы обѣщали пріѣхать постомъ. Я буду ждать. Если хотите, съѣздимъ къ Троицѣ, гдѣ въ то время будетъ уже весной пахнуть. Кланяюсь всѣмъ. Скучаю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

14 Февр. (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, Вы можете гордиться своей покупкой. Миша носилъ балалайку въ музыкальный магазинъ струнъ ради и тамъ давали ему за нее 16 рублей.

Подозрѣваю, что балалайка стоитъ около 50.—Свободинъ [1]) писалъ мнѣ, что у Шапиро уже готовы фотографіи. Получили ли вы свою и мою долю? Если получили, то вышлите мнѣ побольше карточекъ и между прочимъ одну свою большую. Я ее въ гостиной повѣшу. Теперь вѣдь мы съ Вами нѣкоторымъ образомъ родня: Ваша и моя пьесы шли въ одинъ сезонъ, въ одномъ и томъ же театрѣ. Оба одинакія муки терпѣли и оба почиваемъ теперь на лаврахъ. Оба ненавидимы Крыловымъ, хотя и не въ одинаковой степени. Вы тоже должны мою фотографію въ почетѣ держать.

Получилъ я отъ Свободина письмо, полное жалобъ на судьбу и людей. Письмо длинное и искреннее. Отвѣтилъ ему длинно, что недовольство составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ всякаго настоящаго таланта и ехидно со свойственнымъ мнѣ лицемѣріемъ пожелалъ ему, чтобы онъ всегда былъ недоволенъ. Я очень жалѣю, что въ настоящее время русскимъ писателямъ некогда писать, а русскимъ читателямъ некогда читать про актеровъ, а то бы слѣдовало тронуть ихъ. До сихъ поръ наша беллетристика интересовалась только актерской богемой, но знать не хотѣла тѣхъ актеровъ, которые имѣютъ законныя семьи, живутъ въ очень приличныхъ гостиныхъ, читаютъ, судятъ, а главное—получаютъ больше чѣмъ губернаторское жалованье. Давыдовъ и Свободинъ очень и очень интересны. Оба талантливы, умны, нервны и оба несомнѣнно новы. Домашняя жизнь ихъ крайне симпатична.

Поздравляю Алексѣя Алексѣевича съ Ашиновскимъ скандаломъ. Хорошій урокъ для начинающихъ публицистовъ. Новое Время удивительная газета. Маклая иронизировала, а Ашинова поднимала до небесъ.

---

[1]) Извѣстный артистъ.

То, что я знаю, про о. Паисія, [1]) слишкомъ интимно и можетъ быть опубликовано только съ разрѣшенія моего дяди и самого Паисія.. Въ исторіи Паисія играютъ видную роль его жена, гулящія бабы, изувѣрство, милостыня, какую Паисій получилъ отъ дяди. Нельзя всего этого трогать самовольно.

Боюсь, чтобы Паисій опять не сбился съ панталыку и не сталъ говорить, что его новый санъ (архимандритъ), Абиссинія и затѣи—все отъ бѣса. Какъ бы онъ опять не бѣжалъ безъ паспорта куда-нибудь. Это такой человѣкъ, что и къ раскольникамъ въ Австрію бѣжать можетъ. У него болѣзненная совѣсть, а умъ простъ и ясенъ. Если бы я былъ Побѣдоносцевымъ, то послалъ бы Паисія въ нашъ Новый Аѳонъ на подмогу къ Сухумскому архіерею, крестящему абхазцевъ. Кстати же у этого архіерея совсѣмъ нѣтъ штата. Есть одинъ письмоводитель, изображающій своей особой консисторію, да и тотъ по Россіи тоскуетъ.

Цѣлая компанія собиралась ѣхать на масленой въ Питеръ глядѣть моего Иванова, но масленичный репетуаръ всю музыку испортилъ. Когда ѣхать, если Ивановъ идетъ въ послѣдній разъ въ среду утромъ? По той же причинѣ не ѣдетъ и сестра; ее пансіонъ отпуститъ только въ среду.

Въ маѣ я изъ Вашего «Мужского горя» сдѣлаю смѣшную трагедію. Мужскую роль (она сдѣлана отлично) я оставлю въ неприкосновенности, а супругу дамъ совсѣмъ новую. Оба они у меня будутъ въ серьезъ валять.

Что жъ? Пріѣдете въ Великомъ посту? Пріѣзжайте. Я обѣщаю ни слова не говорить о театрѣ, хотя удержаться трудно. Театръ, повторяю, спортъ и больше

---

[1]) Бѣжавшій монахъ, котораго пріютилъ дядя А. П. Митрофанъ Георгіевичъ.

П. М. Свободинъ, В. Н. Давыдовъ, А. П. Чеховъ и А. С. Суворинъ.

ничего. Единственный способъ излѣчить Щеглова отъ театроманіи—это выучить его играть въ винтъ, или воспитать въ немъ любовь къ скачкамъ. А въ театръ, какъ въ школу, безъ которой нельзя обойтись, я не вѣрю.

Я завидую Вамъ: у Васъ отличная почтовая бумага. Какъ здоровье Анны Ивановны? Желаю отъ всей души, чтобы оно было отлично. Къ сожалѣнію, кромѣ этого пожеланія у меня нѣтъ ничего такого, чтобы я могъ преподнести Аннѣ Ивановнѣ.

Наше «Общество искусствъ и литературы» закатываетъ въ субботу костюмированный балъ. Разсчитываетъ выручить чистыхъ тысячъ десять.

Будьте здоровы. Богатѣйте матеріально, потому что душевно Вы уже и такъ богаты. Матеріально же надо *спѣшить* богатѣть. Надо Вамъ завести еще магазины въ Саратовѣ, Казани, въ Ростовѣ на Дону и въ Парижѣ. Дѣло такое хорошее, изъ-за котораго можно забыть даже о существованіи Леона Толстого, который богаче Васъ. Да Хранитъ Васъ Аллахъ!

А. Чеховъ.

CLVIII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

17 Февр. (1889 г. Москва).

Я золъ, какъ аспидъ, которому наступилъ на хвостъ нечистый духъ. Я не имѣю права двинуться съ мѣста. Милыя дамы Сѣвернаго Вѣстника вмѣсто того, чтобъ прислать мнѣ корректуру «Иванова» въ прошлое воскресенье, высылаютъ мнѣ ее по кусочку въ продолженіи всей масляной недѣли. Такъ какъ мартовская книжка

должна печататься не позже 20-го февр., то меня «умоляютъ не задерживать корректуру». Послалъ ругательное письмо, но отъ этого мнѣ не легче. И такъ во всю зиму, благодаря милѣйшимъ пьесамъ, я ни разу не побывалъ въ Бабкинѣ. Покорно благодарю.

Лучшая дѣтская писательница! Не увлекайтесь лестью косого Войнаховскаго и похвалами орловскихъ поваровъ, бросьте литературу! Быть литераторомъ — значитъ не знать покоя, не ѣсть блиновъ, вѣчно ждать гонорара и никогда не имѣть гроша въ карманѣ. Воистину тернистый путь!

Мой Ивановъ продолжаетъ имѣть колоссальный, феноменальный успѣхъ. Въ Питерѣ теперь два героя дня: нагая Фрина Семирадскаго и одѣтый я. Оба шумимъ. Но при всемъ томъ, какъ мнѣ скучно и съ какимъ удовольствіемъ я полетѣлъ бы въ милое Бабкино!

Блиноѣду барину, прекрасной Василисѣ и любезнѣйшему Катафею Катафеичу мой нижайшій поклонъ и пожеланіе отличнаго аппетита.

Елизаветѣ Александровнѣ, если она еще не забыла обо мнѣ, тоже поклонъ.

Будьте здоровы, веселы и богаты. Скажите Тышечкѣ въ шапочкѣ и съ аришечкой, что въ Бабкино я теперь буду ѣздить всегда не черезъ Воскресенскъ, а черезъ Духанино. Не желаю подвергать свою жизнь опасности. Погибать подъ выстрѣломъ аршиннаго револьвера— не совсѣмъ пріятно, особливо во цвѣтѣ лѣтъ.

Вашъ душевно

А. Чеховъ.

CLIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 Февраля. (1889 г. Москва).

Милый Жанъ, спасибо Вамъ за Господъ Театраловъ [1]), которыхъ я получилъ. Одинъ экз. отдалъ брату педагогу [2]), другой присовокупилъ къ своей публичной библіотекѣ (называю ее публичной, потому что она окрадывается публикой очень усердно).

Вы въ письмѣ утѣшаете меня на счетъ «Иванова». Спасибо Вамъ, но увѣряю Васъ честнымъ словомъ, я спокоенъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ— стало-быть, правъ; глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше чѣмъ нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я. Какого же лѣшаго мнѣ еще нужно. А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами, презрительно ухмыляется, киваетъ, брызжетъ пѣной или лицемѣрно вретъ, то вѣдь я всего этого не вижу и безпокоить меня это не можетъ. Въ Москвѣ даже не пахнетъ Петербургомъ. Видаю я ежедневно сотню человѣкъ, но не слышу ни одного слова объ Ивановѣ, точно я и не писалъ этой пьесы, а питерскія оваціи и успѣхи представляются мнѣ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся.

Кстати объ успѣхѣ и оваціяхъ. Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не по-

---

[1]) Пьеса адресата.

[2]) Ив. Павл.

лучается ничего, кромѣ утомленія и желанія бѣжать, бѣжать...

Голова моя занята мыслями о лѣтѣ и дачѣ. Денно и нощно мечтаю о хуторѣ. Я не Потемкинъ, а Цинцинатъ. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и аплодирующая галлерея. Я очевидно уродъ и плебей.

Пишу докторскую диссертацію на тему: «О способахъ прививки Ивану Щеглову ненависти къ театру».

Вы пишете, что Буренинъ дѣйствуетъ на Васъ угнетающе.. Пусть такъ, но ради Создателя не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте передъ великимъ критикомъ. Что бы онъ ни мололъ авторитетно о безполезности нашего брата, о пишущихъ ради куска хлѣба, онъ никогда не будетъ правъ. На этомъ свѣтѣ не тѣсно, для всѣхъ найдется мѣсто; мы не мѣшаемъ Буренину жить, и онъ намъ не мѣшаетъ. Вопросъ же о томъ, кто на землѣ полезенъ и безполезенъ, не Буренину рѣшать и не намъ. Не расходуйте Вашихъ нервовъ и душевной энергіи на чертъ знаетъ что.

Занимайтесь беллетристикой. Она Ваша законная жена, а театръ это напудренная любовница. Или становитесь Островскимъ, или же бросайте театръ. Середины нѣтъ для Васъ. Середина занята драматургами, а беллетристамъ такимъ какъ я, Вы, Масловъ, Короленко, Баранцевичъ и Альбовъ, т.-е. литературнымъ штабъ-офицерамъ не къ лицу вести борьбу за существованіе съ оберъ-офицерами драматическими. Беллетристъ долженъ идти въ толпу драматурговъ-спеціалистовъ или генераломъ, или же никакъ.

Захотите пошалить—другое дѣло. Отчего не пошалить. Но шаля не слѣдуетъ дѣлать очень серьезнаго лица и угнетать себя очень серьезными мыслями.

Видите, какимъ я моралистомъ становлюсь. Мнѣ даже капитаны ни по чемъ, и ихъ отчитываю. А вѣдь я—не имѣющій чина!

Собираюсь на балъ. Будьте здоровы. Да благословитъ Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

За Господъ Театраловъ—рубль дорого. Нужно было назначить 25—30 к.

Вашей женѣ привѣтъ. Мои кланяются и благодарятъ за поклонъ.

CLX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

20 Февраль. (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, поздравляю Васъ съ постомъ, съ днями молитвы, покаянія и лицемѣрія. Постъ начался для меня отвратительно: послѣ гульной ночи вернулся домой въ $10^1/_2$ часовъ утра и спалъ до 5 часовъ вечера. Ужиналъ вчера въ фойе Коршевскаго театра съ актерами, актрисами и генералами. Ужинъ прощальный, по случаю закрытія сезона. Актрисы милый народъ, я ихъ вчера любилъ и такъ расчувствовался, что даже на прощаньи поцѣловался съ нѣкоторыми. У нихъ есть благородство, какого нѣтъ у актеровъ. У мужчинъ, служащихъ святому искусству, нѣтъ чистоты душевной. Въ ихъ словахъ, взглядахъ и поступкахъ много лакейскаго. Впрочемъ не у всѣхъ. Я пилъ не много, но безпорядочно, мѣшалъ ликеры съ коньякомъ. Теперь

чувствую въ своемъ нутрѣ гнетущую пустоту; такое состояніе, точно внутри у меня пропасть съ холодными стѣнами. Хочется всыпать въ очень холодную воду побольше иголокъ, сильно взболтать и выпить, да чтобъ къ тому же иголки были кислыя.

Купите подъ Харьковомъ имѣнье, не теряйте случая. Если у Васъ нѣтъ 35 тысячъ, то позвольте мнѣ украсть ихъ для Васъ изъ Вашей конторы, гдѣ, какъ Вамъ извѣстно, денегъ ужасно много. Если хотите, я съѣзжу посмотрѣть имѣнье, которое Вамъ предлагаютъ. Мнѣ хочется проѣхаться. Такъ какъ имѣнье Ваше, то дорожные расходы (билеты) пополамъ. Кстати и для себя я посмотрѣлъ бы какой-нибудь хуторокъ. Если Вы купите имѣнье, то я куплю хуторъ по сосѣдству съ Вами и буду Васъ удивлять своей агрономіей, распущенностью домочадцевъ, гостепріимствомъ и музыкой. Даже у Васъ купилъ бы небольшой участокъ. У меня деньги будутъ. Ивановъ давалъ полные сборы; я получу около тысячи. Къ лѣту въ общемъ наскребу изъ разныхъ угловъ тысячи двѣ, да 1 марта по своему билету выграю 75 тысячъ—это навѣрное, такъ какъ я Потемкинъ. Къ будущему сезону напишу «Лѣшаго», за котораго возьму тысячъ шесть-семь. Не хотите ли взаймы?

Въ предсѣдатели о-ва драмат. писателей будутъ выбирать Боборыкина. Почему-то гг. члены интересуются знать мое мнѣніе; я отвѣчаю имъ, что противъ избранія Боборыкина ровно ничего не имѣю.

Пойдетъ ли послѣ Пасхи Севильскій Обольститель?

Пришлите мнѣ свою большую фотографію и группу.

Я читаю корректуру своей пьесы. Читаю и думаю, что не святые горшки лѣпятъ, писать драмы можно. Когда я напишу своего «Лѣшаго», то читать Вамъ не

дамъ и на репетицію Васъ съ собой не возьму. Мнѣ хочется произвести на Васъ впечатлѣніе не смѣшанное и не такое скомканное, какое Вы поневолѣ должны были получить отъ Иванова, а для этого нужно, чтобы Вы знакомились съ пьесой не раньше перваго представленья.

Видѣлъ я вчера «Женитьбу» Гоголя. Превосходная пьеса. Дѣйствія длинны до безобразія, но это едва чувствуется благодаря удивительнымъ достоинствамъ пьесы.

Если пріѣдете въ Москву, то доставите этимъ мнѣ большое удовольствіе. Я Вамъ надоѣмъ—единственное неудобство, которое ожидаетъ Васъ въ Москвѣ, въ остальномъ же все будетъ благополучно: отдохнете, посмотрите на Москву и поѣдите Гурьевской каши, которая мнѣ начинаетъ нравиться.

Комитетъ драм. общества вѣроятно обратится къ Вамъ съ просьбой—взять на себя печатаніе пьесъ, принадлежащихъ обществу. Предложеніе это въ коммерческомъ отношеніи для Васъ выгодно, но дурно оно въ томъ отношеніи, что Вамъ придется печатать *всѣ* пьесы, хорошія и не хорошія, т.-е. дѣлать одновременно добро и зло. Надо печатать только оригинальныя пьесы, одобренныя театр. литературнымъ комитетомъ и шедшія на казенной сценѣ, а прочія пьесы можно предоставить Разсохину и его пикантной женѣ.

«Медвѣдь» мой идетъ ужъ вторымъ изданіемъ, которое на исходѣ.

Будьте здоровы и счастливы. Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку, а Настѣ и фараону-Борѣ кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Виноградовымъ. Я ихъ бѣдныхъ люблю.

CLXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

21 Февр. (1889 г. Москва.).

Беззаконно живущій и беззаконно погибающій братъ мой! Суворинъ обѣщалъ мнѣ извиниться передъ тобой за то, что я бѣжалъ изъ Питера, не простившись съ тобой. Если онъ не сдержалъ обѣщанія, то извиняюсь самъ. Въ день отъѣзда я бѣгалъ по Питеру высунувъ языкъ. Не было ни *одной* свободной секунды. Извиняюсь передъ милѣйшей Н. А. и дѣтишками, которыхъ отечески благословляю и мысленно порю.

Сезонъ кончился. Ступай къ Суворину, спроси у него, какъ получаются деньги изъ дирекціи театровъ. Онъ объяснитъ тебѣ. Получивъ объясненія, ступай въ дирекцію и потребуй деньги за Иванова и Медвѣдя. Если не будутъ давать, или обсчитаютъ, то скажи, что ты пожалуешься мѣщанскому старостѣ Вукову. Деньги вышли переводомъ по телеграфу, а счетъ вышли почтой. Денегъ ты получишь около тысячи. Желаю, чтобы ты задохнулся отъ черной зависти, или же отъ зависти сѣлъ бы за столъ и написалъ пьесу, которую написать не трудно. Тебѣ нужно написать двѣ-три пьесы. Это пригодится для дѣтей. Пьеса—это пенсія.

Весною изо всѣхъ мѣстъ буду собирать деньги, чтобы лѣтомъ купить хуторъ—мѣсто, гдѣ Чеховская фамилія будетъ упражняться въ родственномъ сближеніи.

Вся семья здравствуетъ. Николай въ безвѣстномъ отсутствіи. Иванъ попрежнему настоящій Иванъ.

Будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

25 Февр. (1889 г. Москва.).

Г. губернскій секретарь!

Ваше гнусное письмо, подписанное Вашимъ не менѣе гнуснымъ именемъ, мною получено и брошено въ с..... Отвѣчаю на него по пунктамъ:

1) Если строки насчетъ хутора написаны серьезно, а не между прочимъ, то напиши, *что именно* тебѣ нужно, сколько у тебя денегъ и сколько десятинъ купить желаешь, дабы при покупкѣ своего хутора я зналъ все, что знать надлежитъ.

2) Переплеты для «Сумерекъ» съ «А. Н. Чеховъ» я не могу принять ни въ какомъ случаѣ. Не принимай и ты. Скажи, чтобы въ такихъ переплетахъ книга не могла быть продаваема, и прочти хорошую нотацію. Свиньи, не блюдутъ Суворинскаго добра! Книги мнѣ *не высылай*. На кой лѣшій она мнѣ?

Пожалуста, въ магазинѣ не церемонься. Блюдя авторскіе интересы, ты этимъ самымъ блюдешь и общее дѣло. Да надо и Сувориныхъ пожалѣть.

3) Копія для довѣренности *не нужна*. Если дирекція захочетъ оставить у себя довѣренность, то пусть беретъ. Надобность въ довѣренности не скоро ужъ представится, ибо послѣ Пасхи моихъ пьесъ играть не будутъ.

Что чада твои здоровы и обѣщаютъ быть таковыми и впредь, я убѣдился въ послѣдніе свои два пріѣзда. Н. А. нездорова — и въ этомъ я убѣдился. Ей нужно беречь свой желудокъ.

Всѣ наши здравствуютъ и попрежнему держатся о тебѣ такого мнѣнія, что ты штаны. Николай испарившись. Ольга выходитъ замужъ. Клавдія Михайловна вышла замужъ. Однимъ словомъ, такой счастливый въ Москвѣ годъ, что даже залежалый товаръ пошелъ въ ходъ. Adieu!

Твой Antoine.

CLXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Мартъ. (1889 г. Москва).

Посылаю Вамъ, милый Алексѣй Сергѣевичъ, Княгиню [1]). Чортъ съ ней, она мнѣ надоѣла: все время валялась на столѣ и напрашивалась на то, чтобы я ее кончилъ. Ну и кончилъ, но не совсѣмъ складно. Если Вы не разсчитываете напечатать ее въ скоромъ времени, то пришлите корректуру. Я пошлифую.

Пишу еще одинъ разсказъ. Меня захватило и я почти не отхожу отъ стола. Между прочимъ, я купилъ себѣ новый столъ.

Спасибо за обѣщаніе выслать словари. Казавъ панъ— кожухъ дамъ, слово его тепло.. За словари я пришлю Вамъ подарокъ очень дешовый и безполезный, но такой, какой только я одинъ могу подарить Вамъ. Ждите. Позволяю себѣ напомнить о Вашей большой фотографіи и моихъ шапировскихъ карточкахъ. Если Шапиро прислалъ Вамъ ихъ, то пришлите.

Былъ у меня Свободинъ и говорилъ между прочимъ, что Вы получили якобы письмо отъ какого-то родителя, у котораго сынъ застрѣлился послѣ моего Иванова.

---

[1]) Разсказъ А. П., напечатанный въ «Нов. Времени» въ 1889 г. № 4696.

Если это письмо не мнѣ, то пришлите мнѣ его пожалуста. Я его пріобщу къ тѣмъ письмамъ, какія у меня уже имѣются относительно моего Иванова. «Гражданина» я не читалъ, ибо 1) этой газеты я не получаю и 2) Ивановъ надоѣлъ мнѣ ужасно; я не могу о немъ читать и мнѣ бываетъ очень не по себѣ, когда о немъ начинаютъ умно и толково разсуждать.

Вчера ночью ѣздилъ за городъ и слушалъ цыганокъ. Хорошо поютъ эти дикія бестіи. Ихъ пѣніе похоже на крушеніе поѣзда съ высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука..

Не вѣрьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и съ ума не схожу. Если вѣрить всему тому, что теперь говорятъ обо мнѣ въ Петербургѣ, то я истекаю кровью, сошелъ съ ума, женился на С. и взялъ 20 милліоновъ приданаго.

Купилъ я въ вашемъ магазинѣ Достоевскаго и теперь читаю. Хорошо, но очень ужъ длинно и нескромно. Много претензій.

Скажите, зачѣмъ это отдали французамъ на посмѣяніе Грозу Островскаго? Кто это догадался? Поставили пьесу только для того, чтобы французы лишній разъ поломались и авторитетно посудачили о томъ, что для нихъ нестерпимо скучно и непонятно. Я бы всѣхъ этихъ господъ переводчиковъ сослалъ въ Сибирь за непатріотизмъ и легкомысліе.

Лѣшаго я буду писать въ маѣ или въ августѣ. Шага я во время обѣда изъ угла въ уголъ, я скомпановалъ первые три акта весьма удовлетворительно, а четвертый едва намѣтилъ. III актъ до того скандаленъ, что Вы, глядя на него, скажете:—«Это писалъ хитрый и безжалостный человѣкъ».

Кланяюсь низко Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ. Желаю имъ здоровья. Вашъ *А. Чеховъ.*

А Потемкинъ то 1-го марта не выигралъ!

CLXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

6 Мартъ. (1889 г. Москва).

Посылаю Вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, тотъ очень дешевый и безполезный подарокъ [1]), который я обѣщалъ Вамъ. За словарями я буду скучать, поскучайте и Вы за моимъ подаркомъ. Сочинилъ я его въ одинъ присѣстъ, спѣшилъ, а потому вышелъ онъ у меня дешевле дешоваго. За то, что я воспользовался Вашимъ заглавіемъ, подавайте въ судъ. Не показывайте его *никому*, а, прочитавши бросьте въ каминъ. Можете бросить и не читая. Вамъ я все позволяю. Можете даже по прочтеніи сказать: чертъ знаетъ что!

Изъ дирекціи я получилъ 997 рублевъ за Иванова и Медвѣдя. Заперъ ихъ въ столъ. Цыганъ не заработаетъ того живымъ медвѣдемъ, что я заработалъ дохлымъ. 500 рублей далъ мнѣ звѣрь. Мой Михайло [2]) кончилъ курсъ въ университетѣ; кончилось и мое юридическое образованіе, такъ какъ лекціи уже не будутъ валяться по столамъ и мнѣ не за что будетъ хвататься въ часы скуки и досуга.

А весны все еще нѣтъ. Ужасно надоѣлъ холодъ. Большія надежды возлагаю я на лѣто. А Стива Облонскій [3]) забылъ про лодки.

Всѣмъ кланяюсь. Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Пародія на «Татьяну Рѣпину» А. С. Суворина. Напечатано было А. С. Суворинымъ въ 3 экз. Одинъ экз. сохраняется въ архивѣ А. П.

[2]) Братъ Мих. Павл.

[3]) А. С. Суворинъ провелъ лѣто у кн. Оболенскаго въ Тульской губ., гдѣ оставилъ свои лодки. Эти лодки онъ подарилъ А. П. и поручилъ доставить ихъ къ Ан. Павл-чу на Луку.

CLXV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Марта (1889 г. Москва).

Милѣйшій благопріятель

Владиміръ Алексѣевичъ!

Ваша рецензія меня немножко удивила: я и не подозрѣвалъ, что Вы такъ хорошо владѣете газетнымъ языкомъ. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовалъ, ибо этотъ газетный языкъ мнѣ никогда не давался.

Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Потому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно.

Коршевскихъ новостей не вѣдаю. Знаю только, что Соловцовъ ушелъ, уходитъ, кажется, и старикъ Полтавцевъ. Режиссеръ Аграмовъ.

Дай Богъ, чтобъ комедія, которую Вы носите подъ сердцемъ, удалась Вамъ и дала Вамъ то, чего Вы хотите. Чѣмъ больше успѣха, тѣмъ лучше для всего нашего поколѣнія писателей. Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ ни «слономъ среди насъ» и никакимъ либо-другимъ звѣремъ [1]) и что мы мо-

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ант. П-чѣ адресатъ пишетъ: «...разъ въ русскомъ литературномъ обществѣ, въ маленькой тѣсной компаніи, зашелъ разговоръ объ Антонѣ Чеховѣ. Присутствовавшій тутъ же Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка) сказалъ, что онъ считаетъ Чехова величайшимъ русскимъ писателемъ, слономъ между всѣми нами.

жемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія, не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не Короленко, не Щегловъ, не Баранцевичъ, не Бѣжецкій, а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ, артель.

Новаго у меня нѣтъ ничего. Собираюсь писать что-то въ родѣ романа и уже началъ. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нѣтъ сюжетовъ и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дѣло, а безъ любви ничего путнаго не выйдетъ. Когда нѣтъ любви, то и успѣхъ не льститъ. Начну съ будущаго сезона аккуратно посѣщать театръ и воспитывать себя сценически.

Поклонитесь Вашему брату. Всѣ мои шлютъ Вамъ поклонъ, а я дружески жму руки и шлю Вамъ самыя сердечныя пожеланія. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

7 Марта (1889 г. Москва).

Давно ужъ я не писалъ Вамъ, милый Алексѣй Николаевичъ, и давно ужъ не получалъ отъ Васъ писемъ. Соскучился. Какъ Вы живете, какъ Ваше здоровье, что у Васъ новаго?

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Павловичу я упомянулъ объ этомъ разговорѣ, а вскорѣ получилъ отъ него письмо въ которомъ между прочимъ, были такія строки:

...«Дай Богъ, чтобы...»

Не этимъ ли объясняется его такое ровное отношеніе къ пишущей братіи? Между сверстниками онъ, какъ будто, не зналъ ни большихъ, ни малыхъ, а только—хорошихъ людей и не очень хорошихъ людей...»

Я живу сѣро, по обыкновенію. Новаго ничего нѣтъ, ожидаю нетерпѣливо весну и во всю ивановскую трачу тѣ деньги, которыя получилъ за своего Иванова. Кстати объ Ивановѣ. Въ библіотеку Разсохина поступаютъ требованія изъ провинціи и отъ частныхъ лицъ, а между тѣмъ Демаковъ [1]) почему-то не шлетъ мнѣ оттисковъ. Разсохинъ засыпалъ меня письмами. Если увидите, голубчикъ, Демакова, то скажите ему, чтобъ торопился.

Пишу разсказы. Одинъ уже послалъ на-дняхъ Суворину, другой пишу помаленьку и шлифую. Лѣтомъ буду коптѣть надъ романомъ. Свой романъ посвящу я Вамъ— это завѣщала мнѣ моя душа. Я Вамъ еще ничего не посвящалъ въ печати, но въ мечтахъ и въ планахъ моихъ Вамъ посвящена моя самая лучшая вещь.

Пьесъ не стану писать. Если будетъ досугъ, то сдѣлаю что-нибудь пуръ манже, но осень и зиму буду отдавать только беллетристикѣ. Не улыбается мнѣ слава драматурга.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Сестра шлетъ свой привѣтъ Еленѣ Алексѣевнѣ и приглашаетъ ее къ намъ на лѣто. На Луку мы беремъ съ собой музыкантовъ, не будетъ скучно.

Будьте здоровы и да хранитъ Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Со мной учился въ гимназіи нѣкій П. А. Сергѣенко. Онъ пишетъ стихи и печатается. Прислалъ мнѣ вчера пару стиховъ съ просьбой послать ихъ въ Сѣв. Вѣстникъ, что я и исполняю, написавъ автору, что я заранѣе предрекаю ему полнѣйшее фіаско.

---

[1]) Типографъ.

CLXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Марта. (1889 г. Москва).

Перечисляя прелести харьковскаго имѣнія, Вы не упомянули рѣки. Безъ рѣки нельзя. Если Донецъ, то покупайте. Если же Лопань, или пруды, то не покупайте. У насъ есть одинъ профессоръ-хирургъ, маленькій, стриженный человѣчекъ съ оттопыренными ушами и съ глазами, какъ у Юзефовича; у него есть имѣнье. Тѣхъ, кто ему симпатиченъ, онъ приглашаетъ купить имѣнье по сосѣдству съ нимъ. Обыкновенно беретъ симпатичнаго человѣка за бока, сантиментально глядитъ ему въ лицо и говоритъ со вздохомъ:—«А какъ бы мы съ вами пожили!» Я тоже сантиментально смотрю на Васъ и говорю: а какъ бы мы съ вами пожили! Вообще вы приносите мнѣ большой вредъ, что не покупаете имѣнья.

Мнѣ нужна только Ваша карточка; мои же карточки нужны не мнѣ, а тѣмъ лицамъ, которыя дѣлаютъ видъ, что моя карточка имъ очень и очень нужна. Вѣдь и у меня тоже есть почитатели! Нѣтъ того Сеньки, для котораго нельзя было бы подобрать шапку. А что Вы думаете? Я пишу романъ!! Пишу, пишу и конца не видать моему писанью. Началъ его т.-е. романъ сначала, сильно исправивъ и сокративъ то, что уже было написано. Очертилъ уже ясно девять физіономій. Какая интрига! Назвалъ я его такъ: «Разсказы изъ жизни моихъ друзей» и пишу его въ формѣ отдѣльныхъ, законченныхъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собой общностью интриги, идеи и дѣйствующихъ лицъ. У каждаго разсказа особое заглавіе. Не думайте, что романъ будетъ состоять изъ клочьевъ. Нѣтъ, онъ будетъ настоящій романъ, цѣ-

лое тѣло, гдѣ каждое лицо будетъ органически необходимо. Григоровичъ, которому Вы передали содержанье первой главы, испугался, что у меня взять студентъ, который умретъ и такимъ образомъ не пройдетъ сквозь весь романъ т.-е. будетъ лишнимъ. Но у меня этотъ студентъ—гвоздь изъ большого сапога. Онъ деталь.

Еле справляюсь съ техникой. Слабъ еще по этой части и чувствую, что дѣлаю массу грубыхъ ошибокъ. Будутъ длинноты, будутъ глупости. Невѣрныхъ женъ, самоубійцъ, кулаковъ, добродѣтельныхъ мужиковъ, преданныхъ рабовъ, резонирующихъ старушекъ, добрыхъ нянюшекъ, уѣздныхъ остряковъ, красноносыхъ капитановъ и «новыхъ» людей постараюсь избѣжать, хотя мѣстами сильно сбиваюсь на шаблонъ.

Корректуру «Княгини» сейчасъ получилъ и завтра пошлю ее прямо въ типографію.

На закуску объявленіе изъ «Русскихъ Вѣдомостей» (слѣдуетъ вырѣзка изъ газеты:)

НУЖНА ОСОБА

Среднихъ лѣтъ въ семейство, живущее близъ Москвы въ имѣніи, для помощи въ хозяйственныхъ и воспитательныхъ дѣлахъ. Особа эта должна быть знакома съ воззрѣніями на жизнь и воспитаніе нашихъ писателей: доктора Покровскаго, Гольцева, Сикорскаго и Льва Толстого. Проникнутая взглядами этихъ писателей и понимая важность физическаго труда и вредъ умственнаго переутомлѣнія, она должна направить свою воспитательную дѣятельность къ развитію въ дѣтяхъ строгой правды, добра и любви къ ближнимъ. Просятъ адресоваться письменно на № 2183, въ коммиссіонерскую и справочную контору «В. МИЛЛЕРЪ», Москва, Петровка, д. Кабанова.

Это называется свободною совѣстью. За столъ и квартиру барышня обязана быть проникнута воззрѣніями Гольцева и К°, а дѣти, должно-быть, въ благодарность за то, что они имѣютъ очень умныхъ и либеральныхъ родителей, обязаны отъ утра до вечера слѣдить за собой, чтобъ не переутомляться умственно и любить ближнихъ.

Странно, что люди боятся свободы.

Между прочимъ, недавно въ Новомъ Времени среди газетъ и журналовъ была сдѣлана цитата изъ какой то газеты, восхваляющей нѣмецкихъ горничныхъ за то, что онѣ работаютъ *цѣлый* день, какъ каторжныя, и получаютъ за это только 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Новое Время расписывается подъ этой похвалой и добавляетъ отъ себя, что бѣда де наша въ томъ, что мы держимъ много лишней прислуги. По моему, нѣмцы подлецы и плохіе политико-экономы. Во-первыхъ, нельзя говорить о прислугѣ такимъ тономъ, какъ объ арестантахъ; во-вторыхъ, прислуга правоспособна и сдѣлана изъ такого же мяса, какъ и Бисмаркъ; она — не рабы, а свободные работники; въ-третьихъ, чѣмъ дороже оплачивается трудъ, тѣмъ счастливѣе государство, и каждый изъ насъ долженъ стремиться къ тому, чтобы за трудъ платить подороже. Не говорю уже о христіанской точкѣ зрѣнія. Что же касается лишней прислуги, то держится она только тамъ, гдѣ денегъ много, и получаетъ больше, чѣмъ начальники отдѣленій. Ее въ расчетъ брать не слѣдуетъ, ибо она явленіе случайное и не необходимое.

Отчего Вы не ѣдете въ Москву? А какъ бы мы пожили!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXVIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

11 Марта (1889 г. Москва).

Милый Жанъ, я не боленъ, не уѣхалъ и не думаю жениться на милліонахъ; если же когда-нибудь и женюсь, то не на деньгахъ—успокойте идеалиста Лемана. Не писалъ же Вамъ такъ долго по весьма тонкимъ и политичнымъ причинамъ: лѣнь одолѣла. Простите, Жанъ.

Пастуховъ сапожникъ, а не редакторъ; онъ не смѣлъ, каналья онъ этакая, писать Вамъ литератору канцелярскимъ способомъ, т.-е. подписываться подъ письмомъ, написаннымъ писарской рукой. Если увижу его, то нещадно выругаю. Знакомъ я съ нимъ мало, отношеній къ нему никакихъ не имѣю, кромѣ развѣ того, что его органъ «Моск. Листокъ» и его отецъ считаются моими литературными врагами, т.-е. ругаютъ меня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Платитъ онъ отлично.

Что Вамъ, роднуша, сказать насчетъ «Предложенія»? Дѣло въ томъ, что В. Н. Давыдовъ хотѣлъ сыграть его на Александринкѣ, по крайней мѣрѣ, говорилъ объ этомъ. Вы спросите у него. Если онъ не разсчитываетъ играть въ «Предложеніи», то даю Вамъ картъ-бланшъ, дѣлайте съ моей пресловуто-глупой пьесой что угодно, хоть цыгарки изъ нея лѣпите.

Копаюсь въ своемъ романѣ. Пока еще ничего не выкопалъ, но въ занятіи семъ испытываю нѣкоторое сладострастіе.

Ваши книги я запаковалъ, связалъ веревкой и спряталъ. Пусть лучше изображаютъ изъ себя лежачій и

мертвый капиталъ, чѣмъ рисковать ежеминутно быть украденными любознательными читателями, наполовину уже разворовавшими мою библіотеку.

Если куплю себѣ хуторъ, то устрою тамъ себѣ настоящую библіотеку, со всѣми онерами.

Слушайте, зачѣмъ это про меня сплетничаютъ въ Петербургѣ? Кому это нужно? Въ томъ, что каждый сплетникъ теряетъ мое уваженіе, бѣды особенной нѣтъ; въ томъ, что я презираю сплетню и идеалистовъ-шентуиовъ, тоже нѣтъ бѣды особенной; но вѣдь я же, въ концѣ-концовъ, могу и разсердиться, а это можетъ повлечь за собой бѣду даже очень особенную.

Какъ вы думаете провести лѣто? На мѣстѣ Вашей жены я купилъ бы длинный хлыстъ и выгналъ бы Васъ имъ изъ Петербурга.

Вѣдь черезъ 5—10 лѣтъ, живя безвыѣздно въ домѣ № 19, кв. 5, Вы обратитесь въ настоящаго, заправскаго капитана, такого капитана, что хоть носъ сандаль.

Больше писать не о чемъ. Новостей нѣтъ никакихъ, на улицѣ метель, сугробы навалило, холодно. Да хранитъ Васъ небо, сыплющее снѣгъ.

Вашъ *Antoine.*

CLXIX.

Н. А. Хлопову.

(Москва 22 марта 1889 г.).

Уважаемый Николай Аѳанасьевичъ! Я прочелъ Вашъ разсказъ вчера, когда получилъ: за 1—2 часа до отхода поѣзда. Двухъ послѣднихъ строчекъ я не прочелъ—было некогда, — но нахожу, что онъ лучше [1]) «Одиннадцатаго». Я отдалъ его въ собственныя руки Суворина.

---

[1]) т.-е. написанъ лучше. *Прим. А. П.*

Сей послѣдній обѣщалъ прочесть его въ самомъ скоромъ времени.

Теперь объ «Одиннадцатомъ». Вотъ Вамъ выписка изъ письма старика Плещеева: «Это разсказецъ, написанный не безъ юмора и который бы можно напечатать въ «Сѣверн. Вѣстн.», но тамъ столько маленькихъ разсказовъ лежитъ — цѣлый ворохъ, — что не извѣстно, когда бы онъ пошелъ. Можетъ-быть, черезъ полгода, черезъ годъ, а автору это, вѣроятно, было бы не на руку?»

«Одиннадцатый» теперь у Буренина.

Вотъ и все, что мнѣ извѣстно. Вашему желанію работать въ Питерѣ я радуюсь и въ свою очередь искренно желаю успѣха и побольше настойчивости въ этомъ направленіи... Были бы упрямство и настойчивость, поменьше малодушія передъ неудачами и дѣло Ваше пойдетъ на ладъ—готовъ ручаться, ибо Вы талантливы.

Простите за мораль Вашего доброжелателя.

А. Чеховъ.

CLXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Апрѣля (1889 г. Москва).

Поздравляю Васъ, Анну Ивановну, Настюшу и Борю съ праздникомъ и желаю Вамъ богатства, славы, почета, покоя и веселья на всю жизнь.

Погода въ Москвѣ подлая: грязь, холодъ, дождь. Художникъ [1]) все еще упрямствуетъ и стоитъ на 39°. Ѣзжу къ нему два раза въ день. Настроеніе мое похоже на погоду. Не работаю, а читаю или шагаю изъ угла въ уголъ. Впрочемъ, я не жалѣю, что у меня есть время

---

[1]) Братъ Николай Павл.

читать. Читать веселѣе, чѣмъ писать. Я думаю, что если бы мнѣ прожить еще 40 лѣтъ и во всѣ эти сорокъ лѣтъ читать, читать и читать, и учиться писать талантливо т.-е. коротко, то черезъ 40 лѣтъ я выпалилъ бы во всѣхъ васъ изъ такой большой пушки, что задрожали бы небеса. Теперь же я такой лилипутъ, какъ и всѣ.

Наши убираютъ, чистятъ, пекутъ, варятъ, трутъ, выбиваютъ пыль, бѣгаютъ по лѣстницѣ. Гвалтъ. Ѣду къ художнику. Будьте здоровы. Пріѣзжайте, поѣдемъ на Волгу, или въ Полтаву.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 Апрѣль (1889 г. Москва).

Христосъ Воскресе, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ! Поздравляю Васъ и всѣхъ вашихъ и желаю всего, всего хорошаго, а главное—чтобы исполнялись желанія хорошихъ людей. Давно ужъ я Вамъ не писалъ! Все ждалъ, что Вы пріѣдете въ Москву—объ этомъ писалъ мнѣ Свободинъ, но Вы не пріѣхали и обманули мои ожиданія. Я съ удовольствіемъ побесѣдовалъ бы съ Вами. А поговорить есть о чемъ. У меня въ послѣднее время скопилось въ головѣ столько хабуръ-чабуру и такая въ моемъ нутрѣ идетъ пертурбація, что хватило бы матеріала на сто бесѣдъ. Надоѣлъ бы я Вамъ, утомилъ бы—Вы это предчувствовали и не пріѣхали.

У меня медицинская практика. Центромъ этой злополучной весьма непріятной и утомительной практики служитъ одръ моего брата художника, страждущаго брюшнымъ тифомъ.

Человѣкъ я малодушный, не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ и поэтому Вы мнѣ повѣрите, если я скажу Вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ ужъ три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты и не думаю ни о чемъ такомъ, что было бы для Васъ интересно. Скученъ я до безобразія.

Романъ значительно подвинулся впередъ и сѣлъ на мель въ ожиданіи прилива. Посвящаю его Вамъ — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людями посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.

Впрочемъ, это скучно. Куда Вы поѣдете лѣтомъ? Жоржинька Линтваревъ премного одолжилъ бы меня, если бы зарядился краснорѣчіемъ и убѣдилъ Васъ пріѣхать въ Сумы хоть на недѣлю. Теперь удобнѣе будетъ жизнь, чѣмъ въ прошлое лѣто. Все починено во флигелѣ, а лѣто обѣщаетъ быть теплымъ.

Въ понедѣльникъ общее собраніе драматическихъ писателей. Хотятъ меня избрать въ Комитетъ. Ничего я въ ихъ комитетѣ не понимаю и ничего я имъ путнаго не сдѣлаю. Приняли бы они хоть то во вниманіе, что я 9 мѣсяцевъ не живу въ Москвѣ. Повидимому, засѣданіе будетъ безпокойное. Буду отстаивать 500—600 р. вдовѣ

Семья А. П. Чехова въ Москвѣ, во дворѣ дома Корнѣева.
(А. П. въ серединѣ въ свѣтломъ пальто.)

Юрьева [1]), вмѣсто тѣхъ 300, которыя выбаллотировалъ Петербургъ. Обществу, тратящему на свою канцелярію болѣе 15 тысячъ, стыдно платить вдовѣ своего предсѣдателя 300 рублей. Вообще у меня языкъ чешется и хочется мнѣ поболтать.

Привѣтъ Вашей семьѣ отъ моей. Сестра приказала кланяться Вамъ, и поздравить и пригласить на Луку.

Погода въ Москвѣ поганая: холодно, грязно и облачно. Солнца не видимъ.

Будьте здоровы, счастливы и покойны духомъ.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Аннѣ Михайловнѣ. Фельетонъ Буренина мѣстами смѣшонъ, но въ общемъ мелоченъ. Надоѣла мнѣ критика. Когда я читаю критику, то прихожу въ нѣкоторый ужасъ: неужели на земномъ шарѣ такъ мало умныхъ людей, что даже критики писать некому? Удивительно все глупо, мелко и лично до пошлости. А на критику «Сѣвернаго Вѣстника» просто и не глядѣлъ бы. Мнѣ даже начинаетъ казаться, что критики у насъ оттого нѣтъ, что она не нужна, какъ не нужна беллетристика (современная, конечно).

CLXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

10 Апрѣля (1889 г. Москва).

Добрѣйшій Николай Александровичъ, поздравляю Васъ съ праздникомъ и въ отвѣтъ на Ваше поздравленіе восклицаю: воистину воскресъ. Желаю всего, всего хорошаго.

---

[1]) С. А. Юрьевъ.

250 рублевъ я получилъ и благодарю. Кстати о «Пестрыхъ разсказахъ». Будьте добры распорядиться, чтобы Анна Ивановна [1]) отправила наложеннымъ платежомъ 5 экземпляровъ «Пестрыхъ разсказовъ» по адресу: «г. Ростовъ-на-Дону, книжный магазинъ Ѳедора Степановича Романовича, Московская улица». Скидка 30%.

Весну и праздники встрѣтилъ я невесело. Мой художникъ около 25 марта заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, формою сравнительно легкой, но осложнившейся верхушечнымъ процессомъ. Тифозная температура зашалила и въ послѣдніе 5—6 дней перешла въ ту зловѣщую, которой я всегда такъ боялся, когда лѣчилъ тификовъ съ конституціей моего художника. Притупленіе въ правой верхушкѣ, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся въ двухъ мѣстахъ соотвѣтственно двумъ гнѣздамъ. Похуданіе.

Вотъ Вамъ сюрпризъ! Перевезъ больного къ себѣ и начиняю теперь его всякою дрянью. Надо бы въ Крымъ, но нѣтъ денегъ.

Билибинъ писалъ мнѣ, что онъ читалъ гдѣ-то, будто я ѣду въ Кіевъ ставить своего «Иванова». Да, недоставало, чтобы я скакалъ по городамъ ставить свои пьесы. Онѣ мнѣ и въ столицахъ опротивѣли. Вѣрнѣе всего, что лѣтомъ я поѣду на воды на Кавказъ, гдѣ открою лавочку и буду лѣчить литературную публику.

Ну, будьте здоровы, поѣзжайте къ себѣ на дачу, веселитесь и не унывайте. Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Написалъ бы вамъ еще, да мнѣ еще пять писемъ писать, въ томъ числѣ Суворину, которому я давно уже не писалъ.

Настроеніе у меня гнусное.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Конторщица у Н. А. Лейкина.

CLXXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

11 Апр. (1889 г. Москва)

Новый Викторъ Крыловъ!

Не писалъ я тебѣ такъ долго просто изъ нерѣшительности. Мнѣ не хотѣлось сообщать тебѣ одну непріятную новость. На горизонтѣ появились тучки; будетъ гроза, или нѣтъ—вѣдомо Богу. Дѣло въ томъ, что нашъ Косой [1]) около 25 марта заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, формою легкою, но осложнившеюся легочнымъ процессомъ. На правой сторонѣ зловѣщее притупленіе и слышны хрипы. Перевезъ Косого къ себѣ и лѣчу. Сегодня былъ консиліумъ, рѣшившій такъ: болѣзнь серьезная, но опредѣленнаго предсказанія ставить нельзя. Все отъ Бога.

Надо бы въ Крымъ, да нѣтъ паспорта и денегъ.

Ты написалъ пьесу? Если хочешь знать о ней мнѣніе, имѣющее цѣнность, то дай ее прочесть Суворину. Сегодня я напишу ему о твоей пьесѣ, а ты не ломайся и снеси. Не отдавай въ цензуру, прежде чѣмъ не сдѣлаешь поправокъ, какія сдѣлаешь непремѣнно, если поговоришь съ опытными людьми. Одного Суворина совершенно достаточно. Мой совѣтъ: въ пьесѣ старайся быть оригинальнымъ и по возможности умнымъ, но не бойся показаться глупымъ; нужно вольнодумство, а только тотъ вольнодумецъ, кто не боится писать глупостей. Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюжъ и дерзокъ. Краткость—сестра таланта. Памятуй кстати, что любовныя объясненія, измѣны женъ и мужей, вдовьи,

---

[1]) Дѣтское прозвище брата Ник. Павл.

сиротскія и всякія другія слезы давно уже описаны. Сюжетъ долженъ быть новъ, а фабула можетъ отсутствовать. А главное—папашѣ и мамашѣ кушать нада. Пиши. Мухи воздухъ очищаютъ, а пьесы очищаютъ нравы.

Твоимъ капитанамъ Кукамъ и Натальѣ Александровнѣ мой сердечный привѣтъ. Очень жалѣю, что я не могу и не могъ къ праздникамъ сдѣлать для нихъ что-нибудь пріятное. У меня странная судьба. Проживаю я 300 въ мѣсяцъ, не злой человѣкъ, но ничего не дѣлаю пріятнаго ни для себя, ни для другихъ.

Будь здравъ.

Tuus magister bonus Antonius XIII.

CLXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

12 Апрѣль (1889 г. Москва).

Здравствуйте, капитанъ! Моя мать сказала, что и Дачный мужъ и Предложеніе провалятся непремѣнно, такъ какъ Вы ставите ихъ подъ 13 число. Но я убѣжденъ, что Вашъ режиссерскій геній побѣдилъ примѣту и что Вы вышли побѣдителемъ. Только душа моя, какой Вы дятелъ! Вы чуть ли не съ самаго октября долбите во всѣхъ газетахъ ежедневно про мое «Предложеніе». Зачѣмъ это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромнымъ и не давать своему имени мелькать, какъ пузыри въ лужѣ.

Значитъ, мое Предложеніе на казенной сценѣ ужъ не пойдетъ. Дѣлайте съ нимъ, что хотите. Чѣмъ чаще будете ставить, тѣмъ конечно, лучше, ибо прибыльнѣе. Для казны прійдется написать что-нибудь другое. Если новый водевиль (для казны) удастся, то посвящу его Вамъ.

Что Вы теперь пишете? Пишите, голубчикъ, не лѣнитесь и не унывайте.

Билибинъ писалъ мнѣ, что Вы часто видаетесь съ нимъ. Онъ милый человѣкъ, но немножко сухарь и немножко чиновникъ. Онъ очень порядоченъ и, въ чемъ я убѣжденъ уже давно, талантливъ. Талантъ у него большой, но знанія жизни ни на грошъ, а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ нѣтъ и смѣлости. Держу пари на бутылку шампанскаго, что Вы уже пророчили ему, что изъ него выйдетъ первый русскій водевилистъ. Вы очень добрый и щедрый человѣкъ, но не желайте ему этого и своимъ театрально-писательскимъ авторитетомъ не укрѣпляйте въ немъ его водевильныхъ надеждъ. Онъ хорошій фельетонистъ; его слабость—французисто-водевильный, иногда даже б..... тонъ. Если же онъ пріймется родить цитварныхъ ребятъ [1]), то ужъ ему во вѣки вѣковъ не отдѣлаться отъ этого тона и фельетонисту придется пѣть вѣчную память. Внушайте ему стиль строгій и чувства возвышенныя, а водевиль не уйдетъ.

Мой братъ художникъ болѣнъ серьезно. Мой горизонтъ заволоченъ очень нехорошими тучами.

Суворинъ писалъ мнѣ, что Вы были у него и вели рѣчь о театрѣ и объ облавѣ на п..... Молодецъ Питеръ, старается! Гдѣ нѣтъ чистоты душъ, тамъ не ищите ея у тѣлъ.

Напишите мнѣ. Будьте здоровы и веселы. За поздравленіе семья благодаритъ Васъ и платитъ тѣмъ же.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Отчего бы Вамъ не написать драму? Повѣсть лучше драмы, но ужъ коли театральный зудъ въ рукахъ, то

---

[1]) «Цитварный ребенокъ», водевиль Билибина.

лучше написать одну драму, чѣмъ три трехактныя комедійки. Работа веселѣе и выгоднѣе.

Не забывайте передавать Вашей женѣ отъ меня поклоны.

CLXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Апрѣль (1889 г. Москва).

Вы завидуете моей молодости, а я завидую Вамъ, что Вы ѣдете въ Тироль. Давайте помѣняемся.

Итакъ, значитъ, лѣтомъ мы не увидимся. До самаго Ноября я не увижу ни Васъ, ни Анны Ивановны, и не буду купаться въ Ѳеодосіи. Обидно, ибо скучища лѣтомъ будетъ ужасающая. Мнѣ снилось, что я получилъ Станислава 3 степени. Мать говоритъ, что мнѣ предстоитъ нести крестъ. Сонъ, вѣроятно, сбудется, ибо дѣла художника совсѣмъ плохи.

Я избранъ въ комитетъ общества драматическихъ писателей. Новыхъ порядковъ не ждите. До тѣхъ поръ не ждите этихъ порядковъ, пока въ обществѣ будутъ больше всѣхъ говорить и протестовать тѣ, кто меньше всего заинтересованъ въ дѣлахъ общества. Посылаю Вамъ маленькую глупость, направленную противъ бунтарей, которые, если имъ дать волю, ухлопаютъ общество. Коли годится, напечатайте ее вмѣсто субботника, или какъ хотите, а коли не годится, то я пошлю ее въ Пет. Газ.

Получилъ я вчера отъ Алексѣя Алексѣевича изъ Курска «бюллетень весны», съ такой между прочимъ фразой: «теплота, свѣжесть и ласковость въ воздухѣ»...

Не имѣя возможности писать романъ, началъ отъ скуки Лѣшаго. Выходитъ скучища въ родѣ Натана Мудраго. Все-таки увѣряю Васъ, что рано или поздно я сдеру съ дирекціи 5—6 тысячъ въ одинъ сезонъ. Ахъ, какъ надменно я тогда буду смотрѣть на Васъ!

Вашу Татьяну даютъ въ Москвѣ съ измѣненіями. Такъ, Медвѣдева не появляется въ III актѣ.

Не жениться ли мнѣ? Или не уѣхать ли врачомъ на пароходѣ Добровольнаго флота?

Поговорите со Щегловымъ насчетъ убійства Бунаковымъ дѣвицы Шаршавиной. Интересное дѣло и фельетоны будутъ интересные. Щегловъ мнѣ не пишетъ. Очевидно, сердится за «Журавля въ небѣ».

Будьте здоровы.

Непремѣнный членъ по драматическимъ дѣламъ присутствія. Вашъ начальникъ

Чеховъ.

CLXXVI.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

17 Апрѣль (1889 г. Москва).

Уважаемая Елена Михайловна, начну съ непріятностей. У меня боленъ художникъ. У него былъ брюшной тифъ, осложнившійся хроническимъ легочнымъ процессомъ. Притупленіе и хрипы выше правой ключицы и ниже ея на три пальца. Тифъ уже кончился (селезенка нормальна), но температура не бываетъ во весь день, даже утромъ ниже 39. Надо скорѣе везти его на югъ. Ѣхать въ Крымъ нѣтъ денегъ, стало быть, придется ограничиться одною Лукой и жить въ ней, пока въ исторію болѣзни не вмѣшается intermittens. Я разсчиты-

ваю выѣхать съ художникомъ въ субботу на Ѳоминой. Какая у Васъ теперь погода? Боюсь, какъ бы не пріѣхать въ дождь и холодъ. Если погода хороша, то я пріѣду къ Вамъ въ воскресенье съ курьерскимъ; если она плоха у Васъ, то въ пятницу будьте добры увѣдомить меня телеграммой: погода плоха. И тогда, конечно, я отложу свой пріѣздъ впредь до тѣхъ поръ, пока другая Ваша телеграмма не извѣститъ меня о ясныхъ дняхъ. Мой адресъ для телеграммъ такой: «Москва, Кудрино, Чехову».

Я здоровъ, но настроеніе у меня скверное. Съ нимъ т.-е. съ такимъ настроеніемъ Вы достаточно знакомы, а потому рисовать его не стану. Имѣть больного брата— горе; быть врачомъ около больного брата — два горя.

Въ Москвѣ гоститъ А. Н. Плещеевъ. Сейчасъ обѣдалъ съ нимъ у Островскаго (брата драматурга). Хорошій старикъ. Жаль только, что этимъ лѣтомъ онъ не пріѣдетъ на Луку. Кстати, гдѣ-то около Луки проф. Манассеинъ нанялъ себѣ дачу. Будемъ приглашать его на консиліумъ и конфузиться передъ бездною его премудрости. Прежде на консиліумахъ я сильно конфузился, но теперь держу себя храбро, но Манассеина должно-быть испугаюсь. Вѣдь редакторъ! [1]) Подумать страшно.

Если Николаю станетъ легче, что очень возможно, то въ іюнѣ или въ іюлѣ я поѣду въ Кисловодскъ, гдѣ открою лавочку и буду лѣчить дамъ и дѣвицъ. Чувствую медицинскій зудъ. Опротивѣла литература.

Надѣюсь, что всѣ Ваши здоровы и веселы. Будьте добры поклониться имъ и пожелать всего хорошаго.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Недавно я былъ въ Харьковѣ и видѣлся съ Тимоѳеевымъ.

---

[1]) «Русскаго Врача».

CLXXVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

(1889 г. апр. 19. Москва).

Милый Францъ Осиповичъ! Буде Вы не перемѣнили своего намѣренія повидаться съ Николкой, то вѣдайте, что въ субботу на этой недѣлѣ онъ и я уѣзжаемъ на югъ.

Теперь онъ ходитъ по комнатамъ. Тифъ давно уже прошелъ, но легкія шалятъ попрежнему.

Будьте здоровехоньки. Не встрѣтимся ли мы съ Вами на Кавказѣ? Я буду тамъ въ іюнѣ—іюлѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Апрѣль. (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, завтра въ воскресенье я ѣду съ художникомъ къ югу. Мой адресъ прошлогодній: г. Сумы Харьк. губ., усадьба Линтваревой. Тутъ я буду жить до той поры, пока температура художника не станетъ нормальною, а затѣмъ поѣду на Кавказъ, гдѣ буду шарлатанить.

Посылаю Вамъ водевиль, который, если онъ годенъ, не печатайте раньше мая.

Такъ какъ меня ожидаетъ скучища, то будьте добрымъ человѣкомъ, сжальтесь и пишите мнѣ изъ Тироля о всякой веселой всячинѣ, а я обѣщаю Вамъ во все лѣто ничего не писать о скукѣ. Буду писать только о томъ, что

можетъ показаться интереснымъ въ какомъ-либо отношеніи.

Деньги у меня плывутъ со скоростью окуня, котораго укусила за хвостъ щука. Трачу безъ конца и не знаю, когда кончу тратить. Отсюда мораль: надо работать для денегъ.

Сегодня отправляю мать съ Мишей авангардомъ.

Надо укладываться. Будьте здоровы, счастливы и уѣзжайте поскорѣе изъ сѣраго Петербурга.

Душевно Вашъ *А. Чеховъ.*

Ленскій на-дняхъ ѣдетъ въ Тулу изображать Адашева. Кстати: гдѣ же печатный экземпляръ «Татьяны Рѣпиной» въ I актѣ? [1]) Пришлите его въ Сумы.

Сегодня у меня былъ бывшій букинистъ Свѣшниковъ. Оборванъ и въ лаптяхъ. Глаза ясные, лицо умное. Идетъ пѣшкомъ въ Петербургъ, гдѣ хочетъ заняться прежнимъ дѣломъ. Пить онъ бросилъ. У меня были его воспоминанія, которыя Вы видѣли. Помните?

Какая чудная погода!

CLXXIX.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

23 Апр., Воскресенье 89 г. (Москва).

Sire! Когда Вы вернетесь изъ Петрограда, я и мощи Лины Саломонской [2]) будемъ уже сидѣть на крылечкѣ

---

[1]) Пародія А. П. на пьесу Суворина.

[2]) Такъ А. П. и д-ръ Оболонскій прозвали похудѣвшую послѣ болѣзни сестру А. П. Марію Павловну.

и слушать, какъ кричатъ соловьи и лягушки. О здоровьи художника буду сообщать Вамъ бюллетенями.

Мое благополучное семейство измышляетъ теперь, какимъ бы Станиславомъ наградить Васъ за лѣченіе нашего министра художествъ. Если бы моя власть, то я нацѣпилъ бы на Васъ Бѣлаго Орла; я Вамъ очень, очень обязанъ; но такъ какъ власти у меня нѣтъ, то Бѣлаго Орла я не нацѣплю, а буду только просить Васъ и умолять—не отказать моей семьѣ въ удовольствіи поднести Вамъ Станислава, буде она его измыслитъ.

Написалъ бы вамъ послаже и поласковѣй, да голова трещитъ какъ у сукинаго сына. Не пишется. Вчера до часа ночи былъ комитетъ. Послѣ комитета я прошелся пѣшкомъ отъ Сухаревой до Кудрина съ Вл. Александровымъ и говорилъ съ нимъ о пьесахъ и винокуренныхъ заводахъ. Потомъ, простившись съ нимъ, долго стоялъ у воротъ и смотрѣлъ на разсвѣтъ, потомъ пошелъ гулять, потомъ былъ въ поганомъ трактирѣ, гдѣ видѣлъ, какъ въ биткомъ набитой бильярдной два жулика отлично играли въ бильярдъ, потомъ . . . . . бесѣдовалъ со студентомъ-математикомъ и съ музыкантами, потомъ вернулся домой, выпилъ водки, закусилъ, потомъ (въ 6 часовъ утра) легъ, былъ рано разбуженъ и теперь страдаю, ибо чувствую во всемъ тѣлѣ сильное утомленіе и нежеланіе укладываться.

Да хранитъ Васъ Богъ. Дружески жму Вамъ руку и благодарю 1000 разъ. Сегодня изъ газетъ узналъ, что Толстой боленъ—теперь понимаю, зачѣмъ Вы въ Питерѣ.

Николай и сестра кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Это письмо разрѣшаю Вамъ напечатать черезъ 50 лѣтъ въ Русской Старинѣ и получить за него 500 рублей.

CLXXX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

(26 апрѣля 1889 г. Лука).

Москва. Кудринская-Садовая, д. Карнѣева, Маріи Павловнѣ Чеховой, для передачи Акакію Петровичу Накакіеву [1]).

Привези мнѣ полстяныя туфли, которыя купи за рубль. Мѣрка—Иванова нога.

Погода хорошая, но зелени такъ же мало, какъ и въ Москвѣ. Воздухъ великолѣпный, Пселъ величественно-ласковъ. Вершу довезли благополучно.

Поклонъ папашѣ, Иванамъ, тетѣ со чадомъ, Карнѣевымъ, Ленскимъ, Вермишелевой, Макароновой и всѣмъ прочимъ.

Ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Николай бодръ.

Послалъ ли Иванъ водевиль?

Дорогою не стѣсняй себя въ расходахъ.

Вишни и сирень еще не цвѣли. Артеменко ужасно обрадовался моему пріѣзду.

Твой *Antoine*.

Бугай кричитъ. Соловьи и лягушки мѣшаютъ спать.

Купи для мандолины струну lá.

---

[1]) На открыткѣ.

CLXXXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

г. Сумы, усадьба Линтваревой. (1889 г. 2 май).

Беззаконно живущій и беззаконно погибающій братъ нашъ Александръ!

Я живу уже на дачѣ и тщетно ожидаю отъ тебя писемъ. Погода великолѣпная, птицы поютъ, черемухи и всякіе крины райскаго и земного прозябанія пріятнымъ запахомъ вертятся около носа, но настроеніе духа вялое, безразличное, чѣмъ я обязанъ отчасти своей старости, а отчасти же косому Николаю, живущему у меня и неугомонно кашляющему день и ночь.

Обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. Будь добръ, возможно скорѣе попроси редакціоннаго Андрея собрать мнѣ «Новороссійскій Телеграфъ» съ 15 Апрѣля по 1 Мая; если какихъ №№ нѣтъ, то пусть дастъ соотвѣтствующіе №№ «Одесскаго Вѣстника». Возьми и скорѣе вышли мнѣ заказною бандеролью, чѣмъ премного меня обяжешь. Не забудь о сей просьбѣ и не полѣнись исполнить ее, иначе я тебя высѣку.

Сумской театръ со своими профессорами магіи ждетъ тебя, чтобы совмѣстно съ тобою дать представленіе.

Пиши пожайлуста, не будь штанами.

Капитанамъ Кукамъ и Натальѣ Александровнѣ мой сердечный привѣтъ.

Пришли ко мнѣ на прочтеніе свою пьесу. Я все-таки, Саша, опытный человѣкъ и могу тебя наставить. Если же будешь вести себя хорошо, то могу и протежировать.

Остаюсь упрекающій въ нерадѣніи

Чеховъ I-й.

Р. Пселъ.

CLXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Сумы, усадьба Линтваревой. (Май. 1889 г.).

Я глазамъ не вѣрю. Недавно были снѣгъ и холодъ, а теперь я сижу у открытаго окна и слушаю, какъ въ зеленомъ саду, не смолкая, кричатъ соловьи, удоды, иволги и прочія твари. Пселъ величественно-ласковъ, тоны неба и дали теплы. Цвѣтутъ яблони и вишни. Ходятъ гуси съ гусенятами. Однимъ словомъ весна со всѣми онерами.

Стива не прислалъ лодокъ, не на чѣмъ кататься. Хозяйскія лодки гдѣ-то въ лѣсу у лѣсника. Ограничиваюсь поэтому только хожденіемъ по берегу и острою завистью къ рыбалкамъ, которые снуютъ по Пслу на своихъ челнокахъ. Встаю я рано, ложусь рано, ѣмъ много, пишу и читаю. Живописецъ кашляетъ и злится. Дѣла его швахъ.— За неимѣніемъ новыхъ книгъ, повторяю зады, прочитываю то, что читалъ уже. Между прочимъ читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себѣ: за что я до сихъ поръ считалъ Гончарова первоклассным писателемъ? Его Обломовъ совсѣмъ не важная штука. Самъ Илья Ильичъ, утрированная фигура, не такъ ужъ крупенъ, чтобы изъ-за него стоило писать цѣлую книгу. Обрюзглый лѣнтяй, какихъ много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сію персону въ общественный типъ—это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломовъ не былъ лѣнтяемъ, то чѣмъ бы онъ былъ? И отвѣчаю: ничѣмъ. А коли такъ, то и пусть себѣ дрыхнетъ. Остальныя лица мелки, пахнутъ лейковщиной, взяты небрежно и наполовину сочинены. Эпохи они не характеризуютъ и новаго ничего не даютъ. Штольцъ не внушаетъ мнѣ никакого довѣрія. Авторъ говоритъ, что это великолѣпный малый, а я не вѣрю. Это продувная бестія. думающая о себѣ очень хорошо и собою довольная. Наполовину онъ сочиненъ, на три четверти ходуленъ. Ольга сочинена и притянута за хвость. А главное бѣда—во всемъ романѣ холодъ, холодъ, холодъ... Вычеркиваю Гончарова изъ списка моихъ полубоговъ.

Зато какъ непосредственененъ, какъ силенъ Гоголь и какой онъ художникъ! Одна его Коляска стоитъ двѣсти тысячъ рублей. Сплошной восторгъ и больше ничего. Это величайшій русскій писатель. Въ Ревизорѣ лучше всего сдѣланъ первый актъ, въ Женитьбѣ хуже всѣхъ III актъ. Буду читать нашимъ вслухъ.

Когда вы ѣдете? Съ какимъ удовольствіемъ я поѣхалъ бы теперь куда-нибудь въ Біарицъ, гдѣ играетъ музыка и гдѣ много женщинъ. Если бы не художникъ, то, право, я поѣхалъ бы Вамъ въ догонку. Деньги нашлись бы. Даю слово, что въ будущемъ году, коли останусь живъ и здоровъ, непремѣнно побываю въ Европѣ. Содрать бы мнѣ только съ дирекціи тысячи три, да кончить романъ.

Въ вашемъ книжномъ шкапу на Сумскомъ вокзалѣ нѣтъ ни Сумерекъ, ни Разсказовъ и *давно* уже не было. А въ Сумахъ, между тѣмъ, я модный литераторъ—живу близко. Если бъ Михаилъ Алексѣевичъ прислалъ полсотни, то все бы продано было.

По ночамъ ужасно воютъ собаки и не даютъ спать.

Мой Лѣшій вытанцовывается.

Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ мой сердечный привѣтъ. Въ эту ночь мнѣ снилась М-lle Эмили. Почему? не знаю.

Будьте счастливы и не забывайте меня въ своихъ святыхъ молитвахъ.

Вашъ *Акакій Тарантуловъ.*

CLXXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

4 Май (1889 г. Лука).

Пишу вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, вернувшись съ охоты: ловилъ раковъ. Погода чудесная. Все поетъ, цвѣтетъ, блещетъ красотой. Садъ уже совсѣмъ зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ выкрашены отъ червей въ бѣлую краску, цвѣтутъ всѣ эти древеса бѣло, отчего поразительно

похожи на невѣсть во время вѣнчанія: бѣлыя платья, бѣлые цвѣты и такой невинный видъ, точно имъ стыдно, что на нихъ смотрятъ. Каждый день родятся милліарды существъ. Соловьи, буганы, кукушки и прочія пернатыя твари кричатъ безъ-умолку день и ночь, имъ акомпанируютъ лягушки. Каждый часъ дня и ночи имѣетъ какую-либо свою особенность. Такъ, въ девятомъ часу вечера стоитъ въ саду буквально ревъ отъ майскихъ жуковъ. Ночи лунныя, дни яркіе. Сего ради настроеніе у меня хорошее и, если бы не кашляющій художникъ и не комары, отъ которыхъ не помогаетъ даже рецептура Эльпе [1]), то я былъ бы совершеннымъ Потемкинымъ. Природа очень хорошее успокоительное средство. Она миритъ, т.-е. дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ. А на этомъ свѣтѣ необходимо быть равнодушнымъ. Только равнодушные люди способны ясно смотрѣть на вещи, быть справедливыми и работать—конечно это относится только къ умнымъ и благороднымъ людямъ; эгоисты же и пустые люди и безъ того достаточно равнодушны.

Вы пишете, что я облѣнился. Это не значитъ, что я сталъ лѣнивѣе, чѣмъ былъ. Работаю я теперь столько же, сколько работалъ 3—5 лѣтъ назадъ. Работать и имѣть видъ работающаго человѣка въ промежутки отъ 9 часовъ утра до обѣда и отъ вечерняго чая до сна вошло у меня въ привычку и въ этомъ отношеніи я чиновникъ. Если же изъ моей работы не выходитъ по двѣ повѣсти въ мѣсяцъ или 10 тысячъ годового дохода, то виновата не лѣнь, а мои психико-органическія свойства: для медицины я недостаточно люблю деньги, а для литературы во мнѣ не хватаетъ страсти и стало-быть таланта. Во мнѣ огонь горитъ ровно и вяло, безъ вспышекъ и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написалъ бы сразу

---

[1]) Сотрудникъ «Новаго Времени».

листа три-четыре, или, увлекшись работою, помѣшалъ бы себѣ лечь въ постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни замѣтныхъ умностей.

Я боюсь, что въ этомъ отношеніи я очень похожъ на Гончарова, котораго я не люблю и который выше меня талантомъ на 10 головъ. Страсти мало; прибавьте къ этому и такого рода психопатію: ни съ того ни съ сего, вотъ уже два года, я разлюбилъ видѣть свои произведенія въ печати, оравнодушѣлъ къ рецензіямъ, къ разговорамъ о литературѣ, къ сплетнямъ, успѣхамъ, неуспѣхамъ, къ большому гонорару — однимъ словомъ сталъ дуракъ дуракомъ. Въ душѣ какой-то застой. Объясню это застоемъ въ своей личной жизни. Я не разочарованъ, не утомился, не хандрю, а просто стало вдругъ все какъ-то менѣе интересно. Надо подсыпать подъ себя пороху.

У меня, можете себѣ представить, готовъ первый актъ Лѣшаго. Вышло ничего себѣ, хотя и длинно. Чувствую себя гораздо сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда писалъ Иванова. Къ началу іюня пьеса будетъ готова. Берегись, дирекція! Пять тысячъ мои. Пьеса ужасно странная, и мнѣ удивительно, что изъ-подъ моего пера выходятъ такія странныя вещи. Только боюсь, что цензура не пропуститъ. Пишу и романъ, который мнѣ больше симпатиченъ и ближе къ сердцу, чѣмъ Лѣшій, гдѣ мнѣ приходится хитрить и ломать дурака. Вчера вечеромъ вспомнилъ, что я обѣщалъ Варламову [1]) написать для него водевиль. Сегодня написалъ и ужъ послалъ. Видите, какя у меня молотьба идетъ! А Вы пишете: облѣнился.

Наконецъ-то Вы обратили вниманіе на Соломона. Когда я говорилъ Вамъ о немъ, Вы всякій разъ какъ-то равно-

---

[1]) Извѣстный петербургскій артистъ.

душно поддакивали. По моему мнѣнію, Экклезіастъ подалъ мысль Гете написать Фауста.

Мнѣ чрезвычайно понравился тонъ Вашего письма о Лихачевѣ. По моему, это письмо можетъ служить образцомъ для всякаго рода полемики.

Былъ я въ Сумахъ въ театрѣ и смотрѣлъ «Вторую молодость». Актеры были въ такихъ штанахъ и играли въ такихъ гостиныхъ, что вмѣсто «Второй молодости» получилась «Лакейская». Въ послѣднемъ актѣ за сценою били въ барабанъ. Будутъ ставить Татьяну Рѣпину и Иванова. Схожу. Воображаю, каковъ будетъ Адашевъ!

Пришлите мнѣ мою Татьяну Рѣпину, если она ужъ вышла изъ печати.

Братъ пишетъ, что онъ замучиля со своей пьесой. Я очень радъ. Пусть помучается. Онъ ужасно снисходительно смотрѣлъ въ театрѣ Т. Рѣпину и моего Иванова, а въ антрактахъ пилъ коньякъ и милостиво критиковалъ. Всѣ судятъ о пьесахъ такимъ тономъ, какъ будто ихъ очень легко писать. Того не знаютъ, что хорошую пьесу написать трудно, писать же плохую пьесу вдвое труднѣй и жутко. Я хотѣлъ бы, чтобы вся публика слилась въ одного человѣка и написала пьесу, и чтобы я и Вы, сидя въ ложѣ Лит. И, эту пьесу ошикали.

Александръ страдаетъ отъ изобилія передѣлокъ. Онъ очень не опытенъ. Боюсь, что у него много фальшивыхъ эффектовъ, что онъ воюетъ съ ними и изнываетъ въ безплодной борьбѣ.

Привезите мнѣ изъ-за границы запрещенныхъ книжекъ и газетъ. Если бъ не живописецъ, то я поѣхалъ бы съ Вами.

Богъ дѣлаетъ умно: взялъ на тотъ свѣтъ Толстого [1]) и Салтыкова и такимъ образомъ помирилъ то, что намъ

---

[1]) Гр. Д. А.

казалось непримиримымъ. Теперь оба гніютъ и оба одинаково равнодушны. Я слышу, какъ радуются смерти Толстого и мнѣ эта радость представляется большимъ звѣрствомъ. Не вѣрю я въ будущее тѣхъ христіанъ, которые, ненавидя жандармовъ, въ то же время привѣтствуютъ чужую смерть и въ смерти видятъ ангела-избавителя. Вы не можете себѣ представить, до чего выходитъ противно, когда этой смерти радуются женщины.

Когда вы вернетесь изъ-за границы? Куда потомъ поѣдете?

Неужели я до самой осени буду сидѣть на берегу Псла?

О, это ужасно! Вѣдь весна недолго будетъ продолжаться.

Ленскій зоветъ меня ѣхать съ нимъ на гастроли въ Тифлисъ. Поѣхалъ бы, коли бы не живописецъ, дѣла котораго не блестящи.

Скажите Аннѣ Ивановнѣ, что я ей отъ всего сердца желаю самаго веселаго путешествія.

Если будете играть въ рулетку, то поставьте за меня на мое счастье 25 франковъ.

Ну, дай Богъ Вамъ здоровья и всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

7 Май (1889 г. Лука).

Я прочелъ «Ученика» Бурже въ Вашемъ изложеніи и въ русскомъ переводѣ (Сѣв. Вѣстникъ). Дѣло мнѣ представляется въ такомъ видѣ. Бурже талантливый, очень умный и образованный человѣкъ. Онъ такъ полно-

знакомъ съ методомъ естественныхъ наукъ и такъ его прочувствовалъ, какъ будто хорошо учился на естественномъ или медицинскомъ факультетѣ. Онъ не чужой въ той области, гдѣ берется хозяйничать — заслуга, которой не знаютъ русскіе писатели ни новые, ни старые. Что же касается книжной, ученой психологіи, то онъ ее такъ же плохо знаетъ, какъ лучшіе изъ психологовъ. Знать ее все равно, что не знать, такъ какъ она не наука, а фикція, нѣчто въ родѣ алхиміи, которую пора уже сдать въ архивъ. Поэтому говорить о Бурже, какъ о хорошемъ или плохомъ психологѣ, я не стану. Романъ интересенъ. Прочелъ я его и понялъ, почему онъ такъ занялъ Васъ. Умно, интересно, мѣстами остроумно, отчасти фантастично.. Если говорить о его недостаткахъ, то главный изъ нихъ— это претенціозный походъ противъ матеріалистическаго направленія. Подобныхъ походовъ я, простите, не понимаю. Они никогда ничѣмъ не оканчиваются и вносятъ въ область мысли только ненужную путаницу. Противъ кого походъ и зачѣмъ? Гдѣ врагъ и въ чемъ его опасная сторона? Прежде всего, матеріалистическое направленіе не школа и не направленіе въ узкомъ газетномъ смыслѣ; оно не есть нѣчто случайное, приходящее; оно необходимо и неизбѣжно и не во власти человѣка. Все, что живетъ на землѣ, матеріалистично по необходимости. Въ животныхъ, въ дикаряхъ, въ московскихъ купцахъ все высшее, не животное обусловлено безсознательнымъ инстинктомъ, все же остальное матеріалистично въ нихъ и, конечно, не по ихъ волѣ. Существа высшаго порядка, мыслящіе люди матеріалисты тоже по необходимости. Они ищутъ истину въ матеріи, ибо искать ее больше имъ негдѣ, такъ какъ видятъ, слышатъ и ощущаютъ они одну только матерію. По необхо-

димости они могутъ искать истину только тамъ, гдѣ пригодны ихъ микроскопы, зонды, ножи.. Воспретить человѣку матеріалистическое направленіе равносильно запрещенію искать истину. Внѣ матеріи нѣтъ ни опыта, ни знаній, значитъ, нѣтъ и истины. Быть можетъ, дурно, что г. Сикстъ, какъ можетъ показаться, суетъ свой носъ въ чужую область, имѣетъ дерзость изучать внутренняго человѣка, исходя изъ ученія о клѣточкѣ? Но чѣмъ онъ виноватъ, что психическія явленія поразительно похожи на физическія, что не разберешь, гдѣ начинаются первыя и кончаются вторыя? Я думаю, что когда вскрываешь трупъ, даже у самаго заядлаго спиритуалиста *необходимо* явится вопросъ: гдѣ тутъ душа? А если знаешь, какъ велико сходство между тѣлесными и душевными болѣзнями, и когда знаешь, что тѣ и другія болѣзни лѣчатся одними и тѣми же лѣкарствами, поневолѣ захочешь не отдѣлять душу отъ тѣла.

Что касается «психологическихъ опытовъ», прививокъ дѣтямъ пороковъ и самой фигуры Сикста, то все это до нельзя утрировано.

Спиритуалисты—это не ученое, а почетное званіе. Они не нужны, какъ ученые. Во всемъ же, что они дѣлаютъ и чего добиваются, они такіе же матеріалисты по неохобдимости, какъ и самъ Сикстъ. Если, что невозможно, они побѣдятъ матеріалистовъ и сотрутъ ихъ съ лица земли, то этой одной побѣдой они явятъ себя величайшими матеріалистами, такъ какъ разрушатъ цѣлый культъ, почти религію.

Говорить о вредѣ и опасности матер. направленія, а тѣмъ паче воевать противъ него, по меньшей мѣрѣ преждевременно. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ для состава обвиненій. Теорій и предположеній много, но фактовъ нѣтъ, и вся наша антипатія не идетъ дальше фантасти-

ческаго жупела. Жупелъ противенъ купчихамъ, а почему? не извѣстно. Попы ссылаются на невѣріе, развратъ и проч. Невѣрія нѣтъ. Во что-нибудь да вѣрять, хотя бы и тотъ же Сикстъ.

Что же касается разврата, то за утонченныхъ развратниковъ, блудниковъ и пьяницъ слывутъ не Сиксты и не Менделѣевы, а поэты, аббаты и особы, исправно посѣщающія посольскія церкви.

Однимъ словомъ, походъ Бурже мнѣ не понятенъ. Если бы Бурже, идучи въ походъ, одновременно потрудился указать матеріалистамъ на безплотнаго Бога въ небѣ и указать такъ, чтобы его увидѣли, тогда бы другое дѣло, я понялъ бы его экскурсію.

Простите за философію. Ѣду на почту. Поклонъ всѣмъ Вашимъ, а Вы будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

8 Май. Сумы, усадьба Линтваревой. (1889 г.).

Лжедраматургъ, которому мѣшаютъ спать мои лавры!

Начну съ Николая. У него хроническій легочный процессъ—болѣзнь, не поддающаяся излѣченію. Бываютъ при этой болѣзни временныя улучшенія, ухудшенія и in statu, и вопросъ долженъ ставиться такъ: какъ долго будетъ продолжаться процессъ? Но не такъ: когда выздоровѣетъ? Николай бодрѣе, чѣмъ былъ. Онъ ходитъ по двору, ѣстъ и исправно скрипитъ на мать. Капризникъ и привередникъ ужасный.

Привезли мы его въ первомъ классѣ и пока ни въ чемъ ему не отказываемъ. Получаетъ все, что хочетъ и что

нужно. Зовутъ его всѣ генераломъ и, кажется, онъ самъ вѣритъ въ то, что онъ генералъ. Мощи.

Ты спрашиваешь, чѣмъ ты можешь помочь Николаю. Помогай, чѣмъ хочешь. Самая лучшая помощь—это денежная. Не будь денегъ, Николай валялся бы теперь гдѣ-нибудь въ больницѣ для чернорабочихъ. Сталобыть, главное—деньги. Если же денегъ у тебя нѣтъ, на нѣтъ и суда нѣтъ. Къ тому же деньги нужны большія, и 5—10 рублями не отдѣлаешься.

Я уже писалъ тебѣ разъ изъ Сумъ. Между прочимъ я просилъ тебя выслать мнѣ «Новороссійскій Телеграфъ». Теперь не въ службу, а въ дружбу, я просилъ бы тебя выслать мнѣ кіевскихъ газетъ съ 1 мая по 15. Сначала вышли съ 1-го по 7-е, потомъ съ 7-го по 15. Заказною бандеролью. Больше я безпокоить тебя не буду.

Теперь о твоей пьесѣ. Ты задался цѣлью изобразить неноющаго человѣка и испужался. Задача представляется мнѣ ясной. Не ноетъ только тотъ, кто равнодушенъ. Равнодушны же или философы, или мелкія, эгоистическія натуры. Къ послѣднимъ должно отнестись отрицательно, а къ первымъ положительно. Конечно, о тѣхъ равнодушныхъ тупицахъ, которымъ не причиняетъ боли даже прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ, не можетъ быть и рѣчи. Если же подъ неноющимъ ты разумѣешь человѣка неравнодушнаго къ окружающей жизни и бодро и терпѣливо сносящаго удары судьбы и съ надеждою взирающаго на будущее, то и тутъ задача ясна.

Множество передѣлокъ не должно смущать тебя, ибо чѣмъ мозаичнѣе работа, тѣмъ лучше. Отъ этого характеры въ пьесѣ только выиграютъ. Главное, берегись личнаго элемента.

Пьеса никуда не будетъ годиться, если всѣ дѣйствующія лица будутъ похожи на тебя. Въ этомъ отношеніи

твоя «Копилка» безобразна и возбуждаетъ чувство досады. Къ чему Наташа, Коля, Тося? Точно внѣ тебя нѣтъ жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людямъ давай людей, а не самого себя.

Берегись изысканнаго языка. Языкъ долженъ быть простъ и изященъ. Лакеи должны говорить просто безъ пущай и безъ теперича. Отставные капитаны съ красными носами, пьющіе репортеры, голодающіе писатели, чахоточныя жены-труженицы, честные молодые люди безъ единаго пятнышка, возвышенныя дѣвицы, добродушныя няни—все это было ужъ описано и должно быть объѣзжаемо, какъ яма. Еще одинъ совѣтъ: сходи раза три въ театръ и присмотрись къ сценѣ. Сравнишь, а это важно. Первый актъ можетъ тянуться хоть цѣлый часъ, но остальные не дольше 30 минутъ. Гвоздь пьесы—III актъ, но не настолько гвоздь, чтобъ убить послѣдній актъ. Въ концѣ концовъ помятуй о цензурѣ. Строга и осторожна.

Для пьесъ я рекомендовалъ бы тебѣ избрать псевдонимъ: Хрущовъ, Серебряковъ, что-нибудь въ родѣ. Удобнѣе для тебя и въ провинціи со мной путать не будутъ, да и кстати избѣжишь сравненія со мною, которое мнѣ до нельзя противно. Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, но людямъ до этого нѣтъ дѣла, имъ не терпится. Если пьеса твоя будетъ хороша, мнѣ достанется; если плоха, тебѣ достанется.

Не торопись ни съ цензурой, ни съ постановкой. Если не удастся поставить на казенной сценѣ, то поставимъ у Корша. Ставить нужно не раньше ноября.

Если я успѣю написать что-нибудь для сцены, то это будетъ кстати: понесешь свою пьесу вмѣстѣ съ моей. Меня въ цензурѣ знаютъ и поэтому не задержатъ. Мои

пьесы обыкновенно не держатъ болѣе 3—5 дней, а пьесы случайныя застреваютъ на цѣлые мѣсяцы.

Капитанамъ Кукамъ и Н. А. мой привѣтъ изъ глубины сердца. Тебѣ желаю здравія и души спасенія.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

14 Май. Лука (1889 г.).

Наше вамъ почтеніе, милый Алексѣй Николаевичъ! Какъ живете-можете? Что новаго? Какъ ваше здоровье? Каждый день все собираюсь задать Вамъ сіи вопросы, да все некогда: то лѣнь, то раковъ ловлю, то задумываюсь надъ своимъ больнымъ художникомъ, то чернила высыхаютъ отъ жары, которая здѣсь давно уже наступила и обѣщаетъ стоять долго, долго. Комаровъ видимо-невидимо, кусаются подлецы больно и мѣшаютъ жить. Лука вся давно позеленѣла, сирень и черемуха цвѣтутъ и распространяютъ благоуханіе, берега Псла трогательны и ласковы до сентиментальности, ночи теплыя, чудныя, соловьевъ пропасть, Линтваревы всѣ пополнѣли и стали еще добрѣй, чѣмъ были въ прошломъ году. Жить можно и, если бы не кашляющій художникъ, то я былъ бы совсѣмъ доволенъ. Пожилъ бы до іюня на Лукѣ, а потомъ въ Парижъ къ француженкамъ, а изъ Парижа въ Тифлисъ къ грузинкамъ и этакъ бы канителилъ до самой осени, пока бы не обнищалъ совершенно.

Деньги, заработанныя Ивановымъ [1]) и книжками, у меня уже на исходѣ. Не обойтись безъ аванса. Заберу во всѣхъ

---

[1]) Піеса «Ивановъ».

редакціяхъ авансъ, прожгу его . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Скучновато безъ Васъ; не съ кѣмъ мнѣ поговорить и некого послушать. Молодежь склонна больше къ спорамъ и дебатамъ, а я лѣнивъ для разговорныхъ турнировъ; мнѣ больше по сердцу рѣчи покойныя. Вообще говоря, скучно жить въ деревнѣ безъ людей, къ которымъ привыкло сердце. Если бъ я женился на С . . . . . ,то купилъ бы громадное имѣніе, которое отдалъ бы въ распоряженіе тѣхъ десяти человѣкъ, которыхъ люблю. Но такъ какъ на С..... я не женюсь и 200 тысячъ никогда не выиграю, то и приходится мириться со своей судьбой и жить мечтами.

Неужели Вы не поѣдете на югъ? А какъ бы мы проѣхались въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ! Коляска покойная, лошади очень сносныя, дорога дивная, люди прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ. Я готовъ отказаться отъ многаго, чтобы только вмѣстѣ съ Вами прокатиться въ Украйну и чтобы Вы воочію убѣдились, что хохландія въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ вниманія хорошихъ поэтовъ. У Васъ на сѣверѣ небось холодъ, дождь, сѣрое небо... бррр!

Обѣщалъ ко мнѣ пріѣхать Свободинъ. Хорошо, если не обманетъ. У меня теперь большое помѣщеніе. Я нанялъ два флигеля.

Жоржикъ вернулся и уже услаждаетъ насъ музыкой. Скоро къ намъ пріѣдетъ віолончелистъ, очень хорошій. Дуэты будутъ славные.

Мнѣ жаль Салтыкова. Это была крѣпкая, сильная голова. Тотъ сволочный духъ, который живетъ въ мелкомъ, измошенничившемся душевно русскомъ интеллигентѣ средняго пошиба, потерялъ въ немъ своего самаго упрямаго и назойливаго врага. Обличать умѣетъ каждый

газетчикъ, издѣваться умѣетъ и Буренинъ, но открыто презирать умѣлъ одинъ только Салтыковъ. Двѣ трети читателей не любили его, но вѣрили ему всѣ. Никто не сомнѣвался въ искренности его презрѣнія.

Напишите мнѣ, дорогой мой, письмо. Я люблю Вашъ почеркъ: когда я вижу его на бумагѣ, мнѣ становится весело. Къ тому же, не скрою отъ Васъ, мнѣ льститъ, что я переписываюсь съ Вами. Ваши и Суворинскія письма я берегу и завѣщаю ихъ внукамъ: пусть сукины сыны читаютъ и вѣдаютъ дѣла давно минувшія... Я запечатаю всѣ письма и завѣщаю распечатать ихъ черезъ 50 лѣтъ, à la Гаевскій, такъ что гончаровская заповѣдь, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы, нарушена не будетъ, хотя я и не понимаю, почему ее нарушать нельзя. Напишите мнѣ о Вашемъ здоровьи.

Жанъ Щегловъ написалъ драму. А я гуляючи отмахалъ комедію [1]). Зададимъ мы работу литературному комитету!

Въ ноябрѣ привезу въ Питеръ продавать свой романъ. Дешевле какъ по 250 за листъ не уступлю. Продамъ и уѣду за границу, гдѣ, à la Худековъ, задамъ банкетъ лигѣ патріотовъ и угощу завтракомъ донъ-Карлоса, о чемъ конечно будетъ въ газетахъ спеціальная телеграмма.

Сердечный привѣтъ Вашимъ и Аннѣ Михайловнѣ. Послѣднія засѣданія комитета прошли у насъ очень мирно и благополучно. Дѣла общества, по моему, идутъ превосходно. На конвертѣ я не буду писать «его высокоблагородію»; разрѣшите мнѣ это удовольствіе. Вы для меня не высокоблагородіе, а свѣтлость. Мои всѣ Вамъ кланяются и шлютъ пожеланія. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Лѣшій».

CLXXXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

14 Май (1889 г. Лука).

Спасибо, получилъ свою Татьяну Рѣпину. Бумага очень хорошая. Фамилію свою я въ корректурѣ зачеркнулъ и мнѣ не понятно, какъ это она уцѣлѣла. Зачеркнулъ т.-е. исправилъ я и многія опечатки, которыя тоже уцѣлѣли. Впрочемъ, все это вздоръ. Для большей иллюзіи слѣдовало бы напечатать на обложкѣ не Петербургъ, а Leipzig.

Мой живописецъ никогда не выздоровѣетъ. У него чахотка. Вопросъ поставленъ такъ: какъ долго будетъ продолжаться болѣзнь? А при такой постановкѣ, согласитесь, оставлять его нельзя. Къ тому же, если бы я уѣхалъ, то семья осталась бы въ тяжеломъ положеніи, которое Вы можете себѣ представить, если вообразите себѣ группу: мать, сестра и ежеминутно кашляющій, брюзжащій и неугомонно командующій художникъ. Безъ меня имъ оставаться нельзя. . . . . .

Щегловъ мнѣ не конкурентъ. Я не знаю его драмы, но предчувствую, что въ своихъ двухъ первыхъ актахъ я сдѣлалъ въ 10 разъ больше, чѣмъ онъ во всѣхъ своихъ пяти. Его пьеса можетъ имѣть большій успѣхъ, чѣмъ моя, но такой конкуренціи я не боюсь. Говорю Вамъ сіе, чтобы показать, какъ я доволенъ своей работой. Пьеса вышла скучная, мозаичная, но все таки она даетъ мнѣ впечатлѣніе труда. Вылились у меня лица положительно новыя; нѣтъ во всей пьесѣ ни одного лакея, ни одного вводнаго комическаго лица, ни одной вдовушки. Всѣхъ дѣйств. лицъ восемь и изъ нихъ только три эпизодическія.

Вообще я старался избѣгать лишняго и это мнѣ, кажется, удалось. Однимъ словомъ, умный мальчикъ, что и говорить. Если цензура не хлопнетъ по шапкѣ, то Вамъ предстоитъ вкусить осенью такое наслажденіе, какого Вы не испытаете даже, стоя на вершинѣ Эйфелевой башни и глядя внизъ на Парижъ. Скажите Буренину, что билета я ему опять не дамъ, а Бѣжецкому скажите, что опять онъ можетъ не быть на моей пьесѣ, сколько ему угодно. Если же цензура хлопнетъ по шапкѣ, то такъ тому и быть, подождемъ будущаго лѣта и напишемъ новую пьесу, а Буренину все-таки билета не дамъ.

Вашъ ученый Эльпе рекомендуетъ пить стаканъ молока въ продолженіе пяти минутъ. Какъ это удобно для работающаго человѣка. . . . . Мудрятъ наши ученые гуси! Въ Ноябрѣ пріѣду въ Питеръ продавать съ аукціона свой романъ. Продамъ и уѣду въ Пиренеи.

Свободинъ обѣщалъ ко мнѣ пріѣхать. Опять ужаснется, что я не читалъ Лессинга.

Конецъ въ новомъ романѣ Бурже мнѣ не нравится. Можно было бы лучше сдѣлать. Это не конецъ умнаго романа, а шлейфъ, оторванный отъ Габборіо и приколотый къ умному роману булавками. Правосудіе, «официіальное безстрастіе» судей и прочее—все это перестало уже трогать. Сикстъ, читающій «Отче нашъ», умилитъ Евгенія Кочетова, но мнѣ досадно. Коли нужно смѣло говорить правду отъ начала до конца, то такой фанатикъ-ученый какъ Сикстъ, прочитавъ Отче нашъ, долженъ затѣмъ вскочить и подобно Галилею воскликнуть:—«А все-таки земля вертится!» Та глава, гдѣ Шарлотта приходитъ отдаться, великолѣпно сдѣлана и трогаетъ.

Вы интересуетесь знать, продолжаетъ ли Васъ ненавидѣть докторша. Увы! Она пополнѣла и сильно смирилась, что мнѣ чрезвычайно не нравится. Женщинъ—врачей осталось на землѣ немного. Онѣ переводятся и вы-

мирають, какъ зубры въ Бѣловѣжской пустыни. Однѣ гибнутъ отъ чахотки, другія впадаютъ въ мистицизмъ, третьи выходятъ замужъ за вдовыхъ эскадронныхъ командировъ, третьи крѣпятся, но ужъ замѣтно падаютъ духомъ. Вѣроятно, на землѣ быстро вымирали первые портные, первые астрологи.. Вообще тяжело живется тѣмъ, кто имѣетъ дерзость первый вступить на незнакомую дорогу. Авангарду всегда плохо.

Какъ Евгенія Константиновна? Небось Алексѣй Алексѣевичъ труситъ? Помогай имъ Богъ, дѣло хорошее. Кланяйтесь.

Въ деревнѣ дифтеритъ. Ловлю раковъ. Со мной вмѣстѣ ловитъ сапожникъ Мишка, лѣтъ 12—13, ужасный брехунъ.

Будьте здоровы и счастливы 1000 разъ.

Вашъ *Потемкинъ.*

CLXXXVIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Лука 1889 г. май).

Господъ М. Р. Семашко и И. П. Чехова убѣдительно просимъ привезти слѣдующія вещи: оставшуюся вершу, Сѣверный Вѣстникъ (май), крючковъ на волоскахъ, колбасы, вина, стальныхъ перьевъ и всего того, чего они по благости своей пожелаютъ привезти.

Погода прекрасная. Раки ловятся хорошо. Въ Сумахъ плохой театръ, скучная публика и отвратительное сантуринское. Миша уѣхалъ въ Таганрогъ показывать барышнямъ свои синіе штиблеты и фуражку, которую онъ ужъ не имѣетъ права носить. Николай въ прежнемъ по-

ложеніи, хотя и выглядитъ бодрѣе и не такъ тощъ, какъ былъ во время голоданія. Дѣла его во всякомъ случаѣ не блестящи. Характеръ генеральскій.

Всѣ Линтваревы пополнѣли и стали еще добрѣй, чѣмъ были. Я пишу каждый день.

В. П. Воронцовъ бываетъ у насъ каждый день. Онъ очень милый человѣкъ.

Дуракъ тотъ, кто имѣетъ возможность ѣхать на югъ, и не ѣдетъ. И дураки всѣ мы, что не ѣдемъ въ Парижъ на выставку, которая бываетъ не каждый годъ. Этакъ помрешь и ничего не увидишь.

Погода хорошая, Пселъ великолѣпенъ, но мнѣ скучно и разбираетъ злость.

Кланяюсь всѣмъ, папашѣ въ особенности.

Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Май (1889 г. Лука).

Если Вы еще не уѣхали за границу, отвѣчаю на Ваше письмо о Бурже. Буду кратокъ. Вы пишете между прочимъ: «Пускай наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ, но пусть также остается что-нибудь такое, гдѣ можно укрыться отъ этой сплошной матеріи». Наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ и тѣ мѣста, гдѣ можно укрыться отъ сплошной матеріи, тоже существуютъ своимъ чередомъ и, кажется, никто не посягаетъ на нихъ. Если кому и достается, то только естественнымъ наукамъ, но не святымъ мѣстамъ, куда прячутся отъ этихъ наукъ. Въ моемъ письмѣ вопросъ поставленъ правильнѣе и

безобиднѣе, чѣмъ въ Вашемъ, и я ближе къ «жизни духа», чѣмъ Вы. Вы говорите о правѣ тѣхъ или другихъ знаній на существованіе, я же говорю не о правѣ, а о мирѣ. Я хочу, чтобы люди не видѣли войны тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Знанія всегда пребывали въ мирѣ. И анатомія, и изящная словесность имѣютъ одинаково знатное происхожденіе, однѣ и тѣ же цѣли, одного и того же врага— черта, и воевать имъ положительно не изъ-за чего. Борьбы за существованіе у нихъ нѣтъ. Если человѣкъ знаетъ ученіе о кровообращеніи, то онъ богатъ; если къ тому же выучиваетъ еще исторію религіи и романсъ «Я помню чудное мгновеніе», то становится не бѣднѣе, а богаче— стало-быть, мы имѣемъ дѣло только съ плюсами. Потому-то геніи никогда не воевали и въ Гете рядомъ съ поэтомъ прекрасно уживался естественникъ.

Воюютъ же не знанія, не поэзія съ анатоміей, а заблужденія, т.-е. люди. Когда человѣкъ не понимаетъ, то чувствуетъ въ себѣ разладъ; причинъ этого разлада онъ ищетъ не въ себѣ самомъ, какъ бы нужно было, а внѣ себя, отсюда и война съ тѣмъ, чего онъ не понимаетъ. Во всѣ средніе вѣка алхимія постепенно, естественнымъ мирнымъ порядкомъ культивировалась въ химію, астрологія— въ астрономію; монахи не понимали, видѣли войну и воевали сами. Такимъ же воюющимъ испанскимъ монахомъ былъ въ шестидес. годахъ нашъ Писаревъ.

Воюетъ и Бурже. Вы говорите, что онъ не воюетъ, а я говорю, что воюетъ. Представьте, что его романъ попадаетъ въ руки человѣка, имѣющаго дѣтей на естественномъ факультетѣ, или въ руки архіерея, ищущаго сюжета для воскресной проповѣди. Будетъ ли что-нибудь похожее на миръ въ полученномъ эффектѣ? Нѣтъ. Представьте, что романъ попалъ на глаза анатому или физіологу и т. д. Ни въ чью душу не повѣетъ отъ него миромъ,

знающихъ онъ раздражитъ, а незнающихъ наградитъ ложными представленіями—и только.

Вы, быть-можетъ, скажете, что онъ воюетъ не съ сущностью, а съ уклоненіями отъ нормы. Согласенъ, съ уклоненіями отъ нормы долженъ воевать всякій писатель, но зачѣмъ компрометировать самую сущность? Сикстъ орелъ, но Бурже сдѣлалъ изъ него карикатуру. «Психологическіе опыты»—клевета на человѣка и на науку. Неужели, если бы я написалъ романъ, гдѣ у меня анатомъ ради науки вскрываетъ свою живую жену и грудныхъ дѣтей, или ученая докторша ѣдетъ на Нилъ и съ научною цѣлью совокупляется съ крокодиломъ и съ гремучей змѣей—то неужели бы этотъ романъ не былъ клеветой? А вѣдь я бы могъ интересно написать и умно.

Бурже увлекателенъ для русскаго читателя, какъ гроза послѣ засухи, и это понятно. Читатель увидѣлъ въ романѣ героевъ и автора, которые умнѣе его, и жизнь, которая богаче его жизни; русскіе же беллетристы глупѣе читателя, герои ихъ блѣдны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русскій писатель живетъ въ водосточной трубѣ, ѣстъ мокрицъ, любитъ халдъ и прачекъ, не знаетъ онъ ни исторіи, ни географіи, ни естественныхъ наукъ, ни религіи родной страны, ни администраціи, ни судопроизводства... однимъ словомъ. черта лысаго не знаетъ. Въ сравненіи съ Бурже онъ гусь лапчатый и больше ничего. Понятно, почему Бурже долженъ нравиться, но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что Сикстъ правъ, когда читаетъ «Отче нашъ», или что онъ правдивъ въ это время.

Ну, больше не стану надоѣдать Вамъ съ Бурже. Что касается Вашего таланта передавать въ компактной формѣ такіе романы, какъ «Disciple», то я читалъ и радовался за Васъ. Очень хорошо. Вы отлично справились съ философскою и ученою частью романа, и я не зналъ, что Вы

это умѣете. У меня бы все перепуталось и получилось бы еще длиннѣе, чѣмъ у Бурже.

Мнѣ скучно. Плещеевъ у меня не будетъ, а хорошо, если бы пріѣхалъ. Онъ очень хорошій старикъ.

Скоро я пришлю Вамъ письмо, написанное по-французски и по-нѣмецки. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Счастливаго Вамъ путешествія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXC.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

31 Май. (1889 г. Лука).

Живу я, милый россійскій Сарду, не въ Парижѣ и не въ Константинополѣ, а, какъ Вы вѣрно изволили замѣтить на конвертѣ Вашего письма, въ г. Сумахъ въ усадьбѣ г-жи Линтваревой. Радъ бы удрать въ Парижъ и взглянуть съ высоты Эйфелевой башни на вселенную, но—увы!—я скованъ по рукамъ и ногамъ и не имѣю права двинуться съ мѣста ни на одинъ шагъ. У меня боленъ чахоткою мой братъ художникъ, который живетъ теперь со мной.

Погода великолѣпная. Тепло, птицы поютъ, крокодилы квакаютъ. Пселъ широкъ и величественъ, какъ генеральскій кучеръ. Но, благодаря вышеописанному обстоятельству, живется скучно и сѣро. Спасибо, добрымъ людямъ—навѣщаютъ меня и дѣлятъ со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостилъ у меня дней шесть Суворинъ [1]), сегодня пріѣдетъ Свободинъ, бываютъ сосѣди—день идетъ за днемъ, разговоръ за разговоромъ, анъ глядь—ужъ и весны нѣтъ, іюнь на носу.

[1]) Въ промежуткѣ между этимъ письмомъ и предыдущимъ Ан. П-ча посѣтилъ А. С. Суворинъ.

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое-что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Соковнинъ. Кончу я романъ черезъ 2—3 года.

Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходитъ. Нѣтъ ничего скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить.

Ваше томленіе я понимаю. Оно пройдетъ и пьеса будетъ написана Вами во благовременіи.

Ваше «Безъ коромысла и утюга» шло недавно въ Одессѣ. Стало-быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сіей пьесѣ. Все хорошо. Поймите разъ навсегда, что драматургія — ваша профессія, что Вамъ приходится писать ежегодно по одной по двѣ пьесы, что поэтому поневолѣ Вы не можете писать одни только шедевры. На десятокъ пьесъ должно приходиться семь неважныхъ — таковъ удѣлъ всякой профессіи. Поймите сіе и Вамъ станетъ понятно, что все хорошо и все слава Богу.

Вы хотите, чтобы я повліялъ на Жана Щеглова и вернулъ его на путь беллетристики. Въ своихъ письмахъ я всякій разъ усердно жую его, но всѣ мои жидкія сентенціи, какъ волны объ утесъ, разбиваются въ брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенціями да логикой ничего не подѣлаешь. Самое лучшее—оставить Жана въ покоѣ и ждать, когда въ немъ перекипитъ театральная бурда и самъ онъ естественнымъ порядкомъ придетъ къ нормѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы засѣдалъ я, какъ новоиспеченный членъ, въ комитетѣ общества драмат. пи-

сателей. Вынесъ такое впечатлѣніе: дѣла общества идутъ превосходно.

Если вѣрить газетамъ, то у Васъ на сѣверѣ теперь холодно. А у насъ жарко.

Если не лѣнь, и если вы еще не женились на рябой бабѣ, бьющей Васъ и мѣшающей Вамъ писать, то пишите мнѣ.

Какъ Вы насчетъ спиритуозовъ? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилія благодаритъ Васъ за поклонъ и тоже кланяется.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если брату станетъ полегче, то уѣду на Кавказъ.

CXCI.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

4 Іюнь 89 г. (Лука).

Привѣтъ Вамъ, милый докторъ! Не велите казнить за молчаніе, а велите слово вымолвить. Не писалъ я Вамъ такъ долго по весьма уважительнымъ причинамъ: во 1-хъ не зналъ точно, гдѣ вы, въ Москвѣ или на Кавказѣ; во 2-хъ самъ собирался съ сестрою поѣхать на Кавказъ, въ 3-хъ каждый день ждалъ, когда Николай соберется наконецъ написать Вамъ обѣщанное curriculum vitae. Да и къ тому же ужасно скучно и лѣнь писать, когда знаешь, что не напишешь ничего хорошаго и веселаго. Дѣла художника плохи. Дни стоятъ жаркіе, молока пьетъ онъ много, но t° прежняя, вѣсъ тѣла съ каждымъ днемъ уменьшается. Кашель не даетъ покоя. Въ первый мѣсяцъ дачнаго житія онъ (не кашель, а художникъ) половину дня проводилъ на воздухѣ, теперь же упрямо лежитъ въ комнатѣ, выходитъ на полчаса, да

и то неохотно, лѣниво; часто спитъ и во снѣ бредитъ; предпочитаетъ дремать въ сидячемъ положеніи, а не въ лежачемъ, такъ какъ послѣднее со второй половины мая стало обусловливать кашель.. Аппетитъ сносный. Даю ірес, хининъ, atrop и проч.

Однимъ словомъ, позвольте мнѣ не продолжать. Кромѣ унынія, ничего я не могу нагнать на Васъ. Какъ Вы живете? Что подѣлываете? Существуетъ ли «клубъ благополучныхъ идіотовъ»? Много ли въ Кисловодскѣ хорошенькихъ женщинъ? Есть ли театръ? Вообще, какъ проводите лѣто? Напишите мнѣ. Когда нѣтъ курицы, то довольствуются однимъ только бульономъ; когда нельзя ѣхать на Кавказъ, можно утолять слегка жажду письмами съ Кавказа. Вы обѣщаете прислать мнѣ цѣлую поэму. Ладно. Я отвѣчу Вамъ повѣстью.

Быть-можетъ, я пріѣду въ Кисловодскъ, но не раньше Августа. Понятно, почему. А если пріѣду, то непремѣнно напишу 3-хъ—актную пьесу для Корша. Началъ было я писать большую пьесу для казны, написалъ два акта и бросилъ. Не пишется. А надо бы кончить, ибо пьеса уже обѣщана въ бенефисъ Свободину и Ленскому, и о ней протрещали во всѣхъ газетахъ.

У меня наступилъ «сезонъ гостей». Недѣлю гостилъ Суворинъ; сейчасъ гоститъ Свободинъ; завтра пріѣдутъ изъ Москвы віолончелистъ и еще кто-нибудь. Вообще, если бы не кашель въ сосѣдней комнатѣ, то, пожалуй, жилось бы не скучно. Когда я вырасту большой и буду имѣть собственную дачу, то построю три флигеля спеціально для гостей обоего пола. Я люблю шумъ больше, чѣмъ гонораръ.

Опять о художникѣ. Когда я везъ его изъ Москвы, на полдорогѣ поднялась у него рвота. Рвота бываетъ и теперь. Еще одна подробность, болѣе значительная: появились симптомы, указующіе на заболѣваніе гортани.

Это ужъ совсѣмъ плохо, такъ какъ въ горловыхъ болѣзняхъ я швахъ, и кажется во всемъ уѣздѣ нѣтъ ни единаго ларингоскопа. Не порекомендуете ли Вы какихъ-нибудь вдыханій? Одинъ туземный лѣкарь настойчиво рекомендуетъ мнѣ креозотъ.

У насъ засуха. Дождей нѣтъ, хлѣбъ плохой, фрукты съѣдены червями. Будетъ сплошной неурожай. Рыба ловится плохо.

Художникъ каждый день говоритъ о Васъ и каждый день беретъ у меня почтовую бумагу, чтобы написать Вамъ. Скуки ради завелъ онъ себѣ котенка и забавляется имъ, какъ маленькій. Грунтуетъ циферблатъ на стѣнныхъ часахъ, хочетъ писать на нихъ женскую головку.

Моя фамилія кланяется и еще разъ шлетъ Вамъ свое спасибо. Иду сейчасъ къ Николаю и засажу его писать. Его письмо пошлю отдѣльно.

Жду поэмы, а пока крѣпко жму Вамъ руку, желаю побольше практики, побольше романовъ съ красивѣйшими изъ кисловодскихъ гурій и пребываю сердечно преданный *А. Чеховъ.*

Мой адресъ: г. Сумы.

CXCII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Іюнь (1889 г. Лука).

Нашли же Вы наконецъ дачу? Гдѣ? А пора бы ужъ найти, ибо черезъ три дня солнце начнетъ уже клониться къ зимѣ. Если дача въ Тульской губ., то ко мнѣ на Пселъ рукой подать. Пріѣзжайте ради Создателя. Мы поѣдемъ, куда Вамъ угодно и на чемъ угодно. Въ Полтавской губ. уже знаютъ, что Вы туда пріѣдете со мной.

Я положительно не могу жить безъ гостей. Когда я одинъ, мнѣ почему-то становится страшно, точно я среди великаго океана солистомъ плыву на утлой ладьѣ. Недѣлю тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ Свободинъ съ своимъ девятилѣтнимъ сынишкой, очень милымъ и симпатичнымъ, неугомонно философствующимъ мальчикомъ. О Лессингѣ и гамбургской драматургіи—ни полъ-слова. Зоненштейнъ, къ великому моему удивленію и удовольствію, сбросилъ съ себя маску «образованнаго» актера и дурачился, какъ мальчикъ. Онъ пѣлъ, кривлялся, ловилъ раковъ во фракѣ, пилъ и вообще велъ себя такъ, какъ будто не читалъ Лессинга. Вчера онъ уѣхалъ въ Петербургъ, но съ Ворожбы вернулся назадъ и теперь гуляетъ по саду.

Прочелъ я письмо Александра, которое Вы прислали мнѣ. Чувствую сильное искушеніе раскритиковать это удивительное письмо, но кладу печать на уста свои, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что для Васъ совсѣмъ не интересно. Я сердитъ, какъ глупецъ, и не вѣрю даже тому, чему по человѣколюбію слѣдовало бы вѣрить...

Насчетъ того, гдѣ будетъ напечатанъ мой великолѣпный романъ, я полагаю, разсуждать еще рано. То-есть рано еще обѣщать. Когда кончу, пришлю Вамъ на прочтеніе и оба мы рѣшимъ, какъ лучше. Если найдете, что его удобно печатать въ газетѣ, то сдѣлайте милость, валяйте въ газетѣ. Сегодня я напишу одну главу. Чувствую сильное желаніе писать.

Дождей все нѣтъ и нѣтъ. Неурожай — рѣшонное дѣло. Жарища ужасная. На деревьяхъ червей видимо-невидимо, но въ землѣ ихъ нѣтъ, ибо земля суха, какъ московскіе фельетоны.

Поздравляю Новое Время съ семейною радостью: говорятъ, что Курепинъ женился.

Мнѣ Стасовъ симпатиченъ, хоть онъ и Мамай Экстазовъ. Что-то въ немъ есть такое, безъ чего въ самомъ дѣлѣ

жить грустно и скучно. Читалъ я письма Бородина. Хорошо.

Художникъ въ прежнемъ положеніи: ни лучше, ни хуже.

Раки превосходно ловятся. Миша не успѣваетъ подсачивать.

Всѣмъ Вашимъ мой сердечный привѣтъ. Пребываю ожидающій Васъ

А. Чеховъ.

Вчера я заставилъ одного юнца купить на вокзалѣ «Военные на войнѣ». Прочелъ и сказалъ: «Очень хорошо». Съ Маслова могарычъ.

Мельница на Пслѣ, около которой Антонъ Павловичъ ловилъ рыбу.

CXCIII.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

17 іюня 89 (Лука.)

Художникъ скончался. Подробности письмомъ или при свиданіи, а пока простите карандашъ.

Жму горячо Вамъ руку.

Вашъ душевно

А. Чеховъ

CXCIV.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

18 Іюня, Сумы (1889 г.).

Вчера 17-го іюня умеръ отъ чахотки Николай. Лежитъ теперь въ гробу съ прекраснѣйшимъ выраженіемъ лица. Царство ему небесное, а Вамъ, его другу, здоровья и счастья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCV.

А. Н. Плещееву.

26 Іюнь (1889 г. Лука).

Здравствуйте, мой дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Ваше письмо пришло на девятый день послѣ смерти Николая т.-е. когда мы всѣ уже начали входить

въ норму жизни; теперь отвѣчаю Вамъ и чувствую, что норма въ самомъ дѣлѣ настала и что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ аккуратно переписываться съ Вами.

Бѣдняга художникъ умеръ. На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы. Нельзя было сказать, когда умретъ Николай, но что онъ умретъ скоро, для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ. Воспользовавшись пріѣздомъ старшаго брата, который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть, дней пять подышать другимъ воздухомъ; уговорилъ Свободина и Линтваревыхъ и поѣхалъ съ ними въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ. Въ наказаніе за то, что я уѣхалъ, всю дорогу дулъ такой холодный вѣтеръ и небо было такое хмурое, что хоть тундрамъ впору. На половинѣ дороги полилъ дождь. Пріѣхали къ Смагинымъ ночью мокрые холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужиченко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ. Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 ч. ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду; темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣною, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму.

Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые.

Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ, съ хоругвями и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

Вѣроятно, я уѣду куда-нибудь. Куда? Не вѣмъ.

Суворинъ зоветъ заграницу. Очень возможно, что поѣду и заграницу, хотя меня туда вовсе не тянетъ. Я не расположенъ теперь къ физическому труду, хочу отдыха, а вѣдь шатанье по музеямъ и Эйфелевымъ башнямъ, прыганье съ поѣзда на поѣздъ, ежедневныя встрѣчи съ велерѣчивымъ Дмитріемъ Васильевичемъ [1]), обѣды впроголодь, винопійство и погоня за сильными ощущеніями— все это тяжелый физическій трудъ. Я бы охотнѣе пожилъ гдѣ-нибудь въ Крыму, на одномъ мѣстѣ, чтобъ можно было работать.

Пьеса моя замерзла. Кончать некогда, да и не вижу особенной надобности кончать ее. Пишу понемногу романъ, при чемъ больше мараю, чѣмъ пишу.

Вы пьесу пишете? Вамъ бы не мѣшало изобразить оригинальную комедійку. Напишите и уполномочьте меня поставить ее въ Москвѣ. Я и на репетиціяхъ побываю, и гонораръ получу, и всякія штуки.

Если я уѣду куда-нибудь, то съ каждой большой станціи буду посылать Вамъ открытыя письма, а изъ центровъ закрытыя письма.

Липтваревы здравствуютъ. Они великолѣпны. Съ каждымъ днемъ становятся все лучше и лучше, и неизвѣстно, до чего они дойдутъ въ этомъ направленіи.

Въ великодушіи и добротѣ нѣтъ имъ равныхъ во всей Харьк. губерніи. Смагины здравствуютъ и тоже совершенствуются.

---

[1]) Григоровичемъ.

Могила Н. П. Чехова на Лукѣ.

Поздравляю Сѣверный Вѣстникъ съ возвращеніемъ Протопопова и Короленко. Отъ критики Протопопова никому не будетъ ни тепло, ни холодно, потому что всѣ нынѣшніе гг. критики не стоютъ ни гроша мѣднаго— въ высшей степени безполезный народъ, возвращеніе же Короленко фактъ отрадный, ибо сей человѣкъ сдѣлаетъ еще много хорошаго. Короленко немножко консервативенъ; онъ придерживается отжившихъ формъ (въ исполненіи) и мыслитъ, какъ 45-лѣтній журналистъ; въ немъ не хватаетъ молодости и свѣжести; но всѣ эти недостатки не такъ важны и кажутся мнѣ наносными извнѣ; подъ вліяніемъ времени онъ можетъ отрѣшиться отъ нихъ. Сестра благодаритъ за поклоны и велитъ кланяться. Мать тоже. А я цѣлую Васъ, обнимаю и желаю всяческихъ благъ. Будьте счастливы и здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

2 Іюль. Сумы (1889).

Простите, что пишу на клочкѣ.

Сейчасъ я получилъ отъ Васъ письмо. Вы пишете, что пробудете въ Тиролѣ цѣлый мѣсяцъ. Времени достаточно, чтобы я могъ съѣздить до заграницы въ Одессу, куда влечётъ меня невѣдомая сила. Значитъ, я выѣду изъ Кіева не во вторникъ, какъ телеграфировалъ, а позже. Изъ Волочиска буду телеграфировать.

Изъ Одессы тоже буду телеграфировать.

Бѣдняга Николай умеръ. Я поглупѣлъ и потускнѣлъ. Скука адская, поэзіи въ жизни ни на грошъ,

желанія отсутствуютъ и проч. и проч. Однимъ словомъ, чортъ съ нимъ.

Всѣхъ вашихъ отъ души привѣтствую, а Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку.

Если хотите, телеграфируйте мнѣ въ Одессу (Одесса, Сѣверная Гостиница).

Пьяница Вамъ кланяется. Онъ живетъ теперь у меня и ведетъ трезвую жизнь. Тифа у него не было.

Не горюйте, что Вамъ приходится много тратить на телеграммы. Деньги, потраченныя Вами на телеграммы ко мнѣ, я пожертвую въ Кадетскій Корпусъ, который будетъ построенъ Харитоненкомъ, на учрежденіе стипендіи имени А. А. Суворина.

Будьте счастливы и не старайтесь утомляться.

Вашъ до конца дней моихъ

А. Чеховъ.

CXCVII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Пароходъ «Ольга». Воскресенье 16 Іюля (1889 г. изъ Одессы).

Я ѣду въ Ялту и положительно не знаю, зачѣмъ я туда ѣду. Надо ѣхать и въ Тироль, и въ Константинополь, и въ Сумы; всѣ страны свѣта перепутались у меня въ головѣ, фантазія кишмя кишитъ городами и я не знаю, на чемъ остановить свой выборъ. А тутъ еще лѣнь, нежеланіе ѣхать куда бы то ни было, равнодушіе и банкротство. Живу машинально, не разсуждая.

Изъ Одессы выѣхалъ не въ понедѣльникъ, какъ обѣщалъ, а въ субботу. Совсѣмъ было ужъ уложился, за-

платилъ по счету, но пошелъ на репетицію проститься— и тамъ меня удержали. Одинъ взялъ шляпу, другая палку, а всѣ вмѣстѣ упрашивали меня такъ единодушно и искренно, что не устояла бы даже скала; пришлось остаться. Безъ тебя жилъ я почти такъ же, какъ и при тебѣ. Вставалъ въ 8—9 часовъ и шолъ съ П-мъ купаться. Въ купальнѣ мнѣ чистили башмаки, которые у меня, кстати сказать, новые. Душъ, струя... Потомъ кофе въ буфетѣ, что на берегу около каменной лѣстницы. Въ 12 ч. бралъ я П-ву и вмѣстѣ съ ней шелъ къ Замбрини ѣсть мороженое (60 коп.), шлялся за нею къ модисткамъ, въ магазины за кружевами и проч. Жара, конечно, несосвѣтимая. Въ 2 ѣхалъ къ С., потомъ къ Ольгѣ Ивановнѣ борща и соуса ради. Въ 5 у К. чай, который всегда проходилъ особенно шумно и весело; въ 8, кончивъ пить чай, шли въ театръ. Кулисы. Лѣченіе кашляющихъ актрисъ и составленіе плановъ на завтрашній день. Встревоженная Л., боящаяся расходовъ; П., ищущая своими черными глазами тѣхъ, кто ей нуженъ; Гамлетъ-С., тоскующій и изрыгающій громы; толстый Г., всегда спящій и вѣчно жалующійся на утомленіе; его жена—дохленькая барыня, умоляющая, чтобъ я не ѣхалъ изъ Одессы; хорошенькая горничная Анюта въ красной кофточкѣ, отворяющая намъ дверь, и т. д. и т. д. Послѣ спектакля рюмка водки внизу въ буфетѣ и потомъ вино въ погребкѣ—это въ ожиданіи, когда актрисы сойдутся у К. пить чай. Пьемъ опять чай, пьемъ долго, часовъ до двухъ, и мелемъ языками всякую чертовщину. Въ 2 провожаю П. до ея номера и иду къ себѣ, гдѣ застаю Г. Съ нимъ пью вино и толкую о Донской области (онъ казакъ) и о сценѣ. Этакъ до разсвѣта. Затѣмъ шарманка снова заводилась и начиналась вчерашняя музыка. Все время я, подобно П-му, тяготѣлъ къ женскому обществу, обабился окончательно, чуть юбокъ

не носилъ и не проходило дня, чтобъ добродѣтельная Л. съ значительной миной не разсказывала мнѣ, какъ М. боялась отпустить П. на гастроли, и какъ M-me П. (тоже добродѣтельная, но очень скверная особа) сплетничаетъ на весь свѣтъ, и на нее, Л., якобы потворствующую грѣху. Прощаніе вчера вышло трогательное. Насилу отпустили. Поднесли мнѣ два галстука на память и проводили на пароходъ. Я привыкъ и ко мнѣ такъ привыкли, что въ самомъ дѣлѣ грустно было разставаться.

Слышно, какъ на военномъ фрегатѣ играетъ музыка. Жарко писать. Сейчасъ завтракъ. Нашимъ буду писать изъ Алупки, а пока кланяйся всѣмъ. Пилитъ ли Семашечка на своей поломанной женѣ? [1]).

Въ Ялтѣ Стрепетова и, вѣроятно, кто-нибудь изъ литераторовъ. Прійдется много разговаривать. Актрисы тебѣ кланяются.

Горе отъ ума сошло скверно, Донъ-Жуанъ и Гамлетъ хорошо. Сборы плохіе.

Получилъ письмо отъ Боборыкина. Если есть письма на мое имя, то пришли ихъ (заказнымъ) по адресу: Ялта, Даніилу Михайловичу Городецкому для передачи мнѣ. Пришли и почтовыя повѣстки, я напишу довѣренность.

У меня нѣтъ ни желаній ни намѣреній, а потому нѣтъ и опредѣленныхъ плановъ. Могу хоть въ Ахтырку ѣхать, мнѣ все равно. Машѣ буду писать, вѣроятно, завтра. Ну, оставайтесь всѣ здоровы и не поминайте лихомъ.

А. Ч.

---

[1]) Віолончели.

CXCVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

18 Іюль (1889 г. Ялта).

Я живу въ Ялтѣ (дача Фарбштейнъ). Попросить тебя и Наталію Михайловну [1]) пріѣхать сюда я не рѣшаюсь, такъ какъ положительно не имѣю понятія о томъ, какъ долго я проживу здѣсь и куда поѣду отсюда. Скука адская и возможно, что я уѣду отсюда завтра или послѣзавтра. Уѣду въ Сумы, а изъ Сумъ въ Москву, не дожидаясь Сентября. Лѣто мнѣ опротивѣло, какъ рѣдиска.

Живу я на очень приличной дачѣ, плачу за $1^1/_2$ комнаты 1 рубль въ сутки. Море въ двухъ шагахъ. Растительность въ Ялтѣ жалкая. Хваленые кипарисы не растутъ выше того тополя, который стоитъ въ маленькомъ Линтваревскомъ саду налѣво отъ крыльца; они темны, жестки и пыльны.

Въ публикѣ преобладаютъ Шмули и бритыя рожи опереточныхъ актеровъ. Женщины пахнутъ сливочнымъ мороженымъ.

Къ сожалѣнію, у меня много знакомыхъ. Рѣдко остаюсь одинъ. Приходится слушать всякій умный вздоръ и отвѣчать длинно. Шляются ко мнѣ студенты и приносятъ для прочтенія свои увѣсистыя рукописи. Одолѣли стихи. Все претенціозно, умно, благородно и бездарно; С. со мной нѣтъ, онъ въ Одессѣ, чему я очень радъ.

Купанье великолѣпное.

---

[1]) Линтвареву.

Когда я ѣхалъ изъ Севастополя въ Ялту, была качка. Дамы и мужчины рвали. Меня мутило, но только слегка; я имѣлъ дерзость даже обѣдать, хотя во все время обѣда боялся, что вырву въ тарелку своей сосѣдки дочери одесскаго градоначальника.

Обѣды дрянные. Лѣнивыя щи, антрекотъ изъ подошвы, компотъ — цѣна 1 рубль. Вчера вечеромъ въ саду я громко жаловался на плохіе ялтинскіе обѣды; мѣстный акцизный, очень симпатичный и добродушный человѣкъ, внялъ моему гласу и робко пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Пойду сегодня.

Уѣхалъ бы за границу, но потерялъ изъ виду Суворина.

Черезъ недѣлю по полученіи этого письма на твое имя прійдутъ отъ Кондратьева деньги. Получи и распечатай. Если захочешь ѣхать куда-нибудь, то поѣзжай.

Вернусь я не позже 10 Августа—это навѣрное.

Одинокій человѣкъ отлично можетъ прожить въ Ялтѣ за 60 — 75 руб. въ мѣсяцъ. Дороговизну преувеличили.

Я скучаю по Лукѣ. Во время бури у берега камни и камешки съ трескомъ, толкая другъ дружку, катаются то сюда, то туда—ихъ раскатистый шумъ напоминаетъ мнѣ смѣхъ Натальи Михайловны; гудѣнье волнъ похоже на пѣніе симпатичнаго доктора. По цѣлымъ часамъ я просиживаю на берегу, жадно прислушиваюсь къ звукамъ и воображаю себя на Лукѣ.

Отдай въ чистку мой черный пиджакъ. Пусть Миша свезетъ въ красильное заведеніе. Если на осеннемъ пальто есть пятна, то и его туда же. Не мѣшало бы выгладить.

Гдѣ Александръ?

Въ Ялтѣ можно работать. Если бъ не добрые люди, заботящіеся о томъ, чтобы мнѣ не было скучно, то я написалъ бы много.

Александрѣ Васильевнѣ, доктору, Натальѣ Михайловнѣ, композитору, Семашечкѣ и всѣмъ нашимъ передай мой сердечный привѣтъ. Если можно, не скучай. Денегъ не жалѣйте. Чортъ съ ними.

Я здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXCIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Августа (1889 г. Ялта).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, можете себѣ представить, я не за границей, и не на Кавказѣ, а вотъ уже двѣ недѣли одиноко сижу въ полуторарублевомъ номерѣ, въ татарско-парикмахерскомъ городѣ Ялтѣ. Ѣхалъ я заграницу, но попалъ случайно въ Одессу, прожилъ тамъ дней десять, а оттуда, проѣвъ половину своего состоянія на мороженомъ (было очень жарко), поѣхалъ въ Ялту. Поѣхалъ зря и живу въ ней зря. Утромъ купаюсь, днемъ умираю отъ жары, вечеромъ пью вино, а ночью сплю. Море великолѣпно, растительность жалкая, публика всплошную Шмули или больные. Каждый день собираюсь уѣхать и все никакъ не уѣду. А уѣхать надо. Совѣсть загрызла. Немножко стыдно сибаритствовать въ то время, когда дома неладно. Уѣхавъ, я оставилъ дома унылую скуку и страхъ.

Сіе письмо имѣетъ цѣль двоякую: 1) привѣтствовать Васъ и напомнить о своемъ многогрѣшномъ существованіи и 2) просить Васъ увѣдомить Анну Михайловну, что разсказъ она получитъ отъ меня не позже 1 сен-

тября. Это ужъ рѣшенное дѣло, ибо разсказъ почти готовъ. Несмотря на жару и на ялтинскія искушенія, я пишу. Написалъ уже на 200 цѣлковыхъ, т.-е. цѣлый печатный листъ. Пьесу началъ было дома, но забросилъ. Надоѣли мнѣ актеры. Ну ихъ!

У меня сегодня радость. Въ купальнѣ чуть было не убилъ меня мужикъ длиннымъ тяжелымъ шестомъ. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла отъ шеста на одинъ сантиметръ. Чудесное избавленіе отъ гибели наводитъ меня на разныя, приличныя случаю мысли.

Въ Ялтѣ много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущихъ, но ни одного талантливаго человѣка. Много вина, но ни одной капли порядочнаго. Хороши здѣсь только море да лошади-иноходцы.

Ѣдешь верхомъ на лошади и качаешься, какъ въ люлькѣ. Жизнь дешевая. Одинокій человѣкъ отлично можетъ прожить здѣсь на 100 рублей въ мѣсяцъ.

Кланяется Вамъ Петровъ, мѣстный старожилъ, типографъ, донъ-Жуанъ и любитель поэзіи, сидящій сейчасъ возлѣ меня и собирающійся угостить меня обѣдомъ. Онъ глухонѣмой и говоритъ поэтому ужасно громко. Вообще чудаковъ здѣсь много.

Если захотите подарить меня письмомъ, то адресуйте въ Сумы, куда я вернусь не позже 10 августа.

Разсказъ по случаю жары и сквернаго, меланхолическаго настроенія, выходитъ у меня скучноватый. Но мотивъ новый. Очень возможно, что прочтутъ съ интересомъ.

Мнѣ одинъ мѣстный поэтъ говорилъ, что въ Ялту пріѣдетъ Елена Алексѣевна. Посовѣтуйте ей не пріѣзжать до винограда т.-е раньше 15—20 Августа.

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ. Крѣпко обнимаю Васъ и пребываю, какъ всегда, искренно любящимъ *Антуаномъ*

Потемкинымъ (прозвище, данное мнѣ Жаномъ Щегловымъ).

Кстати: что подѣлываетъ Жанъ? Все еще насилуетъ Мельпомену? Если увидите его, то поклонитесь.

CC.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

29 августа (1889 г. Лука).

Милый Жанчикъ, въ субботу я ѣду въ Москву и прошу Васъ адресоваться по-зимнему, т.-е. Кудринская-Садовая, д. Корнѣева. Если въ сентябрѣ будете въ Москвѣ, то ужъ застанете меня вполнѣ и всесторонне водворившимся.

Очень радъ, что Вы охладѣли къ Мельпоменѣ и вернулись въ родное лоно беллетристики. Теперь Вы будете писать по одной пьесѣ въ 1—2 года, имѣть успѣхъ и считаться все-таки не драматургомъ, а беллетристомъ. Такъ и нужно. Я бы лично бросилъ театръ просто изъ расчета: драматурговъ 300, а беллетристовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Да и, между нами говоря, театръ не даетъ столько денегъ, сколько наша проза. Ваши «Фамочка» и «Пѣтухъ» дали, небось, вдвое больше, чѣмъ «Театралы» и «Дачный мужъ».

Въ этомъ сезонѣ я ничего не дамъ для театра, ибо ровно ничего не сдѣлалъ. Началъ было «Лѣшаго» (въ маѣ и іюнѣ), но потомъ бросилъ.

Пишу теперь повѣстушку, которую публика узритъ въ печати не раньше ноября. Въ сей повѣсти, изображая одну юную дѣвицу, я воспользовался, отчасти, чертами милѣйшаго Жана.

Гдѣ Баранцевичъ? Если встрѣтитесь, то попросите его, чтобы онъ прислалъ мнѣ свой адресъ.

Все мое семейство здравствуетъ и шлетъ Вамъ поклонъ. Когда будете въ Москвѣ, приходите чай пить, обѣдать и ужинать. Поговоримъ про Вашу роковую бабушку, трагическій смѣхъ и адски мелодраматическій почеркъ.

Видаетесь ли съ Билибинымъ? Очень милый и талантливый парень, но подъ давленіемъ роковыхъ обстоятельствъ и петербургскихъ тумановъ превращается, кажется, въ сухаря-чинушу.

Погода великолѣпная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворотъ тащутъ прочь отъ стола.

Поклонитесь Вашей женѣ и будьте счастливы, какъ Соломонъ въ юности.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Сентября 89, Лука.

Симъ извѣщаю Васъ, милый Алексѣй Николаевичъ, что сегодня въ 4 часа ночи при 2 градусахъ тепла, при небѣ, густо покрытомъ облаками я выѣзжаю на товарно-каторжномъ поѣздѣ въ Москву. Предвкушая эту интересную поѣздку, заранѣе щелкаю зубами и дрожу всѣмъ тѣломъ.

Адресъ у меня остается прошлогодній т.-е. Кудринская-Садовая, д. Корнѣева.

Сегодня я написалъ Аннѣ Михайловнѣ, что разсказъ для «Сѣв. Вѣстника» уже готовъ, и просилъ у нея позволенія подержать его у себя дома и не высылать ей до

слѣдующей книжки. Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а главное подумать надъ нимъ. Ничего подобнаго отродясь я не писалъ, мотивы совершенно для меня новые, и я боюсь, какъ бы не подкузьмила меня моя неопытность. Вѣрнѣе, боюсь написать глупость.

Линтваревы всѣ кланяются Вамъ.

Жоржикъ не имѣетъ опредѣленныхъ плановъ и по всей вѣроятности останется на зиму дома. Въ этомъ юношѣ я могу понять только то, что онъ несомнѣнно любитъ музыку, несомнѣнно талантливъ и хорошій, добрый человѣкъ. Въ остальномъ же прочемъ я его не понимаю. На что онъ употребитъ свою энергію и любовь, неизвѣстно. Быть-можетъ, истратитъ все на порывы, на отдѣльныя вспышки и этимъ ограничится.

Смагины въ этомъ году не были на Лукѣ.

Вчера пріѣхала Вата съ мамашей. Замужъ она еще не вышла, но разсчитываетъ скоро выйти и уже выставляетъ свой животъ далеко впередъ, точно репетируетъ беременность.

Что Вы сдѣлали для сцены? Хотѣлъ я прочитать про Галеви, но не собралъ Русскихъ Вѣдомостей.

Въ Москвѣ ожидаютъ меня засѣданія комитета. Горева и Абрамова долго не продержатся, но, тѣмъ не менѣе, однако, успѣютъ дать обществу заработать тысячи двѣ-три.

Мнѣ симпатиченъ Боборыкинъ и будетъ жаль, если онъ очутится въ положеніи курицы, попавшей во щи. Труппа у него жиденькая, набранная, если можно такъ выразиться, изъ элементовъ случайныхъ. Мечтаетъ онъ о классическомъ репертуарѣ — это хорошо, но что труппа его изъ классическихъ вещей будетъ дѣ-

лать чертъ знаетъ что — это очень скверно. Кланяюсь всѣмъ вашимъ, а Васъ крѣпко обнимаю и цѣлую. Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Жоржикъ скоро будетъ писать Вамъ.

CCII.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

5 Сентября (1889 г. Москва.).

Многоуважаемый Ѳедоръ Александровичъ, простите, что запаздываю отвѣтомъ на Ваше письмо. Пріѣхалъ я въ Москву только сегодня.

Мое «Предложеніе» было уже напечатано въ «Новомъ Времени» № 4732, куда я обѣщалъ его еще въ прошломъ году. Что касается напечатанія этой пьесы въ «Артистѣ», то оно едва ли возможно. Не въ моей власти разрѣшать печатать то, что уже было однажды напечатано въ газетѣ и за что мною уже получены деньги. Неловко. Если, конечно, Суворинъ разрѣшитъ перепечатать съ соотвѣтственнымъ примѣчаніемъ, что эта де пьеса была раньше помѣщена въ Новомъ Времени, то я ничего не буду имѣть противъ.

Изъ всѣхъ немногочисленныхъ пьесъ моихъ можно напечатать только одну, а именно «Лебединую пѣсню» (Калхасъ), драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, который шелъ когда-то у Корша и, кажется, пойдетъ въ Маломъ театрѣ. Пьеса эта была раньше напечатана въ «Сезонѣ» Кичеева, но не цѣликомъ, а въ сильно сокращенномъ видѣ; въ Сезонъ я далъ только часть перваго

монолога. Эту Лебединую пѣсню можно достать у Разсохина. Есть она и у меня, буде пожелаете.

Сегодня я получилъ письмо отъ В. С. Лихачева, автора «Въ родственныхъ объятіяхъ» и переводчика «Тартюфа». Онъ мнѣ пишетъ: «Сегодня я вычиталъ въ газетѣ объявленіе объ издаваемомъ въ Москвѣ журналѣ «Артистъ», а у меня какъ разъ готова оригинальная пятиактная драма». Далѣе онъ, Лихачевъ, поручаетъ мнѣ узнать у Васъ объ условіяхъ и проч. Если Вы не прочь напечатать у себя его пьесу, то благоволите меня увѣдомить возможно подробнѣе: я напишу ему.

А за симъ позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и пребыть уважающимъ,

А. Чеховъ.

CCIII.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

6 Сентябрь (1889 г., Москва).

Здравствуйте, уважаемый и добрѣйшій докторъ! Наконецъ мы доѣхали до Москвы. Доѣхали благополучно и безъ всякихъ приключеній. Закусывать начали въ Ворожбѣ и кончили подъ Москвой. Циплята распространяли зловоніе. Маша [1]) во всю дорогу дѣлала видъ, что незнакома со мной и съ Семашко, такъ какъ съ нами въ одномъ вагонѣ ѣхалъ проф. Стороженко, [2]) ея бывшій лекторъ и экзаминаторъ. Чтобы наказать такую мелочность, я громко разсказывалъ о томъ, какъ я служилъ

---

[1]) Сестра Марія Павловна.
[2]) Н. И. профессоръ Моск. Унив.

поваромъ у графини Келлеръ и какіе у меня были добрые господа; прежде чѣмъ выпить, я всякій разъ кланялся матери и желалъ ей поскорѣе найти въ Москвѣ хорошее мѣсто. Семашко изображалъ камердинера.

Въ Москвѣ холодно, въ комнатахъ не прибрано, мебель тусклая. Вся душа моя на Лукѣ. Хочется сказать Вамъ тысячи теплыхъ словъ. Если бы было принято молитвословить святыхъ женъ и дѣвъ раньше, чѣмъ ангелы небесные уносятъ ихъ души въ рай, то я давно бы написалъ Вамъ и Вашимъ сестрамъ акаѳистъ и читалъ бы его ежедневно съ колѣнопреклоненіемъ, но такъ какъ это не принято, то я ограничиваюсь только тѣмъ, что зажигаю въ своемъ сердцѣ въ честь Вашу неугасимую лампаду и прошу вѣрить въ искренность и постоянство моихъ чувствъ. Само собою разумѣется, что среди этихъ чувствъ самое видное мѣсто занимаетъ благодарность.

Кланяйтесь, пожалуста, всѣмъ Вашимъ, не минуя никого, ни Григорія Алекс., ни Домнушки, ни Ульяши. Надѣюсь, что Егоръ Михайловичъ уже пересталъ заниматься свинствомъ т.-е., иначе говоря, уже не возится со своей свинкой. Александрѣ Васильевнѣ передайте, что она поступила несправедливо, не взявъ съ меня ничего за маленькій флигель. Брали съ Деконора, берете съ Артеменко, а вѣдь я, надѣюсь, ничѣмъ не хуже ихъ.

Вчера въ день пріѣзда у меня уже были гости. Семейство мое шлетъ всѣмъ Вамъ сердечный привѣтъ. Семашко тоже.

Когда я разсказывалъ Ивану [1]) о томъ, какъ Валентина Николаевна [2]) увязывала мой багажъ, то онъ минуту подумалъ, почесалъ у себя за ухомъ и глубоко вздохнулъ.

---

[1]) Братъ Иванъ Павловичъ.
[2]) Вата (см. выше).

А багажъ въ самомъ дѣлѣ былъ увязанъ такъ художественно, что мнѣ не хотѣлось развязывать.

Хладнокровна ли Наталія Михайловна?

Ну, да хранитъ Васъ Создатель.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Посылаю Вамъ свою erysipelas.

CCIV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

7 Сент. (1889 г., Москва).

Подательница сего К. А. К. проситъ взаймы 150 руб. Такъ какъ у меня денегъ нѣтъ, то дай ты(?). А если и у тебя нѣтъ, то будь добръ, сходи въ книжный магазинъ и справься тамъ, не приходится ли мнѣ получить за книги хотя что-нибудь. Быть-можетъ, скопилось немножко. Если да, то возьми и вручи.

Твой *А. Чеховъ.*

Леонидъ Третьяковъ умираетъ отъ чахотки.

CCV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

14 Сентября (1889 г. Москва).

Громы небесные и зубы крокодиловъ да падутъ на головы Вашихъ враговъ и кредиторовъ, дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Предпославъ Вамъ такое восточное и грандіозное привѣтствіе, отвѣчаю на Ваше письмо нижеслѣдующее. На телеграмму Анны Михай-

ловны я отвѣтилъ письмомъ, гдѣ умолялъ подождать до ноябрьск. книжки; отвѣтъ я получилъ такой: «да будетъ по Вашему желанію. Отложимъ». Вы поймете всю цѣну и прелесть этого отвѣта, если вообразите себѣ г. Чехова, пишущаго, потѣющаго, исправляющаго и видящаго, что отъ тѣхъ революціонныхъ переворотовъ и ужасовъ, какіе терпитъ подъ его перомъ повѣсть, она не становится лучше ни на единый су. Я не пишу, а занимаюсь пертурбаціями. Въ такомъ настроеніи, согласитесь, не совсѣмъ удобно спѣшить печататься.

Въ моей повѣсти [1]) не два настроенія, а цѣлыхъ пятнадцать; весьма возможно, что и ее Вы назовете дерьмомъ. Она въ самомъ дѣлѣ дерьмо. Но льщу себя надеждою, что Вы увидите въ ней два-три новыхъ лица, интересныхъ для всякаго интеллигентнаго читателя; увидите одно-два новыхъ положенія. Льщу себя также надеждою, что мое дерьмо произведетъ нѣкоторый гулъ и вызоветъ ругань во вражескомъ станѣ. А безъ этой ругани нельзя, ибо въ нашъ вѣкъ, вѣкъ телеграфа, театра Горевой и телефоновъ, ругань—родная сестра рекламы.

Что касается Короленко, то дѣлать какія-либо заключенія о его будущемъ—преждевременно. Я и онъ находимся теперь именно въ томъ фазисѣ, когда фортуна рѣшаетъ, куда пускать насъ: вверхъ, или внизъ по наклону. Колебанія вполнѣ естественны. Въ порядкѣ вещей былъ бы даже временный застой.

Мнѣ хочется вѣрить, что Короленко выйдетъ побѣдителемъ и найдетъ точку опоры. На его сторонѣ крѣпкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядовъ и ясный, хорошій умъ, хотя и не чуждый предубѣжденій, но зато свободный отъ предразсудковъ. Я тоже не дамся фортунѣ живой въ руки. Хотя у меня и нѣтъ того, что есть

---

[1]) «Скучная Исторія».

у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня въ прошломъ масса ошибокъ, какихъ не зналъ Короленко, а гдѣ ошибки, тамъ и опытъ. У меня кромѣ того шире поле брани и богаче выборъ; кромѣ романа, стиховъ и доносовъ, я все перепробовалъ. Писалъ и повѣсти ,и разсказы, и водевили, и передовыя, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ для Стрекозы. Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за разсказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевиль и этакъ безъ конца, до самой дохлой смерти. Такъ что при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя и на Короленко окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данныхъ, говорящихъ за или противъ. Погодимъ еще лѣтъ пять, тогда видно будетъ.

Вчера у меня былъ П. Н. Островскій, заставшій у меня петербургскаго помѣщика Соковнина. Петръ Н. умный и добрый человѣкъ; бесѣдовать съ нимъ пріятно, но спорить такъ же трудно, какъ со спиритомъ. Его взгляды на нравственность, на политику и проч.—это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Поглядишь на него справа—матеріалистъ, зайдешь слѣва—франкъ-масонъ. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающихъ, но мало образованныхъ, не привыкшихъ къ точнымъ опредѣленіямъ и къ тѣмъ пріемамъ, которые учатъ людей уяснять себѣ то, о чемъ думаешь и говоришь.

Театръ Горевой такая чепуха! Сплошной нуль. Таланты, которые въ немъ подвизаются, такіе же облѣзлые, какъ голова Б., который недѣлю тому назадъ составлялъ для меня почтенную величину, теперь же представляется мнѣ просто чудакомъ, котораго въ дѣтствѣ мамка ушибла. Побесѣдовавъ съ нимъ и поглядѣвъ на дѣла рукъ его, я разочаровался, какъ женихъ, невѣста котораго позво-

лила себѣ нечаянно издать въ обществѣ неприличный звукъ.

Говорятъ, у Абрамовой дѣла идутъ хорошо. Уже встрѣчалъ я геніальныхъ людей, успѣвшихъ нагрѣть руки около ея бумажника. Даетъ авансы.

Что дѣлаетъ Жанъ? Живъ ли онъ? Не задавили ли его гдѣ-нибудь за кулисами? Не умеръ ли онъ отъ испуга, узнавъ, что въ его «Дачномъ мужѣ» вмѣсто госпожи Пыжиковой будетъ играть г-жа Дымская-Стульская 2-я? Если Вамъ приходится видѣть его и слушать его трагическій смѣхъ, то напомните ему о моемъ существованіи и кстати поклонитесь ему.

Всѣмъ Вашимъ мой сердечный привѣтъ.

Будьте здоровы. Дай Богъ Вамъ счастья и всего самаго лучшаго.

Вашъ Antoine, онъ же Потемкинъ.

Адресъ: Таврида, спальня Екатерины II.

CCVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

15 Сент. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, россійскій Сарду! Откликаюсь: я здѣсь!! Очень радъ, что Вы живы, здравы и что скоро я буду имѣть удовольствіе лицезрѣть Васъ и «Лучи и тучи», о которыхъ слышалъ отъ Корша. Новаго нѣтъ ни бельмеса. Все старо и все попрежнему превосходно, благополучно и гадко (густая помѣсь оптимизма съ пессимизмомъ).

Коршъ говорилъ, что Ваше «Безъ коромысла и утюга» будетъ еще идти у него; пойду поглядѣть, такъ какъ еще не видѣлъ. Что еще написать Вамъ? Про погоду? Ничего, хороша.

Кончилъ длинную повѣсть [1]). Вещь тяжеловѣсная, такъ что человѣка убить можно. Тяжеловѣсна не количествомъ листовъ, а качествомъ. Нѣчто неуклюжее и громоздкое. Мотивъ затрагиваю новый.

Жду. Будьте здоровеньки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 сент. (1889 г. Москва).

Г. Театралъ!

Отвѣтствую на Ваше почтенное письмо. Передѣлкѣ «Гордіева узла» аплодирую, но неохотно, такъ какъ я люблю этотъ романъ и не могу допустить, чтобы онъ выигралъ отъ передѣлки. Ваше распредѣленіе ролей является преждевременнымъ. Труппа Корша нѣсколько обновилась, и Вамъ прежде, чѣмъ распредѣлять роли, необходимо познакомиться съ ея новыми элементами. Я видѣлъ только Медвѣдева (добродушный старикъ) и Потоцкую, милую барышню съ огонькомъ и съ благими намѣреніями, претендующую на сильныя драматическія роли. Есть еще Людвиговъ, Красовская, но этихъ я не видѣлъ.

Каковъ былъ Солонинъ въ моемъ «Ивановѣ», я не знаю, такъ какъ не успѣлъ еще побывать. Въ среду, если пой-

---

[1]) «Скучная Исторія».

детъ «Ивановъ», схожу и посмотрю, и возьму для васъ афишу. Думаю,что въ Горичѣ онъ будетъ не особенно дуренъ.

Я вожусь съ повѣстью, и возня эта уже на исходѣ. Дней черезъ пять тяжелая, увѣсистая белиберда пойдетъ въ Питеръ, въ типографію Демакова. Это не повѣсть, а диссертація. Придется она по вкусу только любителямъ скучнаго, тяжелаго чтенія, и я дурно дѣлаю, что не посылаю ее въ «Артиллерійскій журналъ».

Съ моими водевилями цѣлая революція. «Предложеніе» шло у Горевой — я снялъ съ репетуара; изъ-за «Медвѣдя» Коршъ ругается съ Абрамовой: первый тщетно доказываетъ свое исключительное право на сію пьесу, а абрамовскій Соловцовъ говоритъ, что «Медвѣдь» принадлежитъ ему, такъ какъ онъ сыгралъ его уже 1817 разъ. Самъ чортъ не разберетъ! Малый театръ въ обидѣ, что «Ивановъ» идетъ у Корша, и Ленскій до сихъ поръ еще не былъ у меня: должно, сердится. Бѣда съ вами, гг. театральные дѣятели!

Ну-съ, будьте здоровы. Жду васъ въ Москвѣ. Условіе: говорить о театрѣ будемъ, но не больше часа въ сутки. Или такъ: я буду говорить о немъ, а не вы. Идетъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

24 Сентября (1889 г. Москва).

Это письмо, дорогой Алексѣй Николаевичъ, посылается на почту вмѣстѣ съ разсказомъ, на который я наконецъ махнулъ рукой и сказалъ ему: изыди отъ меня, окаянный, въ огнь скучной критики и читательскаго

равнодушія! Надоѣло съ нимъ возиться. Называется онъ такъ: «Скучная исторія» (Изъ записокъ стараго человѣка). Самое скучное въ немъ, какъ увидите, это длинныя разсужденія, которыхъ къ сожалѣнію нельзя выбросить, такъ какъ безъ нихъ не можетъ обойтись мой герой, пишущій записки. Эти разсужденія фатальны и необходимы, какъ тяжелый лафетъ для пушки. Они характеризуютъ и героя, и его настроеніе, и его вилянье передъ самимъ собой. Прочтите, голубчикъ, и напишите мнѣ. Прорѣхи и пробѣлы Вамъ виднѣе, такъ какъ разсказъ не надоѣлъ еще Вамъ и не намозолилъ глазъ, какъ мнѣ.

Боборыкинъ ушелъ отъ Горевой и умно сдѣлалъ. Человѣку съ такой литературной репутаціей, какъ у него, не мѣсто въ этомъ театрѣ, да и не къ лицу быть мишенью для насмѣшекъ и сплетенъ разныхъ прохвостовъ и ничтожествъ. Онъ не пересталъ быть для меня симпатичнымъ; я писалъ Вамъ, что онъ показался мнѣ чудакомъ въ высшей степени и онъ въ самомъ дѣлѣ чудакъ. Его пребываніе у Горевой, его Донъ-Карлосы и Мизантропы, разыгрываемые сапожниками, это если не шалость, то чудачество.

Островскій вовсе не консерваторъ. Онъ просто обыватель, ведущій замкнутую жизнь, сердитый на себя въ настоящемъ, любящій свое прошлое и не знающій, на чемъ бы сорвать свое сердце. Человѣкъ онъ добрый и въ высшей степени добропорядочный; но спорить съ нимъ трудно. Трудно не потому, что высказываетъ онъ противоположные взгляды, а потому, что пріемы для спора у него временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Сейчасъ иду на засѣданіе Комитета—это первое засѣданіе въ этомъ сезонѣ.

Всѣ говорятъ и пишутъ мнѣ, чтобы я написалъ большую пьесу. Актеры Малаго театра берутъ съ меня слово,

что я непремѣнно напишу. Эхъ, кабы было время! Хорошей пьесы не написалъ бы, но деньжищъ заграбасталъ бы достаточно.

Смѣшно сказать! «Ивановъ» и книжки сдѣлали меня рантьеромъ. Будь я одинъ, могъ бы прожить бы безбѣдно года два-три, лежа на диванѣ и пуская плевки въ потолокъ.

Напишите мнѣ. Видѣли ли Григоровича?

Будьте живы, здоровы, покойны и богаты. Обнимаю Васъ крѣпко и цѣлую. Вашимъ мой нижайшій поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Сент. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Большущее Вамъ спасибо за письмо и за указанія, которыми я непремѣнно воспользуюсь, когда буду читать корректуру. Не согласенъ я съ Вами только въ очень немногомъ. Такъ, напр., заглавіе повѣсти перемѣнять не слѣдуетъ— тѣ прохвосты, которые будутъ, по Вашему предсказанію, острить надъ «скучной исторіей» такъ не остроумны, что бояться ихъ нечего; если же кто сострить удачно, то я буду радъ, что далъ къ тому поводъ. Профессоръ не могъ написать о мужѣ Кати, такъ какъ онъ его не знаетъ, а Катя молчитъ о немъ; къ тому же мой герой—и это одна изъ его главныхъ чертъ—слишкомъ безпечно относится къ внутренней жизни окружающихъ и въ то время, когда около него плачутъ, ошибаются, лгутъ, онъ преспокойно трактуетъ о театрѣ,

литературѣ; будь онъ иного склада, Лиза и Катя пожалуй бы не погибли.

Да, о прошломъ Кати вышло длинно и скучно. Но иначе вѣдь ничего не подѣлаешь. Если бъ я постарался сдѣлать это мѣсто болѣе интереснымъ, то, согласитесь, моя повѣсть стала бы отъ этого вдвое длиннѣе.

Что касается письма Михаила Ѳед. съ кусочкомъ слова «страсти», то натяжки тутъ нѣтъ.

Повѣсть, какъ и сцена, имѣетъ свои условія. Такъ мнѣ мое чутье говоритъ, что въ финалѣ повѣсти или разсказа я долженъ искусственно сконцентрировать въ читателѣ впечатлѣніе отъ всей повѣсти, и для этого хотя мелькомъ, чуть-чуть, упомянуть о тѣхъ, о комъ раньше говорилъ. Быть-можетъ я и ошибаюсь.

Васъ огорчаетъ, что критики будутъ ругать меня. Что жъ? Долгъ платежомъ красенъ. Вѣдь мой профессоръ бранитъ же ихъ.

Я теперь отдыхаю. Для прогулокъ избралъ я шумную область Мелпомены, куда и совершаю нынѣ экскурсію. Пишу, можете себѣ представить, большую комедію-романъ и уже накаталъ залпомъ $2^1/_2$ акта. Послѣ повѣсти комедія пишется очень легко. Вывожу въ комедіи хорошихъ, здоровыхъ людей, наполовину симпатичныхъ; конецъ благополучный. Общій тонъ—сплошная лирика. Называется «Лѣшій».

Я просилъ высылать гонораръ по частямъ не столько изъ деликатности, которую Вы слишкомъ преувеличиваете, сколько изъ разсчета. Если бы мнѣ выслали все сразу, то я сразу бы и прожилъ. Я чувствую какой-то зудъ и ноздревскій задоръ, когда знаю, что у меня въ столѣ лежатъ деньги. Когда будете въ конторѣ, то скажите, что первую часть гонорара я жду перваго октября, а вторую—перваго ноября и т. д. Перваго числа я разсчитываюсь съ лавочникомъ и съ мясникомъ.

Всѣ мои здравствуютъ и шлютъ Вамъ поклонъ. «Лѣшаго» кончу къ 20 Октябрю и пришлю въ Питеръ, а затѣмъ отдыхаю недѣлю и сажусь за продолженіе своего романа.

Въ засѣданіи Комитета, о которомъ я писалъ, разбиралось много дѣлъ, но все мелкихъ, мало интересныхъ, хотя и курьезныхъ. Хозяйство ведется превосходно и Кондратьевъ человѣкъ незамѣнимый.

Александровъ держится хорошо. Онъ юристъ и это много помогаетъ намъ при разрѣшеніи разныхъ дѣлъ кляузнаго свойства.

Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы и еще разъ большое спасибо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCX.

А. П. Ленскому.

(Москва, 1889 г. Сент.).

(Въ заголовкѣ письма приклеена печатная вырѣзка).

«Ленскій А. П».
«Московской сцены Гамлетъ и Отелло».
«Въ гостинныхъ Лиръ, съ друзьями—Мозаньелло».

Что значитъ «Мазаньелло»?

Очень жалѣемъ что въ воскресенье вечеромъ насъ не было дома: ходили слушать «Русалку».

Повѣсть свою уже послалъ. Пьесу началъ и уже написалъ половину перваго акта. Если ничто не помѣшаетъ и если мои вычисленія вѣрны, то кончу ее не позже 20 октября. Семь мужскихъ ролей и четыре женскихъ, не считая прислуги и гостей.

Завтра пойду смотрѣть село Знаменское и мечтаю увидѣться съ Вами.

Поклонъ Лидіи Николаевнѣ и . . . . . .
. . . . . .

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Сент.).

Неужели и въ послѣднемъ разсказѣ не видно «направленія»? Вы какъ то говорили мнѣ, что въ моихъ разсказахъ отсутствуетъ протестующій элементъ, что въ нихъ нѣтъ симпатій и антипатій... Но развѣ въ разсказѣ отъ начала и до конца я не протестую противъ лжи? Развѣ это не направленіе? Нѣтъ? Ну, такъ значитъ я не умѣю кусаться, или я блоха.

Цензуру я боюсь. Она вычеркнетъ то мѣсто, гдѣ я описываю предсѣдательство Петра Дмитрича. Вѣдь нынѣшніе предсѣдатели въ судахъ всѣ такіе!

Ахъ, какъ я Вамъ надоѣлъ!

А. Ч.

CCXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

1-го Октября (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ! У Васъ есть переводная пьеса «Мѣдные лбы» Скриба. Ее хочетъ поставить на свой бенефисъ артистъ Коршевскаго театра Н. В. Свѣтловъ. Если Вы ничего не имѣете противъ и если

нѣтъ законныхъ препятствій, то потрудитесь увѣдомить возможно скорѣй. Отвѣтьте или мнѣ, или же «Николаю Васильевичу Свѣтлову, Театръ Корша въ Москвѣ». Цѣлую Васъ крѣпко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIII.

А. П. Ленскому.

(Москва, 1889 г. Окт.).

Пьеса [1]) готова и уже переписывается начисто. Если она сгодится, то очень радъ служить и буду весьма польщенъ, если мое дѣтище увидитъ кулисы Малаго театра. Роль Ваша вышла большая и, надѣюсь, не легкая. Хороши также роли, которыя я имѣю въ виду предложить Гореву, Садовскому, Южину, Рыбакову и Музилю.

Пьеса пойдетъ 31 октября въ Питерѣ въ бенефисъ. Стало-быть, 25—28 придется ѣхать въ Питеръ. Не хочется. Поклонъ Лидіи Николаевнѣ и Сасику. Экземпляръ пьесы пришлю черезъ 2—3 дня, когда кончу переписывать.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

6 Окт. (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Податель сего П. М. Свободинъ, мой хорошій знакомый, котораго рекомендую Вамъ за весьма трезваго и надежнаго человѣка.

[1]) «Лѣшій».

имѣетъ Вамъ вручить корректуру моей прокламаціи, которую благоволите при оказіи отослать къ Аннѣ Михайловнѣ для ноябрьской книжки.

Насчетъ гонорара и моей просьбы, которая Вамъ не понравилась, я того же мнѣнія, что и Вы; мнѣ самому не по нутру подобныя просьбы и если я обратился къ Вамъ, то только благодаря своей неуклюжей недогадливости. Даю слово впредь не одолѣвать Васъ денежными, гонорарами и иными болѣе или менѣе щекотливыми порученіями.

При семъ прилагаю стихотвореніе, которое просилъ меня послать въ Сѣверный Вѣстникъ авторъ студентъ Гурляндъ (русскій). Какъ я не увѣрялъ его, что два раза слово «навозъ» въ первыхъ строкахъ—слишкомъ жирное удобреніе для стиховъ, онъ не повѣрилъ мнѣ.

А я написалъ комедію! Хоть плохую, а написалъ! Въ Сентябрѣ и въ началѣ Октября работалъ такъ, что въ головѣ даже мутно и глаза болятъ. Теперь 2 недѣли буду отдыхать.

Прислалъ ли что-нибудь Короленко? Жаль, если нѣтъ. Ноябрьская и декабрьская книжки должны быть обмундированы вовсю.

Если не полѣнитесь заглянуть въ корректуру, то увидите, что Ваши указанія имѣли подобающую силу. Не забывайте насъ грѣшныхъ и впредь. Совѣты, указанія и мелкія замѣчанія—все это я мотаю на усъ и пріобщаю къ дѣлу. У меня вѣдь только два указчика: Вы и Суворинъ. Былъ когда-то еще Григоровичъ, да сплылъ.

Пусть Свободинъ разскажетъ вамъ о московской погодѣ.

Всѣмъ Вашимъ мой поклонъ и привѣтъ.

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Вы жалуетесь, что у Васъ денегъ нѣтъ. Ахъ, зачѣмъ Вы не служите въ цензурѣ?

CCXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Окт.).

Едва послалъ Вамъ письмо, какъ получилъ отъ Васъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, извѣстіе, которое очень не понравится Свѣтлову. Я сейчасъ собщу ему Вашъ отвѣтъ и буду настойчиво рекомендовать «Дурного человѣка».

Если-бы Ваше письмо пришло двумя часами позже, то мой разсказъ былъ бы посланъ Вамъ, теперь же онъ на полпути въ Басковъ пер.

Былъ бы радъ прочесть, что написалъ Мережковскій. Пока до свиданія. Прочитавши мой разсказъ, напишите мнѣ. Онъ Вамъ не понравится, но Васъ и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретари консисторій, такъ и Нотовичъ съ Градовскимъ. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и аб-

солютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ.

Однако я заболтался. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVI.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

10 Октября (1889 г. Москва).

Моя пьеса называется такъ: «Лѣшій», комедія въ 4 дѣйств. Вы спрашиваете, увѣренъ ли я, что она пойдетъ на сценѣ Малаго театра? Пока она не пройдетъ сквозь цензуру и литерат.-театр. комитетъ и пока не будетъ прочитана актерами Малаго театра, я ничего не могу сказать Вамъ съ увѣренностью. Что же касается «Калхаса», то въ прошлый сезонъ о немъ былъ у меня съ Ленскимъ разговоръ; собирались ставить и все откладывали. Теперь же я до поры до времени не хотѣлъ бы напоминать объ этомъ ни печатно, ни устно. Рисунокъ Пастернака очень хорошъ. Простите, что задержалъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 Октября (не хорошее число для начала) [1] *(1889 г. Москва).*

Съ пріѣздомъ!!

Приглашеніемъ остановиться у васъ я конечно воспользуюсь очень охотно. Тысячу разъ благодарю. При-

[1]) Скобки А. П.

ѣду же я гораздо позже, чѣмъ въ Октябрѣ или въ Ноябрѣ.

У меня все обстоитъ благополучно. Я почти здоровъ, семья тоже, настроеніе хорошее, деньги есть и хватитъ ихъ мнѣ до новаго года, лѣни пока нѣтъ. Лѣтомъ я бездѣльничалъ, въ послѣдніе же мѣсяцы сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было ожидать отъ такого литературнаго тюленя, какъ я. Во-первыхъ, написалъ я повѣсть въ $4^1/_2$ листа; закатилъ я себѣ нарочно непосильную задачу, возился съ нею дни и ночи, пролилъ много пота, чуть не поглупѣлъ отъ напряженія—получилось вмѣстѣ и удовольствіе, и дисциплинарное взысканіе за лѣтнее бездѣлье. Напечатана будетъ повѣсть въ Ноябр. книжкѣ Сѣв. Вѣстника.

Во-вторыхъ, едва успѣвъ кончить повѣсть и измучившись, я разбѣжался и по инерціи написалъ четырехактнаго Лѣшаго, написалъ снова, уничтоживъ все, написанное весной. Работалъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, хотя отъ писанья болѣлъ локоть и мерещилось въ глазахъ чортъ знаетъ что. За пьесой пріѣхалъ ко мнѣ Свободинъ и взялъ ее для своего бенефиса (31 Октября). Пьеса читалась Всеволожскимъ, Григоровичемъ и К°. О дальнѣйшей судьбѣ ея, коли охота, можете узнать отъ Свободина, лица заинтересованнаго, и отъ Григоровича, бывшаго предсѣдателемъ того военно-полевого суда, который судилъ меня и моего Лѣшаго. Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великіе князья будутъ на бенефисѣ), или же вообще для казенной сцены, мнѣ неизвѣстно, а увѣдомить меня объ этомъ не сочли нужнымъ.

Въ-третьихъ, я тщательно приготовляю матеріалъ для третьей книжки разсказовъ. Конечно, съ книжкой обращусь опять къ Вамъ—это 1 или 2-го ноября, не раньше.

Теперь я, отдыхаючи, передѣлываю разсказы, кое-что пишу снова.

Вотъ и все. Интереснаго ничего нѣтъ.

Говорить ли, отчего я не поѣхалъ за границу? Если не скучно, извольте. 1-го іюля я выѣхалъ за границу въ подлѣйшемъ настроеніи [1]), оставивъ въ такомъ же настроеніи всю семью. Настроеніе было безразличное: въ Тироль ли ѣхать, въ Бердичевъ, въ Сибирь ли—все равно. Зная, что въ Тиролѣ Вы проживете цѣлый мѣсяцъ, я рѣшилъ заѣхать по пути въ Одессу, куда телеграммами приглашалъ меня Ленскій. Въ Одессѣ я засталъ труппу Малаго театра. Тутъ я, лѣниво философствуя и не зная, куда дѣваться отъ жары, размыслилъ, что на дорогу у меня не хватитъ денегъ, но все-таки рѣшилъ ѣхать въ Тироль. Но вотъ что ударило меня по ногамъ и сбило съ толку: Ваши телеграммы я получалъ, а мои телеграммы не доходили до Васъ и я получалъ такой отвѣтъ (документы цѣлы): «Souvorin inconnu Depeche en depot-direction». А тутъ пошли всякія соблазны, финансовыя соображенія и проч., что все вмѣстѣ взятое окончательно сбило меня, спутало и я изъ Одессы, имѣя въ карманѣ менѣе 400 руб., поѣхалъ въ Ялту. Здѣсь застрялъ. Описывать свои крымскія похожденія не стану, ибо для этого у меня не хватаетъ таланта англійскаго юмориста Бернарда.

Я жалѣю, что не былъ за границей, мнѣ стыдно передъ самимъ собой и Вами, которому я доставилъ столько хлопотъ, но въ то же время я немножко радъ этому. Вѣдь, если бы я поѣхалъ, то я завязъ бы по уши въ долги, вернулся бы только теперь, ничего бы не сдѣлалъ, а все это для такого труса, какъ я, пуще Игоревой смерти.

---

[1]) Послѣ смерти брата Николая Павловича.

Я часто вспоминаю о Васъ. Какъ Ваше здоровье? Что написали новаго, или что задумали? Что привезли? У меня забытый Вами Бальзакъ, взятый Елизаветой Захаровной изъ библіотеки. Что съ нимъ дѣлать? Съ лодками Оболенскаго цѣлая исторія. О ней послѣ.

Аннѣ Ивановнѣ передайте мой сердечный привѣтъ. Настѣ и Борѣ тоже.

Будьте здоровы и не сердитесь на

Вашего *А. Чехова.*

Пью рыбій жиръ и Obersalzbrunnen. Противно!

CCXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

15 Окт. (1889 г. Москва).

Теперь, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, позвольте о скучныхъ дѣлахъ:

1) Мнѣ прислалъ Павленковъ корректуру медиц. отдѣла въ Русскомъ Календарѣ, прося подробныхъ поправокъ. Если Павленковъ будетъ бранить меня за медленность, то скажите ему, что исполнить его желаніе я могу только въ будущемъ году. Собирать теперь необходимыя справки поздно. Количество кроватей, плата за больныхъ и проч.—все это неизвѣстно ни одному календарю и можетъ быть приведено въ извѣстность только двумя путями: или офиціальнымъ порядкомъ, который не въ моей власти или же исподволь, черезъ разспросы врачей и проч., что я по малости и дѣлаю теперь.

2) Въ январѣ, живучи у Васъ, я получилъ изъ Москвы письмо, подписанное братомъ покойнаго А. Н. Остров-

скаго. Сей человѣкъ поручалъ мнѣ спросить у Васъ: не возьметесь ли Вы издать дѣтскіе разсказы его сестры Н. Н. Островской, сотрудницы дѣтскихъ журналовъ? Я это письмо показалъ Вамъ и Вы отвѣтили мнѣ такъ:

— Хорошо, я издамъ. Только теперь не время издавать дѣтскіе разсказы. Пусть присылаетъ осенью.

Сегодня былъ у меня Островскій и спрашивалъ у меня, какъ ему быть и что дѣлать. Приходилъ онъ ко мнѣ и раньше, но я отговаривался тѣмъ, что Вы за границей. Теперь Вы пріѣхали. Что сказать ему? Если Вашъ отвѣтъ, данный мнѣ зимою, остается въ прежней силѣ, то куда посылать рукописи: Вамъ или Неупокоеву?

Кстати еще объ одномъ моемъ протеже. Какъ-то разъ вечеромъ Вы, Анна Ивановна и я разговорились о романахъ, которые намъ приходилось читать въ давно минувшее время. Вспомнили между прочимъ романъ нѣкоего Райскаго «Семейство Снѣжиныхъ»—романъ, если вѣрить моей памяти, очень недурной. Когда я и Анна Ивановна припоминали содержаніе этого романа, Вы сказали, что не дурно бы его издать, а я пообѣщалъ отыскать автора. Поиски мои ни къ чему не повели, такъ какъ Райскій оказался безпаспортнымъ, не прописаннымъ, живущимъ въ пространствѣ. Я забылъ о немъ и объ его романѣ, но на-дняхъ онъ явился ко мнѣ. Оборванный, истерзанный недугами, развинченный.. Оказывается, что лѣтомъ у него былъ пожаръ, который уничтожилъ единственный бывшій у него экземпляръ романа, все имущество, рукописи и любимую, дорого стоящую собаку. Послѣ пожара была нервная горячка. Онъ обѣщалъ сходить къ букинистамъ и поискать свой романъ, но повидимому о своемъ обѣщаніи забылъ, такъ какъ ко мнѣ не показывается и о немъ ни слуху, ни духу.

3) Больше никакихъ дѣлъ нѣтъ.

Вчера былъ у меня П. Чайковскій, что мнѣ очень польстило: во-первыхъ большой человѣкъ, во-вторыхъ я ужасно люблю его музыку, особенно Онѣгина. Хотимъ писать либретто [1]).

Что съ Боткинымъ? Извѣстіе о его болѣзни мнѣ очень не понравилось. Въ русской медицинѣ онъ то же самое, что Тургеневъ въ литературѣ.. (Захарьина я уподобляю Толстому)—по таланту.

Поклонитесь Вашимъ и пребывайте здоровымъ и счастливымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Октябрь).

Великолѣпный и женатый братъ мой Саша!

У меня къ тебѣ есть просьба, которая очень затруднитъ тебя, но тѣмъ не менѣе подлежитъ скорѣйшему исполненію. Я спѣшно приготовляю матеріалъ для новой книжки. Въ сію книжицу между прочимъ войдетъ разсказъ «Житейская мелочь». Первая часть этого разсказа помѣщена въ 4404 № Новаго Времени (іюнь 1888 г.) и имѣется у меня, вторая же часть помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ по 4404 номеровъ и у меня не имѣется. Я убѣдительно прошу тебя поспѣшить отыскать эту вторую часть. Если можно достать номеръ газеты, то вышли номеръ; если нельзя достать, то поручи кому-

---

[1]) Для оперы «Бэла» (по Лермонтову), которую задумывалъ тогда П. И. Чайковскій.

нибудь скопировать. Копировать можно хоть куринымъ почеркомъ, лишь бы только скорѣе. Не откажи.

Когда пріѣдетъ Суворинъ?

Твой посаженный папаша [1]) держитъ экзамены. Зубритъ. Всѣ здоровы. Батька старѣетъ.

Твоей половинѣ и двумъ шестнадцатымъ мой поклонъ и благословеніе навѣки нерушимое.

Твой *А. Чеховъ.*

Хотѣлъ было пріѣхать въ Питеръ къ 25 октября, но ваша дирекція забраковала мою новую пьесу [2]). Подробности узнаешь у Свободина.

CCXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Окт. (1889 г. Москва).

Насчетъ медиц. отдѣла для календаря я вчера написалъ Вамъ. Сегодня Островскій, о которомъ я тоже уже писалъ, притащилъ цѣлый тюкъ разсказовъ своей сестры.

Гореву бьютъ и бранятъ, и конечно несправедливо, такъ какъ бить и бранить публично слѣдуетъ только за зло, да и то съ разборомъ. Но Горева ужасно плоха. Я былъ разъ въ ея театрѣ и чуть не околѣлъ съ тоски. Труппа сѣрая, претензіи подавляющія.

Не радуйтесь, что Вы попали въ мою пьесу. Рано пташечка запѣла. Ваша очередь еще впереди. Коли буду живъ, опишу Ѳеодосійскія ночи, которыя мы вмѣстѣ проводили въ разговорахъ, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по полямъ линтваревской мельницы—больше

---

[1]) Братъ Мих. Пав.
[2]) «Лѣшій».

мнѣ отъ Васъ пока ничего не нужно. Въ пьесѣ же Васъ нѣтъ да и не можетъ быть, хотя Григоровичъ со свойственною ему проницательностью и видитъ противное. Въ пьесѣ идетъ рѣчь о человѣкѣ нудномъ, себялюбивомъ, деревянномъ, читавшемъ объ искусствѣ 25 лѣтъ и ничего не понимавшемъ въ немъ; о человѣкѣ, наводящемъ на всѣхъ уныніе и скуку, не допускающемъ смѣха и музыки и проч. и проч. и при всемъ томъ необыкновенно счастливомъ. Не вѣрьте Вы Бога ради всѣмъ этимъ господамъ, ищущимъ во всемъ прежде всего худа, мѣряющимъ всѣхъ на свой аршинъ и приписывающимъ другимъ свои личныя лисьи и барсучьи черты. . . . .

. . . . . .

На-дняхъ я встрѣтился въ театрѣ съ однимъ петербургскимъ литераторомъ. Разговорились. Узнавъ отъ меня, что лѣтомъ въ разное время перебывали у меня Плещеевъ, Баранцевичъ, Вы, Свободинъ и другіе, онъ сочувственно вздохнулъ и сказалъ:

— Напрасно вы думаете, что это хорошая реклама. Вы слишкомъ ошибаетесь, если разсчитываете на нихъ.

То-есть Васъ я пригласилъ къ себѣ, чтобы было кому писать обо мнѣ, а Свободина приглашалъ, чтобы было кому всучить свою пьесу. И послѣ разговора съ литераторомъ у меня теперь во рту такое чувство, какъ будто вмѣсто водки я выпилъ рюмку чернилъ съ мухами. Все это мелочи, пустяки, но не будь этихъ мелочей, вся человѣческая жизнь всплошную состояла бы изъ радостей, а теперь она наполовину противна. Если Вамъ подаютъ кофе, то не старайтесь искать въ немъ пива. Если я преподношу Вамъ профессорскія мысли, то вѣрьте мнѣ и не ищите въ нихъ чеховскихъ мыслей. Покорно Васъ благодарю. Во всей повѣсти есть только одна мысль, которую я раздѣляю и которая сидитъ въ головѣ профессорскаго

зятя, мошенника Гнеккера, это «спятилъ старикъ»! Все же остальное придумано и сдѣлано... Гдѣ Вы нашли публицистику? Неужели Вы такъ цѣните вообще какія бы то ни было мнѣнія, что только въ нихъ видите центръ тяжести, а не въ манерѣ высказыванія ихъ, не въ ихъ происхожденіи и проч.? Значитъ, и «Disciple» Бурже публицистика? Для меня, какъ автора, всѣ эти мнѣнія по своей сущности не имѣютъ никакой цѣны. Дѣло не въ сущности ихъ; она перемѣнчива и не нова. Вся суть въ природѣ этихъ мнѣній, въ ихъ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и проч. Ихъ нужно разсматривать, какъ вещи, какъ симптомы, совершенно объективно, не стараясь ни соглашаться съ ними, ни оспаривать ихъ. Если я опишу пляску Св. Витта, то вѣдь Вы не взглянете на нее съ точки зрѣнія хореографа? Нѣтъ? То же нужно и съ мнѣніями. Я вовсе не имѣлъ претензіи ошеломить Васъ своими удивительными взглядами на театръ, литературу и проч; мнѣ только хотѣлось воспользоваться своими знаніями и изобразить тотъ заколдованный кругъ, попавъ въ который добрый и умный человѣкъ при всемъ своемъ желаніи принимать отъ Бога жизнь такою, какая она есть, и мыслить о всѣхъ по-христіански, волей-неволей ропщетъ, брюзжитъ, какъ рабъ, и бранитъ людей даже въ тѣ минуты, когда принуждаетъ себя отзываться о нихъ хорошо. Хочетъ вступиться за студентовъ, но кромѣ лицемѣрія и жителевской [1]) ругани ничего не выходитъ. Впрочемъ, все это длинная исторія.

. . . . . .

Пріѣзжайте въ Москву. Пойдемъ вмѣстѣ въ театръ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Сотрудникъ «Новаго Времени» Житель (Дьяковъ).

CCXXI.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

21 Окт. (1889 г. Москва).

Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачнымъ мужьямъ въ Вашемъ лѣсу я уже достаточно наказанъ рокомъ: мой Лѣшій хлопнулся и лопнулъ. Успокойте Ваши щеглиные нервы и да хранитъ Васъ небо.

Новаго ничего нѣтъ. Читалъ я Вашего «Кожанаго актера» и очень радъ, что могу салютовать Вамъ. Разсказъ *превосходный*. Особенно пластично то мѣсто, гдѣ мелькаетъ малый въ дубленомъ полушубкѣ. Молодецъ Вы, Жанушка. Только на кой чортъ въ этомъ тепломъ, ласковомъ разсказѣ сдались Вамъ такіе жителевскіе перлы, какъ *«облыжный»*, *«бутербродный»* и т. п? Къ такой нѣжной и нервной натурѣ, каковою я привыкъ считать Васъ, совсѣмъ не идутъ эти ерническія слова. Бросьте Вы ихъ къ анаѳемѣ, будь они трижды прокляты...

Очень хорошо «нажми педаль», хороша рожа у гастролера. Заглавіе тоже хорошее.

Напишите съ десятокъ такихъ разсказовъ изъ театральной жизни, соберите въ одинъ томикъ. Успѣхъ будетъ полный!

Очень, очень радъ, что цензура запретила передѣлку «Гордіева узла». Такъ Вамъ и нужно! Это урокъ: въ другой разъ не будете покушаться на свои романы и повѣсти.

Въ Москвѣ былъ Тихоновъ.

Щеглова въ Москвѣ еще не было. Но его нетерпѣливо ждутъ. Когда онъ пріѣдетъ?

Ну, будьте счастливы. Родите поскорѣе еще кожанаго актера.

Кланяйтесь Вашей женѣ и позвольте пожать Вамъ щеглиную лапку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

21 Октябрь (1889 г. Москва).

Привѣтъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Большое спасибо за письмо. Что же касается моего здоровья и настроенія, о которыхъ Вы спрашиваете, то нельзя сказать, чтобы они были плохи. Живется сносно, изрѣдка выпадаютъ хорошія минуты, а въ общемъ, выражаясь языкомъ биржевиковъ, настроеніе вялое.

Одинъ докторъ [1]), очень милый человѣкъ (иль завистью его лукавый мучилъ, или медицинскій столъ ему наскучилъ) поручилъ мнѣ во что бы то ни стало послать въ Сѣв. Вѣстн. два стихотворенія, которыя и прилагаю. Хочетъ онъ, чтобы стихи эти были напечатаны непремѣнно и не позже декабря. Но такъ какъ Вы изъ свойственнаго всѣмъ поэтамъ духа конкуренціи, не пожелаете ихъ напечатать, то потрудитесь написать мнѣ, что стихи хороши, но что по случаю накопленія срочнаго и очереднаго матеріала, они могутъ быть напечатаны не раньше августа, а я прочту ему.

Свободинъ нисколько не виноватъ. Если пьеса въ самомъ дѣлѣ никуда не годится и если не велитъ начальство, то что подѣлаешь? Виноватъ онъ только въ нерасчет-

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

ливости: дорога ко мнѣ обошлась ему не меньше ста рублей.

О моей пьесѣ ни слуху, ни духу. Съѣли ли ее мыши, пожертвовала ли ее дирекція въ Публичную библіотеку, сгорѣла ли она со стыда за ложь Григоровича, который любитъ меня какъ родного сына—все можетъ быть, но мнѣ *ничего* не извѣстно. Никакихъ извѣщеній и мотивировокъ ни отъ кого я не получалъ, ничего не знаю, а запросовъ никакихъ не дѣлаю изъ осторожности, чтобы запросъ мой не былъ истолкованъ, какъ просьба или непремѣнное желаніе вѣнчать себя Александринскими лаврами. Я самолюбивъ вѣдь, какъ свинья.

Упорное молчаніе гг. членовъ того военно-полевого суда, который судилъ моего Лѣшаго, я могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только горячимъ сочувствіемъ къ моему таланту и желаніемъ продлить то райски-сладострастное наслажденіе, какое доставляетъ мнѣ пріятное невѣдѣніе. Кто знаетъ? Быть-можетъ, моя пьеса признана геніальной.. Развѣ не сладко гадать?

Петерб. газета извѣщаетъ, что моя пьеса признана «прекрасной драматизированной повѣстью». Очень пріятно. Значитъ, что-нибудь изъ двухъ: или я плохой драматургъ, въ чемъ охотно расписываюсь, или же лицемѣры всѣ тѣ господа, которые любятъ меня, какъ родного сына, и умоляютъ меня Бога ради быть въ пьесахъ самимъ собою, избѣгать шаблона и давать сложную концепцію.

Южаковъ ушелъ? Ничего, вернется. Если Михайловскій, Ю. и К°, въ концѣ-концовъ, не поступятъ въ болгарскіе министры, то рано или поздно они всѣ вернутся въ Сѣверный Вѣстникъ. Держу пари. Уходъ Ю.—это громадная, незамѣнимая потеря для тѣхъ читателей, которыхъ лѣтомъ одолѣваютъ мухи. Статьи Ю., какъ сонно-одуряющее средство, дѣйствительнѣе мухомора.

Не выпускайте Стасова. Онъ хорошо читается и возбуждаетъ разговоры. А статья его о парижской выставкѣ совсѣмъ-таки хорошая статья.

При той наклонности, какая существуетъ даже у очень хорошихъ людей, къ сплетнѣ, ничто не гарантировано отъ нечистыхъ подозрѣній. Таковъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ относительно невѣрно понимаемыхъ отношеній Кати къ профессору [1]). Ужъ коли отвыкли отъ вѣры въ дружбу, въ уваженіе, въ безграничную любовь, какая существуетъ у людей внѣ половой сферы, то хоть бы мнѣ не приписывали дурныхъ вкусовъ. Вѣдь если бы Катя была влюблена въ полуживого старика, то, согласитесь, это было бы половымъ извращеніемъ, курьезомъ, который могъ бы интересовать только психіатра, да и то, только какъ неважный и довѣрія не заслуживающій анекдотъ. Будь только одно это половое извращеніе, стоило бы тогда писать повѣсть?

Погода въ Москвѣ скверная, хуже полового извращенія. Буду скоро печатать новую книжку. Собираю разсказы и погубилъ нѣсколько дней на передѣлку *заново* нѣкоторыхъ вещей.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте счастливы и небомъ хранимы.

Вашъ душой *А. Чеховъ.*

CCXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Окт. (1889 г. Москва).

Опять о дѣлахъ.

Кн. Сумбатовъ-Южинъ [2]) убѣдительно проситъ Васъ отвѣтить ему на его письмо. Онъ ставитъ въ свой бенефисъ

---

[1]) Изъ повѣсти «Скучная Исторія».

[2]) Артистъ Моск. Импер. Малаго Театра. Драматургъ.

Макбета и что-то писалъ Вамъ на счетъ постановки, прося указаній и проч.

Островскій [1]) опять былъ. Онъ проситъ Васъ поступить съ книгой его сестры такъ, какъ Вы найдете нужнымъ и лучшимъ. Онъ и она на все согласны, лишь бы имя Островской прогремѣло по всей Европѣ.

Былъ у меня В. С. Мамышевъ [2]), Звенигородскій Лекокъ. Онъ сильно похудѣлъ, постарѣлъ и какъ-то согнулся. У него болятъ и слегка парализованы ноги; повидимому, что-то скверное творится въ спинномъ мозгу.

Вы пишете, что презрѣннѣе нашей либеральной оппозиціи ничего выдумать нельзя. Ну, а тѣ, которые не составляютъ оппозиціи? Едва ли эти лучше. Мать всѣхъ россійскихъ золъ—это грубое невѣжество, а оно присуще въ одинаковой степени всѣмъ партіямъ и направленіямъ. А за то, что Вы хвалите нѣмецкую культуру и подчеркиваете всеобщую грамотность, Вы будете въ раю, а я Васъ за это глубоко уважаю.

Лѣшаго я Вамъ не дамъ читать изъ страха, что Вы о немъ будете говорить съ Григоровичемъ. Мѣсяцъ тому назадъ (или 20 дней—не помню) мнѣ многихъ усилій стоило, чтобы не писать Вамъ о своей пьесѣ, теперь же я совершенно успокоился и со спокойнымъ духомъ могу не писать о ней. Теперь развелось очень много ноющихъ, пострадавшихъ за правду драматурговъ. Они мнѣ такъ надоѣли и кажутся такими бабами, что мнѣ даже жаль, что я впутался въ ихъ кашу и написалъ пьесу, которой могъ бы совсѣмъ не писать.

Вы какъ-то лѣтомъ писали мнѣ о всеобщей вѣжливости, которую Вы наблюдали въ Тиролѣ. Напишите о ней въ газетѣ. Мало Вы писали и о Франціи. Шестъ, ко-

---

[1]) П. Н. Островскій—братъ драматурга.

[2]) Звенигородскій судебный слѣдователь, шуринъ адресата.

горый Вы рекомендовали при плаваніи, вспоминаю я съ содроганіемъ. Въ Ялтѣ меня имъ чуть не убили.

Кланяюсь Вашимъ.

Попросите Жителя не употреблять въ фельетонахъ слово «аппетитъ».

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

1 Ноябрь (1889 г. Москва).

При семъ посылаю Вамъ обратно 2 разсказа г-жи Орловой, посылаю заказною бандеролью — этакъ дешевле. Изъ «Таперши» не могъ выжать ничего; что-то вышло, но какъ бы авторша не обидѣлась. Изъ корабля я сдѣлалъ гвоздь. Изъ «Наташи» же получилось нѣчто во вкусѣ Достоевскаго, что, какъ мнѣ думается, можно напечатать, только Вы еще разъ прочтите въ корректурѣ. Г-жа Орлова не безъ наблюдательности, но ужъ больно груба и издергалась. Ругается, какъ извозчикъ, и на жизнь богачей-аристократовъ смотритъ окомъ прачки.

Очень радъ служить и впредь.

Поздравляю Васъ съ семейною радостью: а) Курепинъ женился и в) Вашъ сотрудникъ Ан. Чеховъ началъ родить субботникъ. Теперь я занятъ всякой чепухой, такъ что пришлю его не раньше будущей недѣли. Начало вышло ничего себѣ.

У меня есть только одинъ экз. «Лѣшаго», да и тотъ валяется у Ленскаго. Если хотите прочесть, то пошлите Андрея или Василія къ своему сосѣду Лессингу, живущему на М. Итальянской, 37. У него имѣется экземпляръ, даже два. Сей Лессингъ (сирѣчь Свободинъ), мудрствуя

по обыкновенію и роясь глубокомысленно въ классикахъ, нашелъ пьесу для своего бенефиса: «Студентъ» Грибоѣдова. Прочтите моего Лѣшаго, коли угодно, но не говорите о немъ никому ни единаго слова, ибо каждое мое слово въ Петербургѣ понимается какъ просьба, а каждое Ваше, какъ протекція. Ну ихъ къ проду!

Выходитъ какая то глупая игра въ бирюльки: людямъ хочется сдѣлать мнѣ одолженіе и ждутъ они, чтобъ я попросилъ, а мнѣ хочется показать, что я ни въ грошъ ставлю свои пьесы, и я упрямо, какъ скотина, пишу въ своихъ письмахъ только о погодѣ, не заикаясь о пьесѣ. То же и въ Москвѣ.

Пьеса «Лѣшій», должно-быть, не сносна по конструкціи. Конца я еще не успѣлъ сдѣлать; сдѣлаю когда-нибудь на досугѣ. Но она лучше «Лучей и Тучъ», которые я видѣлъ и которые Вы будете видѣть въ пятницу.

Не будемъ торопиться....

Ахъ, какъ много пьесъ приходится читать мнѣ! Носятъ, носятъ, безъ конца носятъ и кончится тѣмъ, что я начну стрѣлять въ людей.

Завтра вышлю матеріалъ для новой книжки. Или подождать? Хорошо, погожу.. Если въ типографіи теперь много работы, то мѣсяцъ или два подождать можно.

Свободинъ гостилъ у меня лѣтомъ. Онъ, увѣряю Васъ, очень добрый, не хитрый и не скучный человѣкъ. Главное—не давайте ему разсуждать. Актерамъ нельзя позволять разсуждать. Ужъ очень скучно слушать. А въ остальномъ народъ весьма и весьма сносный. Будьте здоровы. Когда же въ Москву?

Хочу открыть въ Ялтѣ книжный магазинъ. Возьму мѣсто въ городскомъ саду и украшу городъ мавританскимъ павильономъ. Торговать буду шибко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXV.

А. П. Ленскому.

2 ноября (1889 г. Москва).

Большое Вамъ спасибо, дорогой Александръ Павловичъ, за то, что прочли мою поганую пьесищу. Спасибо и за комментарій: въ другой разъ ужъ не буду писать большихъ пьесъ. Нѣтъ на сіе ни времени, ни таланта и, вѣроятно, нѣтъ достаточной любви къ дѣлу. И я занятъ по самое горло. Лѣшаго передѣлывать не стану, а продамъ его въ единое изъ частныхъ театральныхъ капищъ. Дамъ другое названіе, возьму 500 цѣлковыхъ и чортъ съ нимъ.

Когда выпадетъ снѣгъ, не поѣхать ли намъ вмѣстѣ къ Левитану? Я былъ бы очень радъ.

Сегодня напишу въ Питеръ, чтобы тамъ не ставили Лѣшаго. И въ Питерѣ пущу въ частный театръ. Пусть слоняется, аки тѣнь нераскаяннаго грѣшника, изъ вертепа въ вертепъ, изъ потемокъ во мглу. Пишу разсказикъ. Послѣ 20, кажется, поѣду въ Питеръ.

Почтеніе Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Еще разъ спасибо отъ души.

CCXXVI.

Н. А. Лейкину.

7 Ноябр. (Москва, 1889 г).

Первую страницу въ послѣднемъ номерѣ Осколковъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, принимаю не иначе, какъ выраженіе ко мнѣ особаго вниманія редакціи. Покорнѣйше благодаримъ. Когда будемъ издавать свой

юмористическій журналъ, то нарисуемъ Васъ на вершинѣ Эйфелевой башни, построенной изъ Вашихъ книгъ.

Упрекъ въ пристрастіи къ сценѣ и въ измѣнѣ беллетристической формѣ я принимаю, хотя онъ относится ко мнѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напримѣръ, къ Билибину, или Гнѣдичу. Я за всю свою жизнь работалъ для сцены въ общей сложности не больше мѣсяца, а теперь мечтаю о сценической дѣятельности такъ же охотно, какъ о вчерашней кашѣ. Не льститъ мнѣ конкуренція съ 536 драматургами, пишущими нынѣ для сцены, и нисколько не улыбается успѣхъ, который имѣютъ теперь всѣ драматурги, хорошіе и плохіе.

Кто то, кажется, Билибинъ писалъ мнѣ, что будто Вы сердитесь на меня за то, что я не увѣдомилъ Васъ о полученіи ста рублей. Я не понимаю, что дурного въ этомъ неувѣдомленіи.. Во-первыхъ, почта россійская исправна; во-вторыхъ, деньги, если бы я не получилъ ихъ, пришли бы къ Вамъ обратно, въ-третьихъ, я не находилъ нужнымъ увѣдомлять Васъ, такъ какъ Анна Ивановна, посылая мнѣ деньги, писала мнѣ, что высылаются онѣ по порученію Голике, въ-четвертыхъ, у меня въ головѣ все такъ перепуталось и я такъ занятъ, что заслуживаю снисхожденія.

Городецкому я не писалъ. Дѣло у него новое, онъ просилъ поддержки, а написать ему то, что Вы хотѣли, значило бы совершенно отказать ему. Я не думаю, чтобы 40% было не выгодно для издателей и авторовъ. Книжная торговля теперь такъ плоха, что, будь я хозяиномъ своихъ книгъ и не будь я лѣнивъ, я отпускалъ бы со скидкою 50% всякую свою книгу, которая уже окупилась. Окупившуюся книгу можно уподобить вольной птицѣ; чѣмъ раньше она уйдетъ изъ склада, тѣмъ раньше ея мѣсто можетъ занять новое изданіе. Если бы, повторяю, я былъ хозяиномъ своихъ книгъ, то мои бы «Въ Сумеркахъ»

и «Разсказы» теперь продавались бы не третьимъ изданіемъ, а восемнадцатымъ.

Какъ Вамъ путешествовалось и отчего Вы такъ не долго были за границей? Я и чихнуть не успѣлъ, какъ Вы уже вернулись.

Говорятъ, что Билибинъ болѣнъ. Въ чемъ дѣло? Онъ писалъ мнѣ, что болитъ сердце. Вѣроятно, развинтились нервы, ибо сердце въ его годы не болитъ. Вѣдь не грудная же жаба, не перерожденіе сердечныхъ сосудовъ, не аневриза же. Ему бы на югъ поѣхать, въ морѣ купаться. За 200 рублей можно цѣлый мѣсяцъ прожить на южномъ берегу Крыма; хватитъ не только на житье и харчи, но даже и на дѣвицъ, буде онъ на старости лѣтъ пожелаетъ имѣть ихъ.

Грузинскій совсѣмъ уже выписался и опредѣлился; онъ крѣпко сталъ на ноги и обѣщаетъ много. Ежовъ тоже выписывается; таланта у него, пожалуй, больше, чѣмъ у Грузинскаго, но не хватаетъ его ума. Про семгу уже оба не пишутъ. Журю ихъ обоихъ за мѣщанистый тонъ ихъ разговорнаго языка и за однообразно-бурый колоритъ описаній. Ихъ даже самые лучшіе разсказы своимъ колоритомъ напоминаютъ мнѣ деревянныя лѣстницы въ квартирѣ Пальмина. Кстати, гдѣ теперь сей любимецъ боговъ? Гдѣ живетъ, или вѣрнѣе, куда переѣхалъ? Не сообщите ли Вы мнѣ его семиэтажнаго адреса? Я у него давно уже не былъ и вѣроятно онъ теперь бранитъ меня:

— Мальчишка! Чегтъ!

Въ Москвѣ выпалъ снѣгъ.

Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедору Лейкину мой нижайшій поклонъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь (1889 г. Москва).

Отвѣчаю Вамъ тотчасъ же по полученіи Вашего письма. Въ редакціи Артиста я еще не былъ и потому сообщаю Вамъ пока то, что мнѣ извѣстно. Артисту нужны пьесы, разрѣшенныя *только* драматической цензурой; въ общей цензурѣ онъ не нуждается и обходится безъ нея. Засимъ, я уже видѣлъ корректуру ноябрьской книжки, стало-быть Ручи-Пучи могутъ быть напечатаны только въ декабр. или въ январск. Значитъ, я пойду въ Артистъ по полученіи отъ Васъ экземпляра, и пришлю Вамъ подробный отвѣтъ только послѣ того, какъ Куманинъ прочтетъ Вашу пьесу.

Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, которому я впрочемъ очень не радъ. Профессіональнымъ драматургамъ, пока они молоды, надо нещадно шикать, особенно за тѣ пьесы, которыя пишутся сплеча. А то, господа, балуетесь очень и о себѣ много понимаете. Если бъ я составлялъ собою публику, то поощрялъ бы молодежь только денежно, а лавры приберегалъ бы къ старости.

Говорятъ, что «Перекати-поле» Гнѣдича милая вещь. Надо бы пойти посмотрѣть. Я сему писателю очень сочувствую.

Будьте здоровы, счастливецъ, и да приснится Вамъ, мирно почивающему на лаврахъ, чортъ съ рогами!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь (1889 г. Москва).

Разсказъ Ежова передѣланъ авторомъ и посылается Вамъ въ другой редакціи.

Миша ужъ уѣхалъ въ Петерб., такъ что Ваше письмо, гдѣ Вы писали о немъ, не застало его въ Москвѣ.

Получилъ отъ Евренновой письмо. Не замѣтилъ ничего особеннаго, а ужъ я ли не психіатръ? А сойти съ ума есть изъ-за чего. Господа философы, соціологи и политико-экономы забираютъ авансы и уходятъ изъ журнала, оставляя пустую кассу. Ахъ, какъ мало на этомъ свѣтѣ денежно-порядочныхъ людей! Сегодня былъ у меня мой портной и жаловался. Платье носятъ, а платить за него не хотятъ.

Жаль, что Вы не пріѣдете въ Москву, очень жаль. Въ Москвѣ выпалъ снѣгъ и у меня теперь на душѣ такое чувство, какое описано Пушкинымъ «Снѣгъ выпалъ въ ноябрѣ, на третье въ ночь.. Въ окно увидѣла Татьяна»... и т. д. Пріѣзжайте, а вернемся въ Питеръ вмѣстѣ.

Аннѣ Ивановнѣ мой сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

8 Ноябрь (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, на-дняхъ буду писать Вамъ подробно и длинно, теперь же буду кратокъ, ибо у меня гости и писать неудобно. Дѣло вотъ въ чемъ.

Недавно я послалъ Вамъ два стихотворенія, принадлежащія перу нашего талантливаго поэта Н. О.[1]), очень милаго человѣка. Авторъ въ настоящее время сидитъ у меня за столомъ и проситъ меня убѣдительно узнать о судьбѣ его стихотвореній.

Привѣтъ всѣмъ вашимъ. Мой братишка Миша теперь въ Питерѣ. Былъ ли онъ у васъ?

Вашъ до гробовой доски

А. Чеховъ.

CCXXX.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

(12 ноябрь 1889 г. Москва).

Ваше благородіе, г. Сарду!

На оборотѣ сего Вы узрите подробный отвѣтъ. Не высылаю Вамъ Вашей пьесы въ чаяніи получить отъ Васъ письмо или телеграмму съ распоряженіемъ снести пьесу къ Разсохину. Напишите скорѣе и я сдѣлаю все такъ, какъ Вамъ угодно, не медля ни одной минуты.

Будьте здоровы. Поклонитесь Червинскому. Онъ хорошій малый и съ настоящимъ талантомъ.

Вы пишете романъ? Ахъ, Вы разбойникъ! Созрѣть-то вы созрѣли, да вотъ въ чемъ запятая: лѣнь раньше Васъ созрѣла. Начнете романъ, допишете до середины, а потомъ ляжете на диванъ и будете лежать полгода.

Будьте здоровехоньки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

CCXXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

12 Ноябрь (1889 г. Москва).

Посылаю разсказъ для фельетона [1]). Не серьезный пустячокъ изъ жизни провинціальныхъ морскихъ свинокъ. Простите мнѣ баловство.. Между прочимъ, сей разсказъ имѣетъ свою смѣшную исторію. Я имѣлъ въ виду кончить его такъ, чтобы отъ моихъ героевъ мокраго мѣста не осталось, но не легкая дернула меня прочесть вслухъ нашимъ; всѣ взмолились: пощади! пощади! Я пощадилъ своихъ героевъ и потому разсказъ вышелъ такъ киселъ. Въ фельетонъ онъ влѣзетъ, а если не влѣзетъ, то прійдется мнѣ сократить его..

Спасибо за прочтеніе пьесы. Я и самъ зналъ, что IV актъ никуда не годится; но вѣдь я же давалъ пьесу съ оговоркой, что сдѣлаю новый актъ. Больше половины вашихъ замѣчаній таковы, что я ими непремѣнно воспользуюсь. Абрамова покупаетъ у меня пьесу весьма выгодно. Пожалуй, продамъ. Если буду ставить, то многое измѣню такъ, что Вы не узнаете.

Я бы съ удовольствіемъ пріѣхалъ къ Вамъ повидаться, да меня пугаетъ мысль о 343 визитахъ, которые мнѣ прійдется дѣлать въ Петербургѣ.

У меня въ квартирѣ сплошной хохотъ.

Спѣшу послать сей пакетъ на почту.

Будьте здоровы. Отчего у Васъ голова болитъ? Должно-быть, погода виновата.

---

[1]) «Обыватели».

Influenza—болѣзнь давно уже извѣстная врачамъ а потому врачи и не находятъ нужнымъ кричать о ней Это гриппъ; болѣютъ имъ и люди и лошади.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если не затруднитъ, пришлите мнѣ корректуру.

CCXXXII.

Л. Н. Ленской.

15 ноября (1889 г. Москва).

Уважаемая Лидія Николаевна.

Будьте моей благодѣтельницей, переведите мнѣ прилагаемую при семъ рецензію. Наши барышни бились два часа и, насколько я понялъ ихъ, сумѣли перевести только одно слово—«Antoine». Полный переводъ былъ бы не заслуженной роскошью; для меня было бы совершенно достаточно, если бы Вы взяли на себя трудъ перевести только по кусочку изъ начала, середины и конца; поймайте общій тонъ статьи—и на томъ спасибо, а подробности пусть читаютъ французы. Такъ какъ Александръ Павловичъ уже сбросилъ съ себя ложноклассическіе кандалы, о которыхъ писалъ, т.-е. ужъ не штудируетъ больше Эрнани, то стало-быть я могу пріѣхать, не рискуя помѣшать ему. Пріѣду за переводомъ въ пятницу или въ субботу. Если переводъ будетъ не готовъ, то не бѣда, спѣшить съ нимъ нѣтъ надобности.

Мнѣ вдвойнѣ совѣстно: безпокою Васъ и не знаю языковъ. Ахъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я себя выпоролъ!.. Безъ знанія языковъ чувствуешь себя какъ безъ паспорта. Учите Сашка тремъ языкамъ—не меньше.

Хочется поговорить съ Александромъ Павловичемъ. Поклонитесь ему и пожелайте всего хорошаго.

Простите за безпокойство уважающаго Васъ и преданнаго

А. Чехова.

CCXXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

20 Ноябрь (1889 г. Москва).

Возвращаю Вамъ разсказы. Изъ Пѣвички можно было сдѣлать «Птички пѣвчія», а другой разсказъ никуда не годится. Въ Пѣвичкѣ я середину сдѣлалъ началомъ, начало серединою и конецъ придѣлалъ совсѣмъ новый. Дѣвица, когда прочтетъ, ужаснется.....

Теперь о дѣлахъ, чортъ бы ихъ побралъ. На-дняхъ встрѣтился мнѣ прѣсный Левинскій и просилъ узнать у Васъ о судьбѣ его статьи, гдѣ онъ со свойственною, ему глубиною, трактуетъ о сожиганіи труповъ, которое онъ наблюдалъ гдѣ-то, кажется, въ Италіи. Сожиганіе труповъ—сюжетъ интересный. Велите поискать.

Вы обѣщали князю Сумбатову прислать нѣсколько книгъ или статей, касающихся Макбета. Онъ проситъ не затруднять Васъ присылкою; для него было бы совершенно достаточно, если бы Вы указали, какія это книги и статьи..

Я охотно вѣрю Здекауэру, который пророчитъ холеру. Это опытный старикъ. Трепещу заранѣе. Вѣдь во время холеры никому такъ не достанется, какъ нашему брату эскулапу. Объявятъ Русь на военномъ положеніи, нарядятъ насъ въ военные мундиры и разошлютъ по карантинамъ.. Прощай тогда субботники, дѣвицы и слава!

Пріѣзжайте въ Москву. Мой Лѣшій пойдетъ 10 декабря въ театрѣ Абрамовой. Кстати Вы посмотрите Эрнани, который идетъ въ Маломъ театрѣ. Играютъ въ общемъ недурно, но хуже французовъ, хотя впрочемъ Эрнани-Горевъ плохъ, какъ сапожникъ.

Прикажите бить въ набатъ: Лейкину не понравилась парижская выставка.

Щегловъ Жанъ собирается въ Москву показывать публикѣ горничную и влюбленнаго въ нее молодого человѣка. Очень пріятно.

Миша пошелъ въ Казенную палату.

Въ обществѣ драматическихъ писателей я, въ качествѣ Вашего прямого начальника, заглянулъ въ Вашъ счетъ. Я и другой Вашъ начальникъ, секретарь Кондратьевъ, стали считать и почувствовали трепетъ: мы должны выдать Вамъ за Татьяну Рѣпину болѣе пятисотъ рублей!

Вчера было у насъ засѣданіе комитета. Хлопочемъ о новомъ уставѣ.

Вы пишете, что Настя переросла Анну Ивановну. Нужно расти не вверхъ, а въ ширину. Высокій ростъ, когда плечи не широки, не въ ладу со здоровьемъ. Надо гимнастику дѣлать, а то я замужъ не возьму. Въ гимнастику я вѣрю сильно.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

25 Н. (1889 г. Москва).

Ѣдучи въ Москву, берите съ собой шубу и вообще одѣвайтесь потеплѣе, такъ какъ въ Москвѣ морозище и на улицѣ и въ домахъ. Снѣгу нѣтъ.

Вы пишете, что больше ужъ не будете присылать мнѣ разсказовъ. Сіе я понимаю такъ: мои поправки и сокращенія Вамъ не нравятся. Если я ошибаюсь, то

продолжайте высылать. Чтеніе разсказовъ и поправоки отнимаютъ у меня каждый разъ не болѣе $^1/_2$—1 часа и развлекаютъ меня. Гимнастика для ума, нѣкоторымъ образомъ.

Напрасно Вы бросили Марину Мнишекъ; изъ всѣхъ историческихъ б....ъ (риѳмъ къ Мнишекъ) она едва ли не самая колоритная. А что касается ея отношенія ко всему русскому, то вѣдь на это начихать можно. Русскіе сами по себѣ, а она сама по себѣ, да и слишкомъ она баба и мелка, чтобы придавать значеніе ея воззрѣніямъ.

Къ Рождеств. номеру разсказъ будетъ. Даже раньше будетъ. А мои «Обыватели»? Годятся?

Пьеса Додэ «Борьба за существ.» идетъ у насъ сразу въ трехъ театрахъ.

Сазоновъ скверно играетъ въ Медвѣдѣ. Это очень понятно. Актеры никогда не наблюдаютъ обыкновенныхъ людей. Они не знаютъ ни помѣщиковъ, ни купцовъ, ни поповъ, ни чиновниковъ. Зато они могутъ отлично изображать маркеровъ, содержанокъ, испитыхъ шулеровъ, вообще всѣхъ тѣхъ индивидуевъ, которыхъ они случайно наблюдаютъ, шатаясь по трактирамъ и холостымъ компаніямъ. Невѣжество ужасное.

Сегодня напишу Сумбатову Вашъ отвѣтъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь (1889 г. Москва).

Здравствуйте, дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Простите, что такъ долго не писалъ Вамъ. Въ лѣнности житіе мое, иждихъ, ошихся, безъ ума смѣяхся,

объѣдохся, или выражаясь болѣе выспренно, былъ малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта, ничего не дѣлалъ и никому не писалъ.

Съ чего начать? Начну съ Лѣшаго.. Попасть въ толстый журналъ для пьесы—честь превеликая; я благодарю, но прошу позволенія уклониться отъ этой чести; ибо пьеса моя, пока ее не дадутъ на сценѣ и не изругаютъ въ рецензіяхъ, для журнала не представляетъ цѣннаго матеріала и въ напечатаніи ея многіе справедливо узрятъ пристрастіе Сѣв. Вѣстн. къ Чехову. Скажутъ: пьеса Чехова нигдѣ не шла и напечатана, почему же не печатаютъ тѣхъ пьесъ, которыя шли на сценѣ и имѣли успѣхъ? Это разъ. Во-вторыхъ, я не считаю ту пьесу готовою для печати, которая еще не была исправлена на репетиціяхъ. Погодите, голубчикъ, время еще не ушло. Когда пьеса будетъ исправлена на репетиціяхъ, я обращусь къ Вашей любезности, не дожидаясь приглашенія.

Что Сѣв. Вѣстникъ? Въ Москвѣ упорно держится слухъ, что онъ переходитъ къ Чуйко. Я конечно не вѣрю этому. Толстыхъ журналовъ въ Россіи меньше, чѣмъ театровъ и университетовъ; судьбою ихъ заинтересована вся читающая и мыслящая масса; за ними слѣдятъ, отъ нихъ ждутъ и проч. и проч. Ихъ поэтому надо всячески оберегать отъ разрушенія—въ этомъ наша прямая обязанность. Вы писали мнѣ: будемъ держаться. Отвѣчаю: будемъ.

Мнѣ ужасно хочется поѣхать въ Питеръ, хочется повидаться съ Вами, съ Суворинымъ, съ Жаномъ, но меня пугаетъ тотъ милліонъ визитовъ, который я долженъ буду сдѣлать. Хорошо бы пріѣхать incognito. Суворинъ писалъ мнѣ, что онъ скоро будетъ въ Москвѣ. Если это вѣрно, то вернется онъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мною.

У насъ три недѣли гостила Наташа Линтварева. Стѣны нашего комодообразнаго дома дрожали отъ ея раскатистаго смѣха. Завидное здоровье и завидное настроеніе. Пока она у насъ жила, въ нашей квартирѣ даже въ воздухѣ чувствовалось присутствіе чего-то здороваго и жизнерадостнаго.

Вы перевели пьесу Додэ и ставите ее у Абрамовой? Говорятъ, что Абрамова уже не завѣдуетъ театромъ и что актеры составили изъ себя товарищество. Насколько это вѣрно, не знаю. Пьеса Додэ идетъ также у Горевой и у Корша..

Немировичъ Владимиръ говорилъ, что видѣлся съ Вами. Мнѣ кажется, что сей Немировичъ очень милый человѣкъ и что со временемъ изъ него выработается настоящій драматургъ. По крайней мѣрѣ съ каждымъ годомъ онъ пишетъ все лучше и лучше. Нравится онъ мнѣ и съ внѣшней стороны: прилично держится и старается быть тактичнымъ. Повидимому, работаетъ надъ собою.

У меня въ головѣ скопленіе сюжетовъ. Столько накопилось всякой чепухи, что можно ожидать въ скоромъ времени обвала.

Какъ Ваше здоровье? Миновала ли Васъ всеобщая influenza?

Всѣ мои любятъ Васъ попрежнему и каждый день вспоминаютъ, какъ Вы гостили у насъ на Лукѣ. Они кланяются. Сестра велитъ кланяться и Еленѣ Алексѣевнѣ.

Я тоже кланяюсь, крѣпко обнимаю Васъ и въ ожиданіи отъ Васъ письмеца, пребываю душевно преданнымъ

А. Чеховъ.

CCXXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь (1889 г. Москва).

Ваше Превосходительство! Сегодня былъ у меня редакторъ «Артиста» и просилъ меня обратиться къ Вамъ съ слѣдующими предложеніями:

1) Редакція онаго журнала хотѣла бы имѣть свои отдѣленія въ Вашихъ петербургскомъ, одесскомъ и харьковскомъ магазинахъ—для пріемки подписки такъ и для продажи отдѣльными номерами частнымъ лицамъ и книжнымъ магазинамъ. За это Артистъ предлагаетъ повысить размѣръ скидки. Онъ хочетъ быть у Васъ на положеніи «Сельскаго хозяина» и, подобно ему, украшать по понедѣльникамъ объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ.

2) Редакція желала бы получать изъ московскаго магазина продающіяся у Васъ пьесы и книги со скидкою, какую Вы дѣлаете для книжниковъ и фарисеевъ; скидка эта необходима, ибо самъ Артистъ занимается продажею пьесъ, которыя выписываютъ у него театры и салоны. За это онъ обѣщаетъ печатать у себя объявленія о всѣхъ пьесахъ и книгахъ по искусству, продающихся у Васъ, печатать за одно съ тѣми пьесами, которыя продаются въ редакціи.

Просятъ скорѣйшаго отвѣта, конечно, утвердительнаго. Когда пріѣдете въ Москву, познакомьтесь съ Куманинымъ, редакторомъ Артиста. Дѣло стоитъ солидно, хотя и не широко. Хотятъ печатать ужъ второе изданіе первыхъ книжекъ.

У насъ морозъ, но снѣгу нѣтъ. Жду съ нетерпѣніемъ Васъ и нарочно величаю вашимъ превосходительствомъ, чтобы это напомнило Вамъ Славянскій Базаръ. Извозчики въ Кудринѣ ужъ и меня величаютъ превосходительствомъ.

Артистъ издается безтолково. Нѣтъ редактора. Денегъ тратятъ много, а не догадаются пригласить меня въ редакторы (по 1000 руб. въ мѣсяцъ). Первымъ дѣломъ я положилъ бы лапу на Гольцева и Стороженко. У меня зубъ на профессоровъ, хотя я и знаю, что они прекрасные люди. Какъ у авторовъ, у нихъ нѣтъ смѣлости и много важности.

Помните, что я жду Васъ. Въ день выѣзда телеграфируйте мнѣ, я пріѣду въ Слав. Базаръ.

Насчетъ головной боли. Не пожелаете ли Вы посовѣтоваться въ Москвѣ съ Захарьинымъ? Онъ возьметъ съ Васъ сто рублей, но принесетъ Вамъ пользы minimum на тысячу. Совѣты его драгоцѣнны. Если головы не вылѣчитъ, то побочно дастъ столько хорошихъ совѣтовъ и указаній, что Вы проживете лишнихъ 20—30 лѣтъ. Да и познакомиться съ нимъ интересно. Типъ.

Вышли лекціи Захарьина. Я купилъ и прочелъ. Увы! Есть либретто, но нѣтъ оперы. Нѣтъ той музыки, какую я слышалъ, когда былъ студентомъ. Изъ сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могутъ быть сносными писателями. Если я напишу рецензію объ его лекціяхъ и напечатаю ее въ Новомъ Времени, то онъ ничего не возьметъ съ Васъ за визитъ. Но я этого не сдѣлаю. Зачѣмъ Васъ баловать?

Будьте здоровы и бодры, и да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Аннѣ Ивановнѣ мой сердечный привѣтъ. Мнѣ ужасно хочется поговорить съ нею.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXVII.

А. П. Ленскому.

29 ноября (1889 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ!

Я давно уже боленъ, давно уже не выхожу изъ дому и забылъ, что значитъ свѣжій воздухъ и холодъ.

Дѣла мои пошли на поправку и скоро я стану выходить, и первымъ дѣломъ—къ Вамъ. Говорятъ, Вы на меня сердитесь за что-то, ну, а я попрежнему всей душой расположенъ къ Вамъ и для меня было бы большимъ удовольствіемъ повидаться съ Вами. У меня была инфлуэнца, а послѣ нея отчаянный кашель и скрипѣнье въ правомъ легкомъ. Поклонъ Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXVIII

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(1889 г. дек. Москва).

Страдающій инфлуэнцею, осложненною месопотамской чумой, сапомъ, гидрофобіей, импотенціей и тифами всѣхъ видовъ, симъ имѣетъ честь увѣдомить нашего мастистаго поэта Н. О., что стихотворенія его, въ которыхъ я и всѣ мои ближніе обозваны пошлыми и жалкими людьми, будутъ напечатаны въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ началѣ января 1890 г.

Съ почтеніемъ

Блокъ и К°.

CCXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Дек. (1889 г. Москва).

Сегодня утромъ я послалъ вамъ рукопись Овсянникова; я выкинулъ немножко меньше половины. Мнѣ было очень неловко вычеркивать Буренинскія поправки, но я не могъ оставить ихъ, такъ какъ онѣ касаются разстрѣленнаго писаря, котораго я въ корректурѣ упразднилъ до minimum'а, ибо считаю, что онъ Овсянниковымъ сдѣланъ препогано и прелицемѣрно. Буренинъ согласится со мной, если прочтетъ корректуру. Овсянниковъ просто глупъ и не расчетливъ. Онъ старается, чтобы его писарь мыслилъ, разсуждалъ и чувствовалъ возможно умнѣе, заставляетъ его полюбить Евангеліе и выпаливать чуть ли не афоризмами — и въ то же время, устами своего героя графа Толстого, старается убѣдить судъ и читателя, что этотъ умный писарь не что иное, какъ идіотъ, и что его нужно помиловать *только* ради этого идіотизма. Вообще странно.

Въ Петербургъ я поѣхалъ бы съ удовольствіемъ.. но у меня прежестокій кашель, мало денегъ и нужно писать къ празднику разсказы. На деньги можно наплевать, но съ кашлемъ нужно быть осторожнѣе, а ѣзда въ вагонѣ у меня всегда дѣлаетъ кашель. Боюсь кровохарканья, которое всегда меня пугало.

У Боткина камни въ печени. Такъ, повидимому, думаетъ самъ Боткинъ, основываясь, опять-таки повидимому, на боляхъ, которыя чувствуетъ. Печень—это слабая сторона, это пятка Боткина. Онъ всегда ошибался, ошибается и теперь. Если правда, что въ его скорой кон-

чинѣ прежде всего заинтересована печень, то виноваты не камни, *а ракъ*.

Доброславина жалко. Зря умеръ. Брюшной тифъ зарѣзалъ одного изъ злѣйшихъ враговъ своихъ.

Князь Сумбатовъ убѣдительно проситъ *выслать* тѣ книги, въ которыхъ есть хотя что-нибудь про Макбета. Обѣщаетъ возвратить въ исправности. Высылайте мнѣ, а я пошлю ему.

Въ понедѣльникъ или во вторникъ, въ $3^1/_2$ часа пополудни, пожалуетъ къ Вамъ московскій журналистъ С. Н. Филипповъ, тотъ самый, который когда-то писалъ Вамъ насчетъ Татьяны Рѣшной и которому Вы послали экземпляръ Вашей пьесы и письмо. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ искать работы и убѣдительно просилъ меня рекомендовать его Вамъ. Я знаю его только какъ театральнаго рецензента, по преимуществу ругателя, и какъ автора книги «По Крыму». Работалъ онъ въ Русскомъ Курьерѣ, работаетъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Насчетъ его идей и прочаго я ничего не знаю, что же касается слога, бойкости, умѣнья обыкновенное слово поставить въ кавычки и показать кукишъ въ карманѣ сильному человѣку въ то время, когда тотъ посаженъ ужъ въ тюрьму, то въ этомъ отношеніи онъ можетъ дать Курепину 20 очковъ впередъ. Онъ хорошій работникъ, по крайней мѣрѣ можетъ быть таковымъ, но къ сожалѣнію онъ явится къ Вамъ не съ готовою работою, а съ просьбою о работѣ. Т.-е. Вы должны будете сочинить для него работу. Онъ годенъ для командировокъ. Для фельетона московской жизни и вообще для фельетона онъ не удобенъ, ибо во 1-хъ) у Васъ есть уже Курепинъ и во 2-хъ) онъ слишкомъ еще молодъ, чтобы садиться на такіе легкіе хлѣба, какъ фельетонъ о томъ, о семъ, съ обыкновенными словами въ ковычкахъ. Найдите ему какую-нибудь «каторжную работу», чтобы онъ

разъ пять вспотѣлъ—это для него будетъ самое лучшее. Братъ его—профессоръ Моск. универ. Повидимому, и изъ журналиста вышелъ бы большой толкъ, если бы ему удалось побывать въ хорошей школѣ. На Новое Время онъ возлагаетъ большія надежды и, кажется, ѣдетъ въ Петербургъ только ради Новаго Времени.

Что подѣлываетъ Алексѣй Алексѣевичъ? Какъ идетъ его Стоглавъ? . . . . . .

Инфлуэнца дѣлаетъ у меня чортъ знаетъ что. Заболѣли мать, сестра, кухарка и горничная. Я боленъ, но это не помѣшало мнѣ быть вчера на мальчишникѣ у одного доктора [1]), который женится на балеринѣ. У балерины я шаферомъ... Когда я былъ на 2-мъ курсѣ, то влюбился въ балерину и посѣщалъ балетъ. Потомъ я знавалъ драматическихъ актрисъ, перешедшихъ изъ балета въ драму. Вчера передъ мальчишникомъ я былъ съ визитомъ у одной такой актрисы. Балетъ она теперь презираетъ и смотритъ на него свысока, но все-таки не можетъ отдѣлаться отъ балетныхъ тѣлодвиженій. Ступни ея ногъ, когда она стоитъ, находятся всегда въ такомъ отношеніи

(а и б—это носки), что не кажется безобразнымъ.

Въ январѣ мнѣ стукнетъ 30 лѣтъ.. Здравствуй одинокая старость, догорай безполезная жизнь!

Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Беркѣ сердечный привѣтъ. Алексѣю Алексѣевичу тоже.. Зачѣмъ онъ ежегодно катается въ Палестину? Не хочетъ ли онъ стать іерусалимскимъ патріархомъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

CCXL.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Дек. (1889 г. Москва).

Милый Сарду, у меня кашель, насморкъ, сыпь, и. . . гидрофобія и проч. и проч. Кромѣ того, я золъ, какъ ящерица, которой наступила собака на хвостъ, и занятъ по самое горло. Въ-третьихъ, квартира моя изображаетъ изъ себя госпиталь. Больны и моя фамилія, и прислуга.

Ваши «качучи-чучи» [1]) давно уже сданы *черезъ комитетъ* Разсохину и, вѣроятно, ужъ вышли въ свѣтъ. Отдалъ я пьесу въ тотъ самый часъ, когда получилъ отъ Васъ надлежащее распоряженіе.

Поздравляю Васъ съ дочкой. Желаю, чтобы она вышла замужъ за графа Шереметьева и чтобы въ будущемъ открыла «Театръ Тихоновой», въ которомъ платила бы Вамъ и мнѣ по 40% съ валового сбора.

Пріѣду я въ Питеръ не раньше января.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLI.

А. П. Ленскому.

8 декабря (1889 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ!

Моя инфлуэнца продолжается, такъ что я начинаю подозрѣвать, что у меня не инфлуэнца, а другое какое-нибудь свинство.

Сердечный привѣтъ Лидіи Наколаевнѣ и Сасику.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Оболонскій женится. Я у него шаферомъ.

---

1) «Лучи и Тучи».

CCXLII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

XII, 12 (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, пишу Вамъ сіи строки, сидя въ редакціи «Артиста». Оная Редакція проситъ меня написать Вамъ, что во 1-хъ) Вашъ переводъ опоздалъ; уже набирается и печатается переводъ Маттерна; во-2-хъ) редакція, прежде чѣмъ послать Вашъ переводъ Абрамовой, хотѣла бы поскорѣе узнать отъ Васъ: кому собственно она должна послать переводъ? Абрамова театромъ уже не завѣдуетъ; хозяйничаетъ товарищество съ Соловцевымъ, Чарскимъ и Киселевскимъ во главѣ. Прикажете послать товариществу?

Я хвораю. Инфлуэнца, кашель, болятъ зубы. Сестра тоже больна. Хочу поѣхать къ Вамъ и не могу выбрать дня. Если не вырвусь изъ Москвы раньше 18 дек., то пріѣду послѣ Новаго года. Ужасно я соскучился и ужасно мнѣ хочется повидаться. Буду у Васъ непремѣнно въ день своего пріѣзда; если не застану Васъ дома, то поѣду искать Васъ по Петербургу.

Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы.

Если не пріѣду скоро, то напишу Вамъ большое письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLIII.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(Декабрь. 1889 г. Москва).

Счастливый избранникъ Гименея, добрѣйшій докторъ и восхитительный мужчина!

На оборотѣ сего Вы найдете письмо, полученное мною отъ дочери врача Ольги Шварцъ. Я у нея уже былъ

осенью и ничего хорошаго не сдѣлалъ, ибо у нея Базедова болѣзнь. Если у Васъ будетъ свободная четверть часа, если Вы пріѣдете ко мнѣ и если пожелаете проѣхаться по Большой Грузинской улицѣ, то не найдете ли Вы возможнымъ посмотрѣть больную? Быть-можетъ, Вы придумаете что-нибудь такое этакое... Больная живетъ въ 8 минутахъ ѣзды отъ меня. Если же не желаете, то такъ тому и быть.

Сестра лежитъ. Утромъ и вечеромъ t^0 повышена. Что-то тифоидное. Вся моя квартира превратилась въ госпиталь.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

25 Дек. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ, поздравляю Васъ съ Рождествомъ и съ наступающимъ Новымъ годомъ!

Впрочемъ, начну съ самаго начала. Былъ я какъ-то въ редакціи «Артиста» и засталъ тамъ редактора, перелистывющаго Вашъ переводъ «Борьбы за существованіе». Около редактора сидѣлъ еще кто-то, какой-то иксъ на манеръ редакціоннаго секретаря или Гольцева. Оба сидѣли и разсуждали о томъ, что переводъ не будетъ напечатанъ. Боясь, чтобы они не наврали Вамъ чего-нибудь, я попросилъ позволенія сѣсть и написать Вамъ о судьбѣ Вашего перевода; будетъ напечатанъ переводъ Маттерна, которому давно уже было обѣщано и меня удивляетъ эта безшабашная редакція, утруждавшая Васъ

и знавшая навѣрное, что Вашъ переводъ не можетъ пойти. Я ихъ обругалъ. Теперь о театрѣ Абрамовой.

Насколько я могу понять Соловцова съ братіей, «Борьбу» они вовсе не будутъ ставить, хотя и врутъ, что поставятъ послѣ праздниковъ. Короче говоря, лучшій переводъ «Борьбы» останется при пиковомъ интересѣ, что страшно возмущаетъ меня. Кромѣ Вашего, мнѣ извѣстны еще три перевода, которые уже дѣлаютъ свое дѣло въ провинціи; переводы плохіе, языкъ драповый.. Говорятъ, что переводъ, идущій у Корша, плохъ до смѣшного. Порядки, чертъ бы ихъ взялъ!

Получилъ я «Струэнзе». Сердечно благодарю. Я прочелъ. Пьеса хорошая, но много въ ней красокъ, напоминающихъ нѣмецкую подносную живопись. Напримѣръ, сцены съ пасторомъ.. Конецъ меня не удовлетворилъ. Но въ общемъ пьеса мнѣ понравилась. Россіи тоже нуженъ свой Струэнзе, какъ былъ когда-то нуженъ Сперанскій. Господа въ родѣ Ранцау попадаются у насъ изрѣдка среди предводителей дворянства, въ земствѣ, въ арміи, но въ Петербургѣ ихъ нѣтъ. Зато много Келлеровъ и придворныхъ дамъ, которые одинаково вредны и безцвѣтны во всѣхъ дворахъ и во всѣхъ пьесахъ.

Я рвусь къ Вамъ въ Петербургъ, но не могу выѣхать раньше собранія членовъ О-ва драм. писателей, на которомъ я обязанъ присутствовать, какъ членъ комитета. Когда будетъ это собраніе, пока еще неизвѣстно. Должно быть, въ началѣ января. Ваше петербургское собраніе многаго не поняло и много напутало, такъ что и распутать трудно. Я жалѣю, что не поѣхалъ тогда въ Петербургъ; слѣдовало бы кому-нибудь изъ членовъ комитета присутствовать у Васъ на собраніи и дать разъясненія. При свиданіи я разскажу Вамъ, въ чемъ дѣло.

Мой Лѣшій идетъ въ театрѣ Абрамовой 27 Декабря.

Былъ я на репетиціи. Мужчины мнѣ понравились въ общемъ, а дамъ я еще не разглядѣлъ. Идетъ, повидимому, бойко. Актерамъ пьеса нравится. О печатаніи ея поговоримъ тоже при свиданіи. Насколько можно судить по репетиціи, пьеса шибко пойдетъ въ провинціи, ибо комическаго элемента достаточно и люди все живые, знакомые провинціи.

Зима въ Москвѣ плохая, хоть плюнь. Снѣгу нѣтъ.

Всѣ мои здоровы, я тоже. Инфлуэнца прошла у всѣхъ. А Вы какъ поживаете? Что Ваши? Видаете ли Жана Щеглова?

Голова у меня болитъ. Поѣду погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Всѣ мои кланяются. Сестра шлетъ свой привѣтъ и поздравленіе. Я кланяюсь всѣмъ Вашимъ и молю небо, чтобы оно охранило Вашу квартиру отъ всякаго врага и супостата. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

25 Дек. (1889 г. Москва).

Съ праздникомъ Васъ поздравляю, добрѣйшій Николай Александровичъ! Спасибо за вниманіе ко мнѣ, за память и за долготерпѣніе. Вниманіе и память выражены Вами въ присылкѣ мнѣ двухъ книгъ (безъ факсимиле впрочемъ), что весьма пользительно для моей библіотеки и для меня, охотника посмѣяться; долготерпѣніе же Ваше я легко усматриваю въ Вашемъ отношеніи къ моему безнравственному, инквизиціи до-

стойному поведенію: я не отвѣтилъ на Ваше послѣднее письмо и не поблагодарилъ своевременно за книги..

Не писалъ я, потому что каждый день собираюсь въ Питеръ и каждый день увѣренъ бываю, что завтра увижу Васъ. Когда я пріѣду? Скоро; но дня назначить не могу. Остановлюсь у Суворина, а къ Вамъ пріѣду въ день своего пріѣзда, многое—на другой день. Визитовъ никому дѣлать не буду, ибо пріѣду incognito, на манеръ бразильскаго донъ-Педро. Побываю только у старыхъ знакомыхъ, по которымъ соскучился и у кое-кого изъ молодежи. Есть и дѣла.

Въ какомъ положеніи у васъ подписка? Лучше прошлогодней? Да? Должно-быть, хуже—это я сужу по той не охотѣ, съ какою вся Русь въ этотъ сезонъ посѣщаетъ театръ и читаетъ. Сезонъ пропащій, нужно на немъ крестъ поставить.

До скораго свиданія. Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ мой сердечный привѣтъ и поздравленіе. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Дек. (Москва. 1889 г.).

Юныя дѣвы и агнцы непорочные носятъ ко мнѣ свои произведенія; изъ кучи хлама я выбралъ одинъ разсказикъ, помаралъ его и посылаю Вамъ. Прочтите. Маленькій и безъ претензій. Вѣроятно, годится для субботника. Называется онъ «Утро нотаріуса Горшкова».

Тономъ Жана Щеглова, просящаго Васъ поговорить съ нимъ о театрѣ, я прошу:—«Позвольте мнѣ поговорить съ Вами о литературѣ». Когда я въ одномъ изъ своихъ

послѣднихъ писемъ писалъ Вамъ о Бурже и Толстомъ, то меньше всего думалъ о прекрасныхъ одалискахъ и о томъ, что писатель долженъ изображать однѣ только тихія радости. Я хотѣлъ только сказать, что современные лучшіе писатели, которыхъ я люблю, служатъ злу, такъ какъ разрушаютъ. Одни изъ нихъ..... Другіе же..... не пресыщенные тѣломъ, но ужъ пресыщенные духомъ, изощряютъ свою фантазію до зеленыхъ чертиковъ и изобрѣтаютъ несуществующаго полубога Сикста и «психологическіе опыты». Правда, Бурже придѣлалъ благополучный конецъ, но этотъ банальный конецъ скоро забывается и въ памяти остаются только Сикстъ и «опыты», которые убиваютъ сразу сто зайцевъ: компрометируютъ въ глазахъ толпы науку, которая подобно женѣ Цезаря не должна быть подозрѣваема, и третируютъ съ высоты писательскаго величія совѣсть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя въ толпу увѣренность, что все это, что сдерживаетъ въ ней звѣря и отличаетъ ее отъ собаки, и что добыто путемъ вѣковой борьбы съ природою, легко можетъ быть дискредитировано «опытами», если не теперь, то въ будущемъ. Неужели подобные авторы «заставляютъ искать лучшаго, заставляютъ думать и признавать, что скверное дѣйствительно скверно?» Неужели они заставляютъ «обновляться»? Нѣтъ, они заставляютъ Францію вырождаться, а въ Россіи они помогаютъ дьяволу размножать слизняковъ и мокрицъ, которыхъ мы называемъ интеллигентами. Вялая, апатичная, лѣниво философствующая, холодная интеллигенція, которая никакъ не можетъ придумать для себя приличнаго образца для кредитныхъ бумажекъ, которая не патріотична, уныла, безцвѣтна, которая пьянѣетъ отъ одной рюмки и посѣщаетъ пятидесятикопеечный....., которая брюзжитъ и охотно отрицаетъ *все*, такъ какъ для лѣниваго мозга

легче отрицать, чѣмъ утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать дѣтей и т. д. Вялая душа, вялыя мышцы, отсутствіе движеній, неустойчивость въ мысляхъ—и все это въ силу того, что жизнь не имѣетъ смысла, что у женщинъ.... и что деньги—зло.

Гдѣ вырожденіе и апатія, тамъ половое извращеніе, холодный развратъ, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, тамъ паденіе искусствъ, равнодушіе къ наукѣ, тамъ *несправедливость* во всей своей формѣ. Общество, которое не вѣруетъ въ Бога, но боится примѣтъ и черта, которое отрицаетъ *всѣхъ* врачей и въ то же время лицемѣрно оплакиваетъ Боткина и поклоняется Захарьину, не смѣетъ и заикаться о томъ, что оно знакомо съ справедливостью.

Германія не знаетъ авторовъ въ родѣ Бурже и Толстого и въ этомъ ея счастье. Въ ней и наука, и патріотизмъ, и хорошіе дипломаты, и все что хотите. Она побьетъ Францію и союзниками ея будутъ французскіе авторы.

Мнѣ помѣшали писать, а то бы я накаталъ Вамъ сегодня пять листовъ. Когда-нибудь послѣ.

Сегодня идетъ «Лѣшій». IV актъ совсѣмъ новый. Своимъ существованіемъ онъ обязанъ Вамъ и Влад. Немировичу-Данченко, который, прочитавъ пьесу, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько указаній, весьма практическихъ. Мужчины не знаютъ ролей и играютъ недурно; дамы знаютъ роли и играютъ скверно. О томъ, какъ сойдетъ моя пьеса, напишетъ Вамъ нудный Филиповъ, который просилъ у меня на-дняхъ сюжета для письма къ Вамъ. Скучные люди.

Поздравляю Васъ съ праздникомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Всѣмъ Вашимъ привѣтъ изъ глубины души.

CCXLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Дек.)

(Начало утеряно).

.... очерковъ, фельетоновъ, глупостей, водевилей, скучныхъ исторій, многое множество ошибокъ и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премія, житіе Потемкина—и при всемъ томъ нѣтъ ни одной строчки, которая въ моихъ глазахъ имѣла бы серьезное литературное значеніе. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезнаго труда. Когда я на-дняхъ прочелъ «Семейную трагедію» Бѣжецкаго, то этотъ разсказъ вызвалъ во мнѣ что-то въ родѣ чувства состраданія къ автору; точно такое же чувство испытываю я, когда вижу свои книжки. Въ этомъ чувствѣ есть правда величиною съ муху, но мнительность моя и зависть къ чужимъ трудамъ раздуваютъ ее до размѣровъ слона. Мнѣ страстно хочется спрятаться куда-нибудь лѣть на пять и занять себя кропотливымъ, серьезнымъ трудомъ. Мнѣ надо учиться, учить все съ самаго начала, ибо я, какъ литераторъ, круглый невѣжда; мнѣ надо писать добросовѣстно, съ чувствомъ, съ толкомъ, писать не по пяти листовъ въ мѣсяцъ, а одинъ листъ въ пять мѣсяцевъ. Надо уйти изъ дому, надо начать жить за 700—900 р. въ годъ, а не за 3—4 тысячи, какъ теперь, надо на многое наплевать, но хохлацкой лѣни во мнѣ больше, чѣмъ смѣлости.

Продалъ Лѣшаго Абрамовой—это зря. Значитъ, разсуждаетъ моя вялая душа, на 3—4 мѣсяца хватитъ де-

негъ. Вотъ моя хохлацкая логика. Ахъ, какіе нынче поганые молодые люди стали!

Здоровье у всѣхъ домочадцевъ поправилось. Я тоже уже не кашляю. Ужасно хочется повидаться съ Вами. Пріѣду, должно-быть, въ началѣ января.

Дни становятся больше. Къ веснѣ повернуло, а зимы еще не было.

Въ январѣ мнѣ стукнетъ 70 лѣтъ. Подлость. А настроеніе у меня такое, будто мнѣ 22 года.

Не болѣйте пожалуста и скажите Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она подарила свои болѣзни кому-нибудь.

Не пріѣхать ли мнѣ въ Питеръ встрѣчать Новый годъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

Хронологическій указатель писемъ.

						Стр.
I.	И. Л. Щеглову.	Москва,	1888 г.,	январь	1 . . .	1
II.	А. П. Ленскому.	„	„	„	6 . . .	3
III.	М. В. Киселевой.	„	„	„	6 . . .	—
IV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	. . .	5
V.	В. Г. Короленко.	„	„	„	9 . . .	7
VI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	19 . . .	9
VII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„	. . .	11
VIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	22 . . .	12
IX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	23 . . .	14
X.	Ему же.	„	„	февраль	3 . . .	16
XI.	М. В. Киселевой.	„	„	„	3 . . .	17
XII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	4 . . .	19
XIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	5 . . .	21
XIV.	Ему же.	„	„	„	9 . . .	23
XV.	Г. М. Чехову.	„	„	„	9 . . .	26
XVI.	Ф. О. Шехтелю.	„	„	„	10 . . .	28
XVII.	А. С. Киселеву.	„	„	„	15 . . .	29
XVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	. . .	31
XIX.	Ему же.	„	„	„	22 . . .	32
XX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	23 . . .	35
XXI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	24 . . .	37
XXII.	Ему же.	„	„	„	26 . . .	39
XXIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	мартъ	6 . . .	40
XXIV.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	7 . . .	42
XXV.	М. П. Чехову.	СПБ.	„	„	15 . . .	43
XXVI.	Ал. П. Чехову.	Москва	„	„	24 . . .	45
XXVII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	25 . . .	47
XXVIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	49
XXIX.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	29 . . .	50
XXX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	31 . . .	51
XXXI.	Ему же.	„	„	„	31 . . .	54
XXXII.	Г. М. Чехову.	„	„	апрѣль	1 . . .	55
XXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	3 . . .	57
XXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	4 . . .	60
XXXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	4 . . .	61
XXXVI.	М. В. Киселевой.	„	„	„	5 . . .	62
XXXVII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	9 . . .	64
XXXVIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	67

XXXIX.	В. Г. Короленко.	Москва,	1888 г.,	апрѣль	9 . . .	68
XL.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	15 . . .	69
XLI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	17 . . .	71
XLII.	Я. А. Корнѣеву.	„	„	„	. . .	73
XLIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	74
XLIV.	В. А. Тихонову.	„	„	„	21 . . .	76
XLV.	М. П. Чехову.	„	„	„	. . .	77
XLVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	25 . . .	78
XLVII.	В. Г. Короленко.	„	„	май	2 . . .	79
XLVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	3 . . .	80
XLIX.	П. А. Сергѣенко.	„	„	„	4 . . .	82
L.	И. П. Чехову.	Сумы	„	„	. . .	83
LI.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	84
LII.	И. П. Чехову.	„	„	„	10 . . .	86
LIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	10 . . .	88
LIV.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	11 . . .	90
LV.	А. С. Киселеву.	„	„	„	15 . . .	92
LVI.	И. П. Чехову.	„	„	„	23 . . .	93
LVII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	27 . . .	94
LVIII.	В. Г. Короленко.	„	„	„	. . .	95
LIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	30 . . .	96
LX.	И. Л. Щеглову.	„	„	іюнь	9 . . .	103
LXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	. . .	105
LXII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„	26 . . .	107
LXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	28 . . .	109
LXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	28 . . .	112
LXV.	Ему же.	„	„	іюль	. . .	114
LXVI.	М. П. Чеховой.	Ѳеодосія	„	„	. . .	117
LXVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	120
LXVIII.	М. П. Чеховой.	„	„	„	22 . . .	122
LXIX.	Ей же.	„	„	„	. . .	126
LXX.	М. П. Чехову. (Съ парох.)		„	„	28 . . .	—
LXXI.	Неизвѣстному лицу.	Сухумъ	„	„	. . .	130
LXXII.	И. П. Чехову.	Поти	„	„	. . .	133
LXXIII.	Н. А. Лейкину.	Сумы	„	августъ	12 . . .	—
LXXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	13 . . .	135
LXXV.	Ему же.	„	„	„	27 . . .	137
LXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	29 . . .	140
LXXVII.	Г. М. Чехову.	Москва	„	сентябрь	10 . . .	144
LXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	11 . . .	145
LXXIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	14 . . .	147
LXXX.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	149
LXXXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	15 . . .	151
LXXXII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	17 . . .	154
LXXXIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	24 . . .	155
LXXXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	30 . . .	157
LXXXV.	А. С. Суворину.	„	„	октябрь	2 . . .	158
LXXXVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	4 . . .	159
LXXXVII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	5 . . .	161

LXXXVIII.	А. С. Суворину.	Москва,	1888 г.,	октябрь	. . . 163
LXXXIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 9	. . . 166
XC.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 9	. . . 169
XCI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 10	. . . 171
XCII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 10	. . . 174
XCIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 14	. . . —
XCIV.	Ему же.	„	„	„	. . . 177
XCV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 17	. . . 178
XCVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 18	. . . 179
XCVII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„ 20	. . . 186
XCVIII.	А. С. Киселеву.	„	„	„ 20	. . . 187
XCIX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 23	. . . 189
C.	Ему же.	„	„	„ 24	. . . 192
CI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 25	. . . 193
CII.	А. П. Ленскому.	„	„	„ 26	. . . 195
CIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 27	. . . 196
CIV.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 27	. . . 201
CV.	М. В. Киселевой.	„	„	ноябрь 2	. . . 202
CVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 3	. . . 204
CVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . . 205
CVIII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„ 5	. . . 210
CIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 7	. . . 212
CX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 7	. . . 214
CXI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„ 8	. . . 216
CXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 10	. . . 217
CXIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 11	. . . 218
CXIV.	А. С. Суворину.	„	„	„ 11	. . . 220
CXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 13	. . . 222
CXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 15	. . . 224
CXVII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„ 16	. . . 226
CXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 18	. . . 228
CXIX.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . . 229
CXX.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 23	. . . 230
CXXI.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . . 232
CXXII.	Ему же.	„	„	„ 28	. . . 234
CXXIII.	А. П. Ленскому.	СПБ.	„	декабрь 8	. . . 236
CXXIV.	Л. Н. Ленской.	„	„	„ 15	. . . 237
CXXV.	А. С. Суворину.	Москва	„	„ 17	. . . 238
CXXVI.	Ему же.	„	„	„ 19	. . . 239
CXXVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 20	. . . 243
CXXVIII.	В. А. Тихонову.	„	„	„ 20	. . . 245
CXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 23	. . . 246
CXXX.	Ему же.	„	„	„ 26	. . . 252
CXXXI.	Ему же.	„	„	„ 28	. . . 255
CXXXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 30	. . . 257
CXXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 30	. . . 259
CXXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 31	. . . 268
CXXXV.	А. Н. Плещееву.	„	1889 г.	январь 2	. . . 270
CXXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 3	. . . 273
CXXXVII.	Ему же.	„	„	„ 4	. . . 275

CXXXVIII.	Е. М. Линтваревой.	Москва,	1889 г.,	январь	. . .	278
CXXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	6 . . .	279
CXL.	Ему же.	„	„	„	7 . . .	281
CXLI.	Ѳ. А. Юрковскому.	„	„	„	8 . . .	284
CXLII.	А. С. Суворину.	„	„	„	8 . . .	285
CXLIII.	Ему же.	„	„	„	. . .	287
CXLIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	15 . . .	288
CXLV.	Ему же.	СПБ.	„	„	. . .	290
CXLVI.	М. П. Чехову.	„	„	„	. . .	291
CXLVII.	А. С. Суворину.	Москва	„	февраль	4 . . .	—
CXLVIII.	Д. Т. Савельеву.	„	„	„	4 . . .	293
CXLIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	6 . . .	294
CL.	Ему же.	„	„	„	6 . . .	296
CLI.	Ему же,	„	„	„	8 . . .	298
CLII.	В. А. Тихонову.	„	„	„	10 . . .	300
CLIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	11 . . .	302
CLIV.	Н. М. Линтваревой.	„	„	„	11 . . .	303
CLV.	Н. А. Хлопову.	„	„	„	13 . . .	305
CLVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . .	307
CLVII.	Ему же.	„	„	„	14 . . .	—
CLVIII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	17 . . .	311
CLIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	313
CLX.	А. С. Суворину.	„	„	„	20 . . .	315
CLXI.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	21 . . .	318
CLXII.	Ему же.	„	„	„	25 . . .	319
CLXIII.	А. С. Суворину.	„	„	марта	5 . . .	320
CLXIV.	Ему же.	„	„	„	6 . . .	322
CLXV.	В. А. Тихонову.	„	„	„	7 . . .	323
CLXVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	7 . . .	324
CLXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	11 . . .	326
CLXVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	11 . . .	329
CLXIX.	Н. А. Хлопову.	„	„	„	22 . . .	330
CLXX.	А. С. Суворину.	„	„	апрѣля	8 . . .	331
CLXXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	9 . . .	332
CLXXII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	10 . . .	335
CLXXIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	11 . . .	337
CLXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	12 . . .	338
CLXXV.	А. С. Суворину.	„	„	„	17 . . .	340
CLXXVI.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„	17 . . .	341
CLXXVII.	Ф. О. Шехтелю.	„	„	„	19 . . .	343
CLXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	22 . . .	—
CLXXIX.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	„	23 . . .	344
CLXXX.	М. П. Чеховой.	Лука	„	„	26 . . .	346
CLXXXI.	Ал. П. Чехову.	Сумы	„	май	2 . . .	347
CLXXXII.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . .	348
CLXXXIII.	Ему же.	Лука	„	„	4 . . .	350
CLXXXIV.	Ему же.	„	„	„	7 . . .	354
CLXXXV.	Ал. П. Чехову.	Сумы	„	„	8 . . .	357
CLXXXVI.	А. Н. Плещееву.	Лука	„	„	14 . . .	360
CLXXXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	14 . . .	363
CLXXXVIII.	И. П. Чехову.	„	„	„	. . .	365

CLXXXIX.	А. С. Суворину.	Лука,	1889 г.,	май	15	. . . 366
CXC.	В. А. Тихонову.	„	„	„	31	. . . 369
CXCI.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	іюнь	4	. . . 371
CXCII.	А. С. Суворину.	„	„	„	9	. . . 373
CXCIII.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	„	17	. . . 376
CXCIV.	Ф. О. Шехтелю.	Сумы	„	„	18	. . . —
CXCV.	А. Н. Плещееву.	Лука	„	„	26	. . . —
CXCVI.	А. С. Суворину.	Сумы,	„	іюль	2	. . . 380
CXCVII.	И. П. Чехову.	Одесса	„	„	16	. . . 381
CXCXVIII.	М. П. Чеховой.	Ялта	„	„	18	. . . 384
CXCIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	августъ	3	. . . 386
CC.	И. Л. Щеглову.	Лука	„	„	29	. . . 388
CCI.	А. Н. Плещееву.	„	„	сентябрь	3	. . . 389
CCII.	Ѳ. А. Куманину.	Москва	„	„	5	. . . 391
CCIII.	Е. М. Линтваревой	„	„	„	6	. . . 392
CCIV.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	7	. . . 394
CCV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	14	. . . —
CCVI.	В. А. Тихонову.	„	„	„	15	. . . 397
CCVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18	. . . 398
CCVIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	24	. . . 399.
CCIX.	Ему же.	„	„	„	30	. . . 401
CCX.	А. П. Ленскому.	„	„	„		. . . 403
CCXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„		. . . 404
CCXII.	Ему же.	„	„	октябрь	1	. . . —
CCXIII.	А. П. Ленскому.	„	„	„		. . . 405
CCXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	6	. . . —
CCXV.	Ему же.	„	„	„		. . . 407
CCXVI.	Ѳ. А. Куманину.	„	„	„	10	. . . 408
CCXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	13	. . . —
CCXVIII.	Ему же.	„	„	„	15	. . . 411
CCXIX.	Ал. П. Чехову,	„	„	„		. . . 413
CCXX.	А. С. Суворину.	„	„	„	17	. . . 414
CCXXI.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	21	. . . 417
CCXXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	21	. . . 418
CCXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	28	. . . 420
CCXXIV.	Ему же.	„	„	ноябрь	1	. . . 422
CCXXV.	А. П. Ленскому.	„	„	„	2	. . . 424
CCXXVI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	7	. . . —
CCXXVII.	В. А. Тихонову.	„	„	„	7	. . . 427
CCXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	7	. . . 428
CCXXIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	8	. . . —
CCXXX.	В. А. Тихонову.	„	„	„	12	. . . 429
CCXXXI.	А. С. Суворину.	„	„	„	12	. . . 430
CCXXXII.	Л. Н. Ленской.	„	„	„	15	. . . 431
CCXXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	20	. . . 432
CCXXXIV.	Ему же.	„	„	„	25	. . . 433
CCXXXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	27	. . . 434
CCXXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	27	. . . 437
CCXXXVII.	А. П. Ленскому.	„	„	„	29	. . . 439
CCXXXVIII.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	декабрь		. . . —
CCXXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	7	. . . 440

CCXL. В. А. Тихонову. Москва, 1889 г., декабрь 7 . . . 443
CCXLI. А. П. Ленскому. „ „ „ 8 . . . 443
CCXLII. А. Н. Плещееву. „ „ „ 12 . . . 444
CCXLIII. Н. Н. Оболонскому. „ „ „ . . . —
CCXLIV. А. Н. Плещееву. „ „ „ 25 . . . 445
CCXLV. Н. А. Лейкину. „ „ „ 25 . . . 447
CCXLVI. А. С. Суворину. „ „ „ 27 . . . 448
CCXLVII. Ему же. „ „ „ . . . 451

Указатель писемъ по адресатамъ.

1. Киселевой, М. В.—3, 17, 47, 62, 154, 202, 311.
2. Киселеву, А. С.—29, 92, 187.
3. Корнѣеву, Я. А.—73.
4. Короленко, В. Г.—7, 68, 79, 95.
5. Куманину, Ѳ. А.—391, 408.
6. Лазареву-Грузинскому, А. С.—11, 107, 186.
7. Ленской, Л. Н.—237, 431.
8. Ленскому, А. П.—3, 195, 236, 403, 405, 424, 439, 443.
9. Лейкину, Н. А.—37, 39, 42, 50, 90, 133, 161, 210, 216, 335, 424, 447.
10. Линтваревой, Е. М.—169, 201, 230, 278, 341, 392.
11. Линтваревой, Н. М.—303.
12. Неизвѣстному лицу—130.
13. Оболонскому, Н. Н.—344, 371, 376, 439, 444.
14. Плещееву, А. Н.—9, 14, 16, 21, 23, 35, 40, 51, 54, 61, 64, 71, 78, 105, 112, 114, 135, 137, 151, 157, 159, 166, 174, 178, 193, 204, 217, 222, 257, 270, 288, 290, 302, 324, 332, 360, 376, 386, 389, 394, 399, 401, 404, 404, 405, 407, 418, 428, 434, 444, 445.
15. Савельеву, Д. Т.—293.
16. Сергѣенко, П. А.—82.
17. Суворину, А. С.—57, 96, 109, 140, 145, 158, 163, 171, 174, 177, 179, 189, 192, 196, 205, 214, 220, 224, 228, 232, 234, 238, 239, 246, 252, 255, 259, 273, 275, 279, 281, 285, 287, 291, 294, 296, 298, 307, 307, 315, 320, 322, 326, 331, 340, 343, 348, 350, 354, 363, 366, 373, 380, 408, 411, 414, 420, 422, 428, 430, 432, 433, 437, 440, 448, 451.
18. Тихонову, В. А.—76, 245, 300, 323, 369, 397, 427, 429, 443.
19. Хлопову, Н. А.—305, 330.
20. Чехову, Ал. П.—45, 49, 67, 84, 94, 149, 155, 226, 229, 318, 319, 337, 347, 357, 394, 413.
21. Чехову, Г. М.—26, 55, 144.
22. Чехову, И. П.—83, 86, 93, 133, 365, 381.
23. Чеховой, М. П.—117, 122, 126, 346, 384.
24. Чехову, М. П.—43; 77, 126, 291.
25. Шехтелю, Ф. О.—28, 343, 376.
25. Щеглову, И. Л.—1, 5, 12, 19, 31, 32, 60, 69, 74, 80, 88, 103, 120, 147, 212, 218, 243, 268, 313, 329, 338, 388, 398, 417.
27. Юрковскому, Ѳ. А.—284.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографическій очеркъ . . . . . III—XVI
Письма (1888 — 1889) . . . . . 1—452
Хронологическій указатель писемъ . . . . . 453—458
Указатель писемъ по адресатамъ 459

ОПЕЧАТКИ.

Письмо II А. П. Ленскому должно быть помѣщено на стр. 279 передъ письмомъ CXXXIX А. С. Суворину.

Стран.		*Напечатано:*	*Надо:*
115	послѣд. строка	(стр. 118—119)	(стр. 116—117)
284	Въ письмѣ Ѳ. А. Юрковскому пропущено „(съ подлинника)“		
352	строка 3 снизу	каня	какая
359	„ 18 сверху	помятуй	памятуй
364	„ 16 „	Пиренеи	Пирнеи.

КНГ—ВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ III.

(1890—1891.)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1913.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, соб. домъ.
1913.

А. П. Чеховъ передъ поѣздкой на о. Сахалинъ.

Біографическій очеркъ.

(1890—1891).

III.

Въ 1890 г. А. П. предпринялъ поѣздку на островъ Сахалинъ. Поѣздка эта была задумана совершенно случайно. Собрался Антонъ П—чъ на Дальній Востокъ какъ-то вдругъ, неожиданно, такъ что въ первое время трудно было понять, серьезно ли онъ говоритъ объ этомъ, или шутитъ. Въ то время его младшій братъ Михаилъ П—чъ кончалъ курсъ юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ и училъ лекціи по уголовному праву, судопроизводству и тюрьмовѣдѣнію. Эти лекціи заинтересовали писателя, онъ прочиталъ ихъ и вдругъ засуматошился, засбирался. Начались подготовительныя работы къ поѣздкѣ. Ему не хотѣлось ѣхать на Сахалинъ съ пустыми руками, и онъ сталъ собирать матеріалы. Знакомыя барышни дѣлали для него выписки въ Румянцевской библіотекѣ, онъ доставалъ откуда-то рѣдкіе фоліанты о Сахалинѣ. Работа кипѣла. Но его озабочивало то, что его, какъ писателя, послѣ разоблаченій извѣстнаго Кеннана, не пустятъ на каторгу или же покажутъ ему не все, а только то, что можно показать, и онъ отправился въ январѣ 1890 г. въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы ему данъ былъ свободный пропускъ повсюду. Съ другой стороны, его безпокоило то, что его поѣздкѣ могутъ придать офиціозный хара-

ктеръ. Обращеніе къ стоявшему тогда во главѣ Главнаго Тюремнаго Управленія Н. М. Галкину-Врасскому не принесло никакой пользы, и безъ всякихъ рекомендацій, а только съ корреспондентскимъ бланкомъ въ карманѣ, онъ двинулся, наконецъ, на Дальній Востокъ. Въ апрѣлѣ 1890 года друзья и родные проводили его въ Ярославль. Была поздняя, холодная весна. Онъ долженъ былъ доѣхать до Казани по Волгѣ, затѣмъ по Камѣ добраться до Перми и по желѣзной дорогѣ до Тюмени, а потомъ продолжать весь свой путь черезъ всю Сибирь на тарантасѣ и по рѣкамъ. Великой Сибирской дороги тогда еще не было, и съ неимовѣрными трудностями и лишеніями, застигнутый въ дорогѣ половодьемъ и распутицей, Антонъ П—чъ добрался, наконецъ, 11-го іюля до Сахалина, прожилъ на немъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, прошелъ его весь съ сѣвера на югъ, первый изъ частныхъ лицъ сдѣлалъ тамъ всеобщую перепись населенія, разговаривалъ съ каждымъ изъ десяти тысячъ каторжанъ и изучилъ каторгу до мельчайшихъ подробностей. Проѣхалъ онъ на лошадяхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ цѣлыхъ два мѣсяца, совершивъ переѣздъ на колесахъ свыше 4000 в.

Какъ ни было неожиданно рѣшеніе Антона П—чъ ѣхать на Сахалинъ, но оно было твердо и крѣпко и основывалось на глубокомъ убѣжденіи его, что онъ долженъ былъ ѣхать туда во что бы то ни стало. Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что эта его поѣздка дастъ какой-либо цѣнный вкладъ въ науку или литературу, но разсчитывалъ, что за всю эту поѣздку для него выпадутъ 2—3 дня, о которыхъ онъ будетъ потомъ съ горечью или съ восторгомъ вспоминать всю свою жизнь. Но, повидимому, главной причиной его поѣздки на Сахалинъ было сознаніе того, что, какъ онъ писалъ А. С. Суворину, «мы сгноили въ тюрьмахъ *мил-*

ліоны людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы».

Отправляясь въ такой далекій путь, Антонъ П—чъ былъ очень непрактиченъ: многое не было предусмотрѣно, а между тѣмъ его ожидали впереди «страшенный холодище» днемъ и ночью, необыкновенное разлитіе рѣкъ, борьба «не на жизнь, а на смерть» съ препятствіями, полное отсутствіе ѣды по дорогѣ, кромѣ «утячей похлебки», а затѣмъ—глубокая грязь, въ которой онъ «не ѣхалъ, а полоскался», и далѣе — жары, пыль и удушливый дымъ отъ громадныхъ лѣсныхъ пожаровъ. Другой на его мѣстѣ давно бы простудился на смерть и слегъ бы въ какомъ-нибудь попутномъ сибирскомъ городишкѣ, чтобы уже никогда не возвратиться назадъ, но унаслѣдованное имъ отъ дѣда и отъ отца крѣпкое здоровье помогло ему преодолѣть все и достигнуть намѣченной цѣли. Легочный процессъ тогда еще не особенно сильно давалъ себя знать. Привыкшій къ простому образу жизни, умѣвшій удовлетворяться лишь самымъ малымъ и не жаловавшійся ни на что, онъ бодро продолжалъ свой путь.

13-го октября 1890 г. Антонъ П—чъ выѣхалъ на пароходѣ Добровольнаго флота «Петербургъ» изъ Сахалина и, наконецъ, черезъ Индію и Суэцкій каналъ возвратился въ Европу. Ему очень хотѣлось побывать въ Японіи, но развившаяся тогда на Востокѣ холера заставила «Петербургъ» держаться прямого пути и не заходить въ порты. Въ Китайскомъ морѣ Ан-

тонъ П—чъ выдержалъ ужасный штормъ, о которомъ послѣ разсказывалъ, какъ о важномъ событіи своей жизни: кренъ парохода былъ такъ великъ, что Антонъ П—чъ держалъ наготовѣ револьверъ, чтобы въ случаѣ катастрофы покончить съ собою. Въ Индійскомъ океанѣ онъ на всемъ ходу парохода бросался съ палубы въ море съ носа и затѣмъ хватался за веревку, брошенную ему съ кормы. Это было его купаньемъ. Въ одно изъ такихъ купаній онъ видѣлъ невдалекѣ отъ себя акулу и стаю рыбъ-лоцмановъ, которыхъ онъ описалъ потомъ въ своемъ разсказѣ «Гусевъ». Островъ Цейлонъ произвелъ на Антона П—ча особенно сильное впечатлѣніе. Здѣсь, какъ онъ говорилъ, «въ раю», онъ сдѣлалъ болѣе 100 верстъ по желѣзной дорогѣ и, судя по письму къ А. С. Суворину, былъ очень счастливъ. Онъ привезъ оттуда трехъ звѣрковъ-мангусовъ, которые потомъ жили у него болѣе года. Это были презабавные звѣри изъ породы ихневмоновъ, вѣроятно, самою природой предназначенные къ тому, чтобы портить, ломать и разорять все, что плохо лежало. Цѣлые дни эти мангусы ковыряли коготками малѣйшія щелочки въ квартирѣ Чеховыхъ, засовывали свои острые носы во всѣ даже самыя маленькія отверстія, и стоило только притти къ Антону П-чу какому-нибудь гостю и оставить въ прихожей цилиндръ и перчатки, какъ они ужъ всовывали свои носы въ каждый палецъ перчатки и спокойно располагались на ночлегъ въ цилиндрѣ. Это забавляло Антона П—ча, но подъ конецъ наскучило и ему: двухъ мангусовъ онъ пожертвовалъ Московскому зоологическому саду, третій погибъ.

9-го декабря Антонъ П—чъ возвратился черезъ Одессу въ Москву.

Съ громаднымъ матеріаломъ онъ предпринялъ разработку вопроса о непригодности колонизаціи Сахалина,

и результатомъ его работъ появился рядъ статей въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Островъ Сахалинъ». Кромѣ того, это путешествіе дало два разсказа: «Въ ссылкѣ» и «Гусевъ». Самъ Антонъ П—чъ придавалъ своему «Острову Сахалину» очень серьезное значеніе, въ Петербургѣ тоже очень благосклонно взглянули на результаты этой поѣздки и — кто знаетъ?—быть-можетъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы по вопросу о каторгѣ и ссылкѣ произошли не безъ его вліянія. Кромѣ указанныхъ произведеній, въ 1890 году были напечатаны Антономъ П—чемъ еще его «Черти» (Воры) и фельетоны «По Сибири».

Проживъ около мѣсяца въ Москвѣ, Антонъ П—чъ отправился въ Петербургъ повидаться съ А. С. Суворинымъ. «Мнѣ страстно хочется поговорить съ Вами,— писалъ онъ ему.—Душа у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ Васъ, ибо съ Вами только и можно говорить». Но большинство петербургскихъ литературныхъ друзей встрѣтило Антона П—ча завистливо и недоброжелательно. Какъ онъ писалъ оттуда сестрѣ, его окружала тамъ густая атмосфера злого чувства. Его кормили обѣдами и пѣли ему дифирамбы, но въ то же время готовы были его съѣсть. «Еслибы я застрѣлился,— писалъ онъ,—то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей». Эти друзья и почитатели не давали ему покоя и въ Москвѣ. Тотчасъ же по его возвращеніи изъ Сахалина, они навѣщали его буквально съ утра и до вечера и не давали ему времени ни отдохнуть, ни поработать. Его удрученное состояніе отъ нихъ дошло до того, что онъ съ радостью встрѣтилъ предложеніе А. С. Суворина ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за границу. Окончивъ свои хлопоты по снабженію Сахалинскихъ школъ и дѣтей книгами и учебными пособіями, Антонъ П—чъ 19-го марта 1891 г.

утромъ переѣхалъ границу и отправился въ Южную Европу. Вѣна произвела на него громадное впечатлѣніе. «Одни магазины въ ней — это, писалъ онъ, — сплошное головокруженіе, мечта». Но Венеція превзошла всѣ его ожиданія. Видавшій на своемъ вѣку такъ много, побывавшій въ «земномъ раю» на островѣ Цейлонѣ, онъ приходитъ въ дѣтскій восторгъ отъ Венеціи съ ея каналами и зданіями, и сознается, что ничего замѣчательнѣе этого города онъ въ своей жизни не видѣлъ. Здѣсь его увлекаетъ все: и плаваніе въ гондолѣ по улицамъ, и площадь св. Марка, и прекрасные вечера, отъ которыхъ «съ непривычки можно умереть». «Хочется здѣсь навѣки остаться», пишетъ онъ брату Ивану П—чу, «а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество». Но достаточно было перемѣниться погодѣ и полить дождю, какъ настроеніе писателя вдругъ перемѣнилось, упало, прекрасная Венеція перестала быть прекрасной, отъ воды повѣяло унылой скукой, и захотѣлось поскорѣе бѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто. Эта смѣна настроеній замѣчалась въ немъ еще и раньше, во время путешествія черезъ Великій и Индійскій океаны, когда въ интересовавшемъ его Сингапурѣ ему вдругъ безпричинно стало такъ тоскливо, что захотѣлось даже плакать. Флоренція уже не увлекаетъ его: «Италія безъ солнца—это все равно, что лицо подъ маской», пишетъ онъ сестрѣ. Здѣсь ужъ онъ хандритъ. Римъ производитъ на него впечатлѣніе губернскаго города, онъ уже чувствуетъ утомленіе и желаніе поѣсть щей съ гречневой кашей. Послѣ Венеціи Антонъ П—чъ уже не получилъ ни отъ одного итальянскаго города того наслажденія, на которое разсчитывалъ. Настроеніе его портило еще и то, что онъ влѣзъ въ долги и что все предстоящее лѣто будетъ у него безъ денегъ. Поѣздка съ Суворинымъ, не любившимъ

за границей стѣснять себя, втянула Антона П—ча въ сверхъ-смѣтные расходы, и онъ задолжалъ ему 1000 рублей. Этотъ долгъ увеличился еще проигрышемъ въ Монте-Карло въ рулетку 900 франковъ. Но этотъ проигрышъ Антонъ П—чъ ставилъ себѣ въ заслугу. Онъ далъ ему новое впечатлѣніе, вѣроятно, подобное тому, какое онъ испытывалъ въ Индійскомъ океанѣ, когда бросался съ парохода въ воду. «Я лично очень доволенъ собой», писалъ онъ по этому поводу брату Михаилу П—чу.

Въ концѣ апрѣля 1891 г., побывавъ въ Парижѣ, Антонъ П—чъ возвратился въ Москву. Вся его поѣздка прошла подъ дождемъ (если не считать Венеціи и Ниццы), и онъ самъ считалъ ее неудавшейся. Съ грустнымъ чувствомъ вернулся онъ на родину и тотчасъ же принялся за работу. Сразу двѣ поѣздки—на Сахалинъ и за границу—потребовали, конечно, отъ него большого напряженія въ средствахъ, но его семья экономила въ Москвѣ, насколько было возможно, онъ самъ работалъ, не покладая рукъ,—и кое-какъ удалось свести концы съ концами. Въ это время его младшій братъ Михаилъ П—чъ былъ уже податнымъ инспекторомъ въ Алексинѣ, и, благодаря этому, лѣто 1891 года Антонъ П—чъ провелъ съ семьею недалеко отъ этого городка, въ усадьбѣ Богимово, Калужской губерніи. Здѣсь Чеховы снимали домъ еще Екатерининскихъ временъ, гдѣ, чтобы перейти черезъ залу, мать писателя, Евгенія Яковлевна, присаживалась на полпути отдохнуть. Такъ велики были комнаты. Антону П—чу здѣсь очень нравилось. Громадный паркъ съ безконечными липовыми аллеями, поэтическая рѣчка, лѣса, рыбная ловля и собираніе грибовъ—все это успокоивало его и давало ему возможность работать. Пріѣзжалъ сюда А. С. Суворинъ, велись бесѣды, какъ и прежде, но уже замѣтно было,

что Антонъ П—чъ былъ не тотъ, какимъ былъ въ Бабкинѣ и на Лукѣ, и что поѣздка на Востокъ состарила его и душевно и тѣлесно. Изъ оконъ дома открывался великолѣпный видъ на усадьбу Даньково, которую Антону П—чу очень хотѣлось купить. Эта усадьба съ домикомъ (но не лица въ ней) описаны въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ». Въ Богимовѣ Антонъ П—чъ продолжалъ писать свою «Дуэль», начатую еще до поѣздки за границу.

Жизнь въ столицахъ тяготитъ его. Съ этого времени онъ начинаетъ настойчиво думать о покупкѣ своего собственнаго имѣнія, но уже не въ Малороссіи, какъ прежде, а въ Центральной Россіи. Петербургъ пересталъ уже привлекать его къ себѣ, онъ извѣрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Вообще Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему празднымъ, холоднымъ, эгоистичнымъ. Зато Москва уже не представлялась ему, какъ прежде, «кухаркой», и онъ сталъ любить ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ полюбилъ ея климатъ, ея людей, ея звонъ. Къ звону онъ всегда былъ неравнодушенъ. Бывало, онъ и раньше собиралъ цѣлыя компаніи и отправлялся съ ними пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревенѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, всѣ братья Чеховы пѣли хоромъ «Христосъ воскресе», при чемъ Антонъ П—чъ пѣлъ басомъ,—и садились разговляться. Антонъ П—чъ ни одной пасхальной ночи не провелъ въ постели.

При всей любви къ Москвѣ, онъ все же не могъ и не хотѣлъ поселиться въ ней навсегда. Во время по-

ѣздокъ онъ привыкъ къ свободѣ и одиночеству; его тяготятъ слишкомъ многочисленные посѣтители, духота московской квартиры послѣ простора сибирской тундры и океана. Для творчества ему нуженъ былъ покой, а его то всего меньше могла дать ему московская жизнь. А. С. Суворину онъ писалъ: «Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ. Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита — это не жизнь...» Острое желаніе уѣхать во что бы то ни стало изъ Москвы и поселиться въ усадьбѣ побуждало его поскорѣе пріобрѣсти имѣніе. Между тѣмъ слухи о надвигавшемся голодѣ и самый голодъ заставили и его принять это близко къ сердцу и, со свойственной ему отзывчивостью, Антонъ П—чъ сталъ собирать пожертвованія въ пользу голодавшихъ, принялъ участіе въ «Сборникахъ», издававшихся для этой цѣли въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и вступилъ въ переписку съ земскимъ начальникомъ Е. П. Егоровымъ, завѣдывавшимъ одной изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ голода мѣстностей въ Нижегородской губерніи, а подъ конецъ и самъ отправился туда-же на голодъ. Это было уже въ 1892 году. Зимою Антонъ П—чъ пріобрѣлъ свое собственное имѣніе Мелихово въ Московской губерніи. Здѣсь онъ жилъ, какъ настоящій помѣщикъ, принимая дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ, строилъ школы, лѣчилъ больныхъ, завѣдывалъ холерными участками, и ни одно, даже самое маленькое общественное дѣло не проходило мимо его вниманія. Страстный любитель цвѣтоводства, онъ цѣлые часы проводилъ около розовыхъ кустовъ и тюльпа-

новъ, сажалъ кусты, сѣялъ и, какъ маленькій, радовался прилету скворцовъ. На Мелихово приходится самая значительная и по объему, и по содержанію часть произведеній Антона П—ча. Къ этой эпохѣ относятся наиболѣе серьезныя его произведенія и—кто знаетъ, что бы еще написалъ онъ тамъ, еслибы болѣзнь, которая развилась уже настолько, что ее нельзя уже было скрыть ни отъ кого, не заставила его окончательно порвать съ Россіей, бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ.

Мелиховымъ начинается новый періодъ въ литературной дѣятельности Антона Павловича,—онъ и самъ это признавалъ,—а потому необходимо болѣе подробно остановиться на описаніи его мелиховской жизни, что по характеру этого изданія должно быть отнесено къ слѣдующему тому «Писемъ».

Михаилъ Чеховъ.

I.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(*СПБ. 1890 г. 26 янв.*).

Уважаемая Марія Владиміровна, я не уѣхалъ, но быть у Васъ сегодня не могу. Мнѣ принесли «Указатель» статей Морского сборника отъ 62 года по 82-й и просили вернуть его завтра утромъ. Въ настоящую минуту я выписываю статьи, касающіяся Сахалина и К°, бранюсь, какъ мерзавецъ, и чувствую себя ужасно не въ духѣ.

Завтра около 2—3 часовъ дня я буду у Васъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ и Василисѣ Пантелевнѣ [1]).

Вашъ *Лицемѣръ*.

90—26/1

Мнѣ нужно поговорить съ Вами объ одномъ *очень* важномъ дѣлѣ.

II.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СПБ.).

Миша, какого числа заложенъ мой билетъ? Серія 9145 № 17?

---

[1]) Саша Киселева—дочь адресатки.

Если срокъ 2 или 3 Февраля, то возьми у мамаши деньги и внеси еще за полгода. Такъ какъ квитанція заперта у меня въ столѣ, то попроси Волкова принять деньги безъ квитанціи, а просто такъ, на основаніи справки, какую пусть онъ сдѣлаетъ у себя по книгамъ. Квитанцію я пришлю ему, когда пріѣду.

Пріѣду я, должно быть, не раньше 4 или 5 Февраля. Ужасно соскучился.

Съ Галкинымъ-Враскимъ [1]) почти все уже улажено. Маршрутъ: рѣка Кама, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Амуръ, Сахалинъ, Японія, Китай, Коломбо, Портъ-Саидъ, Константинополь и Одесса. Буду и въ Маниллѣ. Выѣду изъ Москвы въ началѣ Апрѣля.

Поклонъ всѣмъ нашимъ и увѣреніе, что я соскучился. Если тебѣ некогда сходить къ Волкову, то попроси Машу.

Видаюсь съ Маріей Владиміровной и Василисой [2]).

Александръ и его семья здравствуютъ.

Твой *А. Чеховъ.*

III.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СПБ.).

Наконецъ я уѣхалъ, Марія Владиміровна! Хотѣлъ было сегодня повидаться съ вами и прогулять по Петербургу Василису Пантелевну, да не хватило времени— ѣздилъ прощаться. Передайте Валентину Яковлевичу [3]), что благодарить я его буду въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ опишу ему свой визитъ къ Зензинову [4]).

---

[1]) Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія.

[2]) Киселевыми.

[3]) Зять адресатки.

[4]) М. М., представитель извѣстной чайной фирмы и общественный дѣятель. А. П. долженъ былъ сговориться съ нимъ относительно льготнаго билета на пароходѣ Добровольнаго флота для поѣздки на Сахалинъ (фирма братьевъ Зензиновыхъ была агентомъ Добровольнаго флота).

Барина[1]) и идіотика[2]) я увижу вѣроятно раньше Васъ и посему передамъ имъ отъ Васъ поклонъ и скажу, что Вы живы, здравы и что Вы, какъ выразилась графиня, нравственный гигантъ.

Осталась ли довольна моимъ индѣйскимъ подаркомъ моя будущая супруга[3]), отъ которой я бѣгу на Сахалинъ? Если не довольна, то я пришлю ей еще что-нибудь, японскаго болванчика, или въ родѣ этого...

Въ надеждѣ, что Вы и Ваша дочь перестанете меня преслѣдовать (въ противномъ случаѣ я долженъ буду обратиться къ Грессеру[4])), пребываю струсившимъ и убѣгающимъ

А. Чеховымъ.

Душевный привѣтъ Голубевымъ[5]) и Владиміру Петровичу[6]). Владиславлеву[7]) передайте, что въ Томскѣ я буду весною или въ началѣ лѣта.

Если напишете мнѣ въ Москву хоть одну строчку о Вашемъ здоровьи, то я буду Вамъ благодаренъ по гробъ. Не подумайте, что я лицемѣрю.

Забылъ спросить у Васъ, какъ поживаетъ...

(Конецъ затерянъ).

---

[1]) Мужъ адресатки.
[2]) Сынъ адресатки.
[3]) Дочь адресатки, дѣвочка Саша.
[4]) Петербургскій градоначальникъ.
[5]) Родственники Киселевымъ.
[6]) В. П. Бегичевъ—отецъ адресатки.
[7]) Оперный пѣвецъ.

IV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

10 Февраль (1890 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, наконецъ я, пройдя огонь, воду и мѣдныя трубы, водворился въ Москвѣ и сижу тихо и смирно за своимъ столомъ. Помышляю о грѣхахъ, мною содѣянныхъ, о тысячѣ бочекъ вина, мною выпитыхъ, о визитахъ своихъ къ Галкину [1]) и проч., и проч.. Въ одинъ мѣсяцъ, прожитый мною въ Питерѣ, я совершилъ столько великихъ и малыхъ дѣлъ, что меня въ одно и то же время нужно произвести въ генералы и повѣсить.

Готовлюсь къ Сахалину и читаю всякую чепуху, къ нему относящуюся. Я ѣду—это рѣшено безповоротно. Уѣду въ апрѣлѣ, когда вскроется Кама; стало быть, до отъѣзда еще успѣю надоѣсть Вамъ своими письмами.

Прочелъ я своего «Лѣшаго».. Вотъ что рѣшилъ я. Лѣшій будетъ еще разъ прочитанъ, исправленъ и посланъ въ Сѣверный Вѣстникъ. Да будетъ исполнено желаніе Ваше! Пришлю я пьесу около 20-го февраля съ убѣдительной просьбой—если она не понравится, возвратить мнѣ ее назадъ для уничтоженія.

Въ Москвѣ гостятъ Суворинъ и Григоровичъ. Первый пріѣхалъ сюда отдохнуть, а второй получилъ какую-то командировку.

Видѣлъ я Федру. Хорошо, но скучно. Вообще въ Москвѣ скучно.

Мои всѣ шлютъ Вамъ сердечный привѣтъ. Я крѣпко обнимаю Васъ и благодарю за радушіе и гостепріимство.

---

[1]) Галкину—Врасскому.

Благодарность сію раздѣлите со всею вашей семьей, которой я низко кланяюсь. Будьте счастливы и здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

V.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

(Надпись на фотограф. портретѣ) [1]).

(*Москва, 1890 г. Февр.*).

Добрѣйшему созданію, отъ котораго я бѣгу на Сахалинъ и которое оцарапало мнѣ носъ. Прошу ухаживателей и поклонниковъ носить на носу наперстокъ.

А. Чеховъ.

PS. Эта надпись, равно какъ и обмѣнъ карточками ни къ чему меня не обязываетъ.

VI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Февр. (1890 г. Москва).

Отвѣчаю Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, тотчасъ же по полученіи отъ Васъ письма. Вы были именинникомъ? Да, а я забылъ!! Простите, голубчикъ, и пріймите отъ меня запоздалое поздравленіе.

Неужели Вамъ не понравилась Крейцерова соната? Я не скажу, чтобы это была вещь геніальная, вѣчная— тутъ я не судья, но, по моему мнѣнію, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно

---

[1]) Этотъ портретъ приложенъ въ началѣ книги.

найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія. Не говоря ужъ о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «это нелѣпо!». Правда, у нея есть очень досадные недостатки. Кромѣ всего того, что Вы перечислили, въ ней есть еще одно, чего не хочется простить ея автору, а именно—смѣлость, съ какою Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ, его сужденія о сифилисѣ, воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщинъ къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человѣка невѣжественнаго, непотрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя спеціалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра, въ виду достоинства повѣсти ихъ просто не замѣчаешь, а если замѣтишь, то только подосадуешь, что повѣсть не избѣгла участи всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, которыя всѣ несовершенны и несвободны отъ пятенъ.

На меня сердятся мои петерб. друзья и знакомые? За что? За то, что я мало надоѣдалъ имъ своимъ присутствіемъ, которое мнѣ самому давно уже надоѣло! Успокойте ихъ умы, скажите имъ, что въ Петербургѣ я много обѣдалъ, много ужиналъ, но не плѣнилъ *ни одной* дамы, что я каждый день былъ увѣренъ, что уѣду вечеромъ съ курьерскимъ, что меня удерживали друзья и «Морской сборникъ», который мнѣ нужно было перелистать весь, начиная съ 1852 г. Живя въ Питерѣ, я въ одинъ мѣсяцъ сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлать моимъ молодымъ друзьямъ въ цѣлый годъ. Впрочемъ, пусть сердятся!

О томъ, что я уѣхалъ со Щегловымъ въ Москву на

лошадяхъ, телеграфировалъ нашимъ молодой Суворинъ шутки ради, а наши повѣрили; что же касается 35,000 курьеровъ, которыя скакали ко мнѣ изъ министерствъ, чтобы пригласить меня въ генералъ-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха. Братъ Миша писалъ Линтваревымъ о томъ, что хлопочу попасть на Сахалинъ, а они очевидно не такъ его поняли. Если увидите Галкина-Враскаго, то скажите ему, чтобы онъ не очень заботился о рецензіи для своихъ отчетовъ. Объ его отчетахъ я буду пространно говорить въ своей книгѣ и увѣковѣчу имя его; отчеты не важны: матеріалъ прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумѣли воспользоваться имъ.

Цѣлый день сижу, читаю и дѣлаю выписки. Въ головѣ и на бумагѣ нѣтъ ничего кромѣ Сахалина. Умопомѣшательство. Mania Sachalinosa.

Недавно я обѣдалъ у Ермоловой. Цвѣточекъ дикій, попавъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой, сталъ душистѣе отъ хорошаго сосѣдства. Такъ и я, пообѣдавъ у звѣзды, два дня потомъ чувствовалъ вокругъ головы своей сіяніе.

Читалъ я «Симфонію» М. Чайковскаго. Мнѣ понравилась. Получается по прочтеніи впечатлѣніе очень опредѣленное. Пьеса должна имѣть успѣхъ.

Прощайте, голубчикъ мой, пріѣзжайте. Привѣтъ Вашимъ. Сестра и мать кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

VII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17-го Февр. (1890 г. Москва).

Будучи дѣловымъ человѣкомъ, начну съ дѣлъ:

1) Куренинъ получилъ тюремную книгу въ синей

обложкѣ и сказалъ, что онъ займется ею не безъ удовольствія.

2) Былъ орелъ Филипповъ и просилъ написать Вамъ, чтобы Вы прислали ему назадъ его днѣпровскую повѣсть; онъ почиститъ ее, исправитъ, попюхаетъ и пришлетъ Вамъ весною. Вы сказали ему, что весною напечатать можно.

3) Будучи честнымъ человѣкомъ, возвращаю Вамъ: a) книги, полученныя отъ Южина, b) Африканку, c) Историческій Вѣстникъ 82 г. и d) Отечественныя Записки 63 г. V, VI и VII. Сегодня отвезу эти книги Богданову.

4) Воротникъ Мамышеву посланъ съ ручательствомъ на 35 лѣтъ. Осталось 4 рубля сдачи. Куда ихъ дѣвать?

5) Прилагаю списочекъ книгъ и прошу Вашего содѣйствія для отысканія ихъ и препровожденія ко мнѣ. Это первая серія. Это только цвѣтки, скоро будутъ и ягодки.

Вотъ и все. Послѣ Вашего отъѣзда мнѣ стало совсѣмъ скучно. Солнце свѣтитъ адски, пахнетъ весной и мнѣ досадно, что я еще не ѣду на Сахалинъ. Теперь бы хорошо сидѣть на палубѣ рѣчного парохода, или скакать черезъ степь въ тарантасѣ.

Плещеевъ писалъ мнѣ, что всѣ мои петербургскіе друзья и знакомые сердятся на меня за то, что я якобы скрывался отъ нихъ. Повидимому, и Плещеевъ сердится. Я отвѣтилъ ему такъ: «пусть себѣ сердятся!» Свободинъ въ Москвѣ; былъ онъ у меня уже разъ шесть и раза три не заставалъ меня. Онъ очень доволенъ результатами германскихъ выборовъ и попрежнему горячо любитъ литературу. О Лессингѣ ни полъ слова.

Вся Москва уже знаетъ, что я имѣлъ честь обѣдать у Ермоловой. Курсъ мой поднялся на цѣлую марку.

Аннѣ Ивановнѣ буду писать особо. Кланяйтесь всѣмъ и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

VIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1890 г. Февр.).

Спасибо за хлопоты. Атласъ Крузенштерна мнѣ нуженъ теперь, или по возвращеніи изъ Сахалина. Лучше теперь. Вы пишете, что карта его плоха. Потому-то она мнѣ и нужна, что она плоха, а хорошую я уже купилъ у Ильина за 65 к.

День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу.. Чѣмъ больше читаю, тѣмъ сильнѣе убѣжденіе, что въ два мѣсяца я не успѣю сдѣлать и четверти того, что задумалъ, а вѣдь больше двухъ мѣсяцевъ мнѣ нельзя сидѣть на Сахалинѣ: подлецы-пароходы не ждутъ! Работа разнообразная, но нудная.. Приходится быть и геологомъ, и метеорологомъ, и этнографомъ, а къ этому я не привыкъ и мнѣ скучно. Читать буду о Сахалинѣ до марта, пока есть деньги, а потомъ сяду за разсказы.

Не помню, за что я повѣсилъ себя въ письмѣ къ Плещееву. Вѣроятно за пьянство. Писалъ я ему, конечно, въ шуточной формѣ и кажется такъ: «...за что меня слѣдовало бы въ одно и то же время повѣсить и произвести въ генералы». Послѣднее мною вполнѣ заслужено, ибо въ Питерѣ я выпилъ столько, что мною должна гордиться Россія! Помню также, писалъ я Плещееву, что, живя въ Питерѣ, въ одинъ мѣсяцъ я сдѣлалъ столько, сколько моимъ молодымъ друзьямъ, которые за что-то на меня сердятся, не сдѣлать въ цѣлый годъ; и я не соврал, ибо каждый изъ моихъ друзей въ 12 разъ больше бездѣльникъ, чѣмъ я. У Васъ живя, я многое прочелъ, многое видѣлъ и слышалъ, и сварилъ кашу не съ однимъ

только Галкинымъ—и это все не взирая на винопійство и шаганье изъ угла въ уголъ.

М-me Л. вымазала себѣ лицо саломъ. Былъ Мамышевъ и сердился, что воротникъ съ ручательствомъ на 30 лѣтъ послали ему въ Звенигородъ, а не въ Волоколамскъ, гдѣ онъ живетъ. Я сказалъ, что Вы виноваты.

Если у Васъ въ библіотекѣ есть «Очерки перомъ и карандашомъ» Вышеславцева, то пришлите. Будетъ отъ меня благодарность.

Былъ у меня Островскій и спрашивалъ о судьбѣ книги своей сестры. Я сказалъ, что Вы и Неунокоевъ недовольны рисунками и форматомъ. Онъ отвѣтилъ такъ: Если рисунки не правятся, то ихъ можно бросить, заказавъ новые, форматъ же наравнѣ со всѣмъ прочимъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія типографіи. Можно написать ему, что его книга будетъ печататься лѣтомъ? Ахъ какія у него вонючія сигары! Каждый его визитъ, благодаря его этимъ анаѳемскимъ сигарамъ, наводитъ на меня ужасъ. Говорилъ онъ, что его братъ министръ захворалъ сахарной болѣзнью.

Крейцерова соната въ Москвѣ имѣетъ успѣхъ.

Отчего не шлете разсказовъ? Я сегодня или завтра пошлю Вамъ разсказъ Лазарева (Грузинскаго). Прибавкой гонорара и высылкой газеты мой протеже Ежовъ тронутъ и благодаритъ Васъ со слезами на глазахъ и съ дрожью въ голосѣ, простирая руки къ небесамъ съ мольбою о ниспосланіи Вамъ и всему Вашему семейству всякаго благополучія во вѣки вѣковъ аминь.

Въ своей сахалинской работѣ я явлю себя такимъ ученымъ сукинымъ сыномъ, что Вы только руками разведете. Я ужъ много укралъ изъ чужихъ книгъ мыслей и знаній, которыя выдамъ за свои. Въ нашъ практическій вѣкъ иначе нельзя. Скажите Алексѣю Алексѣевичу, чтобы онъ ѣхалъ на Мургабскій берегъ.

Читалъ я, что румынская королева написала пьесу изъ народнаго (?) быта и будетъ ставить ее въ бухарестскомъ театрѣ. Авторъ, которому нельзя шикать. А я бы съ удовольствіемъ пошикалъ.

Ленскій говорилъ что, «кажется, хотятъ ставить» пьесу Маслова. Больше же объ его пьесѣ ничего не слышалъ.

Будьте здоровы. Дай Богъ всего хорошаго.

Съ почтеніемъ *Генрихъ Блоккъ и К°*.

Какъ поживаютъ Ваши многоуважаемыя лошади? Хорошо бы проѣхаться куда-нибудь.

IX.

Ему же.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1890 г. Москва).

Голубчикъ, «Свадьбу» [1]) верните назадъ съ книгами, она попала къ Вамъ нечаянно. Печатать ее нѣтъ надобности. Что касается книгъ, которыя желательно мнѣ получить отъ Скальковскаго, то прилагаю новый списокъ. Сегодня отослалъ я Вамъ Вѣстникъ Европы 79 г., V и VI и книгу Зандрока (на его имя). Простите ради Создателя, что я безпокою Васъ порученіями; право, больше обратиться не къ кому. Безпокоить Васъ буду еще много, а чѣмъ Вамъ заплачу—неизвѣстно; должно-быть, на томъ свѣтѣ угольками.

Мой братъ Александръ несообразительный человѣкъ. Онъ въ восторгѣ отъ миссіонерской рѣчи прот. Орнатскаго, который говоритъ, что инородцы не крестятся-де потому, что ждутъ на сей предметъ особаго царскаго указа (т.-е. приказанія) и ждутъ, пока окрестятъ ихъ начальниковъ.. (понимай—насильно). Говоритъ также

---

[1]) Водевиль.

сей велерѣчивый поптифексъ, что инородческихъ священниковъ, въ виду ихъ аскетическаго образа жизни, слѣдовало бы убрать отъ инородцевъ и посадить въ особыя помѣщенія въ родѣ какъ бы монастыри. Хороши, нечего сказать! Потратили 2 милліона рублей, выпускаютъ изъ академіи ежегодно десятки миссіонеровъ, стоящихъ дорого казнѣ и народу, крестить не умѣютъ, да еще хотятъ, чтобы имъ помогали полиція и милиція огнемъ и мечомъ! Говоритъ попъ, что окрестили 80,000— стереотипное число, которое я слышу уже нѣсколько лѣтъ. Сообщеніе свое объ этой рѣчи Александръ кончилъ во вкусѣ преподобныхъ отцевъ, обнаруживъ самую, что ни на есть младенческую довѣрчивость. Скажите ему, что онъ гусь лапчатый.

Спасибо за Крузенштерна. Хорошо пишетъ.

Въ Вашей филиппикѣ по адресу старости я усмотрѣлъ одно только желаніе Ваше идти на войну. Что-жъ? Валяйте. Но съ кѣмъ воевать? Поѣдемте въ Абиссинію.

Если найдется у Васъ статья Цебриковой, то не присылайте. Такія статьи знаній не даютъ и отнимаютъ только время; нужны факты. Вообще говоря, на Руси страшная бѣдность по части фактовъ и страшное богатство всякаго рода разсужденій—въ чемъ я теперь сильно убѣждаюсь, усердно прочитывая свою сахалинскую литературу.

Запретите Лялину бранить адвокатовъ. Что прилично Жителю или кому-нибудь другому, то совсѣмъ не къ лицу бывшему адвокату. Противно, когда крещеный жидъ, или вообще жидъ ругаетъ жидовъ. То же самое и тутъ.

Кстати: въ случаѣ если у Васъ пожелаютъ пройтись насчетъ оправдательнаго приговора въ процессѣ мужеотравительницы Максименко (въ Ростовѣ на Дону), то поосторожнѣй. До процесса я разговаривалъ съ защитникомъ Холевой и могъ убѣдиться, что Максименко

совсѣмъ не виновата. Того же мнѣнія и всѣ ростовцы, аплодировавшіе приговору.

Будьте хранимы святымъ Бонифатіемъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

X.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

25 Февр. (1890 г. Москва).

Инфузорія!

Мнѣ необходимо возможно подробное знакомство съ газетной литературой о Сахалинѣ, ибо она интересуетъ меня не со стороны однихъ только даваемыхъ ею свѣдѣній. Свѣдѣнія, конечно, сами по себѣ, но, Гусевъ[1]), нужно и историческое освѣщеніе фактовъ, составляющихъ суть этихъ свѣдѣній. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалинѣ и ничего не смыслящими въ дѣлѣ, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинскомъ вопросѣ и капиталъ нажили, и невинность соблюли. Храбрость первыхъ и уловки вторыхъ, какъ элементы затемняющіе и тормозящіе, должны быть для изслѣдователя цѣннѣе всякихъ свѣдѣній, кои по большинству случайны и невѣрны; элементы сіи отлично характеризуютъ отношенія нашего общества вообще къ дѣлу, а къ тюремному въ частности. Автора же и его побужденія поймешь только тогда, когда прочтешь его статью полностью.

Во всякомъ случаѣ избавь Публичную библіотеку отъ своихъ посѣщеній. Достаточно и того, что ты сдѣлалъ. Остальное будетъ переписано сестрою, которая начнетъ свои хожденія въ Румянцовскую библіотеку

---

[1]) Шутливое прозвище Ал. П. Чехова.

съ 3 недѣли поста. Тебѣ же, дураку, я найду другую работу. Кланяйся въ ноги и проси прощенія. Все, что тебѣ нужно будетъ сдѣлать, найдешь въ письмѣ, которое получишь на 4 или 5 недѣлѣ поста.

Всѣ наши здравствуютъ. Поклонъ Натальѣ Александровнѣ, Кукѣ и крестнику.

Твой благодѣтель *А. Чеховъ.*

XI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Февр. (1890 г. Москва).

Получилъ и книги, и атласъ Крузенштерна. Посылаю Вамъ поклоненіе и благодареніе, а Вашей библіотекѣ скажите, что я ей обязанъ по гробъ жизни. Завтра пошлю Вамъ черезъ магазинъ: 1) Указатель «Русской Старины», 2) Вышеславцева, 3) «Вѣстникъ Европы» 1872 VIII и 4) 3 тома Морского Сборника (1858 XII, 1859 II и 1859 X), которые будьте добры отдать уважаемому Василію для передачи бѣдному Константину Ѳедоровичу. 2-й томъ Крузенштерна я уже послалъ Вамъ, а атласъ вышлю тотчасъ же по снятіи копіи.

Съ книгами я буду приставать къ Вамъ до самаго своего отъѣзда. И теперь я прилагаю списокъ журналовъ мнѣ нужныхъ. Вѣрьте, Ваше Превосходительство, что я уже достаточно наказанъ за безпокойство: отъ чтенія присылаемыхъ Вами книгъ у меня въ мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анаѳемская работа, что я кажется окалѣю съ тоски, прежде чѣмъ попаду на Сахалинъ.

Завтра весна, а черезъ 10—15 дней прилетаютъ жаворонки. Но увы!—наступающая весна кажется мнѣ чужою, ибо я отъ нея уѣду.

На Сахалинѣ очень вкусная рыба, но горячихъ напитковъ нѣтъ.

Теперь несомнѣнно, что пьеса Маслова пойдетъ. Значитъ, Вы пріѣдете въ началѣ апрѣля на репетиціи? Вы обѣщали.

Да хранятъ Васъ всѣ святые!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Наши гг. геологи, ихтіологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишутъ такимъ суконнымъ языкомъ, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы передѣлывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. Въ сущности, это свинство.

XII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

3 Марта 90 г. (Москва).

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, Вы непремѣнно должны на Страстной недѣлѣ пріѣхать въ Москву, такъ какъ, во-1-х) Вы должны быть въ Коммиссіи, въ которой оба мы участвуемъ, а во-2-х) мнѣ нужно извиниться передъ Вами за то, что я не успѣлъ побывать у Васъ въ Петербургѣ. Виноватъ во всемъ не я, а Сахалинъ, который совершенно сбилъ меня съ толку и отнялъ у меня все время, которымъ я могъ раньше распоряжаться по своей волѣ. Увидимся—поговоримъ, а пока позвольте пожелать Вамъ всего очень хорошаго. Не сердитесь, россійскій Сарду, и не забывайте, что иногда обстоятельства командуютъ и владѣютъ человѣкомъ, а не онъ ими.

Въ началѣ апрѣля я уѣзжаю изъ Россіи и буду ѣздить до декабря.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ вашъ животъ? Нервы? Пьесы?

XIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Марта 90 г. (Москва).

Сегодня послалъ я Вамъ два разсказа: Филиппова, который вчера былъ у меня, и Ежова. Ежовскій разсказъ я не успѣлъ прочесть, а объ остальномъ прочемъ считаю нужнымъ заявить разъ навсегда, что за посылаемое мною Вамъ я не отвѣчаю. Мой почеркъ на адресѣ не значитъ, что разсказъ мнѣ понравился.

Бѣдняга Ежовъ былъ у меня, сидѣлъ около стола и плакалъ: у него молодая жена заболѣла чахоткою. Надо скорѣе везти на югъ. На вопросъ мой, есть ли у него деньги, онъ отвѣтилъ, что есть.

Когда будете присылать мнѣ книги, не забудьте приложить къ пакету мой водевиль «Свадьбу», попавшій къ Вамъ по винѣ Сумбатова, который вложилъ его въ Шекспира.

Погода подлая, насморочная; само небо чихаетъ. Просто не глядѣлъ бы.

Я послалъ Вамъ Вашу «Asie». Скоро пришлю Голицинскаго, который мнѣ нравится только мѣстами; кромѣ этихъ немногихъ мѣстечекъ, все остальное вода, вода и вода. Недаромъ книги такія толстыя.

Я началъ уже писать про Сахалинъ. Написалъ страницъ пять «исторіи изслѣдованія». Вышло ничего

себѣ, какъ-будто по умному и авторитетно. Началъ и географію съ градусами и съ мысами.. Тоже ничего себѣ. Цитирую я иностранныхъ авторовъ съ чужого голоса, но выходитъ у меня это такъ подробно и въ такомъ тонѣ, какъ будто я самъ отлично говорю на всѣхъ языкахъ. Сплошное мошенничество.

Я сказалъ секретарю общества драм. писателей, чтобы Вамъ выслали гонораръ. Поздравляю Васъ съ получкой. Получивъ счетъ, напишите карандашомъ на поляхъ: «Весьма утѣшительно. Желаю, чтобы и впередъ». Пришлите потомъ намъ, мы покроемъ гумми-арабикомъ и спрячемъ въ архивъ общества.

Ежовъ своими слезами испортилъ мнѣ настроеніе. Напомнилъ мнѣ кое-что, да и его жаль.

Не забывайте насъ грѣшныхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XIV.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(Москва. 1890 г. Мартъ).

Здѣсь. Петровка, д. Кабанова. Доктору Николаю Николаевичу Оболонскому отъ признательной паціэнтки [1]*).*

Influenza, овладѣвшая всѣмъ моимъ существомъ, лишаетъ меня возможности посѣтить Васъ и рекомендовать Вамъ возможно скорѣе пріобрѣсти 4940 № Новаго Времени (вторникъ), гдѣ напечатанъ разсказъ, украшенный инициалами Вашего имени.

Да погибнетъ influenza и да здравствуютъ великіе люди, въ томъ числѣ и мы съ Вами! А въ какомъ положеніи Ваша любовь?

А. Чеховъ.

---

[1]) На конвертѣ.

XV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

5 Марта, (1890 г. Москва).

Троша, симъ извѣщаю Васъ, что я жестоко надулъ фамилію Линтваревыхъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ-то лѣтомъ Александра Васильевна поручила мнѣ напечатать въ Новомъ Времени объявленіе о мельницѣ. Считая по 60 коп. за строчку, я взялъ съ А. В. за десять строкъ шесть рублей. На-дняхъ же я получилъ изъ конторы Новаго Времени счетъ, въ которомъ значится, что за объявленіе съ меня взяли только 1 р. 80 к. Не знаю, чѣмъ объяснить такую дешевизну. Должно-быть, уступка мнѣ, какъ сотруднику. И такъ, значитъ, уважаемая Троша, я обманулъ Ваше семейство ровно на 4 р. 20 к., каковые и прошу считать въ долгу за мною.

Какъ Вы поживаете? Графиня Лида говорила мнѣ, что Вы все кашляете. Это нехорошо. Должно быть, Вы и докторъ до сихъ поръ еще купаетесь въ Пслѣ?

Что касается меня, то я тоже кашляю, но живъ и, кажется, здоровъ. Этимъ лѣтомъ у Васъ не буду, такъ какъ въ апрѣлѣ по своимъ надобностямъ уѣзжаю на островъ Сахалинъ, откуда вернусь въ декабрѣ. Туда ѣду черезъ Сибирь (11 тысячъ верстъ), а оттуда моремъ. Миша, кажется, писалъ Вамъ, что меня будто кто-то командируетъ туда, но это вздоръ. Я самъ себя командирую, на собственный счетъ. На Сахалинѣ много медвѣдей и бѣглыхъ, такъ что въ случаѣ, если мною пообѣдаютъ господа звѣри или зарѣжетъ какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихомъ.

Конечно, если успѣю и сумѣю написать о Сахалинѣ то, что хочу, то пришлю Вамъ книгу тотчасъ же по

выходѣ ея въ свѣтъ; она будетъ скучна, спеціальна, состоять будетъ изъ однѣхъ только цифръ, но позвольте разсчитывать на Вашу снисходительность: читая ее, Вы будете удерживать зѣвоту...

Уважаемымъ докторамъ—Еленѣ Михайловнѣ и Зинаидѣ Михайловнѣ самый сердечный привѣтъ. Александрѣ Васильевнѣ кланяюсь до земли.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

XVI.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

9 Марта, (1890 г. Москва).

Милый докторе, моя сестрица отказывается идти обѣдать въ Эрмитажъ, ссылаясь на недосугъ: уроки ея кончатся къ 4 часамъ, не раньше, а послѣ уроковъ, по ея словамъ, она бываетъ очень утомлена. Она предлагаетъ учинить обѣдъ гдѣ-нибудь не въ ресторанѣ, а приватно, у насъ, у Васъ; или же, буде угодно Вамъ непремѣнно въ ресторанѣ, то не обѣдать, а ужинать.

Почтеніе Софьѣ Виталіевнѣ.

Да хранятъ Васъ всѣ святые!

Вашъ *А. Чеховъ.*

XVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Марта. Сорокъ мучениковъ и 10000 жаворонковъ. (1890 г. Москва).

Насчетъ Сахалина ошибаемся мы оба, но Вы, вѣроятно, больше чѣмъ я. Ѣду я совершенно увѣренный, что моя поѣздка не дастъ цѣннаго вклада ни въ литературу,

ни въ науку: не хватитъ на это ни знаній, ни времени, ни претензій. Нѣтъ у меня плановъ ни гумбольдскихъ, ни даже кенановскихъ. Я хочу написать хоть 100—200 страницъ и этимъ немножко заплатить своей медицинѣ, передъ которой я, какъ Вамъ извѣстно, свинья. Быть можетъ, я не съумѣю ничего написать, но все-таки поѣздка не теряетъ для меня своего аромата: читая, глядя по сторонамъ и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ѣздилъ, но благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя прочелъ теперь по необходимости, я узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ 40 плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше. Къ тому же, полагаю, поѣздка—это непрерывный полугодовой трудъ, физическій и умственный, а для меня это необходимо, такъ какъ я хохолъ и сталъ уже лѣниться. Надо себя дресировать. Пусть поѣздка моя пустякъ, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если поѣду? Время? Деньги? Буду испытывать лишенія? Время мое ничего не стоитъ, денегъ у меня все равно никогда не бываетъ, что же касается лишеній, то на лошадяхъ я буду ѣхать 25—30 дней, не больше, все же остальное время просижу на палубѣ парохода, или въ комнатѣ и буду непрерывно бомбардировать Васъ письмами. Пусть поѣздка не дастъ мнѣ ровно ничего, но неужели все-таки за всю поѣздку не случится такихъ 2—3 дней, о которыхъ я всю жизнь буду вспоминать съ восторгомъ, или съ горечью? И т. д. и т. д. Такъ-то государь мой. Все это неубѣдительно, но вѣдь и Вы пишете столь же неубѣдительно. Напримѣръ, Вы пишете, что Сахалинъ ни кому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы это вѣрно? Сахалинъ можетъ быть ненужнымъ и неинтереснымъ только для того общества, которое не ссылаетъ на него тысячи людей и не тратитъ на него милліоновъ. Послѣ Австраліи въ прошломъ и

Кайены, Сахалинъ—это единственное мѣсто, гдѣ можно изучать колонизацію изъ преступниковъ; имъ заинтересована вся Европа, а намъ онъ не нуженъ? Не дальше, какъ 25—30 лѣтъ назадъ наши же русскіе люди, изслѣдуя Сахалинъ, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человѣка, а намъ это не нужно, мы не знаемъ, что это за люди, и только сидимъ въ четырехъ стѣнахъ и жалуемся, что Богъ дурно создалъ человѣка. Сахалинъ—это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и подневольный. Работавшіе около него и на немъ рѣшали страшныя, отвѣтственныя задачи, и теперь рѣшаютъ. Жалѣю, что я не сантименталенъ, а то я сказалъ бы, что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздятъ въ Мекку, а моряки и тюрьмовѣды должны глядѣть въ частности на Сахалинъ, какъ военные на Севастополь. Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что мы сгноили въ тюрьмахъ *милліоны* людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы, но намъ до этого дѣла нѣтъ, это неинтересно. Прославленные шестидесятые годы не сдѣлали *ничего* для больныхъ и заключенныхъ, нарушивъ такимъ образомъ самую главную заповѣдь христіанской цивилизаціи. Въ наше время для больныхъ дѣлается кое-что, для заключенныхъ же ничего; тюрьмовѣденіе совершенно не интересуетъ нашихъ юристовъ. Нѣтъ, увѣряю Васъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ и нужно пожалѣть только, что туда ѣду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслящій въ дѣлѣ и болѣе спо-

собный возбудить интересъ въ обществѣ. Я же лично ѣду за пустяками.

Что касается моего письма насчетъ Плещеева, то я писалъ Вамъ, что я возбудилъ въ своихъ молодыхъ друзьяхъ неудовольствіе своимъ бездѣльемъ, и въ свое оправданіе написалъ Вамъ, что, не взирая на свое бездѣлье, я сдѣлалъ все-таки больше моихъ друзей, которые ровно ничего не дѣлаютъ. Я хоть Морской Сборникъ прочелъ и у Галкина былъ, а они ничего. Вотъ и все, кажется.

У насъ грандіозные студенческіе безпорядки. Началось съ Петровской Академіи, гдѣ начальство запретило водить на казенныя квартиры дѣвицъ, подозрѣвая въ сихъ послѣднихъ не одну только проституцію, но и политику. Изъ Академіи перешло въ университетъ, гдѣ теперь студіозы, окружонные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на коняхъ и съ пиками, требуютъ слѣдующее:

1) Полная автономія университетовъ.

2) Полная свобода преподаванія.

3) Свободный доступъ въ университетъ безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и общ. положенія.

4) Пріемъ евреевъ въ универс. безъ всякихъ ограниченій и уравненіе ихъ въ правахъ съ прочими студентами.

5) Свобода сходокъ и признаніе студ. корпорацій.

6) Учрежденіе универс. и студ. суда.

7) Уничтоженіе полицейской функціи инспекціи.

8) Пониженіе платы за ученіе.

Это скопировано мною съ прокламаціи съ кое-какими сокращеніями. Думаю, что сыръ-боръ сильнѣе всего горитъ въ толпѣ . . . . . и того пола, который жаждетъ попасть въ университетъ, будучи подготовленъ къ нему въ 5 разъ хуже, чѣмъ мужчина, а мужчина

подготовленъ скверно и учится въ университетѣ, за рѣдкими исключеніями, гнусно.

Я послалъ Вамъ: Крашенинникова, Хвостова и Давыдова, Русскій Архивъ (79 г. III) и Чтеніе въ Обществѣ археологіи (75 г. 1 и 2).

Хвостова и Давыдова благоволите прислать слѣдующую часть, буде есть, а Русскій Архивъ мнѣ нуженъ не III томъ, а V 1879 г. Остальныя книги пришлю завтра или послѣзавтра.

N. сочувствую всей душой, но напрасно онъ такъ убивается. Сиф. лѣчится теперь превосходно и излѣчимъ—сіе несомнѣнно.

Съ книгами пришлите мой водевиль «Свадьбу». Больше ничего. Пріѣзжайте смотрѣть пьесу Маслова.

Будьте здоровы и благополучны. Въ Вашу старость я вѣрю такъ же охотно, какъ въ четвертое измѣреніе. Во-первыхъ, Вы еще не старикъ; думаете и работаете Вы за десятерыхъ и способъ мышленія у Васъ далеко не старческій; во-вторыхъ, болѣзней, кромѣ мигрени, у Васъ никакихъ нѣтъ и въ этомъ я готовъ поклясться, а въ-третьихъ, старость плоха только у плохихъ стариковъ и тяжела для тяжолыхъ, а Вы хорошій и не тяжолый человѣкъ. Въ-четвертыхъ же, разность между молодостью и старостью весьма относительна и условна. А засимъ позвольте изъ уваженія къ Вамъ броситься въ глубокую пропасть и размозжить себѣ голову.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ-то я писалъ Вамъ объ Островскомъ. Онъ опять былъ у меня. Что сказать ему?

Поѣзжайте въ Ѳеодосію! Погода чудная.

XVIII.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

11 Марта. (1890 г. Москва).

Посылаю Вамъ, Ѳедоръ Александровичъ, очень миленькій разсказикъ моего знакомаго, сотрудника «Новаго Времени». Разсказъ прочтите. Сдѣланъ недурно. Если не будете печатать, то пришлите его въ редакцію «Новаго Времени» на имя Суворина: его тамъ напечатаютъ.

До свиданія! Ѣду.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XIX

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Марта. (1890 г. Москва).

Побуждаемый корыстью, а частью вдохновеніемъ, написалъ я разсказъ [1]), который и посылаю одновременно съ симъ письмомъ. Только, голубчикъ, пришлите мнѣ корректуру, ибо разсказъ написанъ сапожной щеткой и нуждается въ ретуши. Надо многое сократить и кое-что исправить; исправилъ бы я и теперь, но голова настроена на сахалинскій ладъ, и во всемъ, что касается изящной словесности, я теперь не въ состояніи отличить кулька отъ рогожи. Надо подождать и прочесть въ корректурѣ.

Вмѣстѣ со своимъ разсказомъ посылаю разсказъ Филиппова, который убѣдительно проситъ Васъ возвратить ему разсказъ, буде онъ не понравится. Быть можетъ,

---

[1]) «Черти» («Воры»).

будетъ приложенъ разсказъ и Ежова. Поздравляю Васъ и желаю, чтобъ и впредь Вы получали такіе большіе тюки.

Отчего Вы не присылаете мнѣ разсказовъ?

Присланныя книги я уже всѣ прочелъ, кромѣ Фишера, и на дняхъ вышлю Вамъ.

Вчера, или третьяго дня Миша уѣхалъ зачѣмъ-то въ Петербургъ въ Департаментъ. Совершенно незачѣмъ спѣшить, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ на дачѣ у насъ не будетъ ни одного мужчины. Надо бы лѣто пожить ему съ семьей.

Прощайте, дорогой мой, дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Аннѣ Ивановнѣ привѣтъ, цѣлую обѣ руки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ежовъ спрашиваетъ: пригодился ли его разсказъ «Фокусы графа Коржинскаго»?

XX.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

16 Марта. (1890 г. Москва).

Здравствуйте, милый Жанъ, сколько зимъ, сколько лѣтъ! Моя бѣдная муза, по волѣ капризныхъ судебъ, надѣла синіе очки и, забросивъ лиру, занимается этнографіей и геологіей.. Забыты звуки сладкіе, слава... все, все забыто! Вотъ почему я такъ долго не писалъ Вамъ, друже и мой бывшій коллега (говорю—бывшій, потому что я теперь не литераторъ, а сахалинецъ).

Какъ Вы живете, какъ чувствуете? Въ какомъ положеніи Ваши нервы, пьесы, бабушка? Напишите мнѣ хоть

одну строчку Вашимъ трагическимъ почеркомъ и не покидайте меня.. Въ апрѣлѣ вѣдь я уѣзжаю и увидимся мы едва ли ранѣе января!

Мой маршрутъ таковъ: Нижній, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Срѣтенскъ, внизъ по Амуру до Николаевска, два мѣсяца на Сахалинѣ, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапуръ, Мадрасъ, Коломбо (на Цейлонѣ), Аденъ, Портъ-Саидъ, Константинополь, Одесса, Москва, Питеръ, Церковная ул.

Если на Сахалинѣ не съѣдятъ медвѣди и каторжные, если не погибну отъ тифоновъ у Японіи, а отъ жары въ Аденѣ, то возвращусь въ декабрѣ и почію на лаврахъ, ожидая старость и ровно ничего не дѣлая. Не хотите ли поѣхать вмѣстѣ? Будемъ на Амурѣ пожирать стерлядей, а въ де Кастри глотать устрицъ, жирныхъ, громадныхъ, какихъ не знаютъ въ Европѣ; купимъ на Сахалинѣ медвѣжьихъ шкуръ по 4 р. за штуку для шубъ, ... въ Японіи схватимъ японскій .., а въ Индіи напишемъ по экзотическому разсказу, или по водевилю «Ай да, тропики!», или «Туристъ по неволѣ», или «Капитанъ по натурѣ», или «Театральный альбатросъ» и т. п. Поѣдемъ!

Черкните мнѣ ein wenig. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей гостепріимной и радушной женѣ и пріймите сердечный привѣтъ отъ всей моей семьи.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXI.

А. П. Ленскому.

16 Марта. (1890 г. Масква).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Александръ Павловичъ, фельетонъ Ив. Ѳ. Горбунова «Бѣлая зала». Интересно. Мнѣ кажется, что артисты должны почаще писать въ

этомъ родѣ—для будущихъ историковъ русскаго театра. Только жаль, что мѣстами Ив. Ѳ. вретъ и ударяется въ тенденцію.

Каждый день собираюсь повидаться съ Вами—есть дѣло, но заваленъ по горло сахалинской, литературной и всякой другой работой, такъ что даже высморкаться некогда.

Уѣзжаю въ началѣ апрѣля. Почтеніе Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получилъ я письмо отъ Левитана изъ Парижа. Пишетъ все больше о женщинахъ. Не нравятся.

XXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Марта. (1890 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, одновременно съ симъ посылаю Вамъ своего «Лѣшаго». Простите, что адресуюсь съ нимъ не прямо въ редакцію, а безпокою Васъ. У меня все-таки надежда, что Вы, прочитавъ пьесу, быть можетъ, раздѣлите со мною тѣ сомнѣнія, которыя заставляютъ меня посылать въ журналъ пьесу такъ нерѣшительно. Быть можетъ, Вы не будете такъ снисходительны, какъ Мережковскій и кн. Урусовъ и поставите на моей пьесѣ красный крестъ.

Передъ отъѣздомъ постараюсь прислать разсказъ. Во всякомъ случаѣ разсказъ въ редакціи будетъ гораздо раньше, чѣмъ я вернусь изъ Сахалина. Если не кончу теперь, то кончу въ дорогѣ. Тема есть.

Что новаго и хорошаго? Передайте Еленѣ Алексѣевнѣ, что не хорошо такъ жестоко разочаровывать благородныхъ людей. Дала она намъ слово, что будетъ у насъ вечеромъ и не пришла. А я разорился, купилъ двѣ бутылки вина, закусокъ, позвалъ барышень, музыкантовъ.. Каково положеніе? Поютъ, пляшутъ, пьютъ, музыка играетъ, штандартъ скачетъ, а бенефиціантки нѣтъ. Сдѣлайте Вашей дочери внушеніе... Правда у насъ скучно, но вѣдь гдѣ теперь весело? Даже въ цензурномъ комитетѣ скучно, а ужъ на что, кажется, весельчаки.

У меня на диванѣ лежитъ повѣсть, присланная мнѣ артистомъ Грековымъ для отправки ея въ Сѣверн. Вѣстникъ. Началъ я читать и никакъ не кончу. На дняхъ пришлю Вамъ.

Читалъ я, что театрально-литературный комитетъ возраждается. Ничего я не понимаю и, какъ взглянешь на все эту путаницу, то даже и понимать нѣтъ охоты.

Моего домохозяина Корнѣева производятъ въ инспектора Моск. университета вмѣсто Доброва, который удаляется благодаря студенческимъ безпорядкамъ. Должность генеральская и посему мой хозяинъ торжествуетъ. Должно быть, онъ не читалъ Пушкина, который пишетъ: «тяжела ты, шапка Мономаха!» Безпорядки у насъ были грандіозные; я читалъ прокламаціи: въ нихъ ничего нѣтъ возмутительнаго, но редактированы онѣ скверно и тѣмъ особенно плохи, что въ нихъ чувствуется не студентъ, а ..... и акушерки. Должно быть, не студенты сочиняли. Начальство университетское вывѣшиваетъ на стѣны и даетъ для подписи студентамъ бумаги, редактированныя еще хуже. Такъ и шибаетъ въ носъ департаментскимъ сторожемъ Михѣичемъ! Если и мой домохозяинъ будетъ сочинять такія же бумаги, то я начну искать для себя другую квартиру.

О днѣ выѣзда изъ Москвы и о своихъ сибирскихъ адресахъ извѣщу своевременно. Обѣщаніе: если пароходъ, какъ сказано въ росписаніи, зайдетъ въ Маниллу, то я привезу Вамъ 99 отличнѣйшихъ сигаръ (за 100 нужно платить пошлину).

Будьте, дорогой мой, здоровы и благополучны. Клапяйтесь всѣмъ Вашимъ. Мои шлютъ привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Что Жано́ Щегловъ?

XXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Марта. Алексія человѣка Божія. (1890 г. Москва).

Не именинникъ ли Вы? Если да, то поздравляю.

Насчетъ падучей можно прочесть въ любомъ учебникѣ по нервнымъ болѣзнямъ, а также и (для изслѣдователя это нужно) въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ судебной медицины, но Вы, не спеціалистъ, не разберетесь въ медицинскомъ хаосѣ. Я возьму клочекъ бумаги и вкратцѣ набросаю Вамъ все, что нужно, и объясню, буде сумѣю. Зарѣзать себя мальчикъ [1]) могъ. Извѣстно ли, какой ножъ былъ у него въ рукахъ? Но главное—падучая у него была наслѣдственная, которая была бы у него и въ старости, если бы онъ остался живъ. Стало быть самозванецъ былъ въ самомъ дѣлѣ самозванцемъ, такъ какъ падучей у него не было. Когда случится писать объ этомъ, то скажите, что сію Америку открылъ врачъ Чеховъ—больше мнѣ отъ Васъ ничего не нужно.

---

[1]) Царевичъ Димитрій въ Угличѣ.

Вашъ фельетонъ о беллетристахъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ понравился и, чтобы онъ вышелъ очень хорошимъ, я говорилъ Вамъ, слѣдовало только захватить вопросъ пошире, т.-е. поговорить не объ однихъ только беллетристахъ, а о необразованности всего русскаго общества. Я нисколько не фальшивилъ, льстить Вамъ, или утѣшать Васъ вовсе не хотѣлъ, а посему впредь о Вашихъ произведеніяхъ говорить Вамъ никогда больше не буду. Мнительность—это эгоизмъ 84 пробы.

Теперь просьба:

1) Я писалъ Вамъ объ одной диссертаціи. «Д-ръ Грязновъ, Топографія Череповецкаго уѣзда». Складъ этого изданія былъ у Васъ въ магазинѣ. Узнайте по телефону, нельзя ли получить его?

2) Пришлите съ книгами водевиль мой.

3) Отвѣтьте насчетъ Островскаго.

4) Отвѣтьте насчетъ Филиппова.

5) Я поручилъ Свободину получить мои деньги изъ театральной дирекціи и вручить ихъ Вамъ. Пусть они побудутъ у Васъ до востребованія, а то у меня беречь ихъ негдѣ, да и боюсь растранжирить ихъ. Простите, что я одолѣваю Васъ пустяками, но, погодите—скоро пробьетъ часъ, въ онь же всѣ праведные уѣдутъ за границу или въ Ѳеодосію, а грѣшные къ генералу Кононовичу [1]) и аггеламъ его, и порученіямъ моимъ будетъ положенъ конецъ.

Неужели Вы въ самомъ дѣлѣ уѣдете заграницу? По какому же адресу я буду писать Вамъ? Это нехорошо.

Изъ общества драмат. писателей я получилъ болѣе 600 р., за Пестрые разсказы еще не получилъ и едва ли получу, хотя и далъ имъ разсрочку. Получу изъ Сѣв. Вѣстн. 200—300 р., да вѣроятно ужъ за книжки у Вашихъ

---

[1]) Генералъ-губернаторъ о-ва Сахалина.

магазинныхъ дѣвицъ скопилось столько же, если не больше. Короче говоря, если бъ не поѣздка на Сахалинъ, то я лѣтомъ пожилъ бы такъ отчетливо, что чертямъ тошно было бы. А тутъ, какъ нарочно, каждый день все новыя и новыя знакомства, все больше дѣвицы, да такія, что если бъ согнать ихъ къ себѣ на дачу, то получился бы превеселый и чреватый послѣдствіями кавардакъ.

Медвѣдевъ, о назначеніи котораго къ Вамъ въ театръ пишутъ въ газетахъ, хорошій и умный человѣкъ, талантливый актеръ, но для порядочнаго театра онъ недостаточно интеллигентенъ и достаточно покрытъ провинціальной плѣсенью....

На Сахалинѣ есть деревня, которая называется такъ...

У Маслова въ пьесѣ, какъ я слышалъ, не играетъ Ермолова. Надо бы сходить на репетиціи, да некогда....

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Получили мой разсказъ?

Сестра и ея барышни переписываютъ для меня въ публичной библіотекѣ.

XXIV.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

22 Марта. (1890 г. Москва).

Здравствуйте, милый Жанчикъ, спасибо Вамъ за большое письмо и за доброжелательство, которымъ оно наполнено сверху до низу. Радъ буду прочесть Вашъ военный разсказъ. Онъ пойдетъ въ Пасхальномъ номерѣ? Я уже давно не читалъ ничего ни Вашего, ни своего.

Вы пишете, что Вамъ хочется жестоко поругаться со мной «въ особенности по вопросамъ нравственности и художественности», говорите не ясно о какихъ-то моихъ преступленіяхъ, заслуживающихъ дружескаго упрека, и грозите даже «вліятельной газетной критикой». Если зачеркнуть слово «художественности», то вся фраза, поставленная въ ковычки, становится яснѣе, но пріобрѣтаетъ значеніе, которое, по правдѣ говоря, меня не мало смущаетъ. Жанъ, что такое? Какъ понимать? Неужели въ понятіяхъ о нравственности я расхожусь съ такими людьми, какъ Вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особаго ко мнѣ вниманія вліятельной критики? Понять, что Вы имѣете въ виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, такъ какъ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ, ни среднихъ нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала намъ во время оно Іисуса Христа и которая теперь мнѣ, Вамъ и Баранцевичу мѣшаетъ красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если вѣрить покою своей совѣсти, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ, ни въ разсказахъ, ни въ водевиляхъ не пожелалъ жены ближняго моего, ни раба его, ни вола его, ни всякаго скота его, не кралъ, не лицемѣрилъ, не льстилъ сильнымъ и не искалъ у нихъ, не шантажировалъ и не жилъ на содержаніи. Правда, въ лѣности житіе мое иждихъ, безъ ума смѣяхся, объѣдохся, опихся, блудилъ, но вѣдь все это личное и все это не лишаетъ меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выдѣляюсь изъ ряда обыкновеннаго. Ни подвиговъ, ни подлостей—такой же я, какъ большинство; грѣховъ много, но съ нравственностью мы квиты, такъ какъ за эти грѣхи я съ лихвой плачу тѣми неудобствами, какія они влекутъ за собой. Если же Вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте Вашу

жестокость за окно, а ругань смѣните на Вашъ милый трагическій смѣхъ—это лучше.

А слова «художественности» я боюсь, какъ купчихи боятся жупела. Когда мнѣ говорятъ о художественномъ и антихудожественномъ, о томъ, что сценично или не сценично, о тенденціи, реализмѣ и т. п., я теряюсь, нерѣшительно поддакиваю и отвѣчаю банальными полуистинами, которыя не стоютъ и гроша мѣднаго. Всѣ произведенія я дѣлю на два сорта: тѣ, которыя мнѣ нравятся, и тѣ, которыя мнѣ не нравятся. Другого критеріума у меня нѣтъ, а если Вы спросите, почему мнѣ нравится Шекспиръ и не нравится Златовратскій, то я не сумѣю отвѣтить. Быть можетъ, со временемъ, когда поумнѣю, я пріобрѣту критерій, но пока всѣ разговоры о «художественности» меня только утомляютъ и кажутся мнѣ продолженіемъ все тѣхъ же схоластическихъ бесѣдъ, которыми люди утомляли себя въ средніе вѣка.

Если критика, на авторитетъ которой Вы ссылаетесь, знаетъ то, что мы съ Вами не знаемъ, то почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то повѣрьте, давно бы ужъ указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ дѣлать, и Фофановъ не сидѣлъ бы въ сумасшедшемъ домѣ, Гаршинъ былъ бы живъ до сихъ поръ, Баранцевичъ не хандрилъ бы, и намъ бы не было такъ скучно и нудно, какъ теперь, и Васъ не тянуло бы въ театръ, а меня на Сахалинъ. Но критика солидно молчитъ, или же отдѣлывается праздной, дряньой болтовней. Если она представляется Вамъ вліятельной, то это только потому, что она глупа, не скромна, дерзка и криклива, потому что она пустая бочка, которую поневолѣ слышишь.

Впрочемъ, плюнемъ на все это и будемъ пѣть изъ другой оперы. Пожалуста, не возлагайте литературныхъ надеждъ на мою сахалинскую поѣздку. Я ѣду не для

наблюденій, и не для впечатлѣній, а просто для того только, чтобы пожить полгода не такъ, какъ я жилъ до сихъ поръ. Не надѣйтесь на меня, дядя; если успѣю и сумѣю сдѣлать что-нибудь, то—слава Богу, если нѣтъ—то не взыщите. Выѣду я послѣ Святой. Своевременно пришлю Вамъ свой сахалинскій адресъ и подробную инструкцію. Моя семья кланяется Вамъ, а я кланяюсь Вашей женѣ.

Будьте, миленькій штабсъ-капитанъ съ усами, здоровы и благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Мартабря. (1890 г. Москва).

Вчера я послалъ Вамъ Фишера, одинъ Вѣстникъ Европы и 2 тома Голицинскаго. Прилагаемый листочекъ благоволите послать въ книжный магазинъ; если же Вамъ уже надоѣло возиться со мной и съ книгами, то бросьте этотъ листокъ подъ столъ, хотя не совѣтую Вамъ дѣлать этого, такъ какъ магазинъ оттого, что пріобрѣтаетъ для меня книги, имѣетъ весьма большую пользу, а мальчикъ, носящій мнѣ изъ контрагентства книги и износившій пары три сапогъ, уже получилъ отъ меня два рубля. Далъ бы больше, но боюсь, что привыкнетъ къ роскоши.

Нѣтъ ли у Васъ въ библіотекѣ «Климаты разныхъ странъ» Воейкова? Очень хорошая книга. Если есть, то пришлите, если нѣтъ, то не нужно, такъ какъ она стоитъ 5 руб.—для меня это дорого. Пришлите Максимова «Сибирь и каторгу».

Получилъ отъ Плещеева траурное письмо: Сѣверный Вѣстникъ приказалъ долго жить. Старикъ лишился заработка и ругаетъ Евреинову съ пыломъ молодого поэта. Но я то влопался! Во-первыхъ, за какимъ же чертомъ я обкрадывалъ себя, за какимъ дьяволомъ я «поддерживалъ» изданіе, которое околѣло? Если-бъ я могъ знать, что это случится, то работалъ бы въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ мнѣ платили бы не 150 руб. за листъ и не въ разсрочку. Во-вторыхъ, я разсчитывалъ, что покойный журналъ дастъ мнѣ на дорогу 200—300 рублей и потомъ все лѣто будетъ высылать моему бѣдному благородному семейству по 50 р. въ мѣсяцъ—и вдругъ трахъ! Никакія акціи никогда такъ низко не падали, какъ мои сахалинскія. Впрочемъ, чертъ съ ними.. Вчера одна дѣвица говорила мнѣ, что будто проф. Стороженко [1]) разсказывалъ ей такой анекдотъ. Государю понравилась Крейцерова Соната, Побѣдоносцевъ, Любимовъ и прочіе херувимы и серафимы, чтобы оправдать свое отношеніе къ Толстому, поспѣшили показать Государю «Николая Палкина». Прочитавъ, Г. будто бы такъ разсердился, что приказалъ принять мѣры. Дано было знать кн. Долгорукову. [2]) И вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ къ Толстому адъютантъ отъ Долгорукова и приглашаетъ его немедленно пожаловать къ князю. Тотъ отвѣчаетъ:

— Передайте князю, что я ѣзжу и хожу только въ знакомые дома.

Сконфуженный адъютантъ уѣзжаетъ и на другой день привозитъ графу офиціальную бумагу, въ которой будто испрашивалось у графа объясненіе по поводу его Н. Палкина. Толстой прочиталъ бумагу и сказалъ:

---

[1]) Н. И., профессоръ исторіи всеобщей литературы, Моск. Унив.
[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.

— Передайте его сіятельству, что я давно уже ничего не пишу для печати; пишу я только для своихъ друзей, а если друзья распространяютъ мои произведенія, то виноваты въ этомъ они, а не я. Такъ и передайте.

— Но я этого не могу передать! Ужаснулся адъютантъ. Князь мнѣ не повѣритъ!

— Князь не вѣритъ своимъ подчиненнымъ? Это не хорошо.

На третій день опять пріѣзжаетъ адъютантъ съ новой бумагой и узнаетъ, что Толстой уѣхалъ въ Ясную Поляну. Такъ кончается анекдотъ.

Теперь о новыхъ вѣяніяхъ. У насъ въ участкахъ дерутъ; установлена такса: съ крестьянина за дранье берутъ 10 коп. , а съ мѣщанина 20 коп.—это за розги и труды. Дерутъ и бабъ. Недавно, увлекшись поркой, въ участкѣ выпороли и двухъ адвокатиковъ, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, о чемъ сегодня смутно докладываютъ Русскія Вѣдомости. Начато слѣдствіе.

Еще вѣяніе. Извощики одобряютъ студенческіе безпорядки.

«Это они затѣмъ бунтуютъ, объясняютъ они, чтобы и бѣдныхъ принимали въ ученье. Не однимъ же богачамъ учиться». Говорятъ, что когда толпу студентовъ вели ночью въ тюрьму, то около Страстного монастыря плебсъ напалъ на жандармовъ, чтобы отбить у нихъ студентовъ. Плебсъ будто бы вошилъ при этомъ: «вы для насъ порку выдумали, а они за насъ заступаются». Конечно, я не Шопенгауэръ и не Паскаль, Вы правы; но и Вы тоже, извините, не того.. Ну можно ли такъ понимать письма? Конечно, всякій мастеръ мнителенъ и подозрителенъ къ своимъ произведеніямъ; это такъ и нужно. Въ этомъ отношеніи я даже пессимизмъ одобряю. Писалъ же я Вамъ совсѣмъ о другой мнительности, которая въ самомъ таки дѣлѣ есть эгоизмъ 84 пробы. Я писалъ Вамъ

о той мнительности, которая заставляетъ Васъ въ каждомъ, хвалящемъ Ваши произведенія, подозрѣвать не хорошія побужденія въ родѣ лести, или желанія утѣшить..

Мой дядя ужасно божественный человѣкъ.

Кланяйтесь уважаемой уткѣ. Она мнѣ снилась.

Новаго ничего нѣтъ.

Votre *А. Чеховъ.*

XXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

27 Марта. (1890 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, извѣстіе о кончинѣ Сѣвернаго Вѣстника произвело на меня впечатлѣніе удручающее. Не хорошо все это. Странно, что всюду говорятъ у насъ о томъ, что въ Россіи мало журналовъ, и въ то же время среди бѣла дня, въ столицѣ, при изобиліи пишущихъ безпомощно и зря погибаетъ журналъ.

Лѣшаго будьте добры привезти съ собой, такъ какъ продолжать работать въ томъ журналѣ, который уже лопнулъ или черезъ мѣсяцъ лопнетъ, нельзя.

Теперь объ обществѣ драматическихъ писателей. Вопросъ объ авансѣ былъ поднятъ мною въ комитетѣ. Комитетъ единогласно напалъ на Майкова, который состроилъ недоумѣвающую рожу и сталъ увѣрять насъ, что письма отъ Васъ онъ не получалъ. Комитетъ постановилъ, чтобы я Майкову написалъ отъ себя письмо и чтобы Майковъ далъ на него отвѣтъ Вамъ. Получили ли Вы сей отвѣтъ? Во всякомъ случаѣ, не родился еще тотъ казначей, который рѣшился бы отказать Вамъ въ такой пустяшной услугѣ, какъ сторублевый авансъ.

Скоро будутъ выборы. Если будете на засѣданіи, то заявите, голубчикъ, что я уѣзжаю изъ Россіи до декабря и что такимъ образомъ временно теряю свою правоспособность. Пусть меня не выбираютъ въ члены комитета. Если же меня почтутъ избраніемъ, то я поблагодарю и откажусь. Стало быть, пусть не трудятся. Что касается состава будущаго комитета, то вотъ Вамъ мое мнѣніе. Немировичъ и Сумбатовъ, даже Александровъ должны быть избраны вновь, по возможности единогласно, такъ какъ частая перемѣна въ администраціи общества ничего не можетъ принести обществу, кромѣ вреда. Не хорошо, если члены комитета будутъ мѣняться ежегодно: при такомъ порядкѣ вещей комитетъ никогда не будетъ состоять изъ людей опытныхъ, достаточно знакомыхъ съ дѣломъ.

Вчера было засѣданіе комиссіи. Мнѣ поручено написать протоколъ засѣданія. Сейчасъ сажусь писать его. Будьте здоровы. До скорѣйшаго свиданія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29 Марта, (1890 г. Москва).

Вчера послалъ Вамъ три тома «Русской Старины»: 78, XXII, 79 XXIV и 81 XXXII. Вашихъ книгъ осталось у меня немного. Теперь сижу и повторяю Гигіену (одежда, постройки, вентиляціи и проч.), которую я наполовину забылъ. Написалъ я немного, а все больше переписываю чужое.

Переутомленіе штука условная. Вы пишете, что работали по 20 часовъ въ сутки и не утомлялись. Но вѣдь

можно утомиться и лежа цѣлый день на диванѣ. Вы писали 20 часовъ, но вѣдь у Васъ въ это время было отличное самочувствіе, Васъ возбуждалъ успѣхъ, задоръ, чувство таланта, Вы любили дѣло, иначе бы не писали. А Вашъ инфантъ не спитъ по ночамъ не потому, что у него есть публицистическій талантъ или любовь къ дѣлу, а только потому, что его отецъ издаетъ газету. Разница большая. Ему бы слѣдовало быть лѣкаремъ, адвокатомъ, жить на 2 тысячи въ годъ и печатать свои статьи не въ Новомъ времени и не въ духѣ Новаго Времени. Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется съ ними—такъ хочетъ природа и на этомъ зиждется прогрессъ, а А. А. началъ съ того, что всосался въ старые порядки. Когда мы интимничали, онъ ни разу не выругалъ Т. или Буренина, а это дурной знакъ. Вы въ сто разъ либеральнѣе его, а слѣдовало бы наоборотъ. Онъ вяло и лѣниво протестуетъ, скоро понижаетъ голосъ, скоро соглашается, и въ общемъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ совсѣмъ не заинтересованъ въ борьбѣ, т.-е. участвуетъ въ пѣтушиномъ бою, какъ зритель, не имѣя собственнаго пѣтуха. А своего пѣтуха имѣть надо, иначе неинтересно жить. На бѣду еще онъ умный человѣкъ, а большой умъ при маломъ интересѣ къ жизни подобенъ большой машинѣ, которая, ничего не производя, требуетъ много топлива и истощаетъ хозяйство.

Болѣзнь, о которой Вы писали въ послѣднемъ письмѣ, дурна сама по себѣ, но ad vitam даетъ предсказаніе хорошее, а главное—она радикально излѣчима. Что же касается наслѣдственности, то съ нею надо мириться, ибо она неизбѣжна и нужна. А нужна потому, что человѣкъ, кромѣ дурного, наслѣдуетъ еще отъ предковъ много и хорошаго. Пока у N. самое серьезное — это его насморкъ.

Насморкъ истощаетъ организмъ подобно трипперу. Чтобы выработать то, что ежедневно выдѣляетъ больной носъ, организму приходится затрачивать много матеріала. Къ тому же еще носъ находится въ прямой связи со всѣми дыхательными органами и нерѣдки примѣры, когда отъ носа кашляютъ, а закупорка носа, напримѣръ, полипомъ ведетъ даже къ чахоткѣ. Извѣстно также, что носъ имѣетъ отдаленную и до сихъ поръ еще непонятную связь съ половой сферой.

Когда N. пріѣдетъ, то прежде всего я покажу его носъ Бѣляеву, считающемуся у насъ лучшимъ спеціалистомъ. А дальше его носа я ужъ ничего не вижу. Захарьинъ лѣчитъ хорошо только катарры, ревматизмы, вообще болѣзни, поддающіяся объективному изслѣдованію, а у N. болѣзнь умственная, соціально-экономо-психологическая, которая быть можетъ не существуетъ вовсе, а если и существуетъ, то, быть можетъ, не должна считаться болѣзнью.

Скажите А. А., что его письмо отъ 7 Марта и два разсказа я получилъ только *сегодня*. А на его вино я давно уже рукой махнулъ. Ничего кромѣ надувательства не вижу.

Сейчасъ я послалъ Вамъ съ мальчикомъ изъ Контрагентства Вѣстникъ Европы 1875, 6 и Русскую Старину 1883, т. XXXVII.

Прощайте однако. Пора удирать изъ дому. Погода хорошая.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

31 Мартъ (1890 г. Москва).

Христосъ воскресъ, добрѣйшій Николай Александровичъ! Поздравляю Васъ съ праздникомъ и разговѣвши.

Желаю Вамъ здравія, спасенія, во всемъ благого поспѣшенія, а главное—чтобы изобиліе благъ земныхъ на Вашей праздничной трапезѣ не повлекло бы за собой послѣдствій, предусмотрѣнныхъ медицпною въ отдѣлѣ желудочно-кишечныхъ заболѣваній. Да хранитъ небо гостей Вашихъ!

Скоро я отправлюсь въ путь. Жду вскрытія Камы. Увидимся мы съ вами въ декабрѣ, а пока прошу не поминать лихомъ меня грѣшнаго. Буду Вамъ писать изрѣдка въ надеждѣ, что Вы не оставите меня безъ Вашихъ писемъ. Въ изгнаніи я буду подобенъ богатому Лазарю, для котораго перстъ, просунутый изъ другого свѣта, служитъ отрадою, о письмахъ же и говорить нечего. На Сахалинѣ я проживу не меньше двухъ мѣсяцевъ. Можете вообразить ту скуку, какую я буду испытывать по вечерамъ. Свои сахалинскіе, японскіе, китайскіе и индѣйскіе адреса сообщу и буду сообщать своевременно.

Какая однако весна! Вчера я соблазнился и поѣхалъ въ Нескучный садъ. Такъ какъ весь февраль и мартъ я просидѣлъ дома безвыходно и не замѣтилъ перехода отъ зимы къ веснѣ, то въ Нескучномъ мнѣ показалось, какъ будто я изъ сугроба попалъ прямо на островъ Таити. Погода отличная и, къ сожалѣнію, нѣтъ дождей. Боюсь, какъ бы это весеннее бездождіе не разразилось чѣмъ-нибудь въ родѣ брюшного тифа.

Когда въ почвѣ происходятъ всякіе процессы гніенія и проч., то важно въ санитарномъ отношеніи, чтобы поры загрязненной почвы, содержащей въ себѣ зародыши болѣзней, были наполнены водою и чтобы такимъ образомъ механически было заграждено сообщеніе этихъ зародышей съ атмосфернымъ воздухомъ.

Обѣщано мнѣ было, что я къ апрѣлю покончу счеты за Пестрые разсказы. Но до сихъ поръ я не получалъ ни счетовъ, ни отвѣтовъ на свои письма. А на Пестрые

разсказы въ разсужденіи своего путешествія я сильно разсчитывалъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ трудно будетъ выѣхать, прежде чѣмъ я не урегулирую свои денежныя отношенія.

Говорятъ, что Билибинъ получилъ командировку на Кавказъ. Правда ли? Очень радъ.

Пока въ Москвѣ все обстоитъ благополучно. Слухи о повсемѣстной въ Москвѣ поркѣ сильно преувеличены.

Низко кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ, Ѳедѣ и Спиридону Матвѣевичу.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте насъ грѣшныхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль (1890 г. Москва).

Христосъ воскресъ! Поздравляю Васъ, голубчикъ, и всѣхъ Вашихъ и желаю счастья. Уѣзжаю я на Ѳоминой недѣлѣ или нѣсколько позже, смотря по тому, когда вскроется Кама. Скоро начну дѣлать прощальные визиты. Передъ отъѣздомъ я буду просить у Васъ корреспондентскаго бланка и денегъ. Первый пришлите, пожалуста, а насчетъ вторыхъ надо погодить, такъ какъ я не знаю, сколько мнѣ понадобится. Я теперь собираю съ лица земли принадлежащіе мнѣ капиталы, еще не собралъ, а когда соберу, видно будетъ, чего мнѣ не достаетъ.

Семья обезпечена до октября—въ этомъ отношеніи я уже покоенъ.

Да, Ежовъ грубоватъ. Это плебей, весьма мало образованный, но не глупый и порядочный. Съ каждымъ годомъ онъ пишетъ все лучше и лучше—это я констатирую. Вы пишете, что его фельетонъ имѣлъ успѣхъ. Если это тотъ, въ которомъ идетъ рѣчь о попѣ, то спѣшу заявить, что я не исправлялъ его. По моему, теперь Ежову какъ работнику пятакъ цѣна, но черезъ 5—10 лѣтъ, когда онъ станетъ постарше, онъ будетъ нужнымъ человѣкомъ. Главное, онъ порядоченъ и не пьяница. Есть другой, Лазаревъ—это тоже хорошій человѣкъ.

Вчера я прочелъ Ежову письмо А. А., который пишетъ, что Вы предлагаете ему, Ежову, авансъ въ 100 рублей. У Ежова жена больна чахоткой, нужно везти ее на югъ, и отъ аванса онъ не отказывается, находя его своевременнымъ. Онъ проситъ Васъ прислать ему 100 рублей и проситъ также, чтобы контора удерживала въ счетъ аванса не весь гонораръ, а только половину. Все это прекрасно, но я прошу позволенія вмѣшаться и выдать ему сей авансъ не теперь, а наканунѣ его отъѣзда. Если позволите, я выдамъ ему сто рублей, когда онъ прійдетъ ко мнѣ прощаться. Раньше выдавать нельзя, такъ какъ онъ потратитъ на чепуху и чахоточной женѣ его прійдется ѣхать въ 3 классѣ.

Теперь объ Островскомъ. Отвѣтьте мнѣ что-нибудь. Вы обѣщали издать разсказы его сестры. Напишите же, когда книга начнетъ печататься. Вся фамилія Островскихъ томится.

Если у N. въ самомъ дѣлѣ полипъ, то излѣчить его насморкъ такъ же легко, какъ выкурить папиросу. Но едва ли у него полипъ.

Пришлите мой водевиль «Свадьбу». Если потеряли, то такъ тому и быть, отслужимъ сему водевилю панихиду.

Вчера былъ у меня одинъ актеръ, участвующій въ пьесѣ Маслова. Не бранится. Значитъ, пьеса идетъ хо-

рошо. Онъ увѣрялъ меня, что Севильскій Обольститель [1]) не оригинальная пьеса, а переводъ.

Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушіемъ къ добру и злу, отсутствіемъ идеаловъ и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадовъ, говорилъ бы: кража лошадей есть зло. Но вѣдь это и безъ меня давно уже извѣстно. Пусть судятъ ихъ присяжные засѣдатели, а мое дѣло показать только, какіе они есть. Я пишу: вы имѣете дѣло съ конокрадами, такъ знайте же, что это не нищіе, а сытые люди, что это люди культа и что конокрадство есть не просто кража, а страсть. Конечно, было бы пріятно сочетать художество съ проповѣдью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условіямъ техники. Вѣдь чтобы изобразить конокрадовъ въ 700 строкахъ, я все время долженъ говорить и думать въ ихъ тонѣ и чувствовать въ ихъ духѣ, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и разсказъ не будетъ такъ компактенъ, какъ надлежитъ быть всѣмъ коротенькимъ разсказамъ. Когда я пишу, я вполнѣ разсчитываю на читателя, полагая, что недостающіе въ разсказѣ субъективные элементы онъ подбавитъ самъ. Будьте благополучны.

Art and morals

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXX.

Ему-же.

(Съ подлинника).

11 Апр. (1890 г. Москва).

N. N. уѣхалъ на Югъ. Видѣлся я съ нимъ ежедневно, вмѣстѣ обѣдалъ, ужиналъ и всякій разъ его здоровье производило на меня самое хорошее впечатлѣніе. По-

---

[1]) Пьеса Бѣжецкаго-Маслова.

казывать его Захарьину, или другому какому-нибудь свѣтилу я положительно не нашолъ нужнымъ, ибо нѣтъ ничего хуже, какъ явиться къ врачу и не знать, на что жаловаться. Это баловство; пріучать себя смолоду къ бесѣдамъ съ врачами значитъ создать себѣ къ старости самое плохое мнѣніе о своемъ здоровьѣ, что вредно, вреднѣе насморка. Я хотѣлъ показать его лучшему захарьинскому ассистенту, своему Корнѣеву, прекраснѣйшему врачу, который взялъ бы на себя рѣшеніе вопроса о визитѣ къ Захарьину, но N. N. зафордыбачился, а я не нашолъ нужнымъ протестовать и настаивать. Насчетъ носа намъ не повезло. Бѣляевъ принимаетъ только до девяти часовъ утра, послѣ чего онъ исчезаетъ изъ Москвы, а . . . . . не пожелалъ вставать рано. Я взялъ съ него слово, что на обратномъ пути черезъ Москву онъ зайдетъ къ Корнѣеву; Корнѣевъ пріятель Бѣляева и устроитъ все, что нужно; сей Корнѣевъ пріятель и Захарьина. Не забудьте сего и, если понадобится, то обращайтесь къ нему. Человѣкъ онъ хорошій.

Легкія, печень и мозги у N. N. находятся въ вождѣленномъ здравіи. Сердце тоже. Катарра нѣтъ ни въ желудкѣ, ни въ кишкахъ. Если, какъ я слышалъ отъ него, онъ будетъ жить лѣтомъ въ Ѳеодосіи, то въ іюнѣ, или въ іюлѣ, главнымъ же образомъ передъ тѣмъ, какъ онъ начнетъ купаться, не забудьте устроить такъ, чтобы какой-нибудь мѣстный врачъ посмотрѣлъ его мочу. *Не забудьте*. Если въ названное время моча его окажется по составу и удѣльному вѣсу нормальною, то дайте ему паспортъ на всѣ четыре стороны и скажите, что заѣзжать въ Москвѣ къ Корнѣеву нѣтъ надобности; пусть ѣстъ, пьетъ, купается и работаетъ, сколько ему угодно. Если въ Ѳеодосіи будетъ врачъ Хаджи, то обратитесь къ нему, онъ знаетъ, что дѣлать съ мочой. Даю я Вамъ это мочевое порученіе не безъ основанія: она успокоитъ

Васъ насчетъ сахарной болѣзни, о которой Вы писали мнѣ въ двухъ письмахъ, и убѣдитъ N. N., что у него здоровы не т лько легкія, печень и мозги, но и почки, т.-е. что онъ здоровъ совершенно.

Ѣду я 18-го Апрѣля. Ежову я отдамъ сто рублей изъ своихъ, не беря въ московскомъ магазинѣ—такъ мы рѣшили съ А. А. Свои адресы сообщу Вамъ своевременно. Ѣхать не хочется и я охотно бы остался, но лучше отдѣлаться отъ поѣздки въ этомъ году, чѣмъ откладывать ее до будущаго года. Денегъ у меня набралось достаточно, но тѣмъ не менѣе все-таки я попрошу у Васъ на всякій случай тысячу рублей плюсъ тѣ сто, которые я отдалъ Ежову. Этого мнѣ больше чѣмъ достаточно и я привезу Вамъ еще сдачи. Пятьсотъ я отработаю до августа, а остальные замошенничаю. На святой недѣлѣ я получилъ изъ Вашего магазина 782 рубля. Скоро нужно будетъ печатать 4-е изданіе «Въ сумеркахъ».

Вчера я послалъ Вамъ «Морской сборникъ» для Виноградова и «Горный журналъ» для Скальковскаго. Скажите послѣднему, что я удержалъ у себя тѣ три номера, въ которыхъ напечатана статья его сослуживца Кеппена. Возвращу своевременно.

Ради всѣхъ святыхъ отвѣтьте мнѣ что-нибудь насчетъ Островскаго.

Умоляю!!! Опять приходилъ.

Я еще не уѣхалъ, а сестра уже начала скучать. Безъ меня ей прійдется плохо. Посылаю ее недѣли на двѣ въ Крымъ.

Поклонитесь Афанасьеву. Вчера былъ у меня Алексѣй Петровичъ съ кн. Урусовымъ. Послѣ «Севильскаго обольстителя» ужинала цѣлая компанія: авторъ, Мишя Ивановъ, Плющикъ-Плющевскій, братъ Иванова, Алексѣй Алексѣевичъ, Алексѣй Петровичъ и я. Если не говорить обо мнѣ и А. А., то изъ всей компаніи, мертвецки

скучной, самымъ интереснымъ былъ Алексѣй Петровичъ, хотя онъ все время молчалъ. Ужинали скупо: по 4 рубля съ носа. Не обѣдняли бы, если бы и по 8 истратили. Поѣли и вдругъ всѣ утомились; не доставало китайцевъ съ носилками. Мишя былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, и сдѣлалъ мнѣ выговоръ, что у насъ въ Москвѣ не умѣютъ поддерживать товарищей. Я ему ничего не отвѣтилъ на это. Я былъ на Севильскомъ обольстителѣ, а Масловъ постарался не быть на Ивановѣ и все время дѣлалъ видъ, что онъ не былъ, но изъ этого я не заключаю, что въ Петербургѣ не умѣютъ поддерживать товарищей. Поддерживать товарища значитъ аплодировать; начать же аплодировать значитъ вызвать протестующее шиканье со стороны не товарищей.

Будьте хранимы Господомъ Богомъ и всѣми его силами небесными. Во снѣ за мною гонялся волкъ.

Низко кланяюсь Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Сейчасъ сидитъ у меня N, которая когда-то жила у Васъ. Она вышла замужъ за художника N, очень милаго, но нуднаго человѣка, который во чтобы то ни стало хочетъ ѣхать со мной на Сахалинъ рисовать. Отказать ему въ своемъ обществѣ у меня не хватаетъ духа, а ѣхать съ нимъ—это сплошная тоска. На-дняхъ онъ ѣдетъ въ Петерб. продавать свою картину и по просьбѣ своей супруги зайдетъ къ Вамъ *просить совѣта.* Жена по сему случаю пришла просить у меня рекомендательнаго письма къ Вамъ. Будьте благодѣтелемъ, скажите N, что я пьяница, мошенникъ, нигилистъ, буянъ и что со мной ѣхать нельзя и что поѣздка его въ моемъ обществѣ испортитъ ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадетъ зря. Мнѣ конечно было бы пріятно иллюстрировать свою книгу,

но когда я узналъ, что N за это надѣется получить не менѣе тысячи рублей, то у меня пропалъ всякій аппетитъ къ иллюстраціи. Голубчикъ, отсовѣтуйте!!! Почему ему понадобился именно Вашъ совѣтъ, чертъ его знаетъ...

XXXI.

Ему-же.

(Съ подлинника).

15 Апрѣль. (1890 г. Москва).

Итакъ, значитъ, дорогой мой, я уѣзжаю въ среду, или самое большое, въ четвергъ. До свиданья до декабря. Счастливо оставаться. Деньги я получилъ, большое Вамъ спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что ихъ положить, а на покупки въ Японіи у меня хватило бы денегъ, ибо я собралъ достаточно.

У меня такое чувство, какъ-будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никакихъ опасностей, кромѣ зубной боли, которая у меня непремѣнно будетъ въ дорогѣ. Такъ какъ, если говорить о документахъ, я вооруженъ однимъ только паспортомъ и ничѣмъ другимъ, то возможны непріятныя столкновенія съ предержащими властями, но это бѣда преходящая. Если мнѣ чего-нибудь не покажутъ, то я просто напишу въ своей книгѣ, что мнѣ не показали—и баста, а волноваться не буду. Въ случаѣ утонутія или чего-нибудь въ родѣ, имѣйте въ виду, что все, что я имѣю и могу имѣть въ будущемъ, принадлежитъ сестрѣ; она заплатитъ мои долги.

Телеграфировать Вамъ буду непремѣнно; чаще же буду писать. Адресъ для телеграммъ: Томскъ, редакція Сибирскаго Вѣстника, Чехову. Письма, написанныя до 25 іюля, я непремѣнно получу; написанныя позже

на Сахалинѣ меня не застанутъ. Кромѣ писемъ и телеграммъ, Вы, сударь, имѣете посылать мнѣ заказными бандеролями всякую печатную чепуху, начиная съ брошюрокъ и кончая газетными вырѣзками — это будетъ лѣкарствомъ отъ сахалинской скуки; только присылайте такія вещи, которыя, прочитавши, не жалко бросить. Мой адресъ для писемъ и бандеролей: Постъ Александровскій на о. Сахалинѣ, или Постъ Корсаковскій. Посылайте по обоимъ адресамъ. За все сіе я привезу Вамъ не въ счетъ абонемента голую японку изъ слоновой кости, или что-нибудь въ родѣ уважаемой утки, которая стоитъ у Васъ на этажеркѣ передъ столомъ. Напишу Вамъ въ Индіи экзотическій разсказъ.

Съ дороги въ Новое Время я не буду писать ничего, кромѣ субботниковъ. Я буду писать Вамъ лично; если что дорожное будетъ по Вашему мнѣнію годиться для печати, то отсылайте въ редакцію. Впрочемъ, тамъ видно будетъ. Кусочки въ 40—75 строкъ писать недурно бы.

Мать я беру съ собой и высаживаю въ Троицкой лаврѣ, сестру тоже беру и высаживаю въ Костромѣ. Вру имъ, что пріѣду въ сентябрѣ.

Въ Томскѣ осмотрю университетъ. Такъ какъ тамъ только одинъ факультетъ—медицинскій, то при осмотрѣ я не явлю себя профаномъ.

Купилъ себѣ полушубокъ, офицерское непромокаемое пальто изъ кожи, большіе сапоги и большой ножикъ для рѣзанія колбасы и охоты на тигровъ. Вооруженъ съ головы до ногъ.

И такъ, до свиданья. Буду писать Вамъ съ Волги и съ Камы. Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Борису самый сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXXII.

Ему-же.

(Съ подлинника).

18 Апр. Среда. (1890 г. Москва).

Я застрялъ въ Москвѣ еще на одинъ день. Спасибо за телеграмму. Да, писать мнѣ можно только въ Сахалинъ, ибо письма меня не догонятъ въ Сибири. Впрочемъ, если напишете въ скоромъ времени письмо въ Иркутскъ (редакція «Восточнаго Обозрѣнія»), то я получу его.

Въ телеграммахъ не употребляйте слово Сахалинъ. Для администраторскаго уха это звучитъ такъ же непріятно, какъ Петропавловская крѣпость.

Обь еще покрыта льдомъ и посему отъ Тюмени до Томска мнѣ пріидется скакать на лошадяхъ. Мѣстность адски скучная, хмурая. А ждать, когда вскроется, нельзя, такъ какъ навигація начнется только 10-го мая.

Спасибо за корреспондентскій бланокъ.

Слѣдующее письмо получите съ Волги, которая, говорятъ, очень хороша. Я нарочно ѣду въ Ярославль, а не въ Нижній, чтобы побольше захватить Волги.

Писанія мои для газеты могутъ начаться не раньше Томска, ибо до Томска все уже заѣзжено, исписано и неинтересно.

Обнимаю Васъ крѣпко. Посылаю два разсказа, полученныхъ мною отъ Алексѣя Алексѣевича.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Былъ у меня сегодня извѣстный Вамъ Гиляровскій. Онъ ѣдетъ встрѣчать сотника Пѣшкова и хочетъ Вамъ писать объ его лошади.

XXXIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Пароходъ Алекс. Невскій 23, рано утромъ. (Апр. 1890 г.).

Друзья мои Тунгусы! Былъ ли у Васъ дождь, когда Иванъ [1]) вернулся изъ Лавры? Въ Ярославлѣ лупилъ такой дождь, что пришлось облечься въ кожаный хитонъ. Первое впечатлѣніе Волги было отравлено дождемъ, заплаканными окнами каюты и мокрымъ носомъ Г., который вышелъ на вокзалъ встрѣтить меня. Во время дождя Ярославль кажется похожимъ на Звенигородъ, а его церкви напоминаютъ о Перервинскомъ монастырѣ; много безграмотныхъ вывѣсокъ, грязно, по мостовой ходятъ галки съ большими головами.

На пароходѣ я первымъ долгомъ далъ волю своему таланту, т.-е. легъ спать. Проснувшись, узрѣлъ солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцемъ монастыри, бѣлыя церкви; раздолье, удивительное; куда ни взлянешь, всюду удобно сѣсть и начать удить. На берегу бродятъ классныя дамы и щиплютъ зеленую травку, слышится изрѣдка пастушескій рожокъ. Надъ водой носятся бѣлыя чайки, похожія на младшую Дришку [2]).

Пароходъ неважный. Самое лучшее въ немъ, это-ватеръ-клозетъ. Стоитъ онъ высоко, имѣя подъ собою четыре ступени, такъ что неопытный человѣкъ въ родѣ И. легко можетъ принять его за королевскій тронъ. Самое худшее на пароходѣ — это обѣдъ. Сообщаю меню съ сохраненіемъ орфографіи: щи зеле, сосиськи съ капу, севрюшка фры, кошка запеканка; кошка ока-

---

[1]) Братъ Иванъ Павловичъ.
[2]) Знакомая барышня.

залась кашкой. Такъ какъ деньги у меня нажиты пóтомъ и кровью, то я желалъ бы, чтобы было наоборотъ, т.-е. чтобы обѣдъ былъ лучше ватеръ-клозета, тѣмъ болѣе, что послѣ корнѣевскаго сантуринскаго у меня завалило все нутро, и я до самаго Томска обойдусь безъ ватера.

Со мной ѣдетъ К. Куда она ѣдетъ и зачѣмъ, мнѣ не извѣстно. Когда я начинаю разспрашивать ее объ этомъ, она пускается въ какія-то весьма туманныя предположенія о комъ-то, который назначилъ ей свиданіе въ оврагѣ около Кинешмы, потомъ закатывается неистовымъ смѣхомъ и начинаетъ топать ногами или долбить своимъ локтемъ о что попало, не щадя ..... жилки. Проѣхали и Кинешму, и овраги, а она все -таки продолжаетъ ѣхать, чему я конечно очень радъ. Кстати: вчера первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ она ѣстъ. Ѣстъ она не меньше другихъ, но машинально, точно овесъ жуетъ.

Кострома хорошій городъ. Видѣлъ я Плесъ, въ которомъ жилъ томный Левитанъ; видѣлъ Кинешму, гдѣ гулялъ по бульвару и наблюдалъ мѣстныхъ шпаковъ [1]); заходилъ здѣсь въ аптеку купить бертолетовой соли отъ языка, который сталъ у меня сафьяновымъ отъ сантуринскаго. Аптекарь, увидѣвъ О. П., обрадовался и сконфузился, она—тоже; оба повидимому давно уже знакомы и, судя по бывшему между ними разговору, не разъ гуляли по оврагамъ близъ Кинешмы. Такъ вотъ они гдѣ шпаки! Фамилія аптекаря К.

Холодновато и скучновато, но въ общемъ занятно.

Свиститъ пароходъ ежеминутно; его свистъ—что-то среднее между ослинымъ ревомъ и эоловой арфой. Черезъ 5—6 часовъ буду въ Нижнемъ. Восходитъ солнце. Ночь спалъ художественно. Деньги цѣлы—это оттого, что я часто хватаюсь за животъ.

---

[1]) Ухаживателей.

Очень красивы буксирные пароходы, тащущіе за собою по 4—5 баржъ; похоже на то, какъ будто молодой, изящный интеллигентъ хочетъ бѣжать, а его за фалды держатъ жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены.

Папашѣ и мамашѣ поклонъ до земли; всѣмъ прочимъ по поясъ. Надѣюсь, что Семашко, Лидія Стахіевна и Иваненко ведутъ себя хорошо. Интересно знать, кто теперь будетъ кутить съ Лидіей Стах. до 5 часовъ утра? Ахъ, какъ я радъ, что у Иваненки нѣтъ денегъ!

Чемоданъ, купленный Мишей, рвется. Благодарю вамъ. Здоровье у меня абсолютное. Шея не болитъ. Вчера не выпилъ ни капли.

Возьмите у Дришки Фофанова. К. отдашьте [1]) французскій атласъ и путешествіе Дарвина, стоящее на полкѣ. Это по части Ивана [2]).

Солнце спряталось за облако, стало пасмурно и широкая Волга представляется мрачной. Левитану нельзя жить на Волгѣ. Она кладетъ на душу мрачность. Хотя имѣть на берегу свое имѣньице весьма недурно.

Желаю всѣмъ всего хорошаго. Сердечный привѣтъ и 1000 поклоновъ.

Миша, научи Лидію Стах. отправлять заказную бандероль и отдай ей билетъ на Гоголя. Помните, что Суворину возвращенъ одинъ томъ Гоголя для переплетнаго образца. Значитъ, получить надо 3 тома.

Если бы лакей проснулся, то я потребовалъ бы кофе, а теперь приходится пить воду безъ удовольствія. Поклонъ Марьюшкѣ и Ольгѣ [3]).

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны. Буду писать исправно.

Скучающій вологжанинъ

Homo Sachaliensis.

А. Чеховъ.

---

[1]) Одно изъ любимыхъ словечекъ Чеховской семьи.
[2]) Братъ Ив. Павл.
[3]) Прислуга Чеховыхъ.

XXXIV.

С. П. Кувшинниковой.

(Съ подлинника).

23 Апр. Рано утромъ. (1890 г. Нижній-Новгородъ).

Видѣлъ Плесъ. Узналъ я кладбищенскую церковь, видѣлъ домъ съ красной крышей.. Слышалъ унылую гармошку. Немножко холодно ѣхать. Кое-гдѣ на берегу попадается снѣгъ.

Самочувствіе хорошее. Если бы не холодъ, то можно было бы стоять на палубѣ, а въ каютѣ скучновато.

Икра удивительная; за неимѣніемъ компаніи я ѣмъ ее безъ водки и все-таки она великолѣпна. Бутылка съ коньякомъ будетъ раскупорена на берегу Великаго океана. [1]) Кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXXV.

М. П. Чеховой.

Съ подлинника),

24, вечеромъ. (Апрѣль. 1890 г. Съ парохода).

Друзья мои тунгусы! Плыву по Камѣ, но мѣстности опредѣлить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспѣть красоту береговъ, такъ какъ адски холодно; береза еще не распустилась, тянутся кое-гдѣ полосы снѣга, плаваютъ льдинки — однимъ словомъ, вся эстетика пошла къ черту. Сижу въ рубкѣ, гдѣ за столомъ сидятъ всякаго званія люди, и слушаю разго-

---

[1]) Эта бутылка была подарена А. П. мужемъ адресатки. А. П. обѣщалъ выпить ее на берегу Великаго Океана, что впослѣдствіи и было имъ выполнено.

воры, спрашивая себя: «не пора ли вамъ чай пить?» Еслибъ моя воля, то отъ утра до ночи только бы и дѣлалъ, что ѣлъ; такъ какъ денегъ на цѣлодневную ѣду нѣтъ, то сплю и паки сплю. На палубу не выхожу — холодно. По ночамъ идетъ дождь, а днемъ дуетъ непріятный вѣтеръ.

Ахъ, икра! Ѣмъ, ѣмъ и никакъ не съѣмъ. Въ этомъ отношеніи она похожа на шаръ сыра. Благо, не соленая.

Не хорошо, что я не догадался сшить себѣ мѣшочекъ для чая и сахара. Приходится требовать стаканами, что и не выгодно и скучно. Хотѣлъ сегодня утромъ купить въ Казани чаю и сахару, да проспалъ.

Возрадуйтесь, о матерь! Я, кажется, проживу въ Екатеринбургѣ сутки и повидаюсь съ родственничками. Быть можетъ, сердце ихъ смягчится и они дадутъ мнѣ три рубля денегъ и осьмушку чаю.

Изъ разговоровъ, которые сейчасъ слышу, заключаю, что со мною ѣдетъ судебная палата. Люди не даровитые. Зато купцы, которые изрѣдка вставляютъ свое словцо, кажутся умницами. Богачи попадаются страшенные.

Стерляди дешевле грибовъ, но скоро надоѣдаютъ. О чемъ еще написать? Больше не о чемъ.. Впрочемъ, есть генералъ и тощій блондинъ. Первый мечется изъ каюты на палубу и обратно и все куда-то направляетъ свою фотографію, второй загримированъ Надсономъ и старается дать понять, что онъ писатель; сегодня за обѣдомъ совралъ какой-то дамѣ, что онъ печаталъ книжку у Суворина; я, конечно, изобразилъ на лицѣ трепетъ..

Деньги цѣлы всѣ за исключеніемъ тѣхъ, которыя я проѣлъ. Не хотятъ подлецы кормить даромъ!

Мнѣ не весело и не скучно, а такъ, какой-то студень на душѣ. Я радъ сидѣть неподвижно и молчать. Сегодня напримѣръ, я едва ли сказалъ пять словъ. Впрочемъ, вру: разговаривалъ съ попомъ на палубѣ.

Стали попадаться инородцы. Татаръ очень много: народъ почтенный и скромный.

Большое удобство: уходя изъ каюты, запираешь ее на ключъ; ложась спать, тоже. Такъ что до Перми у меня ничего не украдутъ.

Низко кланяюсь всѣмъ. Папу и маму усердно прошу не безпокоиться и не воображать опасностей, которыхъ нѣтъ. Кланяюсь Семашечкѣ съ віолончелью, Иваненкѣ съ флейтой и Теръ-Мизиновой съ бабушкой. Передайте Дюковскому мое сожалѣніе по поводу того, что намъ не удалось видѣться передъ моимъ отъѣздомъ. Онъ хорошій человѣкъ. Поклонъ Кувшинниковымъ. Если Кундасова уже пріѣхала, то и ей.

Будьте всѣ здоровы и благополучны

Вашъ *А. Чеховъ.*

Извините, что пишу Вамъ только о ѣдѣ. Еслибы не ѣда, пришлось бы писать о холодѣ, ибо сюжетовъ нѣтъ.

Палата постановила: потребовать чаю. Пригласили откуда-то двухъ кандидатовъ на судебныя должности, ѣдущихъ въ качествѣ канцеляріи. Одинъ похожъ на портняжнаго поэта Бѣлоусова, другой на Ежова. Оба почтительно слушаютъ г.г. начальниковъ, не смѣютъ свое сужденіе имѣть и дѣлаютъ видъ, что, слушая умныя рѣчи, набираются ума. Люблю примѣрныхъ молодыхъ людей.

XXXVI.

Ей-же.

(Съ подлинника).

29 Апрѣль. (1890 г. Съ парохода).

Друзья мои тунгусы! Кама прескучнѣйшая рѣка. Чтобы постигать ея красоты, надо быть печенѣгомъ, сидѣть неподвижно на баржѣ около бочки съ нефтью

или куля съ воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голыя, земля бурая, тянутся полосы снѣга, а вѣтеръ такой, что самъ чертъ не съумѣетъ дуть такъ рѣзко и противно. Когда дуетъ холодный вѣтеръ и рябитъ воду, имѣющую теперь послѣ половодья цвѣтъ кофейныхъ помоевъ, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговыхъ гармоникъ кажутся унылыми, фигуры въ рваныхъ тулупахъ, стоящія неподвижно на встрѣчныхъ баржахъ, представляются застывшими отъ горя, которому нѣтъ конца. Камскіе города сѣры; кажется, въ нихъ жители занимаются приготовленіемъ облаковъ, скуки, мокрыхъ заборовъ и уличной грязи—единственное занятіе. На пристаняхъ толпится интеллигенція, для которой приходъ парохода—событіе. Все больше Щербаненки и Чугуевцы, въ такихъ же шляпахъ, съ такими же голосами и съ такимъ же выраженіемъ «второй скрипки» во всей фигурѣ; повидимому, ни одинъ изъ нихъ не получаетъ больше 35 рублей и вѣроятно всѣ лѣчатся отъ чего-нибудь.

Я уже писалъ, что со мною ѣхала судебная палата: предсѣдатель, членъ и прокуроръ. Предсѣдатель, здоровый, крѣпкій старикъ нѣмецъ, принявшій православіе, набожный, гомеопатъ и, повидимому, большой бабникъ; членъ—старецъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ изображалъ покойный Николай: ходитъ сгорбившись, кашляетъ и любитъ игривые сюжеты; прокуроръ—человѣкъ 43 лѣтъ, недовольный жизнью, либералъ, скептикъ и большой добрякъ. Всю дорогу палата занималась тѣмъ, что ѣла, рѣшала важные вопросы, ѣла, читала и ѣла. На пароходѣ библіотека и я видѣлъ, какъ прокуроръ читалъ мои «Въ сумеркахъ». Шла рѣчь обо мнѣ. Больше всѣхъ нравится въ здѣшнихъ краяхъ Сибирякъ-Маминъ, описывающій Уралъ. О немъ говорятъ больше, чѣмъ о Толстомъ.

Плылъ я до Перми $2^1/_2$ года—такъ казалось. Приплылъ туда въ 2 часа ночи. Поѣздъ отходилъ въ 6 часовъ вечера. Пришлось ждать. Шолъ дождь. Вообще дождь, грязь, холодъ... бррр! Уральская дорога везетъ хорошо. Боромлей и Мерчиковъ [1]) нѣтъ, хотя и приходится переваливать черезъ Уральскія горы. Это объясняется изобиліемъ здѣсь дѣловыхъ людей, заводовъ, пріисковъ и проч., для которыхъ время дорого.

Проснувшись вчера утромъ и поглядѣвъ въ вагонное окно, я почувствовалъ къ природѣ отвращеніе: земля бѣлая, деревья покрыты инеемъ и за поѣздомъ гонится настоящая метелица. Ну не возмутительно ли? Не сукины ли сыны?.. Калошъ у меня нѣтъ, натянулъ я большіе сапоги и, пока дошолъ до буфета съ кофе, продушилъ дегтемъ всю Уральскую область. А пріѣхалъ въ Екатеринбургъ—тутъ дождь, снѣгъ и крупа. Натягиваю кожаное пальто. Извощики—это нѣчто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, безъ рессоръ; переднія ноги у лошади разставлены такъ [2]), копыта громадныя, спина тощая. Здѣшнія дрожки—это аляповатая пародія на наши брички. Къ бричкѣ придѣланъ оборванный верхъ, вотъ и все. И чѣмъ правильнѣе я нарисовалъ бы здѣшняго извощика съ его пролеткой, тѣмъ больше бы онъ походилъ на каррикатуру. Ѣздятъ не по мостовой, на которой тряско, а около канавъ, гдѣ грязно и, стало быть, мягко. Всѣ извощики похожи на Добролюбова.

Въ Россіи всѣ города одинаковы. Екатеринбургъ такой же точно, какъ Пермь или Тула. Похожъ и на Сумы, и на Гадячъ. Колокола звонятъ великолѣпно, бархатно. Остановился я въ «Американской гостиницѣ»

---

[1]) Станціи на Харьково-Никол. жел. дор.
[2]) Здѣсь рисунокъ.

(очень недурной) и тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ А. М. С., написавъ ему, что два дня я де намѣренъ безвыходно сидѣть у себя въ номерѣ и принимать Гуніади, которое принимаю и, скажу не безъ гордости, съ большимъ успѣхомъ.

Здѣшніе люди внушаютъ пріѣзжему нѣчто въ родѣ ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечіе, съ маленькими глазами, съ громадными кулачищами. Родятся они на мѣстныхъ чугунно-литейныхъ заводахъ и при рожденіи ихъ присутствуетъ не акушоръ, а механикъ. Входитъ въ номеръ съ самоваромъ или съ графиномъ и того гляди, убьетъ. Я сторонюсь. Сегодня утромъ входитъ одинъ такой—скуластый, лобастый, угрюмый, ростомъ подъ потолокъ, въ плечахъ сажень, да еще къ тому же въ шубѣ.

— Ну, думаю, этотъ непремѣнно убьетъ.—Оказалось, что это А. М. С. Разговорились. Онъ служитъ членомъ въ земской управѣ, директорствуетъ на мельницѣ своего кузена, освѣщаемой электричествомъ, редактируетъ «Екатеринб. Недѣлю», цензуруемую полиціймейстеромъ барономъ Таубе, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей, богатѣетъ, толстѣетъ, старѣетъ и живетъ «основательно». Говоритъ, что скучать некогда. Совѣтовалъ мнѣ побывать въ музеѣ, на заводахъ, на пріискахъ; я поблагодарилъ за совѣтъ. Пригласилъ онъ меня на завтра къ вечеру чай пить; я пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Меня обѣдать онъ не пригласилъ и вообще не настаивалъ, чтобы я у него побывалъ. Изъ этого мамаша можетъ заключить, что сердце родственниковъ не смягчилось и что оба мы и С. и я другъ другу не нужны. Прасковью Параменовну, Настасью Тихоновну, Собакія Семеныча и Матвѣя Сортирыча видѣть я не буду, хотя тетка и просила передать имъ, что она ужъ разъ десять имъ писала и отвѣта не получала. Родствен-

нички—это племя, къ которому я равнодушенъ такъ же, какъ къ Фросѣ Артеменко.

На улицѣ снѣгъ, и я нарочно опустилъ занавѣску на окнѣ, чтобы не видѣть этой азіатчины. Сижу и жду отвѣта изъ Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировалъ я такъ: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Отвѣтъ уплаченъ. Увѣдомьте, когда идетъ пассажирскій пароходъ Томскъ» и т. д. Отъ отвѣта зависитъ, поѣду ли я на пароходѣ или же поскачу $1^1/_2$ тысячи верстъ на лошадяхъ, по распутицѣ.

Всю ночь здѣсь бьютъ въ чугунныя доски на всѣхъ углахъ. Надо имѣть чугунныя головы, чтобы не сойти съ ума отъ этихъ неумолкающихъ курантовъ. Сегодня попробовалъ сварить себѣ кофе: получилось матрасинское вино. Пилъ и только плечами пожималъ.

Я вертѣлъ въ рукахъ пять простынь и не взялъ ни одной. Ѣду сегодня покупать резиновыя калоши.

Ну, будьте всѣ здоровы и благополучны, да хранитъ Васъ Богъ. Привѣтъ мой всѣмъ Липтаревымъ, наипаче же Трошѣ. Поклонъ Иваненкѣ, Кундасовой, Мизиновой и проч. Желаю Лукѣ побольше шпаковъ. Деньги цѣлы. Если мамаша сдѣлаетъ Николаю рѣшотку, то я, повторяю, ничего не буду имѣть противъ. Это мое желаніе.

Найду ли въ Иркутскѣ письмо отъ Васъ?

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

Посылаю заказнымъ—боюсь, что не дойдетъ.

Попроси Лику, чтоба она не оставляла *большихъ полей* въ своихъ письмахъ.

XXXVII.

К. Г. Фоти[1]).

(По копіи, доставленной адресатомъ).

Тюмень, 3 мая 1890 года.

Милостивый Государь

Константинъ Георгіевичъ!

Мой дядя Митрофанъ Георгіевичъ писалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Вамъ угодно было выразить желаніе, чтобы я прислалъ свои книги въ Таганрогскую Городскую Библіотеку. Такое Ваше вниманіе ко мнѣ, мною не заслуженное, слишкомъ лестно для моего авторскаго самолюбія и я не нахожу словъ, чтобы благодарить Васъ. Я счастливъ, что могу хотя чѣмъ-нибудь быть полезенъ родному городу, которому я многимъ обязанъ и къ которому продолжаю питать теплое чувство.

Уѣзжая изъ Москвы, я поручилъ выслать на Ваше имя три своихъ книги. Четвертая моя книга—«Пестрые разсказы» вся распродана и будетъ напечатана слѣдующимъ изданіемъ по моемъ возвращеніи, т.-е. не раньше начала будущаго года. Между прочимъ я поручилъ послать Вамъ экземпляръ «Власти Тьмы» Л. Толстого съ собственноручной авторской подписью; я прошу Городскую Библіотеку принять отъ меня этотъ небольшой подарокъ, какъ со временемъ буду просить принять отъ меня всѣ тѣ книги съ авторскими факсимиле, какія у меня теперь имѣются и какія я собираю и сохраняю спеціально для библіотеки моего родного города [2]).

Позвольте мнѣ пожелать Вамъ всего хорошаго и прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи

А. Чеховъ.

---

[1]) Таганрогскій городской голова.

[2]) Библіотека была передана А. П. въ Таганрогъ въ концѣ 90-ыхъ годовъ.

XXXVIII.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

4 Май. (1890 г. Ишимъ).

Я живъ, здоровъ и благополученъ. Кофе варить научился, но только у меня на стаканъ идутъ двѣ ложки, а не одна.

Кланяюсь всѣмъ нашимъ и Линтварямъ. Зелени нѣтъ, морозно. Зябнутъ ноги.

Будьте здоровы. Не скучайте.

Вашъ уважительный сынъ *А. Чеховъ.*

Зелени буквально еще нѣтъ ни капли.

XXXIX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

7 Май. Берегъ Иртыша. (1890 г.).

Здравствуйте, во истину уважаемая Марія Владиміровна! Хотѣлъ я написать Вамъ прощальное письмо изъ Москвы, да не успѣлъ; пришлось отложить на неопредѣленное время. Пишу Вамъ теперь, сидя въ избѣ на берегу Иртыша. Ночь. Попалъ я сюда такимъ образомъ. Ѣду я по сибирскому тракту на вольныхъ. Проѣхалъ уже 715 верстъ. Обратился въ великомученика съ головы до пятокъ. Съ сегодняшняго утра сталъ дуть рѣзкій холодный вѣтеръ и заморосилъ противнѣйшій дождишко. Надо замѣтить, что въ Сибири весны еще

нѣтъ: земля бурая, деревья голыя и, куда не взглянешь, всюду бѣлѣютъ полосы снѣга; день и ночь ѣду я въ полушубкѣ и въ валенкахъ.. Ну-съ, подулъ съ утра вѣтеръ.. Тяжолыя свинцовыя облака, бурая земля, грязь, дождь, вѣтеръ... Бррр! Ѣду, ѣду... Безъ конца ѣду, а погода не унимается. Передъ вечеромъ на станціи мнѣ говорятъ, что ѣхать дальше нельзя, такъ какъ все залило, мосты разнесло и проч. Зная, какъ любятъ вольные ямщики пугать стихіями, чтобы оставить проѣзжаго у себя ночевать (это выгодно), я не повѣрилъ и приказалъ запречь тройку. Что-жъ? Увы мнѣ! Проѣхалъ я не больше пяти верстъ, какъ увидѣлъ луговой берегъ Иртыша, весь покрытый большими озерами; дорога спряталась подъ водой и мостки по дорогѣ въ самомъ дѣлѣ или снесены, или раскисли. Возвращаться назадъ мѣшаетъ отчасти упрямство, а отчасти желаніе скорѣй выбраться изъ этихъ скучныхъ мѣстъ.. Начинаемъ ѣхать по озерамъ.. Боже мой, никогда въ жизни не испытывалъ ничего подобнаго! Рѣзкій вѣтеръ, холодъ, отвратительный дождь, а ты изволь вылѣзать изъ тарантаса (не крытаго) и держать лошадей: на каждомъ мостикѣ можно проводить лошадей только по одиночкѣ.. Куда я попалъ? Гдѣ я? Кругомъ пустыня, тоска; виденъ голый, угрюмый берегъ Иртыша... Въѣзжаемъ въ самое большое озеро; теперь ужъ охотно бы вернулся, да трудно.. Ѣдемъ по длинной, узкой полоскѣ земли... Полоска кончается и мы— бултыхъ! Потомъ опять полоска, опять бултыхъ.. Руки закоченѣли.. А дикія утки точно смѣются и огромными стаями носятся надъ головой.. Темнѣетъ.. Ямщикъ молчитъ — растерялся.. Но вотъ наконецъ выѣзжаемъ къ послѣдней полоскѣ, отдѣляющей озера отъ Иртыша.. Отлогій берегъ Иртыша на аршинъ выше уровня; онъ глинистъ, голъ, изгрызенъ, склизокъ на видъ.. Мутная вода.. Бѣлыя волны хлещутъ по глинѣ, а самъ Иртышъ

не реветъ и не шумитъ, а издаетъ какой-то странный звукъ, похожій на то, какъ будто подъ водой стучатъ по гробамъ.. Тотъ берегъ — сплошная, безотрадная пустыня.. Вамъ снился часто Божаровскій омутъ; такъ мнѣ теперь будетъ сниться Иртышъ..

Но вотъ и паромъ. Надо переправляться на ту сторону. Выходитъ изъ избы мужикъ и, пожимаясь отъ дождя, говоритъ, что паромомъ плыть нельзя теперь, такъ какъ слишкомъ вѣтренно.. (Паромы здѣсь весельные). Совѣтуетъ обождать тихой погоды..

И вотъ я сижу ночью въ избѣ, стоящей въ озерѣ на самомъ берегу Иртыша, чувствую во всемъ тѣлѣ промозглую сырость, а на душѣ одиночество, слушаю, какъ стучитъ по гробамъ мой Иртышъ, какъ реветъ вѣтеръ, и спрашиваю себя: гдѣ я? Зачѣмъ я здѣсь?

Въ сосѣдней комнатѣ спятъ мужики-перевозчики и мой ямщикъ. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить въ Иртышѣ. Изба—солистка на берегу, свидѣтелей нѣтъ..

Дорога до Томска въ разбойничьемъ отношеніи совершенно безопасна. О грабежахъ не принято даже говорить. Даже кражъ у проѣзжающихъ не бываетъ; уходя въ избу, можете оставлять вещи на дворѣ и онѣ всѣ будутъ цѣлы.

Но меня все-таки чуть было не убили. Представьте себѣ ночь передъ разсвѣтомъ.. Я ѣду на тарантасикѣ и думаю, думаю.. Вдругъ вижу, на встрѣчу во весь духъ несется почтовая тройка; мой возница едва успѣваетъ свернуть вправо, тройка мчится мимо и я усматриваю въ ней обратнаго ямщика.. Вслѣдъ за ней несется другая тройка, тоже во весь духъ; свернули мы вправо, она сворачиваетъ влѣво; «сталкиваемся!» мелькаетъ у меня въ головѣ.. Одно мгновенье и—раздается трескъ, лошади мѣшаются въ черную массу, мой тарантасъ становится

на дыбы и я валюсь на землю, а на меня всѣ мои чемоданы и узлы.. Вскакиваю и вижу — несется третья тройка..

Должно быть, наканунѣ за меня молилась мать. Если бы я спалъ или если бы третья тройка ѣхала тотчасъ же за второй, то я былъ бы изломанъ на смерть или изувѣченъ. Оказалось, что передній ямщикъ погналъ лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и насъ не видѣли. Послѣ крушенія глупѣйшее недоумѣніе съ обѣихъ сторонъ, потомъ жестокая ругань.. Збруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дорогѣ.. Ахъ, какъ ругаются ямщики! Ночью, въ этой ругающейся, буйной ордѣ я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не зналъ..

Однако, бумага на исходѣ. Привѣтъ мой барину, Василисѣ, Идіотику и Елизаветѣ Александровнѣ. Стучитъ въ окна дождь. Да благословятъ васъ всѣ святые! Буду еще писать. Мой адресъ: Александровскій постъ на о. Сахалинѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XL.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

(По дорогѣ въ Томскъ. 1890 г. Май).

Г. Земскій Начальникъ! Кожаное пальто въ дорогѣ ничѣмъ не замѣнимо. Оно превосходно спасаетъ не только отъ дождя, но и отъ вѣтра.

Давно уже я не обѣдалъ. Честь имѣемъ кланяться. Изъ Томска напишу.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

14 Май. 90 г., Село Яръ, въ 45 вер. отъ Томска.

Великолѣпная моя мамаша, превосходная Маша, сладкій Миша и всѣ присные мои! Въ Екатеринбургѣ я получилъ отвѣтную телеграмму изъ Тюмени: «Первый пароходъ въ Томскъ пойдетъ 18 Мая.» Это значило, что мнѣ нужно было, хочешь-не хочешь, скакать на лошадяхъ. Такъ и сдѣлалъ. Изъ Тюмени выѣхалъ я 3 Мая, проживъ въ Екатеринбургѣ 2 — 3 дня, которые употребилъ на починку своей кашляющей и геморройствующей особы. Возятъ черезъ Сибирь почтовые и вольные. Я взялъ послѣднихъ: все равно. Посадили меня раба Божьяго въ корзинку-плетушку [1]) и повезли на парѣ. Сидишь въ корзинѣ, глядишь на свѣтъ Божій, какъ чижикъ, и ни о чемъ не думаешь.. Сибирская равнина начинается, кажется, отъ самаго Екатеринбурга и кончается чертъ знаетъ гдѣ; я сказалъ бы, что она очень похожа на нашу южно-русскую степь, еслибы не мелкій березнякъ, попадающійся то тамъ, то сямъ, и еслибы не холодный вѣтеръ, покалывающій щеки. Весна еще не начиналась. Зелени совсѣмъ нѣтъ, лѣса голы, снѣгъ не весь растаялъ; на озерахъ стоитъ матовый ледъ. 9 Мая въ день св. Николая былъ морозъ, а сегодня 14-го выпалъ снѣгъ въ $1^1/_2$ вершка. О веснѣ говорятъ однѣ только утки. Ахъ, какъ много утокъ! Никогда въ жизни я не видѣлъ такого утинаго изобилія. Летаютъ надъ головой, вспархиваютъ около тарантаса, плаваютъ въ озерахъ и въ лужахъ, короче, въ одинъ день изъ плохого ружья

---

[1]) Здѣсь рисунокъ.

я настрѣлялъ бы тысячу штукъ. Слышно, какъ кричатъ дикіе гуси.. Ихъ здѣсь тоже много. Часто попадаются вереницы журавлей и лебедей.. Въ березнякѣ порхаютъ тетерева и рябчики. Зайцы, которыхъ здѣсь не ѣдятъ и не стрѣляютъ, ничтоже сумняся стоятъ на заднихъ лапкахъ и, вздернувъ уши, любопытнымъ взоромъ провожаютъ ѣдущихъ. Они такъ часто перебѣгаютъ дорогу, что это здѣсь не считается дурной примѣтой.

Холодно ѣхать.. На мнѣ полушубокъ. Тѣлу ничего, хорошо, но ногамъ зябко. Кутаю ихъ въ кожаное пальто — не помогаетъ.. На мнѣ двое брюкъ. Ну-съ, ѣдешь, ѣдешь.. Мелькаютъ верстовые столбы, лужи, березнячки.. Вотъ перегнали переселенцевъ, потомъ этапъ.. Встрѣтили бродягъ съ котелками на спинахъ; эти господа безпрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарѣжутъ, чтобъ взять ея юбку себѣ на портянки, то сорвутъ съ верстового столба жестянку съ цифрами — сгодится, то проломятъ голову встрѣчному нищему или выбьютъ глаза своему жу брату ссыльному, но проѣзжающихъ они не трогаютъ. Вообще въ разбойничьемъ отношеніи ѣзда здѣсь совершенно безопасна. Отъ Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнятъ, чтобы у проѣзжающаго украли что-нибудь; когда идешь на станцію, вещи оставляешь на дворѣ; на вопросъ, не украдутъ ли, отвѣчаютъ улыбкой. О грабежахъ и убійствахъ по дорогѣ не принято даже говорить. Мнѣ кажется. потеряй я свои деньги на станціи или въ возкѣ, нашедшій ямщикъ непремѣнно возвратилъ бы мнѣ ихъ и не хвастался бы этимъ. Вообще народъ здѣсь хорошій, добрый и съ прекрасными традиціями. Комнаты у нихъ убраны просто, но чисто, съ претензіей на роскошь; постели мягкія, все пуховики и большія подушки, полы выкрашены или устланы самодѣлковыми холщовыми коврами. Это объясняется, конечно, зажи-

точностью, тѣмъ, что семья имѣетъ надѣлъ изъ 16 десятинъ чернозема и что на этомъ черноземѣ растетъ хорошая пшеница (пшеничная мука стоитъ здѣсь 30 коп. за пудъ). Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно удѣлить кое-что и манерѣ жить. Когда ночью входишь въ комнату, въ которой спятъ, то носъ не чувствуетъ ни спирали, ни русскаго духа. Правда, одна старуха, подавая мнѣ чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато васъ не посадятъ пить чай безъ скатерти, при васъ не отрыгиваютъ, не ищутъ въ головѣ; когда подаютъ воду или молоко, не держатъ пальцы въ стаканѣ, посуда чистая, квасъ прозраченъ какъ пиво — вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могутъ только мечтать, а вѣдь хохлы куда чистоплотнѣе кацаповъ! Хлѣбъ пекутъ здѣсь превкуснѣйшій; я въ первые дни объѣдался имъ. Вкусны и пироги, и блины, и оладьи, и калачи, напоминающіе хохлацкіе ноздреватые бублики. Блины тонки.. Зато все остальное не по европейскому желудку. Напримѣръ, всюду меня потчивали «утячьей похлебкой». Это совсѣмъ гадость: мутная жидкость, въ которой плаваютъ кусочки дикой утки и невареный лукъ; утиные желудки не совсѣмъ очищены отъ содержимаго и потому, попадая въ ротъ, заставляютъ думать, что ротъ и rectum помѣнялись мѣстами. Я разъ попросилъ сварить супъ изъ мяса и изжарить окуней. Супъ мнѣ подали пресоленый, грязный, съ закорузлыми кусочками кожи вмѣсто мяса, а окуни съ чешуей. Варятъ здѣсь щи изъ солонины; ее же и жарятъ. Сейчасъ мнѣ подавали жареную солонину: преотвратительно; пожевалъ и бросилъ. Чай здѣсь пьютъ кирпичный. Это настой изъ шалфея и таракановъ — такъ по вкусу, а по цвѣту — не чай, а матрасинское вино. Кстати сказать, я взялъ съ собою изъ Екатеринбурга $^1/_4$ ф. чаю, 5 ф. сахару и 3 лимона. Чаю не хватило, а купить негдѣ. Въ паршивыхъ

городкахъ даже чиновники пьютъ кирпичный чай и самые лучшіе магазины не держатъ чая дороже 1 р. 50 к. за фунтъ. Пришлось пить шалфей.

Разстояніе между станціями опредѣляется разстояніемъ между каждыми двумя сосѣдними деревнями: 20—40 верстъ. Деревни здѣсь большія, поселковъ и хуторовъ нѣтъ. Вездѣ церкви и школы; избы деревянныя, есть и двухъэтажныя.

Къ вечеру лужи и дорога начинаютъ мерзнуть, а ночью совсѣмъ морозъ, хоть доху надѣвай.. Бррр! Трясско, потому что грязь обращается въ кочки. Выворачиваетъ душу.. Къ разсвѣту страшно утомляешься отъ холода, тряски и колокольчиковъ; страстно хочется тепла и постели.. Пока мѣняютъ лошадей, прикурнешь гдѣнибудь въ уголкѣ и тотъ часъ же заснешь, а черезъ минуту возница уже дергаетъ за рукавъ и говоритъ: «Вставай, пріятель, пора!» Во вторую ночь я сталъ чувствовать острую зубную боль въ пяткахъ. Невыносимо больно. Спрашиваю себя: не отморозилъ ли?

Однако писать нельзя. Пріѣхалъ засѣдатель (т.-е. становой). Познакомились и разговариваемъ. До завтра.

Томскъ 16 мая.

Виноваты оказались ботфорты, узкіе въ задникахъ. Сладкій Миша, если у тебя будутъ дѣти, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то завѣщай имъ не гнаться за дешевизной. Дешевизна русскаго товара — это дипломъ на его негодность. По моему лучше босикомъ ходить, чѣмъ въ дешевыхъ сапогахъ. Представьте мое мученіе! То и дѣло вылѣзаю изъ возка, сажусь на сырую землю и снимаю сапоги, чтобы дать отдохнуть пяткамъ. Какъ это удобно въ морозъ! Пришлось купить въ Ишимѣ валенки.. Такъ и ѣхалъ въ валенкахъ, пока они у меня не раскисли отъ сырости и грязи.

Утромъ часовъ въ 5 — 6 чаепитіе въ избѣ. Чай въ дорогѣ — это истинное благодѣяніе. Теперь я знаю ему цѣну и пью его съ остервенѣніемъ Янова. Онъ согрѣваетъ, разгоняетъ сонъ, при немъ съѣдаешь много хлѣба, а хлѣбъ за отсутствіемъ другой ѣды долженъ съѣдаться въ большомъ количествѣ; оттого-то крестьяне ѣдятъ такъ много хлѣба и хлѣбнаго. Пьешь чай и разговариваешь съ бабами, которыя здѣсь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнѣе, чѣмъ въ Европѣ; мужья не бранятъ и не бьютъ ихъ, потому что онѣ также высоки, и сильны, и умны, какъ ихъ повелители; онѣ, когда мужей нѣтъ дома, ямщикуютъ; любятъ каламбурить. Дѣтей не держатъ въ строгости; ихъ балуютъ. Дѣти спятъ на мягкомъ, сколько угодно, пьютъ чай и ѣдятъ вмѣстѣ съ мужиками и бранятся, когда тѣ любовно подсмѣиваются надъ ними. Дифтерита нѣтъ. Царитъ здѣсь черная оспа, но странно, она здѣсь не такъ заразительна, какъ въ другихъ мѣстахъ: двое-трое заболѣютъ, умрутъ и конецъ эпидеміи. Больницъ и врачей нѣтъ. Лѣчатъ фельдшера. Кровопусканіе и кровососныя банки въ грандіозныхъ, звѣрскихъ размѣрахъ. Я по дорогѣ осматривалъ одного еврея, больного ракомъ печени. Еврей истощенъ, еле дышитъ, но это не помѣшало фельдшеру поставить ему 12 кровососныхъ банокъ. Кстати объ евреяхъ. Здѣсь они пашутъ, ямщикуютъ, держатъ перевозы, торгуютъ и называются крестьянами, потому что они въ самомъ дѣлѣ и de jure и de facto крестьяне. Пользуются они всеобщимъ уваженіемъ и, по слогамъ засѣдателя, не рѣдко ихъ выбираютъ въ старосты. Я видѣлъ жида, высокаго и тонкаго, который брезгливо морщился и плевалъ, когда засѣдатель разсказывалъ скабрезные анекдоты; чистоплотная душа; его жена сварила прекрасную уху. Жена того жида, что болѣнъ ракомъ, угощала меня щучьей икрой и вкуснѣйшимъ

бѣлымъ хлѣбомъ. О жидовской эксплоатаціи не слышно. Кстати ужъ и о полякахъ. Попадаются ссыльные, присланные сюда изъ Польши въ 1864 г. Хорошіе, гостепріимные и деликатнѣйшіе люди. Одни живутъ очень богато, другіе очень бѣдно и служатъ писарями на станціяхъ. Первые послѣ амнистіи уѣзжали къ себѣ на родину, но скоро вернулись назадъ въ Сибирь—здѣсь богаче, вторые мечтаютъ о родинѣ, хотя уже стары и больны. Въ Ишимѣ одинъ богатый панъ Залѣсскій,у котораго дочь похожа на Сашу Киселеву, угостилъ меня за 1 рубль отличнымъ обѣдомъ и далъ мнѣ комнату выспаться; онъ держитъ кабакъ, окулачился до мозга костей, деретъ со всѣхъ, но все-таки панъ чувствуется и въ манерахъ, и въ столѣ, во всемъ. Онъ не ѣдетъ на родину изъ жадности, изъ жадности терпитъ снѣгъ въ Николинъ день; когда онъ умретъ, дочка его, родившаяся въ Ишимѣ, останется здѣсь навсегда — и пойдутъ такимъ образомъ множиться по Сибири черные глаза и нѣжныя черты! Эти случайныя примѣси крови нужны, ибо въ Сибири народъ некрасивъ. Брюнетовъ совсѣмъ нѣтъ. Быть можетъ, и про татаръ написать Вамъ? Извольте. Ихъ здѣсь немного. Люди хорошіе. Въ Казанской губ. о нихъ хорошо говорятъ даже священники, а въ Сибири они «лучше русскихъ» — такъ сказалъ мнѣ засѣдатель при русскихъ, которые подтвердили это молчаніемъ. Боже мой, какъ богата Россія хорошими людьми! Еслибы не холодъ, отнимающій у Сибири лѣто, и если бы не чиновники, развращающіе крестьянъ и ссыльныхъ, то Сибирь была бы богатѣйшей и счастливѣйшей землей.

Обѣдать нечего. Умные люди, когда ѣдутъ въ Томскъ, берутъ съ собою обыкновенно полпуда закусокъ. Я же оказался дуракомъ, и потому 2 недѣли питался однимъ только молокомъ и яйцами, которые здѣсь ва-

рять такъ: желтокъ крутой, а бѣлокъ восмятку. Надоѣдаетъ такая ѣда въ 2 дня. За всю дорогу я только два раза обѣдалъ, если не считать жидовской ухи, которую я ѣлъ будучи сытымъ послѣ чая. Водку не пилъ; сибирская водка противна, да и отвыкъ я отъ нея, пока доѣхалъ до Екатеринбурга. Водку же пить слѣдуетъ. Она возбуждаетъ мозгъ, который отъ дороги дѣлается вялымъ и тупымъ, отчего глупѣешь и слабѣешь.

Стопъ! Нельзя писать: пришолъ знакомиться редакторъ «Сибирскаго Вѣстника», N., мѣстный Ноздревъ, пьяница и забулдыга.

N. выпилъ пива и ушелъ. Продолжаю.

Въ первые три дня вояжа у меня отъ тряски и толчковъ разболѣлись ключицы, плечи, позвонки, кобчикъ.. Ни сидѣть, ни ходить, ни лежать.. Но за то прошли всѣ грудныя и головныя боли, разыгрался до́нельзя аппетитъ, а геморрой, точно воды въ ротъ набралъ — молчо́къ. Отъ напряженія, отъ частой возьни съ чемоданами и проч., а быть можетъ и отъ прощальныхъ попоекъ въ Москвѣ у меня по утрамъ бывало кровохарканье, которое наводило на меня нѣчто въ родѣ унынія, возбуждая мрачныя мысли, и которое къ концу пути прекратилось; теперь даже кашля нѣтъ; давно я такъ мало кашлялъ, какъ теперь, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія на чистомъ воздухѣ. Послѣ же первыхъ трехъ дней вояжа тѣло мое привыкло къ тряскѣ и для меня наступило время, когда я сталъ не замѣчать, какъ послѣ утра наступилъ полдень, а потомъ вечеръ и ночь. Дни мелькали быстро, какъ въ затяжной болѣзни. Думаешь, что еще нѣтъ полудня, а мужики говорятъ, что ты бы, баринъ, остался ночевать, а то какъ бы не заблудился ночью; и въ самомъ дѣлѣ, поглядишь на часы—8-й часъ вечера.

Везутъ быстро, но поразительнаго въ этой быстротѣ ничего нѣтъ. Вѣроятно, я засталъ дурную дорогу, зи-

мой возятъ быстрѣе. На гору несутся вскачь, а прежде чѣмъ выѣхать со двора и прежде чѣмъ ямщикъ сядетъ на козлы, лошадей держатъ двое—трое. Лошади напоминаютъ московскихъ пожарныхъ лошадей; однажды я едва не передавилъ старухъ, а въ другой разъ едва не налетѣлъ на этапъ. Теперь извольте Вамъ приключеніе, которымъ я обязанъ сибирской ѣздѣ. Только прошу мамашу не охать и не причитывать, ибо все обошлось благополучно. Въ ночь подъ 6-е мая на разсвѣтѣ везъ меня одинъ очень милый старикъ на парѣ. Тарантасикъ. Я дремалъ и отъ нечего дѣлать поглядывалъ, какъ въ полѣ и въ березнякѣ искрились змѣеобразные огни: это горѣла прошлогодняя трава, которую здѣсь жгутъ. Вдругъ слышу дробный стукъ колесъ. Навстрѣчу во весь духъ, какъ птица, несется почтовая тройка. Мой старикъ спѣшитъ свернуть вправо, тройка пролетаетъ мимо и я усматриваю въ потемкахъ громадную, тяжолую почтовую телѣгу, въ которой сидитъ обратный ямщикъ. За этой тройкой несется вторая тройка тоже во весь духъ. Мы спѣшимъ свернуть вправо. Къ великому моему недоумѣнію и страху тройка сворачиваетъ не вправо, а влѣво... Едва я успѣлъ подумать: «Боже мой, сталкиваемся!» какъ раздался отчаянный трескъ, лошади мѣшаются въ одну темную массу, дуги падаютъ, мой тарантасъ становится на дыбы и я лечу на землю, а на меня мои чемоданы. Но это не все.. Летитъ третья тройка.. По настоящему, эта должна была искрошить меня и мои чемоданы, но слава Богу, я не спалъ, ничего не сломалъ себѣ отъ паденія и съумѣлъ вскочить такъ быстро, что могъ отбѣжать въ сторону. «Стой!» заоралъ я третьей тройкѣ. «Стой!» Тройка налетѣла на вторую и остановилась... Конечно, если бы я умѣлъ спать въ тарантасѣ или если бы третья тройка неслась тотчасъ же за второй, то я вернулся бы домой инвалидомъ или всадникомъ

безъ головы. Результаты крушенія: сломанныя оглобли, изорванныя збруи, дуги и багажъ на землѣ, оторопѣвшія, замученныя лошади и страхъ отъ мысли, что сейчасъ была пережита опасность. Оказалось, что первый ямщикъ погналъ лошадей, а во вторыхъ двухъ тройкахъ ямщики спали и лошади сами понеслись за первой тройкой, некому было править ими. Очнувшись отъ переполоха, мой старикъ и ямщики всѣхъ трехъ троекъ стали неистово ругаться. Ахъ, какъ ругались! Я думалъ, что кончится дракой. Вы не можете себѣ представить, какое одиночество чувствуешь среди этой дикой, ругающейся орды, среди поля, передъ разсвѣтомъ, въ виду близкихъ и далекихъ огней, пожирающихъ траву, но ни на каплю не согрѣвающихъ холодный ночной воздухъ! Ахъ, какъ тяжко на душѣ! Слушаешь ругань, глядишь на изломанныя оглобли и на свой истерзанный багажъ и кажется тебѣ, что ты брошенъ въ другой міръ, что тебя сейчасъ затопчутъ.. Послѣ часовой ругани, мой старикъ сталъ связывать веревочками оглобли и збрую; пошли въ ходъ и мои ремни. До станціи дотащились кое-какъ, еле-еле, и то и дѣло останавливались..

Послѣ 5—6 дня начались дожди при сильномъ вѣтрѣ. Шелъ дождь днемъ и ночью. Пошло въ дѣло кожаное пальто, спасавшее меня и отъ дождя и отъ вѣтра. Чудное пальто. Грязь пошла невылазная, ямщики стали неохотно возить по ночамъ. Но, что ужаснѣе всего и чего я не забуду во всю мою жизнь, это перевозы черезъ рѣки. Подъѣдешь ночью къ рѣкѣ.. Начинаешь съ ямщикомъ кричать.. Дождь, вѣтеръ, по рѣкѣ ползутъ льдины, слышенъ плескъ.. И кстати радость: кричитъ бугай. На сибирскихъ рѣкахъ живутъ бугаи. Значитъ, они признаютъ не климатъ, а географическое положеніе.. Ну-съ, черезъ часъ въ потемкахъ показывается громадный паромъ, имѣющій форму баржи; громадныя весла,

похожія на рачьи клешни. Перевозчики — народъ озорной, все больше ссыльные, присланные сюда по приговорамъ общества за порочную жизнь. Сквернословятъ нестершимо, кричатъ, просятъ денегъ на водку.. Везутъ черезъ рѣку долго, долго... мучительно долго! Паромъ ползетъ.. Опять чувство одиночества и, кажется, бугай нарочно кричитъ, какъ-будто хочетъ сказать: «не бойся, дядя, я здѣсь, Линтваревы съ Псла меня сюда прислали!»

7 Мая вольный ямщикъ, когда я попросилъ лошадей, сказалъ, что Иртышъ разлился и затопилъ луга, что вчера ѣздилъ Кузьма и еле вернулся и что ѣхать нельзя, нужно обождать.. Спрашиваю: до какихъ поръ ждать? Отвѣтъ: а Господь его знаетъ! Это неопредѣлено, да и къ тому же я далъ себѣ слово отдѣлаться въ дорогѣ отъ двухъ своихъ пороковъ, причинявшихъ мнѣ немало расходовъ, хлопотъ и неудобствъ, это — уступчивость и сговорчивость. Я быстро соглашаюсь и потому мнѣ приходилось ѣздить на чертъ знаетъ чемъ, платить иногда вдвое, ждать по цѣлымъ часамъ.. Сталъ я не соглашаться и не вѣрить — и бокамъ моимъ стало легче. Напримѣръ, запрягутъ не возокъ, а простую, тряскую телѣгу. Откажешься ѣхать на телѣгѣ, упрешься, и непремѣнно явится возокъ, хотя раньше увѣряли, что во всей деревнѣ нѣтъ возка и т. д. Ну-съ, подозрѣвая, что разливъ Иртыша придуманъ только для того, чтобы не везти меня къ ночи по грязи, я запротестовалъ и приказалъ ѣхать. Мужикъ, слыхавшій о разливѣ отъ Кузьмы и самъ его не видавшій, почесался и согласился, старики подбодрили его и сказали, что когда въ молодости они ямщиковали, то ничего не боялись. Поѣхали.. Грязь, дождь, злющій вѣтеръ, холодъ... и валенки на ногахъ. Знаете, что значитъ мокрые валенки? Это сапоги изъ студня. Ѣдемъ, ѣдемъ и вотъ передъ очами моими раз-

стилается громадное озеро, на которомъ кое-гдѣ пятнами проглядываетъ земля и торчатъ кустики—это залитые луга. Вдали тянется крутой берегъ Иртыша; на немъ бѣлѣетъ снѣгъ.. Начинаемъ ѣхать по озеру. Вернуться бы назадъ, да мѣшаетъ упрямство и беретъ какой-то непонятный задоръ, тотъ самый задоръ, который заставилъ меня купаться среди Чернаго моря, съ яхты, и который побуждалъ меня дѣлать немало глупостей.. Должно-быть, психозъ. Ѣдемъ и выбираемъ островки, полоски. Направленіе указываютъ мосты и мостики; они снесены. Чтобы проѣхать по нимъ, нужно распрягать лошадей и водить лошадей по одиночкѣ.. Ямщикъ распрягаетъ, я спрыгиваю въ валенкахъ въ воду и держу лошадей.. Занимательно! А тутъ дождь, вѣтеръ.. спаси, Царица Небесная! Наконецъ добираемся до островка, гдѣ стоитъ избушка безъ крыши.. По мокрому навозу бродятъ мокрыя лошади. Выходитъ изъ избушки мужикъ съ длинной палкой и берется провожать.. Палкой онъ измѣряетъ глубину воды и пробуетъ грунтъ. Дай Богъ ему здоровья, вывелъ на длинную полосу, которую называлъ онъ «хребтомъ». Научилъ, чтобы съ этого хребта мы наровили взять куда-то вправо или, не помню, влѣво, и попасть на другой хребетъ. Такъ мы и сдѣлали..

Ѣдемъ.. Въ валенкахъ сыро, какъ въ отхожемъ мѣстѣ. Хлюпаетъ, чулки сморкаются. Ямщикъ молчитъ и уныло почмокиваетъ. Онъ радъ бы вернуться, но уже поздно, темнѣетъ.. Наконецъ—о радость!—подъѣзжаемъ къ Иртышу.. Тотъ берегъ крутой, а сей—отлогій. Сей изгрызенъ, скользокъ на видъ, противенъ, растительности ни слѣда.. Мутная вода съ бѣлыми гребнями хлещетъ по немъ и со злобой отскакиваетъ назадъ, точно ей гадко прикасаться къ неуклюжему, осклизлому берегу, на которомъ, какъ кажется, могутъ жить однѣ только жабы да души убійцъ.. Иртышъ не шумитъ, не реветъ, а сдается,

какъ-будто онъ у себя на днѣ стучитъ по гробамъ.. Проклятое впечатлѣніе! Тотъ берегъ высокъ, буръ, пустынен..

Изба; тутъ живутъ перевозчики. Выходитъ одинъ и заявляетъ, что паро́мъ пускать нельзя, такъ какъ поднялась непогода. Рѣка, молъ, широкая, а вѣтеръ сильный.. И что же? Пришлось ночевать въ избѣ.. Помню ночь, храпъ перевозчиковъ и моего ямщика, шумъ вѣтра, стукъ дождя, ворчанье Иртыша.. Передъ тѣмъ какъ спать, написалъ Маріи Владиміровнѣ письмо: Божаровскій омутъ припомнился.

Утромъ не захотѣли везти на паромѣ: вѣтеръ. Пришлось плыть на лодкѣ. Плыву черезъ рѣку, а дождь хлещетъ, вѣтеръ дуетъ, багажъ мокнетъ, валенки, которые ночью сушились въ печкѣ, опять обращаются въ студень. О милое кожаное пальто! Если я не простудился, то обязанъ только ему одному. Когда вернусь, помажьте его за это саломъ или касторкой. На берегу цѣлый часъ сидѣлъ на чемоданѣ и ждалъ, когда изъ деревни пріѣдутъ лошади. Помню, взбираться на берегъ было очень скользко. Въ деревнѣ грѣлся и пилъ чай. Приходили за милостыней ссыльные. Для нихъ каждая семья ежедневно заквашиваетъ *пудъ* пшеничной муки. Это въ родѣ повинности.

Ссыльные берутъ хлѣбъ и пропиваютъ его въ кабакѣ. Одинъ ссыльный, оборванный, бритый старикъ, которому въ кабакѣ *выбили* глаза свои же ссыльные, услышавъ, что въ комнатѣ проѣзжій, и принявъ меня за купца, сталъ пѣть и читать молитвы. Онъ и о здравіи, и за упокой, пѣлъ и пасхальное Да воскреснетъ Богъ, и Со святыми упокой — чего только не пѣлъ! Потомъ сталъ врать, что онъ изъ московскихъ купцовъ. Я замѣтилъ, какъ этотъ пьяница презиралъ мужиковъ, на шеѣ которыхъ жилъ!

11-го поѣхалъ на почтовыхъ. Отъ скуки читалъ на станціяхъ жалобныя книги. Сдѣлалъ открытіе, которое меня поразило и которое въ дождь и сырость не имѣетъ себѣ цѣны: на почтовыхъ станціяхъ въ сѣняхъ имѣются отхожія мѣста. О, вы не можете оцѣнить этого!

12 Мая мнѣ не дали лошадей, сказавши, что ѣхать нельзя, такъ какъ Обь разлилась и залила всѣ луга. Мнѣ посовѣтовали: «Вы поѣзжайте въ сторону отъ тракта до Краснаго Яра; тамъ на лодкѣ проѣдете верстъ 12 до Дубровина, а въ Дубровинѣ вамъ дадутъ почтовыхъ лошадей».. Поѣхалъ я на вольныхъ въ Кр. Яръ. Пріѣзжаю утромъ. Говорятъ, что лодка есть, но нужно немного подождать, такъ какъ дѣдушка послалъ на ней въ Дубровино работника, который повезъ засѣдателева писаря. Ладно, подождемъ.. Проходитъ часъ, другой, третій.. Наступаетъ полдень, потомъ вечеръ.. Аллахъ керимъ, сколько чаю я выпилъ, сколько хлѣба съѣлъ, сколько мыслей передумалъ! А какъ много я спалъ! Наступаетъ ночь, а лодки все нѣтъ.. Наступаетъ раннее утро.. Наконецъ въ 9 часовъ возвращается работникъ. Слава небесамъ, плывемъ! И какъ хорошо плывемъ! Тихо въ воздухѣ, гребцы хорошіе, острова красивые.. Вода захватила людей и скотъ врасплохъ, и я вижу, какъ бабы плывутъ въ лодкахъ на острова доить коровъ. А коровы тощія, унылыя.. По случаю холодовъ совсѣмъ нѣтъ корму. Плылъ я 12 верстъ. Въ Дубровинѣ на станціи чай, а къ чаю мнѣ подали, можете себѣ представить, вафли.. Хозяйка, должно-быть, ссыльная или жена ссыльнаго.. На слѣдующей станціи старикъ-писарь полякъ, которому я далъ антипирину отъ головной боли, жаловался на бѣдность и говорилъ, что недавно черезъ Сибирь проѣзжалъ австрійскаго двора камергеръ графъ Сапѣга, полякъ, помогающій полякамъ. «Онъ останавливался около станціи, разсказываетъ писарь, а я не зналъ этого!

Мать Пресвятая! Онъ бы мнѣ помогъ!—Я писалъ ему въ Вѣну, но отвѣта не полóчилъ».. и т. д. Зачѣмъ я не Сапѣга? Я отправилъ бы этого бѣднягу на родину.

14 Мая мнѣ опять не дали лошадей. Разливъ Томи. Какая досада! Не досада, а отчаянье! Въ 50 верстахъ отъ Томска, и такъ неожиданно! Женщина зарыдала бы на моемъ мѣстѣ.. Для меня люди добрые нашли выходъ: «Поѣзжайте, ваше благородіе, до Томи — только 6 верстъ отсюда; тамъ васъ перевезутъ на лодкѣ до Яра, а оттуда въ Томскъ васъ свезетъ Илья Марковичъ.» Нанимаю вольнаго и ѣду къ Томи, къ тому мѣсту, гдѣ должна быть лодка. Подъѣзжаю — лодки нѣтъ. Говорятъ, только-что уплыла съ почтой и едва ли вернется, такъ какъ дуетъ сильный вѣтеръ. Начинаю ждать.. Земля покрыта снѣгомъ, идутъ дождь и крупа, вѣтеръ.. Проходитъ часъ, другой, а лодки нѣтъ.. Насмѣхается надо мной судьба! Возвращаюсь назадъ на станцію. Тутъ три почтовыя тройки и почтальонъ собираются ѣхать къ Томи. Говорю, что лодки нѣтъ. Остаются. Получаю отъ судьбы награду: писарь на мой нерѣшительный вопросъ, нѣтъ ли чего закусить, говоритъ, что у хозяйки есть щи.. О восторгъ! О пресвѣтлого дне! И въ самомъ дѣлѣ, хозяйкина дочка подаетъ мнѣ отличныхъ щей съ прекраснымъ мясомъ и жареной картошки съ огурцомъ. Послѣ пана Залѣсскаго я ни разу такъ не обѣдалъ. Послѣ картошки разошелся я и сварилъ себѣ кофе. Кутежъ!

Передъ вечеромъ почтальонъ, пожилой, очевидно натерпѣвшійся человѣкъ, не смѣвшій сидѣть въ моемъ присутствіи, сталъ собираться ѣхать къ Томи. И я тоже. Поѣхали. Какъ только подъѣхали къ рѣкѣ, показалась лодка, такая длинная, что мнѣ раньше и во снѣ никогда не снилось. Когда почту нагружали въ лодку, я былъ свидѣтелемъ одного страннаго явленія: гремѣлъ громъ—

это при снѣгѣ и холодномъ вѣтрѣ. Нагрузились и поплыли. Сладкій Миша, прости, какъ я радовался, что не взялъ тебя съ собой! Какъ я умно сдѣлалъ, что никого не взялъ! Сначала наша лодка плыла по лугу около кустовъ тальника... Какъ бываетъ передъ грозой или во время грозы, вдругъ по водѣ пронесся сильный вѣтеръ, поднявшій валы. Гребецъ, сидѣвшій у руля, посовѣтовалъ переждать непогоду въ кустахъ тальника; на это ему отвѣтили, что если непогода станетъ сильнѣе, то въ тальникѣ просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали рѣшать *большинствомъ голосовъ* и рѣшили плыть дальше. Нехорошее, насмѣшливое мое счастье! Ну къ чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно.. Помню фигуру почтальона, видавшаго виды. Помню солдатика, который вдругъ сталъ багровъ, какъ вишневый сокъ.. Я думалъ: если лодка опрокинется, то сброшу полушубокъ и кожаное пальто... потомъ валенки... потомъ и т. д.. Но вотъ берегъ все ближе, ближе.. На душѣ все легче, легче, сердце сжимается отъ радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнулъ вдругъ, и прыгаешь на мокрый скользкій берегъ.. Слава Богу!

У Ильи Марковича, выкреста, говорятъ, что къ ночи ѣхать нельзя — дорога плоха, что нужно остаться ночевать. Ладно, остаюсь. Послѣ чая сажусь писать Вамъ это письмо, прерванное пріѣздомъ засѣдателя. Засѣдатель—это густая смѣсь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратникъ, лгунъ, пѣвецъ, анекдотистъ и при всемъ томъ добрый человѣкъ. Привезъ съ собой большой сундукъ набитый дѣлами, кровать съ матрасомъ, ружье и писаря. Писарь прекрасный, интеллигентный человѣкъ, протестующій либералъ, учившійся въ Петербургѣ, свободный, неизвѣстно какъ попавшій въ Сибирь, зараженный до мозга костей всѣми болѣзнями и спивающійся по милости своего принципала, назы-

вающаго его Колей. Посылаетъ власть за наливкой.— «Докторъ! вопитъ она. Выпейте еще рюмку, въ ноги поклонюсь!» Конечно, выпиваю. Трескаетъ власть здорово, вретъ напропалую, сквернословитъ безстыдно. Ложимся спать. Утромъ опять посылаютъ за наливкой. Трескаютъ наливку до 10 часовъ и наконецъ ѣдутъ. Выкрестъ Илья Марковичъ, котораго мужики *боготворятъ* здѣсь—такъ мнѣ говорили,—далъ мнѣ лошадей до Томска.

Я, засѣдатель и писарь сѣли въ одномъ возкѣ. Засѣдатель всю дорогу вралъ, пилъ изъ горлышка, хвасталъ, что не беретъ взятокъ, восхищался природой и грозилъ кулакомъ встрѣчнымъ бродягамъ. Проѣхалъ 15 верстъ — стопъ! Деревня Бровкино.. Останавливаемся около жидовской лавочки и идемъ «отдыхать». Жидъ бѣжитъ за наливкой, а жидовка варитъ уху, о которой я уже писалъ. Засѣдатель распорядился, чтобъ пришли сотскій, десятскій и дорожный подрядчикъ и пьяный сталъ распекать ихъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Онъ ругался, какъ татаринъ.

Скоро я разъѣхался съ засѣдателемъ и по отвратительной дорогѣ вечеромъ 15-го Мая доѣхалъ до Томска. Въ послѣдніе два дня я сдѣлалъ только 70 верстъ—можете судить, какова дорога!

Въ Томскѣ невылазная грязь. О городѣ и о здѣшнемъ житьѣ буду писать на-дняхъ, а теперь до свиданія. Утомился писать. Поклонъ Папашѣ, Ивану, теткѣ, Алешѣ, Александрѣ Васильевнѣ, Зинаидѣ Михайловнѣ, Доктору, Трошѣ, великому піанисту, Марьюшкѣ. Если знаете адресъ милѣйшей Г., то напишите этой необыкновенной, удивительной дѣвицѣ, что я ей кланяюсь. Славной Жамэ привѣтъ отъ души. Если лѣтомъ она будетъ гостить у Васъ, то я буду очень радъ. Она очень хорошая. Скажите Трошѣ, что я сейчасъ пилъ изъ ея стаканчика. Чокался впрочемъ съ К.

Тополей нѣтъ. Кувшинниковскій генералъ совралъ. Соловьевъ нѣтъ. Сороки и кукушки есть.

Сегодня получилъ телеграмму отъ Суворина въ 80 словъ.

Всѣхъ обнимаю, цѣлую и благословляю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мишино письмо получено. Спасибо.

Простите, что письмо похоже на винигретъ. Нескладно. Ну, да что дѣлать? Сидя въ номерѣ, лучше не напишешь. Извините, что длинно. Я не виноватъ. Рука разбѣжалась, да и къ тому же хочется подольше поговорить съ Вами. 3-й часъ ночи. Рука утомилась. На свѣчкѣ нагорѣлъ фитиль, плохо видно. Пишите мнѣ на Сахалинъ въ каждые 4 — 5 дней. Оказывается, что почта туда идетъ не только моремъ, но и черезъ Сибирь. Значитъ, буду получать своевременно и часто.

Завтра пойду къ Владиславлеву и Флоринскому. Деньги цѣлы. Швовъ еще не распарывалъ. Что Артеменко? Хоритоненко получилъ звѣзду. Поздравляю Сумы.

Въ Томскѣ на всѣхъ заборахъ красуется «Предложеніе». Томичи говорятъ, что такая холодная и дождливая весна, какъ въ этомъ году, была въ 1842 г. Половину Томска затопило. Мое счастье!

Ѣмъ конфекты.

Если у Маши будетъ болѣть горло и лѣтомъ, то по пріѣздѣ въ Москву въ Сентябрѣ пусть проф. Кузьминъ отрѣжетъ ей по кусочку отъ каждой миндалевидной желѣзы. Это невинная безболѣзненная операція. Безъ этой операціи Маша до старости не избавится отъ фолликулярныхъ и прочихъ жабъ. Если Елена Михайловна согласится сдѣлать операцію сію, то еще лучше. Пока желѣзы еще не очень велики, достаточно отрѣзать по очень маленькому кусочку.

Въ Томскѣ нужно будетъ дождаться того времени, когда прекратятся дожди. Говорятъ, что дорога до Иркутска возмутительна. Здѣсь есть «Славянскій Базаръ». Обѣды хорошіе, но добраться до этого Базара нелегко — грязь невылазная.

Сегодня (17 Мая) пойду въ баню. Говорятъ, что на весь Томскъ имѣется одинъ только банщикъ — Архипъ.

XLII.

Ей же.

(Съ подлинника).

Томскъ. 20 Май, Троица (1890 г.).

Друзья мои Тунгусы! У Васъ Троица, а у насъ еще даже верба не начала распускаться и на берегу Томи снѣгъ. Завтра я ѣду въ Иркутскъ. Отдохнулъ. Спѣшить не зачѣмъ, такъ какъ пароходство черезъ Байкалъ начнется только 10 іюня, но все-таки ѣду.

Я живъ, здоровъ, деньги цѣлы; немножко болитъ правый глазъ. Ломитъ.

Всѣ совѣтуютъ ѣхать обратно черезъ Америку, такъ какъ, говорятъ, на Добровольномъ флотѣ умрешь съ тоски: военщина, казенщина и рѣдко пристаютъ къ берегу.

Два мѣсяца тому назадъ умеръ здѣсь таганрогскій таможенный Кузовлевъ [1]), въ нищетѣ.

Отъ нечего дѣлать принялся за дорожныя впечатлѣнія и посылаю ихъ въ Новое Время; будете читать ихъ приблизительно послѣ 10 іюня. Пишу обо всемъ понемножку: трень-брень. Пишу не для славы, а въ отношеніи денегъ и въ разсужденіи взятаго аванса.

---

[1]) Находившійся въ ссылкѣ по извѣстному таганрогскому таможенному процессу.

Томскъ скучнѣйшій городъ. Если судить по тѣмъ пьяницамъ, съ которыми я познакомился, и по тѣмъ вумнымъ людямъ, которые приходили ко мнѣ въ номеръ на поклоненіе, то и люди здѣсь прескучнѣйшіе. По крайней мѣрѣ мнѣ съ ними такъ невесело, что я приказалъ человѣку никого не принимать.

Былъ въ банѣ. Отдавалъ въ стирку бѣлье (по 5 коп. за платокъ!). Покупалъ отъ скуки шоколатъ.

Благодарю Ивана за книги. Я теперь покоенъ. Если онъ не съ вами, то напишите ему, что я кланяюсь. Отцу послано письмо. Послалъ бы таковое и Ивану, но не знаю навѣрное, гдѣ онъ живетъ, и куда поѣхалъ.

Черезъ $2^1/_2$ дня буду въ Красноярскѣ, а черезъ $7^1/_2$—8 въ Иркутскѣ. До Иркутска 1500 верстъ.

Заварилъ себѣ кофе и сейчасъ буду пить. Утро. Скоро зазвонятъ къ поздней обѣднѣ.

Послѣ Томска начнется тайга. Посмотримъ.

Поклонъ всѣмъ Линтваревымъ и нашей старой Марьюшкѣ. Мамашу прошу не безпокоиться и не давать вѣры дурнымъ снамъ. Поспѣла рѣдиска? А тутъ ея совсѣмъ нѣтъ.

Ну, оставайтесь живы, здоровы; насчетъ денегъ не безпокойтесь—будутъ; не старайтесь тратить меньше и не портите себѣ этимъ лѣта.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Душа моя кричитъ караулъ. Помилуйте, мой бѣдный чемоданъ-сундукъ остается въ Томскѣ, а покупаю я себѣ новый чемоданъ, мягкій и плоскій, на которомъ можно сидѣть и который не разобьется отъ тряски. Бѣдный сундучекъ такимъ образомъ попалъ въ Сибирь на поселеніе.

XLIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Томскъ, 20 Май (1890 г.).

Наконецъ здравствуйте! Привѣтъ Вамъ отъ сибирскаго человѣка, милый Алексѣй Сергѣевичъ! Соскучился я по Васъ и по перепискѣ ужасно.

Однако, начну сначала. Въ Тюмени мнѣ сказали, что первый пароходъ въ Томскъ идетъ 18-го Мая. Пришлось скакать на лошадяхъ. Въ первые три дня болѣли всѣ жилы и суставы, потомъ же привыкъ и никакихъ болей не чувствовалъ. Только отъ не спанья и постоянной возьни съ багажомъ, отъ прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мнѣ настроеніе, и безъ того не важное. Въ первые дни было сносно, но потомъ задулъ холодный вѣтеръ, разверзлись хляби небесныя, рѣки затопили луга и дороги. То и дѣло приходилось мѣнять повозку на лодку. О войнѣ моей съ разливомъ и съ грязью Вы прочтете въ прилагаемыхъ листкахъ [1]); я тамъ умолчалъ, что мои большіе сапоги оказались узкими и что я по грязи и по водѣ ходилъ въ валенкахъ и что валенки мои обратились въ студень. Дорога такъ гнусна, что въ послѣдніе два дня своего вояжа я сдѣлалъ только 70 верстъ.

Уѣзжая, я обѣщалъ присылать Вамъ путевыя замѣтки начиная съ Томска, ибо путь между Тюменью и Томскомъ давно уже описанъ и эксплоаторовался тысячу разъ. Но Вы въ Вашей телеграммѣ изъявили желаніе имѣть отъ меня сибирскія впечатлѣнія возможно скорѣе

---

[1]) Фельетоны по «Сибири», напечат. въ «Нов. Вр.» и перепечатанные въ дополнит. томахъ изданія Маркса.

и даже, сударь, имѣли жестокость попрекнуть меня въ слабой памяти, т.-е. въ томъ, какъ будто я забылъ о Васъ. Дорогою писать было положительно невозможно; я велъ короткій дневникъ карандашемъ и могу предложить Вамъ теперь только то, что въ этомъ дневникѣ записано. Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я всѣ свои записанныя впечатлѣнія раздѣлилъ на главы. Посылаю Вамъ шесть главъ. Написаны онѣ *лично для Васъ*. Писалъ я только для Васъ и потому не боялся быть въ своихъ замѣткахъ слишкомъ субъективнымъ и не боялся, что въ нихъ больше Чеховскихъ чувствъ и мыслей, чѣмъ Сибири. Если какія строки найдете интересными и достойными печати, то предайте ихъ благодѣтельной гласности, подписавъ мою фамилію и печатая ихъ тоже отдѣльными главками, черезъ часъ по столовой ложкѣ. Общее названіе можно дать «Изъ Сибири», потомъ «Изъ Забайкалья», потомъ «Съ Амура» и т. д

Новую порцію Вы получите изъ Иркутска, куда я ѣду завтра и куда буду ѣхать не меньше 10 дней—дорога плоха. Вышлю опять нѣсколько главъ и буду высылать, независимо отъ того, будете Вы печатать, или нѣтъ. Читайте, а когда надоѣстъ, то телеграфируйте мнѣ: «уймись!»

Всю дорогу я голодалъ, какъ собака. Набивалъ себѣ брюхо хлѣбомъ; чтобы не мечтать о тюрбо, спаржѣ и проч. Даже о гречневой кашѣ мечталъ. По цѣлымъ часамъ мечталъ.

Въ Тюмени я купилъ себѣ на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусокъ въ ротъ, то во рту такой запахъ, какъ будто вошолъ въ конюшню въ тотъ самый моментъ, когда кучера снимаютъ портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, какъ будто вцѣпился зубами въ собачій хвостъ, опачканный въ деготь. Тьфу! Поѣлъ раза два и бросилъ.

Получилъ отъ Васъ одну телеграмму и письмо, въ которомъ Вы пишете, что хотите издавать энциклопедическій словарь. Не знаю почему, но вѣсть объ этомъ словарѣ меня очень порадовала. Издавайте, голубчикъ! Если я гожусь въ работники, то отдаю Вамъ ноябрь и декабрь; буду жить эти мѣсяцы въ Питерѣ. Отъ утра до ночи буду сидѣть.

Свои путевыя замѣтки писалъ я начисто въ Томскѣ при сквернѣйшей номерной обстановкѣ, но со стараніемъ и не безъ желанія угодить Вамъ. Думаю, ему скучновато въ Ѳеодосіи и жарко, пусть почитаетъ о холодѣ. Замѣтки эти идутъ къ Вамъ вмѣсто письма, которое складывалось у меня въ головѣ въ продолженіе всего пути. За это Вы высылайте мнѣ на Сахалинъ всѣ Ваши критическіе фельетоны, кромѣ первыхъ двухъ, которые я читалъ; распорядитесь также, чтобы мнѣ высылали туда же Народовѣдѣніе Пешеля, кромѣ первыхъ двухъ выпусковъ, которые я уже имѣю.

Почта на Сахалинъ идетъ и моремъ, и черезъ Сибирь: значитъ, если мнѣ будутъ писать, я буду часто получать корреспонденцію. Не потеряйте мой адресъ: *о. Сахалинъ, Александровскій Постъ.*

Ахъ, какіе расходы! Гевалдъ! Благодаря разливу, я вездѣ платилъ возницамъ почти вдвое, а иногда втрое, ибо работа каторжная, адская. Чемоданъ мой, милѣйшій сундучекъ, оказался не удобнымъ въ дорогѣ: занимаетъ много мѣста, толкаетъ въ бокъ, гремитъ, а главное— грозитъ разбиться. «Не берите съ собой въ дальнюю дорогу сундуки!» говорили мнѣ добрые люди, но этотъ совѣтъ припомнился мнѣ только на полъ-дорогѣ. Что-жъ? Оставляю свой чемоданъ въ Томскѣ на поселеніи, а вмѣсто него купилъ себѣ какую-то кожаную стерву, которая имѣетъ то удобство, что распластывается на днѣ тарантаса, какъ угодно. Заплатилъ 16 рублей. Далѣе..

На перекладныхъ скакать до Амура—это пытка. Разобьешь и себя и весь свой багажъ. Посовѣтовали купить повозку. Купилъ сегодня за 130 рублей. Если не удастся продать ее въ Срѣтенскѣ, гдѣ кончается мой лошадиный путь, то я останусь на бобахъ и взвою. Сегодня обѣдалъ съ редакторомъ «Сибирскаго Вѣстника» К. Мѣстный Ноздревъ, широкая натура.. Пропилъ 6 рублевъ.

Стопъ! Докладываютъ, что меня желаетъ видѣть помощникъ полиціймейстера. Что такое?!?

Тревога напрасная. Полицейскій оказывается любителемъ литературы и даже писателемъ; пришелъ ко мнѣ на поклоненіе. Поѣхалъ домой за своей драмой и, кажется, хочетъ угостить меня ею. Сейчасъ пріѣдетъ и опять помѣшаетъ писать къ Вамъ..

Пишите мнѣ о Ѳеодосіи, о Толстомъ, о морѣ, о бычкахъ, объ общихъ знакомыхъ.

Анна Ивановна, здравствуйте! Господь Васъ благословитъ. Я о Васъ часто думаю.

Поклонъ Настюшѣ и Борѣ. Всей душой радъ для ихъ удовольствія броситься въ пасть тигра и позвать ихъ къ себѣ на помощь, но—увы! до тигровъ я еще не доѣхалъ. До сихъ поръ изъ пушныхъ звѣрей въ Сибири я видѣлъ только очень много зайцевъ и одну мышь.

Стопъ! Вернулся полицейскій. Онъ драмы не читалъ, хотя и привезъ ее, но угостилъ разсказомъ. Не дурно, но только слишкомъ мѣстно. Показывалъ мнѣ слитокъ золота. Попросилъ водки. Не помню ни одного Сибирскаго интеллигента, который, прійдя ко мнѣ, не попросилъ бы водки. Говорилъ, что у него завелась «любвишка»—замужняя женщина; далъ прочесть мнѣ прошеніе на Высочайшее имя насчетъ развода...

Зачѣмъ А. А. въ Ригѣ? Вы объ этомъ писали. Какъ его здоровье? Теперь ужъ я буду писать Вамъ аккуратно

изъ каждаго города и изъ каждой той станціи, гдѣ мнѣ не будутъ давать лошадей, т.-е. заставятъ меня ночевать. А какъ я радъ, когда по необходимости остаюсь гдѣ-нибудь ночевать! Не успѣешь бултыхнуть въ постель, какъ ужъ спишь. Здѣсь, когда ѣдешь и не спишь ночью, сонъ цѣнишь превыше всего; на землѣ нѣтъ выше наслажденія, какъ сонъ, когда хочется спать. Въ Москвѣ, вообще въ Россіи, какъ теперь я понимаю, мнѣ никогда не хотѣлось спать. Ложился только потому, что надо. За то теперь! Еще одно замѣчаніе: въ дорогѣ совсѣмъ не хочется спиртного. Я не могъ пить. Курилъ очень много. Думается плохо. Мысли какъ-то не вяжутся. Время бѣжитъ быстро, такъ что совсѣмъ не замѣчаешь времени отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Послѣ утра вскорѣ наступаетъ вечеръ. Такъ бываетъ во время затяжной болѣзни. Отъ вѣтра и дождей у меня лицо покрылось рыбьей чешуей и я, глядя на себя въ зеркало, не узнаю прежнихъ благородныхъ чертъ.

Томска описывать не буду. Въ Россіи всѣ города одинаковы. Томскъ городъ скучный, не трезвый; красивыхъ женщинъ совсѣмъ нѣтъ, безправіе азіатское. Замѣчателенъ сей городъ тѣмъ, что въ немъ мрутъ губернаторы.

Обнимаю Васъ крѣпко, Аннѣ Ивановнѣ цѣлую обѣ руки и кланяюсь до земли. Идетъ дождь. До свиданья, будьте здоровы и счастливы. Если письма мои будутъ кратки, небрежны, или сухи, то не посѣтуйте, ибо въ дорогѣ не всегда можно быть самимъ собою и писать такъ, какъ хочется. Чернила скверныя, а на перо вѣчно садятся какіе-то волоски и кусочки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Опишите Вашъ Ѳеодосійскій домъ. Нравится ли Вамъ?

XLIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

г. Маріинскъ (на пути отъ Томска къ Иркутску) [1] *(1890 г. 25 май).*

Весна начинается; поле зеленѣетъ, деревья распускаются, поютъ кукушки и даже соловьи. Было сегодня прекрасное утро, но въ 10 часовъ подулъ холодный вѣтеръ и пошолъ дождь. До Томска была равнина, послѣ Томска пошли лѣса, овраги и проч.

Чемоданъ свой бѣдный оставилъ въ Томскѣ на поселеніе за его громоздкость, а вмѣсто него купилъ за 16 р. (!) какую-то чепуху, которая рабски распластывается на днѣ повозки. Вы можете вездѣ теперь хвастать, что у насъ есть экипажъ. Въ Томскѣ купилъ за 130 р. коляску съ откиднымъ верхомъ и проч., но, конечно, безъ рессоръ, ибо Сибирь рессоръ не признаетъ. Сидѣнья нѣтъ, дно ровное, большое, можно вытянуться во весь ростъ. Теперь ѣхать очень удобно: не боюсь ни вѣтра, ни дождя. Только жду, что ось сломается, ибо дорога отвратительная. Плаваніямъ моимъ нѣтъ конца: утромъ плавалъ два раза, да ночью прійдется плыть 4 версты. Я живъ и совершенно здоровъ. Будьте здоровы.

Вашъ Antoine.

XLV.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Ачинскъ, Енисейск. губ., 1890 г. Май 28-й).

Я живъ и здоровъ. Привѣтъ Вамъ изъ Ачинска. Всѣмъ кланяюсь.

А. Чеховъ.

Поклонъ отцу и Ивану. Гдѣ Иванъ? Завтра буду въ Красноярскѣ.

---

[1]) Скобки А. П.

XLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Красноярскъ, 28 Мая (1890 г.).

Здравствуйте! Изъ Томска Вамъ послано большое заказное письмо. Если Вамъ понадобится телеграфировать что-нибудь по поводу его, то телеграфируйте «Благовѣщенскъ до востребованія», если только, конечно, изъ моихъ телеграммъ не будетъ видно, что я уже проѣхалъ названный городъ. До сихъ поръ я не ѣхалъ, а ползъ. Дорога и ужасная, и страшная, благодаря не вылазной, оси ломающей грязи. Но слава Богу около Красноярска стало лучше. Мой экипажъ два раза ломался отъ напряженія и два раза починка его задерживала меня на станціяхъ. Низко кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Буду писать изъ Иркутска.

XLVII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Красноярскъ, 28 Май (1890 г.).

Что за убійственная дорога! Еле-еле доползъ до Красноярска и два раза починялъ свою повозку; лопнулъ сначала курокъ—желѣзная, вертикально стоящая штука, соединяющая передокъ повозки съ осью; потомъ сломался подъ передкомъ такъ называемый кругъ. Никогда въ жизни не видывалъ такой дороги, такого колоссальнаго распутья и такой ужасной, запущенной дороги.

Буду писать о ея безобразіяхъ въ Нов. Вр., а посему умолчу пока.

Послѣднія три станціи великолѣпны; когда подъѣзжаешь къ Красноярску, то кажется, что спускаешься въ иной міръ. Изъ лѣса выѣзжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здѣсь горные кряжи грандіознѣе. Солнце блеститъ во всю ивановскую и березы распустились, хотя за три станціи назадъ на березахъ не потрескались даже еще почки. Слава Богу, въѣхалъ таки я наконецъ въ лѣто, гдѣ нѣтъ ни вѣтра, ни холоднаго дождя. Красноярскъ красивый, интеллигентный городъ; въ сравненіи передъ нимъ Томскъ свинья въ ермолкѣ и моветонъ. Улицы чистыя, мощеныя, дома каменные, большіе, церкви изящныя.

Я живъ и совершенно здоровъ. Деньги цѣлы, вещи тоже цѣлы; потерялъ было шерстяные чулки и скоро нашелъ.

Пока, если молчать о повозкѣ, все обстоитъ благополучно, и жаловаться не на что. Только расходы страшенные. Нигдѣ такъ сильно не сказывается житейская непрактичность, какъ въ дорогѣ. Плачу лишнее, дѣлаю ненужное, говорю не то, что нужно и жду всякій разъ того, что не случается.

Миша, погоди собираться въ Японію; кажется, я вернусь черезъ Америку.

Въ Иркутскѣ я буду черезъ 5—6 дней, проживу тамъ столько же дней, затѣмъ скакать до Срѣтенска и—конецъ моему лошадиному пути. Вотъ ужъ больше двухъ недѣль прошло, какъ я скачу не переставая, думаю только въ одномъ этомъ направленіи, живу этимъ; ежедневно вижу восходъ солнца отъ начала до конца. Такъ привыкъ, что мнѣ кажется, что я всю жизнь скачу и воюю съ грязной дорогой. Когда нѣтъ дождя и гряз-

ныхъ ямъ на дорогѣ, то становится какъ-то странно и даже скучновато. А какой я грязный, какое у меня ерническое рыло! Какъ потерлась моя несчастная одежа!

Поклонъ отцу, Ивану (гдѣ сей?), Александрѣ Васильевнѣ, братьямъ и сестрамъ Линтваревымъ, Семашко, Иваненкѣ, Жамэ, Марьюшкѣ и прочимъ.

Къ департаменту матери: кофе у меня еще $1^1/_2$ банки; питаюсь медомъ и акридами; буду обѣдать сегодня и въ Иркутскѣ. Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ дороже все становится. Хлѣбъ ржаной т.-е. мука ржаная ужъ 70 коп. за пудъ, тогда какъ по ту сторону Томска она 25—27 к., а пшеничная 30 к. Табакъ, продающійся въ Сибири, подлъ и гнусенъ; дрожу, такъ какъ мой ужъ на исходѣ.

Напишите теткѣ и Алексѣю, что я имъ кланяюсь. Гдѣ теперь Жамэ? Хотѣлъ было заказать ей работишку въ музеѣ, да не знаю, гдѣ проживаетъ теперь эта златокудрая-обольстительная дѣва. А гдѣ Гундасова? И ей поклонъ.

Ѣду съ двумя поручиками и съ однимъ военнымъ докторомъ, которые всѣ держатъ путь на Амуръ. Такимъ образомъ револьверъ является совершенно лишнимъ. Съ такой компаніей и въ адъ не страшно. Сейчасъ пьемъ на станціи чай, а послѣ чаю пойдемъ смотрѣть городъ.

Я согласился бы жить въ Красноярскѣ. Не понимаю, почему здѣсь излюбленное мѣсто для ссылки. Тутъ недавно прощенный Юхонцевъ, тутъ и Рыковъ.

Однако спѣшимъ; будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ, откидываю къ печкѣ, потомъ опять принимаю въ свои объятія, благословляю по архіерейски и желаю всего хорошаго.

Ради Бога безъ болѣзней и безъ инцидентовъ! Будьте благополучны до мозга костей.

Вашъ Homo Sachaliensis *А. Чеховъ.*

Письма адресуемыя на имя Маши могутъ быть читаемы всею семьей; если случится писать секретъ, то на адресѣ будетъ написано «ея высокоблагородію». Это помните. Всякое письмо съ ея высокоблагородіемъ можетъ быть распечатано только одною Машей, которой, кстати сказать, я желаю отъ души всего самаго лучшаго и великолѣпнаго.

Ахъ, Троша, Троша! [1]) Не слышу я Вашего чудеснаго смѣха!

XLVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

5 Іюнь, Иркутскъ (1890 г.).

Европейскій братъ!

Конечно, не пріятно жить въ Сибири; но лучше быть въ Сибири и чувствовать себя благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ жить въ Петербургѣ и слыть за пьяницу и негодяя. Я не говорю о присутствующихъ.

Уѣзжая изъ Россіи, о братъ, я писалъ тебѣ, что ты получишь отъ меня много порученій. Передъ отъѣздомъ я не собрался написать тебѣ, въ дорогѣ было не до писемъ, теперь же, поразмысливъ, я вижу, что у меня есть къ тебѣ не много порученій, а только одно, которое и прошу исполнить подъ страхомъ лишенія наслѣдства. Порученіе состоитъ вотъ въ чемъ: когда получишь письмо отъ сестры насчетъ денегъ, то надѣнь штаны и сходи въ книжный магазинъ Новаго Времени: тутъ получи деньги за мои книги и вышли ихъ сестрѣ полностью. Вотъ и все.

Сибирь есть страна холодная и длинная. Ѣду, ѣду и конца не видать. Интереснаго и новаго вижу мало,

---

[1]) Н. М. Линтварева. Жамэ—Л. С. Мизинова.

за то чувствую и переживаю много. Воевалъ съ разливами рѣкъ, съ холодомъ, съ невылазною грязью, съ голодухой, съ желаніемъ спать.. Такія ощущенія, которыя въ Москвѣ и за милліонъ не испытаешь. Тебѣ бы надо въ Сибирь! Попроси прокуроровъ, чтобы тебя сюда выслали.

Изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ самый лучшій Иркутскъ. Томскъ гроша мѣднаго не стоитъ, а всѣ уѣздные не лучше той Крѣпкой, въ которой ты имѣлъ неосторожность родиться. Обиднѣе всего, что въ уѣздныхъ городишкахъ ѣсть нечего, а это въ дорогѣ ухъ какъ чувствуется! Подъѣзжаешь къ городу и надѣешься съѣсть цѣлую гору, а въѣхалъ — трахъ! ни колбасы, ни сыру, ни мяса, ниже селедки, а тѣ же прѣсныя яйца и молоко, что и въ деревняхъ.

Въ общемъ я своею поѣздкой доволенъ и не жалѣю, что поѣхалъ. Тяжко ѣхать, но за то отдыхъ чуденъ. Отдыхаю съ наслажденіемъ.

Изъ Иркутска двинусь къ Байкалу, который переплыву на пароходѣ; отъ Байкала тысяча верстъ до Амура, а тамъ на пароходѣ до Великаго Океана, гдѣ первымъ дѣломъ выкупаюсь и поѣмъ устрицъ.

Сюда пріѣхалъ я вчера и первымъ дѣломъ отправился въ баню, потомъ легъ спать. Ахъ, какъ спалъ! Только теперь я понимаю, что значитъ сонъ.

Ну, будь здоровъ. Натальѣ Александровнѣ, пѣмотствующему Кукѣ и тезкѣ моему нижайшій поклонъ и пожеланіе всѣхъ благъ. Мой адресъ: Александровскій постъ на Сахалинѣ. Опиши, какъ идутъ твои дѣла и нѣтъ ли чего новенькаго. Пиши нашимъ почаще, ибо имъ скучно.

Благославляю тебя обѣими руками.

Твой азіатскій братъ *А. Чеховъ.*

XLIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

5 іюнь. Иркутскъ (1890 г.).

Тысячу разъ здравствуйте, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Наконецъ поборолъ самыя трудныя 3000 верстъ, сижу въ приличномъ номерѣ и могу писать. Одѣлся я нарочно во все новое и возможно щеголеватѣе, ибо Вы не можете себѣ представить, до какой степени мнѣ надоѣли грязные большіе сапоги, полушубокъ пахнущій дегтемъ или пальто въ сѣнѣ, пыль и крошки въ карманахъ и необычайно грязное бѣлье. Въ дорогѣ одѣтъ я былъ такимъ сукинымъ сыномъ, что даже бродяги косо на меня посмотривали, а тутъ еще, точно нарочно, отъ холодныхъ вѣтровъ и дождей рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей. Теперь наконецъ я опять европеецъ, что и чувствую всѣмъ моимъ существомъ.

Ну-съ, о чемъ же Вамъ написать? Все такъ длинно и широко, что не знаешь, съ чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я дѣлю на три эпохи: 1) отъ Тюмени до Томска, 1500 верстъ, страшенный холодище днемъ и ночью, полушубокъ, валенки, холодные дожди, вѣтры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война съ разливами рѣкъ; рѣки заливали луга и дороги, а я то и дѣло мѣнялъ экипажъ на ладью и плавалъ, какъ венеціанецъ на гондолѣ; лодки, ихъ ожиданіе у берега, плаваніе и проч.—все это отнимало такъ много времени, что въ послѣдніе два дня до Томска я при всѣхъ моихъ усиліяхъ сумѣлъ сдѣлать только 70 верстъ вмѣсто 400—500; бывали къ тому же еще весьма жуткія, непріятныя минуты, особенно въ ту пору, когда вдругъ поднимался вѣтеръ и начиналъ бить по лодкѣ. 2) Отъ Томска до

Красноярска 500 верстъ, невылазная грязь; моя повозка и я грузли въ грязи, какъ мухи въ густомъ вареньѣ; сколько разъ я ломалъ повозку (она у меня собственная), сколько верстъ прошелъ пѣшкомъ, сколько кляксъ было на моей физіономіи и на платьѣ!. Я не ѣхалъ, а полоскался въ грязи. За то и ругался же я! Мозгъ мой не мыслилъ, а только ругался. Замучился я до изнеможенія и былъ очень радъ, попавъ на Красноярскую почтовую станцію. 3) Отъ Красноярска до Иркутска 1566 верстъ, жара, дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ и пыль; пыль во рту, въ носу, въ карманахъ; поглядишь на себя въ зеркало и кажется, что загримировался. Когда по пріѣздѣ въ Иркутскъ я мылся въ банѣ, то съ головы моей текла мыльная пѣна не бѣлаго, а пепельно-гнѣдого цвѣта, точно я лошадь мылъ.

Когда пріѣду, разскажу Вамъ про Енисей и тайгу— весьма интересно и любопытно, ибо представляетъ новизну для европейца, все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) отъ россійской; есть различіе, но оно мало замѣтно для глаза. Дорога вполнѣ безопасна.

Грабежи, нападенія, злодѣи—все это вздоръ и сказки. Револьверъ совершенно ненуженъ, и ночью въ лѣсу такъ же безопасно, какъ днемъ на Невскомъ. Для пѣшаго—другое дѣло.

Цѣлую Васъ и обнимаю, а Вашимъ шлю привѣтъ и пожеланія всего хорошаго. Не хворайте, голубчикъ, и не скучайте. Дай Вамъ Богъ и здоровья, и денегъ. Не забывайте Вашего почитателя и искренняго доброжелателя.

А. Чеховъ.

L.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Іюнь, Иркутскъ (1890 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Шлю Вамъ душевный привѣтъ изъ Иркутска, изъ нѣдръ Сибирскихъ. Пріѣхалъ я въ Иркутскъ вчера ночью и очень радъ, что пріѣхалъ, такъ какъ замучился въ дорогѣ и соскучился по роднымъ и знакомымъ, которымъ давно уже не писалъ. Ну-съ, о чемъ же интересномъ написать Вамъ? Начну съ того, что дорога необыкновенно длинна. Отъ Тюмени до Иркутска я сдѣлалъ на лошадяхъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. Отъ Тюмени до Томска воевалъ съ холодомъ и съ разливами рѣкъ; холода были ужасные, на Вознесенье стоялъ морозъ и шелъ снѣгъ, такъ что полушубокъ и валенки пришлось снять только въ Томскѣ въ гостинницѣ. Что же касается разливовъ, то это казнь египетская. Рѣки выступили изъ береговъ и на десятки верстъ заливали луга, а съ ними и дороги; то и дѣло приходилось мѣнять экипажъ на лодку, лодки же не давались даромъ—хорошая обходилась пуда крови, такъ какъ нужно было по цѣлымъ суткамъ сидѣть на берегу подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ и ждать, ждать... Отъ Томска до Красноярска отчаянная война съ невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! Сколько разъ приходилось починять свою повозку, шагать пѣшкомъ, ругаться, вылѣзать изъ повозки, опять влѣзать и т. д.; случалось, что отъ станціи до станціи ѣхалъ я 6—10 часовъ, и на починку повозки требовалось 10—15 часовъ каждый разъ. Отъ Красноярска до Иркутска страшнѣйшая жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль въ носу, слипающіеся

отъ безсонницы глаза, вѣчный страхъ, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку... Но тѣмъ не менѣе все-таки я доволенъ и благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силу и возможность пуститься въ это путешествіе... Многое я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемыя дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха—все вмѣстѣ взятое такъ хорошо, что и описать не могу. Ужъ одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ—любопытно и здорово; цѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ ночи и до конца.

Отсюда ѣду на Байкалъ, потомъ въ Читу, Срѣтенскъ, гдѣ мѣняю лошадей на пароходъ, и плыву по Амуру до своей цѣли. Не спѣшу, ибо желаю быть на Сахалинѣ не раньше 1-го 1юля.

Если бы вздумали написать мнѣ, то вотъ Вамъ мой адресъ: Александровскій постъ на о. Сахалинѣ. Почта на Сахалинъ идетъ черезъ Сибирь ежедневно.

Вы спрашивали меня въ послѣднемъ письмѣ, почему за деньгами (Пестрые разсказы) я обратился къ Голике, а не къ Вамъ. Помилуйте, сударь мой, вѣдь Вы раньше писали и говорили мнѣ, чтобы я обращался за деньгами именно къ Голике, а не къ Вамъ. Впрочемъ, это все равно. Будьте здоровы, счастливы, покойны. Какова-то у Васъ погода?

Почтеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. До свиданья.

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

Дорога черезъ Сибирь вполнѣ безопасна. Грабежей не бываетъ.

LI.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 5 Іюня (1890 г.).

Здравствуйте, милый мой Жанъ! Шлю Вамъ дружескій привѣтъ изъ нѣдръ сибирскихъ, изъ града Иркутска, куда я пріѣхалъ вчера вечеромъ.

Давно, давно уже собирался я написать Вамъ, милѣйшій изъ всѣхъ капитановъ. Хотѣлъ написать длинно передъ выѣздомъ изъ Москвы, но грусть и тяжелое чувство при разставаніи съ родными парализовали мою пишущую длань; въ дорогѣ нельзя было писать, да и останавливала мысль, что мнѣ неизвѣстенъ Вашъ адресъ. Теперь же, отдыхаючи, не утерпѣлъ и пишу.

Путешествіе мое длинно; все до такой степени длинно и широко, что писать положительно не о чемъ. Скажу только, что ѣхать было тяжко, временами несносно и даже мучительно; разливы рѣкъ, холодъ, питаніе исключительно чаемъ, грязная одежа, тяжелые сапоги, невылазная грязь—все это имѣло для меня подавляющее значеніе и отодвигало природу и сибирскаго человѣка на второй и третій планы. Да и кстати сказать, здѣшніе природа и человѣкъ мало чѣмъ отличаются отъ россійскихъ. Оригинальны только рѣка Енисей и тайга, но о нихъ можно только разсказать, а не писать, ибо письмо слишкомъ не просторно для этого. Въ декабрѣ при свиданіи я выложу передъ Вами все мое сибирское богатство.

Отсюда ѣду на Байкалъ, затѣмъ подамся къ Амуру, на которомъ поплыву до Сахалина. Обо всемъ разскажу Вамъ, друже, если останусь живъ и если у Васъ будетъ охота слушать такого неумѣлаго разсказчика, какъ я,

Гдѣ Вы? Что? Какъ? Каково у Васъ лѣто? Холодно или жарко? Пишете ли? Ахъ, голубчикъ, не скучайте Бога ради и не хандрите. Вы хорошій человѣкъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Вашей женѣ непремѣнно. Господь Васъ благословитъ. Будьте здоровы и счастливы, и не забывайте меня. Мнѣ скучно безъ людей.

Какой Вашъ адресъ? Вотъ задача-то!

LII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 6 іюня (1890 г.).

Здравствуйте, милая мама, Иванъ, Маша и Миша и всѣ, я же съ Вами!

Въ послѣднемъ большомъ письмѣ я писалъ Вамъ, что горы около Красноярска похожи на Донецкій кряжъ, но это неправда; когда я взглянулъ на нихъ съ улицы, то увидѣлъ, что онѣ, какъ высокія стѣны, окружаютъ городъ и мнѣ живо вспомнился Кавказъ. А когда передъ вечеромъ, уѣзжая изъ города, я переплывалъ Енисей, то видѣлъ на другомъ берегу овсѣмъ ужсъ Кавказскія горы, такія же дымчатыя, мечтательныя.. Енисей широкая, быстрая, гибкая рѣка; красавецъ, лучше Волги. И паромъ черезъ него замѣчательный, хитро устроенный, плывущій противъ теченія; объ устройствѣ сей штуки разскажу дома. Итакъ, горы и Енисей—это первое оригинальное и новое, встрѣченное мною въ Сибири. И горы и Енисей подарили меня такими ощущеніями, которыя сторицею вознаградили меня за всѣ пережитыя кувырколлегіи и которыя за-

ставили меня обругать Левитана болваномъ за то, что онъ имѣлъ глупость не поѣхать со мной.

Отъ Красноярска до Иркутска всплошную тянется тайга. Лѣсъ не крупнѣе Сокольничьяго, но за то ни одинъ ямщикъ не знаетъ, гдѣ онъ кончается. Конца краю не видать. Тянется на сотни верстъ. Что и кто въ тайгѣ, неизвѣстно никому, и только зимою случается, что пріѣзжаютъ черезъ тайгу изъ далекаго сѣвера за хлѣбомъ какіе-то люди на оленяхъ. Когда въѣдешь на гору и глянешь впередъ и внизъ, то видишь впереди гору, за ней еще гору, потомъ еще гору, съ боковъ тоже горы—и все это густо покрыто лѣсомъ. Даже жутко дѣлается. Это второе оригинальное и новое..

Отъ Красноярска начались жарища и пыль. Жара страшная. Полушубокъ и шапка лежатъ подъ спудомъ. Пыль во рту, въ носу, за шеей—тьфу! Подъѣзжаемъ къ Иркутску—надо переплывать черезъ Ангару на плашкотѣ (т.-е. паромѣ). Какъ нарочно, точно на смѣхъ, поднимается сильнѣйшій вѣтеръ.. Я и мои военные спутники, 10 дней мечтавшіе о банѣ, обѣдѣ и снѣ, стоимъ на берегу и блѣднѣемъ отъ мысли, что намъ прійдется переночевать не въ Иркутскѣ, а въ деревнѣ. Плашкотъ никакъ не можетъ подойти.. Стоимъ часъ—другой и—о небо!—плашкотъ дѣлаетъ усиліе и подходитъ къ берегу. Браво, мы въ банѣ, мы ужинаемъ и спимъ! Ахъ, какъ сладко париться, ѣсть и спать!

Иркутскъ превосходный городъ. Совсѣмъ интеллигентный. Театръ, музей, городской садъ съ музыкой, хорошія гостинницы.. Нѣтъ уродливыхъ заборовъ, нелѣпыхъ вывѣсокъ и пустырей съ надписями о томъ, что нельзя останавливаться. Есть трактиръ «Таганрогъ». Сахаръ 24 коп., кедровые орѣхи 6 коп. за фунтъ.

Къ великому моему огорченію я не нашелъ письма отъ васъ. Все написанное вами до 6 мая я получилъ бы

въ Иркутскѣ, если бы Вы написали. Послалъ Суворину телеграмму—отвѣта нѣтъ.

Теперь объ источникахъ для добычи презрѣннаго металла. Когда понадобятся деньги, то напишите Александру (или телеграфируйте), чтобы онъ сходилъ въ книжный магазинъ Новаго Времени и взялъ бы мой *книжный* гонораръ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, пошлите прилагаемое письмо, предварительно прочитавъ его; письмо пошлите въ августѣ и счетъ сохраните.

Александру я писалъ.

Не прозѣвайте моего выгрышнаго билета.

Писалъ ли я Мишѣ, что я, кажется, вернусь домой черезъ Америку? Пусть не спѣшитъ въ Японію.

Я живъ и здоровъ. Деньги цѣлы. Кофе припряталъ для Сахалина. Пью великолѣпный чай, послѣ котораго чувствую пріятное возбужденіе. Видаю китайцевъ. Добродушный и неглупый народъ. Въ сибирскомъ банкѣ мнѣ выдали деньги тотчасъ же, приняли любезно, угощали папиросами и пригласили на дачу. Есть великолѣпная кондитерская, но все адски дорого. Тротуары деревянные.

Вчера ночью совершалъ съ офицерами экскурсію по городу. Слышалъ, какъ кто-то шесть разъ протяжно крикнулъ «караулъ». Должно быть, душили кого-нибудь. Поѣхали искать, но никого не нашли.

Въ Иркутскѣ рессорныя пролетки. Онъ лучше Екатеринбурга и Томска. Совсѣмъ Европа.

17-го іюня отслужите обѣдню [1]), а 29-ое [2]) отпразднуйте возможно торжественнѣе; буду мысленно присутствовать съ Вами, а вы выпейте за мое здоровье. Поклонъ Папашѣ, Линтваревымъ, Жаме, Семашечкѣ, Иваненко и Марьюшкѣ. Ну, оставайтесь здоровы, да хранитъ

---

[1]) Годовщина смерти Ник. Павл.
[2]) День именинъ отца Павла Егор.

Васъ Богъ. Постарайтесь не забыть вашего скучающаго домочадца.

А. Чеховъ.

Все у меня мнется, грязно, рвется! Похожъ на жулика.

Мѣховъ, вѣроятно, не привезу. Не знаю, гдѣ ихъ продаютъ, а спросить лѣнь.

Въ дорогу надо брать не меньше двухъ большихъ подушекъ и непремѣнно въ темныхъ наволочкахъ.

Что дѣлаетъ Иванъ? Куда онъ ѣздилъ? Былъ ли на югѣ? Изъ Иркутска я ѣду къ Байкалу. Спутники мои готовятся рвать.

Большіе сапоги обносились и стали просторнѣе. Пятки уже не болятъ.

Заказалъ на завтра гречневую кашу. Въ дорогѣ вспомнилъ о творогѣ и сталъ ѣсть его на станціяхъ съ молокомъ.

Получали ли изъ мелкихъ городовъ мои открытыя письма? Берегите ихъ: по нимъ буду судить о скорости почты. А почта здѣшняя не спѣшитъ.

LIII.

Чеховой (Е. Я.).

(Телеграмма).

(Иркутскъ. 1890 г. Іюнь 7).

Сдѣлайте складчину телеграфируйте подробнѣе Иркутскъ Амурское подворье скучаю здоровъ.

LIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Иркутскъ, 7 іюнь (1890 г.).

Получилъ сейчасъ отъ Суворина такую телеграмму: «Не хвались до стенли далеко привѣтствуемъ золотая

и мѣдные бѣдные домъ прекрасный жалѣемъ что Васъ нѣтъ хмурые люди второе изданіе всѣмъ на зависть вы бѣдный хорошій мы васъ любимъ студента Казанцева нынѣ скучно когда васъ принесетъ обратно. Суворинъ».

Мудрый Эдипъ, разрѣши! Во всякомъ разѣ, если «Хмурые люди» выходятъ вторымъ изданіемъ, то Вамъ прійдется получить рублей 600—700, которые тратьте по надобности; если что сбережете, то пригодится; быть-можетъ, я попрошу перевести изъ Москвы во Владивостокъ. Сибирскій банкъ обѣщаетъ мнѣ устроить такой переводъ. За «Сумерки» и «Разсказы» тоже получите малую толику. Поѣхала ли Маша въ Крымъ? Хорошо бы и на Кавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ; въ дилижансѣ эта дорога только 12 руб. стоитъ. Пусть бы съ Иваномъ ѣхала! Владикавказъ, Тифлисъ, Батумъ, Ѳеодосія, Севастополь, Сумы—таковъ маршрутъ.

Жарко. Сегодня въ «Интендантскомъ саду» музыка и гулянье.

Пароходъ изъ Срѣтенска идетъ 20 іюня. Православные, что я буду дѣлать до 20? Куда дѣваться? Ѣзда до Срѣтенска требуетъ только 5—6 дней.

Я сильно измѣнилъ свой маршрутъ. Изъ Хабаровска (зри карту) [1]) я поѣду не въ Николаевскъ, а по Уссури во Владивостокъ, а оттуда уже на Сахалинъ. Нельзя не посмотрѣть Уссурійскаго края. Во Владивостокѣ буду купаться въ морѣ и ѣсть устрицъ.

До Канска было холодно; начиная отъ Канска (зри карту) стали спускаться къ югу. Зелень такая же густая, какъ и у васъ, даже дубы распустились. Береза здѣсь темнѣе, чѣмъ въ Россіи, зелень ея не такъ сантиментальна. Масса черемухи, которая замѣняетъ здѣсь и сирень

---

[1]) Въ семьѣ Чеховыхъ, во время путешествія А. П., висѣла карта Сибири, по которой слѣдили за маршрутомъ Ант. Пав.

и вишню. Говорятъ, что изъ черемухи отличное варенье. Ѣлъ ее маринованную: ничего себѣ.

Ѣдутъ со мною два поручика и военный докторъ. Они получили тройные прогоны, но все прожили, хотя и ѣдутъ въ одномъ экипажѣ. Сидятъ безъ гроша, ожидая, когда интендантство дастъ имъ денегъ. Милые люди. Получили прогоновъ по 1500 — 2000 р., а дорога каждому изъ нихъ (исключая конечно остановки) обойдется дешевле грибовъ. Занимаются тѣмъ, что распекаютъ всѣхъ въ гостинницахъ и на станціяхъ, такъ что съ нихъ страшно деньги брать. Около нихъ и я плачу меньше, чѣмъ обыкновенно.

Счетъ изъ книжнаго магазина лучше всего потребовать въ августѣ, этакъ числа 10 — 20; тогда же и письмо Кондратьеву послать.

Ѣздили Линтваревы въ Крымъ? Нѣтъ? Такъ и зналъ. Если пріѣдутъ на Луку Смагины, то поклонитесь имъ. Особенно низкій поклонъ Еленѣ Ивановнѣ.

Сегодня первый разъ въ жизни видѣлъ Сибирскаго кота. Шерсть длинная, мягкая, нравъ кроткій.

Я соскучился и послалъ Вамъ сегодня телеграмму, при чемъ просилъ Васъ сдѣлать складчину и отвѣтить мнѣ подлиннѣе. Ничего бы Вамъ всѣмъ обитающимъ на Лукѣ не стоило разориться рублей на пять.

Какъ дѣла насчетъ шпаковъ и психическаго воздѣйствія? Въ кого Мишка [1]) влюбленъ, какой счастливицѣ Иваненко разсказываетъ про дядюшку? А Вата? Я должно быть влюбленъ въ Жаме, такъ какъ она мнѣ вчера снилась. Въ сравненіи съ Парашами-сибирячками, со всѣми этими якуто-бурятскими рылами, неумѣющими одѣваться, пѣть и смѣяться, наши Жаме, Дришка и Гундасиха просто королевы. Сибирскія барышни и женщины—

---

[1]) Братъ Мих. Павл.

это замороженная рыба. Надо быть моржемъ или тюленемъ, чтобы разводить съ ними шпаковъ [1]).

Мои спутники мнѣ надоѣли. Одному ѣхать гораздо лучше. Въ дорогѣ я больше всего люблю молчаніе, а мои спутники говорятъ и поютъ безъ умолку, и говорятъ только о женщинахъ. Взяли у меня до завтра 136 рублей и ужъ потратили. Бездонныя бочки.

Мама, какъ Ваши ноги? Исполняете ли Вы совѣты Кузьмина, который взялъ съ Васъ пять рублей? А какъ поживаетъ тетя съ Алешей? Напишите имъ поклонъ...

По Сибирскому тракту есть свои Боромли. Попадаются станціи въ 30 — 35 верстъ. Ѣдешь ночью, ѣдешь, ѣдешь... балдѣешь, чумѣешь и все ѣдешь, а рискнешь спросить ямщика, сколько верстъ осталось до станціи, онъ непремѣнно скажетъ не меньше 17. Это особенно мучительно, когда приходится ѣхать шагомъ по грязной ухабистой дорогѣ и когда хочется пить. Я научился не спать; совершенно бываю равнодушенъ, когда меня будятъ. Обыкновенно не спишь день, ночь, потомъ къ обѣду другого дня начинаешь чувствовать напряженіе въ вѣкахъ, вечеромъ и ночью, особенно передъ разсвѣтомъ и утромъ третьяго дня, дремлешь въ повозкѣ и, случается, уснешь, сидя, на минутку; въ обѣдъ и послѣ обѣда на каждой станціи, пока запрягаютъ лошадей, валяешься на диванахъ, и только вечеромъ начинается инквизиція. Вечеромъ, послѣ того, какъ выпьешь стакановъ пять чаю, начинаетъ горѣть лицо и все тѣло вдругъ изнемогаетъ и хочется гнуться назадъ; глаза слипаются, ноги въ большихъ сапогахъ зудятъ, въ мозгу путаница.. Если позволишь себѣ остаться ночевать, то тотчасъ же засыпаешь, какъ убитый; если же хватаетъ воли ѣхать дальше, то засыпаешь въ повозкѣ, какъ бы

---

[1]) Играть въ любовь.

сильна ни была тряска; на станціяхъ ямщики будятъ, такъ какъ нужно вылѣзать изъ повозки и платить прогоны; будятъ они не столько голосомъ и дерганьемъ за рукава, сколько чесночной вонью, исходящей изъ ихъ устъ; воняетъ отъ нихъ лукомъ и чеснокомъ до тошноты. Я научился спать въ повозкѣ только послѣ Красноярска. До Иркутска я однажды проспалъ 58 верстъ, при чемъ былъ только разъ разбуженъ. Но спанье въ повозкѣ не укрѣпляетъ. Это не сонъ, а какое-то безсознательное состояніе, послѣ котораго и въ головѣ мутно и во рту скверно.

Китайцы похожи на тѣхъ дохлыхъ старцевъ, которыхъ любилъ изображать покойный Николай [1]). Попадаются съ великолѣпными косами.

Въ Томскѣ у меня была полиція. Въ 11-мъ часу вечера лакей вдругъ докладываетъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть помощникъ полиційместера. Что такое?! Ужъ не политика ли? Не заподозрили ли во мнѣ волтеріанца? Говорю лакею: проси. Входитъ мужчина съ длинными усами и рекомендуется. Оказывается, что это любитель литературы, самъ пишетъ и пришелъ ко мнѣ въ номеръ, какъ въ Мекку къ Магомету, дабы поклониться. Вспомнилъ я о немъ вотъ почему. Позднею осенью онъ ѣдетъ въ Петербургъ и я навязалъ ему свой чемоданъ, который просилъ доставить въ редакцію Нов. Времени. Имѣйте сіе въ виду на случай, если кто-нибудь изъ нашихъ или знакомыхъ поѣдетъ въ Питеръ. Фамилія полиціи—А.

Вы бы между прочимъ поискали хуторъ. По возвращеніи въ Россію я пять лѣтъ буду отдыхать, т.-е. сидѣть на одномъ мѣстѣ и переливать изъ пустого въ порожнее. Хуторъ былъ бы очень кстати. Деньги же, думаю, найдутся, ибо дѣла мои не плохи. Если я отработаю авансъ

---

[1]) Братъ А. П.—Николай Павловичъ.

(половину уже отработалъ), то весною непремѣнно возьму 2 — 3 тысячи аванса съ разсрочкою на пять лѣтъ. Это не будетъ противъ совѣсти, такъ какъ книжному магазину Нов. Времени я далъ уже заработать своими книжками больше, чѣмъ 2 — 3 тысячи, и дамъ еще больше. Думаю до 35 лѣтъ ни приниматься ни за что серьезное, хочется попробовать личной жизни, которая у меня была, но которой я не замѣчалъ по разнымъ обстоятельствамъ.

Сегодня смазалъ кожаное пальто саломъ. Дивное пальто. Оно спасло меня отъ простуды. Полушубокъ тоже молодчина: служитъ и шубой и матрацомъ. Въ немъ тепло, какъ на печкѣ. Безъ подушекъ совсѣмъ плохо. Сѣно не замѣняетъ ихъ; оно черезъ 5—6 станцій отъ тренія даетъ много пыли, которая щекочетъ лицо и мѣшаетъ дремать. Простыни ни одной. Тоже скверно. Надо было бы также взять побольше брюкъ. Чѣмъ больше багажа, тѣмъ лучше — меньше тряски и больше удобствъ.

Однако, будьте здоровы. Писать уже больше не о чемъ. Кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LV.

Ей же.

(Съ подлинника).

13 Іюнь, Ст. Лиственичная, на берегу Байкала. (1890 г.).

Я переживаю дурацкіе дни. 11-го іюня, т. е. позавчера, вечеромъ мы выѣхали изъ Иркутска въ чаяніи попасть къ Байкальскому пароходу, который отходитъ въ 4 часа утра. Отъ Иркутска до Байкала только три станціи. На первой станціи намъ заявили, что всѣ лошади въ разгонѣ, что ѣхать поэтому никакъ невозможно. Пришлось остаться ночевать. Вчера утромъ выѣхали изъ

этой станціи и къ полудню прибыли къ Байкалу. Пошли на пристань и на нашъ вопросъ получили отвѣтъ, что пароходъ пойдетъ не раньше пятницы 15-го іюня. Значитъ, до пятницы нужно сидѣть на берегу, глядѣть на воду и ждать. Такъ какъ не бываетъ ничего такого, что бы не кончалось, то я ничего не имѣю противъ ожиданій и ожидаю всегда терпѣливо, но дѣло въ томъ, что 20-го изъ Срѣтенска идетъ пароходъ внизъ по Амуру; если мы не попадемъ на него, то прійдется ждать слѣдующаго парохода, который пойдетъ 30-го. Господа милосердные, когда же я попаду на Сахалинъ?

Ѣхали мы къ Байкалу по берегу Ангары, которая беретъ начало изъ Байкала и впадаетъ въ Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горахъ сплошную лѣса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ѣхалъ и чувствовалъ почему-то, что я необыкновенно здоровъ; мнѣ было такъ хорошо, что и описать нельзя. Это вѣроятно послѣ сидѣнья въ Иркутскѣ и оттого, что берегъ Ангары на Швейцарію похожъ. Что-то новое и оригинальное. Ѣхали по берегу, доѣхали до устья и повернули влѣво; тутъ ужъ берегъ Байкала, который въ Сибири называется моремъ. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верстъ. Берега высокіе, крутые, каменистые, лѣсистые; направо и налѣво видны мысы, которые вдаются въ море въ родѣ Аю-дага или ѳеодосійскаго Тохтебеля. Похоже на Крымъ. Станція Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома бѣлые, совсѣмъ была бы Ялта. Только на горахъ нѣтъ построекъ, такъ какъ горы слишкомъ отвѣсны и строиться на нихъ нельзя.

Заняли мы квартиру - сарайчикъ, напоминающій любую изъ Красковскихъ дачъ. У оконъ, аршина на 2 — 3 отъ фундамента начинается Байкалъ. Платимъ рубль въ сутки. Горы, лѣса, зеркальность Байкала — все

Озеро Байкалъ. Село Лиственничное.

отравляется мыслью, что намъ прійдется сидѣть здѣсь до пятницы. Что мы будемъ здѣсь дѣлать? Вдобавокъ еще не знаемъ, что намъ ѣсть. Населеніе питается одной только черемшой. Нѣтъ ни мяса, ни рыбы; молока намъ не дали, а только обѣщали. За маленькій бѣлый хлѣбецъ содрали 16 коп. Купилъ я гречневой крупы и кусочекъ копченой свинины, велѣлъ сварить размазню; не вкусно, но дѣлать нечего, надо ѣсть. Весь вечеръ искали по деревнѣ, не продастъ ли кто курицу, и не нашли.. Зато водка есть! Русскій человѣкъ большая свинья. Если спросить, почему онъ не ѣстъ мяса и рыбы, то онъ оправдывается отсутствіемъ привоза, путей сообщенія и т. п., а водка между тѣмъ есть даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ и въ количествѣ, какомъ угодно. А между тѣмъ, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чѣмъ водку, которая и дороже и везти ее труднѣе.. Нѣтъ, должно быть, пить водку гораздо интереснѣе, чѣмъ трудиться ловить рыбу въ Байкалѣ или разводить скотъ.

Въ полночь пришелъ пароходишко; ходили смотрѣть его и кстати спросить, нѣтъ ли чего поѣсть. Намъ сказали, что завтра можно будетъ получить обѣдъ, но теперь ночь, кухня не топится и проч. Мы поблагодарили за «завтра» — все-таки надежда! — Но увы! Вошолъ капитанъ и сказалъ, что въ 4 часа утра пароходишко уходитъ въ Култукъ. Благодаримъ! Въ буфетѣ, гдѣ повернуться нельзя — такъ онъ малъ, выпили мы бутылку кислаго пива (35 коп.) и видѣли на тарелкѣ янтарный бисеръ — это омулёвая икра. Вернулись домой и спать. Опротивѣло мнѣ спать. Каждый день постилаешь себѣ на полу полушубокъ шерстью вверхъ, въ голову кладешь скомканное пальто и подушечку, спишь на этихъ буграхъ въ брюкахъ и въ жилеткѣ.. Цивилизація, гдѣ ты?

Сегодня идетъ дождь и Байкалъ утонулъ въ туманѣ.

«Занимательно»! сказалъ бы Семашко. Скучно. Надо бы сѣсть писать да въ дурную погоду не работается. Скука предвидится немилосердная; будь я одинъ, это бы еще ничего, но со мною поручики и военный докторъ, любящіе поговорить и поспорить. Понимаютъ мало, но говорятъ обо всемъ. Одинъ изъ поручиковъ къ тому же еще немножко Хлестаковъ и хвастунъ. Въ дорогѣ надо быть непремѣнно одному. Сидѣть въ повозкѣ или въ комнатѣ со своими мыслями гораздо интереснѣе, чѣмъ съ людьми. Кромѣ военныхъ, съ нами ѣдетъ еще ученикъ Иркутскаго техническаго училища Иннокентій Алексѣевичъ, мальчикъ, похожій на того Неаполитанскаго, который говорилъ дéцэмъ, но умнѣе и добрѣе. Взяли мы его, чтобы довезти до Читы.

Поздравьте: свой собственный экипажъ я продалъ въ Иркутскѣ. Сколько я взялъ пользы, не скажу, иначе мамаша въ обморокъ упадетъ и пять ночей не будетъ спать.

Это письмо Вы получите, должно быть, 20 — 25 іюля, а то и позже. Одно—два письма буду еще адресовать въ Сумы, а потомъ начну посылать въ Москву. Но по какому адресу? Надо будетъ придумать что-нибудь. Свой московскій адресъ Вы непремѣнно пришлете мнѣ по телеграфу. Куда? Вамъ будетъ извѣстно.

Я очень радъ, Маша, что ты побывала въ Крыму. Я послалъ тебѣ въ Ялту телеграмму на имя магазина Асмолова и сидящаго въ немъ караима Синани. Получила ли? Тамъ былъ отвѣтъ Г., который угостилъ меня длиннѣйшей телеграммой. Едва ли Г. сваритъ кашу. Во первыхъ, онъ писать не умѣетъ, и вообще бездаренъ, ... а во вторыхъ путешествіе Вышнеградскаго въ Азію не такъ ужъ интересно, чтобы стоило «командировать» (т. е. давать прогонныя, суточныя и проч.) корреспондента.

Будьте здоровехоньки и не скучайте. Гдѣ Иванъ? Ему поклонъ. Иваненкѣ и Семашкѣ тоже, Жаме тоже. Линтваревымъ кланяюсь въ ножки за телеграмму.

Туманъ разсѣялся. Вижу облака на горахъ. Ахъ, волкъ те заѣшь! Кавказъ, подумаешь..

До свиданія.

Вашъ Homo Sachaliensis

А. Чеховъ.

LVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

13 Іюнь. (1890 г. Ст. Лиственичная).

Вы никогда не получали писемъ съ береговъ Байкала. Такъ вотъ Вамъ. Пишу сіе, сидя на берегу Байкала и ожидая, когда пароходъ смилостивится и повезетъ мою особу дальше. Пріѣхалъ я сюда во вторникъ, а пароходъ пойдетъ въ пятницу; идетъ дождь, на озерѣ туманъ, ѣсть ничего не даютъ; тараканов и клоповъ сколько угодно. Вообще, не жизнь, а оперетка. И скучно и смѣшно. До свиданья, дядя!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Почтеніе Наталіи Тимофеевнѣ.

Надоѣло ѣхать.

LVII.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

20 Іюнь. (1890 г. Пароходъ «Ермакъ»).

Здравствуйте, милые домочадцы! Наконецъ таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся отъ пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одѣться по человѣчески. Я ужъ не въ тарантасѣ

сижу, а въ каютѣ I класса Амурскаго парахода «Ермакъ». Перемѣна такая произошла десятью днями раньше и вотъ по какой причинѣ. Я писалъ Вамъ изъ Лиственичной, что къ Байкальскому пароходу я опоздалъ, что прійдется ѣхать черезъ Байкалъ не во вторникъ, а въ пятницу и что успѣю я поэтому къ амурскому пароходу только 30 іюня. Но судьба капризна и часто устраиваетъ фокусы, какихъ не ждешь. Въ четвергъ утромъ я пошолъ прогуляться по берегу Байкала; вижу — у одного изъ двухъ пароходишекъ дымится труба. Спрашиваю, куда идетъ параходъ? Говорятъ, «за море», въ Клюево; какой-то купецъ нанялъ, чтобы перевезти на тотъ берегъ свой обозъ. Намъ нужно тоже «за море» и на станцію Боярскую. Спрашиваю: сколько верстъ отъ Клюева до Боярской? Отвѣчаютъ: 27. Бѣгу къ спутникамъ и прошу ихъ рискнуть поѣхать въ Клюево. Говорю «рискнуть», потому что, поѣхавъ въ Клюево, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ пристани и избушки сторожа, мы рисковали не найти лошадей, засидѣться въ Клюевѣ и опоздать къ пятницкому параходу, что для насъ было бы пуще Игоревой смерти, такъ какъ пришлось бы ждать до вторника. Спутники согласились. Забрали мы свои пожитки, веселыми ногами зашагали къ пароходу и тотчасъ же въ буфетъ: ради Создателя супу! Полъ царства за тарелку супу! Буфетикъ препоганенькій, выстроенный по системѣ тѣсныхъ ватеръ-клозетовъ, но поваръ Григорій Иванычъ, бывшій воронежскій дворовый, оказался на высотѣ своего призванія. Онъ накормилъ насъ превосходно. Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкалѣ бирюзовая, прозрачнѣе чѣмъ въ Черномъ морѣ. Говорятъ, что на глубокихъ мѣстахъ дно за версту видно; да и самъ я видѣлъ такія глубины со скалами и горами, утонувшими въ бирюзѣ, что морозъ дралъ по кожѣ. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во вѣки

вѣковъ не забуду. Только вотъ что было не хорошо: ѣхали мы въ III классѣ, а вся палуба была занята обозными лошадями, которые неистовствовали, какъ бѣшенныя. Эти лошади придавали поѣздкѣ моей особый колоритъ: казалось, что я ѣду на разбойничьемъ пароходѣ. Въ Клюевѣ сторожъ взялся довезти нашъ багажъ до станціи; онъ ѣхалъ, а мы шли позади телѣги пѣшкомъ по живописнѣйшему берегу. Скотина Левитанъ, что не поѣхалъ со мной. Дорога лѣсная: направо лѣсъ, идущій на гору, налѣво лѣсъ, спускающійся внизъ къ Байкалу. Какіе овраги, какія скалы! Тонъ у Байкала нѣжный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло. Пройдя 8 верстъ, дошли мы до Мысканской станціи, гдѣ кяхтинскій чиновникъ, проѣзжій, угостилъ насъ превосходнымъ чаемъ и гдѣ намъ дали лошадей до Боярской. И такъ, вмѣсто пятницы мы уѣхали въ четвергъ; мало того, мы на цѣлыя сутки впередъ ушли отъ почты, которая забираетъ обыкновенно на станціяхъ всѣхъ лошадей. Стали мы гнать въ хвостъ и гриву, питая слабую надежду, что къ 20 попадемъ въ Срѣтенскъ. О томъ, какъ я ѣхалъ по берегу Селенги и потомъ черезъ Забайкалье, разскажу при свиданіи, а теперь скажу только, что Селенга—сплошная красота, а въ Забайкальѣ я находилъ все, что хотѣлъ: и Кавказъ, и долину Псла, и Звенигородскій уѣздъ, и Донъ. Днемъ скачешь по Кавказу, ночью—по Донской степи, а утромъ очнешься отъ дремоты, глядь, ужъ Полтавская губернія—и такъ всю тысячу верстъ. Верхнеудинскъ миленькій городокъ, Чита плохой, въ родѣ Сумъ. О снѣ и объ обѣдахъ конечно некогда было и думать. Скачешь, мѣняешь на станціяхъ лошадей и думаешь только о томъ, что на слѣдующей станціи могутъ не дать лошадей и задержатъ на 5—6 часовъ. Дѣлали въ сутки 200 верстъ—больше лѣтомъ нельзя сдѣлать. Обалдѣли.

Жарища къ тому же страшенная, а ночью холодъ, такъ что нужно было мнѣ сверхъ суконнаго пальто надѣвать кожаное; одну ночь ѣхалъ даже въ полушубкѣ. Ну-съ, ѣхали, ѣхали и сегодня утромъ прибыли въ Срѣтенскъ ровно за часъ до отхода парохода, заплативши ямщикамъ на двухъ послѣднихъ станціяхъ по рублю на чай.

И такъ, конно-лошадиное странствіе мое кончилось. Продолжалось оно 2 мѣсяца (выѣхалъ я 21 Апрѣля). Если исключить время, потраченное на жел. дороги и пароходы, 3 дня, проведенные въ Екатеринбургѣ, недѣлю въ Томскѣ, день въ Красноярскѣ, недѣлю въ Иркутскѣ, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожиданіе лодокъ во время разлива, то можно судить о быстротѣ моей ѣзды. Проѣхалъ я благополучно, какъ дай Богъ всякому. Я ни разу не былъ болѣнъ и изъ массы вещей, которыя при мнѣ, потерялъ только перочинный ножъ, ремень отъ чемодана и баночку съ карболовой мазью. Деньги цѣлы. Проѣхать такъ тысячи верстъ рѣдко кому удается.

Я до такой степени свыкся съ ѣздой по тракту, что мнѣ теперь какъ-то не по себѣ и не вѣрится, что я не въ тарантасѣ и что не слышно даръ-валда́я. Странно, что, ложась спать, я могу протянуть ноги во всю, и что лицо мое не въ пыли. Но всего страннѣе, что бутылка коньяку, которую далъ мнѣ Кувшинниковъ, еще не разбилась и что коньякъ цѣлъ до капли. Обѣщалъ раскупорить его только на берегу Великаго океана.

Плыву по Шилкѣ, которая у Покровской станицы, слившись съ Аргунью, переходитъ въ Амуръ. Рѣка—не шире Пела, даже у́же. Берега каменистые: утесы да лѣса. Совсѣмъ дичь.. Лавируемъ, чтобы не сѣсть на мель, или не хлопнуться задомъ о берегъ. У пороговъ пароходы и баржи часто хлопаются. Душно. Сейчасъ

останавливались у Усть-Кары, гдѣ высадили человѣкъ 5—6 каторжныхъ. Тутъ пріиски и каторжная тюрьма.

Вчера былъ въ Нерчинскѣ. Городокъ не ахти, но жить можно.

Вы-то, судари мои и сударыни, какъ живете? Положительно ничего не знаю о васъ. Сложились бы по гривеннику и прислали подробную телеграмму.

Пароходъ будетъ ночевать въ Горбицѣ. Ночи здѣсь туманныя, опасно плыть. Въ Горбицѣ опущу это письмо.

Ѣду я въ I классѣ, потому что спутники мои ѣдутъ во II. Ушолъ отъ нихъ. Вмѣстѣ ѣхали (трое въ одномъ тарантасѣ), вмѣстѣ спали и надоѣли другъ другу, особенно они мнѣ.

Поклонъ и привѣтъ всѣмъ знакомымъ моимъ. Мамашѣ цѣлую руку. Такъ какъ Маша въ Крыму, то посылаю сіе письмо на имя мамаши. Гдѣ Иванъ? Былъ ли папаша на Лукѣ 29-го іюня?

Почеркъ у меня преподлый, потрясучій. Это оттого, что пароходъ трясетъ. Писать трудно.

Перерывъ. Ходилъ къ своимъ поручикамъ пить чай. Оба они выспались и въ благодушномъ настроеніи.. Одинъ изъ нихъ, поручикъ N. (фамилія, противная для моего уха), пѣхота, высокій, сытый, горластый курляндецъ, большой хвастунъ и Хлестаковъ, поющій изъ всѣхъ оперъ, но имѣющій слуха меньше, чѣмъ копченая селедка, человѣкъ несчастный, промотавшій прогонныя деньги, знающій Мицкевича наизусть, невоспитанный, откровенный не въ мѣру и болтливый до тошноты. Подобно И., любитъ разсказывать про своихъ дядей и тетокъ. Другой поручикъ, М., топографъ, тихій, скромный и вполнѣ интеллигентный малый. Еслибы не N., то съ нимъ можно было бы проѣхать безъ скуки милліонъ верстъ, но при N., вмѣшивающемся во всякій разговоръ, и онъ надоѣлъ. Однако,

къ чему Вамъ поручики? Неинтересно. Будьте здоровехоньки. Подходимъ, кажется, къ Горбицѣ.

Линтваревымъ сердечный привѣтъ. Папашѣ буду писать особо. Алешѣ изъ Иркутска послалъ открытое письмо. Досвиданція! Интересно знать, когда дойдетъ до васъ это письмо? Вѣроятно, черезъ 40 дней, не раньше. Всѣхъ обнимаю и благословляю. Соскучился.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Завтра составляю форму телеграммы, которую Вы пришлете мнѣ на Сахалинъ. Постараюсь въ 30 словъ вложить все, что мнѣ нужно, а вы постарайтесь строго держаться формы.

Кусаются оводы.

LVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

20 Іюня Горбица. (1890 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ сіе, приближаясь къ Горбицѣ, одной изъ казацкихъ станицъ на берегу Шилки, притока Амура.

Вотъ куда меня занесло! Плыву по Амуру.

Изъ Иркутска я послалъ Вамъ письмо. Получили ли? Съ того времени прошло больше недѣли, впродолженіе которой я переплылъ Байкалъ и проѣхалъ Забайкалье.

Байкалъ удивителенъ, и не даромъ сибиряки величаютъ его не озеромъ, а моремъ. Вода прозрачна необыкновенно, такъ что видно сквозь нее, какъ сквозь воздухъ; цвѣтъ у нея нѣжно-бирюзовый, пріятный для глаза. Берега гористые, покрытые лѣсами; кругомъ дичь непроглядная, безпросвѣтная.

Изобиліе медвѣдей, дикихъ козъ и всякой дикой всячины, которая занимается тѣмъ, что живетъ въ тайгѣ

и закусываетъ другъ другомъ. Прожилъ я на берегу Байкала двое сутокъ.

Когда плылъ, было тихо и жарко.

Забайкалье великолѣпно. Это смѣсь Швейцаріи, Дона и Финляндіи.

Проѣхалъ я на лошадяхъ болѣе 4000 верстъ. Путешествіе было вполнѣ благополучное. Все время былъ здоровъ и изъ всего багажа потерялъ только перочинный ножъ. Дай Богъ всякому такъ ѣздить. Путь вполнѣ безопасный и всѣ эти разсказы про бѣглыхъ, про ночныя нападенія и проч. не что иное, какъ сказки, преданія о давно минувшемъ. Револьверъ совершенно лишняя вещь. Теперь я сижу въ каютѣ перваго класса и чувствую себя въ Европѣ. Такое у меня настроеніе, какъ будто я экзаменъ выдержалъ.

Свистокъ. Это Горбица. Ну, до свиданья, будьте здоровы, благополучны. Если успѣю, то опущу это письмо въ ящикъ, если же нѣтъ, то погожу до Покровской станицы, гдѣ я буду завтра. Почта съ Амура идетъ рѣдко, чуть-ли не 3 раза въ мѣсяцъ.

Привѣтъ Прасковьи Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Берега у Шилки красивые, точно декорація, но увы! чувствуется что-то гнетущее отъ этого сплошного безлюдья. Точно клѣтка безъ птицы.

LIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

(*Пароходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Здравствуйте! Посылаю Вамъ, дорогой мой, привѣтъ изъ каюты I класса парохода «Ермакъ». Плыву по Амуру.

Путешествіе мое на лошадяхъ кончилось; большіе сапоги заключены подъ спудъ, рожа вымыта, бѣлье перемѣнено, и московскій жуликъ преобразился въ барина. Пароходъ дрожитъ, трудно писать.. Берега Амура красивы, но слишкомъ дики, мнѣ же безлюдье надоѣло.

Нахожусь подъ впечатлѣніемъ Забайкалья, которое я проѣхалъ: превосходный край. Вообще говоря, отъ Байкала начинается сибирская поэзія, до Байкала же была проза. Обнимаю Васъ. Кланяюсь низко Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

20 іюнь.

LX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(*Пароходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Симъ извѣщаю Васъ, что пароходъ «Ермакъ» дрожитъ какъ въ лихорадкѣ и что поэтому нѣтъ никакой возможности писать. Благодаря такой чепухѣ, всѣ мои надежды, которыя я возлагалъ на пароходное путешествіе, рухнули. Остается теперь только спать да ѣсть.

Вчера изъ Горбицы послалъ Вамъ телеграмму. Привѣтствую.

Вашъ *А. Чеховъ.*

21 іюнь.

LXI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(*Пароходъ «Ермакъ» 1890 г.*).

Членъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ А. П. Чеховъ, благополучно

завершивъ свое конно-лошадиное странствіе (4500 верстъ), плыветъ теперь по Амуру и шлетъ Вамъ и всему Вашему семейству сердечный привѣтъ. Все обстоитъ благополучно. Письмо это могло бы быть длиннѣе, если бы пароходъ не дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: невозможно писать.

Дѣйствительный Членъ Общества любителей Россійской Словесности.

А. Чеховъ.

21 іюнь.

LXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

21-го, 6 часовъ вечера, недалеко отъ станицы Покровской. (1890 г.).

Налетѣли на камень, сдѣлали пробоину и теперь починяемся. Сидимъ на мели и качаемъ воду. Налѣво русскій берегъ, направо китайскій. Если бы я теперь вернулся домой, то имѣлъ бы право хвастать: «Въ Китаѣ я не былъ, но видѣлъ его въ 3-хъ саженяхъ отъ себя». Въ Покровской будемъ ночевать. Учинимъ экскурсію.

Еслибы я былъ милліонеромъ, то непремѣнно имѣлъ бы на Амурѣ свой пароходъ. Хорошій, любопытный край. Совѣтую Егору Михайловичу [1]) ѣхать не въ Туапсе, а сюда; кстати же здѣсь нѣтъ ни тарантуловъ, ни фалангъ. На китайскомъ берегу сторожевой постъ: избушка, на берегу навалены мѣшки съ мукой, оборванные китайцы таскаютъ ихъ на носилкахъ въ избушку. А за постомъ густой, безконечный лѣсъ. Будьте здоровы.

Съ нами ѣдутъ изъ Иркутска институтки—лица русскія, но не красивыя.

---

[1]) Линтвареву.

LXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

23 іюнь. (Станица Покровская 1890 г.).

Я писалъ ужъ Вамъ, что мы сидимъ на мели. У Усть Стрѣлки, гдѣ Шилка сливается съ Аргунью (зри карту), пароходъ, сидящій въ водѣ $2^1/_2$ фута, налетѣлъ на камень, сдѣлалъ нѣсколько пробоинъ и, набравъ въ трюмъ воды, сѣлъ на дно. Стали выкачивать воду и класть латки; голый матросъ лѣзетъ въ трюмъ, стоитъ по шею въ водѣ и нащупываетъ пятками дыры; всякую дыру покрываютъ изнутри сукномъ, вымазаннымъ въ салѣ, кладутъ сверху доску и ставятъ на послѣдней подпорку, которая, подобно колонѣ, упирается въ потолокъ—вотъ и починка. Выкачивали съ 5 часовъ вечера до ночи, но вода все не убывала; пришлось отложить работу до утра. Утромъ нашли еще нѣсколько новыхъ пробоинъ и опять стали латàть и качать. Матросы качаютъ, а мы публика гуляемъ по палубамъ, судачимъ, ѣдимъ, пьемъ, спимъ; капитанъ и его помощникъ дѣлаютъ тоже, что и публика, и не спѣшатъ. Направо китайскій берегъ, налѣво станица Покровская съ амурскими казаками; хочешь—сиди въ Россіи, хочешь—поѣзжай въ Китай, запрету нѣтъ. Днемъ жара невыносимая, такъ что приходится надѣвать шолковую рубаху.

Обѣдать даютъ въ 12 часовъ, ужинать въ 7 ч. вечера.

На бѣду къ станицѣ подходитъ встрѣчный пароходъ «Вѣстникъ» съ массою публики. Вѣстнику тоже нельзя идти дальше и оба парохода сидятъ сиднемъ. На Вѣстникѣ военный оркестръ. Въ результатѣ цѣлое торжество. Вчера весь день у насъ на палубѣ играла музыка, развлекавшая капитана и матросовъ и, стало быть,

мѣшавшая починять пароходъ. Женская половина пассажирства совсѣмъ повеселѣла: музыка, офицеры, моряки.. ахъ! Особенно рады институтки. Вечеромъ вчера гуляли по станицѣ, гдѣ играла по найму казаковъ все таже музыка. Сегодня продолжаемъ починяться. Обѣщаетъ капитанъ, что пойдемъ послѣ обѣда, но обѣщаетъ лѣниво, глядя куда-то въ сторону—очевидно, вретъ. Не спѣшимъ. Когда я спросилъ одного пассажира, когда же мы наконецъ пойдемъ дальше, то онъ спросилъ:

— А развѣ вамъ здѣсь плохо?

И то правда. Почему не стоять, коли не скучно?

Капитанъ, его помощникъ и агентъ—верхъ любезности. Китайцы, сидящіе въ III классѣ, добродушны и смѣшны. Вчера одинъ китаецъ сидѣлъ на палубѣ и пѣлъ дискантомъ что-то очень грустное; въ это время профиль у него былъ смѣшнѣе всякихъ каррикатуръ. Всѣ глядѣли на него и смѣялись, а онъ—поль вниманія. Попѣлъ дискантомъ и сталъ пѣть теноромъ: Боже, что за голосъ! Это овечье или телячье блеяпье. Китайцы напоминаютъ мнѣ добрыхъ, ручныхъ животныхъ. Косы у нихъ черныя, длинныя, какъ у Натальи Михайловны [1]). Кстати о ручныхъ животныхъ; въ уборной живетъ ручная лисица-щенокъ. Умываешься, а она сидитъ и смотритъ. Если долго не видитъ людей, то начинаетъ скулить.

Какіе странные разговоры! Только и говорятъ о золотѣ, о пріискахъ, о добровольномъ флотѣ, объ Японіи. Въ Покровской всякій мужикъ и даже попъ добываютъ золото. Этимъ же занимаются и поселенцы, которые богатѣютъ здѣсь также быстро, какъ и бѣднѣютъ. Есть чуйки, которые не пьютъ ничего кромѣ шампанскаго

---

[1]) Линтваревой.

и въ кабакъ ходятъ не иначе, какъ только по кумачу, который разстилается отъ избы вплоть до кабака.

Осенью вы потрудитесь послать въ Одессу въ книжный магазинъ Новаго Времени мою шубу, испросивъ предварительно разрѣшенія у Суворина—это изъ приличія нужно. Калошъ не нужно. Туда же посылайте письма и свой адресъ. Если случатся у васъ лишнія деньги, то пришлите мнѣ сто рублей на всякій случай въ Одессу, въ Книжный Магазинъ Н. В. для передачи мнѣ. Непремѣнно «для передачи», иначе мнѣ прійдется шляться на почту. Если же денегъ лишнихъ не будетъ, то не нужно. Пріѣхавъ въ Москву, рекомендуйте отцу принимать бромистый калій, такъ какъ осенью у него бываютъ головокруженія; если будутъ таковыя, то нужно будетъ поставить за ухомъ пьявку. Еще что? Попросите Ивана, чтобы онъ купилъ у Ильина (Петровскія линіи) карту Забайкальской области, если можно, на холстѣ и послалъ бы заказною бандеролью по сл. адресу: Иркутскъ, ученику Техническаго Училища Иннокентію Алексѣевичу Никитину. Газеты и письма берегите.

Амуръ чрезвычайно интересный край. До чертиковъ оригиналенъ. Жизнь тутъ кипитъ такая, о какой въ Европѣ и понятія не имѣютъ. Она т.-е. эта жизнь напоминаетъ мнѣ разсказы изъ американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навѣки остаться тутъ жить. Послѣднія строчки пишу ужъ *25 іюля*. Пароходъ дрожитъ и мѣшаетъ писать. Опять плывемъ. Проплылъ я уже по Амуру 1000 верстъ и видѣлъ милліонъ роскошнѣйшихъ пейзажей; голова кружится отъ восторга. Видѣлъ я такой утесъ, что если бы у подножья его Г. вздумала окисляться, то она бы умерла отъ удовольствія, и еслибы

мы съ Софьей Петровной Кувш. [1]). во главѣ устроили здѣсь пикникъ, то мы могли бы сказать другъ другу: умри, Денисъ, лучше не напишешь. Удивительная природа. А какъ жарко! Какія теплыя ночи! Утромъ бываетъ туманъ, но теплый.

Я осматриваю берега въ бинокль и вижу чертову пропасть утокъ, гусей, гагаръ, цапель и всякихъ бестій съ длинными носами. Вотъ бы гдѣ дачу нанять!

Вчера въ мѣстечкѣ Рейновѣ пригласилъ меня къ больной женѣ нѣкій золотопромышленникъ. Когда я уходилъ отъ него, онъ сунулъ мнѣ въ руку пачку ассигнацій. Мнѣ стало стыдно, я началъ отказываться и сунулъ деньги назадъ, говоря, что я самъ очень богатъ; разговаривали долго, убѣждая другъ друга, и все-таки въ концѣ концовъ у меня въ рукѣ осталось 15 рублей. Вчера же въ моей каютѣ обѣдалъ золотопромышленникъ съ лицомъ Пети Полеваева; за обѣдомъ онъ вмѣсто воды пилъ шампанское и угощалъ имъ насъ.

Деревни здѣсь такія же, какъ на Дону; разница есть въ постройкахъ, но не важная. Жители не исполняютъ постовъ и ѣдятъ мясо даже въ Страстную недѣлю; дѣвки курятъ папиросы, а старухи трубки—это такъ принято. Странно бываетъ видѣть мужичекъ съ папиросами. А какой либерализмъ! Ахъ какой либерализмъ!

На пароходѣ воздухъ накаляется до красна отъ разговоровъ. Здѣсь не боятся говорить громко. Арестовывать здѣсь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влѣзетъ. Народъ все больше независимый, самостоятельный и съ логикой. Если случается какое-нибудь недоразумѣніе въ Усть-Карѣ, гдѣ работаютъ каторжные (между ними много политическихъ, которые не работаютъ), то возмущается весь Амуръ. Доносы

---

[1]) Кувшинникова-художница.

не приняты. Бѣжавшій политическій свободно можетъ проѣхать на пароходѣ до океана, не боясь, что его выдастъ капитанъ. Это объясняется отчасти и полнымъ равнодушіемъ ко всему, что творится въ Россіи. Каждый говоритъ: какое мнѣ дѣло?

Я забылъ Вамъ написать, что въ Забайкальи ямщикуютъ не русскіе, а буряты. Смѣшной народъ. Лошади у нихъ аспиды. Ни одна запряжка не обходилась безъ недоразумѣній. Бѣшеннѣе пожарныхъ лошадей. Пока пристяжную запрягаютъ, у нея спутаны ноги; едва распутали, какъ тройка ужъ летитъ къ черту, такъ что духъ захватываетъ. Если лошадь не спутаешь, то во время упряжки она брыкается, долбитъ копытами по оглоблямъ, рветъ збрую и даетъ впечатлѣніе молодого черта, котораго поймали за рога.

26 Іюня. Подъѣзжаемъ къ Благовѣщенску. Будьте здоровы и веселы и не отвыкайте отъ меня. Небось ужъ отвыкли? Кланяюсь всѣмъ низко и всѣхъ дружески лобызаю.

Antoine.

Я совершенно здоровъ.

LXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Іюнь. Благовѣщенскъ. (1890 г.).

Здравствуйте, драгоцѣнный мой! Амуръ очень хорошая рѣка; я получилъ отъ него больше, чѣмъ могъ ожидать, и давно уже хотѣлъ подѣлиться съ Вами своими восторгами, но канальскій пароходъ дрожалъ всѣ семь дней и мѣшалъ писать. Къ тому же еще, описывать такія красоты, какъ Амурскіе берега, я совсѣмъ

не умѣю; пасую передъ ними и признаю себя нищимъ. Ну какъ ихъ опишешь? Представьте себѣ Сурамскій перевалъ, который заставили быть берегомъ рѣки— вотъ Вамъ и Амуръ. Скалы, утесы, лѣса, тысячи утокъ, цапель и всякихъ носатыхъ каналій, и сплошная пустыня. Налѣво русскій берегъ, направо китайскій. Хочу—на Россію гляжу, хочу—на Китай. Китай такъ же пустыненъ и дикъ, какъ и Россія: села и сторожевыя избушки попадаются рѣдко. Въ головѣ у меня все перепуталось и обратилось въ порошокъ; и не мудрено, Ваше Превосходительство! Проплылъ я по Амуру больше тысячи верстъ и видѣлъ милліоны пейзажей, а вѣдь до Амура были Байкалъ, Забайкалье.. Право, столько видѣлъ богатства и столько получилъ наслажденій, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амурѣ оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золотѣ. Золото, золото и больше ничего. У меня глупое настроеніе, писать не хочется и пишу я коротко, по свински; сегодня послалъ Вамъ четыре листка объ Енисеѣ и тайгѣ, потомъ пришлю о Байкалѣ, Забайкальи и Амурѣ. Вы не бросайте эти листки, я соберу ихъ и по нимъ, какъ по нотамъ, буду разсказывать то, что не умѣю передать на бумагѣ. Теперь я пересѣлъ на пароходъ «Муравьевъ», который, говорятъ, не дрожитъ; авось, буду писать.

Я въ Амуръ влюбленъ; охотно бы пожилъ на немъ года—два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцарія и Франція никогда не знали такой свободы. Послѣдній ссыльный дышетъ на Амурѣ легче, чѣмъ самый первый генералъ въ Россіи. Если бы Вы тутъ пожили, то написали бы очень много хорошаго и увлекли бы публику, а я не умѣю.

Китайцы начинаютъ встрѣчаться съ Иркутска, а здѣсь ихъ больше, чѣмъ мухъ. Это добродушнѣйшій

народъ. Если бы Настя и Боря познакомились съ китайцами, то оставили бы въ покоѣ ословъ и перенесли бы свои симпатіи на китайцевъ. Это милыя, ручныя животныя.

Съ Благовѣщенска начинаются Японцы, или вѣрнѣе японки. Это маленькія брюнетки съ большой мудреной прической, съ красивымъ туловищемъ и, какъ мнѣ показалось, съ короткими бедрами. Одѣваются красиво. Въ языкѣ ихъ преобладаетъ звукъ «тц»... Комнатка у японки чистенькая, азіатски-сантиментальная, уставленная мелкими вещичками.....

Когда я одного китайца позвалъ въ буфетъ, чтобы угостить его водкой, то онъ, прежде чѣмъ выпить, протягивалъ рюмку мнѣ, буфетчику, лакеямъ и говорилъ: ку́сай! Это китайскія церемоніи. Пилъ онъ не сразу, какъ мы, а глоточками, закусывая послѣ каждаго глотка, и потомъ, чтобы поблагодарить меня, далъ мнѣ нѣсколько китайскихъ монетъ. Ужасно вѣжливый народъ. Одѣваются бѣдно, но красиво, ѣдятъ вкусно, съ церемоніями...

(Конецъ утерянъ).

LXV.

Чехову. (М. П.)

(Телеграмма).

(*Радде. 1890 г. Іюнь 29*).

Поздравляю [1]) телеграфируйте Николаевскъ подробно скучаю.

---

[1]) Отца съ Ангеломъ.

LXVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

29 іюнь. Пароходъ «Муравьевъ». (1890 г.).

Въ каютѣ летаютъ метеоры—это свѣтящіеся жучки, похожіе на электрическія искры. Днемъ черезъ Амуръ переплываютъ дикія козы. Мухи тутъ громадныя. Со мною въ одной каютѣ ѣдетъ китаецъ Сон-Люли, который непрерывно разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ у нихъ въ Китаѣ за всякій пустякъ «голова долой». Вчера натрескался опіума, и всю ночь бредилъ и мѣшалъ мнѣ спать. 27-го я гулялъ по китайскому городу Айгуну. Мало по малу вступаю я въ фантастическій міръ. Пароходъ дрожитъ, трудно писать. Вчера вечеромъ послалъ я папашѣ въ Сумы поздравительную телеграмму. Получили?

Завтра буду въ Хабаровскѣ.

Китаецъ запѣлъ по нотамъ, которыя написаны у него на вѣерѣ. Будьте здоровы

Вашъ *Antoine*.

Привѣтъ Линтваревымъ.

Сы гіероглифы. Напр. дань
маленькой спутницей хиразідеш
Сун-Ло-Ли, (имя, хоч а его
прудс двоє, Сон-Ляолі) и
одна гаоні: „Я ду в Кикагаєл
сл. здравствуйте.“
Если судить по „последним“ газетам, со
Гуры и вчера чтрий в Хабаровск в Воен
ной сборник, то это письмо Вы получите
в октябрь. Газеты маньчжурскія и англійскія
значит шли отъ сюда 2-2½ месяца, одно
даже, прозрь дней. и когда идет дольше.
Сегодня ~~30 іюн~~ 1-й іюль. Значит, плыву и уже
10 дней? Надоело. Пора бы и приехать
Днем жарко, ночью душно; обливаюсь.
порой. Посат Хабаровки Амур становится
шире Волги. Качает. Боялся ли на Яуст
Семанко? Была ли жара? Боялся ли бывал
Ивонько? В Москвы опять вербицы цвет
нуло. Похолод всем. Vale и тоску

Письмо къ М. П. Чеховой (см. № LXVII настоящаго тома, стр. 132).

LXVII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Николаевскъ. 1890 г. Іюль 3).

Сіи гіероглифы начертаны моимъ спутникомъ китайцемъ Суп-Лб-Ли, (или, какъ я его прежде звалъ, Сон-Люли) и означаютъ: «Я ѣду въ Николаевскъ. Здравствуйте».

Если судить по «послѣднимъ» газетамъ, которыя я вчера читалъ въ Хабаровскѣ въ Военномъ собраніи, то это письмо Вы получите въ октябрѣ. Газеты мартовскія и апрѣльскія, значитъ, шли онѣ сюда 2—2$^1/_2$ мѣсяца, отсюда же, противъ теченія почта идетъ дольше. Сегодня 1-й іюль. Значитъ, плыву я ужъ 10 дней. Надоѣло. Пора бы къ пристани. Днемъ жарко, ночью душно; обливаюсь потомъ. Послѣ Хабаровки Амуръ становится шире Волги. Качаетъ. Гостилъ ли на Лукѣ Семашко? Была ли Жамэ? Часто ли бывалъ Йганенко? Въ Москвѣ опять возьмите піанино. Поклонъ всѣмъ.

Votre a tous. *Antoine.*

Иванъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы сообщилъ мнѣ свой московскій адресъ.

LXVIII.

В. А. Гиляровскому.

(Николаевскъ. 1890 г. Іюль 7).

Сохрани это письмо. Мнѣ хочется узнать по штемпелямъ, по какимъ путямъ оно шло до тебя. Опускаю

Переправа на катерѣ съ парохода на Сахалинъ.

я его въ почтовый ящикъ на пароходѣ «Байкалъ», который завтра везетъ меня въ Татарскій проливъ.

Теперь 7 іюль.

Будь здоровъ. Поклонъ Маріи Ивановнѣ и дочкѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

LXIX.

Чеховой. (Е. Я.)

(Телеграмма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 11*).

Пріѣхалъ здоровъ телеграфируйте Сахалинъ

Чеховъ.

LXX.

Линтваревой. (Н. М.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 16*).

Наши упорно молчатъ безпокоюсь попросите телеграфировать еженедѣльно кланяюсь

Чеховъ.

LXXI.

Чеховой. (М. П.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Іюль 17*).

Телеграмму получилъ здоровъ квартира хорошая люди добрые условія благопріятныя возвращусь осенью привезу много интереснаго поклонъ Трошѣ уважаемому Товарищу Иваненко Жамѣ всѣмъ соскучился жарко.

LXXII.

Чеховой. (М. П.)

(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Августъ 14*).

Поздравляю [1]) Здоровъ.

LXXIII.

Чеховой. (Е. Я.)

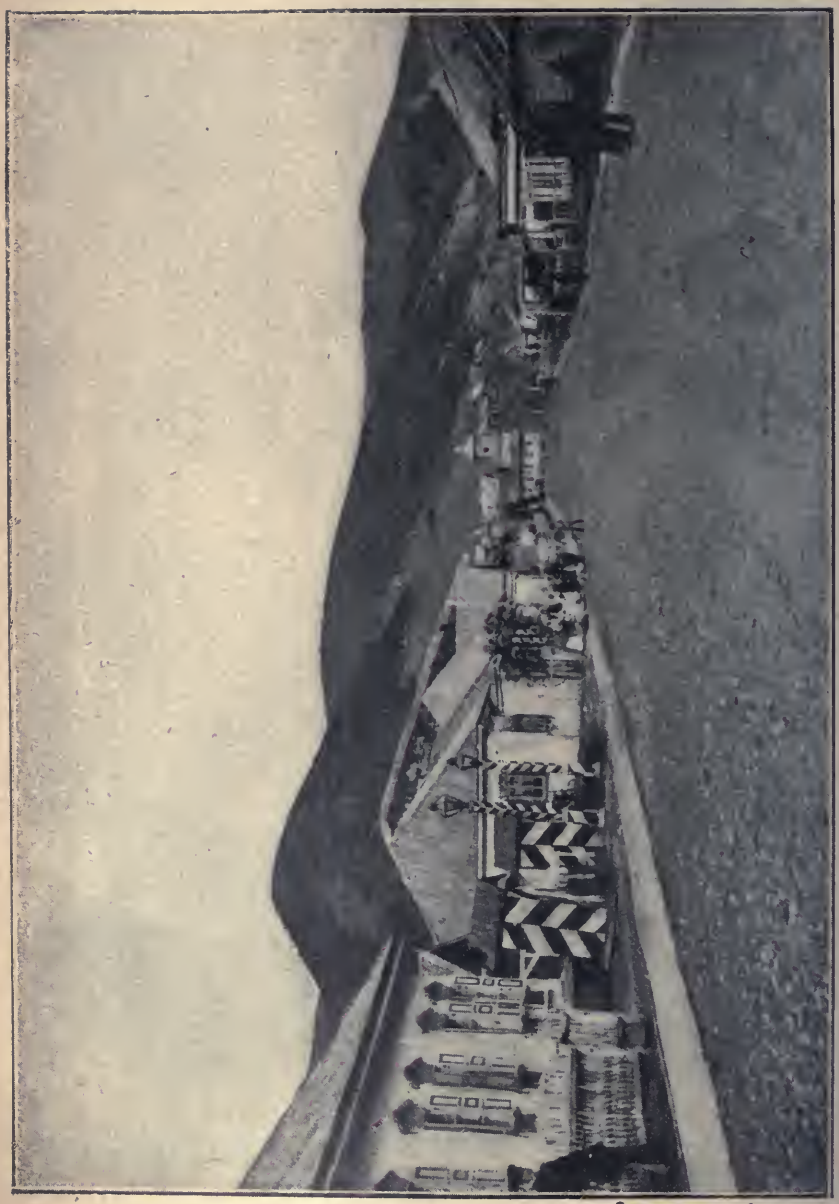
(Телеграма).

(*Сахалинъ. 1890 г. Сентябрь 7*).

Здоровъ пріѣду скоро.

Постъ Корсаковъ на о. Сахалинѣ, гдѣ жилъ А. П.

[1]) Сестру Марію Павл. съ ангеломъ.



LXXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Сентября. Пароходъ «Байкалъ». (1890 г.).

Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу изъ Сѣвернаго Сахалина въ южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдетъ до Васъ. Я здоровъ, хотя со всѣхъ сторонъ глядитъ на меня зелеными глазами холера, которая устроила мнѣ ловушку. Во Владивостокѣ, Японіи, Шанхаѣ, Чифу, Суэцѣ и, кажется, даже на лунѣ—всюду холера, вездѣ карантины и страхъ. На Сахалинѣ ждутъ холеру и держатъ суда въ карантинѣ. Однимъ словомъ, дѣло табакъ. Во Владивостокѣ мрутъ европейцы, умерла между прочимъ одна генеральша.

Прожилъ я на Сѣв. Сахалинѣ ровно два мѣсяца. Принятъ я былъ мѣстной администраціей чрезвычайно любезно, хотя Галкинъ не писалъ обо мнѣ ни слова. Ни Галкинъ, ни баронесса Выхухоль, ни другіе геніи, къ которымъ я имѣлъ глупость обращаться за помощью, никакой помощи мнѣ не оказали; пришлось дѣйствовать на собственный страхъ.

Сахалинскій генералъ Кононовичъ интеллигентный и порядочный человѣкъ. Мы скоро спѣлись и все обошлось благополучно. Я привезу съ собою кое-какія бумаги, изъ которыхъ Вы увидите, что условія, въ которыя я былъ поставленъ съ самаго начала, были благопріятнѣйшими. Я видѣлъ *все*; стало быть, вопросъ теперь не въ томъ, *что* я видѣлъ, а *какъ* видѣлъ.

Не знаю, что у меня выйдетъ, но сдѣлано мною не мало. Хватило бы на три диссертаціи. Я вставалъ каждый день въ 5 часовъ утра, ложился поздно и всѣ дни былъ въ сильномъ напряженіи отъ мысли, что мною

многое еще не сдѣлано, а теперь, когда уже я покончилъ съ каторгою, у меня такое чувство, какъ будто я видѣлъ все, но слона-то и не примѣтилъ.

Кстати сказать, я имѣлъ терпѣніе сдѣлать перепись всего Сахалинскаго населенія. Я объѣздилъ всѣ поселенія, заходилъ во всѣ избы и говорилъ съ каждымъ; употреблялъ я при переписи карточную систему и мною уже записано около десяти тысячъ человѣкъ каторжныхъ и поселенцевъ. Другими словами, на Сахалинѣ нѣтъ ни одного каторжнаго или поселенца, который не разговаривалъ бы со мной. Особенно удалась мнѣ перепись дѣтей, на которую я возлагаю не мало надеждъ.

У Ландсберга я обѣдалъ, у бывшей баронессы Гембрукъ сидѣлъ въ кухнѣ.. Былъ у всѣхъ знаменитостей. Присутствовалъ при наказаніи плетьми, послѣ чего ночи три четыре мнѣ снились палачъ и отвратительная кобыла. Бесѣдовалъ съ прикованными къ тачкамъ. Когда однажды въ рудникѣ я пилъ чай, бывшій петербургскій купецъ Бородавкинъ, присланный сюда за поджогъ, вынулъ изъ кармана чайную ложку и подалъ ее мнѣ, а въ итогѣ я разстроилъ себѣ нервы и далъ себѣ слово больше на Сахалинъ не ѣздить.

Написалъ бы Вамъ больше, но въ каютѣ сидитъ барыня, неугомонно хохочущая и болтающая. Нѣтъ силъ писать. Хохочетъ и трещитъ она со вчерашняго вечера.

Это письмо пойдетъ черезъ Америку, а я поѣду должно быть не черезъ Америку. Всѣ говорятъ, что американскій путь дороже и скучнѣе.

Завтра я буду видѣть издали Японію, островъ Матсмай. Теперь 12-й часъ ночи. На морѣ темно, дуетъ вѣтеръ. Не пойму, какъ это пароходъ можетъ ходить и оріентироваться, когда зги не видно, да еще въ такихъ дикихъ, мало извѣстныхъ водахъ, какъ Татарскій проливъ.

Когда вспоминаю, что меня отдѣляетъ отъ міра 10 тысячъ верстъ, мною овладѣваетъ апатія. Кажется, что пріѣду домой черезъ сто лѣтъ.

Нижайшій поклонъ и сердечный привѣтъ Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ. Дай Богъ счастья и всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скучно.

Пароходъ «Байкалъ».

LXXV.

Е. Я. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ю. Сахалинъ. 6 Октябрь (1890 г.),

Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу Вамъ это письмо почти наканунѣ отъѣзда своего въ Россію. Со дня на

день ждемъ пароходъ Добровольнаго флота и уповаемъ, что прійдетъ онъ не позже 10 Октября. Это письмо я посылаю въ Японію, откуда оно пойдетъ къ вамъ черезъ Шанхай или Америку. Живу я въ Корсаковскомъ посту, гдѣ нѣтъ ни телеграфа, ни почты и куда заходятъ корабли не чаще одного раза въ двѣ недѣли. Вчера пришелъ пароходъ и привезъ мнѣ съ сѣвера кучу писемъ и телеграммъ. Изъ писемъ узналъ я, что Машѣ понравился Крымъ; думаю, что Кавказъ ей больше понравится; узналъ, что Иванъ никакъ не можетъ сварить своей учительской каши, колеблясь сѣмо и овамо. Гдѣ онъ теперь? Во Владимірѣ? Узналъ, что Михайло, слава Богу, все лѣто не имѣлъ мѣста и жилъ поэтому дома, что Вы были во Святыхъ горахъ, что на Лукѣ было скучно и дождливо. Странное дѣло! У Васъ дождливо и холодно, на Сахалинѣ же съ самаго моего пріѣзда до сегодня стоитъ ясная, теплая погода; легкіе холода съ инеемъ случаются по утрамъ, снѣгъ бѣлѣетъ на одной изъ горъ, но земля еще зеленая, листья не осыпались и все въ природѣ обстоитъ благополучно, точно въ маѣ на дачѣ. Вотъ Вамъ и Сахалинъ! Узналъ я также изъ писемъ, что въ Бабкинѣ было превосходное лѣто, что Суворинъ очень доволенъ своимъ домомъ, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова бѣдняги умерла жена, что наконецъ Иваненко переписывается съ Жаме и что Кундасова исчезла неизвѣстно куда. Иваненко будетъ убитъ мною, а Кундасова, вѣроятно, опять ужъ шагаетъ по улицамъ, размахиваетъ руками и величаетъ всѣхъ мразью, а потому я не торопліюсь оплакивать ее.

Вчера въ полночь я услыхалъ ревъ парохода. Всѣ повскакивали съ постелей: ура, пароходъ пришелъ! Одѣлись, пошли съ фонарями къ пристани; смотримъ вдаль—въ самомъ дѣлѣ огни парохода. Большинствомъ

голосовъ рѣшили, что это «Петербургъ», на которомъ я поѣду въ Россію. Я обрадовался. Сѣли мы на лодку и поплыли къ пароходу.. Плыли, плыли, наконецъ видимъ въ туманѣ темный корпусъ парохода; одинъ изъ насъ кричитъ хриплымъ голосомъ:—«Что за судно?» И получаемъ отвѣтъ: «Байкалъ!» Тьфу, ты анафема, какое разочарованіе! Я соскучился и Сахалинъ мнѣ надоѣлъ. Вѣдь вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я не вижу никого кромѣ каторжныхъ или тѣхъ, которые умѣютъ говорить только о каторгѣ, плетяхъ и каторжныхъ. Унылая жизнь. Хочется поскорѣе въ Японію, а оттуда въ Индію.

Я здоровъ, если не считать мерцанья въ глазу, которое бываетъ теперь у меня часто и послѣ котораго у меня каждый разъ сильно болитъ голова. Мерцаніе въ глазу было и вчера, и сегодня и потому пишу я это письмо съ головной болью и съ тяжестью во всемъ тѣлѣ. Геморрой тоже даетъ себя чувствовать.

Въ Корсаковскомъ посту живетъ Японскій консулъ Кузе-Санъ со своими двоими секретарями—мои хорошіе знакомые. Живутъ по европейски. Сегодня мѣстная администрація ѣздила къ нимъ во всемъ парадѣ вручать пожалованные имъ ордена; и я тоже ѣздилъ со своею головною болью и долженъ былъ пить шампанское.

Живя на Югѣ, раза три ѣздилъ изъ Корсаковскаго поста въ Най бучи, гдѣ хлещетъ настоящая океанская волна. Зрите карту и восточный берегъ южной части—тутъ найдете это унылое, бѣдное Най бучи. Волны выбросили лодку съ шестью американцами-китобоями, потерпѣвшими крушеніе у Сахалинскихъ береговъ; живутъ они теперь въ посту и солидно разгуливаютъ по улицамъ; ждутъ «Петербурга» и уплывутъ вмѣстѣ со мной.

Въ началѣ Сентября я послалъ Вамъ письмо черезъ С.-Франциско. Получили?

Поклонъ Папашѣ, братьямъ, Машѣ, тетѣ съ Алехой,

Сахалинъ.

Марьюшкѣ, Иваненкѣ и всѣмъ знакомымъ. Мѣховъ не привезу; нѣтъ ихъ на Сахалинѣ. Будьте здоровы, да хранитъ Васъ всѣхъ небо.

Вашъ *Anton.*

Всѣмъ привезу подарки. Холера во Владивостокѣ и въ Японіи прекратилась.

LXXVI.

Чеховой. (Е. Я.)

(Телеграмма).

(*Сахалинъ 12-го Окт. 3 ч. пополудни*).

Доброволецъ Петербургъ выгрузивъ каторжныхъ 10 вышелъ Корсаковскій заберетъ Антона Павловича отправится Одессу 13.

Пароходъ Добровольнаго Флота «Петербургъ» (теперь—«Березань»),

LXXVII.

Чехову. (М. П.)

(Телеграмма).

(Изъ Владивостока. 16/x-го, 4 ч. 45 м. пополудни. 1890 г.).

Будь Москвѣ десятаго Декабря плыву Сингапуръ.

LXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Декабрь, Москва, Малая Дмитровка, домъ Фиргангъ (1890 г.).

Здравствуйте, мой драгоцѣнный! Ура! Ну вотъ наконецъ я опять сижу у себя за столомъ, молюсь своимъ линяющимъ пенатамъ и пишу къ Вамъ. У меня теперь такое хорошее чувство, какъ будто я совсѣмъ не уѣзжалъ изъ дому. Здоровъ и благополученъ до мозга костей. Вотъ Вамъ кратчайшій отчетъ. Пробылъ я на Сахалинѣ не 2 мѣсяца, какъ напечатано у Васъ, а 3 плюсъ 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сдѣлалъ полную и подробную перепись всего сахалинскаго населенія и видѣлъ *все*, кромѣ смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вамъ цѣлый сундукъ всякой каторжной всячины, которая, какъ сырой матеріалъ, стоитъ чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привезъ я съ собою нехорошее. Пока я жилъ на Сахалинѣ, моя утроба испытывала только нѣкоторую горечь, какъ отъ прогорклаго масла, теперь же, по воспоминаніямъ, Сахалинъ представляется мнѣ цѣлымъ адомъ. Два мѣсяца я работалъ напряженно, не щадя живота, въ третьемъ же мѣсяцѣ сталъ изне-

могать отъ помянутой горечи, скуки и отъ мысли, что изъ Владивостока на Сахалинъ идетъ холера и что я такимъ образомъ рискую прозимовать на каторгѣ. Но, слава небесамъ, холера прекратилась и 13 Октября пароходъ увезъ меня изъ Сахалина. Былъ я во Владивостокѣ. О Приморской Области и вообще о нашемъ восточномъ побережьи съ его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаніями, скажу только одно: вопіющая бѣдность! Бѣдность, невѣжество и ничтожество, могущія довести до отчаянія. Одинъ честный человѣкъ на 99 воровъ, оскверняющихъ русское имя... Японію мы миновали, ибо въ ней холера; посему я не купилъ Вамъ ничего японскаго и 500 рублей, выданные мнѣ на покупки, истратилъ на собственныя нужды, за что Вы по закону имѣете право сослать меня въ Сибирь на поселеніе. Первымъ заграничнымъ портомъ на пути моемъ былъ Гонгъ-Конгъ. Бухта чудная, движеніе на морѣ такое, какого я никогда не видѣлъ даже на картинкахъ; прекрасныя дороги, конки, желѣзная дорога на гору, музеи, ботаническіе сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нѣжную заботливость англичанъ о своихъ служащихъ; есть даже клубъ для матросовъ. Ѣздилъ я на дженерихче, т.-е. на людяхъ, покупалъ у китайцевъ всякую дребедень и возмущался, слушая, какъ мои спутники-россіяне бранятъ англичанъ за эксплоатацію инородцевъ. Я думалъ: да, англичанинъ эксплоатируетъ китайцевъ, сипаевъ, индусовъ, но зато даетъ имъ дороги, водопроводы, музеи, христіанство, вы тоже эксплоатируете, но что Вы даете?

Когда вышли изъ Гонгъ-Конга, насъ начало качать. Пароходъ былъ пустой и дѣлалъ размахи въ 38 градусовъ, такъ что мы боялись, что онъ опрокинется. Морской болѣзни я не подверженъ—это открытіе меня пріятно поразило. По пути къ Сингапуру бросили въ

море двухъ покойниковъ. Когда глядишь, какъ мертвый человѣкъ, завороченный въ парусину, летитъ, кувыркаясь, въ воду и когда вспоминаешь, что до дна нѣсколько верстъ, то становится страшно и почему-то начинаетъ казаться, что самъ умрешь и будешь брошенъ въ море. Заболѣлъ у насъ рогатый скотъ. По приговору доктора Щербака и вашего покорнѣйшаго слуги, скотъ убили и бросили въ море.

Сингапуръ я плохо помню, такъ какъ, когда я объѣзжалъ его, мнѣ почему то было грустно; я чуть не плакалъ. Затѣмъ слѣдуетъ Цейлонъ—мѣсто, гдѣ былъ рай. Здѣсь въ раю я сдѣлалъ больше 100 верстъ по желѣзной дорогѣ и по самое горло насытился пальмовыми лѣсами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будутъ дѣти, то я не безъ городости скажу имъ: «Сукины дѣти, я на своемъ вѣку имѣлъ сношеніе съ черноглазой индусской... и гдѣ же? въ кокосовомъ лѣсу, въ лунную ночь!» Отъ Цейлона безостановочно плыли 13 сутокъ и оболдѣли отъ скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорошъ Божій свѣтъ. Одно только не хорошо: мы. Какъ мало въ насъ справедливости и смиренія, какъ дурно понимаемъ мы патріотизмъ! Пьяный, истасканный забулдыга мужъ любитъ свою жену и дѣтей, но что толку отъ этой любви? Мы, говорятъ въ газетахъ, любимъ нашу великую родину, но въ чемъ выражается эта любовь? Вмѣсто знаній — нахальство и самомнѣніе паче мѣры, вмѣсто труда—лѣнь и свинство, справедливости нѣтъ, понятіе о чести не идетъ дальше «чести мундира», мундира, который служитъ обыденнымъ украшеніемъ нашихъ скамей для подсудимыхъ. Работать надо, а все остальное къ черту. Главное — надо быть справедливымъ, а остальное все приложится.

Мнѣ страстно хочется поговорить съ Вами. Душа

у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ Васъ, ибо съ Вами только и можно говорить. Плещеева къ черту. Актеровъ тоже къ черту.

Ваши телеграммы получалъ я въ невозможномъ видѣ. Всѣ перевраны.

Я ѣхалъ изъ Владивостока до Москвы съ сыномъ баронессы И. (она же Выхухоль), морскимъ офицеромъ. Маменька остановилась въ Слав. Базарѣ. Сейчасъ поѣду къ ней, зоветъ зачѣмъ то. Она хорошая женщина; по крайней мѣрѣ сынъ отъ нея въ восторгѣ, а сынъ чистый и честный мальчикъ.

Какъ я радъ, что все обошлось безъ Галкина-Враскаго! Онъ не написалъ обо мнѣ ни одной строчки и я явился на Сахалинъ совершеннымъ незнакомцемъ.

Когда я увижу Васъ и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнѣе обо всемъ, ибо я едва ли попаду къ Вамъ раньше праздниковъ. Настѣ и Борѣ поклонъ; въ доказательство, что я былъ на каторгѣ, я, когда пріѣду къ вамъ, брошусь на нихъ съ ножомъ и закричу дикимъ голосомъ. Аннѣ Ивановнѣ я подожгу ея комнату, а бѣдному прокурору Костѣ буду проповѣдывать возмутительныя идеи.

Крѣпко обнимаю Васъ и весь Вашъ домъ, за исключеніемъ Жителя и Буренина, которымъ прошу только кланяться и которыхъ давно бы ужъ пора сослать на Сахалинъ.

О Масловѣ часто приходилось говорить со Щербакомъ. Мнѣ Масловъ очень симпатиченъ.

Будьте хранимы небомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIX.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

10 Декабрь, Москва, Малая Дмитровка, д. Фиргангъ. (1890 г.).

Здравствуйте, милый Жанъ! Волею судебъ скатившаяся звѣзда опять вернулась въ Ваше созвѣздіе. Опять я въ Москвѣ и пишу къ Вамъ. Еще разъ здравствуйте!

Описывать свое путешествіе и пребываніе на Сахалинѣ не стану, ибо описаніе, даже кратчайшее, вышло бы въ письмѣ безконечно длиннымъ. Скажу только, что я доволенъ по самое горло, сытъ и очарованъ до такой степени, что ничего больше не хочу и не обидѣлся бы, если-бы трахнулъ меня параличъ или унесла на тотъ свѣтъ дизентерія. Могу сказать: *пожилъ! Будетъ съ меня.* Я былъ и въ аду, какимъ представляется Сахалинъ, и въ раю, т.-е. на островѣ Цейлонѣ. Какія бабочки, букашки, какія мушки, таракашки!

Путешествіе, особенно черезъ Сибирь, похоже на тяжелую, затяжную болѣзнь; тяжко ѣхать, ѣхать и ѣхать, но за то какъ легки и воздушны воспоминанія обо всемъ пережитомъ!

На Сахалинѣ я прожилъ 3 мѣсяца и 3 дня. О результатахъ своихъ сахалинскихъ работъ сообщу при свиданіи, а теперь давайте поговоримъ о текущихъ событіяхъ. Правда-ли, что *Плещеевъ* получилъ наслѣдство въ два милліона? Какъ Ваше здоровье и что Вы пописываете и каковы Ваши литературные планы? Вы развелись съ бабушкой и съ Петербургской стороной.. Поздравляю съ новой эрой. Дай Боже Вамъ на новосельи всякаго благополучія.

Все время я былъ здоровъ, въ Архипелагѣ-же, гдѣ насъ штормовало и дулъ холодный нордъ-остъ, я просту-

дился; теперь кашляю, безконечно сморкаюсь и по вечерамъ чувствую жаръ. Надо полѣчиться.

Мои сіяютъ отъ радости.

Ахъ, ангелъ мой, если-бъ Вы знали, какихъ милыхъ звѣрей привезъ я съ собою изъ Индіи! Это мангусы, величиною съ среднихъ лѣтъ котенка, очень веселые и шустрые звѣри. Качества ихъ: отвага, любопытство и привязанность къ человѣку. Они выходятъ на бой съ гремучей змѣей и всегда побѣждаютъ, никого и ничего не боятся; что-же касается любопытства, то въ комнатѣ нѣтъ ни одного узелка и свертка, котораго-бы они не развернули; встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь, они прежде всего лѣзутъ посмотрѣть въ карманы: что тамъ? Когда остаются одни въ комнатѣ, *начинаютъ плакать*. Право, стоитъ пріѣхать изъ Петербурга, чтобы посмотрѣть ихъ.

Иду къ теткѣ повидаться. Будьте здоровы.

Въ Петербургѣ буду, должно быть, не раньше Новаго года. Вашей женѣ мой душевный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Семья кланяется.

LXXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Декабрь, (1890 г. Москва).

Милый мой, сейчасъ я телеграфировалъ, что разсказъ будетъ. У меня есть подходящій разсказъ, но онъ длиненъ и узокъ, какъ сколопендра; его нужно маленько почистить и переписать. Пришлю непремѣнно, ибо я теперь человѣкъ, который не лѣнивый и трудящійся.

Фигура Плещеева съ его двухмилліоннымъ наслѣдствомъ представляется мнѣ комичной. Посмотримъ, какъ онъ потащитъ на буксирѣ свои милліоны! На какой дьяволъ они ему? Чтобы курить сигары, съѣдать по 50 сладкихъ пирожковъ въ день и пить зельтерскую воду, достаточно и трехъ рублей суточныхъ.

Привезъ я съ собой около 10 тысячъ статистическихъ карточекъ и много всякихъ бумагъ. Я хотѣлъ бы быть женатъ теперь на какой-нибудь толковой дѣвицѣ, чтобы она помогала мнѣ разбираться въ этомъ хламѣ, на сестру же взваливать сію работу совѣстно, ибо у нея и такъ работы много.

У меня ростетъ брюшко и начинается... Послѣ тропиковъ простудился: кашель, жаръ по вечерамъ и голова болитъ.

Григоровичъ никогда не былъ дворникомъ на Пескахъ, потому такъ дешово и цѣнитъ Царство небесное. Вретъ онъ.

Мнѣ кажется, что жить вѣчно было бы такъ же трудно, какъ всю жизнь не спать. Если въ царствѣ небесномъ солнце заходитъ такъ же хорошо, какъ въ Бенгальскомъ заливѣ, то, смѣю Васъ увѣрить, царство небесное очень хорошая штука.

Содержаніе разсказа Беллами [1]) мнѣ разсказывалъ на Сахалинѣ генералъ Кононовичъ; частицу этого разсказа я прочелъ, почуя гдѣ то въ Южномъ Сахалинѣ. Теперь, когда пріѣду въ Питеръ, прочту его цѣликомъ.

Скажите, когда Л. произведутъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники? Эта литературная бѣлужина пишетъ мнѣ: «лѣтомъ я сбавилъ себѣ 16 фунтовъ вѣса», пишетъ про индѣекъ, про литературу и капусту. Тонъ писемъ удивительно ровный, покойный.

---

[1]) «Looking backward» (извѣстная утопія «Взглядъ назадъ». Въ русскомъ переводѣ—«Черезъ сто лѣтъ»).

Когда пріѣду, буду разсказывать Вамъ все съ самаго начала. Какъ Вы были неправы, когда совѣтовали мнѣ не ѣхать на Сахалинъ! У меня и брюшко теперь, и..... милая, и миріады мошекъ въ головѣ, и чертова пропасть плановъ, и всякія штуки, а какой кислятиной я былъ бы теперь, если бы сидѣлъ дома. До поѣздки «Крейцерова соната» была для меня событіемъ, а теперь она мнѣ смѣшна и кажется безтолковой. Не то я возмужалъ отъ поѣздки, не то съ ума сошолъ—чертъ меня знаетъ.

Познакомился съ д-ромъ Щербакомъ. По моему, это замѣчательный человѣкъ. Тамъ, гдѣ онъ служитъ, всѣ его любятъ, а я съ нимъ почти подружился. Въ прошломъ у него такая каша, что самъ чертъ увязнетъ въ ней.

Ну будьте здоровы и не придавайте значенія Вашимъ недугамъ: серьезнаго, если судить по письму, ничего. Если хватитъ тифъ или воспаленіе легкаго, тогда другое дѣло.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXI.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

(*Москва. 1890 г. Декабрь*).

Здравствуйте, милый Ѳедоръ Александровичъ! Я пріѣхалъ. Никуда не выхожу изъ дому, ибо кашляю и ежеминутно сморкаюсь—простудился въ Архипелагѣ. Я привезъ съ собою штукъ 50 фотографій [1]). Скажите, какимъ клеемъ приклеиваютъ ихъ къ картону: гумми-арабикомъ, или другою какою нибудь дрянью? Какой картонъ наиболѣе подходящъ?

Весною ѣду въ Ледовитый океанъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ фотографій вошли въ настоящее изданіе.

LXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Декабря. (1890 г., Москва).

Посылаю Вамъ разсказъ [1]). Получите Вы его въ понедѣльникъ. Прислалъ бы раньше, но.. Такъ какъ разсказъ былъ зачатъ на островѣ Цейлонѣ, то буде пожелаете, можете для шика написать внизу: «Коломбо, 12 Ноября». Велите потщательнѣе прочесть корректуру, а то святочные разсказы выходятъ у Васъ обыкновенно съ миліардами опечатокъ.

Я кашляю. Перебои сердца. Не понимаю, въ чемъ дѣло. Состояніе духа отмѣнное.... Жениться не желаю и на свадьбу прошу покорнѣйше не пріѣзжать.

Поздравительное письмо будетъ особо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

24 Декабрь. (1890 г. Москва).

Поздравляемъ Васъ и все Ваше почтенное семейство съ праздничкомъ и желаемъ Вамъ дождаться многихъ предбудущихъ въ добромъ здоровьи и благополучіи.

Я вѣрю и въ Коха, и въ сперминъ и славлю Бога. Все это т. е. кохины, спермины и проч. кажется публикѣ какимъ то чудомъ, выскочившимъ неожиданно изъ чьей то головы на манеръ Афины Паллады, но люди, близко стоящіе къ дѣлу, видятъ во всемъ этомъ только есте-

---

[1]) «Гусевъ».

ственный результатъ всего, что было сдѣлано за послѣдніе 20 лѣтъ. Много сдѣлано, голубчикъ! Одна хирургія сдѣлала столько, что оторопь беретъ. Изучающему теперь медицину время, бывшее 20 лѣтъ тому назадъ, представляется просто жалкимъ. Милый мой, если бы мнѣ предложили на выборъ что-нибудь изъ двухъ: «идеалы» ли знаменитыхъ шестидесятыхъ годовъ, или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я, незадумываясь, взялъ бы вторую.

Кохинъ излѣчиваетъ сифилисъ? Это возможно. Что же касается рака, то позвольте усумниться. Ракъ не есть микроба; это ткань, растущая не на своемъ мѣстѣ и, какъ плевелъ, заглушающая всѣ сосѣднія ткани. Если дядѣ N. стало легче, то это значитъ только, что въ кохинъ, какъ составная часть, входитъ рожистый грибокъ, т. е. элементы, производящіе болѣзнь рожу. Давно уже замѣчено, что при рожѣ почему-то временно пріостанавливается ростъ злокачественныхъ опухолей.

Ненавижу Вашего Трезора. Я привезъ съ собой изъ Индіи интереснѣйшихъ звѣрей. Это мангусы, воюющіе съ гремучими змѣями; они очень любопытны, любятъ человѣка и бьютъ посуду. Если бы не Трезоръ, то я привезъ бы одного въ Питеръ пожить; онъ бы обнюхалъ всѣ Ваши книги и пересмотрѣлъ бы карманы всѣхъ, приходящихъ къ Вамъ. Днемъ онъ бродитъ по комнатамъ и пристаетъ къ людямъ, а ночью спитъ на чьей нибудь постели и мурлычетъ, какъ кошка. Онъ можетъ перегрызть Трезору горло, или наоборотъ.. Животныхъ онъ терпѣть не можетъ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, присылайте мнѣ разсказы для шлифовки. Мнѣ это занятіе нравится.

Странная исторія. Пока ѣхалъ на Сахалинъ и обратно, чувствовалъ себя здоровымъ вполнѣ, теперь же дома происходитъ во мнѣ чертъ знаетъ что. Голова побали-

ваетъ, лѣнь во всемъ тѣлѣ, скорая утомляемость, равнодушіе, а главное — перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ и не стучитъ.

Миша сшилъ себѣ мундиръ VI класса и завтра пойдетъ дѣлать въ немъ визиты. Отецъ и мать смотрятъ на него съ умиленіемъ и у обоихъ на лицахъ, какъ у Симеона Богопріимца, написано: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко...

Баронесса И. (Выхухоль) издаетъ для народа книжки. Каждая книжка украшена девизомъ «Правда»; цѣна правдѣ 3 — 5 коп. за экземпляръ. Тутъ и Успенскій, и Короленко, и Потапенко, и прочіе великіе люди. Она спрашивала у меня, что ей издавать. На сей вопросъ отвѣтить я не сумѣлъ, но мелькомъ рекомендовалъ порыться въ старыхъ журналахъ, въ альманахахъ и проч. Совѣтовалъ ей прочесть Гребенку. Когда она стала жаловаться, что ей трудно доставать книги, то я пообѣщалъ ей протекцію у Васъ. Если будетъ просьба, то не откажите. Баронесса дама честная и книгъ не зажилитъ. Возвратитъ и при этомъ еще наградитъ Васъ обворожительной улыбкой.

А. А. прислалъ мнѣ великолѣпнаго вина. Вино, по отзывамъ всѣхъ пьющихъ, такъ хорошо, что Вы смѣло можете гордиться Вашимъ сыномъ. Прислалъ онъ мнѣ также письмо на латинскомъ языкѣ. Великолѣпно.

Вчера я послалъ Вамъ разсказъ. Боюсь, что опоздалъ. Разсказъ куцый, но чертъ съ нимъ.

Въ Москвѣ въ нашихъ медицинскихъ центрахъ къ Коху относятся осторожно и $^{9}/_{10}$ врачей не вѣрятъ въ него.

Ну дай Богъ Вамъ всего хорошаго, а главное здоровья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXIV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

25 Декабрь (1890 г. Москва).

Поздравляю Васъ, любимецъ музъ, съ праздникомъ и желаю Вамъ поскорѣе быть избраннымъ въ члены Французской Академіи, а Вашей дочкѣ выйти замужъ за князя Санъ Донато. Наипаче же всего желаю здравія.

Когда пріѣду въ Питеръ, непремѣнно зайду къ Вамъ. Пріѣду же я не раньше 7 — 8 января.

Мой адресъ: Малая Дмитровка, д. Фиргангъ.

Что вы думаете о коммиссіи? Участвуете въ ней, или нѣтъ? Напишите.

Что создали? Скоро ли Москва будетъ имѣть счастье рукоплескать Вамъ?

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

О своемъ путешествіи разскажу, а описывать его не стану, ибо нѣтъ бумаги. Для описанія потребовалось бы 147 стопъ.

LXXXV.

И. Л. Щеглову.

(Съ подлинника).

26 Декабрь. (1890 г. Москва).

Поздравляю Васъ, капитанъ, съ праздникомъ и желаю Вамъ всего того, что чину Вашему и таланту приличествуетъ.

Спѣшу извиниться. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Вы выразили желаніе, чтобы который-либо изъ моихъ мангусовъ былъ названъ Жаномъ Щегловымъ. Такое желаніе слишкомъ лестно и для мангуса, и для Индіи, но къ сожалѣнію оно опоздало: мангусы уже имѣютъ имена. Одинъ мангусъ зовется сволочью—такъ, любя, прозвали его матросы; другой, имѣющій очень хитрые, жульническіе глаза, именуется Викторомъ Крыловымъ; третья, самочка, робкая, недовольная и вѣчно сидящая подъ рукомойникомъ, зовется Омутовой [1]).

Московскій воздухъ трещитъ: 24 градуса. Разсчитывалъ поѣхать завтра въ деревню къ Коклену Младшему [2]), но помѣшаетъ морозъ. А уѣхать мнѣ надо: чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ.

Однако, сколько Вы за одно лѣто надрызгали пьесъ! Это не творчество, а пьянство! Если-бъ моя власть, то я за такое пристрастіе къ кулисамъ въ ущербъ художеству, предалъ бы Васъ военно-полевому суду, или же по меньшей мѣрѣ сослалъ-бы Васъ административнымъ порядкомъ въ Вилюйскъ. Театръ полезное учрежденіе, но не на столько, чтобы хорошіе беллетристы отдавали ему $^{9}/_{10}$ своей потенціи.

Хотѣлось-бы побывать у васъ на именинахъ и выпить съ Вами.

Сообщите мнѣ адресъ Баранцевича. Если увидите сего человѣка, то поклонитесь ему.

Будьте здоровехоньки, милый Жанъ. Мангусы и мое семейство поздравляютъ Васъ и кланяются.

Я привѣтствую Вашу жену и прошу передать ей тысячу самыхъ лучшихъ пожеланій.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Бывшая артистка театра Корша.

[2]) Адресатъ такъ прозвалъ Сережу Киселева. А. П. собирался на праздники къ его родителямъ въ Бабкино.

LXXXVI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

27 Декабрь. (1890 г. Москва).

И Васъ тѣмъ же концомъ по боку, добрѣйшій Николай Александровичъ: поздравляю и желаю еще 53 раза отпраздновать Рождество.

Отъѣздъ мой въ Петербургъ отложенъ на неопредѣленное время. Причина тому — скандалъ, происходящій въ моемъ нутрѣ. Со дня моего пріѣзда домой у меня началась такъ называемая перемежающаяся дѣятельность сердца, или, какъ я привыкъ называть сію болѣзнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ, при чемъ ощущается въ груди присутствіе резиноваго мячика; это бываетъ каждый вечеръ, по утрамъ легче. Стоять и лежать могу, сидѣть непріятно. Обдумавъ зрѣло, рѣшилъ: уѣхать на 5 — 7 дней въ деревню, и какъ только морозъ ослабѣетъ, поѣду. Морозъ 22 градуса.

Изъ деревни пріѣду на день въ Москву, а отсюда махну въ Питеръ.

Если сегодня, или завтра увижу Л., то буду уговаривать его ѣхать въ Петербургъ. Отчего ему не ѣхать? Есть и время, и деньги, и здоровъ какъ быкъ. Слѣдовало бы и П. вытащить изъ его уксуснаго гнѣзда.

Будьте здоровы. Почтеніе Апелю Апеличу [1]) и прочимъ сукинымъ сынамъ: Рогулькѣ, таксамъ и тому дворняжкѣ, что по двору бѣгаетъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Собака адресата.

LXXXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 Декабрь. (1890 г. Москва).

Ну, здравствуй, Сашичка. Не отвѣчалъ я такъ долго на твое письмо по слѣд. причинѣ: до меня дошли непріятные слухи, что ты якобы собираешься пріѣхать къ намъ на первый день праздника, я ждалъ тебя и потому не писалъ. А такъ какъ ты (слава Аллаху!) не пріѣхалъ, то я и пишу тебѣ теперь. Да, я возвратился. Да, Сашичка. Объѣздилъ я весь свѣтъ и, если хочешь знать, что я видѣлъ, то прочти басню Крылова «Любопытный». Какія бабочки, букашки, мушки, таракашки! Возьми въ ротъ штаны и подавись ими отъ зависти.

Проѣхалъ я черезъ всю Сибирь, 12 дней плылъ по Амуру, 3 мѣсяца и 3 дня прожилъ въ Сахалинѣ, былъ во Владивостокѣ, въ Гонгъ-Конгѣ, въ Сингапурѣ, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ на Цейлонѣ, переплылъ океанъ, видѣлъ Синай, обѣдалъ съ Дарданеллами, любовался Константинополемъ и привезъ съ собою милліонъ сто тысячъ воспоминаній и трехъ замѣчательныхъ звѣрей, именуемыхъ мангусами. Оные мангусы бьютъ посуду, прыгаютъ на столы и ужъ причинили намъ убытку на сто тысячъ, но тѣмъ не менѣе все таки пользуются общею любовью.

Когда я плылъ Архипелагомъ и глядѣлъ на сантуринскіе острова, которыхъ здѣсь чертова пропасть, то вспоминалъ тебя и твое: «патеръ Архимандритисъ, ти́ и́не авто́ Си́нопсисъ?» [1])

Теперь я живу дома съ родителями, которыхъ почитаю. Скоро пріѣду въ Петербургъ и ошпарю твоихъ незаконныхъ дѣтей кипяткомъ.

---

[1]) О. Архимандритъ, что такое Синопсисъ? (съ греческаго).

Очень хочется повидаться съ тобой; хотя ты и необразованный человѣкъ и при томъ пьяница, но все таки я иногда вспоминаю о тебѣ.

Кланяйся Наталіи Александровнѣ и незаконнымъ дѣтямъ. Бѣдныя дѣти! (вздохъ).

У насъ Миша и Иванъ. Мать благодаритъ тебя за поздравительное письмо и желаетъ, чтобы ты написалъ ей такое же и къ новому году.

Если Гершка еще не здохъ, то поклонъ ему и пожеланіе всякихъ собачьихъ благъ.

Не будь Фаустомъ [1]), пиши.

Если въ самомъ дѣлѣ думаешь пріѣхать къ намъ, то это идея восхитительная. Только теперь не пріѣзжай, ибо я самъ ѣду въ Питеръ. Если хочешь, вернемся вмѣстѣ въ Москву, родню и звѣрей посмотришь.

Въ Индіи водки нѣтъ. Пьютъ виски.

Твой снисходительный Братъ *А. Чеховской.*

LXXXVIII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

29 Декабрь. (1890 г. Москва).

Спасибо, дорогой мой, тебѣ и всѣмъ твоимъ за память обо мнѣ. Въ Одессѣ я получилъ письмо отъ твоего папы, а по пріѣздѣ въ Москву отъ тебя. Не отвѣчалъ до сихъ поръ Вамъ обоимъ, потому что мѣшаютъ мнѣ ужасно. Ходятъ, ходятъ, безъ конца ходятъ ко мнѣ всякаго званія люди и безъ конца разговариваютъ. Я теперь уподобился твоему папѣ, которому стоитъ только взяться за перо или за книгу, чтобы въ лавку вошолъ какой

---

[1]) Таганрогскій часовыхъ дѣлъ мастеръ, фамилію котораго А. П. обратилъ въ нарицательное названіе.

нибудь словоохотливый монахъ, или великій человѣкъ, которому хочется почесать языкъ.

Ну съ, я живъ и здоровъ; вернувшись, засталъ всѣхъ дома здоровыми. Думалъ, что поѣздка заставитъ насъ влѣзть въ долги, но и отъ этого Богъ избавилъ. Все обошлось такъ благополучно, какъ будто я и не ѣздилъ. Замѣчательно, что во все время моего восьмимѣсячнаго путешествія, сопряженнаго съ неизбѣжными лишеніями, я ни разу не былъ болѣнъ и изъ вещей потерялъ одинъ только ножичекъ.

Разсказать тебѣ о своемъ путешествіи также трудно, какъ сосчитать листья на деревѣ. Для этого нужно нѣсколько вечеровъ. Проѣхалъ я черезъ всю Сибирь, отмахавъ на лошадяхъ 4500 верстъ, прожилъ на Сахалинѣ 3 мѣсяца и 3 дня, потомъ возвращался на пароходѣ Добровольнаго флота. Былъ я и въ Гонгъ-Конгѣ, въ Сингапурѣ, на островѣ Цейлонѣ, видѣлъ гору Синай, былъ въ Портъ-Саидѣ, видѣлъ острова архипелага, откуда доставляютъ намъ маслины, сантуринское вино и длинноносыхъ грековъ, которыхъ, кстати сказать, во всемъ свѣтѣ, кромѣ Таганрога, считаютъ большими мошенниками и невѣждами; видѣлъ я Константинополь. Приходилось на пути испытать качку, всякаго рода муссоны и нордъ-осты, но морской болѣзни я не подверженъ и во время сильной качки ѣлъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и въ штиль.

Миша разсказываетъ о тебѣ много хорошаго. Радуюсь за тебя искренно. Радуюсь и за Володю[1]). Онъ сталъ выше тебя ростомъ? Это не хорошо. Когда онъ будетъ митрополитомъ, то низенькимъ дьяконамъ будетъ трудно надѣвать на него митру.

Когда увижусь съ П. И. Чайковскимъ [2]), то спрошу

---

[1]) Братъ адресата.
[2]) Композиторъ.

его о тебѣ. Что онъ дѣлалъ у Васъ въ Таганрогѣ? Былъ ли онъ у Васъ въ домѣ? Въ Питерѣ и въ Москвѣ онъ составляетъ теперь знаменитость № 2. Номеромъ первымъ считается Левъ Толстой, а я № 877.

Прислали мнѣ съ о. Корфу въ подарокъ боченокъ сантуринскаго вина.....

Напиши мнѣ письмо поподробнѣе, не щадя живота и бумаги. Валяй на трехъ листахъ. Весною или лѣтомъ буду въ Таганрогѣ.

Дядѣ, тетѣ, семинаріи, обѣимъ дѣвочкамъ и Иринушкѣ нижайшій поклонъ и тысяча сердечныхъ пожеланій. Будь здоровъ, счастливъ и мудръ, а главное добръ.

Вся семья тебѣ кланяется.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Янв. (1891 г. Москва).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, драгоцѣнный мой. Желаю Вамъ здоровья, покоя и 6 милліоновъ рублей.

Пріѣду я въ Петербургъ, вѣроятно, 8-го января. Буду у Васъ писать, а если не буду, то уѣду. Такъ какъ къ февралю у меня не будетъ ни гроша, то мнѣ нужно торопиться кончить повѣсть[1]), которую я началъ. Въ повѣсти есть кое что такое, о чемъ мнѣ надлежитъ поговорить съ Вами и попросить совѣта.

Праздники я провелъ безобразно. Во первыхъ, были перебои; во вторыхъ, братъ Иванъ пріѣхалъ погостить и бѣдняга заболѣлъ тифомъ; въ третьихъ, послѣ сахалинскихъ трудовъ и тропиковъ моя московская жизнь кажется мнѣ теперь до такой степени мѣщанскою и

---

[1]) «Дуэль».

скучною, что я готовъ кусаться; въ четвертыхъ, работа ради куска хлѣба мѣшаетъ мнѣ заниматься Сахалиномъ; въ пятыхъ, надоѣдаютъ знакомые. И т. д.

Мнѣ нравится, что Буренинъ похвалилъ Андріевскаго.

Былъ у меня два раза поэтъ Мережковскій. Очень умный человѣкъ. Былъ писатель Викторъ Бибиковъ.

Жду лѣта, чтобы побывать у Васъ въ Ѳеодосіи.

До пріятнаго свиданія!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ жаль, что Вы не видѣли моего мангуса! Удивительное животное.

XC.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

8 Янв. (1891 г. СПБ.).

Добрѣйшій Ѳедоръ Александровичъ, получилъ Ваше письмо и отвѣчаю Вамъ прежде всего поздравленіемъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ и съ новыми пятью тысячами подписчиковъ [1]).

Уѣзжая, я просилъ брата взять у Соловцева *всего* цензурованнаго Лѣшаго. Теперь конечно мы не успѣемъ попасть въ Январьскую книжку. Если Вы не выслали еще корректуры, то погодите моего пріѣзда; я пріѣду 12 — 13 Янв. Прочту корректуру, исправлю и пошлю въ цензуру изъ Москвы.

Теперь просьба: не печатайте Лѣшаго!! Лѣшій для Артиста положительно не имѣетъ никакой цѣны: публикѣ московской онъ не понравился, актеры словно сконфузились, газетчики обругали.. Отдайте мнѣ его: въ Артистѣ онъ пройдетъ не замѣченнымъ, пользы никому не

---

[1]) Адресатъ издавалъ журналъ «Артистъ».

А. П. на пикникѣ на о. Сахалинѣ. (Ант. Павловичъ слѣва—крайній).

принесетъ и Ваши 200 рублей будутъ словно въ воду брошены. Мой Лѣшій, повторяю, для Артиста цѣны не имѣетъ.

Если внемлете моей просьбѣ, то я буду Вамъ благодаренъ во вѣки вѣковъ и напишу Вамъ столько разсказовъ, сколько Вы пожелаете, хоть милліонъ двѣсти тысячъ.

Прошу я *серьезно*. Въ случаѣ Вашего согласія поскорѣе отвѣчайте мнѣ. Несогласіе же Ваше уязвитъ меня въ самое сердце и причинитъ мнѣ не мало горя, ибо лишитъ меня возможности поработать еще надъ Лѣшимъ. Если уже начали набирать, то за наборъ я заплачу, брошусь въ воду, повѣшусь.. что хотите.

Въ Питерѣ погода аспидская. Ѣздятъ на саняхъ, но снѣга нѣтъ. Не погода, а какой то опанизмъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

14 Янв. (1891 г. СПБ.).

Непредвидѣнныя обстоятельства задержали меня еще на нѣсколько дней. Я живъ и здоровъ. Новостей нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, на дняхъ я видѣлъ на сценѣ «Власть тьмы» Толстого. Былъ у Рѣпина въ мастерской. Еще что? Больше ничего. Въ общемъ скучно.

Ходилъ сегодня на собачью выставку; ходилъ я туда вмѣстѣ съ Суворинымъ, который въ то время, когда я пишу сіи строки, стоитъ около стола и проситъ: — напишите, что вы ходили на собачью выставку вмѣстѣ съ извѣстной собакой Суворинымъ.

Александръ и его дѣти здоровы.

Поклонъ знакомымъ. Больше писать не о чемъ

Твой *А. Чеховъ.*

Въ Петербургѣ бездѣльничаетъ Жоржъ Л.

Жду отъ Миши письма объ Артистѣ и Лѣшемъ.

XCII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(*СПБ. 1891 г. Янв.*).

Цецилія Архимандритова!

Я живъ и здоровъ, перебоевъ нѣтъ, денегъ тоже нѣтъ и все обстоитъ благополучно.

Дѣлаю визиты и видаюсь со знакомыми. Приходится говорить про Сахалинъ и Индію. Ужасно скучно.

Вчера приходилъ Прокуроръ. Нализался и ушолъ. Анна Ивановна попрежнему славная, Суворинъ попрежнему говоритъ безъ умолку.

Получаю скучнѣйшія приглашенія на скучнѣйшіе обѣды. Повидимому, прійдется скоро уѣхать въ Москву, такъ какъ здѣсь работать не дадутъ.

Ура! Мы отмщены! За то, что намъ было скучно, ситцевый балъ далъ чистаго убытку 1500 р. Въ удостовѣреніе прилагаю вырѣзку изъ газетины.

Если соберется что нибудь въ пользу сахалинскихъ школъ, то немедленно извѣщай.

Поклонъ низкій папашѣ, мамашѣ, Ивану, Мишкѣ VI класса [1]), жидоватому брюнету [2]) изъ высшаго свѣта, Лидіи Егоровнѣ Мизюковой [3]), Семашкѣ и изумительной астрономкѣ [4]).

---

[1]) М. П. Чехову—податному инспектору.
[2]) И. И. Левитану.
[3]) Л. С. Мизиновой.
[4]) О. П. Кундасовой.

Какъ поживаетъ мой мангусъ? Не забывайте давать ему пить и ѣсть и бейте его безъ пощады, когда онъ прыгаетъ па столы. Онъ людей ѣстъ? [1])

Напишите о Иванѣ.

Желаю здравія и веселія.

Твой *А. Чеховъ.*

XCIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(*СПБ. 1891 г. Янв.*).

Я утомленъ, какъ балерина послѣ пяти дѣйствій и восьми картинъ. Обѣды, письма, на которыя лѣнь отвѣчать, разговоры и всякая чепуха. Сейчасъ надо ѣхать обѣдать на Васильевскій островъ, а мнѣ скучно, и надо работать. Поживу еще три дня, посмотрю, если балетъ будетъ продолжаться, то уѣду домой, или къ Ивану въ Судорогу [2]).

Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые дифирамбы и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чертъ ихъ знаетъ. Еслибы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство! Буренинъ ругаетъ меня въ фельетонѣ, хотя нигдѣ не принято ругать въ газетахъ своихъ же сотрудниковъ; Масловъ (Бѣжецкій) не ходитъ къ Суворинымъ обѣдать; Щегловъ разсказываетъ всѣ ходящія про меня сплетни и т. д. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая то плѣсень.

---

[1]) Наивный вопросъ одной знакомой А. П.

[2]) Въ Судогду, гдѣ служилъ братъ Ив. Пав—чъ.

Японцы—Кузе-Санъ и его секретарь Су-Зуки. Пикникъ на южномъ Сахалинѣ (справа стоитъ А. П.).

Я напалъ на слѣдъ Дришки. Она живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я. Завтра увижусь съ ней.

Моя «Дѣтвора» вышла вторымъ изданіемъ.

По этому случаю получилъ 100 руб. Здоровъ. Ложусь поздно...

Поклонъ Лидіи Егоровнѣ Мизюковой. Жду отъ нея программъ. Скажи ей, чтобы она не ѣла мучного и избѣгала Левитана. Лучшаго поклонника, какъ я, ей не найти ни въ думѣ, ни въ высшемъ свѣтѣ.

Пришолъ Щегловъ.

Вчера приходилъ Григоровичъ; долго цѣловалъ меня, вралъ и все просилъ разсказать ему про японокъ.

Пріѣхалъ Ираклій [1]). Нужно поговорить съ нимъ, а телефонъ испортился.

Кланяюсь всѣмъ.

Твой *А. Чеховъ.*

XCIV.

Ей же.

(Съ подлинника).

16 *Январь* (*1891 г. СПБ.*).

Честь имѣю поздравить Васъ съ именинникомъ [2]); желаю Вамъ и ему здравія, благополучія, а главное, чтобы мангусъ не билъ посуды и не обдиралъ обоевъ. Именины свои я праздную въ трактирѣ Малый Ярославецъ, изъ трактира на бенефисъ, изъ бенефиса опять въ трактиръ.

Я работаю, но съ превеликимъ трудомъ. Только что напишу одну строчку, какъ раздается звонокъ и входитъ кто нибудь, чтобы «поговорить о Сахалинѣ». Просто бѣда!

---

[1]) Іеромонахъ о-ва Сахалина. Бурятъ.
[2]) Именины самого Антона П-ча.

Былъ у Александра. Его дѣтишки произвели на меня самое хорошее впечатлѣніе. Особенно хорошъ младшій. Оба выросли, отлично говорятъ и уже знаютъ азбуку. Супруга Александра добрая женщина...

Нашолъ я Дришку. Оказалось, что она живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я. Бѣжала она изъ Москвы въ Петербургъ по семейно-романическимъ обстоятельствамъ: хотѣла выйти замужъ за слѣдователя, дала ему слово, но подвернулся армейскій капитанъ и т. д.; пришлось бѣжать, иначе бы слѣдователь убилъ изъ пистолета, заряженнаго клюквою, и Дришку и капитана. Она благоденствуетъ и попрежнему такая же шустрая шельма. Вчера я вмѣстѣ съ нею былъ на именинахъ у Свободина. Она пѣла цыганистые романсы и произвела такой фуроръ, что у нея цѣловали руки всѣ великіе люди, начиная со старика Максимова и Микѣшина и кончая Михневичемъ.

До меня дошли слухи, что будто бы Лидія Стахіевна выходитъ замужъ par depit. Правда ли это? Передайте ей, что я par depit увезу ее отъ мужа. Я человѣкъ наглый.

Былъ у меня о. Ираклій съ позолоченнымъ крестомъ.

Когда я пріѣду въ Москву? Скоро. Не позже будущей недѣли.

Не собрали ли чего нибудь въ пользу сахалинскихъ школъ? Увѣдомьте. Что Левитанъ съ подписнымъ листомъ? Что Кундасова? Что Лидія Стахіевна съ Екишъ?

Низко всѣмъ кланяюсь и желаю превосходнаго аппетита.

Получилъ письмо отъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента Кони. Хочетъ меня видѣть, чтобы поговорить о Сахалинѣ. Завтра пойду къ нему.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCV.

Е. М. Ш. [1])

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 января. (1891 г. СПБ.).

Только что прочелъ Вашъ разсказъ въ корректурѣ, Елена Михайловна, и паки нахожу, что онъ очень хорошъ. Прогрессъ большущій. Еще годъ—два, и я не буду смѣть прикасаться къ Вашимъ разсказамъ и давать Вамъ совѣты.

Разсказъ хорошъ, и потому позвольте мнѣ не говорить ни о Ѳедотовѣ, ни о Вашей будущей артистической карьерѣ.—Побойтесь Бога, что это еще за Шастуновъ? [2]) Помнится, гдѣ то около у Тріумфальныхъ воротъ я видѣлъ бакалейную лавочку Шастунова. Я подписался подъ разсказомъ такъ, какъ Вы хотите, но лучше бы придумать что нибудь не столь бакалейное. Заглавіе «Невѣсты» не годится. Я придумалъ заглавіе тоже не подходящее, но оно лучше Вашего. Гдѣ же In vino? [3])

Право, бросьте Вы Ѳедотова [4]). Неужели Вамъ улыбается актерство? Если бы у $^{9}/_{10}$ актрисъ былъ такой литературный талантъ, какъ у Васъ, то онѣ побросали бы сцену и молебенъ отслужили. Извините, что я такъ кратокъ. Я серьезно отношусь къ вопросу, который Вы задаете мнѣ въ письмѣ, желаю Вамъ всего хорошаго, радъ за Васъ; и если я начну длинно излагать свои неуклюжія мысли, то потребуется пять листовъ бумаги, а это скучно и не нужно для Васъ.

---

[1]) По желанію адресатки сохранены только ея инициалы.
[2]) Псевдонимъ, которымъ хотѣла подписываться адресатка.
[3]) Разсказъ адресатки.
[4]) Театральная школа въ Москвѣ.

Сдѣлаться опять такимъ, какимъ я былъ въ Ялтѣ? Да развѣ я другой? Я былъ скученъ на ситцевомъ балу,— это правда, но вѣдь ситцевый балъ не Ялта, и Ялта не ситцевый балъ.

Я очень радъ, что ситцевый балъ далъ чистаго убытку 1500 р. Такъ Вамъ и нужно!

Ну, будьте здоровы и благополучны. Въ Петербургѣ я пробуду вѣроятно до конца января.

Если что напишете, то милости просимъ.

Искренно преданный

А. Чеховъ.

XCVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

18 Январь (1891 г. СПБ).

Вчера я былъ у Кони, говорилъ съ нимъ о Сахалинѣ; условились ѣхать вмѣстѣ во вторникъ на будущей недѣлѣ къ Нарышкиной просить ее, чтобы она поговорила съ Государыней о сахалинскихъ дѣтяхъ и насчетъ устройства пріюта для дѣтей. Поѣдемъ во вторникъ—стало быть, не ждите меня раньше четверга будущей недѣли.

Модестъ Чайковскій уѣхалъ въ Москву и зайдетъ къ намъ смотрѣть мангусовъ. Пріймите его получше т.-е. поласковѣй.

Прилагаемую при семъ вырѣзку изъ газеты [1]) прошу вывѣсить на стѣнѣ въ училищѣ Ѳедотова, или въ обществѣ паскудствъ и каррикатуры [2]). Стихотвореніе миленькое и относится въ одинаковой степени ко всѣмъ любительницамъ.

---

[1]) Къ письму было приложено стихотвореніе.

[2]) Искусства и Литературы.

Деньги у меня есть. Не нужно ли Вамъ? Если нужно, то я пришлю.

Поздравительную телеграмму получилъ. Благодарю и Чеховыхъ, и Лику, и Семашко и Жана.

Вчера въ Маломъ Ярославцѣ кормили меня обѣдомъ. Сегодня я на вечерѣ. Ѣмъ и пью безъ конца. Должно быть, лопну.

У Б. родился сынъ. Это, кажется, семнадцатый.

Кланяюсь всѣмъ.

Вчера былъ именинникъ Александровъ сынишка Антонъ. Я купилъ ему игрушекъ.

Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

XCVII.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

(*СПБ. 1891 г. Янв.*).

До сихъ поръ охваченный суетой петербургской жизни, я успѣлъ прочесть только: «In vino».

Разсказъ хорошо сдѣланъ, сцена опьяненія превосходна. Но къ чему Вамъ понадобилась бритая рожа? Хоть Вы и влюблены въ нее, чему я не вѣрю, но она портитъ разсказъ; чувствуется, что она притянута искусственно, чтобы во 1) ввести въ разсказъ элементъ любви, и во 2)-хъ ради контраста. По моему можно ограничиться сценою опьяненія, любовью поручика и финаломъ.

Все что барышня говоритъ въ честь и славу актера, она съ успѣхомъ можетъ сказать въ пространство, обращаясь ко всѣмъ, при чемъ нѣтъ надобности брать одну только сцену. Когда я началъ читать Вашъ разсказъ,

то мнѣ казалось: барышня пьянѣетъ, она окружена мужчинами, но ей не кого любить и не на что тратить свой порохъ... Такъ мнѣ казалось и вдругъ... о ужасъ!. наталкиваюсь на бритую рожу...

Вашъ разсказъ можно конечно напечатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть. Но мы съ Суворинымъ рѣшили такъ: я на дняхъ поѣду въ Москву, и пришлю Вамъ разсказъ, такъ какъ свободное время у Васъ, Слава Богу, есть, то быть можетъ Вы займетесь разсказомъ, если найдете это нужнымъ, потомъ пришлите его мнѣ, а я пошлю его въ Питеръ. Это мой капризъ!

Въ Москвѣ я буду въ среду. Разсказъ Вы получите въ четвергъ. А пока, позвольте пожелать Вамъ всего лучшаго и пребыть уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

А Шастунова я оставилъ. Богъ съ нимъ!

Если Вамъ надоѣлъ Вашъ разсказъ, то извольте, мы напечатаемъ его безъ передѣлокъ.

XCVIII.

А. Ѳ. Кони.

26 января (1891 г. СПБ.).

Милостивый Государь Анатолій Ѳедоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на Ваше письмо, потому что уѣзжаю изъ Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Нарышкиной, но мнѣ кажется лучше отложить визитъ къ ней до выхода въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди матеріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мнѣ такимъ громаднымъ, что,

когда я хочу говорить о немъ, то не знаю, съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ тринадцатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проституціей начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія менструаціи. Церковь и школа существуютъ только на бумагѣ, воспитываютъ же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ, у меня записанъ разговоръ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись въ селеніи Верхнемъ Армуданѣ; поселенцы всѣ поголовно нищіе и слывутъ за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ нѣтъ дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ бѣловолосый, сутулый, босой; о чемъ-то призадумался. Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамки сожитель.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значитъ за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я незаконный. Меня мамка въ Карѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался

внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойные и дочь; пока тотъ сидѣлъ въ ватеръ-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, взбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ носильщика—ex officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Гораціо, бродившихъ по кладбищу, черкесъ-жилецъ покойницы—отъ нечего дѣлать—и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, привела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого—Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на колѣняхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ проигравшійся помѣщикъ, смѣется и говоритъ:

— Закопали!

Каторжные смѣются; черкесъ обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекціонныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями—все такія болѣзни, которыя свидѣтельствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по моему, ставить важное въ зависимость

отъ благотворительности, которая въ Россіи носитъ случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ,—вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фиргангъ.

Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня, и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховымъ.

XCIX.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 Январь. (1891 г. СПБ.).

Разлюбезнѣйшій Иванъ! Газета тебѣ высылается, должно быть, такъ какъ я сдѣлалъ подобающее распоряженіе. Живу я еще въ Питерѣ и каждый день собираюсь уѣхать домой. Ужасно утомился. Ужасно! Цѣлый день, отъ 11 ч. утра до 4 часовъ утра я на ногахъ; комната моя изображаетъ изъ себя нѣчто вродѣ дежурной, гдѣ поочереди отбываютъ дежурство г.г. знакомые и визитеры. Говорю непрерывно. Дѣлаю визиты и конца имъ не предвижу. Поѣздкѣ моей на Сахалинъ придали значеніе, какого я не могъ ожидать: у меня бываютъ и статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники. Всѣ ждутъ моей книги и пророчатъ ей серьезный успѣхъ, а писать некогда! Въ Москвѣ писать трудно, а здѣсь же еще труднѣе.

Купилъ книги. Очень много книгъ пожертвовано издателями и авторами. Я очень радъ. Сахалинскія школы будутъ имѣть свои библіотечки.

Мои книги продаются не дурно. По пріѣздѣ я получилъ около 400 руб., а въ маѣ получу еще больше, ибо въ маѣ представитъ свои счета контрагентство. Въ маѣ же буду печатать пятое изданіе «Въ сумеркахъ» и «Разсказы». Хочу печатать вторымъ изданіемъ Пестрые разсказы. «Дѣтвора» вышла вторымъ изданіемъ, чего ради я получилъ еще 100 р.

Когда я буду отдыхать? Утомленіе такое, что просто сѣда. Мнѣ бы теперь не писать и не ѣздить и не объ умномъ говорить, а мѣсяца бы четыре сидѣть на одномъ мѣстѣ и удить рыбу.

Надѣюсь, что твое здоровіе вошло уже въ надлежащія рамки. Я здоровъ вполнѣ. Въ мартѣ пріѣду къ тебѣ встрѣчать весну [1]).

Ну, будь здоровъ и благополученъ.

Твой

А. Чеховъ.

Получилъ сейчасъ письмо отъ писательницы Ш. Весь столъ провонялъ духами.

С.

И. А. Бунину.

(Съ подлинника).

30 Янв. (1891 г. Москва).

Милостивый Государь

Иванъ Алексѣевичъ!

Простите, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо. Я былъ въ Петербургѣ и только сегодня вернулся въ Москву.

---

[1]) Братъ Иванъ Павл. жилъ тогда во Владимірской губ., близъ г. Судогды и учительствовалъ на стеклянномъ заводѣ Комиссарова.

Очень радъ служить Вамъ, хотя, предупреждаю, я плохой критикъ и всегда ошибался, особенно, когда мнѣ приходилось быть судьею начинающихъ авторовъ. Присылайте мнѣ Ваши разсказы, но только не тѣ, которые уже были напечатаны.

Готовый къ услугамъ

А. Чеховъ.

Москва, М. Дмитровка, д. Фиргангъ.

CI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

31 Январь. (1891 г. Москва).

Была изумительная астрономка[1]). Я сказалъ ей: «Я съ Суворинымъ раза три вспоминали о Васъ, и онъ кланяется Вамъ». Она сказала: «Убирайтесь къ черту». Горюетъ, что умерла Ковалевская.

Дома засталъ я уныніе. Мой самый умный и симпатичный мангусъ заболѣлъ и смирнехонько лежитъ подъ одѣяломъ. Скотинка не ѣстъ и не пьетъ. Климатъ занесъ уже надъ нимъ свою холодную лапу и хочетъ убить его. А за что?

Получили унылое письмо. Съ нами дружила въ Таганрогѣ одна польская зажиточная семья. Печенья и варенья, которыя я съѣдалъ у этой семьи, будучи гимназистомъ, теперь возбуждаютъ во мнѣ самыя трогательныя воспоминанія; тамъ были и музыка, и барышни, и наливка, и ловля щеглятъ на большомъ дворѣ-пустырѣ. Отецъ служилъ въ таганрогской таможнѣ и по-

---

[1]) О. П. Кундасова.

палъ подъ судъ. Слѣдствіе и судъ разорили семью. Двѣ дочери и сынъ. Когда старшая дочка вышла замужъ за прохвоста-грека, семья взяла себѣ на воспитаніе дѣвочку сиротку. У этой дѣвочки приключилась бугорчатка колѣна и ей ампутировали ногу. Затѣмъ умираетъ отъ чахотки сынъ, медикъ 4 курса, отличный малый, Геркулесъ, надежда семьи.. Затѣмъ бѣдность вопіющая.. Отецъ бродитъ по кладбищу, жаждетъ напиться, но нѣтъ силъ пить: отъ водки только голова жестоко болитъ, а мысли все тѣ же, такія же трезвыя и гнусныя. Теперь пишутъ, что заболѣла чахоткой младшая дочь дѣвушка, молодая, красивая, полная.. Пишетъ объ этомъ отецъ и проситъ *десять* рублей въ займы... Ахъ!

Мнѣ ужасно не хотѣлось отъ Васъ уѣзжать, но я все таки радъ, что не остался еще на одинъ день — уѣхалъ, значитъ, имѣю силу воли. Уже пишу. Когда пріѣдете въ Москву, повѣсть [1]) будетъ уже кончена и я вмѣстѣ съ Вами вернусь въ Петербургъ.

Скажите Борѣ, Митѣ и Андрюшѣ, что я ихъ vituperо [2]). Въ карманахъ своей шубы я нашолъ записки, въ которыхъ было нацарапано: «Антонъ Павличъ стыдно, стыдно, стыдно!». O pessimi discipuli! Utinam vos lupus devoret! [3])

Письмо, посланное мною изъ Сахалина 31-го Августа, наши получили только на этихъ дняхъ. Каково?

Вчера ночью не спалось и я прочелъ «Пестрые разсказы» для второго изданія. Выбросилъ за бортъ больше 20 разсказовъ.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ

---

[1]) «Дуэль».
[2]) Порицаю.
[3]) О, гадкіе ученики! Когда-же пожретъ васъ волкъ!

уваженіи и преданности. Семейству Вашему свидѣтельствую свое почтеніе.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ цензору Матвѣеву. Я Аннѣ Ивановнѣ предлагалъ пригласить его и Ивана Павловича Казанскаго въ Ѳеодосію на все лѣто. Они такіе весельчаки!

CII.

Ему же.

(Съ подлинника).

5 Февраль. (1891 г. Москва).

Мой мангусъ выздоровѣлъ и уже преисправно бьетъ посуду.

Я пишу, пишу! Признаться, я боялся, что сахалинская поѣздка отучила меня писать, теперь же вижу, что ничего. Написалъ я много, пишу пространно, à la Ясинскій. Хочу тысячу цѣлковыхъ сцапать.

Скоро начну ждать Расъ. Поѣдемъ въ Италію, или нѣтъ? Надо бы.

Въ Петербургѣ я ночи не сплю, пью и шатаюсь, но чувствую себя неизмѣримо здоровѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Чертъ его знаетъ, отчего это такъ.

Не скучаю, ибо во 1-х) пишу и 2-х) чувствуется близость лѣта, которое я люблю паче всего. Хочется приготовлять удочки.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Александрѣ Сергѣевнѣ и дѣтямъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. П. и сынъ баронесы Икскуль на пароходѣ «Петербургъ». Держатъ мангусовъ.

CIII.

А. М. Кондратьеву[1]).

(Съ подлинника).

22 Февраля (1891 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Михайловичъ, прибѣгаю къ Вашему всемогуществу. Мнѣ ужасно хочется посмотрѣть свое «Предложеніе», а билета достать не могу. Въ воскресенье утромъ идетъ моя пьеска. Не замолвите ли Вы словечко, чтобы въ кассѣ оставили мнѣ *два* билета—кресла 7 или 8 ряда, или что есть. Я буду Вамъ очень благодаренъ.

Оттепель. Я боюсь, что разольются рѣки и что не придется намъ ѣхать въ Бабкино, пить водку изъ серебрянаго стакапчика. Сегодня получилъ письмо отъ Киселева, проситъ привезти икры.

Вашъ *А. Чеховъ.*

М. Дмитровка, д. Фирганръ.

CIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1891 г. Москва).

Здравствуйте, голубчикъ мой. Ваша телеграмма насчетъ Тормидора смутила меня. Меня страшно потянуло въ Петербургъ, но не ради Сарду и пріѣхавшихъ парижанъ, а такъ, здорово-живешь. Но практическія соображенія взяли меня подъ устцы. Я сообразилъ, что надо спѣшить писать повѣсть, что я не знаю французскаго

---

[1]) Режиссеръ моск. Мал. театра.

языка и поэтому буду занимать въ ложѣ чужое мѣсто, что у меня мало денегъ и проч. Однимъ словомъ, какъ теперь мнѣ кажется, я плохой товарищъ, хотя и поступилъ повидимому умно.

Повѣсть моя подвигается впередъ. Все гладко, ровно, длинноть почти нѣтъ, но знаете, что очень скверно? Въ моей повѣсти нѣтъ движенія и это меня пугаетъ. Я боюсь, что ее трудно будетъ дочитать до середины, не говоря ужъ о концѣ. Какъ бы то ни было, я все таки кончу ее. Аннѣ Ивановнѣ поднесу веленевый экземпляръ для чтенія въ купальнѣ. Я желалъ бы, чтобы ее что-нибудь въ водѣ укусило, и чтобы она вышла изъ купальни рыдающей.

Мнѣ было грустно, когда Вы уѣзжали. Вообще мнѣ грустно.

Изумительная астрономка кончила со мной французскую грамматику и укатила зачѣмъ то въ Петербургъ. Лавры Ковалевской не даютъ ей спать и она, кажется, хочетъ поступить на курсы.

«Предложенія» нѣтъ въ масленичномъ репертуарѣ; очевидно, актеры обидѣлись, что до сихъ поръ я не былъ въ театрѣ. Вчера опять былъ Ю.—не приняли. Былъ Н.—не приняли. На горизонтѣ моемъ скопляются тучи и я жду ливня съ градомъ. Только что пріѣхалъ Миша изъ Алексина. Вотъ такъ служба! Этакъ и я бы согласился. Графиня Р. отказала намъ окончательно. Я думаю, что въ счастливые дни медоваго мѣсяца она не огорчала такъ мужа своимъ отказомъ, какъ огорчила теперь насъ. Гдѣ мы теперь будемъ жить? Я ужасно боюсь сѣрой дачной обстановки со щелями, пятнами на потолкѣ и кухоннымъ чадомъ, а пожалуй и въ этомъ году прійдется вкусить сіе.

Пришлите мнѣ денегъ. У меня ихъ нѣтъ и взять, кажется, неоткуда. По моему разсчету я при благо-

пріятныхъ условіяхъ могу получить отъ Васъ до сентября не болѣе тысячи рублей. Соображайтесь съ симъ, но не высылайте денегъ почтой, такъ какъ я терпѣть не могу ходить въ почтамтъ.

Напишите мнѣ о Термидорѣ.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Борису и прекрасной Настѣ. Ахъ, Настасья, ахъ Настасья, отворяй-ка ворота!

Весь Вашъ *А. Чеховъ.*

CV.

А. П. Ленскому[1]).

27 февраля. (1891 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ! Въ началѣ первой недѣли поста я уѣду во Владимірскую губ. на стеклянный заводъ Коммисарова. Не найдете ли Вы возможнымъ поѣхать со мной? Весна, грачи, скворцы, попы, урядники, рабочіе, мельница и громадныя, аду подобныя, печи на заводѣ. Все это, увѣряю Васъ, ужасно интересно. Мы поѣдемъ сначала по желѣзной дорогѣ, а потомъ на лошадяхъ. Остановимся мы въ квартирѣ брата; помѣщенія у него достаточно.

Вернувшись въ Москву, Вы привезете съ собой много посуды, которая будетъ сдѣлана при Васъ же и по Вашимъ рисункамъ. Пробудемъ на заводѣ не долго. Завтра я ѣду въ Бабкино къ Киселеву. Вернусь въ понедѣльникъ и явлюсь къ Вамъ за отвѣтомъ. Главное, не забывайте—весна! И мы увидимъ множество людей!..

Кланяюсь Лидіи Николаевнѣ и Ленскому-фису. Подумайте, голубчикъ! Кромѣ Васъ я никого не приглашаю

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ первомъ томѣ (см. «Письма А. П. Чехова т. I, стр. 268, CXLI»).

съ собой, ибо Левитанъ ѣдетъ въ Петербургъ, да и утомляется онъ скоро, а остальные не поѣдутъ, хоть изъ пушекъ стрѣляй.

Я пишу большую повѣсть.

Въ чаяніи благополучнаго для меня отвѣта, пребываю любящимъ Васъ

А. Чеховъ.

CVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Мартъ. (1891 г. Москва).

Ѣдемъ!!! Я согласенъ, куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгаетъ отъ удовольствія. Не поѣхать было бы глупо съ моей стороны, ибо когда еще представится случай? Но, голубчикъ, предоставляю Вамъ взвѣсить слѣдующія обстоятельства:

1) У меня далеко еще не кончена моя работа. Если я ее отложу до мая, то сахалинскую работу прійдется начать не раньше іюля, а это опасно, ибо сахалинскія впечатлѣнія у меня уже испаряются и я рискую забыть многое.

2) У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Если я, не кончивъ своей работы, возьму еще тысячу рублей на поѣздку, а потомъ послѣ поѣздки на прожитіе, то я такъ запутаюсь, что самъ чертъ не вытянетъ меня за уши. Я еще не запутался, потому что изощряюсь и живу скромнѣе просвирни, но если я поѣду [1]), то все пойдетъ къ черту, счеты мои запутаются и я почувствую себя въ неоплатныхъ долгахъ. При одной мысли о двухтысячномъ долгѣ я падаю духомъ.

---

[1]) За границу.

Есть много и другихъ обстоятельствъ, но все мелко передъ работой и деньгами. Итакъ, просмакуйте мои соображенія, войдите на мгновеніе въ мою шкуру и рѣшите: не лучше ли мнѣ остаться? Вы скажете, что все это пустяки. Но Вы бросьте свою точку зрѣнія, а станьте на мою.

Жду скорѣйшаго отвѣта.

Моя повѣсть подвигается, но ушолъ я не далеко.

Былъ въ деревнѣ у Киселевыхъ. Грачи уже прилетѣли.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVII.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

6 мартъ. (1891 г. Москва).

Я страшно виноватъ передъ Вами, уважаемая Елена Михайловна, но если бы Вы знали какую длинную повѣсть пишу я [1]), какъ кружится у меня по этому поводу голова, то извинили бы меня за то, что я до сихъ поръ не далъ Вамъ никакого отвѣта. Я еще не читалъ Вашихъ разсказовъ. О я злодѣй. Днемъ я не читаю ничего, потому что это помѣшало бы тому моему порядку мыслей, который нуженъ для работы, а къ вечеру бываю утомленъ и золъ, и тоже не читаю ничего, кромѣ статей газетнаго характера.

Въ началѣ будущей недѣли я, вѣроятно, уѣзжаю въ Италію. До отъѣзда я прочту Ваши разсказы и сдѣлаю все, что нужно. Если же не уѣду, то отвѣтъ Вы получите не ранѣе второй недѣли поста.

---

[1]) «Дуэль».

Я хотѣлъ устроить для Васъ свиданіе съ Суворинымъ, но онъ вдругъ заболѣлъ и уѣхалъ. Онъ любитъ литературу страстно, и отлично бранится, а Вы теперь переживаете ту стадію Вашей начинающейся дѣятельности, когда съ Вами нужно жестоко браниться, хотя бы за бритую рожу.

Ну, коли Вамъ понадобится актеръ, то почему не взять настоящаго, напримѣръ, Ленскаго, а не эту восковую, богоподобную фигуру? Не терплю двуногихъ боговъ, особенно, если ихъ сочиняютъ. Давайте намъ жизнь, г. Шастуновъ! Опишите-ка Филиппыча [1]). Этотъ покрупнѣе Зильбергроша [2]). Я встрѣтился съ нимъ въ Театральной Конторѣ, и спросилъ о Васъ, онъ похвалилъ, я проболтался о томъ, что Вы пишете, и поспѣшилъ взять съ него честное слово, что это останется между нами. Онъ не сдержалъ своего слова, ну а я въ отместку за это, не велѣлъ его принимать и ему уже разъ было отказано.

О какой «Каштанкѣ» [3]) Вы пишете? У меня такого разсказа нѣтъ. Если кончили про Зильбергроша, то пришлите. Но, г. Шастуновъ, откуда Вамъ извѣстна жизнь Зильбергроша? Интересно будетъ прочесть, очень интересно. Пришлите! Если пришлете, то все прочту въ одинъ присѣстъ и тотчасъ же дамъ отвѣтъ.

Будьте здоровы, г. Шастуновъ. Отчего бы Вамъ въ Италію не поѣхать? Я ѣду туда съ Суворинымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) А. Ф. Ѳедотовъ, директоръ драмат. курсовъ въ Москвѣ.

[2]) Шуточная фамилія, данная Ан. П—чемъ одному ялтинскому обывателю.

[3]) Разсказъ адресатки.

CVIII.

Ей же.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

8 Мартъ. (1891 г. Москва).

Получилъ разсказы и прочелъ, Елена Михайловна, и ничего не нахожу ужаснаго въ Вашемъ Михаилѣ Ивановичѣ. Напротивъ, все очень скромно. А за Рѣпина позвольте обидѣться: развѣ можно въ жаркое время кормить писателя поросенкомъ? Побойтесь Бога!

Я заказывалъ Зильбергрошу разсольникъ изъ потроховъ, и разсольникъ всякій разъ былъ удивительный.

Для М-me Зильбергрошъ пятьдесятъ лѣтъ много. Не надо утрировать. И 40 довольно. Дѣло впрочемъ не въ лѣтахъ. Она можетъ быть и 23-хъ лѣтнею. Главное достоинство М-me З.—это ея чрезмѣрная сытость. Когда она качалась въ креслѣ, то давала такое же впечатлѣніе, какъ будто всего накушалась, и ее теперь мутитъ и хочется кисленькаго—байроническая черта.

Мих. Ив. сдѣланъ у Васъ очень хорошо, и она тоже, и офицерикъ. Пока Вы описываете то, что видѣли, выходитъ отлично, но какъ только дошли до Шурочки, которую никогда не видѣли, то выходитъ одинъ только душевный вопль и больше ничего. М-me З. платитъ своему гусю лапчатому 75 руб. въ мѣсяцъ; не понимаю, при чемъ тутъ какая то Шурочка? Похоже на то, что она пришла, понюхала и ушла. Пусть она убирается къ своему мужу! Этой Шурочкой и тающей Олей Вы дѣлаете то, что вниманіе читателя раздваивается, уменьшается вдвое и сила разсказа.

«У гадалки» великолѣпный разсказъ и я этому ужасно радъ, очень, очень хорошо. Оба разсказа я въ поне-

дѣльникъ увезу въ Петербургъ; туда же увезу «Въ циркѣ» и «Каштанку», если найду таковую. На счетъ «In vino» не послать ли намъ его въ «Артистъ». Тамъ любятъ богоподобныхъ актеровъ.

Вотъ что: у меня чешутся руки, не позволите ли Вы мнѣ придѣлать конецъ къ Зильбергрошу? Отвѣтьте до понедѣльника.

Изъ Петербурга ѣду заграницу, на Святой буду въ Россіи.

Вчера былъ у меня моргающій Филиппычъ. Опять его не приняли. Мнѣ сдѣлалось жаль его и я вечеромъ сходилъ къ нему и видѣлъ репетицію. Мнѣ больше всѣхъ понравился жидокъ, который игралъ маркиза и потому не могъ репетировать безъ шпаги. Сплошная грація. Желаю всѣхъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CIX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

11 Мартъ. (1891 г. Москва).

Отправляясь во Францію, Испанію и Италію, молю Васъ, о небеса, сохранить Бабкино въ добромъ здравіи и благополучіи!

Да, Марія Владиміровна! Въ писаніи сказано: онъ áхнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. Такъ и я: ахнуть не успѣлъ, какъ уже невидимая сила опять влечетъ меня въ таинственную даль. Сегодня ѣду въ Петербургъ, оттуда въ Берлинъ и такъ далѣе. Взбираясь на Везувій, или глядя на бой быковъ въ Испаніи, я помяну Васъ въ своихъ святыхъ молитвахъ. До свиданія!

Я былъ въ семинаріи и подбиралъ для Василисы семинариста. Много чуткихъ и отзывчивыхъ, но ни одинъ не согласился. Сначала, особенно, когда я сказалъ, что у Васъ за столомъ бываетъ иногда горохъ и рѣдька, соглашались, но когда я нечаянно проговорился, что въ камерѣ Земскаго Начальника стоитъ кровать, на которой порятъ, всѣ стали почесываться и бормотать:—«Объ этомъ надо подумать». Впрочемъ, одинъ рябенькій, котораго зовутъ Герасимомъ Ивановичемъ, очень чуткій и отзывчивый, пріѣдетъ къ Вамъ на дняхъ. Надѣюсь, что Вы и Василиса пріймете его любезно. Пользуйтесь случаемъ: партія блестящая. Мужъ Самоварочки Голохвостовой менѣе отзывчивъ. Пороть Герасима Ивановича можно, потому что онъ говорилъ мнѣ:— «Я до безконечности люблю сильныя ощущенія». Когда онъ будетъ у Васъ, запирайте шкафъ, гдѣ водка, и держите форточки открытыми, потому что семинарская вдохновенность и отзывчивость даютъ себя знать каждую минуту.

Какая счастливая Василиса!

Идіотикъ у насъ еще не былъ.

Куры клюютъ пѣтуха. Онѣ, должно быть, говѣютъ, или быть можетъ добродѣтельнымъ вдовамъ не нравится женихъ.

Мнѣ принесли новое пальто на клѣтчатой подкладкѣ.

Ну, будьте небомъ хранимы, здоровы, счастливы, покойны. Земскому Начальнику, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ нижайшій поклонъ. Дай Богъ Вамъ всѣмъ всего хорошаго. Вернусь я на Святой недѣлѣ. Не забывайте искренно Вамъ преданнаго

А. Чехова.

Если Ольга Ивановна еще не уѣхала отъ Васъ, то будьте добры передать поклонъ и ей.

CX.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

13 Марта 1891 г. Петербургъ.

Архимандритъ Паисій [1]), по справкѣ, наведенной мною въ Александро-Невской лаврѣ, въ настоящее время находится въ Саровской пустыни. Генерала Черняева [2]) въ настоящее время въ Петербургѣ нѣтъ; когда онъ пріѣзжаетъ сюда, то останавливается на Большой Морской ул., въ гостиницѣ «Бельвю»; лучше всего адресоваться по мѣсту его служенія т.-е. въ Военное Министерство, Военный Совѣтъ: отсюда доставятъ ему письмо, гдѣ бы онъ ни находился.

Вотъ Вамъ, дорогой дядя, адресы, которые Вы желали получить. Письмо Ваше, прійди оно днемъ позже, не застало бы меня въ Москвѣ. Я теперь въ Питерѣ, а 15-го Марта уѣзжаю ненадолго въ Италію и во Францію. Спасибо Вамъ за доброе письмо и за память, которая для меня драгоцѣнна, какъ и все, что исходитъ отъ Васъ. Мнѣ очень хотѣлось бы повидаться съ Вами и поговорить. Соскучился я.

На хорошее мѣсто сѣлъ А. Онъ правителемъ канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Это видная должность... Вчера я спрашивалъ у знающихъ людей, какая ожидаетъ его при благопріятныхъ обстоятельствахъ дальнѣйшая карьера, и мнѣ сказали, что дальше директора департамента онъ не пойдетъ, такъ какъ у него не русская фамилія. А будь русская фамилія, пожалуй

---

[1]) Который былъ посланъ въ Абиссинію въ качествѣ миссіонера, а раньше, будучи монахомъ, копалъ лунки для посадки деревьевъ у отца моего (примѣч. Г. М. Чехова).

[2]) Онъ былъ почетнымъ членомъ соборнаго благотворит. братс ва въ Таганрогѣ.

и въ министры бы залетѣлъ. Бывшій министръ Маковъ тоже былъ правителемъ канцеляріи.

Вчера мой пріятель А. П. Коломнинъ читалъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ О. Ф. Покровскаго [1]) по поводу подстаканника. Письмо очень задушевное и сердечное, и намъ обоимъ, когда мы читали его, оставалось только пожалѣть, что подарокъ нашъ слишкомъ скроменъ.

Александру я передалъ то, что Вы поручили мнѣ. Онъ сказалъ, что будетъ Вамъ писать, и просилъ кланяться. Миша живетъ въ Алексинѣ, Иванъ въ Судогдѣ. Лѣто, вѣроятно, проведемъ мы гдѣ-нибудь на Окѣ...

Погода въ Петербургѣ великолѣпная. Солнце свѣтитъ во всю, снѣга нѣтъ и морозъ слегка щиплетъ за щеки. Сейчасъ я гулялъ по Невскому. Все удивительно жизнерадостно и, когда глядишь на розовыя лица, мундиры, кареты, дамскія шляпки, то кажется, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ горя.

Я ѣду черезъ Варшаву въ Вѣну, оттуда въ Венецію, потомъ въ Миланъ, во Флоренцію, Римъ, Неаполь, Палермо и т. д. Въ Неаполѣ уже цвѣтутъ розы. Когда въ Римѣ осмотрю храмъ Петра и Павла, то опишу Вамъ свое впечатлѣніе.

Какая интересная страна Индія! Я хотѣлъ бы разсказать Вамъ про нее. Писалъ ли Вамъ Миша, что я привезъ изъ Индіи интересныхъ звѣрей? Объ этихъ звѣряхъ въ газетахъ писали. Мать отъ нихъ въ восторгѣ, а папашѣ пріятно, когда звѣрь лѣзетъ ему на голову и теребитъ волоса. Въ Индіи я видѣлъ дикихъ слоновъ и очковыхъ змѣй, видѣлъ знаменитыхъ индусовъ—фокусниковъ, которые дѣлаютъ буквально чудеса.

---

[1]) Законоучитель таганрогской гимназіи.

Тетѣ, Георгію, Володѣ, дѣвочкамъ и Иринушкѣ благоволите передать мой поклонъ. Тетѣ цѣлую руку.

Будьте здоровы, благополучны и покойны, и не забывайте меня многогрѣшнаго.

Любящій и уважающій Васъ *А. Чеховъ.*

CXI.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

16 мартъ. (1891 г. СПБ.).

Простите, Елена Михайловна, что я не отвѣтилъ Вамъ вчера. Вашъ посланный засталъ меня, когда я только что вернулся изъ засѣданія, гдѣ купно съ Южинымъ и Шпажинскимъ сочинялъ новый уставъ Грибоѣдовской преміи. Утомился и было лѣнь.

Вашу «Каштанку» нашелъ.

Повезу ее сегодня въ Питеръ и тамъ прочту. «Въ циркѣ» очень хорошій разсказъ, и уже посланъ «Артисту» [1]).

«Цыганщину», согласно желанію Вашему, при семъ возвращаю. Что касается прибавки гонорара, то я поговорю объ этомъ съ Суворинымъ завтра же, когда вручу ему Вашу «Гадалку». Значитъ Вы «бѣдная писательница?» Ахъ, очень радъ. Вы можете теперь называть Ваше писательство такъ: «тернистый путь».

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Пожалуста не извиняйтесь, когда присылаете мнѣ Ваши разсказы. Если бы это было для меня непріятно, то я сказалъ бы.

---

[1]) Журналъ.

Мой лѣтній адресъ узнаете у брата. Впрочемъ я вернусь на святой недѣлѣ. Мой заграничный адресъ: Paris. M-er Souvorine post. rest. для Чехова—это на всякій случай. Можно и въ Неаполь.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

16 Мартъ 12 ч. ночи. (1891 г. СПБ.).

Сейчасъ я видѣлъ итальянскую актрису Дузе въ шекспировской «Клеопатрѣ». Я по итальянски не понимаю, но она такъ хорошо играла, что мнѣ казалось, что я понимаю каждое слово. Замѣчательная актриса. Никогда ранѣе не видалъ ничего подобнаго. Я смотрѣлъ на эту Дузе и меня разбирала тоска отъ мысли, что свой темпераментъ и вкусы мы должны воспитывать на такихъ деревянныхъ актрисахъ, какъ X и ей подобныхъ, которыхъ мы оттого, что не видали лучшихъ, называемъ великими. Глядя на Дузе, я понималъ, отчего въ русскомъ театрѣ скучно.

Сегодня я послалъ триста рублей векселемъ. Получили?

Послѣ Дузе пріятно было прочесть прилагаемый при семъ адресъ [1]). Боже мой, какой упадокъ вкуса и чувства справедливости! И это студенты, чертъ бы ихъ душу дралъ! Что Соловцовъ, что Сальвини—все равно, оба одинаково находятъ «горячій откликъ въ сердцахъ молодежи». Грошъ цѣна всѣмъ этимъ сердцамъ.

---

[1]) При этомъ письмѣ приложена была газетная вырѣзка съ адресомъ отъ студентовъ харьковскаго технологическаго института Н. Н. Соловцову.

Завтра въ половину второго уѣзжаемъ въ Варшаву. Оставайтесь всѣ живы и здоровы. Кланяюсь всѣмъ, всѣмъ, даже мангускѣ, которая не стоитъ, чтобы ей кланялись.

Буду писать.

Всей душой *А. Чеховъ.*

CXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

16 Мартъ (1891 г. СПБ.).

Благородная сестрица!

Отъѣздъ за границу состоится въ воскресенье. Ѣдемъ въ Вѣну, оттуда въ Венецію, и такъ далѣе по всей Италіи. Въ Испанію вѣроятно не попадемъ и потому на счетъ испанскихъ косынокъ прошу отложить попеченіе.

Убѣдительно прошу сохранить къ моему пріѣзду *всѣ* №№ газетъ.

Былъ я на передвижной выставкѣ. Левитанъ празднуетъ именины своей великолѣпной музы. Его картина производитъ фуроръ. По выставкѣ чичеронствовалъ мнѣ Григоровичъ, объясняя достоинства и недостатки всякой картины; отъ Левитановскаго пейзажа онъ въ восторгѣ. Полонскій находитъ. что мостъ слишкомъ длиненъ; Плещеевъ видитъ разладъ между названіемъ картины и ея содержаніемъ: «Помилуйте, называетъ это тихою обителью, а тутъ все жизнерадостно..» и т. д. Во всякомъ случаѣ успѣхъ у Левитана не изъ обыкновенныхъ.

У Суворина была К. Хохотала, говорятъ, такъ громко, что Эмили и Адель приходили въ ужасъ отъ «M-elle Studente». Хохотала и топала ногами.

Кстати. Попроси Левитана и Кундасову собрать хотя что-нибудь на сахалинскія школы.

Александръ и его чады здоровы.

Будьте всѣ здоровы и Богомъ хранимы. Не забывайте меня.

Весь Вашъ *А. Чеховъ.*

Отдай Ликѣ почтовую бумагу, а то она, т.-е. бумага, заплеснѣетъ.

CXIV.

Ей же.

(Съ подлинника).

19 Марта. (1891 г. По дорогѣ въ Вѣну).

Рано утромъ переѣхали границу. Холодно, снѣгъ; кондуктора и лакеи говорятъ тономъ Поссарта. Кофе подаютъ въ молочничкахъ..

Кланяюсь всѣмъ. Сегодня въ 4 часа пополудни буду въ Вѣнѣ. Въ разсчетѣ на хорошую погоду, я не взялъ калошъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Таможня содрала за табакъ больше, чѣмъ онъ стоитъ. Молодцы нѣмцы.

CXV.

Ей же.

(Съ подлинника).

20 Мартъ. Вѣна (1891).

Друзья мои Чехи! Пишу Вамъ изъ Вѣны, куда я пріѣхалъ вчера въ 4 часа пополудни. Въ дорогѣ все было благополучно. Отъ Варшавы до Вѣны я ѣхалъ какъ

желѣзнодорожная Нана, въ роскошномъ вагонѣ «интернаціональнаго общества спальныхъ вагоновъ»: постели, зеркала, громадныя окна, ковры и проч.

Ахъ, друзья мои Тунгусы, если бы Вы знали, какъ хороша Вѣна! Ее нельзя сравнить ни съ однимъ изъ тѣхъ городовъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Улицы широкія, изящно вымощенныя, масса бульваровъ и скверовъ, дома все 6 и 7 этажные, а магазины — это не магазины, а сплошное головокруженіе, мечта! Однихъ галстуковъ въ окнахъ милліарды! Какія изумительныя вещи изъ бронзы, фарфора, кожи! Церкви громадныя, но онѣ не давятъ своею громадою, а ласкаютъ глаза, потому что кажется, что они сотканы изъ кружевъ. Особенно хороши соборъ Св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенья къ чаю. Великолѣпны парламентъ, дума, университетъ... Все великолѣпно, и я только вчера и сегодня какъ слѣдуетъ понялъ, что архитектура въ самомъ дѣлѣ искусство. И здѣсь это искусство попадается не кусочками, какъ у насъ, а тянется полосами въ нѣсколько верстъ. Много памятниковъ. Въ каждомъ переулкѣ непремѣнно книжный магазинъ. На окнахъ книжныхъ магазиновъ попадаются и русскія книги, но увы! это сочиненія не Альбова, не Баранцевича и не Чехова, а всякихъ анонимовъ, пишущихъ и печатающихъ заграницей. Видѣлъ я «Ренана», «Тайны зимняго дворца» и т. п. Странно, что здѣсь можно все читать и говорить, о чемъ хочешь.

Разумѣйте языцы, какіе здѣсь извозчики, чертъ бы ихъ взялъ. Пролетокъ нѣтъ, а все новенькія, хорошенькія кареты въ одну и чаще въ двѣ лошади. Лошади прекрасныя. На козлахъ сидятъ франты въ пиджакахъ и въ цилиндрахъ, читаютъ газеты. Вѣжливость и предупредительность.

Обѣды хорошіе. Водки нѣтъ, а пьютъ пиво и не дурное вино. Одно скверно: берутъ деньги за хлѣбъ. Когда подаютъ счетъ, то спрашиваютъ: «Wie viel Brödchen?» т. е. сколько слопалъ булочекъ? И берутъ за всякую булочку.

Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно.

Я не совсѣмъ забылъ нѣмецкій языкъ. И я понимаю, и меня понимаютъ.

Когда переѣхали границу, шолъ снѣгъ, въ Вѣнѣ же снѣга нѣтъ, но всетаки холодно.

Я скучаю по домѣ и по всѣхъ Васъ, да къ тому же еще мнѣ совѣстно, что я опять бросилъ Васъ. Ну да не бѣда! Вернусь и буду безвыѣздно сидѣть дома цѣлый годъ. Всѣмъ кланяюсь, всѣмъ! Папа, будьте добры, купите мнѣ у Сытина, или гдѣ хотите, лубочное изображеніе св. Варлаама: святой Варлаамъ изображонъ ѣдущимъ на саняхъ, вдали на балкончикѣ стоитъ архіерей, а внизу подъ рисункомъ житіе св. Варлаама. Купите и положите мнѣ на столъ.

Въ Испанію, вѣроятно, не поѣдемъ. Въ Бухарѣ будемъ.

Семашко, написали Иваненкѣ? Говорили съ Ликишей о думскомъ мѣстѣ?

Желаю всего хорошаго. Не забывайте меня многогрѣшнаго. Всѣмъ низко кланяюсь, обнимаю, благославляю, и пребываю

любящимъ *А. Чеховъ.*

Всѣ встрѣчные узнаютъ въ насъ русскихъ и смотрятъ мнѣ не въ лицо, а на мою шапку съ просѣдью. Глядя на шапку, вѣроятно думаютъ, что я очень богатый русскій графъ.

Писалъ ли я о дѣтяхъ Александра? Оба здоровы и производятъ отличное впечатлѣніе.

Поклонъ красивому Левитану.

CXVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Марта. Венеція. (1891 г.).

Я теперь въ Венеціи, куда пріѣхалъ третьяго дня изъ Вѣны. Одно могу сказать: замѣчательнѣе Венеціи я въ своей жизни городовъ не видѣлъ. Это сплошное очарованіе, блескъ, радость жизни. Вмѣсто улицъ и переулковъ каналы, вмѣсто извозчиковъ гондолы, архитектура изумительная и нѣтъ того мѣстечка, которое не возбуждало бы историческаго или художественнаго интереса. Плывешь въ гондолѣ и видишь дворцы дожей, домъ, гдѣ жила Дездемона, дома знаменитыхъ художниковъ, храмы.. А въ храмахъ скульптура и живопись, какія намъ и во снѣ не снились. Однимъ словомъ, очарованіе.

Весь день отъ утра до вечера я сижу въ гондолѣ и плаваю по улицамъ, или же брожу по знаменитой площади святаго Марка. Площадь гладка и чиста, какъ паркетъ. Здѣсь соборъ святаго Марка — нѣчто такое, что описать нельзя, дворецъ дожей и такія зданія, по которымъ я чувствую подобно тому, какъ по нотамъ поютъ, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь.

А вечеръ! Боже ты мой Господи! Вечеромъ съ непривычки можно умереть. Ѣдешь ты на гондолѣ.. Тепло, тихо, звѣзды... Лошадей въ Венеціи нѣтъ и потому тишина здѣсь, какъ въ полѣ. Вокругъ снуютъ гондолы.. Вотъ плыветъ гондола, увѣшенная фонариками. Въ ней сидятъ контрабасъ, скрипки, гитара, мандолина и корнетъ-а-пистонъ, двѣ-три барыни, нѣсколько мужчинъ — и ты слышишь пѣніе и музыку. Поютъ изъ оперъ. Какіе голоса! Проѣхалъ немного, а тамъ опять лодка съ пѣвцами, а тамъ опять, и до самой полночи въ воздухѣ

стоитъ смѣсь теноровъ, скрипокъ и всякихъ за душу берущихъ звуковъ.

Мережковскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь, съ ума сошелъ отъ восторга. Русскому человѣку, бѣдному и приниженному, здѣсь въ мірѣ красоты, богатства и свободы не трудно сойти съ ума. Хочется здѣсь на вѣки остаться, а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество.

Великолѣпны усыпальницы Кановы и Тиціана. Здѣсь великихъ художниковъ хоронятъ, какъ королей, въ церквахъ; здѣсь не презираютъ искусства, какъ у насъ: церкви даютъ пріютъ статуямъ и картинамъ, какъ бы голы онѣ ни были.

Во дворцѣ дожей есть картина, на которой изображено около 10 тысячъ человѣческихъ фигуръ.

Сегодня воскресенье. На площади Марка будетъ играть музыка.

Ну, однако, будь здоровъ. Желаю тебѣ всего хорошаго. Если когда нибудь тебѣ случится побывать въ Венеціи, то это будетъ лучшимъ въ твоей жизни. Поглядѣлъ бы ты здѣсь стеклянное производство! Твои бутылки [1]) въ сравненіи со здѣшними такое безобразіе, что даже думать тошно.

Буду еще писать, а пока до свиданія.

Твой *А. Чеховъ.*

CXVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Я въ Венеціи. Посадите меня въ сумасшедшій домъ. Гондолы, площадь св. Марка, вода, звѣзды, итальяночки,

---

[1]) И. П. училъ тогда въ школѣ при стеклянномъ заводѣ.

вечернія серенады, мандолины, фалернское вино — однимъ словомъ, все пропало! Не поминайте лихомъ.

Тѣнь прекрасной Дездемоны шлетъ свою улыбку Земскому Начальнику.

Всѣмъ кланяюсь.

Antonio.

Кланяются Вамъ іезуиты.

CXVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Восхитительная голубоглазая Венеція шлетъ всѣмъ Вамъ привѣтъ. Ахъ, синьоры и синьорины, что за чудный городъ эта Венеція! Представьте Вы себѣ городъ, состоящій изъ домовъ и церквей, какихъ вы никогда не видѣли: архитектура упоительная, все граціозно и легко, какъ птицеподобная гондола. Такіе дома и церкви могутъ строить только люди, обладающіе громаднымъ художественнымъ и музыкальнымъ вкусомъ и одаренные львинымъ темпераментомъ. Теперь представьте, что на улицахъ и въ переулкахъ вмѣсто мостовыхъ вода, представьте, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, что вмѣсто извозчиковъ Вы видите гондольеровъ на ихъ удивительныхъ лодкахъ, легкихъ, нѣжныхъ, носатыхъ птицахъ, которыя едва касаются воды и вздрагиваютъ при малѣйшей волнѣ. И все отъ неба до земли залито солнцемъ.

Есть улицы широкія, какъ Невскій, и есть такія, гдѣ, растопыривъ руки, можно загородить всю улицу. Центръ города — это площадь св. Марка съ знаменитымъ соборомъ того же имени. Соборъ великолѣпенъ, осо-

бенно снаружи. Рядомъ съ нимъ — дворецъ дожей, гдѣ Отелло объяснялся передъ дожемъ и сенаторами.

Вообще говоря, нѣтъ мѣстечка, которое не возбуждало бы воспоминаній и не было бы трогательно. Напримѣръ, домикъ, гдѣ жила Дездемона, производитъ впечатлѣніе, отъ котораго трудно отдѣлаться. Самое лучшее время въ Венеціи — это вечеръ. Во первыхъ звѣзды, во вторыхъ длинные каналы, въ которыхъ отражаются огни и звѣзды, въ третьихъ, гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, онѣ кажутся живыми. Въ четвертыхъ, хочется плакать, потому что со всѣхъ концовъ слышатся музыка и превосходное пѣніе. Вотъ плыветъ гондола, увѣшанная разноцвѣтными фонариками; свѣта достаточно, чтобы разглядѣть контрабасъ, гитару, мандолину, скрипку.. Вотъ другая такая же гондола.. Поютъ мужчины и женщины и какъ поютъ! Совсѣмъ опера.

Въ пятыхъ, тепло..

Однимъ словомъ, дуракъ тотъ, кто не ѣдетъ въ Венецію. Жизнь здѣсь дешева. Квартира и столъ въ недѣлю стоятъ 18 франковъ т. е. 6 рублей съ человѣка, а въ мѣсяцъ 25 р., гондольеръ за часъ беретъ 1 франкъ т. е. 30 коп. Въ музеи, академію и проч. пускаютъ даромъ. Въ десять разъ дешевле Крыма, а вѣдь Крымъ передъ Венеціей — это каракатица и китъ.

Я боюсь, что папаша сердитъ на меня за то, что я съ нимъ не простился. Прошу извиненія.

Какое здѣсь стекло, какія зеркала! Зачѣмъ я не милліонеръ? Папашѣ, мамашѣ, податному, тетѣ съ Алешей, златокудрой Ликѣ, Семашечкѣ съ супругою, Ленскимъ, красивому Левитану и Кувшинниковымъ нижайшій поклонъ.

Въ будущемъ году поѣдемъ всѣ на дачу въ Венецію.

Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ звона. Друзья мои тунгусы, давайте пріймемъ католичество! Если бы Вы знали.

какъ хороши въ церквахъ органы, какая здѣсь скульптура, какія итальяночки, стоящія на колѣняхъ съ молитвенниками!

Однако, будьте здоровы и не забывайте меня многогрѣшнаго.

Отъ Вѣны до Венеціи ведетъ красивая дорога, о которой раньше мнѣ много говорили. Но я разочаровался въ этой дорогѣ. Горы, пропасти и снѣговыя вершины, которыя я видѣлъ на Кавказѣ и на Цейлонѣ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ здѣсь. Addio!

Вашъ А. *Чеховъ.*

CXIX.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

25 Мартъ. Венеція. (1891 года).

Дорогой Дядя, шлю Вамъ привѣтъ изъ прекрасной Венеціи, и вмѣстѣ съ нимъ посылаю изображеніе церкви Св. Марка. Эта церковь такъ же стара, какъ Венеція, и красива такъ же, какъ она. Фотографія не можетъ передать всей красоты ея. Къ сожалѣнію она дурно раскрашена.

Три мачты, стоящія передъ церковью, высоки; онѣ сдѣланы изъ бронзы; на нихъ когда-то выкидывались флаги Венеціанской республики, теперь же по воскресеньямъ развѣваются громадные итальянскіе флаги. Надъ главными дверями четыре коня изъ бронзы больше, чѣмъ въ натуральную величину. Множество скульптурныхъ украшеній самой высокой стоимости. Весь храмъ до такой степени великолѣпенъ, что оцѣнить его на деньги невозможно; онъ выше всякой цѣны, и мѣстные горожане говорятъ, что ихъ городъ не имѣетъ смысла

безъ этого храма и если бы, положимъ, непріятели захотѣли уничтожить городъ, то для этого достаточно было бы только разрушить одинъ храмъ.

Венеція, какъ Вамъ извѣстно, знаменита тѣмъ, что здѣсь вмѣсто мостовыхъ вода и вода, вмѣсто извозчиковъ гондолы. Здѣсь нѣтъ ни одной лошади.

Кромѣ церкви Св. Марка есть еще много великолѣпныхъ церквей, поражающихъ своимъ богатствомъ. Замѣчательно, что всѣ здѣшнія статуи и картины не имѣютъ цѣны; оцѣнка ихъ внѣ человѣческой власти, и потому понятно, почему напримѣръ изъ за бронзовыхъ коней, или картинъ Веронеза ссорились цѣлыя государства. И понятно также, почему здѣсь знаменитымъ художникамъ воздаютъ такую же честь, какъ королямъ; ихъ погребаютъ въ храмахъ, какъ королей, и украшаютъ ихъ могилы такими памятниками, что голова кружится отъ восторга. Напримѣръ, въ одной изъ знаменитѣйшихъ церквей у усыпальницы скульптора Кановы лежитъ просто чудо: левъ положилъ голову на протянутыя переднія лапы и у него такое грустное, печальное, человѣческое выраженіе, какого нельзя передать на словахъ.

Отсюда я поѣду въ Миланъ, во Флоренцію, Римъ, Неаполь и Сицилію. Тепло.

Когда же наконецъ я попаду къ Вамъ въ Таганрогъ?

Сердечный привѣтъ Тетѣ, Георгію, Володѣ и милымъ дѣвочкамъ. Поклонъ и Иринушкѣ.

Простите, что такъ коротко пишу. Нѣтъ времени. Будьте здоровы и счастливы, и да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Крѣпко жму Вамъ руку и обнимаю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

26 Мартъ. (1891 г. Венеція).

Лупитъ во всю ивановскую дождь. Venetia bella перестала быть bella. Отъ воды вѣетъ унылой скукой и хочется поскорѣе бѣжать туда, гдѣ солнце.

Дождь напомнилъ мнѣ о моемъ дождевикѣ (кожанѣ). Кажется, его немножко поѣли крысы. Если да, то отдайте его поскорѣе въ починку—Петровка, магазинъ резиновыхъ издѣлій Пихлау или Вихлау.

Какъ живетъ синьоръ Мангусъ? Я каждый день боюсь получить извѣстіе, что онъ околѣлъ.

Вчера, описывая дешевизну венеціанской жизни, я немножко хватилъ черезъ край. Виновата въ этомъ Г-жа Мережковская, которая сказала мнѣ, что она съ мужемъ платитъ столько-то франковъ въ недѣлю. Но вмѣсто недѣлю читай въ день. Все таки здѣсь дешево. Здѣшній франкъ здѣсь тоже, что въ Россіи рубль.

Ѣдемъ во Флоренцію.

Да благословитъ Васъ святая Мадонна.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Видѣлъ я Мадонну Тиціана. Очень хороша. Но жаль, что здѣсь отличныя картины густо перемѣшаны съ ничтожными произведеніями, которыя сохраняются, а не выбрасываются только изъ духа консерватизма, присущаго такимъ ругинерамъ, какъ г.г. люди. Есть много картинъ, долговѣчность которыхъ положительно не понятна.

Домъ, гдѣ жила Дездемона, отдается въ наймы.

CXXI.

Ей же.

(Съ подлинника).

28 Мартъ. (1891 г. Болонья).

Я въ Болоньѣ (Bologna), городѣ знаменитомъ своими аркадами, косыми башнями и картиной Рафаэля «Цецилія». Сегодня ѣдемъ во Флоренцію. Живъ и здоровъ. Всѣмъ кланяюсь и желаю здравія.

Вашъ *Antonio.*

CXXII.

Ей же.

(Съ подлинника).

29 или 30 Марта (1891 г. Флоренція).

Я во Флоренціи. Замучился, бѣгаючи по музеямъ и церквамъ. Видѣлъ Венеру Медичейскую и нахожу, что если бы ее одѣли въ современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно въ таліи. Я здоровъ. Небо пасмурно, а Италія безъ солнца, это все равно, что лицо подъ маской. Будьте здоровы.

Вашъ *Antonio.*

Хорошъ памятникъ Данте.

CXXIII.

Ей же.

(Съ подлинника).

30 Марта (1891 г. Флоренція).

Пошлите скорѣе телеграмму такого содержанія:

«*Сахалинъ, Павловскому.*

Повидайте доктора Щербака».

Чеховъ.

Я во Флоренціи. Завтра ѣду въ Римъ. Холодно, Хандримъ. Во Флоренціи что ни шагъ, то картинная или статуйная лавка. Будьте здоровы.

Вашъ *Antonio*.

Отдайте въ починку мои часы.

CXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

30 Марта (1891 г. Флоренція).

Bella Venetia съ ея женственными, птицеподобными гондолами, Болонья съ аркадами и Флоренція съ Венерой Медицейской шлютъ Вамъ привѣтъ, милый Жанъ.

Весь Вашъ *Antonio*.

CXXV.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ (1891 г.).

Пишу Вамъ, дорогой Дядя, въ Ватиканѣ, гдѣ живетъ римскій папа. Всѣхъ комнатъ въ Ватиканѣ 11000, а я прошелъ только 30 — 40 и утомился. Рядомъ съ Ватиканомъ, бокъ о бокъ, стоитъ знаменитый соборъ св. Петра.

И такъ, привѣтъ Вамъ изъ Ватикана и изъ храма св. Петра! Всѣмъ низко кланяюсь и желаю всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ (1891 г.).

Римскій папа поручилъ мнѣ поздравить Васъ съ ангеломъ и пожелать Вамъ столько же денегъ, сколько у него комнатъ. А у него одиннадцать тысячъ комнатъ! Шатаясь по Ватикану, я зачахъ отъ утомленія, а когда вернулся домой, то мнѣ казалось, что мои ноги сдѣланы изъ ваты.

Я обѣдаю за table d'hote'омъ. Можете себѣ представить, противъ меня сидятъ двѣ голландочки: одна похожа на Пушкинскую Татьяну, а другая на сестру ея Ольгу. Я смотрю на обѣихъ въ продолженіе всего обѣда и воображаю чистенькій бѣленькій домикъ съ башенкой, отличное масло, превосходный голландскій сыръ, голландскія сельди, благообразнаго пастора, степеннаго учителя... и хочется мнѣ жениться на голландочкѣ, и хочется, чтобы меня вмѣстѣ съ нею нарисовали на подносѣ около чистенькаго домика.

Видѣлъ я все и лазилъ всюду, куда приказывали. Давали нюхать — нюхалъ. Но пока чувствую одно только утомленіе и желаніе поѣсть щей съ гречневой кашей. Венеція меня очаровала и свела съ ума, а когда выѣхалъ изъ нея, наступили Бэдекеръ и дурная погода.

До свиданія, Марія Владимировна, да хранитъ Васъ Господь Богъ. Нижайшій поклонъ отъ меня и отъ Римскаго папы его высокородію, Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ.

Удивительно здѣсь дешевы галстухи. Ужасно дешевы, такъ что ихъ даже я, пожалуй, начну ѣсть. Франкъ за пару.

Завтра ѣду въ Неаполь. Пожелайте, чтобы я встрѣтился тамъ съ красивой русской дамой, по возможности вдовой или разведенной женой. Въ путеводителяхъ сказано, что въ путешествіи по Италіи романъ непремѣнное условіе. Что-жъ, чертъ съ нимъ, я на все согласенъ. Романъ, такъ романъ.

Не забывайте многогрѣшнаго, искренно Вамъ преданнаго и уважающаго

А. Чехова.

Почтеніе г.г. скворцамъ.

CXXVII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

1 Апрѣль. Римъ. (1891 г.).

Пріѣхавши въ Римъ, пошолъ на почту и не нашолъ тамъ ни одного письма. Суворины получили по нѣсколько писемъ. Я рѣшилъ отвѣчать Вамъ тѣмъ же, т. е. не писать Вамъ вовсе, но Богъ съ Вами! Я до писемъ не охотникъ, но въ путешествіи нѣтъ ничего хуже, какъ неизвѣстность. Какъ Вы рѣшили дачный вопросъ? Живъ ли мангусъ? и проч. и проч.

Былъ я въ храмѣ Петра, въ Капитоліи, въ Коллизеѣ, на Форумѣ, былъ даже въ кафе-шантанѣ, но не получилъ того наслажденія, на какое разсчитывалъ. Мѣшаетъ погода. Идетъ дождь. Въ осеннемъ пальто жарко, а въ лѣтнемъ холодно.

Путешествіе очень дешево. Можно съѣздить въ Италію, имѣя только 400 руб., и вернуться домой съ покупками. Если бы я путешествовалъ одинъ, или, положимъ, съ Иваномъ, то привезъ бы домой убѣжденіе, что въ Италію

съѣздить гораздо дешевле, чѣмъ на Кавказъ. Но, увы, я съ Суворинымъ.. Въ Венеціи мы жили въ лучшемъ отелѣ, какъ дожи, здѣсь въ Римѣ живемъ, какъ кардиналы, потому что занимаемъ salon въ бывшемъ дворцѣ кардинала Конти, а нынѣ въ отелѣ Minerva; двѣ большихъ гостиныхъ, люстры, ковры, камины и всякая не нужная чепуха, стоющая намъ 40 франковъ въ сутки.

Отъ хожденія болитъ спина и горятъ подошвы. Ужасъ, сколько ходимъ!

Мнѣ странно, что Левитану не понравилась Италія. Это очаровательная страна. Если бы я былъ одинокимъ художникомъ и имѣлъ деньги, то жилъ бы здѣсь зимою. Вѣдь Италія, не говоря ужъ о природѣ ея и теплѣ, единственная страна, гдѣ убѣждаешься, что искусство въ самомъ дѣлѣ есть царь всего, а такое убѣжденіе даетъ бодрость.

Я здоровъ. Будьте и Вы здоровы. Всѣмъ кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXVIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

3 Апрѣль. (Римъ. 1891).

Сегодня изъ Рима уѣзжаю въ Неаполь. Живъ и здоровъ. Везу съ собой много фотографій, которыя здѣсь дешевы.

Видѣлъ храмъ св. Петра. Но нахожу, что онъ не лучше венеціанскаго св. Марка и не лучше римской церкви св. Павла. Вообще говоря, церкви здѣсь великолѣпны.

Былъ я въ Ватиканѣ.

Ну, будь здоровъ.

Твой *Antonio.*

CXXIX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Неаполь. 4 Апрѣля (1891 г.).

Пріѣхалъ въ Неаполь, пошолъ на почту и нашолъ отъ Васъ пять писемъ, за которыя очень Вамъ всѣмъ благодаренъ. Ай да родственники! Даже Везувій потухъ отъ умиленія.

Везувій прячетъ свою вершину въ облакахъ и бываетъ хорошо виденъ только по вечерамъ. Днемъ бываетъ пасмурно. Мы остановились на набережной и намъ видно все: море, Везувій, Капри, Сорренто.. Днемъ ѣздили вверхъ, въ монастырь St Martini: отсюда видъ такой, какого я никогда не видѣлъ ранѣе. Замѣчательная панорама. Нѣчто подобное я видѣлъ въ Гонгъ-Конгѣ, когда поднимался на гору по желѣзной дорогѣ.

Въ Неаполѣ великолѣпный пассажъ. А магазины!! У меня головокруженіе отъ магазиновъ. Сколько блеска! Ты Маша и Вы Лика сбѣсились бы отъ восторга.

Скажите Семашѣ, что каталога я не могъ достать. Каждый магазинъ имѣетъ только *свой* каталогъ, а этого, я полагаю, для такого великаго маэстро, какъ Семаша, не достаточно.

Въ Неаполѣ удивительный акварій. Есть даже акулы и спруты. Когда спрутъ (осьминогъ) жретъ какое-нибудь животное, то смотрѣть противно.

Былъ въ парикмахерской и видѣлъ, какъ одному молодому человѣку цѣлый часъ подстригали бородку. Вѣроятно, женихъ или шулеръ. Въ парикмахерской потолокъ и всѣ 4 стѣны зеркальные, такъ что кажется, что имѣешь дѣло не съ цырульней, а съ Ватиканомъ, гдѣ 11 тысячъ комнатъ. Стригутъ удивительно.

За то, что вы не пишете мнѣ про дачу и мангуса, я не привезу вамъ въ подарокъ ничего. Купилъ было тебѣ, Маша, часы, но бросилъ ихъ къ свиньямъ. Впрочемъ, Богъ Васъ проститъ. Будьте здоровы. Поклонъ всѣмъ, тетѣ и Алешѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Къ Пасхѣ вернусь. Выходите встрѣчать на вокзалъ.

CXXX.

Ей же.

(Съ подлинника).

7 Апрѣль. Неаполь (1891 г.).

Вчера я былъ въ Помпеѣ и осматривалъ ее. Это, какъ Вамъ извѣстно, римскій городъ, засыпанный въ 79 году по Рожд. Хр. лавою и пепломъ Везувія. Я ходилъ по улицамъ сего города и видѣлъ дома, храмы, театры, площади... Видѣлъ и изумлялся умѣнью римлянъ сочетать простоту съ удобствомъ и красотою. Осмотрѣвъ Помпею, завтракалъ въ ресторанѣ, потомъ рѣшилъ отправиться на Везувій. Такому рѣшенію сильно способствовало выпитое мною отличное красное вино. До подошвы Везувія пришлось ѣхать верхомъ. Сегодня по этому случаю у меня въ нѣкоторыхъ частяхъ моего бреннаго тѣла такое чувство, какъ будто я былъ въ третьемъ отдѣленіи и меня тамъ выпороли. Что за мученіе взбираться на Везувій! Пепелъ, горы лавы, застывшія волны расплавленныхъ минераловъ, кочки и всякая пакость. Дѣлаешь шагъ впередъ и— полъ шага назадъ, подошвамъ больно, груди тяжело.. Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко,

Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совѣстно, на смѣхъ поднимутъ. Восшествіе началось въ $2^1/_2$ часа и кончилось въ 6. Кратеръ Везувія имѣетъ нѣсколько саженъ въ діаметрѣ. Я стоялъ на краю его и смотрѣлъ внизъ, какъ въ чашку. Почва кругомъ, покрытая налетомъ сѣры, сильно дымитъ. Изъ кратера валитъ бѣлый, вонючій дымъ, летятъ брызги и раскаленные камни, а подъ дымомъ лежитъ и храпитъ сатана. Шумъ довольно смѣшанный: тутъ слышится и прибой волнъ, и громъ небесный, и стукъ рельсъ и паденіе досокъ. Очень страшно и притомъ хочется прыгнуть внизъ, въ самое жерло. Я теперь вѣрю въ адъ. Лава имѣетъ до такой степени высокую температуру, что въ ней плавится мѣдная монета.

Спускаться также скверно, какъ и подниматься. По колѣна грузнешь въ пеплѣ. Я страшно усталъ. Возвращался назадъ верхомъ черезъ деревушки и мимо дачъ; пахло великолѣпно и свѣтила луна. Я нюхалъ, глядѣлъ на луну и думалъ о *ней*, т.-е. о Ликѣ Л.

Все лѣто у насъ, господа дворяне, не будетъ денегъ и мысль объ этомъ портитъ мнѣ аппетитъ. За поѣздку, которую я solo совершилъ бы за 300 руб., я задолжалъ тысячу. Вся надежда на дураковъ любителей, которые будутъ играть моего «Медвѣдя».

Нашли ли Вы, синьоры, дачу? Вы поступаете со мною по свински, ничего не пишете мнѣ и я не знаю, что и какъ дома.

Кланяюсь всѣмъ низко. Будьте благополучны и не забывайте окончательно Вашего

Antoine.

CXXXI.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

11 Апрѣль. Римъ. (1891 г.).

Уважаемая Наталья Михайловна, передайте Марфѣ Ивановнѣ С., торгующей книгами на вокзалѣ, что я говорилъ о ней съ сыномъ Суворина, завѣдующимъ книжной торговлей на жел. дорогахъ. Онъ доволенъ ею и говоритъ, что она прочно сидитъ на своемъ мѣстѣ, но что ей нужно отъ него, онъ понять не можетъ. Я получилъ отъ нея слезное, очень длинное письмо, и тоже мало понялъ. Показать Суворину-фису ея письмо я не могъ, такъ какъ оно отъ начала до конца наполнено мелкими доносами и киваніями на какихъ-то злоумышленниковъ. Пусть она напишетъ прямо на имя Суворина, Михаила Алексѣевича (ред. Нов. Времени), онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, что ей угодно. Вчера онъ уѣхалъ въ Россію; стало быть, она можетъ написать ему теперь же. Пусть въ письмѣ не расплывается, не пускается въ объясненія, похожія на плачъ Іереміи, а пусть пишетъ по пунктамъ. Пусть также воздержится отъ киваній на третьи лица; это лишнее. Если по ея милости прогонятъ кого-нибудь съ мѣста, то отъ этого едва ли выграетъ она что-нибудь. Въ письмѣ ко мнѣ она, помнится, намекала на какую-то растрату, произведенную кѣмъ-то и гдѣ-то, но вѣдь писать и говорить о такихъ штукахъ, какъ растрата, можно только, имѣя вѣскія доказательства.

Въ мартѣ я видѣлся съ Еленой Михайловной. Васъ я давно уже не видѣлъ; думаю, что этимъ лѣтомъ увидимся. Передайте поклонъ всѣмъ Вашимъ и не забывайте Вашего искренняго почитателя *А. Чехова.*

Покупку хутора я отложилъ до 1895 года. Я такъ потратился, что скоро, кажется, попрошу у Васъ двугривенный въ займы.

CXXXII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

12 Апрѣль. (1891 г. Finalmarina).

О всемъ, что касается всѣхъ васъ, дачнаго вопроса, мангуса и проч. поскорѣе напишите и пошлите по слѣдующему адресу: «Варшава. Вокзалъ С.-Петербургско-Варшавской дороги, Книжный шкафъ, А. П. Чехову».

Я ѣду въ Ниццу по берегу моря. Только что миновалъ Геную. Виды великолѣпные, но все удовольствіе портитъ скверная погода. Лупитъ дождь, небо пасмурно, земля грязная. Если и въ Ниццѣ будетъ такая же погода, то мы вернемся домой. Вообще, благодаря погодѣ, нашу поѣздку слѣдуетъ признать неудачной.

Вчера я опять былъ въ Римѣ и опять осматривалъ храмъ св. Петра. Отъ входной двери до алтаря я сосчиталъ 250 шаговъ.

Теперь долженъ ужъ Иванъ пріѣхать домой. Поклонъ ему и просьба не уѣзжать, пока я не пріѣду.

Заграничные вагоны и желѣзнодорожные порядки хуже русскихъ. У насъ вагоны удобнѣе и люди благодушнѣе. Здѣсь на станціяхъ нѣтъ буфетовъ. Напишите о здоровьи тетки Ѳ. Я. Поклонъ всѣмъ. Скоро увидимся. На обратномъ пути вѣроятно въ Вѣнѣ пробудемъ однѣ сутки.

Вашъ *Antonio.*

CXXXIII.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Ницца, понедѣльникъ Страстной недѣли. 91 г. (Апрѣль).

Вчера прислали мнѣ изъ Рима открытое письмо отъ Папаши; изъ сего письма я узналъ, что дача уже нанята. Ну, и слава Богу. Очень радъ за Васъ и за себя. Переѣзжайте съ Богомъ помаленьку. Подпишитесь на Русскія Вѣд. и Новости Дня, и перемѣните адресъ въ Нов. Врем. и Осколкахъ, а въ Историч. Вѣстн. и въ Сѣв. Вѣстникъ напишу я самъ.

Живемъ въ Ниццѣ, на берегу моря. Солнце свѣтитъ, тепло, зелено, пахнетъ, но вѣтеръ. На разстояніи одного часа ѣзды отъ Ниццы находится знаменитое Монако; здѣсь есть мѣстечко Монте-Карло, въ которомъ играютъ въ рулетку. Вообразите себѣ залы благороднаго собранія, красивыя, высокія и болѣе широкія. Въ залахъ большіе столы, на столахъ рулетка, которую я опишу Вамъ, когда пріѣду. Третьяго дня я ѣздилъ туда и проигралъ. Игра завлекаетъ страшно. Послѣ проигрыша я съ Суворинымъ-фисомъ сталъ думать, думалъ и придумалъ систему игры, при которой непремѣнно выграешь. Поѣхали вчера, взявши по 500 франковъ; съ первой же ставки я выигралъ пару золотыхъ, потомъ еще и еще, жилетные карманы мои отвисли отъ золота; были у меня въ рукахъ монеты французскія даже 1808 года, бельгійскія, итальянскія, греческія, австрійскія.. Никогда въ другое время я не видѣлъ столько золота и серебра. Началъ я играть въ 5 часовъ, а къ 10 часамъ у меня въ карманѣ не было уже ни одного франка и у меня осталось только одно: удовольствіе отъ мысли, что я купилъ себѣ обратный билетъ въ Ниццу.

Вотъ какъ, судари мои! Вы, конечно, скажете: «Какая подлость! Мы бѣдствуемъ, а онъ тамъ въ рулетку играетъ». Совершенно справедливо и я разрѣшаю Вамъ зарѣзать меня. Но я лично очень доволенъ собой. По крайней мѣрѣ я могу теперь говорить своимъ внукамъ, что я въ рулетку игралъ и знакомъ съ тѣмъ чувствомъ, какое возбуждается этой игрою.

Около казино съ рулеткой есть другая рулетка— это рестораны. Дерутъ здѣсь страшно и кормятъ великолѣпно. Что ни порція, то цѣлая композиція, передъ которой въ благоговѣніи нужно преклонять колѣна, но отнюдь не осмѣливаться ѣсть ее. Всякій кусочекъ изобильно уснащенъ артишоками, трюфелями, всякими соловьиными языками.. И Боже Ты мой Господи, до какой степени презрѣнна и мерзка эта жизнь съ ея артишоками, пальмами, запахомъ померанцевъ! Я люблю роскошь и богатство, но здѣшняя рулеточная роскошь производитъ на меня впечатлѣніе роскошнаго ватеръ-клозета. Въ воздухѣ виситъ что-то такое, что, Вы чувствуете, оскорбляетъ вашу порядочность, опошляетъ природу, шумъ моря, луну.

Былъ я вчера въ воскресенье въ здѣшней русской церкви. Особенности: вмѣсто вербы—пальмовыя вѣтви, вмѣсто мальчиковъ въ хорѣ поютъ дамы, отчего пѣніе пріобрѣтаетъ оперный оттѣнокъ, на тарелочку кладутъ иностранную монету, староста и сторожа церковные говорятъ по французски и т. п. Великолѣпно пѣли Херувимскую № 7 Бортн. и простое Отче нашъ.

Изъ всѣхъ мѣстъ, въ какихъ я былъ доселѣ, самое свѣтлое воспоминаніе оставила во мнѣ Венеція. Римъ похожъ въ общемъ на Харьковъ, а Неаполь грязенъ. Море же не прельщаетъ меня, такъ какъ оно надоѣло мнѣ еще въ ноябрѣ и декабрѣ. Чертъ знаетъ что, оказывается, что я непрерывно путешествую цѣлый годъ.

Не успѣлъ вернуться изъ Сахалина, какъ уѣхалъ въ Питеръ, а потомъ опять въ Питеръ и въ Италію..

Если я не успѣю вернуться къ Пасхѣ, то, когда будете разговляться, помяните меня въ своихъ молитвахъ и пріимите мое заочное поздравленіе и увѣреніе, что безъ Васъ въ пасхальную ночь мнѣ будетъ ужасно скучно.

Сохраняете ли газеты?

Поклонъ всѣмъ: Алексѣю съ тетей, Семашѣ, красивому Левитану, златокудрой Ликишѣ, старухѣ, и всѣмъ вообще. Ну, оставайтесь здоровы. Да хранятъ Васъ небеса. Честь имѣю рапортоваться и пребыть скучающимъ

Antonio.

Поклонъ Ольгѣ Петровнѣ.

CXXXIV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ницца. 13 (?) апрѣль, пятница. (1891 г.).

Я прибылъ во Францію. Остановились въ отелѣ на берегу моря. Небо пасмурно. Тепло. Вчера игралъ въ рулетку и проигралъ 8 франковъ. Слушалъ оперетку; баритонъ постилалъ себѣ постель и поставилъ подъ кровать посудину; публика смѣялась. По всему побережью растутъ пальмы. По вечерамъ сѣтями ловятъ рыбу. Много русскихъ.

Всѣмъ кланяюсь. Пишите по адресу: Варшава, вокзалъ С.-Петербургско-Варшавской дороги, Книжный шкафъ, А. П. Чехову.

Ѣду въ Монако.

Вашъ *Antoine.*

CXXXV.

Ей же.

(Съ подлинника).

Апрѣль 13 (?). 1891. (Monte Carlo).

Пишу Вамъ изъ Монте-Карло, изъ самого того мѣста, гдѣ играютъ въ рулетку. Чертъ знаетъ, какая зажигательная игра. Я сначала выигралъ 80 франковъ, потомъ проигралъ, потомъ опять выигралъ и въ концѣ концовъ остался въ проигрышѣ франковъ на сорокъ. Осталось въ запасѣ 20 франковъ, пойду еще попытаю счастья. Я здѣсь съ утра, а теперь двѣнадцатый часъ ночи. Если бы лишнія деньги, то кажется цѣлый годъ игралъ бы да ходилъ по великолѣпнымъ заламъ казино! Интересно смотрѣть на дамъ, которыя проигрываютъ тысячи. Утромъ одна дѣвица проиграла 5000 франковъ. Интересны столы съ кучами золота. Однимъ словомъ, чертъ знаетъ что. Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенькій.. разбойничій вертепъ. Самоубійство проигравшихся—явленіе заурядное.

Суворинъ-фисъ проигралъ 300 франковъ.

Скоро увидимся. Я соскучился шататься по бѣлу свѣту. Пора и честь знать, а то пятки болятъ.

Низко всѣмъ кланяюсь и желаю счастья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Пасмурно.

CXXXVI.

Ей же.

(Съ подлинника).

Ницца. 17 Апрѣль. (1891 г.).

И такъ, значитъ, я не попаду въ Москву къ празднику. Досадно. Завтра мы ѣдемъ въ Россію; на пути заѣдемъ въ Миланъ, на итальянскія озера (Комо, Лаго-Маджіоре), потомъ въ Берлинъ; стало быть, буду я въ Москвѣ раньше Ѳоминой недѣли.

Погода продолжаетъ быть дурною.

Если наша дача близка къ рѣкѣ, то умоляю Васъ, синьеры, купите вы хоть двѣ верши.

Надѣюсь, что збруя для мангуса уже пріобрѣтена. Былъ ли онъ подлецъ въ засѣданіи общества естествоиспытателей? Я пишу по маленьку, хотя писать въ дорогѣ очень трудно.

Христосъ Воскресъ! Со всѣми христосуюсь и прошу прощенія, что не успѣлъ домой къ празднику. Воображаю, какъ скучно пройдетъ для меня пасхальная ночь.

Будьте здоровы, досвиданія. Прошу Ивана не уѣзжать.

Поклонъ Кувшинниковымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мнѣ ужасно надоѣло завтракать, обѣдать и спать. На все это заграницей тратится очень много времени. Сибирь, гдѣ путешественники не завтракаютъ, не обѣдаютъ и не спятъ, въ этомъ отношеніи гораздо лучше. Тамъ не ѣшь и потому чувствуешь себя какъ на крыльяхъ.

CXXXVII.

Ей же.

(Съ подлинника).

19 Апр. (Парижъ 1891 г.).

Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Миланъ, какъ я писалъ, мы поѣхали въ очагъ цивилизаціи—Парижъ. Выѣхали изъ Ниццы въ полдень и пріѣхали въ Парижъ въ 8 часовъ утра. Поѣздъ лупилъ какъ сумасшедшій. Ѣдучи съ вокзала, видѣлъ въ туманѣ Эйфелеву башню, а теперь сижу въ номерѣ, умываюсь и привожу свое рыло въ порядокъ.

Изъ Парижа выѣдемъ въ понедѣльникъ прямо въ Россію, стало быть, увидимся не позже пятницы. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, ибо я уже соскучился и новизна набила мнѣ оскомину.

Будьте здоровы.

Вашъ *Antoine.*

CXXXVIII.

М. Г. Чехову.

(Съ подлинника).

21 Апрѣль. 1891 г. Парижъ.

Дорогой Дядя Митрофанъ Георгіевичъ, Христосъ Воскресъ! Только что вернулся изъ посольской церкви, гдѣ слушалъ заутреню, и тотчасъ же сѣлъ писать это письмо. Церковь въ Парижѣ велика, размѣрами напоминаетъ Митрофановскую, но было тѣсно и душно. Греки слушаютъ вмѣстѣ съ русскими, да и французовъ понабилось много. Пѣли французы,

Въ воскресенье я буду уже дома. Христосуюсь съ Вами, обнимаю Васъ крѣпко и прошу передать мое поздравленіе всѣмъ Вашимъ. Искренно Васъ уважающій и любящій

А. Чеховъ.

CXXXIX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

21 Апрѣль. Парижъ. (1891 г.).

Сегодня Пасха. Стало быть, Христосъ воскресъ! Это первая Пасха, которую провожу я не дома.

Пріѣхалъ я въ Парижъ въ пятницу утромъ и тотчасъ же поѣхалъ на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальныя выставочныя постройки я видѣлъ только снаружи, такъ какъ внутри находилась кавалерія, приготовленная на случай безпорядковъ. Въ пятницу ожидались волненія. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, кричалъ, свисталъ, волновался, а полицейскіе разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здѣсь достаточно десятка полицейскихъ. Полицейскіе дѣлаютъ дружный натискъ и толпа бѣжитъ, какъ сумасшедшая. Въ одинъ изъ натисковъ и я сподобился: полицейскій схватилъ меня за лопатку и сталъ толкать впередъ себя.

Масса движенія. Улицы роятся и кипятъ. Что ни улица, то Терекъ бурный. Шумъ, гвалтъ. Тротуары заняты столиками, за столиками—французы, которые на улицѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Превосходный народъ. Впрочемъ, Парижа не опишешь, отложу его описаніе до моего пріѣзда.

Заутреню слушалъ въ посольской церкви

Къ намъ привязался отставной дипломатъ Т. Въ качествѣ адъютанта ходитъ всюду за нами парижскій корреспондентъ И. Яковлевъ-Павловскій, который когда-то вмѣстѣ съ Фронштейнами жилъ у насъ въ мойсеевскомъ домѣ. Здѣсь Плещеевъ съ дочками и съ сыномъ. Однимъ словомъ, компанія большая. Цѣлая колонія русскихъ.

Завтра или послѣзавтра выѣзжаемъ въ Россію. Буду въ Москвѣ въ пятницу, или субботу. Пріѣду по Смоленской дорогѣ, а потому, буде пожелаете встрѣтить меня, приходите на Смоленскій вокзалъ.

Если меня не пустятъ отсюда во вторникъ или даже въ среду, то я всетаки вернусь въ Москву не позже понедѣльника, поэтому прошу Ивана не уѣзжать, а подождать.

Я боюсь, что у Васъ нѣтъ денегъ.

Миша, почини мнѣ моё pince-nez за спасеніе души. Поставь стекла своего номера. Безъ очковъ я просто мученикъ. Былъ на картинной выставкѣ (Salon) и половины не видѣлъ благодаря близорукости. Кстати сказать, русскіе художники гораздо серьезнѣе французскихъ.. Въ сравненіи со здѣшними пейзажистами, которыхъ я видѣлъ вчера, Левитанъ король.

Это послѣднее письмо. До свиданья. Поѣхалъ я съ пустымъ чемоданомъ, а вернусь съ полнымъ. Каждый изъ Васъ получитъ по заслугамъ.

Желаю здравія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXL.

Ей же.

(Съ подлинника).

24 Апрѣль. Парижъ. (1891 г.).

Опять перемѣна. Одинъ изъ русскихъ скульпторовъ, проживающихъ въ Парижѣ, взялся сдѣлать Суворину

его бюстъ и это задержитъ насъ до субботы. Въ субботу мы непремѣнно выѣдемъ и въ среду я буду въ Москвѣ.

Какъ Вы обходитесь безъ денегъ? Потерпите до четверга.

Представьте мое удовольствіе. Я былъ въ палатѣ депутатовъ, какъ разъ въ томъ засѣданіи, когда отъ министра внутреннихъ дѣлъ требовались объясненія по поводу безпорядковъ, какіе позволило себѣ правительство при усмиреніи бунтующихъ рабочихъ въ Фурми (много убитыхъ и раненыхъ). Засѣданіе было бурное и въ высшей степени интересное.

Человѣки, подпоясывающіе себя удавами, дамы задирающія ноги до потолка, летающіе люди, львы, кафешантаны, обѣды и завтраки начинаютъ мнѣ противѣть. Пора домой. Хочется работать.

Всѣмъ, всѣмъ кланяюсь. Будьте здоровы.

Вашъ *Antoine*.

CXLI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Суббота на Св. недѣлѣ. Парижъ. (1891 г. апр. 28).

Ты вѣроятно уже въ Судогдѣ, а потому адресуюсь въ Судогду. Сегодня я ѣду въ Россію. Въ Москвѣ буду въ среду. Тебѣ привезу англійской бумаги и еще кое-что; все сіе оставлю у папаши, а самъ уѣду на дачу. Было бы желательно скорѣе повидаться и поговорить о видѣнномъ и слышанномъ. Получилъ ли письмо изъ Венеціи?

Надоѣло путешествовать. Хочется работать. Ну, будь здравъ. До свиданія.

Твой *Antoine*.

CXLII.

В. Г. Черткову.

(Съ подлинника).

2 Май 1891 г. Москва.

Милостивый Государь

Владиміръ Григорьевичъ!

Я получилъ отъ уважаемаго мною г. Горбунова два письма съ предложеніемъ—отдать «Посреднику» мой разсказъ «Ванька». Запаздываю отвѣтомъ на эти письма, потому что только сегодня я вернулся изъ за границы. Отвѣчаю я такъ: я весь къ услугамъ «Посредника», потому что всей душой и сердцемъ сочувствую его цѣлямъ и глубоко уважаю руководящихъ этимъ добрымъ предпріятіемъ, о которыхъ я слышалъ много хорошаго.

Относительно «Ваньки» я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Баронесса В. И. Икскуль, издающая книги для народа, обращалась ко мнѣ въ декабрѣ прошлаго года съ предложеніемъ—дать ей «Ваньку». Я отвѣтилъ согласіемъ.

До сентября мой адресъ будетъ такой: г. Алексинъ Тульск. губ.

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

Прошу Васъ убѣдительно передать мой поклонъ и благодарность г. Горбунову.

CXLIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

4 Май, 91 г. Глухое мѣсто близь ст. Алексинъ.

Я вернулся и уже пребываю на дачѣ. Домикъ въ лѣсу, 4 комнаты, внутри тѣсновато, снаружи просторъ; Ока не близко: нужно 6 минутъ ходьбы, а возвращаясь отъ рѣки—подниматься немножко на гору, что во время жары будетъ чувствительно. Вокзалъ подъ бокомъ, дорога скучна и хуже Боромли.

Когда ждать тебя? Отвѣчай по адресу: Ст. Алексинъ Сызрано-Вяземской дороги.

Мангусъ съ нами. Здравствуетъ.

Непремѣнно напиши, когда пріѣдешь; я хочу дать тебѣ порученіе. Быть можетъ, понадобится что-нибудь купить.

Повидимому, около нашей дачи бываетъ очень много грибовъ. Въ Окѣ, я видѣлъ, плескается большая рыба. Хочу купить лодку. Если погода будетъ хорошая, то, (опять таки повидимому) и грибная и рыбная и всякая другая охота удадутся намъ вполнѣ.

Для лѣта имѣются пиджаки и штаны всѣхъ сортовъ. Поэтому позаботься только о резиновыхъ калошахъ. Большихъ сапогъ не нужно, ибо здѣсь почва песчаная.

Всѣ тебѣ кланяются. Я тоже кланяюсь и желаю всякихъ благъ, видимыхъ и невидимыхъ. Будь здравъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXLIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Май. (1891 г. Алексинъ).

Станція Алексинъ Сызрано-Вяземской жел. дороги. Таковъ мой адресъ. Станція, а не городъ, такъ какъ я живу около станціи и получаю корреспонденцію изъ рукъ начальника станціи.

Дача ничего себѣ. Лѣсъ, Ока, глушь, тепло, соловьи поютъ и проч. Тихо и покойно, а во время дурной погоды будетъ здѣсь скучно и грустно. Послѣ заграничной поѣздки дачная жизнь кажется немножко прѣсной. Похоже на то, какъ будто я взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ крѣпость. Но тѣмъ не менѣе все таки я доволенъ.

Въ Москвѣ отъ Общества драмат. писателей я получилъ не 200, какъ ожидалъ, а цѣлыхъ 300. Со стороны фортуны это очень мило.

Передайте Аннѣ Ивановнѣ, что французская выставка еще не готова. Всѣ, кого я видѣлъ, говорятъ, что выставка вообще не важная.

Ну съ, сударь мой, долженъ я Вамъ, если даже считать по Вашему, не менѣе 800 рублей. Это по совѣсти. Въ іюнѣ, или въ іюлѣ, когда въ магазинѣ будутъ ужъ мои деньги, я напишу Зандроку, чтобы онъ послалъ Вамъ въ Ѳеодосію все, что мнѣ приходится. И Вы мнѣ не препятствуйте. Даю Вамъ честное слово, что когда расплачусь съ долгами и расквитаюсь съ Вами, то возьму у Васъ взаймы двѣ тысячи. Не думайте, что мнѣ непріятно у Васъ одолжаться. Я самъ даю въ займы и потому считаю себя въ правѣ брать въ займы, но я боюсь запутаться и привыкнуть къ долгамъ. Вѣдь я Конторѣ Вашей долженъ чертову пропасть!

У меня изъ оконъ хорошій видъ. То и дѣло ходятъ поѣзда. Черезъ Оку мостъ.

Напишите мнѣ что-нибудь.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и всѣмъ Вашимъ. Желаю здравія и всякихъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLV.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

8 Май. (1891 г. Алексинъ).

Любезный братецъ!

Сергѣй Никитичъ Филипповъ, живущій на Большой Лубянкѣ въ домѣ Мосолова (меблированныя комнаты) увѣдомилъ меня сегодня письмомъ, что имъ получены для меня изъ Крыма 10 бутылокъ вина. Пошли кого нибудь, хотя бы разсыльнаго, или Федору, если она не ушла, въ домъ Мосолова съ моей карточкой. Карточки моей достаточно, чтобы посланный получилъ отъ г. Филиппова или, буде его нѣтъ дома, отъ швейцара Якова вино. Я одну карточку на сей предметъ уже далъ тебѣ, но такъ какъ ты ее потерялъ, то я посылаю тебѣ другую. Полученное вино попроси доставить перваго ѣдущаго къ намъ (Семашко или Ивана), самъ же его не привози, такъ какъ ты его дорогою выпьешь. Также не ставь вино близъ тетки, а то она его выпьетъ. Если ты моей просьбы не исполнишь, то не будетъ тебѣ моего благословенія.

Почтеніе богатой тетушкѣ.

Готовый къ услугамъ *А. Чеховъ.*

Пока живешь у насъ, почитай Толстого. Онъ на полкѣ. Найди разсказы «Казаки», «Холстомѣръ» и «Поликуша». Очень интересно.

CXLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Май. (1891 г. Алексинъ).

Ваше письмо получилъ. Мегсі. Единицею подписывается Дѣдловъ-Кигнъ, беллетристъ и интересный путешественникъ, котораго я знаю по наслышкѣ, но не читалъ. Да, Вы правы, душѣ моей нуженъ бальзамъ. Я бы теперь съ удовольствіемъ и даже съ радостью прочелъ что нибудь серьезное не о себѣ только, а вообще. Я тоскую по серьезномъ чтеніи и вся критика россійская послѣдняго времени не питаетъ меня, а только раздражаетъ. Я бы съ восторгомъ прочелъ что нибудь новое о Пушкинѣ, или Толстомъ—это было бы бальзамомъ для празднаго ума моего..

Я тоже скучаю по Венеціи и Флоренціи, и готовъ былъ бы еще разъ взобраться на Везувій; Болонья же стерлась въ моей памяти и потускнѣла, что же касается Ниццы и Парижа, то, вспоминая о нихъ, «я съ отвращеніемъ читаю жизнь мою».

Въ «Вѣстникѣ иностранной литературы», въ послѣдней книжкѣ напечатанъ разсказъ Уйда, переводъ съ англійскаго нашего Михайлы, податного инспектора [1]). Зачѣмъ я не знаю языковъ? Мнѣ кажется, беллетристику я переводилъ бы великолѣпно; когда я читаю чужіе переводы, то произвожу въ своемъ мозгу перемѣны словъ и перестановки и получается у меня нѣчто легкое, эфирное, подобное кружевамъ.

Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду я пишу Сахалинскую книгу, въ остальные дни, кромѣ воскресеній,

---

[1]) М. П. Чехова.

романъ, а въ воскресенья маленькіе разсказы. Работаю съ охотой. Погода всѣ дни стоитъ великолѣпная, мѣсто, гдѣ стоитъ дача, сухое и здоровое, лѣсу много.. Въ Окѣ много рыбы и раковъ. Вижу поѣзда и пароходы. Вообще, если бы не тѣснота, то я былъ бы очень, очень доволенъ.

Когда Вы будете въ Москвѣ? Напишите, пожалуста. Французская выставка Вамъ не понравится—къ этому Вы готовьтесь. Вамъ понравится Ока, когда мы въ 5 часовъ утра сядемъ въ Серпуховѣ на паршивый пароходикъ и поплывемъ къ Калугѣ.

Жениться я не намѣренъ. Я бы хотѣлъ теперь быть маленькимъ, лысымъ старичкомъ и сидѣть за большимъ столомъ въ хорошемъ кабинетѣ.

Будьте здоровы и покойны. Низко кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Пишите мнѣ, пожалуста.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Я пишу водевиль. Дѣйствующія лица: Анна Ивановна, Айвазовскій, генералъ Богдановичъ, Иванъ Павловичъ Казанскій и цензоръ Макаровъ.

CXLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

13 Май 91 г. (Алексинъ).

Письмо, о которомъ Вы пишете, уже давно получено и уже посланъ отвѣтъ на него. Ахъ, Глинскій, Глинскій! Давно ли онъ былъ у меня и съ высоты своего редакторскаго величія предлагалъ мнѣ писать у него, обѣщая помѣщать *даже* мои маленькіе разсказы? Ахъ, Гуревичъ, Гуревичъ! Навѣрно его подбили Флексеръ и бабы! Вѣдь Сѣв. Вѣстникъ могила для него. Вести толстый журналъ совсѣмъ не педагогическое дѣло.

Я напишу Вамъ рождественскій разсказъ—это непремѣнно. Даже два, если хотите. Я сижу и пишу, пишу.. Наконецъ то я принялся за дѣло. Сахалинскую книгу хоть печатай, столько уже сдѣлано. Жаль только, что проклятые зубы болятъ и желудокъ разстроенъ. То и дѣло бѣгаю въ лѣсъ, въ оврагъ.

Мои книги печатайте въ какомъ угодно количествѣ. Не забудьте «Каштанку». Пора уже ее спустить съ цѣпи. Если ее иллюстрировать и дать ей обложку съ той собакой, которая у Васъ спрятана въ столѣ, что около окна, то она можетъ пойти. Я медлительный, но плодовитый авторъ. Къ 40 годамъ у меня будетъ сотня книгъ, такъ что я могу открыть книжную лавку изъ однихъ только собственныхъ сочиненій. Имѣть много книгъ и больше не имѣть ничего—это ужасно совѣстно.

Въ іюнѣ Вы получите въ Ѳеодосіи письма для передачи мнѣ. Такой адресъ я далъ сахалинцамъ, ибо не зналъ, гдѣ я буду жить лѣтомъ. Въ случаѣ, если Вы не поѣдете въ Ѳеодосію, то дайте надлежащее распоряженіе, дабы мои письма не пошли къ черту. Также не забудьте, что въ началѣ іюня пароходъ «Петербургъ» привезетъ яванскую лошадь, которую я заказалъ для Васъ въ Сингапурѣ и которую пароходные офицеры обѣщали мнѣ довезти до Одессы. Это, если ее привезутъ, удивительная лошадь. Не забудьте написать въ Одессу, въ книжный магазинъ, чтобы тамъ поручили кому-нибудь побывать на пароходѣ въ день его прихода, взять лошадь и спровадить ее въ Ѳеодосію, въ теплый климатъ.

Голубчикъ, нѣтъ ли у Васъ въ библіотекѣ «Уголовнаго права» Таганцева? Если есть, то нельзя ли мнѣ прислать его? Я бы купилъ, но я теперь «бѣдный родственникъ», нищъ и убогъ, какъ сидорова коза. Скажите также Вашему магазину (въ телефонъ), чтобы онъ выслалъ мнѣ въ счетъ будущихъ благъ двѣ книги:

«Уставъ о ссыльныхъ» и «Уставъ о находящихся подъ стражей.» Вы не подумайте, что я хочу стать прокуроромъ; эти книги нужны мнѣ для моей сахалинской книги. Буду воевать главнымъ образомъ противъ пожизненности наказаній, въ которой вижу причину всѣхъ золъ, и противъ законовъ о ссыльныхъ, которые страшно устарѣли и противорѣчивы. Первый разъ читалъ я Потапенку въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Хорошо.

Въ какихъ смыслахъ Б. обобралъ пожилую даму? Вѣдь бабы-то иногда врутъ.

Вы спрашиваете: не затѣять ли поѣздку по помѣщикамъ? Отчего же, это хорошо. Но погодите, дайте мнѣ пописать.

У Васъ набранъ разсказъ III. «У Гадалки». Разсказъ не дурной. Отчего Вы его не печатаете? Авторша безпокоится.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Бѣгу въ оврагъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLVIII.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

14 май. (1891 г. Алексинъ).

Драгоцѣнный Алексисъ! Я просилъ Лидію Стахіевну передать тебѣ десять рублей на случай какихъ-либо порученій. Изъ этихъ денегъ дай потребное количество Ивану для покупки свѣжихъ огурцовъ и капусты, если она уже есть въ продажѣ.

Также попроси Ивана привезти мнѣ изъ моей библіотеки слѣдующія книги:

1) Максимовъ. Сибирь и каторга.

2) Никольскій. Тамбовскій уѣздъ. Диссертація.

Обѣ книги переплетены и стоятъ на полкѣ.

3) Никольскій. О. Сахалинъ и его фауна.

4) Андріевскій. Рѣчи.

5) Грязновъ. Череповскій уѣздъ. Диссертація.

Сіи книги не переплетены и лежатъ въ сундукѣ, что въ спальнѣ моей около стола. Найди ихъ, если будетъ свободное время, и выдай Ивану.

Также не забудь объяснить Ивану, что билетъ въ Алексинъ онъ долженъ брать на Курской дорогѣ непремѣнно къ двѣнадцатичасовому ночному поѣзду, въ Тулѣ пересадка на поѣздъ, идущій въ Калугу. Коли хочетъ, пусть привезетъ килекъ.

Поклонъ богатой теткѣ. Если бы я былъ теперь въ Москвѣ, то непремѣнно бы залѣзъ къ ней въ сундукъ.

Будь здравъ и Богомъ хранимъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXLIX.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

15 Май. (1891 г. Алексинъ).

По порученію фатера отвѣчаю на твое письмо. Въ домѣ Фирганга живутъ теперь тетя и Алексѣй [1]). Послѣдній имѣетъ передать тебѣ мое письмо, въ которомъ изложенъ подробный маршрутъ. Если произойдутъ перемѣны, то о нихъ увѣдомимъ своевременно, черезъ того же Алексѣя.

Когда же ты пріѣдешь? Тебя ждетъ лодка. Не забудь купить для себя удилище. Если хочешь узнать подробности о дачѣ, то побывай у Лидіи Стахіевны, которая гостила у насъ.

---

[1]) А. А. Долженко.

Въ Серпуховѣ на пароходъ не садись, а то будешь ѣхать лишнія сутки. Новаго ничего нѣтъ. Всѣ здоровы.

Дождей нѣтъ, засуха.

Твой *А. Чеховъ.*

CL.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

17 Мая. (1891 г. Богимово).

Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика. Мангусъ третьяго дня убѣжалъ и больше ужъ никогда не вернется. Издохъ. Это разъ.

Во вторыхъ, мы оставляемъ эту дачу и переносимъ нашу резиденцію въ верхній этажъ дома Б.-К., того самаго, который напоилъ Васъ молокомъ и при этомъ забылъ угостить Васъ ягодами. О днѣ переѣзда нашего увѣдомимъ своевременно. Пріѣзжайте нюхать цвѣты, ловить рыбку, гулять и ревѣть. Ахъ, прекрасная Лика! Когда Вы съ ревомъ орошали мое правое плечо слезами (пятна я вывелъ бензиномъ) и когда ломоть за ломтемъ ѣли нашъ хлѣбъ и говядину, мы жадно пожирали глазами Ваше лицо и затылокъ. Ахъ, Лика, Лика, адская красавица! Когда Вы будете гулять съ кѣмъ-нибудь или будете сидѣть въ обществѣ и съ Вами случится то, о чемъ мы говорили, то не предавайтесь отчаянію, а пріѣзжайте къ намъ и мы со всего размаха бросимся Вамъ въ объятія.

Когда будете съ Трофимомъ въ Альгамбрѣ, то желаю Вамъ нечаянно выколоть ему вилкой глаза.

Вашъ извѣстный другъ
Гуніяди-Яносъ.

Кланяется Вамъ сторожиха.

Маша проситъ, чтобы Вы написали насчетъ квартиры. Адресъ не станція Алексинъ, а городъ Алексинъ.

CLI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Май. (1891 г. Богимово).

Ликуй нынѣ и веселися Сіоне. Жилъ я въ деревянной дачѣ въ четырехъ минутахъ ходьбы отъ Оки, кругомъ были дачи и дачники; березы и больше ничего. Надоѣло. Я познакомился съ нѣкіимъ помѣщикомъ К. и нанялъ въ его заброшенной поэтической усадьбѣ верхній этажъ большого каменнаго дома. Что за прелесть, если бы Вы знали! Комнаты громадныя, какъ въ благородномъ собраніи, паркъ дивный съ такими алеями, какихъ я никогда не видѣлъ, рѣка, прудъ, церковь для моихъ стариковъ и всѣ, всѣ удобства. Цвѣтетъ сирень, яблони, однимъ словомъ—табакъ! Сегодня перебираюсь туда, а дачу бросаю. Дача нанята за 90 руб., а усадьба за 160 р. Дорого обойдется это лѣто.

Ну отчего бы Вамъ не пріѣхать ловить рыбу? Здѣсь карасей и раковъ видимо не видимо.

У Рошфоръ два этажа, но для Васъ не хватило бы ни комнатъ, ни мебели. Къ тому же сообщеніе утомительное: со станціи приходится ѣхать туда въ объѣздъ, чуть ли не 15 верстъ. Другихъ дачъ тоже нѣтъ, а имѣніе К. будетъ годиться для Васъ только въ будущемъ году, когда отдѣлаютъ оба этажа. Право, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богатому и семейному найти себѣ дачу. Для меня дачъ сколько угодно, а для Васъ ни одной.

Мой мангусъ ушолъ въ лѣсъ и не возвращался. Должно быть, погибъ.

Я далъ себѣ слово не печатать свои сахалинскія писанія въ газетахъ и журналахъ, но теперь, если бы Вы

знали, какое беретъ искушеніе! Сегодня же я могъ бы послать Вамъ на 100 лундоровъ.

Вчера я цѣлый день возился съ сахалинскимъ климатомъ. Трудно писать о такихъ штукахъ, но всетаки въ концѣ концовъ поймалъ черта за хвостъ. Я далъ такую картину климата, что при чтеніи становится холодно. И какъ противно писать цифрами!

Я ежедневно встаю въ 5 часовъ утра; очевидно, въ старости буду вставать въ 4. Мои предки всѣ вставали очень рано, раньше пѣтуховъ. А я замѣтилъ, что люди, встающіе очень рано, ужасные хлопотуны. Стало быть, я буду хлопотливымъ, безпокойнымъ старикомъ.

«Мамаево нашествіе»—водевиль въ крыловскомъ вкусѣ; ни единаго характера. Пахнетъ дачнымъ мужемъ, а мораль такая: сибирякамъ дядямъ не слѣдуетъ пріѣзжать въ гости къ племянникамъ. И склеена пьеса угловато. Читатель или зритель ждетъ, что гость приволокнется за хозяйкой, но и этого даже въ пьесѣ нѣтъ и всѣ три акта однообразны. И еще скажу: писать часто такія пьесы все равно, что каждый день въ б . . . . . ходить—скоро истаскаешься.

M-elle Гуревичъ и M-er Филоксера [1]) ничего не сдѣлаютъ изъ Сѣв. Вѣстника . . . . . .

. . . . . .

Будьте здоровы. Если вздумаете пріѣхать ко мнѣ, то телеграфируйте такъ: «Алексинъ, доктору Бездѣтному передать Чехову.» Письма свои адресуйте такъ: г. Алексинъ Тульской губ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Флексеръ (Волынскій).

CLII.

Ему же.

(Съ подлинника).

20 Май. (1891 г. Богимово).

Я перебрался на другую дачу. Какое раздолье! Въ моемъ распоряженіи верхній этажъ большого барскаго дома. Комнаты громадныя; изъ нихъ двѣ величиною съ Вашъ залъ, даже больше; одна съ колоннами; есть хоры для музыкантовъ. Когда мы устанавливали мебель, то утомились отъ непривычнаго хожденія по громаднымъ комнатамъ. Прекрасный паркъ; прудъ, рѣчка съ мельницей, лодка—все это состоитъ изъ множества подробностей, просто очаровательныхъ. Если Вы вздумаете пріѣхать ко мнѣ, то вотъ Вамъ маршрутъ: Москва, изъ Москвы съ двѣнадцатичасовымъ ночнымъ поѣздомъ въ Тулу (брать билетъ до Алексина), въ Тулѣ пересадка на поѣздъ, идущій въ Калугу; прибывъ утромъ въ Алексинъ, Вы спрашиваете, гдѣ ямщикъ Гущинъ; сей человѣкъ довезетъ Васъ къ намъ на парѣ съ колокольчиками; рессорныхъ экипажей нѣтъ, но Гущинъ не трясокъ. Отъ Алексина до Богимовки, гдѣ мы живемъ, 8—10 верстъ; если же съ Вами будетъ только ручной багажъ, то путь можно устроить покороче, ибо въ 4-хъ верстахъ отъ насъ есть полустанчекъ.

Караси отлично идутъ на удочку. Я вчера забылъ о всѣхъ печаляхъ: то у пруда сижу и таскаю карасей, то въ уголкѣ около заброшенной мельницы и ловлю окуней. Интересны и бытовыя подробности.

Послѣдніе два манифеста—насчетъ сибирской дороги и ссыльныхъ—мнѣ очень понравились. Сибирская дорога названа народнымъ дѣломъ, и тонъ манифеста гарантируетъ ея скорое окончаніе; а каторжнымъ, кои

отбудутъ такіе-то и такіе-то поселенческіе и ссыльно-крестьянскіе сроки, разрѣшается вернуться въ Россію, безъ права жить въ столичныхъ губерніяхъ. Это пропустили газеты безъ вниманія, а между тѣмъ это нѣчто такое, чего никогда не было въ Россіи—это серьезный шагъ къ упраздненію той пожизненности наказаній, которая такъ долго угнетала общественную совѣсть, какъ несправедливая и въ высшей степени жестокая.

Какъ здоровье Алексѣя Алексѣевича?

Я буду ждать Васъ. Хорошо бы Вамъ поспѣшить, а то скоро перестанутъ пѣть соловьи и отцвѣтетъ сирень. Если Алексѣй Алексѣевичъ захочетъ, то пригласите его съ собой. У меня найдется мѣста и постелей для цѣлой дивизіи.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Май. 4 часа утра. (1891 г. Богимово).

Мангусъ убѣжалъ въ лѣсъ и не возвратился; кобылка-сосунчикъ, которую мы купили за 75 коп., удавилась. Холодно. Но тѣмъ не менѣе всетаки я Вамъ не завидую. Нельзя теперь жить въ городѣ—это и скучно и нездорово. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Вы отъ утра до обѣда сидѣли гдѣ-нибудь на террасѣ, пили чай и писали что-нибудь художественное, пьесу, что-ли, а послѣ обѣда до вечера ловили бы рыбу и думали спокойную думу. Вы давно уже заслужили право, въ которомъ Вамъ теперь отказываютъ всякія случайности, и мнѣ стыдно и кажется несправедливымъ, что мнѣ живется покойнѣе, чѣмъ Вамъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Вы весь іюнь будете жить въ городѣ? Это даже жутко.

Съ корректурой все устроилось и Неупокоевъ вѣроятно уже успокоился. Книги, о которыхъ я писалъ Вамъ, уже получены. Со Щегловымъ о его пьесѣ я никогда ничего не говорилъ. Откуда онъ взялъ, что я хвалилъ ее?

Вы пишете, что я кирпичный человѣкъ, покрытый известкой, и ничего не даю въ газету. Но войдите въ мое положеніе. Въ моей литературной дѣятельности такой кавардакъ и безпорядокъ, что самъ чертъ ногу сломаетъ. Сталъ было повѣсть писать—заграница помѣшала; продолжать теперь повѣсть некогда—Сахалинъ на шеѣ. Сѣлъ бы писать мелочи и пробовалъ уже, но мысль, что къ осени я *долженъ* отдѣлаться отъ Сах., парализуетъ всякую способность. Погодите, голубчикъ, скоро свалю со спины каторгу и весь буду Вашъ, отъ головы до пятокъ. Я даю Вамъ честное слово, что Сахалинская книга будетъ осенью печататься, ибо я ее, честное слово, уже пишу и пишу, а если Вы не вѣрите, то я могу прислать Вамъ вещественныя доказательства. Благодаря тому, что я встаю съ курами, мнѣ никто не мѣшаетъ работать, и дѣло у меня кипитъ, хотя оно и тягучее, кропотливое дѣло, не стоющее, какъ овчинка, выдѣлки: изъ-за какой-нибудь одной паршивой строки приходится цѣлый часъ рыться въ бумагахъ и перечитывать всякую скуку. Писать о климатѣ, или по обрывкамъ составлять историко-критическій очеркъ каторги—какая эта скука, Боже мой!

Новость: мы устроили себѣ рулетку. Ставка не больше копѣйки. Доходъ рулетки идетъ на общее дѣло—устройство пикниковъ. Я крупье.

Будьте здравы. Не предавайтесь мрачнымъ мыслямъ, все устроится хорошо. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLIV.

Ему же.

27 Май. (1891 г. Богимово).

«Анна Ивановна сказала, вотъ вѣдь не догадался предложить эту дачу».. Анна Ивановна должна за меня вѣчно Бога молить. Когда я нанималъ большой домъ, то думалъ о Васъ больше, чѣмъ о себѣ. Домина громадный, паркъ великолѣпный, рѣка, прудъ, и для Васъ какъ разъ бы подошло, но телеграфировать Вамъ остановили меня отсутствіе мебели (есть она, но обшарпанная, старинная), отдаленность отъ станціи — 10 верстъ, неимѣніе рессорныхъ экипажей и многое другое, что длинно было бы перечислять. Помѣщенія такъ много, что помѣстились бы и Вы, и мы: Вы въ большомъ домѣ, а мы въ единомъ изъ флигилей; но гдѣ бы Вы взяли мебели и экипажъ? Анна Ивановна, пріѣхавъ и увидѣвъ обстановку, обругала бы меня мужикомъ и больше ничего. Если хотите, то дачу эту можно будетъ приготовить Вамъ къ будущему году. Изъ нея можно сдѣлать рай. Фортепьянъ есть, можете себѣ представить. И билліардъ есть.

Кстати, прочтите врагу моему Аннѣ Ивановнѣ письмо Григоровича: пусть у нея душа порадуется. «Чеховъ принадлежитъ къ поколѣнію, которое замѣтно стало отклоняться отъ запада и ближе присматриваться къ своему...

...Венеція и Флоренція ничего больше, какъ скучные города для человѣка даже умнаго..» Mercі, но я не понимаю такихъ умныхъ людей. Надо быть быкомъ, чтобы, пріѣхавъ первый разъ въ Венецію, или во Флоренцію, стать «отклоняться отъ запада». Въ этомъ отклоненіи мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается,

кто оповѣстилъ всю вселенную о томъ что будто заграница мнѣ не понравилась? Господи ты Боже мой, никому я ни однимъ словомъ не заикнулся объ этомъ. Мнѣ даже Болонья понравилась. Что же я долженъ былъ дѣлать? Ревѣть отъ восторга? Бить стекла? Обниматься съ французами? Идей я не вывезъ, что ли? Но и идеи, кажется, вывезъ. Ваша статья о ипподромѣ больше моя, чѣмъ Ваша, ибо я Вамъ уши прожужжалъ про эту новую форму театра.

Статья отличная, но въ Москвѣ ея не поймутъ. Что Вы, помилуйте, можетъ ли М. Н. Ермолова играть въ ипподромѣ вмѣстѣ съ лошадьми? А думать и говорить, что Мольеръ можетъ показаться скучнымъ—это идея, за которую московскій Иванъ Ивановичъ Ивановъ, авторъ московскаго проекта, задастъ Вамъ такого треску, что вы не рады будете. А ипподромъ въ самомъ дѣлѣ прелесть, и коллизей отличная штука. Но мы съ вами не доживемъ до нихъ, ибо уже пережили.

Буренинъ находитъ въ Шостуновѣ «ровно ничего»? Скажите ему, чтобы онъ полѣчился отъ печенки.

Намъ бы надо съ Вами повидаться, т. е. вѣрнѣе мнѣ надо. Я уже соскучился, хотя сегодня поймалъ 252 карася и одного рака.

Да хранитъ Васъ Богъ. Поклонъ всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLV.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

28 май. Г. Алексинъ, Тульской губ. (1891 г.)

Сударыня, Ваша «Ошибка» воистину есть ошибка. Разсказъ только кое гдѣ хорошъ, но въ остальномъ это

непроходимая чаща скуки,—Соня, покойничекъ, папа, мама, опять Соня, и покойничекъ.... въ глазахъ рябитъ! Вамъ прекрасно удаются «благородная бѣдность» и дѣвицы, ну, и взяли бы одну только милочку съ ея папой, тяжелой кухаркой и соблазнами катка, вышелъ бы тогда разсказъ отмѣнный. Ваша гадалка напечатана. Видѣли? Насчетъ гонорара простите, я не говорилъ Суворину. Хотя Вы стоите и больше 10 коп. за строку, но мнѣ не хотѣлось нарушать порядка, давно уже заведеннаго въ «Нов. Времени».—Тутъ начинаютъ съ пятачка, потомъ постепенно повышаютъ, какъ чиновниковъ на службѣ, будь то хоть самъ Шекспиръ. Вы будете получать 8, потомъ 10, потомъ 12, затѣмъ 15 к. и такъ до червонца включительно. Когда мнѣ будетъ 80 лѣтъ, а Вамъ 90, мы будемъ получать по червонцу за строчку.

Когда я былъ въ Парижѣ, мнѣ прислали изъ Италіи Ваши письма. Я прочелъ и руками развелъ. Что я могъ отвѣчать Вамъ? Въ отвѣтъ на идею эксплуатировать процессъ Бартенева, я могъ только пожалуй прислать Вамъ рецептъ: «Kalie bromati»... по ложкѣ на ночь. Это идея почти сумасшедшая, даже бѣшенная. Во первыхъ Вы съ Бартеневымъ знакомы не были и знать его не могли, во вторыхъ, въ такомъ сложномъ абсурдѣ, какъ жизнь бѣдняжки Висновской,—могъ бы разобраться развѣ одинъ только Достоевскій. Да и къ чему Вамъ ѣхать воображеніемъ въ Варшаву, если подъ бокомъ Москва, полная Мимочекъ и всякихъ двуногихъ тварей.

Намъ бы слѣдовало повидаться. Вы бы спѣли, а я бы послушалъ. Поговорили бы о литературѣ, о Крымѣ.

Будьте здоровы и небомъ хранимы.

Вашъ слуга *А. Чеховъ.*

Вы не сердитесь за критику. Если я пишу и сужу нѣсколько рѣзко, то это только потому, что вижу въ Васъ коллегу и литераторшу, а не дилетантку, тогда бы быть можетъ я наговорилъ Вашей «Ошибкѣ» тьму комплиментовъ.

Что Филиппычъ?

CLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 іюнь (1891 г. Богимово).

Раковскій за все имѣніе, заключающееся въ трехъ участкахъ=400 десятинъ проситъ 35 тысячъ. Ту часть имѣнія въ 150 десятинъ, гдѣ находятся усадьба, мельница и прочее, что мы видѣли, онъ можетъ уступить за 23 тыс. и конечно отдастъ за 20.

Зачѣмъ Вы такъ скоро уѣхали? Мнѣ было очень скучно и не скоро я потомъ пришелъ въ свою обычную мѣщанскую колею. Какъ нарочно, послѣ Вашего отъѣзда погода наступила великолѣпная, теплая и рыба стала ловиться.

Сестра все еще больна.

Мангусъ нашолся. Охотникъ съ собаками нашолъ его по сю сторону Оки, противъ дачи Снигирева, въ каменоломнѣ; если бы не щель въ каменоломнѣ, то собаки растерзали бы мангуса. Блуждалъ онъ по лѣсамъ 18 дней. Несмотря на ужасные для него климатическія условія, онъ сталъ жирнымъ — таково дѣйствіе свободы. Да, сударь, свобода великая штука.

Были Вы въ Ельцѣ? Что тамъ видѣли? Я опять Вамъ совѣтую поѣхать въ Ѳеодосію по Волгѣ. И вамъ и Аннѣ Ивановнѣ будетъ весело, а для дѣтей ново и любопытно.

Будь я свободенъ, поѣхалъ бы съ Вами. На волжскихъ пароходахъ теперь уютно, кормятъ хорошо и публика интересная. Желаю Вамъ всѣхъ благъ. Простите, что Вамъ у меня жилось такъ скверно. Когда я выросту большой и выпишу изъ Венеціи мебель, а это я непремѣнно сдѣлаю, то Вамъ у меня будетъ не такъ жостко и холодно.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVII.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

12 іюнь. (1891 г. Богимово).

Очаровательная, изумительная Лика!

Увлекшись черкесомъ Левитаномъ, Вы совершенно забыли о томъ, что дали брату Ивану обѣщаніе пріѣхать къ намъ 1-го іюня, и совсѣмъ не отвѣчаете на письма сестры. Я тоже писалъ Вамъ въ Москву, приглашая Васъ, но и мое письмо осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя Вы и приняты въ высшемъ свѣтѣ (у головастенькой N.), но все таки Вы дурно воспитаны, и я не жалѣю, что однажды наказалъ Васъ хлыстомъ. Поймите Вы, что ежедневное ожиданіе Вашего пріѣзда не только томитъ, но и вводитъ насъ въ расходы: обыкновенно за обѣдомъ мы ѣдимъ одинъ только вчерашній супъ, когда же ожидаемъ гостей, то готовимъ еще жаркое изъ вареной говядины, которую покупаемъ у сосѣднихъ кухарокъ.

У насъ великолѣпный садъ, темныя алеи, укромные уголки, рѣчка, мельница, лодка, лунныя ночи, соловьи,

индюки... Въ рѣкѣ и въ прудѣ очень умныя лягушки. Мы часто ходимъ гулять, при чемъ я обыкновенно закрываю глаза и дѣлаю правую руку кренделемъ, воображая, что Вы идете со мной подъ руку.

Если пріѣдете, то спросите на станціи ямщика Гущина, который и довезетъ Васъ къ намъ. Можно и на полустанкѣ высадиться, но тогда нужно раньше дать знать, дабы мы могли послать за Вами пегаса. Отъ полустанка до насъ только четыре версты.

Кланяйтесь Левитану. Попросите его, чтобы онъ не писалъ въ каждомъ письмѣ о Васъ. Во первыхъ, это съ его стороны не великодушно, а во вторыхъ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его счастья.

Будьте здоровы и щисливы и не забывайте насъ. Сторожиха Вамъ кланяется.

Это моя подпись [1]).

Мангусъ нашелся. Маша здорова.

Сейчасъ получилъ отъ Васъ письмо. Оно сверху до низу полно такими милыми выраженіями, какъ «чертъ васъ задави», «чертъ подери», «анафема», «подзатыльникъ», «сволочь», «обожралась» и т. п. Нечего сказать, прекрасное вліяніе имѣютъ на Васъ такіе ломовые извозчики, какъ Trophim.

Вамъ можно и купаться и по вечерамъ гулять. Все это баловство. У меня всѣ мои внутренности полны и мокрыхъ и сухихъ хриповъ, я купаюсь, и гуляю и все таки живъ.

Во́ды Вамъ нужно пить. Это одобряю. Пріѣзжайте же, а то плохо будетъ. Всѣ низко кланяются, я тоже. Почеркъ у Васъ попрежнему великолѣпный.

---

[1]) Здѣсь рисунокъ пронзеннаго стрѣлой сердца.

CLVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлипника).

16 Іюнь. (1891 г. Богимово).

Посылаю Вамъ отъ щедротъ своихъ лѣтній т. е. жиденькій разсказъ [1]). Оторвали меня отъ сахалинской работы не муза мести и печали, и не жажда звуковъ сладкихъ, а жажда поскорѣе содрать съ кого-нибудь хоть пять цѣлковыхъ, ибо я сижу буквально безъ гроша. Если разсказъ сгодится, то скажите конторѣ, чтобы она половину гонорара удержала въ счетъ долга по газетѣ, а половину прислала мнѣ поскорѣе. И чтобы она держалась этой манеры въ продолженіе всего лѣта, ибо до осени я постараюсь прислать побольше и поквитаться. Что касается долга Вамъ, то онъ будетъ пополненъ изъ книжной выручки, о чемъ я уже писалъ Зандроку. Въ какомъ положеніи находится эта выручка, я не знаю; если печатается уже пятое изданіе, то деньги должны быть.

Заглавіе у разсказа не подходящее. Не придумаете ли Вы какого-нибудь другого?

Я Мишѣ говорилъ объ имѣніи въ Каширскомъ уѣздѣ, о которомъ Вы слышали отъ Никольскаго. Такого имѣнія у Миши на картѣ нѣтъ; есть фамилія похожая.

У насъ ясная, жаркая погода. Купаемся во всю и сдѣлали себѣ душъ. Затѣваемъ пикники и ничего у насъ не выходитъ. Былъ одинъ пикникъ, на которомъ знакомились всѣ дачники. Послѣ этого пикника, часа въ три ночи я и хозяинъ поѣхали кататься; лошади понесли,

---

[1]) «Бабы».

опрокинули насъ и тарантасъ разбился въ дребезги, и я трахнулся о землю носомъ.

У насъ гоститъ Наташа Линтварева и хохочетъ отъ утра до вечера. Пріѣзжалъ сегодня становой за моимъ паспортомъ.

Я не читалъ разсказа Сергѣенко. Былъ онъ напечатанъ, или еще нѣтъ? Интересно было бы прочесть, ибо Сергѣенко меня интересуетъ. У этого человѣка, талантливаго немножко и не глупаго, есть въ головѣ какой-то хохлацкій гвоздикъ, который мѣшаетъ ему заниматься дѣломъ, какъ слѣдуетъ, и доводить дѣло до конца.

Когда будете ѣхать въ Ѳеодосію, я пріѣду въ Тулу повидаться, только о днѣ Вашего прибытія въ Тулу не телеграфируйте, а пишите или же телеграфируйте «до востребованія», а то съ насъ за телеграммы дерутъ по полутора цѣлковыхъ.

Будьте здоровы. Мудрено Вамъ не скучать теперь въ Петербургѣ и я удивляюсь Вашему долготерпѣнію. Мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скучно писать изъ мужицкой жизни. Надо будетъ за генераловъ приняться.

CLIX.

Л. С. Мизиновой.

(Съ подлинника).

20 іюнь. (1891 г. Богимово).

Бѣдная, больная Ликиша! Сестра поручила мнѣ написать Вамъ слѣдующее. Она съ Наташей Линтваревой, которая теперь гоститъ у насъ, въ субботу уѣзжаетъ

въ Сумы; изъ страха, что Вы можете не застать ея и что безъ нея мы Васъ обидимъ, она проситъ Васъ не пріѣзжать ранѣе 3 — 4 іюля — срокъ, къ которому она непремѣнно вернется.

Если Вы серьезно больны, то должны серьезно и лѣчиться. Бросили ли Вы курить? Вамъ нельзя ни курить, ни пить. Ни табаку, ни вина, ни пива, ни даже квасу— ни ни! Остерегаться холоднаго и сырого воздуха; всегда держать грудь въ теплѣ, хотя бы въ кофтѣ толщиною съ одѣяло. Ѣсть возможно больше; самое лучшее — побольше сливокъ. Утромъ, въ обѣдъ, въ вечерній чай и въ ужинъ — сливки и сливки. Пить не залпомъ, а глоточками — это и здорово, и граціозно. Жареное мясо предпочитать вареному, сухой хлѣбъ мягкому. Овсянка, манная каша и кисели — все это хорошо. Передъ ѣдой принимать какую-нибудь горечь: Гофманскій элексиръ (Elixir visceralis Hofmani) или Хинную тинктуру по 15 кап. Если желудокъ хорошъ и если купаться нельзя, то принимайте для укрѣпленія своихъ дамскихъ нервовъ бромистый калій и мышьякъ. Кровать поставьте посреди комнаты. Во время прогулокъ возвышенныя мѣста предпочитайте низменнымъ. Поменьше разговаривайте и, когда бесѣдуете съ бабушкой или Левитаномъ, не кричите. Въ письмахъ добрыхъ знакомыхъ не называйте идіотами.

Я кашляю, въ глазахъ у меня мелькаетъ, въ головѣ пусто, но я тѣмъ не менѣе все таки здоровъ. Кланяйтесь Софьѣ Петровнѣ и Левитану. Софьѣ Петровнѣ я писалъ и благодарилъ ее за приглашеніе.

Иду ужинать. Будьте здоровы. Блондинку К. зовутъ такъ: Аменаиса Э. Для краткости зовемъ ее Семирамидой, или Мюръ-и-Мерилизой. Была бы симпатична, если бы не была тупа и зла.

А К. милый парень. Онъ оказался не такимъ серьезнымъ и «вумнымъ», какимъ представлялся въ первое время.

Больше я писать Вамъ не буду.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Кланяйтесь бабушкѣ.

CLX.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

20 іюнь. Г. Алексинъ. (1891 г.).

Я, уважаемая Елена Михайловна, всегда неизмѣнно радъ служить Вамъ, и потому напрасно Вы спрашиваете, буду ли я читать Ваши разсказы или нѣтъ.

Присылайте, сдѣлайте милость! Только, прошу не сердиться, если мое чтеніе, да и вообще мое вмѣшательство въ Вашу литературу не принесетъ Вамъ никакой пользы.

Представьте, я не читалъ: «Мимочку на водахъ». Авторша Мимочки нѣкая Веселитская, замужняя. Такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ неразборчивымъ почеркомъ написалъ Суворинъ. Кстати, судя по критикѣ Суворина и по выдержкамъ изъ Мимочки, это произведеніе представляется мнѣ не столько блестящимъ, сколько вычурнымъ и манернымъ.

Это я изъ зависти.

У меня на дачѣ такъ хорошо, и я такъ занятъ своей работой,—что этимъ лѣтомъ едва ли поѣду куда нибудь на воды къ Мимочкамъ. Впрочемъ, если улыбнется фортуна и дастъ мнѣ лишнихъ рублей пятьсотъ, то я подумаю и быть можетъ въ началѣ августа поѣду въ Крымъ.

Вы у Синани, или у кого нибудь изъ крымскихъ старожиловъ оставьте свой адресъ, я непремѣнно повидаюсь съ Вами.

Вы находите, что если Вашъ разсказъ скученъ, то это ужасно. А я Вамъ скажу, что если изъ пяти Вашихъ разсказовъ только одинъ будетъ нескученъ, — то и слава Богу. Не скучные разсказы ужасны, а ужасно, когда скучно писать. Кстати: читали Вы «Нескучные разсказы» Грузинскаго? Если нѣтъ, то постарайтесь выписать наложеннымъ платежомъ отъ Суворина, или изъ редакціи «Осколковъ», гдѣ сія книга издана. «Грузинскій», онъ же Лазаревъ, подавалъ большія надежды, но мнѣ кажется, онъ не изъ тѣхъ писателей, которымъ слѣдовало бы подражать, — очень ужъ разсудителенъ. Онъ, надо замѣтить, прошолъ мою цензуру, такъ же, какъ и Вы, но Вы лучше его. Прочтите. Вообще читайте все, что выходитъ. Это для эрудиціи нужно. Вы спрашиваете, что Вамъ прочесть этимъ лѣтомъ, чтобы стать: «страхъ умной». Не знаю. Читайте путешествія.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXI.

Л. С. Мизиновой [1]).

(Съ подлинника).

(Богимово. 1891 г.).

Дорогая Лида!

Къ чему упреки?

Посылаю тебѣ свою рожу. Завтра увидимся. Не забывай своего Петьку. Цѣлую 1000 разъ!!!

Купилъ разсказы Чехова: что за прелесть! Купи и ты.

Кланяйся Машѣ Чеховой.

Какая ты душка!

---

[1]) При этомъ шуточномъ письмѣ приложена фотогр. карточка какого-то молодого человѣка съ надписью: „Лидѣ отъ Пети“.

CLXII.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Богимово. 1891 г.).

Дорогая Лидія Стахіевна!

Я люблю Васъ страстно, какъ тигръ, и предлагаю Вамъ руку.

Предводитель дворняжекъ
Головинъ Ртищевъ.

P. S. Отвѣтъ сообщите мимикой. Вы косая.

CLXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

25 Іюнь. (1891 г. Богимово).

Получивъ Ваше письмо, я немедля телеграфировалъ Вамъ, чтобы Вы привезли «Собирателя грибовъ» Кайгородова и 5 ф. кофе Мокко. Алексинъ весь сгорѣлъ и намъ негдѣ купить ни кофе, ни всего прочаго. Коли милость Ваша, то привезите 2 куска глицериноваго мыла и возмите у Феррейна рядомъ со Слав. Базаромъ 2 ф. соды (для больныхъ). Вотъ и все. Въ Вязьму я поѣду съ Вами, но въ Одессу — боюсь. Для Одессы понадобится много времени и, пожалуй, захочется поѣхать въ Батумъ. Нѣтъ, не соблазняйте.

Нетерпѣливо жду. Погода великолѣпная.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

Іюль. Козлятинъ [1]. *(1891 г. Богимово).*

Многоуважаемая баронесса Икскуль! Возьмите длинную хворостину и погоните Машу домой. Богимово Васъ нэ забудэ, ибо Маша нужна и отъѣздъ ея произвелъ такой же безпорядокъ, какъ если бы съ неба вдругъ исчезли всѣ звѣзды. А вмѣстѣ съ Машей непремѣнно пріѣзжайте и Вы. Заберите въ чемоданъ всѣ Ваши 73 цвѣтныхъ кофточки и пріѣзжайте. Право, у насъ не такъ скучно, какъ Вамъ это показалось. Вспомните пріятную прогулку въ Воронцово, милую собачку Финтала, вспомните рыженькую, косоокую А. и ея развинченнаго рыцаря Г... А каковъ паучокъ, какова его тетушка! Вспомните нашъ клубъ съ Кисилихой, Киселятами и съ Вѣрочкой, которая смотритъ Вамъ прямо въ лицо, улыбается и киваетъ головой. А пикникъ зыбыли? А яичница, которую изжарила въ кастрюлѣ А.? А вечерняя прохлада?

На Лукѣ въ обществѣ Марковыхъ и бароновъ Вы привыкли къ блеску; разговоры о Лорисѣ, о блестящихъ академикахъ и лихачахъ, и всякія благоуханія, идущія отъ Вашихъ новыхъ жильцовъ, кружатъ Вамъ голову. Но вернитесь къ простотѣ! Идите къ намъ, людямъ труда, людямъ безъ блеска и запаха.

Соціалисты продолжаютъ безвыходно сидѣть въ своемъ флигелѣ и все думаютъ, думаютъ... Паучокъ [2]) работаетъ. Я видѣлъ его работу: очень длинно и интересно. Онъ превосходный зоологъ и большой философъ.

15-го іюля у насъ спектакль. Будутъ живыя картины

---

[1]) Шуточное названіе.

[2]) В. А. Вагнеръ, писавшій тогда диссертацію о паукахъ.

и факельное шествіе, и масса наслажденій во вкусѣ моей нравственной невѣсты-тетушки. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ Васъ. Даже А. спрашиваетъ: пріѣдетъ ли Наталья Михайловна?

Передайте Машѣ, что я уже писалъ ей насчетъ Елены. Она бѣжала на заводъ къ своему Парису, но опять вернулась и уже бѣгаетъ по лѣстницамъ. Старикъ, содержатель нашего «Эрмитажа», гдѣ Вы предавались излишествамъ, опасно заболѣлъ. Вѣроятно, умретъ.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Мать Вамъ кланяется и убѣдительно проситъ пріѣхать. Будьте здоровы и благополучны.

Гвоздика.

Если Маша не пріѣдетъ къ 10-му, то я уѣду изъ Богимова. Такъ и скажите ей.

Въ огородѣ у насъ нѣтъ ничего: ни огурцовъ, ни капусты... «Все померзло» оправдывается А. А телята прыгаютъ, прыгаютъ и скоро съѣдятъ самое А.

У насъ невыносимая жара и бездождіе. Г. уже убралъ клеверъ.

CLXV.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ст. Козлятинъ, Ряжско-Бряжской жел. дор. (1891 г. Богимово).

Машя! Торопись ѣхать домой, такъ какъ безъ тебя наше интензивное хозяйство пришло въ совершенный упадокъ. Ѣсть нечего, мухи одолѣли, изъ ватера идутъ удушающіе міазмы, мангусъ разбилъ банку съ вареньемъ и проч. и проч.

Всѣ дачники вздыхаютъ и оплакиваютъ Вашъ отъѣздъ. Новаго ничего нѣтъ. Г. по прежнему не встрѣчаетъ ни въ комъ сочувствія и безъ толку мечется по двору,

его косая У. такъ же, какъ и при тебѣ, въ глаза улыбается, а за глаза кладетъ въ сметану иголки. Паучокъ отъ утра до вечера возится со своими пауками. Пять паучьихъ лапокъ уже описалъ, остались теперь только три. Когда онъ покончитъ съ пауками, то примется за блохъ, которыхъ будетъ ловить на своей тетушкѣ. К. каждый вечеръ сидятъ въ клубѣ и никакіе мои намеки не трогаютъ ихъ съ мѣста.

Погода жаркая, грибовъ нѣтъ. Суворинъ еще не пріѣхалъ. Елена возвратилась и уже бѣгаетъ по лѣстницамъ. Новостей, повторяю, никакихъ.

Кланяйся баронессѣ Икскуль, всѣмъ Линтваревымъ, С. и М. Купи кусочекъ мыла и подари его Х.: пусть вымоетъ харю.

Не забудь же напомнить Сушкину, что я забылъ у него наливку.

Скорѣй пріѣзжай, ибо скучно чертовски. Сейчасъ поймали лягушку и дали мангусу. Съѣлъ.

Всего хорошаго. Соціалисты не показываются: должно быть, замышляютъ сепаратизмъ. Украйна ихъ нэ забудэ. Будь здрава; привози съ собой боронессу Икскуль. Убѣди ее, что намъ безъ нея адски скучно.

Твой *Antonio*.

CLXVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

12 іюль. (1891 г. Богимово).

Милый и драгоцѣнный Владиміръ Алексѣевичъ, простите за неисправность!! Какъ вспомнишь, что неизвѣстно, когда поѣдутъ съ письмами на станцію, то руки

опускаются и нѣтъ охоты писать. Какъ бы ни было, отвѣчаю:

1) Лавровъ на Кавказѣ. Вернется въ августѣ.

2) Съ Сытинымъ былъ разговоръ объ изданіи Вашихъ книгъ. Онъ отвѣтилъ неопредѣленно и уклончиво, и изъ тона его я заключилъ, что лучше всего Вамъ самому списаться съ нимъ, или же поговорить при свиданіи. Это человѣкъ коммерческій.

3) Говорилъ съ Суворинымъ и заключилъ, что онъ весьма Вамъ симпатизируетъ. Я думаю, что если бы Вы обратились къ нему съ опредѣленнымъ предложеніемъ, то есть опредѣленно указали, *какая* должность Вамъ улыбается и что Вы умѣете, желаете дѣлать у него и проч.—то Ваше предложеніе, пожалуй, имѣло бы успѣхъ. Мой совѣтъ: въ книжномъ магазинѣ и по книжному издательству Вамъ нечего дѣлать; если поступать куда, то въ газету.

Будьте добры, пришлите мнѣ въ займы тысячу рублей[1]).

Хочется уѣхать куда нибудь.

Будьте здоровы и не сердитесь.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CLXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Г. Алексинъ, Тульск. губ. (1891 г. Іюль).

Фотографическій и плодовытый братъ мой! Я давно уже получилъ отъ тебя письмо съ фотографіями Семашко, но не отвѣчалъ до сихъ поръ, потому что все время придумывалъ великія мысли, необходимыя для отвѣта. Всѣ наши живы и здравы, часто о тебѣ вспоминаемъ и жалѣемъ, что плодовытость мѣшаетъ тебѣ пріѣхать

---

[1]) Шутка.

къ намъ на дачу, гдѣ ты былъ бы весьма не лишнимъ. Отецъ, какъ я уже писалъ тебѣ, бросилъ Иваныгорча и живетъ съ нами. Суворинъ былъ два раза, говорилъ про тебя, ловилъ рыбу. Я занятъ по горло Сахалиномъ и другими работами, не менѣе каторжными и скучными. Мечтаю о выгрышѣ 40 тыс., чтобы отрѣзать отъ себя ножницами надоѣвшее писательство, купить немножко земли и зажить байбакомъ по сосѣдству съ тобою и Иваномъ — я мечтаю Вамъ обоимъ, какъ бѣднымъ родственникамъ, подарить по 5 десятинъ. Въ общемъ живется мнѣ скучновато; надоѣло работать изъ-за строчекъ и пятачковъ, да и старость подходитъ все ближе и ближе..

Послѣдній разсказъ Сѣдого [1]), по моему мнѣнію, раздѣляемому Суворинымъ, хорошъ, но не слѣдуетъ популяризировать Ч. Надо говорить просто «докторъ». Отчего мало пишешь?

Былъ ли ты въ компаніи Комарова при встрѣчѣ французской эскадры? Если былъ, то опиши.

Съ нами въ одномъ дворѣ живетъ зоологъ В. А. Вагперъ, который кончилъ вмѣстѣ съ тобой. Пишетъ весьма солидную диссертацію. Съ нами же въ одномъ дворѣ живетъ извѣстный художникъ Киселевъ. По вечерамъ совершаемъ вмѣстѣ прогулки и философствуемъ.

Что Коломнинъ? [2]) Пр. Покровскій [3]) проситъ, чтобы онъ прислалъ ему свою фотографію.

Напиши подлиннѣе. Будь здравъ. Кланяйся своему почтенному семейству.

Твой *А. Чеховъ.*

Могила Николая въ исправности.

Мой адресъ: г. Алексинъ, Тульской губ.

---

[1]) Адрессата.
[2]) Ал. П. учился вмѣстѣ съ А. П. въ таганрогской гимназіи.
[3]) Законоучитель таганрогской гимназіи.

CLXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 іюль. (1891 г. Богимово).

Салазки старухѣ починилъ. За лошадей заплатилъ 5 рублей — столько запросилъ хозяинъ; остальные 5 р. распредѣлилъ такъ: 3 рубля въ фондъ, который я учреждаю въ Богимовѣ подъ названіемъ «больничнаго» (въ пользу больницы, которую будутъ строить); оставшіеся 2 рубля лежатъ у меня въ столѣ и ничего не дѣлаютъ.

Напишите пожалуста, какъ Вы доѣхали до Одессы и что тамъ видѣли. Пришолъ ли «Петербургъ» со Щербакомъ? Привезли ли Яванскую лошадь? Напишите также про Вашу любимицу Ѳеодосію, про патріарха-католикоса Айвазіанца и его одалиску Никитишну, про Папарубу, Булгакова и прочихъ армяшекъ.

Я, быть можетъ, пріѣду въ августѣ, или же совсѣмъ не пріѣду, такъ какъ я занятъ по горло и спѣшу нажить капиталы.

Въ случаѣ, ежели будетъ на Ваше имя корреспонденція для передачи мнѣ, то пришлите. Если будетъ денежный пакетъ, то вскройте его и содержимое переложите въ другой конвертъ.

Къ N. пріѣхали еще двѣ тетушки. Всѣ тетушки сдобныя и миндальныя; необыкновенное благородство чувствъ. Онѣ обожаютъ своего ученаго племянника до такой степени, что ходятъ за его женой, какъ жандармы, боясь, чтобы кто нибудь не посягнулъ на честь Володинаго ложа. Она въ лѣсъ, онѣ за нею; она купаться— онѣ въ воду.

Пріѣхалъ художникъ Киселевъ.

Будьте здоровы. Нижайшій поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и всѣмъ Вашимъ.

Погода у насъ продолжаетъ быть жаркой.

Миша въ Каширѣ, Маша еще не пріѣхала.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ ожиданіи табака изъ Одессы, курю трактирныя папиросы. Трактирщикъ поправляется.

CLXIX.

И. И. Горбунову.

(Съ подлинника).

Г. Алексинъ, Тульск. губ. 18 іюль (1891 г.).

Многоуважаемый
Иванъ Ивановичъ!

Печатать моихъ «Бабъ» можете. Что касается Вашего желанія, чтобы я присылалъ Вамъ оттиски своихъ разсказовъ, которые буду находить для Васъ подходящими, то я принялъ его къ свѣдѣнію. О разсказахъ и статьяхъ другихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, которые годились бы для Васъ, я подумаю и поговорю со свѣдующими людьми. Авось и придумаемъ что-нибудь.

Изъ присланнаго Вами каталога я выбралъ №№ 96, 40, 106, 23, 53, 99, 107, 64, 56, 25, 79, 508, 509, 503 и 507. За присылку этихъ книжекъ я буду Вамъ очень благодаренъ. Пришлите также и моего «Ваньку», если онъ уже напечатанъ. Если найдете полезнымъ и удобнымъ, то пришлите и корректуру «Бабъ». Я прочту и не задержу.

Желаю Вамъ всего хорошаго

Искренно Васъ уважающій
А. Чеховъ.

CLXX.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

20 Іюль. Г. Алексинъ, Тульск. губ. (1891 г.).

Здравствуйте, многоуважаемая Марія Владиміровна! Ради Создателя, напишите, что и какъ у Васъ, всѣ ли здоровы, и какъ въ отношеніи грибовъ и въ разсужденіи пискарей. Я въ долгу у Бабкинцевъ. Вернувшись изъ за границы, я нашелъ у себя на столѣ прочувствованное стихотвореніе насчетъ пьянства и письмо отъ Алексѣя Сергѣевича, написанное по французски. Стихи, принадлежащіе перу высокоталантливой Василисы Пантелевны, я не замедлилъ послать отзывчивому Герасиму, а на письмо собирался отвѣтить каждый день и собрался только сегодня, когда надъ нашимъ паркомъ нависли дождевыя облака и я вспомнилъ, какъ въ такую погоду мы ходили въ Максимовку къ Левитану, и какъ Левитанъ грозилъ застрѣлить насъ изъ револьвера.

Живемъ мы въ Тарусскомъ уѣздѣ Калужской губ., въ селѣ Богимовѣ, въ усадьбѣ нѣкоего молодого барина, щеголяющаго въ рубахѣ на выпускъ и въ большихъ сапогахъ... Громадный домъ, отличный паркъ, неизбѣжные виды, при взглядѣ на которые я обязанъ почему-то говорить: «ахъ!», рѣчка, прудъ съ голодными, любящими попадаться на удочку карасями, масса больныхъ, запахъ іодоформа и прогулки по вечерамъ. Занимаюсь я своимъ Сахалиномъ и въ промежуткахъ, чтобы не уморить свое семейство голодомъ, ласкаю музу и пишу разсказы. Все по старому, ничего новаго. Встаю я ежедневно въ 5 часовъ утра и собственноручно варю себѣ кофе — признакъ, что я уже вошелъ въ колею стараго холостяка, а là Э. И. Тышко, и помирился съ этимъ. Маша пишетъ

красками. Миша съ честью носитъ свою кокарду, отецъ говоритъ объ архіереяхъ, мать хлопочетъ, Иванъ рыбу ловитъ. Въ одной усадьбѣ съ нами живутъ: зоологъ Вагнеръ съ семьей и Киселевы, но не тѣ Киселевы, а другіе, не настоящіе.

Вагнеръ ловитъ козявокъ и пауковъ, а Киселевъ-отецъ пишетъ этюды, такъ какъ онъ художникъ. Бываютъ у насъ спектакли, живыя картины и пикники. Очень смѣшно и весело, но стоитъ мнѣ только поймать ерша или найти грибъ, какъ я поникаю головой, уношусь мыслью въ прошлое и мой мозгъ и душа начинаютъ гробовымъ голосомъ пѣть дуэтъ: «Разстались мы»... Кумиръ поверженный и храмъ оставленный выростаютъ въ моемъ воображеніи и я съ благоговѣніемъ мыслю:— «Всѣхъ зоологовъ и великихъ художниковъ, я промѣнялъ бы на одного маленькаго Идіотика» [1]).

Погода у насъ все время стояла жаркая, сухая и только сегодня въ день Иліи трахнулъ громъ и разверзлись хляби небесныя. Хочется удрать куда-нибудь, хотя бы въ Америку или Норвегію.

Нижайшій поклонъ Земскому Начальнику и его сѣкущей машинѣ; Василису Пантелевну благодарю за стихи; хотѣлъ было отвѣтить ей стихами, цѣлый мѣсяцъ напрягалъ мозги, но голова треснула отъ натуги и все таки стиховъ не вышло. По неволѣ позавидуешь талантамъ! Елизаветѣ Александровнѣ и Сережѣ нижайшее почтеніе.

Мой адресъ: г. Алексинъ, Тульск. губ.

Будьте здоровы и благополучны. Да хранятъ Васъ добрые дýхи, которыхъ такъ много въ Бабкинѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) На Сережу Киселева—сына адрессатки.

CLXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

24 Іюль. (1891 г. Богимово).

Спасибо за приглашеніе. Должно быть, пріѣду, но не скоро, хоть страстно жажду моря, песку, ночныхъ разговоровъ и прочихъ крымско-ѳеодосійскихъ прелестей. Я очень занятъ; работаю много, но страницъ выходитъ мало. Скоро Вы получите эстетическое наслажденіе: пришлю вамъ разсказъ [1]), который уже готовъ больше, чѣмъ на половину и будетъ содержать въ себѣ 4 — 5 фельетоновъ.

Спасибо за пятачковую прибавку. Увы, ей не поправить моихъ дѣлъ! Чтобы нажить капиталы, какъ Вы пишете, и вынырнуть изъ пучины грошовыхъ заботъ и мелкихъ страховъ, для меня остался только одинъ способъ — безнравственный. Жениться на богатой или выдать Анну Каренину за свое произведеніе. А такъ какъ это невозможно, то я махнулъ на свои дѣла рукой и предоставилъ имъ течь, какъ имъ угодно.

Какъ то Вы хвалили мнѣ Rod'a, французскаго писателя, и говорили, что онъ Толстому нравится. На дняхъ мнѣ случилось прочесть одинъ его романъ и я руками развелъ. Это нашъ Мачтетъ, но только немножко поумнѣе. Ужасно много претензій, скука, потуги на оригинальность, а художественность чувствуется такъ мало, какъ соль въ той кашѣ, которую мы съ Вами варили вечеромъ въ Богимовѣ. Въ предисловіи этотъ Rod кается, что онъ былъ раньше натуралистомъ, и радуется, что спиритуализмъ послѣднихъ новобранцевъ литературы

---

[1]) «Дуэль».

успѣлъ смѣшить матеріализмъ. Мальчишеское хвостовство и при томъ грубое, аляповатое.. «Если, г. Зола, мы и не такъ талантливы, какъ Вы, то за то мы въ Бога вѣруемъ».

Погода у насъ чудеснѣйшая. Сейчасъ утро, а освѣщеніе такое, какъ въ маѣ, и я радъ. Тихо, тихо.

Собирателя грибовъ получили, а грибовъ нѣтъ. Кофе оказался.. жженымъ. Дожди были вчера и третьяго дня, но грибы проклятые не растутъ и мы въ отчаяніи.

Получилъ отъ Лессинга [1]) письмо. Онъ сочиняетъ. Благоговѣйте.

Что же Плещеевъ-фисъ будетъ дѣлать въ департаментѣ Скальковскаго? Не понимаю, хоть зарѣжьте. И неужели поэтъ Мережковскій и его муза еще за границею? Ахъ, ахъ!

Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ нижайшій поклонъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXII.

А. А. Долженко.

(Съ подлинника).

29 іюля. (1891 г. Алексинъ).

Здорово, Алеха! Обращаюсь къ тебѣ съ нижайшей просьбой. Во первыхъ, найми для своей мамы хотя кривую и слѣпую старуху, чтобы было кому ставить самоваръ и отпирать двери. Это непремѣнно, иначе мы поссоримся. Во вторыхъ, купи оной Ѳедосьѣ Яковлевнѣ маслинъ и изрѣдка покупай у Генералова жареную рыбу. Въ третьихъ, по рецепту возьми порошки отъ кашля и давай ихъ по порошку на ночь. Въ четвертыхъ, неужели за все лѣто нельзя было ни разу позвать доктора?

---

[1]) Артистъ П. М. Свободинъ.

Денегъ я тебѣ дамъ въ займы, а ты отдашь, когда у тебя будутъ.

Возьми у Ивана, или Семашко, сколько нужно, а я отдамъ имъ, когда они пріѣдутъ.

Скажи Ивану и Семашкѣ, чтобы привезли рѣдьки и капусты.

Всѣ тебѣ кланяются и жалѣютъ, что ты не пріѣхалъ.

Поклонъ тетѣ.

Зачѣмъ ты возвратилъ мнѣ 6 рублей, которые остались послѣ покупокъ? Ахъ вы скупердяи, Плюшкины, жиды!! Можно ли считаться копѣйками. Это не по родственному.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29 іюль. (1891 г. Богимово).

Ну слава Богу! Сегодня получилъ изъ Книжнаго Магазина увѣдомленіе, что мнѣ приходится получить 690 руб, 6 коп. Написалъ въ отвѣтъ, чтобы вамъ въ Ѳеодосію выслали 500, а мнѣ остальные 190. И такъ значитъ, я остаюсь Вамъ долженъ только 170. Это утѣшительно. Все таки прогрессъ. Противъ долга по газетѣ я вооружаюсь громаднымъ разсказомъ, который на дняхъ кончу и пришлю. Должно быть, изъ долга выкину рублей 300 и самъ получу столько же. Уфъ!

Табакъ получилъ. Спасибо.

Къ Вамъ—увы!—едва ли пріѣду, а если пріѣду, то не такъ скоро, какъ хочу. Надо дѣла домашнія устраивать. Изъ всѣхъ домашнихъ дѣлъ я люблю только ловлю карасей и кашу на чистомъ воздухѣ, остальное

же презираю, но что дѣлать! необходимость — законъ. Даже римляне говорили — lex necessitatis т.-е. законъ необходимости.

Недавно за обѣдомъ у отца былъ легкій апоплексическій приступъ.

Ахъ Виноградовъ! Такихъ великихъ педагоговъ сѣчь нужно, а ихъ директорами дѣлаютъ. Если пріѣду въ Ѳеодосію, то разскажу Вамъ кое что про его проницательность, о которой Вы пишете.

Послѣ Иліи повѣяло холодомъ. Пахнетъ осенью. А я люблю россійскую осень. Что то необыкновенно грустное, привѣтливое и красивое. Взялъ бы и улетѣлъ куда нибудь вмѣстѣ съ журавлями. Когда то въ дѣтствѣ я осенью лавливалъ пѣвчихъ птицъ и продавалъ ихъ на базарѣ. Что это за наслажденіе! Это лучше, чѣмъ книги продавать.

Вашъ Книжный Магазинъ осиротѣлъ. Оказывается, что въ немъ нѣтъ ни одной моей книжки. Чеховъ, однимъ словомъ, выродился, о чемъ и свидѣтельствуетъ предлагаемая при семъ метрическая выпись.

Привезли на повозкѣ больную. Иду. Будьте здоровы. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Барбарису.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXIV.

Рецензія [1]).

(Богимово. 1891 г. Іюль).

Вчера въ селѣ Богимовѣ любителями сценическаго искусства данъ былъ спектакль. Это знаменательное событіе, какъ нельзя кстати, совпало съ пребываніемъ въ Кронштатѣ могущественнаго флота дружественной

---

[1]) По поводу спектакля, даннаго дѣтьми художника А. А. Киселева въ Богимовѣ.

намъ державы, и такимъ образомъ молодые артисты невольно способствовали упроченію симпатій и сліянію двухъ родственныхъ по духу націй. Vive la France! Vive la Russie!

Спектакль былъ данъ въ честь маститаго зоолога В. А. Вагнера. Не намъ говорить о значеніи зоологіи, какъ науки.. Читателямъ извѣстно, что до сихъ поръ клопы, блохи, комары и мухи—эти бичи человѣчества и искконные враги цивилизаціи — истреблялись исключительно только персидскимъ порошкомъ и другими продуктами латинской кухни, теперь же всѣ названныя насѣкомыя превосходно дохнутъ отъ скуки, которая постоянно исходитъ изъ сочиненій нашихъ маститыхъ зоологовъ.

На сценѣ было представлено что-то очень похожее на сцены изъ «Ревизора» и слѣдующія живыя картины: 1) Индусъ въ панталонахъ Хлестакова 2) Цыгане на пиру у греческихъ царей 3) Греческіе цари въ цыганскомъ таборѣ 4) Геній, вѣнчающій баннымъ вѣникомъ готентота и испанку. Исполненіе, въ высшей степени талантливое, добросовѣстное и обдуманное, вызвало всеобщій восторгъ. Г. Киселевъ, обладающій прекрасной сценической наружностью, выказалъ свой превосходный комическій талантъ. Онъ несомнѣнно комикъ. Но когда онъ становился къ публикѣ въ профиль, то въ его игрѣ и въ костюмѣ чувствовался глубокій, потрясающій трагизмъ. Г-жа Киселева 1-я съ самаго начала овладѣла вниманіемъ и сочувствіемъ публики, заявивъ себя артисткою во всѣхъ отношеніяхъ выдающеюся. Хорошія вокальныя средства, при несомнѣнномъ умѣніи прекрасно владѣть ими, сценическій талантъ при большой выработкѣ его, громадномъ знаніи сцены и сценической опытности дѣлаютъ изъ нея отличную актрису. Ей горячо апплодировали и послѣ каждаго акта подносили вѣнки и букеты, которые публика

пріобрѣтала за кулисами у гг. исполнителей, озаботившихся преждевременно приготовить предметы, необходимые для ихъ чествованія. Въ игрѣ г-жи Киселевой 2-й, исполнявшей трудную роль Мишки, мы не замѣтили тѣхъ недостатковъ, которые такъ не нравятся намъ въ Саррѣ Бернаръ и Дузе; дебютантка входила въ комнату въ шляпѣ и не брала письма, когда ей давали его, и такими, повидимому, ничтожными нюансами и штрихами она выказала оригинальность своего дарованія, какой могла бы позавидовать даже М. Н. Ермолова. Что же касается г-жи Вагнеръ, то игра ея произвела фуроръ; экцентричное, полное веселаго шаржа исполненіе, легкость, воздушность, небесность, и при томъ прекрасная дикція въ связи съ рѣдкимъ знаніемъ условій сцены были истиннымъ торжествомъ таланта; ея появленіе и уходъ всякій разъ возбуждали въ публикѣ неудержимый смѣхъ. Изъ исполнительницъ живыхъ картинъ надо прежде всего отмѣтить г-жу Киселеву 3-ю (Надю), сіяющее лицо которой все время замѣняло артистамъ и публикѣ бенгальскій огонь.

Аменаиса Эрастовна къ сожалѣнію участія въ спектаклѣ не принимала.

CLXXV.

И. И. Горбунову.

(Съ подлинника).

4 Авг. Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганга. (1891 г.).

Многоуважаемый
Иванъ Ивановичъ!

Я получилъ Вашу посылку, а сегодня мнѣ прислали еще изъ Алексина заказную бандероль: Плещеева и Чернокрыла, которыхъ я получилъ ранѣе, въ посылкѣ.

Очень Вамъ благодаренъ. Громадное большинство книжекъ читается съ интересомъ. Особенно хороши толстовскія и лѣсковскія вещи. Хорошо изложенъ Эпиктетъ. Хороши виньетки, особенно на Данилѣ совѣстливомъ и на пушкинской сказкѣ. Вообще и по внѣшности и по внутреннему содержанію, и по духу посылка произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе. «Ваньку» и корректуру «Бабъ» благоволите прислать по вышеписанному адресу.

Искренно Васъ уважающій *А. Чеховъ.*

CLXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Августъ. (1891 г. Богимово).

Вашъ докторъ не такъ виноватъ, какъ Вы думаете. Если онъ бросался отъ печени къ бронхиту и отъ бронхита къ брюшинѣ, то воображаю его положеніе. Бываютъ часто заболѣванія, въ которыхъ не теряетъ головы только тотъ, кто не лѣчитъ. Ошибка доктора только въ томъ, что онъ часто бывалъ у Васъ. Это просто жадность.

Когда Вы заболѣете, то пожалуста телеграфируйте мнѣ. Я пріѣду, застану Васъ здоровымъ и возьму за визитъ сто рублей. Съ Вашимъ братомъ нельзя церемониться. Въ Симферополь же, какъ Вы пишете, отправлять Васъ не буду.

Странное впечатлѣніе производитъ въ домѣ смерть прислуги. Не правда ли? Человѣкъ, будучи живымъ, обращалъ на себя вниманіе только постольку, поскольку онъ «человѣкъ»; но когда умеръ, вдругъ захватилъ всеобщее вниманіе, легъ гнетомъ на весь домъ и обратился въ хозяина-деспота, о которомъ только и говорятъ.

У Николая былъ *заворотъ кишокъ*. Ву компрене?

Разсказъ свой кончу завтра, или послѣ завтра, но не сегодня, ибо къ концу онъ утомилъ меня чертовски. Благодаря спѣшной работѣ, я потратилъ на него 1 ф. нервовъ. Композиція его немножка сложна, я путался и часто рвалъ то, что писалъ, цѣлыми днями былъ недоволенъ своей работой—оттого до сихъ поръ и не кончилъ. Какой ужасъ! Мнѣ нужно переписывать его! А не переписывать нельзя, ибо чертъ знаетъ, что напутано. Боже мой, если мои произведенія нравятся публикѣ такъ же мало, какъ мнѣ чужія, которыя я читаю теперь, то какой я оселъ! Въ нашемъ писательствѣ есть что-то ослиное.

Къ великому моему удовольствію пріѣхала къ намъ изумительная астрономка. Она на Васъ сердита и называетъ Васъ почему-то «краснорѣчивымъ» сплетникомъ. Во первыхъ, она свободна и самостоятельна, во вторыхъ она не признаетъ мужчинъ, въ третьихъ всѣ печенѣги и инсиниды, а Вы осмѣлились написать ей мой адресъ съ такимъ обращеніемъ: «Обожаемое Вами существо живетъ».. и т. д. Помилуйте, развѣ можно заподозривать земныя чувства у астрономокъ, летающихъ подъ небесами? Она цѣлый день говоритъ и хохочетъ, превосходно собираетъ грибы и мечтаетъ о Кавказѣ, куда уѣзжаетъ сегодня.

Братъ Александръ берется за умъ. Повидимому. Его фельетонъ о ночлежномъ домѣ ничего себѣ даже весьма.

Поправить мои обстоятельства, т. е. сдѣлать ихъ иными, или лучшими, невозможно. Есть больные, которые излѣчиваются только единственнымъ простымъ и крутымъ средствомъ, а именно: «встань, возьми одръ свой и иди.» Я же не въ силахъ взять своего одра и уйти, а стало быть и говорить нечего.

Неужели у Васъ не жарко? Это досадно. Когда я

мечтаю о поѣздкѣ въ Ваши палестины, мнѣ улыбается жара. О поѣздкѣ къ Вамъ, буде она состоится, я начну говорить не раньше 16-го Августа. Надо разсказъ кончить и своихъ устроить. Надо за московскую квартиру 200 рублей заплатить, за лѣтніе мѣсяцы. Надо искать новую квартиру и тоже платить и т. д. все въ такомъ же идіотскомъ родѣ.

На счетъ имѣнія.. Ахъ, я Вамъ скажу! Впрочемъ, скажу послѣ, когда увидимся. Чувствую, быть намъ сосѣдями! За потраву я буду драть съ Васъ по 5 цѣлковыхъ за каждую пойманную скотину.

Грибовъ много. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Авг. (1891 г. Богимово).

Наконецъ кончилъ свой длинный утомительный разсказъ [1]) и посылаю Вамъ его заказною бандеролью въ Ѳеодосію. Прочтите пожалуста. Для газеты онъ слишкомъ длиненъ, а по содержанію не годится на то, чтобы его можно было дѣлить на части. Впрочемъ, какъ знаете.

Если отложите печатаніе его до осени, то я въ Москвѣ прочту корректуру—отъ этого разсказъ не потеряетъ, а касса Новаго Времени только выграетъ, такъ какъ моя корректура всегда убавляетъ число строкъ.

---

[1]) «Дуэль».

Такъ какъ сей разсказъ пока составляетъ мой единственный текущій рессурсъ, то для успокоенія телеграфируйте мнѣ, что вы его получили.

Въ разсказѣ больше 4 печатныхъ листовъ. Это ужасно. Я утомился и конецъ тащилъ я точно обозъ въ осеннюю грязную ночь: шагомъ, съ остановками—оттого и опоздалъ. Половина гонорара, если не забракуете разсказа, пойдетъ на уплату долга по газетѣ, а другая половина въ мою утробу. Если отложите печатаніе разсказа до осени, то телеграфируйте почтенной конторѣ, чтобы она поскорѣе выслала мнѣ въ счетъ разсказа 300 рублевъ, а то у меня свиститъ въ карманахъ и не съ чѣмъ выѣхать. Высылка денегъ, конечно, должна состояться только при условіи, если разсказъ удобенъ и проч.

Увы! Къ Вамъ я не пріѣду. Говорю это гробовымъ голосомъ. Мнѣ не съ чѣмъ выѣхать, а новыхъ долговъ дѣлать не хочу.

Очень много грибовъ. Погода жаркая.

Напишите: до какого числа Вы будете жить въ Ѳеодосіи? Я, быть можетъ, вырвусь какъ нибудь.

Кланяйтесь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Авг. (1891 г. Богимово).

Сегодня вмѣстѣ съ разсказомъ я послалъ Вамъ одно письмо, а вотъ Вамъ другое въ отвѣтъ на Ваше только что полученное. Говоря о Николаѣ и лѣчившемъ его докторѣ, Вы упираете на то, что «все это дѣлается безъ

любви, безъ самопожертвованія даже относительно своихъ маленькихъ удобствъ». Вы правы, говоря это вообще о людяхъ, но что прикажете дѣлать врачамъ? Что если въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ ваша няня, «кишка лопнула», то что тутъ подѣлаешь, даже если захочешь жизнь свою отдать больному? Обыкновенно, когда домашніе, родные и прислуга принимаютъ «всѣ мѣры» и изъ кожи лѣзутъ вонъ, докторъ сидитъ и глядитъ дуракомъ, опустивъ руки, уныло стыдясь за себя и за свою науку и стараясь сохранить наружное спокойствіе.. У врачей бываютъ отвратительные дни и часы, не дай Богъ никому этого. Среди врачей, правда, нерѣдкость невѣжды и хамы, какъ и среди писателей, инженеровъ, вообще людей, но тѣ отвратительные часы и дни, о которыхъ я говорю, бываютъ только у врачей, и за сіе, говоря по совѣсти, многое простить должно.

А что «человѣка мало колотятъ по головѣ—онъ заслуживаетъ плетей», я пожалуй готовъ согласиться съ Вами, если Вы докажете, что человѣкъ до сихъ поръ наслаждался блаженствомъ и что онъ не забитъ и не заколоченъ до отупѣнія судьбой.

Алексѣй Алексѣевичъ въ Ѳеодосіи? Ахъ, хорошо бы на песочкѣ сыграть въ пикетъ!

Мой братъ учитель получилъ за усердіе медаль и мѣсто въ Москвѣ. Это упрямый человѣкъ въ хорошемъ смыслѣ и добьется своего. Ему нѣтъ еще и 30 лѣтъ, а онъ въ Москвѣ считается уже образцовымъ педагогомъ.

Я сегодня ночью просыпался и думалъ о своей повѣсти, которую послалъ Вамъ. Пока я писалъ ее и спѣшилъ чертовски, у меня въ головѣ все перепуталось и работалъ не мозгъ, а заржавленная проволока. Не слѣдуетъ торопиться, иначе выходитъ не творчество, а дерьмо. Если не забракуете разсказа, то отложите

печатаніе до осени, когда можно будетъ прочесть корректуру.

Разсказъ Ежова «Пытка» грубъ и сплошная не образованщина, но читается съ интересомъ. Малый замѣтно прогрессируетъ.

Намъ пишутъ: ген. Кононовичъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій по поводу недочета въ 400 тысячъ.

Астрономка теперь въ Батумѣ. Такъ какъ я сказалъ ей, что тоже пріѣду въ Батумъ, то она пришлетъ въ Ѳеодосію свой адресъ. Въ послѣднее время она еще умнѣе стала. Однажды я слушалъ ученый споръ ея съ зоологомъ В., котораго Вы знаете. Мнѣ показалось, что въ сравненіи съ нею ученый магистръ просто мальчишка. У нея логика хорошая и большой здравый смыслъ, но нѣтъ руля . . . . . , такъ что она плыветъ, плыветъ и сама не знаетъ куда.

Ну, пошли Вамъ Господи всего хорошаго. Будьте здоровы. Поклонитесь Анне Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ и Алексѣю Алексѣевичу, если онъ еще не уѣхалъ.

Везла баба рожь и свалилась съ воза внизъ головой. Страшно разбилась: сотрясеніе мозга, вытяженіе шейныхъ позвонковъ, рвота, сильныя боли и проч. Привезли ее ко мнѣ. Она стонетъ, охаетъ, проситъ у Бога смерти, а сама глядитъ на мужика, который ее привезъ, и бормочетъ:—«Ты, Кирила, брось чечевицу, послѣ отмолотишь, а теперь овесъ молоти». Я ей говорю, что послѣ объ овсѣ, а теперь, молъ, есть поговорить о чемъ посерьезнѣе, а она мнѣ:—«Овесъ-то у него очень хорошій!» Хлопотливая, завидющая баба. Такимъ легко помирать.

Я уѣду въ Москву 5-го Сентября. Надо новую квартиру искать.

Всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Авг. Алексинъ. (1891 г.).

Посылаю Вамъ фельетонъ Михайловскаго о Толстомъ. Читайте и совершенствуйтесь. Фельетонъ хорошъ, но странно, напиши такихъ фельетоновъ хоть тысячу и всетаки дѣло не подвинется ни на шагъ и всетаки не понятнымъ остается, для чего всѣ эти фельетоны пишутся.

За симъ посылаю Вамъ злобу дня, брошюрку нашего московскаго профессора Тимирязева, надѣлавшую много шуму. Дѣло въ томъ, что у насъ въ Москвѣ и въ Россіи вообще есть проф. Богдановъ, зоологъ, очень важная превосходительная особа, забравшая въ свои руки все и вся, начиная съ зоологіи и кончая россійской прессой. Сія особа продѣлываетъ безнаказанно все, что ей угодно. И вотъ Тимирязевъ выступилъ въ походъ. Напечаталъ онъ свою статью въ брошюркѣ, а не въ газетѣ, потому что, повторяю, всѣ газеты въ рукахъ Богданова. Если иногда . . . ., или министры забираютъ въ свои руки прессу, то почему не дозволить этого Моск. Университету? И Университетъ въ лицѣ Богданова забралъ и довольно ловко.. Но объ этомъ послѣ, при свиданіи, ибо въ письмо все не влѣзетъ.

Какъ добавленіе къ брошюрѣ, посылаю замѣтку. Тимирязевъ воюетъ съ шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоологія стоитъ ботаники. Вы прочтите замѣтку до конца; не надо быть ботаникомъ, или зоологомъ, чтобы понять, какъ *низко* стоитъ у насъ то, что мы по невѣдѣнію считаемъ высокимъ.

Если замѣтка годится, то напечатайте ее; если она

не удобна, то разумѣется къ черту. Замѣтка покажется Вамъ рѣзкою, но я въ ней ничего не преувеличилъ и не солгалъ ни на іоту, ибо пользовался документальными данными.

Подписываюсь я буквой Ц [1]), а не собственной фамиліей на томъ основаніи, что во первыхъ замѣтка писана не мною однимъ, во-вторыхъ, авторъ долженъ быть неизвѣстенъ, ибо Богданову извѣстно, что В. живетъ съ Чеховымъ, а В. надо защищать докторскую диссертацію и т. д.—и ради грѣховъ моихъ В. могутъ безъ всякихъ объясненій вернуть назадъ его диссертацію. Да и къ чему моя подпись?

Гонорара не надо, ибо половина замѣтки состоитъ изъ выписокъ изъ Тимирязева и документовъ.

И такъ два условія: сохраненіе имени автора въ самой строгой тайнѣ и вмѣсто гонорара фунтъ табаку. Въ случаѣ не согласія хотя бы на одно изъ сихъ условій, замѣтку прошу не печатать.

Замѣтка, въ случаѣ надобности, подлежитъ сокращеніямъ и стилистическимъ измѣненіямъ.

Пишу свой Сахалинъ и скучаю, скучаю.. Мнѣ надоѣло жить въ сильнѣйшей степени.

Судя по Вашей телеграммѣ, я не угодилъ Вамъ разсказомъ. Напрасно Вы постѣснились вернуть мнѣ его обратно. Я бы послалъ его въ Сѣв. Вѣстникъ. Кстати оттуда я уже получилъ два письма. Печатать въ газетѣ длинное да еще чертъ знаетъ что весьма непріятно.

Выѣду я въ Москву 2 или 3 Сентября.

Ваша телеграмма пролежала на станціи 4 дня. Напрасно Вы послали на станцію. Надо такъ: Алексинъ Чехову.

Я смотрѣлъ нѣсколько имѣній. Маленькія есть, а

---

[1]) Фельетонъ «Фокусники» въ «Нов. Врем.».

большихъ, которыя годились бы для Васъ, нѣтъ. Маленькія есть въ $1^1/_2$, 3 и 5 тысячъ. За полторы тысячи 40 десятинъ, громадный прудъ и домикъ съ паркомъ.

Ахъ, какъ мнѣ надоѣли больные! Сосѣдняго помѣщика трахнулъ нервный ударъ и меня таскаютъ къ нему на паршивой бричкѣ-трясучкѣ. Больше всего надоѣли бабы съ младенцами и порошки, которые скучно развѣшивать.

У Александра родился сынъ.

Наступаетъ голодный годъ. Вѣроятно, будутъ всякія болѣзни и мелкіе бунты.

Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ нижайшій поклонъ и пожеланіе всякихъ благъ.

Я купаюсь. Вода холодная. Обжигаетъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Послѣ 2-го Сентября пишите въ Москву, Мал. Дмитровка, д. Фиргангъ.

Какъ здоровье Алексѣя Алек.? Что насморкъ?

CLXXX.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Авг. (1891 г. Богимово).

Вамъ разсказъ [1]) нравится, ну слава Богу. Въ послѣднее время я сталъ чертовски мнителенъ. Мнѣ все кажется, что на мнѣ штаны скверныя и что я пишу не такъ, какъ надо, и что даю больнымъ не тѣ порошки. Это психозъ, должно быть.

---

[1]) «Дуэль».

Если фамилія у Ладзіевскаго въ самомъ дѣлѣ скверная, то можно его назвать иначе. Пусть будетъ Лагіевскимъ. Фонъ Коренъ пусть остается фонъ Кореномъ. Изобиліе Вагнеровъ, Брандты, Фаусеки и проч. отрицаютъ русское имя въ зоологіи, хотя всѣ они русскіе. Впрочемъ есть Ковалевскій. Кстати сказать, русская жизнь теперь такъ перепуталась, что всякія фамиліи годятся.

Сахалинъ подвигается. Временами бываетъ, что мнѣ хочется сидѣть надъ нимъ 3—5 лѣтъ и работать надъ нимъ неистово, временами же въ часы мнительности взялъ бы и плюнулъ на него. А хорошо бы, ей Богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не спеціалистъ, но, право, напишу кое-что и дѣльное. А Сахалинъ тѣмъ хорошъ, что онъ жилъ бы послѣ меня сто лѣтъ, такъ какъ былъ бы литературнымъ источникомъ и пособіемъ для всѣхъ, занимающихся и интересующихся тюрьмовѣдѣніемъ.

Вы правы, Ваше превосходительство, въ это лѣто я много сдѣлалъ. Если бъ еще одно такое лѣто, то я бы, пожалуй, романъ написалъ и имѣнье купилъ. Шутка ли, я не только питался, но даже тысячу рублей долгу выплатилъ. Пріѣду въ Москву, возьму за Медвѣдя изъ Общества рублей 150—200, такъ вотъ и питаетъ Богъ нашего брата свистуна.

У меня вышла интересною и поучительною глава о бѣглыхъ и бродягахъ. Когда въ крайности буду печатать Сахалинъ по частямъ, то пришлю ее Вамъ.

Теперь просьба. А. В. Щербакъ писалъ мнѣ, что ему желательно издать у Васъ книжку съ рисунками (которые у него, кстати сказать, очень интересны); хочетъ собрать всѣ свои фельетоны и статьи и сочетать во едину плоть. Просилъ меня походатайствовать у Васъ. Если Вы согласитесь, то я буду телеграфировать ему во

Владивостокъ. Отвѣтьте поскорѣе, ибо «Петербургъ» [1]) скоро будетъ во Владивостокѣ.

То, что я не побывалъ у Васъ въ Ѳеодосіи, великая потеря для моего здравія. Я теряю въ вѣсѣ.

Объясните мнѣ, въ чемъ заключается Вашъ параличъ, о которомъ Вы мнѣ не разъ говорили и недавно писали? Прогрессивный, что ли? Нѣтъ, сударь мой, это у Васъ не параличъ, а скука, жупелъ.

А что же Каштанка? За три года, пока она у Васъ лежитъ, я бы три тысячи заработалъ.

Алексѣю Алексѣевичу передайте, что я ему завидую. И Вамъ я завидую. И не потому, что отъ Васъ жены уѣхали, а что Вы купаетесь въ морѣ и живете въ тепломъ домѣ. У меня въ сараѣ холодно. Я бы хотѣлъ теперь ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ. Увы, никогда я не буду толстовцемъ! Въ женщинахъ я прежде всего люблю красоту, а въ исторіи человѣчества—культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли. Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ!

Аннѣ Ивановнѣ и Евгеніи Константиновнѣ низко кланяюсь и желаю всѣхъ благъ. Если, какъ Вы пишете, у Анны Ивановны блуждающая почка, то вѣдь это не опасно.

Да хранитъ Васъ Богъ!

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Когда будете возвращаться домой, привезите мнѣ стручковаго перцу, который такъ хорошъ въ Ѳеодосіи. Привезите зеленаго и краснаго.

Получили ли критику на зоологію?

Что Ладзіевскій переписываетъ? Въ провинціи всю

---

[1]) Пароходъ Добровольнаго флота, на которомъ А. П. возвратился съ Сахалина.

письменную работу несутъ мелкіе канцеляристы за особую плату, а титуляры и ассесоры водку пьютъ.

Если изъ «Дуэли» выбросить зоологическіе разговоры, то не станетъ ли она оттого живѣе?

Пишите теперь въ Москву: Малая Дмитровка, домъ Фиргангъ.

CLXXXI.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

2 сентябрь. Г. Алексинъ. (1891 г).

Простите, многоуважаемая Елена Михайловна, что я такъ долго держалъ Васъ въ неизвѣстности относительно «дѣловыхъ бумагъ» [1]). Для насъ, дѣловыхъ людей, время—деньги, а я не отвѣчалъ цѣлыхъ 3 мѣсяца!

Ну, да что дѣлать!

Разсказы Ваши мнѣ понравились по обыкновенію, особенно «Маленькая барышня», но я рѣшилъ не посылать ихъ Суворину, не повидавшись предварительно съ Вами. Нужно поговорить съ Вами.

Вы остановились въ Лоскутной. Миша [2]) вывелъ изъ этого заключеніе, что Вы переѣзжаете въ Петербургъ.

Значитъ, въ Петербургѣ увидимся? Въ Москвѣ я буду около 5 сентября. Адресъ: Мал. Дмитровка, д. Фиргангъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Уважающій

А. Чеховъ.

---

[1]) Подъ такимъ названіемъ адрессатка пересылала по почтѣ бандеролью свои разсказы Антону П—чу.

[2]) М. П. Чеховъ.

CLXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Сент. Москва, Мл. Дмитровка, д. Фиргангъ. (1891 г.).

Я уже переѣхалъ въ Москву и сижу безвыходно дома. Семья хлопочетъ о перемѣнѣ квартиры, а я молчу, ибо лѣнь повернуться. Чтобы дешевле было, хотятъ переѣхать къ Дѣвичьему полю.

Для моей повѣсти рекомендуемое Вами названіе «Ложь» не годится. Оно умѣстно только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о сознательной лжи. Безсознательная ложь есть не ложь, а ошибка. То, что мы имѣемъ деньги и ѣдимъ мясо, Толстой называетъ ложью—это слишкомъ.

Вчера меня извѣстили, что Курепинъ болѣнъ безнадежно. У него ракъ на шеѣ. Прежде чѣмъ умретъ, ракъ съѣстъ ему половину головы и замучаетъ невралгіями. Говорятъ, что жена Курепина писала Вамъ.

Смерть подбираетъ людей понемножку. Знаетъ свое дѣло. Напишите пьесу: старый химикъ изобрѣлъ элексиръ безсмертія—15 капель на пріемъ и будешь жить вѣчно; но химикъ разбилъ стклянку съ элексиромъ изъ страха, что будутъ вѣчно жить такіе стервецы, какъ онъ самъ и его жена. Толстой отказываетъ человѣчеству въ безсмертіи, но Боже мой сколько тутъ личнаго! Я третьяго дня читалъ его «Послѣсловіе». Убейте меня, но это глупѣе и душнѣе, чѣмъ «Письма къ губернаторшѣ», которыя я презираю. Чертъ бы побралъ философію великихъ міра сего! Всѣ великіе мудрецы деспотичны, какъ генералы, и невѣжливы и не деликатны, какъ генералы, потому что увѣрены въ безнаказанности. Діогенъ плевалъ въ бороды, зная, что ему за это ничего не будетъ; Толстой ругаетъ докторовъ

Tolstoi "Послѣсловіе"

мерзавцами и невѣжничаетъ съ великими вопросами, потому что онъ тотъ же Діогенъ, котораго въ участокъ не поведешь и въ газетахъ не выругаешь. И такъ, къ черту философію великихъ міра сего! Она вся, со всѣми юродивыми послѣсловіями и письмами къ губернаторшѣ, не стоитъ одной кобылки изъ «Холстомѣра».

Поклонитесь товарищу по гимназіи Алексѣю Петровичу [1]) и пожелайте ему хорошаго здоровья, игриваго настроенія и обольстительныхъ сновъ. Желаю, чтобы ему приснилась голая испанка съ гитарой.

Аннѣ Ивановнѣ и Алексѣю Алексѣевичу со чады нижайшее почтеніе.

Будьте здоровы и не забывайте меня грѣшнаго. Я очень скучаю.

Вашъ
А. Чеховъ.

CLXXXIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

14 Сент. (1891 г. Москва).

Разсказъ я пришлю, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ, но сказать, какъ онъ будетъ называться, я не могу. Назвать его теперь такъ же трудно, какъ опредѣлить цвѣтъ курицы, которая вылупится изъ яйца, которое еще не снесено. Благодарю за приглашеніе.

У Васъ уже двое дѣтей? Это хорошо. Если есть дѣти, то, значитъ, Вы здоровы и Вамъ не скучно жить. Редакторство Ваше меня нисколько не удивило и не вызвало ни одного вопроса, ни даже того, на который Вы поторопились отвѣтить. Кому же быть редакторами,

---

[1]) Коломнину.

какъ не литераторамъ? Только, съ Вашего позволенія, вотъ Вамъ мой завѣтъ: читайте *все* присылаемое и не относитесь недовѣрчиво къ новичкамъ. Заведите статейки по естественнымъ наукамъ и не давайте мѣста шарадамъ и критическимъ статьямъ.

Работы по горло. Пишу про Сахалинъ. Окончаніе этой работы представляется мнѣ такимъ же отдаленнымъ, какъ время, когда всѣ будутъ цѣломудренны по рецепту толстовскаго Позднышева. Работалъ я все лѣто и теперь работаю, а денегъ нѣтъ и нѣтъ. Заграничная поѣздка сожрала меня съ руками и ногами.

Какъ Ваши драматическія дѣла? Въ какомъ положеніи слава?

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вамъ и Вашимъ дѣткамъ всего хорошаго. Въ Питеръ пріѣду не раньше декабря.

Коли не забудете, пришлите мнѣ номерокъ «Сѣвера» для знакомства.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXIV.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

16 Сентябрь. (1891 г. Москва).

Мы, старые холостяки, пахнемъ какъ собаки? Пусть такъ, но насчетъ того, что врачи по женскимъ болѣзнямъ въ душѣ селадоны и циники, позвольте мнѣ поспорить. Гинекологи имѣютъ дѣло съ неистовой прозой, которая Вамъ даже не снилась, и которой Вы, быть можетъ, если бъ знали ее, со свирѣпостью, свойственной Вашему воображенію, придали бы запахъ хуже чѣмъ собачій. Кто постоянно плаваетъ въ морѣ,—тотъ любитъ сушу; кто вѣчно погруженъ въ прозу, тотъ

страстно тоскуетъ по поэзіи. Всѣ гинекологи идеалисты. Вашъ докторъ читаетъ стихи, чутье подсказало Вамъ правду; я бы прибавилъ, что онъ большой либералъ, немножко мистикъ и мечтаетъ о женѣ во вкусѣ некрасовской русской женщины. Извѣстный Снегиревъ говоритъ о «русской женщинѣ» не иначе, какъ съ дрожью въ голосѣ. Другой гинекологъ, котораго я знаю, влюбленъ въ какую-то таинственную незнакомку подъ вуалью, которую онъ видѣлъ издали. Третій ходитъ въ театръ на всѣ первыя представленія,—и потомъ громко бранится около вѣшалокъ, увѣряя, что авторы обязаны изображать однихъ только идеальныхъ женщинъ и т. п.—Вы упустили также изъ виду, что хорошимъ гинекологомъ не можетъ быть глупый человѣкъ или посредственность. Умъ, хотя бы семинарскій, блеститъ ярче чѣмъ лысина, а Вы лысину замѣтили и подчеркнули,—а умъ бросили за бортъ. Вы замѣтили также, и подчеркнули, что толстый человѣкъ—бррр!—выдѣляетъ изъ себя какой-то жиръ, но совершенно упустили изъ виду, что онъ профессоръ, т. е. что онъ нѣсколько лѣтъ думалъ и дѣлалъ что-то такое, что поставило его выше милліоновъ людей, выше всѣхъ Вѣрочекъ и таганрогскихъ гречанокъ, выше всякихъ обѣдовъ и винъ. У Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и кажется Афетъ. Хамъ замѣтилъ только, что отецъ его пьяница и совершенно упустилъ изъ виду, что Ной геніаленъ, что онъ построилъ ковчегъ и спасъ міръ.

Пишущіе не должны подражать Хаму. Намотайте это себѣ на усъ.

Я не смѣю просить Васъ, чтобы Вы любили гинеколога и профессора, но смѣю напомнить о справедливости, которая для объективнаго писателя дороже воздуха.

Дѣвочка изъ купеческаго званія сдѣлана превосходно.

Хорошо въ рѣчи доктора мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о невѣріи своемъ въ медицину, но не надо, чтобы онъ пилъ послѣ каждой фразы.

Любовь къ трупу—это раздраженіе Вашей плѣнной мысли. Вы не видѣли труповъ.

Затѣмъ отъ частностей къ общему. Тутъ позвольте крикнуть караулъ. Это не разсказъ и не повѣсть, не художественное произведеніе, а длинный рядъ тяжелыхъ угрюмыхъ казармъ.

Гдѣ Ваша архитектура, которой Вы вначалѣ такъ очаровали Вашего покорнаго слугу?

Гдѣ легкость, свѣжесть, грація? Прочтите Вашъ разсказъ: описаніе обѣда, потомъ описаніе проходящихъ дамъ и дѣвицъ, потомъ описаніе компаніи, потомъ описаніе обѣда,... и такъ безъ конца. Описанія, описанія, описанія.... а дѣйствія совсѣмъ нѣтъ. Надо начинать прямо съ купеческой дочки, на ней остановиться, а Вѣрочку вонъ, гречанокъ вонъ, всѣхъ вонъ... Кромѣ доктора и купеческаго отродія.

Намъ надо поговорить. Значитъ, Вы не переѣзжаете въ Петербургъ. Я разсчитывалъ увидѣть Васъ въ Петербургѣ, куда, по увѣренію Миши, Вы будто бы хотѣли переѣхать. Ну будьте здоровы. Да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Ваше воображеніе становится интереснымъ.

Извините за длинное письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXV.

Е. П. Егорову.

5 Октября (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ!

Мнѣ очень нужно Васъ видѣть. Если это письмо, которое я посылаю наудачу, Вы получите раньше 12 ок-

тября, и если Вы продолжаете еще быть земскимъ начальникомъ, то не откажите телеграфировать мнѣ возможно скорѣе, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ Нижегородской губерніи я могу застать Васъ. 12 октября я буду въ Нижнемъ и въ тотъ же день, если найду Вашъ адресъ, выѣду къ Вамъ.

А. Чеховъ.

CLXXXVI.

В. М. Соболевскому.

(Съ подлинника).

7 Октябрь. Малая Дмитровка, д. Фиргангъ. (1891 г. Москва).

Многоуважаемый Василій Михайловичъ!

Я получилъ письмо отъ А. С. Суворина, которое прилагаю [1]). Когда я по прочтеніи письма отправился къ нему, то свое предложеніе онъ формулировалъ словесно такъ: «Желательно, чтобы въ «Сборникѣ въ пользу голодающихъ» приняли участіе не одни только сотрудники газетъ и журналовъ, но также и редакціи, которыя располагаютъ гораздо большими средствами, чѣмъ ихъ сотрудники. Въ этомъ отношеніи починъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей, принимающей на себя всѣ хлопоты и весь рискъ по изданію, служитъ хорошимъ примѣромъ, которому такъ или иначе, при существующемъ настроеніи общества и печати, не могутъ не послѣдовать другія редакціи. Участіе же редакцій въ «Сборникѣ» должно выразиться только матеріально и въ болѣе серьезной формѣ, чѣмъ печатаніе объявленій, рецензій о «Сборникѣ» и т. п. Если мы, слѣдуя доброму примѣру Русскихъ Вѣдомостей, затѣяли бы другой

---

[1]) Суворинъ предлагалъ матеріалы для сборника въ пользу голодающихъ печатать предварительно въ газетахъ, съ указаніемъ на ихъ цѣль, чтобы такимъ образомъ увеличить доходъ съ изданія.

«Сборникъ», то это не принесло бы никакой пользы, такъ какъ два сборника, изданныхъ для одной и той же цѣли, обыкновенно въ продажѣ только мѣшаютъ другъ другу. Поэтому, какъ мнѣ кажется, наше участіе можетъ выразиться только въ той формѣ, которую я предлагаю. Если, не считая Русскихъ Вѣдомостей, которыя уже приняли на себя львиную долю участія въ Сборникѣ, Новое Время, Русская Мысль, Новости, Вѣстникъ Европы и проч. напечатаютъ у себя до выхода Сборника весь его литературный матеріалъ съ примѣчаніемъ, о которомъ я говорилъ въ письмѣ, и заплатятъ двойной гонораръ, то сборъ увеличится minimum на 3 тысячи. Я говорю minimum, потому что если примѣрно за каждый листъ Сборника редакціи заплатятъ 400—500 р., то это можетъ дать около 10 тысячъ. Что же касается того соображенія, что разсказы, напечатанные предварительно въ газетахъ и журналахъ, не будутъ уже представлять интереса для читателей Сборника, то мой опытъ расходится съ этимъ соображеніемъ вполнѣ. Понятно, что на своемъ предложеніи я не настаиваю. Если Русскія Вѣдомости выработаютъ и укажутъ мнѣ иную форму участія всѣхъ насъ въ Сборникѣ, то я подчинюсь ей вполнѣ и откажусь отъ своей охотно».

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

CLXXXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Окт. (1891 г. Москва).

Прибѣгаю къ Вашему милосердію. Срокъ полугодового заграничнаго паспорта истекъ и дворникъ пристаетъ каждый день, не давая ни отдыха, ни срока.

Пожалуста, отдайте прилагаемый паспортъ въ иностранную экспедицію и возьмите мой настоящій и поскорѣе пришлите его, иначе меня оштрафуютъ. Быть можетъ, завтра Вы поѣдете кататься на Б. Морскую. Завтра получите и завтра же пришлите. Простите, что я безпокою Васъ пустяками. Я бы обратился къ брату, но у него пожаръ[1]), или что нибудь вродѣ, и мнѣ пришлось бы ждать недѣлю.

Сегодня завтракаю у Соболевскаго.

Подробности завтра.

Вашъ
А. Чеховъ.

CLXXXVIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

11 Октябрь. (1891 г. Москва).

Вы офиціально признаны редакторомъ. Поздравляемъ и желаемъ Вамъ получить орденъ Такова.

Что же касается названія разсказа, то простите, голубчикъ, я ничего еще не придумалъ. Если ужъ такъ нужно, то назовите просто «Разсказъ», или же «Обыватели». Оба названія подойдутъ.

Журналъ получаю, читаю и благодарю. Получилъ и премію, которая тронула меня, такъ какъ на одной изъ картинъ есть анты—птица, любезная моему хохлацкому сердцу.

Недавно я видѣлъ юнаго беллетриста А. Грузинскаго (Лазарева), моего пріятеля, и рекомендовалъ ему послать Вамъ разсказъ. Онъ обѣщалъ. Въ родѣ Грузинскаго у меня въ Москвѣ есть еще одинъ такой писатель

---

[1]) Ал—ръ П. Чеховъ редактировалъ тогда «Пожарное Дѣло».

маленькихъ разсказовъ. Это Н. Ежовъ. Если увижу, то и ему скажу. Оба они хорошіе ребята.

Изобразили же Васъ въ Осколкахъ!

Такъ какъ мой разсказъ нуженъ Вамъ для единаго изъ первыхъ номеровъ, то пришлю я его не раньше конца ноября. Теперь занятъ по горло.

Будьте здоровы. Въ ноябрѣ увидимся и потолкуемъ о томъ, о семъ, а пока желаю всѣхъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

12 Октябрь. (1891 г. Москва).

Сердечно благодарю Васъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, за Ваше письмо и за честь, которую Вы оказываете мнѣ желаніемъ имѣть въ сборникѣ мой автографъ. Благодарю также и за то, что не сердитесь. Каждый день собирался я писать Вамъ и все откладывалъ въ надеждѣ, что напишу завтра. Въ лѣности житіе мое иждихъ, а главное—совсѣмъ отвыкъ отъ писемъ благодаря своимъ частымъ поѣздкамъ.

Лѣто я прожилъ въ Калужской губ., вставалъ ежедневно въ 5 часовъ утра и писалъ. Написалъ я пропасть и теперь работы по горло. До лѣта я ѣздилъ заграницу и оттуда писалъ Вамъ. Автографъ посылаю. Если не годится, то могу другой прислать. Что касается московскихъ актеровъ, то радъ служить, но, спрашивается, какихъ актеровъ? Въ Москвѣ знаменитостей больше, чѣмъ просвирень. Ѳедотовой? Ермоловой? Ленскаго? Кн. Сумбатова? Сіи четыре считаются у насъ самыми яркими звѣздами. Если Вы хотите имѣть ихъ автографы, то напишите мнѣ по коротенькому письму

съ упоминаніемъ въ каждомъ письмѣ имени, отчества и фамиліи актера, автографъ коего Вы поручаете мнѣ достать. Ваши письма я отошлю по назначенію. И для меня удобно, и для актеровъ лестно. Ермолову зовутъ Маріей Николаевной, Ѳедотову—Гликеріей Николаевной, Ленскаго—Александромъ Павловичемъ, кн. Сумбатова—Александромъ Ивановичемъ. Я думаю, что будетъ совершенно достаточно, если каждый актеръ или актриса напишетъ только: «Поступилъ я на Императорскую Московскую сцену такого-то года и числа.»

Въ Москвѣ живетъ теперь П. Д. Боборыкинъ, Воздвиженка, номера «Америка», а также и философъ Вл. Соловьевъ, къ которому можно адресоваться черезъ Русскія Вѣдомости. Владиміръ Галактіоновичъ Короленко живетъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако на Новинскомъ бульв., собств. домъ. Петръ Ильичъ Чайковскій теперь въ Москвѣ, адресъ: Большой Театръ, или еще лучше, нотный магазинъ Юргенсона. Художникъ-пейзажистъ Александръ Александровичъ Киселевъ—Б. Никитская д. Мещеринова.

Всѣ сіи адреса сообщаю между прочимъ, потому что они вспомнились.

Пестрые разсказы вышли вторымъ изданіемъ. Выпуская это изданіе, я справлялся у Романа Романовича [1]), разошлось ли первое, но отвѣта не получилъ—очевидно, онъ забылъ. Я не знаю, кто кому долженъ: я ли Осколкамъ (кажется, 30—40 рублевъ), или же Осколки мнѣ. Передъ отъѣздомъ на Сахалинъ я взялъ за Пестрые разсказы малую толику, но эта толика была кругла и оканчивалась двумя нулями, такъ что можно предположить, что счета тогда подведено не было.

---

[1]) Голике.

Перебои сердца нехорошая и непріятная штука, но я придаю имъ серьезное значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда они указываютъ на упадокъ сердечной дѣятельности, наприм., при тифѣ, воспаленіи легкихъ и т. п. А тѣ перебои, которые излѣчиваются холодной водой и приписываются «центрамъ»—пустяковое дѣло. У Васъ они бываютъ отъ вялости кишечника, которая выражается у людей, попреимуществу имѣющихъ большіе животы, запорами и метеоризмомъ; послѣдній, подпирая ободочную кишку къ діафрагмѣ, и производитъ перебои. Лѣтомъ, при режимѣ, близкомъ къ нормѣ, вялость кишекъ пропадаетъ, съ нею проходятъ и перебои.

Ну, дай Вамъ Боже всего хорошаго. Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Видѣлся на дняхъ съ Суворинымъ.

CXC.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 Октябрь. (1891 г. Москва).

Ну съ, былъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ и Русскія Вѣдомости у меня были. Всѣ расходы по сборнику (около 4 тысячъ) онѣ берутъ на себя. Ваше предложеніе было принято съ увлеченіемъ и съ доброжелательствомъ, которое мнѣ очень понравилось. Соболевскаго тронуло не столько выгодное предложеніе, сколько Ваше желаніе участвовать, и онъ минутъ пять ходилъ изъ угла въ уголъ. Памятуя о партійности, направленіяхъ и т. п., я, признаться, ожидалъ нѣкоторой натянутости, но вышло совсѣмъ не то. Разговаривая со мной и между

собой, они называли Васъ не Суворинымъ, а Алексѣемъ Сергѣевичемъ, говорили о Вашей всегдашней искренности, добротѣ, отзывчивости и проч. и такое чистое, безъ всякихъ примѣсей литературное отношеніе къ Вамъ и къ Вашему делегату произвело на меня такое впечатлѣніе, что я три дня подъ рядъ видѣлся съ ними, говорилъ, завтракалъ и проч.

Предложеніе увеличить сборъ тысячъ на 10 показалось соблазнительнымъ. Было собрано экстренное засѣданіе Соболевскаго, Чупрова и К°. Рѣшили такъ:

1) Сборникъ долженъ выйти не позже 15 декабря,

2) Между тѣмъ литературный матеріалъ пока еще только обѣщанъ авторами и не полученъ.

3) Если допустить, что большія редакціи согласятся на предложеніе А. С. Суворина, то трудно допустить, что бы онѣ успѣли напечатать всѣ разсказы и статьи сборника. Газеты успѣютъ, а журналы нѣтъ. Декабрьская книжка всякаго журнала начнетъ печататься въ началѣ ноября, когда еще не будетъ полученъ отъ авторовъ весь матеріалъ, а январьская—въ началѣ декабря т. е. въ то время, когда сборникъ долженъ уже выходить въ свѣтъ.

Итого: Ваше предложеніе задержитъ печатаніе Сборника почти до весны.

Это офиціально. А вотъ и неофиціально: Русская Мысль не согласится, потому что бредитъ о собственномъ Сборникѣ, а Новости не въ ладу съ Русскими Вѣдомостями, и къ Новостямъ обращаться *непріятно*.

О дальнѣйшемъ ходѣ событій буду сообщать.

А Фокусники [1]) напечатаны! Ладно, только Вы *никому* не говорите, кто авторъ. Храни Васъ Создатель.

Частная инициатива по сбору пожертвованій запре-

---

[1]) Фельетонъ въ «Нов. Врем.».

щена. Министръ отказалъ Морозовой, заявивъ ей категорически, что собирать и распоряжаться пожертвованіями могутъ только епархіальныя начальства и Красный крестъ.

Не уѣзжаю, ибо жду изъ Питера паспорта.

Тетка умираетъ.

Подумайте объ еженедѣльномъ Новомъ Времени. Я радъ служить.

Мнѣ такъ скучно, что въ Питеръ пріѣду я вѣроятно раньше ноября. Погода убійственная, туманная, денегъ нѣтъ, работать мѣшаютъ, мангусъ прыгаетъ и проч. и проч.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCI.

Ему же.

(Съ подлинника).

16 Октябрь. (1891 г. Москва).

Поздравляю Васъ съ новымъ поваромъ и желаю отличнаго аппетита. Пожелайте и мнѣ того же, потому что я пріѣду къ Вамъ скоро, скорѣе, чѣмъ предполагалъ, и буду ѣсть за троихъ. Мнѣ необходимо удрать изъ дому хотя на полъ мѣсяца. Отъ утра до ночи я непріятно раздраженъ, чувствую, какъ будто кто по душѣ водитъ тупымъ ножомъ, а внѣшнимъ образомъ это раздраженіе выражается тѣмъ, что я спѣшу пораньше ложиться спать и избѣгаю разговоровъ. Все у меня не удается, глупо валится изъ рукъ. Началъ я разсказъ для Сборника, написалъ половину и бросилъ, потомъ другой началъ; бьюсь съ этимъ разсказомъ уже больше недѣли, и время, когда я кончу его и когда напишу и кончу тотъ разсказъ, за который получу деньги, представляется мнѣ отдаленнымъ. Въ Нижегородскую губ. я еще не

поѣхалъ по причинамъ, не зависящимъ отъ моей воли, и когда поѣду, не извѣстно. Однимъ словомъ, чертъ знаетъ что. Какая то чепуха, а не жизнь. И ничего я теперь такъ не желаю, какъ выграть 200 тысячъ, потому что ничего такъ не люблю, какъ личную свободу.

А на нашу лебеду [1]) откликнулись. Но я не удовлетворенъ. Почти всѣ наши травы, въ томъ числѣ и ядовитыя, содержатъ крахмалъ, однако же вѣдь ихъ не ѣдятъ. Почему народъ именно на лебедѣ остановился? Какъ она дѣйствуетъ на питаніе? и проч.

Когда пріѣду въ Петербургъ, мы выдумаемъ вмѣстѣ цѣлый рядъ вопросовъ. Это не мѣшаетъ. И откликаются на вопросы съ удовольствіемъ, и не ради одного тщеславія.

Паспортъ получилъ. Благодарю.

Ахъ, какой у меня сюжетъ для повѣсти! Если бъ сносное настроеніе, то началъ бы ее 1-го Ноября и кончилъ бы къ 1-му Декабря. Листовъ на пять. А мнѣ ужасно хочется писать, какъ въ Богимовѣ, т.-е. отъ утра до вечера и во снѣ.

Вы никому не говорите, что я пріѣду въ Петербургъ. Буду жить incognito. Въ письмахъ своихъ къ Лессингу и проч. я пишу неопредѣленно, что пріѣду въ Ноябрѣ.

Осталось до дачи еще $6^1/_2$ мѣс. Значитъ, на пропитаніе надо заработать около 2 тысячъ. Когда же я буду Сахалинъ писать? Онъ ждетъ. Нельзя ли попросить Грессера, чтобы въ суткахъ было не 24, а 44 часа?

Сейчасъ принималъ больного. Прописалъ ему валенки, рукавицы, рыбій жиръ и соленыя ванны для рукъ.

Пусть пока присылаютъ корректуру «Дуэли» для книжки. Значитъ, Дуэль будетъ печататься три недѣли.

---

[1]) А. П. сдѣлалъ въ «Нов. Вр.» запросъ о питательности лебеды. Тогда былъ голодъ и крестьяне ѣли лебеду. А. П-ча интересовало мнѣніе о ней компетентныхъ людей.

Такъ какъ конецъ будетъ печататься, когда я буду въ Питерѣ, то быть можетъ я что нибудь передѣлаю въ немъ.

Напоминать ли Вамъ о Каштанкѣ, или забыть о ней? Потеряетъ ли что нибудь отрочество и юношество, если мы не напечатаемъ ее? Впрочемъ какъ знаете.

Прилагаемую замѣтку благоволите передать Лялину. Быть можетъ, пригодится. Прислалъ мнѣ ее одинъ газетчикъ.

Будьте здоровы. Отчего голова болитъ? Отъ дурной погоды, что ли?

Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ домочадцамъ привѣтъ.

Чеховъ.

Если увидите брата[2]), то сообщите ему, что тетка умираетъ отъ чахотки. Дни сочтены. Славная была женщина. Святая.

Если хотите ѣхать въ голодныя губерніи, то давайте поѣдемъ вмѣстѣ въ январѣ. Тогда виднѣй будетъ.

CXCII.

Ему же.

(Съ подлинника).

19 Окт. (1891 г. Москва).

Какое великолѣпное вышло у Васъ маленькое письмо. Горячо и красиво написано, и мысли всѣ до одной вѣрны. Говорить теперь о лѣности, пьянствѣ и т. п. такъ же странно и не тактично, какъ учить человѣка уму-разуму въ то время, когда его рветъ, или когда онъ въ тифѣ. Сытость, какъ и всякая сила, всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторую долю наглости и эта доля выражается прежде всего въ томъ, что сытый учитъ голоднаго. Если во время

---

[2]) Александръ Павл.

серьезнаго горя бываетъ противно утѣшеніе, то какъ должна дѣйствовать мораль и какою глупою, оскорбительною должна казаться эта мораль. По ихнему, на комъ 15 рублей недоимки, тотъ ужъ и пустельга, тому и пить нельзя, а сосчитали бы они, сколько недоимки на государствахъ, на первыхъ министрахъ, сколько должны всѣ предводители дворянства и архіереи, взятые вмѣстѣ. Что должна гвардія! Про это только портные знаютъ.

Ну съ, маршрутъ мой таковъ. Прежде всего свалю съ шеи разсказъ для Сборника. Разсказъ большой, листа въ два, изъ породы скучныхъ и трудныхъ въ исполненіи, безъ начала и безъ конца, свалю его — и шутъ съ нимъ. Затѣмъ поѣду въ губернію генерала Баранова [1]; прійдется плыть по Волгѣ и ѣхать на коняхъ. Затѣмъ пріѣду къ Вамъ. А въ Зарайскъ не хочется. Я не умѣю зимой смотрѣть имѣнья. Что подъ снѣгомъ, или окружено голыми деревьями, того я упрямо и предубѣжденно не понимаю.

Вы приказали выслать мнѣ 400? Vivat dominus Suvorin! Значитъ, въ счетъ «Дуэли» я получилъ уже отъ Вашей фирмы 400+100+400. Всего за Дуэль приходится, какъ я считалъ, около 1400. Значитъ, 500 пойдетъ въ уплату долга. Ну и то слава Богу. Къ веснѣ мнѣ необходимо уплатить весь долгъ, иначе я зачахну, ибо весной я опять хочу авансъ взять во *всѣхъ* редакціяхъ. Возьму и бѣгу въ Яву.

Въ отвѣтѣ В., напечатанномъ въ Новостяхъ, есть что то ерническое (величаніе Васъ фельетонистомъ и пр.), человѣкъ онъ повидимому такой же не ахтительный, какъ и его знаніе русскаго языка, но неужели онъ поддѣлалъ? А тонъ Вашего фельетона дѣлаетъ музыку,

---

[1]) Нижегородская, гдѣ губернаторомъ былъ Н. М. Барановъ.

очень понятную для всякаго. Ну, пришла бѣда и на профессоровъ.

Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ. Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита— это не жизнь, а какой то . . . . и больше ничего.

Ради всѣхъ ершей и щукъ, которыхъ Вы поймаете въ своемъ зарайскомъ имѣніи, прошу Васъ, издайте англійскаго юмориста Бернарда. Отдайте въ наборъ.

Кланяюсь Вашимъ низко. Будьте здоровы тысячу лѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Н. М. Ежовъ послалъ Вамъ разсказъ «Мелкія натуры». Спрашиваетъ: годится ли?

CXCIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Окт. (1891 г. Москва).

Печатаютъ меня по средамъ и вторникамъ или вовсе не печатаютъ — для меня рѣшительно все равно. Отдалъ я повѣсть, потому что былъ долженъ Нов. Времени, и если бы не послѣднее обстоятельство, то повѣсть моя печаталась бы въ толстомъ журналѣ, гдѣ она вошла бы цѣликомъ, гдѣ я больше бы получилъ и гдѣ не было бы жужжанья моихъ уважаемыхъ товарищей. Они видятъ

монополію [1].. Ну, стань на ихъ точку зрѣнія и скажи имъ, что я былъ великодушенъ и не печатался около двухъ лѣтъ, предоставляя 104 понедѣльника и 104 среды и Петерсону и М., и каторжному Жителю.. Попроси Суворина, чтобы онъ отдалъ среды — развѣ онѣ мнѣ нужны? Онѣ мнѣ такъ же не нужны, какъ и мое сотрудничество въ Нов. Вр., к-рое не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего кромѣ зла. Тѣ отличныя отношенія, какія у меня существуютъ съ Суворинымъ, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества въ его Газетѣ.

Денегъ въ конторѣ больше не бери, ибо я просилъ, чтобы онѣ поступали въ уплату моего долга по газетѣ.

Ахъ какъ я завертѣлся!

Всѣ наши здравствуютъ.

Поклонись своимъ наслѣдникамъ и супругѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXCIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

25 Октябрь. (1891 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, я не уѣхалъ въ Нижній, какъ хотѣлъ, и сижу дома, пишу и чихаю. Морозова была у министра, онъ категорически запретилъ частную иниціативу и даже замахалъ на нее руками. Это какъ то

---

[1]) Еще раньше, для разсказовъ Антона П—ча въ «Новомъ Времени» были установлены особые фельетоны «Субботники». Когда же была написана «Дуэль» и Антонъ П—чъ послалъ ее на прочтеніе къ А. С. Суворину, то послѣдній настоялъ на томъ, чтобы и «Дуэль» печаталась также въ «Новомъ Времени», для чего понадобилось уже два дня въ недѣлю, именно среды и субботы. Это повлекло за собою ропотъ постоянныхъ сотрудниковъ «Новаго Времени», которые лишились въ эти дни привычнаго заработка и усмотрѣли монополію Антона П—ча на сотрудничество именно въ эти дни.

сразу повергло меня въ апатію. А тутъ еще сплошное безденежье, чиханье, масса работы, болѣзнь тетки, которая сегодня умерла, неопредѣленность, неизвѣстность — однимъ словомъ, все собралось въ кучу, чтобы удержать такого лѣниваго человѣка, какъ я. Отъѣздъ свой я отложилъ до 1-го декабря. Въ декабрѣ совсѣмъ переберусь куда нибудь въ провинцію и буду жить по дачному. Поѣду въ Нижній, а оттуда — куда глаза глядятъ.

Безъ Васъ долго было скучно, а когда уѣхалъ персидскій шахъ, стало еще скучнѣе. Я приказалъ никого не принимать и сижу въ своей комнатѣ, какъ бугай въ камышахъ — никого не вижу и меня никто не видитъ. Этакъ лучше, а то публика и звонки оборветъ и кабинетъ мой превратитъ въ курильню и говорильню. Скучно такъ жить, но что дѣлать? Подожду лѣта, тогда дамъ себѣ волю.

Продаю мангуса съ аукціона. Охотно бы продалъ и N съ его стихами, да никто не купитъ. Попрежнему онъ влетаетъ ко мнѣ почти каждый вечеръ и одолѣваетъ меня своими сомнѣніями, борьбой, вулканами, рваными ноздрями, атаманами, вольной волюшкой и прочей чепухой, которую да проститъ ему Богъ.

Печатается въ Русскихъ Вѣдомостяхъ Сборникъ въ пользу голодающихъ. Съ Вашего позволенія, я велю выслать Вамъ одинъ экземпляръ наложеннымъ платежомъ.

Ну, будьте здоровы и счастливы. Привѣтъ и поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Географъ *А. Чеховъ.*

Вся моя фамилія кланяется.

Всѣ наши здоровы, но грустны. Тетка была общей любимицей, считалась у насъ олицетвореніемъ доброты, ласковости и справедливости, если только все сіе олице-

творить можно. Конечно, всѣ помремъ, но все таки грустно.

Въ апрѣлѣ я буду въ Вашихъ краяхъ. Надѣюсь, что весной у меня денегъ будетъ цѣлая куча. Сужу по примѣтѣ: нѣтъ денегъ — передъ деньгами.

Поклонъ великомученику Иваненко. Да помянетъ онъ меня въ своихъ святыхъ молитвахъ! Есть надежда, что на Рождествѣ онъ будетъ въ Мосевѣ.

CXCV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

25 Окт. (1891 г. Москва).

Въ Редакцію Новаго Времени отъ учениць пансіона Ржевской въ пользу голодающихъ поступило 5 р. 85 к. Это велите напечатать, а деньги я отдалъ Алексѣю Алексѣевичу.

Я отсовѣтовалъ Ал. Ал. ѣхать въ Зарайскъ. Во первыхъ, ѣхать человѣку съ насморкомъ по кочковатой дорогѣ, 25 верстъ, по дорогамъ, гдѣ теперь не проѣдешь ни на саняхъ, ни на колесахъ — это несовсѣмъ ладно; во вторыхъ, зимою осматриваютъ имѣнья только тогда, когда хотятъ въ нихъ разочароваться; въ третьихъ, онъ можетъ и въ апрѣлѣ съѣздить, имѣнье не уйдетъ, а планы могутъ измѣниться, и въ четвертыхъ, мнѣ хочется съ нимъ завтра пообѣдать у Тѣстова—это важнѣе всего.

Печатайте Дуэль не 2 раза въ недѣлю, а только одинъ разъ. Печатаніе два раза нарушаетъ давно заведенный порядокъ въ газетѣ и похоже на то, какъ будто я отнимаю у другихъ одинъ день въ недѣлѣ, а между тѣмъ для меня и для моей повѣсти все равно печататься, что одинъ, что два раза въ недѣлю.

Среди петербургской литературной братіи только и

разговоровъ, что о нечистотѣ моихъ побужденій. Сейчасъ получилъ пріятное извѣстіе, что я женюсь на богатой С. Вообще много хорошихъ извѣстій я получаю.

Каждую ночь просыпаюсь и читаю Войну и Миръ. Читаешь съ такимъ любопытствомъ, и съ такимъ наивнымъ удивленіемъ, какъ будто раньше не читалъ. Замѣчательно хорошо. Только не люблю тѣхъ мѣстъ, гдѣ Наполеонъ. Какъ Наполеонъ, такъ сейчасъ и натяжки, и всякіе фокусы, чтобы доказать, что онъ глупѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Все, что дѣлаютъ и говорятъ Пьеръ, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростовъ — все это хорошо, умно, естественно и трогательно; все же, что думаетъ и дѣлаетъ Наполеонъ— это не естественно, не умно, надуто и ничтожно по значенію. Когда я буду жить въ провинціи (о чемъ я мечтаю теперь день и ночь), то буду медициной заниматься и романы читать.

Въ Петербургъ я не пріѣду.

Если бъ я былъ около князя Андрея, то я бы его вылечилъ. Странно читать, что рана князя, богатаго человѣка, проводившаго дни и ночи съ докторомъ, пользовавшагося уходомъ Наташи и Сони, издавала трупный запахъ. Какая паршивая была тогда медицина! Толстой, пока писалъ свой толстый романъ, невольно долженъ былъ пропитаться насквозь ненавистью къ медицинѣ.

Будьте здоровы. Тетка умерла.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCVI.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Окт. (1891 г. Москва).

Я не сплю, а бодрствую; и если изданіе Дуэли не поспѣетъ, то виноватъ буду не я, а судьба. Корректуру

перваго листа, исправленную и подписанную, я отдалъ Алексѣю Алексѣевичу для скорѣйшей передачи Неупокоеву.

Ему же была передана просьба поспѣшить высылкою корректуры.

Кто же спитъ? Чего Вы ругаетесь!

Жду Васъ въ Москву. Повѣсть для Сѣв. Вѣстн. готова.

Вчера хоронили Пальмина. Скучно хоронить.

Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

CXCVII.

Кн. А. И. Урусову.

9 Ноября, 5½ часовъ веч. (1891 г. Москва).

Уважаемый Александръ Ивановичъ, я не забылъ объ обѣщаніи, а я очень боленъ. У меня жаръ, ознобъ, слабость, всего разломило — и въ тотъ четвергъ, когда мнѣ слѣдовало быть у Васъ, я лежалъ у себя въ спальнѣ... Какъ я жалѣю, что Вы меня не застали! Это такая для меня обида адская! Я только что вернулся отъ С., къ которому ѣздилъ затѣмъ, чтобы лѣчить его. Я забылъ мудрое правило: «врачу» исцѣлися самъ. И меня назадъ привезли въ каретѣ, и начинаетъ голова болѣть.

Я все боюсь, какъ бы инфлуэнствующій С. не заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Будьте благодѣтелемъ, напишите мнѣ, въ какой день и часъ (послѣ 12 ноября) я могу побывать у Васъ такъ, чтобы не помѣшать Вашимъ занятіямъ. Для меня удобнѣе всего послѣ 6-ти вечера.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

CXCVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Инфлуэнца продолжается: я сильно кашляю и совершенно отупѣлъ, такъ что не умѣю писать даже писемъ.

Русскія Вѣдомости хотятъ объявить подписку на Сборникъ. Матеріалъ уже весь въ сборѣ и оглавленіе сверкаетъ именами. Не возьметесь ли Вы напечатать объявленіе насчетъ подписки безплатно, а также распорядиться, чтобы подписку на Сборникъ принимали у Васъ въ Конторѣ безъ всякихъ вычетовъ? Этотъ вопросъ задаютъ Вамъ Русскія Вѣдомости. Ждутъ отвѣта. Въ случаѣ согласія Вашего, редакція «Сборника» пришлетъ Вамъ черезъ меня объявленіе.

Прилагаемое письмо пошлите пожалуста скорѣе Фофанову. Это изъ Сборника.

Еще одна просьба: не извѣстны ли Вамъ адреса поэтовъ Апухтина и Величко? Нельзя ли узнать какъ нибудь?

Напомните Алексѣю Алексѣевичу о двухъ корректурахъ разсказовъ, которые онъ хотѣлъ прислать мнѣ.

Новостей нѣтъ никакихъ. Все обстоитъ по прежнему скверно.

«Дуэли» осталось уже немного. Остатокъ можетъ помѣститься въ два фельетона.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

18 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Вашего разсказа жду и Вы должны прислать мнѣ его, такъ какъ обѣщали. Я люблю Ваши разсказы, потому

что въ нихъ есть что то такое, чего ни у кого нѣтъ. Что то умилительное.

Ваше письмо насчетъ инфлуэнцы и Соловьева читалъ. Отъ него неожиданно пахнуло на меня жестокостью. Вамъ совсѣмъ не къ лицу слово «ненавижу», а публичное покаяніе «грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ» — это такая гордыня, что мнѣ даже жутко стало. Когда папа принялъ титулъ святѣйшаго, то глава восточной церкви въ пику ему назвалъ себя рабомъ рабовъ Божіихъ. Такъ и Вы публично расписались въ своей грѣховности, въ пику Соловьеву, который дерзнулъ признать себя православнымъ. Да развѣ такія слова, какъ православный, іудей, католикъ, служатъ выраженіемъ какихъ нибудь исключительныхъ личныхъ достоинствъ, заслугъ? По моему величать себя православнымъ волей и неволей долженъ всякій, у кого это слово прописано въ паспортѣ. Вѣруете Вы или нѣтъ, князь міра Вы, или ссыльно-каторжный, Вы въ обиходѣ все равно православный. И Соловьевъ вовсе не бралъ на себя никакихъ претензій, когда отвѣчалъ, что онъ не іудей и не халдей, а православный..

Я продолжаю тупѣть, дурѣть, равнодушѣть, чахнуть и кашлять, и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется къ прежнему своему состоянію. Впрочемъ, все отъ Бога. Лѣченіе и заботы о своемъ физическомъ существованіи внушаютъ мнѣ что то близкое къ отвращенію. Лѣчиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю.

Отвѣтъ Русскимъ Вѣдомостямъ посланъ. Будутъ очень благодарны. Въ отношеніи денегъ и услугъ Вы такой джентльменъ, какимъ я никогда не буду, потому что не умѣю.

Будьте здоровы. Пишите пожалуста, а то мнѣ жестоко скучно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Продолженіе:

Только что написалъ Вамъ письмо, какъ получилъ отъ Васъ. Вы говорите, что, заѣхавъ къ черту на рога, я совсѣмъ удалюсь отъ Васъ. Я же переѣзжаю на хуторъ для того, чтобы поближе быть къ Петербургу. Вѣдь если у меня въ Москвѣ не будетъ квартиры, то, поймите сударь, я ноябрь, декабрь и январь буду жить въ Петербургѣ: тогда это можно будетъ. Можно будетъ и все лѣто пробездѣльничать. Усадьбу я присмотрю для Васъ, но напрасно Вы не любите хохловъ. Въ Полтавской губ. они не дѣти, не актеры, а настоящій народъ, да еще въ добавокъ сытый и веселый.

Знаете, что помогло мнѣ отъ кашля? Я изъ пульверизатора, когда занимаюсь, распыляю скипидаръ по краю стола и дышу его парами. Когда ложусь спать, пульверизую около столикъ и ближайшіе предметы. Пыль скорѣе испаряется, чѣмъ сама жидкость. А запахъ скипидара пріятенъ. Пью также Obersalzbrunnen, не ѣмъ ничего горячаго, мало говорю и браню себя за то, что много курю. Повторяю, одѣвайтесь возможно теплѣе даже въ комнатѣ. Театральныхъ сквозняковъ избѣгайте. Ведите себя какъ парниковое растеніе, иначе кашель не скоро отвяжется. Если хотите попробовать скипидаръ, то покупайте французскій. Принимайте разъ въ день хину и блюдите, чтобы запоровъ не было. Influenza совершенно отбила у меня всякое желаніе пить спиртные напитки. Противно на вкусъ. Не пью на ночь своихъ двухъ рюмокъ и поэтому долго не сплю. Хочу эфиръ принимать.

Жду разсказъ. Лѣтомъ давайте по драмѣ напишемъ. Ей Богу! Какого черта мы зѣваемъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

СС.

Е. М. Ш.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

19 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Уважаемая Елена Михайловна, я принимаю всѣхъ начинающихъ, продолжающихъ и кончающихъ авторовъ — это мое правило, а Вашъ визитъ, помимо моего и Вашего авторства, я почиталъ за великую честь для себя. Даже если бы не такъ, если бы я почему либо не желалъ Вашего посѣщенія, то и тогда бы я все таки принялъ Васъ, такъ какъ пользовался у Вашей семьи самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Я Васъ не принялъ и тотчасъ же попросилъ брата поѣхать къ Вамъ объяснить причины. Въ ту минуту, когда подали Вашу карточку, я больной и раздѣтый, простите бытовыя подробности, сидѣлъ у себя въ спальной, а у меня въ кабинетѣ находились люди, присутствіе которыхъ стѣснило бы Васъ. И такъ, — принять Васъ было физически невозможно, и это долженъ былъ объяснить Вамъ братъ, и Вы обязаны были, какъ порядочный и доброжелательный человѣкъ, понять это, — но Вы обидѣлись. Ну, и Богъ съ Вами. Изъ Вашихъ разсказовъ я сохраняю слѣдующіе: 1) Каштанка. 2) Въ циркѣ. 3) In vino. 4) Мертвые люди. 5) Михаилъ Ивановичъ. 6) Нервы. 7) Маленькая барышня. 8) Безъ маски. 9) Ошибка.

Изъ нихъ, № 5 и 7 несомнѣнно годны для печати.

«Въ циркѣ» забраковано почему то даже «Артистомъ», а остальные простите, до такой степени вывѣтрились въ моей памяти, что я помню только остовы разсказа, но совсѣмъ не помню подробностей и той сути, которая рѣшаетъ судьбу всякаго разсказа.

Но неужели до сихъ поръ Вы написали только 15 раз-

сказовъ? Этакъ Вы и къ 50-ти годамъ не научитесь писать.

Здоровье мое плохо. Уже мѣсяцъ прошолъ, какъ сижу безвыходно дома. Influenza и кашель.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Напишите еще 20 разсказовъ и пришлите. Я все прочту съ удовольствіемъ, а для Васъ экзерциціи необходимы.

Преданный

Ан. Чеховъ.

CCI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника),

21. Ноябрь. (1891 г. Москва).

Я не лѣнюсь, сударь, а я болѣнъ. У меня инфлуэнца, родъ недуга, съ общею слабостью, тяжелой головой и кашлемъ. Тѣмъ не менѣе, сегодня засяду писать для «Сѣвера». И почему я Вамъ такъ нуженъ для перваго №? Не все ли равно? Впрочемъ, Вы редакторъ, глава, такъ сказать, — Вамъ и книги въ руки.

Ну какъ? Интересно быть редакторомъ? Не наскучило?

Объявленіе хорошо составлено.

Болѣнъ я уже около мѣсяца и безвыходно сижу дома. Подробности можете узнать у Суворина, который былъ въ Москвѣ и видѣлъ меня.

Ненужно ли Вамъ для Сѣвера «экзотическихъ» фотографій, которыя я привезъ изъ кругосвѣтнаго плаванія? Есть Цейлонъ, есть Портъ-Сандъ, есть Суэзкій Каналъ, есть Владивостокъ, кусочекъ Гонгъ-Конга, слоны, крокодилы и прочая штука. Если нужно, то привезу.

Будьте здоровы, дядя.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Здоровье мое пошло на поправку. Кашель сталъ меньше, силъ больше, настроеніе живѣе и въ головѣ восходъ солнца. Утромъ просыпаюсь съ веселымъ духомъ, ложусь спать безъ мрачныхъ мыслей, а за обѣдомъ не капризничаю и не говорю матери дерзостей.

Когда къ Вамъ пріѣду, не знаю. Работы pour manger много. Надо до весны работать, т. е. переливать изъ пустого въ порожнее. На моемъ горизонтѣ блеснулъ лучъ свободы. Запахло волей. Вчера получилъ изъ Полтавской губ. письмо. Пишутъ, что нашли мнѣ подходящую усадьбу. Каменный домъ о семи комнатахъ съ желѣзной крышей, недавно построенный и не требующій никакихъ поправокъ, конюшня, погребъ, ледникъ, 6 десятинъ земли, прекрасный сѣнокосъ, старый, тѣнистый садъ и берегъ Псла. Берегъ Псла — мой. По ту сторону чудный видъ на просторъ. Рядомъ съ Сорочинцами. Цѣна милостивая. Три тысячи теперь заплатить, а двѣ тысячи на нѣсколько лѣтъ въ разсрочку. Всего пять. Если небо сжалится надо мной и покупка удастся, то въ мартѣ же я переѣду *совсѣмъ*, чтобы девять мѣсяцевъ жить въ тиши на лонѣ природы, а остальное время года въ Петербургѣ. Посылаю сестру посмотрѣть усадьбу. Земскій начальникъ, отъ котораго я получилъ письмо, въ восторгѣ отъ моего будущаго герцогства.

Ахъ, свободы, свободы! Если я буду проживать не больше двухъ тысячъ въ годъ, что возможно только въ усадьбѣ, то я буду абсолютно свободенъ отъ вся-

кихъ денежно-приходо-расходныхъ соображеній. Буду тогда работать и читать, читать.. Однимъ словомъ, мармеладъ, а не жизнь.

Почему Вы думаете, что я отъ Каштанки не получу барышей? Хоть 25 р., а получу. Она можетъ, при условіи продолжительной продажи и при хорошемъ распространеніи, дать много.

Я, можетъ быть, послѣ 10 декабря пріѣду.

Жду разсказа, чтобы позлорадствовать.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

26 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Отъ жены К. я получилъ письмо, въ которомъ она просила меня пріѣхать къ ней. Я поѣхалъ. Она сказала мнѣ, что хочетъ просить у Васъ въ займы 500 р., и, ссылаясь на мои хорошія отношенія съ К. и съ Вами, попросила меня помочь ей, т.-е. подкрѣпить ея письмо ходатайствомъ. Я обѣщалъ. Но я не знаю, что написать Вамъ. Во-первыхъ, К. уже въ безсознательномъ состояніи, на-дняхъ умретъ и въ деньгахъ не нуждается; во-вторыхъ, г-жа К. получаетъ жалованье; она служитъ у Левинскаго въ Будильникѣ. Въ-третьихъ, а это главное, тѣ 500 рублей, которые въ послѣдній разъ Вы приказали выслать К., не потрачены, а положены въ банкъ, откуда не могутъ быть взяты раньше 1-го марта безъ нѣкоторой потери. Вотъ Вамъ! Г-жа К. будетъ просить въ долгъ. Отдать она можетъ. Больше я ничего не могу сказать. О томъ, что деньги въ банкѣ, мнѣ говорила сама г-жа К., вѣроятно, по секрету.

Сегодня нѣмецъ - переводчикъ прислалъ мнѣ мои «Въ сумеркахъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Еще одна литературная новость: Московскій фельетонъ въ прошлую субботу написанъ Вами. Вы напрасно думаете, что онъ не остроуменъ. Что Е. и Ѳ. любятъ другъ друга—это очень остроумно. Желаю, чтобъ Васъ цензура такъ любила!

Здоровье мое поправляется съ каждымъ днемъ. «Дуэль», пожалуста, кончайте въ эту недѣлю, а книжку издайте пожалуста въ декабрѣ, до Рождества.

Послѣдній фельетонъ Атавы очень хорошъ.

Была у меня издательница Сѣв. Вѣстника Гуревичъ. Дѣвица добрая и образованная, но не журнальная. Въ литературныхъ дѣлахъ она такъ же мало смыслитъ, какъ испанецъ въ русскихъ мужикахъ. Бранила Михайловскаго, а я, видя въ этомъ вліяніе Филоксеры, хвалилъ.

Будьте здоровы. Низко кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Какъ Вашъ кашель? Вотъ Вамъ мой докторскій совѣтъ: одѣвайтесь потеплѣе, а послѣ захода солнца старайтесь сидѣть дома.

CCIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Вызвалъ Ежова [1]) телеграммой и сообщилъ ему, что нужно. Онъ готовъ служить отечеству, и я весь вечеръ

---

[1]) Антонъ Пав—чъ рекомендовалъ А. С. Суворину для веденія Московскаго фельетона въ «Нов. Времени» Н. М. Ежова.

поучалъ его. Говорилъ ему, чтобы напиралъ на предметы и вопросы общаго характера, имѣющіе при томъ практическій интересъ. Онъ хочетъ писать вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Лазаревымъ (Грузинскимъ); вдвоемъ веселѣе, да и Лазаревъ немножко умнѣе его.

Я написалъ разсказъ на злобу дня—о голодающихъ и послалъ въ Сѣв. Вѣстникъ. Попросилъ 250 р. за листъ. Условія мои приняты.

Завтра посылаю разсказъ въ «Сѣверъ». [1])

Если Вы будете покупать выгрышные пятирублевые билеты для себя и для своихъ подписчиковъ, то купите и мнѣ два билета, или 10 купоновъ. Я привезу Вамъ десять руб. Простите, что безпокою такимъ пустякомъ, но въ Москвѣ билеты расхватаютъ въ одинъ часъ и я останусь безъ надежды выграть 100 тысячъ.

Я еще не получилъ конца корректуры «Дуэли», и думаю, что чтеніе корректуры по обстоятельствамъ, отъ меня не зависящимъ, продлится до начала декабря; значитъ, книга можетъ не выйти въ декабрѣ.

Ежовъ порядочный и толковый парень, но надо его на возжахъ держать и постоянно направлять его то вправо, то влѣво. При такомъ условіи изъ него выработается хорошій работникъ.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Мечтаемъ всѣ о переѣздѣ на хуторъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Двѣ рукописи получилъ. Сегодня ночью прочту.

---

[1]) «Попрыгунья».

CCV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

30 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Ну-съ, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ, посылаю Вамъ маленькій, чювствительный романъ для семейнаго чтенія. Это и есть «Обыватели», но, написавши разсказъ, я далъ ему, какъ видите, другое названіе, болѣе подходящее [1]). Если напечатаете съ этимъ названіемъ, то въ мартѣ я пришлю Вамъ другой разсказъ, который будетъ называться «Обыватели». Впрочемъ, какъ хотите.

Если покажется длинно и скучно, то пришлите назадъ, а я напишу для Васъ что-нибудь другое. Такъ какъ до января остался еще цѣлый мѣсяцъ, то Вы успѣете прислать мнѣ корректуру разсказа, а я успѣю прочесть ее.

Что еще сказать Вамъ? Пригласите въ «Сѣверъ» для всякаго рода фельетонныхъ писаній осколочнаго Игрэка. Это Викторъ Викторовичъ Билибинъ, Колокольная 9, кв. 12. Изъ всѣхъ питерскихъ обозрѣвателей это самый даровитый.

Я яко нагъ, яко благъ и зубы положилъ на полку. Если Вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ, то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынѣ.

При семъ прилагаю подписной бланокъ. Сдѣлайте распоряженіе, чтобы по этому адресу высылался «Сѣверъ» въ счетъ моего гонорара.

---

[1]) «Попрыгунья».

Ну, будьте здоровы. Пишите. Отъ души желаю Вамъ успѣха.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Недѣлю тому назадъ мой пріятель Н. М. Ежовъ, беллетристъ, послалъ Вамъ разсказъ. Получили?

CCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Ноябрь. (1891 г. Москва).

Возвращаю Вамъ двѣ присланныя Вами черезъ контрагентство рукописи. Одинъ разсказъ — индійская легенда. Цвѣтокъ лотосъ, лавровые вѣнки, лѣтняя ночь, колибри—это въ Индіи-то! Начинаетъ съ Фауста, жаждущаго младости, и кончаетъ «благомъ истинной жизни» во вкусѣ Толстого. Я выкинулъ кое-что, выгладилъ и получилась сказка, хотя и не важная, но легкая и которая прочтется съ интересомъ. Другой разсказъ безграмотенъ, сдѣланъ по бабьи и аляповато, но есть фабула и нѣкоторый перецъ. Я, какъ увидите, сократилъ его вдвое. Оба разсказа печатать можно. И мнѣ кажется, что если набрать такихъ разсказовъ побольше и потомъ прочесть ихъ въ корректурѣ, то можетъ выйти интересный и разнообразный рождественскій номеръ. Во второмъ разсказѣ участвуетъ елка, кстати сказать.

Ежовъ мало видитъ и мало знаетъ, но погодите произносить надъ нимъ приговоръ. Авось у него съ Лазаревымъ и выйдетъ что-нибудь. Лазаревъ уменъ и не сталъ бы писать про московскія газеты. Вы ничего не будете имѣть противъ, если къ будущей субботѣ я напишу московскій фельетонъ? Хочется тряхнуть старипой.

А я все мечтаю и мечтаю. Мечтаю о томъ, какъ въ мартѣ переберусь изъ Москвы на хуторъ, а въ октябрѣ—ноябрѣ пріѣду въ Питеръ жить до марта. Хочется прожить въ Питерѣ хоть одну зиму, а это возможно только при одномъ условіи—если я въ Москвѣ не буду имѣть берлоги. И мечтаю, какъ всѣ пять мѣсяцевъ я буду говорить съ Вами о литературѣ и дѣлать въ Новомъ Времени то, что я умѣю. А на хуторѣ медицина во всю ивановскую..

Былъ у меня Боборыкинъ. Онъ тоже мечтаетъ. Говорилъ мнѣ, что хочетъ онъ написать нѣчто въ родѣ физіологіи русскаго романа, его происхожденіе у насъ и естественный ходъ развитія. Пока онъ говорилъ, я никакъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что вижу передъ собой маньяка, но маньяка литературнаго, ставящаго литературу паче всего въ жизни. Я въ Москвѣ у себя такъ рѣдко вижу настоящихъ литераторовъ, что разговоръ съ Боборыкинымъ показался мнѣ манной небесной, хотя въ физіологію романа и въ естественный ходъ развитія я не вѣрю, т. е., можетъ быть, и есть эта физіологія въ природѣ, но я не вѣрю, чтобы при существующихъ методахъ можно было уловить ее. Боборыкинъ отмахивается обѣими руками отъ Гоголя и не хочетъ считать его родоначальникомъ Тургенева, Гончарова, Толстого.. Онъ ставитъ его особнякомъ, внѣ русла, по которому текъ русскій романъ. Ну, а я этого не понимаю. Коли ужъ становиться на точку зрѣнія естественнаго развитія, то не только Гоголя, но даже собачій лай нельзя ставить внѣ русла, ибо все въ природѣ вліяетъ одно на другое и даже то, что я сейчасъ чихнулъ, не останется безъ вліянія на окружающую природу.

Вы говорили, что мы будемъ писать разсказъ вмѣстѣ. Если такъ, то Вы не оканчивайте, а мнѣ оставьте кусочекъ. Если же раздумали писать вмѣстѣ, то оканчи-

вайте скорѣе и начинайте новый. Лѣтомъ давайте напишемъ два-три разсказа для лѣтнихъ читателей: Вы начало, а я конецъ.

Сегодня хоронили Курепина. Былъ вѣнокъ отъ Новаго Времени. Изъ шести вѣнковъ, это былъ самый большой, но не самый красивый. Какъ-то странно подумать, что пойдешь на новую пьесу и не встрѣтишь въ театрѣ завсегдатая Курепина.

Вы боитесь инфлуэнцы? Но вѣдь она у Васъ прошла. У Васъ, несмотря на плохіе нервы, которые утомлены у Васъ и потому раздражены, здоровье крѣпкое, и въ этомъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь. Вы будете жить еще 26 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

Будьте здоровы. Читаю «Дневникъ провинціала» Щедрина. Какъ длинно и скучно! И въ тоже время какъ похоже на настоящее.

Аннѣ Ивановнѣ поклонъ нижайшій.

Вашъ
А. Чеховъ.

CCVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

2 Декабрь. (1891 г. Москва).

Обращаюсь къ Вамъ съ большой просьбой, добрѣйшій Николай Александровичъ. Дѣло вотъ въ чемъ. До прошлаго года я жилъ по своему университетскому диплому, который и на сушѣ и на морѣ служилъ мнѣ паспортомъ, но всякій разъ при прописскѣ его полиція предупреждала меня, что по диплому жить нельзя и что я долженъ взять видъ изъ «надлежащаго учрежденія». Я спрашивалъ у всѣхъ, что значитъ это «надлежащее учрежденіе» и никто не давалъ мнѣ отвѣта.

Годъ тому назадъ Моск. оберъ-полиц. далъ мнѣ видъ, но съ условіемъ, что черезъ годъ я буду имѣть видъ изъ «надлежащаго учрежденія». Ничего не понимаю! На-дняхъ я узналъ, что, такъ какъ я нигдѣ не служу, а по образованію я лѣкарь, то мнѣ нужно записаться въ почетное гражданство, и что какой-то департаментъ, кажется, герольдіи выдастъ мнѣ дипломъ, каковой и будетъ служить во всѣ дни живота моего паспортомъ. Я вспомнилъ, что недавно Вы получили почетное гражданство, а вмѣстѣ съ нимъ и дипломъ и что, стало быть, Вы обращались куда-то и къ кому-то и что Вы въ нѣкоторомъ родѣ уже человѣкъ испытанный въ бояхъ. Посовѣтуйте мнѣ ради Создателя, въ какой департаментъ я долженъ обратиться. Какое прошеніе я долженъ написать и сколько марокъ къ оному прилѣпить? Какіе документы къ прошенію приложить? и т. д. и т. д. Въ городской управѣ есть «паспортный столъ». Не можетъ ли этотъ столъ раскрыть тайну, если она Вамъ не достаточно извѣстна?

Простите, что я Васъ безпокою, но, право, положительно не къ кому обратиться, а самъ я законовѣдъ очень плохой.

Наша московская публика подбирается помаленьку. Не успѣли похоронить Пальмина, какъ умеръ Курепинъ. Вообще въ эту осень у меня умерло много знакомыхъ. Умеръ между прочимъ сахарозаводчикъ Харитоненко, съ которымъ я былъ знакомъ. Очень интересный человѣкъ.

А вскорѣ послѣ Вашего отъѣзда я заболѣлъ инфлуэнцей, которая осложнилась катарромъ праваго легкаго, и только теперь я сталъ по малости поправляться.

Въ театрѣ Корша часто идетъ Ваша «Медаль», которая имѣетъ успѣхъ. Она идетъ вмѣстѣ съ «Зайцемъ» Мясницкаго. Я не видѣлъ, но знакомые говорятъ, что

въ обѣихъ пьесахъ чувствуется сильная разница между литераторомъ и не литераторомъ, что Медаль въ сравненіи съ Зайцемъ представляетъ изъ себя нѣчто чистенькое, художественное и имѣющее образъ и подобіе. То-то вотъ оно и есть! Изъ театра литераторовъ метлой гонятъ и пьесы пишутся молодыми и старыми людьми безъ опредѣленныхъ занятій, а журналы и газеты редактируются купцами, чиновниками и дѣвицами. Впрочемъ, чертъ съ ними.

Будьте здоровы. Низкій поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVIII.

Л. Я. Гуревичъ.

2 декабрь. (1891 г. Москва).

Простите, многоуважаемая Любовь Яковлевна, что я своею просьбой объ авансѣ задалъ Вамъ такую задачу. Я никогда не пишу о деньгахъ и считаю это ужасно щекотливой штукой, но заикнулся объ авансѣ въ письмѣ къ Михаилу Ниловичу, потому что у меня въ карманахъ буквально ни гроша. Я прошу Васъ убѣдительно не стѣсняться и выслать мнѣ гонораръ за мои разсказы, когда Вамъ угодно и удобно. Это относится и къ настоящему и къ будущему. Можете выслать по частямъ, въ разсрочку, дробя гонораръ мой хоть на десять частей—какъ угодно, однимъ словомъ. Если Вы теперь пришлете мнѣ рублей 200, то остальную часть гонорара можете прислать хоть въ мартѣ, или въ нѣсколько мѣсяцевъ по частямъ. Однимъ словомъ, дѣлайте такъ, чтобы я не стѣснялъ Васъ.

Еще разъ прошу извинить.

Наши пикантныя телеграммы «позвольте оставить

жену» [1]) и «оставьте жену, согласенъ», должно-быть, поставили телеграфное вѣдомство втупикъ. Но заглавіе «Въ деревнѣ» лучше.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно Васъ уважающій *А. Чеховъ.*

CCIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 декабрь. (1891 г. Москва).

Получивъ корректуру Каштанки, я тотчасъ же сдѣлалъ поправки и написалъ новую главу. Я раздѣлилъ сказку на бо́льшее количество главъ. Теперь уже не 4 главы, а 7. Новая глава дастъ нѣсколько лишнихъ страницъ, и авось получится что-нибудь. Друга дома и невѣрную жену, конечно, я выбросилъ вонъ. Корректуру посылаю Вамъ, а Вы пошлите ее Неупокоеву съ объясненіемъ, для чего написана новая глава. Если эта глава Вамъ покажется резонансомъ, то бросьте ее.

Получили ли двѣ рукописи?

Былъ у меня вчера кн. Урусовъ, сидѣлъ отъ 7 ч. до 12½ ночи и разсказывалъ про французскихъ литераторовъ. Это упитанный, богатый, умѣющій увлекаться Флоберомъ и . . . . . женщинъ, и повидимому очень довольный собою человѣкъ. Но и у него есть заноза въ мозгу. Какъ у Васъ прогрессивный параличъ, такъ и онъ думаетъ, что у него спинная сухотка. Это его мучительная и ровно ни на чемъ не основанная idée fixe, поддерживаемая въ немъ подагрическими болями и частыми бесѣдами съ докторами.

---

[1]) «Жена»—названіе повѣсти А. П., напеч. въ «Сѣв. Вѣст.». въ янв. книжкѣ за 1892 г.

Изъ Петербурга, изъ Вильны и изъ разныхъ россійскихъ городовъ я получаю письма насчетъ «Дуэли». Пишутъ какіе-то незнакомцы. Письма въ высшей степени задушевныя и доброжелательныя. Въ провинціальныхъ газетахъ стали критиковать «Дуэль» уже послѣ третьяго фельетона. Значитъ, можно разсчитывать, что книжка окупитъ себя.

Когда выйдетъ въ свѣтъ Каштанка, прикажите послать 100 экз. въ правленіе общества покровительства животнымъ.

Вчера какой-то, повидимому, очень молодой человѣкъ прислалъ мнѣ изъ Воронежа рукопись листовъ въ 40, мелко исписанную. Романъ. Названіе очень новое: «Нищіе духомъ». Умоляетъ юный авторъ прочесть и написать ему свое мнѣніе. Можете себѣ представить мой ужасъ! Сталъ я ночью перелистывать романъ, а тамъ все честное прошлое, служеніе народу, общность интересовъ, заходящее солнце... Другой, но уже не юный, а отставной полковникъ, принесъ мнѣ двѣ рукописи: «Непрошенные цивилизаторы, или плоды невѣжества» и «Знаменитый извощикъ». Во второй рукописи изображонъ идейный молодой человѣкъ, который изъ нужды пошолъ въ извощики (укоръ равнодушному обществу, доводящему своихъ лучшихъ представителей до такого ужаснаго положенія); ну, извощикъ сидитъ на козлахъ и разговариваетъ со своими сѣдоками о Марксѣ, Боклѣ и логикѣ Миля.

Гуревичъ не дала аванса. Какова? Я не огорчился, конечно, но ея-то положеніе! Нѣтъ денегъ у бѣдняжки, а въ типографію надо, за бумагу надо, авторамъ надо, Филоксерѣ надо... Мнѣ за мой разсказъ приходится рублей 600. Написалъ ей, чтобъ не стѣснялась и высылала мнѣ гонораръ, когда ей угодно и удобно. Кстати сказать, я «выскочилъ». Я столько написалъ, что, если

мнѣ будутъ присылать гонораръ акуратно, то я проживу безбѣдно до самаго отъѣзда на дачу.

Да хранитъ Васъ Аллахъ! Акакій Московскій весьма достоинъ того, чтобы стать штатнымъ сотрудниковъ Новаго Времени.

Вашъ

А. Чеховъ.

CCX.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

3 Дек. (1891 г. Москва).

Ваше Высокородіе!

Пьесу [1]) получилъ и внимательно прочелъ. Вотъ мое мнѣніе: 1) По нынѣшнимъ временамъ, она *очень* длинна, и сократить ее трудно; монологи, пожалуй, сократить можно, но 18 явленій, сударь мой!! Это въ одноактной-то бездѣлушкѣ! 2) По нынѣшнимъ временамъ, она безусловно не цензурна и цензурою дозволена не будетъ. Ее прійдется посылать въ цензуру, а въ ней, не говоря ужъ объ адюльтерѣ, добро въ концѣ концовъ не побѣждаетъ зла, фигурируетъ безнравственное превосходительство и часто упоминается слово «министръ».

Да за это, батенька, въ Сибирь!

Что цензура не пропуститъ, я въ этомъ убѣжденъ. Если Вы не боитесь загубить даромъ двѣ гербовыхъ марки (1 р. 60 к.), то напишите мнѣ, и я пошлю въ цензуру, т.-е. Вы, гг. наслѣдники, пришлете мнѣ прошеніе, а я вмѣстѣ съ нимъ пошлю. Въ случаѣ, если бы цен-

---

[1]) В. П. Бегичева—тестя адресата.

зура разрѣшила (во что я глубокс не вѣрю), то пьесу можно отдать; 1) Коршу и 2) Немировичу-Данченко, моему пріятелю, состоящему членомъ въ театрально-литературномъ Комитетѣ, отъ котораго зависитъ судьба пьесы, жаждущей появиться на казенной сценѣ.

Съ Шиловскимъ говорить совсѣмъ не нужно. Слѣдуетъ, и это обязательно, перемѣнить названіе пьесы, такъ какъ въ цензурѣ имѣются списки всѣхъ пьесъ, *когда-либо* запрещенныхъ цензурою. Тутъ давности не полагается. Ужъ коли лишенъ правъ, такъ шабашъ.

Вотъ подумайте хорошенько и напишите мнѣ. Воля Ваша для меня священна!!!

Послѣ 10-го я, вѣроятно, уѣду въ Питеръ, а потому постарайтесь прислать отвѣтъ до 10-го.

Пришлите кстати и денегъ, этакъ тысячи двѣ—три.

Маріи Владиміровнѣ отъ всей души желаю скорѣйшаго выздоровленія и душевнаго покоя. Хотѣлъ было написать ей письмо на счетъ Владиміра Петровича, котораго я любилъ, но меня остановило соображеніе, что всѣ мы умремъ такъ же, какъ и Владиміръ Петровичъ, и что никакія соболѣзнованія и сожалѣнія не помогутъ тамъ, гдѣ дѣло непоправимо. Не воскресишь вѣдь.

Мнѣ бы ужасно хотѣлось побывать въ Бабкинѣ. Хоть на одинъ часъ. Но едва ли я вырвусь. Работы по горло, да и въ Питеръ нужно. Маша, вѣроятно, пріѣдетъ къ Вамъ. Она каждый день объ этомъ толкуетъ.

Одначе будьте здоровы. Низкій поклонъ Маріи Владиміровнѣ, Василисѣ Пантелевнѣ, Елизаветѣ Александровнѣ и о. Ѳедору. Я записалъ на себя три билета. Если выграю сто тысячъ, то пожертвую въ Никулинскую церковь тысячу, о. Ѳедору на утѣшеніе и прихожанамъ на пользу, а Вамъ дамъ взаймы десять тысячъ. Вотъ доброта! Рѣдкое сердце!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Дек. (1891 г. Москва).

Посылаю Вамъ моск. фельетонъ [1]). Хотѣлъ изобразить кратко московскаго интеллигента. Сѣлъ вчера писать, но мѣшали посѣтители, такъ что писалъ сегодня и спѣшилъ. Не знаю, что вышло. Должно быть, неважно. Если бросите, въ претензіи не буду. Но никому не говорите, что я авторъ.

Хотѣлъ было переписать, да некогда, пора на почту. Простите.

Получили корректуру Каштанки?

Вашъ молитвенникъ

А. Чеховъ.

CCXII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

8 Декабрь. (1891 г. Москва).

30-го Ноября, дорогой Владиміръ Алексѣевичъ, я послалъ Вамъ разсказъ, прошло уже десять дней, а отъ Васъ—ни гласа, ни воздыханія.. Получили ли Вы разсказъ? Не затонулъ ли онъ гдѣ-нибудь въ житейскихъ волнахъ? Годится ли онъ? И проч. и проч. Если разсказъ годится, то пришлете ли Вы мнѣ корректурку, какъ я просилъ? Въ письмѣ, приложенномъ къ разсказу, я также вопіялъ къ Вамъ на счетъ авансика. Вы какъ-то въ одномъ изъ своихъ писемъ проговори-

---

[1]) «Въ Москвѣ», помѣщенный въ «Нов. Врем.» (№ 5667, 7 дек. 1891 г.) подъ псевдонимомъ Кисляевъ. Перепечатанъ въ концѣ настоящаго тома въ видѣ приложенія.

лись, что можно получить «и впередъ». Посылая разсказъ свой, я вспомнилъ объ этомъ «и впередъ» съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ у меня денегъ буквально *ни гроша*. Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ, и я сижу у моря и жду погоды. Просто хоть караулъ кричи! Вотъ что значитъ путешествовать [1]).

Какъ Вы живете? Какова у Васъ подписка? Рекламируется «Сѣверъ» хорошо, и успѣха ждать можно.

У насъ въ Москвѣ новостей никакихъ. Можетъ быть онѣ и есть, но я объ нихъ ничего не знаю, такъ какъ по цѣлымъ днямъ сижу дома и выздоравливаю отъ инфлуэнцы. Говорятъ, что въ театрахъ скучно. О хорошихъ новыхъ пьесахъ что-то не слышно. Морозъ въ 23 градуса.

Отвѣчайте и вообще пишите поподробнѣе. Еще одно: если будете высылать мнѣ деньги, то нельзя ли устроить эту церемонію черезъ контору бр. Волковыхъ (Невскій), переводомъ по телеграфу. Расходы по переводу мои. Страсть, какъ приспичило!

Всего хорошаго! Когда буду въ Питерѣ, увидимся. Остановлюсь я у Суворина, а Вашего домашняго адреса я не знаю.

Поклонъ общимъ знакомымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIII.

Е. П. Егорову.

11 декабря (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, вотъ Вамъ исторія моего неудавшагося путешествія къ Вамъ. Я собирался

---

[1]) Поѣздка за границу.

ѣхать къ Вамъ не съ корреспондентскими цѣлями, а по порученію, или вѣрнѣе по соглашенію съ небольшимъ кружкомъ людей, желавшихъ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ. Дѣло въ томъ, что публика не вѣритъ администраціи и потому воздерживается отъ пожертвованій. Ходитъ тысяча фантастическихъ сказокъ и басенъ о растратахъ, наглыхъ воровствахъ и т. п. Епархіальнаго вѣдомства сторонятся, а на Красный Крестъ негодуютъ. Владѣлецъ незабвеннаго Бабкина, земскій начальникъ, отрѣзалъ мнѣ прямо и категорически: «въ Москвѣ, въ Красномъ Крестѣ, воруютъ!» При такомъ настроеніи администрація едва ли дождется серьезной помощи отъ общества. А между тѣмъ публикѣ благотворить хочется, и совѣсть ея потревожена. Въ сентябрѣ московская интеллигенція и плутократія собирались въ кружки, думали, говорили, копошились, приглашали для совѣта свѣдущихъ людей; всѣ толковали о томъ, какъ бы обойти администрацію и заняться организаціей помощи самостоятельно. Рѣшили послать въ голодныя губерніи своихъ агентовъ, которые знакомились бы на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, устраивали бы столовыя и проч. Нѣкоторые главари кружковъ, люди съ вѣсомъ, ѣздили къ Дурново просить разрѣшенія и Дурново отказалъ, объявивъ, что организація помощи можетъ принадлежать только епархіальному вѣдомству и Красному Кресту. Однимъ словомъ, частная инициатива была подрѣзана въ самомъ началѣ. Всѣ повѣсили носы, пали духомъ; кто озлился, а кто просто омылъ руки. Надо имѣть смѣлость и авторитетъ Толстого, чтобы идти наперекоръ всякимъ запрещеніямъ и настроеніямъ, и дѣлать то, что велитъ долгъ.

Ну-съ, теперь о себѣ. Я съ полнымъ сочувствіемъ относился къ частной инициативѣ, ибо каждый воленъ дѣлать добро такъ, какъ ему хочется; но всѣ разсужде-

нія объ администраціи, Красномъ Крестѣ и проч. казались мнѣ несвоевременными и не практическими. Я полагалъ, что при нѣкоторомъ хладнокровіи и добродушіи можно обойти все страшное и щекотливое, и что для этого нѣтъ надобности ѣздить къ министру. Я поѣхалъ на Сахалинъ, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, и однако же сдѣлалъ тамъ все, что мнѣ нужно; отчего же я не могу поѣхать въ голодающія губерніи? Вспомнилъ я также такихъ администраторовъ, какъ Вы, какъ Киселевъ и всѣ мои знакомые земскіе начальники и податные инспектора— люди въ высшей степени порядочные и заслуживающіе самаго широкаго довѣрія. И я рѣшилъ, хотя на небольшомъ районѣ, если можно, сочетать два начала: администрацію и частную инициативу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе съѣздить къ Вамъ и посовѣтоваться. Мнѣ публика вѣритъ, повѣрила бы она и Вамъ, и я могъ разсчитывать на успѣхъ. Помните, я послалъ Вамъ письмо. Тогда въ Москву пріѣхалъ Суворинъ; я нажаловался ему, что не знаю Вашего адреса. Онъ телеграфировалъ Баранову, а Барановъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ Вашъ адресъ. Суворинъ былъ боленъ инфлуэнцей; обыкновенно, когда онъ пріѣзжаетъ въ Москву, мы цѣлые дни проводимъ неразлучно и толкуемъ о литературѣ, которую онъ знаетъ превосходно. И на сей разъ толковали, и кончилось тѣмъ, что я заразился отъ него инфлуэнцей, легъ въ постель и сталъ неистово кашлять. Былъ въ Москвѣ Короленко и засталъ меня страждущимъ. Осложненіе со стороны легкихъ сдѣлало то, что я маялся цѣлый мѣсяцъ, безвыходно сидѣлъ дома и ровно ничего не дѣлалъ. Теперь дѣла мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худѣю. Вотъ Вамъ и вся исторія. Если бы не инфлуэнца, то, можетъ быть, намъ вмѣстѣ удалось бы

сорвать съ публики тысячи двѣ—три или больше, смотря по обстоятельствамъ.

Ваше раздраженіе противъ печати вполнѣ понятно. Разсужденія газетчиковъ Васъ, знакомаго съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ же раздражаютъ, какъ меня, медика, разсужденія профана о дифтеритѣ. Но что прикажете дѣлать? Что? Россія не Англія и не Франція. Газеты у насъ не богаты и въ своемъ распоряженіи имѣютъ очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академіи или Энгельгардта — это дорого: послать дѣльнаго и даровитаго сотрудника тоже нельзя — дома нуженъ. Times на свой счетъ устроилъ бы въ голодающихъ губерніяхъ перепись, посадилъ бы въ каждой волости Кеннана, платя ему по 40 руб. суточныхъ — и вышелъ бы толкъ, а что могутъ сдѣлать «Русскія Вѣдомости» или «Новое Время», которыя доходъ въ сто тысячъ считаютъ уже крезовскимъ богатствомъ? Что же касается самихъ корреспондентовъ, то вѣдь это горожане, знающіе деревню только по Глѣбу Успенскому. Положеніе ихъ фальшиво въ высшей степени. Прилети въ волость, понюхай, пиши и валяй дальше. У него ни матеріальныхъ средствъ, ни свободы, ни авторитета. За 200 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ онъ скачетъ, скачетъ и молитъ Бога только о томъ, чтобы на него не сердились за его невольное и неизбѣжное вранье. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Но виноватъ вѣдь не онъ, а русскія потемки. Къ услугамъ западнаго корреспондента — превосходныя карты, энциклопедическіе словари, статистическія изслѣдованія; на западѣ корреспонденціи можно писать, сидя дома. А у насъ? У насъ корреспондентъ можетъ почерпать свѣдѣнія только изъ бесѣдъ и слуховъ. Вѣдь у насъ во всей Россіи до сихъ поръ изслѣдованы только три уѣзда: Череповскій, Тамбовскій и еще какой-то. Это на всю-то Рос-

сію! Газеты врутъ, корреспонденты — саврасы, но что же дѣлать? А не писать нельзя. Если бы печать наша молчала, то положеніе было бы еще ужаснѣе, согласитесь съ этимъ.

Ваше письмо и Ваша затѣя насчетъ покупки скота у крестьянъ сдвинули меня съ мѣста. Я всей душой и всѣми моими силами готовъ слушаться Васъ и дѣлать все, что Вы хотите. Я долго думалъ и вотъ Вамъ мое мнѣніе. На богатыхъ людей разсчитывать нельзя. Поздно. Каждый богачъ уже отвалилъ тѣ тысячи, которыя ему суждено было отвалить. Вся сила теперь въ среднемъ человѣкѣ, жертвующемъ полтинники и рубли. Тѣ, которые въ сентябрѣ толковали о частной иниціативѣ, нашли себѣ пріютъ при разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ и уже работаютъ. Значитъ, остается средній человѣкъ. Давайте объявимъ подписку. Вы напишете письмо въ редакцію, и я напечатаю его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новомъ Времени». Чтобы сочетать два вышеписанныхъ начала, мы можемъ оба подписаться подъ письмомъ. Если это для Васъ неудобно въ служебномъ отношеніи, то можно написать отъ третьяго лица корреспонденцію, что въ нижегородскомъ уѣздѣ въ 5 участкѣ организовано то-то и то-то, что дѣла идутъ слава Богу, успѣшно и что пожертвованія просятъ высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему тамъ-то, или же А. П. Чехову, или въ редакцію такихъ-то газетъ. Надо только подлиннѣе написать. Напишите подробнѣе, а я прибавлю свое что-нибудь — и дѣло въ шляпѣ. Нужно писать о пожертвованіяхъ, но не о займѣ. На заемъ никто не пойдетъ: жутко. Дать трудно, но взять назадъ еще труднѣе.

Въ Москвѣ у меня есть одинъ только знакомый богачъ — это В. А. М.[1]), извѣстная благотворительница. Вчера я

---

[1]) В. А. Морозова.

былъ у нея съ Вашимъ письмомъ. Говорилъ, обѣдалъ. Она увлечена теперь комитетомъ грамотности, который устраиваетъ столовыя для школьниковъ, и все отдаетъ туда. Такъ какъ грамотность и лошади — величины несоизмѣримыя, то В. А. пообѣщала мнѣ содѣйствіе комитета въ случаѣ, если Вы пожелаете устроить столовыя для школьниковъ и пришлете подробныя свѣдѣнія. Мнѣ неловко было просить у нея денегъ сейчасъ же, такъ какъ у нея берутъ и берутъ безъ конца, и треплютъ ее, какъ лисицу. Я только попросилъ ее, что въ случаѣ если у нея будутъ какія-либо комиссіи и комитеты, то чтобы она не забывала и насъ, и она дала мнѣ обѣщаніе не забывать. Ваше письмо и Ваша идея сообщены также редактору «Русскихъ Вѣдомостей» Соболевскому — это на всякій случай. Всюду я трезвоню, что дѣло уже организовано.

Если будутъ рубли и полтинники, то я буду высылать ихъ Вамъ безъ всякой задержки. А Вы распоряжайтесь мной и вѣрьте, что для меня было бы истиннымъ счастьемъ хотя что-нибудь сдѣлать, такъ какъ до сихъ поръ для голодающихъ и для тѣхъ, кто помогаетъ имъ, я ровно ничего не сдѣлалъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Дек. (1891 г. Москва).

15 к. совершенно достаточно за фельетонъ. Этакія вещи вѣдь очень легко писать. Скажите Конторѣ въ телефонъ, чтобы она сочла и сдѣлала вычитаніе изъ долга. Знаете, сударь? Вѣдь я Вамъ еще долженъ 170 р.! Вамъ лично, помимо газеты. Къ веснѣ расплачусь.

Если бы я намѣренъ былъ жить въ Москвѣ, то взялъ бы москов. фельетонъ непремѣнно. Я бы устроилъ у себя нѣчто вродѣ нововременскаго моск. отдѣленія, завелъ бы себѣ сотрудниковъ и писалъ бы все: фельетонъ, театръ, телеграммы, корреспонденціи.. Изъ фельетона исключилъ бы театръ и гласныхъ, а валялъ бы объ общихъ вопросахъ. Взялъ бы я съ Васъ жалованье, платилъ бы сотрудникамъ по 5 — 6 коп., а остальное клалъ бы себѣ въ карманъ. Но, Вы знаете, въ Москвѣ я не буду жить.

Былъ я вчера у московской благотворительницы Морозовой. Вы въ качествѣ Акакія Московскаго прошлись на ея счетъ, а между тѣмъ она дѣлаетъ очень много. Ей ужасно обидно, что Новое Время, которое такъ великодушно трактуетъ вопросъ о голодающихъ, укололо ее. Впрочемъ, это пустяки.

Я пріѣду. Вру же я невольно. У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Пріѣду, когда получу со всѣхъ концовъ гонорары. Вчера получилъ 150 р., скоро еще получу, тогда и прилечу на крыльяхъ.

Въ январѣ ѣду въ Нижегор. губ. Тамъ у меня уже кипитъ дѣло. Я очень, очень, очень радъ. Собираюсь написать Аннѣ Ивановнѣ.

Ахъ, если бы Вы знали, какъ мучительно болитъ у меня сегодня голова!

Дѣло съ хуторомъ подвигается.

Былъ ли у Васъ съ предложеніемъ своихъ фельетонныхъ услугъ московскій сотрудникъ Гурляндъ?

Мнѣ хочется пріѣхать въ Петербургъ, хотя бы для того, чтобы два дня лежать въ комнатѣ неподвижно и выходить только къ обѣду. Отчего то я чувствую утомленіе. Это все инфлуэнца проклятая.

На сколько человѣкъ Вы хотѣли бы и могли устроить столовую? Напишите, а я Вамъ сосчитаю и выскажу

кое какія соображенія, буде съумѣю и найду нужнымъ высказывать ихъ.

Толстой то, Толстой! Это, по нынѣшнимъ временамъ, не человѣкъ, а человѣчище, Юпитеръ. Въ «Сборникъ» онъ далъ статью насчетъ столовыхъ, и вся эта статья состоитъ изъ совѣтовъ и практическихъ указаній, до такой степени дѣльныхъ, простыхъ и разумныхъ, что, по выраженію редактора Рус. Вѣд. Соболевскаго, статья эта должна быть напечатана не въ Сборникѣ, а въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

Получилъ отъ Васъ корректуру и телеграмму.

Скоро выйдетъ «Дуэль». Будьте добры, сдѣлайте такъ, чтобы я получилъ 20 экз. не по почтѣ, а черезъ московскій магазинъ. Въ почтамтъ далеко ѣхать!

Будьте здоровы. И я плохо сплю.

Вашъ

А. Чеховъ.

CCXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

13 Дек. (1891 г. Москва).

Теперь я понимаю, почему Вы плохо спите по ночамъ. Если бы я написалъ такой разсказъ [1]), то не спалъ бы десять ночей подъ рядъ. Самое страшное мѣсто то, гдѣ Варя душитъ героя, какъ домовой, и знакомитъ его съ тайнами загробной жизни. И страшно, и съ спиритизмомъ согласно. Изъ рѣчей Вари и особенно тамъ, гдѣ оба ѣдутъ верхомъ, нельзя выбросить ни одного слова. Не трогайте. Идея разсказа хороша, содержаніе фантастично и интересно.

---

[1]) «Въ концѣ вѣка. Любовь»—разсказъ адресата.

Исправить я могъ только корректурныя ошибки; «ужъ» замѣнилъ своимъ «уже», во «весь опоръ» замѣнилъ «во весь духъ», мандолину — цитрой. Больше ничего не нашолъ. Вотъ развѣ одинъ только совѣтъ: откиньте конецъ у эпиграфа. Эпиграфъ придуманъ очень кстати, но то, что я зачеркнулъ, излишне удлиняетъ его. Вѣдь Вашъ разсказъ отчасти имѣетъ цѣлью устрашить читателя и испортить ему дюжину нервовъ, зачѣмъ же Вы говорите о «нашемъ нервномъ вѣкѣ»? Ей Богу, никакого нѣтъ нервнаго вѣка. Какъ жили люди, такъ и живутъ, и ничѣмъ теперешніе нервы не хуже нервовъ Авраама, Исаака и Іакова. Откиньте конецъ, но эпиграфъ оставьте.

Такъ какъ Вы уже написали конецъ, то я не помѣшаю, если пошлю Вамъ свой. Вдохновился и не утерпѣлъ, чтобы не написать. Прочтите, буде пожелаете.

Разсказы вообще тѣмъ хороши, что надъ ними можно сидѣть съ перомъ цѣлые дни и не замѣчать, какъ идетъ время, и въ тоже время чувствовать нѣчто въ родѣ жизни. Это съ гигіенической точки зрѣнія. А съ точки зрѣнія полезности и проч., написать недурной разсказъ съ содержаніемъ и дать читателю 10 — 20 интересныхъ минутъ — это, какъ говоритъ Гиляровскій, не баранъ начихалъ. Отчего Вы рѣдко пишете разсказы? Отчего Вы не пишете ихъ лѣтомъ? Вѣдь фантазіи у Васъ — слава тебѣ Господи!

У меня сегодня опять прескверно болитъ голова. Не знаю, что дѣлать. Нѣтъ, ужъ, должно быть, къ старости пошло, а если не къ старости, то къ чему нибудь похуже.

Сегодня одинъ старичекъ принесъ мнѣ 100 рублей на голодающихъ.

Пріѣду къ Вамъ или 17-го, или же на второй день праздника. Деньги есть. 20-го уѣзжаетъ сестра смотрѣть хуторъ и хочется ее проводить, да и стариковъ жалко

оставить однихъ на праздникахъ. Во всякомъ случаѣ, новый годъ буду у Васъ встрѣчать. Это *непремѣнно*. Дамъ Вашъ разсказъ Машѣ. Пусть почитаетъ на сонъ грядущій.

Будьте здоровы. Всего хорошаго!

Вашъ

А. Чеховъ.

Корректуру посылаю одновременно съ симъ.

CCXVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

14 (Декабрь. 1891 г. Москва).

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, письма Вашего, о которомъ Вы пишете, я *не* получалъ.

Право, не знаю, какъ быть съ заглавіемъ моего разсказа! «Великій человѣкъ» мнѣ совсѣмъ не нравится. Надо назвать какъ нибудь иначе — это непремѣнно. Назовите такъ — «Попрыгунья».

И такъ, значитъ «Попрыгунья». Не забудьте перемѣнить.

150 р. получилъ. Мегсі съ.

Всего хорошаго!

Вашъ *А. Чехосъ.*

CCXVII.

Е. П. Егорову.

14 Декабря. (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ! Посылаю Вамъ собранные мною 116 руб. Продолженіе будетъ. Списокъ жертвователей я пришлю въ слѣдующій разъ.

Сообщаю я въ тихомолку, безъ какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо въ редакцію, или корреспонденцію, о которой я писалъ, слѣдуетъ помѣстить въ газетѣ не раньше января. Я полагаю, что въ январѣ у Васъ уже прочно будетъ стоять лошадиное дѣло, картина будетъ ясна, а слѣдовательно и для жертвователей будетъ ясно; въ январѣ я пріѣду къ Вамъ непремѣнно и вмѣстѣ сочинимъ что-нибудь. Во всякомъ случаѣ сочинить что-нибудь нужно.

Напишите же насчетъ школьниковъ и ихъ кормленія. Я тотчасъ же помчусь въ Комитетъ грамотности, который поможетъ Вамъ. Вообще пишите. Безъ Вашихъ распоряженій я не ступлю самостоятельно ни одного шага. Я Вашъ агентъ, такъ Вы и смотрите на меня и почаще пишите руководства ради.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVIII.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

14 Дек. (1891 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, смотрите же, я распорядился, чтобы Русскія Вѣдомости выслали Вамъ наложеннымъ платежомъ свой «Сборникъ». Не подпишитесь въ другой разъ.

Ну съ, Маша 22-го выѣзжаетъ къ Вамъ, сопровождаемая моимъ благословеніемъ, которое на вѣки нерушимо. Отъ Васъ она поѣдетъ дальше.. У меня ужасно широкіе планы!!!

Цѣлый мѣсяцъ мотала меня лютая инфлуэнца. Ударила она сначала въ голову и въ ноги, такъ что я слегъ въ постель, а потомъ ударила въ легкія, такъ что я каш-

лялъ неистово и сталъ худъ, какъ копченая стерлядь. Просто бѣда! Цѣлый мѣсяцъ безвыходно сидѣлъ дома, то есть, вѣрнѣе, не сидѣлъ, а лежалъ и ходилъ, а работы по горло. Теперь дѣла пошли на поправку, но все таки чихаю и кашляю, и временами голова у меня болитъ прескверно. Рѣшено: вонъ изъ Москвы! Даю Машѣ полномочія. Пусть купитъ какую нибудь конуру на лонѣ природы. А. И. Смагинъ уже сватаетъ какой то хуторъ.

Сижу я дома безвыходно, но все таки Савичъ выскочилъ. Въ Нижегородской губ. дѣлается уже по мѣрѣ силъ то, что нужно. Ѣду туда въ январѣ, а теперь изображаю изъ себя благотворительную даму, которая всѣмъ уже надоѣла. Сегодня на поле битвы послалъ 116 рублей. Вообще дѣла идутъ не плохо. Работаетъ на мѣстѣ очень хорошій человѣкъ, и ничто ему не мѣшаетъ, такъ какъ онъ земскій начальникъ. Работаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ участковъ, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни докторовъ. Теперь занимаемся покупкою лошадей, которыхъ крестьяне продаютъ за гроши. Лошадей кормимъ, а весною возвратимъ ихъ хозяевамъ. Однимъ словомъ, Савичъ выскочилъ. Когда понадобится хлѣбъ, то буду телеграфировать, буде Вы его еще не продали. Но, быть можетъ, и не понадобится; стало быть, такимъ покупателемъ, какъ я, можете и пренебречь. Адресъ поля сраженія такой: Станція Богоявленское Нижегородской губ., Земскому Начальнику Евграфу Петровичу Егорову. Это на случай, если у Васъ Иваненко дастъ съ благотворительною цѣлью концертъ.

А Харитоненко умеръ!

Въ эту осень мнѣ многихъ пришлось похоронить и я даже какъ то оравнодушѣлъ къ чужой смерти, но Ваше семейное горе произвело на меня тяжолое впе-

чатлѣніе. Зинаида Михайловна [1]) хорошо сдѣлала, что умерла — это правда, но всетаки ужасно жаль ея. У меня недавно была жена Гаршина, вдова. Она знала Вашу сестру, когда еще та была здорова. Впрочемъ, не надо тянуть заупокой, ибо и сами помремъ.

А если Машѣ удастся что нибудь сдѣлать, то Савичъ совсѣмъ выскочитъ.

Привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Желаю здравія.

Маньякъ-хуторянинъ и Географъ

А. Чеховъ.

CCXIX.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

14 Декабрь. (1891 г. Москва).

Здравствуйте, дорогой Францъ Осиповичъ! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

И я о томъ же.. Отъ утра до вечера, куда бы Вы ни пошли, вездѣ говорятъ Вамъ только о голодающихъ и дерутъ съ васъ, вѣроятно, какъ (извините за литературное выраженіе) съ Сидоровой козы. И я тоже о голодающихъ.. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Нижегородской губерніи, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни даже докторовъ, одинъ мой хорошій пріятель, въ высшей степени порядочный и живой человѣкъ, организовалъ голодное дѣло. А я ему помогаю. Онъ несетъ на мѣстѣ всю черную работу, а я сижу въ Москвѣ и изображаю изъ себя благотворительную даму; въ январѣ и я поѣду на поле битвы, поѣхалъ бы и теперь, но держитъ инфлуэнца. Замыслы у насъ широкіе,

---

[1]) Сестра адресатки, женщина-врачъ.

Но я съ Васъ ни копѣйки не возьму, хотя я и благотворительная дама. Вы дайте мнѣ только слово, что если во время шумнаго пира, или гдѣ нибудь на юбилеѣ, или на свадьбѣ, въ Вашемъ присутствіи будетъ собранъ хотя одинъ рубль въ пользу голодающихъ, то Вы возьмете его и отдадите намъ. Также дайте слово, что Вы будете помнить о насъ до самой весны. Если будетъ подходящій случай и попадется какой нибудь рубль, то направляйте его ко мнѣ (Мл. Дмитровка, д. Фиргангъ), или же прямо на мѣсто: Станція Богоявленное, Нижегородской губерніи Земскому Начальнику Евграфу Петровичу Егорову. О каждой потраченной копѣйкѣ жертвователь получитъ самый подробный отчетъ, украшенный цвѣтами моего беллетристическаго таланта и казенной печатью. Послѣднее, полагаю, важнѣе.

Ну съ, живу я такъ же, какъ и прежде жилъ. Не женатъ. Не богатъ. Инфлуэнца совсѣмъ изломала меня, я кашляю и худѣю и, какъ говорятъ, сталъ походить физіономіей на утопленника. Рѣшилъ покориться необходимости: купить въ Полтавской губ. хуторъ и перебраться туда совсѣмъ на жительство. Вонъ изъ Москвы! 9 мѣсяцевъ въ году буду проживать на хуторѣ и заграницей, а остальные 3—въ Москвѣ и въ Питерѣ, въ отеляхъ.

Извѣстно ли Вамъ, что я былъ недавно заграницей? Вездѣ былъ. Въ рулетку проигралъ 900 франковъ! На Везувій взбирался и нюхалъ кратеръ. Вотъ какіе мы!

Надо бы намъ повидаться и старину вспомнить. Ахъ, какъ надо бы! Не хотите ли у Тѣстова поужинать? Если да, то назначьте день и часъ. Непремѣнно прійду. Выбирайте трактиръ, какой хотите, мнѣ все равно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Дек. (1891 г. Москва).

Вы пишете, чтобы я телеграфировалъ о днѣ своего пріѣзда къ Вамъ. Телеграфировать не нужно, ибо *навѣрное* мнѣ извѣстно, что выѣду я 26-го вечеромъ, а пріѣду къ Вамъ я 27-го утромъ. Новый годъ буду встрѣчать у Васъ. Раньше выѣхать нельзя, такъ какъ около 20—22 отправляю сестру на хуторъ, 24-го мать именинница, а 25-го праздникъ. Если 26-го не выѣду, то буду телеграфировать. Но я говорю — *навѣрное.*

Если подъ разсказомъ подпишете настоящую фамилію, т. е. А. Суворинъ, то это еще лучше, чѣмъ Лаврецкій. Прочтутъ. Вы напишите десятокъ такихъ страшныхъ разсказовъ, выйдетъ книжка,которая не залежится.

Вашъ новый сотрудникъ В. Васильевъ, очевидно, домовладѣлецъ, такъ какъ у митрополита онъ бывалъ по приходскимъ дѣламъ. Человѣкъ, по всей вѣроятности, дѣльный и знающій.

Если Вамъ не удастся найти хорошаго фельетониста, то заведите «Московскія письма». Пусть пишетъ, кто хочетъ, а Вы изъ той массы, которую будутъ присылать Вамъ волонтеры, выбирайте самое интересное. Много охотниковъ найдется писать.

Начинаю получать изъ разныхъ концовъ гонорары. Ожилъ духомъ.

Что же? Купили мнѣ 2 билета, или десять купоновъ, какъ я просилъ? Я везу Вамъ десять рублей. Хочется мнѣ 5 тысячъ выграть.

А Каштанка еще не вышла! Значитъ, не поспѣетъ она къ празднику. И Дуэль не поспѣетъ..

Если будутъ «Московскія письма», то и я буду въ нихъ участвовать. Объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

Будьте здоровы. Съ наступающими святками!

Вашъ

А. Чеховъ.

CCXXI.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

15 Дек. (1891 г. Москва).

Милый Жанъ, я буду у Васъ на именинахъ, хотя и запретилъ себѣ какое либо участіе въ шумныхъ пиршествахъ. Инфлуэнца съ кашлемъ произвели въ моемъ организмѣ пертурбацію: я теперь ничего не пью. А если, случается, пью передъ праздникомъ, то чувствую, что это для меня вредно — раньше никогда не чувствовалъ ничего подобнаго. Старость, значитъ!

Буду очень радъ повидать и Васъ, и Баранцевича и всѣхъ знаемыхъ.

Вы величаете меня «неизмѣнно коварнымъ». Можно подумать, что я фельдшеръ, а Вы — старая дѣвица.

Вы пишете, что у Васъ есть о чемъ серьезно потолковать со мной; у меня вообще серьезнаго мало, но потолковать мнѣ очень хочется. О днѣ своего пріѣзда я извѣщу Васъ. Остановлюсь у Суворина. Первые два-три дня буду безвыходно сидѣть дома.

Былъ я за границей, остался очень доволенъ своимъ путешествіемъ и, конечно, влѣзъ въ долги. Лѣтомъ жилъ въ Калужской губерніи, въ усадьбѣ. Теперь живу

въ Москвѣ и жду не дождусь, когда можно будетъ уѣхать. Хочется тепла.

Ну, желаю Вамъ выграть сто тысячъ. Будьте здоровы. Вашей женѣ низкій поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Мои кланяются.

CCXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Дек. (1891 г. Москва).

Горничную вонъ, вонъ! Появленіе ея не реально, потому что случайно и тоже требуетъ поясненій; оно осложняетъ и безъ того сложную фабулу, а главное — оно расхолаживаетъ. Бросьте ее! И для чего объяснять публикѣ? Ее нужно напугать и больше ничего, она заинтересуется и лишній разъ задумается.. Благодаря Вашему умѣнію и кое какимъ разговорцамъ, которые есть въ разсказѣ, никто не станетъ искать причинъ; читателю ясно, что все дѣло въ тайнахъ нашей нервной системы и въ тѣхъ явленіяхъ, которыя еще не объяснены. Виталинъ видитъ умершую Варю, потому что она оставила послѣ себя рѣзкое, исключительное воспоминаніе; она натура была сильная, властная, таковымъ же должно быть и воспоминаніе о ней. У Васъ не ясна Наташа, но это оттого, что Вы къ концу разсказа утомились и кое чего не сообразили. Сдѣлайте такъ, чтобы Наташа *страстно* любила Виталина и ревновала бы его къ прошлому, сдѣлайте, чтобы она знала о романѣ Виталина съ Варей и знала бы, что это была необыкновенная женщина, тогда читателю будетъ ясно, почему къ ней по ночамъ

является Варя. Впрочемъ, какъ хотите, но горничную вонъ! Сдѣлайте, что бы Виталинъ . . . . . Наташу и чтобы онъ нечаянно въ потемкахъ вмѣсто нея обнялъ скелетъ, и чтобы Наташа, проснувшись утромъ, увидѣла рядомъ съ собой на постелѣ скелетъ, а на полу мертваго Виталина.

Насчетъ моск. фельетона подумаю. Но мнѣ хочется святочный разсказъ написать.

Вчера я послалъ Вамъ разсказъ Поводова. Посмотрите. Если годится, то пришлите корректуру. А я водевиль написалъ. Въ этомъ году я 100 пудовъ бумаги исписалъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Жанъ Щегловъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается игуменомъ.

CCXXIII.

Е. П. Егорову.

20 Декабря. (1891 г. Москва).

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, посылаю Вамъ пока еще 17 руб. Продолженіе будетъ. По полученіи отъ Васъ письма я обратился конфиденціально къ предсѣдателю нашего литературнаго фонда, имѣющаго 200 тысячъ основного капитала, съ вопросомъ: нельзя ли мнѣ получить въ ссуду 500 руб.? Эти деньги хотѣлъ я послать въ ссуду Вамъ. Но предсѣдатель отказалъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ. На бѣду я никакъ не могу узнать адреса А. Н. Плещеева-поэта, который теперь за границей. Онъ, какъ Вамъ извѣстно, получилъ милліонное наслѣдство и мнѣ бы не отказалъ. Когда весною мы съ нимъ встрѣтились въ Парижѣ, онъ просилъ меня взять у него взаймы.

26 декабря уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить до 10 января. Въ случаѣ надобности адресуйтесь такъ: Петербургъ, Малая Итальянская, 18, кв. Суворина, Чехову. Въ Петербургѣ я попытаюсь достать денегъ.

14 декабря я послалъ Вамъ 116 руб., а ранѣе послалъ длинное письмо и отвѣта не получилъ. Все, что мною до сихъ поръ было собрано, жертвователи просятъ употребить на кормежку скота.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

Москва, Мл. Дмитровка, д. Фиргангъ, 25 Дек. (1891 г.).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, вчера я случайно узналъ Вашъ адресъ и — пишу Вамъ. Если у Васъ найдется свободная минутка, то пожалуста, напишите мнѣ, какъ Ваше здоровье и вообще какъ Вы живете. Напишите хотя три строчки.

У меня полтора мѣсяца была инфлуэнца, было осложненіе со стороны легкихъ и я жестоко кашлялъ. Въ мартѣ уѣзжаю на югъ въ Полтавскую губернію, и буду жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не прекратится мой кашель. Сестра поѣхала туда покупать хуторъ.

Литературныя дѣла идутъ вообще тихо, но жизнь проходитъ шумно. Очень много разговоровъ насчетъ голода, и много работы, вытекающей изъ сихъ разговоровъ. Въ театрахъ пусто. Погода плохая: совсѣмъ нѣтъ морозовъ. Щегловъ Жанъ увлеченъ толстовцами. Мережковскій попрежнему сидитъ въ домѣ Мурузи и путается въ превыспреннихъ исканіяхъ, и попрежнему онъ симпатиченъ; Фаусекъ получилъ магистра; про Чехова гово-

рятъ, что онъ женился на Сибиряковой и взялъ 5 милліоновъ приданаго. Объ этомъ говоритъ весь Петербургъ. Кому и для чего нужна эта сплетня, положительно не могу понять. Даже противно читать Петербургскія письма.

Островскаго не видѣлъ въ этомъ году. Суворинъ здоровъ.

Завтра ѣду въ Петербургъ хлопотать насчетъ своего хутора: 1) возьму денегъ въ книжномъ магазинѣ Суворина и 2) у симпатичнаго нотаріуса Иванова сочиню довѣренность на имя А. И. Смагина, котораго Вы знаете.

Сердечный привѣтъ Вашимъ. Осенью ходили слухи, что Вы были больны, теперь же, по слухамъ, Вы совершенно здоровы. И дай Богъ, чтобы это было такъ. Болѣзнь — это кандалы.

Увидимся мы, вѣроятно, очень не скоро, такъ какъ въ мартѣ я уѣзжаю, а возвращусь на сѣверъ не раньше ноября. Въ Москвѣ я уже не буду имѣть квартиры, такъ какъ это удовольствіе мнѣ не по карману. Буду жить въ Петербургѣ.

Крѣпко обнимаю Васъ. Кстати же маленькое объясненіе по секрету: какъ то въ Парижѣ за обѣдомъ Вы, уговаривая меня остаться въ Парижѣ, предложили мнѣ въ займы денегъ, я отказался, и мнѣ показалось, что этотъ мой отказъ огорчилъ и разсердилъ Васъ, и мнѣ показалось, что когда мы разставались, отъ Васъ вѣяло холодомъ. Быть можетъ, я и ошибаюсь. Но если я правъ, то увѣряю Васъ, голубчикъ, честнымъ словомъ, что отказался я не потому, что мнѣ не хотѣлось одолжаться у Васъ, а просто изъ чувства самосохраненія: въ Парижѣ я велъ себя дурно и лишняя тысяча франковъ испортила бы мнѣ только здоровье. Вѣрьте мнѣ, что если бы я нуждался тогда, то попросилъ бы у Васъ въ займы такъ же свободно, какъ и у Суворина. Храни Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXV.

Е. П. Егорову.

26 Декабря. (1891 г. Москва).

Посылаю еще 11 руб. А отвѣта отъ Васъ нѣтъ и нѣтъ, такъ что я начинаю думать, что мои письма не доходятъ по адресу. Сегодня я уѣзжаю въ Петербургъ. Благоволите адресовать туда.

Вышелъ сборникъ въ пользу голодающихъ, который далъ чистыхъ 18 тысячъ. Если бы Вы поскорѣе отвѣтили мнѣ, въ какомъ положеніи у Васъ дѣла, и уполномочили бы меня, то я могъ бы обратиться въ Редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», чтобы они выслали хотя бы 100 — 200 руб. У меня еще осталось Вашихъ 20 коп.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

31 Дек. (1891 г. СПБ.)

Поздравляю всѣхъ съ Новымъ годомъ и посылаю въ подарокъ четыре купона [1]): одинъ Папашѣ, другой Мамашѣ, третій Ивану, четвертый прошу спрятать для Маши.

Получилъ изъ Миргородскаго уѣзда двѣ телеграммы, довольно неопредѣленныя и не утѣшительныя. Сорочинскій хуторъ оказался таковымъ: мѣстоположеніе красивое, садъ хорошій, но домъ старъ и тѣсенъ и тре-

---

[1]) Лотереи въ пользу голодающихъ.

буетъ ремонта 1500 р.; отъ станціи сорокъ(!) верстъ. Маша, повидимому, отказалась отъ этого хутора и, какъ можно это судить по второй телеграммѣ, покупаетъ хуторъ Яценко, гдѣ 56 десятинъ, чудный садъ, рѣка и проч., но прійдется весною строиться, такъ какъ тамъ имѣется только изба и сараи. За этотъ хуторъ прійдется приплатить вѣроятно не больше 2 тыс. и поэтому деньги на постройку будутъ. Хуторъ удивительный по красотѣ и уютности (я его видѣлъ), но онъ стоитъ одиноко, въ 1½ верстахъ отъ села. Къ тому же прійдется хозяйствомъ заниматься, такъ какъ земли очень много.

Александръ здоровъ, дѣти его тоже. Мое здоровье лучше, чѣмъ было въ Москвѣ.

Съ Новаго года будемъ получать Петербургскую Газету. Былъ у меня издатель Худековъ и предложилъ 40 коп. за строчку.

Желаю счастья и благополучія. Марьюшку и Пелагею тоже поздравляю.

Вашъ

А. Чеховъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВЪ МОСКВѢ [1]).

Я московскій Гамлетъ. Да. Я въ Москвѣ хожу по домамъ, по театрамъ, ресторанамъ и редакціямъ и всюду говорю одно и то же:

— Боже, какая скука! Какая гнетущая скука!

И мнѣ сочувственно отвѣчаютъ:

— Да, дѣйствительно, ужасно скучно.

Это днемъ и вечеромъ. А ночью, когда я, вернувшись домой, ложусь спать и въ потемкахъ спрашиваю себя, отчего же это въ самомъ дѣлѣ мнѣ такъ мучительно скучно, въ груди моей безпокойно поворачивается какая-то тяжесть,—и я припоминаю, какъ недѣлю тому назадъ въ одномъ домѣ, когда я сталъ спрашивать, что мнѣ дѣлать отъ скуки, какой-то незнакомый господинъ, очевидно, не москвичъ, вдругъ повернулся ко мнѣ и сказалъ раздраженно:

— Ахъ, возьмите вы кусокъ телефонной проволоки и повѣсьтесь вы на первомъ попавшемся телеграфномъ столбѣ! Больше вамъ ничего не остается дѣлать!

Да. И всякій разъ ночью сдается мнѣ, что я начинаю понимать, отчего мнѣ такъ скучно. Отчего же? Отчего? Мнѣ кажется, вотъ отчего...

Начать съ того, что я ровно ничего не знаю. Когда-то я учился чему-то, но, чортъ его знаетъ, забылъ ли я все, или знанія мои никуда не годятся, но выходитъ такъ, что каждую минуту я открываю Америку. Напримѣръ,

---

[1]) Этотъ фельетонъ А. П. былъ напечатанъ въ 1891 году въ «Новомъ Времени №. 5667 7-го декабря.

когда говорятъ мнѣ, что Москвѣ нужна канализація, или что клюква растетъ не на деревѣ, то я съ изумленіемъ спрашиваю:

— Неужели?

Съ самаго рожденія я живу въ Москвѣ, но ей-Богу не знаю, откуда пошла Москва, зачѣмъ она, къ чему, почему, что ей нужно. Въ думѣ, на засѣданіяхъ, я вмѣстѣ съ другими толкую о городскомъ хозяйствѣ, но я не знаю, сколько верстъ въ Москвѣ, сколько въ ней народу, сколько родится и умираетъ, сколько мы получаемъ и тратимъ, на сколько и съ кѣмъ торгуемъ... Какой городъ богаче: Москва или Лондонъ? Если Лондонъ богаче, то почему? А шутъ его знаетъ! И когда въ думѣ поднимаютъ какой-нибудь вопросъ, я вздрагиваю и первый начинаю кричать:—«Передать въ комиссію! Въ комиссію!»

Я съ купцами бормочу о томъ, что пора бы Москвѣ завести торговыя сношенія съ Китаемъ и съ Персіей, но мы не знаемъ, гдѣ эти Китай и Персія, и нужно ли имъ еще что-нибудь, кромѣ гнилого подмоченнаго сырца. Я отъ утра до вечера жру въ трактирѣ Тѣстова и самъ не знаю, для чего жру. Играю роль въ какой-нибудь пьесѣ, и не знаю содержанія этой пьесы. Иду слушать «Пиковую Даму» и только, когда уже подняли занавѣсъ, вспоминаю, что я, кажется, не читалъ пушкинской повѣсти или забылъ ее. Я пишу пьесу и ставлю ее, и только, когда она проваливается съ трескомъ, я узнаю, что точно такая же пьеса была уже раньше написана Вл. Александровымъ, а до него Ѳедотовымъ, а до Ѳедотова — Шпажинскимъ. Я не умѣю ни говорить, ни спорить, ни поддерживать разговора. Когда въ обществѣ говорятъ со мной о чемъ-нибудь такомъ, чего я не знаю, я начинаю просто мошенничать. Я придаю своему лицу нѣсколько грустное, насмѣшливое выраженіе, беру

собесѣдника за пуговицу и говорю: «это, мой другъ, старо» или—«вы противорѣчите себѣ, мой милый... На досугѣ мы какъ-нибудь порѣшимъ этотъ интересный вопросъ и споемся, а теперь скажите мнѣ Бога ради: вы были на «Имогенѣ»? Въ этомъ отношеніи я кое-чему научился у московскихъ критиковъ. Когда при мнѣ говорятъ, напримѣръ, о театрѣ и современной драмѣ, я ничего не понимаю, но когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, я не затрудняюсь съ отвѣтомъ: «такъ-то такъ, господа... Положимъ, все это такъ... Но идея же гдѣ? Гдѣ идеалы?» или же, вздохнувъ, восклицаю: «о, безсмертный Мольеръ, гдѣ ты?!» и, печально махнувъ рукой, выхожу въ другую комнату. Есть еще какой-то Лопе-де Вега, кажется датскій драматургъ. Такъ вотъ я и имъ иногда ошарашиваю публику. — «Скажу вамъ по секрету, шепчу я сосѣду, эту фразу Кальдеронъ позаимствовалъ у Лопе-де-Вега»... И мнѣ вѣрятъ... Ступай-ка, провѣрь!

Оттого, что я ничего не знаю, я совсѣмъ не культуренъ. Правда, я одѣваюсь по модѣ, стригусь у Теодора, и обстановка у меня шикарная, но все-таки я азіатъ и моветонъ. У меня письменный столъ рублей въ четыреста, съ инкрустаціями, бархатная мебель, картины, ковры, бюсты, тигровая шкура, но, гляди, отдушина въ печкѣ заткнута женской кофтой или нѣтъ плевальницы и я вмѣстѣ со своими гостями плюю на коверъ. На лѣстницѣ у меня воняетъ жаренымъ гусемъ, у лакея сонная рожа, въ кухнѣ грязь и смрадъ, а подъ кроватью и за шкафами пыль, паутина, старые сапоги, покрытые зеленой плѣсенью, и бумаги, отъ которыхъ пахнетъ кошкой. Всегда у меня какой-нибудь скандалъ: или печи дымятъ, или удобства холодныя, или форточка не затворяется и, чтобы съ улицы въ кабинетъ не летѣлъ снѣгъ, я спѣшу заткнуть форточку подушкой. А то бываетъ, что я живу

въ меблированныхъ комнатахъ. Лежишь себѣ въ номерѣ на диванѣ и думаешь на тему о скукѣ, а въ сосѣднемъ номерѣ, направо, какая-то нѣмка жаритъ на керосинкѣ котлеты, а налѣво—дѣвки стучатъ бутылками пива по столу. Изъ своего номера изучаю я «жизнь», смотрю на все съ точки зрѣнія меблированныхъ комнатъ и пишу уже только о нѣмкѣ, о дѣвкахъ, о грязныхъ салфеткахъ, играю однихъ только пьяницъ и оскотинившихся идеалистовъ и самымъ важнымъ вопросомъ почитаю вопросъ о ночлежныхъ домахъ и умственномъ пролетаріатѣ. И ничего-то я не чувствую и не замѣчаю. Я очень легко мирюсь и съ низкими потолками, и съ тараканами, и съ сыростью, и съ пьяными пріятелями, которые ложатся на мою постель прямо съ грязными сапогами. Ни мостовыя, покрытыя желто-бурымъ киселемъ, ни сорные углы, ни вонючія ворота, ни безграмотныя вывѣски, ни оборванные нищіе—ничто не оскорбляетъ во мнѣ эстетики. На узкихъ извозчичьихъ санкахъ я весь сжался, какъ кикимора, вѣтеръ пронизываетъ меня насквозь, извозчикъ хлещетъ меня кнутомъ черезъ голову, паршивая лошаденка плетется еле-еле, но я не замѣчаю этого. Мнѣ все ни по чемъ! Говорятъ мнѣ, что московскіе архитектора, вмѣсто домовъ, понастроили какихъ-то ящиковъ изъ подъ мыла и испортили Москву. Но я не нахожу, что эти ящики плохи. Мнѣ говорятъ, что наши музеи обставлены нищенски, ненаучны и безполезны. Но я въ музеяхъ не бываю. Жалуются, что въ Москвѣ была одна только порядочная картинная галлерея, да и ту закрылъ Третьяковъ. Закрылъ, ну, и пусть себѣ...

Но обратимся ко второй причинѣ моей скуки: мнѣ кажется, что я очень уменъ и необыкновенно важенъ. Вхожу ли я куда, говорю ли, молчу ли, читаю ли на литературномъ вечерѣ, жру ли у Тѣстова—все это я

дѣлаю съ превеликимъ апломбомъ. Не бываетъ спора, въ который бы я не вмѣшался. Правда, я говорить не умѣю, но зато я умѣю иронически улыбаться, пожать плечами, воскликнуть. Я, ничего незнающій и некультурный азіатъ, въ сущности, всѣмъ доволенъ, но я дѣлаю видъ, что я ничѣмъ не доволенъ, и это мнѣ такъ тонко удается, что временами я даже самъ себѣ вѣрю. Когда на сценѣ даютъ что-нибудь смѣшное, мнѣ очень хочется смѣяться, но я тороплюсь придать себѣ серьезный, сосредоточенный видъ; не дай Богъ, засмѣюсь, что скажутъ мои сосѣди? Сзади меня кто-то смѣется, я сурово оглядываюсь: несчастный поручикъ, такой же Гамлетъ, какъ я, конфузится и, какъ бы извиняясь за свой нечаянный смѣхъ, говоритъ:

— Какъ пошло! Какой балаганъ!

А въ антрактѣ я громко говорю въ буфетѣ:

— Чортъ знаетъ, что за пьеса! Это возмутительно!

— Да, балаганщина, отвѣчаетъ мнѣ кто-то, но, знаете ли, не безъ идеи...

— Полноте! Этотъ мотивъ давно уже разработанъ Лопе-де-Вегой и, конечно, сравненія быть не можетъ! Но какая скука! Какая гнетущая скука!

На «Имогенѣ» оттого, что я удерживаю зѣвоту, мои челюсти хотятъ вывихнуться; глаза лѣзутъ на лобъ отъ скуки, во рту сохнетъ... Но на лицѣ у меня блаженная улыбка.

— Чѣмъ-то отраднымъ повѣяло, говорю я вполголоса. Давно, давно, уже я не испытывалъ такого высокаго наслажденія!

Иногда у меня бываетъ желаніе пошалить, сыграть въ водевилѣ; и я охотно бы сыгралъ, и знаю, что это по нынѣшнимъ унылымъ временамъ было бы очень кстати, но... что скажутъ въ редакціи «Артиста»?

Нѣтъ, Боже меня сохрани!

На картинныхъ выставкахъ я обыкновенно щурюсь, значительно покачиваю головой и говорю громко:

— Кажется, все есть: и воздуху много, и экспрессія, и колоритъ... Но главное-то гдѣ?

Гдѣ идея? Въ чемъ тутъ идея?

Отъ журналовъ я требую честнаго направленія и, главнымъ образомъ, чтобы статьи были подписаны профессорами, или людьми, побывавшими въ Сибири. Кто не профессоръ, и кто не былъ въ Сибири, тотъ не можетъ быть истиннымъ талантомъ. Я требую, чтобы М. Н. Ермолова играла однѣхъ только идеальныхъ дѣвицъ, не старше 21 года. Я требую, чтобы классическія пьесы въ Маломъ театрѣ ставили непремѣнно профессора... Непремѣнно! Я требую, чтобы даже самые маленькіе актеры, прежде чѣмъ браться за роль, знакомились съ литературой о Шекспирѣ, такъ что, когда актеръ говоритъ, напримѣръ: «Спокойной ночи, Бернандо!», то всѣ должны чувствовать, что онъ прочелъ восемь томовъ.

Я очень, очень часто печатаюсь. Не дальше, какъ вчера, я ходилъ въ редакцію толстаго журнала, чтобы справиться, пойдетъ ли мой романъ (56 печатныхъ листовъ).

— Право, не знаю, какъ быть, сказалъ редакторъ, конфузясь. Ужъ очень, знаете ли, длинно и... скучно.

— Да, говорю я, но зато честно!.

—Да, вы правы, соглашается редакторъ, еще больше конфузясь. Конечно, я напечатаю...

Дѣвицы и дамы, съ которыми я знакомъ, также необыкновенно умны и важны. Всѣ онѣ одинаковы; одинаково одѣваются, одинаково говорятъ, одинаково ходятъ, и только та разница, что у одной губы сердечкомъ, а у другой, когда она улыбается, ротъ широкъ, какъ у налима.

— Вы читали послѣднюю статью Протопопова? спрашиваютъ меня губы сердечкомъ. Это откровеніе!

— И вы, конечно, согласитесь, говоритъ налимій ротъ, что Иванъ Иванычъ Ивановъ своею страстностью и силой убѣжденія напоминаетъ Бѣлинскаго. Онъ моя отрада.

Каюсь, была у меня *она*... Отлично помню наше объясненіе въ любви. Она сидитъ на диванѣ. Губы сердечкомъ. Одѣта скверно, «безъ претензій», причесана глупо-преглупо; беру ее за талію—корсетъ хруститъ; цѣлую въ щеку—щека соленая. Она сконфужена, ошеломлена и озадачена; помилуйте, какъ сочетать честное направленіе съ такою пошлостью, какъ любовь? Что сказалъ бы Протопоповъ, если бы онъ видѣлъ? О, нѣтъ, никогда! Оставьте меня! Я предлагаю вамъ свою дружбу! Но я говорю, что мнѣ мало одной дружбы... Тогда она кокетливо грозитъ мнѣ пальцемъ и говоритъ:

— Хорошо, я буду любить васъ, но съ условіемъ, что вы высоко будете держать знамя.

И когда я держу ее въ своихъ объятіяхъ, она шепчетъ:

— Будемъ бороться вмѣстѣ...

Потомъ, живя съ нею, я узнаю, что и у нея тоже отдушина въ печкѣ заткнута кофтой, и что и у нея подъ кроватью бумаги пахнутъ кошкой, и что она также мошенничаетъ въ спорахъ и на картинныхъ выставкахъ, какъ попугай, лепечетъ о воздухѣ и экспрессіи. И ей тоже подавай идею! Она втихомолку пьетъ водку и, ложась спать, мажетъ лицо сметаной, чтобы казаться моложе. Въ кухнѣ у нея тараканы, грязныя мочалки, вонь, и кухарка, когда печетъ пирогъ, прежде чѣмъ посадить его въ печь, вынимаетъ изъ своей головы гребенку и проводитъ имъ борозды на верхней коркѣ; она же, дѣлая пирожныя, слюнитъ изюминки, чтобы онѣ крѣпче сидѣли въ тѣстѣ. И я бѣгу! Бѣгу! Мой романъ летитъ къ чорту, а *она*, важная, умная, презирающая, всюду ходитъ и пищитъ про меня:

— Онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ!

Третья причина скуки — это моя неистовая, чрезмѣрная зависть. Когда мнѣ говорятъ, что такой-то написалъ очень интересную статью, что пьеса такого-то имѣла успѣхъ, что X выигралъ 200 тысячъ, и что рѣчь N произвела сильное впечатлѣніе, то глаза мои начинаютъ коситься, я становлюсь совершенно косымъ и говорю:

— Я очень радъ за него, но, знаете, вѣдь онъ въ 74 году судился за кражу!

Душа моя обращается въ кусокъ свинца, я ненавижу того, кто имѣлъ успѣхъ, всѣмъ своимъ существомъ и продолжаю:

— Онъ истязуетъ свою жену и имѣетъ трехъ любовницъ, и всегда кормитъ рецензентовъ ужинами. Вообще скотина порядочная... Повѣсть эта недурна, но навѣрное онъ гдѣ-нибудь ее укралъ. Бездарность вопіющая... Да и, говоря откровенно, я и въ этой-то повѣсти не нахожу ничего особеннаго...

Но зато, положимъ, если чья-нибудь пьеса провалилась, то я ужасно счастливъ и спѣшу стать на сторону автора.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ!—кричу я. Въ пьесѣ есть *что-то*. Во всякомъ случаѣ она литературна.

Знайте, что все злое, подлое, гнусное, что говорятъ о мало-мальски извѣстныхъ людяхъ, распустилъ по Москвѣ я. Пусть городской голова знаетъ, что если ему удастся устроить, напримѣръ, хорошія мостовыя, то я возненавижу его и распущу слухъ, что онъ грабитъ проѣзжихъ на большой дорогѣ!.. Если мнѣ скажутъ, что у какой-нибудь газеты уже 50 тысячъ подписчиковъ, то я вездѣ стану говорить, что редакторъ поступилъ на содержаніе. Чужой успѣхъ — для меня срамъ, униженіе, заноза въ сердцѣ... Какой ужъ тутъ можетъ быть разговоръ объ общественномъ, гражданскомъ или полити-

ческомъ чувствѣ? Если когда и было во мнѣ это чувство, то давно уже сожрала его зависть.

Итакъ, ничего незнающій, не культурный, очень умный и необыкновенно важный, косой отъ зависти, съ громадной печенкой, желтый, сѣрый, плѣшивый, брожу я по Москвѣ изъ дому въ домъ, задаю тонъ жизни и всюду вношу что-то желтое, сѣрое, плѣшивое...

— Ахъ, какая скука! говорю я съ отчаяніемъ въ голосѣ. Какая гнетущая скука!

Заразителенъ я, какъ инфлуэнца. Жалуюсь я на скуку, важничаю и отъ зависти клевещу на своихъ ближнихъ и друзей, а глядишь — какой-нибудь подростокъ-студентъ уже прислушался, важно проводитъ рукою по волосамъ и, бросая отъ себя книгу, говоритъ:

— Слова, слова, слова... Боже, какая скука!

Глаза его косятся, онъ тоже становится косымъ, какъ я, и говоритъ:

— Наши профессора читаютъ теперь лекціи въ пользу голодающихъ. Но я боюсь, что половину денегъ они положатъ себѣ въ карманъ.

Я брожу, какъ тѣнь, ничего не дѣлаю, печонка моя растетъ и растетъ... А время между тѣмъ идетъ и идетъ, я старѣю, слабѣю; гляди, не сегодня-завтра заболѣю инфлуэнцей и умру, и потащатъ меня на Ваганьково; будутъ вспоминать обо мнѣ пріятели дня три, а потомъ забудутъ, и имя мое перестанетъ быть даже звукомъ... Жизнь не повторяется, и ужъ коли ты не жилъ въ тѣ дни, которые были тебѣ даны однажды, то пиши пропало... Да, пропало, пропало!

А между тѣмъ вѣдь я могъ бы учиться и знать все; если бы я совлекъ съ себя азіата, то могъ бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигіену; я могъ бы строить въ Москвѣ

отличныя мостовыя, торговать съ Китаемъ и Персіей, уменьшить процентъ смертности, бороться съ невѣжествомъ, развратомъ и со всякою мерзостью, которая такъ мѣшаетъ намъ жить; я могъ бы быть скромнымъ, привѣтливымъ, веселымъ, радушнымъ; я бы могъ искренно радоваться всякому чужому успѣху, такъ какъ всякій, даже маленькій успѣхъ есть уже шагъ къ счастью и къ правдѣ.

Да, я могъ бы! Могъ бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московскій Гамлетъ. Тащите меня на Ваганьково!

Я ворочаюсь подъ своимъ одѣяломъ съ боку на бокъ, не сплю, и все думаю, отчего мнѣ такъ мучительно скучно, и до самаго разсвѣта въ ушахъ моихъ звучатъ слова:

— Возьмите вы кусокъ телефонной проволоки и повѣсьтесь вы на первомъ попавшемся телеграфномъ столбѣ! Больше вамъ ничего не остается дѣлать.

Кисляевъ.

Хронологнческій указатель писемъ.

						Стр.
I.	М. В. Киселевой.	СПБ.	1890 г.,	январь	26 . . .	1
II.	М. П. Чехову.	»	»	»	28 . . .	—
III.	М. В. Киселевой.	»	»	»	28 . . .	2
IV.	А. Н. Плещееву.	Москва	»	февраль	10 . . .	4
V.	Л. С. Мизиновой.	»	»	»	. . .	5
VI.	А. Н. Плещееву.	»	»	»	15 . . .	—
VII.	А. С. Суворину.	»	»	»	17 . . .	7
VIII.	Ему же.	»	»	»	. . .	9
IX.	Ему же.	»	»	»	23 . . .	11
X.	Ал. П. Чехову*. [1])	»	»	»	25 . . .	13
XI.	А. С. Суворину	»	»	»	28 . . .	14
XII.	В. А. Тихонову	»	»	мартъ	3 . . .	15
XIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	4 . . .	16
XIV.	Н. Н. Оболонскому.	»	»	»	. . .	17
XV.	Н. М. Линтваревой.	»	»	»	5 . . .	18
XVI.	Н. Н. Оболонскому.	»	»	»	9 . . .	19
XVII.	А. С. Суворину.	»	»	»	9 . . .	—
XVIII.	Ѳ. А. Куманину.	»	»	»	11 . . .	24
XIX.	А. С. Суворину.	»	»	»	15 . . .	—
XX.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	16 . . .	25
XXI.	А. П. Ленскому*.	»	»	»	16 . . .	26
XXII.	А. Н. Плещееву.	»	»	»	17 . . .	27
XXIII.	А. С, Суворину.	»	»	»	17 . . .	29
XXIV.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	22 . . .	31
XXV.	А. С. Суворину.	»	»	»	22 . . .	34
XXVI.	А. Н. Плещееву.	»	»	»	27 . . .	37
XXVII.	А. С. Суворину.	»	»	»	29 . . .	38
XXVIII.	Н. А. Лейкину*.	»	»	»	31 . . .	40
XXIX.	А. С. Суворину.	»	»	апрѣль	1 . . .	42
XXX.	Ему же.	»	»	»	11 . . .	44
XXXI.	Ему же.	»	»	»	15 . . .	48
XXXII.	Ему же.	»	»	»	18 . . .	50
XXXIII.	М. П. Чеховой *. Пар. Ал. Н.	»	»	»	23 . . .	51

[1]) * обозначены письма, которыя уже были напечатаны.

XXXIV.	С. П. Кувшинниковой.	Ниж. Новг. 1890 г.	апрѣль	23 . . .	54
XXXV.	М. П. Чеховой*.	Съ парох. »	»	24 . . .	—
XXXVI.	Ей же*.	» »	»	29 . . .	56
XXXVII.	К. Г. Фотп.	Тюмень »	май	3 . . .	61
XXXVIII.	Е. Я. Чеховой.	Ишимъ »	»	4 . . .	62
XXXIX.	М. В. Киселевой.	Бер.Ирт. »	»	7 . . .	—
XL.	А. С. Киселеву.	По дор. въ Томскъ »	»	. . .	65
XLI.	М. П. Чеховой*.	Село Яръ. »	»	14 . . .	66
XLII.	Ей же*.	Томскъ »	»	20 . . .	83
XLIII.	А. С. Суворину.	» »	»	20 . . .	85
XLIV.	М. П. Чеховой*.	Маріинскъ »	»	25 . . .	90
XLV.	Ей же.	Ачинскъ »	»	28 . . .	—
XLVI.	А. С. Суворину.	Краснояр. »	»	28 . . .	91
XLVII.	М. П. Чеховой*.	» »	»	28 . . .	—
XLVIII.	Ал. П. Чехову.	Иркутскъ »	іюнь	5 . . .	94
XLIX.	А. Н. Плещееву*.	» »	»	5 . . .	96
L.	Н. А. Лейкину*.	» »	»	5 . . .	98
LI.	И. Л. Щеглову*.	» »	»	5 . . .	100
LII.	М. П. Чеховой*.	» »	»	6 . . .	101
LIII.	Чеховой (Е. Я.) (Тел.)	» »	»	7 . . .	104
LIV.	М. П. Чеховой.	» »	»	7 . . .	—
LV.	Ей же*.	Ст. Лиственичн. »	»	13 . . .	109
LVI.	Ф. О. Шехтелю*.	» »	»	13 . . .	114
LVII.	Е. Я. Чеховой*.	Парох. «Ермакъ» »	»	20 . . .	—
LVIII.	Н. А. Лейкину*.	Горбица »	»	20 . . .	119
LIX.	А. Н. Плещееву*.	Парох. «Ермакъ» »	»	20 . . .	120
LX.	А. С. Суворину	» »	»	21 . . .	121
LXI.	М. В. Киселевой	» »	»	21 . . .	—
LXII.	М. П. Чеховой.	Станица Покровская »	»	21 . . .	122
LXIII.	Ей же*.	» »	»	23 . . .	123
LXIV.	А. С. Суворину.	Благовѣщ. »	»	27 . . .	127
LXV.	Чехову. (М П.). (тел.)	Радде »	»	29 . . .	129
LXVI.	М. П. Чеховой*.	Парох. «Муравьевъ» »	»	29 . . .	130
LXVII.	Ей же*.	Николаевскъ »	іюль	3 . . .	132
LXVIII.	В. А. Гиляровскому*.	»	»	7 . . .	—

LXIX.	Чеховой (Е. Я) (телеграм.)	Сахалинъ	1890 г.	іюль	11	. . . 134
LXX.	Линтваревой (Н. М.) (телеграм.).	»	»	»	16	. . . —
LXXI.	Чеховой (М. П.)	»	»	»	17	. . . —
LXXII.	Чеховой (М. П.)	»	»	августъ	14	. . . 135
LXXIII.	Чеховой (Е. Я)	»	»	сентябрь	7	. . . —
LXXIV.	А. С. Суворину.	Парох. «Байкалъ»	»	»	11	. . . 137
LXXV.	Е. Я. Чеховой.	Ю. Сахал.	»	октябрь	6	. . . 139
LXXVI.	Чеховой (Е. Я.). (тел.)	»	»	»	12	. . . 143
LXXVII.	Чехову (М. П.). (телегр.)	Владив.	»	»	16	. . . 144
LXXVIII.	А. С. Суворину.	Москва	»	декабрь	9	. . . —
LXXIX.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	10	. . . 148
LXXX.	А. С. Суворину.	»	»	»	17	. . . 149
LXXXI.	Ѳ. А. Куманину	»	»	»		. . . 151
LXXXII.	А. С. Суворину.	»	»	»	23	. . . 152
LXXXIII.	Ему же.	»	»	»	24	. . . —
LXXXIV.	В. А. Тихонову.	»	»	»	25	. . . 155
LXXXV.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	26	. . . —
LXXXVI.	Н. А. Лейкину*.	»	»	»	27	. . . 157
LXXXVII.	Ал. П. Чехову.	»	»	»	27	. . . 158
LXXXVIII.	Г. М. Чехову.	»	»	»	29	. . . 159
LXXXIX.	А. С. Суворину.	»	1891	январь	5	. . . 161
XC.	Ѳ. А. Куманину.	СПБ.	»	»	8	. . . 162
XCI.	М. П. Чеховой	»	»	»	14	. . . 164
XCII.	Ей же.	»	»	»		. . . 165
XCIII.	Ей же.	»	»	»		. . . 166
XCIV.	Ей же.	»	»	»	16	. . . 168
XCV.	Е. М. Ш.	»	»	»	18	. . . 170
XCVI.	М. П. Чеховой	»	»	»	18	. . . 171
XCVII.	Е. М. Ш.	»	»	»		. . . 172
XCVIII.	А. Ѳ. Кони*.	»	»	»	26	. . . 173
XCIX.	И. П. Чехову	»	»	»	27	. . . 176
C.	И. А. Бунину.	Москва.	»	»	30	. . . 177
CI.	А. С. Суворину.	»	»	»	31	. . . 178
CII.	Ему же.	»	»	февраль	5	. . . 180
CIII.	А. М. Кондратьеву	»	»	»	22	. . . 182
CIV.	А. С. Суворину.	»	»	»	23	. . . —
CV.	А. П. Ленскому*.	»	»	»	27	. . . 184

CVI.	А. С. Суворину.	Москва.	1891 г.,	март	5	. . . 185
CVII.	Е. М. Ш.	»	»	»	6	. . . 186
CVIII.	Ей же.	»	»	»	8	. . . 188
CIX.	М. В. Киселевой.	»	»	»	11	. . . 189
CX.	М. Г. Чехову.	СПБ.	»	»	13	. . . 191
CXI.	Е. М. Ш.	»	»	»	16	. . . 193
CXII.	М. П. Чеховой	»	»	»	16	. . . 194
CXIII.	Ей же.	»	»	»	16	. . . 195
CXIV.	Ей же. По дорогѣ въ Вѣну	»	»	»	19	. . . 196
CXV.	Ей же. Вѣна	»	»	»	20	. . . —
CXVI.	И. П. Чехову.	Венеція	»	»	24	. . . 199
CXVII.	М. В. Киселевой.	»	»	»	25	. . . 200
CXVIII.	М. П. Чеховой.	»	»	»	25	. . . 201
CXIX.	М. Г. Чехову.	»	»	»	25	. . . 203
CXX.	М. П. Чеховой.	»	»	»	26	. . . 205
CXXI.	Ей же.	Болонья.	»	»	28	. . . 206
CXXII.	Ей же.	Флоренція	»	»	29	. . . —
CXXIII.	Ей же.	»	»	»	30	. . . —
CXXIV.	И. Л. Щеглову.*	»	»	»	30	. . . 207
CXXV.	М. Г. Чехову.	Римъ	»	апрѣль	1	. . . —
CXXVI.	М. В. Киселевой	»	»	»	1	. . . 208
CXXVII.	М. П. Чеховой.	»	»	»	1	. . . 209
CXXVIII.	И. П. Чехову.	»	»	»	3	. . . 210
CXXIX.	М. П. Чеховой.	Неаполь	»	»	4	. . . 211
CXXX.	Ей же.*	»	»	»	7	. . . 212
CXXXI.	Н. М. Линтваревой.	Римъ	»	»	11	. . . 214
CXXXII.	М. П. Чеховой.	Finalmar.	»	»	12	. . . 215
CXXXIII.	М. П. Чехову.	Ницца	»	»		. . . 216
CXXXIV.	М. П. Чеховой.	»	»	»	13	. . . 218
CXXXV.	Ей же.	Monte-Carlo	»	»	13	. . . 219
CXXXVI.	Ей же.	Ницца	»	»	17	. . . 220
CXXXVII.	Ей же.	Парижъ	»	»	19	. . . 221
CXXXVIII.	М. Г. Чехову.	»	»	»	21	. . . —
CXXXIX.	М. П. Чеховой.	»	»	»	21	. . . 222
CXL.	Ей же.	»	»	»	24	. . . 223
CXLI.	И. П. Чехову.	»	»	»	28	. . . 224
CXLII.	В. Г. Черткову.	Москва	»	май	2	. . . 225
CXLIII.	И. П. Чехову.	Алексинъ	»	»	4	. . . 226
CXLIV.	А. С. Суворину	»	»	»	7	. . . 227
CXLV.	А. А. Долженко	»	»	»	8	. . . 228

CXLVI.	А. С. Суворину	Алексинъ	1891 г.	май	10	. . . 229
CXLVII.	Ему же.	»	»	»	13	. . . 230
CXLVIII.	А. А. Долженко.	»	»	»	14	. . . 232
CXLIX.	И. П. Чехову	»	»	»	15	. . . 233
CL.	Л. С. Мизиновой.	Богимово	»	»	17	. . . 234
CLI.	А. С. Суворину.	»	»	»	18	. . . 235
CLII.	Ему же.	»	»	»	20	. . . 237
CLIII.	Ему же.	»	»	»	27	. . . 238
CLIV.	Ему же.	»	»	»	27	. . . 240
CLV.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	»	28	. . . 241
CLVI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	іюнь	4	. . . 243
CLVII.	Л. С. Мизиновой.	»	»	»	12	. . . 244
CLVIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	16	. . . 246
CLIX.	Л. С. Мизиновой.	»	»	»	20	. . . 247
CLX.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	»	20	. . . 249
CLXI.	Л. С. Мизиновой.	Богим.	»	»		. . . 250
CLXII.	Ей же.	»	»	»		. . . 251
CLXIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	25	. . . —
CLXIV.	Н. М. Линтваревой.	»	»	іюль	5	. . . 252
CLXV.	М. П. Чеховой	»	»	»		. . . 253
CLXVI.	В. А. Тихонову.	»	»	»	12	. . . 254
CLXVII.	Ал. П. Чехову.	Алекс.	»	»		. . . 255
CLXVIII.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	13	. . . 257
CLXIX.	И. И. Горбунову.	Алекс.	»	»	18	. . . 258
CLXX.	М. В. Киселевой.	»	»	»	20	. . . 259
CLXXI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	24	. . . 261
CLXXII.	А. А. Долженко.	Алекс.	»	»	29	. . . 262
CLXXIII.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	29	. . . 263
CLXXIV.	Рецензія.	»	»	»		. . . 264
CLXXV.	И. И. Горбунову.	Москва	»	августъ	4	. . . 266
CLXXVI.	А. С. Суворину.	Богимово	»	»	6	. . . 267
CLXXVII.	Ему же.	»	»	»	18	. . . 269
CLXXVIII.	Ему же.	»	»	»	18	. . . 270
CLXXIX.	Ему же.	Алексинъ	»	»	28	. . . 273
CLXXX.	Ему же.	Богимово	»	»	30	. . . 275
CLXXXI.	Е. М. Ш.	Алексинъ	»	сентябрь	2	. . . 278
CLXXXII.	А. С. Суворину.	Москва	»	»	8	. . . 279
CLXXXIII.	В. А. Тихонову	»	»	»	14	. . . 280
CLXXXIV.	Е. М. Ш.	»	»	»	16	. . . 281
CLXXXV.	Е. П. Егорову*.	»	»	октябрь	5	. . . 283
CLXXXVI.	В. М. Соболевскому.	»	»	»	7	. . . 284

CLXXXVII.	А. С. Суворину.	Москва	1891 г.	октябрь	10	. . . 285
CLXXXVIII.	В. А. Тихонову.	»	»	»	11	. . . 286
CLXXXIX.	Н. А. Лейкину.	»	»	»	12	. . . 287
CXC.	А. С. Суворину.	»	»	»	13	. . . 289
CXCI.	Ему же.	»	»	»	16	. . . 291
CXCII.	Ему же.	»	»	»	19	. . . 293
CXCIII.	Ал. П. Чехову.	»	»	»	24	. . . 295
CXCIV.	Н. М. Линтваревой.	»	»	»	25	. . . 296
CXCV.	А. С. Суворину.	»	»	»	25	. . . 298
CXCVI.	Ему же.	»	»	»	30	. . . 299
CXCVII.	Кн. А. И. Урусову.*	»	»	ноябрь	9	. . . 300
CXCVIII.	А. С. Суворину.	»	»	»	15	. . . 301
CXCIX.	Ему же.	»	»	»	18	. . . —
CC.	Е. М. Ш.	»	»	»	19	. . . 304
CCI.	В. А. Тихонову.	»	»	»	21	. . . 305
CCII.	А. С. Суворину.	»	»	»	22	. . . 306
CCIII.	Ему же.	»	»	»	26	. . . 307
CCIV.	Ему же.	»	»	»	27	. . . 308
CCV.	В. А. Тихонову.	»	»	»	30	. . . 310
CCVI.	А. С. Суворину.	»	»	»	30	. . . 311
CCVII.	Н. А. Лейкину.	»	»	декабрь	2	. . . 313
CCVIII.	Л. Я. Гуревичъ.*	»	»	«	2	. . . 315
CCIX.	А. С. Суворину.	»	»	»	3	. . . 316
CCX.	А. С. Киселеву.	»	»	»	3	. . . 318
CCXI.	А. С. Суворину.	»	»	»	4	. . . 320
CCXII.	В. А. Тихонову.	»	»	»	8	. . . —
CCXIII.	Е. П. Егорову.*	»	»	»	11	. . . 321
CCXIV.	А. С. Суворину.	»	»	»	11	. . . 326
CCXV.	Ему же.	»	»	»	13	. . . 328
CCXVI.	В. А. Тихонову.	»	»	»	14	. . . 330
CCXVII.	Е. П. Егорову*.	»	»	»	14	. . . —
CCXVIII.	Н. М. Линтваревой	»	»	»	14	. . . 331
CCXIX.	Ф. О. Шехтелю.*	»	»	»	14	. . . 333
CCXX.	А. С. Суворину.	»	»	»	15	. . . 335
CCXXI.	И. Л. Щеглову*.	»	»	»	15	. . . 336
CCXXII.	А. С. Суворину.	»	»	»	17	. . . 337
CCXXIII.	Е. П. Егорову*.	»	»	»	20	. . . 338
CCXXIV.	А. Н. Плещееву.	»	»	»	25	. . . 339
CCXXV.	Е. П. Егорову*.	»	»	»	26	. . . 341
CCXXVI.	И. П. Чехову.	СПБ.	»	»	31	. . . —

«Въ Москвѣ» 343

Указатель писемъ по адресатамъ.

1. Бунину, И. А.—177.
2. Гиляровскому, В. А.—132.
3. Горбунову, И. И.—258, 266.
4. Гуревичъ, Л. Я.—315.
5. Долженко, А. А.—228, 232, 262.
6. Егорову, Е. П.—283, 321, 330, 338, 341.
7. Киселевой, М. В.—1, 2, 62, 121, 189, 200, 208, 259.
8. Киселеву, А. С.—65, 318.
9. Кондратьеву, А. М.—182.
10. Кони, А. Ѳ.—173.
11. Кувшинниковой, С. П.—54.
12. Куманину, Ѳ. А.—24, 151, 162.
13. Ленскому, А. П.—26, 184.
14. Лейкину. Н. А.—40, 98, 119, 157, 287, 313.
15. Линтваревой, Н. М.—18, 134, 214, 252, 296, 331.
16. Мизиновой, Л. С.—5, 234, 244, 247, 250, 251.
17. Оболонскому, Н. Н.—17, 19.
18. Плещееву, А. Н.—4, 5, 27, 37, 96, 120, 339.
19. Соболевскому, В. М.—284.
20. Суворину, А. С.—7, 9, 11, 14, 16, 19, 24, 29, 34, 38, 42, 44, 48, 50, 85. 91, 121, 127, 137, 144, 149, 152, 152, 161, 178, 180 182, 185, 227, 229, 230, 235, 237, 238, 240, 243, 246, 251. 257, 261, 263, 267, 269, 270, 273, 275, 279, 285, 289, 291, 293, 298, 299, 301, 301, 306, 307, 308, 311, 316, 320, 326. 328, 335, 337.
21. Тихонову, В. А.—15, 155, 254, 280, 286, 305, 310, 320, 330.
22. Кн. Урусову, А. И.—300.
23. Фоти, К. Г.—61.
24. Черткову. В. Г.—225.
25. Чехову, Ал. П.—13, 94. 158, 255, 295.
26. Чехову, Г. М.—159.
27. Чеховой, Е. Я.—62, 104, 114, 134, 135, 139, 143.
28. Чехову, И. П.—176, 199, 210, 224, 226, 233, 341.
29. Чехову, М. Г.—191, 203, 207, 221.

30. Чеховой, М. П.—51, 54, 56, 66, 83, 90, 90, 91, 101, 104, 109, 122, 123, 130, 132, 134, 135, 164, 165, 166, 168, 171, 194, 195, 196, 196, 201, 205, 206, 206, 206, 209, 211, 212, 215, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 253.

31. Чехову, М. П.—1, 129, 144, 216.

32. Ш., Е. М.—170, 172, 186, 188, 193, 241, 249, 278, 281, 304.

33. Шехтелю, Ф. О.—114, 333.

34. Щеглову, И. Л.—25, 31, 100, 148, 155, 207, 336.

35. Рецензія—264.

36. «Въ Москвѣ»—343.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Біографическій очеркъ	III—XII
Письма (1890—1891)	1—342
Въ Москвѣ	343
Хронологическій указатель	353
Указатель писемъ по адресатамъ	359

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“

Москва, Никитскій бульваръ, д. № 6, кв. 8. **Телефонъ 4. 28-06.**

Ив. Бунинъ. Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Перевалъ. Разсказы 1892—1902 гг., изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Шмелевъ. Разсказы Т. III (Человѣкъ изъ ресторана. Патока.) Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Новиковъ. Разсказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 коп.

М. Горькій. „Сказки“. Ц. 85 коп.

Н. Телешовъ. Разсказы. Т. 1. Ц. 1 р.
Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
Разсказы. Т. III. (готовится къ печати).

С. Сергѣевъ-Ценскій Сочиненія:

Т. 1. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 2. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 3. Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
Т. 4. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 5. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 6. (Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др.). Ц. 1 р. 25 к.

Письма А. П. Чехова. Т. III (1890—1891 гг.), съ иллюстраціями Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Сборникъ критическихъ статей и замѣтокъ. Ц. 1 р. 25 к.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при „Книгоиздательствѣ Писателей въ Москвѣ“

Москва, Никитскій бульваръ, д. № 6, кв. 8. **Телефонъ 4. 28-06.**

НА СКЛАДѢ НАХОДЯТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

В. Вересаевъ. Т. I. Разсказы, изд. 6-ое. Ц. 1 р.
— Т. II. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р.
— Т. III. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р.
— Т. IV. Записки врача, изд. 5-ое. Ц. 1 р.
— По поводу записокъ врача (отвѣтъ моимъ критикамъ). Ц. 35 к.
— Т. V. Разсказы. Ц. 1 р.
— На войнѣ. Записки, изд. 2-ое. Ц. 1. 25 к.
— Живая Жизнь, ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. Ц. 1 р. 25 к.
Живая Жизнь, ч. II. Аполлонъ и Діонисъ (подготовляется къ печати).

Письма А. П. Чехова. Т. I съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 25 к.

Тоже Т. II. Ц. 1 50 к.

Ив. Шмелевъ. Разсказы Т. II Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Г. Яблочковъ. Разсказы Т. I. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
Б. Верхоустинскій. Разсказы Т. I. Спб., 1912 г. Ц, 1 р. 25 к.
Литерат.-художеств. Сборникъ „Издат. Т-ва писателей“ Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. Я. Елпатьевскій. Собраніе сочиненій.
Т. I. Разсказы. Ц. 1 р. —
Т. II. Разсказы (печатается).
Т. III. Разсказы о прошломъ (печатается).
Т. IV. За границей. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. Египетъ, изд. 2-е со многими иллюстр. Ц. 1 р.
Его же. Близкія тѣни (воспоминаніе о Н. К. Михаиловскомъ, Н. Гаринѣ, А. Чеховѣ и Г. Успенскомъ), съ рисунками и портретами. Ц. 75 к.

Chekhov, Anton Pavlovich

University of Toronto Robarts
****

05 Jan 96

NAME:
GALINA STANISLAVOVN RYLKOVA

BOOK:
Pis'ma A.P. Chekhova.
DUE:
01/19/1996